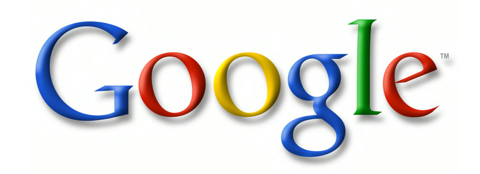

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

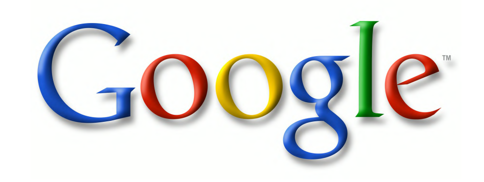
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, ирииадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

L. Russ. B 64 d. 3
U.S.S.R.
510
L 998

Bound by
Brooks (Oxford) Ltd

232

РУССКІЕ

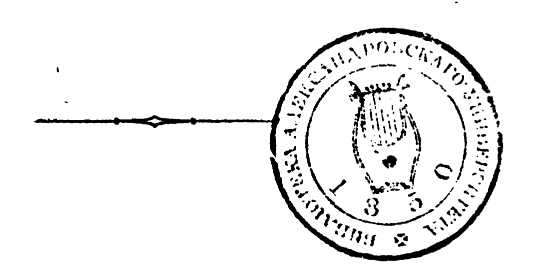
УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

ТОМЪ III.

(КАЗУИСТИКА ДУШЕВНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ).

ИЗДАНІЕ

А. ЛЮБАВСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ «ТОВАРИЩЕСТВА ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА», ПО МОЙКѢ, № 5.
1867.

24 JAN 1952
LIBRARY

ВВЕДЕНІЕ.

Уголовная практика всѣхъ странъ представляетъ то явленіе, что иногда преступленія совершаются лицами, находящимися въ ненормальномъ (болѣзненномъ) состояніи психической дѣятельности, лишенными возможности здраво обсудить связь причинъ и ихъ послѣдствій и дѣйствующими въ данную минуту: или безсознательно или же сознательно, но подъ вліяніемъ сильнаго побужденія, (иногда совершенно нелогичнаго или истекающаго изъ ложной идеи), которому ихъ ослабѣвшія умственныя способности не могутъ противостоять съ надлежащею силою.

Подвергать этихъ лицъ наказанію наравнѣ съ прочими преступниками, очевидно, было бы безчеловѣчною жестокостью; потому то въ новѣйшее время всѣ уголовныя законодательства признаютъ въ силу ученія о «вмѣняемости» и «вмѣненіи», что учиненное преступленіе вмѣняется (поставляется въ вину) лицу, его совершившему, въ томъ лишь случаѣ, когда оно истекаетъ изъ свободы его воли и разумнаго пониманія; если-же доказано, что преступленіе совершено въ безсознательномъ или ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей (въ припадкѣ душевной болѣзни), то преступникъ подвергается не наказанію, а

врачеванію въ больницѣ или въ домѣ умалишенныхъ, или-же отдается на призрѣніе его семейнымъ и родственникамъ.

Уже изъ сказаннаго очевидно, какую важность представляетъ разрѣшеніе вопроса о степени душевнаго разстройства подсудимаго при совершеніи преступленія, и какую огромную отвѣтственность принимаютъ на себя лица, постановляющія объ этомъ приговоръ, такъ-какъ они могутъ вслучаѣ судебной ошибки: или доставить безнаказанность ловкому злодѣю, который съумѣлъ скрыть причины, побудившія его къ преступленію, и притвориться умственностраждущимъ, или-же подвергнуть наказанію несчастнаго страдальца, который нуждается въ излеченіи и призрѣніи.—Вопросъ о нормальности или ненормальности умственныхъ способностей подсудимаго съ полною основательностью можетъ быть разрѣшенъ судомъ только по соблюденіи слѣдующихъ условій: а) изученія личности подсудимаго и его прошедшей жизни, врачебнаго надъ нимъ наблюденія въ теченіи извѣстнаго срока и освидѣтельствованія его умственныхъ способностей, и б) участія во всѣхъ упомянутыхъ дѣйствіяхъ лицъ, спеціально посвятившихъ себя изученію какъ душевныхъ болѣзней, такъ и дѣйствія болѣзней вообще на человѣческій организмъ; посему въ *суды* при опредѣленіи вопроса о вмѣняемости должны быть призываемы, въ качествѣ экспертовъ, психіатры и врачи*).

*) Въ нашемъ отечествѣ судебные уставы 1864 г. постановили: 1) что вопросъ о вмѣняемости или невмѣняемости подсудимому совершеннаго имъ преступленія, (по всѣмъ дѣламъ, разрѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей), подлежитъ разсмотрѣнію не суда, а *присяжныхъ засѣдателей* (ст. 754 и 763 уст. угол. судопр.); 2) что если при предварительномъ слѣдствіи окажется, что обвиняемый не имѣетъ здраваго разсудка или страждетъ умственнымъ разстройствомъ, то *освидѣтельствованіе* его производится въ присутствіи окружнаго суда чрезъ инспектора или члена врачебной управы и двухъ врачей по назначенію сей же управы, а въ столицахъ приглашаются для сего штадтъ-физикъ и два врача, назна-

Такъ-какъ *присяжные* произносятъ свой приговоръ на основаніи внутренняго убѣжденія не стѣсняясь юридическими формулами, то съ предоставленіемъ имъ судебными уставами 1864 г. разрѣшать вопросъ о вмѣняемости и вмѣненіи (ст. 754 и 763 уст. угол. суд.), постановленія улож. о наказаніяхъ,—съ точностью установляющія различные роды и виды разстройства и пріостановленія психической дѣятельности, какъ-то: безуміе, сумасшествіе, слабоуміе, припадки болѣзни приводящіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство и пр. (ст. 92 п. 3, 95, 96, 97, 98, 106 и 134 п. 4),—потеряли значительную долю практической важности; но тѣмъ бо́льшее значеніе пріобрѣли заключенія экспертовъ (врачей и психіатровъ), даваемыя ими устно въ присутствіи присяжныхъ во время судебнаго слѣдствія.—Поэтому несомнѣнно, что предсѣдатели судовъ и прокуроры должны обладать основательными свѣдѣніями въ психіатріи, чтобы контролировать по дѣламъ сего рода показанія свидѣтелей и заключенія экспертовъ, (что̀ въ особенности важно при перекрестномъ допросѣ), и соглашать требованія науки о душевныхъ болѣзняхъ съ постановленіями законодательства*).

Будучи убѣждены, что даже для лицъ, обладающихъ глубокими теоретическими и практическими свѣдѣніями въ

ченные физикатомъ или медицинскою конторою (ст. 355 того же устава); 3) что признаніе подсудимаго безумнымъ или сумасшедшимъ имѣетъ послѣдствіемъ прекращеніе судебнаго преслѣдованія его, съ разрѣшенія окружнаго суда или судебной палаты по принадлежности (тамъ-же ст. 356 и 523).

*) Гризингеръ (соч. его «о душевныхъ болѣзняхъ» въ перев. г. Овсянникова) замѣчаетъ, что врачъ въ своемъ заключеніи *не* долженъ разрѣшать вопроса о вмѣняемости, какъ чисто юридическаго, а долженъ опредѣлить вопросъ: есть-ли въ данномъ случаѣ болѣзненное состояніе, которое могло бы нарушать или нарушало духовную жизнь вообще, и въ особенности уничтожало-бы и болѣе и менѣе ограничивало бы или могло-бы ограничивать свободу дѣйствія подсудимаго,

психіатріи, — судебная казуистика есть постоянный учитель, такъ-какъ она служитъ приміненіемъ и для закона и для научныхъ формулъ, а слідовательно представляетъ интересъ и для юристовъ и для врачей, что только незначительное количество преступленій, совершенныхъ подъ вліяніемъ душевныхъ болізней, извістно читающей публикі, наконецъ что по чрезвычайной рідкости подобныхъ случаевъ пройдетъ по крайней мірі несколько літъ прежде, чімъ судебная практика новыхъ судебныхъ містъ представитъ ихъ въ большомъ количестві, — мы приняли на себя чисто-механическій трудъ: собиранія подобнаго рода ділъ, производившихся въ *прежнее время*, изложивъ подробно въ каждомъ процессі порядокъ врачебнаго наблюденія надъ подсудимыми и ихъ освидітельствованія и представивъ по каждому ділу заключеніе *медицинскаго совіта* (состоящаго при министерстві внутреннихъ ділъ), какъ установленія, наиболіе компетентнаго по вопросамъ о душевныхъ болізняхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРОЦЕССОВЪ.

Стр.

Стр.

Стр.

РУССКІЕ УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

Убійство крестьяниномъ Яковомъ Львовымъ знахарки Прасковьи Филиповой.

(Галлюцинація.)

12-го іюня 1866 г. священникъ васильевской церкви (грязовецкаго уѣзда вологодской губерніи), Малиновскій, донесъ мѣстному полицейскому управленію, что 10 іюня подрядчикъ столяръ, *крестьянинъ* Яковъ Львовъ, работавшій въ церкви рамы, убилъ проживавшую въ сосѣдней деревнѣ Фадейковѣ мѣщанку Прасковью Филипову.

При донесеніи своемъ объ упомянутомъ происшествіи, Малиновскій представилъ написанное самимъ Львовымъ показаніе слѣдующаго содержанія: «сдѣлалося я въ разслабленіи и пошелъ въ деревню Фадейку къ старушкѣ Прасковьѣ Филиповнѣ для здоровья, и она меня обнадежила дать здоровья, и потомъ съ ней пошли къ зятю ея Ивану Фадѣеву; онъ поставилъ самоваръ и до выпивки чаю выпилъ одинъ маленькій стаканчикъ какой-то настойки, а потомъ чай, у Ивана же, и собрали въ печкѣ попарить и потомъ вытерли муравьинымъ спиртомъ, уклали на голбчикъ спать; къ прежде разслабленному здоровью стало мнѣ необычайно видѣться и представляться нехорошая сила, на вторую ночь и болѣе, и на третью ночь страшнѣе, и потомъ въ ея келью пошли и говоритъ она мнѣ: ты возьми съ верстака молотокъ, да и пойдемъ къ попу, тутъ оберется семиглавый бѣсъ, ты ударишь

его по головѣ, убьешь его всю силу, и стала предо мной вертѣться, и я ударилъ ее по головѣ, ну теперь не оживетъ.

Трупъ Филиповой найденъ былъ въ семидесяти пяти саженяхъ отъ церкви, въ сторонѣ отъ дороги изъ деревни Фадѣйковой въ семи саженяхъ, въ межевой бороздѣ глубиною ¼ аршина; кругомъ росла высокая рожь; въ 35 саженяхъ отъ этого мѣста находился кирпичный сарай. По судебно-врачебному осмотру, на головѣ трупа Филиповой, имѣвшей около 60 лѣтъ, оказалось нѣсколько обширныхъ ранъ, проникавшихъ до костей черепа.

На допросѣ 14 іюня *Яковъ Львовъ* (42 лѣтъ) показалъ, что онъ хвораетъ уже года два головокруженіемъ и иногда, хотя не очень часто, задумывается и не узнаетъ предметовъ и не помнитъ, что дѣлаетъ. Послѣднюю недѣлю онъ проживалъ при приходѣ св. Василія Великаго и дѣлалъ для церкви рамы, квартировалъ въ церковной сторожкѣ, а потомъ у знакомой Прасковьи Филиповой, проживавшей въ деревнѣ Фадѣйковой. Пришелъ онъ къ ней потому, что чувствовалъ себя больнымъ головною болью; прожилъ онъ у ней три дня, потомъ отправился съ нею въ приходъ, имѣя съ собою молотокъ; дорогою она показалась ему змѣею, и онъ ударилъ ее молоткомъ три раза; она упала на поле, онъ же отправился въ приходъ, никому о томъ не говорилъ, а думалъ, что онъ дѣйствительно убилъ змѣю; только на третій день, когда у него объ ней спросилъ ея племянникъ Иванъ Фадѣевъ, онъ припомнилъ, что принялъ ее за змѣю, и указалъ мѣсто, гдѣ она оказалась убитою. Въ продолженіе трехъ дней послѣ убійства ему было скучно, онъ ничего не могъ работать, а убилъ ее въ болѣзненномъ состояніи, во время припадковъ котораго онъ не понимаетъ, что дѣлаетъ, а послѣ припомнить можетъ. Къ убійству его никто не подговаривалъ, и онъ сожалѣетъ о смерти Филиповой и проситъ помилованія.

Племянникъ Прасковьи Филиповой, *Иванъ Фадѣевъ*, отозвался, что въ послѣдніе два дня передъ убійствомъ Львовъ жаловался на болѣзнь; Филипова терла его муравьинымъ спиртомъ и съ 9-го на 10-е число іюня топила ему баню, такъ какъ онъ жаловался на нездоровье; Львовъ парился въ банѣ. Въ пятницу утромъ Львовъ всталъ повидимому здоровый и онъ, Фадѣевъ, въ то утро его видѣлъ, а тетка сказывала ему, что Львовъ разсказывалъ ей

о томъ, что ему представляются змѣи, и что *она посовѣтовала ему въ такомъ разѣ ударить змѣю въ голову чѣмъ нибудь три раза*, и что Львовъ тогда же спросилъ: «*а молоткомъ можно*»? и когда услышалъ отъ нея, что можно, то тотчасъ сходилъ въ приходъ и принесъ молотокъ. Въ пятницу утромъ около одиннадцатаго часа утра Львовъ, вернувшись изъ прихода, сказалъ Филиповой, что ее зовутъ въ приходъ къ священнику. Выходя изъ дома, Филипова денегъ при себѣ не имѣла и найдена въ томъ самомъ платьѣ, въ которомъ вышла. Въ воскресенье у заутрени показатель спросилъ священника о теткѣ и когда узналъ, что она у него вовсе не была, то сталъ отыскивать Львова. Узнавъ, что Львовъ переночевалъ у священника двѣ ночи и ушелъ въ деревню Орловку, онъ пошелъ туда, гдѣ и встрѣтилъ Львова на улицѣ; на спросъ о теткѣ Львовъ сначала отвѣтилъ, что она у попа, потомъ, что она здѣсь, поэтому онъ, Фадѣевъ, спрашивалъ у всѣхъ въ Орловкѣ, и когда убѣдился, что ея нѣтъ, то вновь сталъ говорить Львову, что вѣдь она въ пятницу вышла съ нимъ въ приходъ, что онъ видѣлъ какъ они пошли вдвоемъ, словомъ, когда напомнилъ ему обо всемъ, то Львовъ тотчасъ сказалъ, «такъ вѣрно я ее убилъ молоткомъ, принявъ ее за змѣю,» и потомъ разсказалъ, что когда они подходили уже близко къ приходу, то ему будто бы представилась она вьющеюся змѣею, и онъ ударилъ ее по головѣ три или четыре раза, и она упала на полъ между бороздъ. Засимъ они пошли къ тому полю, гдѣ нужно было проходить теткѣ; Львовъ, повидимому, силился припомнить гдѣ она лежитъ, но не могъ, а когда показатель съ народомъ хотѣлъ идти на другое поле и къ рѣкѣ, то Львовъ сказалъ: «нѣтъ, тамъ не ищите напрасно; она гдѣ нибудь около этого мѣста». Признаковъ умопомѣшательства у Львова онъ не примѣчалъ, кромѣ того, что тотъ неоднократно тосковалъ, что дешево взялъ со священника за рамы и тосковалъ также по семейству, которое оставлено въ Кадниковѣ; жаловался на болѣзнь, но на какую именно онъ, Фадѣевъ, не знаетъ. Филипова со Львовымъ никакой ссоры не имѣла.

Свояченица—Якова Львова, *Афанасія Дмитріева*, показала, что Львовъ на родинѣ имѣлъ припадки умопомѣшательства и нерѣдко страдалъ головною болью. Однажды онъ вообразилъ, что его собираются убить родные братья, тогда какъ братья не имѣ-

ли никакого помысла объ этомъ; онъ требовалъ даже, чтобы караулили мнимыхъ разбойниковъ; въ другой разъ небольшія свои деньги онъ запряталъ въ землю, и послѣ разсказывалъ, что сдѣлалъ это потому, что боится братьевъ, которые собираются его убить.

Жена священника Малиновскаго показала, что Львовъ доводится ей въ свойствѣ. Съ 10-го на 11-е, и съ 11-го на 12-е іюня онъ ночевалъ въ ихъ домѣ, но въ убійствѣ не признавался, ничего особеннаго въ немъ она не замѣчала, а видѣла его довольно скучнымъ, о причинахъ же сего не спрашивала потому, что не имѣла повода; да притомъ же она знаетъ, что онъ и всегда задумчивъ, къ тому же у него вымокъ засѣянный хлѣбъ, такъ что онъ долженъ былъ вторично засѣять свои поля; недавно сгорѣлъ только что отстроенный домъ, причемъ онъ потерялъ все свое маленькое состояніе и долженъ былъ идти въ заработки, бросить семью свою и четырехъ малолѣтнихъ дѣтей и хозяйство; все это его очень тревожило и онъ, вспоминая о домѣ, нерѣдко плакалъ. Она слыхала, что на родинѣ были случаи, когда онъ по временамъ заговаривался; въ разговорахъ онъ упоминалъ, что Филипова женщина добрая, что лечила его мазью, водила въ баню, и ни о какихъ ссорахъ съ нею или о злобѣ на нее не упоминалъ; случая, чтобы онъ убилъ змѣю какую нибудь, не разсказывалъ.

На повальномъ обыскѣ окольные крестьяне отозвались, что во все время, когда Львовъ работалъ въ церкви, они никакихъ болѣзненныхъ припадковъ у него не замѣчали; работу свою онъ исполнялъ хорошо, ни съ кѣмъ не ссорился, водки пилъ мало и ничего никому непріятнаго и преступнаго не сдѣлалъ. Въ разговорѣ, когда доводилось говорить съ нимъ, чтобы онъ былъ въ неполномъ умѣ замѣтно не было; словомъ, они не могутъ опредѣлить положительно, былъ ли онъ въ полномъ умѣ во время совершенія преступленія, но полагаютъ, что преступленіе сдѣлано имъ не въ памяти, безъ умысла.

Грязовскій уѣздный врачъ *Крыловъ*, на предложенные ему судебнымъ слѣдователемъ вопросы о состояніи умственныхъ способностей Львова, въ составленномъ имъ актѣ судебно-врачебнаго осмотра трупа мѣщанки Филиповой, между прочимъ написалъ, что въ минуту совершенія какого либо преступленія, умъ

подъ вліяніемъ страсти помрачается и человѣкъ, совершающій оное, можетъ забыть на нѣкоторое время все происходившее около него, онъ тогда только занятъ предметомъ своей страсти; когда все снова приходитъ въ порядокъ, наступаетъ мертвая тишина, человѣкъ начинаетъ припоминать все раньше происходившее; что же касается до Львова, то онъ и не имѣлъ нужды разсказывать о томъ, что убилъ Филипову, такъ какъ признавалъ, что убита имъ змѣя, а не человѣкъ; когда же его стали спрашивать о Филиповой, то онъ пришелъ въ чувство и сообразилъ, что представившееся ему змѣею и убитое была Филипова. Медицина свидѣтельствуетъ, что разстройство ума иногда проявляется внезапно; различнаго рода преступленія совершаются безъ всякой явной на то причины. Здравый смыслъ долженъ допустить существованіе мгновеннаго умопомѣшательства: очень часто человѣкъ повидимому совершенно здоровый умираетъ мгновенно; иногда мы испытываемъ нестерпимыя боли мгновенно, которыя быстро за этимъ проходятъ, отъ чего же не допустить такихъ же мгновенныхъ разстройствъ въ сферѣ духовной жизни человѣка? Вь настоящемъ случаѣ можно даже признать, что разстройство ума Якова Львова не мгновенно проявившееся; онъ былъ постоянно задумчивъ, опасался, чтобы не убили его братья его, жаловался Прасковьѣ Филиповой, что его преслѣдуютъ видѣнія, слѣдовательно и раньше совершенія преступленія умственныя его способности были разстроены. Далѣе необходимо признать, что Яковъ Львовъ въ минуту убійства былъ умопомѣшаннымъ, такъ какъ нѣтъ никакой явной причины, которая могла бы побудить его совершить преступленіе, и злодѣй не рѣшился бы совершить оное на открытомъ со всѣхъ сторонъ мѣстѣ, можно сказать почти въ виду людей; человѣкъ съ здравымъ умомъ скорѣе бы совершилъ оное въ ея домѣ, лѣсу или какомъ либо другомъ мѣстѣ, удаленномъ отъ взора людей, и не сознался бы въ томъ, что имъ убитъ человѣкъ, какъ поступилъ Яковъ Львовъ. Однако для точнѣйшей оцѣнки состоянія умственныхъ его способностей необходимо точное испытаніе Львова.—Вологодское врачебное отдѣленіе отозвалось, что судебно-медицинское свидѣтельство, выданное врачемъ Крыловымъ, составлено правильно.

При передопросѣ 16-го іюня *Львовъ* пояснилъ, что предъ тѣмъ, какъ убилъ Филипову, онъ разговаривалъ съ нею и все это пом-

нитъ, но вдругъ она предъ нимъ завертѣлась, показалась змѣею, и онъ убилъ ее. Въ настоящее время онъ чувствуетъ тяжесть въ головѣ и во всемъ тѣлѣ, постоянно какой то страхъ, причины котораго не понимаетъ, ночью страдаетъ бессонницею и безпричиннымъ страхомъ, если и уснетъ, то пробуждается часто и неожиданно отъ разныхъ призраковъ.

При слѣдствіи, произведенномъ на родинѣ Львова, жена его *Олимпіада* показала, что мужъ ея былъ подверженъ припадкамъ въ родѣ родимаго; припадки эти обнаруживались тѣмъ, что онъ дѣлался туманнымъ, приходилъ въ разслабленіе и казался въ это время какъ бы не въ полномъ умѣ, но не дрался и ничего особеннаго не дѣлалъ, а жаловался только на тошноту и по большей части въ такое время высылалъ ее съ дѣтьми вонъ для того, чтобы не шумѣли. Когда же съ нимъ проходилъ припадокъ, то онъ работалъ и говорилъ хорошо, какъ и всѣ другіе. Припадки эти продолжались по нѣскольку часовъ. Мужъ ея человѣкъ смирный и никому обиды не дѣлалъ, любилъ только по временамъ выпивать. Года два тому назадъ въ одинъ изъ припадковъ мужъ ея вздумалъ, что его хотятъ убить братья и взять имѣніе его, объ этомъ онъ говорилъ сосѣдямъ, на самомъ же дѣлѣ между нимъ и братьями никогда никакой ссоры не бывало и жили они между собой всегда дружно. Когда прошелъ съ мужемъ припадокъ, то онъ самъ говорилъ, что не знаетъ, съ чего вздумалъ это на братьевъ. Согласно съ женою Львова показали два брата его.

Изъ спрошенныхъ слѣдователемъ однодеревенскихъ съ Львовымъ крестьянъ: 8-мъ отозвались, что Львовъ поведенія былъ всегда хорошаго, только любилъ выпивать; никакихъ признаковъ умопомѣшательства они съ нимъ не замѣчали,—и 4-е, что Львовъ послѣ пьянства бывалъ какъ будто не въ полномъ разумѣ.—19 іюня 1866 г. Львовъ былъ освидѣтельствованъ въ особомъ присутствіи вологодскаго губернскаго правленія чрезъ членовъ врачебнаго отдѣленія. На предложенные при освидѣтельствованіи вопросы онъ отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ твое имя, отчество и фамилія, изъ какого званія происходишь? *Отв.* Яковъ Львовъ, изъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства. *Вопр.* Гдѣ имѣешь постоянное жительство и по какому случаю имѣлъ временное пребываніе въ грязовецкомъ уѣздѣ у вольноотпущенной крестьянки Филиповой? *Отв.* Кадниковскаго уѣзда, деревни Починки-Березова, я работалъ на границѣ костром-

ской губерніи при церкви, жилъ въ сторожкѣ, а будучи боленъ ходилъ къ крестьянкѣ Филиповой, ночевалъ у ней три ночи и лечился у ней; она парила, натирала меня спиртомъ и давала по рюмкѣ водки. *Вопр.* Въ какомъ состояніи здоровья ты пришелъ къ ней и чѣмъ былъ боленъ, просилъ ли ты ее самъ, или она предложила свои лекарства для излеченія твоей болѣзни, и какія это лекарства? *Отв.* Я былъ боленъ головокруженіемъ и находился въ какой то забывчивости, — она сама предложила помочь мнѣ, видя что я нездоровъ, поила еще какимъ то чаемъ и совала въ уши вату. До болѣзни я пилъ довольно водки, и мнѣ представлялись какія то вздорныя вещи. *Вопр.* Что ты почувствовалъ послѣ того, какъ принялъ лекарства, предложенныя Филиповой? *Отв.* Мнѣ какъ будто сдѣлалось хуже. *В.* Когда ты намѣренъ былъ отправиться отъ нея на родину домой, то что взялъ съ собою и съ какою цѣлію? — *Отв.* Я хотѣлъ окончить работу къ 8 іюля, ничего не бралъ и все тамъ оставилъ. *В.* Самъ ли ты вызвалъ Филипову проводить тебя, или она сама изъявила желаніе провожать? — *Отв.* Она предложила проводить меня, такъ какъ я дороги самъ не зналъ. *В.* Какимъ путемъ шли вы, что разговаривали между собою и гдѣ наконецъ остановились; по желанію твоему, или уже Филипова желала оставить тебя? — *Отв.* Мы пошли верхнею дорогою, ржанымъ полемъ, довела она меня до половины дороги къ священнику, ничего дорогою не говорили и остановились въ полѣ, она все еще дальше хотѣла проводить меня. *В.* Что потомъ происходило между тобою и Филиповою, почему ты ударилъ ее находившимся при тебѣ молоткомъ, ранѣе взятымъ, сколько разъ и по какимъ мѣстамъ, и что затѣмъ случилось съ Филиповой? — *Отв.* Она мнѣ сказала «молви, молви еще словечко». Она завертѣлась предо мною семиглавою змѣею, о чемъ она предупредила меня, что представится въ такомъ видѣ, и сказала «ударь эту змѣю молоткомъ, тогда она не чунетъ;» я ударилъ ее въ голову молоткомъ, взятымъ мною нарочно по ея совѣту; я ударилъ ее по головѣ три раза и убилъ ее. *В.* Не было ли у тебя прежде сего ссоры или неудовольствія на Филипову, не отказывала ли она тебѣ въ какомъ нибудь домогательствѣ твоемъ, было ли у нея какое нибудь имѣніе и не имѣла ли она денегъ? — *Отв.* Ссоры между нами не было; никакихъ домогательствъ къ ней съ моей стороны не было; не видалъ и

не знаю, есть ли у нее какое нибудь имѣніе или деньги. *В.* Здоровъ ли ты въ настоящее время и что тебя болѣе безпокоитъ, есть ли сожалѣніе о Филиповой? — *Отв.* Въ головѣ немного шумитъ, а болѣе ничего не знаю. *В.* Есть ли у тебя жена и дѣти и какъ ихъ зовутъ?—*Отв.* Женатъ на дочери дьячка Олимпіадѣ уже 13 лѣтъ, имѣю 4 дѣтей два мальчика и двѣ дѣвочки, старшій мальчикъ 10 лѣтъ, меньшой нѣтъ года.—По освидѣтельствованію оказалось, что Львовъ около 40 лѣтъ, тѣлосложенія отъ природы посредственнаго, въ физическомъ отношеніи хорошо развитъ, съ правильно сформированнымъ черепомъ, онъ росту небольшаго съ блѣднымъ лицомъ, кахектическаго вида, что по заключенію свидѣтельствовавшихъ отчасти можно отнести къ послѣдствіямъ тюремнаго заключенія. Взглядъ у него неспокойный, выраженіе лица какъ бы озабоченное, онъ отвѣчаетъ скоро, какъ будто зная впередъ, о чемъ его будутъ спрашивать. Отвѣты его вполнѣ сознательны, отчетливы, не противорѣчащи одинъ другому. Причину нахожденія его въ тюремномъ замкѣ, причину всего постигшаго его несчастія, онъ относитъ къ обманамъ чувствъ (галлюцинаціямъ), подъ вліяніемъ которыхъ онъ совершилъ преступленіе.

Члены врачебнаго отдѣленія заключили, что Львовъ какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи совершенно здоровъ; но находился ли онъ когда либо, а именно: въ день происшествія, подъ вліяніемъ галлюцинацій, были ли таковыя не что иное, какъ симптомъ бывшаго у него физическаго страданія или искусственно произведены принятыми имъ лекарственными веществами?—для рѣшенія этихъ вопросовъ, кромѣ безмолвія могилы убитой имъ жертвы, никакихъ судебно-врачебныхъ данныхъ въ дѣлѣ, производившемся по этому убійству, не открыто. Принимая однако въ соображеніе все, что узнано про состояніе его здоровья до происшествія, и вскорѣ послѣ онаго, его наружный видъ, разсказъ о страшномъ видѣніи, подавшемъ поводъ къ его невольному, какъ онъ увѣряетъ, преступленію, члены врачебнаго отдѣленія пришли къ убѣжденію, что Львовъ, вѣроятнѣе всего, не что иное какъ хитрый преступникъ, старающійся оправдать свой поступокъ и смягчить судьбу, его ожидающую. Убѣжденіе это члены врачебнаго отдѣленія основываютъ на слѣдующихъ соображеніяхъ: внутреннія видѣнія, сопровождающіяся

обманами чувствъ, часто подающія поводъ къ бѣшеному изступленію, ежели по выздоровленіи больныхъ и не забываются вовсе, то оставляютъ лишь блѣдное воспоминаніе, отъ котораго несчастные такіе съ ужасомъ отворачиваются. Разсказывая въ послѣдствіи времени о причинахъ бѣшенаго изступленія, при которомъ совершено было преступленіе, они скорѣе всего скажутъ, что не помнятъ, что съ ними было, что ужъ вѣрно Господу Богу такъ угодно было и т. под. На распросы, что они чувствовали до этого времени, они какъ бы не хотя объясняютъ, что у нихъ болѣла голова, что они слышали какой то внутренній голосъ, видали какія то видѣнія. Но во всякомъ случаѣ видно усиліе, которое они дѣлаютъ надъ собою, чтобы вызвать передъ своимъ воображеніемъ тогдашнія, почти забытыя ощущенія. Яковъ Львовъ какъ за щитомъ прячется за этимъ призракомъ, который онъ выставляетъ какъ единственнаго виновника всего случившагося; онъ съ любовію разрисовываетъ свое видѣніе, описываетъ змѣю для большаго эфекта, непремѣнно извивавшеюся и еще семиглавою, для которой такъ кстати взятъ былъ желѣзный молотъ. И все это при каждомъ его распросѣ помнится ему такъ ясно и отчетливо.—Съ вышеизложеннымъ заключеніемъ членовъ врачебнаго отдѣленія согласилось особое присутствіе губернскаго правленія.

Вологодская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашла, что грязовецкій уѣздный врачъ признаетъ вѣроятнымъ совершеніе Львовымъ преступленія въ припадкѣ преходящаго умопомѣшательства. Имѣющіяся въ дѣлѣ показанія, по коимъ можно судить о степени умысла и образѣ дѣйствій подсудимаго при совершеніи преступленія, не противорѣчатъ заключенію врача, именно: показаніе Львова, что онъ не зналъ, что убилъ Филипову, а полагалъ, что змѣю, и что тогда былъ въ безпамятствѣ; показаніе родственниковъ его и нѣкоторыхъ сосѣдей, что онъ замѣчаемъ былъ въ помѣшательствѣ разсудка; показаніе стороннихъ лицъ, что онъ въ послѣднее время сильно тосковалъ и жаловался на головную боль, и показаніе обыскныхъ людей, полагающихъ, что убійство сдѣлано Львовымъ не въ памяти и безъ умысла. Хотя вологодское врачебное отдѣленіе предполагаетъ вѣроятнымъ совершеніе сего преступленія не въ припадкѣ, и что Львовъ есть хитрый преступникъ, но это предположеніе,

палата не могла признать за несомнѣнный фактъ, ибо никто изъ спрошенныхъ по дѣлу лицъ не утверждаетъ того, чтобы Львовымъ преступленіе это учинено умышленно, и нѣтъ поводовъ, которые бы могли понудить подсудимаго къ убійству Филиповой. Если Львовъ по совершеніи убійства, не разсказалъ тотчасъ же о совершеніи онаго, то онъ признавалъ, что убита имъ змѣя, а не человѣкъ, и если на спросъ о Филиповой ея племянникомъ, объявилъ не вдругъ объ убійствѣ, то объ этомъ врачъ утверждаетъ, что онъ тогда не пришелъ еще въ полное сознаніе; это доказывается и тѣмъ, что при первомъ спросѣ о мѣстѣ совершенія преступленія, онъ могъ указать на оное только приблизительно. По симъ соображеніямъ, не находя достаточнаго основанія признавать Львова виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ Филипповой, палата опредѣлила: не вмѣняя подсудимому Львову въ вину означеннаго преступленія, помѣстить его въ домъ умалишенныхъ, поступивъ въ срокѣ содержанія и въ освобожденіе изъ онаго по точному смыслу IV прилож. къ ст. 95 улож. о наказаніяхъ.

Исправляющій должность совѣстнаго судьи, товарищъ предсѣдателя вологодской палаты уголовнаго суда, остался при томъ мнѣніи, что Львовъ, хотя и показалъ, что совершилъ преступленіе въ припадкѣ умопомѣшательства и подъ вліяніемъ преслѣдовавшихъ его различныхъ видѣній, но какъ по слѣдствію не обнаружено, чтобы онъ подверженъ былъ припадкамъ умопомѣшательства, за исключеніемъ показаній однихъ только близкихъ родственниковъ, которыя не заслуживаютъ вѣроятія въ виду показаній всѣхъ прочихъ лицъ, не замѣчавшихъ въ Львовѣ помѣшательства разсудка, и по освидѣтельствованіи его особымъ присутствіемъ съ членами врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія не найдено, чтобы онъ страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей, то должно полагать, что Львовъ посягнулъ на жизнь Филиповой безъ обдуманнаго умысла, вслѣдствіе раздраженія отъ его болѣзни и грустнаго настроенія отъ дурныхъ домашнихъ дѣлъ, которыя, какъ изъ слѣдствія видно, заставили его покинуть семейство, бросить хозяйство и отправиться на чужую сторону добывать хлѣбъ. Что Львовъ совершилъ преступленіе съ сознаніемъ, хотя и вслѣдствіе раздраженія отъ болѣзни и безвыходнаго положенія его дѣлъ, доказывается тѣмъ,

что, убивъ Филипову на дорогѣ, онъ отнесъ ее въ сторону на полѣ, въ разстояніи семи саженей отъ дороги и положилъ въ межевую борозду, между полосами, глубиною въ четверть аршина, гдѣ она и была найдена при осмотрѣ. Затѣмъ по совершеніи преступленія, ночевалъ у священника двѣ ночи и никому о случившемся не заявилъ, и признаковъ умопомѣшательства, по показаніямъ окружавшихъ его въ то время лицъ, не обнаруживалъ. Наконецъ, при встрѣчѣ съ племянникомъ убитой, Иваномъ Фадѣевымъ, на вопросъ его о теткѣ, сначала отвѣтилъ, что она у попа, потомъ что она въ деревнѣ Орловкѣ; но когда Фадѣевъ убѣдившись, что ея въ Орловкѣ нѣтъ, сталъ говорить Львову, что онъ вѣдь видѣлъ какъ они пошли вдвоемъ въ приходъ, тогда уже Львовъ оказалъ, что вѣрно онъ убилъ Филипову молоткомъ, принявъ ее за змѣю.

Медицинскій совѣтъ нашелъ: «1) что до совершенія преступленія Львовъ былъ дѣйствительно боленъ, и подверженъ галлюцинаціямъ, что подтверждается не только показаніями самого Львова и близкихъ его родственниковъ, но и показаніями Ивана Фадѣева, племянника убитой Львовымъ Прасковьи Филиповой; 2) что незадолго до совершенія преступленія Львовъ подвергался вліянію такихъ причинъ, которыя всего чаще вызываютъ приливы крови къ головѣ и могутъ дать поводъ къ развитію временнаго помѣшательства, какъ то: сильныя нравственныя потрясенія, спиртные напитки, употребленіе бани; 3) что при повальномъ обыскѣ Львовъ въ поведеніи всѣми одобренъ и положительно доказано, что разумныхъ поводовъ къ совершенію преступленія у него не было; 4) что изъ дѣла вовсе не видно, чтобы Львовъ помнилъ съ точностію обстоятельства, при которыхъ совершалъ преступленіе, чтобы онъ самъ отнесъ трупъ убитой имъ Прасковьи Филиповой за нѣсколько сажень отъ дороги; 5) что объясненіе состоянія и намѣреній Львова, предлагаемое членами врачебнаго отдѣленія и общаго присутствія вологодскаго губернскаго правленія, равно какъ и объясненіе физическаго состоянія его здоровья продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ,—совершенно произвольны и бездоказательны; и 6) что всѣ показанія Львова правдоподобны и совершенно согласны съ показаніями другихъ, призванныхъ по дѣлу свидѣтелей.—Посему медицинскій совѣтъ полагалъ, что по всему вѣ-

роятію, во время совершенія преступленія Львовъ находился въ состояніи кратковременнаго остраго помѣшательства.»

По поводу этого дѣла мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести мнѣніе казанскаго ординарнаго профессора судебной медицины *Блосфельда* въ отношеніи галлюцинацій и вообще невѣрныхъ представленій: «нормальная и болѣзненная психическая дѣятельность можетъ быть разъяснена весьма различнымъ образомъ, смотря по основному началу, которое принимается исходною точкою психическихъ способностей, и тѣмъ не менѣе вести къ однимъ и тѣмъ же результатамъ. Мнѣніе мое состоитъ въ слѣдующемъ: а) первый актъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и фактъ, психической дѣятельности есть представленіе, обнаруживающееся сознаніемъ. Изъ этой элементарной способности истекаютъ всѣ прочія психическія способности: соображеніе, понятіе, сужденіе и заключеніе. Представленія порождаются переходомъ впечатлѣнія на сензитивные (чувственные) нервы какого либо органа въ органъ сознанія,—мозгъ. Правильный токъ (приливъ и отливъ) представленій составляетъ психическое здоровье; усиленный токъ (бѣгъ) представленій производитъ экзальтированное состояніе, воспященный и угнетенный токъ — депрессивное состояніе, разслабленіе, тупость представленій. Смѣшеніе пониженнаго и возвышеннаго тока представленій бываетъ слѣдствіемъ частнаго раздраженія мозга, сердца, крови, нервовъ, половыхъ органовъ, печени и проч. Смотря по указаннымъ условіямъ, по минутному расположенію, темпераменту тождественныя представленія временно или постоянно у различныхъ людей обнаруживаются въ разнообразнѣйшихъ оттѣнкахъ, доходящихъ до заблужденія (страсти). б) Заблужденіе помѣшанныхъ основывается на неправильномъ распознаваніи и ложномъ сужденіи о представленіяхъ, при невозможности исправлять ложность логическими средствами. Заблужденіе психически здоровыхъ людей *тотчасъ исправляется* противоположными (контролирующими) представленіями. Если послѣднее (нормальное) условіе временно задерживается, или вовсе прекращается, то это влечетъ за собою заблужденіе (помѣшательство) и убѣжденіе въ истинѣ заблужденія. Въ такомъ состояніи человѣкъ находится въ сновидѣніяхъ, въ лунатизмѣ, въ высокой степени опьяненія, въ галлюцинаціяхъ и иллюзіяхъ.

Недостатокъ контролирующихъ (въ этомъ случаѣ разумныхъ нравственныхъ) представленій, отличаетъ животное отъ человѣка: въ кругу своеобразныхъ и свойственныхъ каждой породѣ представленій, вращается сонливая жизнь безбожнаго, безгрѣшнаго и невмѣняемаго животнаго, собственно неспособнаго къ помѣшательству. Если заблужденіе у человѣка дѣлается постояннымъ, то это мономанія, обнаруживающаяся обыкновенно при цѣлости другихъ психическихъ способностей. Заблужденіе почти всегда находится въ связи съ внѣшними чувствами, и въ такомъ случаѣ называется или галлюцинаціей (ложное представленіе о существующемъ предметѣ) или иллюзіей, когда предметъ, представленіе и сужденіе чисто воображаемы, идеальны. Въ томъ и другомъ случаѣ внутреннее пониманіе безумнаго мышленія, представляется помѣшанному, какъ внѣшнее чужое.»

Утопленіе Александромъ Косинскимъ крестьянина Василія Наконечнаго.

(Періодическое помѣшательство отъ падучей болѣзни).

Ночью съ 6 на 7 августа 1864 г. крестьяне мѣстечка Корытницы (владимірскаго уѣзда волынской губерніи) Федоръ Утюкъ и Василій Наконечный отправились въ садъ мѣстнаго ксендза красть яблоки. Во время срыванія яблоковъ, Наконечный упалъ съ дерева на землю, а какъ при этомъ послышался крикъ «ага, вотъ я поймалъ тебя», то Утюкъ, сидѣвшій также на деревѣ, убѣжалъ домой. На другой послѣ этого день, 7-го августа, около полудня Наконечный найденъ мертвымъ въ протекающей чрезъ мѣстечко Корытницу рѣчкѣ.—Въ ночь на 7 же августа на колокольнѣ корытнинскаго костела былъ услышанъ звонъ; когда вслѣдствіе сего на колокольню пришелъ мѣстный органистъ, то нашелъ, что звонилъ крестьянинъ деревни Солтысовъ Александръ Косинскій, на которомъ вся одежда была мокрая. Косинскій былъ задержанъ и на другое утро отправленъ къ матери, на спросъ которой сказалъ, что вечеромъ 6 августа онъ отправился въ мѣстечко Корытницы къ ксендзу, но придя въ

Корытницы, ксендза не засталъ дома, а потому, взойдя въ ограду костела, сидѣлъ тамъ въ ожиданіи пріѣзда ксендза; въ это время вошли туда же два дьявола и стали мучить и принуждать его къ принятію еврейской вѣры; но онъ, Косинскій, не покоряясь этому принужденію и преодолѣвъ одного нечистаго духа, завлекъ его въ рѣчку и утопилъ.

Владиміро-волынскій уѣздный врачъ по освидѣтельствованіи трупа Василія Наконечнаго, заключилъ, что смерть его послѣдовала отъ асфиксіи, вслѣдствіе утопленія и что судя по знакамъ обороны на тѣлѣ покойнаго, заключающихся: въ подтекахъ сгустившейся черной крови въ клѣтчаткѣ сзади на шеѣ и на мѣстѣ оттиска человѣческой пятки съ лѣвой стороны на поясницѣ, смерть Наконечнаго была насильственная.

При слѣдствіи *Александръ Косинскій* (22 лѣтъ) показалъ, что съ самыхъ малыхъ лѣтъ онъ страдаетъ падучею болѣзнію: иной разъ случалось, что семь разъ въ день находили пароксизмы той болѣзни; не знаетъ какого именно дня и мѣсяца лѣтомъ 1864 г., когда его начало тошнить, онъ въ сумерки послѣ ужина пошелъ къ костелу помолиться Богу, чтобы Богъ далъ ему выздоровѣть; прибывъ въ мѣстечко Корытницу, онъ пошелъ къ находящейся въ саду ксендза фигурѣ Св. Іоанна и здѣсь, стоя на колѣняхъ, молился Богу; вдругъ на находящейся отъ него кажется не болѣе какъ въ 6 или 7-ми шагахъ яблони услышалъ онъ, что кто то срывалъ яблоки ксендза; зная, что на него могутъ взвести подозрѣніе, онъ говорилъ этому человѣку, вовсе ему незнакомому, чтобъ тотъ удалился, и припоминаетъ, что сказалъ ему: «я еще тебя задушу»; послѣ его не знаетъ какимъ именно образомъ, самъ ли этотъ человѣкъ слезъ съ дерева или же его стянулъ онъ, Косинскій, но помнитъ, что оба они шли къ рѣчкѣ; Наконечный впереди, а онъ, Косинскій, за нимъ; здѣсь оба они начали бороться, припоминаетъ, что Наконечный ужасно душилъ его, Косинскаго, за шею такъ, что она у него еще болитъ, и зубами укусилъ ему на правой рукѣ два пальца, такъ что съ одного сорвалъ ноготь; послѣ этого знаетъ только, что въ святой водѣ этой рѣчки онъ, Косинскій, топталъ его ногами и тамъ оставилъ, а самъ тотчасъ ночью пришелъ къ костелу и началъ звонить въ колокола; когда вышедшій изъ своего дома органистъ спросилъ: зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, то онъ, Косин-

скій, ему сказалъ не помнитъ что то такое; продержавъ его до слѣдующаго дня, органистъ отвезъ его въ деревню Солтысы къ матери; припоминаетъ также, что въ эту ночь кромѣ одного этого человѣка онъ никого рѣшительно не видѣлъ; когда они шли къ святой водѣ, то не помнитъ, кричалъ ли кто либо изъ нихъ или нѣтъ; съ этимъ утонувшимъ человѣкомъ онъ никогда знакомъ не былъ и не помнитъ, видѣлъ ли его когда либо до того случая гдѣ нибудь или нѣтъ, но помнитъ, что они боролись въ этой святой водѣ съ полчаса и Богъ такъ ему далъ, что онъ его тамъ оставилъ; послѣ этого онъ прямо ушелъ назадъ и началъ звонить; никто его къ утопленію этого человѣка не подговаривалъ; прибывъ послѣ этого случая домой, разсказывалъ ли онъ что либо матери или же кому другому, не помнитъ; въ саду ксендза они вовсе не дрались, не боролись и не кричали, преступленій онъ никогда никакихъ не дѣлалъ, ибо понимаетъ, что Богъ того дѣлать не позволяетъ.

Вотчимъ подсудимаго, Иванъ *Кунца*, показалъ, что Александръ, по словамъ матери его, съ малыхъ лѣтъ страдаетъ падучею болѣзнію, которая постоянно увеличиваясь довела его почти до безумія; въ свободное время отъ этой болѣзни онъ иногда помогалъ пасти скотъ и рубить дрова; Александръ очень кроткаго и спокойнаго характера; никогда не было замѣчено, чтобы онъ кому либо сдѣлалъ малѣйшую непріятность, а потому они не считали нужнымъ слѣдить за нимъ, тѣмъ болѣе, что онъ чрезвычайно послушенъ и смиренъ, когда болѣзнь пройдетъ; въ послѣднее время у него начали обнаруживаться признаки сумасшествія; помнитъ, что на духовъ день 1864 г. Александръ одѣвшись отправился въ мѣстечко Корытницу въ костелъ, между тѣмъ на дорогѣ въ лѣсу все съ себя сбросилъ и совершенно голый прибѣжалъ къ проживающему въ Корытницѣ брату его, Кунца, который одѣвъ его, пустилъ въ костелъ; въ день Спаса 1864 г. Александръ поужинавши пошелъ спать въ клуню; между тѣмъ оказалось, что онъ убѣжалъ въ Корытницу и тамъ совершилъ преступленіе, о которомъ они узнали лишь тогда, когда мать Александра при становомъ приставѣ спрашивала его, и онъ разсказывалъ, какъ утопилъ своего непріятеля; прежде же этого они ничего о семъ происшествіи не знали, ибо Александръ

только несвязно болталъ, истинно какъ сумасшедшій, такъ что никто не имѣлъ желанія даже спрашивать его.

Шесть крестьянъ деревни Солтысовъ показали, что Александръ Косинскій съ дѣтства одержимъ падучею болѣзнію, которая привела его въ умственное изступленіе; онъ отъ природы кроткаго и спокойнаго характера, въ обращеніи со всѣми людьми весьма вѣжливъ; они не слышали, чтобы онъ до настоящаго случая совершилъ какое либо преступленіе, знаютъ что въ 1864 г. припадки этой болѣзни не были такъ ужасны своими послѣдствіями; на духовъ день 1864 г. (28 мая), когда болѣзнь его перемучила, онъ сбросилъ гдѣ то въ лѣсу всю одежду и голый прибѣжалъ въ Корытницу, гдѣ братъ его вотчима одѣлъ его и тогда онъ пошелъ въ костелъ; Косинскій былъ чрезвычайно набожный, они слышали, что онъ иногда цѣлую ночь молился, стоя на колѣняхъ.

Кромѣ сего слѣдствіемъ раскрыто, что Косинскій не только не имѣлъ никакой вражды съ Наконечнымъ, но даже не былъ съ нимъ знакомъ и вѣроятно не зналъ его, такъ какъ деревня Солтысы отстоитъ отъ мѣстечка Корытницъ въ 10-ти верстахъ. Относительно смерти Наконечнаго крестьяне мѣстечка Корытницъ высказали то предположеніе, что онъ, испугавшись крику Косинскаго, вѣроятно побѣжалъ по тропинкѣ, идущей изъ саду надъ довольно крутымъ берегомъ рѣчки и за нимъ погнался Косинскій; здѣсь Наконечный могъ упасть и въ это время Косинскій одолѣлъ его, ибо въ обыкновенное время Косинскій не поборолъ бы его.

17-го мая 1865 г. Косинскій былъ *освидѣтельствованъ* въ общемъ присутствіи волынскаго губернскаго правленія. Въ составленномъ о семъ актѣ изложено, что Косинскій росту средняго, тѣлосложенія посредственнаго, 22-хъ лѣтъ; на затылкѣ, въ ладонь величиною кожа у него утолстѣла, красна и бугровата, такъ, что онъ съ трудомъ поворачиваетъ шею. Устройство черепа и прочихъ частей тѣла ничего особеннаго не представляетъ, наружность его тоже обыкновенная. На предложенные вопросы Косинскій далъ слѣдующіе отвѣты: *Вопр.* Какъ тебя зовутъ? *Отв.* Александръ Косинскій. *Вопр.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *Отв.* 23-й годъ. *Вопр.* Имѣешь ли ты родителей? *Отв.* Мать родная есть; а родной отецъ лѣтъ 8 будетъ какъ померъ. Имѣю

троихъ братьевъ: два родные а третій по второму отцу. *Вопр* Чѣмъ ты дома занимался? *Отв.* Хозяйствомъ. *Вопр.* Какъ это случилось, что ты утопилъ человѣка? *Отв.* Я зашелъ до своего учителя (мѣстнаго священника), котораго не засталъ дома, и увидѣлъ, что какой-то неизвѣстный человѣкъ находится въ священническомъ саду и рветъ яблоки; я сталъ воспрещать ему это дѣлать, но онъ потащилъ меня къ неподалеку находившейся рѣкѣ и сталъ топить. Но случилось такъ, что не смотря на то, что тотъ человѣкъ былъ гораздо крѣпче и больше меня, борясь со мной, меня не переодолѣлъ и самъ кончилъ жизнь въ водѣ. *Вопр.* Чему тебя священникъ училъ? *Отв.* Онъ меня ничему не училъ, только значитъ, слушать проповѣдь и богослуженіе. *Вопр.* Ты прежде говорилъ, что ты не людей, а чертей видѣлъ въ саду, которые хотѣли тебя обратить въ еврейскую вѣру? *Отв.* Нѣтъ я этого не видалъ и ничего подобнаго не говорилъ, развѣ кто-нибудь это нарочно выдумалъ,—а говорю правду, что видѣлъ въ саду только одного человѣка. Меня только спрашивали не видалъ ли другаго человѣка, потому что есть тамъ еще такой другой, который занимается худыми дѣлами. *Вопр.* Здоровъ ли ты? *Отв.* Нѣтъ, иногда такъ бываетъ, что я не знаю что дѣлаю, такъ меня зануживаетъ (при этихъ словахъ съ подсудимымъ сдѣлалось дурно).—Засимъ въ актѣ сказано, что изъ письменныхъ отвѣтовъ Косинскаго и словеснаго съ нимъ разговора, нельзя было замѣтить, чтобы умственные его способности были разстроены; только на короткое время, онъ какъ будто забылся,—сказавъ, что ему дурно, сѣлъ на полъ, приклонивъ голову къ стѣнкѣ, потомъ всталъ, оглянулся вокругъ, подошелъ къ окну и повидимому безсознательно сталъ смотрѣть на улицу.—Врачъ, завѣдывающій житомірскою тюремною больницею, куда Косинскій предварительно былъ помѣщенъ на двухмѣсячное врачебное испытаніе, 5 мая 1865 г. донесъ, что Косинскій страдаетъ падучею болѣзнію, припадки которой, сначала поступленія, были болѣе часты, жестоки и продолжительны, послѣ чего онъ дня 3—4 находился въ какомъ-то дикомъ, восторженномъ состояніи духа. Со времени же уменьшенія опухоли на шеѣ и къ концу испытанія припадки падучей болѣзни стали являться рѣже, продолжались меньше времени, или даже ограничивались однимъ головокруженіемъ и минутною забывчивостію.—Изъ

слѣдственнаго дѣла больничнаго наблюденія видно, что Косинскій страдаетъ съ давняго времени несомнѣнно падучею болѣзнею и преходящимъ умственнымъ разстройствомъ. Члены врачебнаго отдѣленія, сообразивъ всѣ сіи обстоятельства, заключили, что хотя припадки падучей болѣзни у крестьянина Александра Косинскаго уменьшились въ настоящее время до незначительной степени, а съ ними вмѣстѣ и отклоненіе отъ нормы умственныхъ его способностей, тѣмъ не менѣе ничто не ручается, чтобы болѣзнь не приняла опять прежнихъ своихъ размѣровъ, а съ нею вмѣстѣ и душевное разстройство. Въ наукѣ же положительно доказано, что люди одержимые застарѣлою падучею болѣзнею страдаютъ и душевнымъ разстройствомъ. На основаніи сего общее присутствіе признало Косинскаго несомнѣнно страдающимъ падучею болѣзнею съ разстройствомъ по временамъ умственныхъ способностей.

Волынская палата уголовнаго суда, сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что Косинскій и сознался въ утопленіи крестьянина Наконечнаго, но какъ по дѣлу достаточно обнаружено, что онъ съ малолѣтства страдаетъ падучею болѣзнею, отъ которой получаетъ по временамъ умопомѣшательство, что признано при освидѣтельствованіи его въ присутствіи волынскаго губернскаго управленія, то палата опредѣлила: не вмѣняя Косинскому въ вину учиненное имъ преступленіе, заключить его въ домъ умалишенныхъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, и признавая, что вообще падучая болѣзнь часто осложняется временнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей,—медицинскій совѣтъ нашелъ, что существованіе такого осложненія у крестьянина Александра Косинскаго подтверждается тѣмъ во 1-хъ, что падучая болѣзнь развита была у него до весьма сильной степени; во 2-хъ, что ненормальное состояніе умственныхъ способностей замѣчено было у Косинскаго родственниками его и посторонними лицами; въ 3-хъ, что самое преступленіе совершено имъ безъ всякаго повода и видимо подъ вліяніемъ ложныхъ представленій, и въ 4-хъ, что по отзыву врача житомірской тюремной больницы, у Косинскаго, при испытаніи въ этой больницѣ, оказались частые и продолжительные припадки падучей болѣзни, послѣ которыхъ онъ

дня 3—4 находился въ какомъ то дикомъ и восторженномъ состояніи духа.

О убіеніи Козьмою Тарасовымъ старухи Банниковой (60 л.) за отказъ во блудодѣяніи.

(Слабоуміе).

Тарасовъ поступилъ въ горно-заводскую службу въ 1843 г. на 16 году жизни и служилъ въ ридеровскомъ рудникѣ до 1858 г. а потомъ въ рудникахъ зміиногорскомъ и николаевскомъ до 1861 г. и въ этомъ году уволенъ отъ службы. Изъ повальнаго обыска, произведеннаго въ ридеровскомъ рудникѣ по отзыву 12 мастеровыхъ, спрошенныхъ подъ присягою и знавшихъ Тарасова во время его службы, видно, что онъ былъ поведенія не весьма одобрительнаго и часто былъ замѣчаемъ въ пьянствѣ и разныхъ маловажныхъ воровствахъ и проступкахъ, къ тому же былъ разсудка слабаго. Изъ таковаго же повальнаго обыска, учиненнаго въ зміиногорскомъ рудникѣ, обнаружено, что Тарасовъ поведенія хорошагó, а только замѣчалось за нимъ нѣсколько разъ полуумство.

Въ послѣднее время передъ совершеніемъ преступленія онъ нанялся въ селѣ Щипуновскомъ къ крестьянину Николаю Банникову караульщикомъ на пасѣкѣ, отстоящей около 15 верстъ отъ этого села, гдѣ онъ прожилъ около полутора мѣсяца. Изъ показаній данныхъ Тарасовымъ при старшинѣ села Шипуновскаго 24 мая на другой день послѣ совершенія имъ преступленія видно: «что съ 21 по 23 мая 1863 г. была съ нимъ на пасѣкѣ мать его хозяина Наталья Банникова съ которою онъ двѣ ночи ночевалъ въ избушкѣ этой пасѣки; 23 по утру онъ началъ ее склонять къ совершенію съ нимъ прелюбодѣянія, но она будучи уже старыхъ лѣтъ (за 60) не согласилась и вырвавшись изъ рукъ его кинулась отъ избушки въ сторону; онъ же будучи въ азартѣ и озлобленъ, взялъ топоръ (гдѣ таковой былъ: подъ рукою у него или по дальше изъ дѣла не видно), которымъ и нанесъ ей по спинѣ обухомъ ударъ, во второй разъ по головѣ, отъ чего она прійдя въ безпамятство кидалась отъ него прочь къ рѣчкѣ Черепанихѣ; въ то время онъ ей наносилъ всугонь топоромъ удары

и въ послѣдній разъ ударилъ ее по шеѣ остріемъ топора и тѣмъ кончилъ жизнь ея; когда же увидѣлъ ее мертвою, тотчасъ отправился въ село Шипуновское къ сыновьямъ ея Николаю и Ивану, которымъ объ убійствѣ ничего не объявлялъ. На дальнѣйшихъ допросахъ, произведенныхъ 30 мая участковымъ засѣдателемъ, Тарасовъ показалъ тоже самое, прибавивъ, что никакихъ другихъ побудительныхъ причинъ къ совершенію этого преступленія не было и что ранѣе покуситься на это преступленіе намѣренія никогда не имѣлъ, что въ убійствѣ участниковъ не было и никто этого не видѣлъ; собственностью покойной не воспользовался, (что и подтвердилось показаніями другихъ), прибавилъ также что онъ чистосердечно раскаивается въ совершенномъ преступленіи; послѣ совершенія преступленія отправляясь въ село Шипуновское, дорогою встрѣтился съ однимъ крестьяниномъ того же села, по имени и прозванію ему неизвѣстнымъ, сотоварищемъ его хозяевъ по пасѣкѣ, которому сказалъ, что въ пасѣкѣ роевъ нѣтъ, все тамъ благополучно и что тамъ осталась хозяйка, и прибавилъ, что ему туда ѣхать не зачѣмъ.—По показанію этого крестьянина, *Семена Семенова*, онъ дѣйствительно 23 мая послѣ крестьянскаго обѣда встрѣтилъ Тарасова ѣдущимъ въ телегѣ въ одной рубашкѣ, и Тарасовъ ему сказалъ то, что уже приведено выше; перемѣны въ немъ онъ никакой не замѣтилъ. Крестьянинъ *Иванъ Банниковъ* показалъ, что 23 мая въ часъ крестьянскаго обѣда встрѣтилъ онъ на улицѣ села Шипуновскаго Тарасова, ѣхавшаго домой въ телегѣ; на спросъ его, Тарасовъ сказалъ, что въ пасѣкѣ все благополучно и онъ ѣдетъ выпариться въ банѣ; съ тѣмъ онъ отъ него уѣхалъ; въ это время никакой перемѣны въ немъ не замѣтилъ.

Крестьянинъ Николай Банниковъ, (у котораго Тарасовъ служилъ) изложилъ, что когда пріѣхалъ караульщикъ Тарасовъ домой на его лошади, запряженной въ телегѣ, то былъ въ одной рубашкѣ; при немъ былъ топоръ, находившійся въ пасѣкѣ; на спросъ его, Тарасовъ отозвался, что пріѣхалъ выпариться въ банѣ, топоръ привезъ точить, въ пасѣкѣ все благополучно; перемѣны въ немъ никакой не замѣтилъ, тоже не замѣтилъ нигдѣ на платьѣ его, топорѣ и телегѣ крови.

Въ тотъ день, когда узнали объ убійствѣ, Тарасовъ былъ по-

саженъ подъ караулъ, а спрошенъ, уже на слѣдующій день и во всемъ чистосердечно сознался.

На допросѣ 30 мая при участковомъ засѣдателѣ Борейшѣ, Тарасовъ кромѣ вышеприведенныхъ обстоятельствъ показалъ, что онъ тяжко болѣнъ, и какъ по наружному виду онъ дѣйствительно казался больнымъ, то и препровожденъ былъ засѣдателемъ въ ближайшій змѣиногорскій госпиталь, въ которомъ и находился, какъ видно изъ скорбныхъ листовъ, два раза; въ 1-й съ 31 мая по 3 іюня, и во второй съ 11 по 18 іюня. Въ обоихъ очень неточныхъ скорбныхъ листахъ помѣчено, что Тарасовъ былъ одержимъ катаральною горячкою, что имѣлъ небольшой жаръ, слабость силъ, «головоболье» и одинъ разъ упомянуто о скудоуміи. Во время нахожденія Тарасова на испытаніи въ томской тюремной больницѣ особенныхъ болѣзненныхъ припадковъ, рѣзкихъ странностей и перемѣнъ въ характерѣ его не замѣчалось, иногда только онъ былъ скучнѣе обыкновеннаго и мало разговорчивъ, притомъ по временамъ замѣчались за нимъ не большія кражи вещей отъ окружающихъ его. Нерадѣніе, малая заботливость о своихъ нуждахъ, ограниченность понятій, рѣзко бросались въ глаза, и всѣми окружающими онъ былъ признаваемъ малоразвитымъ, дураковатымъ. При испытаніи Тарасова въ больницѣ въ продолжительныхъ разговорахъ съ нимъ и подробныхъ распросахъ, ежели таковые касались до совершеннаго имъ преступленія, Тарасовъ никогда не подтверждалъ данныхъ имъ при первоначальномъ слѣдствіи показаній; но какъ видно, наученный уже сотоварищами при продолжительномъ содержаніи въ острогѣ, всегда отрицалъ сдѣланное имъ преступленіе и каждый разъ точно тѣми же словами и выраженіями, каковыя приведены выше въ данныхъ имъ отвѣтахъ, при томъ если вопросы давались ему въ другой формѣ и нечаянно онъ часто отвѣчалъ не впопадъ, возвращаясь снова къ тѣмъ же словамъ и выраженіямъ кстати или не кстати. Это *ясно* указывало на скудность его соображенія и неразвитость умственныхъ его способностей.

При освидѣтельствованіи Тарасова въ присутствіи томскаго губернскаго совѣта 14 августа 1864 г., (какъ видно изъ акта сего освидѣтельствованія) оказалось, что ему около 40 лѣтъ отъ роду, тѣлосложеніе его умѣренное, выраженіе лица мрачное, глаза впалые, лице блѣдное, выговоръ словъ нѣсколько шепелеватый.

На нижеслѣдующіе предложенные ему вопросы Тарасовъ отвѣчалъ. *Вопр.* Гдѣ ты жилъ въ послѣднее время? *Отв.* Въ деревнѣ Супонихѣ на пасѣкѣ. *Вопр.* Ты не сдѣлалъ ли тамъ на пасѣкѣ какого преступленія? *Отв.* Ничего не сдѣлалъ, я никого не рубилъ. *Вопр.* Говорятъ ты убилъ старуху? *Отв.* Нѣтъ я никого не рубилъ, она отъ меня здорова осталась; меня виномъ напоили, можетъ быть я тогда и говорилъ, но я ничего не знаю. *Вопр.* Ты же самъ сознался въ волостномъ правленіи? *Отв.* Нѣтъ я не сознавался, но меня напоили виномъ, возможно ли въ присутственномъ мѣстѣ виномъ поить. *Вопр.* Ты же не знаешь кто убилъ старуху? *Отв.* Я не знаю, кто ее знаетъ, отъ меня она здорова осталась. *Вопр.* Ты всегда былъ здоровъ или нѣтъ? *Отв.* Нѣтъ, все накатывается на меня родимецъ бьетъ, а то и съ ума схожу иногда.

Свидѣтельствовавшіе Тарасова члены врачебной управы нашли, что хотя изъ отвѣтовъ Тарасова и продолжительной съ нимъ бесѣды не видно, чтобы онъ имѣлъ замѣтное разстройство умственныхъ способностей, но наружный видъ его, выраженіе лица и способъ объясненія, даютъ поводъ предполагать въ немъ слабоуміе, а потому не дѣлая окончательнаго заключенія о состояніи умственныхъ способностей Тарасова, необходимо подвергнуть его трехмѣсячному испытанію въ томской тюремной больницѣ.

Въ актѣ освидѣтельствованія Тарасова 16 марта 1865 г. въ присутствіи томскаго губернскаго совѣта членами врачебной управы изложено, что онъ около 38 лѣтъ отъ роду, малаго росту, тѣлосложенія довольно слабаго, худощаваго, голова мала, черепъ развитъ неправильно, лѣвая его половина болѣе выпуклая, правая сжатая, неправильность эта отражается на ушахъ, правое ухо гораздо меньше лѣваго и неправильной формы, лице тоже не много искривлено, безобразное, блѣдное, черты его неподвижны, глаза малые, большею частью устремлены внизъ, безъ особеннаго выраженія, волосы на подбородкѣ и на верхней губѣ не ростутъ, позвоночный столбъ въ верхней его части искривленъ, правое плечо не много приподнято, форма груди неправильная; мышечная система развита слабо, кожа на тѣлѣ вялая, сухая. Изслѣдованіе органовъ внѣшнихъ чувствъ, органовъ грудной и брюшной полости не открыло въ нихъ ничего болѣзненнаго. Про-

изношеніе словъ не совсѣмъ ясное, шепелеватое; движенія тѣла тяжелы, неразвязны. Общій видъ свидѣтельствуемаго и самый разговоръ его представляетъ неразвитость и нѣчто ребяческое. Память прошедшаго и настоящаго довольно вѣрная, соображеніе довольно медленно; кругъ идей и понятій скудный, въ разговорѣ употребляетъ всегда одни и тѣже слова и выраженія. На предложенные вопросы отвѣчалъ слѣдующее: *Вопр.* Гдѣ ты служилъ и чѣмъ занимался? *Отв.* Въ ридеровскомъ рудникѣ и въ зміевѣ служилъ; въ ридеровскомъ рудникѣ долго, почти всю службу выслужилъ, а въ зміевѣ только два года, а въ николаевскомъ только два мѣсяца, тамъ и отпущенъ былъ по билету на два года; а тутъ и вовсе отпустили. Въ рудникахъ былъ въ работѣ, куда пошлютъ, тамъ и роблю; а потомъ такъ жилъ въ деревняхъ, ходилъ по міру или былъ на посылкахъ; куда пошлютъ, то коней напою, сѣна давалъ, больше ничего не дѣлалъ. *Вопр.* Гдѣ ты служилъ въ послѣднее время? *Отв.* А кто ихъ знатъ, не упомнишь, жилъ я и у большой рѣчки и у Бинкѣ и наконецъ въ Супонихиной жилъ у Бабушкиныхъ. *Вопр.* Живя у Банниковыхъ ты чѣмъ занимался? *Отв,* Въ пасѣкѣ былъ; въ караулѣ былъ. *Вопр.* Ты былъ тамъ одинъ или съ кѣмъ нибудь другимъ? *Отв.* Одинъ; я, дядюшка, чистосердечно скажу, со мною двѣ ночи ночевала хозяйка; на третій день я уѣхалъ домой, она отъ меня жива, здорова осталась, я не знаю кто ее убилъ. *Вопр.* Какъ же это, вѣдь тамъ кромѣ тебя никого другаго не было? *Отв.* Нѣтъ я былъ въ деревнѣ, я уѣхалъ, я, дядюшка, почемъ же знаю; видѣлъ бы, зналъ бы. *Вопр.* Такъ ты убилъ и уѣхалъ? *Отв.* Нѣтъ я не убивалъ, она отъ меня жива, здорова осталась. *Вопр.* При слѣдствіи вѣдь ты сознался, что ее убилъ? *Отв.* Почто они меня дурака напоили, ежели и говорилъ, то не тѣ рѣчи, а другія, что на слѣдствіи говорилъ я не помню, я тогда хворалъ, я въ больницѣ лежалъ въ Зміевѣ. *Вопр.* Ты убилъ ее за то, что она не согласилась съ тобою на прелюбодѣяніе? *Отв.* Я этого не знаю, я и грѣха этого вовсе не знаю, за что я ее буду рубить, она отъ меня жива, здорова осталась; если бы у нея были деньги, другое дѣло, а то за что ее убивать. Они меня напоили, можетъ быть я говорилъ, только не тѣ рѣчи, всѣ пили и я выпилъ; она отъ меня, дядюшка, жива здорова осталась, *Вопр.* Кто тебя научилъ врать? *Отв.* Кто меня будетъ учить; кабы я убивалъ бы другое дѣло, она отъ меня

жива здорова осталась (плачетъ); можетъ быть я и говорилъ, только не тѣ рѣчи; за что я безвинно страдаю, они меня дурака напоили. Я и этого не знаю кто ее убилъ; она отъ меня, дядюшка, жива здорова осталась.

Изъ всѣхъ, вышеприведенныхъ данныхъ члены врачебной управы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) по недостатку свѣдѣній вообще о дѣтствѣ Тарасова, объ его воспитаніи и прошедшей его жизни, нѣтъ возможности съ точностью судить о степени его умственнаго и нравственнаго развитія, о его привычкахъ, нравѣ и характерѣ, что было бы вполнѣ необходимо для положительнаго вывода. Есть только два факта, т. е. два повальные обыска мастеровыхъ, служившихъ съ нимъ вмѣстѣ въ ридеровскомъ и зміиногорскомъ рудникахъ, по которымъ Тарасовъ считался разсудка слабаго и нѣсколько разъ замѣчено было за нимъ полоумство. 2) Преступленіе совершено Тарасовымъ, какъ видно изъ его показаній, не въ припадкѣ бѣшенства и изступленія, а болѣе или менѣе въ сознаніи; онъ помнитъ всѣ обстоятельства его, какъ онѣ слѣдовали одно за другимъ. Тоже и въ первое время послѣ совершенія преступленія въ Тарасовѣ особенныхъ перемѣнъ не замѣчено (показанія крестьянъ Семенова и Банниковыхъ). 3) На 7 день послѣ совершенія преступленія онъ заболѣлъ и отправленъ для пользованія въ зміиногорскій госпиталь; во время непродолжительнаго тамъ нахожденія, особеннаго умственнаго разстройства въ немъ не замѣчено, упоминается только о скудоуміи. 4) Продолжительное испытаніе Тарасова въ тюремной больницѣ и тщательное изслѣдованіе его въ физическомъ и психическомъ отношеніяхъ показало, что у него черепъ образованъ неправильно, позвоночный столбъ въ верхней части искривленъ; эти пороки образованія врожденны и со всею вѣроятностію имѣли вліяніе на неправильное развитіе мозга, а вслѣдствіе этого и умственныхъ его способностей; тщательное же психическое изслѣдованіе Тарасова подтверждаетъ слабое развитіе умственныхъ его способностей, такъ что по мнѣнію членовъ врачебной управы Тарасовъ одержимъ врожденнымъ слабоуміемъ въ средней степени. И какъ подобные больные легко поддаются страстнымъ влеченіямъ, во время которыхъ лишаются самообладанія и слабыя ихъ умственныя способности подъ вліяніемъ страсти еще болѣе помрачаются, то Тарасовъ, который былъ въ подобномъ состоя-

ніи, не смотря на кажущуюся сознательность во время совершенія имъ преступленія, подходитъ подъ разрядъ этихъ больныхъ, а потому при обсужденіи степени виновности его, обстоятельство это должно имѣться въ виду; какъ-же врожденное слабоуміе неизлечимо, то, во избѣжаніе на будущее время подобныхъ настоящему случаевъ, Тарасовъ долженъ навсегда остаться подъ строгимъ надзоромъ.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ вышеизложенные акты освидѣтельствованій, умственныхъ способностей отставнаго мастероваго Козьмы Тарасова, согласно съ мнѣніемъ членовъ томской врачебной управы, изложеннымъ въ послѣднемъ изъ означенныхъ актовъ, нашелъ: 1) что Тарасовъ одержимъ врожденнымъ слабоуміемъ; 2) что такъ-какъ лица одержимыя такимъ слабоуміемъ легко поддаются страстнымъ влеченіямъ, лишающимъ ихъ самообладанія, причемъ умственныя ихъ способности еще болѣе помрачаются, то слѣдуетъ допустить, что Тарасовъ, будучи раздраженъ неудовлетвореніемъ половаго побужденія, могъ находиться въ подобномъ вышеизложенному состояніи при совершеніи преступленія, и 3) что во всякомъ случаѣ Тарасовъ, какъ опасный для общества человѣкъ, долженъ находиться подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ *).

Убійство дворяниномъ Снарскимъ дворянина Козича.

(Припадокъ бѣшенства.)

5 марта 1863 г. донесено было становому приставу рѣжицкаго уѣзда, что ночью на 4 марта въ имѣніи Туленмуйжѣ въ домѣ вдовы Козичь, уволенный изъ динабургской гимназіи дворянинъ Дементій Снарскій убилъ наканунѣ прибывшаго съ нимъ изъ Динабурга дворянина Григорія Козича.

По судебно-врачебному осмотру трупа Козича, произведенному рѣжицкимъ городовымъ врачемъ, между прочимъ оказалось: что покойникъ лежалъ на кровати верхъ лицомъ, въ рубашкѣ и под-

*) Съ своей стороны мы убѣждены, что поступокъ Тарасова подлежитъ вмѣненію.

штаникахъ, подушка на которой лежала голова покойника была вся пропитана кровью и на ней было найдено шесть мелкихъ обломковъ черепа; спинка кровати и стѣна были обрызганы кровью. На лбу, надъ правымъ глазомъ были четыре раны величиною въ горохъ; надъ лѣвымъ глазомъ такой же величины двѣ раны, отъ праваго глаза до праваго уха одна рана длиною $2^1/_2$ вершка, шириною $2^1/_4$ вершка съ раздробленными въ мелкіе кусочки костями черепа и съ открытымъ мозгомъ, на верху головы продолговатый разрѣзъ кожи длиною въ одинъ вершокъ съ четвертью, на правой рукѣ на верхней части ручной кисти синева въ три вершка длиною и въ одинъ вершокъ шириною; на лѣвой рукѣ на первомъ составѣ мизинца рана величиною въ горохъ. Изъ вышеизложенныхъ данныхъ, а равно изъ явленій, оказавшихся при внутреннемъ изслѣдованіи, врачъ заключилъ, что смерть Козича послѣдовала отъ ушиба тупымъ орудіемъ, нанесеннымъ неоднократно въ голову.

5 марта на спросъ становаго пристава Дементій *Снарскій* показалъ: что онъ вмѣстѣ съ Козичемъ выѣхалъ 3 марта изъ Динабурга и на другой день прибылъ около полудня въ имѣніе Туленмуйжу. Вечеромъ они съ Козичемъ легли спать въ отдѣльной комнатѣ; въ самую полночь у него, Снарскаго, появились боли въ головѣ и груди и онъ сталъ кричать; Козичъ сказалъ ему, что убьетъ его изъ ружья, если онъ не замолчитъ, тогда онъ Снарскій, въ азартѣ, взявъ лежавшіе подъ кроватью стволы отъ разломаннаго ружья, ударилъ ими Козича по головѣ, сколько разъ не помнитъ. Съ покойнымъ Козичемъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, никогда съ нимъ не ссорился, а убилъ онъ его безъ всякого гнѣва потому только, что былъ въ то время въ болѣзненномъ состояніи.

Мать и бабка Козича показали, что между Григоріемъ Козичемъ и Деменьтіемъ Снарскимъ по прибытіи ихъ въ Туленмуйжу вражды замѣтно не было. Снарскій въ тотъ день желалъ уѣхать къ своему родственнику, но Козичъ его удержалъ еще на день. Вечеромъ Снарскій и Козичъ отправились спать въ отдѣльную комнату. Въ два часа ночи бабка Козича, услышавъ въ этой комнатѣ крикъ и стукъ сапогами, разбудила всѣхъ; войдя въ комнату, гдѣ спали Козичъ и Снарскій, они увидѣли, что Снарскій ходилъ одѣтый, держа въ рукахъ стволы отъ ружья, а Ко-

зичъ былъ весь въ крови и лежалъ въ кровати безъ чувствъ, но еще былъ живъ. Когда мать Козича спросила Снарскаго за что онъ убилъ ея сына, то тотъ отвѣтилъ: «жалѣю что его убилъ а не тебя, но однако это всѣмъ вамъ будетъ» и продолжалъ ходить по комнатѣ.

Кучаръ и *кухарка* г-жи Козичъ, подтвердивъ вышеизложенныя показанія, добавили, что прибѣжавъ въ комнату, гдѣ совершилось убійство, они застали Снарскаго одѣтымъ въ шубу и шапку, причемъ онъ въ безпокойствѣ кричалъ: «давайте людей, вяжите меня, я убилъ панича», а г-жѣ Козичъ говорилъ: «не плачь, не плачь я уже убилъ».

На предложенные 21 марта 1863 г. слѣдственною коммисіею вопросные пункты Дементій Снарскій показалъ, что отецъ его съ мачихою проживаютъ въ полоцкомъ уѣздѣ, онъ же съ малолѣтства воспитывался у дяди своего Щодровича въ Динабургѣ, гдѣ и обучался въ динабургской гимназіи съ 1857 по мартъ 1863 г., но не окончилъ полнаго курса по неимѣнію на то средствъ. Постоянно проживая въ Динабургѣ, онъ часто бывалъ въ двухъ семейныхъ домахъ у Карпинскихъ и де-Граве. Въ 1862 г. въ домѣ Карпинскихъ онъ познакомился съ Козичемъ, который у нихъ квартировалъ, и былъ съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ; на масляницѣ 1863 г. (въ февралѣ мѣсяцѣ) онъ пріѣзжалъ съ Григоріемъ и Михаиломъ Козичами въ Туленмуйжу въ гости и пробылъ тамъ нѣсколько дней. Дорогой въ Туленмуйжу въ мартѣ 1863 г. они съ Козичемъ горячихъ напитковъ не употребляли, а только не доѣзжая Туленмуйжи въ какой то корчмѣ выпили по полъ-рюмки водки; доѣхали они до мѣста безъ всякаго спора и въ Туленмуйжѣ были приняты радушно бабкою и матерью Козича. Вечеромъ ему, Снарскому, сдѣлалось дурно, у него заболѣли голова и грудь, поэтому онъ просилъ у матери Козича дегтю, но ему не дали потому, что не было; вскорѣ послѣ сего онъ отправился вмѣстѣ съ Козичемъ спать въ особую комнату; раздѣвшись они легли на отдѣльныхъ кроватяхъ и Козичъ потушилъ свѣчу. Что побудило показателя къ убійству Козича и какія обстоятельства сопровождали убійство, онъ разъяснить не можетъ, потому что не помнитъ, что съ нимъ тогда происходило; помнитъ только, что когда онъ ночью проснулся и началъ кричать «мнѣ дурно», то Козичъ объ-

щалъ на завтра призвать какого то доктора; когда же ему Снарскому сдѣлалось хуже, и онъ снова началъ кричать, то Козичъ сказалъ, чтобы ночью въ чужомъ домѣ не нарушалъ тишины, угрожая застрѣлить его изъ пистолета, — не помнитъ передъ сказанными ли словами Козича или послѣ оныхъ, онъ вскочилъ съ кровати и бѣгалъ по комнатѣ, не сознавая, что съ нимъ тогда происходило. Момента, въ которомъ онъ посягнулъ на жизнь Козича и когда переодѣвался, совершенно не помнитъ. Предъявленную двустволку отъ разломаннаго ружья, которою будто бы убилъ Козича, въ первый разъ видитъ и не знаетъ, чья и гдѣ она лежала. На допросѣ становымъ приставомъ онъ говорилъ, что убилъ Козича въ безпамятствѣ, будучи въ болѣзненномъ состоеніи, но не говорилъ того, что будто бы въ азартѣ взялъ изъ подъ кровати двустволку и ею убилъ Козича; во время этого допроса онъ былъ почти въ болѣзненномъ состояніи, а потому не можетъ упомнить, что говорилъ становому. Дядя его Щодровичъ и сыновья его знаютъ, что иногда ночью онъ кричитъ, сваливаясь съ постели въ безпамятствѣ и что онъ будучи малолѣтнимъ, свалился однажды съ лошади и упалъ на что то твердое, отчего на его черепѣ имѣется углубленіе.

Дядя Снарскаго Іосифъ *Щодровичъ* отозвался, что Дементій воспитывался у него съ перваго года жизни; по временамъ онъ говорилъ и дѣйствовалъ безсознательно, но это было относимо къ живости его характера и излишней услужливости, доходящей до безтолковости; по временамъ онъ бывалъ безпокоенъ, говорилъ громко, кричалъ, билъ руками и ногами въ стѣну или кровать, иногда «скатывался съ кровати» и бѣгалъ по комнатѣ. Съ Козичемъ Снарскій былъ въ дружбѣ, поведенія онъ былъ превосходнаго. Верхомъ иногда ѣздилъ, но чтобы упалъ съ лошади о томъ онъ, Щодровичъ, не слышалъ. Къ сему Щодровичъ добавилъ, что зная хорошо родныхъ Снарскаго, онъ приходитъ къ заключенію, что у нихъ въ крови есть расположеніе къ умопомѣшательству; такъ, родной дядя Дементія ксендзъ Яцекъ Снарскій былъ сумасшедшимъ, а другой дядя помѣщикъ Францъ Снарскій застрѣлился. Отзывъ Іосифа Щодровича, за исключеніемъ добавленія къ нему, подтвердили жена и дѣти его.

Директоръ и семь учителей динабургской гимназіи отозвались, что Снарскій былъ посредственныхъ способностей и хо-

рошаго поведенія, раздражительности они въ немъ не замѣчали, но одинъ изъ учителей напротивъ объяснилъ, что Снарскій имѣлъ слабыя способности, характера онъ былъ раздражительнаго, иногда выходилъ изъ себя и громко заявлялъ неудовольствіе, часто отказывался незнаніемъ урока, ссылаясь, что у него болитъ голова и находитъ какое то состояніе, при которомъ не можетъ ничего дѣлать.

Въ протоколѣ, составленномъ 22 марта 1863 г. слѣдственною коммисіею по дѣлу о Снарскомъ изложено, что находившійся наканунѣ въ коммисіи рѣжицкій городовой врачъ Багенскій и вольнопрактикующій врачъ Конюшевскій имѣли 22 числа разсужденіе о Снарскомъ и при бытности членовъ слѣдственной коммисіи выразили слѣдующее: Дементій Снарскій 19-лѣтній юноша сдѣлалъ преступленіе, заключающееся въ убійствѣ Козича, сотоварища и друга своего. Они, врачи, спрашивали въ какомъ состояніи душевныхъ способностей находился онъ въ то время, когда совершилъ преступленіе, и на это получили отвѣтъ, что онъ не помнитъ, какъ совершилъ преступленіе, не помнитъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ оное; онъ говоритъ, что только находясь въ безпамятствѣ, онъ могъ убить друга, о которомъ сожалѣетъ. Говоря о безпамятствѣ, онъ указываетъ на разбитую когда то голову; изслѣдуя ее они, врачи, открыли, что въ мѣстѣ, гдѣ обѣ темянныя кости (ossa bregmatis) своими задними концами соединяются съ затылочною костью (os occipitis), находится повреждение, которое простирается на концы костей, здѣсь соединяющихся, и заключается, въ кругообразномъ втисненіи оныхъ (impressio). Величина этого углубленія покрывается концами трехъ пальцевъ. Кожа на этомъ мѣстѣ не была повреждена, шрама никакого открыть нельзя. Подсудимый показываетъ, что поврежденіе это причинено паденіемъ съ лошади на голову еще въ дѣтствѣ и что это мѣсто часто болитъ, какъ и цѣлая голова его; при давленіи немного сильнѣйшемъ онъ чувствуетъ довольно значительную боль. Душевно онъ совершенно спокоенъ, при допросахъ разсказываетъ твердо и не безъ логики, что будто бы часто съ нимъ случаются какіе то припадки, особенно ночью, но объ нихъ положительно сказать не можетъ, а знаетъ только по разсказамъ своего опекуна, самъ же не помнитъ ничего. Чтобы убѣдиться вполнѣ въ истинѣ, имъ, вра-

чамъ, желательно было знать что нибудь о родителяхъ Снарскаго. Свѣдѣнія, доставленныя имъ знакомыми этого семейства, заключаютъ въ себѣ слѣдующія обстоятельства: отецъ его, говорятъ, страдаетъ издавна легкимъ какимъ то помраченіемъ ума, отецъ и мать были довольно близкими родными. Между тѣмъ извѣстно изъ опытовъ, сдѣланныхъ наукой и собранныхъ людьми спеціалистами, что отъ родныхъ родятся дѣти нѣмыя, глухія, глухо-нѣмыя и проч., что недостатки душевныхъ способностей переходятъ отъ отца на сына и т. д. Уже этихъ обстоятельствъ было бы достаточно для объясненія душевнаго состоянія Снарскаго; но въ настоящемъ случаѣ имѣются данныя, положительно объясняющія болѣзненное состояніе, находясь въ которомъ больные этого рода совершаютъ неслыханныя преступленія надъ лицами, наиболѣе ими любимыми. Какой процессъ совершается подъ вогнутыми костями черепа при жизни больнаго, съ точностію опредѣлить невозможно, но что этого достаточно для вызыва припадковъ безпамятства, положительно утверждать можно. Этотъ нынѣ неизвѣстный по имени родъ припадковъ (такъ-какъ они, врачи, ихъ не видѣли) можетъ со временемъ перейти въ падучую болѣзнь (epilepsia) и кончиться совершеннымъ помѣшательствомъ. По таковымъ соображеніямъ врачъ Багенскій, имѣя въ виду лихорадочное состояніе Снарскаго, замѣченное имъ послѣ происшествія смертоубійства, и врачи Багенскій и Конюшевскій имѣя въ виду: а) вдавленіе черепа на верху головы Снарскаго, вслѣдствіе ушиба при паденіи съ лошади, б) слухи, что родители Снарскаго были близкіе между собою родственники, в) припадки безпамятства, которые появлялись нѣсколько разъ въ прошедшемъ времени и г) что смертоубійство нанесено было съ ожесточеніемъ Козичу, съ которымъ Снарскій былъ въ дружбѣ, полагали, что Снарскій совершилъ убійство въ безпамятствѣ *).

Содержавшійся съ Снарскимъ въ одной камерѣ рѣжицкаго тю-

---

*) Упомянутое въ отзывѣ врачей родство между отцомъ и матерью Снарскаго, а равно помѣшательство у отца его слѣдствіемъ не подтвердились; одинъ изъ сосѣдей отца Снарскаго отозвался только, что онъ характера вздорнаго.—Присемъ не можемъ не указать, какъ часто врачи гадательныя предположенія и слухи, безъ надлежащей провѣрки, выдаютъ за факты.

ремнаго замка палачъ (?) и одинъ арестантъ объявили, что въ мартѣ 1863 г. съ Снарскимъ были припадки какъ бы умопомѣшательства.—Смотритель рѣжицкаго тюремнаго замка отозвался, что во время содержанія Снарскаго въ тюремномъ замкѣ съ 8 марта по 23 сентября 1863 г. было замѣчено, что онъ въ ночное время бросался съ наръ на землю, подбѣгалъ къ окну и запертымъ дверямъ, стучалъ кулаками, плакалъ, и разговоръ его былъ безтолковый; это случалось не постоянно, но раза три или четыре въ продолженіи его содержанія.

17 октября 1863 г. Снарскій былъ освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи витебскаго губернскаго правленія, причемъ на нижеслѣдующіе вопросы онъ отвѣчалъ: *В.* Какъ ваше имя, отчество и фамилія, сколько отъ роду лѣтъ и какого вы вѣроисповѣданія? *Отв.* «Доминикъ Викторовъ Снарскій, 19 лѣтъ, римско-католическаго». *В.* Имѣете ли вы отца, мать, родныхъ и гдѣ они проживаютъ? *Отв.* «Отца имѣю и мачиху и родныхъ, въ Динабургѣ дядю Щодровича, въ Динабургѣ казначея Ялозо, Карпинскихъ, де-Граве, но онъ вѣрно выѣхалъ» *В.* Грамотны ли вы и гдѣ воспитывались, кончили ли ваше образованіе или нѣтъ? *Отв.* «Грамотенъ. въ динабургской гимназіи воспитывался, поступилъ во 2 классъ. Образованія не кончилъ по домашнимъ обстоятельствамъ» *В.* Въ показаніяхъ вашихъ при производствѣ слѣдствія значится, что вы оставили гимназію по неимѣнію средствъ окончить курсъ, слѣдовательно подъ конецъ почти учебнаго года, между тѣмъ двумя недѣлями раньше вы испрашивали отпускъ на масляную и посему у васъ не было въ виду недостатка средствъ и необходимости оставить гимназію? *Отв.* «Директоръ динабургской гимназіи Невзоровъ предъявилъ мнѣ, что я буду исключенъ изъ гимназіи за неуплату денегъ, въ первую половину нѣкоторыхъ онъ исключилъ, я и не хотѣлъ дожидаться такой же участи». *В.* Здоровы ли вы? Какое было состояніе вашего здоровья до приключившагося съ вами происшествія и если вы чѣмъ страдали, то чѣмъ именно, кто былъ тому свидѣтелемъ и какими припадками сопровождалось ваше нездоровье? *Отв.* «Грудь у меня болитъ и лѣвый бокъ, голова болитъ на верхушкѣ отъ ушиба въ малолѣтствѣ послѣ паденія съ лошади, отчего замѣчается въ семъ мѣстѣ вдавленіе (которое свидѣтельствующіе дѣйствительно нашли на мѣстѣ родничка). Го-

ловныя боли часто обнаруживались прежде послѣдняго приключенія во время бытности въ гимназіи, о чемъ знаетъ гимназическое начальство и Щодровичъ. Я въ 3 классѣ болѣлъ полгода и пользовалъ меня отъ глазной болѣзни врачъ Довгялло». *В*. Какое было состояніе вашего здоровья по прибытіи въ Туленмуйжу, что могло имѣть вліяніе на его разстройство и какъ вы себя чувствовали во время заключенія? *Отв*. «въ Динабургѣ я былъ здоровъ и въ дорогѣ чувствовалъ себя здоровымъ, но потомъ, мнѣ послѣ обѣда сдѣлалось дурно и я объявлялъ это имъ, и требовалъ помощи». *В*. Давно ли вы были знакомы съ вашей жертвой Козичемъ, какой случай свелъ васъ съ нимъ, не оскорбилъ ли онъ васъ чѣмъ или не имѣли ли вы по другимъ причинамъ къ нему злобы? *Отв*. «Никакой злобы не имѣлъ и не оскорбилъ ничѣмъ, познакомился, ибо мои двоюродныя сестры были у Карпинскихъ, у которыхъ онъ жилъ. Происшествіе съ Козичемъ случилось въ два часа, я Козичу жаловался на нездоровье, а Козичь унималъ меня, чтобъ я не дѣлалъ шума и угрожалъ выстрѣлить въ меня, тогда я схватилъ что попало и убилъ его». *В*. Что вы предполагали съ собою дѣлать послѣ оставленія гимназіи? *Отв*. «Оставивши гимназію я думалъ отправиться къ отцу и заниматься хозяйствомъ. Когда я жилъ у дяди Щодровича, то помню, что какой то офицеръ въ прошедшую или запрошедшую зиму унималъ меня и видѣлъ меня въ безпамятствѣ, офицеръ звался Эразмъ Копецъ, отставной, жившій въ Креславкѣ, а управляющій въ имѣніи Платера видѣлъ мое безпамятство, когда я еще не ходилъ въ классъ въ 1856 или 1857 году».

Общее присутствіе нашло, что правильное пониманіе и сужденіе, отчетливое воспоминаніе всѣхъ предшествовавшихъ убійству Козича обстоятельствъ жизни и невозмутимость духа при всѣхъ вопросахъ, свидѣтельствуютъ о неповрежденномъ состояніи умственныхъ способностей Снарскаго и не обнаруживаютъ никакихъ душевныхъ волненій, въ настоящее время способныхъ увлечь его за предѣлы самосознанія. Черты его лица не представляли перемѣнчивости, при разсказахъ только о кровавой сценѣ навертывались на глазахъ слезы, и лице краснѣло. Физическое его состояніе не проявляло никакихъ тѣлесныхъ страданій, могущихъ вызвать своею силою помраченіе познаватель-

ныхъ и умственныхъ способностей. Онъ былъ свободенъ отъ головной и грудной боли; біенія его сердца были правильны, а при изслѣдованіи устройства черепа замѣчалось только на мѣстѣ задняго родничка углубленіе (impressio). Изъ сихъ данныхъ невозможно въ настоящее время вывести какое либо заключеніе о тѣхъ явленіяхъ, подъ которыми Дементій Снарскій совершилъ смертоубійство своего товарища Козича. Произошло ли сіе подъ вліяніемъ физическаго состоянія Снарскаго, обусловленнаго болѣзненнымъ его положеніемъ, произведшимъ потерю самосознанія и буйное умоизступленіе, и составляло ли оно скоротечную болѣзнь, сопровождаемую временнымъ бредомъ, или представляетъ періодическую форму умопомѣшательства или-же совершилось сіе преступленіе отъ психическихъ побужденій, отъ увлеченій какими либо страстями и т. д. для опредѣленія сего необходимо изслѣдовать физическое и нравственное состояніе Снарскаго въ теченіе трехъ мѣсяцевъ посредствомъ врачебной управы и обнаружить всѣ обстоятельства какъ физической, такъ и нравственной жизни Снарскаго, предшествовавшія сему происшествію, посредствомъ полицейскаго розысканія, и собранные такимъ образомъ факты подвергнуть обсужденію при переосвидѣтельствованіи его, Снарскаго.

При новомъ освидѣтельствованіи его 24 марта 1864 г., Снарскій на нижеслѣдующіе вопросы отвѣчалъ: *В.* Какъ ваше имя, отчество и фамилія, и сколько вамъ лѣтъ отъ роду?—*Отв.* «Доминикъ Снарскій, 20-тый годъ». *В.* Гдѣ вы воспитывались, и кончили ли вы весь курсъ вашего воспитанія?—*Отв.* «Нѣтъ, не кончилъ курса въ динабургской гимназіи, изъ пятаго класса вышелъ». *В.* Имѣете ли вы родителей, родныхъ и на чьемъ содержаніи вы находились и получили воспитаніе?—*Отв.* «Имѣю отца и мачиху, матери не имѣю. Дядя меня воспитывалъ; онъ въ Динабургѣ». *В.* Страдали ли вы какими либо болѣзнями въ вашемъ дѣтствѣ, сколько вы можете припомнить сами или по разсказамъ вашихъ воспитателей, какими именно, и каково ваше настоящее здоровье?—*Отв.* Я не помню. Помню только, что я страдалъ глазами. Я не помню, что срывался изъ сна безъ памяти, разсказывали мнѣ о семъ сыновья дяди; они возраста 20 лѣтъ». *В.* Что васъ заставило оставить гимназію, не окончивъ курса подъ конецъ учебнаго года, и чѣмъ вы предполагали заняться?—*Отв.* «По до-

машнимъ обстоятельствамъ. Я не былъ здоровъ, часто страдалъ болѣзнію и не чувствовалъ себя въ силахъ выдержать экзаменъ. *В*. Въ какомъ состояніи здоровья вы оставили Динабургъ, куда отправились и что во время вашего пребыванія въ Туленмуйжѣ произошло?— *Отв*. «Не очень здоровъ, не очень боленъ. Я отправился въ рѣжицкій уѣздъ. Я пріѣхалъ съ моимъ знакомымъ, жившимъ со мной въ дружбѣ, съ Козичемъ». *В*. Сколько времени вы находитесь въ тюремной больницѣ, были ли въ ней все время здоровы или страдали чѣмъ либо и какими именно припадками?— *Отв*. «Я прибылъ сюда въ сентябрѣ мѣсяцѣ, страдалъ постоянно головной болью, но какими припадками, не помню.» *В*. Были ли подаваемы вамъ какія либо врачебныя пособія и съ какимъ успѣхомъ?— *Отв*. «Ставили банки на спину, и мнѣ стало легче». *В*. Чувствуете ли вы себя въ настоящее время совершенно здоровымъ?—*Отв*. «Ничего, легче. Голова лучше, но страдаю желудкомъ и принимаю александрійскій листъ».

Засимъ въ актѣ освидѣтельствованія изложено, что при освидѣтельствованіи Снарскій сохранялъ нѣкоторую воздержанность и обдуманность въ дѣлаемыхъ на предложенные вопросы отвѣтахъ: сначала замѣчалось въ немъ нѣкоторое душевное смятеніе, которое при дальнѣйшихъ вопросахъ разсѣялось, и онъ сохранилъ полное самосознаніе и правильность сужденій. Въ воспоминаніяхъ только о совершенномъ преступленіи онъ уклонялся отъ того чистосердечнаго разсказа, съ какимъ объяснилъ при первоначальномъ освидѣтельствованіи, ссылаясь на то, что о всемъ происходившемъ не помнитъ. Трехмѣсячное надъ нимъ наблюденіе въ тюремной больницѣ не обнаружило никакихъ данныхъ, происходящихъ отъ болѣзненнаго его состоянія, на основаніи которыхъ можно бы было объяснить безсознательное его состояніе во время совершенія преступленія. Онъ жаловался только по временамъ на головную боль, иногда на безсонницу и душевное безпокойство, которое однако не влекло за собою ни потери самосознанія, ни даже помраченія познавательныхъ и умственныхъ способностей. Полицейскимъ розысканіемъ обнаружено, что отецъ Снарскаго былъ одержимъ колтунною болѣзнію; изъ двухъ его дядей, одинъ одержимъ былъ умопомѣшательствомъ, а другой лишился жизни чрезъ самоубійство. Прежде совершенія преступленія, въ Снарскомъ замѣчались нѣкоторые припадки душевна-

го безпокойства, преимущественно во снѣ, но явственнаго отъ нихъ безпамятства или помраченія познавательныхъ способностей не обнаружено. Послѣ совершенія преступленія и посаженія подъ арестъ въ рѣжицкій тюремный замокъ, по донесенію смотрителя, онъ приходилъ въ крайнее помѣшательство ума; день ото дня пароксизмъ увеличивался такъ, что онъ становился опаснымъ для себя и окружающихъ; посему смотритель требовалъ перемѣщенія Снарскаго въ городскую больницу. Но было ли это слѣдствіемъ душевнаго потрясенія, произведеннаго ужаснымъ событіемъ, или отъ болѣзненныхъ вліяній, рѣшить невозможно. А потому прежде рѣшенія вопроса, въ какомъ состояніи умственныхъ способностей находился Снарскій при совершеніи убійства своего друга, необходимо разслѣдовать физическое и умственное его положеніе послѣ онаго, когда онъ содержался въ рѣжицкомъ тюремномъ замкѣ, и потому слѣдуетъ вытребовать его скорбный билетъ, если онъ былъ пользованъ.

При третьемъ освидѣтельствованіи, 21 августа 1864 г., Снарскій отвѣчалъ: *В.* Какъ ваше имя, отчество и фамилія, какого вы сословія, сколько вамъ отъ роду лѣтъ и гдѣ вы теперь находитесь? — *Отв.* «Доминикъ Снарскій, сынъ Виктора, изъ потомственныхъ дворянъ, 19 лѣтъ, въ витебскомъ замкѣ». *В.* Давно ли вы были приводимы въ губернское правленіе и по какому поводу васъ сюда представляютъ? — *Отв.* «Довольно долгое время, но котораго числа и мѣсяца, не могу помнить, а по какому поводу меня представляютъ, не могу именно знать». *В.* Здоровы ли вы теперь, и какими припадками вы страдали. Не помните ли вы, какъ вы себя чувствовали въ здоровьи, когда содержались въ рѣжицкомъ тюремномъ замкѣ? — *Отв.* «Въ настоящее время, чувствую себя совершенно здоровымъ; во время моего содержанія въ рѣжицкомъ тюремномъ замкѣ я былъ очень нездоровъ и часто прибѣгалъ къ помощи врача тамошней больницы». *В.* За что вы посажены въ тюрьму, и до сихъ поръ содержитесь въ заключеніи? — *Отв.* «Содержусь подъ стражею, за что именно не знаю; но изъ допросовъ я замѣчаю, что содержатъ меня въ заключеніи будто бы за то, что я убилъ моего товарища,». *В.* Долго ли вы находились вмѣстѣ съ Козичемъ въ дорогѣ, и не разлучались ли вы съ нимъ, выѣхавъ изъ Динабурга до прибытія въ Туленмуйжу? — *Отв.* «Выѣхавъ изъ города Динабурга въ имѣніе Тулен-

муйжу, я находился у нихъ нѣсколько дней, но въ дорогѣ я съ нимъ нигдѣ не разлучался».

Затѣмъ въ актѣ изложено: при освидѣтельствованіи Снарскаго, въ чертахъ лица его замѣчалось разительное измѣненіе, которое при удовлетворительномъ физическомъ состояніи его принять слѣдуетъ за выраженіе душевныхъ терзаній и тревоги, происходящихъ отъ полнаго сознанія своего положенія и лежащей на немъ отвѣтственности. Отвѣты его представляютъ совершенное присутствіе и неповрежденіе умственныхъ его силъ. Онъ правильно понимаетъ предложенные ему вопросы, припоминаетъ почти все, обсуждаетъ здраво и соображаетъ ихъ. При двукратномъ прежде освидѣтельствованіи въ губернскомъ присутствіи, и во время болѣе трехмѣсячнаго врачебнаго наблюденія въ тюремной лечебницѣ, не проявилось въ немъ тоже ни малѣйшаго разстройства. Изъ собранныхъ полицейскимъ дознаніемъ предварительныхъ свѣдѣній о его предшествовавшей жизни, никакихъ данныхъ не обнаружено, чтобы онъ прежде подвергался умопомѣшательству.—По пересмотрѣ скорбныхъ листовъ о его болѣзни *), во время содержанія въ рѣжицкомъ тюремномъ замкѣ, члены врачебной управы нашли, что онъ страдалъ головною болью, безпокойствомъ и другими припадками, которые суть проявленія болѣе душевнаго волненія и тревоги, чѣмъ признаки умопомѣшательства. А потому общее присутствіе заключило, что Снарскій ни помѣшательствомъ ума, ни безуміемъ не одержимъ.

Витебская палата уголовнаго суда, признавая Снарскаго виновнымъ въ убійствѣ Козича, и находя, что за это преступленіе онъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, представила настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашелъ: 1) что Дементій Снарскій, (какъ показали при слѣдствіи жившіе вмѣстѣ съ нимъ родственники его), по временамъ страдалъ какими то припадками, причемъ говорилъ и дѣйствовалъ безсознательно; 2) по отзыву одного изъ учителей динабургской гимназіи, Снарскій, обучаясь въ этой гимназіи, часто

---

*) Скорбныхъ листовъ о болѣзни Снарскаго въ дѣлѣ не имѣется.

отзывался незнаніемъ урока, ссылаясь, что у него болитъ голова, и что на него находитъ какое то состояніе, при которомъ онъ не можетъ ничего дѣлать; характеръ Снарскаго, по отзыву того же учителя, былъ раздражительный; 3) изъ дядей Снарскаго, одинъ страдалъ умопомѣшательствомъ, а другой окончилъ жизнь самоубійствомъ; слѣдовательно есть нѣкоторое основаніе къ допущенію наслѣдственнаго предрасположенія Снарскаго къ умопомѣшательству; 4) къ убійству Козича Снарскій по видимому не имѣлъ никакого повода; 5) убійство это совершено имъ съ особою жестокостью;6) послѣ убійства, содержась въ рѣжицкомъ тюремномъ замкѣ, Снарскій страдалъ припадками, которые, если и не *могутъ служить* признаками умопомѣшательства, то во всякомъ *случаѣ* указываютъ на сильный приливъ крови къ мозгу, и 7) на черепныхъ костяхъ Снарскаго, при освидѣтельствованіи его въ общемъ присутствіи витебскаго губернскаго правленія, оказалось углубленіе на мѣстѣ задняго родничка; а между тѣмъ извѣстно, что такого рода поврежденія черепа нерѣдко сопровождаются разстройствомъ отправленій мозга; посему медицинскій совѣтъ нашелъ, что убійство Козича могло быть совершено Снарскимъ «безсознательно» въ припадкѣ временнаго разстройства умственныхъ способностей. Но во всякомъ случаѣ Снарскій, какъ опасный *для* общества человѣкъ, долженъ находиться подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ.

Убійство инородцемъ Яковымъ Батинековымъ трехъ товарищей его.

(Умоизступленіе отъ опьяненія).

Ночью съ 22 на 23 октября 1865 г., въ казармѣ саралинской резиденціи, золотопромышленника Озерова (ачинскаго округа, енисейской губерніи), инородецъ Яковъ Батинековъ убилъ трехъ товарищей своихъ, Бутрюкова, Иванова и Барденко. По осмотру, произведенному засѣдателемъ и окружнымъ врачемъ, оказалось, что трупы Бутрюкова, Иванова и Барденки лежали въ казармѣ на нарахъ рядомъ; на головахъ ихъ, груди, животѣ и оконечностяхъ было по нѣскольку глубокихъ ранъ.

На допросахъ 24 и 26 октября, *Яковъ Батинековъ* (22 лѣтъ)

показалъ, что онъ поступилъ на пріиски Озерова съ 1 января 1865 г.; по полученіи осенью разсчета, онъ остался на пріискѣ въ зимовку и 18 октября прибылъ въ резиденцію Озерова, гдѣ и помѣстился въ казармѣ, въ которой кромѣ него и рабочихъ Бутрюкова, Иванова и Барденко жили еще 6 рабочихъ (Батинековъ переименовалъ ихъ). Съ 22 на 23 октября онъ съ товарищами Бутрюковымъ и Барденко сговорились достать вина изъ саралинскаго улуса, находящагося весьма близко отъ резиденціи Озерова; означеннымъ товарищамъ своимъ онъ далъ принадлежавшіе ему бродни съ тѣмъ, чтобы за оные достать вино; Бутрюковъ и Барденко отправились въ улусъ, но онъ, Батинековъ, не дождавшись ихъ возвращенія, отправился также въ улусъ; на дорогѣ онъ встрѣтилъ Бутрюкова и Барденко, которые несли въ туесѣ вино; они были уже выпивши и объяснили ему, что достали вина 4 бутылки; вмѣстѣ съ Бутрюковымъ и Барденко онъ, Батинековъ, на дорогѣ же, началъ пить вино, но его не допилъ; Бутрюковъ и Барденко пошли въ казарму, а онъ, Батинековъ, въ улусъ; здѣсь онъ зашелъ къ ясачному Василію Янгулову, у котораго взялъ 4 бутылки вина и отдалъ ему 2 руб. сер., причемъ была дочь Янгулова, 12 лѣтъ; изъ одной бутылки онъ налилъ чашку вина для Янгулова, а остальное изъ этой бутылки выпилъ самъ и пошелъ въ резиденцію; куда онъ дѣвалъ остальныя три бутылки вина, будучи тогда сильно пьянымъ, рѣшительно не можетъ припомнить. Прибывъ въ резиденцію, онъ зашелъ въ казарму, причемъ помнитъ, что огня въ ней не было; онъ не можетъ придумать, съ какого повода схватилъ топоръ, лежавшій подъ нарами, и вынулъ ножъ изъ подголовья одного изъ спавшихъ товарищей (ножъ оказался принадлежавшимъ Александру Бутрюкову) и началъ рубить въ потьмахъ и рѣзать ножемъ кого попало, не думая нисколько, что рубитъ и рѣжетъ Бутрюкова, Иванова и Барденко. Очувствовавшись нѣсколько отъ опьяненія, онъ вспомнилъ свое преступленіе, содѣянное не помнитъ надъ какими именно личностями, и разбудилъ попавшагося ему на ощупь, изъ числа спавшихъ, рабочаго Архипа Богданова, котораго просилъ дать знать о его преступленіи хозяину; когда пришелъ хозяинъ, Михаилъ Озеровъ, и досталъ огня, то убитыми оказались: Бутрюковъ, Ивановъ и Барденко. На оказавшихся убитыми товарищей своихъ онъ, Батинековъ, никакой злобы не имѣлъ,

и они противъ него ничего злостнаго не имѣли, да и вообще онъ противъ сожителей своихъ въ казармѣ никакой злобы не имѣлъ.

Архипъ *Богдановъ* показалъ, что Бутрюковъ и Барденко, возвратясь изъ улуса съ виномъ, поднесли ему чашки двѣ вина, выпивъ котораго онъ, Богдановъ, легъ спать, но ночью былъ разбуженъ Батинековымъ, который просилъ его дать знать хозяину о томъ, что онъ убилъ людей. Когда онъ, Богдановъ, возвратился въ казарму съ хозяиномъ, то Батинековъ былъ сильно пьянъ. На спросъ хозяина онъ объявилъ, что этихъ людей убилъ онъ, но за что не знаетъ, и что онъ даже не зналъ, кого убиваетъ. Батинековъ совершилъ убійство тѣмъ топоромъ, которымъ самъ работалъ.—Показаніе Богданова подтвердили купецъ *Озеровъ*, и прочіе жившіе въ казармѣ рабочіе, которые добавили, что Батинековъ, какъ съ убитыми, такъ и съ прочими товарищами, ссоры не имѣлъ. Двое изъ рабочихъ пояснили еще, что выпивъ изъ принесеннаго Бутрюковымъ и Барденко вина двѣ чашки, они сильно опьянѣли, почувствовали себя дурно и легли спать.

По отзыву рабочихъ резиденціи Озерова, Батинековъ былъ характера скромнаго и жилъ со всѣми миролюбиво; какихъ либо припадочныхъ болѣзней въ немъ замѣтно не было. Поведеніе Батинекова одобрено на мѣстѣ постояннаго жительства его инородческою управою.

Енисейскій губернскій судъ, препроводивъ въ мѣстную врачебную управу дѣло о совершенномъ Батинековымъ преступленіи, предложилъ ей рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) можетъ ли человѣкъ пьяный до безпамятства дѣйствовать такъ, какъ дѣйствовалъ Батинековъ? и во 2) если такъ, то можетъ ли дѣйствовавшій въ безпамятствѣ отъ опьяненія придти тотчасъ въ сознаніе? Врачебная управа сообщила губернскому суду: 1) что изъ дѣла не видно, чтобы Батинековъ напился пьянымъ съ намѣреніемъ совершить преступленіе; 2) судя по тому, что и прочіе рабочіе въ казармѣ очень скоро и сильно опьянѣли отъ небольшаго количества (одну или двѣ чашки чайныя) выпитаго ими вина, принесеннаго въ казарму Бутрюковымъ и Барденко, можно заключить, что это было не простое хлѣбное вино, но спиртъ (а можетъ быть и съ примѣсью чего либо одуряющаго; 3) извѣстно, что инородцы очень сильно преданы пьянству и въ сильной степени опьяненія теряютъ всякое нравственное достоинство

человѣка, сдѣлавшись дикими, какъ звѣрь; 4) Батинековъ въ своемъ показаніи объяснилъ, что, очнувшись нѣсколько отъ пьянства, онъ вспомнилъ свое преступленіе. Но сколько времени прошло отъ совершенія имъ преступленія до прихода въ сознаніе, изъ дѣла не видно и онъ самъ не опредѣлилъ; свидѣтели же показываютъ, что по приходѣ въ казарму хозяина и при сознаніи въ преступленіи Батинековъ былъ сильно пьянъ. Изъ всего изложеннаго слѣдуетъ: 1) что инородецъ Батинековъ, будучи сильно пьянъ, могъ дойти до совершеннаго безпамятства и безсознательнаго состоянія, или другими словами, во время совершенія преступленія онъ не имѣлъ яснаго понятія о томъ, что дѣлаетъ, что совершаетъ преступленіе и кого рѣжетъ и убиваетъ. Трудно только объяснить: какимъ образомъ и для какой цѣли онъ досталъ еще ножъ изъ подъ головы Бутрюкова? что ножъ дѣйствительно въ это время былъ подъ подушкою Бутрюкова, на это указываетъ только одинъ работникъ Слободчиковъ, который былъ уже самъ выпивши и ушелъ спать на сѣновалъ; но во всякомъ случаѣ съ вѣроятностію можно допустить, что это сдѣлано имъ несознательно, ибо для цѣли убійства одного топора очень достаточно. 2) Что же касается до рѣшенія втораго вопроса, то какъ неизвѣстно, сколько времени прошло отъ совершенія Батинековымъ преступленія до прихода его въ сознаніе, то врачебная управа вполнѣ опредѣлительнаго отвѣта дать не могла. Вообще же можно сказать, что бываютъ случаи, (только очень рѣдко), остраго помѣшательства, подъ вліяніемъ моральныхъ причинъ и также можетъ быть отъ пьянства (dilirium acutum) или сильнаго опьяненія, или вслѣдствіе приема наркотическихъ средствъ, которое продолжается нѣсколько часовъ безъ сознанія дѣйствій, а затѣмъ эта безсознательность проходитъ.

Енисейскій губернскій судъ нашелъ, что въ настоящемъ дѣлѣ положительно доказано, что тотчасъ послѣ убійства, Батинековъ былъ взятъ пьянымъ, и что о преступленіи своемъ онъ тотчасъ же объявилъ самъ, но не объяснилъ причины убійства, отзываясь невѣдѣніемъ ея по случаю опьяненія до безсознательности. Затѣмъ, хотя и не обнаружено положительно поводовъ къ убійству Батинековымъ: Бутрюкова, Иванова и Барденко ни предумышленно, ни въ ссорѣ, ни въ раздраженіи, но слѣдующія обстоятельства останавливаютъ на себѣ вниманіе и какъ единственныя только

въ дѣлѣ, должны быть приняты основаніемъ къ признанію поводомъ убійства той именно причины, которую они до нѣкоторой степени выражаютъ; именно: Батинековъ, Бутрюковъ и Барденко 22 октября 1865 г. сговорились купить вина; по неимѣнію денегъ, они сговорились отдать за вино принадлежащія Батинекову бродни; съ сими послѣдними Бутрюковъ и Барденко пошли за виномъ въ ближній улусъ, а Батинековъ остался ожидать ихъ въ казармѣ, въ которой они всѣ жили вмѣстѣ съ убитымъ Ивановымъ и другими рабочими; терпѣніе Башинекова, какъ видно, въ ожиданіи истощилось, и онъ пошелъ вслѣдъ за Бутрюковымъ и Барденко, которыхъ, какъ говоритъ самъ, встрѣтилъ на дорогѣ возвращавшихся съ виномъ и уже нѣсколько выпившихъ. Остановившись съ ними и выпивъ вина, Батинековъ пошелъ въ улусъ еще за виномъ, а Бутрюковъ и Барденко возвратились въ казарму. Здѣсь рождается вопросъ: почему Батинековъ, довѣривъ купить вино товарищамъ Бутрюкову и Барденко, съ которыми жилъ, какъ говорятъ прочіе рабочіе, никогда не ссорясь, и встрѣтивъ ихъ несшихъ уже вино, не возвратился съ ними въ казарму, а пошелъ въ улусъ еще за виномъ. Онъ могъ оскорбиться, что Бутрюковъ и Барденко, вымѣнявъ вино на его собственность, пили таковое безъ него, или заподозрить, что они мало вымѣняли вина; подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, онъ пьяный легко могъ придти въ раздраженіе. Возвратившись въ казарму пьяный, какъ говоритъ, до безпамятства, онъ убилъ именно Бутрюкова и Барденко и спавшаго съ ними Иванова, не напавъ на кого либо изъ другихъ товарищей, которымъ напротивъ объявилъ о преступленіи. Этимъ еще болѣе подтверждается мысль о раздраженіи его тогда именно противъ Бутрюкова и Барденко. Убѣждаясь этими обстоятельствами и не находя въ дѣлѣ никакихъ данныхъ къ обвиненію Батинекова въ другомъ видѣ убійства, губернскій судъ приговорилъ Батинекова къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на $10^1/_2$ лѣтъ; но вмѣстѣ съ симъ, принимая во вниманіе предположеніе врачебной управы, что выпитый Батинековымъ напитокъ могъ быть спиртъ или вино съ примѣсью чего либо одуряющаго, и что Батинековъ могъ учинить преступленіе пьяный до безпамятства въ безсознательномъ состояніи, губернскій судъ положилъ представить вышеизложенное заключеніе свое на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ енисейской врачебной управы, нашелъ, что инородецъ Батинековъ, подъ вліяніемъ выпитаго имъ вина, (которое, какъ справедливо замѣчаетъ врачебная управа, можетъ быть было не простое вино, а спиртъ и даже съ примѣсью чего либо одуряющаго) могъ дойти до безпамятства и засимъ совершить преступленіе, не имѣя яснаго понятія о томъ, что онъ дѣлаетъ.

О ссыльно-поселенцѣ Яковѣ Капризновѣ, сужденномъ за убійство.

(Галюцинація отъ пьянства, соединенная съ преходящимъ бѣшенствомъ).

Вечеромъ 26 ноября 1864 г., находившійся въ якутской гражданской больницѣ поселенецъ Яковъ Капризновъ нанесъ ножемъ раны тремъ лежавшимъ съ нимъ въ одной палатѣ больнымъ, (поселенцу Крупскому и казакамъ Стучалову и Рѣшетникову) и одному служителю (Бѣляеву). Изъ числа этихъ лицъ одинъ больной (Крупскій) въ тотъ же день умеръ, прочіе же остались живы.

На допросѣ 26 ноября, Яковъ *Капризновъ* показалъ, что утромъ означеннаго числа лежавшіе съ нимъ въ палатѣ больные Крупскій, Стучаловъ и Рѣшетниковъ говорили ему, что вечеромъ они его покончатъ (т. е. убьютъ); на это онъ имъ сказалъ, что они напрасно хлопочутъ, и по 100 р. за это не получатъ; послѣ такихъ словъ, не зная за собою никакой вины, онъ сталъ остерегаться; въ предупрежденіе всего этого онъ изъ палаты никуда не выходилъ и запасся ножемъ якутской подѣлки, который взялъ со стола у больнаго якута Пѣтухова единственно для того, что если кто только дотронется до него, то онъ пуститъ этотъ ножъ въ дѣйствіе къ оборонѣ; вечеромъ всѣ въ палатѣ больные поужинавъ легли спать, а онъ поужинавъ же не спалъ, а ожидалъ изъ коридора лежавшаго въ сосѣдней палатѣ больнаго поселенца Казанскаго, который хотѣлъ его покончить (т. е. убить), и предъ этимъ улучалъ время исполнить надъ нимъ свое намѣреніе, о чемъ ему утромъ было сказано Крупскимъ, Стучаловымъ и Рѣшетниковымъ, которые между тѣмъ хотя и лежали на койкахъ, но то приподнимались сонные, то ложились опять; въ это время, видя ихъ какое то безпокойство, онъ вдругъ внезапно соскочилъ съ своей койки съ ножемъ въ рукахъ и бросился сна-

чала на казака Рѣшетникова, потомъ на казака Стучалова, и наконецъ на Крупскаго, нанесъ имъ ножемъ раны, но куда именно онъ нанесъ раны, въ горячкѣ не помнитъ; тотчасъ придя въ память, онъ началъ Крупскому заговаривать кровь. По крику раненыхъ и прочихъ въ палатѣ больныхъ, онъ былъ взятъ служителями, изъ которыхъ Бѣляевъ выбилъ изъ его рукъ ножъ.

Раненые Капризновымъ казаки, Стучаловъ и Рѣшетниковъ и служитель Бѣляевъ, а равно поселенецъ Казанскій отозвались, что они не только ссоры или вражды, но и знакомства съ Капризновымъ не имѣли и даже ничего съ нимъ не говорили; разстройства умственныхъ способностей они у Капризнова не замѣтили.

Исправляющій должность инспектора медицинской части якутской области, Пѣтуховъ, отношеніемъ 29-го ноября 1864 г., сообщилъ производившему слѣдствіе по настоящему дѣлу квартальному надзирателю, что Капризновъ 27 ноября былъ свидѣтельствованъ имъ при завѣдующемъ гражданскою больницею якутскомъ городовомъ врачѣ Дудзинскомъ, а 28 и 29 ноября былъ изслѣдуемъ имъ, Пѣтуховымъ, отдѣльно въ тюремномъ замкѣ, куда Капризновъ былъ переведенъ изъ гражданской больницы. При этомъ Капризновъ оказался въ здравомъ, по видимому, умѣ; по крайней мѣрѣ въ немъ не замѣчалось никакихъ видимыхъ признаковъ разстройства умственныхъ способностей, а равно и явленій тѣлеснаго нездоровья, хотя онъ и объясняетъ, что совершилъ преступленіе подъ вліяніемъ будто бы слышанныхъ имъ голосовъ неизвѣстно чьихъ, побуждавшихъ его къ тому, и что такіе голоса слышатся ему будто бы и теперь, но этого ощущенія его провѣрить нѣтъ физической возможности, тѣмъ болѣе, что Капризновъ ѣстъ и пьетъ съ аппетитомъ и спитъ хорошо, за исключеніемъ ночи на 28 число, которую онъ, въ кандалахъ, въ казаматѣ, по словамъ его, провелъ дурно. Въ гражданскую больницу онъ препровожденъ былъ изъ городовой управы съ легкими ознобленіями перстовъ и ничтожнымъ ушибомъ руки и груди, не требовавшими особеннаго леченія*), при

*) Изъ имѣющагося въ дѣлѣ скорбнаго листа видно, что Капризновъ поступилъ въ якутскую гражданскую больницу 24 ноября 1864 г.; за 25 ноября въ скорбномъ листѣ значится, что Капризновъ упалъ на улицѣ и расшибъ себѣ руку и бокъ; пальцы ногъ у него озноблены. Назначена Aq Goulardii для примочки. За 26 число сказано, что Капризновъ совершилъ убійство.

чемъ ни при пріемѣ его, ни послѣ-до учиненнаго имъ преступленія и послѣ оного никакихъ признаковъ умопомѣшательства или бреда въ немъ не замѣчено. Но какъ Капризновъ до препровожденія его въ больницу, по словамъ его, пьянствовалъ, то все таки необходимо, для опредѣленія состоянія его умственныхъ способностей и здоровья, подвергнуть его испытанію, по крайней мѣрѣ шести недѣльному, а затѣмъ надлежащему освидѣтельствованію въ областномъ присутствіи.

При передопросѣ 4 декабря 1864 г., Яковъ *Капризновъ* отозвался, что, кажется, еще 14 ноября онъ взялъ въ задатокъ у довѣреннаго золотопромышленника Трапезникова Ивана Григорьева 25 руб. сер.; на эти деньги онъ постоянно пилъ вино и покупалъ съѣстные припасы; приведенъ онъ былъ въ больницу въ пьяномъ видѣ, казаками; послѣдніе, какъ онъ можетъ упомнить, взяли его на улицѣ съ немного отмороженными ногами и руками, которыя въ больницѣ были оттерты снѣгомъ. Съ этого времени до сдѣланія преступленія онъ никакого медицинскаго пособія не получалъ, хотя и просилъ открыть ему кровь.

Завѣдующій якутскою гражданскою больницею врачъ *Дудзинскій* на запросъ слѣдователя объяснилъ, что въ моментъ поступленія въ больницу онъ Капризнова не видѣлъ; у Капризнова оказались ознобленія ножныхъ пальцевъ и ушибы на рукѣ и груди; во время нахожденія въ больницѣ Капризновъ былъ въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей. — Лекарскій ученикъ якутской больницы, *Тогаевъ*, отозвался, что при поступленіи въ больницу изо рта Капризнова можно было слышать непріятный винный запахъ, но совершенно пьянымъ Капризнова назвать было нельзя. Въ день преступленія, утромъ до визитаціи, Капризновъ неоднократно *просилъ его открыть ему изъ руки кровь* безъ вѣдома врача; причемъ говорилъ, что онъ не хочетъ безпокоить врача, да тотъ и не прикажетъ; засимъ Капризновъ говорилъ, что онъ пускаетъ кровь каждогодно и что пришло для этого время. На все это онъ, Тогаевъ, сказалъ Капризнову, чтобы онъ просилъ доктора.

15 мая 1865 г. Яковъ Капризновъ былъ освидѣтельствованъ въ состояніи умственныхъ способностей въ якутскомъ областномъ присутствіи. Въ актѣ сего освидѣтельствованія между прочимъ изложено, что изъ скорбнаго листа, веденнаго инспекто-

ромъ Пѣтуховымъ, наблюдавшимъ Капризнова въ тюремномъ замкѣ съ 27 ноября 1864 по 28 апрѣля 1865 г., видно, что по переводѣ изъ гражданской больницы въ замокъ (27 ноября), Капризновъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ: тѣлосложенія онъ крѣпкаго, росту умѣренно-высокаго, темперамента холерическо-сангвиническаго, отъ роду повидимому не болѣе 40 лѣтъ; выраженіе лица нѣсколько смущенное, съ свирѣпымъ однакожъ какъ бы оттѣнкомъ, глаза здоровые, взглядъ ясный, бойкій, почти наглый, но по временамъ также тревожный, особливо когда Капризновъ давалъ уклончивые отвѣты или при продолжительномъ испытующемъ его разсматриваніи; температура головы и всѣхъ частей у него была нормальная, біеніе сердца и пульсъ слегка ускорены, это повидимому происходило отъ душевнаго волненія, возбуждаемаго медицинскими распросами и изслѣдованіемъ; дыханіе нормальное, языкъ бѣловатый, не влажный, аппетитъ хорошъ; вкусъ обыкновенный; въ кишечномъ каналѣ, мочевыхъ и другихъ отдѣлительныхъ и выдѣлительныхъ органахъ никакихъ анатомическихъ поврежденій или болѣзненныхъ измѣненій не обнаружено. — Капризновъ въ ночь съ 27 на 28 число, будучи перемѣщенъ скованнымъ въ замокъ, спалъ дурно; это, повидимому, составляло обыкновенное послѣдствіе перемѣны его положенія; судилъ онъ правильно и о прошлой жизни разсказывалъ откровенно, что онъ былъ солдатомъ въ нижегородскомъ баталіонѣ, подвергся наказанію шпицрутенами сквозь строй, переведенъ въ забайкальское казачье войско, гдѣ снова впалъ въ проступки, былъ судимъ и, по рѣшенію суда, исключенъ изъ военнаго сословія и сосланъ на водвореніе въ якутскую область. Относительно убійства, учиненнаго въ гражданской больницѣ, Капризновъ говорилъ, что онъ слышалъ какіе то голоса, которые приказывали ему убить кого нибудь, но чьи были тѣ голоса, ему неизвѣстно; «да и притомъ я еще не убивалъ никого», говорилъ Капризновъ, «думаю дай убью, что будетъ? но теперь мнѣ жалко того, что я сдѣлалъ, а голоса иногда слышатся мнѣ за стѣной или за дверью и теперь». — Болѣе ничего особеннаго въ Капризновѣ открыто не было. По удовлетворительному состоянію его здоровья, хотя онъ и говорилъ о голосахъ, но это не могло быть доступно провѣркѣ или изслѣдованію медицинскому; безъ очевидныхъ матеріальныхъ въ тѣлѣ разстройствъ ему никакого ле-

ченія не было назначено, а приказано только было, кому слѣдовало, наблюдать за нимъ бдительно днемъ и ночью. Затѣмъ съ 30 ноября 1864 по 29 апрѣля 1865 года Капризновъ былъ совершенно здоровъ душевно и тѣлесно, за исключеніемъ перемежающейся лихорадки, которая появилась у него 13 апрѣля и 25 числа прекратилась. — Во время освидѣтельствованія въ областномъ присутствіи, 15 мая 1865 г., Капризновъ имѣлъ выраженіе лица спокойное, слегка грустное, взглядъ ясный, спокойный, слегка тоже омраченный печалью, держалъ себя прямо и прилично, отвѣчалъ на всѣ вопросы ровнымъ, чистымъ, внятнымъ голосомъ; всѣ физіологическія отправленія совершаются у него нормально, и въ органахъ тѣла вообще не обнаружено медицинскимъ изслѣдованіемъ никакихъ болѣзненныхъ измѣненій. — На предложенные нижеслѣдующіе вопросы Капризновъ отвѣтилъ: *Вопр.* Кто ты? *Отв.* Ссыльный. *Вопр.* Въ какомъ мѣстѣ родился? *Отв.* Я родился московской губерніи, московскаго уѣзда, въ деревнѣ Путилковѣ въ 15 верстахъ отъ Москвы. *Вопр.* Изъ какого сословія происходишь? *Отв.* Изъ крестьянъ, въ Путилковѣ проживающихъ. *Вопр.* Какіе это крестьяне: государственные или бывшіе помѣщичьи? *Отв.* Государственные крестьяне. *Вопр.* Какъ твое имя и прозвище? *Отв.* Яковъ Капризновъ. *Вопр.* Какъ зовутъ отца и мать, и живы ли они? *Отв.* Отца звали Федоромъ Козминымъ, а мать Анной Дмитріевой, бывшей до замужества Лузиной. Они оба умерли уже давно, когда я былъ еще въ малолѣтствѣ, а потому я ихъ не помню. *Вопр.* Кто же тебя пропитывалъ по смерти родителей? *Отв.* Я жилъ у родныхъ — у дѣдушки и тетки; дѣдушку звали Дмитріемъ, а тетку Татьяной, по прозвищу Лузины. *Вопр.* Долго ты жилъ въ деревнѣ Путилковѣ, и куда оттуда выбылъ? *Отв.* Въ деревнѣ я жилъ до 23 лѣтъ, а затѣмъ по найму сданъ въ солдаты (подробно разсказываетъ о жизни въ деревнѣ, о наймѣ и сдачѣ въ солдаты). *Вопр.* Куда поступилъ на службу? *Отв.* Въ нижегородскій баталіонъ, гдѣ находился съ 1848 по 58 годъ, но за самовольную отлучку на 10 дней былъ наказанъ сквозь строй и переведенъ въ забайкальское казачье войско на службу (при этомъ Капризновъ обстоятельно разсказываетъ обо всѣхъ похожденіяхъ своихъ, о начальственныхъ лицахъ баталіона и первой конной бригады забайкальскаго казачьяго войска). *Вопр.*

Сколько времени находился въ забайкальскомъ войскѣ? *Отв.* Съ 1859 по 1864 годъ, но потомъ за пьянство и отлучку въ Кяхту исключенъ изъ войска и посланъ въ якутскую область. *Вопр.* Когда ты находился въ войскѣ, то къ какому караулу или станицѣ былъ причисленъ? *Отв.* Я находился на баціевскомъ караулѣ; жилъ тамъ хорошо, хотѣлъ жениться, любимъ былъ сослуживцами-жителями караула; но виной всему худому моему теперешнему положенію ничто другое, какъ одно несчастное пьянство. (Разсказываетъ въ подробности о проживающихъ въ баціевскомъ караулѣ казакахъ, ихъ семействахъ, и о начальствующихъ лицахъ, а также о хлѣбопашествѣ и промышленности казаковъ, о рѣкахъ и рѣчкахъ, по карауламъ отъ Кяхты до китайской границѣ расположеннымъ, весьма обстоятельно и связно). *Вопр.* Можешь ли ты разсказать, какими болѣзнями страдалъ съ малолѣтства и по настоящее время, или былъ всегда здоровъ? *Отв.* Съ малыхъ лѣтъ по временамъ страдалъ только болями пониже пупа, какъ будто что то подкатится, такъ что мѣста не найдешь, а потомъ само собой и пройдетъ. Эта боль и теперь является въ животѣ, и Богъ его знаетъ, что это такое, а то былъ бы совершенно здоровъ. (Но ни прощупываніемъ, ни другими физическими изслѣдованіями нельзя было открыть какого либо матеріальнаго измѣненія въ органахъ брюшной полости, которое бы объясняло или подтверждало разсказы Капризнова о своей болѣзни). *Вопр.* Судя по твоимъ разсказамъ и другимъ обстоятельствамъ, ты охотникъ большой до пьянства; скажи, неужели ты послѣ перепоевъ всегда былъ здоровъ и чувствовалъ себя какъ слѣдуетъ, кромѣ можетъ быть, боли въ животѣ, которая могла появляться? *Отв.* Нѣтъ, послѣ питья водки всегда дѣлается дурно сильно, да и мучитъ и ломаетъ всего крѣпко. Да какъ пройдетъ, за тоже принимаешься. Былъ я разъ за Байкаломъ на пріискахъ и когда послѣ запилъ, то тогда было всячины, чего не лѣзло въ голову, чего не представлялось? да такъ, товарищи поберегли, и до начальства не дошло; дома поправился. Но послѣ этого уже ничего подобнаго не случалось. Все мое несчастье отъ пьянства. *Вопр.* А здѣсь въ Якутскѣ ты нанимался рабочимъ на промыслы? *Отв.* Здѣсь я нанялся въ прошломъ году въ ноябрѣ мѣсяцѣ на олекминскіе золотые пріиски и получилъ отъ довѣреннаго купца Трапезникова 14 числа 25

руб. задатку. *Вопр.* Куда же ты эти деньги истратилъ? *Отв.* Да часть заплатилъ за квартиру, на другую хотѣлъ купить кой какую одежишку, да на сборы и харчъ употребить; но запилъ, а у пьянаго, извѣстное дѣло, деньги не сохранятся. *Вопр.* Одинъ ты пьянствовалъ, или съ кѣмъ нибудь? *Отв.* Конечно попить вина на чужія деньги охотниковъ много найдется, а потому и у меня было не безъ нихъ. *Вопр.* Сколько же времени ты пьянствовалъ, и былъ ли въ это время здоровъ? *Отв.* Я сталъ гулять съ 15 ноября, но былъ здоровъ; а деньги всѣ у меня межъ рукъ ушли; которыя пропилъ, которыя разронялъ. *Вопр.* А какъ ты попалъ въ больницу? *Отв.* Не помню, въ пьяномъ видѣ; а когда опомнился, то ничего не чувствовалъ особеннаго, кромѣ головной боли, а также болѣли рука и грудь, а потомъ что было, не помню. *Вопр.* Но что тебя побудило броситься на больныхъ съ ножемъ и нанести имъ раны, отъ которыхъ одинъ тогда же умеръ? *Отв.* Ножъ былъ на столѣ у больнаго якута Пѣтухова; я слышалъ голоса, которые меня побуждали къ убійству, видѣлся народъ какой-то, который безпрестанно входилъ въ комнату и уходилъ, а также представлялось, что больные, съ которыми я былъ въ палатѣ, меня хотѣли убить; а потому я и бросился на нихъ, чтобы лучше ихъ убить, а потомъ хотѣлъ порѣшить и себя, но теперь хорошо всего не припомню; когда я очнулся, то самъ испугался, что̀ надѣлалъ и что со мной случилось. (Въ подробности Капризновъ о происшествіи говорилъ все тоже, что и прежде и что уже изложено выше). *Вопр.* Теперь какъ ты себя чувствуешь? *Отв.* Теперь я вполнѣ здоровъ и ожидаю рѣшенія своей участи; начальство можетъ видѣть, что все говорю предъ нимъ, какъ предъ Богомъ, не утаивая ничего. Дѣло прошлое; мое все несчастье въ пьянствѣ. Какъ со мной такая бѣда случилась, и самъ не понимаю, но виноватъ во всемъ. (При этомъ Капризновъ кланялся съ убитымъ и сокрушеннымъ видомъ).—Дальнѣйшіе разговоры о разныхъ предметахъ съ Капризновымъ не обличали въ немъ ни малѣйшей путаницы въ мысляхъ, ни ложныхъ представленій, понятій или какихъ либо грубыхъ и фанатическихъ заблужденій, нравственныхъ или религіозныхъ.

Областное присутствіе пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) арестантъ Яковъ Капризновъ пользуется полнымъ тѣлес-

нымъ здоровьемъ и обладаетъ совершенно здравыми умственными способностями. 2) Что касается вопроса: былъ ли Капризновъ въ подобномъ же здоровомъ состоянiи и въ полномъ умѣ въ то время, когда въ гражданской больницѣ совершилъ тяжкое преступленiе, или находился въ такомъ болѣзненномъ состоянiи тѣла и умственныхъ способностей, что не имѣлъ психической свободы, т. е. не сознавалъ своихъ противузаконныхъ дѣйствiй, то рѣшенiя этого вопроса можно достигнуть строгимъ сопоставленiемъ и сличенiемъ представляющихся въ семъ судебно-медицинскомъ случаѣ обстоятельствъ и опредѣлительнымъ изъ оныхъ окончательнымъ выводомъ.—Если съ одной стороны обратить вниманiе на врачебныя наблюденiя и показанiя спрошенныхъ по дѣлу этому лицъ, а именно: а) что предъ происшествiемъ никѣмъ не замѣчено въ Капризновѣ признаковъ, обличающихъ разстройство умственныхъ способностей; б) что при поступленiи въ больницу Капризновъ имѣлъ только легкое ознобленiе ножныхъ перстовъ и ничтожный ушибъ руки и груди отъ паденiя на землю; в) что въ то время онъ не былъ пьянъ, но казался только съ перепою; г) что въ больницѣ онъ ѣлъ, пилъ и спалъ удовлетворительно; д) что онъ дурной нравственности что доказываютъ его преданность пьянству и неоднократные проступки по военной службѣ, навлекшiе исключенiе его изъ военнаго сословiя и ссылку на водворенiе въ якутскую область; е) что онъ, для совершенiя преступленiя, укралъ ножъ у больнаго якута Пѣтухова и, уже спустя нѣсколько времени, когда больные легли спать, а нѣкоторые вѣрно уже и заснули, слѣдовательно обдуманно, напалъ на беззащитныхъ и кололъ ихъ съ остервененiемъ; ж) что на другой день по приключенiи и въ послѣдующее время, при врачебномъ надъ нимъ наблюденiи въ тюремномъ замкѣ, онъ казался здоровымъ, пилъ, ѣлъ и спалъ *хорошо*, за исключенiемъ ночи съ 27 на 28 число ноября, т. е. первой по переводѣ въ замокъ и заключенiи въ кандалы, что могло быть послѣдствiемъ внезапной перемѣны его положенiя; з) и наконецъ, что и формальное трехмѣсячное наблюденiе въ тюремномъ замкѣ не обнаружило въ немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ сумасшествiя, или какой либо болѣзни, соединенной съ бредомъ: то Капризновъ окажется совершившимъ преступленiе въ здравомъ состоянiи умственныхъ способностей.—Но обращая

такое же полное вниманіе на другія обстоятельства дѣла, именно: а) что Капризновъ съ 15 числа ноября, по наймѣ рабочимъ на золотые промыслы и полученіи значительныхъ для него денегъ, 25 руб. пустился по привычкѣ въ отчаянное пьянство, такъ что ко дню препровожденія его въ гражданскую больницу, 24 числа означеннаго мѣсяца, уже ни копѣйки не осталось у него изъ тѣхъ 25 руб. серебр.; б) что при поступленіи въ больницу онъ казался съ перепою, а этимъ словомъ выражается извѣстное, рѣзко бросающееся въ глаза состояніе пьянствовавшихъ предъ тѣмъ лицъ; в) что этимъ 24 числомъ внезапно прервано его девяти или десяти-дневное, до чрезвычайности неумѣренное употребленіе водки; г) что мучившія его съ сильнаго перепоя волненія испорченной уже отчасти алкоголическимъ отравленіемъ крови и ненормальныя ея дѣйствія на нервную систему съ начавшими проявляться, незамѣтными еще для постороннихъ, но невыносимыми для него, обманами чувствъ, т. е. ложно-ощущеніями и мнимо-ощущеніями, побуждали его просить лекарскихъ учениковъ пустить ему кровь, такъ какъ, по словамъ его, онъ притомъ имѣлъ привычку подвергаться этой операціи; д) что подъ вліяніемъ такихъ обмановъ чувствъ ему видѣлся народъ, входившій въ палату и уходившій изъ нея; а вечеромъ, когда онъ запасся ножемъ, могло ему представляться, что больные, на коихъ падало его подозрѣніе въ намѣреніи покуситься на его жизнь, то приподнимались съ кроватей, то ложились, какъ бы выжидая благопріятной минуты поразить его, а между тѣмъ изъ за стѣны слышались голоса, побуждавшіе его къ спасенію себя лучше тѣмъ, чтобы поразить мнимыхъ враговъ прежде, чѣмъ они успѣютъ напасть на него; е) что не удерживая себя болѣе, вскочилъ онъ съ кровати и съ неистовствомъ началъ колоть ножемъ близъ него лежавшихъ больныхъ; ж) что при видѣ крови и тревоги, схваченный и скрученный веревками, онъ пришелъ въ себя и испугался своихъ поступковъ, хотя и тутъ голоса, неизвѣстно чьи, все еще ему слышались вдали; з) что перемѣщенный въ тюремный замокъ, онъ еще слышалъ изрѣдка голоса за дверью и за стѣной; въ первое время въ физіономіи его замѣтенъ былъ оттѣнокъ нѣкоторой свирѣпости, а въ глазахъ подъ часъ нахальный взглядъ, исчезнувшіе современемъ; и) что наконецъ, не было никакихъ,

хотя сколько нибудь основательныхъ причинъ, которыя побуждали бы его къ убійству тѣхъ лицъ, на жизнь коихъ онъ покусился, да какъ видно, для него почти все равно было, кто бы подъ ножъ не попался, — нельзя не признать и, притомъ, съ полнымъ безпристрастіемъ, что Капризновъ совершилъ тяжкое злодѣяніе, не будучи психически свободенъ, но во время приступа кратковременнаго или скоропреходящаго помѣшательства ума или сумашествія (Furor transitorius), главнѣйшей причиной проявленія котораго было отчаянное, предшествовавшее несчастному приключенію и притомъ внезапно прерванное, пьянство, тѣмъ болѣе, что уже Капризновъ и прежде подобному состоянію отъ пьянства подвергался, какъ онъ самъ о томъ говоритъ, и чему можно вполнѣ вѣрить по его склонности къ пьянству; и 3) такъ какъ у Капризнова уже болѣе пяти мѣсяцевъ не возобновляется никакихъ припадковъ умоизступленія, а бывшее его умопомѣшательство зависѣло отъ пьянства, то выздоровленіе его можно считать прочнымъ, потому что такое умоизступленіе не иначе можетъ у него снова появиться, какъ только подъ вліяніемъ той же причины, а именно — пьянства; а потому онъ можетъ быть, безъ опасности для общества и себя самого, освобожденъ и отданъ на благонадежное поручительство съ обязательствомъ строго наблюдать, чтобы онъ не предавался пьянству, къ коему онъ весьма склоненъ, и отъ котораго можетъ подвергнуться снова умоизступленію, вредному для себя и для другихъ.

Якутскій областной судъ признавая, что Якову Капризнову не слѣдуетъ вмѣнять въ вину содѣянное имъ преступленіе и что надъ нимъ слѣдовало бы учредить предписанный 108 ст. улож. о наказ. надзоръ, нашелъ, что такъ-какъ Капризновъ не имѣетъ родственниковъ, и какъ по условіямъ жизни якутовъ надъ нимъ не можетъ быть общественнаго надзора, то необходимо заключить его въ домъ умалишенныхъ, примѣняясь къ ст. 107 того же устава, на двухгодичный срокъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ нашелъ: 1) что если Капрізновъ не воздержится отъ неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, то съ нимъ легко можетъ повториться состояніе, подобное тому, въ которомъ онъ былъ во время совершенія преступленія, т. е. 26 ноября 1864

г.; но что 2) помѣщать Капризнова въ домъ умалишенныхъ, для испытанія относительно возможности повторенія у него скоропреходящаго умопомѣшательства не слѣдуетъ; для предупрежденія же появленія такого состоянія необходимо имѣть его, какъ опаснаго для общества человѣка, подъ строгимъ надзоромъ, для чего, при невозможности учрежденія такого надзора надъ нимъ въ мѣстѣ его жительства, полезно было бы помѣстить его или въ рабочемъ домѣ или другомъ подобнаго рода заведеніи, въ которомъ можно бы было имѣть за нимъ постоянный строгій надзоръ.

Убійство крестьяниномъ Ананіемъ Кузнецовымъ трехъ лицъ.

(Ложная идея).

18 мая 1859 года вотчинная контора деревни Миловки, уфимскаго уѣзда (оренбургской губерніи), донесла временному отдѣленію уфимскаго земскаго суда, что 17 числа мая въ 10 часу вечера, крестьянинъ означенной деревни, Ананій Кузнецовъ, неизвѣстно по какому случаю, зарѣзалъ жену свою Дарью, сына Михаила и дворовую дѣвку Татьяну Васильеву, и что хотя контора съ своей стороны и принимала мѣры къ узнанію отъ преступника причинъ, по которымъ совершено имъ преступленіе, но онъ, по закоснѣлости своей, рѣшительно никакого отвѣта не далъ.

По освидѣтельствованіи зарѣзанныхъ Кузнецовымъ лицъ, произведенному 19-го мая 1859 г. временнымъ отдѣленіемъ уфимскаго земскаго суда, оказалось: 1) Дарья Михайлова (32 лѣтъ) лежала на порогѣ избы, принадлежащей Кузнецову; горло ея было перерѣзано до половины; нижняя часть живота найдена была возвышенною, какъ замѣтно, отъ беременности, начавшейся назадъ тому 5 мѣсяцевъ; 2) Михаилъ Кузнецовъ (4 лѣтъ) лежалъ въ сѣняхъ избы Кузнецова въ люлькѣ и имѣлъ разрѣзанное горло; 3) Татьяна Васильева (40 лѣтъ) лежала въ домѣ, отстоящемъ отъ дома Кузнецова саженяхъ во 100, — на полу, горло ея разрѣзано было до половины шеи; на всѣхъ вышеозначенныхъ мертвыхъ тѣлахъ никакихъ знаковъ, кромѣ описанныхъ, не оказалось.

При слѣдствіи крестьянинъ Ананій Кузнецовъ (38 лѣтъ) 19 мая 1859 года показалъ,—что назадъ тому 13 лѣтъ онъ женился на Дарьѣ Михайловой, съ которою и жилъ постоянно въ любви и согласіи; четыре года назадъ Дарья родила отъ него сына Михаила и въ послѣднее время, какъ сама говорила, была еще беременною. Года три назадъ онъ, Ананій, сблизился съ живущею въ ихъ деревнѣ вольноотпущенною дѣвицею Татьяною Васильевою, съ которою и имѣлъ прелюбодѣйную связь; преступленіе это, т. е. прелюбодѣйная связь, мучило его совѣсть, и онъ старался удалиться отъ Татьяны Васильевой, и уже годъ тому назадъ намѣренъ былъ лишить ее жизни; въ послѣднее время совѣсть стала его еще болѣе мучить; зная однакожъ, что лишеніе Васильевой жизни будетъ имѣть послѣдствіемъ разлуку его съ женою и сыномъ, которыхъ ему было жаль, онъ, Ананій, рѣшился исполнить намѣреніе свое, умертвивъ всѣхъ ихъ; для сего 17 мая выпросилъ у брата своего, подъ предлогомъ идти въ лѣсъ вырѣзать себѣ палку, острый ножъ, и чтобы не навлечь на себя подозренія, пошелъ въ оный и вырѣзалъ палку; возвращаясь изъ лѣса онъ встрѣтилъ въ переулкѣ свою жену и сказалъ ей, чтобы она шла ужинать; самъ же пошелъ къ Татьянѣ Васильевой; вскорѣ по приходѣ его, хозяинъ и хозяйка дома, въ которомъ квартировала Васильева, вышли на улицу гулять; оставшись съ Татьяною въ отдѣльной ея комнатѣ, онъ, Ананій, легъ съ нею на бывшую на полу постель,—вынулъ правою рукою изъ за сапога ножъ и, зажавъ лѣвою ротъ Васильевой, съ двухъ разъ перерѣзалъ ей горло; испугавшись, онъ выбѣжалъ изъ избы и пошелъ къ своему дому, гдѣ отецъ, мать, сестра и теща его уже спали; жена же еще не спала и лежала на постели въ сѣняхъ, а сынъ спалъ въ люлькѣ; придя къ женѣ, онъ сказалъ, что ляжетъ съ нею спать, и когда прилегъ, то повелъ ножемъ по ея горлу, и думая, что зарѣзалъ ее, пошелъ рѣзать сына; но въ это время жена встала и побѣжала было въ избу, но увидѣвъ, что онъ рѣжетъ сына, воротилась къ нему;—успѣвъ уже зарѣзать сына, онъ бросился за женой, которая упала на порогъ избы, гдѣ онъ ее и дорѣзалъ. На происшедшій отъ этого шумъ встали отецъ, мать и прочіе семейные и закричали на него, что онъ сдѣлалъ? отвѣтивъ на это, что зарѣзалъ Татьяну Васильеву, жену и сына,

онъ, Ананій, подалъ матери своей ножъ; когда же собрался народъ, то сказалъ, чтобы его взяли и дѣлали съ нимъ то, что онъ заслужилъ.

Семейные Ананія Кузнецова, подтвердивъ вышеизложенное показаніе его, объяснили, что Ананій всегда былъ въ полномъ здравомъ разсудкѣ; чтó побудило его совершить преступленіе, они не знаютъ; любовной связи Ананія съ дѣвкою Татьяною Васильевою не замѣчали; къ Васильевой онъ ходилъ часто, но говорилъ, что ходитъ къ ней для того, чтобы слушать священныя книги; въ послѣднее время Ананій сталъ уклоняться, подъ видомъ болѣзни, отъ своихъ и господскихъ работъ; предъ совершеніемъ же убійства былъ задумчивъ.— Мать Ананія, Анна Антонова, показавъ согласно съ прочими семейными своими, добавила, что когда она увидѣла Дарью Михайлову лежащею возлѣ порога и хотѣла подойти къ ней на помощь, то Ананій сказалъ, чтобы она не безпокоилась, ибо онъ зарѣзалъ жену, сына и дѣвку Татьяну Васильеву; когда же она, Анна, вскричала «что ты злодѣй сдѣлалъ,? то Ананій, подавъ ей ножъ» отвѣтилъ: «молись Богу, чтобъ и тебя не зарѣзалъ».

Бурмистръ деревни Миловки, Андрей Афанасьевъ, показалъ, что получивъ вечеромъ 17 мая объявленіе о сдѣланномъ Ананіемъ Кузнецовымъ преступленіи и придя къ его дому, онъ нашелъ, что Ананій ходилъ по двору; увидя же его, Афанасьева, Ананій вошелъ вь сѣни избы и заперъ ихъ за зобою; когда же онъ, Афанасьевъ, осмотрѣвъ зарѣзанныхъ Ананіемъ лицъ, снова подошелъ къ его избѣ со свѣчею въ рукахъ, то Ананій потребовалъ отъ него свѣчу и получивъ ее въ окно, поставилъ на столъ и затѣмъ сказалъ, чтобы онъ, Афанасьевъ, не боялся и шелъ бы прямо въ избу; лишь только онъ успѣлъ войти въ избу, Ананій самъ заложилъ себѣ назадъ руки и велѣлъ связать ихъ.—Къ сему бурмистръ Афанасьевъ добавилъ, что о любовной связи Ананія съ Татьяною онъ не слыхалъ, съ женою Ананій жилъ хорошо; подъ видомъ болѣзни онъ мало по малу сталъ уклоняться отъ господскихъ работъ и впослѣдствіи времени даже совершенно оставилъ ихъ.

На повальномъ обыскѣ крестьяне деревни Миловки отозвались, что Ананій Кузнецовъ былъ поведенія хорошаго, жилъ съ женою своею и другими семейными дружно, но въ послѣднее

время чрезвычайно сталъ лѣнивъ къ господскимъ работамъ и часто ходилъ къ дѣвкѣ Васильевой для слушанія, какъ говорилъ, божественныхъ книгъ.

На передопросѣ въ присутствіи уфимскаго уѣзднаго суда, 27 мая 1859 года, Ананій Кузнецовъ, утвердивъ прежнее показаніе свое, присовокупилъ, что онъ зарѣзалъ жену свою, малолѣтняго сына и вольноотпущенную дѣвицу Татьяну Васильеву съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ.—Оренбургская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что преступленіе сдѣлано Кузнецовымъ, по собственному его сознанію, отъ мучившей его совѣсти за прелюбодѣйную связь съ дѣвицею Васильевою, слѣдовательно онъ могъ посягнуть на жизнь одной лишь Васильевой, но не рѣшиться на лишеніе жизни жены своей и малолѣтняго сына, которыхъ любилъ; а потому рождается сомнѣніе, въ надлежащемъ ли состояніи разсудка сдѣлано Кузнецовымъ преступленіе, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ изъ дѣла видно, въ послѣднее время сдѣлался лѣнивымъ къ работамъ, часто задумывался и отзывался болѣзнію. На основаніи сего палата просила оренбургское губернское правленіе объ освидѣтельствованіи подсудимаго Кузнецова въ умственныхъ его способностяхъ.

7-го августа 1859 г. Кузнецовъ былъ освидѣтельствованъ въ особомъ присутствіи оренбургскаго губернскаго правленія, причемъ, какъ видно изъ имѣющагося въ дѣлѣ отношенія оренбургскаго губернскаго правленія въ уголовную палату отъ 13 марта 1861 г., члены мѣстной врачебной управы признали нужнымъ, подвергнуть его, Кузнецова, трехмѣсячному испытанію въ тюремной больницѣ, подъ наблюденіемъ врача оной; о семъ было предписано смотрителю уфимскаго тюремнаго замка, съ тѣмъ, чтобы онъ о послѣдующемъ по истеченіи срока, донесъ губернскому правленію, съ присовокупленіемъ заключенія врача, имѣющаго наблюдать за состояніемъ здоровья Кузнецова. На это смотритель тюремнаго замка, согласно отзыву врача Беневаленскаго, донесъ губернскому правленію, что въ арестантѣ крестьянинѣ Кузнецовѣ, никакихъ, въ теченіе означеннаго срока испытанія въ тюремной больницѣ, признаковъ умопомѣшательства не замѣчено.

Губернское правленіе для положительнаго заключенія о со-

стояніи здоровья крестьянина Кузнецова, вновь освидѣтельствовало его 30 ноября 1859 г., въ общемъ присутствіи своемъ, чрезъ членовъ врачебной управы.—На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи вопросы Кузнецовъ отвѣчалъ: 1) Какъ тебя зовутъ?—Ананій Павловъ Кузнецовъ. 2) Откуда ты родомъ? Изъ Миловки. 3) Изъ переселенцевъ, или родился въ мѣстѣ жительства?—Я родился въ Миловкѣ. 4) Имѣешь семейство?—Былъ женатъ, и сынъ былъ. 5) Давно ли овдовѣлъ?—Охъ нѣтъ; я убилъ жену. 6) А сынъ, давно ли умеръ?—И сына убилъ. 7) Что же тебя побудило учинить столь тяжкое преступленіе?—Жалко было ихъ оставить. 8) Хорошо ли ты жилъ съ женою?—Хорошо, батюшки,—я любилъ жену. 9) Такъ за что же ты жену и сына убилъ?—Жалко стало ихъ оставлять; сынъ мой, ненаглядное дитятко, все бы на него смотрѣлъ; охъ тоска беретъ, и теперь бы все смотрѣлъ на него. 10) Зачѣмъ же нужно было тебѣ оставлять ихъ, когда они съ тобою вмѣстѣ жили?—Я уходилъ на богомолье въ Кіевъ. 11) Такъ взялъ бы ихъ вмѣстѣ съ собою?—Жалко было ихъ оставить, тоска смертная. 12) Знаешь ли ты, какому наказанію за это подвергаешься?—Охъ батюшки, (ставъ на колѣни) разрѣшите поскорѣе меня, хоть сто плетей вытерплю, только пустите меня, я за всѣхъ за васъ потружусь у Бога. —Члены врачебной управы, принимая въ соображеніе сообщенныя уголовной палатой обстоятельства, предшествовавшія совершенію Кузнецовымъ преступленія, его задумчивость, уклоненіе отъ обыкновенныхъ работъ, подъ предлогомъ болѣзни, и лѣнивое исполненіе оныхъ, а также данные имъ на вопросы 7, 9, 10, 11 и 12 отвѣты, не имѣющіе логической связи дѣйствія съ причиной,—хотя и пришли къ убѣжденію о разстройствѣ умственныхъ его способностей, вопреки мнѣнію врача, имѣвшаго наблюденіе за нимъ въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, однакоже по важности дѣла, для положительнаго заключенія, признали нужнымъ имѣть болѣе подробныя свѣденія о предшествовавшихъ преступленію Кузнецова обстоятельствахъ, именно: 1) какъ смотрѣло сельское начальство и владѣлецъ на то, что Кузнецовъ въ послѣднее время былъ постоянно лѣнивъ? употреблялись къ исправленію его какія либо мѣры, и каковы были результаты оныхъ? задолго ли до преступленія у Кузнецова обнаружилась лѣность къ работамъ или онъ постоянно былъ лѣнивымъ?

2) Провѣрило ли начальство справедливость отзыва Кузнецова о болѣзни его и прибѣгало ли при этомъ оно или самъ Кузнецовъ къ какимъ либо врачебнымъ пособіямъ? самая задумчивость Кузнецова обнаруживалась ли на работахъ или только въ кругу семейства его? 3) Любовная связь Кузнецова съ Татьяною Васильевою подтверждается ли однодеревенцами его, и какія именно причины увлекли его къ этой связи, когда онъ жилъ съ женой своей хорошо?—Кромѣ сего члены врачебной управы признали нужнымъ имѣть подробныя свѣдѣнія: объ образѣ жизни Кузнецова, о его наклонностяхъ и привычкахъ; не имѣлъ ли онъ притомъ какой либо злобы и вражды на умерщвленныхъ имъ столь близкихъ людей, не находился ли въ такомъ положеніи, которое могло бы довести его до отчаянія и до умоизступленія?

Вслѣдствіе сего, по распоряженію оренбургскаго губернскаго правленія, произведено было засѣдателемъ уфимскаго земскаго суда, согласно съ вышеизложенными замѣчаніями членовъ врачебной управы, дослѣдованіе, при которомъ *семейные* подсудимаго Кузнецова показали, что онъ былъ хорошей нравственности, характеръ имѣлъ кроткій, трудолюбивый, къ работамъ домашнимъ и барскимъ приленежъ; къ отцу и матери всегда былъ почтителенъ и послушливъ, жену свою любилъ; ссоръ его съ нею замѣчено не было; но лѣтъ 7 тому назадъ Ананій заболѣлъ горячкой, въ которой долго пролежалъ, по выздоровленіи же подвергся припадкамъ тоски до такой степени, что оставлялъ домашнія и барскія работы, высказывая, что онъ ничего не можетъ дѣлать, потому что во всемъ тѣлѣ чувствуетъ ломоту; въ этихъ случаяхъ онъ лежалъ по нѣскольку сутокъ, не употребляя ни пищи, ни питья; на совѣты же полѣчиться говорилъ, что его болѣзнь такая, какую никто не можетъ вылѣчить, кромѣ Бога.—Припадки эти повторялись съ Ананіемъ весьма часто, а потому семейные отправили его въ сосѣднюю деревню къ какому то ворожеѣ, до котораго онъ однакожъ не доѣхалъ, потому что на пути встрѣтился какой то крестьянинъ и сказавъ, что онъ самъ былъ въ такомъ припадкѣ и можетъ помочь Ананію, написалъ что то на бумажкѣ, и привязалъ къ шеѣ Ананія, послѣ чего Ананій нѣсколько поправился. Года три тому назадъ, Ананій пошелъ въ село Монастырскія Дуванки, на

бу съ дѣвкою Васильевою онъ свелъ за три года до онаго и съ тѣхъ поръ совершенно отсталъ отъ всякихъ работъ, что произошло не отъ болѣзни, а отъ лѣности, явившейся отъ преступной связи съ Васильевою, которую онъ прикрылъ предъ семействомъ вымышленнымъ предлогомъ хожденія къ ней для слушанія священныхъ книгъ. На основаніи вышеизложенныхъ соображеній своихъ, оренбургская палата уголовнато суда опредѣлила: Ананія Кузнецова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать на мѣстѣ преступленія чрезъ палача плетьми ста ударами и по наложеніи клеймъ, сослать въ каторжную работу въ рудники безъ срока.

Начальникъ оренбургской губерніи нашелъ въ дѣлѣ этомъ обстоятельства, противорѣчащія одно другому, именно: палата уголовнаго суда, принимая въ соображеніе сознаніе подсудимаго Кузнецова въ умышленномъ убійствѣ жены своей Дарьи, сына Михаила и вольноотпущенной дѣвицы Татьяны Вавильевой, и признавая это сознаніе за совершенное доказательство, — обвинила подсудимаго въ убійствѣ умышленномъ; между тѣмъ какъ члены врачебной управы сдѣлали положительное заключеніе о разстройствѣ ума Кузнецова отъ неблагопріятнаго исхода болѣзни его, подъ вліяніемъ котораго могъ онъ придти въ полное умоизступленіе и совершить столь тяжкое преступленіе.— Таковое мнѣніе свое (?) вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ начальникъ губерніи представилъ, на основаніи 413 ст. кн. 2 т. XV св. зак. на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ нашелъ: 1) что по показанію семейныхъ подсудимаго и крестьянъ деревни Миловки, Кузнецовъ до случившейся съ нимъ, за 7-мь лѣтъ предъ совершеніемъ убійствъ, горячки имѣлъ кроткій характеръ, былъ трудолюбивъ, почтителенъ и послушенъ; но послѣ горячки, долго съ нимъ продолжавшейся, слѣдовательно задолго еще до сближенія его съ дѣвицею Васильевою, замѣчено разительное измѣненіе въ его моральномъ состояніи: онъ сталъ весьма часто подвергаться такой тоскѣ, что оставлялъ домашнія и барскія работы и лежалъ по нѣскольку сутокъ, не употребляя ни пищи, ни питья, —причемъ у него развилась наклонность къ богомолью. За три года до совершенія преступленія Кузнецовъ, возвратившись съ бо-

гомолья, свелъ короткое знакомство съ дѣвицею Васильевою, часто ее посѣщалъ, какъ говорилъ онъ, для ученія заповѣдей Божіихъ, и съ того времени уже совершенно отсталъ отъ работы,—возъимѣлъ желаніе отправиться въ Кіевъ для поклоненія святымъ мощамъ и день ото дня становился задумчивѣе и страннѣе. Въ деревнѣ, а равно въ вотчинной конторѣ, считали его юродивымъ. 2) Что по собственнымъ показаніямъ Кузнецова, подтвержденнымъ показаніями его семейныхъ и другихъ лицъ, онъ очень любилъ свою жену и въ особенности привязанъ былъ къ сыну. 3) Что по словамъ его, Кузнецова, онъ убилъ дѣвицу Татьяну Васильеву будто бы потому, что его мучила совѣсть за прелюбодѣйную съ нею связь и что онъ желалъ избавиться отъ нея; жену же и сына онъ убилъ потому, что послѣ перваго преступленія долженъ бы былъ разлучиться съ ними. 4) Что при освидѣтельствованіи въ особомъ присутствіи оренбургскаго губернскаго правленія, Кузнецовъ (какъ видно изъ отношенія оренбургскаго губернскаго правленія въ мѣстную палату уголовнаго суда, отъ 13 марта 1861 г.), имѣлъ печальный, унылый видъ и вялость въ движеніяхъ, рѣчь его была медленна и тиха, отвѣты на вопросы, касающіеся преступленія, показывали отсутствіе логичной связи дѣйствія съ причиной. Посему медицинскій совѣтъ призналъ основательнымъ заключеніе оренбургской врачебной управы, что вслѣдствіе неблагопріятнаго исхода выдержанной Кузнецовымъ долговременной болѣзни (горячки), умственныя его способности находились въ не нормальномъ состояніи, вслѣдствіе чего, онъ могъ, подъ вліяніемъ развившейся у него ложной идеи, въ несвободномъ состояніи воли, совершить убійство дѣвицы Васильевой, а равно жены и сына. — Къ этому совѣтъ счелъ нужнымъ прибавить, что обнаруженныя Кузнецовымъ сознаніе и память обстоятельствъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ убійства, нисколько не противурѣчатъ сказанному предположенію, такъ какъ умственное разстройство не всегда соединено бываетъ съ безпамятствомъ, а напротивъ того нерѣдко замѣчается весьма разительная обдуманность и тонкое соображеніе въ прісканіи средствъ къ выполненію задуманнаго, подъ вліяніемъ несомнѣнно ложной идеи, намѣренія.

Убійство крестьяниномъ Савалевымъ послушника троицко-сергіевской лавры Григорьева.

(Припадокъ бѣшенства).

Казенный крестьянинъ Василій Савалевъ былъ арестованъ и преданъ суду за убійство послушника троицко-сергіевской лавры, Николая Григорьева.

Подсудимый имѣлъ отъ роду около 35-ти лѣтъ, роста средняго, мрачнаго вида, на лѣвомъ глазу потерялъ зрѣніе. Онъ уже съ 1861 г., передъ пасхой, страдалъ сильными головными болями, при которыхъ начало ослабѣвать зрѣніе на лѣвомъ глазу; лечился безъ успѣха, сдѣлался мрачнымъ, угрюмымъ, разсѣяннымъ, страдалъ безсонницею. Въ январѣ 1862 г. отправился онъ въ троицко-сергіевскую лавру на богомолье. Дорогой, въ селѣ Схватковѣ, онъ переночевалъ у двоюродныхъ братьевъ, крестьянъ Федора и Антона Карповыхъ. Ночью случился съ нимъ эпилептическій припадокъ, съ безпамятствомъ, конвульсіями и кровавою пѣною у рта, отъ прокусаннаго языка. Его сочли умирающимъ и надъ нимъ прочитали отходную. Припадокъ прошелъ, Савалевъ очнулся при свѣчахъ и псалтырѣ; удивленный, онъ узналъ о случившемся съ нимъ припадкѣ. Оправившись, онъ все-таки пошелъ въ монастырь, чтобы помолиться и (по указанію двоюроднаго брата своего Федора Карпова), посовѣтоваться на счетъ болѣзни своей съ монахомъ Николаемъ Григорьевымъ. Отъискавъ монаха, онъ отъ него получилъ просфору и два пластыря, за что монахъ взялъ съ него рубль серебромъ. — Не получивъ никакого облегченія отъ головныхъ болей своихъ, Савалевъ воротился къ монаху Григорьеву съ жалобою и сталъ требовать обратно выданный ему рубль. Монахъ сталъ его отгонять отъ себя; тогда Савалевъ, внезапно пришедшій въ яростное изступленіе, схватилъ полѣно, ударилъ имъ монаха Григорьева—и не смотря на подошедшихъ солдата Артамонова и іеромонаха Гедеона, добилъ его до смерти.

Закованный и отведенный въ тюрьму, онъ тамъ ужасно бѣсновался, ударяясь головою объ стѣну, и трое сутокъ ничего не ѣлъ и не пилъ. Затѣмъ онъ успокоился и сталъ ѣсть съ аппетитомъ. При допросѣ онъ былъ мраченъ и объявилъ, что мо-

нахъ ему вдругъ показался дьяволомъ и что онъ затѣмъ уже не помнитъ, какъ онъ бросился на него и совершалъ убійство.

Въ тюремную больницу (по свидѣтельству врачей Беркута и Семенова), Савалевъ прибылъ весь изцарапанный и покрытый ссадинами и синяками, съ большою травматическою опухолью на головѣ и съ кровавыми подтеками глазъ, вслѣдствіе усилій, дѣланныхъ имъ для разрыва оковъ и веревокъ и ударовъ головою объ стѣну въ тюрьмѣ. Первые три дня онъ опять упорно отказывался отъ пищи и питья и былъ до того мраченъ и страшенъ, что всѣ боялись къ нему подходить. Кровавая опухоль на темени перешла въ нагноеніе и затѣмъ была вскрыта, съ большимъ облегченіемъ для больнаго. На всѣ вопросы онъ постоянно отвѣчалъ: «слабъ всѣмъ тѣломъ, голова болитъ, лѣвымъ глазомъ не вижу.» Успокоившись, онъ сталъ разсказывать вышеупомянутое.

12 марта Савалевъ былъ освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи московскаго губернскаго правленія. На данные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы, Савалевъ отвѣчалъ. *В*. Какъ твои: имя, отчество и фамилія? *Отв*. Василій Ефимовъ (молчитъ). *В*. Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *Отв*. Не помню; я не закруженіе дѣлалъ. Господи! *В*. Кто ты такой, и откуда ты родомъ? *Отв*. Крестьянинъ (смотритъ по сторонамъ и молчитъ). *В*. Гдѣ ты имѣешь постоянное жительство? *Отв*. Дома. *В*. По какому случаю ты находился въ сергіевскомъ посадѣ? (молчитъ) *Отв*. Во имя отца и сына. *В*. Давно ли ты страдаешь головною болью, и какая тому причина? (Все смотритъ по сторонамъ). *Отв*. Вотъ другъ мой, какъ со мною случалось, я тебѣ скажу истинную правду. Господи помилуй, пошелъ я Богу помолиться (молчитъ). *В*. Не бываетъ ли съ тобою отъ этой головной боли припадковъ, вслѣдствіе которыхъ ты теряешь всякое сознаніе? *Отв*. А я (молчитъ; смотритъ все въ одну сторону); меня здѣсь лечили. Вотъ голова у меня болитъ; пошелъ къ Троицѣ Богу помолиться. *В*. Помнишь ли ты то время, когда ты убилъ послушника сергіевской лавры Николая Григорьева? *Отв*. Я ужъ не помню. *В*. Сознаешь ли ты всю вину такого преступленія? (Молчитъ). *В*. Не имѣлъ ли ты съ этимъ послушникомъ, Николаемъ Григорьевымъ, какой либо вражды? *Отв*. Никакой не имѣлъ вражды. А вражда меня сгубила земная,—зна-

читъ духъ. А Господь знаетъ, какой? Вотъ что, ты не пиши, любезный, также не пиши. *В.* Кого ты имѣешь изъ родственниковъ? *Отв.* Есть. Я пошелъ, вотъ что тебѣ скажу. У меня дѣлается круженіе головы. *В.* Какъ ты теперь себя чувствуешь? *Отв.* Нѣтъ, я нездоровъ тепереча, то-то разсудокъ нездоровъ; разсудокъ я потерялъ изъ головы, разсудокъ у меня мѣшается. У меня голова болѣла сколько времени, а Господь знаетъ отчего. *В.* Часто ли ты бывалъ на исповѣди и у св. причастія и когда былъ въ послѣдній разъ? *Отв.* Бывалъ годъ вотъ. — Принимая во вниманіе неудовлетворительные отвѣты арестанта Савалева, данные имъ на предложенные ему вопросы, болѣзненный видъ лица его и то, что съ нимъ бываетъ, какъ онъ самъ говоритъ, круженіе головы, общее присутствіе нашло нужнымъ для болѣе точнаго опредѣленія умственныхъ способностей Савалева, подвергнуть его больничному испытанію въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ.

Послѣ освидѣтельствованія въ губернскомъ правленіи, Савалевъ, находясь въ больницѣ, снова сдѣлался мрачнымъ, грустнымъ и молчаливымъ, пересталъ ѣсть и спать и требовалъ, чтобы его скорѣе судили.—Черезъ 5 дней у него обнаружился новый и сильнѣйшій припадокъ бѣшенаго, неистоваго бреда. Онъ кричалъ, разорвалъ рубашку, все ломалъ, смялъ оловянную кружку, согнулъ въ дугу желѣзную койку, и едва удалось укротить его. Черезъ двое сутокъ онъ утихъ, сталъ молиться и плакать.

8 іюня 1862 г. Василій Савалевъ былъ вторично освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи московскаго губернскаго правленія, причемъ на нижеслѣдующіе вопросы онъ отвѣчалъ: *В.* Какъ твое имя, отчество и фамилія? *Отв.* Васильемъ Ефимовымъ былъ *В.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *Отв.* Какъ сказать, лѣтъ 30 или больше, или меньше; я считаю лѣтъ 32. *В.* Кто ты такой и откуда ты родомъ? *Отв.* Изъ деревни Кораблевой, владимірской губерніи, казенный, какой волости не помню, потому что были перемѣнены. *В.* Гдѣ ты имѣешь постоянное жительство? *Отв.* Въ замкѣ. *В.* По какому случаю ты находился въ сергіевскомъ посадѣ? *Отв.* По нездоровью ходилъ. *В.* Давно ли ты страдаешь головною болью, и какая тому причина? *Отв.* Давно голова болѣла, а теперь слава Богу. *В.* Не бываетъ ли съ тобою отъ этой

головной боли припадковъ, вслѣдствіе которыхъ ты теряешь всякое сознаніе? *Отв.* Прежде не бывало, а теперь и самъ не зналъ, что сдѣлалъ. *В.* Помнишь ли ты то время, когда ты убилъ послушника сергіевской лавры, Николая Григорьева? (Молчитъ и вздыхаетъ). *В.* Сознаешь ли ты всю вину такого преступленія? *Отв.* Я бы и не совѣтовалъ никому этого сдѣлать. Убійства человѣческаго я не намѣренъ никому бы сдѣлать. *В.* Не имѣлъ ли ты съ этимъ послушникомъ, Николаемъ Григорьевымъ, какой-либо вражды? *Отв.* Никакой не имѣлъ. *В.* Кого ты имѣешь изъ родственниковъ? *Отв.* Были и померли нѣкоторые; братья со мною въ раздѣлѣ, живы или нѣтъ, не знаю. *В.* Какъ ты теперь себя чувствуешь? *Отв.* Теперь слава Богу, только вижу плохо. *В.* Часто ли ты бывалъ на исповѣди и у св. причастія, и когда былъ въ послѣдній разъ? *Отв.* Бывалъ, но не очень часто, въ послѣдній разъ не помню. — Общее присутствіе нашло, что хотя Савалевъ на предложенные ему вопросы отвѣчалъ удовлетворительно, но, принимая во вниманіе болѣзненный видъ его лица, необходимо для окончательнаго опредѣленія умственныхъ способностей, подвергнуть его больничному испытанію въ продолженіи шести недѣль.

31 іюля 1862 г., Василій Савалевъ былъ освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи московскаго губернскаго правленія въ третій разъ. При освидѣтельствованіи этомъ на нижеслѣдующіе вопросы Савалевъ отвѣчалъ; *В.* Какъ твое имя, отчество и фамилія? *Отв.* Василій Ефимовъ Савалевъ. *В.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *Отв.* Не знаю; я такъ понимаю, тридцать или тридцать два. *В.* Кто ты такой и откуда родомъ? *Отв.* Крестьянинъ владимірской губерніи. *В.* Гдѣ ты имѣешь постоянное жительство? *Отв.* Въ своей деревнѣ. *В.* По какому случаю ты находился въ сергіевскомъ посадѣ. *Отв.* Я продолжалъ путь, такъ какъ былъ нездоровъ, мнѣ намѣреніе было Богу помолиться, да голова сильно болѣла. *В.* Не страдаешь ли ты головною болью? *Отв.* Теперь слава Богу лучше, а тогда глазъ совсѣмъ не видалъ. *В.* Помнишь ли ты то время, когда ты убилъ послушника сергіевской лавры, Николая Григорьева? *Отв.* Я вамъ скажу дѣйствительно, а впрочемъ, какъ я спросилъ пришелъ лекаря — онъ съ меня рубль взялъ—ну, наконецъ, прихожу поутру, онъ далъ просфору, взялъ гривенникъ—я и впалъ въ думчивость вотъ обѣд-

ню отстоялъ, да и подумалъ: дай пойду отниму у него, это мой цѣлковый, ну, и помню, солдатикъ тутъ былъ, ну, и толкнулъ, ну, я и схватилъ полѣно, и значитъ убилъ, а солдатикъ убѣжалъ, а говорить, что говорилъ, не помню. *В.* Знаешь ли ты всю вину такого преступленія? *Отв.* Мнѣ показалось, что я окаяннаго бью, вотъ кабы солдатикъ не убѣжалъ; конечно, при теперешнемъ моемъ разсудкѣ я и за милліоны не сдѣлалъ бы этого; ни зла я и ничего не имѣлъ, *В.* Не имѣлъ ли ты съ этимъ послушникомъ, Николаемъ Григорьевымъ, какой-либо вражды. *Отв.* Никакой. *В.* Кого ты имѣешь изъ родственниковъ? *Отв.* Братъ есть. *В.* Какъ ты теперь себя чувствуешь? *Отв.* Такъ, значитъ голова не болитъ, а глазъ не видитъ какъ прежде, или какъ вотъ этотъ глазъ. *В.* Часто ли ты бывалъ на исповѣди и у св. причастія и когда былъ въ послѣдній разъ? *Отв.* На исповѣди былъ разъ пять, а причащался раза два. — Принимая въ соображеніе глупое, почти безсмысленное выраженіе лица Савалева, мутность глазъ и безсвязность отвѣтовъ на 5, 7 и 8 вопросы, общее присутствіе нашло, что Савалевъ одержимъ умственнымъ разстройствомъ, въ видѣ слабоумія, въ такой степени, что не можетъ правильно распоряжаться своими дѣйствіями.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что въ этомъ дѣлѣ представляется рядъ фактовъ, изъ которыхъ можно заключить: 1) что подсудимый Савалевъ страдалъ важнымъ недугомъ мозга (encephalitis chronica), обнаруживавшимся упорными головными болями, потерею зрѣнія на лѣвомъ глазу и эпилептическимъ припадкомъ; 2) что вслѣдствіе этого недуга, Савалевъ страдалъ умопомѣшательствомъ, съ пониженіемъ дѣятельности мозга (vesania melancholica), обнаруживавшимся постояннымъ мрачнымъ расположеніемъ духа, тоскою, безсонницею, потерею аппетита, разсѣянностію и въ которомъ, какъ извѣстно, проявляются внезапно, иногда отъ маловажныхъ раздражающихъ причинъ, припадки неистоваго бѣшеннаго бреда (mania furibunda), продолжающіеся отъ 1 до 3-хъ сутокъ и переходящіе въ спокойное, апатичное состояніе; 3) что передъ убійствомъ монаха Григорьева, подсудимый Савалевъ былъ именно въ болѣзненномъ состояніи, жаловался на усиленную головную боль, былъ мраченъ и даже наканунѣ претерпѣлъ сильный эпилептическій припадокъ; 4) что убійство это совершено несознательно, ибо Савалева не остано-

вило случайное присутствіе свидѣтелей: іеромонаха Гедеона и солдата Артамонова; 9) что припадокъ бѣшенаго бреда продолжался еще въ тюрьмѣ, гдѣ Савалевъ ударялся головою объ стѣну и пытался вырваться изъ оковъ своихъ; 6) что и въ больницѣ послѣ предшествовавшихъ (отъ 13 до 18 марта) пятидневныхъ явленій меланхоліи, у Савалева повторился еще сильнѣйшій приступъ бѣшенаго бреда, въ которомъ онъ, человѣкъ средняго сложенія, между прочимъ, изогнулъ желѣзную койку въ дугу и успокоился только по прошествіи двухъ сутокъ.

На основаніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, слѣдуетъ признать, что Савалевъ страдаетъ полнымъ умопомѣшательствомъ, и что содѣянное имъ преступленіе не должно быть вмѣнено ему въ вину. — Къ сему совѣтъ счелъ нужнымъ добавить, что больные, подобные Савалеву, хотя и не могутъ считаться отвѣтственными за наносимыя себѣ и другимъ насилія, но для общества небезопасны и требуютъ строжайшаго присмотра и заключенія, совмѣстно съ раціональнымъ леченіемъ.

Убійство Авдотьею Толкачевою дѣвочки Черепеньковой.

7 декабря 1861 года, старшина рубеженской волости (новозыбковскаго уѣзда, черниговской губерніи) донесъ мѣстному становому приставу, что 6 декабря въ д. Хохловкѣ, около рѣчки, найдена убитою дѣвочка той деревни, Марфа Черепенькова, и что въ убійствѣ ея подозрѣвается крестьянка, дѣвица Авдотья Толкачева.

По произведенному становымъ приставомъ осмотру оказалось, что трупъ Марфы Черепеньковой лежалъ въ деревнѣ Хохловкѣ, близь рѣчки, и былъ накрытъ посконьями; на головѣ Черепеньковой было нѣсколько ранъ, «отъ коихъ посбивана кожа тупымъ орудіемъ»; на тѣлѣ въ пяти мѣстахъ находились синіе знаки отъ давленія пальцами; лице и голова были въ крови. На полу бани, отстоящей на 35 шаговъ отъ того мѣста, на которомъ найдена Черепенькова, была замѣчена кровь, которая кромѣ того была и на снѣгу по направленію отъ бани къ рѣчкѣ. У Авдотьи Толкачевой на свиткѣ и рубахѣ оказалась также кровь.

По судебно-врачебному осмотру трупа Черепеньковой, произведенному 12 декабря 1861 г. новозыбковскимъ уѣзднымъ врачемъ Грибовскимъ, оказалось, что Черепенькова (11 лѣтъ отъ роду) была тѣлосложенія слабаго; вѣки лѣваго глаза ея были опухшими и синебагровыми, бѣлки лѣваго глаза налиты кровью; правая сторона головы, правое плечо и правая же сторона груди обгрызаны мышами; на остальныхъ частяхъ тѣла боевыхъ знаковъ не было. Кости черепа были цѣлы; кровеносные сосуды твердой и мягкой оболочекъ мозга чрезмѣрно налиты кровью, такъ что мозгъ представлялся воспаленнымъ; вокругъ можжечка оказалось до трехъ столовыхъ ложекъ черной крови. Легкія были свободны; въ сердечной оболочкѣ содержалась серозно кровянистая жидкость до двухъ столовыхъ ложекъ; полыя вены наполнены были кровью; предсердія и желудочки сердца были пусты. Органы брюшной полости никакихъ измѣненій не представляли. Врачъ Грибовскій заключилъ, что смерть Мареы Черепеньковой послѣдовала отъ воспаленія мозга и парализованія можжечка экстровазатомъ, вокругъ него содержавшимся, что̀ произведено побоями, нанесенными ей по головѣ *).

8 декабря 1861 г., Авдотья Толкачева (18 лѣтъ) на спросъ становаго пристава показала, что 1 декабря предъ разсвѣтомъ братъ ея Тимоѳѣй послалъ ее къ крестьянину деревни Хохловки, Степану Толкачеву, узнать, скоро ли онъ поѣдетъ въ мѣстечко Ичню. Не доходя до двора Степана, она встрѣтила вышедшую изъ дома крестьянина Павла Толкачева крестьянку Евросинью Толкачеву, несшую изъ двора Павла посконьи. Подозвавъ ее, Авдотью, къ себѣ, Евросинья отдала ей посконьи и плаху лучины, говоря: «посконьи отдай крестьянкѣ Иринѣ Груздовой, а лучину гдѣ либо спрячь и никому не говори объ этомъ». Посему она, Авдотья, отдала посконьи Груздовой, а лучину занесла въ домъ Феоктиста Ноздрина и отдала тамъ. На другой день жена Павла Толкачева, Аксинья, будучи въ домѣ Ноздрина, увидѣла свою лучину, взяла ее и объявила объ этомъ своему мужу, чрезъ что они начали называть ее, Авдотью, воровкою. Слы-

---

*) Черниговская врачебная управа съ своей стороны къ мнѣнію врача Грибовскаго добавила, что ускоренію смерти слабосильной Мареы Черепеньковой не мало способствовало холодное время года.

на это она, 5 декабря, пошла къ Иринѣ Груздовой, забрала отъ нея посконьи и отнесла ихъ къ Ефросиньѣ Толкачевой, сказавъ, что она не хочетъ, чтобы ее называли воровкою. Ефросинья, взявши посконьи, дала ей, Авдотьѣ, фляжечку, не знаетъ, съ чѣмъ и приказала спрятать дома такъ, чтобы никто не видѣлъ. Взявши фляжку, она показала ее подругѣ своей Улитѣ Волосенковой, а потомъ спрятала ее въ домѣ своемъ въ хворостъ. Вечеромъ 5 декабря, означенную фляжку она отнесла къ Ефросиньѣ по ея требованію, причемъ та приказала ей привести къ ней дѣвочку Марфу Черепенькову; посему она и привела Черепенькову. Тогда Ефросинья взяла посконьи и сказала ей, Авдотьѣ, и Черепеньковой: пойдемте въ баню; по приходѣ въ баню, Ефросинья заткнула окно принесенными посконьями и дала Марфѣ пить изъ фляжечки; Марфа, выпивши упала и начала ревѣть, а Ефросинья снявъ сапоги съ ногъ, начала ее бить по головѣ и закричала на нее, Авдотью, «держи, а то и тебѣ это будетъ»; испугавшись она, Авдотья, схватила Марфу за руки, а Ефросинья заткнула ей ротъ рукою; когда же у Черепеньковой дыханіе пріостановилось и она сдѣлалась мертвою, то, снявши бывшія на ея ногахъ сапоги, онѣ забросили ихъ на потолокъ бани, а убитую вытащили изъ бани и положили ее возлѣ рѣчки, прикрывъ посконьями, сами же пошли по домамъ.

Крестьянка Ефросинья Толкачева въ преступленіи, взводимомъ на нее Авдотьею Толкачевою, не созналась.

12 декабря 1861 г. Авдотья Толкачева при передопросѣ судебнымъ слѣдователемъ показала, что на разсвѣтѣ 1 декабря, на возвратномъ пути отъ крестьянина Степана Толкачева, она проходила мимо дома крестьянина Павла Толкачева и зная, что у него на дворѣ въ старой пустой хатѣ лежатъ посконьи, зашла туда, взяла восемь посконей и плашку лучины, а затѣмъ посконьи отдала подъ сохраненіе крестьянкѣ Иринѣ Груздовой, объявивъ, что она собрала ихъ тайно отъ матери и невѣстки, когда мяла и трепала посконь, а плашку лучины отдала вдовѣ Матренѣ Ноздриной, гдѣ вмѣстѣ съ другими дѣвками сиживала на посидѣлкахъ; затѣмъ она пришла домой и никому объ этомъ не говорила. На другой день по народу пошла молва, что посконьи Павла Толкачева украдены ею, Авдотьею; желая скрыть срамъ, она, Авдотья, ходила къ Павлу Толкачеву и спрашивала, почему се

подозрѣваютъ, но тотъ сказалъ, что кто поворовалъ посконь, онъ не знаетъ и что подозрѣнія на нее не имѣетъ; но ей, Авдотьѣ, стало нудно, такъ что она и сама не знала что дѣлать, и была какъ бы въ помраченіи. Что ею уворованы посконьи у Павла Толкачева, она никому не говорила; мать ея, слышавшая такую молву по деревни, говорила ей, что если она взяла посконь, то отбросила бы, что она и обѣщала сдѣлать. 5 декабря она, Авдотья, взяла у себя дома бутылку и послала дѣвочку Ксенію Колбунову купить ей осьмушку водки, которую затѣмъ предлагала пить подругѣ своей Улитѣ Волосѣкиной и звала послѣднюю въ клуню на гумно, съ умысломъ умертвить ее или кого либо; но встрѣтившійся человѣкъ помѣшалъ имъ идти на гумно, и онѣ возвратились. Вечеромъ она опять искала Улиту и хотѣла зазвать ее въ баню, чтобы тамъ лишить жизни, но не нашедши Улиты, уже по заходѣ солнца, пошла и вызвала дѣвочку Марѳу Черепенькову, сказавши ей, что ее зоветъ бабка ея, Ефросинья Толкачева, и повела ее въ баню, говоря, что тамъ парится бабка; приведши въ баню, она давала Марѳѣ пить водку, но когда та пить не стала, то она, Авдотья, ударила ее рукою по головѣ, отчего Марѳа упала и крикнула; тогда, чтобы Марѳа болѣе не кричала, она, Авдотья, скинула съ ноги ея сапогъ, заткнула рукою ротъ, и била ее сапогомъ по головѣ и по лицу; а когда убила, то вынесла изъ бани, отволокла, и положила на землю около рѣчки; затѣмъ сходила къ Иринѣ Груздовой, взяла отданныя ей посконьи и закрыла ими тѣло Марѳы. Сапоги Марѳины она бросила на баню, бутылку съ водкой разбила, и осколки разбросала. Водки она сама не пила, и зелья въ ней никакого не было. Возвратясь домой, она поужинала и легла спать, не говоря никому, что сгубила дѣвочку, и только сказала матери, что за посконьи она уже отбыла грѣхъ. Когда она совершила преступленіе, то ни Ефросиньи Толкачевой и никого другаго съ нею не было; показала она на Ефросинью напрасно, чтобы не быть одной подъ судомъ. Умысла убить дѣвочку Марѳу у ней никогда не было, и злобы на нее никогда не имѣла, а сдѣлала это сама не знаетъ за что, съ напавшей на нее тоски, и она готова была тогда лишить и себя жизни.

Мать Авдотьи Толкачевой, Ксенія Толкачева, подтвердивъ показаніе дочери о томъ, что она совѣтовала ей подбросить пос-

коньи, объяснила, что вечеромъ 5 декабря, Авдотья возвратилась домой въ то время, когда она, Ксенія, уже оканчивала ужинъ; при этомъ Авдотья сказала, что она была у Ефросиньи Толкачевой; поужинавъ и помолившись Богу, Авдотья начала ложиться спать, причемъ сказала, что за посконьи она отдала грѣхъ, отдавъ ихъ Толкачевой; болѣе же Авдотья ничего не говорила и спала покойно.

Крестьянка Ирина Груздова отозвалась, что дѣйствительно Авдотья Толкачева, утромъ 1 декабря, принесла къ ней посконьи, сказавъ, что взяла ихъ у матери; вечеромъ же 5 декабря, Авдотья взяла посконьи обратно.

Крестьянская дѣвочка Ксенія Колбунова показала, что 5 декабря Авдотья Толкачева, сказавъ, что дядя поручилъ ей купить осьмушку водки, но она сама не хочетъ идти въ шинокъ, боясь чтобы шинкарь не вычелъ долгъ дяди, просила сходить за нее въ шинокъ и взять осьмушку водки, что она и исполнила.

Дѣвочка Улита Волосѣкина отозвалась, что предъ вечеромъ 5 декабря, Авдотья Толкачева, придя къ нимъ въ домъ, вызвала ее и повела въ гуменный сарай, говоря, что у ней есть водка и что онѣ вмѣстѣ ее выпьютъ; вышедши на огородъ, онѣ увидѣли шедшаго на гумно человѣка, а потому и вернулись назадъ; вышедши на улицу, Авдотья сказала ей: «пусть потемнѣетъ, тогда мы пойдемъ въ баню и выпьемъ». Когда она, Ксенія, пришла домой, то мать послала ее къ сосѣду занять соли; у сосѣда она забавилась, а въ это время Авдотья снова приходила къ нимъ въ домъ, а также и въ другія сосѣднія дома, но ея не отыскала; отнесши домой соль она, Улита, пошла въ домъ Авдотьи, но ея не застала.

На повальномъ обыскѣ, жители деревни Хохловки отозвались, что Авдотья Толкачева была поведенія хорошаго, и ни въ какихъ безчестныхъ поступкахъ замѣчаема не была.

При передопросѣ 25 января 1862 г., въ присутствіи новозыбковскаго уѣзднаго суда, Авдотья Толкачева, отмѣнивъ показаніе, данное 12 декабря 1861 г. судебному слѣдователю, подтвердила первоначальное показаніе свое данное 8 того же декабря становому приставу, добавивъ, что когда она вмѣстѣ съ Ефросиньей Толкачевой и дѣвочкой Черепеньковой шла вечеромъ 5 декабря въ баню, то ихъ видѣла крестьянка Прасковья Дворецкая.

Крестьянка Прасковья Дворецкая, спрошенная противу показанія Авдотьи Толкачевой, объяснила, что вечеромъ 5 декабря, выйдя изъ бани, находящейся не въ дальнемъ разстояніи отъ той, въ которой была убита дѣвочка Черепенькова, она увидѣла какую то женщину, шедшую къ сей послѣдней банѣ, и полагая, что она идетъ въ эту баню мыться, крикнула ей, что баня нетоплена; услышавши это, женщина возвратилась назадъ; женщину эту за темнотою она, Дворецкая, не могла разсмотрѣть.

9 іюля 1862 г. Авдотья Толкачева была освидѣтельствована въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи черниговскаго губернскаго правленія, причемъ оказалось, что Толкачева тѣлосложенія здороваго, полнокровнаго; росту средняго, волосы на головѣ темно-русые; глаза голубоватаго цвѣта, выраженіе лица нормальное; рѣчь внятная; лѣтъ ей отъ роду около 20. На предложенные при освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе словесные вопросы, Толкачева отвѣчала: *В.* Какъ тебя зовутъ и прозываютъ? — *Отв.* Евдокія Толкачева. *В.* Сколько тебѣ лѣтъ отъ роду?—*Отв.* Шестнадцать. *В.* Откуда ты родомъ?—*Отв.* Изъ Хохловки, новозыбковскаго уѣзда. *В.* Въ Хохловкѣ есть церковь?—*Отв.* Нѣтъ. *В.* За что тебя посадили въ тюрьму?—*Отв.* Не могу знать. *В.* Ты знакома была съ Марѳою Черепеньковою? — *Отв.* Нѣтъ. *В.* Отчего Марѳа Черепенькова умерла?—*Отв.* Не могу знать. *В.* Твои батька и мать живы?—*Отв.* Живы. *В.* Кто привезъ тебя въ Черниговъ?—*Отв.* Конвойные, по этапу. *В.* Кто помазалъ тебѣ кровью пальцы на рукахъ, свитку и сорочку?—*Отв.* Не могу знать. *В.* Мать Черепеньковой Марѳы жива?—*Отв.* Матка не родная жива. *В.* Баба Толкачева Ефросинья тебѣ родня? — *Отв.* Нѣтъ. *В.* Кто укралъ посконьи у Павла Толкачева?—*Отв.* Не могу знать. *В.* Баба Толкачева давала тебѣ флякечку, и что въ ней было? —*Отв.* Не могу знать, ваше высокоблагородіе. *В.* Кто убилъ Марѳу Черепенькову?—*Отв.* Не могу знать. *В.* Зачѣмъ ты вызывала Марѳу Черепенькову изъ дому?—*Отв.* Не звала. *В.* Какою работою занималась дома? — *Отв.* По черной работѣ. *В.* Кто взялъ тебя изъ дому? — *Отв* Сотскій пришелъ и взялъ меня изъ дому. *В.* Въ Хохловкѣ живутъ паны?—*Отв.* Нѣтъ. *В.* Кто помогалъ тебѣ убить Черепенькову?—*Отв.* Знать не знаю. *В.* Отъ кого ты узнала о смерти Черепеньковой?—*Отв.* Отъ народа слышала. *В.* Умѣешь Богу мо-

лится?—*Отв.* Какъ же, умѣю. *В.* Ты плакала, какъ взяли тебя изъ дому?— *Отв.* Плакала. *В.* Гдѣ теперь находится Ефросинья Толкачева?—*Отв.* Въ деревнѣ Хохловкѣ. *В.* О чемъ тебя спрашивали въ судѣ?—*Отв.* Объ этомъ, отчего умерла Черепенькова. *В.* Въ Хохловкѣ хорошо родится конопля?—*Отв.* Хорошо. *В.* Кому продается пенька?—*Отв.* Купцы наѣзжаютъ изъ Климовой. *В.* Хочешь домой?—*Отв.* Какъ же не хочется до дому. *В.* Скажи правду: отчего умерла Черепенькова?—*Отв.* Одни говорятъ смерзла, а другіе, что убита. *В.* Отчего ты при двухъ допросахъ показала разно?—*Отв.* Я не письменна, меня поили водкою.

На нижеслѣдующіе письменные вопросы, инспекторъ врачебной управы со словъ Толкачевой, по ея неграмотности, написалъ *В.* Какъ тебя зовутъ по имени, отчеству и фамиліи?—*Отв.* Евдокія Михайлова Толкачева. *В.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?—*Отв.* 16 лѣтъ. *В.* Дѣвица ты или замужняя?—*Отв.* Дѣвица. *В.* Гдѣ имѣешь мѣсто жительства? —*Отв.* Въ деревнѣ Хохловкѣ. *В.* Живы ли твои отецъ и мать?—*Отв.* Нѣтъ, мать жива, отецъ померъ. *В.* Чѣмъ ты занималась дома? — *Отв.* Такъ, по черной работѣ. *В.* Далеко ли жили отъ тебя родители временно-обязанной крестьянки Марфы Черепеньковой? — *Отв.* Далеко. *В.* Что побудило тебя убить дѣвочку Марфу Черепенькову, и чѣмъ ты ее убила? - *Отв.* Не могу знать, ваше благородіе. *В.* Не было ли когда нибудь между тобою и помянутою Черепеньковою какихъ ссоръ? — *Отв.* Нѣтъ. *В.* Съ кѣмъ ты прибыла сюда, въ Черниговъ? — *Отв.* По этапу меня привели. *В.* Желаешь ли возвратиться домой? — *Отв.* Желаю. Общее присутствіе нашло, что хотя Авдотья Толкачева, при освидѣтельствованіи, на словесные и письменные вопросы отвѣчала съ сознаніемъ здравомыслящей, но какъ изъ дѣла видно, что она готова была посягнуть на собственную жизнь и подруги своей Улиты Волосенковой безъ всякой со стороны ея причины, то посему, на основаніи правилъ составленныхъ медицинскимъ совѣтомъ и одобренныхъ государственнымъ совѣтомъ въ 18 день февраля 1835 г., дѣвицу Толкачеву слѣдуетъ помѣстить въ больницу приказа общественнаго призрѣнія на трехмѣсячное испытаніе, съ тѣмъ, чтобы контора больницы донесла губернскому правленію со всею подробностію о состояніи умственныхъ способностей Толкачевой.

29 ноября 1862 г. Авдотья Толкачева снова была освидѣтель-

ствована въ состоянiи умственныхъ способностей въ общемъ присутствiи черниговскаго губернскаго правленiя, причемъ оказалось, что пульсъ ея былъ нѣсколько учащенъ; кожа, въ особенности на рукахъ, влажная и теплая, брюхо мягкое. Толкачева объявила, что чувствуетъ себя совершенно здоровою. На нижеслѣдующiе вопросы Толкачева отвѣчала: *В.* Какъ тебя зовутъ и прозываютъ? — *Отв.* Евдокiя Толкачева. *В.* Откуда ты родомъ. — *Отв.* Изъ деревни Хохловки, новозыбковскаго уѣзда. *В.* За что тебя посадили въ тюрьму? — *Отв.* Я не могу знать. *В.* Какою работою ты занималась дома? — *Отв.* Черною работою, на панщину ходила. *В.* Отчего Марфа Черепенькова умерла? — *Отв.* Я не могу знать. *В.* О чемъ тебя спрашивали въ судѣ? — *Отв.* Спрашивали чи не ты якъ сгубила дѣвку. *В.* Кто взялъ тебя изъ дому? — *Отв.* Соцкiй. *В.* Далеко отъ тебя жила Марфа Черепенькова? — *Отв.* Далеко. *В.* Чѣмъ ты убила Марфу Черепенькову? *Отв.* Я не била. *В.* Зачѣмъ ты вызвала Марфу Черепенькову изъ дому? — *Отв.* Нѣтъ, никуда я съ дому, никуда. *В.* Чѣмъ ты не здорова? — *Отв.* Я всѣмъ здорова. *В.* Зачѣмъ ты была въ больницѣ? — *Отв.* Я не могу знать. *В.* Кто тебя привезъ въ больницу? — *Отв.* Съ острога смотритель отправилъ. *В.* Отчего у тебя была рука въ крови, а также сорочка и свитка? — *Отв.* Ни какъ нѣтъ. *В.* Куда ты ходила съ Марфою Черепеньковою? — *Отв.* Никуда. *В.* Кто тебѣ сказалъ, что Черепенькова умерла? — *Отв.* Я не могу знать, мнѣ соцкiй сказалъ, когда забилъ въ кандалы. *В.* Желаешь возвратиться домой? — *Отв.* Желаю.

На нижеслѣдующiе письменные вопросы, операторъ врачебной управы со словъ Толкачевой, написалъ: *В.* Какъ тебя зовутъ по имени, отчеству и фамилiи? — *Отв.* Евдокiя Михайлова Толкачева. *В.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? — *Отв.* 16 лѣтъ. *В.* Дѣвица ли ты или замужняя? — *Отв.* Не замужемъ. *В.* Гдѣ имѣешь мѣсто жительства? — *Отв.* У деревнѣ, новозыбковскаго уѣзда, Хохловкѣ. *В.* Живы ли твои отецъ и мать? — *Отв.* Живы. *В.* Чѣмъ ты занималась дома? — *Отв.* При черной работѣ, и жито жала. *В.* Далеко ли жили отъ тебя родители временно-обязанной крестьянки Марфы Черепеньковой? — *Отв.* Версты за полторы, въ одномъ селѣ. *В.* Что побудило тебя убить дѣвочку Марфу Черепенькову, и чѣмъ ты ее убила? — *Отв.* Я не била, а сотскiй по злобѣ; сотскiй сказавъ напрянись (одѣнься), и забилъ ме-

ня въ кандалы. *В.* Не было ли когда нибудь между тобою и помянутою Череленьковою какихъ ссоръ? — *Отв.* Дѣвочки я не знаю, а дворъ знаю. *В.* Съ кѣмъ ты прибыла въ Черниговъ?— *Отв.* Мепе съ уѣзду, по этапу шли. *В.* Желаешь ли возвратиться домой?—*Отв.* Какъ же.—Общее присутствіе, судя по вышеизложеннымъ отвѣтамъ Авдотьи Толкачевой и основываясь на удостовѣреніи конторы черниговскихъ богоугодныхъ заведеній отъ 10 ноября, гдѣ она находилась на трехмѣсячномъ испытаніи, заключило, что Толкачева совершенно здорова.

Черниговская палата уголовнаго суда, имѣя въ виду, что по освидѣтельствованіи въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, Толкачева оказалась совершенно здоровою, между тѣмъ изъ показаній ея видно, что убійство Марфы Черепеньковой сдѣлано ею, при нашедшей на нее тоскѣ, по случаю взведеннаго на нее обвиненія въ воровствѣ пеньки, такъ что она сама готова была лишить себя жизни, сдѣлала распоряженіе о производствѣ дополнительнаго слѣдствія для разъясненія слѣдующихъ вопросовъ: 1) не видѣла ли Марфа Черепенькова, какъ Авдотья Толкачева воровала коноплю и не объявляла ли она объ этомъ своимъ родителямъ, или кому либо изъ родныхъ, или сосѣдей; 2) не подвергалась ли подсудимая когда либо временному умопомѣшательству, и не замѣчалось ли въ ней какихъ либо признаковъ онаго и 3) была ли она знакома съ покойною Марфою Черепеньковою, и въ какихъ она съ нею или родителями ея была отношеніяхъ?

При дополнительномъ слѣдствіи, мать Авдотьи Толкачевой, Ксенія Толкачева, показала, что Авдотья въ умопомѣшательствѣ никогда замѣчаема не была; вела она себя честно и поручаемыя работы дѣлала исправно; всегда была весела, умопомѣшательства во всемъ ихъ родѣ не было. Дѣвочку Марфу Черепенькову Авдотья знала, но дружбы съ нею не вела; знала ли Марфа Черепенькова о воровствѣ Авдотьею посконей, ей, Ксеніи, неизвѣстно. Чтобы Евдокія имѣла злобу къ Марфѣ Черепеньковой, или къ кому либо изъ ея родныхъ, того она, Ксенія, не замѣчала и что побудило ее къ убійству Черепеньковой, не знаетъ.

Показаніе Ксеніи Толкачевой подтвердили восемь крестьянокъ деревни Хохловки; крестьянка же Ефросинья Толкачева съ своей стороны добавила, что, по ея мнѣнію, Авдотья Толкачева

убила Марфу Черепенькову для того, чтобы взвесть подозрѣні въ воровствѣ посконей на нее, Ефросинью, тѣмъ, что будто бі поскони украла она, и что о воровствѣ посконей знала внучк ея, Марфа, которую она и убила, чтобы та не открыла; кром того Авдотья могла имѣть на нее, Ефросинью, злобу за то, чт она первая возъимѣла подозрѣніе въ воровствѣ посконей.

Крестьяне деревни Хохловки (въ числѣ 12 человѣкъ) показа ли, что они не замѣчали, чтобы Авдотья Толкачева была подвер жена умопомѣшательству, и о томъ ни отъ кого не слыхали; и всемъ родѣ Толкачевыхъ подобной болѣзни не было; Авдоті всегда была весела и въ здравомъ умѣ.

Черниговская палата уголовнаго суда, усматривая изъ дѣл что Толкачева при слѣдствіи показала, что по случаю павша на нее подозрѣнія въ воровствѣ посконей, ей стало стыдно она, будучи какъ бы въ помраченіи ума, сама хотѣла лишить с бя жизни, или умертвить подругу свою Улиту Волосвкину и кого либо, какъ это и сдѣлала впослѣдствіи, убивъ Марфу Ч репенькову, препроводила подлинное дѣло въ мѣстную врачебну управу для разрѣшенія вопроса: можетъ ли стыдъ или, какъ п казываетъ Толкачева, помраченіе привести человѣка въ так состояніе, въ которомъ онъ могъ бы рѣшиться на столь стра ное преступленіе?

Черниговская врачебная управа, рапортомъ отъ 18 мая 18 года, донесла уголовной палатѣ, что хотя предложенный па тою вопросъ къ безошибочному его разрѣшенію представляе много условій, но принимая абсолютно,—стыдъ, въ уровень другими страстями врожденный человѣку для охраненія нр ственной его жизни, будучи возбужденъ вліятельнею силою шн, можетъ довести и не семнадцатилѣтнюю Толкачеву, за п дѣлы, полагаемые разумомъ.

Черниговская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ за симъ стоятельства настоящаго дѣла, нашла, что по объясненію п судимой, умысла убить Марфу Черепенькову она не имѣла и з бы къ ней не питала, а сдѣлала это, сама не знаетъ за ч вслѣдствіе напавшей на нее тоски, отъ которой она готова бі посягнуть даже на самоубійство; но объясненіе это не подтв ждается никакими обстоятельствами, напротивъ слѣдствіемъ наружено, что Авдотья Толкачева, совершивъ убійство, выне

тѣло убитой изъ бани и положила около рѣчки, слѣдовательно понимала важность преступленія, и что по показанію 12 стороннихъ лицъ у Авдотьи до учиненія ею преступленія и послѣ онаго, умопомѣшательства замѣчено не было, и что она всегда была весела и въ здравомъ умѣ; при освидѣтельствованіи въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, Толкачева признана совершенно здоровою. А потому, признавая Авдотью Толкачеву виновною въ совершеніи убійства въ полномъ разумѣ, но что къ обвиненію ея въ содѣяніи того преступленія съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ не представляется основанія, палата опредѣлила: Авдотью Толкачеву, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на десять лѣтъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла, медицинскій совѣтъ нашелъ, что хотя упреки совѣсти и стыдъ, подобно другимъ сильно дѣйствующимъ душевнымъ волненіямъ и страстямъ, могутъ несомнѣнно, при нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствахъ, помрачить умственныя способности и вести къ дѣйствіямъ безсознательнымъ, но что въ настоящемъ случаѣ не находится въ дѣлѣ данныхъ для положительнаго заключенія, что убійство дѣвочки Черепеньковой было совершено Толкачевою въ состояніи помраченія разсудка, подъ вліяніемъ упрековъ совѣсти и стыда.—

Убійство Анисимомъ Никаноровымъ полутарагодоваго мальчика.

(Меланхолія).

Мѣщанинъ Анисимъ Никаноровъ, квартируя въ селѣ Ильинскомъ, болховскаго уѣзда, въ домѣ дворовой женщины Натальи, 27 августа 1865 г. во время отлучки хозяйки изъ дома, ранилъ желѣзнымъ пробоемъ 5-ти лѣтняго мальчика; на крикъ послѣдняго прибѣжала въ избу приглашенная Натальей посидѣлка, и спрашивала о причинѣ шума, но Никаноровъ, ничего не отвѣчая, схватилъ другаго, стоявшаго около нея мальчика $1\frac{1}{2}$ года и ударилъ его объ полъ такъ сильно, что онъ ночью того же числа умеръ.

По произведенному объ этомъ происшествіи дознанію оказалось, что Никаноровъ находится не въ здравомъ умѣ. Вслѣд-

ствіе сего, болховское уѣздное полицейское управленіе представило Никанорова въ губернское правленіе для освидѣтельствованія въ состояніи умственныхъ способностей. - Освидѣтельствованіе это было произведено 23 сентября 1865 г., причемъ оказалось, что Никанорову, по наружному виду, лѣтъ 25, тѣлосложенія онъ средняго, лице его выражало тоску; на передней части головы былъ видѣнъ свѣже-поджившій продольный рубецъ, сдѣланный какимъ нибудъ острымъ орудіемъ. Изъ предложенныхъ при освидѣтельствованіи вопросовъ, Никаноровъ на одни отвѣчалъ довольно удовлетворителено, въ отвѣтахъ же на другіе—обнаруживалъ разстройство умственныхъ способностей. На вопросъ: «помнишь-ли, какъ ты ударилъ объ полъ младенца, который отъ того умеръ,» отвѣчалъ, вздохнувъ: «помню; я за это долженъ понесть наказаніе.» *В.* За что ты его убилъ? *Отв.* Самъ не знаю. *В.* Отчего у тебя на головѣ была рана? *Отв.* Не знаю.— Контора заведеній орловскаго приказа общественнаго призрѣнія сообщила губернскомуправленію, что Никаноровъ жаловался на головную боль, шумъ въ ушахъ, скучалъ, часто плакалъ, два дня, 18 и 19 сентября отказывался отъ пищи. Общимъ присутствіемъ признано было необходимымъ подвергнуть Никанорова испытанію въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ.

Сверхъ того губернское правленіе предписало болховскому уѣздному управленію собрать и доставить правленію точныя и подробныя свѣдѣнія о томъ: обнаружились-ли у Никанорова признаки умопомѣшательства прежде совершенія имъ преступленія,—чѣмъ именно и съ какого времени; какого онъ былъ образа жизни и поведенія до совершенія преступленія, какія были его личныя отношенія, какъ къ семейнымъ, такъ и къ посторонпимъ людямъ, и въ особенности къ тому семейству, среди котораго онъ проживалъ (именно дворовой женщины Натальи). — При произведенномъ вслѣдствіе сего *дознаніи* 12 человѣкъ временно-обязанныхъ крестьянъ села Ильинскаго, (гдѣ проживалъ Никаноровъ) подъ присягою показали, что Никаноровъ до совершенія смертоубійства былъ постоянно задумчивъ, характера былъ меланхолическаго *), а иногда заговаривался; образа жизни и поведенія былъ хорошаго, ни въ чемъ нехорошемъ замѣчаемъ не былъ; съ

*) Мы сомнѣваемся, чтобы крестьяне выразились такимъ образомъ.
Прим. изд.

семействомъ дворовой женщины Натальи Ивановой, а равно и съ посторонними людьми былъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

По истеченіи срока испытанія, Никаноровъ былъ вновь освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, 8 февраля 1866 г., причемъ выраженіе лица его было менѣе тоскливое, чѣмъ при освидѣтельствованіи 23 сентября 1865 г. На вопросы онъ отвѣчалъ тихимъ голосомъ, неохотно и съ робостію; при словесныхъ вопросахъ, касавшихся причины, по которой онъ находится въ домѣ умалишенныхъ и подробностей совершенныхъ имъ убійствъ, Никаноровъ отвѣчалъ, что прислали его въ домъ умалишенныхъ за то, что подрался, ударилъ двухъ мальчиковъ, сначала одного ладонью по головѣ, который отъ этого упалъ и заплакалъ; тутъ была его мать и вынесла его изъ избы. Мать его прежде онъ не зналъ, а только слышалъ про нее; другаго мальчика, бывшаго тутъ же, онъ ударилъ ножемъ, кажется въ спину; далѣе онъ говорилъ, что былъ въ то время помѣшанъ умомъ, хотѣлъ убить себя; пробилъ себѣ голову топоромъ, послѣ чего его схватили двое людей, изъ коихъ одинъ былъ староста Семенъ Савичевъ, связали его и отправили прежде въ волостное правленіе, а потомъ въ г. Орелъ; съ матерью дѣтей, по его словамъ, онъ не ссорился, и дѣти, которыхъ онъ прибилъ, его никогда не дразнили. На вопросъ; «знаешь ли ты, что дѣти, которыхъ ты убилъ, уже умерли» отвѣчалъ. Не знаю.—Контора заведеній орловскаго приказа общественнаго призрѣнія 8 февраля 1866 г. донесла губернскому правленію, что Никаноровъ 16 октября 1865 г. утромъ, безъ всякой причины, хотѣлъ ударить другаго больнаго и дѣлалъ попытку разломать рѣшетку. Съ ночи на 17 октября Никаноровъ былъ спокоенъ, сонъ и аппетитъ его были хорошіе, на вопросы хотя отвѣчалъ правильно, но неохотно, съ окружающими разговора не велъ. На основаніи вышеизложеннаго общее присутствіе признало, что меланхолическое состояніе Никанорова уменьшилось противъ прежней степени, и заключило отправить его въ больницу приказа общественнаго призрѣнія впредь до совершеннаго выздоровленія и потомъ опять подвергнуть освидѣтельствованію.—Такъ какъ изъ полученныхъ шести донесеній конторы заведеній было видно, что состояніе умственныхъ способностей Никанорова 8 февраля, не только не улучшилось, а на-

противъ, съ 12 іюня онъ сталъ болѣе скученъ, то губернское правленіе, не дожидаясь совершеннаго выздоровленія Никанорова, подвергло его освидѣтельствованію въ общемъ присутствіи 23 сентября 1866 г. На предложенные при семъ освидѣтельствованіи вопросы, Никаноровъ написалъ слѣдующіе отвѣты: *Вопр.* Какъ твое имя, отечество и фамилія? *Отв.* Анисимъ Никаноровъ. *Вопр.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *Отв.* Лѣтъ двадцать съ лишнимъ. *Вопр.* Какого ты вѣроисповѣданія? *Отв.* Православлаго. *Вопр.* Есть ли у тебя родные, какъ ихъ звать, и гдѣ они живутъ? *Отв.* Родные были тѣ же, а знать не знаю, гдѣ будутъ. *Вопр.* Есль ли у тебя имущество, гдѣ оно находится, и кто имъ распоряжается? *Отв.* Имущество во все время моего пользованія я не знаю гдѣ, у кого, и не въ силахъ съ кого взыскать. *Вопр.* Гдѣ ты жилъ въ послѣднее время, и у кого именно? *Отв.* Не знаю даже, гдѣ стою. *В.* Чѣмъ ты занимался, проживая въ болховскомъ уѣздѣ? *Отв.* Разными охранящими, тѣмъ кого не знаю. *Вопр.* За что ты ударилъ желѣзнымъ пробоемъ 5 лѣтняго мальчика? *Отв.* Не знаю, кто онъ. *Вопр.* Помнишь ли ты, какъ схватилъ другаго мальчика $1^1/_2$ года и ударилъ его объ полъ? *Отв.* Помню. *Вопр.* Правда ли, что ты былъ сердитъ на женщину Наталью и отъ того убилъ ея дитя? *Отв.* Я не знаю, какъ на нее сердитъ. *Вопр.* Давно ли ты находишься въ заведеніи? *Отв.* Не упомню. *Вопр.* Женатъ ли ты, или холостъ? *Отв.* Не былъ женатъ.—При освидѣтельствованіи 23 сентября, лице Никанорова было найдено болѣе тоскливымъ, чѣмъ при предшествовавшемъ освидѣтельствованіи, отвѣчалъ онъ на вопросы по прежнему тихимъ голосомъ, неохотно и съ робостію. На вопросы, касающіеся совершеннаго преступленія, говорилъ, что онъ помнитъ, когда онъ убилъ какого-то ребенка, но не знаетъ, чей этотъ ребенокъ, что на женщину Наталью онъ не былъ сердитъ и не понимаетъ, за что онъ убилъ ребенка. Вообще на большую часть вопросовъ, какъ письменныхъ, такъ и словесныхъ, отвѣчалъ правильно, исключая на письменный вопросъ: «чѣмъ ты занимался, проживая въ Болховскомъ уѣздѣ»? онъ отвѣтилъ съ здравымъ смысломъ несообразно: «разными охраняящими, тѣмъ кого не знаю».—Контора заведеній донесла губернскому правленію, что у Никанорова въ сферѣ психической дѣятельности особенной перемѣны не произошло; хотя на предлагаемые вопросы онъ отвѣ-

чаетъ и правильно, но односложно; никакого участія въ окружающемъ не принимаетъ, постоянно мраченъ и скученъ, по цѣлымъ суткамъ не принимаетъ пищи, и съ 15 августа у него начали проявляться признаки цынготной болѣзни. Принявъ во вниманіе все вышеизложенное, общее присутствіе, согласно съ мнѣніемъ членовъ врачебнаго отдѣленія, признало Никанорова одержимымъ меланхоліею.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ акты освидѣтельствованія мѣщанина Никанорова въ общемъ присутствіи орловскаго губернскаго правленія 23 сентября 1866 г., нашелъ правильнымъ заключеніе сего присутствія о томъ, что Никаноровъ одержимъ меланхоліею.

Убійство купеческимъ племянникомъ Порфиріемъ Балакинымъ 12 лѣтняго мальчика.

(Припадокъ помѣшательства).

12 ноября 1865 г., пудежскій купеческій племянникъ Порфирій Балакинъ, явясь къ мѣстному становому приставу, объявилъ, что утромъ сего числа, отперевъ амбаръ дома своего, онъ нашелъ въ немъ зарѣзаннаго мальчика, нищаго Владиміра Козырева.—На трупѣ Владиміра Козырева оказались: двѣ раны на шеѣ, изъ которыхъ одна проникала въ гортань а другая въ полость рта, и одна колотая рана на груди. Кромѣ того у Козырева была отрѣзана послѣ смерти правая рука въ локтевомъ сочлененіи; отрѣзанная часть руки не найдена.

На спросы слѣдователей *Порфирій Балакинъ*, занимающійся мясничествомъ и продажею жаренаго мяса на базарахъ, отозвался, что какимъ образомъ Козыревъ оказался зарѣзаннымъ въ амбарѣ, онъ не знаетъ, и что самъ въ убійствѣ Козырева невиновенъ. Между тѣмъ по слѣдствію открыто нѣсколько обстоятельствъ, служащихъ къ обвиненію его въ этомъ преступленіи. Сестра Балакина *Наталья* заявила слѣдователю, что братъ ея не въ полномъ разсудкѣ; это она основываетъ на томъ, что онъ, будучи бѣднаго состоянія, тратитъ значительныя деньги въ церкви и домà на восковыя свѣчи, ладонъ и деревянное масло, безпрестанно куритъ ладономъ въ своемъ домѣ и читаетъ акафисты.

Мнѣніе Натальи Балакиной подтвердили нѣсколько жит
мѣстечка Пудежа, которые объяснили, что Балакинъ хотя бı
одинъ день встрѣтился съ человѣкомъ пять или болѣе разъ
каждый разъ кланяется; онъ не пропускаетъ ни одной церко
службы, въ церкви кладетъ земные поклоны, постоянно у
бается безъ видимой причины.

16 ноября 1865 г. Балакинъ былъ освидѣтельствованъ ю
вецкимъ уѣзднымъ врачемъ, причемъ разстройства умственн
способностей у него не оказалось, но врачъ заключилъ, что
полнаго въ семъ убѣжденія, Балакина необходимо подверг
больничному испытанію и освидѣтельствованію въ губернс
правленіи.

Балакинъ былъ свидѣтельствованъ въ общемъ присутс
костромскаго губернскаго правленія 15 декабря 1865 г. і
марта 1866 г., и въ продолженіи времени между сими осв
тельствованіями подвергнутъ былъ испытанію въ больницѣ
стромскаго приказа общественнаго призрѣнія. При сихъ осв
тельствованіяхъ и испытаніи, у Балакина разстройства умст
ныхъ способностей не оказалось. Но 14 апрѣля 1866 г. кон
больницы донесла губернскому правленію, что 10 числа
мѣсяца у Балакина, въ продолженіи сутокъ, было девять эпи
тическихъ припадковъ, и въ послѣднее время нахожденія ег
больницѣ онъ говорилъ много несвязныхъ рѣчей, и потому м
подозрѣвать, что Балакинъ имѣетъ періодическое умопомı
тельство. Вслѣдствіе сего, больничное испытаніе Балакин
постановленію общаго присутствія губернскаго правленія,
продолжено до октября мѣсяца 1866 г., причемъ однако у
никакихъ признаковъ умственнаго разстройства не оказало
припадковъ падучей болѣзни не было.

Общее присутствіе, освидѣтельствовавъ Балакина 19 окт
1866 г., при чемъ Балакинъ, какъ видно изъ отношенія губ
скаго правленія въ костромскую уголовную палату, былъ за
чивъ, держалъ себя скромно и прилично и на вопросы отв
удовлетворительно, заключило, что Балакинъ умопомѣшател
не подверженъ.

Костромская уголовная палата, находя, что преступленіе с
шено Балакинымъ въ припадкѣ умопомѣшательства, кото
онъ, какъ увѣдомило губернское правленіе, подвергался пер

чески, опредѣлила, не вмѣняя Балакину въ вину совершеннаго имъ преступленія, оставить его въ домѣ умопомѣшанныхъ, впредь до совершеннаго выздоровленія.

Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, медицинскій совѣтъ нашелъ, что по имѣющимся въ семъ дѣлѣ судебно-медицинскимъ даннымъ должно полагать, что преступленіе совершено Балакинымъ въ припадкѣ умопомѣшательства.

Убійство Коне-Цековымъ своего товарища.

(Мрачное помѣшательство).

4 октября 1861 г., завѣдывавшій переселеніемъ Болгаръ изъ Турціи въ Крымъ, баронъ Остенъ-Сакенъ, донесъ ѳеодосійскому городничему, что означеннаго числа въ ѳеодосійскомъ карантинѣ переселенецъ Болгаръ Коне-Цековъ нанесъ топоромъ рану переселенцу Стефану Дончову.

По произведенному того же числа ѳеодосійскимъ городовымъ врачемъ освидѣтельствованію Стефана Дончова, оказалось: на тыльной поверхности, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ третьему шейному позвонку, глубокая горизонтально-лежащая порѣзанная рана, величиною въ 4 дюйма и проникающая сквозь мягкія ткани до самыхъ шейныхъ позвонковъ; на днѣ раны ощупывался острый край поврежденнаго позвонка. По степени поврежденія и близости важнѣйшаго для жизни органа, спиннаго мозга, врачъ заключилъ, что жизнь Стефана Дончова находится съ опасности *).

На спросъ слѣдователей Стефанъ Дончовъ показалъ, что предъ вечеромъ 4 октября онъ пришелъ къ дочери своей, помѣщавшейся вмѣстѣ съ другими переселенцами въ зданіи ѳеодосійскаго карантина, сѣлъ вмѣстѣ съ нею, мужемъ ея и тремя другими переселенцами и занимался разговоромъ. Вслѣдъ за нимъ пришелъ туда же переселенецъ Коне-Цековъ, сѣлъ вдали отъ нихъ на полу и ѣлъ лукъ, потомъ, не замѣчаемый, ими всталъ, взялъ находившійся въ комнатѣ топоръ и нанесъ ему, Стефану, ударъ по

*) 14 октября 1861 г. Стефанъ Дончовъ, находившійся на излеченіи въ симферопольскомъ военномъ госпиталѣ, умеръ вслѣдствіе нанесенной ему раны.

шеѣ. Показаніе свое Дончовъ заключилъ тѣмъ, что Коне-Цековъ нанесъ ему рану не въ здравомъ разсудкѣ, ибо съ нимъ никогда ни за что не ссорился и сдѣлокъ никакихъ не имѣлъ, а поэтому и не было причины Цекову питать къ нему злобу; еще на мѣстѣ прежняго ихъ жительства Цековъ былъ помѣшанъ; помѣшательство это хотя у него, по видимому, предъ отъѣздомъ и прошло, но вѣроятно вновь возобновилось.

Показаніе Дончова вполнѣ подтвердили бывшіе свидѣтелями происшествія: дочь Дончова съ мужемъ, а равно три другіе переселенца; но двое изъ нихъ добавили, что послѣ нанесенія Стефану удара, на лицѣ Коне-Цекова не было замѣтно ни жалости, ни досады, ни страха, какъ будто онъ ничего не сдѣлалъ.

Производившіе дознаніе о преступленіи Коне-Цекова городничій вмѣстѣ съ другими чиновниками въ составленномъ ими 4 октября 1861 г. актѣ, между прочимъ, изложили, что, обративъ вниманіе на Коне-Цекова, они замѣтили у него блуждающіе глаза; на нѣсколько сдѣланныхъ ими вопросовъ о томъ, что побудило его къ такому поступку, Цековъ не отвѣчалъ ни слова и не измѣнялъ своего положенія, какъ будто къ нему не относилась.

5 октября 1861 г. Коне-Цековъ былъ освидѣтельствованъ ѳеодоссійскимъ городовымъ врачемъ Розенблюмомъ. Въ составленномъ о семъ актѣ, врачъ Розенблюмъ изложилъ, что Коне-Цековъ посредственнаго тѣлосложенія, отъ роду имѣетъ около 35 лѣтъ; наружный видъ его и безсмысленные отвѣты на предлагаемые ему вопросы даютъ дѣйствительно право подозрѣвать его въ помѣшательствѣ ума.

Переселявшіеся съ Коне-Цѣковымъ Болгары, въ числѣ десяти человѣкъ, отозвались, что на мѣстѣ прежняго ихъ жительства Цековъ былъ характера смирнаго, трудолюбивый и поведенія очень хорошаго; мѣсяца за три предъ выѣздомъ въ Россію, онъ помѣшался умомъ и находился въ такомъ положеніи дней пятнадцать, бродилъ раздѣтый по лѣсу и когда возвращался въ домъ, то наносилъ побои своей женѣ; потомъ состояніе его здоровья поправилось, и онъ во всю дорогу въ Россію былъ повидимому въ здравомъ разсудкѣ; но затѣмъ, вѣроятно, вновь нашло на него помѣшательство, въ припадкѣ коего онъ и нанесъ ударъ переселенцу Стефану Дончову. 16 октября 1861 г. Коне-Цековъ

былъ помѣщенъ въ отдѣленіе для умалишенныхъ симферопольской градской больницы.

4 мая 1863 г. таврическое губернское правленіе увѣдомило мѣстную палату уголовнаго суда, что Коне Цековъ былъ подвергаемъ періодическому освидѣтельствованію въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, и что по послѣднему изъ этихъ освидѣтельствованій, произведенному 11 марта 1863 г., оказалось слѣдующее: Цековъ дѣлалъ разныя несвойственныя тѣлодвиженія и улыбки, на вопросы отвѣчалъ неправильно и такъ, что въ нѣкоторыхъ отвѣтахъ видно отсутствіе памяти, какъ напримѣръ, не знаетъ имени матери, или названія мѣста, гдѣ онъ проживалъ прежде. Свидѣтельствовавшіе Цекова члены врачебной управы, находя, что ни изъ словъ Цекова, ни изъ тѣлосложенія его, нельзя вывести правильное заключеніе о состояніи его умственныхъ способностей,—результаты же произведеннаго наблюденія не разъясняютъ этого,—признали необходимымъ оставить Цекова на испытаніи въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ.

18 августа 1864 г. Цековъ былъ снова освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи таврическаго губернскаго правленія. На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы, Цековъ отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ тебя зовутъ? *Отв.* Николай Цековъ. *Вопр.* Откуда ты родомъ? *Отв.* Мое село далеко, господинъ знаетъ мое село. *Вопр.* Женатъ или холостъ? *Отв.* Жену оставилъ заграницей и дѣтей оставилъ. *Вопр.* Въ какое мѣсто ты пришелъ въ Крымъ, гдѣ тебя высадили? *Отв.* На морѣ меня взяли два человѣка, гдѣ высадили, не знаю. *Вопр.* Гдѣ теперь живешь? *Отв.* Знаешь гдѣ меня поставили, на квартирѣ здѣсь. *Вопр.* Кто привезъ сюда? *Отв.* Два солдата съ ружьями, я былъ безъ ружья. *Вопр.* Не болитъ-ли что у тебя? *Отв.* Ничего не болитъ. *Вопр.* Что кушаешь? *Отв.* Хлѣбъ и мясо. *Вопр.* Чѣмъ ты занимался въ Турціи? *Отв.* Хлѣбопашествомъ занимался. *Вопр.* Зачѣмъ же оставилъ жену? *Отв.* Самъ не знаю. *Вопр.* Зачѣмъ ты былъ отданъ солдатамъ? *Отв.* Не знаю за что, вѣрно думали, что меня нужно въ солдаты отдать. *Вопр.* Знаешь ли ты Стефана Дончова? *Отв.* Въ Турціи зналъ, а послѣ не видѣлъ. *Вопр.* Ты съ нимъ не ссорился, не ударилъ его? *Отв.* Нѣтъ, я его не билъ. *Вопр.* Какого роста онъ былъ? *Отв.* Низокъ, худой.—Засимъ въ актѣ освидѣтельствованія изложено, что Коне-

Цековъ 26 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія посредственнаго, зрачки глазъ его сжаты, пульсъ малъ; выражаетъ странные обороты тѣла головою и особенныя движенія руками; въ физіономіи отражается нѣкоторая безсмысленность, глуповатость. На нѣкоторые вопросы отвѣчалъ правильно, но на большую часть вопросовъ (именно: 2, 4, 5, 10 и 11), отвѣчалъ безсмысленно. По наблюденію въ больницѣ не замѣчено никакихъ органическихъ страданій, и въ поступкахъ его ничего непослѣдовательнаго не оказалось. Соображаясь съ отвѣтами при прежнихъ освидѣтельствованіяхъ и отвѣтами при настоящемъ освидѣтельствованіи, члены врачебной управы признали Коне-Цекова слабоумнымъ; особенно, если такое состояніе его умственныхъ способностей подтвердится свидѣтельствомъ лицъ, знавшихъ Коне-Цекова въ его прежней жизни.

Усматривая изъ дѣла: 1) что ни самъ раненый Дончовъ, ни родственники его и свидѣтели не показали, чтобы Коне-Цековъ имѣлъ какой либо поводъ для нанесенія смертельнаго удара Дончову, или чтобы сему предшествовала какая либо ссора; 2) что врачъ, свидѣтельствовавшій Цекова вскорѣ послѣ нанесенія раны Дончову, нашелъ у него признаки, по которымъ можно подозрѣвать его умопомѣшаннымъ, и 3) что товарищи его подтвердили, что мѣсяца за три до того событія онъ страдалъ умопомѣшательствомъ, таврическая палата уголовнаго суда нашла, что нѣтъ основаній къ признанію, что Цековъ, нанося Дончову смертельный ударъ, дѣйствовалъ сознательно; хотя же по освидѣтельствованію въ общемъ присутствіи онъ и найденъ слабоумнымъ, но это заключеніе не можетъ отвергать вышеприведенныхъ обстоятельствъ, такъ какъ изъ настоящаоо состоянія Цекова нельзя выводить положительнаго заключенія о его прежнемъ состояніи. На основаніи сего, палата опредѣлила: Коне-Цекова оставить свободнымъ отъ отвѣтственности за нанесеніе топоромъ смертельнаго удара переселенцу Стефану Дончову, и затѣмъ поступить съ нимъ по приложенію къ ст. 107 уложен. о наказаніяхъ.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что Коне-Цековъ не имѣлъ достаточнаго повода къ совершенію преступленія; онъ не находился съ Дончовымъ ни въ ссорѣ, ни во враждѣ, какъ показали самъ раненный, его семейство и односельцы; до совершенія

преступленія Коне-Цековъ, по словамъ его знакомыхъ, былъ уже одержимъ помѣшательствомъ, бродилъ раздѣтый по лѣсу и когда возвращался въ домъ, то наносилъ побои своей женѣ; освидѣтельствованіе же умственныхъ способностей подсудимаго не было произведено вслѣдъ за совершеніемъ преступленія, а позднѣйшія наблюденія и освидѣтельствованія были сдѣланы очень поверхностно, такъ что они не даютъ надлежащаго понятія о состояніи въ то время умственныхъ способностей подсудимаго. Принимая однако во вниманіе вышеизложенныя обстоятельства, съ вѣроятностію полагать можно, что Коне-Цековъ, во время совершенія преступленія, былъ одержимъ мрачнымъ помѣшательствомъ, и преступленіе его не должно быть вмѣняемо.

О крестьянинѣ Евстигнѣѣ Дюпинѣ, сужденномъ за убійство.

(Слабоуміе отъ падучей болѣзни).

5-го ноября 1859 года, оренбургской губерніи, бирскаго уѣзда, байкинское сельское управленіе донесло мѣстному становому приставу, что государственный крестьянинъ, деревни Байковъ, Алексѣй Бреховъ, 2-го ноября до свѣту, не сказавшись никому изъ семейныхъ, ушелъ куда-то изъ дому и въ теченіи трехъ дней не возвращался. Посему жители означенной деревни, отправившись для розыска его въ лѣсъ, отстоящій отъ деревни въ полу-верстѣ, и, пройдя по оному саженъ 200, замѣтили свѣже-изломанный огородъ, гдѣ нашли пролегающій по разнымъ направленіямъ слѣдъ саней, уже занесенный снѣгомъ. Пройдя по этому снѣгу саженъ 300, они замѣтили около кучи сухихъ вершинъ слѣды саней и человѣческіе, а также кровь; далѣе, въ верстѣ, нашли сани и на нихъ веревку, лѣвый нащепъ и два передніе вяза въ крови, наконецъ далѣе саженъ за 150 отыскали и Брехова, въ крови и мертвымъ. Онъ лежалъ около сосны и былъ прикрытъ вершиной сосноваго же дерева; голова его съ затылка прошиблена обухомъ или рычагомъ, изъ прошиба еще истекала кровь; голова, борода, лицо и одежда его были въ крови.

Подозрѣніе въ убійствѣ Брехова пало на крестьянина села Байковъ, Евстигнѣя Дюпина, но какъ онъ, такъ и семейные его

отозвались, что 2-го ноября онъ никуда не ѣздилъ, кромѣ какъ только перевозилъ телѣги на другую сторону дороги. Двое же изъ односельцевъ его показали, что видѣли въ этотъ день до свѣту какъ онъ въ дровняхъ ѣхалъ въ лѣсъ. По этому поводу старшина, при понятыхъ, сдѣлалъ Дюпину въ присутствіи сельскаго управленія осмотръ и нашелъ, что на обѣихъ рукахъ его съ кулаковъ далѣе кисти и подъ правымъ глазомъ кожа свернута,—какъ замѣтно, отъ царапанія ногтями, на что Дюпинъ отозвался, что руки обварилъ себѣ сусломъ. Затѣмъ было у Дюпина освидѣтельствовано верхнее и нижнее платье, причемъ на правомъ рукавѣ его полушубка, снизу на шерсти и сверху на лѣвомъ локтѣ, оказалась кровь. Въ домѣ Дюпина сверхъ того найдены валенки изъ бѣлой шерсти въ крови.

Въ виду таковыхъ уликъ Дюпинъ, по убѣжденію старшины, при понятыхъ чистосердечно сознался въ убійствѣ Брехова, а при слѣдствіи показалъ, что 2-го ноября, вставши до свѣта, онъ отправился на запряженной въ дровни лошади въ собственный съ односелянами лѣсъ для вырубки бревешекъ; выѣхавши въ маленькій сосновый колокъ и срубивши два бревешка, онъ положилъ ихъ на дровни и началъ привязывать веревкой; въ это время, кто неизвѣстно, нанесъ ему по спинѣ тяжелый ударъ рычагомъ; испугавшись такого случая и почувствовавъ сильную боль онъ, Дюпинъ, сотворилъ молитву, полагая, что это произошло отъ нечистаго духа (особенно потому, что шороха онъ не слыхалъ), да къ тому же осерчавъ, тотчасъ обернулся и самъ наоборотъ ударилъ того неизвѣстнаго, съ сильнымъ размахомъ, бывшимъ у него въ рукахъ клячемъ сыраго сосноваго дерева, длиною четверти въ три, а толщиною въ вершокъ; въ испугѣ онъ не зналъ, кого и по какому мѣсту онъ ударилъ; неизвѣстный же, застонавъ упалъ и никакого крику уже не произносилъ; увидѣвши, что убилъ его, Дюпинъ еще болѣе испугался и почти пришелъ въ безпамятство; однако вглядѣвшись узналъ, что это—односелянинъ его, Алексѣй Бреховъ. Сбросивши съ дровенъ бревешки, онъ отвезъ убитаго къ той соснѣ, гдѣ его нашли, прикрылъ тѣло вершиной сухаго дерева и, оставивши его дровни за другимъ оврагомъ, возвратился домой верхомъ уже на разсвѣтѣ. На дорогѣ въ оба пути онъ, Дюпинъ, никого не видалъ и видѣлъ ли кто его, не знаетъ; по пріѣздѣ домой о слу-

чившемся семейнымъ не разсказывалъ; умышленно Брехова онъ не убивалъ и не имѣлъ къ тому побудительной причины, а не объявилъ объ этомъ изъ боязни и отъ угрызенія совѣсти; голову Брехова ни топоромъ, ни обухомъ не разбивалъ, и отъ чего на ней оказались боевые знаки—не знаетъ; кровь на полушубокъ его попала съ ранъ на рукахъ, вслѣдствіе ожоги сусломъ, а на правой рукѣ знакъ крови вѣроятно послѣдовалъ при рѣзаніи птицы и скота; валенки же кровью замаралъ онъ при родахъ жены.

Бывшіе при розыскахъ Брехова односеляне, въ числѣ 20 человѣкъ, показали, что Дюпинъ имѣетъ характеръ сердитый и сварливый, дѣлаетъ ссоры даже на сходахъ и занимается мелочными кражами.

Уѣздный врачъ, по анатомическому осмотру тѣла Брехова, заключилъ, что были-ли раны нанесены ему обухомъ топора,— сказать трудно, но что судя по формѣ пятенъ на тылѣ правой ручной кисти и лѣвыхъ ручныхъ перстахъ, вѣрнѣе можно полагать, что раны нанесены палкою, а не обухомъ топора; затѣмъ судя по формѣ краевъ и угловъ раны на затылкѣ и по отсутствію знака на кости, составляющей дно этой раны, онъ, врачъ, полагаетъ, что разсѣченіе наружныхъ покрововъ у Брехова сдѣлано тупымъ орудіемъ, а не лезвіемъ топора. Судя же по состоянію краевъ и формѣ остальныхъ поврежденій на головѣ, врачъ заключаетъ, что онѣ послѣдовали уже послѣ смерти Брехова, при перевозкѣ его на дровняхъ по кустамъ и пнямъ. Что Бреховъ убитъ не однимъ ударомъ, какъ показываетъ Дюпинъ, и что убійство совершено не нечаянно въ испугѣ, очевидно доказывается какъ числомъ поврежденій, нанесенныхъ покойному, такъ и тѣмъ, что Дюпинъ, еще не убивши его, причинилъ ему въ трехъ мѣстахъ на тыльной поверхности рукъ сильныя поврежденія, вѣроятно во время его, Брехова, обороны.—Заключеніе врача признано правильнымъ врачебною управою.

При передопросѣ въ уѣздномъ судѣ подъ священническимъ увѣщаніемъ, Дюпинъ отозвался, что данныя имъ показанія ни отрицать, ни утвердить онъ не можетъ, потому что съ давняго времени находится въ какомъ-то неестественномъ состояніи безпамятства, а потому, былъ-ли когда, и кѣмъ, и по какому дѣлу спрашиваемъ, не помнитъ; такъ-же не помнитъ и того—ѣздилъ-

ли въ лѣсъ, убилъ-ли тамъ односельца Брехова и какимъ образомъ совершилось это убійство.

При освидѣтельствованіи Дюпина въ присутствіи уѣзднаго суда исправляющимъ должность уѣзднаго врача Копыловымъ, найдено, что Дюпинъ имѣетъ видъ здоровый и на сдѣланные вопросы отвѣчалъ со смысломъ, изъ чего слѣдователи заключили, что онъ находится въ здравомъ состояніи.

По требованію оренбургской палаты уголовнаго суда, отъ 10 августа 1860 года, Дюпинъ былъ свидѣтельствованъ въ присутствіи губернскаго правленія 10-го іюля 1861 года, причемъ члены врачебной управы признали необходимымъ для положительнаго заключенія о состояніи умственныхъ способностей подвергнуть его трехмѣсячному испытанію въ тюремной больницѣ, чрезъ завѣдывающаго оною врача, съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній, по истеченіи срока испытанія, донесъ губернскому правленію о результатахъ наблюденія со всею подробностію и заключеніемъ своимъ.—Во исполненіе таковаго заключенія подсудимый Дюпинъ находился подъ наблюденіемъ въ больницѣ уфимскаго тюремнаго замка съ 22 августа по 22 ноября 1861 г. и какъ видно изъ рапорта врача этой больницы Беневоленскаго и приложеннаго къ дѣлу скорбнаго листа, въ теченіи этого срока испытанія весьма часто имѣлъ припадки падучей болѣзни; за день или за два дня предшествовали имъ задумчивость и боязливость: больной пугался приближенія всякаго посторонняго лица, на предлагаемые вопросы отвѣчалъ не въ попадъ или несвязно и постоянно жаловался на головную боль и головокруженіе. Точно тѣ же симптомы, исключая задумчивости, смѣнявшейся буйствомъ, обнаруживались у Дюпина въ теченіе слѣдующаго, или двухъ слѣдующихъ за каждымъ припадкомъ дней. Въ свободное отъ припадковъ время у него вообще замѣчалась тупость памяти и соображенія, глаза представлялись мутными, взоръ блуждающимъ, движенія тѣла вялыми.

Въ виду такого отзыва врача, наблюдавшаго подсудимаго въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, губернское правленіе во второй разъ свидѣтельствовало Дюпина въ состояніи умственныхъ способностей 11-го января 1862 года и, не удовольствовавшись отвѣтами его, на основаніи мнѣнія членовъ врачебной управы, признало необходимымъ еще разъ подвергнуть Дюпина трехмѣсяч-

ному испытанію по тому уваженію, что онъ отвѣтилъ положительно на три изъ всѣхъ предложенныхъ ему, весьма близкихъ къ положенію его вопросовъ, на прочіе же отозвался незнаніемъ, чѣмъ и навлекаетъ на себя подозрѣніе въ притворствѣ и стараніи показать совершенное отсутствіе разсудка. Вторичное наблюденіе Дюпина въ больницѣ теремнаго замка, въ 19-го февраля по 17-е мая 1862 года, представило тѣ же самые результаты: четыре раза были у него приступы падучей болѣзни; за нѣсколько дней до приступовъ замѣчались въ немъ забывчивость и боязливость; на предлагаемые вопросы давалъ онъ иногда довольно удовлетворительные, иногда-же вовсе несообразные отвѣты, и притомъ всегда послѣ продолжительнаго молчанія, какъ будто бы предметъ вопроса былъ весьма важенъ, и долго онъ его обдумывалъ; сверхъ того Дюпинъ предъ приступами падучей болѣзни постоянно жаловался на головную боль. Такія же явленія замѣчались у него въ теченіи нѣсколькихъ дней предъ приступомъ и послѣ приступа, за исключеніемъ задумчивости, смѣнявшейся иногда буйствомъ. 28-го марта у Дюпина было два припадка падучей болѣзни: одинъ въ 11 часовъ утра, а другой—въ 6 часовъ вечера, и на другой день онъ былъ безпокоенъ, настоятельно требовалъ, чтобы его пустили для покупки табаку и хлѣба, изорвалъ на себѣ сорочку и бросилъ кружку въ одного изъ больныхъ, что и заставило надѣть на него горячечную рубашку. Въ промежуткахъ и между приступами, кромѣ тупости памяти и соображенія, у Дюпина ничего не обнаруживалось. Наблюдавшій его, врачъ Беневоленскій, заключилъ, что онъ страдаетъ тупоуміемъ вслѣдствіе часто повторяющихся припадковъ падучей болѣзни.

12 іюля 1862 года, въ присутствіи губернскаго правленія, члены оренбургской врачебной управы свидѣтельствовали въ третій разъ подсудимаго Дюпина въ состояніи умственныхъ его способностей. При этомъ свидѣтельствованіи замѣтивши уклончивость его отъ отвѣтовъ на вопросы, здоровый видъ лица и глазъ и напряженное вниманіе къ разговору членовъ о его дѣлѣ въ то время, когда онъ, Дюпинъ, предполагалъ что за нимъ не наблюдаютъ; притомъ, имѣя въ виду, что кромѣ настоящаго преступленія, Дюпинъ былъ подъ судомъ по многимъ другимъ дѣламъ и что о болѣзни его ни отъ кого предъявленія

дѣлаемо не было, а сдѣлано оно имъ самимъ, когда ему подтверждались въ уѣздномъ судѣ вопросы, члены врачебной управы нашли необходимымъ оставить Дюпина для испытанія въ тюремной больницѣ еще на три мѣсяца съ тѣмъ, чтобы врачъ съ особеннымъ вниманіемъ ежедневно наблюдалъ за всѣми случаями, которымъ Дюпинъ будетъ подвергаться, и по окончаніи срока испытанія скорбный листъ представилъ бы въ губернское правленіе для соображенія при новомъ свидѣтельствѣ Дюпина.

Изъ скорбнаго листа за время врачебнаго наблюденія надъ Дюпинымъ, производившагося въ третій разъ въ больницѣ уфимскаго тюремнаго замка съ 10-го августа по 13 ноября 1862 г., видно, что въ первые 12 дней онъ чувствовалъ себя довольно хорошо и на вопросы отвѣчалъ удовлетворительно, но медленно и съ большими разстановками. 22-го августа онъ жалуется на головную боль, задумчивъ и при приближеніи къ нему пугается; глаза мутные, выраженіе ихъ странное. 23-го августа — при продолженіи тѣхъ же признаковъ, Дюпинъ большею частію спитъ, при разговорѣ съ нимъ озирается и отвѣчаетъ на нѣкоторые вопросы не въ попадъ. 24-го августа у Дюпина припадокъ эпилепсіи; онъ, какъ объявили врачу окружающіе, стоялъ около койки и вдругъ упалъ, потомъ у него начались судороги, лицо было багровое и слышалось сильное храпѣніе. Прибывшій къ этому времени врачъ нашелъ его въ слѣдующемъ положеніи: онъ лежалъ на полу возлѣ койки, лицо было уже блѣдное, дыханіе глубокое съ легкимъ храпѣніемъ; около рта и на бѣльѣ кровянистая пѣна; на полу, подъ ягодицами, выдѣлившаяся во время припадка моча; пульсъ ускоренъ и твердъ; зрачки неподвижны. 25-го августа Дюпинъ находился въ возбужденномъ состояніи и выказывалъ наклонность къ разрушенію, почему надѣли на него горячечную рубашку; онъ требовалъ, чтобы его непремѣнно развязали, такъ какъ ему необходимо идти на рынокъ для покупки хлѣба и табаку. Къ вечеру онъ успокоился; но на другой день еще былъ задумчивъ и на предлагаемые вопросы или вовсе не отвѣчалъ, или отвѣчалъ не въ попадъ. 27-го августа онъ началъ приходить въ себя и до 14 сентября чувствовалъ себя довольно хорошо. 14-го сентября Дюпинъ снова впалъ въ задумчивое состояніе. 15-го сентября рано утромъ

былъ у него припадокъ падучей болѣзни, такой же, какъ 24-го августа. Врачъ нашелъ его еще на полу со слѣдами кровянистой пѣны у рта и мочи подъ ягодицами; Дюпинъ находился въ глубокомъ снѣ, зрачки его были неподвижны. 16-го сентября онъ былъ очень задумчивъ, притомъ большею частію или спалъ, или стоялъ долгое время на одномъ мѣстѣ, устремивши глаза въ полъ. 18-го сентября пришелъ въ нормальное состояніе и до 27 октября въ состояніи здоровья его перемѣнъ не было. 27-го октября былъ припадокъ падучей болѣзни; на другой день Дюпинъ находился въ возбужденномъ состояніи, все утро кричалъ и грозился всѣхъ избить, такъ что пришлось надѣть на него горячечную рубашку. 29-го октября состояніе сдѣлалось нормальнымъ. 4-го ноября Дюпинъ былъ задумчивѣе обыкновеннаго, жаловался на головную боль, при приближеніи къ нему вздрагивалъ и озирался; глаза его были мутны, слегка налиты кровью, выраженіе ихъ неопредѣленное; при разговорѣ онъ сбивался въ отвѣтахъ. 5-го ноября, рано утромъ, былъ у Дюпина припадокъ падучей болѣзни, среди котораго онъ упалъ съ койки, а 6 и 7-го ноября продолжалось у него возбужденное состояніе, какъ и послѣ каждаго изъ предшествовавшихъ припадковъ. 13-го ноября окончился 3-хъ мѣсячный срокъ наблюденія за нимъ.—Въ виду таковыхъ данныхъ, подтвердившихся при трехкратномъ наблюденіи надъ Дюпинымъ въ больницѣ уфимскаго тюремнаго замка, члены врачебной управы въ присутствіи губернскаго правленія свидѣтельствовали въ 4-й разъ состояніе умственныхъ способностей подсудимаго Дюпина 18-го января 1863 года. На предложенные ему вопросы онъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ. *Вопр.*, откуда ты родомъ; изъ какой деревни; женатъ или холостъ; зачѣмъ ты здѣсь въ городѣ?— Не отвѣчалъ вовсе. *В.* Зачѣмъ тебя сюда привели,—*О.* (послѣ долгаго соображенія): Не знаю. *В.* Обѣдалъ-ли ты сегодня? *О.* Обѣдалъ. *В.* Навѣщаетъ тебя жена? не отвѣчалъ. *В.* Сколько разъ былъ въ больницѣ? *О.* Сколько разъ. *В.* А прежде былъ здѣсь? *О.* Не знаю. *В.* Сколько у тебя пальцевъ на рукахъ? *О.* Не знаю.

При вводѣ въ присутствіе у Дюпина голова была склонена внизъ, глазныя вѣки опущены, глаза безъ естественнаго блеска и мутные, лицо блѣдное, одутловатое. Вообще въ движеніяхъ тѣла замѣчалась у него медленность и неповоротливость, а въ

дачѣ отвѣтовъ очевидная затруднительность отъ ослабленія памяти и соображенія.

Члены врачебной управы, принимая въ соображеніе поведеніе Дюпина и болѣзненные припадки, обнаруженные 9-ти мѣсячнымъ наблюденіемъ, признали, что Дюпинъ одержимъ слабоуміемъ вслѣдствіе падучей болѣзни.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства произведеннаго Дюпинымъ преступленія, а равно результаты врачебнаго надъ нимъ наблюденія въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ, и имѣя въ виду, что Дюпинъ дѣйствительно страдаетъ съ давняго времени часто повторяющимися припадками падучей болѣзни, сопровождаемыми довольно продолжительнымъ состояніемъ возбужденія съ потерею сознанія и наклонностію къ буйству и разрушенію (умоизступленіе, raptus maniacus) и что вслѣдствіе такого болѣзненнаго состоянія умственныя способности Дюпина пришли въ отупѣніе,—призналъ, что преступленіе могло быть совершено Дюпинымъ безсознательно, въ приступѣ послѣдовательнаго за припадкомъ падучей болѣзни умоизступленія.

О купеческомъ сынѣ Александрѣ Шапошниковѣ, сужденномъ за покушеніе на убійство и на самоубійство.

14-го марта 1863 г. сельскій староста села Боръ, даниловскаго уѣзда (ярославской губерніи), донесъ мѣстному становому приставу, что ночью на означенное число крестьянинъ села Боръ Михаилъ Дядинькинъ объявилъ ему, что ѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ изъ г. Ярославля неизвѣстный ему человѣкъ, оказавшійся потомъ юрьевецкимъ купеческимъ сыномъ Александромъ Шапошниковымъ, хотѣлъ ударить его топоромъ по головѣ, но промахнулся, потомъ онъ нанесъ ему ударъ по рукѣ и прорубилъ ее до кости; послѣ сего Дядинькинъ вырвалъ у Шапошникова топоръ и убѣжалъ.—По произведенному розыску, Шапошниковъ въ ту же ночь найденъ былъ на постояломъ дворѣ въ деревнѣ Овсяникахъ, спящимъ; на вопросъ о причинѣ покушенія на жизнь Дядинькина, онъ, не давши никакого отвѣта, началъ просить прощенія и въ то же время, вынувъ изъ кармана перочинный

ножикъ, хотѣлъ перерѣзать себя горло, но былъ отъ этого удержанъ.

По осмотру, произведенному становымъ приставомъ, у Шапошникова между прочимъ оказалось денегъ 103 руб. и пузырекъ съ красною жидкостію.

14-го марта *Шапошниковъ* былъ допрошенъ становымъ приставомъ. Въ составленномъ о семъ протоколѣ записано, что на допросѣ онъ показалъ, что 13 марта, часу въ третьемъ пополудни, онъ отправился изъ г. Ярославля въ мѣсто своего жительства, (г. Юрьевецъ) на лошади, принадлежащей отцу его,— въ розвальняхъ, на которыхъ были наложены 10 сырыхъ кожъ; недалеко отъ Ярославля онъ нагналъ неизвѣстнаго ему человѣка, везшаго бочку пива; продолжая путь вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкомъ, онъ изъ разговоровъ съ нимъ узналъ, что онъ крестьянинъ деревни Боръ, Михайло Дядинькинъ; во всю дорогу у него съ Дядинькинымъ никакой ссоры не было; выѣхавши изъ села Тимохина, онъ, Шапошниковъ, безъ всякаго намѣренія и безъ сознательности, взявши топоръ, хотѣлъ ударить Дядинькина, но промахнулся, а затѣмъ, при второмъ взмахѣ, нанесъ ему рану по рукѣ, послѣ чего Дядинькинъ выхватилъ у него топоръ и убѣжалъ, а онъ отправился далѣе, и пріѣхавши въ деревню Овсяники, остановился на постояломъ дворѣ, куда вскорѣ послѣ того пришли крестьяне и съ ними Дядинькинъ, и онъ въ испугѣ дѣйствительно оцарапалъ себѣ горло перочиннымъ ножемъ, но имѣлъ ли намѣреніе лишить себя жизни, объяснить не можетъ.

При передопросѣ 22 марта судебнымъ слѣдователемъ, *Шапошниковъ* (19 лѣтъ) показалъ, что 13 марта онъ догналъ какого-то крестьянина, везшаго товаръ; у крестьянина этого остановилась лошадь, не могшая вывезть грузъ, и онъ, Шапошниковъ, впрягъ свою лошадь и помогъ вывезть возъ. Дальше они поѣхали по костромской дорогѣ и между собою не ссорились. У него, Шапошникова, во всю дорогу болѣла голова. Дѣйствительно ли онъ хотѣлъ нанести ударъ топоромъ ѣхавшему съ нимъ крестьянину и нанесъ ли ему таковой, совершенно не помнитъ, а равно не помнитъ, хотѣлъ ли онъ прорѣзать себѣ горло перочиннымъ ножикомъ когда его арестовали въ деревнѣ Овсянники на постояломъ дворѣ. Въ Ярославль онъ пріѣхалъ изъ Костромы, куда проѣхалъ изъ Кинешмы. Въ продолженіи 48 часовъ

дороги въ Кострому онъ совсѣмъ не спалъ по причинѣ безсонницы. Въ Костромѣ онъ посылалъ какого-то солдата, который ѣхалъ съ нимъ, въ аптеку за каплями отъ головной боли. Солдатъ принесъ ему капли и сказалъ, чтобы онъ принималъ ихъ разъ въ сутки по 12 капель, именно когда ложится спать. Онъ принималъ ихъ два раза, разъ въ Костромѣ, а другой разъ дорогой въ Ярославль, въ Ярославлѣ же капель не принималъ. При выѣздѣ изъ Ярославля у него болѣла голова; въ Тверицахъ, въ какомъ-то кабакѣ, онъ выпилъ водки одинъ или два стаканчика, послѣ чего у него стало шумѣть въ головѣ. Больше онъ ничего не пилъ, кромѣ чаю съ ѣхавшимъ съ нимъ крестьяниномъ, въ какой-то деревнѣ верстъ съ 15 отъ Ярославля. Намѣренія убить означеннаго крестьянина онъ не имѣлъ; прежде его не зналъ и, какъ его звать, не знаетъ.

Крестьянинъ Михаилъ *Дядинькинъ* показалъ, что не доѣзжая до села Тимохина верстъ 18-ть, разсказывая Шапошникову о своихъ дѣлахъ, онъ, Дядинькинъ, сказалъ, что хотѣлъ было въ Ярославлѣ купить себѣ виноградныхъ винъ, да не купилъ, потому что работникъ его утопилъ лошадь. Изъ этихъ словъ, какъ онъ Дядинькинъ полагаетъ, Шапошниковъ могъ понять, что съ нимъ есть деньги; но денегъ Шапошниковъ не видѣлъ и о томъ, были ли они у него, Дядинькина, не спрашивалъ. Не доѣзжая до села Тимохина, они остановились въ деревнѣ Еркинѣ—покормить лошадей и напиться чаю; здѣсь онъ, Дядинькинъ, при Шапошниковѣ торговалъ лошадь у крестьянина Назара Федорова и давалъ за нее сто руб., но Федоровъ продать не согласился; изъ этого Шапошниковъ также могъ заключить, что у него есть деньги. Послѣ этого онъ сталъ было уговариваться съ Федоровымъ, чтобы нанялся пристегнуть свою лошадь къ его санямъ и отправился бы вмѣстѣ съ нимъ, но Шапошниковъ сталъ его отговаривать отъ этого, говоря, что онъ дорогой подсобитъ ему своею лошадью. Отправившись изъ Еркина, онъ разговорился съ Шапошниковымъ о судебныхъ порядкахъ; при этомъ Шапошниковъ сказалъ: «что не сдѣлаешь одинъ на одинъ, ничего не будетъ». Вообще же ни смущенія, ни какихъ либо признаковъ помѣшательства въ Шапошниковѣ замѣтно не было. Въ продолженіи всей дороги между ними никакой ссоры или размолвки не было. Прежде того онъ съ Шапошниковымъ знакомъ вовсе не былъ, и другъ друга они вовсе

не знали. Передъ тѣмъ, какъ ударить его, Шапошниковъ спросилъ, указывая впередъ, что это тамъ черное; онъ отвѣтилъ, что это прорубь; вслѣдъ затѣмъ Шапошниковъ ударилъ его остріемъ топора по шеѣ; топоръ прорубилъ воротникъ тулупа, воротникъ сюртука, шейный платокъ и оцарапалъ шею; затѣмъ, не давъ ему опомниться, Шапошниковъ обухомъ ударилъ его въ голову которая прикрыта была котиковой теплой шапкой; почувствовавъ ударъ, онъ вскочилъ, поднялъ руки, чтобъ защитить себя отъ новыхъ ударовъ и сказалъ Шапошникову: «пріятель, что ты дѣлаешь»; но Шапошниковъ, не отвѣчая ничего, снова ударилъ его топоромъ и прорубилъ ему лѣвую руку; въ это время ему удалось схватить топоръ и вырвать его; Шапошникова же онъ отъ себя оттолкнулъ; затѣмъ взявши топоръ въ руки, онъ закричалъ Шапошникову, что если хочетъ, такъ подходилъ бы къ нему, но тотъ не тронулся съ мѣста; послѣ того онъ, Дядинькинъ, сталъ пятиться и наконецъ побѣжалъ отъ Шапошникова. Лошадь его была сзади лошади Шапошникова, а потому когда тотъ поѣхалъ, то и она пошла за нимъ, но чтобъ Шапошниковъ понуждалъ лошадь идти за нимъ, того онъ не замѣтилъ. Послѣ того онъ нашелъ лошадь свою въ полверстѣ отъ того мѣста, гдѣ его ударилъ Шапошниковъ *); она лежала на самой дорогѣ, въ оглобляхъ. Когда онъ, Дядинькинъ, вмѣстѣ съ сотскимъ Голиковымъ и другими крестьянами пришелъ на постоялый дворъ деревни Овсянниковъ, то Шапошниковъ спалъ; когда его разбудили и онъ, Дядинькинъ, сталъ говорить, за что онъ зарубилъ его, то Шапошниковъ сказалъ: «прости меня Христа ради» и затѣмъ добавилъ: «дайте ножикъ, я зарѣжусь», и вынувши потихоньку изъ кармана своего перочинный ножикъ, сталъ рѣзать себя по горлу; когда стали отнимать ножикъ, то Шапошниковъ упалъ на него. Послѣ того онъ, Дядинькинъ, вышелъ на улицу; здѣсь Шапошниковъ, вставъ на колѣни, просилъ у него прощенія, обѣщая заплатить ему 300 руб. сер., лишь бы только простилъ его.

Показаніе Дядинькина относительно поступковъ Шапошникова во время его арестованія подтвердили сотскій Голиковъ и бывшіе при этомъ крестьяне; но добавили, что Шапошниковъ спалъ, безъ верхней одежды и сапоговъ.

*) Мѣсто это, какъ оказалось по произведенному впослѣдствіи осмотру, отстоитъ отъ деревни Овсянниковъ слишкомъ на 5 верстъ.

Мать Александра Шапошникова, *Вѣра Леонтьева*, показала, что Александръ отправился изъ дому черезъ Кинешму и Кострому въ г. Ярославль за кожами. Уѣзжая изъ дому, онъ былъ здоровъ, но только лице его было блѣдно; онъ велъ себя всегда хорошо и ни она, ни мужъ ея никогда на него не сердились; занимался онъ работою при домѣ. Уѣзжая изъ дому, Александръ взялъ съ собою рубля съ 4 на дорогу; деньги, которыя найдены при немъ, онъ получилъ за товаръ въ Ярославлѣ. Съ Александромъ случались во время его дѣтства припадки болѣзни, именно отъ тошноты и головокруженія онъ падалъ; подобный случай былъ съ нимъ въ 1862 г. въ церкви, когда онъ причащался. Головокруженіе это замѣчается и въ другихъ дѣтяхъ ихъ, изъ которыхъ малолѣтній сынъ Николай, находящійся въ училищѣ, весьма часто подвергается подобнымъ припадкамъ.

24 апрѣля 1863 г. Михаилъ Дядинькинъ былъ освидѣтельствованъ даниловскимъ уѣзднымъ врачемъ Левкевичемъ. Въ составленномъ о семъ свидѣтельствѣ, врачъ Левкевичъ изложилъ, что у Дядинькина оказалось: на предплечіи лѣвой руки рубецъ направленія косвеннаго, величиною въ вершокъ, отъ прежде бывшей раны, причиненной острымъ рѣжущимъ орудіемъ, каковой рубецъ не препятствуетъ свободному дѣйствію руки; на задней части шеи рубецъ величиною въ одинъ дюймъ, отъ прежде бывшей неглубокой царапины. Общее состояніе здоровья Дядинькина ничего особеннаго не представляетъ.—Ярославская врачебная управа, 11 апрѣля 1863 года, увѣдомила судебнаго слѣдователя, что по изслѣдованію жидкости, которую принималъ Александръ Шапошниковъ отъ головной боли, вѣсомъ 80 гранъ, таковая по вкусу, запаху и сравнивая съ настоящимъ настоемъ опія, очень похожа на оный, но въ такомъ маломъ количествѣ вѣрно опредѣлить невозможно.

На передопросѣ 3-го іюля 1863 г. въ присутствіи ярославскаго городоваго магистрата, *Александръ Шапошниковъ* отозвался, что показаніе, данное имъ 22 марта судебному слѣдователю онъ утверждаетъ во всей силѣ; допросъ же, произведенный становымъ приставомъ 14 марта онъ не утверждаетъ и давалъ ли такое показаніе, какое изложено въ протоколѣ, не помнитъ, ибо находился въ то время въ самомъ разстроенномъ положеніи и безпамятствѣ, а оное, какъ полагаетъ, было написано приста-

вомъ со словъ сотскаго, согласно показанію крестьянина Дадинькина, и таковое онъ подписалъ по приказанію пристава, не зная вполнѣ его содержанія.—Показаніе, данное 22 марта, Шапошниковъ дополнилъ тѣмъ, что взятыя имъ въ Костромѣ капли онъ принималъ по 12 капель, одинъ разъ въ Костромѣ, другой разъ дорогой въ Ярославль и на обратномъ пути изъ Ярославля въ большемъ количествѣ, противъ назначеннаго къ употребленію.

На повальномъ обыскѣ, произведенномъ въ г. Юрьевцѣ — поведеніе Шапошникова одобрено.

Слѣдователь по настоящему дѣлу обратился въ ярославскую врачебную управу съ просьбою освидѣтельствовать Шапошникова въ состояніи умственныхъ способностей.

Вслѣдствіе сего, Шапошниковъ былъ освидѣтельствованъ въ особомъ присутствіи ярославскаго губернскаго правленія 26 апрѣля, 7 іюня и 19 іюля 1863 г.—Препроводивъ въ ярославскій городовой магистратъ, въ который поступило настоящее дѣло, актъ освидѣтельствованія Шапошникова 19 іюля, губернское правленіе дало знать магистрату, что послѣ освидѣтельствованій 26 апрѣля и 7 іюня Шапошниковъ былъ отсылаемъ на испытаніе въ арестантское отдѣленіе больницы, каждый разъ на 6 недѣль, и что при наблюденіяхъ этихъ у Шапошникова разстройства умственныхъ способностей не замѣчалось.

При освидѣтельствованіи 19 іюля Шапошниковъ, какъ видно изъ акта сего освидѣтельствованія, на предложенные ему вопросы отвѣчалъ: *Вопр.* Не знаете ли вы, по какой причинѣ находитесь въ больницѣ? *Отв.* По отношенію губернскаго присутствія отправленъ въ больницу на испытаніе въ умственныхъ способностяхъ. *Вопр.* Не знаете ли вы, что послужило поводомъ сомнѣнія въ умственныхъ способностяхъ вашихъ? *Отв* Послужилъ поводомъ, дѣло мое, за которое я арестованъ. *Вопр.* Не бываете ли вы когда нибудь больны бредомъ или безпамятствомъ и потерею сознанія? *Отв.* Со мной бывали природные обмороки отъ слабости головы или отъ воздуху, которымъ почти все семейство подвержено. *Вопр.* Кто изъ вашего семейства боленъ этими обмороками, и какъ эти обмороки происходятъ? *Отв.* Нѣкоторыя изъ сестеръ моихъ, родитель и маленькій братъ Николай. Обмороки бываютъ круженіе головы отъ теплоты воздуха или отъ потрясенія какого-нибудь разстройства, которые

повергаютъ въ безпамятство, которые продолжаются нѣсколько часовъ. *Вопр.* Давно ли вы видѣли отца вашего, и какъ его зовутъ? *Отв.* Я видѣлъ даже и сегодня; его зовутъ Алексѣй Сергѣевъ Шапошниковъ. *Вопр.* Въ какой губерніи и уѣздѣ живетъ отецъ? *Отв.* Костромской губерніи, юрьевецкаго уѣзда.—Принимая во вниманіе отвѣты Шапошникова и наблюденіе больничной конторы, общее присутствіе признало Шапошникова здоровымъ.

Ярославская уголовная палата, усматривая изъ дѣла: 1-е, что даниловскій уѣздный врачъ Левкевичъ, освидѣтельствовавъ Дядинькина, не сдѣлалъ заключенія о томъ—къ легкимъ или тяжкимъ слѣдуетъ отнести нанесенныя ему поврежденія, и 2-е, что врачебная управа, изслѣдовавъ жидкость, найденную у Шапошникова, не опредѣлила—какія должны быть послѣдствія отъ употребленія этой жидкости, то есть могъ ли Шапошниковъ послѣ принятія ея придти въ безсознательное состояніе и чрезъ какое время,—предписала врачебной управѣ доставить свѣдѣнія по тому и другому вопросамъ.

На такое предписаніе уголовной палаты, врачебная управа донесла, что основываясь на свидѣтельствѣ врача, поврежденія, нанесенныя Дядинькину, должно отнести по сущности къ легкимъ; относительно же вопроса о томъ, могъ ли Шапошниковъ отъ неумѣреннаго употребленія найденной при немъ жидкости, которая по разложенію оказалась сходною съ настойкою опія, придти въ безсознательное состояніе,—по физіологическому дѣйствію означеннаго средства управа заключаетъ, что онъ могъ придти въ безсознательное состояніе, во время котораго и нанесъ Дядинькину означенныя поврежденія.

29-го апрѣля 1864 г. Дядинькинъ былъ освидѣтельствованъ въ присутствіи ярославской врачебной управы, причемъ оказалось, что онъ 29 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія крѣпкаго, жалуется на слабость въ лѣвой верхней конечности, на очень частыя головныя боли и почти постоянныя головокруженія; все это по словамъ его появилось послѣ нораненія и ушибовъ, нанесенныхъ ему въ мартѣ 1863 г. При осмотрѣ найденъ рубецъ на лѣвомъ предплечіи, длиною около вершка, шириною около $^{1}/_{6}$ вершка; съ краями ровными, какъ бываетъ въ нерѣзанныхъ ранахъ; на локтевой кости соотвѣтственно рубцу ощупывается ко-

отяной нарость, болящій при давленіи. На головѣ, повыше соединенія лобной кости съ темянными, находится впадина тоже болящая при давленіи, которая произошла, по словамъ Дядинькина, отъ удара обухомъ; на шеѣ ниже затылка незначительный рубецъ съ краями ровными, какъ бываютъ послѣ порѣзанныхъ ранъ. Изъ вышеизложеннаго управа заключила, что описанныя поврежденія относятся къ тяжкимъ и лишаютъ Дядинькина возможности собственными трудами снискивать себѣ пропитаніе.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1864 г. по распоряженію ярославской уголовной палаты произведено было въ г. Юрьевцѣ *дослѣдованіе* о состояніи *здоровья* Шапошникова. При дослѣдованіи этомъ нижеслѣдующія лица показали: 1) *отецъ* Шапошникова Алексѣй и *мать* Вѣра,—что все *семейство* ихъ, въ томъ числѣ и сынъ Александръ, одержимы временными болѣзненными припадками, которые сопровождаются головокруженіемъ и паденіемъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ больной сидитъ или стоитъ; припадки эти дѣлаются, по ихъ мнѣнію, отъ полнокровія и иногда разстройства; тоже самое случалось съ нею, Вѣрою, во время беременности; къ докторскимъ пособіямъ въ этой болѣзни они не прибѣгаютъ потому, что таковые припадки проходятъ въ скоромъ времени, и послѣ ихъ остается только боль и дурнота въ головѣ съ краснотою въ лицѣ, поэтому же и рецептовъ никакихъ ни отъ какого доктора не получали и не брали изъ аптеки лекарствъ; кромѣ сего они избѣгали разглашать о болѣзни собственно для дочерей изъ опасенія, чтобы это не повредило выходу ихъ въ замужество. Доказательствомъ тому, что съ дѣтьми ихъ бывали и бываютъ припадки, служитъ то, что сынъ ихъ Николай, имѣющій отъ роду 12 лѣтъ, во время нахожденія въ приходскомъ юрьевецкомъ училищѣ, былъ нѣсколько разъ въ *припадкѣ*; это можетъ подтвердить учитель приходскаго училища Снигиревъ, а также живущіе на заводѣ ихъ рабочіе Петръ Ивановъ и Василій Григорьевъ и сосѣди мѣщане Богатковъ и Винокуровъ, коллежскій регистраторъ Спасовходскій и отставной унтеръ офицеръ Сѣровъ. 2) Крестьянинъ Петръ *Ивановъ*,—что онъ служитъ на кожевенномъ заводѣ Шапошникова другой годъ; въ первый годъ службы онъ замѣчалъ припадокъ въ старшемъ сынѣ Шапошникова, Александрѣ; одинъ разъ припадокъ этотъ состоялъ въ томъ, что тотъ сидѣлъ и потомъ задумался съ пере-

мѣною въ лицѣ и глазахъ, что заставило его, Иванова, окликну Шапошникова, но онъ ничего не отвѣчалъ и упалъ; полежав съ полчаса всталъ и опять пришелъ въ память. Таковой же п падокъ онъ два раза видѣлъ и у хозяйскаго сына Николая. (гласно съ Петромъ Ивановымъ показалъ работникъ Шапош кова, Василій Григорьевъ. 3) Мѣщанинъ *Богатковъ*,—что онъ сл шалъ со стороны, что Шапошниковъ и прочіе семейные (одержимы припадочными болѣзнями, но самъ не видалъ каки припадками, и кто изъ нихъ одержимъ. Согласно съ Богат вымъ, показалъ мѣщанинъ Винокуровъ, съ тою разницею, ч припадки Шапошниковыхъ по слухамъ состоятъ въ томъ, ч гдѣ кто сидитъ или стоитъ, отъ головокруженія падаетъ. Коллежскій регистраторъ *Спасовходскій*,—что одинъ разъ, н задъ тому года два, по сосѣдству прибѣжала къ нему Шапош кова и просила, чтобы онъ шелъ къ нимъ въ домъ, такъ как них случилось несчастіе, именно: сынъ ея Александръ умирае въ банѣ; пришедши туда онъ, Спасовходскій, увидѣлъ, что Ал сандръ Шапошниковъ лежалъ въ безпамятствѣ; полежавши д вольно времени, онъ пришелъ въ себя и вышелъ изъ бани; других же семейныхъ купца Шапошникова и на самомъ Ш пошниковѣ онъ, Спасовходскій, припадковъ не видалъ и объ это ни отъ кого не слышалъ. 5) Унтеръ-офицеръ *Сѣровъ*,—что у к ца Алексѣя Шапошникова онъ видѣлъ припадокъ падучей (лѣзни и даже по сосѣдству охранялъ его въ ономъ; о сем ныхъ же его только слышалъ, что они одержимы болѣзнен ми припадками, что гдѣ стоятъ или сидятъ, тутъ и упаду но самъ ни у кого изъ нихъ припадковъ этихъ не видѣлъ, и учитель юрьевецкаго приходскаго училища *Снигиревъ*,—что ввѣренномъ ему училищѣ обучался младшій братъ Алексан Шапошникова Николай; во время обученія съ нимъ случал такіе припадки: сидя за партою онъ первоначально начнетъ чаться, наконецъ упадаетъ и послѣ паденія лежитъ въ без мятствѣ съ полчаса; припадки эти случались съ нимъ не тол съ сидящимъ, но и съ стоящимъ на ногахъ.

При разсмотрѣніи настоящаго дѣла ярославскою уголовн палатою, въ мнѣніи членовъ ея произошло разногласіе: пред датель и дворянскій засѣдатель признали Шапошникова вин нымъ въ покушеніи на убійство крестьянина Дядинькина; по

шеніе это, по ихъ мнѣнію, совершено Шапошниковымъ въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, а не въ умоизступленіи, такъ какъ слѣдствіемъ не доказано, чтобы онъ совершилъ означенное преступленіе подъ вліяніемъ разстройства разсудка. — Исправляющій же должность товарища председателя съ своей стороны нашелъ: 1) что слѣдствіе не представляетъ никакихъ указаній на тѣ побужденія, которыми обыкновенно мотивируются подобнаго рода преступленія (ссора, месть, корысть и т. п.): 2) Шапошниковъ принадлежитъ къ семейству, гдѣ эпилепсія была фамильнымъ недугомъ, и онъ самъ страдалъ ею; 3) въ связи съ этой нервной болѣзнью въ дѣлѣ есть положительныя указанія на то, что Шапошниковъ лечился отъ безсонницы опійными каплями и предъ совершившимся фактомъ принималъ ихъ въ значительныхъ дозахъ, а это, по отзыву врачебнаго отдѣленія, могло вызвать безсознательность дѣйствій. Всѣ эти обстоятельства, въ связи съ объясненіемъ подсудимаго, представляютъ полную вѣроятность, если не доказательность, что преступленіе совершено Шапошниковымъ при условіяхъ 3 § 104 ст. улож. Въ виду этого онъ, ис. д. товарища председателя, полагалъ: оставя Шапошникова въ сильномъ подозрѣніи по сознательному нанесенію тяжелыхъ ранъ Дядинькину, отдать его на поруки обыскныхъ лицъ *). Послѣ происходившихъ преній, палата, большинствомъ голосовъ, опредѣлила: Шапошникова за покушеніе на убійство Дядинькина, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на два года и восемь мѣсяцевъ. Къ такому рѣшенію своему палата между прочимъ прибавила слѣдущій пунктъ: неправильныя дѣйствія даниловскаго уѣзднаго врача Левкевича, опредѣлившаго поврежденія Дядиньку, какъ легкія, между тѣмъ какъ они впослѣдствіи признаны врачебною управою тяжелыми, передать на распоряженіе врачебнаго отдѣленія губернскаго правленія. — Вышеизложенное рѣшеніе свое вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ уголовная палата представила на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла,—медицинскій совѣтъ (согласно съ мнѣніемъ члена своего, профессора Балинскаго) на-

*) Съ мнѣніемъ исправляющаго должность товарища председателя согласился ярославскій губернскій прокуроръ.

шелъ: 1) что чистосердечность показаній Шапошникова, утверждающаго, что онъ не помнитъ совершеннаго имъ преступленія, подлежитъ сомнѣнію. При допросѣ 14 марта, подробно объяснивъ обстоятельства, касающіяся преступленія, Шапошниковъ отозвался незнаніемъ лишь о причинахъ, побудившихъ его къ нанесенію ударовъ Дядинькину. При передопросѣ 22 марта, говоря лишь вскользь объ обстоятельствахъ самаго дѣла, Шапошниковъ отозвался, что не помнитъ того, наносилъ ли онъ удары Дядинькину и посягалъ ли на собственную жизнь, но упоминаетъ о головной боли, безсонницѣ, капляхъ, которыми лечился, и о водкѣ, которую пилъ на своемъ пути. Послѣ трехмѣсячнаго же пребыванія въ тюрьмѣ, при передопросѣ 3-го іюля, Шапошниковъ отвергнулъ первоначальное свое показаніе; онъ говоритъ, что показаніе это написано становымъ приставомъ, со словъ Дядинькина, и отрицаетъ, что сознавался въ преступленіи, просилъ у Дядинькина прощеніе, предлагалъ ему деньги, и посягалъ на собственную жизнь. Между тѣмъ эти послѣднія обстоятельства подтверждены присутствовавшими при этомъ сотскимъ и крестьянами. Притомъ же, если допустить, что Шапошниковъ, внезапно пробужденный отъ сна и запуганный Дядинькинымъ и окружавшими его людьми, могъ сознаться въ преступленіи, ему совершенно неизвѣстномъ, то трудно объяснить, что́ могло довести Шапошникова до полнаго отчаянія и посягательства на собственную жизнь, тѣмъ болѣе, что онъ полагалъ будто дѣйствія, совершаемыя безъ свидѣтелей, не могутъ имѣть судебныхъ послѣдствій. 2) Невозможно утверждать, что у Шапошникова не было никакого повода къ совершенію преступленія, ибо то обстоятельство, что онъ имѣлъ при себѣ деньги, не устраняетъ возможности желанія пріобрѣсть ихъ болѣе; Шапошниковъ зналъ, что у Дядинькина были деньги, отговаривалъ его отъ пріобрѣтенія другой, болѣе сильной лошади, отъ взятія съ собою попутчика, и наконецъ въ разговорахъ съ Дядинькинымъ выразилъ убѣжденіе, что дѣйствія, совершаемыя безъ свидѣтелей, не влекутъ за собой никакихъ послѣдствій. 3) Существованіе у Шапошникова падучей болѣзни не доказано, ибо никто изъ врачей, наблюдавшихъ Шапошникова въ больницѣ и даже никто изъ лицъ, назначенныхъ для надзора за нимъ во время ареста, не видѣлъ у него припадокъ этой болѣзни. Хотя

страданія Шапошникова падучею болѣзнію утверждаютъ родители его и четверо свидѣтелей, но и они замѣчали у него припадки этой болѣзни весьма рѣдко, слѣдовательно съ бóльшею вѣроятностію должно полагать, что припадки эти не сопровождались помѣшательствомъ. Одержимый же падучею болѣзнію безъ помѣшательства можетъ совершить преступленіе съ полнымъ сознаніемъ, и тогда болѣзнь представляетъ лишь поводъ къ смягченію наказанія, ибо въ падучей болѣзни, преимущественно наслѣдственнаго происхожденія, замѣчаютъ нерѣдко странности въ характерѣ (наклонность къ гнѣву, вспыльчивость, жадность, зависть, сильныя половыя влеченія и т. д.) и нѣкоторое ослабленіе воли, такъ что хотя больной и сознаетъ дурную сторону своихъ поступковъ, но ему труднѣе обуздать свои страсти, нежели людямъ, вполнѣ здоровымъ. 4) Хотя изъ дѣла и видно, что Шапошниковъ принималъ опійныя капли и пилъ водку, къ которой не былъ привыченъ, но неизвѣстно, въ какомъ количествѣ онъ принималъ эти вещества и могло ли послѣдовать у него безсознательное состояніе. 5) Существованіе у Шапошникова галлюцинацій также сомнительно: хотя предъ совершеніемъ преступленія онъ и сказалъ Дядинькину, что ему показалось вдали что то черное, но при этомъ указалъ на предметъ дѣйствительно существовавшій (прорубь), а не воображаемый, и не придавалъ даже ему какого либо страннаго значенія, а просто не могъ разглядѣть его. Съ другой стороны съ бóльшею вѣроятностію можно предположить, что для совершенія преступленія, Шапошникову необходимо было обратить вниманіе Дядинькина на какой либо предметъ, лежащій вдали, ибо онъ былъ моложе и слабѣе Дядинькина. 6) Въ самомъ способѣ, коимъ совершено Шапошниковымъ преступленіе, не видно никакихъ признаковъ болѣзненнаго состоянія, кромѣ желанія убить Дядинькина. 7) То обстоятельство, что послѣ совершенія преступленія Шапошниковъ не боролся долѣе съ Дядинькинымъ, который вырвалъ у него топоръ, но спокойно уѣхалъ и остановился за пять верстъ отъ мѣста, на которомъ совершилъ преступленіе, а не бѣжалъ далѣе,—не доказываетъ болѣзненнаго его состоянія: Шапошниковъ былъ убѣжденъ, что преступленіе, совершенное безъ свидѣтелей, остается безъ послѣдствій; онъ зналъ, что не убилъ Дядинькина,—бѣжать далѣе зависѣло не отъ его только

воли, но и отъ постороннихъ обстоятельствъ и отъ умѣнья скрывать. Приведенныя здѣсь обстоятельства могутъ лишь указывать на легкомысленность и беззаботность подсудимаго, свойственныя вообще эпилептикамъ. 8) Сонъ, появившійся у Шапошникова вскорѣ по совершеніи преступленія, нельзя признать болѣзненнымъ: онъ появился не немедленно вслѣдъ за совершеніемъ преступленія, но послѣ того, какъ Шапошниковъ проѣхалъ пять верстъ; притомъ же онъ найденъ спящимъ не на возу, но какъ обыкновенно спятъ путешественники,—на постояломъ дворѣ, безъ верхняго платья и сапоговъ. На основаніи вышеизложеннаго, медицинскій совѣтъ призналъ, что въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ достаточныхъ и вѣрныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы было утверждать, что покушенія на убійство крестьянина Дядинькина и на самоубійство совершены Шапошниковымъ безсознательно, въ болѣзненномъ состояніи.

О нанесеніи крестьяниномъ Евдокимомъ Прохоровымъ удара топоромъ лѣсному сторожу.

10 февраля 1864 г. крестьянинъ деревни Мазы макарьевскаго уѣзда (костромской губерніи) Евдокимъ Прохоровъ, будучи встрѣченъ при возвращеніи изъ казеннаго лѣса съ дровами, нарубленными тайнымъ образомъ,—лѣснымъ сторожемъ Капустинымъ, нанесъ ему удары топоромъ.

При дознаніи и слѣдствіи *Капустинъ* показалъ, что 8 февраля, обходя лѣсъ, онъ встрѣтилъ ѣхавшаго съ двумя еловыми кряжами крестьянина Евдокима Прохорова, который при этомъ безъ всякаго упорства сознался, что онъ вырубилъ кряжи въ казенномъ лѣсу самовольно; отобравши у Прохорова кряжи и два топора, онъ отпустилъ его домой. 10 февраля часу въ девятомъ вечера, онъ снова встрѣтилъ Прохорова съ двумя возами нарубленнаго березняка. На спросъ его Прохоровъ сознался, что рубилъ дрова и просилъ у него, Капустина, прощенія; но онъ сѣлъ на передній возъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы доѣхать съ нимъ до кордона; Прохоровъ же пошелъ сзади пѣшкомъ; когда онъ отъѣхалъ не болѣе полуверсты, то Прохоровъ, неожиданно сзади,

нансъ ему имѣвшимся у него въ рукахъ топоромъ ударъ по шеѣ, отъ чего онъ упалъ съ возу на землю; въ это время Прохоровъ наносилъ ему удары по головѣ и по бокамъ; немного опамятовавшись, онъ успѣлъ вырвать у Прохорова топоръ; къ тому же закричалъ несовершеннолѣтній сынъ Прохорова, Михаилъ, который ѣхалъ на заднемъ возу, «батюшка что ты дѣлаешь»; оставя его на дорогѣ, полагая, что онъ уже не живъ, Прохоровъ уѣхалъ. Показаніе свое Капустинъ заключилъ тѣмъ, что 10 февраля, до встрѣчи съ нимъ въ лѣсу, Прохоровъ заходилъ на кордонъ и не заставъ его, Капустина, сказалъ женѣ его, чтобы она ему выдала топоры, такъ какъ онъ будто бы далъ ему, Капустину, за оные три рубля и полуштофъ вина; повѣря словамъ этимъ, жена выдала Прохорову топоры.

По свидѣтельству врача у Мелентія Капустина, оказались неглубокія раны на груди, на лбу, на правомъ ухѣ, на задней части шеи и на лѣвой верхней конечности.

Крестьянинъ *Евдокимъ Прохоровъ* (42 лѣтъ) на спросы становымъ приставомъ (12 февраля) и судебнымъ слѣдователемъ (16 февраля) показалъ, что точно онъ нанесъ Капустину удары топоромъ, но сдѣлалъ это, должно полагать, въ помѣшательствѣ ума, такъ какъ онъ былъ одержимъ назадъ тому мѣсяца три болѣзнею корчей, въ каковое время частовременно подвергался сумасшествію, а потому и полагаетъ: не открылось ли это сумасшествіе и въ то время, когда онъ нанесъ удары Капустину. Нездоровъ корчами онъ сдѣлался спустя недѣлю послѣ Покрова дня (1 октября) 1863 г. и находился въ этой болѣзни недѣли три; послѣ этого онъ какъ будто лишился разсудка; примется за какую нибудь работу, и самъ не понимаетъ, что дѣлаетъ, и это продолжается съ нимъ и до сихъ поръ; дѣлается въ немъ *слабость* такъ, что всѣ члены ослабнутъ, и онъ не понимаетъ въ это время ничего. Такъ точно случилось и въ тотъ разъ, когда онъ наносилъ, какъ говорятъ, удары Капустину. Помнитъ только, что онъ просилъ у Капустина прощенія, и онъ простилъ его; а такъ какъ они простили другъ другу, то за что же бы ему было бить Капустина, да еще топоромъ; слѣдовательно въ то время нашла на него минута сумасшествія, и онъ въ безумствѣ сдѣлалъ то, чего и самъ не понималъ. Когда онъ, прежде встрѣчи съ Капустинымъ, зашелъ на кордонъ и не засталъ Капусти-

на дома, то ему пришла мысль не отдавать бабамъ денегъ, которыя онъ принесъ съ собою, а отдать ихъ самому Капустину тогда, когда будетъ возвращаться изъ лѣсу съ дровами; но какъ въ лѣсъ безъ топоровъ ѣхать было не зачѣмъ, то онъ и рѣшилъ солгать бабамъ, что отдалъ Капустину 3 р. ассиг. и полштофа вина, для того, чтобъ отдали ему топоры.

Крестьянинъ *Ерофей Ивановъ* показалъ, что ночью 10 февраля, получивъ извѣстіе о нанесеніи Прохоровымъ ранъ Капустину, онъ вмѣстѣ съ старостою Ивановымъ и десятскимъ Яковлевымъ отправились въ домъ Прохорова; на спросъ ихъ Прохоровъ первоначально учинилъ запирательство, но послѣ сего во всемъ сознался, причемъ сказалъ, что учинилъ это, и самъ не знаетъ, почему; впрочемъ разсказывалъ о происшествіи свободно, и признаковъ сумасшествія въ то время у Прохорова онъ, Ивановъ, не замѣтилъ. Показаніе это Ивановъ впослѣдствіи измѣнилъ тѣмъ, что подъ словомъ «запирался», онъ разумѣлъ то, что Прохоровъ въ то время не сознавалъ себя какъ будто виновнымъ, а говорилъ, что кажется онъ это сдѣлалъ. Былъ ли въ то время Прохоровъ въ своемъ умѣ, онъ, Ивановъ, доподлинно сказать не можетъ, такъ какъ это дѣло темное, а только онъ особеннаго умопомѣшательства не замѣтилъ.

Староста Осипъ *Ивановъ* показалъ, что на спросъ ихъ о проступкѣ, Прохоровъ отвѣчалъ, что должно быть онъ это сдѣлалъ, но что не помнитъ, какъ это сдѣлалъ. Показаніе свое староста заключилъ тѣмъ, что Прохоровъ во время нанесенія ранъ Капустину не совсѣмъ еще поправился отъ своей болѣзни «злой корчи» и что иногда по временамъ на него что то находило.

Сынъ Евдокима Прохорова *Михаилъ* показалъ, что когда ихъ встрѣтилъ сторожъ Капустинъ и сѣлъ на возъ, то сперва отецъ ругался съ нимъ, а потомъ у нихъ зашла драка, но какъ это произошло онъ не знаетъ, потому что лошадь его отстала; когда же онъ нагналъ отца и увидѣлъ, что онъ со сторожемъ дерется, то, испугавшись этого, закричалъ: «батюшка, что ты дѣлаешь»; затѣмъ, что происходило между отцомъ и сторожемъ, ничего уже не помнитъ, потому что крѣпко испугался и увидѣвъ, что передній возъ съ дровами ѣдетъ не останавливаясь, онъ поѣхалъ за нимъ, оставивъ отца со сторожемъ на дорогѣ. Вскорѣ послѣ сего нагналъ его отецъ; они свалили нарубленные дро-

ва на заворотѣ, а сами поѣхали домой шибко, другою дорогою, не мимо кордона. Когда они пріѣхали домой, то отецъ легъ на печь, а онъ разсказалъ все какъ было матери и другимъ семейнымъ. Отецъ его почти съ самого Покрова (1 октября) боленъ корчами, и часто случается, что на него находитъ какая то блажь, во время которой онъ лезетъ къ каждому драться; бивалъ часто его, Михаила, мать и его сестру, добирался было нѣсколько разъ бить своего отца и мать, но ему не давали воли, отнимали, разъ шесть связывали его, и связанный лежалъ онъ часа по два и по три; когда же они бывало видятъ, что отецъ образумился и начнетъ говорить дѣльно, то и развяжутъ.

Жена Евдокима Прохорова, отецъ, мать и другіе семейные его, отозвались, что онъ сдѣлался боленъ корчами вскорѣ послѣ Покрова дня; во время этой болѣзни на него часто находили часы, въ которые онъ лѣзъ къ каждому драться, билъ жену, сына и дочь, добирался было до отца и матери своихъ, но ему не давали драться: или уходили изъ избы, или же вязали его и развязывали уже тогда, когда замѣтятъ, что онъ пришелъ въ себя. Отецъ Евдокима добавилъ еще, что съ нимъ былъ посланъ въ лѣсъ сынъ его, Михаилъ, для того, чтобы Евдокимъ не надѣлалъ чего дорогою.

На повальномъ обыскѣ, крестьяне деревни Мазы (17 человѣкъ) показали, что Евдокимъ Прохоровъ еще съ осени одержимъ болѣзнею, называемою «корчи»; этою болѣзнею страдаетъ не только одинъ Прохоровъ, но и семейство его напр., боленъ былъ сынъ его 5 лѣтъ и умеръ,—умерли также зять его Поліэвктъ и родная сестра Аграфена, да трое и до сихъ поръ больны: братъ Поліэвкта Кузьма, мать Евдокима Наталья и сноха Татьяна. Всѣ эти больные, а также и умершіе сею болѣзнею, въ томъ числѣ и Евдокимъ, какъ слышно, въ припадкахъ своей болѣзни склонны были къ дракѣ, и въ это время семейные ихъ или убѣгали отъ нихъ, или же связывали сихъ больныхъ; доходило даже до того, что Евдокимъ бросался на отца и мать. Прежде же болѣзни онъ былъ не изъ бойкихъ; не только къ дракѣ, но даже и къ ссорамъ не былъ склоненъ и поведенія былъ хорошаго, ни пьяница, ни воръ и ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ замѣчаемъ не былъ, къ домохозяйству рачителенъ, въ семействѣ своемъ и съ посторонними жилъ въ согласіи.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1864 г., Евдокимъ Прохоровъ присланъ былъ въ костромскую врачебную управу, для освидѣтельствованія умственныхъ способностей, а управа препроводила для сего Прохорова въ мѣстное губернское правленіе.

Прохоровъ былъ свидѣтельствованъ въ особомъ присутствіи губернскаго правленія 26 марта 1864 г., причемъ присутствіе нашло нужнымъ отправить его въ больницу на испытаніе въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ. Вслѣдствіе сего Прохоровъ того же числа поступилъ въ больницу. Вмѣстѣ съ симъ предписано было врачебной управѣ, чтобы она поручила произвесть означенное испытаніе врачу, завѣдывающему больницею при тюремномъ замкѣ, и чтобы испытаніе это сдѣлано было подъ ея наблюденіемъ.

Между тѣмъ губернское правленіе предписало макарьевскому полицейскому управленію нарядить коммисію для раскрытія обстоятельствъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ нанесеніе Прохоровымъ ранъ Капустину; означенная коммисія обнаружила, что Прохоровъ, бывши на работѣ небольшой избушки, упалъ съ угла такъ, что домой его отнесли на рукахъ, и съ этой поры стали повторятся припадки до безпамятства и замѣчаться порывы къ брани и дракѣ. Съ Капустинымъ онъ ссоры и вражды никогда не имѣлъ, и съ чего ему пришла мысль бить топоромъ, не извѣстно, а полагаютъ, что это онъ сдѣлалъ въ припадкахъ сумасшествія. Кромѣ сего въ домѣ Прохорова отъ болѣзни, въ родѣ сумасшествія, умерли сестра его Аграфена, мужъ ея Полиэвктъ и его мать Прасковья, и это случилось такъ, что всѣ они, выбѣжавъ на улицу, упадали на землю и начинали кататься съ порывомъ бить. Прохоровъ до времени событія былъ кротокъ въ семействѣ, помогалъ въ работахъ, какъ слѣдуетъ. Изъ сего коммисія заключила, что Прохоровъ, нанесшій топоромъ раны лѣсному сторожу Капустину, былъ въ припадкѣ сумасшествія, послѣдовавшемъ не отъ паденія съ угла избы, а отъ болѣзни «злая корча», существующей въ этой мѣстности. Врачъ костромской тюремной больницы и старшій врачъ заведеній приказа общественнаго призрѣнія, рапортами отъ 10 іюля и 20 августа, донесли губернскому правленію, что Прохоровъ по временамъ находился въ покойномъ положеніи и былъ какъ здравомыслящій, но временамъ же днемъ и ночью приходилъ въ бѣшенство, вскакивалъ съ кровати, бѣгалъ по комнатѣ съ дикимъ крикомъ

или иногда съ громкими восклицаніями: «держи, держи его». Съ 28 апрѣля припадки не повторялись, и умственныя его способности нормальны.

27 августа Прохоровъ вновь былъ освидѣтельствованъ въ состояніи умственныхъ способностей, и по этому свидѣтельству оказалось, что онъ по видимому здоровъ, на предложенные вопросы какъ словесные, такъ и письменные, отвѣчалъ довольно удовлетворительно, на нѣкоторые же вопросы съ самою простою безсмысленною злобою; при вопросѣ, куда онъ хочетъ теперь отправиться, со слезами просилъ отпустить его домой. Вслѣдствіе сего, и имѣя въ виду заключеніе коммисіи и врачей, члены особаго присутствія заключили, что Прохоровъ подвергался временному умопомѣшательству.

Губернское правленіе, находя что по освидѣтельствованію, произведеному въ особомъ присутствіи, Прохоровъ въ настоящее время сумасшедшимъ не признанъ, а найдено только, что онъ подвергался временному умопомѣшательству, препроводило Прохорова въ г. Макарьевъ.

Производившій слѣдствіе по настоящему дѣлу судебный слѣдователь нашелъ, что такъ какъ однодеревенцы Прохорова единогласно показываютъ, что онъ сдѣлалъ преступленіе не въ полномъ умѣ, да и свидѣтельствомъ губернскаго правленія признано, что въ немъ было временное умопомѣшательство, то преступленіе это нельзя ставить ему въ вину. Считая засимъ слишкомъ строгою мѣрою арестъ, подъ которымъ находился Прохоровъ, слѣдователь отдалъ его подъ надзоръ мѣстнаго волостнаго правленія, съ водвореніемъ въ мѣсто жительства.

Костромская уголовная палата, разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашла, что Прохоровъ за совершенное имъ преступленіе долженъ бы подлежать лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства отъ 1 до 1½ года. Но слѣдуетъ принять на видъ: а) что Прохоровъ, какъ заключила коммисія, нанесъ удары Капустину въ припадкѣ сумашествія отъ болѣзни злой корчи, отъ которой умерли сестра его Аграфена, мужъ ея Ипполитъ и мать его Прасковья, и б) что Прохоровъ, находясь на испытаніи въ больницѣ, какъ донесли врачи костромской тюремной больницы, по временамъ,

днемъ и ночью, приходилъ въ бѣшенство, вскакивалъ съ кровати, бѣгалъ по комнатѣ съ дикимъ крикомъ, или иногда съ громкими восклицаніями: «держи, держи его», вслѣдствіе чего лица свидѣтельствовавшія Прохорова заключили, что онъ подвергался временному умопомѣшательству; палата опредѣлила: Прохорова за означенное преступленіе наказанію не подвергать.

Разсмотрѣвъ настоящее дѣло, медицинскій совѣтъ нашелъ, что обстоятельства, предшествовавшія совершенію преступленія Прохоровымъ, равно какъ и послѣдовавшія за нимъ, не наводятъ на мысль о болѣзненномъ состояніи умственныхъ его способностей. Отправившись вторично съ цѣлію воровать казенный лѣсъ, Прохоровъ умѣлъ добыть обманомъ отобранные отъ него лѣснымъ сторожемъ топоры, привелъ свое намѣреніе въ исполненіе, побилъ лѣснаго сторожа, и на возвратномъ пути сохранилъ полное присутствіе духа, стараясь избѣжать опасной встрѣчи съ другими лѣсными сторожами. Тѣмъ не менѣе, по единогласному показанію самого Прохорова и всѣхъ призванныхъ по дѣлу свидѣтелей, онъ одержимъ былъ съ 1 октября 1863 г., болѣзнію, называемою ими «злой корчей»; у него замѣчались при этомъ признаки помѣшательства; болѣзнь эта произошла, по видимому, отъ паденія во время постройки избы; сверхъ того къ ней было въ семействѣ Прохорова особое расположеніе. До этой же болѣзни Прохоровъ былъ совершенно здоровъ и въ поведеніи всѣми одобренъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что извѣстная въ медицинѣ «злая корча» (Raphania) обнаруживается нерѣдко судорогами и неистовымъ бредомъ, но обстоятельства дѣла вовсе не указываютъ на существованіе у Прохорова подобной болѣзни. Поэтому неизвѣстно, что собственно разумѣетъ Прохоровъ и его односельцы подъ названіемъ «злой корчи», и подобный вопросъ могъ быть только рѣшенъ посредствомъ тщательнаго медицинскаго разслѣдованія на мѣстѣ и наблюденія за больнымъ. Хотя Прохоровъ подверженъ былъ трехмѣсячному испытанію въ больницѣ, но результатовъ этого испытанія въ дѣлѣ не приводится; что же касается результатовъ освидѣтельствованія умственныхъ способностей Прохорова въ присутствіи губернскаго правленія, то на основаніи ихъ также нельзя придти къ положительному заключенію. По обстоятельствамъ дѣла можно предполагать у Прохорова падучую болѣзнь, соединенную съ временнымъ по-

мнимательствомъ, и поэтому необходимо его подвергнуть тщательному испытанію въ больницѣ, съ цѣлію удостовѣриться: не одержимъ ли онъ дѣйствительно предполагаемою болѣзнію.

Объ ученикѣ пензенской семинаріи Василіи Покровскомъ, сужденномъ за нанесеніе кинжаломъ раны дѣвицѣ Долгополовой.

(Убійца по любви).

27 января 1865 года, въ 6 часовъ вечера, въ городѣ Пензѣ была назначена свадьба мѣщанки дѣвицы Татьяны Долгополовой съ межевщикомъ пензенской палаты государственныхъ имуществъ, Степаномъ Косолаповымъ. Во время приготовленія къ свадебному обряду, ученикъ пензенской духовной семинаріи, Василій Алексѣевъ Покровскій, нанесъ дѣвицѣ Долгополовой кинжаломъ въ бокъ рану. Для осмотра раненой и оказанія пособія приглашенъ былъ пензенскій городовой врачъ Діатроптовъ.

Въ актѣ о результатахъ сего осмотра, врачъ Діатроптовъ изложилъ, что осмотръ былъ сдѣланъ имъ въ 7 часовъ вечера; раненая лежала на полу комнаты, въ которой стояла убранная, несмятая постель. Положеніе ея было полусогнутое, на лѣвомъ боку. Около лежали слѣды воды и крови. Раненая стонала. Когда она была приподнята на кровать, стоны и общее безпокойство усилились. Образовалась обильная кровавая рвота. Рана лежала подъ лѣвой грудной железой, пальца на два ниже ея. Длина раны равнялась вершку, она была колотая, проникающая внутрь грудной полости, съ ровными острыми краями, между собою разъединенными. Изъ раны вышелъ кусокъ жирной клѣтчатки по которому струилась жидкая кровь. Около раны образовалась припухлость тканей, чувствительная на ощупь. Бѣлье и платье, прилежащія къ раненому боку, были смочены кровію. Находя положеніе больной весьма труднымъ, по мѣсту и свойству раны, врачъ Діатроптовъ, наложивъ холодные компрессы, просилъ отправить раненую со всею осторожностію въ градскую больницу, что и было исполнено.

Василій Покровскій, по распоряженію полиціи, былъ арестованъ, причемъ у него взяты кинжалъ и фотографическая карточка, съ портретами его и Татьяны Долгополовой.

28 января, находившаяся въ больницѣ дѣвица *Татьяна Долгополова* (16 лѣтъ) показала, что она и Покровскій взаимно любили другъ друга, почему и сняли вмѣстѣ фотографическую карточку. Покровскій стоялъ на квартирѣ въ домѣ ея матери, гдѣ она его и узнала. На праздникъ рождества Христова онъ уѣзжалъ изъ Пензы къ своимъ роднымъ и возвратился на святки; въ отсутствіе Покровскаго ее сосваталъ межевщикъ Косолаповъ, и свадьба ихъ была назначена 27 января, почему Покровскому и было отказано отъ квартиры въ воскресенье (24 января). Когда Покровскій узналъ, что она просватана за Косолапова, то сначала совѣтовалъ ей за него идти, а потомъ уговаривалъ не выходить, а подождать окончанія имъ, Покровскимъ, курса ученія, на что она отвѣчала, что это воля ея родителей. Когда Покровскій квартировалъ у нихъ въ домѣ, то у него не было никакого кинжала, и когда онъ былъ у нихъ, въ день преступленія, она у него кинжала также не замѣтила; пьянъ онъ тогда не былъ, никикихъ угрозъ ей не дѣлалъ; что побудило его посягнуть на ея жизнь, она объяснить не можетъ.

Василій Покровскій *) на опросъ слѣдователя 28 января, показалъ, что онъ квартировалъ въ домѣ мѣщанки Агафьи Долгополовой годъ и пять мѣсяцевъ и полюбилъ дочь хозяйки Татьяну, которая взаимно любила его, но короткихъ отношеній у него съ Татьяной не было. На праздникъ рождества Христова онъ ѣздилъ въ отпускъ къ отцу своему священнику, откуда возвратился на святки и узналъ, что во время его отсутствія, Татьяна была помолвлена за квартирующаго у нихъ въ домѣ межевщика Степана Косолапова; посему онъ рѣшился открыть матери Татьяны, Агафьѣ Агаповой, любовь къ ея дочери, просилъ отказать жениху Косолапову, и обѣщался жениться на Татьянѣ по окончаніи полнаго курса ученія въ семинаріи, на что Агафья Агапова не согласилась, ибо ей не было чѣмъ заплатить расходы жениха Косолапова; посему онъ Покровскій уговорилъ Татьяну идти въ монастырь, на что она и согласилась, но мать ея того

*) 20-ти лѣтъ.

не дозволила; первоначально онъ Татьянѣ совѣтовалъ идти замужъ за Косолапова, но когда сей послѣдній назвалъ его, изъявившаго желаніе быть шаферомъ, не шаферомъ, а женихомъ Татьяны, изъ за чего и вышла у нихъ ссора, онъ уже не совѣтовалъ Татьянѣ идти за Косолапова, на что и она изъявила полное согласіе, но мать ея настаивала и рѣшилась выдать за Косолапова. Кто то изъ дома Долгополовой ходилъ къ инспектору семинаріи просить объ удаленіи его, Покровскаго, съ квартиры отъ Долгополовыхъ, вслѣдствіе будто того, что онъ расстраивалъ свадьбу, почему 22 января инспекторъ приказалъ ему перемѣнить квартиру, и онъ 24 января переѣхалъ на другую квартиру. Послѣ сего Татьяна, подозрѣвая въ доносѣ на него Косолапова, рѣшилась не выходить за него, но мать ея окончательно рѣшилась выдать. Тогда Татьяна объявила ему, Покровскому, что она что нибудь надъ собою сдѣлаетъ, только бы не выходить за Косолапова, о чемъ онъ передалъ ея матери, но послѣдняя, въ подтвержденіе его словъ, призвала его при дочери своей и просила при ней подтвердить переданныя слова, что онъ и исполнилъ; тогда мать, обращаясь къ дочери, начала укорять ее въ короткихъ будто отношеніяхъ съ нимъ; но таковыхъ никогда не было, почему Татьяна заплакавъ, ушла въ другую комнату. Послѣ всего этого Татьяна не покидала мысли наложить на себя руки, почему онъ и предложилъ ей погибнуть отъ его руки, обѣщаясь ее заколоть, на что она согласилась первоначально съ тѣмъ, чтобы и онъ лишилъ себя жизни, но на это предложеніе онъ не согласился. Они съ Татьяной условились 27 января, примѣрно часовъ въ 5½ вечера, выдти изъ жилаго флигеля на дворъ во хлѣвъ, куда однакожъ Татьяна пришла первая, а за нею и онъ, Покровскій, съ кинжаломъ, купленнымъ имъ того же дня въ лавкѣ, часу въ третьемъ послѣ обѣда, на деньги, полученныя отъ священника Соколова, за двухъ его мальчиковъ, учившихся у него, Покровскаго; за кинжалъ онъ заплатилъ три рубля, двадцать пять копѣекъ. Когда сошлись въ хлѣвѣ вдвоемъ, то Татьяна, замѣтивъ у него кинжалъ, скрытый подъ полой, сказала «скорѣй, скорѣй»! Ощупавъ рукою бокъ Татьяны такъ, чтобы направить кинжалъ прямо въ мягкое мѣсто, онъ вонзилъ оный въ лѣвый бокъ, но смертельно ли подѣйствовалъ кинжалъ, или нѣтъ, ему неизвѣстно. Событіе это было такъ: запущенный имъ кинжалъ

въ бокъ дѣвицы Татьяны, онъ нѣсколько времени изъ раны не вынималъ, а вынулъ оный тогда, когда сама Татьяна сказала, чтобы вынуть, и онъ тогда его вынулъ изъ раны. Послѣ сего на мѣсто преступленія вошла мать Татьяны и только—что она появилась, онъ, Покровскій, вышелъ изъ хлѣва и отправился въ комнаты, а Агафья вслѣдъ за нимъ привела свою дочь съ воплями и слезами. Бывшіе гости въ домѣ Долгополовыхъ, чиновники Островидовъ и Артоболевскій, услышавъ о событіи, тотчасъ же отправились въ комнату Татьяны, а онъ оставался съ братомъ Андреемъ, которому и передалъ кинжалъ. Отобранный отъ него фотографическій портретъ снятъ имъ съ Татьяной недѣли за полторы до преступленія, у фотографа, при матери Татьяны. Преступленіе онъ рѣшился сдѣлать собственно изъ горячей любви къ Татьянѣ, которая все болѣе и болѣе увеличивалась и наконецъ развилась въ высшей степени во время послѣдняго его квартированія у Долгополовыхъ. Въ совершеніи преступленія съ нимъ никто не участвовалъ.—Вышеизложенное показаніе свое Покровскій, при допросѣ 29 января, дополнилъ тѣмъ, что въ какомъ платьѣ была Татьяна во время совершенія имъ преступленія, не помнитъ; но тогда онъ былъ трезвъ и въ здравомъ умѣ; разстройствомъ умственныхъ способностей онъ не страдалъ и никакими припадками одержимъ не былъ, но съ нѣкотораго времени, приблизительно около мѣсяца, онъ чувствуетъ разстройство всего организма, но какая именно у него болѣзнь, опредѣлить не можетъ.

Вслѣдствіе показанія Покровскаго, *Татьяна Долгополова* была допрошена 29 января, причемъ показала, что Покровскій закололъ ее кинжаломъ по предварительному ея согласію и обоюдному ихъ условію, потому собственно, что они были другъ въ друга влюблены, а мать принуждала ее выйдти за мужъ за Косолапова противъ ея желанія; чтобы избѣжать этого замужества, она рѣшилась, по совѣту Покровскаго, идти въ монастырь, о чемъ говорила и просила свою мать, но она этого не дозволила. Покровскаго она не уговаривала, чтобы онъ самъ себя лишилъ жизни. Когда онъ, по ея желанію, закололъ ее кинжаломъ, то она просила вошедшую къ ней мать, чтобы она простила какъ ее, такъ и Василія Алексѣевича. На вопросъ слѣдователя, не желаетъ ли она видѣть Покровскаго, отвѣчала, немного подумавъ, «я слаба»,

а на вопросъ находившейся тутъ же матери: «не желаетъ ли проститься съ Покровскимъ?» отвѣчала: «пожалуй ненадолго, я слаба», и по слабости болѣе отвѣчать не могла.

Мать Татьяны, *Агафья Агапова*, показала, что Покровскій дѣйствительно обѣщалъ жениться на Татьянѣ, когда кончитъ курсъ въ семинаріи; но не полагаясь на слова Покровскаго, она ему отказала; Татьяна дѣйствительно просилась въ монастырь, но она, Агафья, на это не согласилась. Относительно самаго преступленія Агафья Агапова показала согласно съ дочерью и Покровскимъ.

Степанъ Тарасовъ *Косолаповъ* показалъ, что въ какихъ отношеніяхъ Покровскій находился съ хозяевами, онъ не знаетъ, но Долгополовы всегда обращались съ нимъ ласково; онъ, Косолаповъ, не замѣчалъ, чтобы Покровскій особенно нравился его невѣстѣ. Разъ въ шутку онъ говорилъ Покровскому, что не ему быть шаферомъ, а ему Косолапову, но въ какомъ смыслѣ Покровскій понялъ эти слова, онъ не знаетъ, а кажется, что они ему не понравились. Жаловаться на Покровскаго къ инспектору Бурлуцкому онъ не ходилъ. О сватовствѣ Покровскаго ничего не слыхалъ; а если бы зналъ, что Татьяна и Покровскій были влюблены другъ въ друга, то отказался бы отъ женитьбы. Какъ было совершено преступленіе, онъ не знаетъ, потому что его тогда у нихъ не было. Покровскій былъ веселаго характера, но съ того времени, какъ его, Косолапова, благословили (6 января), характеръ его и наружный видъ измѣнились, онъ сдѣлался задумчивъ и имѣлъ сумрачный видъ, но отчего именно, не знаетъ.

Чиновникъ Иванъ Евдокимовъ *Островидовъ* отозвался, что 27 января, около пяти часовъ по полудни, онъ прибылъ въ домъ Долгополовой для благословенія къ вѣнцу дочери ея, дѣвицы Татьяны. По приходѣ его въ комнаты, онъ поздоровался съ невѣстою, и при этомъ она была довольно весела. Спустя минутъ десять объявили, что пора одѣваться невѣстѣ къ вѣнцу, посему она, а равно и прочія бывшія здѣсь дѣвушки, ушли въ другую комнату. Послѣ сего, спустя минутъ двадцать, въ комнату вошелъ скорымъ шагомъ Василій Покровскій, съ обнаженнымъ кинжаломъ въ полуподнятой правой рукѣ, и не дойдя до него, Островидова, и чиновника Артоболевскаго на полшага, остановился и окинувъ ихъ взглядомъ, сказалъ: «виноватъ, извините господа» и потомъ опустивъ кинжалъ въ ножны, висѣвшіе у него чрезъ

плечо на новомъ кожаномъ ремнѣ, украшенномъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чѣмъ то блестящимъ, отошелъ отъ нихъ и сѣлъ на диванъ, закрывъ лицо руками. Вслѣдъ затѣмъ послышались стоны невѣсты, и онъ, Островидовъ, узнавъ о нанесеніи ей раны, отправился заявить о происшествіи полиціи. Вышеизложенное показаніе Островидова подтвердилъ чиновникъ Артоболевскій.

Братъ Василія Покровскаго *Андрей* и квартировавшіе у Долгополовой коллежскій регистраторъ *Богослововъ* и братъ послѣдняго, ученикъ семинаріи Левъ *Богослововъ*, отозвались, что Василій Покровскій, имѣвшій прежде веселый характеръ, передъ свадьбой Татьяны Долгополовой совершенно перемѣнился, часто плакалъ и рвалъ на себѣ волосы, поблѣднѣлъ, глаза его впали и сдѣлались мутные, страдалъ безсонницею, часто вставалъ ночью и ходилъ по комнатѣ. На вопросы отвѣчалъ какъ то разсѣянно, а иногда даже не впопадъ. Первые двое показателей добавили еще, что Покровскій въ то время былъ какъ сумасшедшій.

Отецъ Василія Покровскаго, священникъ *Алексѣй Покровскій*, объяснилъ, что зная съ дѣтства кроткій, послушный и откровенный характеръ Василія, природную сострадательность и совѣстливость его, притомъ рѣдко встрѣчая въ немъ даже и обыкновенныя, свойственныя дѣтямъ шалости, онъ считаетъ невѣроятнымъ и несвойственнымъ его природному характеру учиненіе такого преступленія и находитъ, что это сдѣлано имъ не въ здравомъ разсудкѣ. Въ пріѣздъ Василія домой, на праздникъ рождества Христова, онъ замѣтилъ въ немъ невеселость, задумчивость и неумѣстные отвѣты на предлагаемые ему вопросы, и всегда нѣсколько подумавъ; 29 января онъ навѣщалъ Василія въ тюремномъ замкѣ, чтобы узнать отъ него причины его преступленія, но при видѣ отца своего, Василій не подошелъ къ нему, не поздоровался и не попросилъ даже благословенія, на вопросы его ничего не отвѣчалъ; глаза его были мутны, голова поникнута, лице его въ высшей степени болѣзненно. Таковое состояніе сына его, Василія, убѣждаетъ его, что онъ не въ полномъ разсудкѣ.

Въ прошеніи, поданномъ 28 февраля 1865 года въ пензенскій уѣздный судъ, *Василій Покровскій*, между прочимъ, изложилъ, что когда онъ узналъ, что о дѣйствіяхъ его относительно разстройства брака Татьяны Долгополовой съ Косолаповымъ доведено до свѣдѣнія начальства и когда получилъ приказаніе инспек-

тора семинаріи сойдти съ квартиры Долгополовой и впредь никогда не являться въ домъ ея, то мысль навсегда оставить любимую дѣвицу не выходила у него изъ головы, ибо онъ данной ей клятвы предъ Богомъ, по окончаніи семинарскаго курса быть ея мужемъ, нарушить боялся, дабы за то не подвергнуть себя на страшномъ судѣ строгому осужденію, тѣмъ болѣе, что таковой обѣтъ обѣщала хранить и Татьяна Долгополова, а между тѣмъ еще прискорбнѣе было для него то, что женихъ ея, какъ онъ неоднократно замѣчалъ, давалъ очень невыгодныя мнѣнія о своей будущей женѣ и даже положительно компрометировалъ ее, не имѣвши на то никакихъ данныхъ, почему она и не изъявляла согласія выходить за таковаго насмѣшливаго жениха, но по приказанію своей матери принуждена была покориться волѣ судьбы и идти за него замужъ. Видя себя въ такомъ разстроенномъ и убійственномъ положеніи, онъ рѣшился принять мѣры, съ общаго согласія съ дѣвицею Долгополовою, къ разрушенію брака; посему въ самомъ разсѣянномъ и разстроенномъ духѣ рѣшился предложить ей умереть. Таковое предложеніе, изъ любви къ нему и отвращенія къ будущему мужу, Долгополова не отказалась принять, чѣмъ онъ себя нѣсколько и успокоилъ. Но обдумавши такое намѣреніе и найдя, что оно будетъ имѣть весьма грозныя послѣдствія, онъ таковое намѣреніе оставилъ и нашелъ лучшимъ употребить другой способъ, болѣе удобный къ расторженію брака, а именно: увезти Татьяну куда нибудь и скрыть ее на нѣсколько времени. За нѣсколько часовъ до совершенія брака, неожиданно пріѣхалъ въ домъ Долгополовой инспекторъ семинаріи и спрашивалъ его, Покровскаго, но ему сказали, что онъ не приходилъ; потомъ инспекторъ спросилъ о времени свадьбы; ему отвѣтили, что свадьба будетъ въ 6 часовъ вечера, и онъ хотѣлъ поставить караулъ къ дому Долгополовой, дабы Покровскаго захватить въ расплохъ; это его сильно разстроило; унавши наконецъ духомъ, видя намѣреніе свое о разстройствѣ брака при караулѣ невозможнымъ, онъ старался какъ нибудь вывести Татьяну Долгополову, уже готовившуюся къ вѣнцу, въ тайное мѣсто и тамъ исполнить надъ ней прежде задуманное предложеніе, что ему и удалось. Незадолго купленнымъ кинжаломъ, совершенно въ потерянности здраваго ума, ударилъ онъ

Татьяну и въ то время готовъ былъ даже и самъ съ ней умереть, дабы только не состоялась ихъ свадьба.

Правленіе пензенской семинаріи отозвалось, что Василій Покровскій, состоя ученикомъ семинаріи, былъ поведенія хорошаго. Поведеніе Татьяны Долгополовой на повальномъ обыскѣ одобрено. На запросъ судебнаго слѣдователя о состояніи здоровья Татьяны Долгополовой, контора пензенской больницы, 5 февраля 1865 г., отозвалась, что Долгополова находится въ удовлетворительномъ состояніи. 26 февраля 1865 года Татьяна Долгополова была выписана изъ больницы. Увѣдомляя о семъ судебнаго слѣдователя, контора больницы присовокупила, что Долгополова «выписана изъ больницы, какъ здоровая» *).

На вопросъ пензенскаго уѣзднаго суда о томъ: могъ ли двадцатилѣтній подсудимый Покровскій, подъ вліяніемъ предшествовавшихъ преступленію его обстоятельствъ впасть въ умоизступленіе или въ безпамятство и совершить чрезъ то преступленіе, врачебная управа 18 іюня 1865 г. увѣдомила уѣздный судъ, что за подробнымъ и совершенно очевиднымъ слѣдственнымъ дознаніемъ по сему предмету, предложенный вопросъ разрѣшается утвердительно самъ собою, даже безъ особаго мнѣнія экспертовъ. Подробное изложеніе въ дѣлѣ всѣхъ предшествовавшихъ обстоятельствъ и вообще весь объективный составъ преступленія явственно указываютъ, что въ данномъ случаѣ побужденіе Покровскаго совершить преступленіе основывалось на удовлетвореніи такого желанія, котораго не можетъ имѣть человѣкъ, вполнѣ обладающій разумомъ и свободною волей, посему и нельзя отрицать того, что подъ вліяніемъ пылкой страсти 20 лѣтняго подсудимаго, Покровскаго, могло существовать у него такое ненормальное душевное состояніе, которое, не уничтожая собою совершенно свободы воли, противопоставляло однако ей сильное препятствіе. Предшедствовавшее за нѣсколько дней до преступленія нравственное разстройство Покровскаго и, какъ послѣдствіе того, безсонница, плачъ, несдержанное волненіе и безпокойство, молчаливость и очевидная перемѣна въ характерѣ подтверждаютъ отчасти то вѣроятное предположеніе, что вліяніе страсти и душевныхъ порывовъ его было весьма сильное.

*) Свѣдѣній о ходѣ болѣзни Долгополовой за время пользованія ея въ больницѣ въ дѣлѣ нѣтъ.

22 ноября 1865 г. дѣло о Покровскомъ было докладываемо присутствію пензенской палаты уголовнаго суда. По окончаніи доклада, находившійся при онойъ *подсудимый Покровскій* заявилъ, что по совершеніи имъ преступленія онъ очень хорошо понималъ ненормальное состояніе, въ которомъ онъ находился прежде совершенія онаго, но не сознавался въ томъ потому, что не хотѣлъ этимъ сознаніемъ оскорбить дѣвицу Долгополову, которая изъ любви къ нему рѣшилась лишить себя жизни, и поэтому всѣ показанія его при слѣдствіи были направлены къ тому, чтобы какъ можно усилить мѣру собственной своей вины; при этомъ Покровскій присовокупилъ, что онъ желалъ бы вступить съ нею въ бракъ, если это будетъ можно.—Повѣренный Татьяны Петровой *Долгополовой*, съ своей стороны выскazавъ предположеніе о томъ, что довѣрительница его во время совершенія Покровскимъ преступленія находилась, также какъ и онъ, въ умоизступленіи, и потому не должна подлежать наказанію, и что она имѣетъ право на вознагражденіе съ виновныхъ, причинившихъ ей разстройство здоровья, заключилъ тѣмъ, что Долгополова охотно откажется отъ этого вознагражденія, лишь бы отецъ Покровскаго не препятствовалъ ему исполнить клятву его.

Пензенская палата уголовнаго суда нашла, что показанія самаго подсудимаго, его отца и другихъ лицъ, а равно и мнѣніе пензенской врачебной управы о ненормальномъ положеніи Покровскаго въ минуты совершенія преступленія, никакъ не могутъ быть приняты въ уваженіе къ признанію его умоизступленнымъ. Дѣйствительно, Покровскій дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ подъ вліяніемъ любви, но всякій преступникъ совершаетъ преступленіе подъ вліяніемъ какой либо страсти, однакожъ законъ не принимаетъ этого во вниманіе и не снисходитъ къ нему. Посему палата опредѣлила: 1) Василія Покровскаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу, въ рудники, на восемь лѣтъ, потомъ поселить его въ Сибирь навсегда, 2) Татьяну Петрову Долгополову предать церковному покаянію, по распоряженію духовнаго начальства. Постановивъ такой приговоръ, палата нашла заслуживающею особаго вниманія необыкновенную чрезвычайность настоящаго преступленія. По мнѣнію палаты, движеніе страсти, подъ вліяніемъ которой совершено преступленіе, было бы доступно пониманію, если бъ рука преступника поразила со-

перника его Косолапова или препятствовавшую къ продолженію взаимной ихъ любви мать пораженной дѣвицы; еще непонятнѣе было бы это преступленіе, если бъ подсудимый Покровскій въ тоже время ранилъ самаго себя; но по вынутіи кинжала изъ подлежавшей ему добровольной жертвы, онъ оставляетъ эту жертву и входитъ къ гостямъ съ объявленіемъ о своей винѣ; страсть любви молодого человѣка, столь необъяснимая въ этомъ дѣлѣ, не оставила его и доселѣ; равно такая же страсть, къ удивленію, не оставляетъ и пораженную дѣвицу Долгополову. Подсудимые не обличаются въ плотской связи, а дѣйствовали единственно изъ чистой любви и теперь стремятся къ брачному союзу. Преступникъ и доселѣ всю тяжесть вины принимаетъ на себя, въ видахъ освобожденія предмета любви отъ всякой отвѣтственности и нареканія. «При необходимости такого психическаго состоянія подсудимыхъ», изъ коихъ одному 20, а другой 16 лѣтъ, и руководствуясь 166 и 167 ст. I кн. XV Т., палата, не приводя своего заключенія о слѣдующемъ виновному наказаніи въ исполненіе, признала справедливымъ, изъясненныя обстоятельства представить на усмотрѣніе правительствующаго сената и ходатайствовать о смягченіи наказанія подсудимому Покровскому, полагая ограничить оное преданіемъ его церковному покаянію по распоряженію епархіальнаго начальства.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ, соглашаясь съ мнѣніемъ пензенской врачебной управы, нашелъ, что преступленіе совершено Покровскимъ подъ вліяніемъ страсти въ состояніи помраченія разсудка.

При слушаніи же сего дѣла въ медицинскомъ совѣтѣ заявлено было и слѣдующее мнѣніе: «хотя пензенская врачебная управа отозвалась, что подъ вліяніемъ пылкой страсти 20 лѣтняго подсудимаго могло существовать такое ненормальное душевное состояніе, которое, не уничтожая собою совершенно свободы воли, противупоставляло однако ей сильное препятствіе, однако нельзя согласиться съ такимъ взглядомъ, основаннымъ лишь на абстрактномъ обсужденіи психологическаго процесса. Порывы страсти представляются въ совершенно разныхъ видахъ и зависятъ въ

каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ личности человѣка, такъ что общія сужденія, основанныя большею частію на вѣроятностяхъ, здѣсь слишкомъ невѣрны и передъ судомъ не имѣютъ мѣста. Между тѣмъ врачебная управа не дала себѣ трудъ подвергать обвиняемаго не только испытанію, но даже освидѣтельствованію, такъ что вовсе не видно, какого Покровскій тѣлосложенія, темперамента, въ какомъ состояніи развитія его умственныя способности и тѣлесное здоровье, предметы однако высшей степени важные при обсужденіи вмѣняемости подсудимаго. Пензенская врачебная управа разсматривала этотъ юридическій фактъ, какъ историческій, о которомъ она сообщила свое мнѣніе. Изъ дѣла видно только, что до совершенія Покровскимъ преступленія, никто въ немъ разстройства разсудка не замѣчалъ, а если онъ съ тѣхъ поръ, какъ говорили Долгополову, сталъ скучать, то это такое понятное, нормальное явленіе, что скорѣе отсутствіе его могло удивить. Вслѣдъ за совершеніемъ преступленія онъ также ни поступками, ни рѣчами не возбудилъ подозрѣнія о помѣшательствѣ ума, и если его родной отецъ нашелъ его въ тюрьмѣ въ такомъ положеніи, что сомнѣвался въ его здравомъ разсудкѣ, потому что онъ съ нимъ не поздоровался и не просилъ благословенія, то эти данныя рѣшительно ничего не доказываютъ; большое число преступниковъ, при видѣ отца, безъ всякаго сомнѣнія, почувствуютъ нравственное волненіе и лишь сумасшедшій, совершившій преступленіе, покойно встрѣтитъ отца и попроситъ благословенія. Если показанія свидѣтелей не представляютъ рѣшительно ни одного факта, который бы доказалъ, что Покровскій совершилъ преступленіе не въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей, то образъ совершенія преступленія еще болѣе доказываетъ, что оно не было вызвано хоть мгновеннымъ отсутствіемъ здраваго разсудка. Покровскій съ Долгополовою придумывали разные способы, какъ разстроить бракъ сей послѣдней съ Косолаповымъ, и убѣдившись въ своемъ безсиліи, Долгополова рѣшилась умереть, предложила Покровскому также себя лишить жизни, на что онъ не согласился, но вызвался ее убить, т. е. помочь ей въ намѣреніи самоубійства; способъ убійства былъ обдуманъ и за нѣсколько времени для этого купленъ кинжалъ, слѣдовательно весь планъ былъ обдуманъ и преступленіе вовсе

не было вызвано вліяніемъ мгновенной страсти *). Соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ пензенской уголовной палаты, что дѣйствительно всѣ преступленія совершаются подъ вліяніемъ какой либо страсти, что однако не освобождаетъ отъ отвѣтственности, должно замѣтить, что въ данномъ случаѣ вовсе не существуетъ доказательствъ, которыя бы указали на помѣшательство ума и которыя бы уничтожили вмѣняемость Покровскаго **).

Убійство семеновскимъ исправникомъ Михаиломъ Бродовскимъ его жены.

Бывшій семеновскій исправникъ, Михаилъ Бродовскій, во время производства надъ нимъ слѣдствія о противозаконныхъ его дѣйствіяхъ, утромъ въ 8 часу 26 марта 1856 года, зарѣзалъ бритвою свою жену и нанесъ раны малолѣтней дочери своей и себѣ.

Наканунѣ совершенія этого преступленія, никто изъ людей, равно хозяинъ дома, бывшій у Бродовскаго вечеромъ въ гостяхъ, не замѣчали въ состояніи его ничего особеннаго.

При медицинскомъ освидѣтельствованіи, произведенномъ въ тюремномъ замкѣ 28 марта, какъ ранъ, такъ и общаго состоянія подсудимаго Бродовскаго, онъ отвѣчалъ на всѣ предложенные ему вопросы кротко и правильно, въ здравомъ разсудкѣ, съ сознаніемъ и сожалѣніемъ о своемъ преступленіи и со слезами, причемъ онъ разсказалъ, что до преступленія подвергался безсонницѣ отъ тревожныхъ ночей по дѣламъ службы и въ ту ночь, какъ и въ прежнія, выпивалъ для усыпленія по три и болѣе рюмки водки для опьяненія.

По показанію людей Бродовскаго, съ женою онъ бывалъ всегда ласковъ, и жили они между собою въ согласіи, что подтвердилъ и хозяинъ дома; слѣдствіемъ же не открыто ни одного обстоятельства, которое подавало бы поводъ подозрѣвать, что убійство жены совершено Бродовскимъ изъ какихъ-либо корыстныхъ видовъ или мести.

---

*) Самоубійство отъ любви представляетъ характеристическое явленіе у молодыхъ дѣвицъ, не вполнѣ развитыхъ, но Покровскій придерживался принципа самого циническаго самохраненія.

**) Мы вполнѣ согласны съ этимъ мнѣніемъ. *Прим. изд.*

Въ дополнительныхъ вопросныхъ пунктахъ Бродовскій показалъ, что поводомъ и обстоятельствомъ, приведшимъ его къ совершенію такого кроваваго преступленія,—была болѣзнь, которая началась у него за нѣсколько недѣль тому назадъ, сопровождаясь нерѣдко головною болью и шумомъ въ ушахъ. Болѣзнь эта усилилась по полученіи имъ частнаго извѣстія объ удаленіи его отъ должности съ преданіемъ суду. Безпредѣльная любовь къ женѣ, привязанность къ семейству, недостаточное состояніе, грозившая ему участь, болѣзнь жены и разстройство мыслей, по его собственному показанію, довели его до такого безсознательнаго состоянія; при этомъ Бродовскій присовокупилъ, что 24 марта онъ, самъ не зналъ какимъ образомъ, попалъ на дворъ питейной конторы, (гдѣ бродилъ до тѣхъ поръ, пока крикъ человѣка привелъ его въ сознаніе); онъ находился тогда въ состояніи, равняющемся бѣшенству.

Нижегородская палата уголовнаго суда, въ которую дѣло о Бродовскомъ поступило въ концѣ января (29 числа) 1857 года, 26 іюня возбудила вопросъ: въ какомъ состояніи ума находился Бродовскій въ минуты совершенія убійства, и потому признала необходимымъ, чтобы врачебная управа освидѣтельствовала Бродовскаго и сдѣлала бы заключеніе: могъ ли онъ имѣть столько силы, чтобы послѣ нанесенія глубокой раны на шеѣ, нанести себѣ другую рану для совершенія самоубійства; если не могъ имѣть столько силы, т. е. не совершилъ самоубійства уже по причинамъ, отъ него не зависящимъ, то разрѣшить вопросъ: можетъ ли человѣкъ, покушающійся на собственную жизнь, быть въ то время въ состояніи сознательномъ, а если нѣтъ, то до какой степени можетъ доходить эта безсознательность, и въ какое состояніе приходятъ тогда умственныя способности человѣка; если же врачебная управа найдетъ, что Бродовскій дѣйствительно имѣлъ намѣреніе лишить себя жизни, не совершилъ же этого по причинамъ, отъ него не зависящимъ, и находился въ это время въ моментальномъ сумасшествіи, то имѣетъ управа сдѣлать заключеніе о томъ, не находился ли Бродовскій предъ покушеніемъ на самоубійство, въ минуты совершенія предшествовавшихъ преступленій, т. е. убійства жены и нанесенія ранъ дочери, въ такомъ же безсознательномъ положеніи, въ какомъ онъ находился при покушеніи на собственную жизнь?

Врачебная управа, освидѣтельствовавши Бродовскаго 20 сентября 1857 года, донесла нижегородской палатѣ уголовнаго суда, что Бродовскій тѣлосложенія крѣпкаго, совершенно здоровъ и на всѣ предложенные ему вопросы отвѣчалъ соотвѣтственно, съ сохраненіемъ связи, памяти и соображенія; что при намѣреніи лишить себя жизни, по здоровому своему тѣлосложенію, онъ, по нанесеніи себѣ раны безъ поврежденія большихъ сосудовъ и нервовъ, могъ вслѣдъ затѣмъ нанести себѣ и другую рану; что человѣкъ, покушающійся на собственную жизнь, можетъ въ то же время быть въ сознательномъ состояніи; что безсознательность происходитъ отъ болѣзненнаго разстройства умственныхъ способностей; что изъ разсмотрѣнія въ дѣлѣ семеновскаго уѣзднаго суда о Бродовскомъ показаній и всѣхъ обстоятельствъ, касающихся преступленія его, явствуетъ, что Бродовскій убійство жены, нанесеніе ранъ дочери и себѣ, совершилъ сознательно, и что онъ не находился въ состояніи помѣшательства ума; однако нужно признать, что Бродовскій, замысливъ лишить жизни себя, жену и дочь, отъ потерянной надежды избѣжать страшной участи за содѣланныя на службѣ противузаконныя дѣйствія, грозившія ему заслуженнымъ наказаніемъ, несчастіемъ и нищетою для семейства, — отъ такого отчаяннаго положенія находился въ разстроенномъ состояніи мыслей, и что убійство жены, безпредѣльно имъ любимой, совершено имъ не изъ корыстныхъ видовъ и мести.

Нижегородская палата уголовнаго суда нашла въ этомъ отзывѣ врачебной управы противорѣчіе и вслѣдствіе того рѣшила представить заключеніе управы на повѣрку въ медицинскій департаментъ, который, истребовавши все дѣло о Бродовскомъ, внесъ его на окончательное заключеніе медицинскаго совѣта съ мнѣніемъ своимъ и съ поступившимъ вслѣдъ затѣмъ прошеніемъ Бродовскаго на Высочайшее имя.

Въ этомъ прошеніи онъ старался увѣрить, что убійство жены и нанесеніе ранъ дочери и себѣ самому онъ совершилъ въ припадкѣ умопомѣшательства и въ заключеніи просилъ: чтобы для дополненія данныхъ, касающихся состоянія ума его, и для отобранія отъ него свѣдѣній о случаяхъ и обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его жизнь, а также для опредѣленія его характера и темперамента, онъ былъ лично вытребованъ въ медицинскій департаментъ, или же были бы ему предложены подробные вопросы

По разсмотрѣніи въ подробности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, медицинскій совѣтъ, вполнѣ соглашаясь съ заключеніемъ нижегородской врачебной управы, призналъ, что Бродовскій не былъ одержимъ умопомѣшательствомъ ни до, ни во время совершеннаго имъ 26 марта 1856 года преступленія. Изъ обстоятельствъ дѣла медицинскій совѣтъ ясно усмотрѣлъ, что Бродовскій, по характеру, человѣкъ пылкій, не безъ нѣкотораго образованія, любившій свое семейство, искалъ возможности доставить какъ ему, такъ и себѣ, соотвѣтственныя его взглядамъ потребности жизни. Неудовлетворительность къ сему собственныхъ матеріальныхъ средствъ увлекла его до злоупотребленій, которыя, бывъ обнаружены, подвергли его слѣдствію, суду и отрѣшенію отъ должности. Внутреннее сознаніе своей вины, опасеніе наказанія, какое его вѣрно ожидаетъ, позоръ, грозящій ему и его семейству, которое онъ любилъ, бѣдность и всѣ затѣмъ бѣдствія, которыя семейству его предстоятъ, должны были сильно дѣйствовать на человѣка пылкаго и самолюбиваго, каковъ Бродовскій. Естественно, что онъ долженъ былъ обратиться къ изысканію способовъ, какъ выйти изъ этого страшнаго положенія и въ тщетныхъ усиліяхъ придумать исходъ, удовлетворительный для его самолюбія. Безъ твердыхъ началъ нравственныхъ и религіозныхъ убѣжденій, онъ увидѣлъ послѣднюю возможность прекратить всю тяжесть накликанныхъ имъ на себя и семейство бѣды и позора, прекращеніемъ жизни близкихъ ему — жены и дочери, и собственной своей. Вникнувъ глубже въ условія всей организаціи Бродовскаго, имѣя въ виду пылкость его характера, наклонности его, самолюбіе, любовь къ семейству, полное его сознаніе угрожающей ему опасности и позора, легко убѣдиться, въ какой степени должна была быть сильна внутренняя борьба разнородныхъ чувствъ, постепенно укрѣплявшихъ въ немъ отчаянное намѣреніе новымъ преступленіемъ положить конецъ всему. Въ этой борьбѣ мыслей и побужденій, употребленіе по нѣскольку рюмокъ водки, безъ сомнѣнія, много содѣйствовало къ возбужденію въ немъ экзальтаціи въ томъ направленіи, которое приняли его идеи, и они, конечно, болѣе всего содѣйствовали и къ ослабленію его разумной нравственной воли въ борьбѣ къ приведенію этого намѣренія въ рѣшительное исполненіе. За всѣмъ вышеизложеннымъ, по мнѣнію медицинскаго

совѣта, вполнѣ опровергается заключенія нижегородской уголовной палаты о противорѣчивости мнѣнія врачебной управы; ясно, что разстройство мыслей Бродовскаго предъ совершеніемъ преступленія не составляло умопомѣшательства и не можетъ быть отнесено ни къ какому роду онаго и что, не смотря на нанесеніе себѣ одной глубокой раны на шеѣ, Бродовскій могъ нанесть себѣ другую и даже еще нѣсколько, такъ-какъ при той степени экзальтаціи, въ которой онъ находился, при возвышенной энергіи, порѣзы, обыкновенно весьма быстро слѣдующіе, не производятъ въ началѣ такой сильной потери крови, которая бы могла обезсилить организмъ и ослабить твердость намѣренія къ окончательному выполненію предположеннаго. Что же касается до прошенія Бродовскаго на Высочайшее имя, то за такимъ рѣшеніемъ дѣла о немъ, медицинскій совѣтъ не нашелъ съ своей стороны повода приступать къ какимъ-либо по оному распоряженіямъ. Такое заключеніе медицинскаго совѣта, изложенное въ журналѣ засѣданія его 15 іюля 1858 года и утвержденное бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, сообщено было 9 августа того же года начальнику нижегородской губерніи.

Нижегородская уголовная палата, основываясь на этомъ заключеніи медицинскаго совѣта, по рѣшенію своему, состоявшемуся 8 декабря 1861 года, признавъ Бродовскаго виновнымъ въ предумышленномъ зарѣзаніи жены, намѣреніи лишить себя и дочь жизни и, приговоривъ его къ слѣдующему за эти преступленія наказанію, нашла, что за положительнымъ разрѣшеніемъ медицинскимъ совѣтомъ вопроса объ умственныхъ способностяхъ Бродовскаго, жалобы его на пристрастное производство слѣдствія и домогательство о переслѣдованіи, съ цѣлію доказать свою неумышленность и опровергнуть принесенныя имъ сознанія, не заслуживаютъ никакого уваженія.—Начальникъ нижегородской губерніи, представляя дѣло о Бродовскомъ на разсмотрѣніе правительствующаго сената, съ своимъ по оному мнѣніемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ поступившія къ нему, начальнику губерніи, двѣ докладныя записки, одну—отъ Бродовскаго, съ приложеніями къ оной, а другую отъ служившаго у Бродовскаго крестьянина Молотова.

Принимая во вниманіе, что при разсмотрѣніи въ медицинскомъ совѣтѣ въ 1858 году дѣла о Бродовскомъ, не были въ виду ни

объясненія какъ его, такъ и находившагося у него въ услуженіи крестьянина Молотова, перваго—о его невинности, а послѣдняго — о ненормальномъ состояніи разсудка Бродовскаго предъ совершеніемъ преступленія, ни представленныя Бродовскимъ начальнику губерніи, заключающіяся въ приложеніяхъ, свидѣтельства врачей о припадкахъ умопомѣшательства, случавшихся съ Бродовскимъ въ тюремномъ замкѣ, правительствующій сенатъ призналъ необходимымъ, въ видахъ доставленія подсудимому средствъ къ оправданію, имѣть по дѣлу сему мнѣніе медицинскаго совѣта, въ послѣдствіе новыхъ, заключающихся въ дѣлѣ данныхъ, для чего и препроводилъ дѣло о Бродовскомъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ.

Въ докладной запискѣ на имя начальника губерніи, отъ 31 декабря 1861 года, Бродовскій просилъ: дополнить произведенное объ немъ дѣло подробнымъ изслѣдованіемъ о состояніи умственныхъ способностей его во время совершенія имъ преступленія, обращая вниманіе на слѣдующіе факты, подтверждающіе, по мнѣнію его, разстройство умственныхъ его способностей: а) что за день до преступленія онъ безсознательно блуждалъ по двору семеновской питейной конторы; б) что въ самый день преступленія имъ изорвано было 12 слѣдственныхъ дѣлъ, не представлявшихъ для него ни малѣйшаго интереса; в) что бритвою онъ исполосовалъ всю свою грудь; г) что полиціею и понятыми онъ признанъ былъ, вслѣдъ за преступленіемъ, въ состояніи умопомѣшательства, потому отправленъ на излеченіе въ тюремную больницу; д) что въ больницѣ надѣвали на него укротительную рубашку, и е) что по четыремъ, приложеннымъ къ докладной запискѣ, медицинскимъ освидѣтельствованіямъ пользовавшихъ его въ тюремной больницѣ медиковъ, въ немъ найдено было расположеніе къ ипохондріи и меланхоліи, ожесточавшихся до бѣшенства.

Въ докладной же запискѣ къ начальнику губерніи, отъ 4 апрѣля 1862 года, бывшій въ услуженіи у Бродовскаго крестьянинъ Молотовъ, между прочимъ, въ дополненіе къ отобраннымъ отъ него допросамъ объясняетъ, что при отъѣздѣ Бродовскаго въ Нижній Новгородъ, жена Бродовскаго, замѣтя сильное разстройство въ мужѣ, сказала ему, Молотову: «наблюдай, пожалуста, за Михаиломъ Игнатьевичемъ, онъ сильно задумчивъ и раз-

строенъ мыслями,—я боюсь за его разсудокъ»; что по пріѣздѣ въ Нижній Новгородъ Бродовскій провелъ цѣлую ночь одинъ, не спавши, въ запертой комнатѣ, и когда онъ, Молотовъ, противъ его желанія, былъ впущенъ въ комнату, то замѣтилъ въ лицѣ Бродовскаго что-то необыкновенное; что, по возвращеніи изъ Нижняго, еще прежде зарѣзанія Бродовскимъ жены, онъ написалъ какое-то объясненіе и далъ оное Молотову переписать набѣло, но требуемаго Бродовскимъ онъ исполнить не могъ потому, что объясненіе написано было слишкомъ аллегорически, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окончательно терялся здравый смыслъ, чего прежде не случалось съ нимъ; что въ ночь, на благовѣщенье, Бродовскій бродилъ безсознательно по двору управляющаго питейнымъ откупомъ и былъ приведенъ въ сознаніе и отведенъ въ квартиру сторожемъ двора, послѣ чего жена Бродовскаго желала пригласить доктора къ мужу; что въ самый праздникъ благовѣщенья, удаляясь съ женой въ переднюю комнату, Бродовскій цѣлый день просидѣлъ тамъ за печкою, то крѣпко задумавшись, то проливая слезы; что на другой день благовѣщенья, когда на крикъ дочери Бродовскаго вбѣжалъ онъ, Молотовъ, въ комнаты, то увидѣлъ, что Бродовскій, съ дикимъ выраженіемъ въ глазахъ, держалъ порѣзанную и облитую кровью маленькую дочь свою, прижавъ ее къ полу руками, и кричалъ неистовымъ голосомъ; когда же собрался народъ и Бродовскаго держали за руки полицейскіе солдаты, то онъ позвалъ къ себѣ его, Молотова, и, глядя безсмысленными, блуждающими глазами, сказалъ: «какъ ты смѣлъ явиться ко мнѣ не въ формѣ; иль ты забылъ, что я генералъ, а ты мой адъютантъ. Я служилъ, бывало, вотъ какъ: разъ, два, три»! стукая между тѣмъ въ тактъ въ стѣну кровати; что на другой день убійства, когда онъ вошелъ въ камеру тюремнаго замка, то нашелъ Бродовскаго въ оной валявшимся на полу съ связанными руками и безсмысленными взглядами. Дѣйствительность всего изложеннаго Молотовъ изъявлялъ готовность подтвердить присягою и просилъ объ изслѣдованіи изложенныхъ имъ фактовъ.

По соображеніи этихъ докладныхъ записокъ съ фактами, заключающимися въ семъ дѣлѣ, и съ показаніями свидѣтелей и спрошенныхъ по преступленію Бродовскаго лицъ, медицинскій

совѣтъ нашелъ, что въ числѣ данныхъ, выставляемыхъ въ записках Бродовскаго и Молотова и имѣющихъ цѣлію доказать ненормальное состояніе умственныхъ способностей Бродовскаго, до и послѣ преступленія, — нѣкоторыя уже были въ виду при первоначальномъ обсужденіи дѣла Бродовскаго, другія же оказываются неточными, неполными и бездоказательными.

Что въ самый день преступленія изорвано Бродовскимъ 12 слѣдственныхъ дѣлъ, то было обнаружено немедленно послѣ его преступленія прибывшими въ квартиру его уѣзднымъ судьею и стряпчимъ, при 7 стороннихъ свидѣтеляхъ изъ чиновниковъ города. Въ актѣ, составленномъ ими 26 марта, означено, что *по входѣ въ кабинетъ* Бродовскаго, *изъ числа бывшихъ въ немъ дѣлъ и бумагъ, оказалось 10 дѣлъ и 2 наряда перерванными пополамъ*. Да и самъ Бродовскій изложилъ объ этомъ обстоятельствѣ 8 мая въ отвѣтахъ слѣдователямъ на вопросные пункты по убійству жены. Такъ какъ эти дѣла, по показаніямъ Бродовскаго, въ дѣлѣ заключающимся, были о раскольникахъ, и дѣло съ раскольниками было поводомъ къ слѣдствію надъ нимъ, то естественно, что они могли привлечь на себя его злобу.

Что за день до преступленія, въ ночь на благовѣщенье, какъ пишетъ Молотовъ, Бродовскій безсознательно блуждалъ по двору семеновской питейной конторы и былъ приведенъ въ сознаніе и отведенъ въ квартиру сторожемъ двора, — Бродовскій также объяснилъ въ отвѣтахъ своихъ на вопросные пункты слѣдователей 8 мая 1856 года. Но обстоятельство это отнюдь не можетъ быть принято за признакъ отсутствія умственныхъ способностей его и не доказываетъ ничего болѣе, какъ только то, что, погруженный въ думы о ходѣ и исходѣ своего дѣла, на дорогѣ домой не обращалъ онъ вниманія на окружающіе предметы. Въ этотъ день, т. е. 24 марта утромъ, Бродовскій былъ еще въ Нижнемъ; по возвращеніи оттуда, какъ говоритъ Молотовъ же въ показаніи своемъ 26 марта, «*замѣтно было, что Бродовскій сталъ какъ-то печаленъ и болѣе задумчивъ*»; слѣдствіе постоянно его занимало и онъ неоднократно говорилъ: «*нѣтъ! ужь по этому дѣлу его погубятъ и ему не оправдаться*». На слѣдующій день, въ самое благовѣщенье, какъ видно изъ дѣла, онъ еще занимался дѣлами и принималъ у себя непре-

мѣннаго засѣдателя и хозяина дома, которые въ состояніи умственныхъ способностей его не замѣтили никакихъ перемѣнъ.

Что въ самый праздникъ благовѣщенья, удалясь съ женой въ переднюю комнату, Бродовскій цѣлый день просидѣлъ тамъ за печкой, то крѣпко задумавшись, то проливая слезы — опровергается подробностями этого дня, заключающимися въ дѣлѣ. Да еслибъ это и было такъ, какъ приводитъ Молотовъ, то не могло бы служить доказательствомъ разстройства умственныхъ способностей Бродовскаго.

Что при отъѣздѣ Бродовскаго въ Нижній Новгородъ жена его, замѣтя въ немъ сильное разстройство, просила Молотова наблюдать за нимъ, такъ какъ онъ сильно разстроенъ, и она боялась за его разсудокъ; что по пріѣздѣ въ Нижній, Бродовскій провелъ цѣлую ночь одинъ, не спавши, въ запертой комнатѣ, и что въ лицѣ его было что-то необыкновенное — достаточно объясняется грустнымъ настроеніемъ мыслей его отъ предстоявшаго слѣдствія и суда за совершенный на службѣ проступокъ. Вслѣдъ за убійствомъ жены, Бродовскій самъ сознался, при уѣздномъ судьѣ и стряпчемъ, какъ подтвердили присягою 3 рядовыхъ полицейской команды, что именно въ эту бытность свою въ Нижнемъ онъ хотѣлъ наложить даже на себя руки.

Что по возвращеніи изъ Нижняго Бродовскій написалъ какое-то объясненіе и далъ оное Молотову переписать на бѣло, но что оно было написано слишкомъ аллегорически и мѣстами не имѣло здраваго смысла, — никакими фактами не подтверждается, какъ равно и то, что Бродовскій, вслѣдъ за убійствомъ говорилъ Молотову приводимыя имъ безсмысленныя слова, стукая при этомъ въ тактъ въ стѣнку кровати. Полицейскіе солдаты, державшіе, какъ Молотовъ говоритъ, въ это самое время Бродовскаго за руки, въ показаніяхъ своихъ подъ присягою не только ничего объ этомъ не упоминаютъ, но даже приводятъ факты, положительно доказывающіе, что Бродовскій былъ въ это время въ полномъ сознаніи.

Что Бродовскій бритвою исполосовалъ всю свою грудь, — опровергается судебно-медицинскимъ осмотромъ его, который произведенъ 28 марта, чрезъ 2 сутокъ послѣ преступленія, членомъ нижегородской врачебной управы, въ присутствіи слѣдователей. Изъ этого акта видно, что на груди Бродовскаго на

обѣихъ сторонахъ, около титекъ, были только царапины, нанесенныя въ продольномъ и поперечномъ направленіи остріемъ бритвы.

Что полиціею и понятыми онъ признанъ былъ вслѣдъ за преступленіемъ въ состояніи умопомѣшательства, потому отправленъ на излеченіе въ тюремную больницу, и что тамъ надѣвали на него укротительную рубашку; въ показаніи уѣзднаго судьи и стряпчаго, составленномъ немедленно по совершеніи Бродовскимъ убійства, дѣйствительно было сказано, что онъ *какъ при самомъ свидѣтельствованіи оказывалъ себя въ разстройствѣ умственныхъ способностей, такъ и послѣ онаго нисколько почти въ здравый разсудокъ еще не пришелъ и притомъ говоритъ довольно странныя, не относящіяся до дѣла, слова.* Но таковое мнѣніе людей, не имѣющихъ спеціальныхъ свѣдѣній и притомъ составленное о человѣкѣ—въ первыя минуты по совершеніи имъ страшнаго преступленія, не можетъ и не должно имѣть никакого юридическаго значенія тѣмъ болѣе, что оно рѣшительно опровергается фактами, какъ ниже изложено. Отправили же они его въ больницу тюремнаго замка подъ строгій надзоръ и на томъ основаніи, какъ и въ актѣ ихъ изложено, что въ квартирѣ Бродовскаго не было надежнаго караула. Надзоръ этотъ, какъ видно изъ дѣла, имѣлъ преимущественно въ виду предупредить вторичное посягательство Бродовскаго на собственную жизнь, для чего въ камерѣ его постоянно находились 2, а ночью 3 часовыхъ; запрещено было близко допускать его къ печкѣ и стѣнамъ, выбраны были изъ камеры всѣ металлическія вещи, а на ночь, дабы не сдѣлалъ онъ себѣ вреда, надѣвалась на него рубашка съ длинными рукавами, которые на спинѣ завязывались.

Отдѣльно вырванные изъ общей картины моральнаго и психическаго состоянія подсудимаго и притомъ увеличенные, искаженные или произвольно объясняемые факты не могутъ служить основаніемъ для правильнаго опредѣленія вмѣняемости преступленія. Оно слагается изъ общности душевныхъ проявленій подсудимаго въ теченіе извѣстнаго срока времени, какъ преступленію предшествовавшаго, такъ и слѣдующаго за нимъ.

Медицинскій совѣтъ пришелъ къ слѣдующему окончательному заключенію: въ началѣ ноября 1855 года, Бродовскій съ соучаст-

никами совершаетъ беззаконное дѣйствіе при обыскѣ по расколу въ домѣ крестьянки Завязиной;—чрезъ мѣсяцъ обнаруживается оно въ прошеніи, поданномъ братомъ Завязиной въ губернское правленіе. Бродовскій настойчиво старается прекратить дѣло то угрозами, то убѣжденіемъ, и въ этихъ же видахъ 24 января 1856 года возвращаетъ часть изъ взятыхъ при обыскѣ денегъ чрезъ бурмистра вотчины, къ которой принадлежитъ Завязина. Бурмистръ представляетъ эти деньги для выдачи по принадлежности въ губернское правленіе съ изложеніемъ дѣла. Къ обвиненію Бродовскаго присоединяется улика. Между-тѣмъ начальникъ губерніи, на милость котораго Бродовскій расчитывалъ, уѣзжаетъ изъ Нижняго, и заступившій его мѣсто назначаетъ 11 февраля по дѣйствіямъ Бродовскаго слѣдствіе,—которое начинается только 8 марта. 16 марта управляющій губерніею даетъ предписаніе объ устраненіи Бродовскаго отъ исправленія должности на время производства слѣдствія; но указъ о томъ до Бродовскаго еще не доходитъ. Между тѣмъ слѣдователи отбираютъ на мѣстѣ отъ крестьянъ показанія и 22 марта пріѣзжаютъ въ Семеновъ для отобранія показаній отъ Бродовскаго.

Бродовскій въ теченіе всего этого времени нетерпѣливо ожидаетъ возвращенія начальника губерніи, дѣятельно сносится, съ соблюденіемъ возможной осторожности, съ соучастниками своими и исполняетъ текущія тяжебныя обязанности; съ 29 февраля онъ перестаетъ заниматься ими по болѣзни. Но въ самый день прибытія слѣдователей въ Семеновъ 22 марта, Бродовскій даетъ земскому суду предложеніе о своемъ выздоровленіи и вступленіи въ должность, принимаетъ дѣла и распускаетъ слухъ, что отправляется по дѣламъ службы въ уѣздъ. Въ дѣлѣ находится рапортъ въ губернское правленіе, написанный Бродовскимъ въ этотъ самый день, въ объясненіе по дѣлу объ увозѣ у крестьянки Завязиной заложеннаго ей кольца; въ рапортѣ этомъ съ самоувѣренностью, граничащею съ нахальствомъ, Бродовскій, чтобы отстранить отъ себя подозрѣніе въ увозѣ кольца, выражаетъ сомнѣніе въ возможности того, чтобы въ крестьянскомъ быту могли быть кольца, которыя можно закладывать.

Немедленно по прибытіи въ Семеновъ, слѣдователь является къ Бродовскому, чтобы предъявить ему предписаніе управляющаго губерніею о производствѣ надъ нимъ слѣдствія, но за-

стаетъ у подъѣзда лошадей и Бродовскаго садящимся въ экипажъ. Объяснивъ причину своего пріѣзда, слѣдователь предъявляетъ предписаніе, но Бродовскій предписанія читать не хочетъ, возражая, что слѣдователь не имѣетъ права на такое предъявленіе, что онъ долженъ написать пригласительную бумагу, безъ полученія которой ему, Бродовскому, остаться нельзя, какъ отправляющемуся по дѣламъ службы въ уѣздъ. На предложеніе слѣдователя написать такую бумагу тотчасъ же на квартирѣ Бродовскаго, онъ объявляетъ, что бумагу должно было прислать впередъ, что таковыя увѣдомленія у него писать не слѣдуетъ и, рѣшительно отказавшись остаться, немедленно уѣзжаетъ. Въ это время начальникъ губерніи уже возвратился, и Бродовскій ѣдетъ не въ уѣздъ, какъ объявилъ, а къ нему. До сихъ поръ всѣ дѣйствія Бродовскаго носятъ на себѣ характеръ если не увѣренности, то по крайней мѣрѣ надежды, что онъ избавится отъ слѣдствія.

Пріѣхавъ въ Нижній въ тотъ же день, т. е. 22 марта вечеромъ, онъ является къ начальнику губерніи съ просьбою о снисхожденіи къ положенію его, но получаетъ отказъ, а затѣмъ совѣщается съ однимъ изъ соучастниковъ своихъ, котораго для этой цѣли и пригласилъ въ Нижній. Надежда оставляетъ Бродовскаго, и начинаетъ онъ предаваться отчаянію. Въ раздумьи проводитъ онъ всю эту ночь. На другой день еще усиливается онъ убѣдить начальника губерніи къ снисхожденію письмомъ; послѣ этой мѣры ничего ему не остается, какъ возвратиться обратно въ Семеновъ; опасаясь обыска, на этомъ пути передаетъ онъ находившіяся у него деньги сопровождавшему его писарю Молотову, съ тою цѣлію, чтобы семейство не осталось безъ денегъ.

24 марта Бродовскій возвратился въ Семеновъ и въ этотъ же день еще посылалъ Молотова къ другому изъ соучастниковъ своихъ для переговоровъ по дѣлу. Изъ дѣла видно, что также въ этотъ или утромъ на другой день, 25 марта, Бродовскій занимался дѣлами по службѣ. Спрошенный подъ присягою непремѣнный засѣдатель Сахаровъ показалъ, что именно 25 марта Бродовскій присылалъ его просить объ отправленіи двухъ конвертовъ чрезъ земскій судъ съ нарочнымъ. Пришедши къ Бродовскому на квартиру, Сахаровъ узналъ отъ него, что въ этихъ

конвертахъ заключаются личныя объясненія начальнику губерніи по двумъ дѣламъ, и что онъ желаетъ очистить ихъ, дабы затѣмъ не требовалось объясненій чрезъ городническое правленіе. Бродовского засталъ онъ сидящимъ съ женою. На вопросъ Сахарова о поѣздкѣ въ Нижній, Бродовскій отвѣчалъ: *особенно хорошаго ничего нѣтъ; распоряженіе объ устраненіи меня отъ должности я получилъ въ Нижнемъ, а начальникъ губерніи сказалъ мнѣ, что распоряженій онъ отмѣнить не можетъ, что это распоряженіе сдѣлано такимъ же начальникомъ, какъ и онъ, въ его отсутствіе; что я долженъ ѣхать и оправдываться и что затѣмъ, что будетъ возможно законнаго сдѣлать — онъ сдѣлаетъ*». Потомъ Бродовскій расспрашивалъ Сахарова, что дѣлали въ его отсутствіе слѣдователи и, получивъ уклончивый отвѣтъ, сказалъ: «*Ахъ, Боже мой! что это дѣлается въ уѣздѣ, я ничего не знаю*», на что жена его успокоивала. Затѣмъ говорили о сдачѣ дѣлъ и о постороннихъ предметахъ. Бродовскій былъ видимо разстроенъ, но особенно большаго огорченія не обнаруживалъ. Утромъ въ этотъ день за утреннимъ чаемъ Бродовскій обратился къ нянькѣ своей дочери съ словами: «*что, Прасковья, тяжело въ мірѣ жить*!» Вечеромъ былъ у него къ чаю хозяинъ дома, но въ обращеніи его не замѣтилъ ничего особеннаго. На ночь, предшествующую преступленію, поставили Бродовскому, по заведенному порядку, полграфина очищеннаго вина.

Ночью, далеко за полночь, видѣли въ его кабинетѣ огонь; сознаніе безвыходнаго положенія не перестаетъ его занимать; порывъ отчаянія наводитъ его на мысль о самоубійствѣ и убійствѣ жены и дочери. Рѣшившись на исполненіе ея, онъ составляетъ записку, имѣющую цѣлію объяснить и какъ бы оправдать его преступное дѣйствіе. Онъ не хочетъ унизить себя, быть въ зависимости отъ слѣдователей, считая ихъ ниже себя, и въ смерти ищетъ спасенія отъ предстоящей гибели и позора; тѣмъ не менѣе сознаетъ вину свою, готовясь на преступленіе, ибо молитъ за него прощеніе у Бога. При этомъ въ этой же запискѣ дѣлаетъ онъ подробное распоряженіе деньгами, какъ остающимися послѣ него въ домѣ, такъ и спрятанными Молотовымъ во время ихъ обратнаго пути изъ Нижняго. Безсильная злоба противъ слѣдователей и лицъ, возбудившихъ и назначившихъ слѣдствіе,

выражается въ записке безплодными ругательствами. Вино, поставлённое на ночь, выпито все, чего прежде не бывало.

Рано утромъ Бродовскій выжидаетъ, чтобы люди его ушли внизъ; запираетъ по выходѣ ихъ всѣ двери и совершаетъ преступленіе, не ожидая пробужденія жены. Крики дочери, которую онъ нѣжно любилъ, удерживаютъ его; остановившись рѣзать ее, онъ складываетъ бритвы и прячетъ ихъ подъ подушку.

Какъ только обнаружилось преступленіе, и комнаты наполнились людьми, а люди возвратились почти чрезъ 1/4 часа послѣ того, какъ одинъ изъ нихъ видѣлъ Бродовскаго чрезъ стеклянную дверь,—то начался рядъ фактовъ, по которымъ можно судить о состояніи умственныхъ способностей немедленно по совершеніи преступленія.

Молотову, когда онъ держалъ его за руки, слѣдовательно почти вслѣдъ за преступленіемъ, ибо потомъ были подлѣ него не собственные люди, а полицейскіе солдаты, Бродовскій сказалъ: *«Вотъ что я надѣлалъ, посмотри, хорошо ли, и все это изъ любви къ семейству своему; убилъ жену, малютку дочь, для того, чтобы онѣ не видѣли моихъ страданій! вотъ и бритвы, которыми зарѣзалъ, и тутъ на полу есть бумага, въ которую онѣ были завернуты, и въ ней то все описано; но себя лишить жизни не успѣлъ, однако я все таки живъ не буду».* Послѣ того прибавилъ: *«да, я все вино выпилъ!»*

Нянька, взявши изъ подъ руки Бродовскаго малютку, оставалась съ нею внизу; онъ желалъ ее позвать, чтобы съ нею проститься и благодарить ее за службу.

Мужу няньки онъ сказалъ: *«тутъ въ бумагѣ все написано; я вамъ за вѣрную службу еще цѣлковый прибавляю!»* И дѣйствительно, имъ слѣдовало жалованья за 2 мѣсяца 10, а въ запискѣ назначалось 11 рублей.

Когда пришли рядовые полицейской команды, за которыми было послано немедленно по совершеніи преступленія, то Бродовскій обратился къ одному изъ нихъ, какъ лично ему извѣстному, и поручилъ ему передать начальнику баталіона, что *зарѣзалъ жену и самъ зарѣзался и что погибаетъ отъ негодяевъ.*

Затѣмъ нѣсколько позднѣе Бродовскій проговорилъ, что *еще въ бытность свою предъ этимъ въ Ижевскомъ онъ хотѣлъ наложить на себя руки, но сожалѣлъ о женѣ своей и дочери,*

а потому и остановился исполнить это, то по пріѣздѣ въ Семеновъ и рѣшился лишить ихъ жизни на тотъ предметъ, чтобы онѣ не видали и не знали его страданій, такъ какъ его хотятъ посадить въ острогъ или отдать въ солдаты».

Наконецъ, когда позднѣе повезли Бродовскаго въ сопровожденіи чиновъ полицейской команды въ острогъ, и кучеръ взялъ было направо, то Бродовскій сказалъ ему: «*развѣ ты не знаешь, что меня нужно въ острогъ?*»

27 марта, на другой день преступленія, слѣдователи нашли Бродовскаго въ полномъ присутствіи разума и памяти и въ сильномъ огорченіи, среди котораго онъ съ крикомъ и плачемъ произносилъ слова: «*что я надѣлалъ*».

28 марта, когда производился медицинскій осмотръ, Бродовскій на всѣ вопросы отвѣчалъ кротко и правильно, въ здравомъ разсудкѣ, съ сознаніемъ и сожалѣніемъ о своемъ преступленіи и со слезами; притомъ просилъ, чтобы доставили ему волосъ жены, сдѣлали бы ей приличныя похороны и отправили бы дочь его, если она будетъ жива и здорова, къ отцу покойной жены, а равно и о томъ, чтобы не оставили его въ исцѣленіи. При этомъ онъ разсказалъ, что во время сдѣланнаго имъ преступленія онъ подвергался безсонницѣ отъ тревожныхъ мыслей по дѣламъ службы и что въ ту ночь, какъ и въ прежнія ночи, онъ выпивалъ, для усыпленія, по три и болѣе рюмки водки, до опьяненія.

Наконецъ 1 и 2 апрѣля, когда слѣдователи убѣждали его приступить къ дачѣ отвѣтовъ на вопросные пункты, Бродовскій говорилъ имъ, что онъ намѣренъ открыть истину во всей подробности, но что на это ему нужно время, сейчасъ же онъ отвѣчать рѣшительно не можетъ. «*Я едѣлалъ преступленіе на службѣ*», сказалъ онъ 2 апрѣля, «*наказанъ самимъ собою еще новымъ, ужаснымъ преступленіемъ, я всего лишился, хочу писать правду, потому что полагаю невозможнымъ раскрыть и доказать слѣдствіемъ справедливость моихъ словъ; долженъ я также привести въ свое оправданіе побочныя обстоятельства, бывшія отчасти причиною моего настоящаго положенія*».

Затѣмъ Бродовскій просилъ слѣдователей, нельзя ли послать прямо на Высочайшее имя, въ запечатанномъ конвертѣ, полное сознаніе во всемъ: «*я не обыкновенный преступникъ*», прибавилъ

онъ, «*въ сознаніи моемъ будетъ вся жизнь моя, моя исповѣдь, и мнѣ непріятно будетъ, что каждый писецъ станетъ читать и можетъ быть издѣваться надъ высказаннымъ мною*».

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ со слѣдователями онъ передалъ имъ, что часто колебался въ религіозныхъ убѣжденіяхъ, что сомнѣнія его еще болѣе усиливались послѣ столкновенія съ дѣлами раскольниковъ и сознаваясь, что Богъ видимо наказалъ его, разсказалъ о томъ, какъ, переѣзжая Волгу, тотчасъ послѣ обыска у Завязиныхъ, едва не утонулъ и былъ вытащенъ изъ воды крестьянами. Наконецъ, передавши нѣкоторыя подробности о дѣлѣ, сказалъ, что былъ запуганъ противъ слѣдователей злонамѣренными людьми; спрашивалъ, не будетъ ли ему по важности преступленія военнаго суда и тѣлеснаго наказанія, и, склонившись на убѣжденіе слѣдователей, далъ собственноручное свѣдѣніе, что онъ *состоитъ виновнымъ въ взводимыхъ на него проступкахъ и намѣренъ изложить всю истину въ отвѣтахъ своихъ.*

Этимъ ограничиваются занесенныя въ дѣло дѣйствія и психическія обнаруженія Бродовскаго до преступленія и въ теченіи 8 дней по совершеніи его. Разсмотрѣвши ихъ въ общности и связи, медицинскій совѣтъ убѣдился ими, какъ и въ 1858 г., въ томъ: 1) что Бродовскій понималъ и сознавалъ тяжесть преступленія и рѣшился на него обдуманно, съ цѣлію освободиться отъ положенія, которое казалось ему такъ страшнымъ, и котораго, при его пылкомъ, но слабомъ характерѣ, притомъ безъ твердыхъ нравственныхъ началъ, не въ силахъ былъ онъ перенесть; 2) что моральнымъ поводомъ къ преступленію Бродовскаго былъ порывъ отчаянія и безсильной злобы; вліяніе ихъ было тѣмъ сильнѣе, что Бродовскій искалъ успокоенія въ опьяненіи; 3) что нѣтъ никакого повода полагать, чтобы Бродовскій, какъ до совершенія преступленія, такъ и послѣ него, страдалъ какою либо умственною болѣзнію, какъ усиливается доказать онъ, съ 1857 года.

Въ этихъ то видахъ, къ докладной запискѣ на имя начальника губерніи, предлагаемой нынѣ правительствующимъ сенатомъ къ разсмотрѣнію медицинскаго совѣта, прилагаетъ онъ 4 медицинскія свидѣтельства врачей Гартвига и Щербакова, пользовавшихъ его въ тюремномъ замкѣ. Гартвигъ, въ свидѣтельствѣ, выданномъ 3 апрѣля 1861 года, объясняетъ, что такъ какъ

прошло 4 года съ тѣхъ поръ, какъ онъ прекратилъ занятія въ больницѣ тюремнаго замка, то дать свидѣтельство за прошлое время, не можетъ, а помнитъ только, что при посѣщеніи тюремнаго замка онъ нѣсколько разъ заставалъ Бродовскаго въ припадкахъ помѣшательства разсудка (mania), которые происходили всегда въ то время, когда Бродовскій перечитывалъ находившіяся у него въ значительномъ количествѣ письма покойной жены его; воспоминаніе объ дочери и женѣ, погибшей такъ печально, наводили на него уныніе, и затѣмъ слѣдовали припадки помѣшательства.

Семеновскій городовой врачъ Щербаковъ, въ свидѣтельствѣ отъ 9 мая 1859 года, объясняетъ, что Бродовскій съ 1 по 21 января этого года страдалъ различными припадками въ отправленіяхъ спиннаго мозга и въ области умственныхъ способностей, принадлежащими къ меланхоліи, ожесточавшейся до припадковъ бѣшенства. Въ свидѣтельствѣ отъ 12 февраля 1861 г., этотъ же врачъ удостовѣряетъ, что съ 16 января 1859 по 12 января 1861 года, Бродовскій нерѣдко подвергался простудѣ, запорамъ и приливамъ крови къ головѣ, что повторяющіяся боли въ правомъ боку свидѣтельствуютъ о страданіи у Бродовскаго печени, что чрезвычайная воспріимчивость впечатлѣній доказываетъ разстройство чувствительныхъ его способностей, а постоянная его задумчивость, печальное настроеніе духа и другія болѣзненныя явленія въ психической сферѣ доказываютъ, что Бродовскій одержимъ ипохондріей и меланхоліей, способной ожесточаться до бѣшенства, какъ уже и былъ примѣръ такого ожесточенія во время пользованія его врачемъ Полуярославцевымъ.

Наконецъ въ послѣднемъ свидѣтельствѣ отъ 25 сентября 1861 года, тотъ же Щербаковъ объясняетъ, что съ 26 августа по 24 сентября, Бродовскій былъ боленъ перемежающеюся лихорадкою, перешедшею въ желчную горячку, сопровождавшуюся бредомъ, доходившимъ до бѣшенства (mania).

Свидѣтельство Гартвига, за періодъ времени отъ совершенія Бродовскимъ убійства жены до 1859 года, ограничивается разсказомъ на память, изъ котораго можно заключить только то, что раскаяніе и огорченіе Бродовскаго при перечитываніи писемъ убитой имъ жены доходили до изступленія. Такая послѣдователь-

ность мыслей и ощущений несовместимы съ предположеніемъ о существованіи у Бродовскаго какой либо опредѣленной умственной болѣзни. Сверхъ того нельзя не обратить вниманія и на то, что въ двухъ находящихся въ дѣлѣ прежнихъ свидѣтельствахъ, данныхъ въ 1857 году, когда Гартвигъ, по обязанности нижегородскаго городоваго врача, посѣщалъ тюремную больницу, онъ ничего не говоритъ о состояніи умственныхъ способностей Бродовскаго, а только удостовѣряетъ, что Бродовскій дѣйствительно страдаетъ, притомъ весьма часто, головными болями.

Свидѣтельства врача Щербакова, обнимающія періодъ времени слишкомъ отдаленный отъ того, когда Бродовскій совершилъ преступленіе, по содержанію своему не выдерживаютъ врачебной критики, и потому а также и по голословности своей не могутъ быть приняты въ уваженіе. Горячечный бредъ, о которомъ упоминается въ свидѣтельствѣ отъ 25 сентября 1861 года, хотя бы онъ и доходилъ до бѣшенства, не даётъ права признавать больнаго одержимымъ маніею, какъ дѣлаетъ это Щербаковъ. Притомъ же въ дѣлѣ находится собственноручное свидѣтельство Щербакова, данное 28 августа 1859 года; въ свидѣтельствѣ этомъ сказано, что Бродовскій былъ боленъ простою катарральною горячкою.

Въ свидѣтельствахъ отъ 9 мая 1859 и 12 февраля 1851 года приписываются Бродовскому ипохондрія и меланхолія, способная ожесточиться до бѣшенства. Въ подтвержденіе этого врачъ Щербаковъ приводитъ, что и былъ уже примѣръ такого ожесточенія, когда Бродовскаго пользовалъ другой врачъ, но въ чемъ состояло это ожесточеніе, какими признаками и при какихъ условіяхъ оно обнаруживалось, въ свидѣтельствѣ ничего не сказано, хотя, какъ видно изъ самаго свидѣтельства, было это ожесточеніе въ январѣ 1859 года, за нѣсколько дней до того, какъ Бродовскій поступилъ подъ наблюденіе Щербакова.

Въ виду таковыхъ противорѣчій, неудовлетворительности научнаго смысла и недостатка фактовъ, которые бы указывали на дѣйствительное страданіе Бродовскаго какою либо умственною болѣзнію въ опредѣленный срокъ времени, вышеприведенныя 4 свидѣтельства не могутъ быть приняты во вниманіе.

Несомнѣннымъ же опроверженіемъ приписываемаго Бродовскому ненормальнаго состоянія умственныхъ и душевныхъ спо-

собностей въ теченіи всего этого періода времени служать составленныя имъ и поданныя собственноручныя прошенія, показанія и докладныя записки. Всѣ они правильною послѣдовательностію и строгою логичностію изложенія, стройнымъ сопоставленіемъ, разсчитаннымъ выставленіемъ на видъ и мѣткою оцѣнкою фактовъ и малѣйшихъ подробностей дѣла за болѣе или менѣе давнее время—обнаруживаютъ въ Бродовскомъ полное присутствіе соображенія, памяти и всѣхъ умственныхъ способностей и здравую свободу мысли и воли.

Ни въ бумагахъ этихъ, написанныхъ Бродовскимъ въ теченіи ареста, ни въ дѣйствіяхъ его съ тѣхъ поръ, какъ беззаконный поступокъ по службѣ сдѣлалъ его предметомъ наблюденія, вплоть до послѣдняго времени не видно признаковъ того настроенія разума и воли, которымъ отличаются ипохондрія и меланхолія. Вмѣсто свойственнаго этимъ болѣзнямъ впаденія въ моральное и умственное ничтожество, Бродовскій постоянно отстаиваетъ въ себѣ человѣческое достоинство и выставляетъ свои высоконравственныя чувства. Незамѣтно, какъ у меланхоликовъ, чтобы жизнь ему надоѣла, а потому въ предстоящемъ наказаніи видѣлъ бы онъ конецъ моральнымъ страданіямъ, и чтобы надъ нимъ тяготѣло неотразимое вліяніе болѣзненнаго чувства того безусловнаго и безвыходнаго отчаянія, которое парализируетъ волю, ослабляетъ способность сужденія и память и, наполняя мысли меланхоликовъ ложными представленіями, усвоиваетъ имъ особый строй и направленіе. Напротивъ того, всѣ умственныя способности, необнаруживающія ни малѣйшаго ослабленія, неутомимо напрягаетъ Бродовскій, чтобы не только доказать свою невинность и тѣмъ избѣгнуть наказанія, но и выставить безукоризненную правоту своихъ дѣйствій; энергически во все время противодѣйствуетъ онъ ходу слѣдствія и суда, то непосредственно замедляя его, когда сдѣлать это можетъ, то выставляя на обслѣдованіе новыя обстоятельства и подробности, то обзывая слѣдователей и оспоривая каждое дѣйствіе ихъ съ неистощимою изобрѣтательностію ума.

Въ виду вышеизложенныхъ данныхъ, истекающихъ изъ подробнаго разсмотрѣнія какъ дѣла о Бродовскомъ, такъ и предлагаемыхъ правительствующимъ сенатомъ къ обсужденію послѣднихъ объясненій Бродовскаго съ приложеніями и записки

крестьянина Молотова, медицинскій совѣтъ, оставаясь при заключеніи своемъ 15 іюля 1858 года, призналъ, что разстройство мыслей Бродовскаго, предъ совершеніемъ убійства жены и посягательствомъ на жизнь дочери и свою собственную, не составляло умопомѣшательства, не можетъ быть отнесено ни къ какому роду онаго, но обусловливалось порывомъ сильной страсти. А равно и въ отношеніи состоянія умственныхъ способностей Бродовскаго, по совершеніи имъ преступленія до послѣдняго времени,—медицинскій совѣтъ *не* нашелъ въ дѣлѣ данныхъ, по которымъ бы можно было признать Бродовскаго одержимымъ какою либо умственною болѣзнью *).

Убійство мѣщаниномъ Семеномъ Денисовымъ его жены.

(Галлюцинація).

16 марта 1862 г. въ 6 часовъ утра казанскій мѣщанинъ Семенъ Денисовъ, явясь въ полицейскую будку, объявилъ находившимся тамъ рядовымъ, что онъ убилъ свою жену, почему и былъ представленъ въ 4 часть г. Казани, гдѣ подтвердилъ свое показаніе. Того же числа утромъ отставной рядовой Кочетовъ, проживавшій въ домѣ Денисовой, объявилъ квартальному надзирателю, что домохозяйка его, въ комнатахъ ею занимаемыхъ, усмотрѣна убитою.

По произведенному 16 марта полицейскому осмотру оказалось, что Денисова лежала на кровати, въ постелѣ, на лѣвомъ боку; голова ея была на подушкѣ, подъ головой находился бѣлый бумажный платокъ въ крови; руки были протянуты впередъ, пальцы сжаты, тѣло было покрыто ситцевымъ одѣяломъ; по снятіи одѣяла, на Денисовой оказалось ситцевое платье, а подъ нимъ бѣлая бумажная рубашка; выше икръ на голыхъ ногахъ находились подвязки изъ тесьмы; тѣло лежало на двуспальной кровати, на перинѣ, почти въ самой срединѣ, въ положеніи совершенно спокойно-спящей женщины; правая нога была вытянута вдоль постели, лѣвая нѣсколько согнута, правая сторона голо-

*) Мы вполнѣ раздѣляемъ это мнѣніе.

вы и лица покрыты толстымъ слоемъ запекшейся крови; на голов около носа пятна запекшейся крови, на подушкѣ, на которой лежала голова и на другой лежащей позади головы—рядомъ брызги крови; на полу около кровати лежало окровавленное чугунное ядро, въ 2 вершка въ діаметрѣ, вѣсомъ въ $3^1/_4$ фунта; по снятіи одежды съ тѣла, Денисова оказалась беременною; на лѣвомъ бедрѣ, боку и на спинѣ посмертныя багровыя пятна. Въ передней у печки виcѣлъ мѣдный умывальникъ, на которомъ находились кровавыя пятна, а подъ онымъ мѣдный тазъ съ помоями, въ которыхъ замѣтна кровь. Слѣдовъ борьбы и безпорядковъ въ комнатѣ не было.

При слѣдствіи, мѣщанинъ Семенъ Денисовъ (38 лѣтъ) 17 марта 1862 г., показалъ, что онъ женился по любви и прижилъ съ женою 8 человѣкъ дѣтей; прежде занимался торговлей и жилъ хорошо, но почти за годъ до своего преступленія онъ потерпѣлъ убытки, бросилъ торговлю и началъ пить; съ женою онъ сталъ ссориться отчасти отъ того, что самъ пьянствовалъ, а главное отъ того, что съ нею сдѣлалась какая то перемѣна и озлобленіе на него и на сына; жена также начала пить и часто сулила, что она изведетъ его, Семена, и сына, говоря, что они ей постылы, тоже обѣщалась она сдѣлать и съ тѣмъ ребенкомъ, которымъ была беременна, называя его подкустникомъ; таковое изступленіе находило на нее въ видѣ припадковъ, большею частію въ сумерки и часа черезъ два проходило и повторялось иногда и утромъ; онъ уговаривалъ жену не пить, но она не переставала; 14 марта, т. е. за день до преступленія, вечеромъ оба они были пьяны, и жена опять хвалилась извести его, Денисова, и дѣтей; онъ просилъ жену бросить дурныя мысли, кланялся ей въ ноги и цѣловалъ ея пятки; они примирились и ночь на 15 марта спали спокойно; утромъ 15 марта, когда онъ, Денисовъ, собрался по дѣламъ идти изъ дома, жена повторила свои угрозы и напутствовала его проклятіемъ, и онъ пошелъ прямо въ кабакъ, куда также завернулъ и передъ вечеромъ, возвращаясь домой. Придя домой, онъ поссорился съ женою за ея хитрости и желаніе его обмануть,—сходилъ къ квартальному объявить, что жена хочетъ его отравить; отъ квартальнаго опять зашелъ въ кабакъ; по приказанію квартальнаго приходилъ къ нимъ полицейскій унтеръ-офицеръ, которому жена сказала, что онъ, Денисовъ,

дуритъ съ пьяна; унтеръ-офицеръ посовѣтовалъ ему лечь спать и отъ нихъ ушелъ, а жена сказала, что онъ сходитъ съ ума, и бранила его дуракомъ; потомъ они помирились и легли спать; онъ, Денисовъ, къ стѣнѣ, а жена съ краю кровати; сдѣлали супружеское совокупленіе, и онъ уснулъ, но не помнитъ, легла жена въ постель раздѣтою или же она ночью вставала и одѣвалась; предъ зарею онъ, Денисовъ, проснулся и разбудилъ жену, которая проговорила: «проспала! не поспѣла!» и стала душить его подушкою и хватать за горло; вставъ затѣмъ съ постели, она сказала: «вотъ я сейчасъ!» Въ это время онъ, Денисовъ, перелѣзъ черезъ жену и увидѣлъ, что она схватила лежавшее подлѣ кровати чугунное ядро и сказала «ахъ варваръ! разбойникъ!» Въ эту минуту его, Денисова, будто бы что подтолкнуло, и онъ подумалъ: «ну, пусть же я буду лучше отвѣчать, чѣмъ умирать»,— выхватилъ изъ рукъ жены ядро и ударилъ ее по головѣ 4 или 5 разъ; крикнувъ два раза, жена начала хрипѣть. Увидѣвъ, что руки его обагрены кровью, онъ умылся, помолился передъ образомъ, сталъ передъ лежащею и хрипѣвшею женою на колѣни, просилъ у ней прощенія, но отвѣта не было; потомъ побѣжалъ объявить о происшествіи. Сначала онъ хотѣлъ было опять лечь подлѣ жены, но подумалъ, что лучше скорѣе объявить, можетъ быть еще спасутъ жену; прежде всего онъ пошелъ въ кабакъ и выпивъ тамъ вина, хотѣлъ идти къ священнику просить его напутствовать жену, но опять пришелъ домой и слышалъ что жена все еще хрипитъ; взявъ изъ дому двѣ ложечки, онъ на нихъ выпилъ въ кабакѣ и тутъ же цѣловальнику признался, что сдѣлалъ преступленіе; цѣловальникъ прогналъ его отъ себя, и онъ пошелъ въ будку, а потомъ въ часть, гдѣ и объявилъ о случившемся. Ядро (которымъ онъ убилъ жену) давно уже находилось у нихъ и употреблялось для бученія бѣлья, но онъ, Денисовъ, не помнитъ, какимъ образомъ оно очутилось у кровати.

Отецъ, мать и сестры Денисовой, а равно постоялецъ ея, Карпъ Сергѣевъ, показали, что Денисовъ прежде былъ поведенія хорошаго, жилъ хорошо и занимался торговлею; но впослѣдствіи пристрастился къ вину, такъ что въ послѣднее время былъ всегда пьянъ.

Приставъ 4 части города Казани сообщилъ слѣдователю, что

Денисовъ въ 12 часовъ утра 15 марта, наканунѣ дня преступленія, являлся въ часть въ пьяномъ видѣ.

Квартальный надзиратель той же части съ своей стороны увѣдомилъ слѣдователя, что Денисовъ, за нѣсколько часовъ до совершенія преступленія, приходилъ къ нему въ пьяномъ видѣ и говорилъ, что жена хочетъ налить ему въ графинъ какого-то зелья; отъ опьяненія Денисовъ такъ говорилъ, что невозможно было его понимать. Отзывъ квартальнаго надзирателя подтвердилъ рядовой полицейской команды, который по приказанію надзирателя, ходилъ почти вслѣдъ за Денисовымъ въ его домъ.

На повальномъ обыскѣ обыскные люди (въ числѣ 11 человѣкъ) отозвались, что хотя Денисовъ и пилъ вино, но это не производило ничего такого, что могло бы приносить ему безчестье, и что ни въ какихъ предосудительныхъ поступкахъ они Денисова не замѣчали и потому поведенія его опорочить не могутъ.

18 марта 1862 года, слѣдователь по дѣлу о совершенномъ Денисовымъ преступленіи обратился въ казанскую врачебную управу съ просьбою освидѣтельствовать Денисова для заключенія: не имѣло ли постоянное пьянство вліянія на состояніе умственныхъ способностей и характера Денисова? Вслѣдствіе сего Денисовъ былъ освидѣтельствованъ 18 марта въ присутствіи казанской врачебной управы, причемъ оказалось, что онъ имѣетъ около 38 лѣтъ, блондинъ, роста средняго, тѣлосложенія крѣпкаго, широкоплечъ, темперамента сангвиническаго, лице красное, одутловатое, шея короткая, толстая, глаза налитые кровью,— блестящіе, въ слезахъ; изо рта слышенъ сильный запахъ, какъ бываетъ съ перепоя; руки потныя, холодныя; пульсъ полный, частый; губы сухія, растрескавшіяся; языкъ бѣлый, сухой; на вискахъ слышно біеніе артерій, лобъ горячій, физіономія печальная, выражаетъ глубокое душевное страданіе; голосъ хриплый, прерывистый рыданіями отъ плача, изъ глазъ льютъ ручьемъ слезы. Денисовъ чистосердечно сознается, что онъ пьяница, и въ пьяномъ видѣ убилъ жену свою, которую любилъ и о которой оченъ сожалѣетъ. При вопросѣ: за что и какъ онъ убилъ жену свою? Денисовъ подробно и послѣдовательно разсказалъ, какъ о самомъ актѣ преступленія, такъ и о тѣхъ мѣрахъ, которыя предпринималъ онъ послѣ преступленія; разсказъ его былъ совершенно сходенъ съ показаніемъ, даннымъ при формальномъ

допросъ; Денисовъ началъ свой разсказъ голосомъ тихимъ, медленно и какъ бы неохотно произнося слова; но чѣмъ болѣе онъ говорилъ, тѣмъ громче и оживленнѣе становился его голосъ; въ немъ постепенно обнаруживалась энергія, его оживленной рѣчи соотвѣтствовали взглядъ и тѣлодвиженія; наружный видъ его выражалъ довольство, когда онъ говорилъ о своемъ прежнемъ счастіи, скорбь и ужасъ выражались на лицѣ его, и слышны были рыданія когда онъ описывалъ свои ссоры съ женою, моменты преступленія и послѣднюю минуту жизни жены; наконецъ Денисовъ какъ бы утомился: голосъ его опять сталъ тихъ и когда онъ замолкъ, то въ лицѣ его, покрытомъ морщинами, пòтомъ и слезами, рельефно отражалось глубокое душевное страданіе. Кромѣ того, при освидѣтельствованіи Денисова, замѣчено въ немъ изъ его разговора и манеръ живость характера, впечатлительность и недостатокъ образованія. Члены врачебной управы, имѣя въ виду важность и необыкновенность учиненнаго Денисовымъ преступленія и признаки ненормальнаго душевнаго состоянія, обнаруженные при освидѣтельствованіи, признали нужнымъ подвергнуть Денисова врачебному наблюденію въ тюремной больницѣ.

Врачъ тюремной больницы, наблюдавшій за Денисовымъ, донесъ врачебной управѣ, что хотя во время пребыванія въ больницѣ у Денисова не было замѣчено поступковъ, указывающихъ на разстройство умственныхъ способностей, но онъ постоянно находился въ грустномъ настроеніи духа, обнаруживавшемся выраженіемъ лица, уклончивостью отъ разговора и отъ сношеній съ окружающими людьми; онъ постоянно сидѣлъ или лежалъ задумавшись, при воспоминаніи о женѣ плакалъ, часто по ночамъ вставалъ и молился; жаловался на безсонницу, шумъ въ головѣ, какія то непріятныя видѣнія,—что по утрамъ объективно подтверждалось блѣдностію его лица, видимою усталостію, краснотою глазъ и ускореннымъ полнымъ пульсомъ. Послѣ умѣренныхъ общихъ кровопусканій эти припадки ослабѣвали.

Казанскій городовой врачъ Дибергъ донесъ врачебной управѣ, что при осмотрѣ въ день преступленія Денисовъ имѣлъ обрюзглое красное лице, былъ не совсѣмъ трезвъ, но говорилъ довольно внятно и разсказалъ подробно всѣ обстоятельства, сопровождавшія убійство; въ разсказѣ его хотя и не было хронологи-

ческой послѣдовательности, но и не замѣтно было никакихъ признаковъ помѣшательства ума, а напротивъ видно было, что онъ говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, хотя и казался сильно встревоженнымъ. Во время длиннаго разсказа съ лица Денисова ручьемъ лился потъ; все слушатели не могли не замѣтить его сильнаго душевнаго волненія, но при всемъ томъ разсказъ этотъ производилъ на слушателей впечатлѣніе о его правдивости.

Имѣя въ виду результаты освидѣтельствованія Денисова 19 марта (въ присутствіи управы), а равно отзывы городоваго врача, врача тюремной больницы и обстоятельства совершеннаго Денисовымъ преступленія, казанская врачебная управа пришла къ слѣдующимъ выводамъ:

1) мѣщанинъ Семенъ Денисовъ человѣкъ отъ природы не глупый, добрый и благонамѣренный, хорошаго поведенія, сначада занимался торговлею, – по любви и по обоюдному согласію женился,—мирно жилъ съ женою,—удачныя предпріятія гармонировали его счастью; но вдругъ торговля ему измѣняетъ: онъ претерпѣваетъ убытки, вмѣсто бывшаго довольства является нужда, онъ привыкаетъ къ вину, характеръ его измѣняется, онъ начинаетъ часто ссориться съ женою, которая также начинаетъ пить и обнаруживаетъ ненависть къ мужу и дѣтямъ; наконецъ Денисовъ дѣлается горькимъ пьяницею, такъ-что почти никогда не бываетъ трезвъ, но между тѣмъ эта страсть не опошляваетъ его въ глазахъ людей знающихъ его, которые сожалѣютъ объ немъ и говорятъ, что онъ при пьянствѣ ничего не дѣлалъ такого, что-бы могло его безчестить, и потому они не могутъ опорочить его поведенія. 2) За нѣсколько дней до преступленія Денисовъ пьянствовалъ и въ самый день преступленія, даже за нѣсколько часовъ до него, былъ до такой степени пьянъ, что невозможно было понять, что онъ тогда говорилъ. 3) Описаніе наружнаго осмотра трупа жены Денисова и мѣсто нахожденія кровяныхъ пятенъ удостовѣряютъ, что она убита сонная, и что съ ея стороны не было никакого сопротивленія, что противорѣчитъ показаніямъ Денисова. 4) Во всемъ дѣлѣ нѣтъ обстоятельствъ, которыя бы могли быть приняты за побудительныя причины рѣшимости Денисова на столь важное преступленіе. 5) Моменты самаго преступленія и первые послѣ онаго поступки Денисова не соотвѣтствуютъ обдуманному преднамѣренію, и проявленіе

дѣйствій Денисова (въ самомъ актѣ преступленія) не объясняется никакими внѣшними побужденіями. 6) Природное тѣлосложеніе и темпераментъ Денисова располагаютъ къ приливамъ крови къ мозгу, а неумѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ неизбѣжно было производящею причиною этого состоянія. 7) Освидѣтельствованіе Денисова 19 марта 1862 года (на третій день преступленія) въ присутствіи врачебной управы, продолжительное врачебное наблюденіе его, и мнѣніе городоваго врача, — даютъ факты, доказывающіе, что онъ страдалъ приливами крови къ головѣ, и что душевныя способности его были въ ненормальномъ состояніи. На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, врачебная управа заключила, что Семенъ Денисовъ, подъ вліяніемъ житейскихъ неудачъ и при недостаткѣ силы воли, обусловливаемомъ отчасти самымъ его темпераментомъ и недостаткомъ образованія, пристрастился къ пьянству и совершилъ убійство своей жены во время обмана и разстройства чувствъ отъ пьянства (hallucinatio).

Казанская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла и признавая, что убійство жены совершено Денисовымъ въ состояніи раздраженія, нашла, что за это преступленіе Денисовъ подлежитъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія, публичному наказанію плетьми 75 ударами и по наложеніи клеймъ ссылкѣ въ каторжную работу на 12 лѣтъ; но принимая въ уваженіе мнѣніе казанской врачебной управы, что Денисовъ совершилъ преступленіе во время обмана и разстройства чувствъ отъ пьянства,—палата опредѣлила: представить настоящее дѣло на основаніи 167 ст. кн. I т. XV св. зак. въ правительствующій сенатъ для смягченія Денисову наказанія.

Медицинскій совѣтъ принялъ во вниманіе, что казанскій мѣщанинъ Семенъ Денисовъ, человѣкъ способный и въ поведеніи всѣми одобренный, внезапно убилъ свою жену во время ея сна, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и побудительныхъ къ этому причинъ, что не стараясь скрыть своего преступленія, онъ самъ объявилъ о немъ, глубоко сожалѣя при этомъ о случившемся, что Денисовъ, имѣющій, согласно свидѣтельству врачей, расположеніе къ приливамъ крови къ мозгу, съ давняго времени предавался злоупотребленію спиртныхъ напитковъ; что за нѣсколько дней до совершенія имъ преступленія и даже за

нѣсколько часовъ до этого, онъ былъ сильно пьянъ; что въ этомъ состояніи Денисовъ обнаружилъ мысль, будто бы жена намѣрена его отравить, о чемъ и приносилъ жалобу въ кварталъ; что, по словамъ Денисова, причиною, побудившею его къ преступленію, было посягательство жены на его собственную жизнь, между тѣмъ какъ очевидно, онъ убилъ ее спящею; и что при осмотрѣ Денисова, вслѣдъ за совершеніемъ имъ преступленія, онъ найденъ былъ въ ненормальномъ состояніи какъ въ тѣлесномъ такъ и въ нравственномъ отношеніи,—посему нельзя не согласиться съ мнѣніемъ казанской врачебной управы, что по всему вѣроятію убійство жены совершено Денисовымъ подъ вліяніемъ галлюцинацій слуха и зрѣнія, зависящихъ отъ злоупотребленія вина. Предположеніе, будто бы разсказъ Денисова о томъ, что жена собиралась ночью душить его, придуманъ имъ нарочно въ оправданіе себя, и что, убивая жену, онъ дѣйствовалъ обдуманно по причинѣ несогласій, возникшихъ между ними съ давняго времени, не можетъ быть подтверждено какими либо фактами. Напротивъ, заключеніе врачебной управы подтверждается слѣдующими обстоятельствами: галлюцинаціи слуха и зрѣнія у привычныхъ пьяницъ принадлежатъ къ явленіямъ весьма обыкновеннымъ; характеръ галлюцинацій Денисова вполнѣ соотвѣтствуетъ характеру идей, занимавшихъ его за нѣсколько часовъ до убійства жены; галлюцинаціи появляются у него во время пробужденія отъ сна, т. е. именно въ то время, когда подобные припадки обыкновенно усиливаются; совершивъ подъ вліяніемъ ихъ убійство, Денисовъ приходитъ нѣсколько въ себя, и тогда являются у него двѣ потребности: спасти убитую жену и напиться; поэтому онъ пьетъ и объявляетъ каждому о случившемся. То обстоятельство, что Денисовъ вспоминаетъ свои галлюцинаціи и описываетъ обстоятельства совершеннаго имъ преступленія—не можетъ служить опроверженіемъ мнѣнія врачебной управы. Изъ дѣла видна нѣкоторая сбивчивость въ показаніяхъ Денисова, ибо воспоминанія его не вполнѣ ясны и описанія фактовъ несовершенно точны; умалишенные описываютъ подобнымъ образомъ свои галлюцинаціи и дѣйствія, совершаемыя подъ ихъ вліяніемъ. Что же касается до названія, которое слѣдуетъ придать тому нравственному состоянію, въ которомъ находился Денисовъ во время совершенія имъ убій-

ства жены, то его какъ относительно болѣзненныхъ причинъ, такъ и вызванныхъ ими припадковъ, иначе назвать нельзя, какъ кратковременнымъ приступомъ помѣшательства. Къ этому присовокупить слѣдуетъ, что у Денисова, подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, легко возобновиться могутъ подобные припадки, и послѣдствія ихъ могутъ быть равно опасны.

О крестьянинѣ Иванѣ Спиридоновѣ, задушившемъ свою жену.

(Припадокъ падучей болѣзни).

31-го мая 1865 г. старшина деревни Апраксинъ-Боръ (новгородскаго уѣзда) донесъ мѣстному становому приставу, что 29-го числа крестьянинъ означенной деревни, Иванъ Спиридоновъ, вмѣстѣ съ женою своей Елизаветою Петровою отправился въ лѣсъ драть кору. На другой день, т. е. въ воскресенье Спиридоновъ явился домой одинъ и вскорѣ опять ушелъ въ лѣсъ съ цѣлію отыскивать свою жену; такъ-какъ и въ этотъ день онъ не возвратился ночевать домой, то въ понедѣльникъ рано поутру къ розысканію ихъ посланъ былъ народъ въ лѣсъ, которому Спиридоновъ попался на встрѣчу и объявилъ, что жену свою нашелъ мертвою въ лѣсу, въ разстояніи 100 саженей отъ дороги, а отъ деревни Апраксинъ-Боръ въ 6-ти верстахъ. Донося о семъ, старшина добавилъ, что Спиродоновъ одержимъ падучею болѣзнію.

По произведенному становымъ приставомъ осмотру трупа Елизаветы Петровой, (какъ видно изъ составленнаго о семъ акта), никакихъ рѣшительно боевыхъ знаковъ насильственной смерти на головѣ, лицѣ, рукахъ и прочихъ частяхъ тѣла не оказалось.

На спросъ пристава *Спиридоновъ* показалъ, что отчего послѣдовала смерть женѣ его, онъ не знаетъ потому, что дралъ кору отдѣльно отъ нея, при наступленіи же вечера пошелъ домой, предполагая, что жена раньше ушла домой; но какъ ея дома не нашелъ, то на другой день, въ воскресенье, рано утромъ, пошелъ искать ее, но сдѣлался боленъ, такъ что весь день пролежалъ въ припадкѣ падучей болѣзни; когда же совершенно

очувствовался, то нашелъ жену лежавшею въ 100 саж. отъ дороги мертвою. Заключивъ, что Елизавета Петрова умерла естественною смертію, приставъ сдѣлалъ распоряженіе о преданіи тѣла ея землѣ.

3 іюля 1865 г., по распоряженію судебнаго слѣдователя, трупъ Елизаветы Петровой былъ вырытъ изъ могилы и освидѣтельствованъ новгородскимъ уѣзднымъ врачемъ Способинымъ, который нашелъ, что лице Петровой было почернѣвшее, какъ бы вздутое, глаза закрыты, зубы сначала, вѣроятно, были стиснуты, такъ какъ кончикъ языка представляется сдавленнымъ зубами съ явнымъ отпечаткомъ зубовъ на кончикѣ его съ обѣихъ сторонъ. Лице, шея, грудь и кисти рукъ, словомъ части непокрытыя одеждой, представляются почернѣвшими отъ гніенія и покрыты, какъ и вообще все тѣло, плѣсенью, по смытіи которой оказываются на тѣлѣ слѣдующіе знаки насилія: на правомъ плечѣ съ наружно-передней стороны пятно въ копѣйку; на нижней трети того же праваго плеча съ наружной передней стороны пятно немного меньше предъидущаго; на лѣвой рукѣ, на нижней трети предплечія, почти отъ самой ручной кисти, на тыльной сторонѣ черное пятно въ $1\frac{1}{2}$ вершка длиною и $\frac{3}{4}$ вершка шириною; на нижней трети лѣваго плеча спереди пятно въ пятіалтынный; на правой ногѣ съ внутренне-передней стороны, около колѣна пятно въ двугривенный. Всѣ эти пятна съ прижизненной реакціей, значительными подтеками крови, особенно пятно на лѣвой рукѣ близь кисти, гдѣ подтекъ крови весьма значительный. На шеѣ, потемнѣвшей отъ разложенія,—на лѣвой сторонѣ, палецъ выше ключицы, двѣ поперечныхъ полосы въ полвершка длиной и въ палецъ шириной, темносиняго цвѣта, но подтековъ крови здѣсь не замѣчается. Полосы же почти параллельны и весьма похожи на производимыя пальцами. Вся шея, осебенно верхняя ея часть, сильно почернѣвшая отъ гніенія. Кромѣ вышеописанныхъ пятенъ съ прижизненной реакціей, на тѣлѣ замѣчается еще много чернаго цвѣта пятенъ, состоящихъ изъ черныхъ полузасохшихъ пузырьковъ, образовавшихся отъ гніенія трупа чрезъ поднятіе кожицы, легко соскабливаемыхъ ножемъ и непредставляющихъ никакой реакціи, очевидно посмертныхъ. Части тѣла, покрытыя платьемъ, хотя покрыты также плѣсенью, но сильной гнилости не представляютъ. На-

ружные половые органы представляются какъ бы немного выпяченными (рукавъ), у задняго прохода калъ. Запахъ отъ трупа отвратительный, но при обливаніи около трупа растворомъ хлорной извести, онъ былъ значительно ослабленъ. По взрѣзѣ кожи на головѣ (волоса отваливались при прикосновеніи), особеннаго налитія кровью подкожныхъ сосудовъ не замѣчается. На лѣвой же сторонѣ головы, около лѣваго уха спереди на високъ, замѣчается подтекъ крови на вершокъ въ діаметрѣ, какъ подъ кожей такъ и въ самомъ височномъ мускулѣ, сверху. По снятіи чашки черепа найдено: твердая мозговая оболочка представляется съ налитыми кровью сосудами. При разрѣзѣ ея мозгъ, отъ разложенія превратившійся въ зелено-красноватую массу, представляется болѣе краснымъ на лѣвой сторонѣ, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ наружному подтеку, отъ бывшаго вѣроятно въ этомъ мѣстѣ кровоизліянія. По вынутіи мозга и тщательномъ вымытіи черепа, замѣчается особенно пропитанная кровью часть твердой мозговой оболочки въ томъ же соотвѣтственномъ наружному подтеку мѣстѣ. По отдѣленіи ея и тщательномъ вымачиваніи въ чистой водѣ, она все таки представлялась явно красноватаго цвѣта, а не свѣтлою, какъ въ другихъ мѣстахъ; точно также и шовъ костяной въ этомъ мѣстѣ къ основанію черепа представляется какъ бы разошедшимся и совершенно *краснымъ* отъ излившейся въ него крови, что особенно замѣтно при сравненіи того же шва съ другой стороны. Изслѣдованіе мозга и мозжечка по причинѣ ихъ разложенія невозможно. Проломовъ и трещинъ костей черепа нѣтъ. По взрѣзѣ покрововъ грудной клѣтки ни подтековъ, ни поврежденій реберъ не замѣчается. Легкія (правое эмфизематозное) снаружи синеватаго цвѣта съ красными пятнами, представляются пятнисто-мраморными. Оба они налиты пѣнистою темнокрасною кровью. Въ околосердечной сумкѣ немного красноватой жидкости; въ правомъ желудочкѣ сердца черная кровь, въ лѣвомъ же ея мало. Печень и селезенка натуральны; желудокъ и кишечный каналъ раздуты газами и представляются красноватыми. Въ желудкѣ незначительное количество мутноватой жидкости, въ тонкихъ кишкахъ полужидкій калъ, въ толстыхъ твердый въ небольшомъ количествѣ. Въ мочевомъ пузырѣ немного мочи, матка не беременна и натуральна, но опущена довольно низко. При вскрытіи ды-

хательнаго горла замѣчается въ немъ кровянистая жидкость съ мелкими, довольно многочисленными пузырьками. Въ историческои части акта врачъ Способинъ между прочимъ помѣстилъ, что по сообщенію судебнаго слѣдователя трупъ Елизаветы Петровой найденъ былъ въ лѣсу, лежащимъ вверхъ лицемъ, платье Петровой, особенно рубаха на груди и рукавахъ, было порвано на клочки и въ грязи, кругомъ земля истоптана и трава помята; на тѣлѣ понятыми было замѣчено одно пятно на нижней трети лѣваго плеча спереди. Принимая во вниманіе: 1) сильное налитіе пѣнистою кровью легкихъ и ихъ пятнисто-мраморный видъ; 2) закушенный языкъ и присутствіе въ дыхательномъ горлѣ кровянистой пѣны; 3) знаки насилія на передней сторонѣ обѣихъ рукъ и сомнительные знаки на шеѣ, а вмѣстѣ бывшее на Елизаветѣ Петровой въ день ея смерти изорванное платье, и вообще страшный безпорядокъ въономъ, и 4) подтекъ крови на лѣвой сторонѣ головы съ изліяніемъ крови въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ полости черепа, врачъ Способинъ заключилъ, что Петрова была задушена сжатіемъ груди и живота, а можетъ быть и шеи и зажатіемъ рта, чего положительно сказать нельзя, за сильною гнилостію этихъ частей, причемъ ей, Петровой, былъ нанесенъ ударъ по лѣвой сторонѣ головы, вѣроятно кулакомъ, такъ-какъ нѣтъ въ томъ мѣстѣ поврежденія наружныхъ покрововъ. О степени вліянія этого удара на скорость достиженія цѣли убійцы, судить нельзя за гнилостію мозга; во время задушенія очевидна была борьба между убійцей и жертвой, что доказываютъ знаки на тѣлѣ умершей; очевидно руки ея были стиснуты и она вырывалась; этимъ только можно объяснить происхожденіе такого знака, какъ на тыльной сторонѣ лѣваго предплечія близь ручной кисти. При освидѣльствованіи Ивана Спиридонова, въ первое время же, легко можно было найти на немъ также знаки борьбы, но во всякомъ случаѣ и въ настоящее время при освидѣтельствованіи его могутъ быть найдены на лицѣ, груди или рукахъ его какіе нибудь слѣды борьбы, какъ-то рубцы, шрамы и т. п.—Вышеизложенное, составленное врачемъ Способинымъ свидѣтельство, утверждено врачебнымъ отдѣленіемъ губернскаго правленія.

При слѣдствіи, отецъ Ивана Спиродонова, *Никифоровъ*, показалъ, что 29 мая сынъ его отправился въ лѣсъ драть лыко по

приглашенію жены; такъ какъ они не воротились домой ночевать, то на другой день, онъ, Никифоровъ, съ нѣсколькими родственниками своими, пошелъ въ лѣсъ отыскивать Ивана и его жену; но когда они были въ лѣсу, то Иванъ приходилъ домой и, переодѣвшись, ушелъ въ лѣсъ и опять не ночевалъ дома; на другой день онъ былъ встрѣченъ народомъ въ лѣсу. Иванъ былъ женатъ на Елизаветѣ 13-ть лѣтъ, жилъ онъ съ нею согласно и никогда ссоры между ними не было; года три послѣ женитьбы онъ былъ совершенно здоровъ, но затѣмъ уже лѣтъ 10-ть страдаетъ припадками; припадки эти случаются съ нимъ чаще въ началѣ мѣсяца и въ концѣ его (когда нарождается новая луна и на ущербѣ ея); припадки эти бываютъ съ нимъ *иногда*, когда онъ стоитъ на ногахъ, а иной разъ и сваливаетъ его съ ногъ и бьетъ, при этомъ у него закатываются глаза подъ лобъ и его сильно бьетъ; иной же разъ онъ остается на ногахъ и его не бьетъ, но онъ почернѣетъ, и если его не поддержать, то онъ упадетъ на землю и заснетъ на часъ, а иногда и болѣе. Послѣ припадка онъ обыкновенно впадаетъ въ безпамятство на часъ, а иногда и болѣе; иной разъ съ нимъ случаются эти припадки разъ пять въ день, и тогда онъ страдаетъ безпамятствомъ уже цѣлый день. Водки Иванъ не пьетъ, и никогда ни въ какихъ дракахъ не участвовалъ; характера онъ кроткаго и во время припадковъ никогда никому вреда не причинялъ. Елизавета была у него второю женою. Съ первою женою онъ жилъ не болѣе года, она удавилась. Отъ Елизаветы Иванъ имѣетъ одну дочь 5-ти лѣтъ; до этой дочери у Елизаветы были дѣти, но послѣ Натальи уже не было, потому что Иванъ страдалъ припадками. Подозрѣнія въ убійствѣ Елизаветы онъ, Никифоровъ, ни на кого изъявить не можетъ, но думаетъ, что съ Иваномъ случился припадокъ, и онъ въ припадкѣ, съ помощію нечистаго духа, какъ нибудь причинилъ смерть Елизаветѣ. До этого случая она была совершенно здорова и никогда ни на какую боль не жаловалась; поведенія она была хорошаго, и по селу работница первая. На всѣ вопросы его объ этомъ несчастіи, Иванъ постоянно давалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: «не помню, что со мною произошло».

Братъ Елизаветы Петровой, *Иванъ Петровъ*, показалъ, что когда онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими крестьянами по ука-

занію Ивана Спиридонова пришелъ къ тѣлу сестры, то увидѣлъ; что она лежала вверхъ лицемъ; надѣтая на ней куртка была изорвана, сарафанъ также, а равно и рубашка, въ особенности рукава, которые были изорваны всѣ. Куртка, сарафанъ и рубашка были изорваны такъ, что руки и грудь были обнажены и видно было тѣло. Лапти Елизаветы были сбиты съ ногъ, такъ что пятка ноги оставалась въ лаптѣ, а ступня была не обута въ лапоть. Трава на мѣстѣ, гдѣ найдена покойница, и около нея на довольно большое пространство, измята и перетоптана. Сестра его жила замужемъ счастливо, никакой ссоры между ними никогда онъ не замѣчалъ; Иванъ Спиридоновъ дѣйствительно страдаетъ припадками, но припадки эти продолжаются недолго, не болѣе часу. Онъ, Иванъ Петровъ, имѣетъ подозрѣніе въ убійствѣ сестры на мужа ея и думаетъ, что побудительной причиной къ тому было слѣдующее обстоятельство: въ пятницу (за день до смерти) сестра его ходила съ мужемъ драть кору и въ этотъ день, какъ проговорилась ему, три раза плакала отъ мужа, но отчего плакала, не сказала. Показаніе Ивана Петрова о томъ, въ какомъ положеніи найдена была Елизавета Петрова въ лѣсу, подтвердили трое другихъ крестьянъ.

Крестьянинъ Иванъ *Семеновъ* показалъ, что отчего приключилась Елизаветѣ Петровой смерть, онъ положительно не знаетъ, но думаетъ, что это грѣхъ мужа ея, что съ нимъ сдѣлался припадокъ; жена хотѣла помочь ему, а онъ ее въ безпамятствѣ или ударилъ, или захватилъ какъ нибудь, отчего и причинилъ ей смерть. Это онъ потому считаетъ вѣроятнымъ, что съ Иваномъ Спиридоновымъ, во время нерѣдкихъ поѣздокъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ нимъ, Семеновымъ, на дорогѣ часто случались припадки, и когда бывало станутъ держать его, то если ему удавалось захватить чью либо руку, то уже никакими клещами не вырвешь. Припадками Спиридоновъ дѣйствительно страдаетъ и давно, но въ послѣднее время они начали дѣлаться чаще; послѣ припадковъ Спиродоновъ страдаетъ безпамятствомъ, но очень недолго. Поведеніе Ивана Спиридонова одобрить нельзя потому, что онъ уже былъ замѣченъ въ воровствѣ товара изъ лавочки волостнаго старшины.—Показаніе Ивана Семенова подтвердили десять крестьянъ деревни Апраксинъ-Боръ.

4-го іюля 1865 г. *Иванъ Спиридоновъ* призванъ былъ судебнымъ слѣдователемъ для допроса, но на всѣ вопросы отвѣчалъ только одно «не помню, что со мною было и показать вамъ ничего не могу». Вслѣдствіе сего слѣдователь, принимая во вниманіе, что еще 3-го іюля онъ пробовалъ снимать показаніе съ Ивана Спиридонова, но Спиридоновъ и тогда давалъ тотъ самый отвѣтъ, а когда вопросы коснулись того, о чемъ онъ не могъ уже сказать, что не упомнитъ, то онъ объявилъ, что ему дурно и вслѣдъ затѣмъ легъ на полъ, но его нисколько не било, а только онъ по временамъ храпѣлъ,—постановилъ: отправить Спиридонова въ больницу.

Вслѣдствіе сего Иванъ Спиридоновъ былъ отправленъ въ больницу новгородскаго тюремнаго замка, куда и поступилъ 7 іюля 1865 года,—24 числа сего мѣсяца Спиридоновъ былъ освидѣтельствованъ завѣдывающимъ сею больницею врачемъ Кулаковскимъ, для удостовѣренія въ томъ: не страдаетъ ли онъ падучею болѣзнію, и нѣтъ ли на немъ какихъ либо знаковъ, то есть язвъ, царапинъ и тому подобнаго, и если есть, то отчего, таковые произошли? При освидѣтельствованіи этомъ, какъ сказано въ актѣ, оказалось: Спиридоновъ тѣлосложенія крѣпкаго, атлетическаго, роста высокаго, сложенъ правильно, голова не предотавляетъ никакихъ измѣненій, выраженіе лица неглупое; ему около 35 лѣтъ. На спросъ о болѣзненномъ состояніи, объявилъ, что онъ одержимъ падучею болѣзнію, что онъ внезапно падаетъ въ обморокъ и не момнитъ ничего, а когда опомнится, то иногда скоро приходитъ въ память, а иногда и нескоро; припадки случаются въ разное время, по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, и что онъ падаетъ въ обморокъ большею частію въ присутствіи людей, которые его держатъ; послѣ припадковъ онъ часто чувствуетъ изломъ костей и болѣе ничего. Засимъ въ актѣ сказано, что въ больницѣ Спиридоновъ находится съ 7-го іюля, но у него ни разу не явились никакіе припадки; аппетитъ у него былъ хорошъ, сонъ не тревоженъ; всѣ естественныя отправленія въ нормальномъ состояніи; при посѣщеніи взглядъ его былъ всегда особенно внимателенъ, отвѣты правильны, сбивчивости никогда не было замѣтно. По осмотру поверхности тѣла его оказалось, что онъ правильно сложенъ, съ передней стороны груди на верхней части грудной кости рубецъ въ пол-

вершка длины въ поперечномъ направленіи; этотъ рубецъ темнокрасный, твердоватый, какъ бы снурокъ, кругомъ его не представляется никакого измѣненія; по объявленію Спиридонова рубецъ этотъ послѣдовалъ отъ довольно большаго креста, который находится у него на груди; знакъ этотъ существуетъ у него около мѣсяца; другой рубецъ кругловатый на правой рукѣ съ наружной стороны, величиною въ полуосьмушки вершка съ признакомъ вдавленія какъ бы ногтемъ руки; онъ красноватъ, кругомъ измѣненія на кожѣ незамѣтно; на правой рукѣ на суставахъ указательнаго и средняго перстовъ, въ соединеніи съ кистью по маленькому рубцу; величиною въ полуосьмушки вершка, эти рубцы круглые и блѣдные; самые суставы нѣсколько краснѣе прочихъ; на правомъ предплечіи съ внутренней стороны недалеко отъ локтя пятно красноватое съ рубцомъ зажившимъ; кругомъ его не примѣтно измѣненія кожи. На колѣнахъ на лѣвомъ, съ передней и внутренней стороны, два рубца довольно большіе, хорошо зажившіе; одинъ имѣетъ тонкую кожу и онъ больше другаго, который имѣетъ потолще кожу; на правомъ колѣнѣ съ передней стороны три малые рубца, хорошо зажившіе, не представляютъ ни красноты, ни другаго измѣненія. На спросъ, какимъ образомъ послѣдовали эти рубцы, Спиридоновъ отвѣтилъ, что «поскрачены», но когда и какъ не помнитъ. Врачъ заключилъ, что Спиридоновъ, находясь въ больницѣ, не обнаружилъ ни разу припадковъ падучей болѣзни, тогда какъ по его увѣренію они должны появляться нѣсколько разъ въ мѣсяцъ; впрочемъ такъ какъ испытаніе происходило только съ 7-го по 24-е іюля, то съ точностію нельзя опредѣлить, одержимъ-ли Спиридоновъ падучею болѣзнію, хотя его наружный видъ и тѣлосложеніе не представляютъ ничего болѣзненнаго. Знаки на груди и на правой рукѣ Спиридонова по своей недавности указываютъ на происхожденіе отъ посторонней силы и въ недавнемъ времени, болѣе двухъ мѣсяцевъ или около того. Прочіе же рубцы суть гораздо давнишняго происхожденія; рубецъ на правой рукѣ съ наружной стороны произошелъ отъ ногтя руки.

24-го іюля, на спросъ слѣдователя, *Спиридоновъ* показалъ, что не упомнитъ котораго мѣсяца и числа около петрова дня, онъ пошелъ въ лѣсъ съ женою драть кору; придя въ лѣсъ, они начали драть кору вмѣстѣ съ женою и драли иногда другъ подлѣ друга,

а иногда расходились не далѣе какъ сажень на 10. Работой этой они занимались немного времени, ибо вмѣстѣ съ женой надрали не болѣе 10-ти связокъ, какъ вдругъ съ нимъ, Спиридоновымъ, сдѣлался припадокъ, но когда послѣдовалъ припадокъ, упалъ-ли онъ на землю или пошелъ по лѣсу не знаетъ,—ибо случается, что онъ въ припадкѣ неваляется по землѣ, а ходитъ. Припадокъ случился часовъ въ 12 дня, что онъ знаетъ по солнцу. Не помнитъ, что съ нимъ было, только когда онъ пришелъ въ разумъ, то было уже утро—который часъ не знаетъ,—но была та пора, когда обѣдни начинаются. Опомнившись, онъ увидѣлъ себя лежащимъ на землѣ и возлѣ него кора и немного поодаль отъ него лежала тоже кора, но сія послѣдняя его-ли работы или жены, не знаетъ, ибо они работали вмѣстѣ. Припомнилъ онъ, что съ нимъ вчера случился припадокъ, а потому и заключилъ, что жена его вѣроятно, ушла домой,—ибо ее возлѣ не видалъ. Вставъ на ноги, онъ чувствовалъ, что въ немъ всѣ кости болятъ, однако онъ пошелъ домой—и едва отошелъ отъ мѣста, гдѣ лежалъ, сажени три, какъ увидѣлъ жену, лежащую на землѣ мертвою, но въ какомъ положеніи она лежала, съ растрепанною-ли головою и было-ли на ней разорвано платье,—рѣшительно не помнитъ, ибо у него памяти вовсе нѣтъ, и притомъ онъ сильно испугался; оставивъ затѣмъ жену въ лѣсу, онъ пошелъ домой. Придя домой, онъ ничего не сказалъ о смерти жены ни отцу, ни матери, а попросилъ кусокъ пирога и ушелъ опять въ лѣсъ. Отецъ, былъ-ли при этомъ дома, не помнитъ, но мать была, дала ему пирогъ и спрашивала, гдѣ онъ ночевалъ; на это онъ отвѣчалъ, что заблудился въ лѣсу въ безпамятствѣ; когда она спросила о женѣ, то онъ отвѣчалъ, что не знаетъ. Бѣлье онъ дома перемѣнилъ потому, что былъ тогда день праздничный, а на немъ было бѣлье грязное и разорванное, обыкновенно такое, какое употребляется на работу. Уйдя въ лѣсъ, не знаетъ почему, онъ пошелъ по лѣсу, и самъ не знаетъ, какъ очутился въ Любани, гдѣ и ночевалъ въ сѣнномъ сараѣ. Любань отстоитъ отъ ихъ деревни верстъ 20-ть. На утро очнувшись и чувствуя себя въ памяти, онъ поспѣшилъ домой и, подходя къ деревнѣ, увидѣлъ, что собирается народъ идти искать его и жену его. Коль скоро народъ его увидѣлъ и спросилъ гдѣ жена, то онъ отвѣчалъ, что жена его успокоившись. На вопросъ, почему узналъ, что жена померла,

онъ отвѣчалъ: «думалъ, что померла потому, что она не приходила домой спать, но кто объ этомъ мнѣ сказалъ, не помню». Впрочемъ, найдя жену, онъ толкнулъ ее ногой и кликнулъ, но она ему ничего не отвѣтила; однимъ словомъ онъ не знаетъ—онъ ли задушилъ жену въ припадкѣ, или она отъ чего либо померла; другихъ же въ этомъ не подозрѣваетъ. Въ припадкѣ его это могло случиться такъ, что жена могла держать его, чтобъ онъ не бился и въ такомъ положеніи она на него валилась или онъ на нее, тутъ и могло случиться, что онъ задушилъ ее, но этого не помнитъ. Причины къ погубленію жены онъ не имѣлъ, ибо они жили въ тѣсной дружбѣ; любовницы у него нѣтъ и не было. По рожденіи дочери Натальи, хотя жена постоянно была здорова, но онъ около шести лѣтъ не имѣлъ съ нею связи изъ боязни, чтобы при его нездоровьѣ не накопить дѣтей, и спалъ отъ жены всегда особо. Отчего случилась съ нимъ болѣзнь, обнаруживающаяся припадками, не знаетъ, но помнитъ, что припадки начались съ нимъ съ 10-ти лѣтняго возраста, потомъ около 17-ти лѣтъ пріутихли, но вскорѣ опять возобновились, чрезъ какое именно время, не припомнитъ. Найденныя при освидѣтельствованіи его царапины отчего произошли, не знаетъ, но полагаетъ, что при работѣ по нечаянности, а царапина на груди—оцарапана крестомъ при почесываніи груди чрезъ рубаху. Оборонялась-ли жена его при задушеніи ея, онъ не помнитъ.

Новгородское врачебное отдѣленіе сообщило мѣстной уголовной палатѣ, что врачъ Кулаковскій, которому 20-го сентября 1865 года предписано было отдѣленіемъ подвергнуть крестьянина Ивана Спиридонова 3-хъ мѣсячному внимательному испытанію при острожской больницѣ, рапортомъ отъ 10-го февраля, донесъ отдѣленію, что во время этого испытанія, съ Спиродоновымъ случались припадки почти всякую недѣлю и то чаще ночью, а иногда и днемъ, и то такъ кратковременно и непостоянно, что врачу случилось ихъ видѣть только два раза. Во время посѣщенія врачемъ больныхъ, Спиридоновъ взглянулъ на него дико, поблѣднѣлъ и замѣтался; служители положили его въ постель; сейчасъ послѣдовали конвульсивныя движенія конечностей, пульсъ ударилъ медленно, расширенія зрачка не было, но глаза были закрыты и вѣки нѣсколько дрожали; укалываніе булавкою

не произвело чувствительности; пароксизмъ продолжался минуты двѣ; сейчасъ Спиридоновъ пришелъ въ себя и разсказывалъ, что ничего не помнитъ о случавшемся; послѣ сего разстройства умственныхъ способностей не было.—Другой разъ въ 11 часовъ дня Спиридоновъ пошелъ на парадную лѣстницу безъ надобности, и на ней случился припадокъ; врачъ нашелъ его лежащимъ съ конвульсивными движеніями конечностей, блѣднымъ и хрипящимъ; служители подняли его; пульсъ его былъ медленъ, что продолжалось съ минуту: когда его служители переводили, то онъ оказывалъ сопротивленіе и одного служителя повалилъ на полъ, и онъ, Спиродоновъ, съ блуждающимъ и дикимъ взглядомъ, въ продолженіи получаса, былъ въ безпамятствѣ; на вопросы былъ совершенно невнимателенъ и блѣденъ; послѣ вдругъ опамятовался и разсказывалъ, что ничего не помнитъ о случившемся. По этимъ двумъ случаямъ врачъ Кулаковскій убѣдился, что Спиридоновъ одержимъ падучею болѣзнею, сопровождающеюся кратковременнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей.

18-го мая 1866 г. Спиридоновъ былъ освидѣтельствованъ во врачебномъ отдѣленіи новгородскаго губернскаго правленія, причемъ оказалось: Спиридонову повидимому около 35 лѣтъ, роста онъ высокаго, тѣлосложенія крѣпкаго, блондуръ, органы наружныхъ чувствъ и отправленія ихъ нормальны, очертаніе головы довольно правильное, исключая мало-развитой затылочной части. Выраженіе блѣднаго лица его и глазъ спокойно внѣ разговора, но оживляется, когда онъ говоритъ, и принимаетъ оттѣнокъ жалости и умиленія во время разсказа о жизни съ покойной его женой и когда разговоръ коснется несчастной ея кончины; тѣлодвиженія его соотвѣтствуетъ смыслу разговора; общее его здоровье, повидимому, ничѣмъ не нарушено. На вопросы, относящіеся какъ къ обыденной жизни, такъ и къ обстоятельству, подвергшему его суду, утверждая, что ничего не помнитъ о случившемся съ женой, онъ отвѣчаетъ вполнѣ сообразно съ здравымъ смысломъ; вообще говоритъ съ послѣдовательностію въ мысляхъ, обнаруживаетъ удовлетворительную память, вѣрное соображеніе и сужденіе и вообще правильныя умственныя отправленія.—Засимъ въ актѣ сказано, что къ разрѣшенію вопросовъ, возникающихъ изъ слѣдственнаго дѣла, разсмотрѣннаго во врачебномъ отдѣленіи, а именно: дѣйствительно-ли Спи-

ридоновъ одержимъ падучею болѣзнію съ слѣдующею за приступами потерею самосознанія, и въ какомъ состояніи умственныхъ способностей совершено имъ задушеніе жены, въ которомъ онъ подозрѣвается,—предлежатъ слѣдующія обстоятельства дѣла: 1-е, врачъ тюремной больницы, наблюдавшій Спиридонова три мѣсяца, лично удостовѣрился два раза въ томъ, что онъ дѣйствительно одержимъ падучей болѣзнію, приступъ которой въ одномъ случаѣ сопровождался послѣдующимъ безсознательнымъ состояніемъ и наклонностію къ убійству; 2-е, какъ показанія родныхъ, такъ и свидѣтелей болѣе или менѣе подтверждаютъ, что Спиридоновъ давно (около 10-ти-лѣтъ) страдаетъ падучей болѣзнію съ безсознательнымъ состояніемъ послѣ приступовъ («безпамятствомъ»); 3-е, показаніе самого Спиридонова съ объясненіемъ, какъ по мнѣнію его могло случиться задушеніе имъ жены, и сопоставленіе этого объясненія съ выраженіемъ перваго свидѣтеля, спрошеннаго при повальномъ обыскѣ относительно силы, съ которой Спиридоновъ держитъ схваченную имъ въ припадкѣ руку другаго,—даютъ правдоподобное объясненіе насильственной смерти его жены; 4-е, объясненія его же, Ивана Спиридонова, и отца его, что падучая болѣзнь перваго была причиной воздержанія отъ супружескихъ сношеній и неимѣнія дѣтей, составляетъ подтвержденіе весьма правдоподобное, естественное и обыкновенное со стороны супруговъ, изъ которыхъ одинъ боленъ этой болѣзнію.—Соображая приведенныя обстоятельства слѣдственнаго дѣла, члены врачебнаго отдѣленія допускаютъ, что Иванъ Спиридоновъ дѣйствительно одержимъ падучей болѣзнію съ безсознательнымъ состояніемъ послѣ нѣкоторыхъ, болѣе сильныхъ, приступовъ, и находятъ, что задушеніе имъ жены во время одного изъ такихъ приступовъ весьма возможно и вѣроятно. Если при освидѣтельствованіи во врачебномъ отдѣленіи, Спиридоновъ и оказался по видимому тѣлесно и умственно здоровымъ, то это объясняется тѣмъ, что по свойству падучей болѣзни во многихъ случаяхъ одержимые ею кажутся вполнѣ здоровыми внѣ приступовъ, и о существованіи ея можно судить только по приступамъ. Всѣ поступки Спиридонова послѣ умерщвленія жены, которые всего болѣе возбудили подозрѣніе въ умыслѣ убійства, не исключаютъ возможности предшествовавшаго имъ припадка падучей болѣзни и могутъ быть

объяснены естественным послѣдствіемъ возвратившагося сознанія.

Новгородская уголовная палата, принимая во вниманіе: 1-е, что Спиридоновъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни, сопровождающимися безсознательнымъ состояніемъ; 2-е, что по заключенію врачебнаго отдѣленія удушеніе жены во время одного изъ такихъ припадковъ весьма возможно и вѣроятно, и 3-е, что предшествовавшая жизнь Спиридонова не представляетъ никакихъ данныхъ, наводящихъ на мысль объ умышленномъ умерщвленіи жены,—опредѣлила: Спиридонова за удушеніе жены своей, Елизаветы Петровой, въ припадкахъ умоизступленія, на основаніи 108 ст. улож. изд. 1857 года, оставить отъ наказанія свободнымъ и отдать на попеченіе родителямъ или родственникамъ, а если они окажутся недостаточно благонадежными, то отдать для леченія и присмотра въ больницу, гдѣ онъ и долженъ быть оставленъ до выздоровленія.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что больные падучею болѣзнію едва-ли могутъ совершить убійство во время конвульсивныхъ припадковъ сей болѣзни, но извѣстно, что вслѣдъ за такими припадками больные нерѣдко подвергаются состоянію безпамятства, и во время такого состоянія могутъ безсознательно совершить убійство.

О фельдшерѣ Иванѣ Турау, нанесшемъ женѣ своей смертельныя раны.

Въ 12 часовъ ночи, съ 13 на 14 декабря 1863 г., полицейской управѣ города Канска (енисейской губерніи) дано было знать о томъ, что фельдшеръ мѣстной больницы Иванъ Турау ранилъ жену свою Пелагею.

По произведенному въ ту же ночь полицейскому осмотру, актъ о которомъ подписанъ также мѣстнымъ городовымъ врачемъ Суровцовымъ, оказалось, что жена Турау, Пелагея, лежала на полу, подлѣ постланной на немъ перины; у Пелагеи оказались три раны на животѣ, двѣ изъ которыхъ проникали въ брюшную полость, и нѣсколько поверхностныхъ порѣзанныхъ ранъ на пальцахъ рукъ. На вопросъ, что съ ней такое, Пелагея отвѣтила, что

ее поранилъ мужъ, за то, что она съ нимъ не согласилась на тѣлесное совокупленіе.— При осмотрѣ, Турау, какъ сказано въ актѣ, расхаживалъ по комнатѣ, повидимому не въ нормальномъ положеніи отъ излишняго употребленія вина, и послѣ словъ жены сказалъ, что ее поранили духи. При подписаніи акта, присутствующіе при осмотрѣ понятые съ своей стороны добавили, что Турау былъ въ то время въ трезвомъ состояніи и твердой памяти. По окончаніи осмотра Иванъ Турау, по распоряженію городничаго, былъ отправленъ въ мѣстную больницу для излеченія отъ помѣшательства, какъ о семъ сказано въ особомъ актѣ.

14 декабря *Пелагея Турау* на спросъ квартальнаго надзирателя показала, что 13 числа мужъ ея съ утра былъ трезвъ; вечеромъ, когда она легла съ нимъ спать, онъ хотѣлъ сдѣлать съ нею плотское оношеніе, но какъ въ домѣ еще не все спали, то она просила его обождать немного, пока все уснутъ, послѣ чего мужъ всталъ съ постели и вышелъ на дворъ; возвратясь обратно въ комнату, онъ принесъ съ собою въ стклянкѣ вина и, выпивъ оное залпомъ, нанесъ ей первую рану въ животъ, ниже пупка, а потомъ вторую, нѣсколько выше, третью же ближе къ лѣвому паху. Когда же она почувствовала боль и закричала, то онъ зажегъ свѣчу и отдалъ ножъ, которымъ поранилъ ее, находившемуся въ той же комнатѣ крестьянину Трофиму Шулеву; прежде нанесенія ей раны мужъ, лежа съ нею на постелѣ, гладилъ ее грудь, причемъ, какъ она думаетъ, осматривалъ мѣсто, куда бы удобнѣе нанести рану.—14 декабря Пелагея Турау *умерла* отъ воспаленія брюшины, послѣдовавшаго за ранами, нанесенными ей въ животъ.

17 декабря 1863 г. *Иванъ Турау* въ присутствіи канской полицейской управы показалъ, что въ 1841 году онъ судился въ городѣ Ригѣ за угрозы убить чиновника Ерасмоса, за что и былъ лишенъ званія аптекарскаго помощника и сосланъ въ Сибирь на поселеніе *). Въ 1856 году онъ поступилъ на службу старшимъ лекарскимъ ученикомъ въ городъ Туруханскъ; въ 1858 г. изъ Туруханска переведенъ на ту же должность въ городъ Канскъ, въ 1861 г. изъ Канска переведенъ въ Ачинскъ, а въ 1862 г. изъ

*) Показаніе Турау о прежней подсудимости его подтверждается имѣющимся въ дѣлѣ статейнымъ спискомъ Турау и отношеніемъ лифляндскаго гофгерихта, отъ 28 января 1865 г.

Ачинска обратно въ Канскъ. Во время этой службы подъ судомъ и слѣдствіемъ онъ не бывалъ. Женатъ былъ 12 лѣтъ на поселенкѣ Пелагеѣ Порфирьевой, дѣтей не имѣетъ. Хотя съ женою онъ часто былъ въ ссорѣ и имѣлъ онъ нея большія прискорбія, но никогда въ помышленіи его не было лишить ее жизни. А этотъ неумышленный случай произошелъ отъ того, что онъ три недѣли употреблялъ много водки, и по вытрезвленіи у него сдѣлался слабый и раздражительный сонъ. Во снѣ онъ видѣлъ необыкновенное животное и разныя необыкновенныя произведенія. 13 декабря онъ легъ спать по обыкновенію съ женою безъ всякой ссоры и разговаривалъ съ нею о супружескихъ обстоятельствахъ; потомъ они начали засыпать. Во время дремоты онъ увидѣлъ, что около жены лежитъ какое то необыкновенное чудовище; пробудившись, онъ пошелъ въ коррядоръ освѣжиться; возвратясь оттуда, онъ легъ спать и опять началъ засыпать, но чудовище снова представилось около жены, и почудилось ему, что оно шепчетъ что то женѣ; онъ толкнулъ его кулакомъ, но оно сдѣлало ему на то гримасу; въ это вермя, схвативъ медицинскій ножъ, лежавшій на столѣ около кровати, онъ ткнулъ имъ чудовище разъ и другой; вдругъ жена закричала, онъ очувствовался, передалъ бывшій въ рукѣ его ножъ лежавшему въ той же комнатѣ крестьянину Шулеву, засвѣтилъ огонь и тогда увидѣлъ жену свою окровавленною; тотчасъ же онъ послалъ за полицiей, и по просьбѣ жены, за священникомъ. Въ дополненіе къ сему показанію, Турау впослѣдствіи (21 декабря) пояснилъ, что ножъ, которымъ онъ ранилъ жену, взятъ былъ имъ мѣсяцевъ пять тому назадъ изъ больницы послѣ сдѣланной имъ операціи; взялъ онъ его для того, чтобы выточить, но все какъ то по своимъ занятіямъ и кутежу забывалъ объ этомъ; оставался же ножъ въ его, Турау, квартирѣ вовсе не для того, чтобы умертвить или ранить имъ жену, и если бы онъ имѣлъ такое намѣреніе, то легко могъ бы исполнить его, не прибѣгая къ такому средству, а къ болѣе утонченному. Относительно этого ножа, Турау на слѣдующемъ допросѣ, пояснилъ, что онъ хранился у него въ шкатулкѣ за замкомъ; вечеромъ же 13 декабря, разсчитывая отнести ножъ поутру на другой день въ больницу, онъ вынулъ его изъ шкатулки и положилъ на столъ въ той комна-

тѣ, гдѣ случилось событіе, для того, чтобы не забыть объ немъ утромъ, при уходѣ въ больницу.

Крестьянинъ *Шулевъ* показалъ, что страдая простудою, онъ 12 декабря 1863 г. обратился къ фельдшеру Турау помочь ему; Турау, приготовивъ какую то припарку, пригласилъ его къ себѣ въ квартиру ночевать, вѣроятно для удобнѣйшаго наблюденія за ходомъ болѣзни, и положилъ его спать въ той же комнатѣ, гдѣ легъ и самъ съ женою; по случаю болѣзни онъ, Шулевъ, долго не могъ уснуть и нечаянно вслушался въ довольно миролюбивый разговоръ Турау съ женою, въ которомъ Турау, между прочимъ, приглашалъ жену на совокупленіе, но она не согласилась, ссоры же между ними не было. Потомъ всѣ заснули; спустя нѣсколько времени онъ, Шулевъ, проснулся отъ крика жены Турау; вскочивъ съ дивана, онъ при лунной ночи разсмотрѣлъ, что Турау молча сидѣлъ около своей жены и держалъ въ правой рукѣ ножъ; когда же онъ, Шулевъ, подошелъ къ Турау и спросилъ, что это онъ дѣлаетъ, то тотъ молча, безъ всякаго сознанія, отдалъ ему находившійся у него въ рукѣ ножъ и зажегъ свѣчку. Турау въ день происшествія былъ трезвъ и пилъ ли водку, онъ, Шулевъ, не видѣлъ, слышалъ лишь, что онъ довольно долгое время пилъ сильно водку.

Незаконнорожденный сынъ Пелагеи Турау, Василій *Малышевъ* отозвался, что Турау и мать его Малышева почти постоянно ссорились между собою, въ трезвомъ и въ пьяномъ видахъ; оба они часто пили водку и напивались до пьяна, но до нынѣшняго происшествія Турау никогда въ ссорѣ не угрожалъ матери убійствомъ. Не упомнитъ, за сколько именно времени до этого происшествія онъ, Малышевъ, былъ въ больницѣ, и здѣсь Турау показывалъ ему ножъ и говорилъ: «что этотъ ножъ онъ выбралъ для его матери», и показывалъ какъ можно и должно наносить имъ удары; послѣ этого Турау болѣе мѣсяца пилъ, отошелъ отъ жены своей, а его, Малышева матери, на другую квартиру, но за пять дней до происшествія согласился снова жить вмѣстѣ, началъ вытрезвляться и былъ очень ласковъ съ женою; ночью 13 декабря проснувшись отъ крика матери, онъ пришелъ въ комнату, гдѣ она спала и когда спросилъ Турау, что онъ сдѣлалъ, то тотъ отвѣтилъ «ничего, Васинька, это къ лучшему: она не мать тебѣ была, а злодѣйка». Помѣшательства ума или раз-

стройства какого онъ въ Турау не замѣчалъ, и въ день происшествія онъ былъ трезвъ.—Впослѣдствіи вышеизложенное показаніе свое Малышевъ дополнилъ тѣмъ, что 13 декабря онъ по просьбѣ Турау купилъ ему 1/50 часть ведра водки *), которую Турау выпилъ передъ ужиномъ **).

Жившій въ одномъ съ Турау домѣ рекрутъ *Борисовъ* показалъ, что наканунѣ происшествія Турау часто жаловался на нездоровье и боль головы и замѣтно было, что онъ съ сильнаго похмѣлья и выпивши.

Хозяйка дома, въ которомъ жилъ Турау, мѣщанка *Шулева*, показала, что за нѣсколько времени до происшествія Турау разошелся съ женою, но дней за пять до происшествія снова сошелся съ нею; во время разлуки съ женою Турау, какъ она Шулева слышала, сильно пилъ водку; въ самый же день происшествія онъ по видимому былъ трезвъ и ссоры у него съ женою не было, а напротивъ они миролюбиво пошучивали между собою, такъ что изъ поведенія этого никакъ нельзя было предполагать подобнаго происшествія.

Священникъ Михаилъ *Коноваловъ* отозвался, что ночью на 14 декабря онъ былъ приглашенъ въ квартиру Турау для напутствованія жены его Пелагеи, причемъ, на данный при всѣхъ находившихся тутъ людяхъ вопросъ о томъ, что побудило мужа на преступленіе, Пелагея отвѣтила, что причиною тому было несогласіе ея на плотское съ мужемъ совокупленіе. Въ Турау особеннаго помѣшательства, кромѣ какого то дикаго испуга, онъ, отецъ Михаилъ, не замѣтилъ; былъ ли Турау пьянъ или съ похмѣлья, сказать не можетъ, только знаетъ, что передъ этимъ происшествіемъ Турау пилъ. О причинѣ, побудившей его на преступленіе, Турау объяснялъ, что ему привидѣлся вмѣсто жены какой то человѣкъ небольшаго роста, который бросился на него и отъ котораго онъ сталъ обороняться и, выхвативши изъ подъ подушки ножъ, ранилъ его нѣсколько разъ, но вмѣсто того человѣка оказалась жена его. Высказавъ это, Турау обратился къ женѣ и сказалъ ей: «исповѣдуйся и пріобщись», а какъ жена его молчала, то онъ второй разъ сказалъ: «что же ты молчишь, если не хотѣла исполнить обязанности къ мужу, то исполни обязанно-

*) Около 4 рюмокъ.

**) Это подтвердилъ и Турау.

сти къ религіи» *); и послѣ сего самъ началъ зажигать свѣчи предъ иконами.

На повальномъ обыскѣ жители города Канска (12 человѣкъ) показали, что Турау поведенія хорошаго, но только часто пилъ запоемъ.

Канскій городовой врачъ, *Суровцовъ*, на требованіе мѣстной полицейской управы доставить свѣдѣніе о томъ, въ какой степени былъ помѣшанъ Турау во время совершенія имъ преступленія нанесеніемъ женѣ своей ранъ, и нельзя ли опредѣлить причины, отъ которой произошло помѣшательство, отозвался **), что открытое при слѣдствіи о поступкѣ Турау помѣшательство его имѣло причиною запойное его пьянство, производящее обыкновенно пьяный горячечный бредъ (временное помѣшательство); бредъ этотъ появляется у пьяницъ особенно тогда, когда они приходятъ въ вытрезвленіе, преимущественно по ночамъ, и состоитъ въ видѣніи ими различныхъ образовъ, весьма потрясающихъ нервную систему; видѣнія эти большею частію бываютъ страшны и производятъ, смотря по характеру пившаго, или неистовую ярость въ немъ, или крайній ужасъ; горячій характеръ Турау, по всему вѣроятію, привелъ его въ неистовство, и онъ защищаясь отъ видѣній, совершилъ преступленіе.

Енисейскій губернскій судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашелъ нужнымъ: во 1-хъ спросить лицъ, подписавшихъ актъ, составленный 13 декабря въ квартирѣ Турау, о томъ, въ какомъ состояніи находился Турау во время осмотра его, и не было ли замѣтно въ немъ какого либо помѣшательства, а равно былъ ли Турау въ то время свидѣтельствованъ лекаремъ Суровцовымъ и если былъ, то что имъ найдено по свидѣтельству, и 2-е просить—енисейскую врачебную управу о слѣдующемъ: а) истребовать отъ канской больницы и представить въ судъ свѣдѣніе о томъ, отъ какой болѣзни былъ пользованъ Турау 14, 15 и 16 декабря 1863 г.; б) дать заключеніе свое о правильности мнѣнія лекаря Суровцова, что отъ запойнаго состоянія можетъ быть помѣшательство и представленіе различныхъ обра-

*) Турау по предъявленіи ему показанія священника, отозвался, что говорилъ ли онъ приведенныя священникомъ слова,—не помнитъ.

**) Отзывъ полученъ полицейскимъ управленіемъ 2 мая 1864 г.

зовъ, потрясающихъ нервную систему и, в) дать заключеніе о томъ, бываетъ ли помѣшательство отъ запоя такъ скоро проходящее и дѣйствительно ли не сопровождается полнымъ запамятованіемъ совершившагося, какъ въ данномъ случаѣ?

При произведенномъ, согласно вышеизложенному мнѣнію губернскаго суда, дослѣдованіи, хозяйка дома, въ которомъ жилъ Турау, и ночевавшій у него крестьянинъ Шулевъ отозвались, что 13 декабря Турау былъ въ трезвомъ состояніи, и помѣшательства они въ немъ не замѣтили.

Нижеслѣдующія лица, подписавшія актъ осмотра квартиры Турау 13 декабря 1863 г., показали: 1) канскій городничій *Сапожниковъ*,—что въ день преступленія Турау былъ разстроенъ, но былъ ли онъ сумасшедшимъ отъ пьянства онъ, Сапожниковъ, положительно сказать не можетъ, однако предполагаетъ, что Турау былъ не въ нормальномъ положеніи, потому что говорилъ все о какихъ то духахъ; Турау кажется и прежде нѣсколько разъ сходилъ съ ума отъ пьянства, что можно узнать въ дѣлахъ конторы больницы *). 2) Квартальный надзиратель *Гардеръ*,—что Турау во время осмотра былъ въ какомъ то разстроенномъ состояніи, но отчего оно происходило, т. е. отъ пьянства ли его, которому онъ въ послѣднее предъ тѣмъ время подвергался, или отъ совершеннаго имъ преступленія онъ, Гардеръ, не знаетъ. 3) Городовой врачъ *Суровцовъ*,—что онъ еще прежде при запросѣ канской полицейской управы объяснялъ, что если могло быть помѣшательство въ Турау, то оно могло произойти отъ его долговременнаго пьянства, о которомъ онъ доносилъ врачебной управѣ. Въ какомъ же состояніи находился Турау тотчасъ какъ совершилъ преступленіе, онъ сказать не можетъ, потому что во время подачи помощи его женѣ, къ чему онъ былъ приглашенъ, Турау не было. На другой же день Турау былъ препровожденъ въ больницу въ нетрезвомъ видѣ, но не помѣшаннымъ. Вообще по совѣсти онъ, Суровцовъ, долженъ сказать, что помѣшательства въ Турау, въ томъ смыслѣ какъ обыкновенно принимается, не было; а полагаетъ, что преступленіе совершено имъ въ пья-

*) Спрошенная по сему случаю контора больницы отозвалась, что Турау съ ума никогда не сходилъ, а если былъ въ больницу нѣсколько разъ присылаемъ, то единственно для вытрезвленія и поправленія здоровья его, вслѣдствіе сильныхъ перепоевъ.

номъ видѣ. Хотя Турау при полицейскомъ осмотрѣ и не было, но онъ, Суровцовъ, подписалъ актъ потому, что онъ не имѣлъ причинъ не довѣрять полиціи. На другой день Турау былъ приведенъ въ больницу между утреннею и вечернею визитаціею и принятъ фельдшеромъ, который нашелъ его, какъ и прежде это случалось, нетрезвымъ. При вечерней же его, Суровцова, визитаціи, Турау спалъ и, сколько возможно было судить по виду, былъ нетрезвъ. 4) Лекарскій ученикъ Пузыревъ,—что Турау во время осмотра былъ пьянъ; былъ ли Турау въ какомъ либо помѣшательствѣ, того онъ, Пузыревъ, не замѣтилъ, но знаетъ только то, что Турау сильно держался пьянства. На другой день, при поступленіи въ больницу Турау, какъ ему Пузыреву казалось, былъ нѣсколько пьянъ. 5) Смотритель канской больницы, Занковскій отозвался, что онъ не помнитъ, былъ ли Турау пьянъ при пріемѣ его 14 декабря 1863 г. въ больницу; въ этотъ же день, послѣ смерти раненой имъ жены, онъ, Занковскій, велѣлъ запереть Турау на ночь въ отдѣльную арестантскую палату для предупрежденія другаго несчастнаго случая, потому что не могъ надѣяться на совершенное выздоровленіе его отъ запоя; когда же Турау началъ ночью бушевать отъ видѣнныхъ будто бы имъ явленій, то его перевели въ общую арестантскую палату, гдѣ онъ, Занковскій, его видѣлъ и помнитъ, что Турау былъ трезвъ, но сильно взволнованъ, разсказывая о какихъ то ужасныхъ видѣніяхъ, представлявшихся ему въ палатѣ, гдѣ онъ былъ одинъ.

Енисейская врачебная управа на вышеприведенные предложенные ей губернскимъ судомъ вопросы, увѣдомила судъ, что по донесенію лекаря Суровцова фельдшеръ Турау 14, 15 и 16 декабря прошлаго года находился въ больницѣ единственно для вытрезвленія, потому что особенныхъ явленій болѣзненныхъ, кромѣ свойственныхъ сильному перепою, въ немъ замѣчено имъ не было. Врачебная управа признала, что отъ запоя, особенно продолжительнаго, дѣйствительно можетъ быть помѣшательство въ умѣ, съ различными представленіями. Въ подобнаго рода помѣшательствѣ человѣкъ иногда очень скоро можетъ опамятоваться и даже помнить совершенныя имъ дѣйствія и наконецъ это помѣшательство можетъ скоро проходить и часто

снова возобновляться, какъ припадки бѣлой горячки (delirium tremens), до совершеннаго выздоровленія или смерти.

Енисейскій губернскій судъ нашелъ, что сомнительность обстоятельствъ, указывающихъ на то, что Турау убилъ жену въ припадкѣ бѣлой горячки, и присутствіе обстоятельствъ, обвиняющихъ его въ сознательномъ учиненіи этого преступленія,—составляютъ убѣжденіе въ пользу того мнѣнія, что Турау убилъ жену свою сознательно; для опредѣленія же собственно вида сознательнаго убійства Турау жены, положительныхъ данныхъ въ дѣлѣ нѣтъ. Но отсутствіе данныхъ къ обвиненію Турау въ преднамѣренномъ убійствѣ жены обращаетъ судъ къ мнѣнію, что онъ совершилъ убійство въ раздраженіи за отказъ къ совокупленіи. За такое преступленіе слѣдуетъ Турау, лишивъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, отдать въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на пять лѣтъ и потомъ отдать подъ надзоръ полиціи на четыре года. Вмѣстѣ съ симъ судъ призналъ себя обязаннымъ принять во вниманіе обстоятельства, которыя указываютъ на запойное пьянство Турау и на бывающій у подверженныхъ такому пьянству горячечный бредъ, и возбуждаемое этими обстоятельствами предположеніе: не пристрастіе ли Турау къ запойному пьянству содѣйствовало мгновенному раздраженію его при отказѣ жены на совокупленіе. А потому судъ вошелъ въ правительствующій сенатъ съ представленіемъ о смягченіи опредѣленнаго судомъ наказанія Турау.

При разсмотрѣніи этого дѣла послѣдовали въ медицинскомъ совѣтѣ различныя мнѣнія:

Первое мнѣніе. (г. Балинскаго). Въ 1841 г., какъ показываетъ самъ Турау, онъ судился за угрозы убить чиновника Эрасмоса, и по этому дѣлу былъ лишенъ званія аптекарскаго помощника и сосланъ въ Сибирь на поселеніе. Лѣтъ 15 спустя, въ 1856 году, Турау поступилъ на службу и съ тѣхъ поръ подъ судомъ и слѣдствіемъ не бывалъ; 12 лѣтъ тому назадъ онъ женился на поселянкѣ Пелагеи Порфировой, но дѣтей съ нею не имѣлъ. Съ женою, какъ говоритъ Турау, онъ часто былъ въ ссорѣ и имѣлъ отъ нея большія прискорбія, но никогда въ помышленіи его не было лишить ее жизни. Слова Турау подтвер-

ждаетъ незаконнорожденный сынъ Пелагеи Турау, Малышевъ, утверждая, что его мать и Турау постоянно ссорились между собою и въ трезвомъ и въ пьяномъ видѣ, такъ-какъ оба они пили и часто напивались до пьяна; что до происшествія, случившагося 13 декабря, Турау никогда въ ссорѣ не угрожалъ матери его убійствомъ; но вслѣдъ затѣмъ Малышевъ присовокупляетъ, что за нѣсколько времени до происшествія, за сколько собственно онъ не помнитъ, былъ онъ въ больницѣ, гдѣ Турау показывалъ ему ножъ и говорилъ, что этотъ ножъ онъ выбралъ для его матери; онъ показывалъ ему при этомъ, какъ можно и должно наносить имъ удары. По словамъ Турау, ножъ, которымъ онъ нанесъ раны женѣ, находился въ его комнатѣ около 5 мѣсяцевъ и взятъ былъ имъ изъ больницы послѣ сдѣланной тамъ операціи для того, чтобы выточить его, но по причинѣ своихъ занятій и кутежа Турау забывалъ снести его обратно въ больницу; ножъ этотъ хранился въ собственной шкатулкѣ Турау подъ замкомъ.—Показанія Малышева и Турау въ томъ, что послѣдній съ давняго времени подвергался запойному пьянству, подтверждаются согласными показаніями всѣхъ спрошенныхъ по этому дѣлу свидѣтелей, а именно: хозяйки дома, въ которомъ жилъ Турау; квартировавшаго въ одной съ нимъ комнатѣ крестьянина Шулева; сына Пелагеи Турау Малышева; лекарскаго ученика Пузырева; двѣнадцати свидѣтелей, призванныхъ для повальнаго обыска; мѣстнаго священника Коновалова и канскаго городоваго врача Суровцова. О долговременномъ пьянствѣ Турау врачъ Суровцовъ увѣдомлялъ врачебную управу и предполагалъ при подписаніи имъ акта, что если у Турау развилось помѣшательство, то именно отъ этой причины. По словамъ врача Суровцова и канскаго городничаго Сапожникова, Турау нѣсколько уже разъ бывалъ въ больницѣ для вытрезвленія и поправленія здоровья, вслѣдствіе сильныхъ перепоевъ. О характерѣ Турау подробно ничего неизвѣстно; врачъ Суровцовъ упоминаетъ лишь въ общихъ выраженіяхъ, что Турау имѣлъ вспыльчивый характеръ. Поведеніе Турау на повальномъ обыскѣ одобрено. По показаніямъ Малышева, за мѣсяцъ и болѣе до совершенія преступленія, а по показанію Турау за три недѣли до этого времени, онъ началъ сильно пить водку; тогда же, какъ показываютъ

Малышевъ и хозяйка дома, въ которомъ жилъ Турау, онъ поссорился съ женою и перешелъ отъ нея на другую квартиру. За пять дней до совершенія преступленія, согласно показаніямъ Малышева, хозяйки дома, занимаемаго Турау, и самого Турау, онъ началъ вытрезвляться, согласился снова жить вмѣстѣ съ женою и былъ съ нею очень ласковъ. По вытрезвленіи, какъ показываетъ самъ Турау, у него сонъ сдѣлался слабымъ и раздражительнымъ. Наканунѣ происшествія, какъ показываетъ жившій въ одномъ домѣ съ Турау рекрутъ Борисовъ, Турау часто жаловался ему на нездоровье и боль головы; было замѣтно, что онъ съ сильнаго похмѣлья и выпивши. Въ день совершенія преступленія, согласно показаніямъ Шулева, хозяйки дома и Малышева, Турау былъ трезвъ, и помѣшательства они въ немъ не замѣчали. При другомъ допросѣ Малышевъ показалъ, что въ тотъ же день онъ приносилъ Турау $^1/_{50}$ часть ведра водки. По словамъ хозяйки, Турау находился съ женою въ совершенномъ согласіи, они миролюбиво шутили между собою, такъ что изъ ихъ поведенія въ тотъ день никакъ нельзя было ожидать такого происшествія. 13 декабря вечеромъ, согласно показанію Турау, онъ досталъ ножъ изъ шкатулки, расчитывая на другой день поутру отнести его въ больницу и, чтобы не забыть объ немъ при уходѣ въ больницу, положилъ его на столъ. Онъ легъ спать по обыкновенію съ женою, безъ всякой ссоры и миролюбиво разговаривалъ съ нею о супружескихъ обстоятельствахъ. Послѣднія слова Турау подтверждены показаніемъ спавшаго въ одной съ нимъ комнатѣ Шулева. Вслѣдъ затѣмъ, согласно показаніямъ Шулева и Пелагеи Турау, Турау пригласилъ жену на совокупленіе, въ чемъ она ему не отказывала, но просила обождать немного, пока всѣ уснутъ, такъ-какъ въ домѣ не всѣ еще спали. Послѣ этого Турау всталъ съ постели и вышелъ на дворъ; возвратясь же обратно въ комнату, принесъ съ собою въ стклянкѣ вино и, выпивъ оное разомъ, нанесъ женѣ раны. Пелагея Турау предполагаетъ, что прежде нанесенія ей ранъ, когда, лежа съ нею въ постели, мужъ гладилъ ея грудь, онъ дѣлалъ это съ цѣлію осмотрѣть мѣсто, въ которое удобнѣе нанести удары. Вслѣдъ за совершеніемъ Турау преступленія, его могъ наблюдать одинъ лишь Шулевъ; онъ показалъ, что проснувшись отъ крика жены Турау и вскочивъ съ дивана, при лунной ночи,

могъ разсмотрѣть, что Турау молча сидѣлъ около своей жены и держалъ въ правой рукѣ ножъ; когда онъ подошелъ къ нему и спросилъ, что это онъ дѣлаетъ, то Турау молча, безъ всякаго сознанія, отдалъ ему находившійся въ его рукѣ ножъ и зажегъ свѣчу. Турау показалъ, что увидѣвъ жену свою окровавленною, онъ тотчасъ же послалъ за полиціей, а по просьбѣ жены, и за священникомъ. Проснувшись отъ крика матери, пришелъ въ комнату, въ которой она спала и Малышевъ; согласно его показанію, на вопросъ: что Турау сдѣлалъ? тотъ отвѣчалъ ему: «ничего, Васинька, это къ лучшему, она не мать тебѣ была, а злодѣйка». Вслѣдъ за тѣмъ видѣлъ Турау священникъ, Михаилъ Коноваловъ; онъ не замѣтилъ у него особаго помѣшательства, а равно и того, былъ ли онъ пьянъ или нѣтъ, но замѣчалъ какой то дикій испугъ. Священнику Турау объяснилъ, что ему вмѣсто жены привидѣлся какой то человѣкъ небольшаго росту, который бросился на него и отъ котораго онъ сталъ обороняться, выхвативъ изъ подъ подушки ножъ, и ранилъ его нѣсколько разъ, но вмѣсто того человѣка раненою оказалась жена его. Высказавъ это, Турау, по словамъ священника, совѣтовалъ женѣ исповѣдываться и пріобщиться, а какъ жена молчала, то онъ сказалъ: «что же ты молчишь? если не хотѣла исполнить обязанности къ мужу, то исполни обязанности къ религіи», послѣ чего онъ самъ началъ зажигать свѣчи передъ иконами. Но по предъявленіи Турау при допросѣ показаній священника, онъ отозвался, что говорилъ ли приведенныя священникомъ слова, не помнитъ. Въ ту же ночь произведенъ былъ полицейскій осмотръ, причемъ Пелагея сказала, что ее ранилъ мужъ за то, что она не согласилась имѣть тѣлесное совокупленіе съ нимъ. Согласно замѣчанію членовъ полиціи, составлявшихъ актъ, Турау въ то время расхаживалъ по комнатѣ, повидимому не въ нормальномъ состояніи отъ излишняго употребленія вина и, послѣ словъ жены, сказалъ, что ее поранили духи. При подписаніи акта, присутствующіе при осмотрѣ понятые съ своей стороны добавили, что Турау былъ въ это время въ трезвомъ состояніи и твердой памяти. При осмотрѣ врачъ не присутствовалъ. По распоряженію городничаго, Турау отправленъ былъ въ мѣстную больницу для излеченія отъ помѣшательства.—Соображая вышеприведенныя данныя, можно предположить одно изъ двухъ: или Турау совер-

шилъ преступленіе въ болѣзненномъ состояніи, главною причиною котораго составляло привычное его пьянство, или же Турау, какъ издавна уже безнравственный человѣкъ, совершилъ преступленіе въ полномъ сознаніи и притомъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ или же въ приступѣ гнѣва, вслѣдствіе отказа его жены въ совокупленіи съ нимъ. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ рядъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 22 года тому назадъ Турау судился за угрозы убить чиновника; онъ пилъ и часто ссорился съ женою; мѣсяцевъ за пять до преступленія, Турау взялъ изъ больницы ножъ на домъ, говорилъ Малышеву, что ножъ этотъ назначенъ для его матери; за нѣсколько недѣль до происшествія, Турау оставилъ жену и перешелъ отъ нея на другую квартиру; досталъ ножъ изъ ящика, въ которомъ онъ хранился подъ замкомъ, въ самый день преступленія; передъ совершеніемъ имъ преступленія, Турау получилъ отъ жены отказъ въ половомъ совокупленіи; совершивъ преступленіе, онъ сказалъ Малышеву, что мать его была злодѣйка и что это къ лучшему; по показанію понятыхъ, онъ находился тогда въ трезвомъ видѣ и твердой памяти. Эти данныя однако же не полны и не ясны, онъ ведутъ лишь къ различнымъ предположеніямъ и окончательно ничего не доказываютъ. Такъ, по дѣлу, производившемуся 22 года тому назадъ, обстоятельства котораго совершенно намъ неизвѣстны, мы ничего не можемъ заключить о степени безнравственности или вспыльчивости характера Турау; съ тѣхъ поръ онъ подъ судомъ и слѣдствіемъ не бывалъ и на повальномъ обыскѣ въ поведеніи одобренъ. Дѣйствительно Турау пилъ, но онъ пилъ запоемъ, ссорился также съ женою и переходилъ отъ нея на другую квартиру, но ссоры эти происходили въ пьяномъ видѣ; разссорившись съ женою, онъ никогда не угрожалъ ей убійствомъ и обыкновенно снова мирился съ нею. Турау нанесъ раны женѣ не во время какой либо ссоры съ нею, но именно послѣ того, какъ возвратился къ ней на квартиру и миролюбиво прожилъ съ нею нѣсколько дней. О какомъ либо поводѣ къ заранѣе задуманному намѣренію убить жену, въ дѣлѣ не упоминается; единственный поводъ, который, по мнѣнію Пелагеи, могъ побудить Турау къ совершенію преступленія, это отказъ съ ея стороны въ совокупленіи, но оказывается, что Пелагея вовсе не отказывала, а про-

сила мужа нѣсколько обождать, что имѣетъ совершенно другое значеніе. Пелагея предполагала также, что Турау гладилъ ея грудь съ намѣреніемъ отыскать мѣсто, гдѣ бы удобнѣе было нанести ей удары, но раны эти нанесены имъ не въ грудь, а около пупка и въ лѣвомъ паху. Показанія понятыхъ о томъ, что послѣ совершенія преступленія Турау находился въ трезвомъ видѣ и твердой памяти, противорѣчатъ показаніямъ Шулева и священника, которые видѣли преступника раньше понятыхъ и изъ которыхъ первый замѣтилъ въ немъ безсознательное состояніе, а второй какой то дикій испугъ,—а равно и показаніямъ полицейскихъ чиновниковъ (городничаго и квартальнаго надзирателя) и лекарскаго ученика Пузырева, которые осматривали Турау вмѣстѣ съ понятыми и нашли его въ ненормальномъ состояніи, по видимому отъ излишняго употребленія вина. Единственныя показанія, указывающія положительно на злой умыселъ со стороны Турау, это показанія Малышева, но они никѣмъ и ничѣмъ не подтверждаются; Малышевъ, незаконорожденный сынъ Пелагеи, не можетъ быть признанъ безпристрастнымъ свидѣтелемъ тѣмъ болѣе, что онъ въ показаніяхъ своихъ сбивается; такъ при первомъ допросѣ онъ съ полною увѣренностію показываетъ, что Турау въ день преступленія былъ совершенно трезвъ, а при слѣдующемъ его допросѣ оказалось, что самъ же въ этотъ день приносилъ Турау водку и то $1/_{50}$ часть ведра. Принявъ во вниманіе вышеприведенныя обстоятельства и зная, что Турау предавался запойному пьянству, едва ли кто рѣшится утверждать положительно, что преступленіе совершено Турау въ полномъ сознаніи. Наконецъ, что же собственно слѣдуетъ предположить? Обдуманное ли заранѣе намѣреніе совершить преступленіе? Но въ пользу подобнаго предположенія говорятъ лишь показанія одного свидѣтеля (Малышева) и то обстоятельство, что ножъ находился у Турау въ продолженіи 5 мѣсяцевъ, что онъ досталъ его изъ ящика именно 13 декабря. Показанія же прочихъ свидѣтелей и другія обстоятельства дѣла явно противорѣчатъ всему этому. Мы не находимъ къ совершенію преступленія достаточнаго повода; не можемъ указать на время, когда Турау былъ въ состояніи сознательно обдумать свое намѣреніе, такъ-какъ онъ постоянно пилъ. Слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ предположить, что преступленіе совершено имъ, какъ

думала Пелагея, по причинѣ отказа въ совокупленіи, слѣдовательно въ состояніи раздраженія и гнѣва; но въ такомъ случаѣ снова приходится придерживаться одного, но тѣмъ не менѣе весьма важнаго свидѣтеля, который находится въ разладѣ со всѣми другими свидѣтельствами и обстоятельствами дѣла; притомъ сообразить слѣдуетъ, что преступленіе совершено не тотчасъ вслѣдъ за отказомъ, но по прошествіи нѣкотораго времени, тогда именно, когда гнѣвъ могъ уже значительно ослабѣть. Наконецъ, то обстоятельство, что преступленіе совершено послѣ того, какъ Турау выпилъ залпомъ стклянку вина, можетъ навесть на мысль, что преступникъ старался такимъ образомъ придать себѣ *необходимую* бодрость для исполненія, раньше или позже задуманнаго имъ намѣренія. Но если искать развязки этого дѣла въ послѣдней стклянкѣ вина, которую выпилъ Турау, и совершенно упустить изъ виду то огромное количество вина, которымъ онъ исподволь медленно разрушалъ свой организмъ, то и тогда насъ поражаетъ необыкновенная быстрота, съ которою подѣйствовало незначительное количество вина на привычнаго пьяницу. Тогда сверхъ того нужно бы доказать, что Турау нѣкоторое время вовсе не пилъ вина, чему именно и противорѣчатъ обстоятельства дѣла. Очевидно подобныя предположенія, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть доказано при строгомъ ихъ обсужденіи, имѣютъ лишь значеніе обстоятельствъ, подлежащихъ сомнѣнію. Поэтому необходимо разсмотрѣть дѣло съ другой точки зрѣнія, не имѣется ли въ немъ указаній на болѣзненное состояніе Турау? Извѣстно, что всѣ почти свидѣтели указываютъ единогласно на то, что Турау съ давняго времени предавался запойному пьянству, что онъ разсорился съ женою, начавши пить, а въ то время, когда сталъ вытрезвляться, возвратился къ ней на квартиру и жилъ съ нею миролюбиво. Турау показываетъ, что въ это время сонъ его сдѣлался слабымъ и раздражительнымъ; рекрутъ Борисовъ говоритъ, что наканунѣ преступленія Турау часто жаловался ему на нездоровье и боль головы и видно было, что онъ съ похмѣлья и сильно выпивши; въ самый день преступленія, хотя по показаніямъ Шулева, хозяйки дома и Малышева, Турау былъ трезвъ, но оказалось, что и въ этотъ день Малышевъ приносилъ ему водку. Слѣдовательно Турау пилъ нѣкоторое время запоемъ, вслѣдъ затѣмъ на-

чалъ вытрезвляться и снова пить понемногу, что подтверждается и показаніемъ его жены, по которому передъ самымъ совершеніемъ преступленія Турау выпилъ еще стклянку вина. Такимъ образомъ Турау находился именно въ тѣхъ условіяхъ, которыя способствуютъ развитію опасныхъ галлюцинацій у пьяницъ. Турау, котораго показанія вполнѣ подтверждаются другими свидѣтелями, описываетъ испытанную имъ галлюцинацію; галлюцинація эта появилась въ такомъ видѣ и въ то время, въ которое она обыкновенно появляется въ подобныхъ случаяхъ, т. е. Турау видѣлъ какую то личность, которая его испугала, и видѣлъ ее при переходѣ отъ бдѣнія ко сну. Вслѣдъ за происшествіемъ Шулевъ, священникъ и члены полиціи не находили Турау въ нормальномъ состояніи.

Слѣдуетъ однакожъ обратить вниманіе на тѣ обстоятельства: что изъ врачей никто не наблюдалъ Турау въ это время, что преступникъ не выражалъ никакого раскаянія, что часто замѣчается sub hallucinatione ebriosa, если только преступленіе совершено внезапно, безъ предвзятаго намѣренія, что согласно показанію Малышева, Турау оправдывалъ свой поступокъ самымъ безнравственнымъ образомъ; что по словамъ священника (хотя ихъ Турау и не подтвердилъ впослѣдствіи), онъ упрекалъ жену въ неисполненіи ею супружескихъ обязанностей. Поэтому невозможно утверждать положительно, что преступленіе совершено Турау въ болѣзненномъ состояніи. Имѣющіяся въ дѣлѣ данныя недостаточны для положительнаго разрѣшенія вопроса о томъ, въ какомъ состояніи онъ находился во время совершенія преступленія. Врачъ не видѣлъ его вслѣдъ за этимъ и не представилъ подробнаго описанія его состоянія, выражаясь лишь въ общихъ словахъ, что Турау находился тогда въ нетрезвомъ видѣ. Затѣмъ нужно обратить вниманіе на то: въ 1-хъ, въ какомъ состояніи находился Турау послѣ преступленія, когда по распоряженію городничаго онъ былъ отправленъ въ больницу для излеченія отъ помѣшательства, и во 2-хъ, что̀ собственно и когда онъ показалъ при допросахъ. Что касается перваго пункта, то слѣдуетъ замѣтить, что показанія врача, смотрителя больницы, фельдшера и фельдшерскаго ученика, единственныя имѣющіяся при дѣлѣ, указываютъ единогласно на ненормальное состояніе Турау; но одни изъ свидѣтелей говорятъ вообще,

что онъ былъ не трезвъ; другіе описываютъ подробно его галлюцинаціи и обыкновенно сопровождающее ихъ безпокойство и подтверждаютъ такимъ образомъ прежнія показанія священника, Шулева и членовъ полиціи. Показанія эти важны; въ нихъ не упоминается о совершенной потерѣ сознанія, о бредѣ, о какомъ либо болѣзненномъ состояніи мышечной системы, но говорится положительно о временномъ безсознательномъ состояніи, о дикомъ испугѣ, о галлюцинаціяхъ, о безпокойствѣ, т. е. о такихъ явленіяхъ, которыя именно всего болѣе опасны у пьяницъ и заставляютъ всегда помѣщать ихъ въ дома для помѣшанныхъ. Поэтому, если не скрывать преднамѣренно весьма важныхъ обстоятельствъ дѣла, то необходимо сказать, что состояніе Турау вслѣдъ за совершеніемъ преступленія не было нормальное. Но принимая во вниманіе, что показанія свидѣтелей и преимущественно врача неполны, основываясь на нихъ можно лишь предполагать съ нѣкоторою вѣроятностію о томъ, что состояніе умственныхъ способностей Турау, вслѣдъ за совершеніемъ имъ преступленія, не было вполнѣ нормально. Въ отношеніи 2 пункта видно, что Турау приведенъ былъ къ допросу 17 декабря, т. е. на четвертый день послѣ совершеннаго имъ преступленія. Въ показаніяхъ Турау незнакомымъ съ галлюцинаціями можетъ показаться страннымъ то обстоятельство, что Турау описываетъ иначе свою галлюцинацію, нежели какъ говорилъ объ ней въ присутствіи священника (онъ въ этотъ разъ говоритъ о необыкновенномъ чудовищѣ, лежавшемъ около его жены), но во 1-хъ, это говоритъ самъ Турау, а то передавалъ свидѣтель, во 2-хъ, подобныя галлюцинаціи никогда не бываютъ вполнѣ ясны и не описываются постоянно одинаковымъ образомъ. Къ вышеизложенному слѣдуетъ присовокупить, что причины, которыя могли бы побудить Турау къ совершенію преступленія, не разъяснены и даже существованіе ихъ не доказано, между тѣмъ положительно извѣстно, что Турау, съ давняго времени, подверженъ былъ запою.

Второе мнѣніе. Вмѣняемость преступленія существуетъ тогда только, когда ясно, что совершившій оное имѣлъ намѣреніе совершить его и сдѣлалъ преступленіе съ сознаніемъ совершаемаго имъ дѣйствія; посему совершенно справедливо законъ освобождаетъ преступника отъ всякаго взысканія тогда, когда

преступленіе совершено въ болѣзненномъ состояніи, лишающемъ человѣка должнаго сознанія совершаемыхъ имъ поступковъ, какъ то въ припадкѣ умственнаго разстройства или въ горячечномъ бреду. Въ тѣхъ случаяхъ, когда встрѣчается подозрѣніе въ томъ, что совершилъ ли человѣкъ преступленіе сознательно, или въ болѣзненномъ состояніи несознательно,—рѣшеніе этого вопроса представляется медикамъ, какъ компетентнымъ судьямъ въ этомъ дѣлѣ. Съ своей стороны медики, при обсужденіи и рѣшеніи этихъ вопросовъ, должны отвѣчать на основаніи положительныхъ данныхъ, и тогда только уклонять отвѣтственность преступника передъ закономъ, когда дѣйствительно имѣются данныя, что преступленіе совершено въ болѣзненномъ, безсознательномъ состояніи, причемъ всегда находится рядъ болѣзненныхъ явленій, доказывающій существованіе болѣзни и показывающій ясно, что преступленіе произошло только вслѣдствіе болѣзни. Никогда преступленіе, при отсутствіи другихъ болѣзненныхъ явленій, не можетъ считаться слѣдствіемъ болѣзни. Если съ одной стороны прямая обязанность врачей доставлять удостовѣреніе о совершеніи преступленія въ болѣзненномъ, безсознательномъ состояніи, тамъ гдѣ оно существуетъ на самомъ дѣлѣ, то съ другой стороны совершенно непозволительно врачамъ прикрывать преступниковъ отъ заслуженнаго наказанія удостовѣреніями такого рода, что преступленіе совершено въ ненормальномъ положеніи. Слово это—«ненормальное положеніе»—не можетъ и не должно имѣть никакого приложенія и значенія, ни въ юридическомъ, ни въ медицинскомъ отношеніи, при опредѣленіи вмѣняемости преступленія; ибо допущеніе его должно служить только къ прикрытію и безнаказанности всѣхъ преступленій: ибо всѣ преступленія совершаются не иначе, какъ въ ненормальномъ состояніи умственномъ, подъ вліяніемъ какихъ либо страстей или неправильныхъ взглядовъ и понятій. Если допустить ненормальное состояніе причиною невмѣняемости преступленія, то неминуемымъ слѣдствіемъ этого должна быть безнаказанность всѣхъ преступленій, ибо нѣтъ преступленія, которое совершалось бы въ совершенно нормальномъ состояніи ума и духа. Поэтому при отвѣтахъ на вопросъ медикамъ въ какомъ состояніи совершено преступленіе, совершенно неумѣстно допустить даже это выраженіе—«ненормальное состояніе»,—

не только двусмысленное, но столь эластическое, что подъ оное подходятъ неминуемо всѣ преступныя дѣйствія. Невмѣняемость преступленія съ медицинской стороны должна быть только тогда, когда человѣкъ совершилъ преступленіе безсознательно, въ болѣзненномъ состояніи. Изъ дѣла Турау видны слѣдующія данныя: А) Турау въ день преступленія, 13 декабря 1863 года, былъ трезвъ и во время преступленія не былъ въ безсознательно пьяномъ состояніи. Доказательствами этому служитъ: 1) при первомъ полицейскомъ осмотрѣ его, произведенномъ въ ночь совершенія преступленія, понятые подписали, что Турау былъ въ то время въ трезвомъ состояніи и твердой памяти; хотя говорится въ этомъ актѣ, что Турау расхаживалъ по комнатѣ по видимому въ ненормальномъ положеніи отъ излишняго употребленія вина, и послѣ сказалъ, что ее «поранили духи», но не смотря на это очевидно изъ показанія понятыхъ, что Турау хотя и выпилъ вина, не былъ въ это время пьянъ и былъ въ памяти. Ненормальное же положеніе было прямымъ естественнымъ слѣдствіемъ совершеннаго преступленія, а утвержденіе, будто поранили жену духи – одно изъ преднамѣренныхъ дѣйствій въ оправданіе совершеннаго преступленія. 2) Доказательствомъ тому, что Турау былъ трезвъ 13 декабря, служитъ показаніе умирающей жены, 14 декабря, что Турау весь день 13-го былъ трезвъ, и ночью, возвратясь обратно въ комнату, принесъ съ собою стклянку вина и, выпивъ ее залпомъ, нанесъ ей раны. Слѣдовательно, по показанію умирающей жены, Турау былъ трезвъ цѣлый день 13, выпилъ вино залпомъ передъ самымъ преступленіемъ, сейчасъ по выпитіи котораго нанесъ раны женѣ, слѣдовательно не могъ сейчасъ же опьянѣть такъ, чтобы дѣйствовать безсознательно, а выпилъ только для приданія себѣ смѣлости при совершеніи преступленія и не на столько, чтобы и въ то время, когда вино начинаетъ опьяняющее свое дѣйствіе, лишиться разсудка и памяти, какъ это ясно видно изъ показаній понятыхъ, въ ночь преступленія заявленныхъ. 3) Крестьянинъ Шулевъ показалъ также, что Турау, въ день совершенія преступленія, былъ трезвъ. 4) Незаконорожденный сынъ Пелагеи Турау Василій Малышевъ показалъ, что Турау за пять дней до преступленія началъ вытрезвляться и въ день происшествія былъ трезвъ. 5) Хозяйка дома Шулева показала, что Турау

въ день происшествія, повидимому, былъ трезвъ; 6) Священникъ Михаилъ Коноваловъ, призванный въ ночь на 14 декабря для пріобщенія жены Турау, не замѣтилъ, былъ ли Турау пьянъ или съ похмѣлья. Еслибъ Турау былъ въ это время въ безсознательно пьяномъ видѣ, то священникъ не могъ бы этого не замѣтить. Совокупность всѣхъ приведенныхъ доводовъ ясно показываетъ, что Турау былъ трезвъ въ день преступленія 13 декабря; что во время совершенія имъ преступленія онъ не былъ пьянъ, и наконецъ по совершеніи преступленія хотя онъ былъ выпивши, но не до состоянія опьяненія, лишающаго человѣка памяти и разсудка. Б) Разсмотрѣніе дѣла показываетъ, что Турау совершилъ преступленіе убійства жены преднамѣренно и сознательно, что основывается на слѣдующихъ данныхъ: 1) изъ дѣла видно, что Турау часто ссорился съ женою, что онъ самъ показалъ 17 декабря 1863 года; незаконорожденный сынъ жены Турау, Малышевъ, показалъ также, что Турау и жена его почти постоянно ссорились между собою и въ пьяномъ и въ трезвомъ видѣ. 2) Ссоры эти дошли въ послѣднее время до такой степени, что, какъ показалъ Малышевъ, Турау отошелъ отъ жены своей на другую квартиру и только за пять дней до происшествія согласился снова жить вмѣстѣ съ женою. Хозяйка дома Шулева также подтвердила, что Турау разошелся съ женою, но дней за пять до происшествія снова сошелся съ нею. 3) Изъ дѣла видно, что Турау, задолго до преступленія, имѣлъ намѣреніе убить жену, ибо Малышевъ показалъ, что не упомнитъ, за сколько времени онъ былъ въ больницѣ, и здѣсь Турау показывалъ ему ножъ и говорилъ, что этотъ ножъ онъ выбралъ для его матери и показывалъ, какъ можно и должно наносить имъ удары. Самъ же Турау показалъ, что онъ взялъ ножъ этотъ за пять мѣсяцевъ до происшествія будто для того, чтобы выточить его что ножъ этотъ хранился у него въ шкатулкѣ за замкомъ и вечеромъ 13 декабря въ день происшествія вынутъ имъ и положенъ на столѣ въ той комнатѣ, гдѣ случилось событіе, будто для того, чтобы не забытъ его при уходѣ въ больницу. Всѣ эти данныя показываютъ, что Турау жилъ въ несогласіи и ссорахъ съ женою, и убійство ея совершено Турау преднамѣренно, такъ что онъ задолго замышлялъ его. В) Остается разрѣшить, не сдѣлано ли Турау убійство жены вслѣдствіе умственнаго разстройст-

ва, развившагося отъ того, что Турау часто пилъ и подвергался запою; тѣмъ болѣе потому, что подсудимый Турау утверждалъ 17 декабря, что онъ, во время дремоты 13 декабря, увидѣлъ чудовище, лежащее подлѣ жены его; что это чудовище что то шепчетъ женѣ его; что онъ, Турау, толкнулъ его кулакомъ, но оно сдѣлало ему гримасу, и онъ ткнулъ его ножемъ разъ и другой. Священнику Коновалову Турау 14 декабря объяснялъ, что ему привидѣлся 13 декабря вмѣсто жены какой то человѣкъ, небольшаго роста, который бросился на него и отъ котораго онъ сталъ обороняться и, выхвативши изъ подъ подушки ножъ, ранилъ его нѣсколько разъ, но вмѣсто того человѣка оказалась жена его. Наконецъ, въ ночь происшествія, Турау говорилъ, что поранили жену его духи.—По разсмотрѣніи дѣла оказывается, что всѣ эти завѣренія Турау придуманы имъ только для оправданія его преступленія; таковая придумка была доступна ему по причинѣ фельдшерскаго его званія, и это мнѣніе основывается на слѣдующихъ данныхъ: 1) Турау, хотя и придумалъ эти оправданія свои, но такъ какъ онъ былъ не совсѣмъ трезвъ, то не въ состояніи былъ выдержать принятой имъ роли, и сейчасъ же за совершеніемъ преступленія измѣнялъ ей, и высказывались имъ слова, которыя доказывали, что онъ убилъ не чудовище или привидѣніе, а жену свою, и не случайно, а преднамѣренно, ибо онъ въ туже ночь говорилъ незаконорожденному сыну жены его, Малышеву: «ничего Васинька, это къ лучшему: она не мать тебѣ, а злодѣйка.» Женѣ же говорилъ, при призванномъ къ ней священникѣ: «если не хотѣла исполнить обязанности къ мужу, то исполни обязанности къ религіи». Этими послѣдними словами подтверждается показаніе жены Турау, что ее поранилъ мужъ за то, что она не соглашалась съ нимъ на тѣлесное совокупленіе. Конечно сама жена Турау показала впослѣдствіи, что она не совсѣмъ отказывала мужу въ совокупленіи, а просила обождать только пока всѣ уснутъ, и отказъ этотъ нельзя считать прямою причиною ея убійства, но не менѣе того, изъ словъ самаго Турау при священникѣ нельзя не видѣть, что и пререканіе его съ женою относительно совокупленія было случайнымъ поводомъ къ приведенію въ исполненіе преднамѣреннаго имъ преступленія. 2) Утвержденіе того, что Турау будто неумышленно убилъ жену свою, вслѣдствіе галлю-

цинацій отъ пьянства, недопустимо и потому что, какъ видно изъ данныхъ, изложенныхъ въ II отдѣлѣ доводовъ, видны причины, доведшія Турау до преступленія, и усматривается, что Турау задолго уже намѣревался совершить его. 3) Предшествующія обстоятельства жизни Турау показываютъ, что онъ по своему характеру способенъ былъ совершить сдѣланное имъ преступленіе, ибо въ 1841 году Турау уже судился въ Ригѣ за угрозы убить чиновника Ерасмоса, за что и былъ лишенъ званія аптекарскаго помощника и сосланъ въ Сибирь на поселеніе. 4) Наконецъ, изъ всего дѣла не видно, чтобы Турау былъ подверженъ умственному разстройству, и чтобы оно обнаруживалось какими нибудь болѣзненными явленіями, ибо хотя въ дѣлѣ нѣсколько разъ и говорится о помѣшательствѣ Турау, но или совсѣмъ бездоказательно, или сейчасъ же опровергается, и именно: а) по окончаніи полицейскаго осмотра, въ ночь 13 декабря, Турау по распоряженію городничаго былъ отправленъ для излеченія отъ помѣшательства, какъ сказано въ особомъ актѣ, но кѣмъ подписанъ этотъ актъ и на чемъ онъ основанъ, не видно, а напротивъ тутъ же видно, что всѣ понятые показали въ тоже время, что Турау былъ въ твердой памяти. б) Канскій городовый врачъ, показывалъ 2 мая 1864 года, что открытое при слѣдствіи о поступкѣ Турау помѣшательство имѣло причиною запойное пьянство. Но это показаніе врача Суровцова потеряло всю силу и значеніе, потому что тотъ же врачъ Суровцовъ впослѣдствіи показалъ, что онъ не можетъ сказать, въ какомъ состояніи находился Турау тотчасъ по совершеніи преступленія, потому что во время поданія имъ, Суровцовымъ, помощи раненой женѣ, Турау не было. Далѣе Суровцовъ утверждаетъ, что на другой день, 14 декабря 1863 года, Турау былъ препровожденъ въ больницу въ нетрезвомъ видѣ, но не помѣшанномъ и вообще Суровцовъ по совѣсти долженъ сказать, что помѣшательства въ Турау въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно его понимаютъ, не было. Этимъ Суровцовъ опровергнулъ и свое заявленіе о помѣшательствѣ Турау и вышеупомянутое заявленіе городничаго объ отправленіи Турау въ больницу для исцѣленія помѣшательства. в) Городничій канскій Сапожниковъ показывалъ впослѣдствіи, что онъ положительно не можетъ сказать, былъ ли Турау помѣшаннымъ во время совершенія преступленія, но предпола-

гаетъ, что Турау былъ въ ненормальномъ положеніи, потому что говорилъ все о какихъ то духахъ, и что Турау, *кажется*, и прежде нѣсколько разъ сходилъ съ ума отъ пьянства, что можно узнать въ дѣлахъ конторы больницы. Эти предположенія городничаго не подтвердились, ибо контора больницы отозвалась, что Турау съ ума не сходилъ, и въ больницу былъ присылаемъ нѣсколько разъ для вытрезвленія и поправленія здоровья, вслѣдствіе сильныхъ перепоевъ. г) Единственный разъ, когда упоминается еще о томъ, будто Турау видѣлъ ужасныя привидѣнія, это въ ночь съ 14 на 15 декабря, когда смотрителемъ больницы Турау запертъ былъ въ отдѣльную палату для предупрежденія насчастнаго случая. Но какъ скоро перевели Турау въ общую палату, то онъ не видѣлъ болѣе этихъ привидѣній. Допустимо *ли*, чтобы галлюцинаціи запойныя были только такъ кратковременны, и что стоитъ только перевести человѣка изъ одной комнаты въ другую, для того чтобы они сейчасъ прекратились, и объ нихъ не было болѣе помину. На основаніи критическаго разбора всего дѣла, представляется въ немъ достаточно положительныхъ данныхъ для признанія что Турау не былъ подверженъ умопомѣшательству, и что убійство имъ жены совершено преднамѣренно и сознательно.

Медицинскій совѣтъ пришелъ къ слѣдующему окончательному заключенію: 1) что запойное пьянство можетъ доводить подвергающихся оному до сумасшествія, подобнаго описанному въ донесеніи енисейской врачебной управы губернскому суду и извѣстному у авторовъ подъ названіемъ hallucinatio ebriosa; но что 2) въ настоящемъ случаѣ имѣющіяся въ дѣлѣ данныя недостаточны для положительнаго разрѣшенія вопроса о томъ: въ какомъ состояніи Турау находился во время совершенія преступленія, потому что хотя положительно извѣстно, что Турау съ давняго времени былъ подверженъ запою, и причины, которыя могли бы побудить его къ совершенію преступленія не разъяснены и даже существованіе ихъ не доказано, однако съ другой стороны нѣтъ также и данныхъ, которыя бы несомнѣнно указывали на умственное его разстройство въ моментъ совершенія преступленія, а именно: врачъ не видѣлъ его вслѣдъ затѣмъ,—и не представилъ также подробнаго описанія позднѣйшаго его со-

стоянія, а объяснилъ лишь въ общихъ выраженіяхъ, что при вечерней его визитаціи больницы, Турау спалъ и, сколько можно было судить по виду, былъ нетрезвъ; показанія же другихъ свидѣтелей неясны и неполны, такъ что основываясь на нихъ, можно лишь предположить съ нѣкоторою вѣроятностію, что состояніе умственныхъ способностей Турау вслѣдъ за совершеніемъ имъ преступленія не было вполнѣ нормальное, но было ли оно дальнѣйшимъ проявленіемъ болѣзненнаго разстройства, развившагося вслѣдствіе запоя или только нетрезвое состояніе, вслѣдствіе позднѣйшаго употребленія вина—опредѣлить невозможно.

Убійство мастеровымъ Иваномъ Рябухинымъ своей жены.

(Припадокъ умопомѣшательства).

9-го февраля 1862 г. отставной мастеровой гурьевскаго завода (кузнецкаго уѣзда), Иванъ Рябухинъ, явясь въ контору сего завода, объявилъ, что въ этотъ день онъ убилъ топоромъ жену свою Ѳеоктисту. По судебно-врачебному осмотру трупа Ѳеоктисты Рябухиной оказались: три раны на головѣ и трещины въ черепныхъ костяхъ; поврежденія эти и были причиною ея смерти.

9-го февраля 1862 г. Иванъ Рябухинъ былъ освидѣтельствованъ въ присутствіи салаирской горной конторы старшимъ лекаремъ салаирскаго госпиталя Людевичемъ; при семъ, какъ сказано въ актѣ сего освидѣтельствованія, Рябухинъ оказался въ полномъ умѣ и разумѣ, и на всѣ даваемые ему присутствующими и лекаремъ Людевичемъ вопросы давалъ отвѣты основательные, и даже никакихъ признаковъ умопомѣшательства въ немъ замѣчено не было.

На допросѣ 8 февраля *Иванъ Рябухинъ* показалъ, что лѣтомъ 1862 г. онъ проживалъ въ деревнѣ Сидоровкѣ; здѣсь жена его нерѣдко жаловалась старшинѣ означенной деревни, что онъ, Рябухинъ, сходитъ съ ума и наноситъ ей побои; вслѣдствіе этихъ жалобъ онъ вмѣстѣ съ женою и дочерьми былъ отправленъ въ волостное правленіе, откуда онъ отправился въ г. Барнаулъ къ сыну, а жена съ дочерьми въ гурьевскій заводъ. 6 февраля онъ

прибылъ также въ гурьевскій заводъ и остановился въ квартирѣ жены, въ домѣ Кудриной; но 8-го февраля снова вздумалъ идти въ Барнаулъ, о чемъ ночью сказывалъ женѣ, и жалѣлъ, что ей нужно остаться въ гурьевскомъ заводѣ; 9 февраля, когда ему надо было проститься съ женою, онъ, не знаетъ отчего, пришелъ въ безпамятство; какъ и чѣмъ онъ убилъ жену свою и какъ онъ вышелъ на улицу—не помнитъ; но на улицѣ, услышавъ крикъ хозяйки квартиры и дочери своей, онъ пришелъ въ чувство и пошелъ въ контору объявить о совершенномъ имъ преступленіи; съ женою онъ жилъ согласно, ее любилъ, и ссоры въ то время съ нею не имѣлъ, и отчего пришелъ въ безпамятво и лишилъ жену жизни—не знаетъ; но жена жаловалась на него старшинѣ деревни Сидоренковой, что онъ сходитъ съ ума и бываетъ въ безпамятствѣ; какъ онъ приходилъ въ безуміе, не понимаетъ, но жена часто говорила, что у него таковая болѣзнь скоро проходитъ.

Жена мастероваго Маремьяна *Кудрина* показала, что когда Рябухинъ собрался идти въ Барнаулъ, то жена сказала ему, чтобы онъ взялъ съ собою хлѣба; но онъ, отвѣтивъ съ азартомъ, но въ своемъ умѣ, что ему хлѣба не надо, кинулся къ кровати, подъ которою лежалъ топоръ, а затѣмъ побѣжалъ къ женѣ; испугавшись она, Кудрина, выбѣжала на улицу и закричала караулъ; вскорѣ вышелъ изъ избы Рябухинъ и сказалъ ей: «что ты кричишь, я угоилъ жену, воротись, я самъ пойду объявлю въ конторѣ.»

Дочери Рябухина, *Анна* 9 лѣтъ и *Александра* 16 лѣтъ, отозвались, что отецъ ихъ часто бивалъ мать и говорилъ, что убьетъ ее; въ безуміи ли онъ дрался съ матерью или нѣтъ, онѣ не знаютъ; когда бывали у отца съ матерью драки, онѣ уговаривали его, чтобъ не дрался; въ это время онъ всегда ихъ ругалъ, но безумія не выказывалъ.

Крестьяне деревни Сидоренковой показали, что лѣтомъ 1861 г., Иванъ Рябухинъ проживалъ нѣкоторое время въ ихъ деревнѣ, причемъ они замѣтили, что онъ былъ характера скромнаго, богобоязливъ, пьянствомъ не занимался; но жена его нѣсколько разъ жаловалась, что мужъ ея по временамъ бываетъ не въ своемъ умѣ; для удостовѣренія въ семъ въ квартиру Рябухина были назначаемы караульщики, но они никакого помраченія въ

умъ его не замѣтили. Наконецъ распря Рябухина съ женою была разбираема на деревенскомъ сходѣ, причемъ Рябухинъ, отзываясь, что онъ умопомѣшательствомъ не страдаетъ, добавилъ, что когда онъ жилъ въ гурьевскомъ заводѣ, то жена поила его дурманомъ и однажды онъ очувствовавшись увидѣлъ, что жена его лежитъ на постели съ чужимъ мужикомъ. Но жена его объявила, что этого никогда не было. — Засимъ Рябухинъ, по распоряженію старшины, былъ высланъ изъ деревни Сидоренковой въ волостное правленіе.

Волостное правленіе, (какъ видно изъ дѣла) предполагало отправить Рябухина въ госпиталь на излеченіе отъ сумасшествія, но этого не исполнило, потому что Рябухинъ изъ правленія скрылся. Впослѣдствіи волостное правленіе объяснило однако, что заключеніе о сумасшествіи Рябухина было сдѣлано правленіемъ, потому что объ этомъ заявила жена Рябухина.

Сынъ Ивана Рябухина, *Василій* (22 лѣтъ), показалъ, что отецъ его съ 1858 г. лишился здраваго разсудка; объ этомъ нѣсколько разъ было доводимо до свѣдѣнія пристава гурьевскаго завода, вслѣдствіе чего отецъ былъ пользованъ въ салаирскомъ госпиталѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1858 г., а послѣ того хотя онъ и былъ отпущенъ изъ госпиталя, но здраваго разсудка совершенно не имѣлъ. Въ бытность у него Василія, въ Барнаулѣ, отецъ говорилъ на мать, что она имѣетъ отъ него какое то отвращеніе относительно супружеской любви; изъ чего онъ заключилъ, что отецъ не имѣетъ здраваго разсудка.

Старшій врачъ салаирскаго госпиталя, Людевичъ, на данный ему вслѣдствіе показанія Василія Рябухина запросъ, увѣдомилъ салаирскую горную контору, что Иванъ Рябухинъ находился въ пользованіи салаирскаго госпиталя при предшественникѣ его, Людевича, лекарѣ Древингѣ, съ 14 августа по 15 число декабря 1858 г. и былъ одержимъ первоначально ранами на головѣ, происшедшими вслѣдствіе ушиба; но во время этой болѣзни, какъ сказано въ скорбномъ его листкѣ *), онъ впадалъ въ меланхо-

*) На послѣдовавшее въ іюлѣ 1864 г. требованіе кузнецкаго окружнаго суда доставить скорбный листъ за время пользованія Рябухина въ 1858 г. въ салаирскомъ госпиталѣ, врачъ Людевичъ (отношеніемъ отъ 11 августа 1864 г.), отозвался, что за неимѣніемъ скорбнаго листа, доставить таковаго не можетъ, потому что Рябухинъ находился въ госпиталѣ при предшественникѣ его, врачѣ Древингѣ.

лію и какъ бы временное умопомѣшательство. Послѣ заживленія ранъ, послѣдовавшаго 25 августа, Рябухинъ былъ еще оставленъ для леченія въ госпиталѣ и затѣмъ въ послѣднее время, находясь на испытаніи и пользованіи, ни малѣйшихъ признаковъ умопомѣшательства обнаружилъ.

2-го августа 1862 г. Рябухинъ былъ освидѣтельствованъ въ присутствіи томскаго губернскаго совѣта, чрезъ членовъ врачебной управы: «причемъ было заключено: подвергнуть Рябухина испытанію въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ въ томской тюремной больницѣ въ томъ, не случается ли съ нимъ періодическаго умопомѣшательства. По окончаніи сего испытанія, врачъ, завѣдывающій больницею, донесъ начальнику губерніи, что у Рябухина никакихъ признаковъ умственнаго разстройства не замѣчено *)

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1863 г., по распоряженію томскаго губернскаго суда произведено было дослѣдованіе по дѣлу о Рябухинѣ въ гурьевскомъ заводѣ. При семъ *дослѣдованіи*, мастеровой гурьевскаго завода Семенъ *Бронскій* показалъ, что въ 1858 г. Рябухинъ самъ себѣ сдѣлалъ на головѣ палкой нѣсколько ранъ, почему и былъ пользованъ въ салаирскомъ госпиталѣ; выписавшись изъ госпиталя, Рябухинъ жилъ въ гурьевскомъ заводѣ по сосѣдству съ нимъ, Бронскимъ; присемъ умопомѣшательства у него не было замѣтно, но иногда онъ былъ въ задумчивости или *меланхоліи*; въ такомъ положеніи, хотя и рѣдко, онъ изъ ревности дрался съ женой и разгонялъ изъ дому дѣтей; разъ пять онъ, Бронскій, приходилъ къ Рябухину на драку съ женой; по приходѣ его Рябухинъ переставалъ драться, но былъ всегда въ перемѣнѣ лица, а когда онъ, Бронскій, начиналъ уговаривать не драться, то Рябухинъ чрезъ нѣсколько времени начиналъ говорить, какъ здравомыслящій.

Сосѣдка Рябухина Ирина *Колмогорова* отозвалась, что съ 1859 г., послѣ болѣзни, Рябухинъ съ женой жилъ совѣтно, но случалось ссорился съ нею какъ будто внѣ здраваго разсудка; не былъ ли сумасшедшій, она, Колмогорова, утвердительно сказать не можетъ, потому что Рябухинъ велъ себя хорошо, но нападала на него случайно какая то задумчивость.

*) Подробныхъ свѣдѣній о результатахъ трехмѣсячнаго испытанія Рябухина въ тюремной больницѣ, а равно акта освидѣтельствованія его 2 августа 1862 г., въ дѣлѣ не имѣется.

Четверо соседей Рябухина показали, что онъ съ женой своей жилъ совѣтно, но случалось бивалъ ее въ перемѣнѣ отъ задумчивости; приходилъ въ вспыльчивость, какъ помѣшанный въ разсудкѣ, но ненадолго и вскорѣ приходилъ въ прежнее положеніе.

Братъ Рябухиной, мастеровой *Вологинъ*, отозвался, что Рябухинъ съ женой своей и дѣтьми жилъ у него, Вологина, около двухъ мѣсяцевъ; въ теченіи этого времени Рябухинъ, случалось, начиналъ ссориться съ женой, но онъ, Вологинъ, его отъ драки удерживалъ и не допускалъ драться; послѣ этого Рябухинъ выбѣгалъ изъ избы на улицу и, чрезъ короткое время возвращаясь въ избу, пѣлъ пѣсни; умопомѣшательства въ Рябухинѣ онъ, Вологинъ, не замѣчалъ, но онъ часто бывалъ въ задумчивости и въ это время начиналъ ссориться съ женой.

Въ 1863 году Иванъ Рябухинъ, по распоряженію томскаго губернскаго суда, былъ подвергнутъ шестимѣсячному врачебному наблюденію въ больницѣ томскаго тюремнаго замка. 3-го апрѣля 1864 г. онъ былъ освидѣтельствованъ въ присутствіи томскаго губернскаго совѣта членами мѣстной врачебной управы; при освидѣтельствованіи этомъ оказалось, что Рябухину около 50-ти лѣтъ, тѣлосложеніе его умѣренное, выраженіе лица спокойное. На нижеслѣдующіе вопросы онъ отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ тебя зовутъ, и кто ты такой? *Отв.* Иванъ Ильинъ Рябухинъ, отставной мастеровой. *Вопр.* Гдѣ состоялъ на службѣ? *Отв.* Въ гурьевскомъ заводѣ штатнымъ кузнецомъ; 25 лѣтъ выслужилъ. *Вопр.* За что ты подъ судомъ? *Отв.* Я представленъ за убійство жены, будто бы я убилъ. И представили меня на свидѣтельство въ сумаошествіи. *Вопр.* А кто же убилъ твою жену и за что? *Отв.* Сомнѣніе имѣю на Серебренниковыхъ, или на Киселева Ивана, потому что они имѣли связь съ нею, они надъ нею наругались, а мнѣ бывало скажутъ только, что ко мнѣ бѣсы прикоснулись, когда я начну говорить, что она наругана ими—они считали меня сумасшедшимъ. *Вопр.* Почему же ты въ конторѣ сознался самъ въ убійствѣ своей жены? *Отв.* Можетъ быть я безъ ума сказалъ это; я этого не помню. *Вопр.* А развѣ ты былъ когда нибудь безъ ума, или въ сумасшествіи? *Отв.* Въ 1858 г. меня держали въ лазаретѣ въ продолженіи 6 мѣсяцевъ, гдѣ во время нахожденія моего часто мнѣ давали что-то ню-

хать, отчего со мною случался сонъ и безпамятство. Наконецъ, меня выпустили изъ лазарета; я немного побылъ дома, а тамъ снова прислали за мной лошадей и увезли въ лазаретъ. *Вопр.* О своихъ обидахъ, о поруганіяхъ жены твоей, ты не объявлялъ при слѣдствіи? *Отв.* Я вѣдь показывалъ все, но не знаю, почему меня не слушали, почему мнѣ дѣла не показывали и на очную ставку ни съ кѣмъ не ставили. *Вопр.* Такъ ты полагаешь, что дѣло о тебѣ произведено неправильно? *Отв.* Неправильно; я желаю, чтобы оно было переслѣдовано и прошу даже объ этомъ. *Вопр.* Почему же ты прежде и своевременно не просилъ объ этомъ? *Отв.* Когда мнѣ не было извѣстно въ чемъ меня обвиняютъ, когда меня, здороваго человѣка, считали всегда сумасшедшимъ и всегда, когда я начиналъ объяснять, то отъ меня всѣ устраняются, какъ отъ сумасшедшаго, а я вѣдь человѣкъ въ совершенно здравомъ умѣ. Помилуйте, какъ же я сумасшедшій.— Засимъ въ актѣ освидѣтельствованія изложено, что изъ отвѣтовъ Рябухина, а равно изъ продолжительныхъ бесѣдъ съ нимъ во время 6-ти мѣсячнаго испытанія его въ тюремной больницѣ, члены врачебной управы не видятъ, чтобы Рябухинъ былъ одержимъ умопомѣшательствомъ; а какъ въ рапортѣ врача тюремной больницы пояснено, что Рябухинъ въ продолженіи шестимѣсячнаго испытанія былъ совершенно здоровымъ, и признаковъ разстройства ума въ немъ не замѣчалось, то члены врачебной управы, основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, считаютъ арестанта Рябухина здравомыслящимъ.

На предложенные 16 іюля 1864 г. въ присутствіи томскаго губернскаго суда вопросы, Иванъ Рябухинъ отвѣчалъ, что можетъ быть онъ убилъ жену, но въ болѣзни, а намѣренія убить ее не имѣлъ. Можетъ быть жена убита и сторонними, изъ коихъ онъ подозрѣваетъ блудившихъ съ нею въ 1857 г. и растлившихъ въ 1861 г. дѣтей его, урядника Серебренникова, кондуктора Серебренникова, мастероваго Горлова, а равно подозрѣваетъ въ томъ кондуктора Евсѣева, который разстраивалъ его жену. Въ день убійства онъ съ женою ссоры не имѣлъ, и ни въ чемъ дурномъ не подозрѣвалъ, а только имѣлъ сомнѣніе, что у ней есть порошки для того, чтобы одурманить его и бѣгать съ посторонними. Женой своей онъ былъ доволенъ, но съ 1857 г. она начала считать его сумасшедшимъ; по совѣту недобрыхъ

людей, начала отъ него уклоняться и имѣла какіе то порошки, коими приводила его въ безпамятотво, и въ это время имѣла съ разными лицами блудную связь. Въ 1857 г. урядники Сартаковъ и Кайгародовъ, мастера Завьяловъ, два брата Киселевы и подмастерье Серебренниковъ насиловали жену его, и послѣдствіемъ этого было то, что она выкинула ребенка; въ 1858 г. приставъ Татариновъ сдѣлалъ въ кузнецѣ насмѣшенство надъ его женою, а въ 1861 году кондукторъ Серебренниковъ насиловалъ дочь его. Объ этомъ онъ, Рябухинъ, показывалъ при слѣдствіи, но лица эти не спрошены, а потому онъ проситъ произвести объ этомъ слѣдствіе *).

Томскій губернскій судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашелъ, что въ дѣлѣ представляются слѣдующія обстоятельства: 1) временное упомѣшательство, коимъ страдалъ Рябухинъ, будучи на излеченіи въ салаирскомъ госпиталѣ; 2) задумчивость и вспыльчивость, коимъ онъ потомъ подвергался въ гурьевскомъ заводѣ, такъ что стороннимъ людямъ казался помѣшаннымъ въ разсудкѣ, причемъ весьма важно то обстоятельство, что такое состояніе всегда продолжалось весьма недолго; 3) разсказъ его о томъ, что однажды, очувствовавшись отъ дурмана, онъ увидѣлъ что, жена его лежитъ на постелѣ съ чужимъ мужикомъ, что по необъясненію имъ, что онъ сдѣлалъ съ этимъ мужикомъ и женою, едва ли не должно приписать разстройству воображенія; 4) жалобы жены его на то, что онъ бываетъ по временамъ не въ своемъ разсудкѣ и опасенія ея, чтобы онъ не сдѣлалъ чего съ ребенкомъ **); 5) ревность къ женѣ, ничѣмъ неоправдываемая и являющаяся только по временамъ; 6) то обстоятельство, что предъ самымъ тѣмъ временемъ какъ совершилось убійство, волостное правленіе предполагало отправить Рябухина для излеченія въ госпиталь, какъ находящагося въ сумасшествіи, и наконецъ 7) отсутствіе всякаго, даже самомалѣйшаго повода къ ссорѣ съ женою предъ убійствомъ. Всѣ эти

---

*) По выслушаніи изложеннаго показанія Рябухина о насилованіи разными лицами жены и дочери его, губернскій судъ постановилъ: оставить это показаніе безъ послѣдствій.

**) Объ этомъ Рябухина заявляла старшинѣ деревни Сидоренковой въ то время, когда она осталась ночевать у одной крестьянки деревни Сидоренковой; Рябухинъ же, взявъ отъ нея ребенка, пошелъ съ нимъ домой.

обстоятельства не дозволяютъ отвергнуть и признать клонящимся къ запирательству показаніе Рябухина, что самъ онъ не знаетъ какъ пришелъ въ безпамятство и не помнитъ, какъ и чѣмъ убилъ жену, намѣренія же убить ее не имѣлъ, но напротивъ— утверждаютъ вполнѣ въ той мысли, что преступленіе совершено Рябухинымъ дѣйствительно въ припадкѣ совершеннаго безпамятства отъ періодическаго умопомѣшательства. Хотя Рябухинъ по освидѣтельствованіи въ тотъ же день, какъ совершено убійство, оказался здравомыслящимъ, но это нисколько не противорѣчитъ изложенному заключенію, основанному именно на томъ, что Рябухинъ только по временамъ впадалъ въ умопомѣшательство. Еще менѣе можетъ быть опровергнуто это заключеніе тѣмъ, что Рябухинъ впослѣдствіи, при двукратномъ освидѣтельствованіи въ томскомъ губернскомъ совѣтѣ и при двукратномъ продолжительномъ испытаніи въ томской тюремной больницѣ, находимъ былъ въ здравомъ разсудкѣ, и припадковъ умопомѣшательства въ немъ замѣчено не было; такъ-какъ весьма можетъ быть, что именно долговременное нахожденіе въ больницѣ и покойное препровожденіе времени, послѣ занятій кузнечною работою, благодѣтельно подѣйствовали на него, хотя нельзя не замѣтить, что едва ли не слѣдуетъ разсказы Рябухина объ опаиваніи дурманомъ, продолжаемые имъ и теперь, отнести къ однопредметному помѣшательству. Именно въ присутствіи губернскаго суда онъ показалъ, что имѣлъ сомнѣніе на жену въ томъ, что у нея есть порошки, для того чтобы дурманить его; наканунѣ передъ тѣмъ высказывалъ, что и жену его поили дурманомъ Сартаковъ и другіе, чтобы блудить съ нею; а за нѣсколько мѣсяцевъ, при свидѣтельствѣ его въ губернскомъ совѣтѣ, высказывалъ, что ему въ 1858 г. въ лазаретѣ давали что-то нюхать, отчего съ нимъ случался сонъ и безпамятство.—Признавая засимъ, что Рябухинъ совершилъ убійство жены не въ сознательномъ состояніи, а въ припадкѣ періодическаго умопомѣшательства, губернскій судъ нашелъ, что убійство жены не можетъ быть вмѣнено Рябухину въ вину, и что затѣмъ, на точномъ основаніи ст. 107. улож. о наказан. и приложенія къ оной, Рябухинъ долженъ быть заключенъ въ домъ умалишенныхъ, но не для леченія, потому что при послѣднемъ свидѣтельствѣ онъ найденъ врачебною управою здравомыслящимъ и слѣдователь-

но долженъ считаться выздоровѣвшимъ отъ сумасшествія, а для испытанія съ тѣмъ, чтобы освобожденіе его изъ дома умалишенныхъ послѣдовало не ранѣе установленнаго приложеніемъ къ ст. 107 срока, то есть 2-хъ лѣтъ, и не иначе, какъ по точномъ удостовѣреніи въ здравомъ состояніи умственныхъ его способностей.

Медицинскій совѣтъ принимая во вниманіе: 1) временное умопомѣшательство, которымъ страдалъ Рябухинъ въ 1858 г., находясь въ салаирскомъ госпиталѣ; 2) задумчивость и вспыльчивость, которымъ онъ подвергался, проживая по выпискѣ изъ госпиталя въ гурьевскомъ заводѣ, и которыя по отзыву посторонних людей обнаруживались у него въ такой степени, что онъ казался помѣшаннымъ въ разсудкѣ, но продолжались обыкновенно весьма недолго; 3) неоднократныя жалобы жены его на то, что онъ по временамъ бываетъ не въ своемъ разсудкѣ; 4) ревность къ женѣ, ничѣмъ не оправдываемую, и разсказы его, ничѣмъ также не подтвержденные, о томъ, что разныя лица будто бы совершили блудъ съ его женою и дочерьми; при чемъ употребляли будто дурманъ и какіе то нюхательные порошки для приведенія его и его жены въ безчувственное состояніе, что указываетъ на преобладаніе однопредметныхъ ложныхъ представленій; и 5) отсутствіе повода къ совершенію Рябухинымъ убійства жены,—призналъ, что означенное преступленіе могло быть совершено Рябухинымъ безсознательно, въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства. Но Рябухинъ, какъ опасный для общества человѣкъ, долженъ находиться подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ.

Убійство крестьяниномъ Петромъ Титовымъ своей жены.

27-го февраля 1862 г. старшина екатерининской волости (троицкаго уѣзда, оренбургской губерніи) донесъ мѣстному становому приставу, что 26 февраля крестьянинъ деревни Николаевки, Петръ Титовъ, зарѣзалъ жену свою Татьяну.

На трупѣ Татьяны, по осмотру становымъ приставомъ и произведенному впослѣдствіи судебно-врачебному изслѣдованію,

оказались слѣдующія поврежденія: а) на головѣ, начиная отъ точки соединенія вѣнечнаго шва съ стрѣловиднымъ, была рана длиною въ $2^1/_4$ вершка и шириною въ одну линію; рана эта направлялась къ внутреннему углу лѣваго глаза; б) другая рана, какъ бы продолженіе предъидущей, начиналась подъ внутреннимъ угломъ лѣваго глаза, шла по лѣвой щекѣ возлѣ самаго носа и затѣмъ къ лѣвой спайкѣ губъ; обѣ эти раны не проникали до костей и произведены однимъ ударомъ остраго орудія; в) посреди лѣвой щеки находились двѣ неглубокія ранки длиною по $^1/_2$ вершка; г) на шеѣ была поперечная глубокая рана, проникавшая до шейныхъ позвонковъ, причемъ перерѣзаны были всѣ мягкія части шеи, гортань и пищепріемникъ; рана, повидимому, была произведена съ одного взмаха; д) недалеко отъ начала предъидущей раны, на лѣвой ключицѣ, была неглубокая рана длиною въ $^1/_2$ дюйма; е) подъ лѣвой женской грудью были двѣ недалеко отстоящія одна отъ другой раны, первая длиною 2 дюйма безъ 2 линій, а вторая 2 дюйма и 2 линіи; обѣ раны проникали всю толщину мягкихъ и жирныхъ покрововъ; кромѣ того 8, 9 и 10 ребра лѣвой стороны, близь соединенія ихъ съ реберными хрящами, были перерѣзаны однимъ ударомъ; ж) на спинѣ, посреди лѣвой лопатки, находилась продольная рана въ $^1/_2$ вершка длины и проникавшая до кости; з) ниже лопатки, почти по срединѣ спины въ нижней ея трети находилась рана длиною въ $^1/_2$ вершка, но неглубокая.

По дознанію, произведенному становымъ приставомъ, оказалось, что утромъ 26 февраля семейные Петра Титова, за исключеніемъ жены и малолѣтнихъ дѣтей, ушли изъ дому на работы. Чрезъ нѣсколько времени послышался въ домѣ крикъ. Когда вслѣдствіе этого сбѣжался народъ, то дверь избы Титова оказалась запертою, а самъ онъ сидѣлъ у окна и держалъ на рукахъ двухлѣтняго сына своего; жена Титова лежала окровавленною и мертвою на полу избы. На опросъ о происшедшемъ Титовъ отвѣчалъ, что онъ зарѣзалъ жену.

На данные становымъ приставомъ 27 февраля 1862 г. вопросные пункты *Петръ Титовъ* отвѣтилъ, что съ годъ тому назадъ съ нимъ приключилось скучное время, такъ что онъ не зналъ, что и дѣлать; отъ сего онъ нерѣдко бывалъ въ задумчивости, отъ коей являлись у него мечтанія, что будто бы его

хотятъ выселить изъ его мѣста жительства. Эти мечтанія при скукѣ казались справедливыми; не желая разстаться съ своей женой, онъ принялъ намѣреніе, чтобы не разлучаться съ нею живою, лишить ее жизни; желая привести это въ исполненіе 26 февраля, онъ съ вечера приготовилъ ножикъ, и когда сталъ ложиться спать съ женою, положилъ его подлѣ себя подъ кошму. Когда ночевавшіе въ его домѣ работникъ, двѣ посторонніе женщины и дѣти его заснули, то и онъ, оставя свое намѣреніе, уснулъ; утромъ, пробудившись отъ сна, работникъ, посторонніе женщины и старшій сынъ его ушли изъ дома; въ это время онъ — пользуясь такимъ свободнымъ случаемъ, опять предпринялъ исполнить свое намѣреніе, для чего первоначально разбудилъ жену, которая пробудилась отъ сна, но вторично легла; тогда, вынувъ изъ подъ кошмы приготовленный ножъ, онъ дернулъ имъ жену по горлу и, какъ видно, несовершенно оное перерѣзалъ; вырвавшись отъ него, жена намѣревалась убѣжать и лишь успѣла выскочить въ сѣни, какъ онъ поймалъ ее и ввелъ обратно въ избу; желая спастись, жена бросилась къ окну, хотѣла выскочить въ оное и вскричала два раза; тогда онъ, пришедши въ азартъ, началъ тыкать ее ножемъ по разнымъ мѣстамъ и потомъ перерѣзалъ ей горло; послѣ чего она совершенно лишилась жизни; видя, что къ его дому сбѣжалось много народу, онъ заперъ сѣнныя двери и никого не пускалъ въ домъ; бросивъ на постель ножикъ, онъ взялъ къ себѣ на руки двухлѣтняго своего сына, Ивана, для препровожденія столь несчастнаго приключившагося ему времени; потомъ отперъ сѣни и тогда, по приказанію волостнаго старшины, былъ взятъ и, по заковаціи въ желѣзы, отданъ подъ караулъ. Въ убійствѣ жены съ нимъ никто не участвовалъ и намѣренія его никто не зналъ; о являвшихся къ нему мечтахъ онъ сказывалъ только покойной женѣ своей. Что онъ говорилъ собравшимся у его окна крестьянамъ — не помнитъ, ибо тогда былъ совершенно въ разстроенномъ разсудкѣ.

При *передопросѣ*, въ маѣ 1862 года въ присутствіи троицкаго уѣзднаго суда Петръ *Титовъ*, подтвердивъ сознаніе свое въ убійствѣ, между прочимъ объяснилъ, что еще въ малолѣтствѣ онъ переселился въ Николаевку изъ тамбовской губерніи; женатъ онъ 24 года; холостую жизнь проводилъ недостаточную

отъ бѣдности и потомъ находился въ постоянныхъ трудахъ; съ женою жилъ въ любви, но съ самаго начала послѣ вѣнца съ нимъ сдѣлалось отъ неизвѣстной причины такое отвращеніе къ женѣ, что не желалъ имѣть съ нею брачнаго ложа, отчего его лечилъ казакъ Федоровъ; послѣ этого леченія онъ уже всегда жилъ съ женою въ согласіи, но вслѣдствіе бѣдности проживалъ около пяти лѣтъ отъ нея отдѣльно въ работникахъ; потомъ онъ уже отсталъ отъ работниковъ и жилъ съ женою вмѣстѣ; раздоровъ между нимъ и женою рѣшительно никакихъ не было, а преступленіе онъ совершилъ единственно по случаю представлявшихся ему мечтаній о разлукѣ съ ней. О приключившейся съ нимъ скукѣ знали родственники его; но знали ли прочіе однодеревенцы, утвердить не можетъ, потому что онъ и жена его скрывали его болѣзнь, для того чтобы не нанести пороку дѣтямъ. Отъ бывшей съ нимъ скуки онъ не находилъ себѣ мѣста и часто боялся куда нибудь ѣхать, это случилось съ нимъ во время осени — онъ отправился на ярмарку для уплаты вязниковцу Василью 30 руб., но доѣхавши до первой станціи и остановившись у казака Киріана Попова, далѣе слѣдовать никакъ не рѣшился и просилъ Попова отвезти деньги означенному вязниковцу. Сверхъ сего о болѣзни своей онъ предъявлялъ священнику кичишской станицы и казаку той же станицы Игнатію Галанину. Мысль зарѣзать жену для того чтобы не разстаться съ нею, пришла ему наканунѣ той ночи, когда онъ приготовилъ ножъ въ сумерки, и думалъ онъ, зарѣзавъ жену, зарѣзать и себя. Предъ тѣмъ временемъ какъ совершить преступленіе, онъ проснулся въ полночь и лежа думалъ, что вотъ сейчасъ придутъ, возьмутъ его и разлучатъ съ женою навсегда; потомъ онъ слышалъ говоръ, что его намѣреваются или застегать или разстрѣлять, но чей этотъ былъ говоръ, онъ ничего не видалъ; жена, послѣ того какъ онъ проснулся, также пробудилась отъ сна, встала зачѣмъ то и покормила ребенка, положеннаго рядомъ съ ней, затѣмъ вновь легла и заснула; поутру, когда семейные, вставши, разошлись по разнымъ мѣстамъ, онъ разбудилъ жену свою и разсказывалъ ей о своихъ мечтаніяхъ, но она начала его уговаривать, утверждая, что это болѣзнь, и что для излеченія необходимо нужно отыскать человѣка.

22 мая 1862 г. Петръ Титовъ былъ *освидѣтельствованъ* въ состояніи умственныхъ способностей въ присутствіи троицкаго уѣзднаго суда мѣстнымъ городовымъ врачемъ Малишевскимъ, уѣзднымъ врачемъ Фирсовымъ, а равно баталіоннымъ лекаремъ Лавицкимъ. Въ составленномъ о семъ актѣ вышеозначенные врачи изложили, что Титовъ около 50 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія крѣпкаго, темперамента сангвиническаго, на всѣ дѣлаемые ему вопросы отвѣчалъ хотя медленно, но здраво, никакими ни физическими, ни психическими разстройствами организма не страдаетъ. На предложенный уѣзднымъ судомъ вопросъ: былъ ли Титовъ во время совершенія преступленія одержимъ меланхоліей, отвѣта положительнаго, по неимѣнію достаточныхъ фактовъ, дать невозможно. На вопросъ: могъ ли Титовъ, во время припадка меланхоліи, убить жену свою, можно сказать, что если припадокъ былъ силенъ, то могъ. Что же касается до того, дѣйствительно ли Титовъ страдалъ меланхоліей, то должно: во 1-хъ тщательно распросить какъ родныхъ, такъ и сосѣдей изслѣдуемаго лица о его душевномъ состояніи въ продолженіи предшествовавшаго преступленію года, а во 2-хъ, подвергнуть убійцу строгому и долгому медицинскому испытанію при больницѣ для чего, равно какъ для дальнѣйшаго освидѣтельствованія — необходимо на основаніи 368 ст. X. т. I-й ч. отправить его въ губернскій городъ.

При произведенномъ по распоряженію уѣзднаго суда дослѣдованій, крестьяне деревни Николаевки показали, что когда они 26 февраля собрались у дома Петра Титова и боялись войти къ нему, то онъ увѣрялъ ихъ, что около него ничего нѣтъ и говорилъ, чтобы его взяли безъ опасенія, и дѣйствительно онъ при этомъ никакого сопротивленія не дѣлалъ, а когда спрашивали конскія желѣзныя путы для заковки его, то онъ сказалъ, чтобы взяли принадлежащія ему; вообще Титовъ былъ тогда въ такомъ положеніи, какъ будто бы и не совершилъ никакого преступленія. До сдѣланнаго преступленія Титовъ былъ примѣрнаго поведенія, онъ былъ очень добръ, такъ что если кто бывало у него попроситъ денегъ или хлѣба въ займы, а у него самаго не случится, то онъ занималъ у людей и снабжалъ просившихъ; съ семейными своими и съ женой жилъ постоянно въ любви и согласіи. Въ 1861 и 1862 г. до 26 февраля въ харак-

теръ Титова перемѣны въ сравненіи съ прежнимъ образомъ жизни, а равно задумчивости, помѣшательства или умоизступленія они, показатели, не замѣчали. Одинъ изъ братьевъ Петра Титова отозвался, что осенью 1861 г. Петръ жаловался, что у него болитъ грудь и «обноситъ голову», а при разговорѣ часто задумывался. Другой братъ Титова, Николай, показалъ, что осенью же 1861 г. Петръ былъ вмѣстѣ съ нимъ на свадьбѣ у крестьянина Сукова, и здѣсь по просьбѣ кого то выпилъ стаканъ водки; послѣ этого къ нему подошла его жена и сѣла съ нимъ рядомъ, но Петръ сказалъ женѣ несвязными словами, чтобы она не садилась такъ; потомъ онъ пошелъ на дворъ и, возвратившись оттуда съ дикими глазами, спросилъ: не о немъ ли разговариваютъ? Все это онъ, Николай, относитъ не къ охмѣленію Петра, а къ изступленію ума его, ибо онъ съ такого количества водки одурѣть не могъ.

Старшій сынъ Петра Титова, *Фирсъ*, отозвался, что за нѣсколько дней до смерти мать его родила дочь; 25 февраля у нихъ въ домѣ, по случаю рожденія сестры, были гости, которые пили вино, но отецъ ничего не пилъ; какъ онъ, такъ и мать были веселы. За отцомъ онъ, Фирсъ, никакой болѣзни не замѣчалъ, только иногда онъ, задумавшись о чемъ то, плакалъ; кромѣ того иногда бывалъ очень веселъ, или же чего то боялся; такъ одинъ разъ, поѣхавъ на ярмарку, онъ воротился назадъ, причемъ сказалъ матери, что ему нѣтъ дороги и что она загорожена.

Священникъ *кичигинской* станицы Бирюковъ отозвался, что на первой недѣлѣ великаго поста 1862 г. (за нѣсколько дней до убійства) Петръ Титовъ заявлялъ ему, что онъ одержимъ какою то непонятною для него тоскою и просилъ отслужить послѣ обѣдни молебенъ Спасителю, но за обѣдней Титовъ не былъ, а потому и молебенъ отслуженъ не былъ.—Крестьянинъ деревни Николаевки Епифанъ *Шаминъ* показалъ, что за полгода до 26 февраля Титовъ, встрѣтившись съ нимъ на свадьбѣ, спросилъ его, что правда ли, что онъ былъ нездоровъ; на это онъ Шаминъ отвѣтилъ, что дѣйствительно онъ страдалъ умопомѣшательствомъ; тогда Титовъ отвѣтилъ, что и онъ нездоровъ и что ему нужно бы посовѣтоваться.—Казакъ Кипріянъ *Поповъ* показалъ, что осенью 1861 г. Титовъ, остановившись у него на квартирѣ, дѣйствительно просилъ его отвести къ знахаркѣ(?) Василью 30 руб.,

отзываясь, что самъ онъ ѣхать боится, потому что ему воображается, что кто то за нимъ гонятся, и что ему всегда представляется изгнаніе его изъ общества. Изъ этого онъ, Поповъ, замѣтилъ, что Титовъ внѣ ума. Кромѣ сего Титовъ и прежде того спрашивалъ его, что не слыхалъ ли онъ чего объ изгнаніи его изъ общества, но онъ его увѣрялъ, что объ этомъ ни отъ кого ничего не слышалъ. Въ Титовѣ всегда замѣтна была какая то скука.—Какъ Игнатій *Галанинъ* отозвался, что до великаго поста 1862 г. и въ самый постъ Титовъ сказывалъ, что ему страшно скучно, что какъ будто за нимъ кто то слѣдитъ и хочетъ схватить и изгнать изъ общества; и что онъ часто не знаетъ, что дѣлать съ собой. Въ заключеніе онъ говорилъ такими словами: «не знаю, буду ли живъ». По такимъ разсказамъ Титова онъ, Галанинъ, дѣйствительно замѣчалъ въ немъ какую-то болѣзнь и скуку, но разъяснить причинъ этого не могъ.

Въ 1863 г. Петръ Титовъ, по распоряженію оренбургской уголовной палаты, находился въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ на испытаніи въ больницѣ уфимскаго тюремнаго замка, причемъ какъ сказано въ актѣ освидѣтельствованія его въ губернскомъ правленіи, у Титова признаковъ умственнаго разстройства замѣчено не было. Находясь въ больницѣ, Титовъ передалъ завѣдующему оною врачу Беневоленскому письмо съ десятью рублями денегъ. Въ письмѣ онъ просилъ врача оказать ему огражденіе отъ угрожающихъ гибельныхъ послѣдствій и за это принять десять рублей. На спросъ объ этомъ письмѣ въ присутствіи суда, Титовъ показалъ, что деньги онъ послалъ врачу для того, чтобы онъ подалъ ему пособіе въ болѣзни, а не для того, чтобы помогъ по дѣлу.

28 августа 1863 г. Петръ Титовъ былъ освидѣтельствованъ въ состояніи умственныхъ способностей въ особомъ присутствіи оренбургскаго губернскаго правленія, причемъ на нижеслѣдующіе вопросы отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ тебя зовутъ? *Отв.* Петръ. *Вопр.* По отчеству? *Отв.* Титовъ. *Вопр.* Какого ты вѣроисповѣданія? *Отв.* Православнаго. *Вопр.* Откуда ты пришелъ? *Отв.* Изъ больницы. *Вопр.* Здоровъ ли ты? *Отв.* Прежде страдалъ помѣшательствомъ ума. *Вопр.* Какое у тебя было помѣшательство? *Отв.* Мнѣ представлялось рѣшительно все. *Вопр.* Что же тебѣ представлялось? *Отв.* Забылъ, не могу сказать. *Вопр.* Не

можно припомнить, что именно тебѣ представлялось? *Отв.* Если приду къ сосѣду, то казалось что меня хотятъ разстрѣлять. *Вопр.* Что у тебя тогда болѣло? *Отв.* Голова, и теперь болитъ. *Вопр.* Что ты чувствуешь? *Отв.* Головокруженіе сильное, и самъ не помню, какъ я зря шатался. *Вопр.* За что ты судился? *Отв.* За жену, за безумствіе. *Вопр.* За какое именно преступленіе? *Отв.* Не могу упомнить. *Вопр.* Гдѣ твоя жена? *Отв.* Она въ деревнѣ осталась, я не видалъ ее, и когда оставлялъ, было много народу. *Вопр.* Почему же былъ народъ, вѣроятно былъ праздникъ? *Отв.* Праздникъ былъ, но хорошо не помню. *Вопр.* Имѣешь ли ты дѣтей? *Отв.* Шестеро. *Вопр.* Большія дѣти? *Отв.* Большія. *Вопр.* Сыновья или дочери? *Отв.* Есть сыновья и дочери. *Вопр.* Сколько старшему сыну лѣтъ? *Отв.* 16-ть. *Вопр.* А дѣвочкѣ? *Отв.* Безъ малаго 16-ть. *Вопр.* Давно ли ты женатъ? *Отв.* 24 года женатъ. *Вопр.* А много ли у тебя было всѣхъ дѣтей? *Отв.* Девять. *Вопр.* За что ты жену убилъ? *Отв.* Въ безумствіи былъ. *Вопр.* Отчего же у тебя безумствіе? *Отв.* Не знаю. *Вопр.* Не было ли у тебя такое безумствіе прежде? *Отв.* Прежде не было, а только было помѣшательство.— Судя по наружному виду, слѣдящему за присутствующими взору и уклончивымъ отвѣтамъ Титова на предложенные ему вопросы, а равно принимая въ соображеніе результатъ трехмѣсячнаго испытанія его въ больницѣ, во время нахожденія въ которой, по удостовѣренію врача Беневоленскаго, признаковъ умственнаго разстройства замѣчено не было,—особое присутствіе признало Титова совершенно здоровымъ.

Оренбургская палата уголовнаго суда нашла, что крестьянинъ Петръ Титовъ, сознавшись въ зарѣзаніи жены своей, показалъ, что преступленіе это совершено имъ въ припадкѣ умопомѣшательства, въ которомъ представлялось ему, что его хотятъ удалить изъ жительства и онъ, чтобы не разстаться съ живою женою, рѣшился зарѣзать ее. По испытаніи въ умственныхъ способностяхъ въ губернской больницѣ и по свидѣтельству въ присутствіи губернскаго правленія чрезъ членовъ врачебной управы, произведенному по истеченіи полутора года послѣ совершенія преступленія, Титовъ признанъ совершенно здоровымъ. По свидѣтельству, произведенному чрезъ три мѣсяца послѣ происшествія въ присутствіи троицкаго уѣзднаго суда тремя мѣст-

ными врачами, Титовъ найденъ здоровымъ безъ признаковъ умопомѣшательства, но врачи отозвались однако, что если Титовъ до убійства жены былъ въ помѣшательствѣ ума и если припадокъ былъ силенъ, то могъ убить жену во время припадка меланхоліи. Между тѣмъ по слѣдствію не открыто никакихъ причинъ, по коимъ бы можно было положительно заключить, что убійство Титовымъ жены своей совершено въ здравомъ разсудкѣ и съ обдуманнымъ намѣреніемъ, такъ-какъ всѣ однодеревенцы и родственники его отозвались, что онъ былъ поведенія хорошаго и съ женою жилъ въ согласіи. Посему и принимая во вниманіе показанія трехъ присяжныхъ свидѣтелей и священника, удостовѣряющихъ, что Титовъ незадолго до убійства жены высказывалъ имъ какую то безотчетную тоску и страхъ отъ представлявшагося ему удаленія изъ жительства и преслѣдованія его кѣмъ то, а также и то еще, что онъ имѣлъ отъ жены пятерыхъ дѣтей, и жена его за три дня до убійства ея разрѣшилась отъ беременности шестымъ, слѣдуетъ признать, что убійство жены Титовъ совершилъ въ умоизступленіи. На основаніи сего палата уголовнаго суда опредѣлила: Титова за убійство жены, совершенное въ умопомѣшательствѣ, наказанію не подвергать, отдавъ его на основаніи ст. 107 и 108 кн. I. т. XV св. зак. на попеченіе родственниковъ.

Оренбургскій губернскій прокуроръ, не соглашаясь съ вышеизложеннымъ рѣшеніемъ палаты уголовнаго суда, подалъ протестъ, въ которомъ между прочимъ изложилъ, что палата освобождаетъ Титова отъ наказанія на основаніи ст. 107 и 108 кн. I. XV т. св. зак., т. е. подводитъ Титова въ одно и тоже время подъ разныя категоріи, означенныя въ тѣхъ статьяхъ, какъ то сумасшествіе и безуміе, и болѣзнь до умоизступленія и совершеннаго безпамятства; это обстоятельство тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что въ опредѣлительной части постановленія палата находитъ уже, что Титовъ совершилъ убійство въ умопомѣшательствѣ. Такъ-какъ 108 ст. XV т. кн. I. требуетъ, чтобы припадки болѣзни, по которымъ обвиняемый освобождается отъ наказанія, были *точно доказаны*, то это самое достаточно опровергаетъ постановленіе палаты, которая, не опредѣливъ въ точности нравственнаго и умственнаго состоянія подсудимаго, т. е. приписывая его поступокъ въ одно и тоже время умоизступле-

нію и умопомѣшательству, освобождаетъ подсудимаго отъ отвѣтственности. Такая неточность въ опредѣленіи весьма естественна, потому что палата, не обративъ достаточнаго вниманія на свидѣтельство медиковъ и испытаніе подсудимаго въ больницѣ, приняла въ основаніе—положенія, которыя не могутъ привести къ опредѣлительному заключенію. Медики опредѣлили, что подсудимый, если до убійства жены былъ въ помѣшательствѣ ума, и если припадокъ былъ силенъ, то могъ убить жену. Титовъ въ поведеніи одобренъ; онъ жилъ въ согласіи съ женой; 4 лица показали, что незадолго до убійства онъ жаловался на тоску и страхъ отъ воображаемаго преслѣдованія. Эти послѣднія обстоятельства не даютъ еще права предполагать, что Титовъ былъ въ умопомѣшательствѣ; никѣмъ не обнаружено сильныхъ припадковъ его болѣзни, а показанія относительно его поведенія и супружеской жизни не только не даютъ этого права, но совершенно уничтожаютъ его, удостовѣряя, что умопомѣшательства сильнаго и полнаго вовсе не было, иначе оно было бы замѣтно. Съ неточностію соединяется и непослѣдовательность постановленія; палата, опредѣляя нравственное и умственное состояніе Титова, вслѣдствіе котораго онъ, по ея мнѣнію, рѣшился на преступленіе, далѣе находитъ, что въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ причинъ, по которымъ можно бы было заключить, что убійство совершено съ обдуманнымъ намѣреніемъ. Это видимое противорѣчіе, человѣкъ рѣшающійся на преступленіе всегда обдумываетъ его. Если сообразить обстоятельства дѣла, то легко можно убѣдиться въ томъ, что приговоръ палаты противорѣчитъ имъ. Петръ Титовъ, какъ видно изъ дѣла, взятъ на мѣстѣ преступленія; въ преступленіи онъ сознался; потому остается опредѣлить, совершено ли оно съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ или же совершено въ умопомѣшательствѣ или умоизступленіи? Петръ Титовъ относительно своего нравственнаго и умственнаго состоянія объяснилъ, что еще за годъ до преступленія болѣлъ безотчетною тоскою; что находился постоянно въ страхѣ отъ воображаемаго преслѣдованія; что ему казалось постоянно, что онъ будетъ удаленъ изъ общества; что къ преступленію его побудило именно это состояніе духа; что онъ рѣшился зарѣзать жену свою для того, чтобы не разставаться съ нею живой. Въ дѣлѣ есть четыре показанія праздныхъ свидѣтелей, удостовѣ-

рающихъ въ томъ, что Титовъ тосковалъ и жаловался на болѣзнь свою. Кромѣ этого удостовѣренія нѣтъ въ дѣлѣ данныхъ, опредѣляющихъ положительно болѣзнь Титова, и тѣ собственно показанія не даютъ точнаго опредѣленія болѣзни Титова; по нимъ по крайней-мѣрѣ нельзя судить о степени умственнаго разстройства его. Не имѣя ничего болѣе о моральномъ состояніи Титова, не имѣя въ виду болѣе никакихъ причинъ къ преступленію, остается обратиться къ медикамъ. По свидѣтельству уѣздныхъ врачей, Титовъ могъ убить жену, если онъ до убійства былъ въ умопомѣшательствѣ и если припадокъ былъ силенъ; это опредѣленіе врачей, удостовѣрившихъ при свидѣтельствѣ о здоровомъ состояніи Титова, въ которомъ признанъ онъ и послѣ испытанія въ больницѣ, предоставляетъ суду обратиться къ обстоятельствамъ дѣла и по нимъ сдѣлать уже заключеніе, въ какомъ состояніи совершено Титовымъ преступленіе. Это же опредѣленіе показываетъ, что Титовъ не сумасшедшій, что если можно отнести преступленіе къ его нравственной дезорганизаціи, то преступленіе Титовымъ совершено въ припадкѣ болѣзни, вслѣдствіе котораго онъ былъ или въ умоизступленіи или въ безпамятствѣ. Въ дѣлѣ дѣйствительно нѣтъ никакихъ данныхъ, позволяющихъ предположить умопомѣшательство Титова. Титовъ одобренъ въ поведеніи какъ честный и добрый человѣкъ, всегда жившій въ согласіи съ женой; сосѣди и всѣ знающіе его однодеревенцы въ умопомѣшательствѣ его не замѣчали; тѣ четыре лица, которыя удостовѣряютъ о его болѣзни, показываютъ только, что Титовъ жаловался на умственное разстройство; но никто изъ нихъ его помѣшаннымъ не признавалъ; его родные не могли даже предположить ничего о преступленіи, между тѣмъ Титовъ рѣшился на убійство наканунѣ его, приготовивъ тогда же и ножъ. По этимъ обстоятельствамъ дѣла и по опредѣленіямъ экспертовъ, нѣтъ никакого основанія признать Титова въ умопомѣшательствѣ, и онъ, губернскій прокуроръ, полагаетъ, что преступленіе совершено Титовымъ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Онъ рѣшился, какъ самъ показываетъ, на преступленіе наканунѣ его; онъ приготовилъ ножъ съ вечера; ему оставалось только избрать удобное время для исполненія намѣренія. Онъ жилъ въ большой семьѣ, слѣдовательно долженъ былъ принять всѣ мѣры къ предупрежденію малѣйшаго подозрѣнія. Намѣреніе

его было твердое и несокрушимое, потому что приготовляясь къ такому отвратительному преступленію, онъ велъ себя спокойно и благоразумно, иначе можно ли бы было предположить, чтобы жена его могла спать спокойно вмѣстѣ съ нимъ. Нѣтъ никакого основанія довѣрять показанію его о томъ, что за нѣсколько минутъ до преступленія жена успокоивала его, но если предположить это показаніе достовѣрнымъ, то оно еще болѣе удостовѣряетъ о твердой рѣшимости Титова на преступленіе. Онъ показываетъ, что ударивъ разъ жену въ горло ножемъ, пришелъ въ азартъ; но это показаніе развѣ удостовѣряетъ насъ въ умоизступленіи Титова? Весьма естественно, что онъ съ остервененіемъ рѣзалъ жену свою, но нѣтъ никакихъ причинъ предполагать, что онъ былъ въ минуту преступленія въ безпамятствѣ или умоизступленіи. Всѣ видѣвшіе его у трупа жены показали, что перемѣны въ Титовѣ они никакой не замѣтили, что онъ былъ спокоенъ. Онъ зарѣзалъ жену и зналъ, что его арестуютъ, что за это будетъ наказанъ. Онъ дѣйствовалъ какъ человѣкъ, обдумавшій вполнѣ то, что онъ предпринимаетъ. По смыслу ст. 108, «не вмѣняются въ вину преступленія и проступки учиненные больнымъ въ точно доказанномъ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства». Обстоятельства дѣла не удостовѣряютъ въ болѣзненномъ состояніи Титова въ минуту совершенія преступленія; они даютъ только право заключить, что преступленіе совершено съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. — Находя засимъ, что судъ не имѣетъ никакого права освобождать преступника отъ наказанія за преступленіе, потому только, что по слѣдствію не обнаружено прямыхъ причинъ къ преступленію и принимая въ соображеніе смыслъ ст. 108, XV т. кн. I, по которому припадокъ болѣзни служитъ причиною невмѣняемости только тогда, когда онъ точно доказанъ, губернскій прокуроръ предложилъ оренбургской палатѣ уголовнаго суда измѣнить сообразно съ симъ постановленіе ея относительно преступленія Титова.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что, основываясь на показаніяхъ нѣсколькихъ свидѣтелей,—мѣстнаго священника и самаго Петра Титова относительно душевнаго состоянія его предъ убійствомъ жены, и имѣя въ виду отсутствіе поводовъ къ совершенію Титовымъ этого преступленія и вполнѣ одобренное поведеніе его,—

слѣдуетъ допустить, что Титовъ былъ одержимъ меланхоліей, перешедшей у него въ галлюцинацію и умоизступленіе, подъ вліяніемъ которыхъ онъ и совершилъ убійство жены безсознательно. Хотя при освидѣтельствованіяхъ 22 мая 1862 г. и 28 августа 1863 г., а равно при испытаніи въ 1863 г. въ больницѣ уфимскаго тюремнаго замка Титовъ и оказался психически здоровымъ, но это не можетъ служить опроверженіемъ предположенія о разстройствѣ его умственныхъ способностей во время совершенія преступленія, такъ-какъ разстройство это легко могло пройти въ промежутокъ времени отъ преступленія до освидѣтельствованій Титова. Къ сему совѣтъ добавилъ, что Титовъ, какъ опасный для общества человѣкъ, долженъ находиться подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ.

Убійство крестьяниномъ Яковомъ Максимовымъ жены и 4 дѣтей своихъ.

(Религіозное помѣшательство.)

24 апрѣля 1862 года ратицкое волостное правленіе (старорусскаго уѣзда, новгородской губерніи) донесло мѣстному становому приставу, что въ ночь на 24 число вольный хлѣбопашецъ деревни Загородищъ Яковъ Максимовъ, зарубилъ топоромъ жену свою Авдотью Григорьеву и дѣтей—сыновей Осипа и Дмитрія, и дочерей Дарью и Пелагею, и что Дмитрій, Дарья и Пелагея еще дышатъ, Авдотья же и Осипъ убиты до смерти.

Судебный слѣдователь старорусскаго уѣзда, прибывъ 28 апрѣля въ деревню Загородищу, осмотрѣлъ оставшихся живыми дочерей Якова Максимова, Дарью и Паллагею, причемъ оказалось, что Дарьѣ по видимому 14, а Пелагеѣ 7 лѣтъ, находятся онѣ въ домѣ крестьянина деревни Загородища, Ивана Максимова. Дарья лежала на постелѣ на полу и была покрыта овчиннымъ полушубкомъ; на головѣ ея находилась мокрая тряпка, по снятіи которой найденъ липкій пластырь, связывавшій раны; по отнятіи пластыря найдена съ правой стороны головы порубленная рана, начинавшаяся съ верху правой брови и шедшая къ темени той же стороны, длиною въ три дюйма, шириною въ полтора дюйма; кромѣ того представилась рана неправильнаго очертанія, шедшая отъ верхней части праваго уха косвенно вверхъ къ темени, и правое ухо

въ верхней части прорублено; на средней части праваго плеча, болѣе къ наружи, видна порубленная рана длиною въ одинъ дюймъ, шириною въ полъ—дюйма. Пелагея лежала на лавкѣ на постелѣ; на верхней части головы ея оказалась порубленная рана длиною въ два дюйма, шириною въ $^{3}/_{4}$ дюйма; на верхней части затылка таковая же рана, шедшая параллельно къ затылку, длиною въ три дюйма, шириною въ полтора дюйма; кромѣ того верхняя часть носа, около корня его, прорублена и правая щека прорублена, по видимому отъ одного удара. Къ сему въ составленномъ судебнымъ слѣдователемъ протоколѣ добавлено, что какъ Дарья такъ и Пелагея весьма слабы; первая безъ памяти, послѣдняя же объяснила, что когда билъ ее отецъ, она не помнитъ, что жилъ онъ съ матерью хорошо, и она жалѣетъ какъ отца, такъ и мать одинаково.

По произведеніи осмотра, Дарья и Пелагея Максимовы были отправлены для пользованія въ село Выбити, въ больницу помѣщика князя Васильчикова *).

28 апрѣля 1862 года старорусскимъ уѣзднымъ врачемъ Потто произведенъ былъ судебно-врачебный осмотръ мертвымъ тѣламъ жены Якова Максимова, Авдотьи Григорьевой и сыновей его Дмитрія и Осипа, причемъ оказалось: 1) Авдотья Григорьева, имѣвшая около 40 лѣтъ, лежала въ избѣ мужа ея на постелѣ, постланной на полу, лицемъ въ верхъ, головою на подушкѣ пропитанной большимъ количествомъ запекшейся крови, ногами на полу; одѣта она была въ холщевую рубаху и покрыта сѣрымъ шерстянымъ кафтаномъ; тѣлосложеніе ея довольно хорошее, роостъ средній, волоса на головѣ черные, глаза полуоткрытые, лице блѣдное, мѣстами покрытое запекшеюся кровью, животъ вздутъ; лѣвая сторона лица, начиная на $^{3}/_{4}$ дюйма выше праваго угла рта и до лѣваго уха параллельно отверстію рта, представлялась совершенно прорубленною; равно зубной край верхней лѣвой челюсти и составный отростокъ нижней челюсти были совершенно перерублены; кромѣ того видна рана съ ровными краями позади лѣваго уха, на мѣстѣ положенія сосцевиднаго от-

*) Изъ имѣющагося въ дѣлѣ отношенія выбитско-вотчинной конторы видно, что Дарья Максимова 8 мая умерла; сестра же ея Пелагея 8 числа находилась въ удовлетворительномъ состояніи здоровья.

ростка височной кости, длиною $1^1/_2$ дюйма, безъ поврежденія упомянутаго отростка; на туловищѣ никакихъ знаковъ насилія не было. 2) Неподалеку отъ Авдотьи Григорьевой лежалъ на постелѣ на спинѣ совершенно нагой сынъ ея Дмитрій 3 лѣтъ; глаза его были полуоткрыты; ротъ открытъ; лицо блѣдное, покрытое съ правой стороны запекшеюся кровью; животъ слегка вздутъ; на правой сторонѣ лица на $2^1/_2$ линія ниже внутренняго угла праваго глаза представлялась рана съ ровными краями, начинавшаяся отъ упомянутаго угла глаза и шедшая параллельно вѣку глаза къ правому уху, длиною около 5 дюймъ и шириною въ $1^1/_2$ дюйма; при изслѣдованіи раны, тѣло скуловой кости оказалось прорубленнымъ; отъ окончанія упомянутой раны около уха видна была другая рана, шедшая отъ первой вверхъ по чешуйчатой части височной кости и по темянной, длиною около 5 дюймовъ и шириною въ 1 дюймъ; правая темянная кость на мѣстѣ раны представляла переломъ, простиравшійся почти до верхняго ея края; на туловищѣ Дмитрія знаковъ насилія не было. 3) При входѣ въ избу съ лѣвой стороны ея лежалъ поперегъ постели, постланной на кровати, сынъ Якова Максимова, Осипъ, лицемъ внизъ и нѣсколько на лѣвой сторонѣ его, головою обращенъ къ краю кровати, ногами къ стѣнѣ избы; правая рука нѣсколько согнута въ локтѣ, лѣвая закинута на голову; одѣтъ въ пеструю холщевую рубаху и бѣлые холщевые порты; какъ рубаха, такъ и порты мѣстами покрыты запекшеюся кровью; тѣлосложенія Осипъ довольно слабаго, 12 лѣтъ отъ роду; волосы на головѣ свѣтлорусые и покрыты запекшеюся кровью; лице блѣдное, глаза и ротъ закрыты, при изслѣдованіи головы найдены три раны съ совершенно ровными краями, изъ коихъ по одной находилось позади праваго и лѣваго уха почти на мѣстѣ положенія сосцевиднаго отростка височныхъ костей, длиною $2^1/_2$ дюйма и шириною $^1/_2$ д.; третья рана шла косвенно по затылку, болѣе къ лѣвой сторонѣ его, длиною въ 2 д. и шириною $^1/_2$ д.; затылочная кость на мѣстѣ раны была нѣсколько вкось надрублена; кромѣ того видны были раны — одна на мѣстѣ положенія правой лопатки, длиною около 5 д., шедшая почти отъ средины лопаточной кости внизъ къ нижнему углу лопатки; другая находилась спереди, на мѣстѣ сочлененія правой плечевой кости съ лопаткою, такъ что мелкія части, окружающія сочлененіе, представлялись про-

рубленными почки до самой головки плечевой кости; длина раны 1½ дюйма; третья рана оказалась на нижней части спины съ лѣвой стороны ея, длиною 1½ д. и шириною 1 д.; 8 и 9 ребра на мѣстѣ раны перерублены.

Врачъ Потто заключилъ, что взявъ во вниманіе форму ранъ, ясно видно, что онѣ нанесены режущимъ инструментомъ и именно лезвіемъ топора, и что смерть въ данныхъ случаяхъ послѣдовала отъ глубокаго поврежденія мозга, вмѣстѣ съ сильною потерею крови *).

Вольный хлѣбопашецъ, Яковъ Максимовъ, на предложенные ему 28 апрѣля судебнымъ слѣдователемъ нижеслѣдующіе вопросы, отвѣчалъ: *В.* Какъ твое имя, отчество и фамилія; сколько тебѣ отъ роду лѣтъ; званіе твое; мѣсто жительства; какой ты вѣры, бываешь-ли на исповѣди и у св. причастія и гдѣ именно; не состоялъ-ли и не состоишь-ли на службѣ и по ней не имѣешь ли какихъ заслугъ или пороковъ; не состоялъ ли подъ слѣдствіемъ и судомъ и за что именно; грамотенъ ли ты; холостъ или женатъ; гдѣ ты рожденъ и крещенъ, и кто твои родители и воспріемники? *Отв.* Зовутъ меня Яковомъ, по отчеству Максимовъ, фамиліи не имѣю; 50 лѣтъ, вольный хлѣбопашецъ вѣдомства новгородской палаты государственныхъ имуществъ, мшогской волости, деревни Загородница, гдѣ постоянное жительство имѣю, вѣры православной, на исповѣди и у св. причастія бываю ежегодно въ ученской церкви; на службѣ, подъ судомъ и слѣдствіемъ никогда не былъ; неграмотенъ; былъ женатъ на Авдотьѣ Григорьевой, которую я съ дѣтьми своими убилъ; рожденъ въ деревнѣ Загородницѣ отъ Максима Кириллова и Пелагеи Федоровой, воспріемниками моими были братъ мой родной, Архипъ Максимовъ, а кто была мать крестная, не запомню; крещенъ въ ученской церкви. *В.* Что тебя побудило совершить убійство, когда именно ты совершилъ таковое и какимъ орудіемъ? *Отв.* 23 сего апрѣля, отстоявъ утреню и обѣдню въ ученской церкви, я пошелъ въ деревню Крутецъ къ крестьянину Ильѣ Николаеву попросить у него ржи; у Николаева пообѣдавъ, я пошелъ въ село Учно и оттуда послѣ уже полдня пришелъ домой, гдѣ поспавъ по больше часу,

*) Новгородская врачебная управа, по разсмотрѣніи составленнаго врачемъ Потто свидѣтельства, нашла его удовлетворительнымъ.

я съ женой отправился въ озимовое поле и на пожню посмотрѣть вновь срубленную на сей послѣдней свою избушку; съ пожни возвратился я съ женой вечеромъ, тутъ, прибравшись со скотиною, жена собрала ужинать; дѣти мои: Дарья, Пелагея, Осипъ и Дмитрій, а также жена моя и сестра, Авдотья Максимова, сѣли ужинать, а я не захотѣлъ ужинать и легъ спать на залавокъ или кровать; хотя же жена моя и просила меня ужинать, но я отказался, а потому она, выйдя изъ за стола, давала мнѣ яйцо, но я велѣлъ ей яйцо дать дѣтямъ. Послѣ ужина жена постлала на полу постель, на которую легли: жена, сестра, сынъ Дмитрій и дочери Дарья и Пелагея, а сынъ Осипъ легъ спать со мною на залавкѣ; долго ли я спалъ, не знаю, но только ночью я вздрогнулъ и увидѣлъ, что свѣтло, причемъ, услыхавъ голосъ «тюкъ»; я сѣлъ на постель и потомъ взявъ топоръ большой, который лежалъ подлѣ залавка, пошелъ съ топоромъ къ женѣ, которая лежала въ переднемъ углу, и сказавъ: «Господи благослови», ударилъ ее топоромъ одинъ разъ и переступивъ чрезъ жену, ударилъ топоромъ остріемъ дочь Дарью, которая лежала подлѣ сестры Авдотьи, а потомъ ударилъ тѣмъ же топоромъ сына Осипа, а какъ Осипъ сѣлъ, то я сказалъ ему: «лягъ батюшка», и когда онъ легъ, то я еще ударилъ его нѣсколько разъ; отъ Осипа я перешелъ и ударилъ, не знаю кого, сына-ли Дмитрія или дочь Пелагею прежде; рубивши такимъ образомъ свою семью я не знаю, а кажется наступилъ на сестру свою Авдотью, которая, проснувшись и увидавъ мое дѣло, побѣжала на улицу, закричавъ караулъ; вслѣдствіе сего прежде всѣхъ пришелъ ко мнѣ братъ Иванъ Максимовъ, а вслѣдъ за нимъ и сестра моя Авдотья, которая сказала: «никакъ маленькія пташечки топоромъ перерублены», а братъ сказалъ «гдѣ же Яша»? (то есть я), а я сказалъ: «сижу здѣсь», а они спросили: «гдѣ же топоръ?», я отвѣтилъ, что около печки лежитъ; потомъ крестьяне вздули огонь, (ужъ были скопившись и крестьяне нашей деревни); а какъ я имъ объявилъ, что я совершилъ убійство, то меня и связали. Чтó меня заставило совершить убійство, я не знаю; съ женою своей я жилъ хорошо въ любви и дѣтей любилъ, на убійство я не имѣлъ никогда намѣренія и въ голову оно никогда не приходило; а вотъ вамъ что разскажу: съ малолѣтства я привыкъ къ рукоблудію, такъ что когда пришелъ въ возрастъ, то мнѣ не хотѣлось и жениться, но но

убѣжденію покойныхъ родителей я женился. Сообщалось весьма часто съ женою, которая мнѣ въ сообщеніи не отказывала, я сверхъ сего занимался рукоблудіемъ по ночамъ, не разбирая никакихъ праздничныхъ дней и постовъ. Объ уничтоженіи этой страсти я молилъ Бога, но она не уничтожалась, что меня мучило чрезвычайно; и хотя каялся на исповѣди, но исповѣдь моя была не искренняя, я опять принимался за рукоблудіе, коимъ даже занимался и въ прошедшій великій постъ. Независимо отъ этого я, до вступленія въ бракъ, имѣлъ много разъ блудъ и со скотомъ, какъ то: съ овцей, коровой, кобылой. Объ этомъ послѣднемъ блудѣ я не каялся никогда на исповѣди, такъ-какъ стыдно мнѣ было открыть. Означенный блудъ такъ меня и мою совѣсть мучилъ, что я не зналъ отъ того успокоенія. Совершенное мною убійство есть, какъ я думаю, наказаніе Божіе за означенныя мои блудныя дѣла; болѣе же я никакихъ не имѣлъ и не имѣю за собою преступленій. Никогда я съ ума не сходилъ, а былъ всегда въ своемъ умѣ; водку пилъ изрѣдка и умѣренно, а 23 апрѣля не пилъ водки и съ великаго поста не пилъ ни капли водки.—*В.* Справедливо ли ты все это показалъ и не имѣешь ли что добавить или измѣнить? *Отв.* Показалъ все это справедливо и добавить, какъ равно и измѣнить, ничего не могу, исключая того, что мнѣ жалко убитыхъ мною.

По отобраніи вышеизложеннаго показанія, судебный слѣдователь въ составленномъ имъ актѣ написалъ, что на предлагаемые крестьянину Якову Максимову вопросы онъ отвѣчалъ отчетливо и удовлетворительно и изъ словъ его, какъ равно и по чертамъ лица, нельзя заключать, чтобы онъ отвѣты давалъ, не сознавая ихъ, такъ-какъ рѣчь свою онъ повторялъ въ одно слово безъ всякого измѣненія неоднократно.

Сестра Якова Максимова, Авдотья Максимова (65 лѣтъ), показала, что 22 апрѣля, отстоявъ обѣдню въ селѣ Учнѣ въ церкви, она пришла къ брату своему Якову Максимову, у коего ночевала и осталась на другой день. 23 апрѣля Яковъ отправился въ Учно въ церковь; придя изъ церкви, онъ полежалъ на постелѣ и потомъ съ своей женой Авдотьей отправился на пожню посмотрѣть срубленную избушку. Возвратясь съ пожни по вечеру и убравшись по хозяйству, сѣли ужинать, но братъ не сѣлъ, хотя его жена и просила; хотя жена давала ему куриное яйцо, но онъ сказалъ:

*

дай ребятишкамъ, я не хочу». Отъужинавъ и поставъ постель на полу, жена брата легла спать съ дочерьми Дарьей и Пелагеей и сыномъ Дмитріемъ; она же, Авдотья, легла на краю постели близь залавка, на коемъ спалъ братъ Яковъ съ сыномъ Осипомъ. До полночи она услышала, что на залавкѣ какъ будто братъ Яковъ сына Осипа чѣмъ то ударилъ, а потому, соскочивъ съ постели, выбѣжала на улицу и закричала караулъ. На этотъ крикъ прибѣжалъ другой братъ ея, Иванъ Максимовъ, и когда ощупали, что жена Якова уже мертва, то спрашивали съ братомъ Иваномъ: гдѣ ты, братъ Яковъ? (такъ какъ было темно), и онъ сказалъ: «сижу здѣсь на залавкѣ»; потомъ Иванъ спросилъ: что ты это сдѣлалъ? на что Яковъ сказалъ: «убилъ свою кровь, прибралъ». Послѣ того пришли въ избу крестьяне деревни Загородища, которые спрашивали Якова, за что онъ убилъ жену и дѣтей, а сестру, т. е. ее, Авдотью, нѣтъ; на это Яковъ отвѣтилъ: «сестра мнѣ родная, а кровь не моя». Къ сему Авдотья Максимова добавила, что отчего и изъ за чего Яковъ совершилъ убійство, она не знаетъ; съ женой онъ жилъ хорошо и дѣтей любилъ; въ сумасшествіи она его никогда не замѣчала; Богъ знаетъ, почему это онъ сдѣлалъ.

Братъ Якова, Иванъ Максимовъ, показалъ, что, прибѣжавъ на крикъ сестры Авдотьи въ избу Якова, онъ спросилъ Авдотью: «что у васъ такое»? на что она отвѣтила, что Яковъ убилъ женку; засимъ онъ, Иванъ, спросилъ: «гдѣ же Яковъ»? и тотъ сказалъ: «сижу здѣсь». Подошедши къ Якову, онъ спросилъ его, что ты это сдѣлалъ? но Яковъ ничего не сказалъ. Вслѣдъ засимъ явились въ избу крестьяне и по вздутіи огня стали спрашивать, за что онъ убилъ, и Яковъ отвѣтилъ: «такъ я своихъ прибралъ, а любимаго сынка Осиньку тюкнулъ т. е. зарубилъ, лишній разъ». За что и изъ за чего Яковъ совершилъ убійство, онъ, Иванъ, не знаетъ; съ женой Яковъ жилъ хорошо, дѣтей любилъ и въ церковь Божію часто ходилъ, пьянствомъ не занимался, всегда былъ въ своемъ умѣ и въ умоизступленіи или помѣшательствѣ онъ, Иванъ, его никогда не замѣчалъ; словомъ, онъ былъ человѣкъ хорошій. 23 апрѣля Яковъ ходилъ въ село Учно въ церковь и во весь тотъ день онъ, Иванъ, ни малѣйшихъ признаковъ сумасшествія въ Яковѣ не замѣтилъ.

29 апрѣля судебный слѣдователь предложилъ Якову Макси-

мову слѣдующій вопросъ: почему ты убилъ лишь жену съ дѣтьми, а сестру свою, которая тутъ же находилась, не убилъ? На этотъ вопросъ Яковъ Максимовъ отвѣтилъ такъ: «долженъ вамъ сказать, что я вчерашній день устыдился вамъ объяснить слѣдующее, когда я 23 апрѣля, возвратился домой съ пожни, осмотрѣвъ срубленную избушку, то вотъ что придумалъ: убить жену и дѣтей ночью, а самому бѣжать изъ дому молиться Богу, т. е. за убійство страдать, какъ по законамъ слѣдуетъ, думая, что жена и дѣти, какъ убитыя, будутъ св. мучениками; я же страдая, умолю Господа за убійство; сестру же свою я вовсе не хотѣлъ убить, а потому и не убилъ ее; совершить убійство изъ-за означенной цѣли меня никто не научалъ и сдѣлалъ это я по своему смыслу и намѣренію; показалъ это справедливо и добавить имѣю, что дѣтей своихъ я болѣе убилъ изъ-за того, чтобы они, выростя большими, не сдѣлались большими грѣшниками, а жену свою я, имѣя блудную страсть, убилъ изъ за того, что она хотя и не отказывалась въ сообщеніи со мною, но все таки, какъ хорошая женщина, усовѣщевала меня, что и дѣти будутъ въ меня; убійствомъ же ихъ я хотѣлъ загладить какъ свои, такъ и ихъ грѣхи; болѣе же добавить ничего не могу» *).

Крестьяне деревни Загородище (9 человѣкъ) показали, что 23 апрѣля около полуночи, они были извѣщены, что у ихъ сосѣда Якова Максимова что-то случилось; прибывъ въ домъ Максимова и вздувъ огонь, они увидѣли, что жена его и сынъ Осипъ убиты, дочери же Дарья и Пелагея и сынъ Дмитрій оглушены ударами. Увидѣвъ это они, показатели, спросили Якова, что онъ такое это надѣлалъ? на что Яковъ сказалъ: «убилъ, да и только, топоромъ»; кое какъ, чтобы не подвергнуть свою жизнь опасности, они съ осторожностію подобрались къ Якову и его связали. Изъ за чего Яковъ учинилъ убійство, они не могутъ и понять; къ службѣ Божіей онъ постоянно ходилъ, сумасшествію не былъ подверженъ никогда, пьянствомъ никогда не занимался, съ женою жилъ хорошо и дѣтей любилъ, такъ что они, показатели, ему завидовали. Знакомства съ худыми людьми, которые бы могли наставить на подобный поступокъ, Яковъ не имѣлъ.

Крестьянинъ деревни Крутецъ, Илья Николаевъ, показалъ, что 23 апрѣля послѣ обѣдни къ нему приходилъ хлѣбопашецъ Яковъ

*) На допросѣ 24 сентября 1862 г. Максимовъ отъ сего показанія отказался.

Максимовъ для покупки ржи и, пообѣдавъ у него, отправился домой; во время бытности у него, Яковъ водки не пилъ, да и всегда онъ употреблялъ ее очень мало; какого либо сумасшествія онъ въ Яковѣ не замѣтилъ.

На повальномъ обыскѣ крестьяне деревни Загородищъ и сосѣднихъ съ нею селеній (въ числѣ ста семи человѣкъ) подъ присягою показали, что вольнаго хлѣбопашца Якова Максимова они знаютъ, какъ человѣка поведенія хорошаго; въ воскресные и праздничные дни онъ въ церковъ Божію неупустительно ходилъ, съ женою какъ и съ сосѣдями жилъ хорошо, дѣтей своихъ любилъ, пьянствомъ никогда не занимался, въ сумасшествіи они его никогда не замѣчали; словомъ, отчего Яковъ учинилъ убійство, они не могутъ понять.

При передопросѣ 17 іюля 1862 года, въ присутствіи старорусскаго уѣзднаго суда, Яковъ Максимовъ отозвался, что данное имъ при производствѣ слѣдствія 28 апрѣля, показаніе онъ вполнѣ утверждаетъ, и для дополненія и измѣненія сего показанія ничего не имѣетъ.

Новгородская палата уголовнаго суда, находя, что ужасное злодѣяніе, совершенное Яковымъ Максимовымъ при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, заставляетъ сомнѣваться въ нормальномъ состояніи его умственныхъ способностей, препроводила настоящее дѣло въ новгородскую врачебную управу съ просьбою: 1) разрѣшить, можетъ ли рукоблудіе довести страдающаго онымъ до общаго или однопредметнаго умопомѣшательства? 2) если вопросъ этотъ разрѣшится положительно, то какимъ образомъ удостовѣриться въ томъ, что подсудимый дѣйствительно страдалъ или страдаетъ рукоблудіемъ? Не нужно ли будетъ для удостовѣренія въ семъ освидѣтельствовать Максимова въ присутствіи управы или подвергнуть испытанію врача, на мѣстѣ заключенія его, Максимова? 3) Не сочтетъ ли нужнымъ врачебная управа прежде формальнаго освидѣтельствованія подсудимаго въ присутствіи губернскаго правленія, подвергнуть его испытанію въ состояніи умственныхъ способностей въ больницѣ?

Новгородская врачебная управа, по разсмотрѣніи дѣла о Яковѣ Максимовѣ, нашла, что по обстоятельствамъ этого дѣла и на основаніи уложенія о наказ. «примѣчанія III», необходимо произвести испытаніе Якову Максимову въ врачебной управѣ. Вслѣд-

ствіе сего Яковъ Максимовъ, по распоряженію уголовной палаты, былъ препровожденъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, въ новгородскую врачебную управу. — 3 сентября 1863 года новгородская врачебная управа донесла мѣстной уголовной палатѣ слѣдующее *): изъ демьянскаго городническаго правленія, чрезъ новгородскую градскую полицію, доставленъ былъ въ управу, судимый за убійство жены своей и дѣтей, арестантъ Яковъ Максимовъ, — для освидѣтельствованія въ состояніи умственныхъ способностей, и чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ разрѣшить вопросъ, можетъ ли рукоблудіе (onania), довести до общаго или одновредметнаго умопомѣшательства? Изъ дѣла о Яковѣ Максимовѣ видно; что онъ трезваго поведенія, жилъ согласно съ женою и любилъ дѣтей; Яковъ Максимовъ объяснилъ подробно всѣ обстоятельства, предшествовавшія событію, при первомъ своемъ показаніи, — какъ онъ пошелъ ночью къ женѣ, которая лежала въ переднемъ углу, сказалъ «Господи благослови» и какъ убилъ ее топоромъ и послѣ дѣтей до смерти. Что же его заставило совершить убійство, не знаетъ. Причемъ показалъ, что онъ съ малолѣтства привыкъ къ рукоблудію; сообщаясь весьма часто съ женою, сверхъ того занимался еще рукоблудіемъ по ночамъ, не разбирая никакихъ праздничныхъ дней и постовъ. Что объ уничтоженіи этой страсти онъ молилъ Бога, но она не уничтожалась, что его чрезвычайно мучило, и хотя онъ каялся на исповѣди, но исповѣдь его была не искренняя; онъ продолжалъ заниматься рукоблудіемъ даже въ великій постъ. Независимо отъ этого порока имѣлъ часто блудъ со скотомъ. О послѣднемъ онъ никогда не каялся на исповѣди, потому что ему стыдно было сказать. Онъ не зналъ успокоенія, до того совѣсть его мучила. Совершенное убійство есть, какъ онъ думаетъ, Божіе наказаніе за блудныя дѣла, но что онъ всегда находился въ своемъ умѣ, водку пилъ изрѣдка, а 23 апрѣля 1862 года, въ день убійства, вовсе не пилъ. Потомъ на второмъ допросѣ, въ равнодушномъ, свободномъ и какъ бы ничего не значущемъ разсказѣ, сознался, что когда онъ возвращался домой съ пожни, то придумалъ убить ночью же жену и дѣтей, а самому бѣжать изъ дому и молиться Богу, т. е. за убійство страдать, какъ слѣдуетъ по законамъ, думая что жена

*) Обращаемъ вниманіе читателей на безграмотность сего донесенія.
Прим. изд.

и даже, всѣ убитые, будутъ мучениками; онъ же вѣруя, умолитъ Господа за убійство. Сестру свою онъ вовсе не хотѣлъ убить, а убили ее. Совершилъ убійство онъ вовсе не нечаянно, а сдѣлалъ онъ это по своему смыслу и намѣренію. Вдовые и сосѣди его единогласно отозвались: несостоятельность этого важнаго заявленія, и что въ припадкахъ сумасшествія Якова Максимова никогда не замѣчали. Затѣмъ Максимовъ отъ перваго своего показанія, на вопросные пункты даннаго имъ подъ священническимъ увѣщаніемъ — 24 сентября 1862 года, о убійствѣ имъ жены и дѣтей рѣшительно отказался, и что онъ съ малолѣтства привыкъ къ рукоблудію и впослѣдствіи занимался и скотоложествомъ (sodomia), это не правда. — Вслѣдствіе переосвидѣтельствованія въ управѣ, 16 мая 1863 года оказалось, что Яковъ Максимовъ, пользуясь надлежащимъ физическимъ здоровьемъ, отвѣчалъ на всѣ предложенные ему вопросы сообразно здравому смыслу, какъ человѣкъ, въ которомъ нисколько не замѣчено ни малѣйшихъ слѣдовъ поврежденія разсудка. Но какъ онъ убилъ жену и троихъ дѣтей, прошлаго года ночью топоромъ, всѣхъ разомъ, какъ ему послѣ сказывали, ничего не помнитъ, что съ нимъ бываютъ припадки уже 28 лѣтъ каждый мѣсяцъ, и что онъ не старовѣръ и не раскольникъ. — Имѣя въ виду, что падучая болѣзнь, обнаруживаясь припадками, сопровождаемыми между прочимъ потерею самозабвенія, можетъ иногда образовать временное дѣйствительное умопомѣшательство, безсознательно увлекающее больныхъ къ совершенію самыхъ насильственныхъ поступковъ, для болѣе точнаго уясненія, не совершилъ ли Максимовъ смертоубійство послѣ приступа падучей болѣзни, было поручено, со стороны управы, завѣдывающему тюремною больницею врачу Кулаковскому подвергнуть Максимова испытанію. Во исполненіе сего Кулаковскій, 14 августа 1862, донесъ, что арестантъ Яковъ Максимовъ не обнаружилъ даже признаковъ, навлекающихъ какое либо подозрѣніе о падучей болѣзни. Основываясь на данныхъ слѣдственнаго дѣла, доказывающихъ, что послѣднее показаніе Максимова, будто-бы онъ не помнитъ какъ убилъ жену и дѣтей вслѣдствіе-ли падучей болѣзни или рукоблудія, показаніями родныхъ и постороннихъ людей, особенно же заключеніемъ наблюдавшаго врача, нисколько не подтвердилось, слѣдуетъ заключить со всею вѣроятностію, что Максимовъ, во время смертоу-

бійства не были сумасшедшими, а что напротивъ того преступленіе было имъ совершено въ полномъ сознаніи, и единственно вслѣдствіе религіознаго фанатизма въ томъ убѣжденіи, что жена и дѣти, какъ убитые, будутъ мучениками, онъ же страдая, умолить Господа за убійство; что же касается до причинъ отверженія Максимовымъ первыхъ своихъ показаній, то разнорѣчіе это, по мнѣнію управы, не иначе можетъ быть объяснено, какъ одною цѣлію: избавиться суда, грозящаго ему наказаніемъ за убійство безвинно жены и дѣтей.

Новгородская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и не находя никакого основанія признать, чтобы подсудимый Яковъ Максимовъ совершилъ преступленіе въ припадкѣ помѣшательства или умоизступленія, и соглашаясь съ заключеніемъ врачебной управы, что столь тяжкое преступленіе совершено Максимовымъ вслѣдствіе фанатизма, опредѣлила: 1) Якова Максимова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы въ рудникахъ безъ срока, и 2) дѣло это, какъ представляющее чрезвычайный и необыкновенный случай, на основаніи 167 ст. I кн. и 411 ст. II кн. XV т. свод. зак. представить въ правительствующій сенатъ.

Начальникъ новгородской губерніи, находя вышеизложенное рѣшеніе уголовной палаты правильнымъ, представилъ настоящее дѣло, на основаніи 411 ст. кн. 2 т. XV св. зак. на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что для постановленія точнаго заключенія о состояніи умственныхъ способностей Якова Максимова, необходимо подвергнуть его обстоятельному врачебному наблюденію въ продолженіе не менѣе шести недѣль, для изслѣдованія справедливости показанія его о падучей болѣзни, а равно состоянія половыхъ его органовъ, и что для сего слѣдовало бы помѣстить Максимова въ больницу с.-петербургскаго тюремнаго замка или другую какую либо изъ здѣшнихъ больницъ, гдѣ его могли бы осмотрѣть нѣкоторые изъ членовъ совѣта. Избраніе той или другой больницы для помѣщенія Максимова и все по сему предмету распоряженія предоставить медицинскому департаменту.

Во исполненіе сего Яковъ Максимовъ для медицинскаго надъ нимъ наблюденія помѣщенъ въ больницу с.-петербургскаго исправительнаго заведенія.

О результатахъ сего наблюденія членъ медицинскаго совѣта Балинскій, изложилъ слѣдующее: «Максимовъ 53 лѣтъ отъ роду, средняго роста и посредственнаго тѣлосложенія, кожа дряблая, малоэластичная, чувствительности и температуры нормальной; на спинѣ и наружной сторонѣ плечъ находятся застарѣлые разсѣянные угри. Костная и мышечная система не представляютъ уклоненій отъ нормы, кромѣ того, что въ мѣстѣ соединенія лѣвой теменной кости съ лобною находится легкое веретовидное вдавленіе, въ образованіи котораго, по разсказу Максимова, никакая травматическая причина не участвовала; мышцы вообще вялы. При изслѣдованіи легкихъ замѣчается притупленіе тона сзади праваго, начиная отъ fossa infra-spinata внизъ и ослабленное дыханіе; въ лѣвомъ легкомъ спереди звукъ тимпаническій, и слышны влажные хрипы; сердце смѣщено слегка внизъ, звуки его безъ постороннихъ шумовъ. Боль съ колотьемъ въ груди и напряженный кашель Максимовъ получилъ при содержаніи его подъ арестомъ. Языкъ представляетъ поперечныя трещинки, при высовываніи всегда склоняется на правую сторону, образуя дугу выпуклостію влѣво; правый уголъ рта слегка опущенъ, и обѣ щеки не вполнѣ симметричны; аппетитъ достаточенъ, испражненія на низъ регулярны. Половые органы ни въ своемъ развитіи, ни въ отправленіяхъ не представляютъ ничего особеннаго; эрекція дѣтороднаго члена бываетъ по утрамъ при накопленіи мочи въ пузырѣ; въ другое же время эрекціи не бываетъ, по словамъ Максимова, съ тѣхъ поръ, какъ онъ, года 4 назадъ, поднялъ большую тяжесть. Въ органахъ чувствъ болѣзненныхъ явленій не найдено; сонъ спокойный. Расположеніе духа Максимова соотвѣтствуетъ вызывающимъ его причинамъ и измѣняется согласно ихъ качеству совершенно нормальнымъ образомъ. Разговоры о прежней его жизни, его хозяйствѣ, о пребываніи въ здѣшней больницѣ и т. под. приводятъ его въ веселое расположеніе духа, выражающееся въ чертахъ лица, блескѣ глазъ, болѣе одушевленныхъ жестахъ и особенной словоохотливости. Напротивъ настроеніе духа дѣлается явно грустнымъ, коль скоро Максимову напоминаютъ о заключеніи его въ тюремномъ замкѣ, о слѣдствіи, которому онъ подверженъ, о преступленіи, имъ совершенномъ. Максимовъ становится серіознымъ, но остается при этомъ совершенно спокойнымъ, напоминать-ли

ему о наказаніи за преступленіе, объ ожидающемъ его судѣ Божіемъ. Максимовъ не высказываетъ никакихъ идей бреда; относительно времени, нужнаго для ихъ образованія и логической послѣдовательности, идеи его не представляютъ ничего болѣзненнаго; онъ правильно понимаетъ свое настоящее положеніе и отношеніе къ окружающимъ лицамъ; охотно и логически отвѣчаетъ на всѣ предлагаемые ему вопросы. Отвѣты его становятся лишь болѣе отрывистыми и обдумываются болѣе продолжительное время, коль скоро дѣло коснется совершеннаго имъ преступленія; однакожъ онъ подробно разсказываетъ, когда и съ какою постепенностію убивалъ свое семейство, прибавляя лишь, что не помнитъ ни самаго акта преступленія, ни того, что онъ показывалъ при первыхъ допросахъ, ни того, что съ нимъ происходило два мѣсяца спустя послѣ совершенія преступленія. Замѣтивъ, что не довѣряютъ его разсказу, Максимовъ тогда пристально всматривается въ лице расспрашивающаго, старается привесть его въ смущеніе спокойными, но неопредѣленными своими отвѣтами, а наконецъ и грустью; или же члены его начинаютъ дрожать, слезы появляются на глазахъ, онъ опускается тихо на постель и глубоко вздыхаетъ; но становится-ли Максимовъ грубымъ, начинаетъ-ли онъ плакать, его весьма скоро можно вывести изъ этого состоянія твердымъ и спокойнымъ замѣчаніемъ, что не для чего такъ дѣлать, намъ понятна цѣль твоя. Тогда отвѣты Максимова на предлагаемые ему вопросы измѣняются и примѣрно становятся слѣдующими: «ну къ чему теряешь время, чего добиваешься; убилъ и грѣхъ беру на себя; согрѣшилъ, такъ Богъ будетъ наказывать, а тебѣ нѣтъ дѣла; на тебя самого будетъ судъ Божій». Максимовъ помнитъ все до малѣйшихъ подробностей, что касается прошедшей и настоящей его жизни, за исключеніемъ акта преступленія и слѣдовавшаго затѣмъ 2-хъ мѣсячнаго періода; разсказы же свои о способѣ совершенія преступленія онъ основываетъ на томъ, что говорила будто бы его сестра, при посѣщеніи въ тюремномъ замкѣ. Максимовъ, коль скоро замѣтилъ, что допросъ происходитъ со стороны врачей, добивающихся того, не былъ-ли онъ одержимъ какою либо болѣзнію, начинаетъ разсказывать о случающихся съ нимъ припадкахъ, а именно: что еще до женитьбы разъ, когда выпилъ одну рюмку водки и услышалъ отъ уго-

щавшаго его бранное слово, вдругъ почувствовалъ себя дурно, стало жарко въ головѣ, въ глазахъ темно, все хотѣлось гулять на вольномъ воздухѣ, ни съ кѣмъ не хочется говорить и т. д.; «въ это время что дѣлаю, ничего не помню; сосѣди говорятъ, что я хожу въ полѣ, смотрю лошадей, поправляю огороды; такой припадокъ со мною повторялся до сихъ поръ каждый мѣсяцъ, потомъ бываетъ длиннѣе 3—5 дней, а иногда и 2 недѣли, а зимой мнѣ бываетъ лучше, когда не горюю; всегда же во время припадка отъ ѣды отобьетъ, сначала бываетъ весело, а потомъ грустно и я хожу, самъ не знаю куда; мой братъ привязывалъ меня въ избѣ веревкой, для чего въ полу была просверлена щель, чтобы я никуда не уходилъ.» На вопросъ: такіе-ли это были припадки, какъ тотъ, который мы сами замѣтили за тобой, Максимовъ отвѣчаетъ: «ну, вотъ видишь». Коль скоро ему замѣчено было, что подобные припадки ничего не значатъ, то Максимовъ, посмотрѣвъ изъ подлобья и качая головой, сказалъ: «вишь, какъ меня пытаешь; пытали уже и расспрашивали многіе»;—а послѣ, поднявъ голову вверхъ и посматривая съ самоувѣренностію и совершеннымъ спокойствіемъ прибавилъ: «ну убилъ да и только, а ничего не помню». Максимовъ умѣетъ сдерживать каждое свое движеніе; если въ то время, когда онъ смущается и не желаетъ отвѣчать на болѣе подробные вопросы, предложить ему идти вонъ изъ комнаты, то, не смотря на душевное волненіе, въ которомъ онъ находится въ это время, онъ совершенно спокойно одѣвается, приводитъ въ порядокъ постель, на которой сидѣлъ, и тихими шагами отправляется въ общую залу, гдѣ одному больному, съ которымъ болѣе сблизился, сказалъ однажды: «хотятъ отъ меня добиться; ничего не добьются; меня на одной булкѣ держали и то ничего не узнали». Въ отношеніяхъ его къ врачамъ, священнику, надзирателю, служителямъ ничего ненормальнаго невозможно было замѣтить. Вообще говоря, Максимовъ дѣлаетъ впечатлѣніе человѣка развитаго, имѣющаго положительныя свои убѣжденія и твердый, непреклонный характеръ. Ежели Максимову замѣтить, что никто не имѣетъ права лишать жизни своихъ дѣтей, то на это онъ отвѣчаетъ: «никто знать не можетъ, были-ли бы болѣе счастливы мои дѣти, если бы остались живыми: все дѣлается съ допущенія и воли Божіей, и одинъ

человѣка другаго судить можетъ, но не долженъ; а какою мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ; это не судъ человѣческій; а есть судъ Божій». Сказавъ это съ удивительною увѣренностію, онъ не желаетъ болѣе отвѣчать и хочетъ уйти, какъ будто послѣ этого уже нечего разговаривать. Если въ эту минуту перемѣнить разговоръ и начать серіозно внушать Максимову, что онъ такимъ образомъ идетъ противъ Бога и противъ Царя, что старается скрыть преступленіе и притворяется непомнящимъ его, то Максимовъ съ презрѣніемъ смотритъ на говорящаго и спокойно отвѣчаетъ: «ну, и думай такъ; ну притворяюсь, грѣхъ мой, я казни не избѣгаю». О своемъ хозяйствѣ и отношеніяхъ къ женѣ и дѣтямъ онъ съ гордостію разсказываетъ, что былъ однимъ изъ лучшихъ крестьянъ въ своей деревнѣ, трудолюбивымъ, зажиточнымъ, набожнымъ человѣкомъ, въ честности котораго никто не могъ сомнѣваться; весь домъ лежалъ на его рукахъ, онъ самъ велъ все и велъ изрядно, самъ воспитывалъ своихъ дѣтей; затѣмъ разсказывалъ, чему учились они, что зналъ младшій сынъ его, и послѣ нѣсколькихъ словъ дальнѣйшая рѣчь его прервана была обильными слезами и рыданіемъ. Когда сказали Максимову, изъ за чего же онъ убилъ дѣтей, которыхъ столько жалѣетъ, послѣ нѣкотораго молчанія онъ отвѣчалъ: «жалѣть-то жалѣю и каюсь, а что сдѣлалъ, не помню»; — онъ не допускаетъ, чтобы отношенія его къ женѣ и дѣтямъ были въ какомъ-либо отношеніи предосудительны.

«Повидимому, онъ дѣйствовалъ съ полнымъ убѣжденіемъ и сознаніемъ, на основаніи какихъ-либо религіозныхъ заблужденій или предразсудковъ, которыхъ до сихъ поръ открыть не удалось; но религіозное настроеніе въ немъ развито замѣтнымъ образомъ. Ежели обратить вниманіе на то, что ясно развитой душевной болѣзни у Максимова положительно нѣтъ, что равнымъ образомъ допустить нельзя, чтобы по совершеніи преступленія въ теченіи 2-хъ мѣсяцевъ онъ ровно ничего не помнилъ; что эпилептическихъ припадковъ у Максимова вовсе не оказалось, то необходимо придти къ тому заключенію, что онъ скрываетъ лишь преступленіе, совершенное имъ сознательно, подъ вліяніемъ какой-либо идеи, сильно укоренившейся въ его сознаніи. Нѣтъ данныхъ ни въ анамнестическихъ свѣдѣніяхъ, ни въ настоящемъ состояніи Максимова для того, чтобы думать, что

идея эта образовалась болѣзненнымъ образомъ. Предположеніе о томъ, что она основана на одномъ лишь предразсудкѣ или ложномъ религіозномъ убѣжденіи, всего правдоподобнѣе. Но невозможно допустить, чтобы Максимовъ притворялся такимъ помѣшаннымъ или больнымъ вообще, и старался такимъ именно образомъ избавиться отъ суда; онъ скрываетъ свое преступленіе на основаніи лишь фанатическаго убѣжденія, о которомъ не считаетъ нужнымъ сообщать людямъ, могущимъ не раздѣлять его мнѣнія. Въ томъ же, что Максимовъ говоритъ о своихъ болѣзненныхъ припадкахъ, есть доля правды; у него замѣчается искривленіе языка, опущеніе угла рта, ассиметрія щекъ, и такое ненормальное состояніе произошло, вѣроятно, отъ нѣсколько разъ повторявшихся сильныхъ приливовъ крови къ мозгу, вслѣдствіе которыхъ могла образоваться капилярная апоплексія. По крайней мѣрѣ въ разсказахъ Максимова есть много наводящаго на мысль о томъ, что у него дѣйствительно были приливы крови къ мозгу, а въ дѣлѣ о Максимовѣ нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя бы указывали, что съ нимъ былъ ударъ или другое какое-либо мозговое страданіе. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что вопросъ по сему предмету въ настоящее время не можетъ быть рѣшенъ окончательно; слѣдовало бы продлить наблюденіе за Максимовымъ, и, если по истеченіи года не будетъ замѣчено припадковъ страданія мозга, то положительное рѣшеніе возможно.»

Разсмотрѣвъ обстоятельства дѣла о совершенномъ Яковомъ Максимовымъ преступленіи, а равно представленныя членомъ совѣта, профессоромъ психіатріи Балинскимъ свѣдѣнія о результатахъ наблюденія, произведеннаго имъ надъ Максимовымъ въ больницѣ при с.-петербургскомъ исправительномъ заведеніи съ 24 ноября 1864 г. по 8-е мая 1865 г., медицинскій совѣтъ нашелъ, что хотя при наблюденіи этомъ у Максимова и не оказалось ни падучей болѣзни, ни ненормальнаго состоянія половыхъ органовъ, и ясныхъ признаковъ умопомѣшательства, однако принимая въ соображеніе, съ одной стороны, замѣченное у Максимова при томъ же наблюденіи легкое паралитическое состояніе лица и языка, происшедшее, по всему вѣроятію, отъ повторявшихся нѣсколько разъ сильныхъ приливовъ крови къ мозгу, вслѣдствіе которыхъ могла образоваться капилярная апоплек-

сія; а съ другой показаніе подсудимаго о постоянно бывшемъ у него влеченіи къ нормальному и ненормальному удовлетворенію половыхъ побужденій и действительное неумеренное ихъ удовлетвореніе, следуетъ съ вероятностію допустить, что подъ такого рода вліяніями могло образоваться ненормальное состояніе органовъ психической деятельности, которое съ своей стороны способствовало развитію ложныхъ религіозныхъ идей, подъ вліяніемъ которыхъ Максимовъ и могъ совершить убійство жены и детей безсознательно

Убійство вольнымъ матросомъ Ефимомъ Латышенко своей жены.

(Припадокъ умопомешательства).

3 августа 1860 г. десятскій села Водянаго, мелитопольскаго уезда (таврич. губ.) Василій Ягоменко, проходя въ означенномъ селе мимо двора вольнаго матроса Ефима Латышенко, увиделъ толпу разнаго народа и самого Латышенко ходящимъ по двору, заложа назадъ руки; узнавъ при этомъ, что Латышенко зарубилъ топоромъ жену свою Евдокію, Ягоменко представилъ Латышенко въ сельское управленіе.

По произведенному 3 августа 1860 г. становымъ приставомъ, при понятыхъ, осмотру мертваго тела жены Ефима Латышенко, Авдотьи, оказалось, что покойная лежала при входе въ домъ Латышенко, головою на западъ; съ правой стороны покойной Латышенко, близь печки, лежала солома для топки печи; ноги Латышенко находились у самаго порога двери; руки были крестообразно сложены на груди; одета покойная была въ белой, холщевой, малороссійскаго покроя рубахе и синяго цвета запаске; на голове былъ повязанъ черный платокъ. Покойная имела отъ роду около 40 летъ,ростъ ея средній, волосы на голове темнорусые; лице бледное, худощавое; глаза и ротъ закрыты. На шее, съ левой стороны ея, былъ разрубъ, величиною въ одинъ вершокъ, довольно глубокій, но не достигавшійся до горла; на затылке находился такой же глубокій разрубъ, величиною более двухъ вершковъ; на обеихъ означенныхъ ранахъ щои были перерублены жилы, и покойница, какъ

сказано въ актѣ осмотра, потекши кровью лежала; на землѣ вокругъ головы волосы были изсѣчены на мелкіе куски; съ лѣвой стороны отъ покойной Латышенко, подъ лавкою, лежалъ топоръ очень острый.

4 августа 1860 г. Ефимъ Латышенко (42 лѣтъ), на вопросъ становаго пристава показалъ, что съ покойной женою своею, Авдотьей, онъ прожилъ болѣе 20 лѣтъ въ согласіи и имѣетъ отъ нея шестерыхъ дѣтей. Въ пьяномъ видѣ онъ иногда спорилъ съ нею, но потомъ совершенно оставилъ пить водку. Прежде онъ болѣлъ сумасшествіемъ до такой степени, что въ 1859 г., по распоряженію сельскаго управленія къ нему Латышенко были поставлены сторожа; болѣзнь эта была непостоянная, а по временамъ; съ тѣхъ поръ онъ чувствовалъ иногда какое то одуреніе, по ночамъ очень часто чего то пугался и «прокидывался», но немного походивши, ему становилось легче. На болѣзнь эту онъ никому не жаловался. Утромъ 3 августа 1860 г. онъ вѣялъ на гумнѣ жито; потомъ не знаетъ, что то пришло ему въ голову и онъ, войдя въ хату, гдѣ покойная жена его топила печку, зарубилъ ее топоромъ, не споря и не говоря съ нею, безъ всякой къ тому побудительной причины. Откуда попался ему въ руки топоръ, онъ рѣшительно не знаетъ. Послѣ того какъ опомнился, что сдѣлалъ такое преступленіе, ему сдѣлалось очень жаль жены, потому что онъ жилъ съ нею болѣе 20 лѣтъ въ согласіи, и покойница была хорошая мать и хозяйка. Вышеизложенное показаніе свое Ефимъ Латышенко вполнѣ подтвердилъ 10 августа 1860 г. въ присутствіи временнаго отдѣленія мелитопольскаго земскаго суда.

Дочь Ефима Латышенко, Софья, (18 лѣтъ), показала, что утромъ 3 августа отецъ ея пошелъ на токъ вѣять жито, но спустя немного времени возвратился съ току; въ это время она, Софья, сидѣла лицомъ къ окну и шила рубаху, братъ ея Иванъ сидѣлъ подлѣ нея на полу и завтракалъ, а мать растапливала печку. Вошедши въ хату, отецъ сказалъ матери, что нельзя вѣять, оттого что нѣтъ вѣтра; потомъ онъ еще о чемъ-то разговаривалъ съ нею по хозяйству, ходя при этомъ по хатѣ взадъ и впередъ и выходя въ сѣнцы, ссоры же между отцемъ и матерью не было. Вдругъ она, Софья, услышала крикъ матери, и обернувшись, увидѣла ее падающею на полъ съ перерубленною шеей, отецъ

же въ это время стоялъ съ топоромъ въ рукахъ; испугавшись этого, она выбѣжала изъ хаты и крикомъ начала озывать сосѣдей. Отецъ вышелъ за нею и бросилъ ей въ слѣдъ топоръ, который она подняла у воротъ и закинула, опасаясь другаго несчастія. До вышеизложеннаго происшествія отецъ не пилъ недѣли три и въ самый день совершенія убійства былъ трезвъ; прежде-же постоянно пилъ, останавливаясь на время и снова принимаясь. Съ матерью ея онъ жилъ, сколько она можетъ припомнить, всегда не въ ладу; ссорился съ нею почти каждый день и часто билъ ее; если же она, Софья, и братъ ея вступались за мать, то отецъ билъ и ихъ. Отецъ ихъ всегда пропивалъ все, что зарабатывалъ самъ и они; въ послѣднее же время онъ пересталъ пьянствовать, но не переставалъ ссориться съ матерью. Къ сему Софья Латышенко добавила, что гдѣ отецъ взялъ топоръ, она не знаетъ; топоръ этотъ всегда лежалъ въ сѣнцахъ.

Сынъ Ефима Латышенко, Иванъ (12 лѣтъ) подтвердилъ показаніе сестры своей Софьи.

Водянское сельское управленіе, на запросъ временнаго отдѣленія, отозвалось, что вольный матросъ Ефимъ Латышенко дѣйствительно былъ одержимъ въ 1859 г. припадочною болѣзнію, которая существовала у него не болѣе однихъ сутокъ, и что въ то время, по просьбѣ семейства его, Латышенко, къ нему были приставлены сторожа, крестьяне Кирилъ Рѣзниченко и Матвѣй Эрликевичъ. Къ сему сельское управленіе присовокупило, что послѣ того у Латышенко упомянутой болѣзни не было, и что она могла случиться съ нимъ отъ употребленія хмѣльныхъ напитковъ.

Крестьянинъ Кирилъ Рѣзниченко отозвался, что въ 1859 году, не помнитъ котораго мѣсяца и числа, онъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ Ерликевичемъ былъ посланъ сельскимъ старшиною къ вольному матросу Ефиму Латышенко, такъ какъ онъ, Латышенко, какъ будто помѣшался; съ крестьяниномъ Эрликевичемъ они просидѣли надъ Латышенко цѣлую ночь; въ эту ночь онъ произносилъ бранныя слова и просилъ, чтобы его отпустить. Латышенко въ это время пьянъ не былъ; что же именно съ нимъ тогда было, онъ Рѣзниченко, не знаетъ; съ разсвѣтомъ они оставили Латышенко. Къ сему Рѣзниченко добавилъ, что живя

съ Латышенко по сосѣдству, онъ часто былъ очевидцемъ ссоры его, Латышенко, съ женою своею Авдотьей, но что было причиною ихъ ссоры,—не знаетъ. Латышенко часто пьянствовалъ и вообще имѣлъ характеръ неспокойный и сварливый; съ нимъ трудно было ужиться, а потому старшій сынъ Латышенко, бывшій 5 лѣтъ на службѣ въ матросахъ и возвратившійся домой, долженъ былъ уйти изъ дому.

Крестьянинъ Эрликевичъ подтвердилъ вышеизложенное показаніе крестьянина Рѣзниченко.

Крестьянинъ Ѳедотъ Василенко объяснилъ, что Латышенко извѣстенъ ему, какъ горькій пьяница, ибо онъ пропивалъ все, что заработывалъ и оставался иногда въ шинкѣ до того, пока не пропивалъ всѣхъ заработанныхъ денегъ; при этомъ онъ человѣкъ злаго и сварливаго характера, очень часто билъ свою жену и ссорился съ нею.—3 августа 1859 г. проѣзжая, вмѣстѣ съ десятскимъ Ягоменко, мимо хаты Латышенко, онъ увидѣлъ толпу женщинъ во дворѣ, причемъ Латышенко ходилъ около хаты взадъ и впередъ, заложивши назадъ руки. Убѣдившись, что Латышенко дѣйствительно убилъ свою жену, онъ, Василенко, и десятскій взяли его въ расправу; по первому слову Ефимъ Латышенко согласился сѣсть въ бричку, дорогою на распросы ихъ о случившемся Латышенко спокойно отвѣчалъ, что сдѣлалъ то, что хотѣлъ; что онъ разсердился на жену за то, что она въ тотъ день набрала въ лавкѣ на штаны и на рубаху будто бы для него, но онъ знаетъ, что это не для него. Кромѣ сего Латышенко сказалъ, что жена, по его приказанію, внесла въ хату топоръ, и что онъ рубнулъ ее только два раза; изъ словъ Латышенко не видно было, чтобы онъ былъ пьянъ, или потерянный, а напротивъ, онъ говорилъ спокойно.

Показаніе Василенко подтвердилъ десятскій Ягоменко, за исключеніемъ того, что онъ не слышалъ, какъ Латышенко сказалъ, что рубнулъ жену свою два раза.

На повальномъ обыскѣ 18 крестьянъ села Водянаго отозвались, что Ефимъ Латышенко постоянно пьянствовалъ, имѣлъ характеръ буйный и сварливый и часто ссорился съ женою; отчего же онъ убилъ жену, имъ неизвѣстно.—Двое крестьянъ того же села показали, что они иногда видали Латышенко пьянымъ и слыхали, что онъ дурно живетъ съ женою; другіе же два кре-

стьянина отозвались, что о поведенiи Латышенко и обращенiи его съ женою они ничего не знаютъ.

Таврическая палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что подсудимый Латышенко, сознаваясь въ совершенiи преступленiя, показалъ, что прежде онъ болѣлъ сумасшествiемъ, по причинѣ котораго въ 1859 г., по распоряженiю сельскаго управленiя, была поставлена надъ нимъ стража. Показанiе это подтвердили два крестьянина, бывшiе наряженными въ 1859 г. къ Латышенко для караула. А потому палата препроводила настоящее дѣло на разсмотрѣнiе и заключенiе въ таврическую врачебную управу, которая 14 января 1861 г. увѣдомила уголовную палату, что Ефима Латышенко слѣдуетъ выслать въ отдѣленiе умалишенныхъ симферопольскаго богоугоднаго заведенiя, для опредѣленiя степени умалишенiя его, законнымъ порядкомъ.

Вслѣдствiе сего Ефимъ Латышенко помѣщенъ былъ 29 апрѣля 1861 г. въ больницу симферопольскаго приказа общественнаго призрѣнiя. Со дня поступленiя въ больницу до 12 мая 1861 г. у него, какъ сказано въ препровожденномъ начальникомъ губернiи скорбномъ листѣ, не было замѣчено ничего, что-бы могло служить поводомъ къ подозрѣнiю разстройства его умственныхъ способностей; но какъ срокъ испытанiя Латышенко еще не прошелъ, то положительнаго заключенiя о нормальности способностей мышленiя его, контора больницы сдѣлать не могла.

12 мая 1861 г. Латышенко былъ *освидѣтельствованъ* въ особомъ присутствiи таврическаго губернскаго правленiя, чрезъ членовъ мѣстной врачебной управы. На предложенные при освидѣтельствованiи этомъ нижеслѣдующiе вопросы, Латышенко отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ твое имя, отчество и фамилiя? *Отв.* Ефимъ, Ивановъ сынъ, Латышенко. *Вопр.* Изъ какой деревни родомъ? *Отв.* Изъ Воденой, мелитопольскаго уѣзда. *Вопр.* Есть ли у тебя жена и дѣти? *Отв.* Жена есть-хозяйка, жену Богъ взялъ, умерла своею смертью, судьба такая. Дѣти есть: 4 сына и 3 дочери; старшiй Ефимъ, 2—Iоанниxъ, 3—Фаустъ, 4—Иванъ; дочери—старшая Софья, 2—Александра, 3—Меланья. *Вопр.* Какъ твое здоровье? *Отв.* Благодарить Бога, могу работать легкое. *Вопр.* Давно ли въ больницѣ? *Отв.* Не могу знать, недѣли двѣ есть. *Вопр.* По какому случаю поступилъ въ больницу? *Отв.* Привели меня

туда, а я не знаю почему.—Свидѣтельствовавшіе Латышенко члены врачебной управы нашли, что хотя онъ и отвѣчалъ какъ на словесные, такъ и на письменные вопросы правильно, скрывая только нѣкоторымъ образомъ преступленіе свое относительно жены; но какъ изъ дѣла видно, что онъ подвергался припадкамъ умалишенія, а изъ скорбнаго о болѣзни его листа нельзя сдѣлать еще никакого заключенія о таковыхъ, по кратковременности испытанія въ больницѣ, то и слѣдуетъ отправить его для наблюденія въ больницу богоугодныхъ заведеній срокомъ на три мѣсяца.

По прошествіи положеннаго для испытанія Латышенко срока, контора таврическаго богоугоднаго заведенія представила губернскому правленію (22 августа 1861 г.) скорбный листъ, въ которомъ написано, что со дня поступленія въ больницу (29 апрѣля 1861 г.) по 22 августа того же года, въ умственныхъ способностяхъ Латышенко не было замѣчено никакого разстройства, всѣ его дѣйствія были сознательны и послѣдовательны, но у него проявлялась наклонность къ ханжеству.

При освидѣтельствованіи въ особомъ присутствіи таврическаго губернскаго правленія, 22 августа 1861 г., Латышенко на предложенные ему нижеслѣдующіе вопросы отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ тебя прозываютъ? *Отв.* Ефимъ Латышенко. *Вопр.* Чѣмъ занимался до этого времени? *Отв.* Хлѣбопашествомъ. *Вопр.* Не знаешь ли какого ремесла? *Отв.* Не знаю. *Вопр.* Женатъ ты или холостъ; если женатъ, то гдѣ жена теперь находится? *Отв.* Женатъ на Авдотьѣ,—находится дома въ деревнѣ. *Вопр.* За что посаженъ въ острогъ, и сколько времени въономъ находишься? *Отв.* Я не былъ въ тюрьмѣ. *Вопр.* Не представляется ли тебѣ жена, и въ какомъ видѣ? *Отв.* Нѣтъ, не вижу, будьте увѣрены. *Вопр.* Не припомнишь ли, чѣмъ былъ болѣнъ въ 1859 году? *Отв.* А Богъ знаетъ, не знаю. *Вопр.* Когда вѣялъ рожь на гумнѣ года два тому назадъ, то зачѣмъ пришелъ въ хату, гдѣ находилась твоя жена? *Отв.* Не знаю, будьте увѣрены, что не знаю. *Вопр.* Былъ ли ты въ прошедшемъ году на исповѣди и у св. причастія? *Отв.* Былъ въ своемъ селѣ Видимовѣ. *Вопр.* Что ты думаешь дѣлать, если освободятъ тебя изъ больницы? *Отв.* Пошелъ бы для хозяйства своего; хоть и маленько, но что дѣлать.

По освидѣтельствованію оказалось, что Латышенко имѣетъ

40 лѣтъ отъ роду и крѣпкое тѣлосложеніе; на вопросы онъ отвѣчалъ правильно, съ незначительною медленностію, какъ бы соображаясь, что ему сказать; на вопросы 4, 5 и 9 видимымъ образомъ отвѣчалъ ложно; на основаніи сего члены врачебной управы, признавая умственныя способности Латышенко въ нормальномъ состояніи, положили однако для большаго убѣжденія въ дѣйствительности результата настоящаго освидѣтельствованія, оставить его въ больницѣ еще на 6 недѣль на испытаніи.

Въ представленномъ конторою больницы 17 октября 1861 г. скорбномъ листѣ, написано, что со дня поступленія въ больницу по 17 октября 1861 г., т. е. въ теченіе пяти съ половиною мѣсяцевъ, въ умственныхъ способностяхъ Латышенко не было замѣчено никакого разстройства, всѣ его дѣйствія были сознательны и послѣдовательны; въ настоящее время у него проявляется наклонность къ ханжеству.

При освидѣтельствованіи въ особомъ присутствіи таврическаго губернскаго правленія, 17 октября 1861 г., Латышенко на предложенные ему нижеслѣдующіе вопросы отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ твое имя, отчество и фамилія, и сколько отъ роду? *Отв.* Ефимъ Ивановъ, сынъ Латышенко, лѣтъ отъ роду болѣе чѣмъ 40. *Вопр.* Давно ли находишься подъ арестомъ и за что? *Отв.* Болѣе года, за разлуку съ женою. *Вопр.* Имѣешь ли жену, дѣтей и кого именно? *Отв.* Говорятъ, что жена еще жива; дѣтей 7 человѣкъ: 4 сына и 3 дочери, старшій—Акимъ, 2—Іоанникъ, 3—Фаустъ, 4— Иванъ; дочери: Софья, Александра и Меланія. *Вопр.* Сколько лѣтъ жилъ съ женою въ супружествѣ? *Отв.* Годовъ болѣе 20, такъ годовъ 22 или 23. *Вопр.* Отъ какой болѣзни твоя жена умерла, натуральной или насильственной, не убилъ ли ее кто нибудь, если убилъ, то не имѣешь ли подозрѣнія на кого? *Отв.* Умерла Богъ ее знаетъ отчего, подозрѣнія не имѣю ни на кого, потому не говорятъ. *Вопр.* Зачѣмъ ты отъ работы на гумнѣ пришелъ въ хату, взялъ топоръ и подошелъ съ нимъ къ женѣ? *Отв.* Не знаю, можетъ обѣдать, топора не видалъ, не знаю. *Вопр.* Однодеревенцы говорятъ, что ты убилъ свою жену; если справедливо, то что она тебѣ сдѣлала, т. е. какое зло? *Отв.* Нѣтъ, Богъ миловалъ, не убивалъ, бывали ссоры между нами; хотя и мало жили съ нею, но я не убивалъ; давайте сюда однодеревенцевъ на очную ставку, я ихъ посмотрю, какъ они ска-

жутъ. *Вопр.* Когда былъ у исповѣди и св. причастія? *Отв.* Каждый годъ говѣю и принимаю св. причастіе. *Вопр.* Знаешь ли молитвы и какія?—прочти. *Отв.* Знаю: отче нашъ (прочелъ весьма удовлетворительно). *Вопр.* Если тебя освободятъ, то куда думаешь выйти?—жены твоей уже нѣтъ на свѣтѣ. *Отв.* Въ деревню Водяную, мелитопольскаго уѣзда; хочется провѣдать. *Вопр.* Оставилъ ли въ деревнѣ какое либо хозяйство и что такое? *Отв.* Домъ, пару воловъ, хлѣбушко. *Вопр.* Доволенъ ли ты содержаніемъ въ больницѣ? *Отв.* Доволенъ — содержатъ хорошо. *Вопр.* Совѣсть же не убиваетъ тебя за то, что ты убилъ жену? *Отв.* Богъ миловалъ. *Вопр.* Зачѣмъ же люди показываютъ, что ты ее топоромъ убилъ? *Отв.* Безвинно, напрасно.—Особое присутствіе губернскаго правленія, находя, что Латышенко отвѣчалъ правильно и сообразно предлагаемымъ ему вопросамъ и что слѣдовъ умалишенія у него изъ его наружности и тѣлодвиженія замѣтить невозможно, признало его здоровымъ и неумалишеннымъ, но присовокупило, что былъ ли Латышенко во время совершенія убійства въ здравомъ смыслѣ, того изъ настоящаго освидѣтельствованія съ достовѣрностію опредѣлить невозможно.

Таврическая палата уголовнаго суда, принимая въ соображеніе: 1) показаніе Латышенко, что въ 1859 г. онъ болѣлъ сумасшествіемъ и что съ тѣхъ поръ по временамъ чувствовалъ какое то одуреніе; 2) присяжныя показанія свидѣтелей, что дѣйствительно въ 1859 г. Латышенко страдалъ припадочною болѣзнію, и 3) отзывъ свидѣтельствовавшихъ Латышенко въ особомъ присутствіи губернскаго правленія, что былъ ли онъ во время совершенія убійства въ здравомъ смыслѣ, опредѣлить невозможно,—опредѣлила: не вмѣняя подсудимому Латышенко въ вину учиненнаго имъ преступленія и не подвергая его слѣдующему за оное наказанію, отдать его, на основаніи 2000 ст. 1 кн. т. XV св. зак., на попеченіе родственникамъ съ обязательствомъ имѣть за нимъ тщательное смотрѣніе во время его болѣзни, предотвращая всякія дурныя или опасныя для него или другихъ послѣдствія, на случай, если болѣзнь его повторится, а какъ, на основаніи III прил. къ ст. 107 кн. 1 т. XV св. зак., свидѣтельства учинившихъ смертоубійство, составляемыя врачебными управами, представляются въ правительствующій се-

натъ для признанія освидѣтельствованныхъ безумными или въ здравомъ умѣ, то и настоящее дѣло представить чрезъ начальника губерніи въ правительствующій сенатъ.

Начальникъ таврической губерніи, находя вышеизложенное рѣшеніе палаты уголовнаго суда правильнымъ, представилъ настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинской совѣтъ принялъ въ соображеніе: 1) что Ефимъ Латышенко подвергался уже припадкамъ разстройства умственныхъ способностей въ 1859 г.; 2) что онъ съ давнихъ поръ постоянно предавался пьянству, но незадолго до убійства жены перестаелъ пить; а извѣстно, что у пьяницъ, вслѣдствіе продолжительнаго неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, легко развивается разстройство умственныхъ способностей въ видѣ бѣлой горячки и между прочимъ появляется нерѣдко не въ то время, когда они предаются пьянству, но именно тогда, когда послѣ долгаго употребленія спиртныхъ напитковъ, они вдругъ прекращаютъ ихъ употребленіе.

Посему медицинскій совѣтъ призналъ, что при такихъ обстоятельствахъ нельзя отвергать предположенія, что Латышенко могъ совершить убійство жены въ припадкѣ умственнаго разстройства.

Убійство крестьяниномъ Ильею Ждановымъ своей жены.

21 января 1863 г., около 8 часовъ вечера, къ сотскому деревни Малой Дюрягиной *) Ивану Токареву явились десятскій означенной деревни Афанасій Токаревъ и крестьянинъ Илья Ждановъ, и объяснили, что послѣдній изъ нихъ, Ждановъ, въ собственной избѣ убилъ топоромъ жену свою Соломею Антонову. Объясняя о семъ сотскому, Илья Ждановъ, (какъ сказано въ донесеніи объ означенномъ происшествіи мѣстнаго волостнаго правленія становому приставу), звалъ сотскаго и десятскаго вытащить жену изъ избы и бросить ее на навозъ.

*) Челябинскаго уѣзда, оренбургской губерніи.

Крестьянинъ Илья Ждановъ въ волостномъ правленіи показалъ, что въ сумеркахъ 21 января прійдя съ улицы въ избу, онъ спросилъ у жены своей, Соломеи Антоповой, сидѣвшей на лавкѣ, топоръ; на это жена сказала ему, что топоръ въ сѣняхъ; взявши топоръ, онъ пришелъ обратно въ избу и ударилъ жену обухомъ по головѣ, отчего она упала на полъ; потомъ онъ отправился къ десятскому Токареву и предъявилъ ему о томъ.

Отецъ Ильи, Николай Ждановъ, объявилъ въ волостномъ правленіи, что сынъ его, Илья, назадъ 8 лѣтъ находился въ безуміи, которое находитъ на него одинъ разъ въ году; но какъ Илья убилъ жену—онъ, Николай, не знаетъ.

По произведенному судебнымъ слѣдователемъ осмотру оказалось, что жена Ильи Жданова, Соломея, лежала на полу избы на лѣвомъ боку, ногами къ образамъ; лѣвая рука откинута, а правая согнута въ локтѣ и положена подъ пазуху; обѣ руки по кисти въ крови; по обѣ стороны убитой на полу въ большомъ количествѣ кровь, изъ нея истекшая; голова положена на зипунѣ чернаго крестьянскаго сукна и покрыта синепестрой тряпицей, по снятіи которой усмотрѣно: волоса и лицо въ крови; по смытіи крови оказалось, что лице покойной смугловатое; глаза и ротъ закрытые; на лѣвой косицѣ, отъ удара твердымъ тѣломъ, рана съ проломомъ самаго черепа длиною въ вершокъ и шириною около дюйма; на лбу, между бровей и повыше лѣваго глаза, двѣ небольшія, легкія раны, безъ поврежденія черепа, происшедшія, какъ надо полагать, вслѣдствіе паденія убитой отъ нанесеннаго ей удара. Въ избѣ подъ лавкой найденъ топоръ, не замаранный кровью; но по приложеніи къ ранѣ одного края обуха, оказалось, что проломъ на головѣ сдѣланъ этимъ топоромъ, такъ-какъ ширина раны совершенно соотвѣтствовала краю обуха.

Крестьянинъ Илья Ждановъ, (39 лѣтъ), на спросъ слѣдователя 30 января 1863 года, показалъ, что назадъ тому лѣтъ семь онъ познакомился съ однодеревенцемъ своимъ, раскольникомъ часовенной секты, Сидоромъ Горбуновымъ, который съ того самаго времени началъ склонять его въ свою вѣру, объясняя притомъ всю важность и чистоту этой секты. Конечно первоначально и даже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ оставался непоколебимъ въ вѣрѣ православной, ходилъ на испо-

вѣдь и принималъ иногда св. тайны; но назадъ тому не болѣе трехъ недѣль, убѣдившись въ истинѣ дѣлаемыхъ ему Горбуновымъ внушеній, онъ рѣшился окончательно оставить православіе и уклонился въ расколъ. Такъ какъ жена его, Соломея Антонова, за всѣми его убѣжденіями, не соглашалась обратиться вмѣстѣ съ нимъ въ часовенную секту, то онъ, познакомившись съ проживавшею въ домѣ однодеревенца Ивана Селезнева, неизвѣстно какого завода дѣвкою Степанидой Федотовой, (какъ прозывается не знаетъ), вошелъ съ нею въ свободный бракъ по благословенію Селезнева и его жены, а затѣмъ у нихъ же въ домѣ и имѣлъ съ нею совокупленіе. Побуждаемый къ расторженію брака съ Соломеей Антоновой—со стороны Степаниды Федотовой, или къ лишенію ея жизни, будучи совершенно въ здравомъ разсудкѣ, онъ 21 числа января, уже по закатѣ солнца, придя въ свой домъ, однимъ ударомъ топора убилъ Соломею.

Въ дополненіе къ отобранному 30 января показанію, Илья Ждановъ 31 того же января объяснилъ, что убивши жену свою Соломею Антонову, онъ сдѣлалъ о томъ предъявленіе десятскому Афанасію и сотскому Ивану Токаревымъ, что поводомъ къ этому убійству было подстрекательство дѣвки Степаниды Федотовой, съ которою онъ вступилъ въ бракъ по своду, что зналъ ли объ этомъ его родитель и другіе семейные, ему неизвѣстно, однако онъ шуточно говорилъ имъ, что сошелся съ Степанидой, но вѣрили ли они тому, не знаетъ; такъ какъ онъ помнитъ твердо, какимъ образомъ лишилъ жизни Соломею, то положительно завѣряетъ, что ни десятника, ни сотскаго выбросить ее на навозъ не просилъ *). Въ прежнее время, въ продолженіи болѣе семи лѣтъ, онъ дѣйствительно имѣлъ припадки безумія, но съ 1863 г. съ нимъ припадковъ не случалось.

Крестьяне Горбуновъ и Селезневъ съ женами, а равно и дѣвица Степанида Федотова,—по оговору Жданова ни при отобраніи допросовъ, ни на очныхъ съ Ждановымъ ставкахъ сознанія не сдѣлали и со стороны Жданова ничѣмъ не уличены.

Семейные Ильи Жданова, а равно посторонніе крестьяне деревни Малой Дюрягиной (въ числѣ 62 человѣкъ), отозвались,

*) Десятникъ и сотскій, при дальнѣйшемъ слѣдствіи, показали также, что этихъ словъ они не слышали.

что Илья Ждановъ имѣлъ припадки безумія, случавшіеся съ нимъ одинъ разъ въ году,—иногда на рождествѣ, иногда и позже; это продолжалось съ нимъ не менѣе семи лѣтъ. Былъ ли съ нимъ этотъ припадокъ въ 1863 году, и въ какомъ видѣ сдѣлалъ онъ убійство жены своей Соломеи, имъ, показателямъ, неизвѣстно. Имѣлъ ли Ждановъ знакомство съ крестьяниномъ Сидоромъ Горбуновымъ, склонялъ ли его сей послѣдній перейти въ часовенскую секту и совратился ли наконецъ онъ, по внушеніямъ Горбунова, изъ православія въ расколъ, ходилъ ли когда Ждановъ въ домъ Ивана Лазарева, обручился ли тамъ съ дѣвицей Степанидой Федотовой Ильиною и вступилъ ли съ нею въ бракъ по своду,—они не знаютъ. Ждановъ съ женою Соломеей жилъ хорошо; посему лишеніе ея жизни едва ли не было слѣдствіемъ припадка безумія, случившагося съ Ильей въ то самое время. Поведенія Илья Ждановъ неукоризненнаго.

Въ составленномъ 5 февраля 1863 года актѣ, судебный слѣдователь между прочимъ написалъ, что по замѣчаніямъ его во все время производства слѣдствія за дѣйствіями подсудимаго Жданова, оказывается справедливымъ, что онъ имѣлъ припадокъ безумія: безпрерывная улыбка въ лицѣ, разное кривляніе, дикій взглядъ и безпрестанное озираніе кругомъ, неосновательное требованіе на очной ставкѣ съ Степанидой Федотовой, чтобы ему дозволено было сойтись съ нею и жить вмѣстѣ, и наконецъ рѣшительное отвращеніе отъ законной и убитой имъ жены,—служатъ тому яснымъ доказательствомъ.

Оренбургское губернское правленіе, на представленіе челябинскаго уѣзднаго суда о подвергнутіи Ильи Жданова освидѣтельствованію въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи правленія, — предписало суду освидѣтельствовать Жданова чрезъ врачей, находящихся въ г. Челябинскѣ и засимъ сообразить: настоитъ ли надобность въ производствѣ освидѣтельствованія Жданова въ губернскомъ правленіи?

Вслѣдствіе сего Илья Ждановъ былъ свидѣтельствованъ въ присутствіи уѣзднаго суда челябинскими: городовымъ врачемъ—Вятковскимъ и уѣзднымъ—Преображенскимъ. Городовой врачъ Вятковскій, въ составленномъ имъ 27 мая 1863 года актѣ, изложилъ, что по произведенному въ присутствіи челябинскаго

уѣзднаго суда освидѣтельствованію Жданова *) оказалось: Илья Ждановъ около 30 лѣтъ отъ роду, умѣреннаго тѣлосложенія; общее состояніе здоровья удовлетворительно; на предложенные ему вопросы отвѣчалъ сознательно, такъ что онъ въ настоящее время не страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей, но, судя по выраженію его лица, по тону и характеру рѣчи, видно, что его умственныя способности мало развиты, такъ что его можно назвать тупоумнымъ.

Въ актѣ, подписанномъ уѣзднымъ врачемъ Преображенскимъ **) изложено, что по медицинскому свидѣтельству ***) въ присутствіи челябинскаго уѣзднаго суда крестьянину Ильѣ Жданову, оказалось: что Жданову по видимому 30 лѣтъ, онъ посредственнаго тѣлосложенія, лимфатическаго темперамента. На предложенные вопросы отвѣчалъ хладнокровно, тупо ухмыляясь, но сознательно. Общее состояніе его здоровья удовлетворительно. Но судя по тупому взгляду, глуповатому выраженію его лица и по угловатымъ его манерамъ, а также по тону и характеру рѣчи, видно, что умственныя его способности слабо развиты, что вообще онъ тупоуменъ, а также, если взять во вниманіе хладнокровіе, съ которымъ онъ отвѣчалъ на предложенные ему вопросы даже относительно совершенія имъ убійства надъ своей женою, то можно сказать, что убійство, имъ совершенное, скорѣе было безсознательное, тѣмъ болѣе, что къ тому не было никакихъ побудительныхъ причинъ, онъ никогда не ссорился съ своею женою, и самый способъ совершенія убійства—взять топоръ и ударить имъ по головѣ, безъ всякого предварительнаго соображенія, нисколько не стараясь скрыть преступленіе, потому что онъ самъ объявилъ десятникамъ «подите, вытащите мою жену на навозъ, я ее убилъ»,—еще болѣе даютъ право думать, что убійство совершено имъ безсознательно. При спросѣ его въ

*) Какого числа произведено это освидѣтельствованіе, въ актѣ не означено. Актъ подписанъ уѣзднымъ судьею, двумя засѣдателями и городскимъ врачемъ.

**) Актъ подписанъ уѣзднымъ судьею, двуми засѣдателями и уѣзднымъ врачемъ.

***) Какого числа произведено освидѣтельствованіе и когда выданъ актъ, не означено.

присутствіи: «за что онъ убилъ свою жену? онъ отвѣчалъ глупо ухмыляясь, нисколько не конфузясь и не оправдываясь:» «а такъ, ни за что». На спросъ: «какъ же это ты сдѣлалъ»? отвѣчалъ тѣмъ же тономъ: «взялъ топоръ и хватилъ имъ по головѣ». Все вышеизложенное даетъ право предполагать, что убійство совершено Ждановымъ безсознательно, съ отсутствіемъ здраваго разсудка, и что показаніе однодеревенцевъ, что будто бы одинъ разъ въ году, въ теченіи семи лѣтъ постоянно, почти одновременно, съ нимъ дѣлается припадокъ умопомѣшательства, правдоподобно.

5 сентября 1863 года Илья Ждановъ былъ свидѣтельствованъ въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, причемъ отвѣчалъ: *Вопросъ*. Какъ тебя зовутъ? *Отв*. Илья. *В*. А по батюшкѣ? *О*. Николаевъ. *В*. Изъ какой ты волости? *О*. Каминской. *В*. Изъ какой ты деревни? *О*. Гришиной. *В*. Крестьянинъ ли ты? *О*. Крестьянинъ. *В*. Изъ какихъ крестьянъ? *О*. Часовенный. *В*. Удѣльный, государственный или временно-обязанный крестьянинъ, и кто твой начальникъ? *О*. Царь. *В*. А въ деревнѣ кто начальникъ? *О*. Староста. *В*. Есть ли окружной начальникъ? *О*. Есть. *В*. Женатъ ли ты или нѣтъ? *О*. Нѣтъ не женатъ. *В*. Почему ты убилъ жену? *О*. Убилъ Антоновну. *В*. За что же ты убилъ? *О*. Смирна была больно. *В*. Какъ же ты ее убилъ? *О*. Вечеромъ пришелъ и спросилъ гдѣ была; потомъ поглядѣлъ на нее и спросилъ: «гдѣ топоръ», она сказала подъ лавкою; потомъ сказалъ: «я хочу убить тебя», взялъ топоръ и ударилъ ее по головѣ, она упала, а я испугался и объявилъ сотскому, что убилъ Антоновну, и народу много пришло. *В*. Здоровъ ли ты? *О*. Тосковалъ и теперь тоскую; ходилъ въ поле и все плакалъ. *В*. Знала ли жена, что ты хочешь убить ее? *О*. Мы жили согласно и другъ съ другомъ не сердились. *В*. Здоровъ ли ты былъ прежде? *О*. Меня прежде лечили. *В*. Работалъ ли ты въ то время? *О*. Работалъ отдѣльно. *В*. Есть ли у тебя родные? *О*. Братъ Яковъ есть. *В*. Почему же ты не вмѣстѣ съ родными работалъ? *О*. Я отдѣльно былъ, оставался въ старомъ домѣ. *В*. Давно ли ты изъ дому? *О*. Давно, на маслянницѣ, когда пермени дѣлали. *В*. Что ты дѣлалъ въ Челябѣ? *О*. Въ острогѣ сидѣлъ. *В*. А въ Уфѣ давно ли? *О*. Давно уже. Вотъ это стоитъ

Ларіонъ, онъ похожъ; когда то пріѣзжалъ въ наемщики и приходилъ въ гости. *В.* Но какъ же ты еще хотѣлъ жениться и благословлялъ ли тебя мужикъ? *О.* Мужикъ не благословлялъ, сюда попалъ, такъ чего еще. *В.* Говорятъ, что у тебя въ праздникъ рождества Христова бываетъ болѣзнь? *О.* Только я было ходилъ въ другую деревню зимою нагишомъ, и отецъ возилъ лечить меня. *В.* Знаешь ли ты счетъ въ деньгахъ? *О.* Сосчитаемъ, такъ узнаю. *В.* Въ рублѣ сколько гривенъ? *О.* Десять. Я вѣдь не дуракъ, только зимою это бываетъ.—Хотя изъ отвѣтовъ Жданова и его наружнаго вида общее присутствіе и нашло въ немъ одно слабоуміе (fatuitas), но для удостовѣренія, не случаются ли съ нимъ періодически приступы самаго умопомѣшательства, признало необходимымъ подвергнуть его трехмѣсячному испытанію въ больницѣ тюремнаго замка.

6 февраля 1864 г. Илья Ждановъ былъ вторично освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи оренбургскаго губернскаго правленія, причемъ оказалось, что Ждановъ росту средняго, тѣлосложенія посредственнаго, лѣтъ повидимому 30, имѣетъ расположеніе частей тѣла правильное, походку и движенія членовъ тяжелыя, вялыя, рѣчь медленную, сопровождаемую постоянною улыбкою, взглядъ тупой, и больше склоненъ къ молчаливости На предложенные вопросы онъ отвѣчалъ: *В.* Какого ты уѣзда? *О.* Челябинскаго. *В.* Изъ какой ты деревни? *О.* Изъ Гришкиной. *В.* Ты изъ православныхъ? *О.* Прежде былъ православнымъ. *В.* Зачѣмъ тебя сюда прислали? *О.* Антонову ударилъ топоромъ, за это и прислали. *В.* Жива ли она была послѣ того, какъ ты ударилъ топоромъ? *О.* Пожила и вечеромъ умерла. *В.* За что же ты убилъ ее? *О.* Топоръ былъ въ рукахъ и ударилъ; теперь жаль; дочь Авдотья и я жалѣли объ этотъ. *В.* Была ли когда между вами ссора? *О.* Нѣтъ мы не ссорились. *В.* Есть ли у тебя дѣти? *О.* Федоръ есть, ему три года. *В.* У кого онъ живетъ? *О.* Мальчикъ этотъ остался у отца. *В.* Почему тебя никто не удержалъ отъ убійства? *О.* Въ избѣ тогда никого не было. *В.* Гдѣ они были? *О.* Всѣ спали. *В.* Въ какое время ты убилъ жену? *В.* Промежду заговѣнья. *В.* Послѣ убійства долго ли тебя мучила совѣсть? *О.* Долго, теперь жалко, что я убилъ; каждый день плачу, молюсь Богу и прошу прощенія; я до убійства 6 верстъ бѣжалъ нагишомъ. *В.* Какъ давно ты бѣжалъ нагишомъ?

О. Зимою я ходилъ въ другую деревню нагишомъ; я тогда тосковалъ. *В.* Но прежде здоровъ ли ты былъ? *О.* Прежде лечили меня. *В.* Кто же тебя лечилъ? *О.* Отецъ возилъ меня лечить къ лекарямъ.» Общее присутствіе нашло, что изъ наружнаго вида и изъ отвѣтовъ Ильи Жданова заключить должно, что найденное въ немъ душевное разстройство есть слабоуміе, которое можетъ быть вредно для окружающихъ.

Затѣмъ изъ произведенной переписки оказалось, что вслѣдствіе опредѣленія членовъ особаго присутствія оренбургскаго губернскаго правленія 5 сентября 1863 г., Илья Ждановъ былъ подвергнутъ съ 30 того же сентября трехмѣсячному испытанію въ больницѣ уфимскаго тюремнаго замка чрезъ завѣдывающаго оною врача Беневоленскаго, который, по истеченіи опредѣленнаго срока, 15 декабря донесъ, что Илья Ждановъ во время пребыванія въ больницѣ признаковъ разстройства умственныхъ способностей не обнаруживалъ; но сколько онъ, Беневоленскій, могъ замѣтить, по выраженію лица, постоянной улыбкѣ, тупому взгляду и постоянной молчаливости, Ждановъ имѣетъ природное слабоуміе.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что изъ этого дѣла не видно, чтобы признаніе слабоумнымъ крестьянина Ильи Жданова было основано на какихъ либо положительныхъ данныхъ. Въ свидѣтельствѣ, составленномъ 27 мая 1863 г. челябинскимъ городовымъ врачемъ Вятковскимъ, сказано лишь вообще, что разстройства умственныхъ способностей у Жданова не замѣчено, но что, судя по выраженію его лица, по тону и характеру рѣчи, видно, что его умственныя способности мало развиты. Подобныя доказательства неразвитости ума подсудимаго, какъ само собою понятно, не могутъ быть приняты во вниманіе. Точно также доказывается слабое развитіе умственныхъ способностей Жданова и въ актѣ, который составленъ былъ вслѣдъ за этимъ и скрѣпленъ подписью уѣзднаго судьи, двухъ засѣдателей и уѣзднаго врача Преображенскаго. Сверхъ того въ поименованномъ актѣ допущена возможность безсознательнаго совершенія преступленія Ждановымъ, на томъ основаніи, что онъ не имѣлъ никакихъ побудительныхъ причинъ; что убійство совершилъ внезапно, безъ всякого предварительнаго соображенія;

не старался скрыть его, но самъ объявилъ о томъ десятскому; что оказался равнодушнымъ къ убитой имъ женѣ, и самъ себѣ не могъ дать отчета, почему убилъ ее. Но подобныя соображенія опровергаются словами самого Жданова при снятіи съ него допросовъ вслѣдъ за совершеніемъ имъ преступленія, 30 и 31 января 1863 г. Ждановъ показалъ, что онъ принадлежалъ къ раскольничьей сектѣ, къ которой жена его принадлежать не хотѣла; что онъ находился въ любовной связи съ послѣдовательницей той же секты, дѣвкой Степанидой Федотовой, которая подстрекала его къ убійству жены, и что убійство это совершилъ онъ сознательно. Степанида Ѳедотова равно какъ и крестьяне, которые, согласно показаніямъ Жданова, уговаривали его поступить въ секту, въ преступленіи не сознались, и при допросахъ ничѣмъ не были уличены со стороны Жданова; но обстоятельство это не дозволяетъ еще утверждать съ положительностію, будто бы показянія Жданова были ложны и у него дѣйствительно не доставало никакихъ причинъ къ совершенію преступленія. Точно также хотя отецъ Жданова и односельскіе съ нимъ крестьяне показали, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ около праздника рождества Христова у него появлялись припадки безумія, но никто изъ нихъ не объяснилъ, въ чемъ собственно состояли эти припадки; самъ же Ждановъ утверждаетъ, что они совершенно изчезли въ 1863 г., т. е. до того времени, когда онъ убилъ свою жену. Наконецъ доказательства того, что Ждановъ сознавалъ преступность своего дѣйствія, и что онъ вовсе не относился равнодушно къ убитой имъ женѣ, могутъ быть почерпнуты изъ его же собственныхъ отвѣтовъ въ общемъ присутствіи губернскаго правленія во время двукратнаго освидѣтельствованія состоянія умственныхъ его способностей. Изъ отвѣтовъ этихъ видно, что Ждановъ каялся въ своемъ преступленіи, что онъ глубоко сожалѣлъ о немъ, долго плакалъ и тосковалъ о женѣ. Такимъ образомъ мнѣнія врачей Вятковскаго и Преображенскаго о состояніи умственныхъ способностей подсудимаго слѣдуетъ признать бездоказательными. При первомъ освидѣтельствованіи Жданова, въ общемъ присутствіи оренбургскаго губернскаго правленія, которое было произведено 5 сентября 1863 г., отвѣты его на предложенные ему вопросы оказались отчасти совершенно правильными, отчасти же столь тем-

ными, что по нимъ невозможно было составить себѣ ясное понятіе объ умственныхъ способностяхъ преступника. Тѣмъ не менѣе общее присутствіе, основываясь на этихъ отвѣтахъ и наружномъ видѣ Жданова, признало его слабоумнымъ, но для удостовѣренія, не случаются ли съ нимъ періодически приступы умопомѣшательства, нашло необходимымъ подвергнуть его трехмѣсячному испытанію въ больницѣ уфимскаго тюремнаго замка. Наблюдавшій за Ждановымъ въ теченіи трехъ мѣсяцевъ врачъ Беневоленскій не нашелъ въ немъ признаковъ разстройства умственныхъ способностей, но по выраженію его лица, постоянной улыбкѣ, тупому взгляду и молчаливости заключилъ, что Ждановъ одержимъ природнымъ слабоуміемъ. Смѣлое заключеніе врача Беневоленскаго, очевидно, способствовало къ окончательному признанію подсудимаго слабоумнымъ, послѣ вторичнаго освидѣтельствованія его въ губернскомъ правленіи 6 февраля 1864 года. При этомъ общее присутствіе основывалось отчасти на смыслѣ отвѣтовъ Жданова, отчасти же на его наружномъ видѣ; но каковъ былъ наружный видъ Жданова, объ этомъ въ актѣ освидѣтельствованія не упомянуто, а изъ совершенно правильныхъ его отвѣтовъ явствуетъ лишь, что до совершенія преступленія онъ тосковалъ и бѣжалъ шесть верстъ нагишомъ, и что припадки разстройства умственныхъ способностей появлялись у него и прежде. Разсматривая послѣднее показаніе Жданова, невозможно упустить изъ виду, что оно явно противорѣчитъ тому, что утверждалъ самъ же Ждановъ за годъ передъ этимъ, при снятіи съ него первыхъ допросовъ. Такимъ образомъ въ дѣлѣ, въ которомъ есть поводъ думать, что преступленіе могло быть совершено сознательно, встрѣчаются съ одной стороны противорѣчивыя показанія подсудимаго, которыхъ цѣль и значеніе темны, съ другой же сбивчивыя и неопредѣленныя мнѣнія врачей о состояніи его здоровья, основанныя болѣе на общемъ впечатлѣніи, которое производилъ на нихъ подсудимый, нежели на положительныхъ доказательствахъ. Притомъ мнѣнія врачей и показанія свидѣтелей не согласуются между собою; врачи говорятъ, то о слабомъ развитіи умственныхъ способностей Жданова, то о природномъ его слабоуміи; свидѣтели упоминаютъ лишь о періодически повторяющихся у него съ нѣко-

тораго времени приступамъ умопомѣшательства. Слѣдовательно разрѣшеніе этого дѣла невозможно до тѣхъ поръ, пока Ждановъ не будетъ подвергнутъ новому и тщательному испытанію относительно состоянія умственныхъ его способностей, съ тѣмъ, чтобы назначить для этого срокъ времени не менѣе одного года, чтобы наблюденіе за нимъ не было пассивное, но чтобы время отъ времени предлагаемы ему были соотвѣтственные вопросы, и чтобы въ скорбномъ листѣ аккуратно упоминалось о его душевномъ расположеніи и дѣйствіяхъ.

О нанесеніи Михайломъ Волковымъ смертельной раны женѣ своей.

(Припадокъ умопомѣшательства).

2 января 1864 г. въ деревнѣ При-Озеръ—Карасьемъ (бійскаго уѣзда, томской губерніи), въ домѣ крестьянина Бѣлобородова, остановившійся въ немъ дорогою проѣздомъ крестьянинъ деревни Шиловой, Михаилъ Волковъ, нанесъ женѣ своей Татьянѣ ножемъ рану въ животъ и намѣревался напасть съ тѣмъ же ножемъ на дочь Бѣлобородова, Анимью.—По опасному положенію Татьяны Волковой былъ приглашенъ для напутствованія ея мѣстный священникъ, которому она, въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей объявила, что мужъ ея прежде того страдалъ припадками сумасшествія, которое начало было прекращаться, и что Богъ его знаетъ, съ чего ему пришло на умъ ранить ее.

По дознанію, произведенному мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ, оказалось, что Волковъ прибылъ въ деревню При-Озерѣ—Карасьемъ 29 декабря 1863 г. изъ деревни Усть-Алейской, въ которую онъ ѣздилъ съ женою своею къ крестьянину Петру Ваганову лечиться отъ бывавшихъ у него припадковъ сумасшествія, и съ 29 декабря проживалъ въ домѣ Бѣлобородова.

4 января 1864 г. Татьяна Волкова умерла.

На допросѣ 4 января въ барнаульскомъ волостномъ правленіи, *Михаилъ Волковъ* показалъ, что 2 января онъ жену свою Татьяну ткнулъ одинъ разъ ножемъ; сдѣлалъ онъ это потому,

что возненавидѣлъ жену за то, что она ревновала его къ крестьянской женѣ деревни Шиловой, Степанидѣ Шадриной, и къ дѣвкѣ той же деревни Маринѣ Волковой. Къ убійству жены его никто не подговаривалъ и сообщникомъ въ этомъ преступленіи съ нимъ никто не былъ; зарѣзать крестьянскую дѣвку деревни Ире-Озеръ-Карасьимъ Бѣлобородову, не имѣлъ, ему неизвѣстную; онъ намѣренія не имѣлъ; ножъ, которымъ онъ нанесъ рану женѣ, взяла изъ его рукъ Бѣлобородова; во время совершенія преступленія онъ былъ, какъ припомнитъ, въ совершенно здравомъ разсудкѣ.

10 января 1864 г. Михаилъ *Волковъ* былъ вызванъ изъ бійскаго острога въ мѣстный земскій судъ для допроса. Въ составленномъ о семъ того же числа актѣ изложено, что при тщательныхъ распросахъ о причинѣ нанесенія раны женѣ своей и при увѣщеваніи священника, Волковъ истины не открылъ, а только невнятно и тихо, какъ бы сквозь зубы, говорилъ «только ткнулъ»; болѣе сего никакихъ отвѣтовъ не дѣлалъ, представляя себя неимѣющимъ совершенно ума. Окружный врачъ Михаловскій при этомъ же спросѣ, осмотрѣвъ Волкова, призналъ его совершенно здоровымъ.

При слѣдствіи, девятнадцатилѣтняя дочь крестьянина Бѣлобородова *Афимья* показала, что крестьянинъ Михаилъ Волковъ съ женою своею пріѣхалъ къ нимъ въ домъ 29 декабря 1863 г. и оставался у нихъ по случаю бывшихъ метелей *); во все время проживанія въ ихъ домѣ, Волковъ находился въ здравомъ разсудкѣ, никакого помѣшательства и припадковъ задумчивости у него не было, съ женою онъ ссоры не имѣлъ; около полудня второго января отецъ, мать и сноха ея, Афимьи, не были дома, и въ избѣ оставались только она, Афимья, и Волковъ съ женою; послѣдніе лежали на палатяхъ; слезши съ палатей, Волковъ попросилъ жену поискать у него въ головѣ вшей; для этого Татьяна взяла съ полки ножъ; въ это время Волковъ съ женою не ссорился, былъ здоровъ и помѣшательства примѣтно въ немъ не было; сѣвши на лавку въ передній уголъ, Татьяна начала ножемъ

*) Въ имѣющемся при дѣлѣ актѣ, составленномъ сельскимъ старшиною, между прочимъ сказано, что Волковъ пріѣхалъ къ Бѣлобородову съ цѣлію полечится отъ замѣшательства въ разсудкѣ. Но по формальному слѣдствію оказалось, что Бѣлобородовъ леченіемъ больныхъ не занимается.

искать въ головѣ мужа вшей, положивши его къ себѣ на колѣни; она же, Аѳимья, сидѣла къ нимъ спиною въ кутѣ подъ окномъ, занимаясь пряжею; вскорѣ Татьяна закричала. Обернувшись она, Аѳимья, увидала, что Татьяна лежитъ на полу, а на ней мужъ съ окровавленнымъ ножемъ въ рукахъ; въ испугѣ она подбѣжала къ нимъ и оттолкнула Волкова отъ жены; послѣ этого Татьяна убѣжала на улицу, а Волковъ, уставивши противу нея, Аѳимьи, ножъ, ничего не говорилъ, былъ въ сильной перемѣнѣ, съ мутными глазами, и, вѣроятно, хотѣлъ нанести ей ножемъ раны; однако же она съ какою то рѣшимостію успѣла выхватить изъ рукъ его ножъ и бросила его къ голбцу; затѣмъ она побѣжала съ крикомъ на улицу, туда же выбѣжалъ и Волковъ; здѣсь онъ схватилъ сидѣвшую у угла жену, повалилъ ее и началъ душить; однако же отцомъ ея, Аѳимьи, и прибѣжавшими на крикъ крестьянами, Николаемъ Кондаковымъ и сыномъ его Кириломъ, былъ схваченъ и связанъ.

Показаніе Аѳимьи Бѣлобородовой подтвердили: отецъ, мать и сноха ея. Но первый изъ нихъ и крестьяне Кондаковы объяснили, что выбѣжавъ 2 января по крику Агаѳьи на улицу, они увидѣли, что Татьяна Волкова лежала на землѣ, а мужъ ея одной рукой давилъ ее за горло, а другою держалъ за косу. Волковъ былъ въ сильной перемѣнѣ лица, съ мутными глазами; на спросъ ихъ Волковъ, не отвѣчая ни слова, дрожалъ и просилъ ихъ ввести его въ избу.

Крестьянинъ деревни Усть-Алейской, Петръ *Ваганов*, показалъ, что Михаилъ Волковъ дѣйствительно пріѣхалъ къ нему 25 декабря 1863 года, для подачи ему помощи къ прекращенію меланхолическихъ припадковъ, но онъ его не лечилъ и припадковъ сумасшествія въ немъ не замѣчалъ; прежде же сего, точно не упомнитъ за сколько времени, Волковъ, пріѣхавши къ нему, жаловался, что имѣетъ временный припадокъ «не ума», и отъ этого былъ пользованъ имъ, Вагановымъ, простыми наговорами при пареніи въ банѣ; но и тогда также припадковъ онъ не видѣлъ у Волкова, и точно ли Волковъ былъ одержимъ этою болѣзнію, удостовѣрить не можетъ. Чрезъ три дня Волковъ уѣхалъ въ деревню При-Озерь-Карасьемъ съ крестьяниномъ Литуевымъ.—*Литуевъ* отозвался, что дѣйствительно онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Вол-

конимъ и его женою; во время дороги онъ не замѣтилъ у Волкова помѣшательства или припадковъ болѣзни; при разговорахъ Волковъ судилъ здраво, съ женою ссоры не имѣлъ. — *Крестьяне* деревни При-Озерѣ-Карасьемъ, бывшіе въ домѣ Бѣлобородова 2 января, вскорѣ послѣ совершенія Волковымъ преступленія, показали, что Волковъ на вопросы никакихъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ не давалъ и только повторялъ тоже, о чемъ его спрашивали, былъ какъ бы помѣшавшійся въ разсудкѣ и въ сильной перемѣнѣ въ лицѣ; имѣлъ глаза мутные.

По дознанію, произведенному въ деревнѣ Шиловой засѣдателемъ земскаго суда, оказалось: «что Михаилъ Волковъ 36 лѣтъ, имѣетъ пятерыхъ дѣтей. Болѣзнь его началась въ октябрѣ мѣсяцѣ 1863 года испугомъ послѣ того, какъ онъ, въ числѣ прочихъ своихъ общественниковъ, былъ посланъ отъ общества выборнымъ въ волостное правленіе на соглашеніе о рекрутскихъ повинностяхъ; онъ отправился хмѣльный, одинъ верхомъ на ретивой лошади, но передъ утромъ возвратился назадъ въ деревню пѣшій и, поймавъ другую лошадь смирнѣе, отыскалъ и пригналъ первую лошадь съ сѣдломъ и перемѣтными сумами, сбитыми подъ брюхо. Вскорѣ же послѣ того, всѣ домашніе предметы казались ему не въ своемъ положеніи, онъ перебиралъ ихъ, осматривалъ, иногда сердился и уже на малое время, на часъ и менѣе приходилъ въ умъ; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе болѣзнь его усиливалась. Между тѣмъ въ то время, когда онъ приходилъ въ умъ, разсказалъ, что когда онъ въ хмѣльномъ видѣ отправился въ волостное правленіе и уже проѣхалъ степью верстъ 15 до рѣчки Марушки, то вздумалъ въ этой рѣчкѣ напиться, но когда слезъ, лошадь вырвалась и отъ него побѣжала. Желая поискать лошадь, онъ слѣдовалъ за нею до самой ночи, но поймать не могъ, а наконецъ и совсѣмъ потерялъ изъ вида; въ тоже время ему показалось, что за нимъ погнался цѣлый табунъ лошадей, и что при табунѣ былъ табунщикъ верхомъ на лошади, и когда онъ, Волковъ, спѣшилъ удалиться, то табунщикъ, сѣчтя его за лошадь, старался объѣхать его и загнать въ табунъ, но какъ ни старался загнать, не могъ, потому что онъ все болѣе бѣжалъ въ деревню, и только при видѣ ея, увидѣлъ, что гнавшагося за нимъ табуна и табунщика не было. Вскорѣ же послѣ этого испуга сельскій староста и всѣ общественники, видя его помѣшатель-

ство, съ прекращеніемъ домашнихъ обыденныхъ работъ, взяли его подъ караулъ, и какъ онъ усиливался уйти и никакихъ увѣщеній не слушалъ, приковали его на цѣпь; когда же онъ только все болѣе началъ образумливаться, просилъ и умолялъ со слезами отпустить его, то родственники выпросили его къ себѣ, обѣщая лечить его домашнимъ образомъ; поэтому чрезъ недѣлю послѣ содержанія онъ былъ отпущенъ, причемъ родственниками для леченія его приготовлялись бани, а для развлеченія приглашался онъ къ легкимъ работамъ, и казалось, что онъ становился спокойнѣе, хотя вскорѣ отъ работъ и удалялся, обращаясь къ занятію, его одолѣвавшему: перебиранію домашнихъ вещей, когда онѣ ему казались не такими. Жена Волкова возила его въ другія селенія, чтобы найти знающаго человѣка, который бы могъ подать ему пособіе и привести его въ умъ. Причиною его болѣзни былъ только сказанный испугъ; болѣзнь была не наслѣдственная и въ юности ея не замѣчалось; воспитаніе его было обыкновенное, свойственное крестьянскому быту, безъ пренебреженія, худыхъ примѣровъ, жестокаго обращенія и вредныхъ привычекъ, исключая послѣднихъ трехъ лѣтъ, въ которыя братъ его, Самойло, удачно помогалъ ему въ хозяйствѣ и «додавалъ ему излишекъ», а онъ сталъ употреблять его на вино, и до того, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе его употреблялъ. Характера онъ былъ всегда кроткаго и ровнаго, къ уединенію не былъ склоненъ; въ изступленіе, печаль, задумчивость не приходилъ; самоубійству, гнѣву, распутству и другимъ страстямъ, кромѣ вышесказаннаго пьянства, не подвергался; жизнь велъ трудолюбивую, сельскую, но умственныхъ занятій не имѣлъ, ночей безъ сна не проводилъ, исключая послѣднихъ лѣтъ, — въ пьянствѣ, дошедшемъ до запоя; никакихъ неудовольствій и оскорбленій не имѣлъ, жилъ съ женою, какъ и съ прочими, въ согласіи и былъ всегда въ достаточномъ по его быту состояніи; тѣлесныхъ недостатковъ и повреждeній, а также ни наружныхъ, ни внутреннихъ болѣзней не имѣлъ. Кровопусканій никогда не дѣлалъ; рвотныхъ, меркуріальныхъ, наркотическихъ и иныхъ медикаментовъ не употреблялъ; врачемъ не пользовался.»

На повальномъ обыскѣ крестьяне деревни Шиловой, одобривъ поведеніе Михаила Волкова, отозвались, что ревновала ли его же-

на Татьяна къ крестьянкамъ Шадриной и Волковой, и были ли между ними отъ этого ненависть, они не замѣтили.

3 іюня 1864 г. Михаилъ Волковъ былъ *освидѣтельствованъ* въ присутствіи бійскаго окружнаго суда мѣстнымъ окружнымъ врачемъ Михаловскимъ, причемъ, какъ сказано въ актѣ, оказалось, что Волковъ около 36 лѣтъ, тѣлосложенія довольно хорошаго и повидимому совершенно здоровъ; на всѣ предложенные врачемъ многоразличные вопросы онъ отвѣчалъ очень удовлетворительно, акуратно и нисколько не сбиваясь, только очень тихо, такъ что съ трудомъ можно было разслушать, причемъ объяснилъ, что онъ громче не можетъ говорить, и что голосъ потерялъ по прибытіи въ г. Бійскъ; взглядъ его совершенно правильный, выраженіе глазъ спокойное и совершенно нормальное. Врачъ Михаловскій заключилъ, что, основываясь на вышесказанномъ, онъ Волкова помѣшаннымъ признать не можетъ, а равно былъ *ли* онъ во время совершенія преступленія въ припадкѣ умопомѣшательства или нѣтъ, опредѣлить нельзя, но какъ болѣзнь эта проявляется пароксизмами, иногда даже чрезъ довольно большіе промежутки времени, то для представленія окончательнаго заключенія необходимо подвергнуть Волкова продолжительному испытанію.

Бійскій окружной судъ, отношеніемъ отъ 26 іюля 1864 года, просилъ томскую врачебную управу освидѣтельствовать Волкова въ состояніи разсудка и болѣзни, но какъ Волковъ, по доставленіи 29 марта 1865 г. во врачебную управу, на предложенные ему въ оной вопросы не отвѣчалъ, то управа, сдѣлавъ распоряженіе о подвергнутіи его наблюденію врача тюремной больницы, обратилась 31 марта 1865 года съ ходатайствомъ къ начальнику губерніи объ освидѣтельствованіи Волкова въ присутствіи губернскаго совѣта.—Вслѣдствіе сего Волковъ былъ освидѣтельствованъ въ семъ совѣтѣ 23 іюня 1865 года членами врачебной управы, которые не нашли, чтобы онъ былъ одержимъ умопомѣшательствомъ, но, принимая во вниманіе, что до совершенія преступленія онъ былъ замѣченъ въ разстройствѣ умственныхъ способностей, признали необходимымъ подвергнуть его тщательному двухмѣсячному испытанію въ томской тюремной больницѣ. По наблюденію членовъ врачебной управы и врача тюремной больницы оказалось, что все время нахожденія

Волкова на испытаніи онъ былъ совершенно въ здравомъ разсудкѣ, велъ себя кротко, припадковъ падучей болѣзни замѣчено не было; при продолжительныхъ съ нимъ разговорахъ на всѣ дѣлаемые ему вопросы отвѣчалъ всегда со смысломъ, но весьма тихо, шепотомъ.

15 октября 1865 г. Волковъ былъ снова освидѣтельствованъ въ присутствіи томскаго губернскаго совѣта членами врачебной управы, причемъ оказалось, что Волкову отъ роду лѣтъ около 38, тѣлосложенія онъ умѣреннаго, выраженіе лица и глазъ нормальное; при изслѣдованіи органовъ чувствъ, органовъ грудной и брюшной полости никакихъ видимыхъ болѣзненныхъ измѣненій найдено не было; память настоящаго и прошедшаго сохранена; соображеніе и теченіе идей правильны, говоритъ тихо, шопотомъ. — На предложенные вопросы отвѣчалъ слѣдующее: *Вопр.* Какъ тебя зовутъ? *Отв.* Михаилъ Волковъ. *Вопр.* Откуда? *Отв.* Изъ барнаульскаго округа, шадринской волости, деревни Шиловой. *Вопр.* Есть у тебя семейство? *Отв.* Есть братъ, племянники, 5 дѣтей: 2 сына и 3 дочери. Жена померла; изъ за нея я попалъ подъ судъ. *Вопр.* Что-же случилось съ женою? *Отв.* Нечаянно, ножъ въ колѣнкахъ лежалъ, она поворотилась и наткнулась. *Вопр.* Что же, она умерла скоро? *Отв.* На третьи сутки померла, не упомню, я самъ хворалъ. *Вопр.* Что же съ тобою было? *Отв.* Я хворалъ, ознобъ былъ у меня, мѣсяца два или три былъ ознобъ. *Вопр.* Здѣсь ты вылечился? *Отв.* Больше мѣсяца. *Вопр.* У тебя было большое хозяйство. *Отв.* Было хозяйство, пашня была не вовсе большая, лошадей было десятокъ. *Вопр.* Передъ пораненіемъ жены ты хворалъ? *Отв.* Прежде хворалъ ознобомъ, а потомъ въ Бійскѣ горячкою. *Вопр.* Помнишь какъ жена померла? *Отв.* Она померла безъ меня, меня отправили въ барнаульскую волость. *Впр.* Ты былъ долго въ Бійскѣ. *Отв.* Съ полгода былъ.

Члены врачебной управы пришли къ слѣдующимъ выводамъ: 1) въ настоящее время Волковъ находится въ совершенно здравомъ разсудкѣ; 2) обстоятельства предшествующей жизни его, собранныя въ дѣлѣ, показываютъ, что за два мѣсяца съ небольшимъ до нанесенія имъ женѣ раны, онъ заболѣлъ умопомѣшательствомъ, причиною каковой болѣзни былъ испугъ въ пьяномъ видѣ и по всей вѣроятности пьянство, которому онъ пре-

давалось въ продолженіи трехъ послѣднихъ лѣтъ, и которое доходило часто до запоя. Изъ описанныхъ припадковъ этого умопомѣшательства видно, что оно было довольно спокойное, исключая одной недѣли, когда онъ былъ привязанъ на цѣпи, что также сопровождалось короткими свѣтлыми промежутками, во время которыхъ онъ все-таки неохотно работалъ и скоро оставлялъ привычныя свои занятія, и что во время припадковъ болѣзни онъ былъ подверженъ мнимымъ и ложнымъ ощущеніямъ (перебираніе имъ вещей, которыя казались ему не тѣми, какими были, и самый испугъ). Былъ ли Волковъ совершенно свободенъ въ послѣднее время отъ припадковъ болѣзни, положительно сказать нельзя, потому что хотя въ показаніяхъ крестьянъ, видѣвшихъ его тогда, и упоминается, что они въ немъ умопомѣшательства не замѣчали, но самое то обстоятельство, что изъ своей деревни онъ отправлялся въ другія для леченія, указываетъ, что онъ чувствовалъ себя ненормально, и что признаки его болѣзни, принявшіе спокойный характеръ, другими могли быть не узнаны. 3) Нанесеніе женѣ раны произведено имъ безъ всякихъ явныхъ побудительныхъ къ тому причинъ, безъ желанія скрыть свое преступленіе; въ моментъ совершенія его, онъ былъ въ значительной степени изступленія и, по показаніямъ лицъ, видѣвшихъ его какъ въ самый этотъ моментъ, такъ тотчасъ послѣ того и спустя нѣкоторое время, онъ былъ въ сильной перемѣнѣ и въ ненормальномъ состояніи разсудка въ теченіи почти двухъ сутокъ. 4) Хотя въ показаніи, данномъ въ барнаульскомъ волостномъ правленіи, на третій день по нанесеніи женѣ раны, Волковъ объяснилъ, что во время совершенія имъ этого преступленія онъ былъ, какъ припомнитъ, въ совершенно здравомъ разсудкѣ и что ткнулъ одинъ разъ ножемъ жену потому, что ее ненавидѣлъ за ея ревность; но какъ по достовѣрнымъ показаніямъ лицъ, спрошенныхъ по дѣлу и по собственному показанію жены Волкова, ни ревности этой и никакого повода къ ней не было, то сознаніе Волкова должно быть отнесено къ ложному его убѣжденію подъ вліяніемъ болѣзненной идеи, такъ-какъ подобные больные часто безъ всякаго повода подозрѣваютъ самыхъ близкихъ къ нимъ и теряютъ къ нимъ прежнее свое расположеніе. Наконецъ, обстоятельство, что Волковъ помнилъ совершенное имъ преступленіе, не можетъ служить доказательствомъ нормальной сознатель-

ности, потому что подобнаго рода больные подъ вліяніемъ ложной идеи составляютъ иногда обдуманные планы, хладнокровно ихъ исполняютъ и большею частію откровенно сознаются во всемъ (Casper [?]). Изъ всего этого видно, что совершенное Волковымъ убійство жены своей было подъ вліяніемъ ложной идеи, въ припадкѣ умопомѣшательства.

Медицинскій совѣтъ нашелъ основательнымъ (изложенное въ актѣ освидѣтельствованія крестьянина Волкова 15 октября 1865 года, въ присутствіи томскаго губернскаго совѣта) заключеніе членовъ мѣстной врачебной управы о томъ, что Волковъ убилъ жену свою подъ вліяніемъ ложной идеи, въ припадкѣ умопомѣшательства.

О крестьянинѣ Ильѣ Васильевѣ, сужденномъ за нанесеніе женѣ своей раны въ животъ.

24 сентября 1862 г. дано было знать московской полиціи, что означеннаго числа крестьянинъ рязанскаго уѣзда Илья Васильевъ нанесъ женѣ своей, Аннѣ Федоровой, рану въ животъ.

По осмотру, произведенному 24 сентября вольно-практикующимъ врачемъ Воскресенскимъ, оказалось, что у Федоровой, имѣющей отъ роду около 32 лѣтъ, на животѣ съ правой стороны пупка была рѣзаная рана величиною въ 1/2 дюйма, круглой формы, съ выпаденіемъ внутренностей (сальника) на пространствѣ шести поперечныхъ пальцевъ; затѣмъ въ актѣ сказано, что больная, боясь кровотеченія, перетянула тесемкою выпавшую часть на пространствѣ четырехъ поперечныхъ пальцевъ *), отчего перевязанная часть уже начала переходить въ омертвеніе; кругомъ раны была опухоль съ воспалительною болью; у больной

*) Анна Федорова при слѣдствіи показала, что опасаясь, чтобы чрезъ рану изъ живота не вышелъ духъ, она сняла съ ноги чулокъ и приложивши къ дырѣ, завязала подвязками. *Прим. изд.*

сильное общее лихорадочное состояніе и значительный упадокъ силъ, [illegible]

[illegible] На вопросы слѣдственнаго пристава, *Анна Федорова* показала, что она постоянно проживаетъ въ деревнѣ Зелениной, Рязанскаго уѣзда; мужъ же ея, Илья Васильевъ, постоянно живетъ въ Москвѣ въ кучерахъ, и въ настоящее время нанятъ на эту должность купцомъ Матвѣевымъ; назадъ тому четыре недѣли она пришла изъ деревни въ Москву для свиданія съ мужемъ и полученія отъ него денегъ въ семейство; по прибытіи въ Москву, она находилась то у мужа, то у родственницы своей Соломониды Афанасьевой; въ продолженіи пребыванія своего въ Москвѣ, она настаивала, чтобы мужъ далъ ей денегъ и отправилъ въ деревню, но онъ, не давая денегъ, все удерживалъ ее въ Москвѣ, обѣщаясь взять у хозяина денегъ и дать ей; 24 сентября утромъ она пришла къ мужу съ просьбою, чтобы онъ далъ ей денегъ и отпустилъ; а какъ онъ хотѣлъ уже это исполнить, то и пошелъ съ нею сначала къ Афанасьевой, а затѣмъ проводить ее, Федорову; такъ какъ ей слѣдовало идти къ спасской заставѣ, а мужъ повелъ въ Лефортово, то она спросила его: зачѣмъ онъ ведетъ ее не туда, куда должно; на что мужъ отвѣтилъ, что тамъ они сходятъ въ трактиръ и простятся; прошедши Лефортово, они вошли въ анненгофскую рощу, гдѣ мужъ предложилъ ей сѣсть отдохнуть, а когда она сѣла на землю, то онъ одной рукой зажалъ ей ротъ, а другой, поднявши платье, ткнулъ въ животъ, не знаетъ чѣмъ; посему она сначала стала упрашивать, чтобы онъ отпустилъ, а потомъ высвободившись отъ него, убѣжала; мужъ же остался на мѣстѣ; кое какъ она дошла до Афанасьевой. Въ замужествѣ она находится четвертый годъ, дѣтей не имѣетъ; мужъ ея до сего времени жестоко съ ней не обращался, жили они какъ должно; что же его побудило на этотъ поступокъ, совершенно не знаетъ; во время провожанія ея, мужъ былъ немного выпивши.

24 сентября Анна Федорова была отправлена въ московскую полицейскую больницу. По освидѣтельствованію, произведенному въ этой больницѣ 25 сентября врачемъ Голубковымъ, оказалось: у Федоровой на животѣ съ правой стороны пупка разорванная рана величиною въ $1/2$ дюйма, круглой формы, съ выпаденіемъ внутренностей (сальника) на пространствѣ шести поперечныхъ пальцевъ; выпавшая часть уже начала приходить въ омертвеніе,

и на нее врачами больницы наложена лигатура; кругомъ раны припухлость въ кожѣ; при этомъ въ больной замѣтно было довольно сильное лихорадочное состояніе. Засимъ въ актѣ сказано, что проникающія раны живота принадлежатъ къ поврежденіямъ, опаснымъ для жизни, почему въ настоящее время о благопріятномъ исходѣ болѣзни Федоровой заключить нельзя.

Мужъ Анны Федоровой, *Илья Васильевъ* (23 лѣтъ), при допросѣ 25 сентября, не сознаваясь въ взводимомъ на него преступленіи, показалъ, что 24 сентября онъ пошелъ съ женою сперва къ Соломенидѣ Афанасьевой, а оттуда проводить ее въ деревню, и не доходя до церкви новоблагословенной, далъ ей кредитными билетами 16 рубл., два по пяти и два по три руб. сер., чтобы она отнесла домой; проводя жену до покровской заставы, онъ возвратился домой.—25 сентября, на очной ставкѣ съ женою Илья Васильевъ сперва рѣшительно отъ всего отказывался, но когда былъ убѣжденъ частнымъ приставомъ и присутствовавшими при очной ставкѣ, то, ставъ на колѣни предъ женою, началъ у ней просить прощенія, а затѣмъ показалъ, что 24 сентября, около обѣда, онъ пошелъ съ женою, чтобъ ее проводить въ деревню и дать денегъ; когда же они вышли отъ Афанасьевой, то онъ предложилъ ей идти вмѣсто надлежащаго пути въ Лефортово не для чего другаго, какъ только для того, чтобы съ нею тамъ проститься; жена согласилась, и они пошли мимо разумовской больницы на салтыковскій мостъ, мимо красныхъ казармъ и прямо въ анненгофскую рощу; здѣсь недалеко отъ берега они присѣли, потомъ сдѣлали между собою соитіе, а засимъ, въ туже минуту, незамѣтнымъ образомъ вынувши изъ боковаго кармана жилета желѣзко безъ черенка, завернутое тряпкою, онъ острымъ концомъ желѣзка пырнулъ жену въ животъ, но для чего это сдѣлалъ, совершенно не понимаетъ, и что съ нимъ случилось не знаетъ. Когда же жена отъ боли закричала, то онъ, испугавшись, зажалъ ей ротъ, чтобы она болѣе не кричала; но она, также испугавшись, вскочила и убѣжала отъ него; оставшись одинъ въ рощѣ въ какомъ то испугѣ и безпамятствѣ, онъ не зналъ, что дѣлать, а потомъ, оставивъ на мѣстѣ ножикъ и мѣшокъ съ вещами, брошенный женою, побѣжалъ домой. Намѣренія лишить жену жизни онъ не имѣлъ, ибо не было къ тому со стороны ея никакого повода, и его къ этому никто не подстрекалъ и не училъ. Де-

немъ для доставленія въ семью онъ хотѣлъ дать женѣ 13 руб., бывшіе у него въ жилетѣ; но этого сдѣлать не могъ по сказанному обстоятельству.

29 сентября 1862 г. Илья Васильевъ, содержавшійся въ лефортовскомъ частномъ домѣ, заболѣлъ. По осмотру, произведенному того числа частнымъ врачемъ, оказалось, что Васильевъ одержимъ лихорадочнымъ состояніемъ и жалуется на стѣсненіе въ груди. На основаніи заключенія врача, Васильевъ 29 того же сентября былъ отправленъ въ тюремную больницу. По осмотру, произведенному 30 октября 1862 г. ординаторомъ тюремной больницы Семеновымъ, оказалось, что Васильевъ жалуется на слабость въ тѣлѣ и на головную боль при общемъ лихорадочномъ состояніи.

При передопросѣ 6 октября *Илья Васильевъ*, подтвердивъ сознаніе свое въ преступленіи, добавилъ, что съ женою онъ жилъ очень хорошо, ее любилъ и за нею никакихъ дурныхъ поступковъ никогда не замѣчалъ; нанесть ей рану ножемъ умысла никакого прежде не имѣлъ, лишить ее жизни не желалъ, да не имѣлъ къ этому и повода, а если и случилось это происшествіе, то онъ объяснить его рѣшительно не можетъ. Ножикомъ онъ чинилъ уздечку, и когда пришла къ нему жена, то онъ побѣжалъ къ хозяину, попроситься проводить ее, а ножикъ положилъ безъ всякой цѣли въ карманъ; если онъ и провожалъ жену свою чрезъ анненгофскую рощу, то для того, чтобы имѣть съ нею совокупленіе, другихъ же цѣлей никакихъ не имѣлъ, и когда кончилъ съ нею совокупленіе, то вдругъ и пырнулъ ее ножемъ, безъ всякаго сознанія, что дѣлаетъ дурно.

9-го ноября 1862 г. *Анна Федорова* по выздоровленіи была прислана изъ полицейской больницы въ яузскую часть, гдѣ и показала, что съ мужемъ своимъ она жила чрезвычайно хорошо, дружно, и никогда они не ссорились. Когда мужъ провожалъ ее, то дорогою они шли хорошо, разговаривали очень дружелюбно, какъ слѣдуетъ мужу и женѣ, что доказывается тѣмъ, что въ анненгофской рощѣ имѣли совокупленіе съ общаго согласія; по какой же именно причинѣ и для какой надобности мужъ нанесъ ей рану въ животъ, она объяснить не въ состояніи, да и придумать объ этомъ не можетъ, а полагаетъ, что сдѣлано это было въ отсутствіи всякаго разсудка, причемъ онъ нисколько впро-

чемъ не желалъ лишить ее жизни; что она утверждаетъ на томъ основаніи, что они жили всегда согласно и любили другъ друга. Въ настоящее время она получила совершенное выздоровленіе отъ болѣзни и, не помня зла, прощаетъ мужа въ нанесеніи ей раны и проситъ дѣло это прекратить.

Купецъ *Матвѣевъ* отозвался, что Васильевъ жилъ у него кучеромъ два съ половиною мѣсяца; за все это время онъ получилъ отъ него въ первый разъ 10 р. 50 к. и во второй, за два дня до прихода къ нему жены его, 25 руб. сер.; что понудило Васильева нанести женѣ рану въ животъ, онъ, Матвѣевъ, не знаетъ; но только съ самаго поступленія къ нему Васильева онъ, Матвѣевъ, замѣчалъ за нимъ какую то задумчивость, но о семъ спросить его не находилъ надобности.

На повальномъ обыскѣ крестьяне деревни Зелениной (12 человѣкъ) объяснили, что Илья Васильевъ ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ, характера онъ тихаго, въ своей семьѣ живетъ хорошо.

Московская медицинская контора въ данномъ по сему дѣлу заключеніи изложила, что внезапное проявленіе у человѣка кратковременнаго умопомѣшательства съ бѣшенствомъ (mania furibunda), какъ наблюденія показали, возможно, и что при содѣйствующихъ къ тому условіяхъ, оно можетъ послѣдовать вслѣдъ за совокупленіемъ *).

Московское губернское правленіе, освидѣтельствовавъ Илью Васильева 23 сентября 1864 г., заключило, что хотя отвѣты его на предложенные ему вопросы, повидимому, довольно удовлетворительны, но принимая во вниманіе болѣзненный, задумчивый видъ лица его, мутность глазъ, жалобу его, что у него все еще болитъ голова, а равно удостовѣреніе врача, имѣвшаго надъ Васильевымъ наблюденіе, — слѣдуетъ продолжить испытаніе надъ Васильевымъ, равно и его леченіе, въ теченіи 2 мѣсяцевъ.

Затѣмъ, по освидѣтельствованіи Васильева 13 апрѣля 1865 года, общее присутствіе, принимая во вниманіе отвѣты Василье-

---

*) Смотритель московскаго тюремнаго замка 24 іюня 1863 г. увѣдомилъ, что у Ильи Васильева во время содержанія его въ тюремномъ замкѣ признаковъ умственнаго разстройства замѣчено не было; въ больницѣ замка онъ находился только съ 29 сентября по 5 октября 1862 г.; пользованъ былъ отъ простудной лихорадки.

ва, согласные съ здравымъ разсудкомъ, спокойный видъ лица его, и удостовѣреніе врача, имѣвшаго надъ нимъ наблюденіе, заключило: что Васильевъ находится въ здравомъ умѣ.

Въ рукоприкладствѣ подъ составленною въ уголовной палатѣ запискою изъ дѣла, Илья Васильевъ изложилъ, что отправясь проводить жену въ деревню, онъ на прощаньи выпилъ водки, отчего сдѣлался безъ чувствъ пьянъ и въ это время, что съ нимъ было, совершенно не помнитъ; онъ пришелъ въ чувство уже дома и при всемъ стараніи не могъ вспомнить, что съ нимъ было. Въ это время явилась за нимъ полиція, и по приводѣ его въ частный домъ, сказали, что жена его объявила, будто онъ ей нанесъ рану въ животъ; не зная ничего за собою, онъ показалъ, что это совершенно несправедливо, и что онъ не наносилъ женѣ раны, да и повода къ этому не было; когда же его арестовали и при уликахъ жены на очной ставкѣ частный приставъ сказалъ ему, чтобы онъ у жены просилъ прощенія и утвердилъ показаніе ея, и что тогда онъ будетъ освобожденъ изъ подъ стражи, то онъ, желая освободиться, подтвердилъ показаніе жены, совершенно ничего не зная и не считая себя виновнымъ.

Разсмотрѣвъ засимъ обстоятельства настоящаго дѣла, московская палата уголовнаго суда опредѣлила: Илью Васильева за нанесеніе женѣ его раны, опасной для здоровья и самой жизни ея, безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, въ раздраженіи, но однакожъ и не случайно, а съ сознаніемъ послѣдствій сего дѣянія,— лишивъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, отдать въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на два съ половиною года.

Предсѣдатель палаты (Арсеньевъ) остался при особомъ мнѣніи, въ которомъ между прочимъ изложилъ, что въ настоящемъ дѣлѣ предстоитъ разрѣшить слѣдующіе вопросы: 1) въ преступленіи своемъ Илья Васильевъ дѣйствовалъ ли съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ; если же онъ дѣйствовалъ безъ обдуманнаго намѣренія, то не въ состояніи ли раздраженія, но однако съ сознаніемъ послѣдствій своего дѣйствія? 2) рана, нанесенная подсудимымъ, признанная во время леченія врачемъ опасною для жизни раненой, но отъ которой она однако выздоровѣла, должна ли быть отнесена къ ранамъ тяжкимъ или легкимъ? По первому вопросу онъ, Арсеньевъ, находитъ, что въ обдуманномъ заранѣе намѣ-

ренія подсудимый не сознался; жена его въ томъ вовсе не подозрѣваетъ и даже поводовъ къ объясненію его дѣйствія въ дѣлѣ не имѣется; между тѣмъ къ подтвержденію того, что рана нанесена въ состояніи раздраженія, но и не случайно, имѣются въ дѣлѣ: a) показаніе его хозяина, Матвѣева, о замѣченной имъ съ самаго поступленія подсудимаго задумчивости, b) отзывъ медицинской конторы о возможности раздражительнаго состоянія по совершеніи половаго совокупленія и c) собственное его и жены его показанія о томъ, какъ нанесена была рана. По второму вопросу оказывается, что въ законѣ нѣтъ опредѣленій, какія раны признавать тяжкими и какія легкими, но такъ-какъ вообще въ главѣ 3 раздѣла X уложенія, обращается преимущественное вниманіе сверхъ обдуманности и умысла, — на послѣдствія ранъ и другихъ поврежденій здоровью, то и въ настоящемъ дѣлѣ, имѣя въ виду, что пораненая Федорова выздоровѣла, и за отсутствіемъ указаній о вредныхъ для нея послѣдствіяхъ отъ раны той, было-бы недостаточно основываться на одномъ небезусловномъ отзывѣ врача о ранѣ, названной притомъ въ осмотрѣ «раною», и свидѣтельствующемъ лишь о томъ, что проницающія раны живота опасны для жизни, — для того, чтобы рану сію признать въ данномъ случаѣ за тяжкую, и потому остается отнести ее къ легкимъ ранамъ. Въ заключеніе предсѣдатель палаты полагалъ, что настоящее дѣло слѣдуетъ производствомъ прекратить и Илью Васильева изъ подъ стражи освободить.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ нашелъ, что кратковременное умопомѣшательство (mania transitoria) вообще встрѣчается нерѣдко, но оно обнаруживается внезапно, явленіями, свойственными бѣшенному бреду и оканчивается обыкновенно сномъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ большою слабостію; больные не помнятъ ничего изъ происшедшаго съ ними во время припадка; притомъ совершаемыя такими больными преступленія отличаются необыкновенною жестокостію. А какъ ничего подобнаго вышеизложеннымъ явленіямъ у Ильи Васильева, какъ видно изъ дѣла, замѣчено не было, то въ настоящемъ случаѣ и нѣтъ достаточныхъ основаній предполагать, что Васильевъ нанесъ женѣ своей рану въ припадкѣ такого кратковременнаго умопомѣшательства. Принимая однако во вниманіе: отсутствіе повода къ совершенію Васильевымъ преступленія; внезапный не-

нормальный переходъ его отъ акта совокупленія съ женою къ нанесенію ей раны въ животъ; употребленіе имъ предъ совершеніемъ преступленія водки, и отзывъ купца Матвѣева о замѣченной имъ у Васильева задумчивости, что обнаружилось и при освидѣтельствованіи его 23 сентября 1864 г. въ общемъ присутствіи московскаго губернскаго правленія, можно съ нѣкоторою вѣроятностію допустить, что умственныя способности Васильева во время совершенія преступленія не были въ нормальномъ состояніи. Но для болѣе положительнаго по сему предмету заключенія, необходимо подвергнуть его тщательному больничному наблюденію, при чемъ изслѣдовать, дѣйствительно ли онъ помнитъ всѣ обстоятельства своего преступленія и, не ограничиваясь отвѣтами его на предлагаемые вопросы, обратить вниманіе на поступки и дѣйствія его.

О мѣщанинѣ Степанѣ Голубевѣ, сужденномъ за нанесеніе женѣ своей удара топоромъ по головѣ.

(Припадокъ помѣшательства отъ пьянства).

Утромъ 26 августа 1864 г. полицейскій надзиратель г. Ряжска (рязанской губерніи) былъ извѣщенъ, что ряжскій мѣщанинъ Степанъ Голубевъ нанесъ женѣ своей Дарьѣ Никитиной ударъ топоромъ въ голову. Отправившись вмѣстѣ съ полицейскими служителями и сторонними людьми въ квартиру Голубева, въ которой онъ съ женой производилъ торговлю виномъ, надзиратель нашелъ жену Голубева у входа въ домъ окровавленною и въ одной сорочкѣ; дверь въ квартиру Голубева оказалась запертою; на стукъ и вопросъ, Голубевъ не отвѣчалъ и двери не отперъ; видя нежеланіе Голубева отпереть двери, надзиратель приказалъ сломать ихъ, а самъ сталъ наблюдать за Голубевымъ чрезъ окно, и увидѣлъ, что Голубевъ держалъ на лѣвой рукѣ груднаго младенца и ходилъ по горницѣ; подлѣ печки лежалъ топоръ. Когда стали ломать дверь, то Голубевъ бросился къ ней; въ это время надзиратель поднялъ раму, и одинъ изъ полицейскихъ служителей

вскочилъ въ горницу и отперъ дверь; Голубевъ былъ взятъ и отправленъ подъ арестъ.

По осмотру, произведенному 26 августа ряжскимъ городовымъ врачемъ, у *Дарьи Голубевой* на головѣ выше лѣваго уха оказались двѣ раны, проникающія до черепа, но кости черепа были цѣлы; врачъ заключилъ, что Голубева при медицинскомъ пособіи можетъ скоро выздоровѣть.

При слѣдствіи *Дарья Голубева* показала, что вечеромъ 25 августа она легла спать съ мужемъ на полу; мужъ постоянно толковалъ ей: «спи, спи» и не отпускалъ отъ себя взять кричавшаго трех мѣсячнаго ребенка ихъ, который отъ сильнаго крика потерялъ уже голосъ; при этомъ мужъ говорилъ ей: «тебѣ уже его не кормить». Нѣсколько разъ Степанъ вставалъ и что то въ потьмахъ руками и ногами ощупывалъ подъ стойкою и на лавкахъ; при этомъ она, Дарья, каждый разъ зажигала свѣчу, но мужъ тушилъ ее и ложился на постель; по приказанію его спать, она показывала видъ, что будто бы спитъ, и въ это время мужъ бралъ ее за волосы, ощупывалъ шею и поднималъ вверхъ подбородокъ. При каждомъ вставаніи мужа она спрашивала, чего онъ ищетъ въ потьмахъ и не зажгетъ огня; если ему хочется ѣсть, то все стоитъ на столѣ, если же выпить, то налилъ бы за стойкою. Наконецъ на разсвѣтѣ, часу въ 4, снявъ сапоги, мужъ всталъ, подалъ ей ребенка, подошелъ къ закрытому ставнею окну, разсматривалъ по улицѣ въ ту и другую сторону, и на предложеніе ея отворить ставни и дверь сказалъ: «еще успѣешь, а подавай мнѣ скорѣе хлѣба, соли и рюмку водки». Все это она приготовила и только успѣла поставить на стойку рюмку водки, какъ мужъ, ощупавъ подъ стойкою топоръ, мгновенно схватилъ его и ударилъ ее по головѣ надъ лѣвымъ ухомъ, говоря, что онъ давно того желалъ. Схватившись рукою за топоръ, она начала тянуть его къ себѣ, а мужъ къ себѣ; такимъ образомъ оба они вышли изъ за стойки. Послѣ этого мужъ повалилъ ее головою на порогъ и вторично ударилъ топоромъ, но промахнувшись попалъ по порогу; отъ постояннаго крика ея проснулись малолѣтнія дѣти и племянница ихъ; въ это время постучался въ открытое окно солдатъ Никифоръ Поповъ, и когда племянница отперла дверь, то она, Дарья, обратилась къ Попову съ просьбою защитить ее, но мужъ, схвативъ ее за волосы, не пускалъ бѣжать на улицу, а тащилъ въ

кабакъ; вырываясь съ силою, она оставила въ рукахъ мужа половину косы и затѣмъ убѣжала отъ него къ полицейскому надзирателю. Относительно жизни своей съ мужемъ Дарья Голубева показала, что онъ пьянствуетъ, ревнуетъ ее ко всѣмъ и каждому безъ всякого со стороны ея повода. Назадъ тому года три, когда они жили въ селѣ Дегтяномъ, гдѣ мужъ ея былъ сидѣльцемъ въ питейномъ домѣ, онъ безъ всякой надобности днемъ и ночью ходилъ по кабаку съ топоромъ подъ мышкою, ставилъ ко всѣмъ образамъ зажженныя свѣчи, постоянно молился Богу, купалъ лошадь изъ родника, признаваемаго въ народѣ святымъ, накупалъ въ городѣ Ряжскѣ разныя ненужныя вещи. Въ такомъ состояніи видѣли мужа лекарскій ученикъ Василій Волковъ и каретникъ Иванъ Климовъ, которые проѣздомъ были въ ихъ питейномъ домѣ, и Волковъ взялъ мужа съ собою въ Ряжскъ съ намѣреніемъ показать лекарю, но почему то мужъ ея вмѣсто того попалъ въ полицію. Послѣ описаннаго случая она за мужемъ своимъ ничего болѣзненнаго не замѣчала.

На допросѣ 31 августа мѣщанинъ *Степанъ Голубевъ* (38 лѣтъ) показалъ, что онъ происходитъ изъ духовнаго званія, имѣетъ четверыхъ дѣтей, производитъ торговлю виномъ; наносилъ ли онъ женѣ своей ночью съ 25 на 26 августа ударъ топоромъ, говорилъ ли ей постоянно «спи, спи», а также запрещалъ ли ей кормить ребенка и дѣлалъ ли еще какія либо приготовленія, онъ рѣшительно не помнитъ; а 25 августа онъ говорилъ женѣ о томъ, что чувствуетъ въ себѣ какую то грусть. Съ нимъ назадъ тому года три, въ бытность въ селѣ Дегтяномъ, дѣлалась тоже тоска и въ оной что то отъ него происходило, какъ разсказывали другіе, но самъ онъ также рѣшительно не помнитъ; намѣренія къ лишенію жизни жены онъ никакого не имѣлъ и не имѣетъ, а напротивъ ее любитъ и сожалѣетъ ее и дѣтей и заботится о спокойствіи ихъ; чувствуетъ онъ разстройство разсудка уже давно, но прежде болѣзнь эта появлялась изрѣдка; въ послѣднее же время она появляется почти ежемѣсячно или во время новолунія или по исходѣ мѣсяца, да и теперь онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ.—1 сентября 1864 г. Голубевъ былъ вызванъ судебнымъ слѣдователемъ для предварительной очной ставки съ свидѣтелями по его дѣлу, отставнымъ унтеръ офицеромъ Поповымъ, лекарскимъ ученикомъ Волковымъ и мѣщаниномъ Климовымъ; но на

спросъ о томъ, знаетъ ли онъ этихъ людей, Голубевъ отвѣчалъ что онъ чувствуетъ въ головѣ дурноту и не можетъ ничего основательнаго сказать. Вслѣдствіе сего онъ былъ отправленъ для излеченія въ ряжскую градскую больницу.

Свѣдѣній о томъ, сколько времени и въ какомъ положеніи находился Голубевъ въ ряжской градской больницѣ, въ дѣлѣ не имѣется, но изъ отношенія полицейскаго управленія, отъ 15 сентября 1864 г., видно, что Голубевъ означеннаго числа присланъ конторою больницы какъ совершенно здоровый.

Младшій лекарскій ученикъ, *Василій Волковъ*, показалъ, что въ 1860 или 1861 г. онъ вмѣстѣ съ ряжскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Климовымъ былъ въ селѣ Дегтяномъ въ питейномъ домѣ, гдѣ сидѣльцемъ находился мѣщанинъ Степанъ Голубевъ. При нихъ Голубевъ былъ въ помѣшательствѣ ума; онъ зажигалъ ко всѣмъ иконамъ свѣчи и разстилалъ по полкѣ черный каленкоръ. Видя болѣзненное состояніе Голубева, онъ, Волковъ, по просьбѣ жены его Дарьи, повезъ его въ Ряжскъ съ тою цѣлію, чтобы показать его доктору, но подъѣзжая къ мосту рѣки Хупты, Голубевъ, соскочивши съ телеги, хотѣлъ броситься въ рѣку, но онъ, Волковъ, удержалъ его. Пріѣхавши въ Ряжскъ, онъ, Волковъ, и Климовъ дали знать о поступкѣ Голубева мѣстному управляющему питейныхъ сборовъ, который отправилъ его подъ арестъ въ полицію, гдѣ Голубевъ ночевалъ, а на другой день былъ отпущенъ; что далѣе съ нимъ происходило, онъ, Волковъ, не знаетъ; былъ ли Голубевъ въ то время хмѣленъ, онъ не замѣтилъ. — Показаніе Волкова вполнѣ подтвердилъ мѣщанинъ *Климовъ*.

Изъ лицъ, спрошенныхъ на повальномъ обыскѣ, 6 отозвались, что они Голубева знаютъ, но что качества его имъ неизвѣстны; 2 показали, что они слышали, что съ Голубевымъ иногда случается какое то разстройство въ здоровьѣ; одинъ, что лѣтъ 7 тому назадъ Голубевъ смѣнилъ его съ должности сидѣльца. Когда затѣмъ онъ, показатель, пришелъ въ питейный домъ за мелкими инструментами, то Голубевъ, который по видимому былъ выпивши, бросился на него, топая ногами и выгналъ его изъ питейнаго дома; но къ чему это отнести, къ разстройству ли разсудка Голубева или къ состоянію его опьяненія онъ, показатель, сказать не можетъ, такъ какъ кромѣ этого случая никогда столкновенія съ нимъ не имѣлъ; наконецъ одинъ изъ спрошенныхъ лицъ

отозвался, что Голубевъ подверженъ при новолуніи разстройству разсудка. Съ нимъ, показателемъ, былъ такой случай: за портняжескую работу Голубевъ далъ ему вмѣсто 1 руб.—3 руб. говоря, что у него денегъ много и едва, только съ большимъ усиліемъ, онъ могъ отдать Голубеву лишнихъ 2 руб.

При передопросѣ 10 октября Голубевъ, подтвердивъ прежде данное имъ показаніе, прибавилъ, что онъ чувствуетъ себя здоровымъ.

14 января 1864 г. подсудимой Степанъ Голубевъ былъ *освидѣтельствованъ* въ общемъ присутствіи рязанскаго губернскаго правленія, причемъ на предложенные вопросы отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ тебя зовутъ? *Отв.* Степаномъ Тимофѣевымъ. *Вопр.* По какому случаю ты содержишься въ острогѣ? *Отв.* Говорятъ, что я жену хотѣлъ убить. *Вопр.* Развѣ ты не помнишь, что ударилъ ее топоромъ? *Отв.* Не помню, это случилось со мною въ тоскѣ. *Вопр.* Часто съ тобою бываетъ тоска? *Отв.* Была со мною тоска въ 1861 г.; я сдѣлался болѣнъ, бѣгалъ изъ дому и сильно тосковалъ; а потомъ повторилась она прошедшаго года, и я ходилъ молиться къ Тихону преподобному. *Вопр.* Согласно ли ты живешь съ женою? *Отв.* Я живу съ нею согласно и мнѣ ее жаль теперь. Въ актѣ сказано, что Голубевъ давалъ отвѣты тихо, медленно, съ опущенными внизъ глазами. Общее присутствіе заключило, что изъ этихъ и многихъ другихъ отвѣтовъ видно, что арестантъ Голубевъ въ настоящее время находится въ здравомъ разсудкѣ, но такъ-какъ умопомѣшательство можетъ быть временное—періодическое, то и слѣдуетъ подвергнуть Голубева шестинедѣльному медицинскому испытанію.

При вторичномъ освидѣтельствованіи въ общемъ присутствіи губернскаго правленія 15 апрѣля 1865 г., Голубевъ на предложенные ему вопросы отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ твое здоровье? *Отв.* Я, слава Богу, здоровъ. *Вопр.* Какого ты званія? *Отв.* Ряжскій мѣщанинъ. *Вопр.* Какое твое ремесло? *Отв.* Держалъ кабакъ въ Ряжскѣ. *Вопр.* Давно ли въ острогѣ содержишься? *Отв.* Съ 26 августа прошедшаго года. *Вопр.* За что ты хотѣлъ убить свою жену? *Отв.* Я не помню, я былъ тогда не въ своемъ умѣ. *Вопр.* Ты вѣрно жилъ съ ней дурно? *Отв.* Нѣтъ, я любилъ ее душевно, у насъ четверо дѣтей. *Вопр.* Ты должно быть ревновалъ ее къ кому нибудь? *Отв.* Никакой ревности у меня не было, говорю

вамъ какъ предъ Богомъ. *Вопр*. Навѣщала ли тебя жена въ острогѣ? *Отв*. Нѣтъ. *Вопр*. Долго ли она была больна послѣ нанесенія тобою раны? *Отв*. Я не знаю, а теперь она здорова. — Въ актѣ сказано, что черты лица и взглядъ Голубева выражаютъ здоровое состояніе. Общее присутствіе опредѣлило, что изъ сихъ и многихъ другихъ отвѣтовъ и изъ сдѣланнаго надъ Голубевымъ медицинскаго наблюденія слѣдуетъ признать его въ здравомъ разсудкѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1865 г., по распоряженію рязанской уголовной палаты, произведено было доследованіе по настоящему дѣлу, причемъ жена Степана Голубева, *Дарья*, показала, что предъ происшествіемъ она не замѣчала, чтобы мужъ ея былъ грустенъ и въ безпамятствѣ, но онъ былъ постоянно выпивши, такъ что торговлю по питейному дому производила она. Въ свидѣтели того, что онъ ее ревновалъ къ другимъ безъ всякого со стороны ея повода и дурно съ нею обращался, она не можетъ представить никого, ни изъ сосѣдей, ни изъ знакомыхъ, потому что никто изъ нихъ не былъ при этихъ обстоятельствахъ, и она никому не говорила до самаго происшествія съ тою цѣлію, чтобы не навлечь на себя большую со стороны мужа непріятность, а также и дурную народную молву.

Степанъ Голубевъ при томъ же дослѣдованіи отозвался, что о бывшихъ у него передъ происшествіемъ тоскѣ и безпамятствѣ могутъ подтвердить сосѣди его, мѣщанка Дарья Орлова, отставной солдатъ Иванъ Васильевъ, крестьянка Агафья Емельянова и мѣщанка Лукерья Антонова; да онъ полагаетъ, что и другимъ сосѣдямъ его объ этомъ не безизвѣстно; они же могутъ подтвердить и о томъ, что онъ жену свою любилъ и жилъ съ нею въ дружбѣ.

Указанныя Голубевымъ лица показали: Дарья *Орлова*, что была ли съ Голубевымъ, передъ тѣмъ какъ онъ нанесъ женѣ своей рану, тоска и безпамятство, она не знаетъ, но когда случилось ей какъ то проходить мимо питейнаго дома, то Голубевъ, стоя у кабака, говорилъ ей, «что это такая за тоска, не шелъ бы въ кабакъ за стойку». Былъ ли Голубевъ въ это время въ пьяномъ видѣ или въ помѣшательствѣ, она, Орлова, не замѣтила. — Крестьянка Агафья Емельянова объяснила, что Голубева въ тоскѣ и помѣшательствѣ она никогда не замѣчала, но какъ то предъ происшествіемъ, за долго ли не припомнитъ, придя въ кабакъ за

водкою, видѣла, что Голубевъ, вынувъ изъ жениниго сундука шерстяную матерію, купленную ей на платье, бросилъ ее на полъ, топталъ ногами, а потомъ отнесъ въ чуланъ; былъ ли онъ въ это время въ разстройствѣ разсудка или пьянъ, того не замѣтила, между тѣмъ раза три видѣла его пьянымъ. — Мѣщанка Лукерья *Антонова* показала, что дня за три или за четыре предъ 25 августа, она приходила въ кабакъ за водкою и увидя, что Голубевъ сидитъ на лавкѣ въ пьяномъ видѣ, схвативши себя обѣими руками за волосы и поднявши вверхъ ноги, спросила его, «что съ тобою кумъ», на что Голубевъ отвѣтилъ «ничего» и при этомъ приподнялъ руку на жену, но она, Антонова, его остановила. Помѣшательства въ Голубевѣ ни въ это время, ни прежде она не замѣчала. Относительно обращенія Голубева съ женою всѣ три вышеозначенныя свидѣтельницы отозвались незнаніемъ.

Отставной унтеръ-офицеръ Иванъ *Васильевъ* и шестеро другихъ сосѣдей Голубева показали, что была ли у Голубева предъ происшествіемъ 26 августа 1864 года и до этого тоска и безпамятство, а также въ какихъ отношеніяхъ былъ онъ съ своею женою, они не знаютъ.

Рязанская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что изъ имѣющихся въ дѣлѣ двухъ присяжныхъ показаній и повальнаго обыска о поведеніи Степана Тимоѳѣева Голубева видно, что онъ страдалъ припадками разстройства умственныхъ способностей; свидѣтельствомъ же и медицинскимъ испытаніемъ Голубевъ признанъ въ здравомъ состояніи. Но ни показаніе свидѣтелей и обыскныхъ людей, ни медицинское свидѣтельство не разрѣшаютъ положительно вопроса о томъ, въ здоровомъ или болѣзненномъ состояніи находился Голубевъ въ минуту покушенія на жизнь жены своей? Показанія свидѣтелей утверждаютъ только фактъ бывавшаго по временамъ болѣзненнаго состоянія Голубева, безъ всякого отношенія ко времени покушенія его на жизнь жены; медицинское же свидѣтельство и испытаніе признаютъ Голубева здоровымъ умственно въ то время, когда онъ подвергался имъ. Съ другой стороны, самый фактъ покушенія Голубева на жизнь жены не совершенно доказанъ. На основаніи сего палата, не считая возможнымъ обвинить Голубева въ покушеніи на жизнь жены, опредѣлила: оставить его въ сильномъ подозрѣніи (?) поэтому преступленію и отдать на поручительство одо-

брившимъ поведеніе его лицамъ, съ тѣмъ чтобы они въ случаѣ новаго появленія у него разстройства умственныхъ способностей довели о семъ до свѣдѣнія начальства.

Рязанскій губернскій прокуроръ, не согласившись съ вышеизложеннымъ рѣшеніемъ уголовной палаты, подалъ протестъ, въ которомъ, по приведеніи мнѣнія своего о томъ, что фактъ покушенія Голубева на жизнь жены должно считать совершенно доказаннымъ, излагаетъ, что вслѣдствіе показанія Голубева, что онъ ничего не помнитъ, что было съ нимъ въ ночь съ 25 на 26 августа и что съ нимъ и прежде случались болѣзненные припадки, возникаетъ вопросъ о вмѣняемости ему совершеннаго преступленія. По внимательномъ обсужденіи этого вопроса, онъ, губернскій прокуроръ, находитъ, что ни шестинедѣльнымъ испытаніемъ, ни освидѣтельствованіемъ въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, не открыто у Голубева никакихъ признаковъ умопомѣшательства, и что напротивъ того, онъ оффиціально признанъ находящимся въ здравомъ разсудкѣ. Затѣмъ въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ фактовъ, которые давали бы право заключить, что во время совершенія имъ преступленія, онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ болѣзненнаго состоянія ума. Никто конечно, если онъ не принадлежитъ къ числу отъявленныхъ злодѣевъ, не дѣйствуетъ съ полнымъ сознаніемъ, когда рѣшается на убійство. Самая эта рѣшимость уже доказываетъ до нѣкоторой степени помраченіе ума. Но такое общее умопомраченіе, какъ слѣдствіе той или другой страсти, не можетъ быть признаваемо причиною невмѣняемости, потому что человѣкъ можетъ и долженъ, обуздывая свои страсти, не допускать себя до такого помраченія. Болѣзненное состояніе ума только тогда можетъ быть признаваемо причиною невмѣняемости, когда оно не только вызывается даннымъ случаемъ, а существуетъ въ человѣкѣ болѣе или менѣе постоянно и независимо отъ даннаго случая и только между прочимъ проявляется при этомъ случаѣ. Опредѣлить, дѣйствительно ли умъ извѣстнаго человѣка находится въ такомъ болѣзненномъ состояніи, которое было причиною его преступленія, можетъ только психіатръ, послѣ внимательнаго наблюденія. Но произвольно выводить изъ нѣсколькихъ странныхъ дѣйствій въ поведеніи извѣстнаго человѣка заключеніе о его умопомѣшательствѣ, тогда какъ таковое не подтверждается ни медицинскимъ наблюденіемъ, ни освидѣтельствованіемъ, онъ, гу-

бернскій прокуроръ, находитъ совершенно невозможнымъ и даже опаснымъ. Въ настоящемъ дѣлѣ тѣмъ менѣе основанія дѣлать такое заключеніе, что два или три странныхъ случая, о которыхъ упоминаютъ отдѣльныя лица, могли равнымъ образомъ быть слѣдствіемъ пьянства Голубева. На основаніи сего губернскій прокуроръ съ своей стороны нашелъ, что Голубевъ долженъ подлежать наказанію за покушеніе на жизнь жены своей.

По разсмотрѣніи протеста губернскаго прокурора, уголовная палата нашла, что состояніе разсудка Голубева въ моментъ преступленія было крайне сомнительно: три свидѣтеля подъ присягою удостовѣряютъ, что Голубевъ былъ подверженъ разстройству ума, а изъ прочихъ свидѣтелей, также спрошенныхъ подъ присягою, нѣкоторые отозвались, что они слышали о разстройствѣ Голубева въ разсудкѣ; медицина-же удостовѣряетъ, что умственное разстройство можетъ быть временное и проходитъ, не оставляя по себѣ слѣдовъ. Такимъ образомъ признаніе Голубева въ здравомъ разсудкѣ при освидѣтельствованіи его въ губернскомъ правленіи не уничтожаетъ сомнѣнія въ томъ, что Голубевъ покушался на жизнь жены въ состояніи безсознательномъ.—Сомнѣніе это подкрѣпляетъ и показаніе жены его, которая объясняетъ, что предъ совершеніемъ преступленія Голубевъ цѣлую ночь постоянно ощупывалъ ея шею, вставалъ съ постели, ходилъ и въ такомъ состояніи находился до самаго утра, когда уже покусился на преступленіе; бывши же въ нормальномъ состояніи и имѣя намѣреніе убить жену, онъ могъ бы совершить это преступленіе во время ночи, когда никто не могъ сему препятствовать. Признавая, что при такихъ обстоятельствахъ нельзя положительно отвергать, чтобы Голубевъ въ то время не былъ въ помѣшательствѣ,—палата сочла невозможнымъ согласиться съ протестомъ губернскаго прокурора, а потому и представила настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, принялъ во вниманіе: 1) отсутствіе нормальныхъ причинъ, которыя могли бы побудить Голубева къ совершенію преступленія (слова жены о томъ, что онъ постоянно ревновалъ ее ко всѣмъ, безъ всякаго къ тому повода съ ея стороны, изобличаютъ болѣзненный характеръ этой ревности); 2) самый способъ совершенія Голубевымъ преступленія (на что обратила вниманіе

и уголовная палата); 3) увѣреніе Голубева, что онъ не помнитъ происшествія, и что иногда находился подъ вліяніемъ тоски (въ этихъ показаніяхъ подсудимаго не замѣтно ни запирательства, ни замѣшательства, и они подтверждены свидѣтелями); 4) злоупотребленіе Голубевымъ спиртными напитками, особенно въ послѣднее время передъ преступленіемъ; и 5) бывшее у Голубева за три года до преступленія временное разстройство умственныхъ способностей, которое вызвано было злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Посему медицинскій совѣтъ (вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ члена своего профессора Балинскаго), нашелъ, что въ настоящемъ случаѣ съ вѣроятностію слѣдуетъ допустить, что при совершеніи преступленія Голубевъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ болѣзненнаго состоянія умственныхъ способностей, зависѣвшаго отъ пьянства. — Къ сему совѣтъ счелъ нужнымъ добавить, что Голубевъ, какъ опасный для общества человѣкъ, долженъ находиться подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ.

О крестьянинѣ Липниковѣ, ранившемъ свою жену.

(Религіозное помѣшательство).

Липниковъ велъ жизнь трезвую, трудолюбивую, тихую, жилъ согласно съ женою своею Степанидою, и вдругъ безъ всякого повода ранилъ послѣднюю топоромъ.

Слѣдствіемъ раскрыто, что первоначально онъ былъ характера веселаго, но вскорѣ послѣ женитьбы на Степанидѣ, незадолго до великаго поста 1863 г., въ особенности же послѣ болѣзни, бывшей у него великимъ постомъ того же года, сталъ задумчивъ, скученъ, неразговорчивъ, сталъ худѣть, терять силы, въ дружескихъ разговорахъ съ нѣкоторыми лицами говорилъ, что ему кажется, что въ него вселился дьяволъ.

Острогожскій городовой врачъ, производившій освидѣтельствованіе подсудимаго, изложилъ, что Липниковъ тѣлосложенія худощаваго, лицо блѣдное съ выраженіемъ физической боли и изнеможенія, но не выражающее ни страха, ни отчаянія, ни волненія; взоръ спокойный и безпрестанно обращаемый на иконы;

глаза мутные, языкъ немного покрытъ бѣловатою слизью; аппетита нѣтъ, сонъ безпокойный, въ головѣ жаръ, сухой кашель. Въ разсказахъ Липникова о совершенномъ преступленіи представляется полное сознаніе и болѣе рѣзко выражается покорность судьбѣ и чувство сожалѣнія о больной женѣ. Умъ его не ослабленъ, но въ сужденіи о грѣхахъ проявляется превратность, которая зависитъ отъ того, что у больнаго есть нѣсколько ложныхъ идей; сужденія же, дѣлаемыя вслѣдствіе этихъ идей, логичны и ведутъ къ ложнымъ заключеніямъ только потому, что основныя идеи были ложныя; такъ Липниковъ, считая себя страшнымъ грѣшникомъ, какъ выражается «за услажденіе своихъ членовъ», болѣе года чувствуетъ страшное угрызеніе совѣсти, приводившее его въ отчаяніе; и разныя ложныя представленія злыхъ духовъ, напоминавшихъ ему о грѣхахъ, заставляли его прибѣгать къ постоянной молитвѣ; къ неоднократной исповѣди, послѣ чего онъ на нѣкоторое время чувствовалъ облегченіе, но потомъ представленіе о грѣхахъ снова возобновлялось, что и приводило его въ отчаяніе, и такимъ образомъ, считая себя непростительнымъ грѣшникомъ, онъ рѣшился очистить свои грѣхи, какъ выражается «омыть человѣческою кровью», на томъ основаніи, что убитый имъ получитъ царствіе небесное, а онъ за совершенное преступленіе, будучи подвергнутъ смертной казни, очиститъ этимъ свои грѣхи. При такомъ убѣжденіи, за три дня до совершенія преступленія, Липниковъ въ особенности чувствовалъ себя худо: сильную тоску, боль головы, жаръ лица и головы при чувствѣ озноба во всемъ тѣлѣ, безсонницу, потерю аппетита. Въ день же совершенія преступленія началъ чувствовать себя лучше, но тоска не прекратилась. Проходя мимо плотниковъ, работавшихъ по сосѣдству, онъ возъимѣлъ мысль убить кого нибудь изъ нихъ за то, что работаютъ подъ праздникъ, но что то помѣшало ему исполнить это намѣреніе: «Богъ не допустилъ», какъ говоритъ самъ Липниковъ. По приходѣ въ свой домъ, у него явилась мысль убить солдата, находившагося здѣсь между прочими лицами, но изъ любви къ женѣ и желанія доставить ей царствіе небесное онъ измѣнилъ свое намѣреніе; просьбою приготовить пищу онъ заставилъ жену встать съ постели и въ то время, когда она нагнулась, чтобы посмотрѣть въ печь, нанесъ ей ударъ. На вопросъ, почему же онъ этого не сдѣлалъ на по-

стели? отвѣтилъ, что «было много одежды, сразу не зарубишь.» В. Почему же не окончилъ своего намѣренія, видя что жена еще жива? «люди помѣшали, отняли топоръ». Вообще, съ перваго взгляда на Липникова, трудно сдѣлать заключеніе о ненормальности его умственныхъ способностей, но слѣдя строго за его разсказомъ, съ самаго начала болѣзни, о совершенномъ имъ преступленіи, сообразивъ прежній образъ жизни и характеръ съ настоящимъ состояніемъ, рѣзко выражается слѣдующее: 1) отъ односторонняго напряженія умственныхъ способностей о своихъ грѣхахъ, онъ началъ мучиться совѣстію, потерялъ прежнюю веселость и игривость характера, сталъ задумчивымъ, богомольнымъ, боязливымъ, потерялъ спокойствіе, затѣмъ наступила безсонница, разстройство тѣлесныхъ отправленій, потомъ начали казаться призраки; угрызеніе совѣсти и страхъ будущей жизни время отъ времени болѣе увеличивались, и 2) такимъ образомъ отъ сильнаго, но ложно направленнаго желанія избавиться отъ грѣховъ и тѣмъ заслужить блаженство въ будущей жизни, всѣ умственныя способности Липникова, постоянно и долговременно занятыя однимъ и тѣмъ же предметомъ, наконецъ могли разстроиться до состоянія ограниченнаго безвреднаго(?) религіознаго помѣшательства (monomania religiosa sine delirio)

30 апрѣля 1863 г. Липниковъ былъ освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи воронежскаго губернскаго правленія, причемъ общее присутствіе заключило: для болѣе точнаго опредѣленія состоянія умственныхъ способностей Липникова, помѣстить его въ больницу тюремнаго замка на испытаніе въ теченіи шести недѣль. — При испытаніи этомъ, какъ видно изъ акта, составленнаго врачемъ тюремнаго замка, оказалось: Липниковъ 37 лѣтъ отъ роду, роста онъ средняго, тѣлосложенія крѣпкаго, безъ всякихъ ненормальностей на тѣлѣ. Органы дыханія, кровообращенія, пищеваренія и отдѣленія нормальны, аппетитъ онъ имѣетъ хорошій, сонъ тоже. Въ первыя двѣ недѣли наблюденія, Липниковъ постоянно жаловался на головную боль, въ остальное же время боль эта безпокоила его по временамъ въ неопредѣленные часы. Во все время наблюденія въ больницѣ Липниковъ держалъ себя скромно, тихо, подчинялся всѣмъ больничнымъ порядкамъ, исполнялъ безотговорочно просьбы или приказанія всѣхъ и каждаго, на предлагаемые вопросы давалъ отвѣтъ не скоро, и

чтобы вызвать его на разговоръ, нужно было иногда повторить вопросъ два, три раза; отвѣчалъ всегда при печальномъ выраженіи лица, грустнымъ тономъ, медленно, тихо и коротко. Черты лица Липникова, его взоръ, походка и всѣ его движенія харектеризовали какое то печальное настроеніе духа, и на самомъ дѣлѣ во все время наблюденія онъ былъ всегда грустенъ и задумчивъ, и будучи въ такомъ состояніи, лежа продолжительное время на кровати, онъ часто вдругъ начиналъ плакать, стараясь впрочемъ скрывать это отъ окружающихъ; или уходя въ корридоръ и прислонясь къ стѣнѣ въ печальной позѣ, онъ, угрюмый и задумчивый, простаивалъ въ такомъ положеніи на одномъ мѣстѣ часъ, два и болѣе, и иногда до тѣхъ поръ, пока встрѣчался неожиданный толчекъ или неосторожное прикосновеніе къ нему ходящихъ по корридору, или пока не былъ пораженъ какимъ нибудь громкимъ голосомъ, или наконецъ приказаніемъ идти въ камеру, куда безотвѣтно шелъ скромнымъ и медленнымъ шагомъ, погружаясь въ тоже состояніе или быть можетъ совсѣмъ не выходя изъ него. При вопросѣ врача и окружающихъ о его странностяхъ, отвѣчалъ всегда одно: что его тяготятъ грѣхи, которыхъ въ жизни онъ былъ рабомъ, мучаетъ совѣсть за неуваженіе праздниковъ, за неисполненіе обѣтовъ, данныхъ Богу, какъ напримѣръ, онъ далъ обѣтъ не жениться второй разъ, и не исполнилъ этого въ угожденіе родственникамъ, далъ обѣтъ предъ праздникомъ и въ праздникъ не имѣть сообщенія съ женою и не удерживался отъ этого, давалъ нѣсколько разъ обѣтъ молиться усердно Богу о своихъ грѣхахъ, ходить по монастырямъ на поклоненіе различнымъ угодникамъ, и не исполнилъ этого, какъ бы слѣдовало. Все это его тревожитъ, какъ сильнаго грѣшника. Въ разсказѣ этомъ онъ также упоминаетъ о преступленіи, сдѣланномъ надъ женою, но судитъ объ немъ какъ то легче, говоря такъ: «конечно и этотъ грѣхъ большой». Всегда задумчивый, онъ какъ будто бы приходилъ въ память только при неожиданности, такъ напримѣръ при звонѣ колокольчика онъ вдругъ вскакивалъ съ кровати и, желая посмотрѣть въ окно, становился колѣнами на столъ, не обращая вниманія на вещи, лежащія на столѣ, или при какомъ нибудь сильномъ, громкомъ шумѣ, шелъ туда, и какъ бы не видя предъ собою ничего, натыкался на нѣкоторыхъ и лезъ въ толпу, не обращая никакого вниманія на

другихъ. Липниковъ не пропускалъ ни одной церковной службы; въ церкви, а равно и въ камерѣ утромъ и вечеромъ всегда молился усердно, по разсказу окружающихъ, дѣлая постоянно земные поклоны. 10 іюня Липниковъ, ставъ на колѣна, просилъ врача ходатайствовать объ опредѣленіи его въ военную службу, для того чтобы службой Царю и отечеству получить отъ Бога прощеніе въ своихъ грѣхахъ. При распросѣ о его прошедшей жизни, Липниковъ разсказывалъ, что' за годъ передъ преступленіемъ, его преслѣдовали какія то мрачныя мысли (передать ихъ не могъ), постоянно мучила тоска о грѣхахъ, по временамъ онъ приходилъ даже въ отчаяніе отъ нихъ, такъ что не разъ покушался на свою жизнь, но вскорѣ останавливался молитвою. О тоскѣ онъ не разъ передавалъ своей женѣ, которая частію чтобы развлечь его, а частію изъ чувствъ религіозныхъ, ходила съ нимъ по монастырямъ, гдѣ онъ, получивши исповѣдь и Святыя тайны, чувствовалъ себя гораздо лучше, тоска пропадала, такъ что онъ снова могъ спокойно заниматься домашнею и полевою работою. Такіе счастливые пробѣлы, свободные почти совершенно отъ липематическаго состоянія, продолжались однако не долго, и онъ снова приходилъ въ прежнее положеніе. Такъ мучился онъ годъ. Въ день предъ своимъ преступленіемъ тоска овладѣла имъ окончательно, его мучила совѣсть, какъ сильнаго грѣшника, за неисполненіе данныхъ Богу обѣтовъ, его постоянно преслѣдовалъ голосъ, шептавшій ему на ухо: «убей жену и черезъ это получишь прощеніе грѣховъ и спасешь жену и себя, потерпѣвши наказаніе за этотъ поступокъ»; схвативши топоръ, въ присутствіи какого-то солдата, онъ нанесъ своей женѣ рану въ шею тыльной стороны.—Изъ вышеизложеннаго оказавшагося при наблюденіи врачъ тюремнаго замка заключилъ, что Липниковъ, по всему вѣроятію одержимъ однопредметнымъ умопомѣшательствомъ, при которомъ Липниковъ слишкомъ много размышлялъ о своихъ грѣхахъ, словомъ, гдѣ преобладаетъ идея печали и сокрушенія о грѣхахъ, (lypemania religiosa). — При освидѣтельствованіи въ общемъ присутствіи губернскаго правленія 9 іюля 1863 г., Липниковъ на предложенные ему вопросы большею частію отвѣчалъ удовлетворительно, но при спросѣ о намѣреніи убить жену, далъ такой отвѣтъ: «сатана внушилъ, руби ей голову, она спасется и ты спасешься». Когда же ему замѣтили, что если его отпустятъ домой,

то онъ будетъ ли жить хорошо съ женою? отвѣтилъ «а Богъ его знаетъ». По соображеніи всего вышеизложеннаго общее присутствіе признало Липникова одержимымъ однопредметнымъ умопомѣшательствомъ (mania religiosa).

Медицинскій совѣтъ нашелъ правильнымъ заключеніе общаго присутствія губернскаго правленія о томъ, что Липниковъ одержимъ однопредметнымъ религіознымъ умопомѣшательствомъ (mania religiosa), и счелъ нужнымъ прибавить, что Липниковъ долженъ оставаться въ домѣ умалишенныхъ подъ строгимъ и постояннымъ надзоромъ.

О покушеніи мѣщаниномъ Акинфіемъ Михайловымъ на убійство жены.

(Меланхолія).

Елецкій мѣщанинъ Акинѳій Михайловъ имѣлъ семейство, состоящее изъ жены Аксиньи Яковлевой, дочерей: Аграѳены 7—и Анны 4 лѣтъ; съ женою своею, (какъ показала мать ея), Михайловъ жилъ 11 лѣтъ хорошо, и въ поведеніи сторонними людьми одобренъ.

16 іюня 1859 г. въ 9 часовъ вечера жена Михайлова, отходя ко сну, молилась Богу, а Михайловъ, покуривъ табаку, заперъ на крючекъ двери избы своей, (въ которой кромѣ ихъ съ дѣтьми никого не было), накинулъ веревку ей на шею, а когда она упала, то душилъ и билъ ее до тѣхъ поръ, пока закричала дочь ихъ. Находился же онъ Михайловъ, какъ показали жена и теща его, съ мая мѣсяца 1859 г. въ тоскѣ, жаловался на боль и шумъ въ головѣ, такъ что иногда бывалъ въ безпамятствѣ.

Врачами больницы орловскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ которой Михайловъ подвергнутъ медицинскому наблюденію, замѣчено, что онъ тѣлосложенія слабаго, поступилъ въ больницу 7 октября 1859 г. съ признаками вполнѣ развившейся меланхоліи, а именно: былъ блѣденъ, со впалыми глазами, задумчивъ, постоянно молчаливъ, на предлагаемые вопросы ничего не отвѣчалъ до 15 октября 1859 г., а съ сего числа на вопросы отвѣчалъ тихо, шопотомъ, весьма неохотно, робко, со слезами на глазахъ; дни и ночи большею частію проводилъ стоя или сидя

на кровати, часто плакалъ и никакого участія въ окружающемъ не принималъ; ночи проводилъ безсонно, аппетитъ плохой; больнаго нужно было принуждать, чтобы принималъ пищу, что исполнялъ весьма неохотно, съ отвращеніемъ; расположеніе духа его всегда было мрачное, по причинѣ всеобщей апатіи; въ дѣйствіяхъ больнаго не было замѣчено ничего дурнаго, велъ себя тихо, никого не безпокоилъ, съ окружающими не вступалъ въ разговоры; на счетъ мнимаго и ложнаго ощущенія (illusio et hallucinatio) въ исторіи болѣзни ничего не сказано; въ 1860 г. 30 августа появилась рожа на лицѣ; 3 марта 1861 г. были признаки воспаленія брюшины; оба эти острые болѣзненные процесса не имѣли никакого вліянія на умственныя способности Михайлова; 5 апрѣля 1861 г. припадки меланхоліи у Михайлова усилились: онъ былъ задумчивъ въ высшей степени и ни на какіе предлагаемые вопросы не отвѣчалъ, какъ будто ничего не слыхалъ, но при дальнѣйшихъ домогательствахъ вызвать больнаго на разговоръ, какъ бы проснувшись отъ сна, проборматывалъ что то невнятное; ночью и днемъ часто плакалъ; такое состояніе продолжалось до 23 сентября 1864 года; съ 23 сентября 1864 года на предлагаемые вопросы отвѣчалъ довольно правильно, но съ нѣкоторою медленностію въ соображеніяхъ; больной самъ сознавалъ, что ему легче, не такъ скучалъ, общее состояніе его удовлетворительно.—Въ настоящее время, т. е. 10 іюня 1865 г., у больнаго лице блѣдное, щеки впалыя, выраженіе глазъ несмѣлое, робкое, недовѣряющее по видимому никому; кожа сухая, отчасти шероховатая, пульсъ медленный; ни на что не жалуется, аппетитъ и сонъ хорошіе, физически здоровъ; онъ покоенъ, тихъ, сосредоточенъ самъ въ себѣ, скучаетъ, по собственному выраженію, меньше прежняго, на вопросы отвѣчаетъ, хотя не очень охотно, но сознательно и правильно; мнимо и ложнаго ощущенія (illusio et hallucinatio) не замѣтно; память, по видимому, хороша: онъ помнитъ всѣ обстоятельства дѣла, за которое судится, разсказываетъ, въ какомъ положеніи находился въ то время, (т. е. 1859 г.) какъ грустилъ, какъ мучился тоскою и самъ просилъ жену, чтобы она удалилась и оставила его одного; идеи больнаго не переходятъ за тотъ кругъ, въ который онъ былъ поставленъ въ продолженіи своей жизни въ дѣйствіяхъ,

соображеніяхъ и поступкахъ — сбивчивости, несообразности и нелогичности не замѣтно.

Медицинскій совѣтъ, признавая правильнымъ изложенное въ актѣ освидѣтельствованія Михайлова 20 января 1865 г. заключеніе общаго присутствія орловскаго губернскаго правленія о томъ, что онъ одержимъ сумасшествіемъ въ формѣ меланхоліи, нашелъ, что Михайловъ и въ настоящее время еще не излечился, а потому и долженъ оставаться въ больницѣ для продолженія леченія.

Убійство крестьянкою Ульяною Макаровою своего мужа.

25 января 1863 г. петриковское волостное правленіе (царевококшайскаго уѣзда, казанской губерніи) донесло мѣстному становому приставу, что утромъ означеннаго числа староста деревни Тойбековой объявилъ правленію, что часовъ въ 12 ночи на 25 января крестьянка означенной деревни, Ульяна Макарова, убила топоромъ своего мужа Илью Васильева.

По произведенному вслѣдствіе сего волостнымъ головою осмотру оказалось, что Илья Васильевъ лежалъ мертвымъ въ собственной избѣ на лавкѣ на лѣвомъ боку; смерть Васильеву, какъ было видно, послѣдовала отъ раны по шеѣ топоромъ.

Жена умершаго Ульяна Макарова на спросъ головы сперва объявила, что къ нимъ въ домъ пришелъ неизвѣстный, русскій, черноволосый, высокаго роста человѣкъ съ ножемъ и началъ рѣзать мужа, который былъ въ состояніи сказать ей только, чтобъ она шла и кричала сосѣдей.—Но впослѣдствіи Ульяна созналась, безъ всякого принужденія, что она сама зарубила спящаго мужа топоромъ и указала тотъ самый топоръ въ крови, брошенный на дворъ.

По произведенному 26 января 1863 г. становымъ приставомъ осмотру оказалось, что трупъ крестьянина Ильи Васильева лежалъ въ избѣ за перегородкою на постели на лѣвомъ боку; голова нѣсколько откинута назадъ; лѣвая рука нѣсколько приподнята и сжата въ кулакъ, правая лежала за пазухой; на шеѣ съ правой стороны отъ уха къ горлу имѣлась весьма значительная ра-

на, нанесенная, какъ видно, тяжелымъ острымъ орудіемъ въ одинъ разъ.

26 января, на спросъ становаго пристава, Ульяна Макарова (18 лѣтъ,—черемиска) показала, что 20 января 1863 г. она вышла замужъ за крестьянина Илью Васильева по своей доброй волѣ и любви къ нему, и жила съ нимъ только 4 дня. Вечеромъ 25 января, когда уже всѣ легли спать, уснулъ также и мужъ ея въ чуланѣ на приготовленной постели, но она, Ульяна, еще не спала и по какому то нашедшему на нее забвенію вздумала, безъ всякого съ чьей либо стороны побужденія и участія, а собственно потому, что мужъ наканунѣ нанесъ ей два удара по лицу, а 25 января вырвалъ изъ уха ея серьгу безъ всякихъ со стороны ея причинъ,—лишить мужа жизни; посему во время сна его, взявъ топоръ, лежавшій подъ лавкой, ударила имъ мужа по шеѣ одинъ разъ, отъ чего онъ тутъ же умеръ и даже не могъ пошевелиться; изъ нанесенной ему раны текло много крови. Ударила она мужа топоромъ только одной правой рукой, въ лѣвой же держала горящую лучину, дабы видно было, какъ исполнить свое намѣреніе. Сожалѣнія о мужѣ она не имѣла и не имѣетъ, ибо онъ не соблюлъ съ ней брачнаго союза, и она до сихъ поръ находится дѣвственною. Топоръ, которымъ она нанесла мужу ударъ, она тогда же выбросила изъ сѣней въ окно на дворъ. Для умерщвленія мужа въ домъ къ нимъ никакой русскій человѣкъ не приходилъ, и о семъ въ волостномъ правленіи она показывала напрасно.

При допросѣ 29 января судебнымъ слѣдователемъ Ульяна Макарова подтвердила показаніе свое становому приставу, съ тѣмъ измѣненіемъ, что топоръ, которымъ убитъ мужъ, она въ замѣшательствѣ выбросила не въ окно изъ дома, какъ показала приставу по ошибкѣ въ забывчивости, а изъ сѣней; дѣлала это тогда совершенно безсознательно, но не съ умысломъ скрыть свое преступленіе; точно также и при допросѣ въ волостномъ правленіи, находясь въ совершенномъ замѣшательствѣ и испугѣ, она, въ этомъ состояніи, показала, что будто бы мужъ ея убитъ какимъ то русскимъ человѣкомъ; оправившись же немного, она тогда же, безъ всякого принужденія, чистосердечно призналась въ убійствѣ мужа, котораго въ то время не любила, но теперь ей жалко его, и она думаетъ—зачѣмъ она это сдѣлала.—Съ мужемъ своимъ

наканунѣ того дня въ который его убила, она не ссорилась, но онъ, безъ всякого съ ея стороны повода, ударилъ ее два раза по лицу, въ самый же день убійства онъ сорвалъ съ ея уха серьгу и кромѣ того таскалъ ее за волосы, такъ что она плакала.—Вслѣдствіе ли этого явилась у нея мысль убить мужа, она опредѣлить не можетъ; но полагаетъ, что она сердилась на него въ то время; когда же увидѣла его спящимъ, то по какому то нападшему на нее забвенію рѣшилась убить мужа лежавшимъ подъ лавкою топоромъ, что и исполнила такъ, какъ показала становому приставу. Участникомъ съ нею въ этомъ никто не былъ й этому ее никто не научалъ, а сдѣлала она преступленіе, сама не чувствуя, что дѣлала. Замужемъ она была всего четыре дня и связи съ мужемъ послѣ брака не имѣла и теперь находится дѣвственною; почему же мужъ не соблюлъ съ нею брачнаго союза, не знаетъ, выходила за него по своему желанію и склонности. Въ настоящее время она совершенно здорова и чувствуетъ, что сдѣлала большое преступленіе и въ ономъ чистосердечно раскаевается; передъ тѣмъ же, какъ совершила преступленіе, объ этомъ не думала и заранѣе не обдумывала убить мужа, а сдѣлала это по внезапному какому то побужденію, когда увидѣла его спящимъ и, какъ припоминаетъ, сдѣлала это такимъ образомъ: мужъ лежалъ на постели головою къ перегородкѣ, а ногами къ углу избы, на перинѣ, на лѣвомъ боку, и она, зажегши лучину и взявши ее въ лѣвую руку, достала изъ подъ лавки топоръ, подошла къ мужу и, взмахнувши правою рукою, ударила мужа по правой сторонѣ шеи, послѣ чего тотчасъ же отскочила, такъ что не замарала себя кровью, а потомъ выбѣжала въ сѣни и выбросила въ снѣгъ топоръ; всё это она сдѣлала, не отдавая себѣ отчета—худо или хорошо дѣлаетъ, и не думая, какое дѣлаетъ преступленіе. Послѣ совершенія преступленія она не переодѣвалась, а тотчасъ же выбѣжала въ сѣни, и потомъ, кинувши топоръ, выбѣжала на улицу и побѣжала къ брату мужа, Федору.—Къ сему Ульяна Макарова добавила, что когда мужъ ея легъ спать, то она сидѣла въ избѣ и пряла шерсть, а потомъ вдругъ вздумала пойти посмотрѣть на спящаго за перегородкою мужа въ чуланѣ; тутъ внезапно явилось у нея побужденіе убить мужа.—Когда она прибѣжала въ домъ брата мужа, то застала жену его, Ирину Кирса-

нову и сноху Василису Васильеву, которымъ и объявила, что убила своего мужа топоромъ.

Крестьянки: Ирина Кирсанова и Василиса Васильева показали что вечеромъ 25 января Ульяна пришла къ нимъ въ избу въ страшномъ испугѣ и замѣшательствѣ и объявила, что она убила своего мужа топоромъ, во время сна; но какимъ образомъ сдѣла это—не разсказывала, да и не могла этого сдѣлать по замѣшательству своему.

Отецъ и мать Ульяны Макаровой показали, что о причинахъ, побудившихъ Ульяну убить мужа, они не знаютъ; замужъ она вышла по собственному согласію; до замужества она вела себя хорошо и была честною дѣвушкою.

Крестьяне деревни Тойбековой отозвались, что мужъ Макаровой, Илья Васильевъ, былъ нрава кроткаго и къ пьянству не приверженъ; были ли у него ссоры съ женою,—они не знаютъ.

На повальномъ обыскѣ поведеніе Ульяны Макаровой одобрено.

23 марта 1863 г. Ульяна Макарова была освидѣтельствована въ присутствіи казанской врачебной управы для рѣшенія вопроса: лишена ли Макарова невинности или нѣтъ?—При освидѣтельствованіи оказалось, что Ульяна Макарова, по видимому, имѣетъ около 20-ти лѣтъ отъ роду; роста средняго; темперамента сангвинико-холерическаго; тѣлосложенія крѣпкаго; цвѣтъ лица здоровый, румяный; пульсъ правильный, полный; языкъ чистый; глаза чистые, и вообще Ульяна совершенно здорова; груди (mammae) упруги и нормально устроены; подъ обѣими грудями на покровахъ грудной клѣтки оказалось по одному рубцу неправильной формы и величиною каждый въ дѣтскую ладонь; рубцы эти поверхностны и представляютъ послѣдствіе бывшаго здѣсь когда то золотушнаго страданія кожи; брюшные покровы упруги, не растянуты и нормальны, и не имѣютъ никакихъ слѣдовъ бывшей беременности; венеринъ бугорокъ въ естественномъ состояніи и опушенъ густыми и кудрявыми волосами; большія и малыя дѣторордныя губы нормальны и плотно сомкнуты между собою; клиторъ совершенно скрытъ; дѣвственная плева (hymen) цѣла, маточное влагалище (vagina) узко; слизистая оболочка его богата морщинами; отверстіе матки (orificium uteri) ощущается ненормальнымъ, а именно на серединѣ своего поперечнаго протяженія оно открыто и задняя губа хрящевата, тогда какъ перед-

*

няя губа нормальнаго устройства; шейка матки узка, кругла и длиною линій въ 8.—Соображая все вышеизложенное, врачебная управа заключила, что крестьянка Ульяна Макарова еще дѣвственна, и что описанное ненормальное отверстіе рыльца и хрящеватость его ткани въ этомъ мѣстѣ могли произойти отъ бывшаго прежде какого либо у нея болѣзненнаго процесса, на прошедшее существованіе коего отчасти указываютъ и описанные подъ обѣими грудями рубцы.

Казанская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, опредѣлила: крестьянку Ульяну Макарову, за убійство своего мужа безъ обдуманнаго заранѣе намѣренія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на восемь лѣтъ.

Начальникъ казанской губерніи, находя вышеизложенное рѣшеніе палаты уголовнаго суда правильнымъ, представилъ настоящее дѣло, на основаніи 6 пункт. 438 ст. кн. 2. т. XV св. зак. на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ принялъ въ соображеніе: 1) что Ульяна Макарова, вышедшая въ замужество по доброй волѣ, проживъ съ мужемъ только четыре дня, убила его топоромъ, какъ объясняетъ, безъ задуманнаго ранѣе намѣренія, подъ вліяніемъ внезапно будто бы явившейся мысли, вслѣдствіе нанесенныхъ ей мужемъ наканунѣ того дня безъ всякаго повода ударовъ по лицу, а въ тотъ день также безъ всякой со стороны ея вины вырванія серьги изъ уха, тасканія за волосы, и неисполненія, между тѣмъ, относительно ея, супружескихъ обязанностей; 2) что по освидѣтельствованіи казанскою врачебною управою, Ульяна Макарова, при здоровомъ и крѣпкомъ тѣлосложеніи и сангвинико-холерическомъ темпераментѣ, оказалась дѣйствительно еще дѣвственною, причемъ, за исключеніемъ хрящеватости задней губы, ненормально открытаго маточнаго рыльца и рубцовъ подъ грудями, признанныхъ управою за послѣдствія золотушнаго страданія,—найдена совершенно здоровою; 3) что она обстоятельно передала всѣ подробности событія, не обнаруживая такимъ образомъ безпамятства во время совершенія убійства.—Посему медицинскій совѣтъ, не отрицая значительнаго у женщинъ вліянія различныхъ состояній органовъ половой системы на душевную сферу, и возможности происхожденія этимъ путемъ (особенно при низкой степени моральнаго и умственнаго развитія женщи-

ны), болѣзненнаго и часто скоропреходящаго разстройства въ сферѣ ума и воли,—не нашелъ однако въ настоящемъ случаѣ достаточныхъ данныхъ для признанія содѣяннаго Ульяною Макаровою убійства мужа совершеннымъ въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія.

Убійство крестьянкою Татьяною Крапивкиною своего мужа.

27 іюня 1861 г. новомеловатское волостное правленіе (богучарскаго уѣзда, воронежской губ.) донесло мѣстному становому приставу, что означеннаго числа въ 7 часовъ утра крестьянинъ новомеловатской слободы, Яковъ Безручковъ, представивъ въ правленіе дочь свою, крестьянку хутора Лѣсковаго, Татьяну Крапивкину, объявилъ, что она созналась ему въ учиненномъ ею 24 іюня убійствѣ мужа своего, Михаила Крапивкина. Въ правленіи Татьяна подтвердила свое сознаніе и затѣмъ указала мѣсто, гдѣ лежалъ убитый ею мужъ.

По произведенному 30 іюня 1861 г. судебнымъ слѣдователемъ осмотру оказалось, что трупъ Михаила Крапивкина, находящійся между кустами на опушкѣ лѣса, отстоящаго отъ хутора Лѣсковаго въ 1 ½ верстахъ,—лежалъ на спинѣ, обѣ руки были откинуты назадъ. Ноги раскинуты и согнуты въ колѣняхъ; голова склонена на лѣвую сторону; одѣтъ въ холщевую рубаху, въ триковые шаровары и бѣлые холщевые порты, на ногахъ сапоги и суконныя портянки. На разстояніи 2½ саж. отъ трупа подъ кустомъ, была разослана свитка сѣраго сукна, а подлѣ нея лежала шапка. Голова Крапивкина была отдѣлена отъ туловища и обнажена отъ волосъ и всѣхъ мягкихъ частей, кромѣ праваго уха и части щеки; подъ головой были облѣзшіе волосы, вокругъ всей головы—черви; шея и часть груди изъѣдены червями, такъ что были видны ключицы и три пары реберъ, а изъ подъ нихъ—внутренности. По снятіи одежды оказалось, что все тѣло предалось разложенію, цвѣтъ его темный, оно покрыто большимъ числомъ червей, въ особенности бока, на коихъ имѣлись проточины кожи; мягкія части правой и лѣвой руки до локтей были съѣдены червями;—лѣвая рука отгнила и едва держалась на тонкой кожицѣ; паль-

цы обѣихъ рукъ были согнуты и прижаты къ ладонямъ. Дѣтородный стволъ въ напряженномъ состояніи, довольно пропорціональный и залупившійся. Мошонка съѣдена червями и не видно, были ли въ ней ядра или нѣтъ. Вывиховъ и переломовъ костей на тѣлѣ не оказалось. Около трупа видна была запекшаяся кровь.

1 іюля 1861 г. крестьянка *Татьяна Крапивкина* (18 лѣтъ) на спросъ судебнаго слѣдователя показала, что въ январѣ 1861 г. она была выдана замужъ за крестьянина хутора Лѣсковаго, Михаила Крапивкина, и съ первой ночи брака замѣтила, что мужъ ея неспособенъ къ супружеской жизни; послѣ первой ночи надъ нею начали смѣяться и подозрѣвать, что она вышла замужъ нечестныхъ правилъ; а потому, когда на другой день свадьбы, она перевязала дружковъ красными лентами, то свекоръ сорвалъ и топталъ ихъ ногами, укоряя сына, что онъ ее прикрываетъ *). Вслѣдствіе просьбъ ея, дружки, по обычаю, были вновь перевязаны лентами и отправлены съ хлѣбомъ, какъ слѣдуетъ, къ ея отцу; потомъ въ теченіи всего ея замужества мужъ ея не имѣлъ съ нею сообщенія, на что постоянно какъ домашніе, такъ и посторонніе надъ ними насмѣхались, и она по настоящее время находится въ невинномъ состояніи. Когда она ложилась спать съ мужемъ, то склоняла его на совокупленіе, но онъ уклонялся отъ этого и замѣтно было, что въ немъ нисколько не являлось вожделѣнія, не смотря на всѣ ея старанія возбудить ихъ. Предполагая, что это происходитъ отъ болѣзни, мужа два раза лечили; но помощи не оказалось. Передъ заговѣньемъ на петровку (не помнитъ за сколько дней), когда ночью она лежала съ мужемъ и просила его, чтобы онъ откровенно сказалъ ей, природный ли его тотъ недостатокъ или кто надъ нимъ это сдѣлалъ, то онъ отвѣчалъ ей: «какой я былъ, такой и есть», и когда она ему возразила «зачѣмъ же ты въ такомъ случаѣ и женился?» то онъ ударилъ ее два раза по головѣ. На шумъ пришелъ отецъ мужа и спрашивалъ о при-

---

*) Въ составленномъ протоколѣ судебный слѣдователь объяснилъ, что по обычаю Малороссіанъ, въ случаѣ если дѣвушка, вышедшая въ замужество, окажется прежде брака лишенною невинности, то на второй день свадьбы роднымъ ея надѣваютъ хомутъ и, посылая къ нимъ хлѣбъ, обвертываютъ его тонко въ скатерть; въ противномъ же случаѣ хлѣбъ посылается въ красномъ платкѣ или украшенный лентами краснаго цвѣта, причемъ и дружковъ, которые отвозятъ хлѣбъ, украшаютъ также красными лентами.

чинъ шума; когда она объяснила объ этомъ свекру, то онъ не сказалъ на это ни слова. Въ самое заговенье приходилъ къ нимъ шуринъ свекра, крестьянинъ Яковъ Распоркинъ, и свекоръ просилъ его освидѣтельствовать Михаила; по осмотрѣ Распоркинъ объявилъ свекру, что Михаилъ неспособенъ къ совокупленію и что болѣзнь его—недержаніе мочи (это она сама замѣчала); потомъ Распоркинъ, вызвавъ ее въ сѣнцы, сказалъ, что мужъ ея не годится, и что она должна будетъ хватить грѣха тайно. Въ субботу въ день Ивана Купала (24 іюня), послѣ обѣда (часовъ въ 9 или 10), не знаетъ почему, ей сдѣлалось особенно какъ то тяжело, и вдругъ явилась мысль лишить мужа своего жизни; взявъ топоръ, она пригласила его идти въ поле посмотрѣть пшеницу, и когда онъ согласился, то они обошли засѣянное пшеницею поле, находящееся около лѣса и, возвращаясь по опушкѣ лѣса, зашли за кустъ; здѣсь мужъ предложилъ ей отдохнуть, снялъ съ себя свитку, разослалъ ее на землѣ и положилъ подлѣ нея шапку; она, Татьяна, сѣла подлѣ свитки, а мужъ рядомъ съ нею; посидѣвши немного она встала, зашла сзади его съ правой стороны и, вынувши топоръ, который до тѣхъ поръ скрывала подъ халатомъ, со всего размаха ударила мужа остріемъ топора по шеѣ съ правой руки. Потомъ испугавшись этого, она бросилась бѣжать лѣсомъ и спрятала топоръ подъ пенькомъ, закрывъ его листьями; гдѣ именно она спрятала топоръ—съ испуга не припомнитъ *), а равно не помнитъ, какъ дошла до дому. Когда стали полудновать, то родные спросили ее про мужа, и она сказала, что не знаетъ, гдѣ онъ; никто и не подозрѣвалъ, что онъ убитъ, а она отъ всѣхъ преступленіе свое скрывала. Такъ прошли воскресенье и понедѣльникъ. Вечеромъ въ понедѣльникъ она ходила въ слободу Меловатку, чтобы взять у сестеръ свои головные платки, которые она давала имъ поносить, за что семейные мужа ее бранили. Вечеромъ она возвратилась домой, а въ ночь опять пошла въ Меловатку, куда пришла на зарѣ во вторникъ, потому что мучилась

*) По розыску, произведенному понятыми и самою Крапивкиною, сперва при старшинѣ, а потомъ при судебномъ слѣдователѣ, топоръ, которымъ былъ убитъ Крапивкинъ, отысканъ не былъ; но 11 іюля онъ случайно найденъ былъ въ кустахъ, на разстояніи 60 саженей отъ мѣста гдѣ лежалъ Крапивкинъ, однимъ крестьяниномъ, который объяснилъ, что топоръ былъ прикрытъ листьями и загнанъ въ землю по обухъ.

совѣстью, и хотѣла разсказать отцу о сдѣланномъ ею преступленіи, а потомъ убѣжать куда нибудь. Когда она объявила отцу, то онъ задержалъ ее и представилъ въ новомеловатское волостное правленіе, а оттуда, съ головою и писаремъ, отправилась она на мѣсто, гдѣ убитъ былъ ею мужъ, и нашла его лежащимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она его убила. Когда она и мужъ ея шли на поле осматривать пшеницу и сидѣли подъ кустомъ, то другъ съ другомъ почти ничего не говорили. Топоръ все время она держала подъ полою халата, который у нея длинный и сшитъ на мужской покрой. Мысль лишить мужа жизни пришла ей въ субботу, послѣ обѣда, вдругъ, неожиданно, сама не знаетъ почему. Къ этому не побуждали ее: ни досада, что смѣются надъ мужемъ и надъ нею за его неспособность, ни какая нибудь злоба на него, а равно ни то, что онъ не удовлетворялъ ея страсти; никто не подавалъ ей мысли лишить мужа жизни. Когда она убила мужа, то ей стало жалко его, и раскаяваясь, что сдѣлала преступленіе, она пошла къ вечернѣ и поставила свѣчку, но угрызеніе совѣсти не прекращалось до тѣхъ поръ, пока она не созналась отцу.

Свекоръ Татьяны Крапивкиной, *Федоръ Крапивкинъ*, показалъ, что не знаетъ, способенъ или неспособенъ былъ умершій сынъ его, Михаилъ, къ супружеской жизни, но разъ ночью, услышавши, что Татьяна говоритъ своему мужу о его неспособности, онъ дѣйствительно просилъ шурина своего, Распоркина, посмотрѣть Михаила и тотъ сказалъ, что у Михаила особеннаго ничего не замѣтилъ. На свадьбѣ лентъ съ дружковъ онъ не срывалъ и обычая класть спать и подымать молодыхъ въ домѣ не держитъ, потому что слышалъ отъ отца своего, что при этомъ обычаѣ, если молодая покажетъ себя не такою, какъ слѣдуетъ, а мужъ въ этомъ скроетъ ее, то отъ этого дохнутъ овцы. Татьяна просила у него позволенія перевязать дружковъ лентами и плакала даже о томъ, что онъ не позволялъ этого дѣлать, вслѣдствіе чего онъ сказалъ ей, чтобъ она сдѣлала такъ, какъ хочетъ; были ли дружки перевязаны лентами, или нѣтъ, онъ вовсе не видалъ. Съ мужемъ своимъ Татьяна жила согласно. Въ субботу 24 іюня онъ не видалъ какъ она съ мужемъ ушла со двора, потому что спалъ; когда же проснулся, то Татьяна была уже дома и замѣтно веселѣй прежняго; въ воскресенье, когда онъ сталъ сомнѣваться объ отлучкѣ сына, то замѣтилъ тревожное состояніе Татьяны, потому что она

все старалась уйти изъ дому. О причинѣ, по которой невѣстка его посягнула на жизнь мужа, онъ ничего объяснить не можетъ.

Вышеизложенное показаніе Федора Крапивкина подтвердили: его жена, сынъ и четыре невѣстки (жены сыновей), изъ которыхъ три добавили, что дѣйствительно онѣ слышали, что Михаилъ неспособенъ къ супружеской жизни и случалось подтрунивали надъ нимъ, но это всегда оканчивалось смѣхомъ. Въ послѣднее время за Татьяною онѣ ничего особеннаго не замѣчали, и изъ за чего она рѣшилась лишить мужа своего жизни, не знаютъ.

Отецъ Татьяны, крестьянинъ Яковъ Безручковъ, отозвался, что по выходѣ замужъ Татьяна приходила къ нему не очень часто, а именно всего раза три, и каждый разъ онъ замѣчалъ, что Татьяна была печальна и плакала, тогда какъ съ малолѣтства не любила плакать, хотя и не обнаруживала также веселаго расположенія духа. На вопросы: «хорошо ли ей жить», она не высказывала прямо, хорошо ли или худо; причину слезъ относили къ тому, что она недавно вышла замужъ, не успѣла еще свыкнуться съ новою жизнію. 26 іюня Татьяна приходила къ нему, Якову, и просила чтобъ ей отдали платки, которые она давала поносить сестрамъ своимъ, и между прочимъ сказала, что мужъ ея неизвѣстно куда дѣвался; побывши немного, Татьяна пошла домой. 27 іюня на зарѣ Татьяна вновь пришла, принесла обратно платки, и сказала «нате вамъ платки, куда хотите дѣвайте ихъ, я пойду свитъ за очима (куда глаза глядятъ)», и при этомъ объявила, что мужъ ея найденъ въ лѣсу мертвымъ; когда же онъ, Яковъ, сталъ допытываться, то Татьяна созналась, что убила мужа топоромъ, и причиною этого выставила, что мужъ ея неспособенъ былъ къ брачной жизни, а невѣстки ея и посторонніе надъ нею смѣялись. Когда Татьяна пришла къ нему, Якову, 27 іюня, то онъ догадался, что съ нею что-нибудь случилось, потому что прежде она такъ часто къ нему въ домъ не приходила. Къ сему Яковъ Безручковъ добавилъ, что на второй день послѣ свадьбы Татьяны, къ нему въ домъ пріѣзжали отъ молодыхъ сваты, которые по обычаю были перевязаны красными лентами.

Мать Татьяны, Авдотья Безручкова показала тоже, что и мужъ ея, Яковъ, но объяснила, что она не слыхала, говорила ли Татьяна

о томъ, что убила мужа за неспособность къ брачной жизни и что изъ за этого надъ нею насмѣхались. Къ сему Авдотья Безручкова добавила, что она не замѣчала, чтобы Татьяна была особенно съ кѣмъ либо дружна.

Крестьянинъ Яковъ *Распоркинъ* показалъ, что въ петровское заговѣнье онъ былъ въ гостяхъ у шурина своего, Федора Крапивкина, и по просьбѣ его осматривалъ сына его Михаила. По осмотру дѣтородныя части Михаила были какъ и слѣдуетъ быть, стволъ настоящей величины и два ядра цѣлыя. Михаилъ, а потомъ жена его, дѣйствительно говорили ему, Якову, что они со времени брака сообщенія другъ съ другомъ не имѣли. Михаилъ при этомъ объяснилъ, что хотя похоть и являлась постоянно, но при приступѣ къ совершенію дѣйствія напряжонное состояніе ствола уничтожалось, причемъ онъ ощущалъ боль въ пахахъ, при опаденіи ствола обыкновенно вытекало и сѣмя. Распросивъ Татьяну и убѣдясь изъ ея словъ, что мужъ ея дѣйствительно не въ состояніи удовлетворять ея желаній, онъ, Яковъ, сказалъ Татьянѣ: «молись Богу, терпи;» когда же она стала плакать, то онъ сказалъ: «какъ знаешь, дѣло твое».

Сосѣди Крапивкиныхъ отозвались, что Михаилъ Крапивкинъ былъ характера смирнаго, жилъ съ женою согласно, и что они ничего дурнаго за нимъ не замѣчали; за Татьяною они также ничего дурнаго не замѣчали; съ семействомъ мужа своего она жила согласно и ссоръ или непріятностей у нихъ никогда не было. Что побудило ее лишить жизни своего мужа, они совершенно не знаютъ, а также не знаютъ и того, способенъ ли былъ Михаилъ Крапивкинъ къ супружеской жизни или нѣтъ. Чтобы Татьяну кто либо укорялъ, или надъ нею смѣялся въ неспособности мужа,—имъ слышать не приходилось; обычай подымать молодыхъ нынче у нихъ выводится.

Сосѣди Безручковыхъ, крестьяне слободы Новой-Меловатки показали, что Татьяну Крапивкину въ дурныхъ поступкахъ они не замѣчали; когда она жила въ слободѣ въ домѣ отца своего, то ничего дурнаго объ ней не слышали, почему и считали ее по настоящее время хорошею женщиною. Татьяна была трудолюбива и работяща, а какъ отецъ ея не изъ числа зажиточныхъ, то она нанималась постоянно къ сосѣдямъ въ работницы и исполняла даже мужскія работы—молотила хлѣбъ, возила снопы и проч.;

характера Татьяна была смирнаго, болѣе серьозна и задумчива, чѣмъ весела. О жизни ея съ Михайломъ Крапивкинымъ, а равно и о причинѣ, побудившей ее убить мужа своего, они ничего не знаютъ.

По произведенному 8 іюля 1861 г. богучарскимъ уѣзднымъ врачемъ Якубовскимъ судебно-врачебному осмотру трупа крестьянина Михаила Крапивкина, оказалось, что трупъ этотъ находился въ такой степени гнилости, что невозможно было заключить о причинѣ смерти Крапивкина.

8 іюля 1861 г. Татьяна Крапивкина была *освидѣтельствована* богучарскимъ уѣзднымъ врачемъ Якубовскимъ, причемъ оказалось, что она, Крапивкина, роста большаго, 18 лѣтняго возраста, сильнаго, атлетическаго сложенія, съ мужскими плечами, толстой шеей, возвышенной грудью, съ широкимъ тазомъ и съ сильно-развитыми мышцами; руки и ноги толстыя съ большими костями; вся кожа на тѣлѣ бѣлая, гладкая, напряженная; лице плоское—большое, глаза цвѣта каряго съ нависшими темными бровями, взглядъ угрюмый — изъ подлобья, волосы свѣтлорусые, голова съ большими затылочными буграми; весь организмъ ея въ сильномъ развитіи и она комплексіи полнокровной. Походка ея тяжелая, ровная, смѣлая; выраженіе лица—тихое, спокойное, съ какимъ то холоднымъ апатическимъ выраженіемъ; голосъ громкій, довольно грубый,—рѣчь тихая, свободная и довольно смышленая;—разсудокъ въ правильномъ отправленіи, ни разу въ отвѣтахъ своихъ Татьяна не высказала тревожнаго состоянія; при воспоминаніи о совершенномъ преступленіи, она всегда покорялась безропотно судьбѣ, въ надеждѣ на Бога; будущее она представляла себѣ печальнымъ и непонятно, какимъ образомъ при полномъ сознаніи своего преступленія, она не боится наказанія и выдерживаетъ столь твердый характеръ; при распросахъ объ супружеской жизни и неспособности ея мужа, она передала подробно, незастѣнчиво все происходившее, видно въ ней прямодушіе, откровенность и гордость въ своей честности въ отношеніи супружескихъ обязанностей;—безнравственности въ ней не проявляется; чувство религіозное въ какомъ то отраженіи малаго свѣдѣнія и болѣе проявляется въ формахъ. Разслѣдуя общее состояніе внутреннихъ органовъ, врачъ Якубовскій нашелъ—всѣ отправленія правильными, только замѣтилъ приливы къ лег-

кимъ и сердцу; Татьяна ни на что не жаловалась и передавала, что всегда была здоровой. При изслѣдованіи дѣтородныхъ частей, оказалось слѣдующее: наружныя части жирны, лобковыя части покрыты большими густыми волосами; какъ большія, такъ и малыя дѣтородныя губы полныя, упругія, алыя, плотно между собой смыкающіяся; дѣвственная плева разрушена и замѣтны небольшія бугристыя возвышенія; маточный рукавъ блѣдно-розоваго цвѣта, узкій, морщиноватый; влагалищная часть—твердая, ровная, конической формы; цвѣтъ слизистой оболочки блѣдно розовый во всѣхъ предлежащихъ частяхъ; температура возвышена; царапинъ, ссадинъ и никакихъ знаковъ не было какъ въ наружныхъ, такъ и во внутреннихъ дѣтородныхъ органахъ; при изслѣдованіи указательнымъ пальцемъ, она чувствовала боли, но палецъ довольно свободно проходилъ до влагалищной части. Груди Татьяны были круглыя, большія, крѣпкія; грудныя соски упругіе, алые. Изслѣдуя пальцемъ, врачъ Якубовскій замѣтилъ въ Крапивкиной частыя содроганія. и нѣкоторую ажитацію во всемъ организмѣ; но на вопросъ, чувствуетъ ли она какое нибудь пріятное или непріятное ощущеніе, Крапивкина передавала, что больно, хотя изслѣдованіе производимо было осторожно; страсти въ ней особенно не проявлялись, но замѣтно довольно жизненности при маточномъ раздраженіи. Изъ всѣхъ вышеизложенныхъ данныхъ, врачъ Якубовскій заключилъ, что Татьяна Крапивкина совершенно здорова и въ полномъ сознаніи, безъ всякихъ проявленій нравственныхъ страданій; чувства въ ней загрубѣвшія, что больше происходитъ отъ врожденнаго характера и ея наклонностей. Что касается вопроса о томъ, дѣйствительно ли Крапивкина еще дѣвственна, то онъ, Якубовскій, заключаетъ, что Крапивкина до сихъ поръ не имѣла соитія,—что доказываютъ какъ наружныя дѣтородныя части, такъ и маточный рукавъ и влагалищная часть матки, а также и образованіе грудей; нарушеніе дѣвственной плевы, по мнѣнію Якубовскаго, произошло отъ другихъ механическихъ причинъ и, какъ видно изъ показаній Татьяны, что мужъ ея во время сна пальцемъ дѣйствовалъ,—во вторыхъ она въ замужествѣ не разъ ѣздила верхомъ по мужски, и эти два обстоятельства явно доказываютъ причину нарушенія дѣвственной плевы. Вопросъ о томъ, въ здравомъ или болѣзненномъ состояніи Крапивкина совершила

преступленіе, не можетъ быть разрѣшенъ нагляднымъ освидѣтельствованіемъ, но для сего необходимо произвесть испытаніе въ больницѣ,—для опредѣленія: не подвержена ли Крапивкина какимъ нибудь припадкамъ, о которыхъ сама не знаетъ?

19 іюля 1861 г. при *передопросѣ* въ присутствіи богучарскаго уѣзднаго суда, *Татьяна Крапивкина*, подтвердивъ показаніе, отобранное отъ нея 1 іюля 1861 г., объяснила, что въ продолженіи всей жизни она, сколько можетъ помнить, была нездорова только одинъ разъ лѣтъ 10 назадъ лихорадкою и послѣ того никакихъ болѣзней не испытывала, какъ равно и въ настоящее время чувствуетъ себя совершенно здоровою; во время жительства у своего отца, она никогда не искала себѣ удовольствій, какъ бываетъ въ простолюдинахъ, что дѣвушки ходятъ на вечера съ холостыми ребятами, гдѣ находятъ себѣ удовольствіе въ играніи пѣсенъ и другихъ забавахъ, послѣ которыхъ каждый изъ ребятъ ночуетъ съ дѣвушкою по расположенности одинъ къ другому; ко всему этому она была чужда и не имѣла совершенно никакого влеченія; одно удовольствіе ея было — заниматься работою, а въ праздничные дни ходить въ церковь. За покойнаго мужа она выходила по своему согласію, но ничего не предвидѣла для себя въ отношеніи перемѣны образа жизни и считала это дѣломъ обыкновеннымъ—выходить замужъ. Жизнію своею она была довольна, кромѣ испытываемыхъ огорченій отъ насмѣшекъ домашнихъ и стороннихъ о неспособности мужа къ супружеской жизни. Въ день сдѣланнаго преступленія, она не знаетъ почему, особенно въ высшей степени почувствовала свои огорченія и, приведя на мысль, что не имѣетъ никакого способа избавиться отъ нихъ, рѣшилась лишить жизни мужа. Когда на сдѣланное ею предложеніе осмотрѣть пшеницу, мужъ согласился, то она была этимъ довольна; во время пути у ней съ мужемъ никакого разговора не было, шли они молча, и ни одна мысль ей не приходила въ голову къ раскаянію—не дѣлать задуманнаго преступленія, и что за оное она должна подвергнуться тяжкому наказанію. По сдѣланіи же преступленія, она почувствовала жалость, раскаяніе и сильный страхъ до времени, когда сдѣлала въ своемъ поступкѣ сознаніе. Во время своего замужества она не имѣла сильной страсти къ совокупленію.

24 іюля 1861 г. богучарскій уѣздный судъ предписалъ мѣстному городовому врачу Шустову подвергнуть Татьяну Крапивкину испытанію въ состояніи умственныхъ способностей въ тюремной больницѣ. Въ составленномъ 4 августа 1861 г. свидѣтельствѣ о результатахъ испытанія Татьяны Крапивкиной, врачъ Шустовъ изложилъ, что онъ, въ дополненіе къ свидѣтельству уѣзднаго врача Якубовскаго, съ мнѣніемъ котораго соглашается, находитъ нужнымъ прибавить, что во все время пребыванія своего въ тюремной больницѣ (съ 28 іюля по 3 августа 1861 г.) Татьяна Крапивкина боялась чего то по ночамъ, хотя была и не одна. При изслѣдованіи грудной полости оказалось, что у Крапивкиной увеличенъ объемъ сердца, вслѣдствіе чего постукиваніе даетъ тупой звукъ на пространствѣ въ полтора раза болѣе нормальнаго; кромѣ того у ней съужено артеріальное отверстіе, что при выслушиваніи характеризуется легкимъ дуновеніемъ (bruit de souffle) и поддающимъ пульсомъ (pulsus caprizans). Кромѣ того и глазами видна значительная пульзація артерій, особенно сонныхъ. Притомъ Крапивкина почти постоянно дѣлаетъ движеніе руками; этотъ хотя слабый признакъ, при опредѣленіи болѣзней психическихъ имѣетъ немаловажное значеніе. А потому, принимая въ соображеніе ненормальную дѣятельность сердца и его болѣзненное состояніе, страданія котораго всегда сопровождаются грустнымъ и боязливымъ расположеніемъ души, онъ, Шустовъ, находитъ, что у Крапивкиной, вслѣдствіе ненормальной циркуляціи крови, могли быть ненормальныя отправленія организма, а слѣдовательно и души, подъ вліяніемъ которыхъ совершено преступленіе. Но съ другой стороны припадковъ сумасшествія не обнаруживалось во время пребыванія въ больницѣ; слѣдовательно онъ, Шустовъ, не можетъ сдѣлать точнаго опредѣленія ея умственныхъ способностей—нормальны они или ненормальны, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ возможности постоянно наблюдать за нею, будучи отвлекаемъ часто по дѣламъ службы, а находитъ нужнымъ препроводить ее въ воронежское губернское правленіе для точнѣйшаго испытанія.

Въ дополненіе къ вышеизложенному свидѣтельству своему врачъ Шустовъ 12 октября 1861 г. увѣдомилъ богучарскій уѣздный судъ, что находящаяся въ тюремномъ замкѣ арестантка,

Татьяна Крапивкина, была подвержена припадку умопомѣшательства въ ночь съ 27 на 28 число сентября; утромъ 28 числа онъ засталъ ее въ слѣдующемъ видѣ: она лежала на нарахъ, на правомъ боку, въ безсознательномъ состояніи; лице у ней было красное, изо рта клубилась пѣна, щипаніе тѣла не вызвало никакой реакціи чувствительности, вспрыскиваніе холодною водой не вызвало ни чувствительности, ни движенія. Дыханіе Крапивкиной было рѣдкое, хрипящее, пульсъ полный, рѣдкій. Вслѣдствіе вышеописанныхъ припадковъ, больной сдѣлано было общее кровопусканіе, отчего она стала приходить въ себя, причемъ жаловалась на боль въ головѣ и шумъ со звономъ. Въ продолженіи дня больная оправилась, но шумъ и боль въ головѣ продолжались. На вопросы, что съ ней было ночью и какъ съ ней случился обморокъ, она отозвалась, что не помнитъ и не знаетъ. Въ такомъ положеніи больная пробыла съ 28 сентября до 2 октября, когда и была выписана изъ больницы здоровою. Къ сему врачъ Шустовъ присовокупилъ, что хотя у Крапивкиной и былъ припадокъ болѣзни, но все таки она подлежитъ дальнѣйшему испытанію въ больницѣ приказа общественнаго призрѣнія.

Воронежская врачебная управа, на разсмотрѣніе которой препровождено было настоящее дѣло, нашла, что для заключенія о состояніи умственныхъ способностей Татьяны Крапивкиной во время совершенія преступленія, необходимо: 1) произвесть полицейское изслѣдованіе чрезъ распросы родныхъ и близкихъ Крапивкиной о томъ, въ какомъ состояніи находились умственныя ея способности со дня замужества до смерти мужа, и 2) освидѣтельствовать Крапивкину въ воронежскомъ губернскомъ правленіи.

При произведенномъ судебнымъ слѣдователемъ *дослѣдованіи* свекоръ, свекровь и невѣстки Татьяны Крапивкиной отозвались, что со времени выхода за Михаила замужъ, они не замѣчали за Татьяною ничего такого, почему можно было бы предполагать, что она не въ полномъ разсудкѣ; во все время замужества она не жаловалась ни на какую болѣзнь.

Отецъ и мать Татьяны показали, что за дочерью своею они никогда не замѣчали ничего страннаго или такого, почему можно было бы думать, что она не вполнѣ владѣетъ разсудкомъ;

она почти никогда не была больна, кромѣ одного раза уже очень давно, когда у ней была лихорадка; Татьяна была смирнаго характера и терпѣлива; если случалось, что ее обижали, то она промалчивала и плакала тихомолкомъ; была болѣе молчалива, нежели разговорчива, подругъ не имѣла и съ дѣвушками малó зналась; не любила рядиться; въ церковь ходила постоянно и всегда становилась въ уединенномъ мѣстѣ (возлѣ свѣчнаго ящика). Замужъ за Михаила Крапивкина она шла охотою, полагаясь на выборъ родителей. Прежде Михаила за нее сватались другіе, но за тѣхъ она или сама не захотѣла или послушалась совѣта родныхъ; такъ за нее сватались: Зубковъ, за котораго она сама идти не соглашалась, потому что онъ вдовецъ и у него дѣти; потомъ Крикуновъ—не пошла потому, что онъ бѣденъ; Латышевъ, за этого она идти охотилась, но согласилась съ совѣтомъ родныхъ нейдти за него, потому что онъ по всей вѣроятности долженъ былъ поступить въ солдаты. Волковъ ей не понравился потому, что дрябковатый парень (малъ ростомъ). Шутя предлагали ей выйдти замужъ за сына крестьянина Грищенко, который не въ полномъ разсудкѣ, но отецъ котораго человѣкъ богатый и говорилъ, что если бы сынъ его былъ какъ слѣдуетъ, то онъ съ радостію женилъ бы его на Татьянѣ; на предложеніе это Татьяна сказала, что ни за что не пойдетъ за сумасшедшаго. Татьяна никого не любила особенно, такъ чтобы думала выйдти за него замужъ. По ночамъ она спала очень спокойно и темноты не боялась; махать руками при разговорѣ—привычка ея съ малолѣтства.

Четверо ближайшихъ сосѣдей отца Татьяны показали, что когда Татьяна была дѣвушкой, то нанималась у нихъ работать; во все время они за нею ничего не замѣчали особеннаго, или такого, почему можно было бы думать, что она была не въ полномъ разсудкѣ, и также не замѣчали, чтобы она была когда либо больна. Татьяна была смирнаго характера, постоянно ходила въ церковь и очень любила работать; подругъ почти не имѣла и можно даже сказать, что удалялась отъ нихъ. Замужъ вышла за Михаила Крапивкина по своей охотѣ.

14 ноября 1861 г. Татьяна Крапивкина была *освидѣтельствована* въ общемъ присутствіи воронежскаго губернскаго правленія. На предложенные при семъ освидѣтельствованіи ниже-

слѣдующіе вопросы Татьяна Крапивкина отвѣчала: *Вопр.* Какъ твое имя, отчество и фамилія? *Отв.* Татьяна, Яковъ батько, Крапивкина. *Вопр.* Сколько тебѣ лѣтъ отъ роду? *Отв.* 18 лѣтъ. *Вопр.* Ты помѣщичья или государственная крестьянка? *Отв.* Мы вольные. *Вопр.* Изъ какого ты селенія или деревни, какого уѣзда и какой губерніи? *Отв.* Родомъ съ Новой Меловатки, а замужемъ на хуторѣ была, уѣзда богучарскаго, губерніи воронежской. *Вопр.* Есть ли у тебя семейство, и въ комъ оное заключается? *Отв.* Есть у меня батько родный и мать. *Вопр.* Есть ли у тебя дѣти и близкіе родные? *Отв.* Дѣтей нѣтъ; мужъ былъ да я его убила. *Вопр.* Есть ли у тебя домъ, и въ чемъ заключались домашнія твои занятія? *Отв.* У свекра есть, и у насъ былъ. *Вопр.* Давно ли ты прибыла въ городъ Воронежъ и у кого имѣешь жительство? *Отв.* Во вторникъ пришла; теперь въ острогѣ. *Вопр.* Желаешь ли возвратиться домой? *Отв.* Когда что Богъ дастъ, то и будетъ, туда послѣдую. *Вопр.* Здорова ли ты, или не чувствуешь ли въ себѣ какой болѣзни и съ котораго времени? *Отв.* Ничего не болитъ, когда у батьки была, хворала. *Вопр.* Говорятъ, ты убила мужа своего, правда ли это? За что ты убила его? *Отв.* (Она разсказала все подробно и причину убійства объясняла тѣмъ, что всѣ надъ ней смѣялись, будто она нечестная вышла, тогда какъ она была честная, а мужъ не могъ съ ней никакого дѣла имѣть). *Вопр.* Днемъ или ночью убила ты мужа, и чѣмъ его убила? *Отв.* Топоромъ въ лѣсу, потомъ заплакала и потомъ въ память пришла, пошла въ церковь и поставила свѣчку. *Вопр.* Жалѣешь ли ты теперь о мужѣ своемъ? *Отв.* Мнѣ жалко его было—да дѣться некуда.

По освидѣтельствованію оказалось, что Крапивкина росту выше средняго, тѣлосложенія крѣпкаго, 18 лѣтъ, выраженіе лица опечаленное, по временамъ она вздыхала и плакала, скромна въ разговорѣ и тѣлодвиженіяхъ; на предлагаемые вопросы отвѣчала удовлетворительно, ни на что не жаловалась и разсказала подробно и послѣдовательно о совершенномъ ею преступленіи, ничего не скрывая. Изъ ея словъ видно, что причина, побудившая ее убить мужа, была неспособность его къ сожительству и приписанная родными мужа нечестность ея поведенія, тогда какъ она была честная, ни въ чемъ тутъ не причина, и укоризны отъ родныхъ терпѣла понапрасну. О фактѣ преступле-

ния сказала,—что убила топоромъ въ лѣсу потомъ [illegible], помолилась, пошла въ церковь, поставила свѣчку. Въ дальнѣйшей участи своей отдается на волю Божію: когда что Богъ дастъ, то и будетъ, туда послѣдую. Изъ вышеизложеннаго общее присутствіе заключило, что Крапивкина не имѣетъ разстройства умственныхъ способностей.

7 марта 1862 г. воронежская палата уголовнаго суда обратилась въ мѣстную врачебную управу съ просьбою сообщить заключеніе свое какъ о причинѣ смерти крестьянина Михаила Крапивкина, такъ и относительно правильности мнѣнія врача Якубовскаго, что Татьяна Крапивкина не смотря на разрушеніе дѣвственной плевы не имѣла до дня ея освидѣтельствованія соитія съ мужчиною.

Вслѣдствіе сего воронежская врачебная управа, отношеніемъ отъ 15 марта увѣдомила палату уголовнаго суда: 1, что за совершеннымъ разложеніемъ тѣла Михаила Крапивкина при оставшихся однихъ только костяхъ, причину смерти по анатомическому изслѣдованію опредѣлить нельзя, а должно предоставить это полицейскому разслѣдованію, 2 что же касается до свидѣтельства о дѣвственности крестьянки Татьяны Крапивкиной, то хотя по описаннымъ признакамъ въ свидѣтельствѣ врача, половые органы и женскія груди имѣли дѣвственное состояніе, но за нарушеніемъ дѣвственной плевы, произведеннымъ дѣтороднымъ ли удомъ или другимъ тѣломъ, врачебная управа заключить съ положительною точностію о дѣвственности Крапивкиной не можетъ, и 3, что мнѣніе, выраженное въ свидѣтельствѣ врача Шустова о разстройствѣ умственныхъ способностей Татьяны Крапивкиной, какъ ни на чемъ не основанное, уничтожается опредѣленіемъ общаго присутствія губернскаго правленія, которое по наблюденіямъ надъ Крапивкиной въ больницѣ нашло умственныя ея способности въ нормальномъ состояніи.

Воронежская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что крестьянка Татьяна Крапивкина, по собственному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, виновна въ предумышленномъ убійствѣ мужа своего чрезъ нанесеніе взятымъ для совершенія преступленія топоромъ по шеѣ смертельнаго удара, по вызовѣ мужа изъ дома для осмотра поля. А потому палата опредѣлила: девятнадцати-

лѣтдюю крестьянку Татьяну Крапивкину, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать розгами ста ударами и потомъ сослать въ каторжную работу на заводахъ на тридцать лѣтъ.

Начальникъ воронежской губерніи не нашелъ возможнымъ согласиться съ вышеизложеннымъ рѣшеніемъ палаты уголовнаго суда, потому что по его мнѣнію фактически не доказано, чтобы Крапивкина совершила убійство мужа въ здравомъ умѣ и съ свободною волею, а напротивъ, есть указанія, что въ день совершенія этого преступленія и въ послѣдующее затѣмъ время она имѣла ненормальное состояніе души и болѣзненныя проявленія воли, что видно изъ собственнаго ея сознанія, которому нѣтъ основанія не вѣрить, такъ какъ все опредѣленіе уголовной палаты главнымъ образомъ основано на ея сознаніи, а въ показаніи своемъ она говоритъ, что въ день убійства ей сдѣлалось какъ-то особенно тяжело, и что къ убійству мужа не побуждала ее ни досада, что смѣются надъ нею и ея мужемъ, ни злоба на него за неудовлетвореніе страсти, а сама не знаетъ почему явилась ей вдругъ неожиданно мысль убить мужа. Нанесши ударъ топоромъ мужу, она не обратила даже вниманія, убитъ ли онъ, а побѣжала домой, совершенно сама себя не помня, ей стало жаль мужа, она идетъ въ церковь и молится за него Богу. Трудно признать такое состояніе души не за болѣзненное. Отецъ подсудимой объясняетъ, что она, по выходѣ въ замужество, приходила къ нему раза три и каждый разъ была печальна и плакала, тогда какъ съ малолѣтства не любила плакать. Врачъ Якубовскій нашелъ, что у Крапивкиной замѣтны приливы къ легкимъ и сердцу. Врачъ Шустовъ, наблюдавшій за ея умственными способностями, удостовѣряетъ, что Крапивкина чего-то боится по ночамъ, что у нея увеличенъ объемъ сердца; кромѣ того съужено артеріальное отверстіе и есть значительная пульсація артерій, особенно сонныхъ; при томъ Крапивкина постоянно дѣлаетъ движенія руками; такая ненормальная дѣятельность сердца и его болѣзненное состояніе, страданія котораго всегда сопровождаются грустнымъ и боязливымъ расположеніемъ души, дало Шустову основаніе заключить, что вслѣдствіе ненормальной циркуляціи крови могли быть у Крапивкиной ненормальныя отправленія организма и слѣдовательно души, подъ вліяніемъ которыхъ совершено преступленіе.

Факты эти положительно не опровергнуты ни врачебною управою, ни свидѣтельствовавшими въ губернскомъ правленіи, гдѣ хотя Крапивкина и не проявила разстройства умственныхъ способностей, но психическія болѣзни, какъ извѣстно, на столько неуловимы, что иногда требуютъ времени и времени для полученія о нихъ неопровержимыхъ свѣдѣній. А что Крапивкина не свободна отъ періодическаго умопомѣшательства, то это подтверждаетъ врачъ Шустовъ въ описаніи богучарскому уѣздному суду припадка умопомѣшательства Крапивкиной, случившагося съ ней 28 сентября.—Принимая въ соображеніе органическіе недостатки сердца Крапивкиной, засвидѣтельствованные врачами, и нравственныя потрясенія Крапивкиной: оскорбленіе ея чести заподозрѣніемъ въ несохраненіи дѣвства, несостоятельность мужа ея къ супружескому соитію, отвратительную его болѣзнь, язвительныя надъ нею насмѣшки и оскорбленія, нанесенныя ея свекромъ гостямъ, бывшимъ на свадьбѣ,—начальникъ губерніи пришелъ къ заключенію, что подобныя явленія въ состояніи потрясти до болѣзненнаго состоянія организмъ и душу, болѣе окрѣплые нежели 17 лѣтней дѣвицы, а потому у него, начальника губерніи, не составляется полнаго убѣжденія, чтобы Крапивкина во время совершенія убійства имѣла нормальное состояніе души. Полагая затѣмъ, что съ Крапивкиною слѣдуетъ поступить по силѣ 108 ст. 1 кн. XV т. св. зак., начальникъ губерніи представилъ настоящее дѣло, на основаніи 6 пун. 438 ст. и 413 ст. 2 кн. XV т. св. зак. на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла и находя нелишеннымъ нѣкотораго основанія мнѣніе богучарскаго городоваго врача Шустова, что крестьянка Татьяна Крапивкина, страдающая органическимъ порокомъ сердца, могла совершить убійство мужа подъ вліяніемъ болѣзненно — ненормальнаго состоянія организма, призналъ, что Крапивкину слѣдуетъ отдать на нѣкоторое время подъ надзоръ опытнаго врача для испытанія ея умственныхъ способностей.

О крестьянкѣ Аксиньѣ Трутневой, сужденной за покушеніе на убійство мужа.

23 сентября 1862 г. волостной голова козелецкаго уѣзда (черниговской губ.) донесъ мѣстному становому приставу, что означеннаго числа крестьянка села Церковище Аксинья Трутнева нанесла мужу своему Никифору Трутню топоромъ раны въ голову и затѣмъ, неизвѣстно куда, скрылась.

По освидѣтельствованію Никифора Трутня, произведенному 25 сентября 1862 г. козелецкимъ уѣзднымъ врачемъ Николаевымъ, оказалось, что онъ, Никифоръ Трутень имѣетъ отъ роду 19 лѣтъ, тѣлосложеніе его умѣренное; на головѣ его, при соединеніи затылочной кости съ темянными костями, оказались разрывъ общаго мышечно-плевистаго покрывала и проломъ черепа вплоть до твердой оболочки мозга, имѣющій видъ неправильнаго треугольника, величиною въ вершокъ въ діаметрѣ, и таковой же проломъ по направленію швовъ темянныхъ костей, простирающійся къ лѣвой темянной кости, вблизи почти къ срединѣ лобной кости, имѣющій видъ неправильнаго многоугольника, величиною въ діаметрѣ нѣсколько болѣе вершка и глубиною до твердой оболочки мозга; оба пролома черепа, соединенные съ большимъ кровоизліяніемъ,— причинены какимъ либо тупымъ, тяжелымъ и твердымъ тѣломъ и могутъ не только вредить здоровью Трутнева, но даже угрожать опасностью для самой жизни его, такъ что можно почитать ихъ почти безусловно-смертельными (laesiones capitis absolute lethales); хотя Трутню и подана своевременно врачебная помощь, но если послѣдуетъ выздоровленіе, то это отнести возможно къ быстрой воспроизводительной силѣ организма при молодомъ его возрастѣ. Сверхъ того Трутень имѣлъ сине-желтыя пятна на спинѣ, простиравшіяся одно къ правому боку, другое между лопатокъ, третье на правомъ предплечьѣ и четвертое на животѣ подъ ложечкою,—разной величины, отъ полутора до двухъ съ половиною вершковъ въ діаметрѣ, овально круглыя; таковые знаки тоже произошли отъ ударовъ тупымъ и очень твердымъ тѣломъ.—Изъ вышеизложеннаго врачъ Николаевъ заключилъ, что жизнь Трутня находится въ крайне-страдальческомъ болѣзненномъ состояніи,

сопряжена съ большою трудностію и опасностію для существованія, а потому хотя для лучшаго и дальнѣйшаго успѣха врачеванія, слѣдовало бы положить его въ городовую больницу, но какъ отъ нанесенныхъ ему ударовъ въ голову онъ чувствуетъ при малѣйшемъ движеніи тѣла сильное головокруженіе и обморокъ, то переѣздъ его на дальнѣйшее пространство можетъ угрожать мгновенно потерею жизни; слѣдовательно, предстоитъ большое неудобство въ его перемѣщеніи.

При слѣдствіи,—крестьянинъ Никифоръ Трутень 30 сентября 1862 г. показалъ, что 23 сентября послѣ обѣда, когда отецъ и мать его отлучились изъ дому,—жена его Аксинья сказала ему, чтобы онъ пошелъ въ клуню выносить оттуда солому; придя въ клуню, онъ не нашелъ тамъ солому, которую слѣдовало бы выносить, а потому, затворивъ двери, легъ въ клунѣ и заснулъ; долго ли онъ спалъ, не знаетъ; во время сна онъ услышалъ, что его крѣпко чѣмъ то ударило по груди; раскрывъ глаза, онъ увидѣлъ, что надъ нимъ стоитъ жена съ топоромъ; когда онъ началъ подыматься съ земли, то жена обухомъ топора нанесла ему нѣсколько ударовъ по головѣ; когда же онъ спросилъ жену «за что она бьетъ», то та отвѣтила: «это не я тебя бью, а сатана», и послѣ этого снова ударила его обухомъ по спинѣ; потерявъ отъ боли и испуга память, онъ выбѣжалъ изъ клуни и, пробѣжавъ немного, упалъ; что было съ нимъ послѣ, онъ не помнитъ.—Женился онъ на Аксиньѣ послѣ праздника Петра и Павла 1862 г. и жилъ съ нею мирно, никогда не ссорился и не дрался, не смотря на частыя самовольныя отлучки ея изъ дому въ село Албинь, гдѣ живетъ ея отецъ и гдѣ она просиживала по цѣлой недѣлѣ, но зачѣмъ она отлучалась въ Албинь—ему неизвѣстно. Во время нанесенія ему побоевъ, онъ съ женою не дрался и даже ее не бранилъ, и что ее заставило нанести ему такіе побои—не знаетъ. Показаніе свое Никифоръ Трутень заключилъ тѣмъ, что Аксинья вышла за него противъ своего желанія, по волѣ родителей. Здоровье его, Трутня, нисколько не поправляется, и голова его болитъ по прежнему.

Отецъ и мать Никифора Трутня показали, что Никифоръ и Аксинья съ самой свадьбы своей не имѣли между собою ни дракъ, ни ссоръ, а напротивъ жили мирно, и у Аксиньи вовсе не было замѣтно признаковъ вражды къ мужу, кромѣ частыхъ отлу-

чекъ изъ дому въ село Албинь; къ кому и зачѣмъ она ходила въ Албинь—они не знаютъ; на вопросы ихъ объ этомъ Аксинья всегда отвѣчала, что ходитъ навѣщать своего отца. До женитьбы Никифоръ не былъ знакомъ съ Аксиньей и увидѣлъ ее въ первый разъ за мѣсяцъ до брака, когда ѣздилъ ее сватать, послѣ же сватовства Аксинья постоянно уклонялась отъ свадьбы, но, приневоленная къ этому своимъ отцомъ, соглисилась и вышла за Никифора.

28 сентября 1862 г. Аксинья Трутнева была арестована въ селѣ Албинѣ, и на спросъ слѣдователя 30 того же сентября показала, что въ 1862 г. передъ праздникомъ Петра и Павла отецъ просваталъ ее противъ ея желанія за Никифора Трутня; когда приходило время брака, то она просила отца не выдавать ее замужъ, а лучше отпустить куда нибудь въ работницы, но отецъ, котораго она привыкла во всемъ слушаться, накричалъ на нее, а потому, боясь гнѣва отца и не желая потерять родительскаго благословенія, она рѣшилась исполнить волю отца и послѣ праздника Петра и Павла вышла замужъ за Никифора и поселилась въ домѣ его родителей въ селѣ Церковищѣ; не любя мужа, она однако жила съ нимъ мирно, другъ друга они не обижали, но она постоянно тосковала и тяготилась жизнью съ мужемъ, отнюдь не имѣя намѣренія лишить его жизни; когда же ей становилось слишкомъ тяжело, то она уходила въ село Албинь къ отцу, гдѣ и проживала по нѣскольку дней.—23-го сентября, послѣ обѣда, мужъ ея, неизвѣстно зачѣмъ, отправился въ клуню, а она осталась въ хатѣ, но, вспомнивъ приказаніе тещи своей—посмотрѣть—поставитъ ли служанка телятамъ воды, она, затворивъ хату, вышла на огородъ и увидѣла, что телятамъ поставлена вода. Здѣсь на огородѣ внезапно явилась у ней мысль убить нелюбимаго мужа и тѣмъ избавиться отъ него и выйти замужъ за другаго. Преслѣдуемая этою мыслію, она пошла къ клунѣ и, проходя мимо воза, стоявшаго на дворѣ, взяла лежавшій на возѣ топоръ, съ которымъ и вошла въ клуню, гдѣ застала мужа своего лежавшимъ на спинѣ; спалъ ли онъ или нѣтъ, она не замѣтила; подойдя прямо къ мужу, она ударила его обухомъ топора по груди; приподнявшись, мужъ спросилъ ее—за что она его бьетъ, и схватилъ ее за косы; тогда она что то отвѣтивъ, но что именно—не припомнитъ, ударила его обухомъ топора по головѣ

одинъ разъ или нѣсколько—припомнить не можетъ, такъ какъ въ то время совершенно потеряла сознаніе; что было далѣе, припомнить не можетъ, а выбѣжавъ изъ клуни, сбросила съ себя окровавленную свитку свою и въ одной корсеткѣ побѣжала по дорогѣ на Албинь. Выбѣжавъ изъ клуни, она бросила топоръ, но куда именно—не припомнитъ, придя во дворъ къ отцу, она ни въ чемъ не созналась, а сказала только, что дралась съ мужемъ; за это отецъ ее выбранилъ; пробывъ у отца нѣсколько минутъ, она убѣжала и имѣла намѣреніе броситься въ рѣку, но, прибѣжавъ къ рѣкѣ Деснѣ, помолилась Богу и рѣшилась ожидать своей участи; затѣмъ, отойдя отъ рѣки, она легла въ поле подъ стогомъ сѣна, гдѣ и пролежала до 28 сентября, питаясь хлѣбомъ, взятымъ въ отцовскомъ домѣ въ день совершенія преступленія. 28 же числа, въ обѣденное время, она пришла въ домъ отца, которымъ и была представлена въ волостное правленіе.—До выхода замужъ она была знакома съ казакомъ одного съ нею села, Емельяномъ, неизвѣстнымъ ей по фамиліи, который любилъ ее, и она желала выйти за него замужъ; когда ее просватали за Никифора, то Емельянъ желалъ уплатить за нее всѣ убытки родителямъ Никифора, если она откажется отъ брака съ нимъ. Послѣ выхода замужъ она видѣла Емельяна только два раза, но съ нимъ не разговаривала; преступной связи съ Емельяномъ какъ до брака, такъ и послѣ она не имѣла. Къ убійству мужа ее никто не подговаривалъ, и Емельянъ объ этомъ ей никогда ничего не говорилъ.

Крестьянка Прасковья Трутнева отозвалась, что 23 сентября послѣ обѣда, услышавъ крикъ на дворѣ сосѣда ея, Никифора Трутня, она прибѣжала на этотъ дворъ и увидѣла, что Никифоръ лежалъ на землѣ съ окровавленною головою. Когда она, Прасковья, завязала Никифору голову, то изъ за хаты выскочила жена его, Аксинья, и, сорвавъ съ головы своей платокъ, бросила его на землю, а ей, Прасковьѣ, сказала, что мужъ таскалъ ее въ клунѣ за косу; на это Никифоръ отвѣтилъ, что напротивъ, жена напала на него соннаго; послѣ этого Аксинья убѣжала со двора.

Отецъ Аксиньи, крестьянинъ Савва Баранъ, показалъ, что за нѣсколько времени передъ праздникомъ Петра крестьяне села Церковища, Савва и Марья Трутни посватали за своего сына—

дочь его Аксинью, и онъ, находя женитьбу эту выгодною, далъ на нее согласіе, не спрашивая дочери, желаетъ ли она этого или нѣтъ. Когда же Аксинья, узнавъ объ этомъ, стала отказываться, то онъ заставилъ ее убѣжденіями согласиться на бракъ тѣмъ болѣе, что Трутнями были уже понесены убытки на сватовство; по изъявленіи дочерью согласія, послѣ праздника Петра и Павла, она была обвѣнчана и поселилась въ домѣ мужа, откуда довольно часто приходила въ Албинь навѣстить семейство.—Во время посѣщеній этихъ, она никогда на мужа своего не жаловалась, и, сколько онъ знаетъ, жила съ мужемъ мирно, безъ дракъ и ссоръ; 23 сентября передъ вечеромъ Аксинья пришла къ нему, Саввѣ, и на вопросъ его, зачѣмъ пришла,—отвѣтила, что подралась съ мужемъ и убѣжала отъ него. Побранивъ за это Аксинью, онъ занялся дѣломъ, а она пошла въ хату, придя въ которую по окончаніи работъ, онъ дочь уже не засталъ. На другой послѣ этого день онъ услыхалъ, что будто бы дочь его, убивъ мужа, бѣжала, а потому и началъ ее розыскивать, чтобы представить ее къ отвѣту; 28 сентября Аксинья явилась въ его дворъ, и онъ объявилъ объ этомъ волостному старшинѣ. Въ оба эти раза Аксинья въ преступленіи своемъ не созналась, а говорила только, что у нея съ мужемъ была драка, и онъ, упавши на топоръ, ушибъ себѣ голову.

Казакъ Емельянъ Чирка показалъ, что онъ дѣйствительно былъ знакомъ съ Аксиньей и желалъ жениться на ней, но родители ея на это не соглашались, такъ какъ онъ человѣкъ небогатый и состоитъ на рекрутской очереди; передъ свадьбою, Аксиньи, когда пили магарычи, онъ говорилъ ей, что если бы у него были деньги, то онъ заплатилъ бы убытки, но такъ какъ у него нѣтъ собственныхъ денегъ, а отецъ ея оконфузилъ его своимъ отказомъ, то и не дастъ ни копѣйки. Послѣ выхода Аксиньи замужъ, онъ ее видѣлъ два раза, но разговоровъ съ нею никакихъ не имѣлъ, во время же совершенія ею преступленія, находился въ г. Кіевѣ. Какъ до выхода Аксиньи замужъ, такъ и послѣ, онъ съ нею преступной связи не имѣлъ.

Сосѣди Никифора Трутня отозвались, что съ женою своею Никифоръ жилъ мирно, они никогда не дрались и не ссорились; жена его вела себя всегда скромно, но они, показатели, замѣчали, что она часто отлучалась въ с. Албинь и тамъ проживала

но нѣскольку дней; но что было причиною этихъ отлучекъ, не знаютъ, хотя и ходила молва, что будто бы у нея есть въ Албини любовникъ; но на сколько это справедливо—они доказать не могутъ.

На повальномъ обыскѣ крестьяне села Албинь (въ числѣ 12 человѣкъ) отозвались, что Аксинья была поведенія отличнаго и за все время проживанія въ селѣ Албини до выхода замужъ вела себя примѣрно и ни въ чемъ дурномъ не была замѣчена; что касается отношеній Аксиньи къ Емельяну Чирку, то таковыя не заслуживаютъ порицанія, такъ-какъ между ними не было ничего, что могло бы принесть Аксиньѣ безчестье.

13 декабря 1862 г. отецъ Аксиньи подалъ въ черниговскую палату уголовнаго суда прошеніе, въ которомъ изложилъ, что дочь его, войдя 23 сентября въ клуню, начала будить спавшаго тамъ мужа; онъ, разсердясь, началъ ее бить и затѣмъ ударилъ неизвѣстно откуда попавшимся ему топоромъ; защищая себя отъ ударовъ, Аксинья поранила его тѣмъ топоромъ; на крикъ Аксиньи и ея мужа собрался народъ и намѣревался взять Аксинью подъ арестъ, но она, испугавшись, убѣжала изъ дому и, явясь въ селеніе Албинь, объявила ему, Саввѣ, объ этомъ несчастномъ событіи, сказывая, что мужъ ея намѣревался лишить ее жизни, неизвѣстно за что. Лишить мужа жизни Аксинья намѣренія не имѣла, но при производствѣ слѣдствія, не бывши никогда подъ судомъ и слѣдствіемъ, въ испугѣ и потому, что слѣдователь угрожалъ ей, что она будетъ наказана чрезъ палача и сослана въ Сибирь, сказала, что будто бы она имѣла намѣреніе лишить мужа жизни; сказать это ее понудило то обстоятельство, что когда она была представлена къ становому приставу и содержалась подъ арестомъ въ арестантской, то кто-то, подойдя къ дверямъ арестантской, которыя были заперты, говорилъ ей, чтобы она сказывала, что она намѣревалась мужа лишить жизни и если она такъ скажетъ, то будетъ освобождена и отпущена домой. Кромѣ всего вышеобъясненнаго Аксинья прежде этого событія имѣла неоднократно припадки болѣзни горячки, отъ коей была пользуема остерскимъ уѣзднымъ врачемъ.

Начальникъ черниговской губерніи, разсмотрѣвъ слѣдственное дѣло о преступленіи Аксиньи Тругневой, нашелъ, что пре-

ступленіе совершено не подъ впечатлѣніемъ сильной грусти, но слѣдователь не обратилъ на это вниманія и не распорядился объ освидѣтельствованіи душевнаго ея состоянія, а также не распросилъ сосѣдей о томъ, не замѣчали ли они, хотя временно, признаковъ душевнаго ея недуга. Кромѣ сего, слѣдствіемъ не разъяснено предположеніе отца Аксиньи, что она, покушаясь на преступленіе, была не въ нормальномъ состояніи здоровья.

При дослѣдованіи, произведенномъ согласно вышеизложенному мнѣнію начальника губерніи, Аксинья Трутнева показала, что спустя недѣли двѣ послѣ выхода замужъ, она начала чувствовать боль въ грудяхъ, которыя сильно распухли, а потому она отправилась въ домъ родителей своихъ въ село Албинь, гдѣ пробывъ нѣсколько дней, поѣхала въ городъ Остеръ лечиться къ доктору; но такъ какъ она не знала сама, къ кому обратиться, то заѣхала къ еврейкѣ Крейдихѣ, торгующей на базарѣ, и она отвела ее къ уѣздному фельдшеру, который далъ ей мазь для втиранья въ груди и какое то лекарство внутрь. Пробывъ въ Остерѣ одни сутки, она возвратилась къ отцу въ Албинь и тамъ въ продолженіи трехъ недѣль пользовалась помянутыми лекарствами, а потомъ возвратилась къ мужу своему и болѣе уже въ Остеръ не ѣздила, такъ-какъ пользовалась уже по совѣту крестьянки Матроны (живущей въ албинскомъ волостномъ правленіи), которая подѣлала какія то подушечки и велѣла носить ихъ на грудяхъ; болѣе же у ней ничего не болѣло и ни къ кому болѣе за совѣтами она не обращалась. Осенью 1861 г., она, Аксинья, провалилась въ воду и простудилась такъ сильно, что у ней прекратились мѣсячныя очищенія и ихъ долгое время не было; но послѣ выхода замужъ очищенія снова открылись.—Еврейка Фейга Крейдингъ и крестьянка Матрена Баранова (лекарка) подтвердили показаніе Аксиньи.

Остерскій лекарскій ученикъ Гомельскій отозвался, что въ послѣднихъ числахъ августа 1862 г. по просьбѣ еврейки Крейдингъ, онъ, за отсутствіемъ ихъ города врачей, осматривалъ Аксинью Трутневу и нашелъ у ней рану на одной грудной железѣ; рана эта была величиною въ одинъ рубл. сер. и почти на полвершка глубины; кромѣ того Аксинья жаловалась на общую слабость и головную боль.—Противъ описанной раны онъ, Гомельскій, далъ Аксиньѣ свинцовую мазь и показалъ, какъ на-

мазывать на холстѣ и прикладывать къ ранѣ; лекарствъ же для внутренняго употребленія онъ ей никакихъ не давалъ, а совѣтовалъ обратиться къ какому нибудь доктору. Припадковъ горячки въ то время у нея не было.

Крестьяне села Церковище (въ числѣ 14 человѣкъ) показали, что за все время пребыванія Аксиньи у мужа, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, они вовсе не замѣчали, чтобы она когда либо подвергалась припадкамъ сумасшествія или же страдала другимъ душевнымъ недугомъ; очень часто она уходила изъ Церковищъ въ село Албинь и когда возвращалась домой, то они также видѣли ее здоровою и не слыхали, чтобы она подвергалась болѣзни горячки.

3 апрѣля 1863 г. Аксинья Трутнева была *освидѣтельствована* въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи черниговскаго губернскаго правленія, причемъ оказалось, что Трутнева тѣлосложенія здороваго, полнокровнаго, росту средняго, черноволосая, въ чертахъ лица никакихъ патологическихъ болѣзненныхъ признаковъ не замѣчено, лѣтъ ей отъ роду не болѣе 22. На предложенные при освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе словесные вопросы Трутнева отвѣчала: *Вопр.* Ты казачка или казенная крестьянка? *Отв.* Казенная. *Вопр.* Изъ какого ты села? *Отв.* Изъ Албини. *Вопр.* Село Церковище котораго уѣзда? *Отв.* Козелецкаго. *Вопр.* Какъ тебя зовутъ и прозываютъ? *Отв.* Аксинья, по человѣку Трутнева. *Вопр.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *Отв.* Мабуть дадцать другій. *Вопр.* Какъ зовутъ свекруху? *Отв.* Кажется Маруся. *Вопр.* За какую вину взяли тебя изъ дому? *Отв.* За мужа. *Вопр.* Полюбовно жила съ мужемъ? *Отв.* Полюбовно. *Вопр.* Часто бивъ тебя мужъ? *Отв.* Ни, не бивъ. *Вопр.* Давно ты замужемъ? *Отв.* Отъ Петра (праздника). *Вопр.* По своей волѣ вышла за Трутня? *Отв.* По волѣ. *Вопр.* Живъ ли твой родной батько? *Отв.* Живъ. *Вопр.* Кто подговаривалъ тебя убить мужа? *Отв.* Нихто мене не подговаривавъ, я не чувствовала, мы другъ друга не разобрали. *Вопр.* Убивши мужа, за кого ты хотѣла выдти замужъ? *Отв.* Я не чувствовала, що глупость зробила и не за кого не хотѣла. *Вопр.* Правда ли это, что когда мужъ спросилъ тебя, зачѣмъ меня бьешь? ты отвѣчала: не я тебя бью, а сатана. *Отв.* Я не чувствовала, я не помню ничего. *Вопр.* Почему ты не сказала своей

правды отцу, зачѣмъ ты оставила домъ мужа? *Отв*. Я не чувствовала и не помню, чи була у батька. *Вопр*. Послѣ несчастія ты видѣла своего мужа? *Отв*. Видѣла въ Ковельцѣ. *Вопр*. Зачѣмъ ты хотѣла утопиться? *Отв*. Ходила у безчувственности, що зробила эту глупость; ходила по лѣсу, не знала сама, покуда очувствовалась. *Вопр*. Не бранилъ тебя мужъ, что ты часто отлучалась изъ дому? *Отв*. Ничего не казавъ. *Вопр*. Когда приходила къ родному отцу, ты видѣлась съ прежнимъ женихомъ? *Отв*. Бачила отъ далеку, онъ утѣкавъ, а разговоровъ не було. *Вопр*. Свекровь твоя, родная мать твоего мужа? *Отв*. (Вздохнувъ тяжко, сказала): родная. *Вопр*. На которомъ году вышла замужъ? *Отв*. На 21 годѣ. *Вопр*. До выхода замужъ часто ты болѣла? *Отв*. Була въ горячкѣ, я топилась въ Деснѣ. *Вопр*. Кто лечилъ тебя отъ горячки? *Отв*. Отъ свят. изъ Кіева принесли. *Вопр*. Вышедши замужъ, ты тосковала по прежнему жениху? *Отв*. Я не тосковала ни за чимъ. — На нижеслѣдующіе письменные вопросы по неграмотности Трутневой, съ ея словъ членъ врачебной управы, Носовъ, написалъ: *Вопр*. Какъ тебя зовутъ по имени, отечеству и фамиліи? *Отв*. Оксеня Совеловна Трутнева. *Вопр*. Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ. *Отв*. Говорятъ двадцать другій. *Вопр*. Какой ты вѣры? *Отв*. Христіанской. *Вопр*. Гдѣ имѣешь мѣсто твоего жительства? *Отв*. Просто Бога на земли. Изъ Албитъ остерскій въ ізда. *Вопр*. Есть ли у тебя дѣти? *Отв*. Ні, нема. *Вопр*. Съ кѣмъ ты прибыла въ г. Черниговъ? *Отв*. Коновой. *Вопр*. Живы ли твои отецъ и мать? *Отв*. Отецъ живъ, а матки нема. *Вопр*. Зачѣмъ ты напала на спящаго у клуни твоего мужа, и нанесла ему топоромъ по головѣ удары? *Отв*. Я не при своему разуму була, я не въ чувстві, мене человѣкъ збудивъ, давъ міні топоръ, щобъ я дрова рубала,—не чувствую чи чоловікъ лежавъ, чи що. *Вопр*. Гдѣ ты скрылась по совершеніи преступленія? *Отв*. Я не знаю, я не помню—якого дня я прійшла. *Вопр*. Какъ чувствуешь себя въ здоровьѣ? *Отв*. Нездорова грудью. *Вопр*. Желаешь ли возвратиться домой? *Отв*. Богъ знае, — вы сами знаете, якъ бы выпустили, тобъ пішла. Богъ одинъ, а начальство друге. — Члены общаго присутствія нашли, что хотя отвѣты Аксиньи Трутневой по видимому заключаютъ въ себѣ разумный смыслъ и свободную волю, но этимъ трудно опредѣлить прежде бывшее состояніе ея души.

Самое сознаніе преступнаго дѣла не выражаетъ еще, было ли оно совершено при разумѣ и свободной волѣ. А потому общее присутствіе заключило: помѣстить Трутневу въ больницу срокомъ на три мѣсяца подъ строгое медицинское испытаніе, предписавъ конторѣ больницы по окончаніи сказаннаго срока немедленно донести губернскому правленію.

23 августа 1863 г. Аксинья Трутнева была снова освидѣтельствована въ общемъ присутствіи черниговскаго губернскаго правленія, причемъ оказалось, что Трутнева тѣлосложенія здороваго, полнокровнаго, росту средняго, выраженіе лица ея не представляетъ слѣдовъ болѣзненнаго недуга; походка натуральная; лѣтъ ей отъ роду повидимому не болѣе 22-хъ.—На нижеслѣдующіе словесные вопросы она отвѣчала. *Вопр.* Каково твое здоровье? *Отв.* Голова постоянно болитъ и грудь болитъ. *Вопр.* Хорошо ли тебѣ было въ больницѣ? *Отв.* Ничево. *Вопр.* За что тебя взяли изъ дому? *Отв.* За мужа. *Вопр.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *Отв.* А хто его знае. *Вопр.* Давно ты замужемъ? *Отв.* Торушняго году, на Петра вѣнчали. *Вопр.* По своей, или по волѣ отца и матери вышла замужъ? *Отв.* По своей волѣ, нихто мене не приневоливавъ. *Вопр.* Какъ тебя зовутъ и прозываютъ? *Отв.* Аксинья Трутнева. *Вопр.* За что хотѣла ты убить своего мужа? *Отв.* Я не могу знать, що надо мною случилось. *Вопр.* Говорятъ люди, что ты не любишь своего мужа? *Отв.* Я на другой день заболѣла, я ище съ нимъ жить не жила. *Вопр.* Чѣмъ ты хотѣла убить своего мужа? *Отв.* Хто жъ его знае, чѣмъ его заразила. *Вопр.* Зачѣмъ ты ушла изъ дому мужа къ своему батьку? *Отв.* Я не могу знать гдѣ я була, въ моей головѣ було помраченіе. *Вопр.* Сколько времени жила съ мужемъ? *Отв.* Три мѣсяца, я на другой день заболѣла. *Вопр.* Прежній твой женихъ лучше мужа? *Отв.* Богъ съ нимъ, якіе тамъ женихи. *Вопр.* Село Церковище котораго уѣзда? *Отв.* Козелецкаго. *Вопр.* Зачѣмъ не призналась своему отцу въ своемъ проступкѣ? *Отв.* Я не могу знать. *Вопр.* Сколько времени ходила по лѣсамъ? *Отв.* Того не вспомню, бо у мене якъ пошла мокрота изъ груди, такъ мнѣ трошки стало легче (на лѣвомъ соскѣ, какъ сказано въ актѣ, имѣется мокрая лишайная сыпь). *Вопр.* Что ты думаешь о своемъ проступкѣ противъ мужа? *Отв.* Що Богъ дастъ. *Вопр.* Кто училъ тебя на худое дѣло—лишить жизни мужа? *Отв.* Ни-

хто мене не училъ на логаное дѣло. *Вопр.* Съ прежнимъ женихомъ была у тебя какая нибудь рада? *Отв.* Богъ съ нимъ, я кажу, що болѣла, я съ нимъ и не бачилась. *Вопр.* Давно у тебя сдѣлалась болѣзнь помраченіе? *Отв.* Когда була дѣвкою, упала въ воду изъ човна и съ того разу сталось мнѣ помраченіе въ головѣ.—На нижеслѣдующіе письменные вопросы, черниговскимъ городовымъ врачемъ Ходотомъ, со словъ Трутневой, записано. *Вопр.* Какъ тебя зовутъ по имени, отечеству и фамиліи? *Отв.* Аксинья Савельева Трутнева. *Вопр.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *Отв.* Хто ихъ знае сколько. *Вопр.* Какой ты вѣры? *Отв.* Православной. *Вопр.* Гдѣ имѣешь мѣсто твоего жительства? *Отв.* Въ Церковищѣ. *Вопр.* Есть у тебя дѣти? *Отв.* Нѣтъ. *Вопр.* Съ кѣмъ ты прибыла въ Черниговъ? *Отв.* Съ конвоемъ. *Вопр.* Живы ли твои отецъ и мать? *Отв.* Отецъ живъ, а мать умерла. *Вопр.* Зачѣмъ ты напала на спящаго въ клуни мужа и нанесла ему топоромъ по головѣ удары? *Отв.* Я не могу знать, что надо мною случилось; въ болѣзни вѣрно сдѣлала. *Вопр.* Гдѣ ты скрылась по совершеніи преступленія? *Отв.* Я не могу знать, де я була, мене знайшли. *Вопр.* Какъ чувствуешь себя въ здоровьѣ? *Отв.* Голова болитъ и грудь лѣвая, откуда и теперь идетъ матерія. *Вопр.* Желаешь ли возвратиться домой? *Отв.* Желаю, а вжежъ. *Вопр.* Хорошо ли тебѣ въ больницѣ? *Отв.* Засажена дакъ хорошо, всюди добре, а дома лучше.—Засимъ въ актѣ освидѣтельствованія изложено, что контора черниговскаго богоугоднаго заведенія, рапортомъ отъ 12 августа, донесла губернскому правленію, что арестантка Трутнева въ теченіи трехмѣсячнаго пребыванія въ больницѣ вела себя спокойно и по испытаніи никакихъ признаковъ душевной болѣзни у ней не оказалось.—Присутствовавшіе при освидѣтельствованіи Трутневой члены врачебной управы нашли, что хотя Трутнева на словесные и письменные вопросы при двукратномъ ея освидѣтельствованіи дала отвѣты удовлетворительные, и при трехмѣсячномъ испытаніи въ больницѣ здѣшняго заведенія не оказалось въ ней никакого душевнаго недуга, но принимая во вниманіе: 1) молодыя лѣта Трутневой; 2) полнокровное тѣлосложеніе; 3) постоянную головную боль, послѣ испуга, при паденіи въ воду съ лодки; 4) лишайную мокротную сыпь на лѣвой груди, и 5) принужденное супружество,—члены врачебной управы полагаютъ, что любовь къ обожаемому пред-

мету, какъ страсть, занимающая первое мѣсто, неоспоримо имѣла вліяніе на возбужденіе души Трутневой,—ибо кому неизвѣстно, что любовь, доведенная до напряженія, нерѣдко приводила свои жертвы до ужаснѣйшихъ поступковъ, которые въ однихъ производили сочувствіе, а въ другихъ негодованіе. Къ этой катастрофѣ можно причислить и подсудимую Трутневу, учинившую преступленіе немыслимо, при больной волѣ, безъ участія разума.

Черниговская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и находя, что по заключенію членовъ врачебной управы, Аксинья Трутнева сдѣлала покушеніе на убійство своего мужа немыслимо, при больной волѣ, безъ участія разума,—опредѣлила: Аксинью Трутневу, не подвергая по этому дѣлу наказанію, отдать родителямъ, мужу или родственникамъ на попеченіе, согласно условіямъ 108 ст. кн. I. Т. XV. св. зак.

Начальникъ черниговской губерніи, соглашаясь съ вышеизложеннымъ приговоромъ палаты уголовнаго суда, представилъ настоящее дѣло, на основаніи 418 ст. кн. 2. Т. XV. св. зак., въ правительствующій сенатъ, присовокупляя, что о приведеніи вышеизложеннаго приговора въ исполненіе, онъ сдѣлалъ палатѣ предложеніе.

Медицинскій совѣтъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: 1) Аксинья около 20 лѣтъ, крѣпкаго, полнокровнаго тѣлосложенія; осенью 1861 г. она упала въ воду, послѣ чего, простудившись, была больна, потеряла мѣсячныя очищенія и имѣла будто бы, какъ она сама показываетъ неоднократно, помраченіе ума. По показанію отца, она неоднократно имѣла припадки болѣзни горячки. 2) Въ концѣ іюня 1862 г. она вышла замужъ за крестьянина Никифора Трутнева по принужденію отца, между тѣмъ какъ она имѣла желаніе выдти за казака Емельяна Чирку, къ которому отношенія ея, по показанію прежнихъ ея односелянъ, были впрочемъ безукорзиненны, и вообще поведеніе ея, по показанію тѣхъ же лицъ, до выхода въ замужество было примѣрное. 3) По выходѣ за Никифора, Аксинья, какъ показали его родные и онъ самъ, жила съ мужемъ мирно, безъ всякихъ ссоръ, вражды къ нему никакой не обнаруживала; но по ея собственному показанію, она постоянно тосковала и тяготилась жизнью съ нелюбимымъ мужемъ, и когда ей становилось слишкомъ тяже-

ло, то уходила къ отцу, гдѣ и проживала по нѣскольку дней. 4) Прекратившіяся, по ея показанію, послѣ паденія въ воду, мѣсячныя очищенія, по выходѣ ея въ замужество появились снова, но между тѣмъ у ней обнаружились боли и опухоль въ грудяхъ и впослѣдствіи на одной груди открылась рана (язва), для излеченія которой въ концѣ августа 1862 г. остерскимъ лекарскимъ ученикомъ Гомельскимъ дана была ей свинцовая мазь *), а затѣмъ, по совѣту крестьянки Матрены Барановой, она употребляла какія-то подушечки. 5) 23 сентября 1862 г. послѣ обѣда безъ всякаго особеннаго повода, како показала Аксинья при первомъ допросѣ, родилась у нея будто бы внезапно мысль убить мужа, чтобы, избавившись отъ него, выйдти за мужъ за другаго; вслѣдствіе сего она и нанесла мужу, спящему въ клунѣ, обухомъ топора, захваченнаго на дворѣ, удары по груди, потомъ по головѣ, но сколько разъ, не помнитъ, потому что будто бы потеряла совершенно сознаніе, и затѣмъ убѣжала къ отцу, которому однако объявила, что ушла отъ мужа вслѣдствіе драки съ нимъ. 6) Отъ отца она тогда же ушла, съ намѣреніемъ, какъ показала, броситься въ воду, но послѣ молитвы отдумала и, пролежавъ подъ стогомъ сѣна до 28 сентября, явилась къ отцу, которымъ и была представлена въ волостное правленіе. 7) По показанію спрошенныхъ при дослѣдованіи крестьянъ села Церковище, они въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ со времени выхода Аксиньи въ замужество въ ихъ село не замѣчали въ ней ни припадковъ сумасшествія, ни другаго душевнаго недуга, а также не слыхали, чтобы она подвергалась горячкѣ. 8) При освидѣтельствованіи Аксиньи 3 апрѣля 1861 г. въ присутствіи черниговскаго правленія, въ ней не обнаружено признаковъ умственнаго разстройства, а также и во время трехмѣсячнаго испытанія ея въ больницѣ не оказалось въ ней никакого душевнаго недуга. 9) Тоже самое найдено и при вторичномъ ея освидѣтельствованіи 23 августа, при которомъ, повторивъ прежнія свои показанія, что у ней со времени паденія въ воду бывало помраченіе ума, и что во время покушенія на жизнь мужа было у нея также безсознательное состояніе, она между прочимъ по-

*) По показанію Гомельскаго, язва была величиною въ серебряный рубль и глубиною почти въ полвершка.

казала еще, что она съ мужемъ будто бы еще не жила, такъ какъ она на другой уже день заболѣла. Принимая въ соображеніе всѣ вышеизложенныя обстоятельства,—медицинскій совѣтъ, не отрицая возможности, при особенномъ болѣзненномъ расположеніи внезапнаго и безотчетнаго возникновенія влеченія къ дѣйствіямъ безсознательнымъ, не нашелъ въ настоящемъ случаѣ достаточныхъ данныхъ къ положительному признанію покушенія Аксиньи Трутневой на жизнь мужа происшедшимъ именно подъ вліяніемъ такого болѣзненнаго разстройства воли тѣмъ болѣе, что сдѣланное ею весьма важное въ такого рода случаяхъ показаніе о томъ, что она съ мужемъ еще вовсе не жила,—осталось неразъясненнымъ.

Покушеніе Мариною Кореневою на убійство мужа.

Въ ночь на 11-е января 1862 года дворовая женщина, орловской губерніи, елецкаго уѣзда, села Хмѣлевскаго, Марина Коренева, перерѣзала бритвой мужу своему, Лукьяну Кореневу, горло, въ чемъ при первомъ допросѣ чистосердечно созналась, равно и въ намѣреніи зарѣзать его до смерти.

При слѣдствіи мужъ Марины, Кореневъ, показалъ, что въ ночь на 11 января, легъ онъ съ женою Мариною спать въ избѣ на кровати и въ эту ночь, сколько ему не случалось просыпаться, замѣчалъ, что жена его не спала. Передъ свѣтомъ она встала и вышла на дворъ, и, скоро воротясь, легла съ краю кровати, долго ласкаясь къ нему, постоянно водила руками по лицу и шеѣ, говорила, что борода у него очень жесткая и колкая, а потомъ прилегла головою къ нему на грудь. Вдругъ онъ почувствовалъ, что Марина его по шеѣ какъ бы чѣмъ царапнула, и только что успѣлъ вскричать «ахъ, Марина, больно», какъ она бросилась въ сѣни, и не успѣлъ онъ еще осмотрѣться, вскочила изъ сѣней, подошла къ нему и махнувъ бритвой по горлу, бросила оную на кровать и закричала спавшему на печи, безсрочно-отпускному: «Сергѣевичъ, Лукьянъ зарѣзался».—Въ ту же минуту подбѣжалъ къ нему находившійся въ другой комнатѣ, садовникъ Федоръ Дмитріевъ и захватилъ рукою на горлѣ рану; жена при этомъ

стояла поодаль. Призванный тотчасъ же фельдшеръ Федоръ Ефимовъ зашилъ рану, а Марина ушла немедленно къ отцу и тамъ сказала, что мужъ ея зарѣзался.

Марина Коренева на допросѣ 13 января показала, что вышла за Лукьяна въ ноябрѣ 1861 года (2 мѣсяца тому назадъ), по собственному желанію, безъ принужденія, но съ самаго вступленія въ бракъ, не имѣла расположенія къ мужу, такъ что видѣть его не могла и чувствовала невыразимую тоску, почему искала случая сдѣлать что-нибудь съ мужемъ. Наконецъ три дня тому назадъ вечеромъ, когда мужъ легъ въ избѣ своей на печи, она достала изъ сундука, стоящаго на кровати въ головахъ, бритву его и прибрала ее къ себѣ подъ голову. Послѣ ужина вмѣстѣ съ мужемъ легла спать и всю ночь провела тревожно, помышляя, какъ бы зарѣзать мужа. Передъ свѣтомъ вышла на дворъ посмотрѣть, скоро-ли будетъ свѣтать, бритву взяла съ собою и развернула на дворѣ. Возвратившись, легла къ мужу съ краю кровати, имѣя наготовѣ бритву, чтобы легче было убѣжать, зарѣзавъ мужа; затѣмъ она ласкала мужа лѣвою рукою, ощупывая горло, держа бритву въ правой рукѣ; мужъ ласкался къ ней и цѣловалъ ее; въ эту минуту она порѣзала его бритвой по горлу и бритву бросила на кровать, а сама выскочила въ сѣни; потомъ войдя опять въ избу, крикнула спавшему на печи безсрочно-отпускному Макару Сергѣеву: «посмотри, что сдѣлалось съ Лукьяномъ»; онъ и находившійся въ другой комнатѣ садовникъ Федоръ Дмитріевъ, прибѣжавши, захватили рану и тотчасъ послали за фельдшеромъ, который зашилъ горло. Цѣль ея была, зарѣзавъ мужа, сказать, что онъ самъ зарѣзался, не имѣла она къ тому никакого повода, кромѣ непреодолимаго отвращенія къ мужу, который до женитьбы не казался ей противнымъ. Раскаянія особеннаго она не показывала.

13-го января, приставомъ 2-го стана, при елецкомъ уѣздномъ врачѣ, сдѣланъ былъ осмотръ раны, причемъ оказалось слѣдующее: «на шеѣ Коренева съ передней части оказались двѣ раны, первая отъ лѣваго угла нижней челюсти въ вершокъ длиною, неровная съ разрѣзанными краями, вторая, начиная отъ того же лѣваго угла челюсти, идетъ ниже подъязычной кости и доходитъ до противуположной стороны шеи, длиною въ два вершка; рана сквозная, проникаетъ въ переднюю часть дыхательнаго горла; ра-

на эта зашита. Наволочки подушекъ, постель и рубашка на Кореневѣ пропитаны весьма въ значительномъ количествѣ кровью; бритва величиною въ три вершка, а лезвіе очень острое и, какъ рукоятка, измарано кровью.—У Марины на рубахѣ спереди на груди два небольшія кровавыя пятна; лѣвый рукавъ на концѣ также измаранъ кровью *).

Отецъ Марины, Степанъ, и мать, Саломонида Хучевы, свидѣтельствуютъ совершенно согласно, что дочь ихъ, Марина, была всегда тихаго и скромнаго характера, но и не особенно грустна или задумчива; что она добровольно и даже охотно вышла за Лукьяна; что и по замужествѣ хаживала къ нимъ въ домъ; особенной грусти или задумчивости и тогда въ ней не замѣчали; съ мужемъ по видимому жила въ ладу и никому не говорила, что его не долюбливаетъ. Тоже самое показывали и сестры ея, двоюродные братья съ ихъ женами, подруги и сосѣди. Никто въ ней не замѣчалъ ни до, ни послѣ замужества ничего болѣзненнаго или какой либо особенной грусти или тоски. Нрава она была тихаго, но скрытнаго и холоднаго. Физическое здоровье ея какъ въ больницѣ, такъ и при допросахъ найдено безукоризненно хорошимъ.

При первомъ допросѣ Марина во всемъ созналась и прибавила еще: что зарѣзать мужа ее никто не подучалъ, и никто не зналъ намѣренія ея лишить его жизни.—Созналась она только производившему дознаніе становому приставу. До того же времени все еще думала не сознаваться и утверждала, что мужъ на нее клевещетъ. Въ больницѣ вела она себя тихо, разговаривала со всѣми, но избѣгала разговора о случившемся съ мужемъ. При другомъ допросѣ она очевидно перемѣнилась, стала притворяться грустною и до того безпамятною, что даже не помнила, будто-бы, за мужемъ-ли она или нѣтъ; между тѣмъ какъ въ больницѣ разговаривала совершенно здраво объ различныхъ предметахъ, видимо избѣгая только разговора о совершенномъ ею преступленіи. Отъ роду ей не 16 лѣтъ, какъ значится въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣла объ ней, но болѣе, какъ явствуетъ изъ при-

*) Изъ этого ясно видно, что у Лукьяна два раза была перерѣзана шея, какъ онъ справедливо показалъ, и что рана его только потому не была смертельная, что тотчасъ была подана помощь фельдшеремъ Ершовымъ.

ложеннаго къ дѣлу метрическаго свидѣтельства, изъ коего видно, что она родилась 14 іюля 1844 года *).

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что нѣтъ никакого основанія допустить какое было то ни было умственное разстройство ни до, ни во время покушенія Марины Кореневой на жизнь своего мужа. Этому противорѣчатъ: а) единогласное свидѣтельство всѣхъ ея родныхъ и знакомыхъ, не замѣчавшихъ никакихъ болѣзненныхъ явленій, никакой грусти или задумчивости въ ней, но описывающихъ ея характеръ тихимъ, скрытнымъ и холоднымъ; б) расчитанность и хитрость, съ которыми она, по собственному сознанію, подготовила и совершила задуманное преступленіе. Такъ, она заранѣе вынула изъ сундука украдкою бритву; выжидала усыпленія мужа, коварно ласкала его лѣвою рукою, при чемъ въ потьмахъ ощупывала горло, чтобы вѣрнѣе зарѣзать ненавистнаго ей мужа—бритвою, которую она въ это время держала открытою въ правой рукѣ,—расчитывая слѣдовательно каждое свое движеніе, чтобы самой не порѣзаться; выйдя въ сѣни и возвратясь въ избу, она легла съ края кровати, чтобы удобнѣе было ей отскочить отъ зарѣзаннаго мужа, и в) отчетливое и весьма ясное изложеніе Мариною всѣхъ подробностей, при выполненіи ею заранѣе обдуманнаго преступленія,—что все вмѣстѣ, при полномъ физическомъ здоровьи Марины Кореневой и при отсутствіи у нея всякихъ признаковъ душевнаго или умственнаго разстройства, исключаетъ возможность допустить, чтобы она во время совершенія преступленія не находилась въ полной памяти и сознаніи.

О казачкѣ Василисѣ Піюковой, пытавшейся зарѣзать своего мужа.

5 апрѣля 1864 г. казакъ г. Глухова (изъ подгороднаго форштадта) Артемій Піюкъ объявилъ мѣстному полицейскому управленію, что утромъ означеннаго числа жена его Василиса нанесла ему ножемъ рану по шеѣ съ намѣреніемъ лишить его жиз-

*) Слѣдовательно во время совершенія преступленія въ январѣ 1862 г. было ей 17 лѣтъ 6 мѣсяцевъ. *Прим. изд.*

ни. По врачебному осмотру на шеѣ Піюка оказались: рана длиною ³/₄ вершка, непроникавшая даже всей кожи, вѣроятно, какъ сказано въ актѣ, по причинѣ тупости орудія, — и незначительная рана на правой ладони руки.

На допросѣ 5 апрѣля полицейскимъ управленіемъ и судебнымъ слѣдователемъ *Василиса Піюкова* (18 лѣтъ) показала, что за Артемія Піюка она вышла замужъ предъ масляницей 1864 г.; до того же времени, года три, она жила по найму у глуховскаго купца Петра Куксина и здѣсь съ годъ тому назадъ познакомилась съ сыномъ сторожа веригинской церкви, вольноотпущеннымъ Кузьмою Поповымъ, съ которымъ, по обольщенію его и обѣщанію жениться на ней, начала имѣть плотское сношеніе недѣли за три до рождества 1863 года. Поповъ откладывалъ свадьбу до осени; навѣрное исполнилъ бы обѣщаніе, но между-тѣмъ посватался за нее Артемій Піюкъ, и хотя она и не хотѣла за него идти, но была къ тому принуждена братомъ своимъ и его женою. Къ Піюку она не имѣла никакого отвращенія и начала было его любить, но когда онъ нѣсколько разъ, каждый день упрекалъ ее бѣдностію и прежнею нечестностью, то она стала его ненавидѣть, но лишить его жизни вовсе не думала. 5 апрѣля, когда у ней сильно начала болѣть голова, что́ продолжалось цѣлую ночь, а также и животъ, который уже недѣли двѣ почти постоянно у нея болитъ, сопровождаясь коликами подъ бока, она безпокоимая болями и вспомнивъ притомъ невыносимые упреки мужа, изъявлявшаго и предъ людьми свое сожалѣніе о взятіи ея замужъ, потеряла полное сознаніе, и, какъ бы въ какомъ то опьяненіи, взяла ножъ, которымъ у нихъ рѣжутъ хлѣбъ, наточила его и какъ мужъ приказалъ въ то время, когда она была такъ больна и отуманена, а притомъ и раздражена его обхожденіемъ, искать у него въ головѣ вшей, то она, когда онъ положилъ для этого голову на ея колѣни, выдавливая ему на лицѣ угри, схватила бывшій тутъ же на полу ножъ и стала рѣзать ему горло, какъ то безсознательно, ибо у нея былъ тогда большой шумъ въ головѣ, такъ что она и не помнила, что дѣлала и гдѣ-бы дѣла мужа, еслибъ на несчастье его зарѣзала. Она и теперь не любитъ мужа, ибо ей съ нимъ житья не будетъ. Онъ нѣсколько разъ хотѣлъ ее бить, разъ изломалъ кочергу на три куска за то, что она, лежа съ нимъ на постелѣ, перевѣрнулась къ

ствникъ, когда у нея сомлѣлъ бокъ, и хотѣлъ бить ее, но мать его не допустила. Она, Василиса, и теперь чувствуетъ себя нездоровою, вслѣдствіе боли головы и живота, и полагаетъ, что уже зачала. Кузьма Поповъ и никто другой къ лишенію жизни мужа ее не подговаривалъ; съ Поповымъ, по выходѣ замужъ, она только одинъ разъ видѣлась на базарѣ при двухъ посторонних женщинахъ и ничего съ нимъ не говорила, а только поздоровалась.

5 апрѣля 1864 г. Василиса Піюкова была освидѣтельствована глуховскимъ городовымъ врачемъ Неводничанскимъ, причемъ оказалось, что ей отъ роду 18 лѣтъ, тѣлосложенія она довольно крѣпкаго, хорошаго; Піюкова беременна ровно въ половинѣ, но движенія плода не чувствовала. При освидѣтельствованіи, (которое произведено было часовъ чрезъ восемь послѣ преступленія) у Піюковой голова была горяча, пульсъ 100 разъ въ минуту, немного раздраженъ; но это по замѣчанію врача могло происходить отъ волненія, въ которомъ она находилась, а частію отъ того, что она была въ топленой комнатѣ въ тулупѣ и долго стояла; на головную же боль она не жаловалась; лице ея болѣе блѣдное; она неполнокровна, блондинка, темперамента холерическаго. Въ заключеніе врачъ Неводничанскій добавилъ, что трудно рѣшить, покусилась ли Піюкова на преступленіе сознательно или отъ болѣзни; но онъ полагаетъ при другихъ обстоятельствахъ, что покушеніе произведено сознательно, «съ раздумьемъ».

Мужъ Василисы, Артемій Піюкъ (23 лѣтъ), показалъ, что утромъ 7 апрѣля онъ лежалъ на постелѣ; Василиса же, сѣвъ подлѣ на постелѣ, взяла его руку и наругавъ его по матушкѣ, сказала: «какой ты мужчина, что у тебя такая малая рука», а послѣ начала спрашивать о его силѣ, говоря: «ты хотя и худой, но вѣрно силенъ, ибо какъ положишь ночью на меня руку, то какъ сто пудовъ»; затѣмъ она спрашивала, что у него на шеѣ или горлѣ стремитъ, онъ говорилъ, что кость, и она предложила посмотрѣть у него въ головѣ, но стала выдавливать у него на лицѣ угри и показывать выдавленную кровь; вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно взявъ изъ подъ себя ножъ, она начала рѣзать его съ боку шеи; сначала онъ думалъ, что она его лоскочитъ, но почувствовавъ боль, ухватилъ рукой за ножъ и такимъ способомъ порѣзалъ себѣ ладонь. При этомъ онъ вскочилъ съ постели и отбросилъ ножъ въ сторону, а Василиса, ухватясь за его шею, привернула

его къ лавкѣ и взяла было топоръ, который онъ вырвалъ изъ рукъ ея, и она «умочилась», а онъ сталъ кричать и отбросилъ топоръ въ сѣни; тотчасъ же сбѣжался изъ сосѣднихъ хатъ народъ, а между тѣмъ Василиса спрашивала его, скажетъ ли онъ объ этомъ кому или нѣтъ? и онъ говорилъ, что не скажетъ никому. Василиса вышла за него замужъ по согласію; онъ любилъ ее все время и ни въ чемъ не упрекалъ, а она его что-то не любила и смотрѣла на него косо; ссоры наканунѣ происшествія и прежде между ними не было никакой, а только какъ вечеромъ, такъ и утромъ Василиса постоянно спрашивала сколько у него невѣстъ и ломая у себя пальцы говорила, что у нея очень много жениховъ. Впрочемъ странностей въ ея обхожденіи онъ не замѣтилъ болѣе никакихъ, а только съ самаго начала замужества Василиса часто бранила его безъ всякой причины.

Братъ Василисы Піюковой и жена его показали, что идти за Артемія они ее не принуждали, но она сама передала Артемію, чтобы тотъ сваталъ ее. Странностей въ характерѣ Василисы замѣтно не было, иногда она жаловалась на боль въ животѣ и головѣ, особенно когда у ней выступали на шеѣ и лицѣ прыщи. Послѣднее подтвердили Козьма Поповъ и одна сосѣдка Піюковыхъ, которая объяснила, что Василиса часто жаловалась на боли въ животѣ и ставила на животъ горшки; и дѣйствительно, бывало какъ возьмутъ ее боли, то такъ и позеленѣетъ; лечилась она водкой, настоенной на калганѣ. На мужа своего Василиса не жаловалась, но только неоднократно высказывала, что какъ мужъ напьется и накурится табаку, то она этого никакъ снесть не можетъ.

Другая сосѣдка Піюковыхъ показала, что 5 апрѣля, прибѣжавъ въ избу Піюковыхъ на крикъ Артемія, она видѣла, что Василиса, пока собирались сосѣди, умылась, убрала голову, надѣла корсетъ и, сѣвъ на лавку, просила ножа зарѣзаться, говоря, что она все равно пропала. Кромѣ сего таже свидѣтельница объяснила, что Василиса была постоянно грустная, часто страдала сильною болью въ животѣ, такъ что говаривала: «что ей дѣлать, она не можетъ перенесть». Но мужъ Василисы и мать его отозвались, что Василиса ни на какія боли имъ не жаловалась.

На повальномъ обыскѣ поведеніе Василисы Піюковой и мужа ея одобрено.

17 февраля 1865 г. Василиса Піюкова была освидѣтельствована общимъ присутствіемъ черниговскаго губернскаго правленія, причемъ на нижеслѣдующіе словесные вопросы отвѣчала: *Вопросъ.* Откуда ты родомъ? — *Отвѣтъ.* Изъ Глухова. *В.* Какъ тебя зовутъ и прозываютъ? — *О.* Василиса, прозываютъ Піюкова. *В.* Ты замужняя или дѣвка? — *О.* Нѣтъ замужняя. *В.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? — *О.* Я не знаю (при этихъ словахъ на глазахъ показались слезы). *В.* Давно ты замужемъ? — *О.* Годъ прошелъ на заговѣньѣ. *В.* Ты казачка или казенная крестьянка? — *О.* Нѣтъ казачка. *В.* Какъ зовутъ твоего мужа? — *О.* Артемъ. *В.* Есть у тебя дѣти? — *О.* Нѣтъ; було одно, да померло. *В.* Полюбовно ли живешь съ мужемъ? — *О.* Полюбовно. *В.* За что тебя взяли подъ караулъ? — *О.* Я сама не знаю, двѣ недѣли була нездорова (при этомъ плакала). *В.* Кто привелъ тебя въ Черниговъ? *О.* Солдаты привели. *В.* Кто тебя научилъ зарѣзать мужа? — *О.* Никто не училъ. *В.* Ты знакома съ крестьяниномъ Поповымъ? — *О.* Знакома була еще дѣвкою. *В.* До выхода замужъ имѣла ты сношеніе съ Поповымъ? — *О.* Имѣла. *В.* Зачѣмъ ты, любивши Попова, вышла за Піюкова? — *О.* Піюковъ понравился мнѣ, такъ я и вышла. *В.* Въ живыхъ ли находятся твои родители? — *О.* Нѣтъ померли. *В.* Почему ты при вѣнчаніи не сказала священнику, что любишь Попова, а не Піюкова? — *О.* Нѣтъ я Піюкова полюбила, потому и не сказала. *В.* Гдѣ взяла ножъ, которымъ рѣзала мужа? — *О.* Я сама не могу знать. *В.* Не попрекалъ ли тебя мужъ за прежнее твое поведеніе? — *О.* Попрекалъ. *В.* Правда ли, что Поповъ научалъ тебя зарѣзать мужа? — *О.* Нѣтъ не научалъ. *В.* Съ кѣмъ ты совѣщалась умертвить мужа? — *О.* Ни съ кѣмъ. *В.* До замужества чѣмъ ты была нездорова? — *О.* До замужества ничѣмъ не была нездоровою. *В.* Часто украдкою отъ мужа видѣлась съ Поповымъ? — *О.* Ни разу не видѣла. *В.* Поповъ красивѣе лицемъ твоего мужа? — *О.* Равно будутъ, що Поповъ, що мой мужъ. *В.* Еслибъ удалось зарѣзать мужа, куда намѣревалась идти? *О.* Я сама не могу знать, куда хотѣла бъ идти. *В.* При прощаніи, что говорилъ тебѣ мужъ? — *О.* Я его не видѣла. *В.* Кого лучше любишь Попова или мужа? — *О.* На что мнѣ Поповъ, когда у меня мужъ есть. *В.* Когда сидѣла въ тюрмѣ, навѣщалъ тебя мужъ? — *О.* Нѣтъ.

На письменные вопросы Піюкова дала слѣдующіе отвѣты. *В.* Какъ тебя зовутъ по имени, отчеству и фамиліи? — *О.* Василиса Піюкова, отца звали Никита. *В.* Кто твои родители, и живы ли они?—*О.* Казаки, померли. *В.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ?—*О.* Кто его знае, я не знаю. *В.* Откуда ты родомъ? — *О.* Изъ Глухова. *В.* Гдѣ имѣешь мѣсто жительства?—*О.* У Глуховѣ. *В.* Чѣмъ ты прежде занималась? — *О.* По людяхъ жила, у челядкахъ. *В.* Правда ли, что ты покушалась на жизнь мужа своего и нанесла ему рану тупымъ ножемъ?—*О.* Не помню сама, двѣ недѣли була нездорова, голова болѣла. *В.* Съ кѣмъ ты прибыла въ Черниговъ?—*О.* Сама я прибыла. *В.* Какъ чувствуешь себя въ здоровьѣ?—*О*, Теперь я слава Богу здорова всѣмъ. *В.* Желаешь ли возвратиться на родину?—*О.* Желаю.

По освидѣтельствованіи оказалось, что Піюкова тѣлосложенія здороваго, полнокровнаго; росту средняго, черты лица, кромѣ грусти особыхъ болѣзненныхъ явленій не представляютъ, рѣчь внятная, походка натуральная; лѣтъ отъ роду 18. Общее присутствіе заключило: помѣстить Піюкову въ богоугодное заведеніе срокомъ на три мѣсяца подъ строгое медицинское испытаніе.

3 августа 1865 г. Василиса Піюкова была снова освидѣтельствована въ общемъ присутствіи, причемъ на нижеслѣдующіе словесные вопросы отвѣчала: *В.* Давно ли ты въ Черниговѣ?—*О.* Прислали меня въ мясоѣдъ. *В.* Кто привелъ тебя въ Черниговъ? *О.* Конвойные. *В.* Какъ тебя зовутъ и прозываютъ?—*О.* Піюкова Василиса. *В.* Ты замужняя?—*О.* Замужняя. *В.* Давно ты замужемъ?—*О.* Другой годъ уже. *В.* Сколько тебѣ лѣтъ отъ роду? *О.* Я сама не могу знать. *В.* Полюбовно живешь съ мужемъ?—*О.* Полюбовно. *В.* За что тебя взяли изъ дому? — *О.* За намѣреніе лишить жизни мужа, я сама не знаю. *В.* Охотно ли выходила замужъ за Піюкова? — *О.* Охотно. *В.* Откуда ты родомъ? *О.* Изъ Глухова. *В.* Есть у тебя дѣти? — *О.* Нѣтъ, було одно да умерло. *В.* Давно ты знакома съ крестьяниномъ Поповымъ? — *О.* Знакома, когда я была еще дѣвкою. *В.* Говорятъ что ты по принужденію вышла замужъ за Піюкова?—*О.* Нѣтъ. *В.* Правда ли то, что Поповъ научалъ тебя зарѣзать мужа? — *О.* Нѣтъ не правда, я его въ глаза не видѣла. *В.* При вѣнчаніи, почему ты не сказала, что больше любишь Попова, чѣмъ Піюкова?—*О.* Нѣтъ я Піюкова больше люблю. *В.* Послѣ свадьбы часто видѣлась съ По-

повымъ?— *О*. Ни разу не видѣла, только на базарѣ завидѣла мелькомъ. *В*. Не попрекалъ *ли* тебя мужъ Поповымъ? — *О*. Попрекалъ. *В*. Ты русскую грамоту знаешь?—*О*. Нѣтъ не знаю. *В*. Родители твои въ живыхъ находятся?—*О*. Нѣтъ померли. *В*. У кого ты жила послѣ смерти родителей? — *О*. У Кукси. *В*. Поповъ дѣлалъ подарки тебѣ?—*О*. Нѣтъ. *В*. Навѣщалъ *ли* тебя мужъ въ Черниговѣ? — *О*. Нѣтъ не навѣщалъ. *В*. Разставаясь съ мужемъ, ты плакала?—*О*. Я тогда не знала, якъ мене взяли. *В*. Кто далъ тебѣ ножъ, которымъ хотѣла зарѣзать мужа?—*О*. Я сама не могу знать. *В*. Днемъ или ночью хотѣла зарѣзать? — *О*. Нѣтъ говорятъ днемъ поутру. *В*. Кто красивѣе Поповъ или Піюковъ? *О*. *Піюковъ*. *В*. Кто богаче изъ нихъ: Піюковъ или Поповъ?—*О*. Піюковъ богаче чѣмъ Поповъ. *В*. Ножъ, которымъ хотѣла зарѣзать, кто изъ твоихъ рукъ отнялъ?—*О*. Я сама не знаю.

На письменные вопросы она дала слѣдующіе отвѣты: *В*. Правда *ли*, что ты покушалась на жизнь мужа своего и нанесла ему рану тупымъ ножемъ?—*О*. Я сама не могу знать. *В*. Какъ чувствуешь себя въ здоровьѣ? — *О*. Теперь здорова всѣмъ. *В*. Хорошо *ли* тебѣ въ заведеніи?—*О*. Нѣтъ, я желаю въ деревню. *В*. Желаешь *ли* возвратиться на родину?—*О*. Желаю.

Въ составленномъ актѣ изложено, что контора богоугодныхъ заведеній признала, что при трехмѣсячномъ наблюденіи за Піюковою оказалось: что здоровье ея какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи находится совершенно въ нормальномъ состояніи; что же касается до проступка, совершеннаго ею прежде, какъ бы въ безсознательномъ положеніи, то наука и опытъ положительно указываютъ, что беременность можетъ служить причиною разстройства умственныхъ способностей; слѣдовательно должно положительно сказать, что Піюкова дѣйствительно была больна душевно при учиненіи покушенія на жизнь мужа, будучи тогда беременною въ первый разъ.

Принимая въ соображеніе: 1) что Піюкова нравственно въ семейномъ быту на повальномъ обыскѣ одобрена; 2) что при двукратномъ освидѣтельствованіи въ губернскомъ правленіи она отвѣчала на вопросы безъ всякой уклончивости, съ сознаніемъ, разумно, и 3) что врачи черниговской больницы, наблюдавшіе за Піюковою, признали, что она во все время испытанія вела себя тихо, и никакого въ ней умопомѣшательства не замѣчено, общее

присутствіе нашло, что послѣ таковыхъ данныхъ, слѣдуетъ вопросъ: болѣзненное или безнравственное было побужденіе Піюковой лишить мужа жизни тупымъ ножемъ, въ жилой избѣ, днемъ? Хотя подобный вопросъ и представляетъ немалое затрудненіе къ его разрѣшенію, но принимая во вниманіе вышеизложенныя обстоятельства дѣла, нельзя отрицать, чтобы первая беременность Піюковой не имѣла вліянія на умственное ея состояніе,— что наука и опыты подтверждаютъ.

Черниговская палата уголовнаго суда, сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что какъ медицинскія данныя не отрицаютъ того, что Піюкова дѣйствительно была больна душевно при учиненіи ею покушенія на жизнь своего мужа, будучи тогда беременною въ первый разъ, то не вмѣняя ей означенное покушеніе, согласно 104 ст. улож., въ вину, слѣдуетъ: отдать ее на попеченіе, на условіяхъ въ 108 ст. улож. изъясненныхъ.

Черниговскій губернскій прокуроръ не согласился съ вышеизложеннымъ рѣшеніемъ палаты уголовнаго суда, и въ поданномъ о семъ протестѣ, между прочимъ, изложилъ, что изъ обстоятельствъ дѣла оказывается, что Піюкова, живя блудно съ крестьяниномъ Поповымъ и бывъ отъ него беременною, вышла замужъ за Піюкова не по любви, а скорѣе желая скрыть свою беременность, и что не болѣзненное ея состояніе, доводящее будто бы ее до умственнаго разстройства, было причиною совершенія преступленія, а нерасположеніе къ мужу, выражающееся въ постоянныхъ жалобахъ сосѣдкамъ, что она его переносить не можетъ, если онъ выпьетъ и накурится табаку, въ упрекахъ, дѣлаемыхъ мужу, что онъ непохожъ на мужчину и что у нея много жениховъ. Принявъ въ соображеніе прежнюю связь съ Поповымъ, нельзя не придти къ убѣжденію, что нерасположеніе это или, какъ выразилась сама Піюкова при первоначальномъ полицейскомъ дознаніи, ненависть къ мужу, быть можетъ, при дѣлаемыхъ мужемъ иногда напоминаніяхъ о ея прежней любовной связи, и при сознаніи своей отъ Попова беременности, о которой она скрывала отъ матери Піюкова, а разсказывала только посторонним женщинамъ,—служили побудительной и главной причиной къ покушенію на жизнь мужа, со смертію котораго являлась надежда на замужество съ Поповымъ, или съ кѣмъ либо другимъ болѣе похожимъ на мужчину, чѣмъ былъ, по ея убѣж-

денію, настоящій мужъ ея. Такое убѣжденіе въ сознательномъ покушеніи Піюковою на жизнь мужа подтверждается простымъ чистосердечнымъ сознаніемъ Піюковой при первомъ полицейскомъ допросѣ о сознательномъ намѣреніи убить мужа. Признаніе это просто, естественно и совершенно согласно съ обстоятельствами дѣла, между тѣмъ какъ разсказъ, вложенный въ уста Піюковой судебнымъ слѣдователемъ о болѣзни, отуманившей ее, и о безсознательномъ состояніи при совершеніи преступленія, положительно опровергается фактами самаго дѣла и въ особенности просьбою, обращенною къ мужу тотчасъ послѣ покушенія, о томъ чтобы онъ никому не говорилъ о случившемся. По всѣмъ этимъ соображеніямъ губернскій прокуроръ полагалъ, что покушеніе Піюковою на жизнь мужа учинено ею сознательно, съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ, и потому должно быть вмѣнено ей въ вину.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ нашелъ, что хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что въ состояніи беременности, какъ и вообще при другихъ болѣе или менѣе значительныхъ физіологическихъ и патологическихъ измѣненіяхъ, въ состояніи органовъ половой системы (какъ то: при мѣсячномъ очищеніи, послѣродовомъ состояніи и разныхъ болѣзняхъ матки) по особенной связи половыхъ органовъ съ органами психической дѣятельности, женщины обнаруживаютъ: особенную воспріимчивость къ разнаго рода вліяніямъ, дѣйствующимъ на психическую сферу и болѣе значительное разположеніе къ душевнымъ болѣзнямъ,—но въ настоящемъ случаѣ нѣтъ данныхъ къ заключенію о томъ, чтобы бывшая у Піюковой беременность сопровождалась такими болѣзненными уклоненіями въ психической сферѣ, подъ вліяніемъ которыхъ она могла бы безсознатетьно совершить преступленіе.

О крестьянкѣ Февроньѣ Посконовой, судимой за покушеніе на убійство мужа.

(Меланхолія).

Въ январѣ мѣсяцѣ 1859 г. Посконова вышла замужъ за крестьянина деревни Чекмаловка, Василія Посконова; черезъ не-

[illegible] вмѣстѣ съ мужемъ она поѣхала погостить [illegible] въ деревню Абдульскій-Заводъ и тамъ начала [illegible] признаки разстройства умственныхъ способностей, [illegible] начала бѣсноваться, въ безпамятствѣ лаять по собачьи, рвала на себѣ одежду и т. п. Это состояніе ею (и вѣроятно [illegible] родственниками ея) приписано было порчѣ. Оставивъ [illegible] жену въ такомъ видѣ у отца ея, мужъ Посконовой отправился одинъ домой; Посконову же лечили въ теченіи цѣлаго лѣта (поили ее заговоренной водой съ нашептываніями), и по мнѣнію родственниковъ ея, съ полнымъ успѣхомъ, такъ что осенью того же года въ ноябрѣ мѣсяцѣ она опять возвратилась въ деревню Чекмаловка. Жила она съ мужемъ въ полномъ согласіи.

Зимой въ декабрѣ мѣсяцѣ опять она отпросилась у мужа своего на родину и, бывъ отпущена имъ, прожила у своего отца до 10-го января 1860 г. Мужъ ея, по небогатому состоянію, въ то время нанимался въ работники у другаго крестьянина, такъ что Посконова, вернувшись къ мужу, жила въ его семействѣ. 17 января того же года она позвала своего мужа къ себѣ, говоря, что ей нужно ему что-то сообщить. Зайдя вторично въ домъ хозяина, у котораго жилъ мужъ ея, Посконова объявила послѣднему, что она нашла въ сараѣ кошелекъ съ деньгами и звала его къ себѣ ночевать, ласкаясь къ нему болѣе обыкновеннаго и прося его, чтобы онъ приходилъ задами двора. Къ вечеру того же дня, пришедши въ избу своего семейства, Посконовъ тамъ же засталъ и жену свою, которая, приготовивши постель на [illegible] избѣ, гдѣ они обыкновенно спали, пригласила его ночевать ранѣе обыкновеннаго.

Уснувши не на долгое время, Посконова встала и, разбудивши мужа, предложила ему теперь отправиться въ сарай за деньгами, [illegible]. Въ сараѣ Посконова сперва искала деньги [illegible], но не нашедши ихъ, говорила, что должно [illegible] на другую сторону на дворъ сосѣда Ники[illegible]. [illegible] съ мужемъ, она, какъ только послѣдній [illegible] денегъ, ударивъ ему въ голову топоромъ, [illegible] ею, нанесла ему двѣ значительныя раны, [illegible] онъ помѣшался въ умѣ (какъ сказано въ [illegible] правленія отъ 18 января 1860 г., между [illegible] по свидѣтельству исправляющаго должность городо-

ваго врача отъ 20 января, состояніе Посконова было довольно хорошее). Тамъ не менѣе онъ успѣлъ вышибить топоръ изъ рукъ жены, которая схватила мужа за шейный платокъ, чтобы задушить его. На крикъ раненаго прибѣжали люди и втащили въ избу и его и жену его.

На вопросы, предлагаемые ей, Посконова ничего не отвѣчала; на другой же день созналась въ преступленіи и говорила, что мысль убить своего мужа не давала ей покоя цѣлую недѣлю, и что ее на то смутила нечистая сила.—Въ дополненіе къ приведенному разсказу (заимствованному нами изъ показанія, даннаго самимъ Василіемъ Посконовымъ 20 января, такъ какъ свидѣтелей преступленія не было) надобно замѣтить, что какъ онъ, такъ и прочіе родственники Посконовой и посторонніе лица, допрошенныя подъ присягою, показали, что поведенія Посконова всегда была хорошаго, что она жила съ мужемъ въ полномъ согласіи и что ей обидъ или притѣсненій со стороны семейныхъ послѣдняго никакихъ не было. Сама же Посконова разсказываетъ все случившееся 17 января 1860 г. почти точно также, но присовокупляетъ, хотя урывками и сбиваясь въ счетѣ времени, что, получивши свои регулы на пятнадцатомъ году въ нормальномъ количествѣ, она послѣдній годъ до свадьбы своей заболѣла лихорадкою, вслѣдствіе которой распухъ у нея животъ, и сдѣлалась одышка. Лечили ее въ уѣздномъ городѣ. Два мѣсяца послѣ этого у ней регулъ не было. Она вышла замужъ не по собственному желанію и, бывши избалованною своимъ отцемъ, котораго она называетъ богатымъ, неохотно оставила свою родную деревню. Еще на другой день послѣ свадьбы она была испорчена, а именно появилась тоска, заболѣло сердце, ей свѣтъ не милъ сталъ и дыханія не было; она все плакала, неспособна была заниматься, била посуду, рвала на себѣ платье, плохо ѣла, по ночамъ не спала. Мужа не любила, хотя съ нимъ и не ссорилась, такъ какъ онъ всегда съ нею былъ ласковъ. Черезъ недѣлю послѣ свадьбы, въ бытность Посконовой у своего отца въ деревнѣ Абдульскій-Заводъ, эти припадки усилились, такъ что мужъ оставилъ ее тамъ для леченія. Проживши лѣто у отца, Посконова хотя и поправилась, но не перестала тосковать. Послѣ того, какъ она въ декабрѣ мѣсяцѣ навѣстила отца своего и возвратилась къ мужу 10 января 1860 г., ею овладѣла

невыносимая тоска въ такой степени, что она рѣшилась убить своего мужа, а за что именно, она не помнитъ, говоря, что искусилъ ее лукавый.

О найденныхъ ею будто бы деньгахъ, подсудимая то утверждала, что о деньгахъ никогда ничего не говорила, то сознавалась въ томъ, что это обстоятельство выдумано ею для того, чтобы побудить мужа прійти къ ней. Равнымъ образомъ, она не ясно помнила, дѣйствительно ли въ продолженіе цѣлой недѣли существовало у нея намѣреніе убить мужа, или эта мысль пришла ей внезапно.

Посконова была подвергнута медицинскому наблюденію въ больницѣ казанскаго приказа общественнаго призрѣнія съ 27 апрѣля по 27 октября 1865 г. — Производившіе это наблюденіе исправляющій должность старшаго врача упомянутой больницы профессоръ Бекетовъ и директоръ казанскаго окружнаго дома умалишенныхъ, докторъ Фрезе, въ актѣ, составленномъ ими 27 ноября 1865 г., изложили, что Февронья Посконова, отъ роду 27 лѣтъ, тѣлосложенія крѣпкаго, имѣетъ видъ полный здоровья, бодрости и свѣжести и не жалуется ни на какія болѣзненныя ощущенія или чувствованія, указывающія на разстройство нервной системы. Цвѣтъ и выраженіе лица, блескъ и движеніе глазъ, мимика, жесты и походка Посконовой нормальны; въ разговорѣ и дѣйствіяхъ ея не обнаруживается ни малѣйшаго уклоненія отъ нормы. Хотя Посконова представляетъ ограниченное вообще развитіе умственныхъ способностей (она, напримѣръ, счета мѣсяцевъ не знаетъ), но выражаетъ свои мысли правильно, обнаруживаетъ тихій и стыдливый нравъ, добродушный и кроткій характеръ, ведетъ себя скромно, выполняетъ усердно данныя ей домашнія порученія; услужливая, послушная и трудолюбивая, она вообще пріобрѣтаетъ себѣ довѣріе и доброе расположеніе окружающихъ ее лицъ. Отправленія растительной жизни (дыханіе, пищевареніе, кровообращеніе) и сонъ Посконовой совершаются правильно. Регулы, хотя являлись рѣже обыкновеннаго, а именно каждые $1^1/_2$ или 2 мѣсяца, и въ незначительномъ количествѣ, однако эта неправильность нерѣдко встрѣчается при совершенномъ общемъ здоровьѣ, не связана ни съ какимъ важнымъ страданіемъ половыхъ органовъ, при изслѣдованіи которыхъ исправляющимъ должность старшаго врача больницы, оказалось, что матка нѣсколько съуже-

на, такъ что допуская введеніе пальца, не дозволяетъ введенія маточнаго зеркала, что она покрыта мѣстами сливкообразной слизью, что матка стояла въ правильномъ положеніи, но высоко, и была подвижна, безъ надрывовъ на рыльцѣ (Посконова беременна не была). Въ теченіе шестимѣсячнаго наблюденія Пасконова разъ имѣла воспаленіе подкожной клѣтчатки на правой кисти; иногда жаловалась на боль въ животѣ, обыкновенно предшествовавшую появленію регулъ, иногда же на боль въ поясницѣ послѣ трудной какой нибудь работы, которую она добровольно брала на себя, помогая сидѣлкамъ въ уходѣ за больными, а въ началѣ октября мѣсяца заболѣла перемежающейся лихорадкой, отъ которой въ скоромъ времени она оправилась вполнѣ.— Основываясь на приведенныхъ данныхъ, какъ на результатѣ наблюденія надъ Посконовой въ продолженіе шести мѣсяцевъ, они, профессоръ Бекетовъ и докторъ Фрезе, пришли къ положительному убѣжденію, что Посконова со дня поступленія своего въ больницу казанскаго приказа общественнаго призрѣнія находилась и находится въ психически-нормальномъ состояніи. Но такъ какъ цѣль испытанія Посконовой не есть опредѣленіе ея душевнаго состоянія въ настоящее время, а опредѣленіе того психическаго состоянія, въ которомъ находилась Посконова *до покушенія на жизнь своего мужа*, то они, Бекетовъ и Фрезе, нашли необходимымъ прибѣгнуть къ разбору дѣла Посконовой, тѣмъ болѣе, что со времени совершенія ею преступленія прошло безъ малаго шесть лѣтъ.

Имѣющіяся въ дѣлѣ свѣдѣнія о состояніи здоровья Посконовой послѣ покушенія на преступленіе (о припадкахъ эпилепсіи, о головной боли, объ ознобѣ и жарѣ, о неимѣніи регулъ) не позволяютъ сдѣлать никакого заключенія о состояніи душевныхъ способностей ея. Сама Посконова, о своемъ пребываніи въ замкѣ уѣзднаго города и въ Самарѣ, говоритъ, что постоянно была нездорова, что была и въ горячкѣ и въ тоскѣ; о припадкахъ эпилепсіи ничего не упоминаетъ. Начала она выздоравливать только въ 1864 г., но по прибытіи въ Казань въ февралѣ мѣсяцѣ 1865 года, въ пересыльномъ замкѣ вновь заболѣла горячкою (febris remittens, по скорбному листу больницы при казанскомъ тюремномъ замкѣ), отъ которой оправилась черезъ три недѣли. Такъ какъ въ настоящее время Посконова совершенно здорова, а о

состоянія ея здоровья до покушенія на преступленіе не имѣется никакого отзыва, основаннаго на врачебномъ наблюденіи, то для опредѣленія состоянія ея умственныхъ способностей въ означенное время они, Бекетовъ и Фрезе, считаютъ необходимымъ предварительно рѣшить слѣдующіе два вопроса: 1) находилась ли Посконова, до покушенія на жизнь своего мужа, вообще подъ вліяніемъ такихъ условій, которыя, согласно опыту, способствуютъ развитію помѣшательства? и 2) была ли Посконова помѣшана когда нибудь до покушенія на преступленіе?

Отвѣтъ на *первый* вопросъ утвердительный. За годъ до свадьбы своей Посконова страдала лихорадкою, отъ которой у нея распухъ животъ и сдѣлалась одышка, т. е. по всей вѣроятности вслѣдствіе продолжительной лихорадки развилась у нея водяная болѣзнь. О сильной степени послѣдней можно судить уже потому, что больную отвезли въ уѣздный городъ для леченія, — мѣра, къ которой крестьяне прибѣгаютъ только въ крайности. Упорная лихорадка хотя и уступила леченію, однако при неблагопріятныхъ условіяхъ жизни крестьянскаго быта довела Посконову до общаго анемическаго состоянія, признакомъ котораго отчасти служитъ нескорое появленіе регулъ. Общая анемія, (см. арх. суд. медиц. 1865 г., кн. II, стр. 90) сама по себѣ уже есть моментъ, способный повести къ помѣшательству. Къ сему присоединилось душевное волненіе, а именно огорченіе и внутренняя борьба, вслѣдствіе выхода замужъ не по собственному желанію, за человѣка бѣднаго, вслѣдствіе жизни въ чужой семьѣ и тоски по родинѣ, а извѣстно, что душевныя движенія, въ особенности непріятныя чувства, каковы печаль, скорбь, горе и пр. составляютъ обильный источникъ душевнаго разстройства. Противъ приведеннаго взгляда на физическое и душевное состояніе Посконовой до покушенія на преступленіе можно возразить, что ничѣмъ недоказано, чтобы въ самомъ дѣлѣ Посконова была одержима продолжительной лихорадкой, и чтобы она вышла замужъ не по собственному желанію, такъ какъ объ этомъ, кромѣ самой Посконовой, никто не упоминаетъ. Причины, по которымъ мы признаемъ за истину разсказъ Посконовой, заключаются въ томъ, что съ одной стороны вымышленіе лихорадки, еще до свадьбы своей, въ глазахъ Посконовой не можетъ имѣть никакой цѣли, а съ другой стороны, изъявляя свою нелюбовь къ мужу

и свое нежеланіе оставить родную деревню, она сама усиливаетъ подозрѣніе въ умышленности своего преступленія, указывая на побудительную причину его, которой бы не было, если бъ она увѣряла въ своей привязанности къ мужу. — Отвѣтъ на *второй вопросъ* также утвердительный. Изъ показаній какъ родственниковъ, такъ и изъ разсказа самой Посконовой, для знакомаго съ душевными болѣзнями, съ перваго взгляда видно, что Посконова короткое время послѣ свадьбы своей начала обнаруживать явленіе, весьма обыкновенное въ нѣкоторыхъ видахъ помѣшательства, явленіе нерѣдко составляющее единственную причину самыхъ поразительныхъ дѣйствій больнаго, а именно предсердечную тоску (anxietas praecordialis). Предсердечная тоска есть сильное ощущеніе особенной неопредѣленной боли, тяжести, давленія въ надчревной области, непріятное чувство стѣсненія въ груди, жгучей боли въ сердцѣ, отчего въ простонародіи и говорится, что «сердце горитъ». Предсердечная тоска влечетъ за собой сильное нравственное безпокойство, страхъ, чувство невыносимаго мученія, иногда доводящее больныхъ до отчаянія. Предсердечная тоска есть весьма важный признакъ меланхолическихъ видовъ помѣшательства и составляетъ столь характеристическое явленіе, что профессоръ Гризингеръ въ Берлинѣ, извѣстный своими учеными трудами по части психіатріи въ новѣйшее время (см. арх. суд. мед. 1865 г., кн. II, стр. 84), призналъ предсердечную тоску за основный элементъ для раздѣленія душевныхъ болѣзней, различая, какъ отдѣльный видъ помѣшательства, тѣ формы, въ которыхъ проявляется она. Одержимый предсердечною тоскою, — человѣкъ образованный старается отдать себѣ отчетъ въ своихъ болѣзненныхъ ощущеніяхъ и отыскать ихъ причины. Но не находя никакого объясненія въ своей дѣйствительной, реальной обстановкѣ, онъ начинаетъ придумывать ихъ и, наконецъ, остановившись на какой нибудь изъ нихъ, онъ придаетъ этой придуманной причинѣ своего страданія значеніе неоспоримой, не допускающей сомнѣнія истины, потому что своего реальнаго мучительнаго чувства, вызываемаго болѣзнію, онъ отрицать не можетъ. Весь этотъ умственный процессъ, выражающійся или тихимъ грустнымъ размышленіемъ (melancholia passiva) или отчаяннымъ безпокойствомъ (melancholia activa), ведетъ къ тому, что больной впадаетъ въ бредъ. Такъ напр.

породившееся на основаніи предсердечной тоски чувство страха и отчаянія онъ относитъ къ неминуемой опасности, будто бы ему угрожающей, или къ страшному преступленію, будто бы имъ совершенному и т. н. Простолюдинъ же, менѣе привыкши анализировать свои чувствованія, обыкновенно приписываетъ свою тоску постороннему вліянію, какъ напр. порчѣ, которая въ свою очередь часто приводится въ связь съ злонамѣренностію другихъ людей, и потому нерѣдко относится къ такимъ происшествіямъ, которыя могутъ вызвать зависть, какъ напр. свадьба. Испорченный нерѣдко производитъ дѣйствія, которыя по его соображенію и суевѣрію, свойственны нечистому духу, какъ напр., лаетъ по собачьи и т. п. Однако въ томъ и другомъ случаѣ предсердечная тоска, какъ бы подавляя собой всѣ умственныя соображенія и нравственныя стремленія, нерѣдко вынуждаетъ дѣйствія, пагубныя какъ для самого больнаго, такъ и для другихъ. Больные, желая избавиться отъ своего невыносимаго мученія, во что бы ни стало лишаютъ себя жизни, убиваютъ другихъ, совершаютъ поджоги иногда въ припадкѣ безсознательнаго отчаянія, иногда же побуждаемые какими нибудь темными и ложными представленіями о томъ, что совершеніемъ именно такого то проступка они достигаютъ своей цѣли, т. е. прекратятъ тоску. Примѣняя вышеизложенное къ данному случаю, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Посконова съ начала 1859 г. была одержима меланхолическимъ видомъ помѣшательства съ припадками предсердечной тоски (melancholia).

Мысль о *притворствѣ* Посконовой въ помѣшательствѣ опровергается какъ тѣмъ, что ни съ чьей стороны не изъявлено въ томъ подозрѣнія, такъ и тѣмъ, что описаніе Посконовой своихъ болѣзненныхъ припадковъ вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а чрезвычайно трудно предположить, чтобы простая крестьянка, притомъ мало развитая, могла создать своимъ воображеніемъ описаніе болѣзненнаго состоянія въ такомъ видѣ, въ какомъ оно проявляется въ самомъ дѣлѣ.—Спрашивается теперь, имѣла ли эта болѣзнь какую нибудь связь съ преступленіемъ, совершеннымъ Посконовой чрезъ годъ по появленіи первыхъ признаковъ помѣшательства?—Противъ допущенія означенной связи говорятъ съ одной стороны, показанія родственниковъ Посконовой, по которымъ послѣдняя въ январѣ мѣсяцѣ 1860 г.

возвратилась къ своему мужу совершенно здоровою; а съ другой стороны, то обстоятельство, что преступленіе было задумано Посконовой за недѣлю до совершенія и совершено по видимому, съ болѣе или менѣе отчетливымъ соображеніемъ о выборѣ средствъ и времени, и что сама Посконова созналась въ учиненномъ ею преступленіи.—То и другое возраженіе, однако, неосновательны. Что касается отзыва родственниковъ Посконовой о совершенно здоровомъ состояніи ея, то надобно принять въ соображеніе, что они могли и не замѣтить признаковъ помѣшательства, коль скоро послѣ сильныхъ припадковъ бѣснованія и отчаянія, выражающихся собачьимъ лаемъ, рваніемъ на себѣ одежды и т. п. наступилъ болѣе тихій періодъ болѣзни, тѣмъ болѣе, что въ силу предразсудковъ своихъ относительно душевныхъ болѣзней вообще, окружающіе какого нибудь больнаго, по выздоровленіи его, долго еще нѣсколько отдаляются отъ него, такъ что при отсутствіи поразительныхъ явленій, они признаютъ больнаго здоровымъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ менѣе они находились въ возможности наблюдать за нимъ. Что же касается какъ преднамѣренности и обдуманности преступленія, такъ и сознанія Посконовой въ ономъ, то нынѣ всѣми психіатрами, на основаніи многочисленныхъ опытовъ, признается за фактъ, что явное помѣшательство не исключаетъ собой ни возможности заранѣе задумать преступленіе и совершить его даже съ хитростью и съ соображеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, ни сознанія со стороны больнаго въ своей винѣ и раскаянія. За связь болѣзни съ преступленіемъ Посконовой говорятъ съ одной стороны теченіе болѣзни, съ другой самый способъ дѣйствій подсудимой.—Меланхолія, при всѣхъ условіяхъ благоразумнаго леченія, обыкновенно продолжается отъ 9 мѣсацевъ до 1, $1^1/_2$ или 2-хъ лѣтъ и болѣе. Въ тѣхъ видахъ помѣшательства, которые сопровождаются припадками предсердечной тоски, нерѣдко наблюдаются ослабленія (remissiones), во время которыхъ кромѣ грустнаго настроенія духа, всѣ болѣзненные признаки какъ бы утихаютъ, такъ что человѣкъ, неопытный по части душевныхъ болѣзней, весьма легко принимаетъ подобное состояніе за совершенно здоровое. Поэтому въ высшей степени невѣроятно, чтобы Посконова до покушенія на преступленіе выздоровѣла вполнѣ, не говоря уже о томъ, что тотъ способъ леченія, которому она подвергалась въ продолже-

нія лѣта 1859 г., не можетъ внушить большаго довѣрія къ прочности его успѣха. Съ другой стороны весьма вѣроятно, что Носконова во время какъ перваго, такъ и вторичнаго пребыванія у своего отца въ родной деревнѣ, получила болѣе или менѣе значительное облегченіе, такъ какъ тоски по родинѣ нельзя не признать за одну изъ тѣхъ причинъ, которыя поддерживали ея болѣзнь. Не менѣе важно и то обстоятельство, что по возвращеніи къ мужу въ январѣ мѣсяцѣ 1860 г., мысль, что она уже нескоро увидитъ родную деревню, свиданіе съ нелюбимымъ мужемъ и пребываніе въ чужой семьѣ могли усилить или вновь вызвать припадокъ предсердечной тоски. Наконецъ, способъ дѣйствій Посконовой, предшествовавшихъ преступленію, явно обнаруживаетъ болѣзненное волненіе, предвѣщающее что то необыкновенное. Она два раза приходитъ къ мужу, чтобы звать его къ себѣ, сперва подъ предлогомъ, что ей нужно ему что то сказать, потомъ опасаясь, что этого недостаточно для того, чтобы онъ дѣйствительно пришелъ, объявляетъ ему, что нашла деньги, совѣтуетъ ему прійти задами двора; противъ своего обыкновенія ласкается къ мужу; въ присутствіи всѣхъ семейныхъ ранѣе обыкновеннаго уходитъ, чтобы приготовить постель; приглашаетъ мужа лечь спать ранѣе обыкновеннаго и послѣ всего этого предлагаетъ ему ночью отправиться въ сарай за найденными ею деньгами; всѣ эти пріемы Посконовой явно указываютъ на то, что она затѣвала что то необычайное, что ей засѣла въ голову мысль, которая уже не давала ей покоя. Весь способъ дѣйствій Посконовой въ день преступленія отнюдь не обнаруживаетъ обдуманныхъ и приготовительныхъ мѣръ рѣшившагося на преступленіе злодѣя, но явно свидѣтельствуетъ какъ о той торопливости и поспѣшности, съ которою идетъ помѣшанный на преступленіе, такъ и о тревожномъ опасеніи, что можетъ быть, не удастся преступленіе, къ совершенію котораго онъ стремится подъ вліяніемъ болѣзненнаго побужденія, отъ котораго онъ избавиться уже не можетъ.

И такъ, принимая въ соображеніе: 1) что настоящее совершенно-здоровое состояніе Посконовой не позволяетъ вывести никакого заключенія о томъ состояніи здоровья, въ которомъ она находилаоь назадъ тому почти шесть лѣтъ; 2) что во всемъ дѣлѣ не имѣется ни одного врачебнаго отзыва о состояніи По-

сконовой до покушенія на преступленіе; 3) что Посконова уже продолжительное время до покушенія на преступленіе находилась подъ вліяніемъ какъ предрасполагающихъ, такъ и производящихъ причинъ помѣшательства; и наконецъ 4) что по всѣмъ даннымъ дѣла нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ продолженіи 1850 г. Посконова дѣйствительно была одержима разстройствомъ душевныхъ способностей подъ видомъ меланхоліи съ припадками предсердечной тоски, они, профессоръ Бекетовъ и докторъ Фрезе, сознаваясь въ невозможности высказать совершенно положительное мнѣніе, на основаніи анализа всѣхъ данныхъ дѣла и разсказа самой подсудимой, должны ограничиться тѣмъ заключеніемъ, что, по всей вѣроятности, покушеніе Посконовой на жизнь своего мужа принадлежитъ къ тѣмъ роковымъ дѣйствіямъ, которыя совершаются подъ вліяніемъ предсердечной тоски, въ состояніи меланхолическаго помѣшательства».

Медицинскій совѣтъ, соглашаясь съ изложеннымъ въ актѣ отъ 25 ноября 1865 г. мнѣніемъ профессора Бекетова и доктора Фрезе о томъ, что положительнаго заключенія о состояніи умственныхъ способностей Февроньи Посконовой во время совершенія преступленія сдѣлать нельзя, но, основываясь на анализѣ всѣхъ данныхъ дѣла и разсказа самой подсудимой, должно ограничиться тѣмъ заключеніемъ, что по всей вѣроятности покушеніе на убійство мужа совершено Посконовою подъ вліяніемъ предсердечной тоски, въ состояніи меланхолическаго помѣшательства, — счелъ нужнымъ присовокупить, что кромѣ обстоятельствъ, на которыя ссылаются въ актѣ своемъ профессоръ Бекетовъ и докторъ Фрезе, предположеніе о ненормальномъ болѣзненномъ состояніи Посконовой подтверждается тѣмъ, что она страдала гистеріею, доказательствомъ чему служатъ оказавшіяся у ней съуженіе маточнаго влагалища, и отдѣленіе изъ него сливкообразной жидкости, неправильность появленія мѣсячныхъ очищеній (чрезъ два мѣсяца), боли въ поясницѣ послѣ работы, и наконецъ то, что у Посконовой усилилась тоска въ то время, когда она жила съ мужемъ и, какъ должно предполагать, имѣла съ нимъ совокупленіе.

О крестьянкѣ Пелагеѣ Никитиной, покусившейся на отравленіе мужа.

15 мая 1863 г. сотскій сельца Карнаухова (шацкаго уѣзда, тамбовской губерніи) донесъ мѣстному становому приставу, что 12 числа того же мѣсяца крестьянка означеннаго сельца, Пелагея Никитина, по ошибкѣ или съ намѣреніемъ дала мужу своему крестьянину Леонтію Ефремову и брату его Арефію ядъ въ хлѣбной лепешкѣ, но какъ мужъ Пелагеи, такъ и братъ его остались живы. Присемъ сотскій представилъ кусокъ означенной лепешки *).

На данные 29 мая 1863 года судебнымъ слѣдователемъ вопросы *Пелагея Никитина* **) показала, что до выхода за мужъ она не любила никого и ни съ кѣмъ не была въ связи, а за недѣлю до праздника Покрова (1862 г.) вышла за мужъ за Леонтія Ефремова, по собственному желанію, къ этому ее никто не уговаривалъ и не принуждалъ; когда за нее сватался Леонтій, то въ это время были и другіе женихи, но она пожелала за Леонтія. Все время она жила съ мужемъ согласно и дружно, и онъ ее никогда не бранилъ, равно и съ семействомъ его у ней никогда не было никакихъ непріятностей.—На вопросъ слѣдователя: что заставило ее рѣшиться отравить мужа и деверя, и гдѣ она взяла лепешку съ ядомъ? Пелагея отвѣчала, что хотя ей и трудно разсказать, какъ все это было, но чтобы очистить свою совѣсть, она будетъ разсказывать чистосердечно все какъ было и какимъ образомъ она дошла до рѣшимости отравить мужа. Сейчасъ же послѣ свадьбы, ихъ обокрали, причемъ и у ней было украдено почти все ея приданое; сначала она испугалась, а потомъ все время ей было страшно и жаль своего добра, и на нее напала какая то тоска, такъ что она не находила мѣста и часто плакала; доходило до того, что она готова была наложить

---

*) По произведенному тамбовскою управою химическому изслѣдованію въ представленномъ сотскимъ кускѣ лепешки оказался мышьякъ.

**) Точныхъ свѣдѣній о лѣтахъ Пелагеи Никитиной ни въ метрическихъ книгахъ, ни въ ревизскихъ сказкахъ не оказалось; по произведенному же вслѣдствіе сего въ присутствіи уѣзднаго суда 4 декабря 1863 г. освидѣтельствованію признано, что ей, по видимому, около 20 лѣтъ.

на себя руки; въ такомъ то состояніи ей пришла въ голову мысль извести мужа посредствомъ яда; какимъ образомъ запала ей въ голову эта мысль, она рѣшительно не можетъ себѣ объяснить; знаетъ только, что какъ она ни старалась отогнать отъ себя эту мысль, она не покидала ее, а съ каждымъ днемъ усиливалась; она старалась не думать объ этомъ, старалась ласкаться къ мужу, молилась Богу, чтобы онъ отогналъ отъ нея эту мысль, но видно не умѣла молиться Богу,—страшная мысль не покидала ее. Днемъ еще ничего, а настанетъ бывало ночь, то ей какъ будто явно слышится, что въ ухо кто то шепчетъ: «отрави мужа». На второй недѣлѣ великаго поста она была на базарѣ въ городѣ Шацкѣ и у какого то лавочника на новомъ базарѣ, фамилію котораго не знаетъ, но можетъ указать лавку и его самого узнать,—купила мышьяку, не помнитъ на сколько, и, возвратясь домой, спрятала его; но еще долго боролась съ страшною мыслію, ей все еще страшно было приступить къ исполненію страшнаго дѣла. Наконецъ на ѳоминой недѣлѣ въ четвергъ она отправилась въ гости къ своей матери въ с. Шарапово и взяла съ собою мышьякъ; въ Шараповѣ она пробыла двѣ недѣли и когда хотѣла возвращаться домой, то мать ея приготовила тѣсто на молокѣ, чтобы испечь пышекъ, которыя хотѣла послать домашнимъ ея, Пелагеи; когда три пышки были совершенно готовы, чтобы ихъ сажать въ печь, то мать ея куда то вышла, а она, взявъ одну изъ пышекъ, которая была поменьше, всыпала въ тѣсто истолченный мышьякъ и сдѣлала пышку, которую положила на тоже мѣсто, гдѣ она лежала прежде, такъ что мать не замѣтила ничего и посадила пышки въ печь. Когда она, Пелагея, уходила домой, то мать отдала ей всѣ три пышки; придя домой, она, Пелагея, двѣ пышки отдала свекрови, третью же, съ мышьякомъ, спрятала въ коробъ свекрови. Наканунѣ вознесенья мужъ ея возвратился домой, и какъ она знала, что онъ въ воскресенье долженъ былъ идти опять на работу, то и рѣшилась отдать пышку тогда, когда онъ будетъ уходить,—такъ она и сдѣлала. Не знаетъ, гдѣ мужъ и деверь съѣли пышку и въ какое именно время; они возвратились на другой день, потому что съ понедѣльника на вторникъ она ночевала не дома, а въ лѣсу около коровъ, а возвратясь во вторникъ поутру, застала мужа и деверя больными. Догадавшись въ чемъ дѣло, она страш-

но испугалась и тутъ же созналась, что пышка была съ мышьякомъ. Мужа она хотѣла извести отъ тоски,—по глупости; она слышала, что мышьякомъ таракановъ морятъ и что если такого таракана съѣстъ человѣкъ, то и человѣкъ умретъ, а потому она и спросила въ лавкѣ мышьяку, а также какъ его пить, и продававшій ей объяснилъ, что можно его пить съ водою, съ квасомъ и съ брагой даже *). Сначала она хотѣла его сама пить, а потомъ уже рѣшилась отравить мужа. До выхода замужъ она была всегда здорова, но послѣ замужества, а особенно послѣ случившейся у ней покражи, она чувствуетъ какую то тяжесть въ груди и боль подъ ложечкой.

Мать Пелагеи Никитиной, *Аграфена Спиридонова*, показала, что отъ Пелагеи она не слышала ничего худаго объ мужѣ и семействѣ его. Ни на какую болѣзнь она никогда не жаловалась, а все тосковала о добрѣ, которое у ней украли; послѣ этой покражи у Пелагеи остановились мѣсячныя очищенія; она, Аграфена, думала, что Пелагея беременна, но когда ее взяли въ становую квартиру, то мѣсячныя очищенія у ней открылись.

Мужъ Пелагеи, *Леонтій Ефремовъ*, отозвался, что съ женою онъ все время жилъ совершенно согласно и не замѣчалъ за ней ничего дурнаго; только послѣ того какъ ихъ обокрали, жена тосковала и плакала. Что побудило жену рѣшиться отравить его, онъ рѣшительно не знаетъ, потому что она всегда была смирная и не было замѣчено, чтобы была съ кѣмъ нибудь въ связи. Показаніе свое Леонтій Ефремовъ заключилъ тѣмъ, что онъ отъ души желаетъ, чтобы ему возвратили жену.

Свекоръ Пелагеи, *Ефремъ Спиридоновъ*, показалъ, что когда онъ увидѣлъ сыновей своихъ опасно больными, то такъ испугался, что не помнитъ, что говорила тогда невѣстка Пелагея; знаетъ только, что когда пришелъ сотскій, чтобы взять ее, то она упала на колѣни и просила простить ее, и онъ, Ефремъ, простилъ ее, и какъ тогда, такъ и теперь прощаетъ, потому что думаетъ, что она дѣлала это не въ своемъ умѣ и была всегда

---

*) Хотя впослѣдствіи Пелагея Никитина, по требованію судебнаго слѣдователя, и указала лавку, изъ которой она купила мышьякъ, но въ ней по обыскѣ мышьяку не оказалось и сидѣвшій въ этой лавкѣ купецъ не былъ признанъ Никитиною за того, который продалъ ей мышьякъ.

женщиною хорошею. Въ заключеніе Еремъ Спиридоновъ просилъ, чтобы отдать ему, если возможно, Пелагею на поруки.

Дядя и тетка Пелагеи Никитиной отозвались, что до выхода замужъ, Пелагея вела себя, какъ они доподлинно знаютъ, честно и скромно, и никакихъ за ней дурныхъ дѣлъ,—они увѣрены—во всемъ ихъ селѣ никто не замѣчалъ; однимъ словомъ, она была примѣрная дѣвушка; любовныхъ связей какъ до замужества, такъ и послѣ она ни съ кѣмъ не имѣла. За нее сватались нѣсколько жениховъ, живущихъ и въ ихъ селѣ и въ другихъ, но она всѣмъ предпочла Леонтія Еремова, за котораго вышла по своей доброй волѣ, а не по чьему либо принужденію, и послѣ выхода за Леонтія, когда приходила къ матери, всегда говорила о немъ хорошо, изъ чего они заключали, что она его любитъ. Только въ послѣднее время она замѣтно стала скучать, съ тѣхъ поръ, какъ ее обокрали до послѣдней рубашки. Въ это время она была у своей матери, и какъ сказали ей про ея несчастіе, то она такъ была сражена этимъ извѣстіемъ, что упала въ обморокъ; вскорѣ за этимъ умеръ ея отецъ,—это еще подспорило ея горю, и она замѣтно стала скучать, да скучать, такъ что и на себя стала непохожа, и часто жаловалась на боль въ груди и въ головѣ; говорила, что грудь у ней болитъ отъ вздоховъ.

На повальномъ обыскѣ жители сельца Карнаукова и села Шаранова вполнѣ одобрили поведеніе Пелагеи Никитиной.

Усматривая изъ произведеннаго слѣдствія, что Пелагея Никитина, сознаваясь въ намѣреніи отравить мужа, объяснила, что причиною этого была тоска, которая появилась у ней съ тѣхъ поръ, какъ ее обокрали, что́ случилось черезъ недѣлю по выходѣ замужъ; послѣ покражи, вслѣдствіе нравственнаго потрясенія, остановились у ней мѣсячныя очищенія, она чувствовала и жаловалась на головную боль, и боль подъ ложечкою, и что при самомъ тщательномъ разслѣдованіи не открыто, чтобы она, Пелагея Никитина, имѣла съ кѣмъ нибудь любовную связь, которая бы могла подвинуть ее на такой поступокъ, и потому легко можно предположить, что Пелагея Никитина рѣшилась отравить мужа вслѣдствіе умственнаго разстройства, которое могло явиться вслѣдствіе огорченія и остановки мѣсячнаго очищенія,—судебный слѣдователь сообщилъ объ этомъ случаѣ тамбовской врачебной управѣ съ просьбою: подвергнуть оный обсужденію и

рѣшить, можетъ ли остановка мѣсячныхъ очищеній имѣть вліяніе на отправленіе умственныхъ способностей и даже на временное помѣшательство?

На такое сообщеніе судебнаго слѣдователя, тамбовская врачебная управа (отношеніемъ отъ 22 августа 1863 г.) отозвалась что если бы остановка мѣсячныхъ очищеній производила умопомѣшательство, то половина женщинъ должна-бы быть помѣшанными, а какъ этого факта не замѣчено, то управа не допускаетъ такого вліянія остановки кровей на организмъ. «У Пелагеи Никитиной такое было помѣшательство, что она обдумала гдѣ купить ядъ, придумала въ чемъ его дать, а такіе поступки указываютъ скорѣе на умъ Пелагеи Никитиной, а не на безуміе».

Тамбовская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что Пелагея Никитина, виновная по собственному сознанію въ намѣреніи отравить мышьякомъ мужа своего, подлежала бы лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на заводахъ безъ срока. Принимая же во вниманіе, что она намѣрена была отравить ядомъ мужа своего единственно по легкомыслію, глупости и крайнему невѣжеству, наказаніе это должно быть уменьшено тремя степенями и притомъ по уваженію добровольнаго ея сознанія положено въ низшей мѣрѣ. А потому палата опредѣлила: Пелагею Никитину, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ.

Начальникъ тамбовской губерніи, сообразивъ вышеизложенное рѣшеніе уголовной палаты съ обстоятельствами дѣла и законами, нашелъ, что отъ покушенія крестьянки Пелагеи Никитиной на отравленіе мужа, если бы оно было доказано, важныхъ послѣдствій не произошло и она въ своемъ поступкѣ чистосердечно раскаялась, а мужъ ея, Леонтій Ефремовъ, не только не желаетъ ее преслѣдовать за упомянутый поступокъ, но даже въ показаніи своемъ изъявляетъ желаніе, чтобы она была ему возвращена, какъ любимая его жена. Кромѣ того Никитина побудительною причиною проступка своего выказываетъ болѣзненное состояніе, случившееся съ нею, когда выкрадено было приданое ея, и это болѣзненное состояніе подтверждено свекромъ и другими семейными. При такихъ обстоятельствахъ, и принимая во вниманіе молодость подсудимой, подвергать ее

столь строгой отвѣтственности, какъ опредѣляетъ уголовная палата, было бы излишнимъ, тѣмъ болѣе, что при слѣдствіи не обнаружено никакихъ доказательствъ на то, что дѣйствительно отравленная пышка была дана Леонтію Спиридонову женою его, а собственное признаніе подсудимой, по силѣ 317 ст. XV т. II. кн., тогда только считается доказательствомъ совершеннымъ, когда оно подтверждается другими обстоятельствами дѣла; въ настоящемъ же случаѣ, кромѣ признанія Никитиной, другихъ фактовъ къ обвиненію ея въ упомянутомъ преступленіи нѣтъ; но и это доказательство ослабляется отзывомъ мужа и семейныхъ Никитиной и безвредностію послѣдствій самаго дѣянія. По симъ соображеніямъ и руководствуясь 304, 310, 311 и 313 ст. XV т. II. кн., начальникъ губерніи, съ своей стороны, полагая при недостаточности уликъ крестьянку Никитину оставить только въ подозрѣніи по намѣренію отравить мужа и отдать ее на поруки одобрившимъ ее поведеніе людямъ,—представилъ дѣло это на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ нашелъ, что отсутствіе поводовъ къ совершенію крестьянкою Пелагеей Никитиной отравленія своего мужа, безукоризненное поведеніе ея до сего происшествія, претерпѣнныя ею предъ симъ огорченія по случаю смерти отца и покражи всего ея имущества, и въ особенности сходство бывшихъ у ней, по собственному ея показанію, припадковъ (ложныя ощущенія) съ оказывающимися обыкновенно у лицъ, страдающихъ разстройствомъ умственныхъ способностей,—даютъ поводъ предполагать, съ нѣкоторою вѣроятностію, что отравленіе мужа совершено Никитиною въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства, но для утвержденія этого предположенія съ положительностію въ дѣлѣ не имѣется достаточныхъ данныхъ.

Убійство крестьяниномъ Матвѣемъ Бабановымъ своей матери.

(Временное умоизступленіе отъ спиртныхъ напитковъ).

20 августа 1860 года староста села Мазы (макарьевскаго уѣзда, нижегородской губерніи), представивъ въ мѣстный зем-

[illegible]го села Матвѣя Бабанова, до-
[illegible] утромъ 20 числа убилъ топоромъ
[illegible] Трофимову.

[illegible] же числа въ присутствіи земскаго суда во-
[illegible] ничего не отвѣчалъ, но только прокаш-
[illegible] ворочая во рту языкомъ.—Вслѣдствіе
[illegible] былъ въ присутствіе суда макарьевскій горо-
[illegible] врачъ Косолаповъ для освидѣтельствованія Бабанова; по-
[illegible]ихъ вопросовъ, Бабановъ, на вопросъ уѣзднаго стряпча-
[illegible] онъ убилъ свою мать? отвѣтилъ: «что тебѣ за дѣ-
[illegible] и затѣмъ началъ прокашливаться, ворочать языкомъ во
рту и на всѣ вопросы членовъ совершенно ничего не отвѣчалъ;
причемъ, какъ сказано въ составленномъ протоколѣ, по глазамъ
Бабанова не было замѣчено помѣшательства въ разсудкѣ. Городовой врачъ предложилъ отправить Бабанова въ тюремную больницу для наблюденія и точнаго узнанія: дѣйствительно ли онъ имѣетъ поврежденіе умственныхъ способностей, а потому и было постановлено исполнить предложеніе городоваго врача.

21 августа 1860 года макарьевскій городовой врачъ Косолаповъ, явясь въ присутствіе земскаго суда, объявилъ, что крестьянинъ Матвѣй Бабановъ съ самаго прихода въ тюремную больницу сталъ говорить, но старался на всѣ вопросы объ убійствѣ матери уклониться отъ разъясненія этого предмета, толкуя [illegible] о другихъ обстоятельствахъ, а потому онъ, Косолаповъ, полагаетъ, что для полученія свѣдѣній о настоящемъ происшествіи необходимо сдѣлать Бабанову краткій распросъ.

Вслѣдствіе сего Матвѣй Бабановъ былъ въ тотъ же день вы-
[illegible] въ присутствіе суда, гдѣ и показалъ, что отъ роду онъ
[illegible] грамоты не знаетъ, вѣры православной, на испо-
[illegible] ежегодно бываетъ, рожденъ отъ кре-
[illegible] Карпова и матери Анны Трофимо-
[illegible] въ томъ же селѣ, при крещеніи воспріемниками
[illegible] села [illegible] Петръ Даниловъ и крестьянка
[illegible] родную мать свою—рѣшитель-
[illegible] — На дальнѣйшіе затѣмъ вопросы, Ба-
[illegible] что можетъ быть дня чрезъ два и разскажетъ,
[illegible] такъ какъ въ настоящее время
[illegible] кружение, которое, какъ онъ полагаетъ,

могло произойти отъ излишняго употребленія горячихъ напитковъ въ продолженіи недѣли; при жизни мать била его чѣмъ ни попало, собственно за пьянство, но 20 августа она его не била.

По произведенному 21 августа временнымъ отдѣленіемъ макарьевскаго земскаго суда осмотру оказалось, что трупъ крестьянки Анны Трофимовой лежалъ поперегъ двора сына ея Матвѣя Бабанова, покрытый рогожею,—головою къ крыльцу, ногами къ сосѣднему забору,—на правомъ боку; руки протянуты впередъ, пальцы ихъ согнуты въ кулаки, ноги протянуты; Анна Трофимова была простоволосая—темнорусая, волосы ея заплетены въ двѣ косы, платокъ съ головы спалъ, висѣлъ на шеѣ и былъ замаранъ кровью, лицо тоже замарано кровью; глаза темносиніе и закрыты запухшими вѣками; одѣта въ синій крашенинный сарафанъ и бѣдую холстинную рубаху, плечи сарафана и рубахи были сильно замараны засохшею кровью. За спиной Анны Трофимовой лежалъ топоръ съ окровавленнымъ лезвіемъ и топорищемъ, и серпъ, согнутый въ концѣ назадъ.—По осмотру дома крестьянина Бабанова, въ избѣ и сѣняхъ кровавыхъ знаковъ не оказалось; на крыльцѣ, устроенномъ близь сѣней,—на полу видно было много свѣжей, сгустившейся крови, которая протекала сквозь щели пола и канала въ корыто, стоявшее подъ крыльцомъ, гдѣ лежалъ мѣшокъ съ кусками пшеничнаго пирога и яблоками, и на ведро, стоящее подъ крыльцомъ рядомъ съ корытомъ. Перилы крыльца были забрызганы кровью; на ступеняхъ лѣстницы, особенно на 3-й и 4-й, замѣтны кровавыя пятна.

Произведеннымъ макарьевскимъ уѣзднымъ врачемъ Левитскимъ судебно-врачебнымъ осмотромъ обнаружено, что на тѣлѣ Анны Трофимовой были слѣдующія поврежденія: на лицѣ съ лѣвой стороны было множество маленькихъ темносинихъ пятенъ, слѣды колотыхъ ранočекъ съ подкожнымъ кровоизліяніемъ, именно: на подбородкѣ 18, на щекѣ 13, на переносьѣ 5, на верхнемъ вѣкѣ лѣваго глаза 4, на верхней и нижней губахъ по 3, верхняя и нижняя десны помяты до того, что передніе зубы (dentes incisivi) на верхней и нижней челюсти выпали изъ своихъ ячеекъ и держались на мягкихъ частяхъ десенъ; на верхушкѣ языка и около уздечки онаго (frenulum linguae) видны были колотыя раночки. На макушкѣ головы съ лѣвой стороны двѣ порубленныя, параллельныя, между собою разстояні-

емъ на одинъ поперечный палецъ, величиною около $2^1/_2$ вершковъ, продольныя и глубокія раны съ развереьтыми краями, проломомъ темянной кости, гдѣ видѣлся самый мозгъ. На шеѣ, спереди и болѣе съ лѣвой стороны, двѣ большія смежныя между собою поперечныя раны, съ совершеннымъ раздѣленіемъ всѣхъ мягкихъ и твердыхъ частей, такъ что голова держалась только на общихъ покровахъ задней и правой стороны шеи; кромѣ сего, подъ нижнею челюстію съ правой стороны, видна косвенная царапина кожи, длиною въ 2 вершка; а съ лѣвой стороны темно-синія пятна (колотыя раны); на животѣ, надъ лѣвымъ пахомъ, царапина кожи, въ косвенномъ направленіи снаружи внутрь нанесенная, длиною около 2-хъ вершковъ; на лѣвомъ плечѣ 3 царапины кожи въ косвенныхъ направленіяхъ; на лѣвой рукѣ, снаружи выше локтя, 1 царапина кожи косвенная; на самомъ локтѣ 3 царапины кожи поперечныхъ, и ниже локтя 2 царапины кожи глубокихъ, величиною около вершка каждая; на предплечіи правой руки, на внутренней ея поверхности, темно-синее пятно, кругловатое, какъ бы прикушенное зубами. Колотыя раны, по видимому, нанесены, какъ сказано въ актѣ осмотра, серпомъ, а раны на головѣ и шеѣ—топоромъ, которые оказались окровавленными. При внутреннемъ осмотрѣ: по снятіи съ головы волосъ и взрѣзѣ кожи, соотвѣтственно наружнымъ головнымъ ранамъ, съ лѣвой стороны, оказались въ надчерепной кожѣ 2 раны, пропитанныя излившеюся кровію; на темянной лѣвой кости двѣ раны, съ вдавленіемъ въ черепъ двухъ небольшихъ осколковъ оной; другія черепныя кости были цѣлы; на твердой мозговой оболочкѣ и на мягкой и паутинной оболочкахъ, равно какъ и въ лѣвомъ полушаріи мозга,—двѣ раны глубиною около вершка. Существо мозга мягкое, блѣдное, малокровное; въ переднихъ желудочкахъ мозговыхъ немного сыворотки, остальныя части мозга, мозжечекъ и продолговатый мозгъ въ обыкновенномъ состояніи.—Сосуды шеи, гортань, дыхательное горло, глотка и начало пищепріемника—перерѣзаны совершенно поперегъ и облиты кровью.—Въ грудной полости: внутренности найдены были въ нормальномъ состояніи, легкія темно-синія, малокровныя и эмфизематозныя; около-сердечная сумка съ небольшимъ изліяніемъ сыворотки, сердце вялое и почти пустое.—Органы брюшной полости ничего особеннаго не представляли. Тѣла 4-го и

5-го шейныхъ позвонковъ были перерублены поперегъ съ раздѣленіемъ позвоночнаго мозга въ двухъ мѣстахъ, соотвѣтственно наружнымъ ранамъ; остистые отростки шейныхъ позвонковъ были также перерублены.—Изъ вышеизложеннаго врачъ Левитскій заключилъ, что смерть крестьянки Анны Трофимовой могла послѣдовать отъ ранъ, нанесенныхъ ей по головѣ и шеѣ съ поврежденіемъ органовъ, служащихъ для дыханія и кровообращенія *).

21 августа 1860 года, на опросъ временнаго отдѣленія, *Матвѣй Бабановъ* показалъ, что 19 августа утромъ онъ былъ на Волгѣ противъ села Мазы, куда ѣздилъ за огурцами съ своею дочерью Екатериною; купивъ вмѣсто огурцовъ яблокъ, онъ отправилъ ихъ домой съ своею дочерью, а самъ пошелъ въ курень, гдѣ и ночевалъ. Въ куренѣ хотя и было много народа, но кто именно, онъ не упомнитъ. Утромъ 20 числа онъ пришелъ домой, гдѣ были его жена и дочь; матери же въ то время онъ не видалъ. Засимъ жена его уходила въ поле, а онъ ходилъ на гумно и, возвратившись оттуда, рубилъ на улицѣ противъ своего дома дрова; во все это время какъ на улицѣ, такъ и въ домѣ онъ матери не видалъ; за что онъ взятъ и привезенъ въ земскій судъ—онъ не знаетъ; кто нанесъ раны матери его, ему неизвѣстно; самъ онъ не только не наносилъ матери топоромъ или серпомъ ранъ, но ее въ тотъ день даже и не видалъ.

Староста села Мазы, крестьянинъ Ефимъ Красиковъ, показалъ, что 20-го августа, около полудня, услышалъ онъ отъ малолѣтней дѣвочки Анны Абрамовой, что Бабановъ убилъ у себя на дворѣ мать свою. Придя тотчасъ же въ домъ Бабанова, онъ, Красиковъ, нашелъ, что мать Бабанова была уже мертвою, а самъ Бабановъ стоялъ противъ своего двора на улицѣ у телеги. Засимъ Бабановъ былъ связанъ имъ, Красиковымъ съ помощью рядоваго Михайла Соколова и представленъ въ судъ съ крестьянами Михаиломъ Фроловымъ, Васильемъ Красиковымъ и Михаиломъ Рыбаковымъ.

Крестьянская дѣвочка Анна Абрамова отозвалась, что 20 августа, услышавши крикъ на дворѣ крестьянина Бабанова, она за-

---

*) Нижегородская врачебная управа нашла мнѣніе врача Левитскаго правильнымъ.

ревѣла и хотѣла бѣжать, но къ ней подошли какія-то женщины, которыя, узнавъ отъ нея, что Бабановъ *бьетъ мать* свою, послали ее къ старостѣ; сама же *она, Абрамова*, не видѣла, какъ Бабановъ убилъ свою мать.

Крестьянки: Авдотья *Шарова* и Аксинья Арефьева отозвались, что 20 августа утромъ, *возвращаясь* съ Волги и подойдя къ дому Бабанова, онѣ *увидѣли* ревущую дѣвочку Абрамову, которая на спросъ ихъ *сказала*, что Бабановъ бьетъ мать свою; подойдя къ воротамъ *дома* Бабанова, которыя въ то время были отворены, онѣ *увидѣли*, что Бабановъ стоитъ на крыльцѣ съ топоромъ въ рукахъ, а мать его лежитъ наономъ,—въ крови, почему онѣ и закричали караулъ; услышавши это, Бабановъ бросился къ нимъ съ топоромъ; испугавшись, онѣ убѣжали и болѣе ничего не видѣли.

Рядовой Михаилъ Соколовъ показалъ, что 20 августа, находясь въ огородѣ, онъ услышалъ крикъ «караулъ;» подбѣжавъ къ воротамъ дома Бабанова, которыя были отворены, увидѣлъ Бабанова на крыльцѣ сидящимъ на матери своей, лежавшей на томъ крыльцѣ въ крови, а потому и сказалъ Бабанову «что ты дѣлаешь»? Отвѣтивъ на это: «не твоего ума дѣло», Бабановъ побѣжалъ къ нему, Соколову, съ топоромъ въ рукахъ; увидѣвши это, онъ, Соколовъ, и бывшія у воротъ женщины закричали; послѣ чего Бабановъ воротился на дворъ; оставя у двора женщинъ, онъ, Соколовъ, побѣжалъ за старостой, котораго и встрѣтилъ на улицѣ, а потомъ помогъ ему связать Бабанова. Къ сему Соколовъ добавилъ, что былъ ли Бабановъ въ то время лишенъ здраваго разсудка или пьянъ, того онъ, Соколовъ, не замѣчалъ.

Крестьяне: Михаилъ Фроловъ, Василій Красиковъ и Михаилъ [illegible] показали, что 20 августа утромъ, по наряду старосты, они препровождали въ г. Макарьевъ крестьянина Матвѣя Бабанова. Во время пути, а равно и при взятіи въ селѣ Мазы, они не замѣчали въ Бабановѣ признаковъ сумасшествія, а равно и того, чтобы онъ былъ пьянъ. Какъ Бабановъ совершилъ преступленіе, и что его къ сему побудило, они не знаютъ; Бабановъ, а равно и мать его, никакимъ припадкамъ подвержены не были, характера [illegible] ссоръ и вражды между ними не было; только когда Бабановъ напивался, то мать бранила его за это, впрочемъ онъ

былъ ей послушенъ. Къ сему показатели добавили, что во время пути въ Макарьевъ, Бабановъ читалъ различныя молитвы вслухъ.

Жена Матвѣя Бабанова показала, что 20 августа въ домѣ ихъ оставалась только мать Матвѣя; когда мужъ пришелъ домой и какъ совершилось преступленіе надъ его матерью, она не знаетъ; вражды между Матвѣемъ и матерью его она не замѣчала; никакимъ припадкамъ они подвержены не были и обѣ были смирные, только Матвѣй испивалъ иногда. (Согласно съ показаніемъ жены Матвѣя Бабанова показала дочь его Екатерина).

На повальномъ обыскѣ крестьяне села Мазы (въ числѣ 19 человѣкъ) отозвались, что Матвѣй Бабановъ поведенія хорошаго *) и человѣкъ смирный, только частенько занимался хмѣльными напитками, иногда въ довольномъ количествѣ, за что мать его почти всегда бранила, а иногда и била, онъ же къ ней былъ послушливъ и покоренъ.—Мать Бабанова была также характера кроткаго, вздору и вражды или какой либо ссоры ни съ кѣмъ не имѣла и жила со всѣми дружелюбно. Чтобы Бабановъ былъ когда либо въ нездравомъ разсудкѣ, того они не замѣчали и о томъ ни отъ кого не слыхали; что побудило его совершить преступленіе, они не знаютъ и никакой причины предположить не могутъ.

Утромъ 22 августа крестьянинъ Матвѣй Бабановъ, присутствовавшій при приведеніи свидѣтелей къ присягѣ, по окончаніи оной объявилъ, что желаетъ раскрыть истину настоящаго происшествія, и засимъ показалъ: что 20 августа утромъ, возвращаясь изъ г. Макарьева въ домъ свой съ котомкой, въ которой былъ пирогъ съ яблоками, онъ, какъ припоминаетъ, встрѣтилъ на крыльцѣ мать свою и, взявши съ полки, имѣющейся на крыльцѣ, серпъ, началъ колоть имъ мать, сваливъ ее на крыльцѣ, и поранилъ ее топоромъ, а потомъ сбросилъ мать съ крыльца на дворъ. Все это сдѣлано имъ въ горячности, за что именно убилъ—онъ не упомнитъ; гдѣ взялъ топоръ—не знаетъ; ругала ли его за что либо мать, не помнитъ, только дѣйствительно онъ, какъ твердо помнитъ, кололъ ее серпомъ и рубилъ топоромъ; говорилъ ли же онъ рядовому Соколову, «не твоего ума дѣло,»—хорошо

*) Бабановъ, какъ видно изъ дѣла, по выбору общества состоялъ добросовѣстнымъ села Мазы.

не припомнитъ.—Въ три часа пополудни, 22 марта, Матвѣй Бабановъ, въ дополненіе къ данному утромъ того числа показанію, объяснилъ, что 19 августа онъ пошелъ въ село Лысково къ помощнику окружнаго начальника съ жалобою на неправильный дѣлежъ земли; но отложивши это намѣреніе, ночевалъ въ городѣ Макарьевѣ въ домѣ отставнаго солдата Ивана Онуфріева, у коего, а равно гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, вина не пилъ; отъ Онуфріева онъ пришелъ обратно домой, въ которомъ ни жены его Аграфены Григорьевой, ни дѣтей не было, они были на работѣ въ полѣ.—Засимъ Бабановъ плача и кланяясь въ ноги членамъ временнаго отдѣленія, сказалъ: «батюшки, нельзя ли меня года на три въ монастырь; какъ я привезенъ въ судъ, что въ немъ дѣлалъ, и какъ отведенъ въ острогъ, совершенно не помню; убитая мною мать была характера вздорнаго и всегда ссорилась; причина убійства мною матери, какъ нынѣ припоминаю, была та, что я въ ней подозрѣвалъ существованіе нечистаго духа по ея большой злобѣ, а 20 числа августа, при встрѣчѣ со мной, она показалась мнѣ какимъ то злымъ чудовищемъ отчего, пришедши въ сумасшествіе, умертвилъ ее.»

Проживающій въ г. Макарьевѣ отставной рядовой Иванъ Онуфріевъ и жена его Татьяна отозвались, что Матвѣй Бабановъ дѣйствительно ночевалъ у нихъ съ 19 на 20 число августа, и пришелъ для ночлега тогда, когда стало уже смеркаться; чтобы онъ былъ въ пьяномъ видѣ, того они не замѣтили; у нихъ вина онъ вовсе не пилъ; былъ ли Бабановъ съ большаго перепоя, тоже не замѣтили; Бабановъ не произносилъ у нихъ словъ, клонящихся къ тому, что онъ имѣетъ въ чемъ либо на мать свою неудовольствіе; дѣйствій, означающихъ помѣшательство здраваго разсудка, у Бабанова не было; поутру 20 числа, помолившись Богу, Бабановъ отъ нихъ ушелъ, сказавъ, что пойдетъ на пристань.

Въ составленномъ 15 сентября 1860 года свидѣтельствѣ, макарьевскій городовой врачъ Косолаповъ изложилъ, что при освидѣтельствованіи Бабанова 21 августа, въ присутствіи земскаго суда (при первомъ допросѣ), оказалось, что Бабановъ, на сдѣланные ему въ судѣ вопросы ничего не отвѣчалъ отъ душевнаго сотрясенія (испуга), сопровождавшагося подергиваніемъ мышцъ лица и груди, неправильнымъ жилобіеніемъ, холоднымъ потомъ и изступленіемъ (extasis); находясь затѣмъ на испытаніи въ боль-

ницъ тюремнаго замка въ теченіи трехъ недѣль, Бабановъ не обнаруживалъ видимыхъ патологическихъ явленій, сопровождающихъ разстройство мыслительныхъ способностей. Тѣлосложенія Бабановъ плотнаго и крѣпкаго, повидимому 34 лѣтъ отъ роду, ростомъ 2 арш. 13 вершк.; уродства и болѣзненнаго измѣненія въ тѣлѣ не имѣетъ. Основываясь на фактѣ моментальнаго проявленія побужденія къ убійству безъ всякой разумной цѣли и допуская виновность поступка за моментъ приступа маніи и частнаго разстройства соображенія и самосознанія, при хорошемъ состояніи всѣхъ органическихъ отправленій *), — врачъ Косолаповъ полагаетъ, что въ данномъ случаѣ неясное проявленіе этого разстройства можетъ быть признано за настоящее не прежде, какъ по выдержаніи убійцы опредѣленнаго времени на испытаніи въ состояніи здоровья.

28-го сентября 1860 г. Матвѣй Бабановъ, въ присутствіи макарьевскаго земскаго суда показалъ, что убійство матери своей онъ принимаетъ на себя, но это преступленіе совершено имъ въ припадкѣ безпамятства, послѣдовавшаго, какъ онъ полагаетъ, отъ большаго перепоя горячихъ напитковъ, которые онъ употреблялъ, дней за пять до того, съ недѣлю; подобный припадокъ съ нимъ и прежде былъ, именно—осенью 1859 г. въ день покрова по окончаніи въ церкви службы, онъ, какъ узналъ объ этомъ послѣ, бѣгалъ по селу, крича непристойныя слова, и подбѣжавъ къ церкви, долго молился на колѣняхъ, а потомъ выбилъ у себя въ домѣ окошки; удивляясь этому, мальчики бѣгали за нимъ, кидая въ голову его камни; на другой день, или на третій послѣ того, пономарь ихъ села приносилъ къ нему икону казанской Божіей Матери и какую то книгу для отчитыванія; пономаря онъ связанный ударилъ; послѣ пономаря приходилъ къ нему священникъ для наставленія и читалъ Евангеліе; придя нѣсколько въ память, онъ просилъ священника причастить его, но священникъ посовѣтовалъ немного погодить.

При произведенномъ, по распоряженію макарьевскаго земскаго суда дослѣдованіи, жена Матвѣя Бабанова, Аграфена, показала: что въ 1859 г. въ день Покрова мужъ ея, придя отъ обѣдни и пообѣдавъ, началъ молиться, твердя безпрестанно «Господи по-

*) Обращаемъ вниманіе читателей на витіеватую безграмотность этихъ словъ. *Прим. изд.*

милуй,» и потомъ, вышедши изъ дому, бѣгалъ около церкви. По возвращеніи же въ домъ, выбилъ стекла въ окнахъ, былъ въ нездравомъ разсудкѣ, почему приведенными людьми и былъ связанъ. Засимъ былъ приглашенъ пономарь Константинъ Любомировъ съ образомъ казанской Божіей Матери и читалъ Ей канонъ; пономарь былъ призванъ для изцѣленія мужа отъ случившейся болѣзни, такъ какъ у него старинная икона, къ коей многіе прибѣгаютъ и его приглашаютъ при различныхъ болѣзняхъ. Кромѣ того, къ мужу приглашенъ былъ священникъ для причащенія его; священникъ отказалъ въ этомъ, сказавъ, что лучше погодить, впрочемъ мужъ вскорѣ поправился и пришелъ въ себя. Отчего съ нимъ случилось это, она, Аграфена, не знаетъ, хотя предъ этимъ онъ и пилъ вино, много ли и продолжительно ли, нынѣ не упомнитъ, равно не помнитъ, чтобъ случалось съ мужемъ ея подобное когда либо въ другой разъ.

Пономарь Константинъ Любомировъ отозвался, что въ 1859 году, на другой или на третій день Покрова, онъ дѣйствительно ходилъ въ домъ крестьянина Матвѣя Бабанова, приносилъ съ собою образъ казанской Божіей Матери и читалъ Ей канонъ, который читаетъ у многихъ, зовущихъ его въ разныхъ случаяхъ, именно: при болѣзняхъ головы, живота и проч., во время чтенія, Бабановъ сидѣлъ на лавкѣ молча, и онъ, Любомировъ, за нимъ ничего особеннаго не замѣтилъ.

Священникъ села Мазы, Алексѣй Разумовъ, отозвался, что въ 1859 году въ день Покрова онъ, по приглашенію матери Бабанова, былъ въ его домѣ два раза. Въ первый приходъ къ Бабанову, онъ, Разумовъ, нашелъ его шумящимъ, причемъ его держали нѣсколько человѣкъ; обратясь засимъ къ матери Бабанова, онъ, Разумовъ, сказалъ ей: «зачѣмъ ты меня пригласила къ такому сыну?» Услышавъ это, Бабановъ отвѣтилъ: «я тебя не звалъ, батюшка, ты не нуженъ, ступай съ Богомъ въ свое мѣсто»; послѣ этого онъ, Разумовъ, ушелъ домой, но спустя не болѣе получаса опять былъ настойчиво требованъ матерью Бабанова— пріобщить сына ея. Придя во второй разъ къ Бабанову, онъ, Разумовъ, увидѣлъ, что Бабановъ уже не буянилъ, но лежалъ на лавкѣ связанный и говорилъ пустыя слова; заключивъ изъ этого, что Бабановъ находится въ нездравомъ умѣ, онъ, Разумовъ, не пріобщилъ его. На другой или на третій ли день послѣ По-

крова, онъ снова былъ приглашенъ въ домъ Бабанова—читать надъ нимъ Евангеліе; въ это время Бабановъ (уже не безумный) самъ просилъ пріобщить его св. тайнъ, но какъ въ то время въ немъ не было замѣтно признаковъ болѣзни, то онъ, Разумовъ, отсовѣтовалъ ему, желая напередъ приготовиться къ принятію страшныхъ тайнъ. Къ сему Разумовъ добавилъ, что дѣйствительно ли Бабановъ былъ не въ здравомъ умѣ, или мнимо боленъ, того сказать не можетъ; причинъ его болѣзни онъ не знаетъ, но думаетъ, что это приключилось съ нимъ отъ употребленія въ излишествѣ горячихъ напитковъ, къ которымъ онъ былъ склоненъ.

Крестьяне села Мазы (въ числѣ 20 человѣкъ) отозвались, что на другой день Покрова они видѣли, что въ домѣ крестьянина Матвѣя Бабанова были выбиты стекла, причемъ слышали, что Бабановъ на праздникъ бѣгалъ по улицѣ и долго молился у церкви, сами же они этого не видѣли; былъ ли Бабановъ въ какомъ либо припадкѣ или въ пьяномъ видѣ, того они не знаютъ.

10-го ноября 1860 г. Бабановъ былъ *освидѣтельствованъ* въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи нижегородскаго губернскаго правленія. Хотя при этомъ освидѣтельствованіи у Бабанова и не было замѣчено помѣшательства ума, но, какъ онъ объявилъ, что по временамъ, послѣ употребленія спиртныхъ напитковъ, подвергается помѣшательству ума съ явленіями, которыя безъ его вѣдома и воли довели его до убійства матери, то общее присутствіе заключило: подвергнуть его въ теченіи трехъ мѣсяцевъ испытанію въ больницѣ, для опредѣленія, нѣтъ ли у него временнаго помѣшательства ума? По окончаніи означеннаго срока испытанія, Бабановъ 20 марта вновь былъ освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи губернскаго *правленія*, причемъ, какъ сказано въ имѣющемся въ дѣлѣ указѣ губернскаго правленія макарьевскому земскому суду, общее присутствіе по отвѣтамъ Бабанова, соотвѣтственнымъ вопросамъ, и на основаніи свидѣтельства больницы, что во время нахожденія въ оной у Бабанова не замѣчено припадковъ разстройства ума, заключило: что у крестьянина Бабанова въ настоящее время нѣтъ помѣшательства ума.

15-го мая 1861 г. Матвѣй Бабановъ въ присутствіи макарьевскаго уѣзднаго суда показалъ, что предъ убійствомъ своей ма-

тери онъ занимался хмѣльными напитками дней пять на сельско-мазской пристани, при нагрузкѣ дровъ, что извѣстно содержителю куреня и бывшимъ на пристани крестьянамъ; послѣ этого онъ находился въ здравомъ разсудкѣ и занимался своими дѣлами: въ первый день былъ въ домѣ, второй день былъ на полѣ, третій былъ тоже дома, но ходилъ также по полю и по лѣсу вмѣстѣ съ своею матерью для отысканія лошадей, на четвертый день онъ, Бабановъ, по порученію старшины, отправился въ поле для разбирательства происшедшаго между крестьянами несогласія относительно раздѣла земли; во время разбирательства, крестьяне Иванъ Шаровъ, Степанъ Старухинъ и Семенъ Потаповъ начали поступать съ нимъ, Бабановымъ, дерзко и изъ нихъ Иванъ Шаровъ ударилъ его въ грудь, такъ что онъ упалъ на землю; засимъ Шаровъ, взявъ съ сохи топоръ и держа надъ нимъ, Бабановымъ, сказалъ: «вотъ тебѣ только и живота», съ того времени онъ почувствовалъ въ себѣ разстройство ума.

Содержатель куреня и крестьяне, бывшіе на пристани села Мазы, отозвались, что они не замѣчали, чтобы Бабановъ лѣтомъ 1860 г. занимался хмѣльными напитками.

Крестьянинъ Иванъ Шаровъ показалъ, что за одинъ день до убійства Бабановымъ матери, онъ, Шаровъ, пахалъ въ полѣ землю; тутъ же собрались крестьяне для измѣренія и дѣлежа земли, къ которымъ подошелъ Бабановъ и, вставъ недалеко отъ него, Шарова, не давалъ ему пахать, а какъ у него лошадь была пугливая, то онъ подошелъ къ Бабанову и, упершись въ его грудь рукою, сказалъ, чтобы онъ отошелъ, но топора въ руки не бралъ, словъ «вотъ тебѣ только и житья» не говорилъ. Показаніе Ивана Шарова подтвердили крестьяне: Старухинъ, Потаповъ и Рыбаковъ.

Нижегородская палата уголовнаго суда, препроводивъ настоящее дѣло въ мѣстную врачебную управу, предписала ей сдѣлать заключеніе о томъ: сознательно ли совершилъ Бабановъ убійство своей матери, или въ припадкѣ умоизступленія?—Врачебная управа на сіе увѣдомила палату, что крестьянинъ Матвѣй Бабановъ отъ употребленія въ излишествѣ спиртныхъ напитковъ дѣйствительно могъ находиться, бывъ подъ вліяніемъ бѣлой горячки, въ болѣзненномъ припадкѣ періодическаго умоизступленія и совершить убійство матери безсознательно.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла и принимая въ соображеніе: 1) что причина, по коей Бабановъ рѣшился на совершеніе столь тяжкаго преступленія—убійства своей матери, не обнаружена; односельскіе же съ нимъ крестьяне отозвались, что онъ былъ матери послушенъ и не имѣлъ съ нею ссоры, которая могла бы произвести въ немъ раздраженіе; 2) что бывшее съ Бабановымъ въ 1859 г. сумасшествіе подтверждено священникомъ Разумовымъ и крестьянами, удостовѣряющими, что они видѣли въ домѣ Бабанова разбитыя стекла (по показанію жены—въ припадкѣ сумасшествія), и слышали, что онъ бѣгалъ по улицѣ, и 3) что врачебная управа допускаетъ, что Бабановъ отъ употребленія въ излишествѣ спиртныхъ напитковъ, дѣйствительно могъ находиться, бывъ подъ вліяніемъ бѣлой горячки, въ болѣзненномъ припадкѣ періодическаго умоизступленія и совершить убійство матери безсознательно,—нижегородская палата уголовнаго суда не нашла возможнымъ признать дѣяніе Бабанова за совершенное въ здравомъ разумѣ, но признала болѣе справедливымъ, при неясно доказанномъ припадкѣ умоизступленія, отдать Бабанова на основ. 108 ст. улож. на попеченіе родственникамъ, съ обязательствомъ имѣть за нимъ тщательное непрестанное смотрѣніе.

Начальникъ нижегородской губерніи, принимая во вниманіе: 1) важность поступка Бабанова, 2) неопредѣленность его душевнаго состоянія во время совершенія убійства и 3) бывшій съ нимъ прежде случай сумасшествія, засвидѣтельствованный его женою; священникомъ и присяжными показаніями односельскихъ крестьянъ, нашелъ опредѣляемую палатою мѣру надзора за Бабановымъ, чрезъ его родственниковъ, слишкомъ слабою, и полагая съ своей стороны: поступить съ Бабановымъ какъ съ совершившимъ убійство въ сумасшествіи, на основаніи 107 ст. улож. о наказ. т. е. заключить его въ домъ умалишенныхъ,—представилъ настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, призналъ основательнымъ заключеніе нижегородской врачебной управы, что крестьянинъ Матвѣй Бабановъ отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ могъ находиться въ припадкѣ временнаго умоизступленія, (но не въ бѣлой горячкѣ, которая, какъ из-

вѣстно; не исчезаетъ такъ скоро), и въ такомъ припадкѣ могъ совершить убійство матери безсознательно; посему медицинскій совѣтъ полагалъ, что какъ Бабановъ совершилъ преступленіе не будучи ни безумнымъ, ни сумасшедшимъ, а въ припадкѣ временнаго умоизступленія, вслѣдствіе злоупотребленія спиртными напитками, то для предупрежденія на будущее время повторенія подобнаго состоянія и его опасныхъ для семейства и общества послѣдствій, конечно слѣдуетъ принять самыя строгія мѣры надзора за нимъ на мѣстѣ; но заключать Бабанова для этой цѣли въ домъ умалишенныхъ, съ примѣненіемъ къ 107 статьѣ улож. о наказ., по мнѣнію совѣта, нѣтъ достаточныхъ основаній.

О крестьянкѣ Варварѣ Ерховой, сужденной за сожженіе въ печкѣ своего ребенка.

(Преходящее помѣшательство послѣ беременности).

24 декабря 1863 г. донесено было становому приставу моршанскаго уѣзда, что 23 того же декабря въ селѣ Пенькахъ крестьянка Варвара Ерхова бросила въ горѣвшую печь двухнедѣльнаго сына своего Степана, который, хотя и былъ черезъ нѣсколько времени вынутъ изъ печки бабкою его, но тотчасъ послѣ того умеръ. По осмотру становымъ приставомъ оказалось, что кожа ребенка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облупилась отъ обжоговъ.

27 декабря, на спросъ судебнаго слѣдователя, *Варвара Ерхова* (20 лѣтъ) показала, что она полтора года замужемъ за крестьяниномъ Андреемъ Ерховымъ, отъ котораго, третья недѣля тому назадъ, родила сына Степана. Утромъ 23 декабря мужъ ея уѣхалъ въ сосѣднее село, а она, свекровь Дарья Лукьянова и дѣдъ Меркулъ Васильевъ остались дома. Когда свекровь начала топить печь, то она, Варвара, кормила грудью своего сына. Затопивши печь, Дарья вышла изъ избы. Въ это время она, показательница, въ одно мгновеніе, безъ всякого обдуманнаго намѣренія, взяла ребенка своего и бросила его въ печь на тотъ предметъ, чтобы онъ сгорѣлъ; потомъ она легла на ту лавку, гдѣ его кормила. Вскорѣ пришла въ избу свекровь и, увидѣвши въ печи ребенка, тотчасъ же его вынула кочергою; ребенокъ былъ весь

обожженъ и на немъ сгорѣла рубашка, тотчасъ у свекрови же на рукахъ онъ умеръ; на крикъ Дарьи и дѣда Меркула сбѣжалось много народу; что было послѣ этого, она отъ испуга ничего не помнитъ. Отчего ей пришла мысль сжечь сына—опредѣлить совершенно не можетъ; причинъ къ тому она никакихъ не имѣла; ребенка своего, какъ и мужа и прочихъ семейныхъ, она любила, а также и ими была любима; ссоръ и вражды между ними никогда не было; въ то время какъ и теперь она была совершенно здорова и въ здравомъ разсудкѣ.

Показаніе Варвары Ерховой подтвердили, во всемъ до нихъ касающемся, свекровь ея *Дарья*, дѣдъ *Меркулъ* и мужъ *Андрей*, которые отозвались также, что причинъ, побудившихъ Варвару совершить преступленіе, они совершенно не знаютъ, сына своего и ихъ она любила; ссоръ у нихъ не было. Мужъ Варвары съ своей стороны объяснилъ, что жена его была совершенно здорова. Дарья же Лукьянова показала еще, что когда по вынутіи ребенка изъ печки, она опросила Варвару о причинахъ, побудившихъ ее на преступленіе, то та отвѣтила, что младенца она бросила въ печь, что ее побудило на это она не знаетъ, но что будто бы у ней тогда сдѣлалось темно въ глазахъ.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1864 г. Андрей Ерховъ подалъ въ моршанскій уѣздный судъ прошеніе, въ которомъ между прочимъ изложилъ, что жена его, по случаю первой беременности, до рожденія и послѣ рожденія сына страдала болѣзнями, которыя продолжались и по заключеніи ея въ тюрьму, ибо она была пользуема въ больницѣ. Въ заключеніи Андрей Ерховъ просилъ: облегчить участь его жены и освободить ее изъ тюрьмы на его поруки.

Вслѣдствіе вышеизложеннаго прошенія, Варвара Ерхова была передопрошена судебнымъ слѣдователемъ 28 февраля 1864 г. причемъ показала, что когда она носила младенца, то была совершенно здорова, но вскорѣ послѣ родовъ почувствовала сильную боль въ головѣ, отъ которой очень часто ложилась безъ чувствъ; когда же она бросила младенца своего въ печь, то въ это время совершенно ничего не помнила и отъ удара въ голову была безъ чувствъ.

Моршанскій городовой врачъ *Лебедевъ* на запросъ судебнаго слѣдователя (въ мартѣ 1864 г.) отозвался, что находившаяся въ

городской больницѣ въ январѣ 1864 г. арестантка Варвара Ерхова страдала въ сильнѣйшей степени ипохондріей: безпрестанно плакала, пищи почти не употребляла, постоянно въ глубокой задумчивости лежала въ постели, не жалуясь ни на какую боль; на вопросы или вовсе не отвѣчала, или отвѣчала не впопадъ, часто разговаривала сама съ собою, что обличало въ ней значительный упадокъ нервной системы и слабость умственныхъ силъ. 5 января она поступила въ больницу, а 15 января выписана какъ по неотступной ея просьбѣ, такъ въ особенности по тому соображенію, что одиночество еще болѣе разовьетъ ея болѣзненное состояніе.

Мужъ Варвары, *Андрей*, на спросъ слѣдователя отозвался, что жена его дѣйствительно была нездорова, но какою болѣзнію; онъ по неопытности своей и недоразумѣнію сказать не можетъ, одно только припоминаетъ, что она послѣ родовъ была въ какой-то задумчивости, ѣсть почти вовсе не ѣла, ходить хотя и ходила, но немного, а большею частію лежала. Согласно съ показаніемъ Андрея Ерхова о состояніи здоровья жены его послѣ родовъ, показали: мать Андрея—*Дарья*, дѣдъ его—*Меркулъ*, и помогавшая Варварѣ при родахъ бабка Федосья *Дулова*.—Четверо крестьянъ села Пеньковъ отозвались, что они пришли въ домъ Ерхова тотчасъ послѣ вынутія сына его изъ печки, причемъ спрашивали Варвару, что ее понудило бросить своего ребенка въ печь, но она на эти вопросы ничего не отвѣчала и была въ сильной задумчивости.—На повальномъ обыскѣ крестьяне села Пеньковъ (въ числѣ 6 человѣкъ) отозвались, что у Варвары послѣ ея родовъ они замѣчали какую то задумчивость и перемѣну въ лицѣ. Съ мужемъ своимъ и семейными его Варвара жила ладно, безъ ссоръ и дракъ *).

30 іюля того же года, по распоряженію уѣзднаго суда, Ерхова была освидѣтельствована въ селѣ Пенькахъ моршанскимъ городовымъ врачемъ Лебедевымъ. Въ составленномъ объ этомъ актѣ врачъ Лебедевъ изложилъ слѣдующее: «Ерхова, пользуясь удовлетворительнымъ здоровьемъ, не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ признаковъ разстройства умственныхъ силъ; вообще всѣ тѣ въ организмѣ ея ненормальныя явленія, которыя были замѣчены

*) 30 марта 1864 г. Варвара Ерхова была освобождена изъ тюремнаго замка на поруки мужа ея.

въ бытность ея въ завѣдываемой имъ, Лебедевымъ, городской больницѣ, уничтожились. Что касается до предложенныхъ слѣдователемъ вопросовъ: какая была причина болѣзненнаго состоянія Ерховой и съ какого времени она подверглась ему, то на эти вопросы онъ, Лебедевъ, не можетъ дать положительныхъ отвѣтовъ, потому что не имѣетъ данныхъ, на которыхъ можно бы было основаться; тѣмъ не менѣе однакожъ онъ предполагаетъ, что причиною болѣзни Ерховой могло быть особенное быстрое потрясеніе нервной системы, которое могло возникнуть съ нею тотчасъ послѣ разрѣшенія ея отъ бремени. Предположеніе это подкрѣпляется множествомъ фактовъ послѣродоваго преходящаго помѣшательства, извѣстныхъ въ судебной медицинѣ; между преходящими помѣшательствами особенно замѣчателенъ бѣшеный бредъ, который иногда наступаетъ послѣ родовъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ разстройство умственныхъ способностей развивается отъ сильнаго нравственнаго потрясенія, но вліянія беременности и родовъ также нельзя оспаривать. При этомъ онъ, Лебедевъ, считаетъ умѣстнымъ привести слѣдующія цифры, записанныя въ судебной медицинѣ: изъ 750 женщинъ въ больницѣ умалишенныхъ Salpêtrière—72 сошли съ ума отъ родовъ; въ одной изъ лондонскихъ больницъ (Betlehem), по свидѣтельству доктора Джона Вебстера, изъ 282 умалишенныхъ женщинъ 117 потеряли разсудокъ послѣ родовъ, что составляетъ 42 процента; изъ 2804 помѣшанныхъ женщинъ, принятыхъ въ Salpêtrière съ 1804 по 1814 годъ оказались 658 подобныхъ случаевъ». —

Тамбовская уголовная палата требовала затѣмъ заключеніе отъ мѣстной врачебной управы по вопросу о томъ: сопровождается ли ипохондрическая болѣзнь припадками умоизступленія или совершеннаго безпамятства?—Врачебная управа объяснила, что временное и преходящее сумасшествіе часто встрѣчается во время беременности и въ скорое время послѣ родовъ; взявши же во вниманіе состояніе здоровья и умственнаго расположенія, въ которомъ находилась Ерхова во время пребыванія своего въ моршанской градской больницѣ, врачебная управа заключаетъ, что она сдѣлала преступленіе въ припадкѣ остраго и проходящаго сумасшествія.

Тамбовская палата уголовнаго суда, сообразивъ обстоятельства

настоящаго дѣла и находя, что произведеннымъ слѣдствіемъ не открыто причинъ, по которымъ можно бы было подозрѣвать Ерхову въ умышленномъ сожженіи своего ребенка, и напротивъ, отзывъ врачебной управы положительно удостовѣряетъ совершеніе Ерховою преступленія въ припадкѣ остраго и преходящаго сумасшествія, опредѣлила: крестьянку Варвару Ерхову по предмету брошенія въ пламя топившейся печи своего ребенка къ отвѣтственности не привлекать.

Губернскій прокуроръ, не соглашаясь съ вышеизложеннымъ рѣшеніемъ палаты, подалъ протестъ, въ которомъ между прочимъ изложилъ, что рѣшеніе палаты онъ считаетъ преждевременнымъ. Крестьянка Ерхова дѣйствительно могла бросить своего ребенка въ топившуюся печь въ припадкѣ остраго и преходящаго сумасшествія и, слѣдовательно, преступленіе это не должно быть вмѣняемо ей въ вину; но признать Ерхову находившеюся въ припадкѣ сумасшествія во время совершенія преступленія по одному отзыву уѣзднаго врача, безъ освидѣтельствованія и испытанія ея порядкомъ, указаннымъ въ приложеніи къ 107 статьѣ, палата не имѣетъ права, тѣмъ болѣе что это признаніе, по смыслу того же приложенія, принадлежитъ правительствующему сенату. А потому губернскій прокурорь полагалъ, что предварительно рѣшенія дѣла объ Ерховой долженъ быть соблюденъ порядокъ, указанный въ приложеніи къ 107 ст. улож., тѣмъ болѣе, что невозможно ручаться, чтобы Ерхова, по безусловномъ освобожденіи ея изъ тюремнаго замка, не повторила сдѣланнаго ею преступленія, особенно если не будетъ за нею никакого присмотра.

По разсмотрѣніи вышеизложеннаго протеста губернскаго прокурора, тамбовская палата уголовнаго суда нашла, что въ настоящемъ случаѣ нѣтъ никакихъ основаній признавать Ерхову сумасшедшею и что при постановленіи рѣшенія своего палата признала Ерхову учинившею преступленіе въ припадкѣ остраго и проходящаго сумасшествія, а на такихъ лицъ не могутъ распространяться правила, объясненныя въ приложеніи къ ст. 107 т. XV кн. I, которыя относятся прямо къ безумнымъ отъ рожденія и сумасшедшимъ. Равно изъ обстоятельствъ дѣла не видно ничего такого, что заставляло бы предполагать, чтобы Ерхова, по безусловномъ освобожденіи ея изъ тюремнаго замка, повторила

сдѣланное ею преступленіе. Но въ этомъ отношеніи палата нашла возможнымъ, въ видахъ предосторожности, на случай повторенія съ Ерховой подобной болѣзни, (на основаніи 108 ст. улож.), вмѣнить въ обязанность семейнымъ ея имѣть строгій за нею надзоръ, что и добавить въ опредѣленіи палаты.

Медицинскій совѣтъ нашелъ: 1) что во время совершенія преступленія Варвара Ерхова находилась въ послѣродовомъ состояніи, — въ продолженіи котораго, какъ извѣстно, у женщинъ нерѣдко появляются временныя разстройства умственныхъ способностей; 2) что Ерхова, по видимому, не имѣла ни повода, ни цѣли къ убійству сына; 3) что односельскіе съ Ерховою крестьяне отозвались, что послѣ родовъ она перемѣнилась въ лицѣ и была задумчива, что замѣчено было у ней и вслѣдъ за преступленіемъ; и 4) что находясь, черезъ двѣ недѣли послѣ родовъ, въ моршанской городской больницѣ, Ерхова, по отзыву завѣдующаго этою больницею врача Лебедева, страдала въ сильной степени ипохондріею. Посему медицинскій совѣтъ призналъ, что Ерхова могла совершить убійство сына безсознательно, въ припадкѣ временнаго разстройства умственныхъ способностей. Къ сему совѣтъ счелъ нужнымъ добавить, что по важности совершеннаго Ерховою преступленія и возможности повторенія съ нею подобныхъ болѣзненныхъ припадковъ, необходимо имѣть за нею тщательный надзоръ, преимущественно въ то время, если бы она находилась въ беременномъ и послѣродовомъ состояніяхъ.

Утопленіе женою маіора Надеждою Ивановою дочери ея Ольги.

(Припадокъ умопомѣшательства).

15-го іюля 1862 г. въ 5-ть часовъ утра полицейскій служитель города Омска (тобольской губерніи) Григорій Корзенниковъ, явясь къ мѣстному частному приставу Васькову, объявилъ, что проживающая въ г. Омскѣ въ домѣ отставнаго кандидата Данилы Селиверстова, жена отставнаго маіора Иванова, Надежда Алексѣева, утопила въ колодцѣ маленькую дочь свою Ольгу.

Тотчасъ же прибывъ въ домъ Селиверстова, частный приставъ нашелъ, что ребенокъ былъ уже вытащенъ изъ колодца самимъ маіоромъ Ивановымъ и лежалъ мертвый въ комнатѣ.

Маіорша Надежда Иванова (39 лѣтъ) на спросъ пристава показала, что дочь ея родилась 5-ть сутокъ тому назадъ, (9 іюля), а 11 была крещена и названа Ольгою. За нѣсколько дней до совершенія преступленія какъ она, Надежда, такъ и мужъ ея, радуясь благополучному разрѣшенію ея отъ бремени, пили водку и наканунѣ (14 іюля) пили ее цѣлый день, вмѣстѣ съ хозяиномъ дома Селиверстовымъ и женою его Акулиною, такъ что подъ вечеръ были очень пьяны; спать они легли всѣ во одно время, но только въ разныхъ мѣстахъ: мужъ ея, Селиверстовъ, и жена послѣдняго легли на дворѣ около крыльца, а она, Иванова, съ маленькой дочерью въ комнатѣ; часу во 2-мъ или 3-мъ, она вставала и, покормивъ малютку молокомъ изъ рожка, снова уложила ее спать, но вскорѣ, какъ приводитъ себѣ на память, ребенокъ будто бы опять закричалъ; съ торопливостью вставъ съ постели, она взяла ребенка на руки и, не помнитъ какъ, вышла изъ комнаты на дворъ и бросила ребенка въ колодезь, съ тѣмъ воображеніемъ, что это былъ не колодезь, а колыбель; послѣ этого она возвратилась въ свою комнату, но хозяйка дома, Акулина Селиверстова, въ просоньи слышала какъ она проходила мимо, а также колыханіе воды. Войдя вслѣдъ за нею въ комнату и не видя ребенка, Акулина спросила, гдѣ ребенокъ; на что она не останавливаясь отвѣтила, что бросила въ колодезь; получа такой отвѣтъ, Акулина Селиверстова тотчасъ бросилась къ спящему мужу показательницы и сказала о случившемся; мужъ тотчасъ же бросился въ колодезь; но по глубинѣ воды достать ребенка не могъ, а началъ отливать изъ колодца воду, а потомъ уже на веревкѣ спустился въ колодезь и досталъ утонувшую дочь свою.

При полицейскихъ розыскахъ оказалось, что уволенный отъ службы маіоръ Ивановъ и жена его, проживаютъ въ городѣ Омскѣ около трехъ лѣтъ; что Ивановъ получаетъ пенсіонъ за службу; жизнь ведетъ, какъ самъ такъ и жена его, нетрезвую и даже низкую по его званію; дѣтей они имѣютъ всѣхъ (кромѣ умершей) 5 человѣкъ, изъ коихъ старшія двѣ дочери, по выходѣ г. Иванова въ отставку, оставлены имъ, почти безъ вся-

каго призрѣнія, въ укрѣпленіи Вѣрномъ; старшій сынъ ихъ отданъ семипалатинской купчихѣ; третья дочь находится въ Омскѣ на воспитаніи у чиновницы Лишиной, и наконецъ восьмилѣтній сынъ Ивановыхъ находится при нихъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

При передопросѣ 17 іюля маіорша Иванова, подтвердивъ показаніе, данное ею 15 іюля, добавила, что преступленіе сдѣлано его по неимѣнію здраваго разсудка или по просту въ сумасшествіи *).

Мужъ Надежды Ивановой, маіоръ Родіонъ Ивановъ (58 лѣтъ), показавъ согласно съ женою о содѣянномъ преступленіи, добавилъ, что хотя 14 іюля они и пили водку, но слишкомъ пьяны не были, а только навеселѣ; 17 лѣтъ тому назадъ жена его приходила въ отсутствіе разсудка, но особаго вреда отъ нея не случалось; въ особенности это бывало съ нею послѣ употребленія горячихъ напитковъ, въ настоящее же время у жены этого замѣтно не было. Впрочемъ онъ, Ивановъ, полагаетъ, что жена его совершила преступленіе не иначе какъ въ безпамятствѣ, придя въ прежнее безразсудство.

Согласно съ показаніемъ маіора Иванова объяснилъ кандидатъ Селиверстовъ и жена его Акулина, которая добавила еще, что когда маіорша Иванова возвращалась отъ колодца въ комнату, то отсутствія разсудка въ ней замѣтно не было.

На повальномъ обыскѣ 6-ть обывателей города Омска отозвались, что за маіоромъ Ивановымъ и женою его Надеждою они никакихъ предосудительныхъ поступковъ не замѣчали; другіе 18-ть обывателей показали, что Иванова и жену они не знаютъ и потому о поведеніи ихъ ничего сказать не могутъ.

17 іюля 1862 года маіорша Надежда Иванова была освидѣтельствована омскимъ городовымъ врачемъ Бартеневымъ въ присутствіи частнаго пристава Васькова, съ цѣлью опредѣленія состоянія умственныхъ ея способностей. По освидѣтельствованіи этомъ, какъ видно изъ составленнаго врачемъ Бартеневымъ акта, оказалось, что Иванова росту средняго; лѣтъ по видимому около 40; волосы на головѣ русые, жидковатые и довольно длинные, брови того же цвѣта; кожа на всемъ тѣлѣ смугловатая, толста и до-

*) Показаніе, данное 17 іюля, Иванова, (грамотная),—не подписала сама какъ сказано въ протоколѣ, по причинѣ болѣзни.

вольна груба; Иванова отъ природы довольно крѣпкаго тѣлосложенія, но во время освидѣтельствованія была какъ бы изнуренною; всѣ органы тѣла ея какъ жизни растительной, такъ и животной, по видимому, развиты хорошо и отправленія свои совершаютъ правильно, равно какъ и органы жизни видовой, находясь въ физіологическомъ состояніи послѣродоваго періода (puerperium), фунгируютъ нормально что выражается: нормальнымъ, довольно обильнымъ отдѣленіемъ послѣ-родовыхъ очищеній (lochia) грязно-зеленовато-бураго цвѣта, безъ особаго непріятнаго запаха, и значительнымъ отдѣленіемъ молока изъ набухшихъ, упругихъ и увеличенныхъ въ объемѣ грудей (mammae); лобъ и голова вообще развиты хорошо, черты лица грубоваты, но выраженіе лица покойное; взглядъ осмысленный и какъ бы озабоченный; рѣчь тихая, ровная и правильная; на предложенные при освидѣтельствованіи вопросы о предметахъ даже прошедшаго времени, отвѣчала связно, толково, разсудительно и правильно. — Изъ вышеизложеннаго врачъ Бартеневъ заключилъ, что Надежда Иванова, обладая удовлетворительнымъ состояніемъ здоровья физическаго, здорова въ настоящее время и душевно, если только по освидѣтельствованію врачебной управы, которому она имѣетъ быть подвергнута, не окажется, что Иванова страдаетъ помѣшательствомъ ума однопредметнымъ (monomania) или перемежающимся (mania transitoria s. intermittens).

22 декабря 1862 г. Надежда Иванова была освидѣтельствована въ совѣтѣ тобольскаго общаго губернскаго управленія. На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы Иванова отвѣчала: *Вопр.* Какъ ваше имя, отчество и фамилія? *Отв.* Надежда Иванова. *Вопр.* Кто вашъ мужъ и давно ли въ отставкѣ? *Отв.* Отставной маіоръ Родіонъ Михайловичъ Ивановъ; въ отставкѣ 4 года. *Вопр.* Давно ли вышли за него въ замужество, и въ какомъ городѣ? *Отв.* 23 года замужемъ; выходила въ крѣпости Свеаборгѣ. *Вопр.* Кто были ваши родители? *Отв.* Воспитатель капитанъ Алексѣй Афанасьевичъ Фофановъ, командиръ арестантскихъ ротъ въ крѣпости Свеаборгѣ. *Вопр.* Когда и какимъ образомъ попали на жительство въ г. Омскъ? *Отв.* Мужъ мой Родіонъ Михайловичъ Ивановъ по желанію переведенъ изъ финляндскихъ линейныхъ баталіоновъ въ сибирскіе линейные баталіоны; вышелъ въ отставку въ г. Омскѣ.

Вопр. Есть ли у васъ дѣти, сколько ихъ и гдѣ находятся теперь? *Отв.* Дѣтей 5, двѣ дочери замужемъ, сынъ въ Семипалатинскѣ, дочь въ гостяхъ въ г. Омскѣ; сынъ въ убѣжищѣ въ Омскѣ 7 лѣтъ. *Вопр.* Здоровы ли вы теперь, и не было ли съ вами какого либо припадка помѣшательства ума? *Отв.* Имѣю припадки: истерику, родимецъ, и одержима сумасшествіемъ 8 лѣтъ, годъ постоянно, а впослѣдствіи временно; пользовалъ лекарь Ержиковскій. *Вопр.* Разскажите, какимъ образомъ случилось съ вами происшествіе съ новорожденною дочерью? *Отв.* По рожденіи дочери, въ полночь, мужъ мой ходилъ въ кабакъ за виномъ и пили все время 6 дней мужъ мой, любовница его Акулина Селиверстова и я; наканунѣ мужъ мой избилъ меня такъ, что я насилу ушла на вышку; спустя нѣсколько времени любовница его пришла ко мнѣ и сказала «водись съ младенцемъ;» я пошла въ горницу, накормила младенца и легла спать; вдругъ любовница закричала «ты утопила младенца» и дали знать въ полицію; это было на зарѣ, по разсказамъ мужа моего и его любовницы, а меня взяли въ 12 часовъ дня въ полицію, гдѣ я была два дня, а на третій посажена въ замокъ въ г. Омскѣ, и очуствовалась уже когда была въ полиціи. *Вопр.* Простились ли вы съ мужемъ или нѣтъ, отъѣзжая въ Тобольскъ? *Отв.* Я посылала къ мужу передъ отъѣздомъ, а онъ былъ такъ пьянъ, что не могъ придти, и я уѣхала, не простясь съ нимъ. *Вопр.* Хотите ли возвратиться къ нему? *Отв.* Я не желаю къ мужу возвратиться чрезъ его дерзкіе поступки со мной и его постоянныхъ любовницъ; жизнь моя съ нимъ невыносима.—Совѣтъ общаго губернскаго управленія нашелъ, что хотя довольно удовлетворительные отвѣты маіорши Ивановой на заданные вопросы и показываютъ, что Иванова разстройства умственныхъ способностей неимѣетъ; но какъ Иванова въ отвѣтахъ высказываетъ помѣшательство своего ума, бывшее съ нею восемь лѣтъ тому назадъ, отъ котораго пользовалъ ее лекарь Ержиковскій, то необходимо помѣстить его въ больницу тобольскаго тюремнаго замка на два мѣсяца для испытанія въ томъ, не подвержена ли она періодическому помѣшательству ума.

16 марта 1863 г. тобольская врачебная управа донесла начальнику губерніи, что маіорша Иванова была подвергнута въ тобольской тюремной больницѣ двухмѣсячному испытанію, кото-

рое, какъ видно изъ рапорта врачебной больницы отъ 14 марта 1863 г., показало, что Иванова одержима умопомѣшательствомъ (mania).

Въ рапортѣ врача тобольскаго тюремнаго замка отъ 14 марта 1863 г., изложено, что Надежда Иванова находилась въ тюремной больницѣ на испытаніи съ 9 января по 9 марта 1863 г. и что испытаніе это показало, что Надежда Иванова одержима умопомѣшательствомъ (mania). При вышеизложенномъ рапортѣ врачъ тобольской тюремной больницы представилъ во врачебную управу скорбный листъ за время нахожденія Ивановой въ этой больницѣ, изъ котораго видно, что въ день поступленія въ больницу (9 января 1863 г.) Иванова была совершенно спокойна, разговаривала, но мысли ея постоянно быстро смѣнялись одна другою, иногда невозможно было добиться отъ нея прямаго отвѣта на предложенный вопросъ. 11 января больная говорила спокойно, но постоянно смѣялась и прибавляла почти къ каждому слову «гдѣ нибудь, куда бы то ни было.» 13-го января Иванова постоянно бранила надзирательницу подсудимаго двора и высказывала желаніе скорѣе уѣхать куда нибудь. 14-го января она объявила, что постоянно спитъ, потому что надзирательница не позволяетъ ей пѣть и кричать; разговаривая, постоянно смѣялась. 17-го января врачъ засталъ ее плачущею; на вопросъ, почему плачетъ?—Иванова отвѣчала, что на нее хотятъ напустить козла и козлуху, что ее хотятъ бросить въ рѣку, и т. под. чепуху. 20 января Иванова постоянно кричала и ломала мебель, находившуюся въ комнатѣ. 23 января 1863 была совершенно спокойна и умно разсуждала, но постоянно смѣялась и прибавляла почти къ каждому слову: «чортъ возьми». 1-го февраля она разсказывала, что видѣла во снѣ демона со всею его семьею, и потомъ заплакала. Всю ночь подъ 5 февраля больная провела въ крикахъ и пѣніи безсвязныхъ словъ; 9-го февраля жаловалась на боль и колотье въ груди; 10 февраля жаловалась на кашель и боль въ груди; 11-го у ней были сильныя лихорадочныя движенія, кашель, rhonchi crepitantes въ заднихъ доляхъ легкихъ и колючая боль въ лѣвомъ боку; назначено: Spec. Pectoral. pro thea, Juf Ipecacuanhae ex gr. XV—℥v, Tartari emetici grjj, Syrupi ℥β, чрезъ 2 часа по ложкѣ, и Vesicator на лѣвый бокъ. Вечеромъ 12 февраля Иванова украла у фельдшера изъ стола pulv.

cantharid. и горчицу и бросила въ парашу; ночью шумѣла, пѣла пѣсни и нисколько не спала; лекарство свое вылила и отказывалась пить. Кашель въ меньшей степени, лихорадка совсѣмъ прошла. Ночью на 14 февраля шумѣла, пѣла пѣсни и сломала замокъ у дверей; постель свою сложила на полъ, кровать разобрала. Изъ подголовья у сосѣдней больной, приготовившейся на выписку, вытащила одежду и положила на свою кровать, увѣряя, что это ея собственность; оправдывалась тѣмъ, что хотѣла подшутить надъ этой больной. Въ сосѣдней комнатѣ вылила въ парашу всѣ лекарства, и отпиралась отъ этого. Ночью на 15 февраля сильно безпокоилась и не спала, свѣчи всѣ въ палатѣ погасила и положила къ себѣ подъ тюфякъ; бранилась сильно съ нянькам и фельдшерами. 16 февраля принуждены были надѣть на Иванову горячечную рубашку, больная шумѣла, бранилась, грозилась задушить фельдшера. Отъ няньки требовала непремѣнно двѣ порціи и сильно ее бранила за то, что послѣдняя не доставила ей 2-хъ порцій.—17 февраля писала любовныя записки, неизвѣстно къ кому, чернилами собственнаго приготовленія изъ углей и воды. Ночью на 17-е число съѣла много чужихъ порцій; такъ какъ Иванова причиняла сильное безпокойство больнымъ и требовала особеннаго ухода, то переведена была въ отдѣльную камеру на подсудимый дворъ. 20 февраля постоянно бранилась съ надзирательницею подсудимаго двора и высказывала разныя причудливыя требованія. — За 25 число февраля въ скорбномъ листѣ записано, что Иванова, по словамъ надзирательницы, по ночамъ кричитъ безсвязныя слова и поетъ безсмысленныя пѣсни; но при объясненіи съ врачемъ Иванова упорно отказывается отъ этого. 1-го марта Иванова была переведена въ больницу, такъ какъ жаловалась на боль въ бокахъ и нижней части живота. Назначено Ol. Terebinth. для втиранія въ бокъ и теплая припарка на животъ. 2 марта на больную надѣта была смирительная рубашка, такъ какъ она постоянно бѣгала изъ палатъ и буйствовала. 3 марта Иванова просила снять рубашку, обѣщаясь вести себя хорошо и не подавать повода къ ссорѣ. 4 марта больная была совершенно спокойна, вышивала на суквѣ нитками и бисеромъ, говорила кротко, была постоянно весела. Вечеромъ 5 марта Иванова сильно шумѣла и буйствовала; цѣлую ночь кричала; такъ-какъ она причиняла безпокойство

больнымъ и какъ особаго помѣщенія для умалишенныхъ въ больницѣ не имѣется, то была переведена на подсудимый дворъ. 8 марта больная почти постоянно кричала и пѣла пѣсни.

Тобольскій губернскій судъ, разсмотрѣвъ это дѣло, нашелъ, что Иванова при слѣдствіи показала, что 15 іюля и наканунѣ того дня она и мужъ ея, радуясь благополучному ея разрѣшенію отъ бремени, пили водку съ хозяиномъ квартиры ихъ, кандидатомъ Селиверстовымъ, и женою его Акулиной; вечеромъ же 15 числа всѣ они, будучи навеселѣ, легли спать, мужъ ея, Ивановой, и Селиверстовъ съ женою на дворѣ около крыльца, а она съ малюткой въ комнатѣ; часу во 2-мъ или въ 3-мъ она вставала и кормила малютку молокомъ и снова легла спать, но вскорѣ ей послышалось, что дочь ея закричала, почему она, вставъ опрометью, взяла дочь свою на руки, вышла на улицу и бросила ее въ колодецъ, полагая, что это колыбель; послѣ этого она воротилась въ комнату, куда вскорѣ пришла хозяйка квартиры, которой она, Иванова, и разсказала о случившемся. Мужъ Ивановой отозвался, что жена его, 19 лѣтъ тому назадъ, приходила въ отсутствіе разсудка, въ особенности послѣ употребленія горячихъ напитковъ, но въ настоящее время этого замѣтно не было. По произведенному тобольскою врачебною управою двухмѣсячному испытанію въ больницѣ тобольскаго тюремнаго замка, Иванова найдена одержимою умопомѣшательствомъ. Поэтому, не рѣшаясь сдѣлать положительное заключеніе о преступленіи Ивановой, губернскій судъ представилъ настоящее дѣло, согласно III приложенію къ 107 ст. улож., на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ нашелъ: 1) что у Надежды Ивановой за восемь лѣтъ до совершенія преступленія было разстройство умственныхъ способностей, вслѣдствіе злоупотребленія спиртныхъ напитковъ; 2) что находясь въ послѣродовомъ состояніи, которое вообще предрасполагаетъ къ умственному разстройству, а тѣмъ болѣе женщинъ, страдавшихъ имъ прежде, Иванова вскорѣ послѣ родовъ неумѣренно употребляла спиртные напитки и 3) что впослѣдствіи, во время нахожденія въ тобольской тюремной больницѣ, у Ивановой замѣчаемы были признаки умопомѣшательства. Посему медицинскій совѣтъ призналъ, что пре-

ступленіе могло быть совершено Ивановою въ безсознательномъ состояніи.

О крестьянкѣ Авдотьѣ Лутовиновой, зарѣзавшей малолѣтняго своего сына Ивана.

(Временное помѣшательство).

Авдотья Лутовинова, государственная крестьянка села Краснаго, (лебедянскаго уѣзда тамбовской губерніи) 27 октября 1864 г. зарѣзала сына своего Ивана, имѣвшаго отъ роду менѣе двухъ лѣтъ. По осмотру, произведенному лебедянскимъ уѣзднымъ врачемъ Косинскимъ, на шеѣ сына Лутовиновой оказалась рана длиною вершка полтора, въ глубину она доходила до задней стѣнки дыхательнаго горла; другихъ поврежденій на трупѣ не было.

На спросъ становаго пристава (28 октября) и судебнаго слѣдователя (31 октября) Авдотья Лутовинова, 44 лѣтъ, показала, что она 24 года находится въ замужествѣ за крестьяниномъ Петромъ Лутовиновымъ; все это время жила съ нимъ въ полномъ согласіи, и прижила шестерыхъ дѣтей, изъ которыхъ трое умерли уже давно, четвертаго она зарѣзала и двое остались въ живыхъ. Тому сыну, котораго она зарѣзала, второй годъ, зовутъ его Иваномъ. До рожденія этого послѣдняго сына она была вполнѣ здорова, дѣтей своихъ она любила сильно, да и какъ не любить роднаго дѣтища: они ей дѣти, а она имъ мать. Но какъ только она родила зарѣзаннаго теперь сына, то сдѣлалась съ ней какая то болѣзнь; грусть этакую завсегда стала чувствовать, тошнота, головная боль; ну дурно ей стало, да и только. А отчего эта къ ней болѣзнь привязалась, такъ Богъ знаетъ; только думаетъ, что испортила ее повитуха Марина Захарьева, которая прежде всѣхъ ея дѣтей принимала, а при рожденіи Ивана она не призвала ее, такъ должно быть Марина за это ей и сдѣлала. Чрезъ недѣлю послѣ родовъ у нихъ были поминки, она еще не совсѣмъ оправилась: но принялась за работу—брагу нужно было сварить и то и другое, можетъ еще тутъ и простудилась. Только въ день поминокъ пришла къ ней Марина и прине-

сла сушеныхъ грушъ, сказавши: «на, гостинчиковъ моихъ». Она, Авдотья, взяла эти груши, но ѣсть ихъ не стала; знать Марина хотѣла, чтобы она завсегда сохла, какъ эти груши. Еще передъ родинами Марина угрожала ей, что она ее будетъ помнить, если въ бабки не возьметъ. Она думаетъ, что порча перешла къ ней отъ этихъ самыхъ грушъ, которыхъ она хотя не ѣла, но къ сердцу прикладывала; послѣ этого въ нее какъ будто льду насыпали. Съ этихъ поръ ей стало все дурно — дурно; узнавши, что въ селѣ Прогорѣловѣ есть солдатъ Федоръ Степановъ, который занимается леченіемъ, она пошла къ нему, и онъ далъ ей наговоренной водки, которую она по чуточкѣ принимала, и сказалъ, что ее испортили; отъ этого лекарства ей ни лучше, ни хуже не было; лечилась она у солдата на страстной недѣлѣ 1864 г., а потомъ еще передъ жнитвой; она ѣздила къ нему и въ третій разъ, но онъ не сталъ ее лечить. Только уже болѣзнь эта сдѣлалась ей невыносимою: «такъ это все за сердце хватаетъ». Она и задумала лишить себя жизни, хотѣла было зарѣзаться, но не могла, подумала, что дѣти останутся, не поднялась рука. Тогда она вздумала перерѣзать всѣхъ дѣтей и одной отвѣчать за нихъ, думая, что отъ этого ей легче будетъ. Во вторникъ на этой недѣлѣ мужъ ея поѣхалъ въ деревню Епанчино на праздникъ, она топила печку, наконецъ истопивши, начала чистить картофель; старшій сынъ ея, Дорофей, пошелъ дать скотинѣ корму, средній попросилъ, чтобы она его подпоясала и побѣжалъ на улицу гулять, а младшаго Ивана она стала укладывать спать. Тутъ на нее нашла тоска, она отыскала ножикъ, на лавочкѣ за махоткой, поточила его на брускѣ и подошла къ Ванѣ; онъ еще не спалъ, а глаза уже были закрыты; она взяла да и рѣзнула ему по горлу *); онъ вскрикнулъ, тутъ затряслись у нея руки и ноги, и что уже затѣмъ было, она ничего не помнитъ; а когда опомнилась, то увидѣла, что собралось много народу. Теперь, послѣ того какъ она зарѣзала сына, ей стало не легче, а еще хуже **); но уже она не жалѣетъ о томъ, что было.

*) На спросъ становаго пристава Лутовинова показала, что она три раза подходила къ сыну съ намѣреніемъ его зарѣзать, но два раза не могла этого исполнить, ибо у нея тряслись руки и ноги.

**) На спросъ пристава Лутовинова показала, что зарѣзавши сына, она почувствовала себя гораздо лучше, у ней какъ бы отъ сердца что отлегло.

По отобраніи вышеизложеннаго показанія, судебный слѣдователь въ составленномъ о семъ протоколѣ добавилъ слѣдующее замѣчаніе: «что Авдотья Лутовинова, во время допроса, казалась утомленною и болѣзненною; она не могла стоять и все время сидѣла на сундукѣ, на который часто прилегала, вытягивалась и зѣвала, по временамъ охала, произносила тихо жалобу на испортившую ее, какъ она говоритъ, Захарьевну и шептала молитву; то представлялась до крайности измученною, то вдругъ оживлялась, особенно въ то время, когда старалась доказать, что ее испортила Захарьевна.

Сынъ Авдотьи Лутовиновой, *Федоръ*, отозвался, что когда онъ возвратился съ улицы домой, то нашелъ дверь избы притворенною, а потому и началъ стучать въ нее; ему отворила дверь мать, но какъ только онъ вошелъ въ избу, то мать упала на полъ и не вставала; заключивъ, что она умерла, онъ побѣжалъ сказать объ этомъ невѣсткѣ своей, Феклѣ. — *Фекла Лутовинова* и сынъ Авдотьи, *Дорофей*, отозвались, что прійдя въ избу, они нашли, что Авдотья лежала на полу, а сынъ ея, Иванъ, лежалъ на лавкѣ, прикрытый дирюжкой; когда они окликнули Авдотью, то она сказала имъ, что зарѣзала сына. — Мужъ Авдотьи *отозвался*, что Авдотья, послѣ рожденія сына Ивана жаловалась на боль головы, но работала не меньше, чѣмъ прежде, и задумчивости или грусти какой, онъ въ ней не замѣчалъ, и она никогда объ этомъ не говорила. Отправляясь изъ дому 27 октября, онъ въ женѣ никакой перемѣны не замѣтилъ; когда онъ началъ топить печку, то жена сказала ему, «что же ты не ѣдешь? ступай, я сама дотоплю». Отчего именно Авдотья зарѣзала сына, онъ не знаетъ; съ нею онъ жилъ въ полномъ согласіи.

На *повальномъ обыскѣ* крестьяне села Краснаго отозвались, что Авдотья Лутовинова была на хорошемъ счету, плохаго за ней ничего не слышали; съ мужемъ своимъ она живетъ хорошо, дѣтямъ своимъ она хорошая мать; была ли она чѣмъ больна до сего времени, они не слышали; живутъ они съ мужемъ не бѣдно.

31 октября 1864 г. Авдотья *Лутовинова* была освидѣтельствована лебедянскимъ уѣзднымъ врачемъ Косинскимъ. Въ составленномъ о семъ актѣ изложено: что Лутовинова 44 лѣтъ отъ роду, средняго росту и умѣреннаго отъ природы тѣлосложенія, лице имѣла блѣдное, глаза мутные, какъ бы усталые.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ родила мальчика Ивана; вскорѣ послѣ рожденія у ней остановилось послѣродовое очищеніе и съ той поры она начала чувствовать себя нездоровою, именно: у ней была частая, почти постоянная боль головы, нерѣдко съ тошнотою до рвоты, болѣе же всего безпокоила ее тоска, но какъ припадки эти были не такъ сильны, то она мужу ничего объ нихъ не говорила. Припадки эти, какъ объяснила сама Авдотья Лутовинова и мужъ ея Петръ, во время жатвы 1863 г. усилились и приступы тоски и головной боли начали повторяться чаще и сильнѣе. Авдотья Лутовинова всегда нрава была кроткаго, съ семейными и сосѣдями жила мирно, мужа своего и дѣтей любила нѣжно, поведенія была хорошаго, къ спиртнымъ напиткамъ склонности не имѣла, до рожденія сына Ивана никакимъ болѣзненнымъ страданіямъ подвержена не была; наслѣдственное расположеніе къ разстройству умственныхъ способностей имѣла ли, неизвѣстно—потому что матерью ея солдаткою прижита незаконно въ ефремовскомъ уѣздѣ тульской губерніи, гдѣ мать ея жила постоянно и жизнь кончила; она же младенцемъ отдана въ пріемыши лебедянскаго уѣзда въ деревню Шатилову къ крестьянину Чуприкову, коимъ была воспитана и выдана въ замужество. — Принявъ въ соображеніе все изложенное, безъ всякаго сомнѣнія должно заключить: что Авдотья Лутовинова, вслѣдствіе болѣзненнаго страданія, дошедшаго до помраченія умственныхъ способностей, въ припадкѣ онаго совершила убійство сына своего и въ преступленіи своемъ чистосердечно предъ всѣми созналась.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашелъ: 1) что Авдотья Лутовинова совершила убійство двухлѣтняго сына своего безъ всякаго, по видимому, повода; 2) что она, по собственному ея показанію, въ продолженіи почти двухъ лѣтъ предъ убійствомъ сына страдала постоянно тоскою, происшедшею вскорѣ послѣ родовъ вмѣстѣ съ прекращеніемъ послѣродоваго очищенія, по убѣжденію Лутовиновой отъ порчи ея крестьянкою Захарьевою, и достигшею столь сильной степени, что сперва она намѣрена была лишить себя жизни, но потомъ рѣшилась убить всѣхъ своихъ дѣтей, причемъ полагала, что отъ этого ей сдѣлается легче; и 3) что на четвертый день послѣ преступленія, подсудимая, по замѣчанію слѣдователя, находилась

въ болѣзненномъ состояніи, была утомлена, по временамъ охала и шептала молитвы, но затѣмъ неожиданно оживлялась, особенно въ то время, когда старалась доказать, что ее испортила Захарьева; посему медицинскій совѣтъ призналъ, что убійство сына совершено Лутовиновою безсознательно, въ припадкѣ временнаго умопомѣшательства. Къ сему совѣтъ добавилъ, что Лутовинова должна быть подъ тщательнымъ надзоромъ относительно душевныхъ ея способностей, преимущественно же въ то время, если снова будетъ находиться въ послѣродовомъ состояніи.

О губернскомъ секретарѣ Иванѣ Лукинѣ, убившемъ четырехъ своихъ дѣтей.

Жена отставнаго губернскаго секретаря Мальвина Лукина, явясь въ лыбедскую часть г. Кіева, 26 января 1862 года объявила, что мужъ ея Иванъ Лукинъ, сверхъ постоянныхъ безчеловѣчныхъ истязаній, 10 дней тому назадъ, связавши ей назадъ руки, обрѣзалъ косу и обрилъ брови; когда же она за это обратилась съ прошеніемъ къ начальнику губерніи, то онъ, Лукинъ, не смотря на сильные морозы, выгналъ ее ночью изъ дому въ одной рубашкѣ. Вслѣдствіе того она должна была скрываться у сосѣдей и выпрашивать у нихъ одежду, такъ какъ всѣ платья ея мужъ частію позакладывалъ, а частію сжегъ. Сосѣди же, опасаясь буйства Лукина, затрудняются принимать ее къ себѣ тѣмъ болѣе, что мужъ ея грозитъ лишить ее жизни.

Посланный къ Лукину для приглашенія въ часть квартальный надзиратель два раза приходилъ къ нему въ домъ, но Лукинъ, запершись изнутри, его не пустилъ; пришедши же въ третій разъ 30 января, квартальный надзиратель Лукина въ домѣ не нашелъ, а засталъ лишь двухъ малолѣтнихъ дѣтей. Наконецъ 10 февраля Лукинъ доставленъ былъ къ слѣдователю и противу предложенныхъ ему вопросовъ собственноручно написалъ, что онъ, женившись безъ позволенія и благословенія матери, за что и былъ ею проклятъ, въ первое время иногда обращался съ женою жестоко, но 4 года тому назадъ, получивши отъ матери прощеніе и благословеніе, болѣе жену не билъ и даже жестоко

съ нею не обращался. Но что прежнее жестокое обращеніе его съ женою поселило съ ней такой страхъ, что въ настоящее время, когда онъ, осердясь, крикнетъ на нее, она или опрометью выбѣгаетъ на улицу почти нагая, съ крикомъ прося у сосѣдей защиты, или вооружась кочергой, кричитъ на весь домъ, что убьетъ или отравитъ его. Когда недѣли двѣ тому назадъ подобная сцена повторилась, то онъ, Лукинъ, по настоянію самой жены, предложилъ ей избрать себѣ наказаніе и при этомъ даже не согласился на ея предложеніе выколоть ей глаза или обрѣзать уши, а предложилъ ей обрѣзать косу, что она и сдѣлала добровольно. Затѣмъ спустя нѣсколько дней онъ далъ ей совѣтъ обстричь брови для того, чтобы выросли красивѣе, такъ какъ у нея бровей почти не было. Совѣтъ его она исполнила и онъ ей помогъ обстричь брови. При этомъ Лукинъ пояснилъ, что поводомъ раздоровъ его съ женою было постоянное желаніе его оставить Кіевъ, для чего необходимо продать домъ, на что она не соглашалась, а сверхъ того сближеніе ея съ нѣкоторыми лицами, которые изъ корыстныхъ видовъ разстраиваютъ ихъ семейное счастіе и фамиліарное съ однимъ изъ нихъ обращеніе.

На очной ставкѣ Мальвина Лукина показала, что мужъ постоянно наносилъ ей жестокіе побои, ужасно билъ ее ножнами сабли, билъ дѣтей и вырывалъ имъ волосы: что въ послѣдній разъ ночью послѣ истязаніи онъ, заперши двери на крючки, раскалилъ на огнѣ ножницы и спрашивалъ ее, отрѣзать ли ей носъ, или уши, или выколоть глаза; что боясь остаться калѣкой, она предложила обрѣзать ей косу; что всѣмъ истязаніямъ ея свидѣтелемъ былъ ихъ дворовый человѣкъ Иванъ Марченко; что Лукинъ по ночамъ часто выгонялъ ее нагую въ самые сильные морозы на улицу, гдѣ она иногда по цѣлымъ ночамъ просиживала, и что наконецъ онъ своими поступками до того ее довелъ, что она не можетъ быть спокойна за свою и дѣтей своихъ жизнь.

Противу сего Лукинъ, утверждая свое показаніе, отзывался, что обращался съ нею жестоко только въ Вильнѣ, а въ Кіевѣ ее вовсе не преслѣдовалъ.

По постановленію судебнаго слѣдователя Лукинъ былъ арестованъ при части, откуда по болѣзни переведенъ въ кіевскій военный госпиталь, а затѣмъ непосредственно по выздоровленіи

его, 28 февраля, онъ и жена его подали прошеніе о прекращеніи этого дѣла миромъ.

30 марта 1862 года въ Кіевѣ вытащены были изъ Днѣпра двое неживыхъ дѣтей, женскаго пола, одна 9, другая 6 лѣтъ. По осмотрѣ, на тѣлѣ ихъ знаковъ насилія не оказалось, только у старшей дѣвочки замѣтны были между лопатками незначительныя царапины, а на локтяхъ и колѣнахъ пятна синебагроваго цвѣта. Какъ никто изъ жителей города утоплениць не опознаъ и въ причинѣ смерти ихъ сомнѣнія не было, то и предали тѣла ихъ землѣ 1 апрѣля.

Вслѣдъ засимъ вечеромъ 2 апрѣля, Мальвина Лукина пришедши въ лыбедскую города Кіева часть, словесно объявила, что она подозрѣваетъ, не ея ли двѣ дочери, — найденныя недавно утонувшими дѣвочки и не утопилъ ли ихъ мужъ ея, во время ея, Лукиной, отсутствія. Посему 3 апрѣля, въ 6 часовъ утра, квартальный надзиратель съ понятыми, человѣкомъ Лукина, Иваномъ Марченко, и просительницею отправились въ домъ Лукина, который оказался пустымъ и запертымъ изнутри, и по входѣ въ комнаты, въ спальной Лукиной, нашли постель и прочее малозначительное имущество разбросаннымъ, а на лежанкѣ, около печки, трехлѣтняго сына Лукина, Константина, зарѣзаннымъ накрытымъ тряпкою и подушкою, окровавленною отъ истекавшей крови изъ перерѣзаннаго острымъ орудіемъ горла дитяти. Тутъ же около лежанки стояла дѣтская люлька 5 мѣсячнаго сына Лукина, Михаила, но младенца этого ни въ люлькѣ, ни въ прочихъ комнатахъ не было.

Мальвина Лукина объявила, что мужъ, по обычаю своего буйнаго характера, выгналъ ее изъ дому еще 24 марта и до сего времени не пускалъ въ домъ, что она скиталась у разныхъ сострадательныхъ лицъ, что хотя и была она на Днѣпрѣ, когда отыскали и хоронили утоплениць, но ихъ не видала, и что не знаетъ, гдѣ теперь Лукинъ и когда совершилъ онъ преступленіе надъ сыномъ Константиномъ.—Дворовый человѣкъ Лукина, Иванъ Марченко, объявилъ, что Лукинъ прогналъ и его изъ дому и впустилъ только на ночь 1 апрѣля послѣ усиленной его, Марченко, просьбы. Тогда же Лукинъ объявилъ ему, что дѣтей своихъ Александру, Любовь и Михаила онъ отвелъ на воспитаніе, но къ кому, не сказалъ. Младенецъ Константинъ въ это время

былъ еще живъ и видѣлъ онъ его живымъ еще вчера утромъ, 2 апрѣля, какъ равно видѣла его жившая въ домѣ Лукина и выгнанная изъ дому мѣщанка Ирина Новикова.

Находившійся въ числѣ понятыхъ купеческій сынъ Михаилъ Гриневъ объявилъ, что 2 апрѣля, т. е. наканунѣ, вечеромъ въ 9 часовъ онъ видѣлъ Лукина въ пивной, съ какимъ то другимъ человѣкомъ, ему неизвѣстнымъ, что Лукинъ былъ почти въ трезвомъ видѣ и въ пивной остался.

По обыскѣ въ домѣ Лукина на чердакѣ, въ сараяхъ, по усадьбѣ и въ отхожемъ мѣстѣ—орудія, коимъ совершено преступленіе, и младенца Михаила не найдено. Около кровати Лукина стояли, какъ и прежде, двухствольное ружье и отпущенная кавалерійская сабля.

При врачебномъ изслѣдованіи тѣла младенца Константина, знаковъ насилія не найдено; смерть его, по заключенію врача, послѣдовала отъ перерѣзанія острымъ оружіемъ горла.

Въ тотъ же день, въ $6^1/_2$ часовъ пополудни, по словесной жалобѣ въ полицію мѣщанина Николаева на то, что въ квартирѣ его находится неизвѣстный подозрительный человѣкъ, пришедшій нанимать квартиру, схваченъ былъ полиціею Лукинъ. При этомъ старался онъ освободить правую руку, въ которой былъ какъ оказалось, перочинный ножикъ и, не смотря на противодѣйствіе солдатъ, успѣлъ себѣ нанести имъ небольшую рану на шеѣ съ лѣвой стороны горла. При обыскѣ нашли у него въ карманѣ и другой перочинный ножикъ.

Губернскій секретарь Лукинъ на первомъ допросѣ, 4 апрѣля, показалъ: недѣли двѣ тому назадъ жена его требовала, чтобы онъ ѣхалъ въ херсонскую губернію за полученіемъ наслѣдства, отчего у нихъ вышла ссора и жена, бросивши домъ и 4 дѣтей, ушла, стращая, что идетъ ходатайствовать, дабы его, Лукина, посадили въ тюрьму. Всѣ усилія, которыя онъ употреблялъ, чтобы примириться съ женою, были напрасны. Въ отчаяніи онъ предался пьянству до изступленія, шлялся по кабакамъ, а домъ съ дѣтьми оставилъ на произволъ судьбы. Не зная, что съ собою дѣлать, онъ рѣшился, забравши дѣтей, уѣхать изъ Кіева, къ чему и подговорилъ двороваго своего человѣка Ивана Марченко и ожидалъ только, пока продастъ вещи. Въ промежуткѣ этого времени человѣкъ Марченко не бывалъ дома по нѣскол-

ку дней, онъ же Лукинъ постоянно ходилъ въ городъ, розыскивая жену, а дѣтей оставлялъ всегда дома. Возвратясь однажды домой, во сколько часовъ не помнитъ, засталъ онъ дѣтей спящими и, разбудивши ихъ, подошелъ къ люлькѣ сына Михаила, но нашелъ его уже умершимъ, а тѣло чуть чуть теплое. Перепуганный этимъ и боясь, чтобы его не подозрѣвали, что онъ удушилъ дитя, Лукинъ, не говоря ни слова, оставилъ его въ люлькѣ, но въ эту комнату не пускалъ ни дѣтей, ни Марченко. Съ наступленіемъ ночи, когда дѣти уснули, онъ послалъ Марченко за тремя крючками водки, а потомъ велѣлъ ему отправиться въ городъ, гдѣ днемъ онъ работалъ, что Марченко и исполнилъ; самъ же Лукинъ вышелъ изъ дому отыскать кого либо, кто бы припряталъ умершаго сына его Михаила. Повстрѣчавши на пути какого то человѣка, какъ предполагать можно — цыгана, Лукинъ разсказалъ, что ему нужно; цыганъ согласился похоронить тѣло сына его, требуя за это 4 руб. сер. и съ тѣмъ, чтобы не расспрашивать, кто онъ. Лукинъ съ цыганомъ отправились домой, цыганъ взялъ деньги и ребенка, вылезъ въ окошко и скрылся, а Лукинъ пошелъ въ кабакъ, гдѣ, разбудивши сидѣльца, купилъ у него водки и крѣпко пьянъ возвратился домой; куда же дѣлся цыганъ и что сдѣлалось съ тѣломъ сына, онъ не знаетъ.

На второмъ допросѣ, того же числа, по убѣжденію слѣдователя, Лукинъ показалъ, что нищета, семейныя обстоятельства и поступки жены заставили его рѣшиться на дѣло, въ которомъ онъ чистосердечно сознается: когда, возвратившись ночью домой изъ города, онъ увидѣлъ, что сынъ его Михаилъ, бывшій до того больнымъ, умеръ и тѣло его охладѣло, то совершенно потерялся и боясь, чтобы его не подозрѣвали, что сына задавилъ, онъ схватилъ кухонный ножъ, отрубилъ сыну голову и тѣло съ головою бросилъ въ печку надъ лежанкой, чрезъ то мѣсто, гдѣ закрываются вьюшки. Тамъ оное и теперь находится. Съ этимъ провозился онъ почти до 6 часовъ послѣ полудня слѣдующаго дня. Кончивши это, онъ одѣлъ свою дочь Любовь и падчерицу Александру и повелъ ихъ на Днѣпръ. Сидя на берегу рѣки, самъ не зналъ, что съ собою дѣлать, и какъ былъ крѣпко пьянъ, то, пошатнувшись, нечаянно толкнулъ дочь свою Любовь въ рѣку; увидѣвши ее утопающею, Лукинъ схватилъ пад-

черицу и бросилъ въ рѣку, а самъ, возвратясь домой, зарѣзалъ сына своего Константина, предполагая убить и себя.

Вслѣдствіе этого сознанія 5 апрѣля тѣло малолѣтняго сына Лукина Михаила, по указанію самого Лукина, дѣйствительно найдено въ печкѣ; оно было нагое, обезглавленное и обожженное потому, что утромъ въ день преступленія печку топили. Найденный при первомъ обыскѣ дома кухонный ножъ, на которомъ находились кровяныя пятна, по признанію Лукина былъ именно тотъ, которымъ онъ отрубилъ сыну голову. Что же касается до Константина, то, по словамъ Лукина, онъ зарѣзалъ его перочиннымъ ножемъ, однимъ изъ тѣхъ, которые у него отобрали при арестованіи.

Анатомическое изслѣдованіе тѣла младенца Михаила показало, что голова ему отрѣзана была еще при жизни.

18 апрѣля были предъявляемы Лукину и женѣ его, а также дворовому человѣку Ивану Марченко вынутыя изъ могилы тѣла утопленныхъ дѣвочекъ. Лукина отозвалась, что это дѣйствительно ея дѣти, что подтвердилъ и Марченко; самъ же Лукинъ, присматриваясь къ тѣламъ, отозвался, что онъ утвердительно оказать не можетъ, ибо тѣла подверглись порчѣ и гніенію и слишкомъ обезображены. Когда же начали обращать его вниманіе на примѣты дѣтей, то Лукинъ вторично отозвался, что если жена его и дворовый человѣкъ признали, что тѣла эти суть тѣла его дочери и падчерицы, то должно быть это справедливо, и онъ этого не опровергаетъ.

При судебно-медицинскомъ осмотрѣ ихъ тѣлъ оказалось: у старшей, Александры, на головѣ два знака, величиною въ двугривенный, и одинъ знакъ, величиною въ полтинникъ; на спинѣ знакъ, величиною въ ладонь; на лѣвомъ колѣнѣ, на бедрѣ лѣвой ноги и на лѣвой ягодицѣ по одному темносинему знаку. У меньшей, Любови, находились 3 знака на правой ногѣ выше колѣна. По заключенію городоваго врача, знаки, оказавшіеся на тѣлѣ старшей дѣвочки (падчерицы Лукина), произошли не отъ случайнаго паденія, а причинены ей постороннимъ лицомъ.

Дворовый человѣкъ Лукина, Иванъ Марченко, подъ присягою показалъ, что онъ находился при Лукинѣ годъ, и что въ теченіи всего этого времени Лукинъ обращался съ женою весьма дерзко и даже жестоко, особенно когда былъ пьянъ, а это случа-

лось почти безпрерывно; Марченко часто защищалъ ее отъ побоевъ Лукина; жена же Лукина была вынуждаема его жестокостями убѣгать изъ дому, иногда по ночамъ, почти безъ одѣянія не смотря на сильные морозы, и искать себѣ ночлега у кого-либо изъ сосѣдей; притомъ всѣ въ домѣ Лукина терпѣли недостатокъ, а если и былъ хлѣбъ, то безъ дозволенія Лукина никто брать его не смѣлъ, въ противномъ случаѣ всегда была наказываема барыня. Въ январѣ 1862 г. Лукинъ въ пьяномъ состояніи, безъ всякой причины, обрѣзалъ женѣ своей волосы, обрилъ брови и сбирался проломить голову, чтобы посмотрѣть что у нея въ мозгу, но былъ въ этомъ остановленъ имъ, Иваномъ Марченко, и, избивши жестоко жену, почти нагую съ наступленіемъ ночи выгналъ изъ дому, за что вслѣдствіе жалобы Лукиной былъ арестованъ. Скоро по возвращеніи изъ подъ ареста Лукинъ опять началъ пьянствовать и буянить, жестоко бивалъ жену и однажды, именно 24 марта, грозилъ зарѣзать ее и дѣтей. Послѣ этой угрозы жена Лукина ушла изъ дому и хотя вечеромъ возвратилась, но какъ она настаивала, чтобы съ нею въ комнатахъ была квартировавшая у нихъ въ домѣ мѣщанка Ирина Новикова, а Лукинъ этого не хотѣлъ, то жена его опять ушла и два дня не приходила домой, а онъ все это время пьянствовалъ. 27 марта вновь возвратилась Лукина, но мужъ не пустилъ ее въ домъ. 28 марта Лукинъ приказалъ Марченкѣ копать огородъ, а самъ съ дѣтьми заперся въ комнатахъ и не впускалъ его весь этотъ день. 29 марта утромъ Марченко хотѣлъ войти, но домъ былъ запертъ изнутри; сколько онъ ни стучался въ этотъ и слѣдующій день, никто не отозвался, а потому Марченко, опасаясь, не сдѣлалъ ли чего либо Лукинъ самъ съ собою и не умерли ли дѣти съ голоду, далъ о томъ знать въ полицію. Въ воскресенье (1 апрѣля) Лукинъ также не пускалъ Марченко въ комнаты, а, увидѣвши его въ окно, подозвалъ его къ себѣ и послалъ за молокомъ, которое Марченко и подалъ въ окно; при этомъ Лукинъ далъ ему записку и послалъ его за женою, но жена Лукина домой не поѣхала, потому что уже было очень поздно, о чемъ Марченко, возвратясь домой, и сказалъ Лукину. Ночевать въ домъ Лукинъ его не пустилъ. На разсвѣтѣ Лукинъ опять подозвалъ Марченко и приказалъ влѣзть въ комнаты чрезъ окошко, что и было исполнено. Зажегши свѣчу, Марчен-

ко изъ дѣтей Лукина въ домѣ засталъ только одного Константина. На вопросъ, гдѣ прочіе? Лукинъ отвѣтилъ, что отдалъ ихъ на воспитаніе, но кому именно, не хотѣлъ сказать. Въ это время Лукинъ былъ одѣтъ въ свиткѣ и имѣлъ на головѣ шапку; въ лицѣ и движеніяхъ его выражалось безпокойство и необыкновенное состояніе; когда была потушена свѣча, то онъ постоянно прислушивался, спитъ ли Марченко и, убѣдясь, что не спитъ, спрашивалъ, почему не спитъ. Рано утромъ Лукинъ приказалъ Марченкѣ затопить печь, а когда это было сдѣлано, то велѣлъ ему взять двѣ послѣднія чайныя ложечки и кострюльку, продать ихъ и на вырученныя деньги купить водки. Узнавши на пути отъ знакомыхъ женщинъ, что изъ Днѣпра вытащены двѣ утопшія дѣвочки, и сообразивъ по описанію ихъ лѣтъ, возраста и одежды, что это могутъ быть дѣти Лукина, Марченко не пошелъ продавать вещей, а отправился по частямъ объявлять о своемъ опасеніи и въ одной изъ нихъ нашелъ Лукину, прибывшую искать помощи полиціи противъ мужа.

Мѣщанка *Ирина Новикова* подъ присягою показала, что она квартировала въ домѣ Лукина, по приглашенію его жены, съ февраля по 24 марта; что по возвращеніи изъ подъ ареста Лукинъ жилъ съ женою мирно не болѣе недѣли, послѣ чего начались между ними ссоры и драки, но какъ при этомъ Лукинъ постоянно запиралъ комнаты, то Новикова не можетъ пояснить, кто былъ поводомъ дракъ; чрезъ стѣну же она неоднократно слыхала плачъ Лукиной и дѣтей. За нѣсколько дней до 25 марта раздоръ ихъ дошелъ до такой степени, что Лукина была вынуждена уйдти изъ дому. На другой или на третій день она возвратилась и просила, чтобы онъ пустилъ ее къ дѣтямъ, но только не иначе, какъ вмѣстѣ съ Новиковою и Марченко, но Лукинъ на это не согласился. Лукина снова ушла, повторяя слова, сказанныя будто бы Лукинымъ: «вотъ этотъ ножъ, приготовленный на тебя и для дѣтей», сама же Новикова не слышала, какъ Лукинъ это говорилъ. По уходѣ жены Лукинъ послалъ Новикову искать ее, но какъ она не могла найти, то Лукинъ 24 марта приказалъ Новиковой выбираться изъ дому, что она исполнила, и съ тѣхъ поръ до полицейскаго обыска въ домѣ Лукина не была.

На новомъ допросѣ, 14 апрѣля, Лукинъ въ собственноручныхъ отвѣтахъ усиливался объяснить, что отъ недостатка средствъ къ жизни, отъ ревности къ женѣ и семейныхъ огорченій, вслѣдствіе сближенія ея съ людьми, искавшими разрушить ихъ счастіе, онъ, Лукинъ, не употреблявши никакихъ спиртныхъ напитковъ почти два мѣсяца, сталъ пить; что по уходѣ жены его изъ дому, онъ вездѣ ее искалъ и однажды до свѣта ушелъ за нею самъ но, не отыскавши нигдѣ, вечеромъ возвратился домой и нашелъ домъ обворованнымъ, а сына Михаила мертвымъ и въ люлькѣ перевернутымъ; что это причинило ему такой ударъ и испугъ, что онъ съ той минуты лишился всякой памяти и что послѣ того сталъ творить, того не помнитъ. Объясненіе это Лукинъ заключаетъ тѣмъ, что находясь подъ стражею, онъ почувствовалъ разстройство своего здоровья и, давалъ ли какія показанія, не помнитъ.

Но объясненіе его о недостаточности средствъ къ жизни опровергала жена его, которая показала, что денежныхъ средствъ у нихъ было достаточно, но что Лукинъ, по гнусности характера и жестокости своей, велъ всѣ дѣла безтолково, пьянствовалъ, игралъ въ карты, буйствовалъ и заводилъ драки, отчего лишился и должности; (прочія же пререканія Лукина противъ поведенія, образа жизни и отношеній жены его къ лицамъ, у которыхъ искала она пріюта и защиты, опровергнуты изслѣдованіемъ). Въ показаніи своемъ Мальвина Лукина, подтвердивши о жестокомъ обращеніи мужа и о томъ, что выгнавши изъ дому, онъ не пускалъ ее къ дѣтямъ, не смотря на усиленныя просьбы, прибавила, что Лукинъ въ окно показывалъ ей ножъ и грозилъ зарѣзать имъ ее и дѣтей, послѣ чего она отправилась въ судъ съ просьбою о защитѣ.

На очной ставкѣ противу показанія жены Лукинъ не желалъ слушать ея показаній, а при дальнѣйшихъ разговорахъ допустилъ такое выраженіе, что онъ до того времени притворялся сумасшедшимъ и игралъ роль эту; затѣмъ на составленномъ о семъ актѣ собственноручно написалъ: роль его сумасшествія, проистекающая изъ любви къ женѣ, доходящей до болѣзненнаго состоянія, необходима была по многимъ причинамъ, а болѣе всего для того, чтобы до открытія истины отдалить всякое по-

дозрѣніе на жену и тѣмъ подвергнуть ее, виновницу во многомъ, аресту.

Лица, допущенныя Лукинымъ къ допросамъ и спрошенныя подъ присягою, показали: судебный слѣдователь *Воликовскій*, что 5 апрѣля, во время обыска въ домѣ Лукина, онъ, по знакомству съ Лукинымъ, изъ любопытства спрашивалъ его, дѣйствительно ли онъ умертвилъ своихъ дѣтей, на что Лукинъ отвѣчалъ утвердительно, прибавивъ притомъ, что поводомъ къ этому преступленію было нетрезвое состояніе, такъ какъ въ этотъ день выпилъ 12 крючковъ водки. Въ Лукинѣ въ это время Воликовскій не замѣтилъ отсутствія здраваго ума; о женѣ своей Лукинъ ничего не говорилъ, а также не говорилъ, какимъ образомъ умертвилъ онъ дѣтей. На очныхъ ставкахъ съ Воликовскимъ Лукинъ сознался, что онъ чрезъ поведеніе жены своей предался спиртнымъ напиткамъ и, подъ вліяніемъ ихъ зарѣзавши мертваго ребенка, утопилъ 2 дочерей и тотчасъ же убилъ послѣдняго сына.

Приставъ кіевской полиціи *Ильницкій* показалъ, что во время сопровожденія Лукина въ тюремный замокъ, 6 апрѣля, онъ спрашивалъ его о причинѣ умерщвленія дѣтей. На это Лукинъ сперва заплакалъ, а потомъ разсказалъ, какъ и въ прежнихъ показаніяхъ, о женитьбѣ своей противъ воли родителей и о семейныхъ раздорахъ съ женою по поводу знакомствъ ея противъ его желанія; затѣмъ онъ сознался, что отъ огорченія сталъ запивать; что арестъ его по жалобѣ жены еще болѣе озлобилъ его противъ нея; что послѣ ареста отъ усиленнаго огорченія и стыда онъ сталъ еще болѣе запивать и постоянно ссорился съ женою; что когда отъ него ушла жена, оставивши его безъ денегъ съ 4 дѣтьми, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней не было чѣмъ кормить дѣтей, а грудной ребенокъ замиралъ уже съ голоду, то онъ, будучи въ отчаянномъ положеніи и хмѣльномъ видѣ, чтобы пріютить старшихъ дочерей, приказалъ имъ одѣться и повелъ къ Днѣпру; слѣдуя же туда, взялъ по дорогѣ бутылку рому. Пришедши на берегъ Днѣпра, Лукинъ сѣлъ отдохнуть причемъ, смотря на дѣтей, ему стало жаль ихъ и тяжело на душѣ; тогда, поднявшись на ноги и вынувши изъ кармана бутылку рому, онъ выпилъ ее, отчего пришелъ въ опьяненіе. Меньшая дочь его стояла въ это время предъ нимъ и смотрѣла на

воду Днѣпра; онъ толкнулъ ее ногою въ спину такъ сильно, что она упала въ рѣку и начала тонуть. Тогда онъ приказалъ падчерицѣ сбросить верхнюю одежду и одну руку дать ему, а другою тащить изъ воды утопающую сестру. Какъ только падчерица для этой цѣли вошла въ воду, то онъ и ее толкнулъ, выпустивши ея руку изъ своей руки. Когда эта дѣвочка утопая стала кричать, то отъ того стало несносно отражаться въ ушахъ его и онъ, закрывъ уши руками, мгновенно оттуда ушелъ. Возвратившись домой и видя, что грудной ребенокъ почти совсѣмъ умиралъ съ голоду и отъ разслабленія, Лукинъ изъ состраданія, чтобы прекратить его мученія, отрѣзалъ ему голову, а потомъ въ отчаяніи зарѣзалъ и послѣдняго 3 лѣтняго сына. Соображая же, что за таковыя преступленія онъ скорѣе будетъ арестованъ въ своемъ домѣ, Лукинъ, забравши нѣкоторыя вещи, ушелъ въ отдаленную часть города съ намѣреніемъ достать для себя яду и сперва отыскать и зарѣзать свою жену, а потомъ отравиться. Въ Лукинѣ среди этого разговора Ильницкій не замѣтилъ никакихъ признаковъ сумасшествія.—Показаніе Ильницкаго подтвердилъ находившійся при арестованіи Лукина рядовой полицейской команды Евтушенко.

Смотритель тюремнаго замка, Степановъ, показалъ, что по прибытіи Лукина въ замокъ онъ изъ любопытства его спрашивалъ, какая была причина къ совершенію убійства дѣтей? На это Лукинъ объяснялъ, что отъ развратнаго поведенія жены, которая по цѣлымъ недѣлямъ не бывала въ домѣ, онъ предался пьянству, выпивалъ до 12 крючковъ водки въ сутки и былъ въ такомъ состояніи, что совершенно не чувствовалъ, что дѣлалъ. Все это Лукинъ разсказывалъ здраво и логически. При этомъ смотритель замка присовокупилъ, что въ теченіи всего трехмѣсячнаго срока содержанія Лукина въ замкѣ, въ состояніи здоровья его не замѣчалось никакихъ ненормальностей.

Кіевскій городовой врачъ Заславскій, чтобы опредѣлить состояніе умственныхъ способностей Лукина, предлагалъ ему соотвѣтственные вопросы со дня арестованія его и наблюдалъ надъ нимъ въ теченіи 20 дней. Во все это время Лукинъ отвѣчалъ на вопросы и вообще говорилъ здраво, умно и весьма логично, доказывая и самъ, что онъ въ настоящее время находится въ полномъ разсудкѣ. О преступленіи же Лукинъ гово-

рилъ, что рѣшительно ничего не помнитъ и не знаетъ, а если что нибудь сдѣлалъ, то это случилось не иначе, какъ въ припадкѣ сумасшествія, котораго онъ имѣлъ два приступа въ своей жизни, и что отецъ его долгое время былъ тоже сумасшедшимъ. При этомъ городовой врачъ Заславскій присовокупляетъ, что 10 марта 1862, за $2^1/_2$ недѣли до преступленія Лукина, онъ имѣлъ случай видѣть его, по поводу освидѣтельствованія двороваго человѣка Ивана Марченко; въ это время Лукинъ говорилъ и разсуждалъ, какъ нельзя лучше. Два года предъ тѣмъ Заславскій былъ тоже въ домѣ Лукина, съ цѣлію освидѣтельствованія наказаннаго имъ мальчика, и въ это время, кромѣ раздражительнаго и строптиваго характера, въ умственныхъ способностяхъ Лукина не замѣчалось ничего ненормальнаго.

Дворянинъ *Масальскій*, знавшій жену Лукина еще въ первомъ бракѣ ея и дававшій ей пріютъ въ семействѣ своемъ, когда она жестокостями Лукина была вынуждаема оставлять домъ свой, показалъ, что Лукинъ дѣйствительно обращался съ женою жестоко и что унтеръ-офицеръ *Ланге*, у котораго квартировалъ Лукинъ, бывши смотрителемъ гимназіи въ 1857 году, долженъ былъ отказать ему отъ найма квартиры, опасаясь послѣдствій отъ жестокаго обращенія Лукина съ женою и дѣтьми. Сверхъ того Масальскій показалъ, что въ 1859 году, когда Лукина, бывши беременна сыномъ Константиномъ, начала чувствовать родовые потуги, Лукинъ билъ ее и столкнулъ съ кровати; родной братъ Лукиной, пріѣзжавшій въ Кіевъ съ цѣлью помочь горестному положенію сестры и бывшій при этой сценѣ, вынужденъ былъ вывести Лукину изъ дома и перевести къ Масальскимъ, гдѣ она почти немедленно по пріѣздѣ и разрѣшилась отъ бремени.

Сосѣдъ Лукина, отставной капитанъ *Ушаковъ*, показалъ, что въ октябрѣ или ноябрѣ 1861 года Лукина, на 3 день послѣ родовъ сына Михаила, была поздно вечеромъ выгнана мужемъ изъ дому, въ одной рубахѣ, и нашла пріютъ въ семействѣ его. Въ другой разъ Ушаковъ принялъ ее къ себѣ 20 января 1862 года, когда Лукинъ, обрѣзавши ей волосы и обривши брови, выгналъ ее на улицу.

Шесть человѣкъ *сосѣдей* Лукина подъ присягою показали, что Лукинъ предавался пьянству и обращался съ своею женою

безчеловѣчно, билъ ее жестоко и выгонялъ ее по ночамъ изъ дому почти нагую, хотя бы это было зимою въ сильные морозы. Касательно поведенія жены Лукина они ничего худаго сказать не могутъ, ибо она была характера смирнаго; чтобы она сама вынуждала мужа своего къ ссорѣ, того не слыхали и ничего худаго за ней не замѣчали, а потому поведеніе ея одобряютъ.

Лѣтомъ 1860 года Лукинъ состоялъ подъ слѣдствіемъ за жестокое обращеніе съ находившимися у него въ услуженіи крестьянами.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ арестованія Лукина, 14 апрѣля, смотритель тюремнаго замка донесъ, что арестанты чиновники, вмѣстѣ съ которыми Лукинъ помѣщенъ, обратились къ нему, смотрителю, съ просьбою объ удаленіи Лукина изъ камеры, потому что онъ ежеминутно предпринимаетъ разныя средства къ лишенію себя или кого либо жизни. Противу сего Лукинъ отозвался, что доносъ, сдѣланный арестантами о посягательствѣ его на самоубійство, несправедливъ, потому что объ этомъ онъ, Лукинъ, самъ ихъ просилъ для своихъ цѣлей, но цѣлей этихъ не объяснилъ.

11 апрѣля подсудимый Лукинъ въ прошеніи, на имя кіевскаго генералъ губернатора, жалуясь на заключеніе въ тюремномъ замкѣ, объяснялъ, что онъ съ юныхъ лѣтъ страдаетъ болѣзнею, приводящею его въ умоизступленіе и что вслѣдствіе смерти сына, оставленнаго матерью безъ попеченія, онъ, Лукинъ, лишился памяти, а что затѣмъ произошло, не помнитъ.—Въ разновременно поданныхъ послѣ того генералъ губернатору и губернатору прошеніяхъ и въ отзывахъ слѣдователю при передопросѣ Лукинъ пояснялъ, что сознаніе его въ убійствѣ дѣтей сдѣлано имъ или въ безпамятствѣ, или въ пьяномъ состояніи, или писано подъ диктовку слѣдователя; какъ же совершено то убійство и кѣмъ именно, онъ не знаетъ и ничего не помнитъ; болѣе же всего подозрѣваетъ въ семъ преступленіи какъ свою жену Мальвину Лукину, такъ и приближенныхъ ей лицъ.—По случаю таковыхъ разнорѣчій въ показаніяхъ, Лукинъ былъ вызванъ для очныхъ ставокъ съ лицами, прикосновенными къ дѣлу, но отозвался, что до разрѣшенія поданныхъ имъ прошеній и до выздоровленія онъ рѣшительно ни съ кѣмъ ни какихъ очныхъ ставокъ имѣть не

хочетъ. Когда же ему было объявлено, что по имѣющемуся при дѣлѣ увѣдомленію доктора онъ, Лукинъ, можетъ давать отвѣты на всѣ вопросы, то Лукинъ на это отозвался, что онъ требуетъ очныхъ ставокъ, но времени на это опредѣлить не можетъ.

По передачѣ дѣла новому слѣдователю, Лукина вызывали для предъявленія ему лицъ, необходимыхъ къ допросу, и для взятія отъ него противъ таковой ставки отзыва, но Лукинъ отъ явки уклонился сперва будто бы по болѣзни, а потомъ отозвался, что никакихъ показаній и очныхъ ставокъ онъ не можетъ дать по уважительнымъ причинамъ, которыя онъ объявитъ членамъ уѣзднаго суда, когда будетъ вызванъ въ судъ.

Въ объясненіи, поданномъ въ кіевскій уѣздный судъ 6 сентября 1863 года, Лукинъ, усиливаясь доказать, что онъ совершенно невиненъ въ убійствѣ дѣтей, объяснялъ, что въ то время, когда онъ съ отчаянія отъ раздора съ женою предался пьянству, онъ принялъ въ домъ для прислуги какого то Николая, фамиліи не помнитъ, котораго онъ неоднократно нанималъ для черной работы съ толкучаго рынка; что однажды въ отсутствіе его, Лукина, приходила въ домъ жена съ какою то старушкою; по возвращеніи же домой по уходѣ ихъ, онъ замѣтилъ, что нѣкоторыя вещи унесены, а груднаго младенца нашелъ мертвымъ и перевернутымъ спиною вверхъ; что послѣ того онъ не помнитъ, что съ нимъ и вокругъ дѣлалось; что съ Николаемъ онъ началъ пить и днемъ и ночью, не вставая съ постели, проводилъ время за виномъ; что въ это время сосѣднія бабы, прачки, воспріемныя бабки, молошницы и прежнія кухарки безпрестанно и поочередно приходили съ предложеніями отдать имъ дочь Александру для передачи женѣ; что проснувшись наконецъ онъ замѣтилъ, что обѣ дочери у него выкрадены, и что когда онъ собрался ѣхать изъ Кіева, чтобы отыскивать свою жену съ дѣтьми, а сына Константина оставилъ дома, положивши подлѣ него булку, то Николай, возвратившись въ комнаты, этого послѣдняго зарѣзалъ и ему въ томъ сознался. Вскорѣ послѣ этого сознанія Лукинъ былъ арестованъ, а Николай вырвался изъ рукъ солдатъ и бѣжалъ; сознаніе же вынуждено у показателя пристрастнымъ слѣдователемъ во время его безпамятства и помраченія умственныхъ способностей отъ пьянства и душевнаго потрясенія, и да-

но имъ при ложно понимаемомъ чувствѣ самопожертвованія для спасенія обожаемой имъ жены его.

При этихъ же объясненіяхъ остался Лукинъ въ рукоприкладствѣ 7 февраля 1864 года подъ выпискою изъ дѣла кіевской палаты уголовнаго суда.

По совокупности означенныхъ преступленій кіевскій уѣздный судъ присудилъ губернскаго секретаря Лукина: къ наказанію за предумышленное убійство, на основаніи ст. 1999 и 2000 кн. 1 тома XV свода законовъ уголовныхъ.

Кіевская палата уголовнаго суда опредѣлила Лукину туже мѣру наказанія.

Медицинскій совѣтъ, сообразивъ вышеизложенныя обстоятельства, нашелъ, что для постановленія заключенія о состояніи умственныхъ способностей Лукина во время совершенія преступленій, необходимо подвергнуть его, врачебному изслѣдованію въ судебно-медицинскомъ отдѣленіи клиники университета св. Владиміра или въ другой какой либо изъ кіевскихъ больницъ, подъ наблюденіемъ профессоровъ судебной медицины и психіатріи въ продолженіи шести мѣсяцевъ, и кромѣ того собрать болѣе подробныя свѣдѣнія о прежней жизни Лукина и состояніи здоровья его до совершенія преступленія.

Убійство унтеръ-офицеромъ Тимофѣемъ Нефедовымъ своего сына.

(Болѣзненно-ложныя представленія).

31-го августа 1861 г. сотскій сельца Труфанова (масальскаго уѣзда, калужской губерніи) донесъ мѣстному становому приставу, что проживающій въ сельцѣ Труфановѣ отставной унтеръ-офицеръ Тимофѣй Нефедовъ ночью съ 29-го на 30 августа, неизвѣстно по какой причинѣ, умертвилъ своего роднаго сына Семена Тимофѣева, имѣющаго отъ роду одинъ годъ.

4-го сентября 1861 г., на спросъ временнаго отдѣленія масальскаго земскаго суда, унтеръ-офицеръ Тимофѣй Нефедовъ (51 года) показалъ, что съ 1856 года онъ находится въ отставкѣ и проживаетъ въ сельцѣ Труфановѣ. 29 августа, поужинавши,

онъ сказалъ женѣ: «помолись Богу, да поди посмотри, дома ли свиньи, пришли-ли онѣ, а я пока покачаю ребенка». Жена пошла посмотрѣть свиней, а онъ, Нефедовъ, сталъ качать ребенка, лежавшаго въ люлькѣ, висѣвшей среди избы; закачавши ребенка, онъ прилегъ на коникъ и задремалъ. Возвратясь со двора жена сказала, что свиней дома нѣтъ, и затѣмъ легла на печь спать. Въ это время ребенокъ спалъ. Въ полночь онъ, Нефедовъ, проснулся, и ему представилось, что будто бы пришли свиньи и лезутъ къ нему подъ пальцы; онъ закричалъ женѣ «пойди Танюха, отгони отъ меня свиней, они вотъ лезутъ ко мнѣ подъ пальцы, прогони скорѣй ихъ, и засвѣти огонь». Жена слѣзла съ печи, вздула огонь, и сказала: «что ты, перекрестись, какія тутъ свиньи»; затѣмъ она вышла на дворъ посмотрѣть свиней. Въ это время въ избѣ все еще горѣлъ огонь. Закуривъ трубку и легши на коникъ, онъ, Нефедовъ, дожидался жены. Наконецъ она вернулась и сказала, что свиней нѣтъ; послѣ этого онъ началъ спорить съ женою о томъ, что какъ-такъ до сего времени не возвратились свиньи и какъ она не смотрѣла; потомъ, разгорячась и бросивъ трубку, онъ вскочилъ, вырвалъ у жены огонь, ударилъ ее и прогналъ опять розыскать свиней, а самъ легъ спать. Спустя нѣсколько времени жена взошла въ избу, приведя съ собою невѣстку Анну Хрисанфову, которая стала бранить его, говоря, что онъ не въ голосъ буянитъ. Разгорячась, онъ ударилъ жену кулакомъ по шеѣ, а невѣстку — разъ пять ударилъ въ грудь и по шеѣ; тотчасъ же онѣ побѣжали отъ него на улицу, но въ дверяхъ онъ схватилъ невѣстку за рубаху и втащилъ ее назадъ въ хату; здѣсь она стала упрашивать его, говоря: «что ты дѣлаешь Тимофѣй, перекрестись, или ты съ ума сошелъ,—ну пусти, мы обѣ съ Танюхою пойдемъ въ избу, иди впередъ»; бросивши невѣстку, онъ пошелъ,—но оглянувшись увидѣлъ, что онѣ ушли, наложивъ веревочку на сѣнную дверь (забранную изъ хвороста стойникомъ). Когда послѣ того онъ вошелъ въ избу, то ему представилось, что посреди избы стоитъ сивый, бѣлый, весь лохматый человѣкъ; онъ, Нефедовъ, прямо бросился къ нему для того, чтобы отогнать и избить его, словомъ прогнать отъ дитяти; но въ потьмахъ онъ выбилъ ребенка изъ висѣвшей посреди избы люльки; упавши на полъ, ребенокъ закричалъ; послѣ этого его, Нефедова, взялъ оторопъ, онъ испугался, совсѣмъ

потерялся и сталъ, бывши еще въ памяти, топтать ногами и сѣчь ребенка. Затѣмъ онъ взялъ его на руки, выбѣжалъ на дворъ въ дверь, которая была незаперта, а со двора—на улицу; здѣсь онъ бросилъ ребенка на дорогу. Какимъ же образомъ онъ, Нефедовъ, стоялъ на ребенкѣ, когда прибѣжали жена его и крестьяне сельца Труфанова, Игнатій Матвѣевъ и Макаръ Степановъ, съ женою, а также какъ жена выхватила изъ подъ ногъ его младенца, онъ Нефедовъ ничего не помнитъ, но жена ему разсказывала — какъ это, такъ и то, что когда она отнимала у него младенца, бывшаго уже мертвымъ, то онъ схватилъ ее правою рукою за правую косу, а лѣвою за лѣвую, но ее отняли крестьяне Матвѣевъ и Степановъ, которые и отвели его, Нефедова, въ избу и положили спать. Проснувшись на другой день, онъ очнулся и увидѣлъ, что маленькій сынъ его лежитъ мертвый, а жена плачетъ; когда онъ спросилъ жену, чего она плачетъ, то та стала его бранить, говоря: «что ты с—нъ сынъ, плутъ надѣлалъ, погубилъ ты себя и меня, — задушилъ ты дитя»; но онъ, Нефедовъ, все еще не вѣря, что ребенокъ неживъ, опять легъ на тотъ же коникъ, гдѣ спалъ наканунѣ. Кромѣ сего онъ никогда и ни въ какихъ преступленіяхъ не участвовалъ, ни въ какихъ другихъ предосудительныхъ поступкахъ замѣшанъ не былъ и ни съ кѣмъ другимъ участія въ преступленіяхъ не принималъ. Къ сему Нефедовъ добавилъ, что хотя онъ и пилъ прежде водку, но съ свѣтлаго христоваго воскресенія 1861 года перестать ее пить.

4-го сентября 1861 г. масальскимъ городовымъ врачемъ Андрее произведенъ былъ судебно-медицинскій осмотръ трупа сына Тимоѳея Нефедова, причемъ оказалось: по наружному осмотру, покойный имѣлъ отъ роду 1 годъ; тѣлосложеніе его среднее; кожа блѣдная, гнилость незначительная; на лбу, надъ обоими глазами, находилось по синему пятну, величиною каждое около серебрянного рубля. Кожа на этихъ пятнахъ неподвижно пристала къ подлежащимъ частямъ; сверху праваго пятна, около волосъ, при давленіи, замѣтно хрустѣніе, какое обыкновенно слышится при переломахъ костей; на шеѣ съ правой стороны, подъ угломъ нижней челюсти, находилась ссадина, около дюйма длины и полдюйма ширины. На передней поверхности груди находились мелкія продолговатыя царапины; подмышки были цѣлы;

онъ сказалъ [illegible] такихъ же царапинъ, какъ и на свиньи, [illegible] каждая и ½ линіи ширины), прешла [illegible] отъ пупка до половыхъ органы [illegible] органы цѣлы; на спинѣ находилось [illegible] одна, около вершка длиной и полдюйма ши[illegible] другая около 1½ вершковъ въ діаме[illegible] по срединѣ поясницы на послѣднихъ 2-хъ спинныхъ и первыхъ двухъ поясничныхъ позвонкахъ, простираясь почти одинаково по обѣ стороны позвоночника; на бедрахъ находилось [illegible] продольныхъ ссадинъ, каждая въ ½ вершка длиною; [illegible] трупъ былъ изсѣченъ и избитъ. — При внутреннемъ осмотрѣ по снятіи съ головы волосъ, на кожѣ ея около затылочнаго бугра, замѣчено такое же синее пятно какъ и на лбу, хрустѣніе при давленіи было и здѣсь; въ надчерепной кожѣ, въ окружности упомянутаго пятна, находились кровяные подтеки; въ правой лобной кости найденъ переломъ, который начинался около передняго угла большаго родничка и косвенно шелъ къ серединѣ верхняго края правой глазницы, не доходя до него на ½ дюйма и представляя такимъ образомъ щель. Такой же переломъ найденъ на затылочной кости съ лѣвой стороны затылочнаго бугра, направленіе перелома — къ большой затылочной дырѣ, а величина около дюйма. Твердая мозговая оболочка въ мѣстахъ переломовъ окрашена излившеюся кровью; сосуды этой оболочки значительно инъекцированы, равно какъ ея пазухи. Мягкая и паутинная оболочки рѣзко не измѣнены. Существо мозга размягчено, пропитано кровянистою жидкостію. Тѣ же явленія замѣчались въ желудочкахъ и остальныхъ частяхъ мозга, а равно въ мозжечкѣ и въ продолговатомъ мозгу. Сосуды шеи, гортань и дыхательное горло, глотка и начало пищепріемника, были нормальны. Въ грудной полости, легкія найдены малокровными, околосердечная сумка, сосуды сердца, и самое сердце были нормальны. Брюшная полость содержала значительное количество излившейся крови; сальники и желудокъ нормальны; въ желудкѣ содержалось около унціи желтоватой, жидкой смѣси. Тонкія и толстыя кишки были нѣсколько вздуты, въ нихъ заключалось немного густой, желто-сѣрой смѣси. Брыжжейка была нормальна. На выпуклости правой доли печени, обращенной къ діафрагмѣ, находился Т-образный разрывъ, продольная часть котораго была параллельна

оси тѣла, длина разрыва около вершка и шла спереди и сверху назадъ и внизъ; поперечная часть разрыва имѣла около дюйма длины, лежала поперегъ справа на лѣво. Глубина разрыва въ существо печени почти вездѣ на полдюйма. Желчный пузырь, селезенка, поджелудочная железа, почки, мочевой пузырь и дѣтородныя части были нормальны. Позвоночный столбъ ни уклоненій отъ естественности, ни внутреннихъ поврежденій не представлялъ. Изъ вышеизложеннаго врачъ Андрее заключилъ, что причиною смерти сына Тимоѳѣя Неѳедова были нанесенные ему поврежденія, преимущественно внутреннія *).

Жена Тимоѳѣя Неѳедова, Татьяна (52 лѣтъ), на спросъ временнаго отдѣленія масальскаго земскаго суда показала, что вечеромъ 29 августа, поужинавши, мужъ сказалъ ей, чтобы она посмотрѣла, дома-ли свиньи; когда она пошла посмотрѣть свиней, то мужъ сталъ качать маленькаго сына, Семена, который лежалъ въ люлькѣ, висѣвшей посреди избы. Пришедши со двора въ избу, она сказала мужу, что свиньи дома; въ это время мужъ ея лежалъ на коникѣ, а ребенокъ уже спалъ въ люлькѣ. Загасивши огонь, она легла спать на печь. Въ полночь она услышала, что мужъ кличитъ ее, говоря «Танюха, вставай скорѣй, засвѣти огонь, свиньи наши пришли и вотъ лѣзутъ ко мнѣ подъ пальцы, поди отгони ихъ скорѣй»; сказавъ на это мужу: «что ты это, Господь съ тобой, перекрестись, какія тамъ свиньи», она слѣзла съ печи; мужъ же въ это время ходилъ по избѣ въ потьмахъ и вдругъ ударилъ ее по уху и хотѣлъ схватить за воротъ, но она вырвалась отъ него и убѣжала къ брату мужа, Григорью Неѳедову, а какъ его не было дома, то она попросила жену его, Анну Хрисанѳову, чтобы пошла къ ней для того, чтобы взять ребенка, а то онъ будетъ кричать. Лишь только онѣ вошли въ сѣни, Тимоѳѣй схватилъ ихъ обѣихъ и началъ бить; ее, Татьяну, онъ ударилъ по головѣ, а Анну нѣсколько разъ по головѣ и въ грудь; послѣ этого Анна стала просить Тимоѳѣя, чтобы онъ пустилъ ее, говоря, что мы пойдемъ въ хату, иди впередъ; засимъ Тимоѳѣй пошелъ впередъ, а она, Татьяна, за нимъ, Анна же вернулась; только что она переступила порогъ, какъ вдругъ мужъ опять ударилъ ее, а потому она и убѣжала

*) Составленный врачемъ Андрее актъ утвержденъ калужскою врачебною управою.

къ Григорію Нефедову и вмѣстѣ съ Анною стала кричать: «батюшки, караулъ, убилъ меня»; на крикъ ея прибѣжали крестьяне Игнатій Матвѣевъ и Макаръ Степановъ съ женою Настасьею. Услыхавши, что Тимофѣй началъ кричать, она пошла къ дому, гдѣ и увидѣла, что Тимофѣй стоитъ посреди дороги на ребенкѣ; послѣ этого она нагнулась, чтобы выхватить ребенка изъ подъ Тимофѣя, но онъ, Тимофѣй, уцѣпился въ ея волосы. Пришедшіе съ нею крестьяне отняли ее отъ мужа, котораго и повели въ домъ брата, а она, взявши мертваго ребенка, пошла въ свою избу. Спустя нѣсколько времени, мужа привели домой связаннаго и положили спать; въ это время онъ всё еще кричалъ — Богъ знаетъ что, но потомъ утихъ. Что послѣ того и на другой день дѣлалъ мужъ, она отъ огорченія ничего не помнитъ.

Невѣстка Тимофѣя Нефедова, Анна Хрисанфова, показала, что ночью съ 29 на 30 августа, въ небытность дома мужа, пришла къ ней подъ окно жена Тимофѣя, Татьяна, и со слезами сказала: «невѣстка поди ко мнѣ; меня мужъ бьетъ за свиней». На это она, Анна, отвѣтила: «какъ же я пойду, онъ сердитъ, прибьётъ и меня»; Татьяна же сказала: «не бойся, онъ тебя послушаетъ». Послѣ этого онѣ пошли къ избѣ Тимофѣя, въ сѣни которой вошла Татьяна, а она, Анна, осталась около порога. Въ это время Тимофѣй схватилъ было Татьяну, но, та вырвалась и онѣ побѣжали къ двери, выходящей на улицу. Тимофѣй догнавши, схватилъ ее, Анну, и началъ бить, сперва ударилъ ее раза четыре въ голову, а потомъ началъ совать кулаками въ грудь; съ помощію Татьяны, она вырвалась и ушла домой. Вслѣдъ за этимъ Татьяна опять пришла къ ней и сказала, что мужъ «сцапалъ» было ее. Тутъ онѣ услышали крикъ «погорѣли», причемъ, кричали, что горитъ Тимофѣевъ дворъ. Засимъ Татьяна побѣжала домой, а она, Анна, осталась на горкѣ, и узнавши, что домъ Тимофѣя не горитъ, пошла къ себѣ въ избу. Послѣ этого пришелъ мужъ ея Григорій и сказалъ, что Тимофѣй убилъ маленькаго своего сына. Къ сему Анна Хрисанфова добавила, что Тимофѣй былъ вообще характера молчаливаго, и случалось, что если говорили не по немъ, сердился. Татьяна Нефедова никогда на мужа своего не жаловалась и жили они согласно.

Крестьяне сельца Труфанова Игнатій Матвѣевъ и Макаръ Степановъ показали, что услыхавши ночью съ 29 на 30 августа крикъ «погорѣли», они выбѣжали на улицу и увидѣли, что Тимофѣй Нефедовъ держитъ за волосы свою жену, у которой на рукахъ былъ ребенокъ. Отнявши жену, они связали Тимофѣя, который «не хорошо кричалъ», и позвали старосту, по приказанію котораго отвели Тимофѣя въ избу и положили его на печь, гдѣ онъ и заснулъ. Сами же они караулили Тимофѣя до утра.—Крестьянинъ Макаръ Степановъ, кромѣ того объяснилъ, что когда Тимофѣй проснулся, то онъ, Степановъ, спросилъ его: «что ты, Тимофѣй это сдѣлалъ, убилъ ребенка своего», на это Тимофѣй сказалъ: ну, ужъ мнѣ его вѣрно не воскресить, и опять легъ.

Староста сельца Труфанова, подтвердивъ показаніе крестьянъ Матвѣева и Степанова, дополнилъ, что Тимофѣй былъ характера молчаливаго, и странностей въ немъ никакихъ замѣтно не было; хотя онъ и пилъ водку, но не пьянствовалъ и жилъ воздержанно. Сдѣланное старостою дополненіе подтвердилъ братъ Тимофѣя, Григорій.

На повальномъ обыскѣ крестьяне сельца Труфанова отозвались, что про Тимофѣя Нефедова они ничего дурнаго не слышали, характера онъ былъ молчаливаго, не любилъ ни съ кѣмъ разговаривать; семейную жизнь онъ велъ покойно.

Калужская палата уголовнаго суда признала нужнымъ: 1) произвести доизслѣдованіе для разъясненія слѣдующихъ обстоятельствъ: а., не былъ ли Тимофѣй Нефедовъ подверженъ когда либо припадкамъ умоизступленія; б., не было ли между нимъ и женою какихъ либо поводовъ къ подозрѣніямъ относительно вѣрности супружескихъ обязанностей, и в., какое расположеніе оказывалъ Тимофѣй къ своему сыну; и 2) подвергнуть Нефедова медицинскому освидѣтельствованію и испытанію для опредѣленія умственныхъ его способностей.

При произведенномъ доизслѣдованіи, крестьяне сельца Труфанова (12 человѣкъ) отозвались, что Тимофѣй Нефедовъ припадкамъ умоизступленія подверженъ не былъ; что между нимъ и женою поводовъ къ подозрѣніямъ относительно вѣрности супружескихъ обязанностей не было, и что къ сыну своему Тимофѣй оказывалъ хорошое расположеніе.

20 ноября 1861 г., Тимофѣй Нефедовъ былъ *освидѣтельствованъ* въ состояніи умственныхъ способностей въ особомъ присутствіи калужскаго губернскаго правленія. Хотя при освидѣтельствованіи этомъ Нефедовъ и найденъ былъ въ здравомъ разсудкѣ, но для удостовѣренія въ томъ, не случается ли съ нимъ періодическое помѣшательство ума, члены калужской врачебной управы признали необходимымъ подвергнуть Нефедова испытанію въ больницѣ калужскаго приказа общественнаго призрѣнія въ теченіи шести недѣль. Вслѣдствіе сего Нефедовъ находился въ вышеозначенной больницѣ съ 28 февраля по 28 мая 1862 г., причемъ, какъ видно изъ рапорта калужской врачебной управы въ мѣстную палату уголовнаго суда отъ 30 іюля 1862 г. у Нефедова не было замѣчено никакихъ припадковъ умственнаго разстройства.

Въ поданномъ 1 апрѣля 1861 г. калужскому губернскому прокурору прошеніи Тимофѣй Нефедовъ изъяснилъ, что въ 1861 году онъ былъ долгое время одержимъ болѣзнію; ему присовѣтовали купаться каждое утро и вечеръ, что онъ и исполнялъ ежедневно; въ августѣ мѣсяцѣ того же года, не припомнитъ какого числа, искупавшись по обыкновенію, онъ вскорѣ почувствовалъ сильное головокруженіе, вслѣдствіе котораго обезпамятовалъ и не знаетъ, какъ попалъ въ свою избу; чрезъ нѣсколько времени онъ, чувствуя себя въ большомъ разслабленіи и придя немного въ память, увидѣлъ предъ собою стряпчаго масальскаго уѣзднаго суда и становаго пристава, которые уличали его въ убійствѣ сына, въ чемъ онъ не могъ имъ отвѣчать, но на вопросы сказалъ: «пишите, что вздумаете»; засимъ не зная и не читая выдуманное ими показаніе, онъ, по неотвязному ихъ требованію, подписалъ его; въ настоящее же время, чувствуя себя здраво-разсудительнымъ, онъ, Нефедовъ, проситъ: переизслѣдовать дѣло.

11 сентября 1862 г., Тимофѣй Нефедовъ въ рукоприкладствѣ къ составленной въ палатѣ уголовнаго суда запискѣ изъ дѣла, изъяснилъ, что въ произведенномъ имъ убійствѣ сына, о которомъ одно лишь воспоминаніе должно, по настоящему его, Нефедова, мнѣнію и по сравненію мирной семейной жизни, убѣдить правосудное правительство въ истинѣ дѣйствительно случившейся съ нимъ потери разсудка, какъ это и видно изъ самыхъ даже

показаній жены его и прочихъ, во первыхъ: что онъ непредосудительной жизни и не имѣлъ никогда и ни въ какихъ случаяхъ характера вздорнаго; во вторыхъ, что причиною этому послужило помѣшательство его разсудка отъ приключившейся съ нимъ по началу лихорадки, а потомъ, какъ очевидно, послѣдующей за нею горячки, и по этому лишь случаю онъ и впалъ въ преступленіе, сопровождавшееся совершеннымъ его безпамятствомъ, сопряженнымъ съ потерею здраваго разсудка, иначе же никакой разумъ человѣка не въ состояніи опредѣлить какихъ либо другихъ причинъ, кромѣ таковаго дѣйствительнаго отсутствія разсудка, тѣмъ болѣе, что это былъ единственный сынъ, который при старости его, Нефедова, могъ служить ему отрадою и утѣшеніемъ; если же всѣхъ таковыхъ, сообразныхъ съ существомъ дѣла, точныхъ къ оправданію его убѣжденій, окажется недостаточно, то въ такомъ случаѣ онъ не устраняетъ себя, если только присутствіе палаты не найдетъ излишнимъ, отъ самаго даже принятія очистительной присяги; послѣ этого можетъ ли онъ еще что либо сказать, кромѣ какъ только, Богъ свидѣтель истины, что онъ не былъ врагомъ невиннаго малютки, сына своего, и не долженъ отвѣчать и предъ самымъ даже всемірнымъ славнымъ судомъ его, кромѣ того, что видимая потеря уже невозвратна, и затѣмъ, принявъ всѣ истины таковаго прежняго его, Нефедова, оправданія, учинить объ освобожденіи его отъ суда подлежащее распоряженіе.

Калужская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что изъ собранныхъ свѣдѣній и медицинскаго свидѣтельства обнаруживается, что Нефедовъ не имѣлъ и не имѣетъ никакого разстройства умственныхъ способностей, и что слѣдовательно нѣтъ обстоятельствъ, на основаніи которыхъ можно бы было опредѣлить, что преступленіе учинено имъ въ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства, по которымъ содѣянное преступленіе не вмѣняется въ вину. Не смотря однакожъ на недостатокъ фактическихъ доказательствъ въ томъ, что онъ, Нефедовъ, учинилъ преступленіе въ припадкахъ умоизступленія или совершеннаго безпамятства, палата не можетъ однако вполнѣ убѣдиться и въ томъ, что преступленіе это совершено имъ сознательно, ибо такое понятіе явно противорѣчитъ поведенію, семейной жизни, харак-

теру Нефедова, и вообще естественнымъ чувствамъ, свойственнымъ отцу. На основаніи сихъ соображеній, палата уголовнаго суда опредѣлила: отставнаго унтеръ-офицера Тимоѳея Нефедова за учиненное имъ убійство сына, хотя и слѣдовало бы лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать плетьми чрезъ палача семидесятью ударами и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на двѣнадцать лѣтъ, но такъ какъ убійство, совершенное имъ, составляетъ случай необыкновенный, то не приводя заключенія о слѣдующемъ виновному наказаніи въ исполненіе, представить настоящій случай, на основаніи 166 и 167 ст. т. XV св. зак. для смягченія наказанія Нефедову на усмотрѣніе правительствующаго сената.

Начальникъ калужской губерніи, соглашаясь съ вышеизложеннымъ рѣшеніемъ палаты уголовнаго суда, представилъ настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ нашелъ, что судя по показаніямъ самого Тимоѳея Нефедова, — его жены и невѣстки, а равно и крестьянъ сельца Труфанова, видѣвшихъ Нефедова тотчасъ по совершеніи имъ преступленія: можно полагать, что убійство малолѣтняго сына своего Тимоѳѣй Нефедовъ совершилъ подъ вліяніемъ болѣзненно-ложныхъ представленій. Предположенію этому не могутъ противорѣчить результаты освидѣтельствованія Нефедова въ общемъ присутствіи калужскаго губернскаго правленія и испытанія его въ больницѣ, такъ какъ они произведены спустя нѣсколько мѣсяцевъ по совершеніи Нефедовымъ преступленія.

О крестьянинѣ Захарѣ Власенковѣ, убившемъ трехъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ и ранившемъ свою жену.

(Галлюцинація.)

18 апрѣля 1864 г. проживавшій въ черкаскомъ округѣ Земли Войска Донскаго, на грушевскихъ угольныхъ копяхъ, крестьянинъ воронежской губерніи Захаръ Власенковъ побилъ желѣзнымъ безмѣномъ жену и троихъ дѣтей своихъ, (двухъ дочерей

9 и 6 лѣтъ и сына 9-ти мѣсяцевъ), изъ которыхъ двое дѣтей оказались мертвыми, а третій ребенокъ и жена едва дышавшими. На другой день ребенокъ, оставшійся послѣ побоевъ живымъ, также умеръ.

По судебно-врачебному осмотру у умершихъ дочерей Власенкова оказались на головахъ нѣсколько ранъ съ раздробленіемъ костей черепа, у девятимѣсячнаго сына значительная опухоль съ синими пятнами на головѣ, кости черепа его были очень подвижны. У жены Власенкова оказались раны на лбу, вискѣ и двѣ на темени; послѣднія съ раздробленіемъ кости. Кромѣ того у ней оказались опухоли и раны на кистяхъ обѣихъ рукъ *).

По дознанію, произведенному становымъ приставомъ, оказалось, что Захаръ Власенковъ только утромъ въ день совершеннаго имъ убійства, (18 апрѣля, наканунѣ праздника пасхи), возвратился домой со старшимъ сыномъ своимъ Евтіемъ изъ отлучки, продолжавшейся нѣсколько недѣль и что предъ убійствомъ онъ послалъ Евтія, вмѣстѣ съ квартировавшимъ у него мѣщаниномъ, за водой. — 18 апрѣля Власенковъ былъ допрашиваемъ становымъ приставомъ, но, какъ сказано въ составленномъ о семъ актѣ, находясь, какъ примѣтно, въ помѣшательствѣ разсудка, онъ ничего резоннаго на вопросы не отвѣтилъ кромѣ того, что будто бы ему велѣлъ сдѣлать это преступленіе святой Николай, стоящій въ его квартирѣ въ святомъ углѣ, съ приказаніемъ побить всѣхъ. Посему опросъ его отложенъ былъ до прибытія временнаго отдѣленія.

20 апрѣля Захаръ Власенковъ былъ освидѣтельствованъ въ присутствіи медика Розова членами временнаго отдѣленія черкаскаго окружнаго сыскнаго начальства, которые и нашли, что Власенковъ находится въ здоровомъ положеніи, и что умственныя способности его совершенно въ нормальномъ состояніи.

20-го же апрѣля, на спросъ временнаго отдѣленія, Власенковъ (39 лѣтъ) показалъ, что великимъ постомъ 1864 г. онъ отправился съ сыномъ своимъ Евтіемъ въ слободу Большинскую, донецкаго округа, для зимовки съ семью парами воловъ; на страстной недѣлѣ во вторникъ онъ и сынъ его выѣхали изъ Большин-

*) Не смотря на эти столь сильныя поврежденія, Домна Власенкова, впослѣдствіи выздоровѣла.

ской слободы на четырехъ парахъ воловъ, оставшихся у него, за продажею трехъ паръ на таможней ярмаркѣ. Дорогой онъ встрѣтилъ разныя явленія, а переѣхавши табунщиковъ хуторъ, ему явился Богъ и поручилъ ему держать въ двухъ рукахъ кнутъ и говорить людямъ, чтобы каялись; причемъ ему явилось такое душевное чувство, что онъ плакалъ и кричалъ, не зная для чего; когда же съ нимъ встрѣтились жители табунщикова хутора Игнатій Скориковъ и Олимпіада Дюжева и убѣдили его, что ничего около него нѣтъ, то онъ пришелъ въ чувство и поѣхалъ въ путь, но дорогою продолжались также разныя явленія; не доѣзжая до угольныхъ коней двухъ верстъ, онъ остановился ночевать и тутъ явилось новое обстоятельство: спустилась съ облаковъ туча въ видѣ дома съ множествомъ разныхъ людей, изъ коихъ нѣкоторые ѣли яблоки, а когда онъ попросилъ у нихъ яблокъ, то отвѣчали: «ты не заслужилъ»; между тѣмъ люди эти приступали къ нему съ разными непонятными требованіями и доводили его до слезъ; отъ сего онъ всю ночь не спалъ. Утромъ, запрягши воловъ, онъ съ сыномъ прибылъ домой, гдѣ, закусивъ капусты, сына послалъ съ квартирантомъ своимъ, мѣщаниномъ Соколовымъ, за водою, а самъ по какому то наважденію принялся обнимать жену; когда же она это отвергнула, то онъ услышалъ слова святителя Николая, икона коего стоитъ въ углу его дома: «бей», почему и началъ бить жену кулакомъ, отчего она упала на землю; а какъ этихъ средствъ было недостаточно для окончанія жизни жены, а между тѣмъ Николай велѣлъ добивать чѣмъ нибудь по тяжелѣе, то ему попался висѣвшій въ лавкѣ, устроенной при домѣ, желѣзный безмѣнъ, которымъ онъ и нанесъ женѣ еще нѣсколько сильныхъ ударовъ по головѣ. На крикъ жены явились въ комнату дочери его и начали плакать и кричать; тутъ снова святитель Николай, смотря на него какъ бы живыми глазами, сказалъ: «бей и этихъ, онѣ не умѣютъ молиться Богу»; посему онъ и началъ со старшей дочери, ударивъ ее безмѣномъ по головѣ, отчего она повалилась безъ чувствъ. Затѣмъ онъ нанесъ, не помнитъ сколько ударовъ младшей дочери также по головѣ, и слышалъ при этомъ слова того-же Николая «добивай»; потомъ онъ пошелъ въ другую половину дома, гдѣ нашелъ сидящаго груднаго 9-ти мѣсяцевъ младенца сына своего, взялъ его на руки, внесъ въ комнату, гдѣ лежали убитыя, и на-

чалъ его нѣжить; но услышалъ снова голосъ Николая: «бей, иначе хуже будетъ, да бей слегка»; посему онъ сначала ударилъ сына по головкѣ кулакомъ, а какъ онъ еще кричалъ и велѣно было его добивать, то положилъ его на землю и добивалъ легонько тѣмъ же безмѣномъ. Показаніе свое Власенковъ заключилъ тѣмъ, что злаго намѣренія къ убійству жены и дѣтей у него не было, а сдѣлано это имъ отъ тѣхъ причинъ, какія имъ уже выставлены; до сего несчастнаго случая онъ съ женою жилъ, какъ надлежитъ супругамъ, любилъ ее и дѣтей. Преступленіе это сдѣлано имъ въ трезвомъ видѣ, ибо онъ былъ пьянъ только на большинской ярмаркѣ на вербной недѣлѣ.

Сынъ Захара Власенкова, *Евтій*, показалъ, что когда онъ возвращался съ отцемъ изъ Большинской слободы домой, то замѣтилъ въ немъ какую то непонятную болѣзнь; по проѣздѣ табунщикова хутора, съ отцемъ сдѣлался какой то припадокъ, отъ коего онъ легъ на возу къ верху лицемъ и кричалъ страннымъ голосомъ; въ это время подъѣхали къ нимъ жители хутора табунщикова Скориковъ и Дюжева, которые и привели отца въ чувство; не доѣзжая до угольныхъ копей двухъ верстъ, они остановились ночевать; тутъ съ отцемъ цѣлую ночь происходило ужасное дѣло: то онъ кричалъ непонятно, то говорилъ съ кѣмъ то, то посылалъ его за возы узнать, кто тамъ разговариваетъ, а наконецъ говорилъ, что онъ видитъ рай. Утромъ слѣдующаго дня, т. е. 18 апрѣля, они пріѣхали домой, гдѣ и были встрѣчены радушно матерью; здѣсь отецъ былъ также примѣченъ имъ, Евтіемъ, и матерью, въ отсутствіи разсудка, ибо онъ ходилъ по комнатѣ кружкомъ и, смотря на ноги, говорилъ: «ноги мои молятся Богу, а языкъ отвѣчаетъ»; потомъ отецъ и мать послали его, Евтія, съ квартирантомъ ихъ; возвратившись оттуда, онъ увидѣлъ уже побитыми мать, сестеръ и брата своего. Къ сему Евтій добавилъ, что по отъѣздѣ съ ярмарки отецъ его много водки не пилъ, а только въ двухъ мѣстахъ выпилъ полторы четвертки; на большинской ярмаркѣ онъ много пилъ и былъ довольно пьянъ, а наканунѣ происшествія не только ничего не пилъ, но даже и не ѣлъ; въ припадкахъ отсутствія разсудка, онъ, Евтій, замѣчалъ отца нѣсколько разъ и до сего случая.

Показанія Евтія Власенкова о бывшихъ съ отцемъ его, недалеко отъ табунщикова хутора, припадкахъ подтвердили жители сего хутора: Игнатій Скорниковъ и Олимпіада Дюжева.

На *повальномъ обыскѣ* жители грушевскихъ угольныхъ копей показали, что они видѣли Власенкова въ разное время пьяныиъ, но чтобы онъ былъ пьяницею отъявленнымъ, а равно чтобы имѣлъ какіе либо припадки или отсутствіе разсудка, того они не примѣчали. О семейной жизни Власенкова нѣкоторыя изъ спрошенныхъ лицъ отозвались незнаніемъ, другія-же показали, что въ семейной жизни онъ былъ хорошъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1864 г. Власенковъ былъ освидѣтельствованъ въ состояніи умственныхъ способностей войсковою врачебною управою, причемъ оказалось, что онъ около 40 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія крѣпкаго и въ здравомъ разсудкѣ, но, какъ онъ объявилъ, что подверженъ періодическому умопомѣшательству, которое въ продолженіи послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ повторялось у него четыре раза, то и былъ отправленъ на испытаніе въ больницу войсковаго тюремнаго замка.—По истеченіи шести мѣсяцевъ, врачъ означенной больницы Рубашкинъ (въ январѣ 1865 г.) донесъ управѣ, что арестантъ Власенковъ, во все время испытанія его въ больницѣ, на предложенные вопросы отвѣчалъ правильно и здраво, всѣ отправленія у него были нормальны, аппетитъ хорошій, сонъ покойный, пульсъ правильный и припадковъ умопомѣшательства не имѣлъ. — Сообщая о вышеизложенныхъ результатахъ освидѣтельствованія и испытанія Власенкова черкаскому окружному судному начальству, войсковая врачебная управа добавила, что изъ произведеннаго слѣдствія видно, что Власенковъ въ бытность свою въ слободѣ Большинской, во время ярмарки на вербное воскресенье, много пилъ водки, до опьяненія, и на страстной недѣлѣ отправившись къ мѣсту своего жительства на грушевскія шахты, въ дорогѣ былъ скученъ, что замѣтили встрѣтившіеся съ нимъ знакомые, а пріѣхавши домой, убилъ дѣтей своихъ и нанесъ тяжкія побои женѣ своей, при первомъ же допросѣ, засѣдатель Шебановъ замѣтилъ его имѣющимъ еще отсутствіе разсудка. Посему принимая во вниманіе, что отъ излишняго употребленія спиртныхъ напитковъ у нѣкоторыхъ субъектовъ дѣлается иногда бѣлая горячка (delirium tremens), сопровождаемая представле-

ніями нерѣдко страшными и угрожающими, врачебная управа допускала предположеніе, что Власенковъ послѣ попойки, подвергшись бѣлой горячкѣ, во время одного изъ ея приступовъ, при всемъ своемъ чадолюбіи, подъ вліяніемъ религіознаго, устрашающаго призрака совершилъ означенное убійство.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1865 г. была спрошена Домна Власенкова, которая и показала, что былъ ли мужъ ея 18 апрѣля 1864 г. въ какомъ либо болѣзненномъ разстройствѣ, и былъ ли въ это время трезвъ или пьянъ, она не помнитъ. Прежде сего случалось у мужа малое головное разстройство; не припомнитъ, когда и кто изъ священниковъ святилъ ему на головѣ воду; до 18 апрѣля онъ жилъ съ нею хорошо и ее и дѣтей любилъ. Происшествіе съ нимъ, для нея непостижимо; ни въ чемъ худомъ она его не подозрѣваетъ, и полагаетъ, что онъ былъ въ болѣзненномъ состояніи умопомѣшательства, ибо подобное происшествіе учинить было не по его характеру и доброй его жизни.

Войсковой уголовный судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашелъ, что поступокъ Власенкова нельзя отнести къ тѣмъ безсознательнымъ дѣйствіямъ, о которыхъ упоминается въ 3 пун. 104 ст. и ст. 107, 108 и 109 улож., по которымъ содѣянное преступленіе не вмѣняется въ вину, такъ какъ такое психическое разстройство бываетъ совершенно отъ другихъ причинъ, независящихъ отъ самаго субъекта преступленія. (?) Поступокъ Власенкова послѣдовалъ, по всей вѣроятности, отъ предшествовавшаго пьянства, но преступленія, совершенныя отъ такихъ причинъ, по закону вовсе не извиняются. За убійство трехъ малолѣтнихъ дѣтей и нанесеніе увѣчья женѣ, хотя и слѣдовало бы подвергнуть его наказанію по 2 пун. 2004 ст. улож., но какъ не открыто побудительной причины убійства дѣтей и обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія дѣяніе его, не допускаютъ въ немъ умысла, и даже сознанія имъ своего поступка, такъ какъ онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ религіозно-устрашающаго призрака, а также принимая во вниманіе чистосердечное раскаяніе и сознаніе въ своемъ преступленіи, прежнюю скромную семейную жизнь его и одобрительный о немъ отзывъ на повальномъ спросѣ, уголовный судъ опредѣлилъ: Власенкова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ мѣста Сибири не столь-отдаленныя, предавъ его притомъ

церковному покаянію по распоряженію мѣстнаго духовнаго начальства.

Прокуроръ войска донскаго, не согласившись въ вышеизложеннымъ рѣшеніемъ уголовнаго суда, нашелъ, что по имѣющимся въ дѣлѣ даннымъ слѣдуетъ заключить, что Власенковъ во время совершенія преступленія не обладалъ ни разумѣніемъ, ни свободною волею, а дѣйствовалъ въ какомъ то умоизступленіи, подъ вліяніемъ грозной внѣшней силы, казавшейся неодолимою его разстроенному воображенію. Такое состояніе человѣка, произошло-ли оно отъ предшествовавшаго пьянства или отъ другихъ какихъ либо моральныхъ или физическихъ причинъ, поразившихъ болѣзненно его внутренній міръ, и по наукѣ права, и по дѣйствующему закону, выраженному въ 3-хъ пункт. ст. 104 улож. о нак., не подлежитъ вмѣненію; потому прокуроръ полагалъ: Захара Власенкова освободить отъ всякого наказанія, какъ дѣйствовавшаго при совершеніи преступленія въ точно доказанномъ припадкѣ болѣзни, для излеченія которой отдать его въ больницу, согласно 108 ст.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, согласно съ мнѣніемъ войсковой врачебной управы, изложеннымъ въ отношеніи ея къ черкаскому окружному судному начальству, нашелъ, что Власенковъ вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, былъ одержимъ бѣлою горячкою (delirium tremens), въ припадкѣ которой и могъ безсознательно совершить убійство дѣтей своихъ и нанести увѣчья своей женѣ, и что во всякомъ случаѣ онъ долженъ находиться подъ строгимъ надзоромъ.

Убійство мѣщаниномъ Павломъ Ивановымъ своего брата.

(Параличъ помѣшанныхъ).

13-го декабря 1864 г. полицейскому приставу города Ливень было дано знать, что въ этомъ городѣ, утромъ означеннаго числа, близь часовни, принадлежащей городской богадѣльнѣ, собиравшій деньги на эту богадѣльню мѣщанинъ Павелъ Ивановъ убилъ роднаго брата своего, Михаила Иванова.

При полицейскомъ дознаніи и произведенномъ затѣмъ слѣдствіи нѣсколько свидѣтелей происшествія показали, что съ самаго утра 13-го декабря Павелъ Ивановъ началъ гоняться за проходившими мимо часовни людьми, прибилъ одну женщину и отнялъ у нея платокъ, вскочилъ въ находящееся вблизи часовни питейное заведеніе и прибилъ сидѣльца. Чрезъ нѣсколько времени къ Павлу подошелъ братъ его Михаилъ, и сталъ уговаривать, чтобы онъ не обижалъ проходящихъ, но Павелъ поспѣшно войдя въ часовню, вышелъ оттуда съ палкою *), которою и ударилъ брата сзади, а когда тотъ отъ этого удара упалъ, то Павелъ ударилъ его лежащаго еще нѣсколько разъ по лицу, а затѣмъ кинулъ палку и побѣжалъ за народомъ, но былъ связанъ. Кромѣ сего двое свидѣтелей добавили, что послѣ убійства брата, Павелъ сталъ на свое мѣсто къ часовнѣ и началъ ѣсть калачъ, который былъ у него за пазухой.

По судебно-врачебному осмотру трупа Михаила Иванова, на мѣстѣ правой брови оказалась рана, доходившая до кости черепа, верхняя и нижняя губы были разсѣчены, верхняя десна была пробита въ двухъ мѣстахъ; верхніе зубы шатались и одинъ изъ нихъ былъ легко вынутъ. Смерть Михаила Иванова, по заключенію врача, производившаго осмотръ, произошла отъ потрясенія мозга, послѣдовавшаго за ударомъ въ нижнюю лобную часть черепа.

На допросѣ 13 декабря *Павелъ Ивановъ* (47 лѣтъ) показалъ, что утромъ означеннаго числа онъ находился возлѣ часовни, гдѣ собиралъ съ колокольчикомъ деньги на богадѣльню; въ это время къ нему подошелъ родной братъ его, Михаилъ, и сталъ просить денегъ, но онъ ихъ не далъ, а взялъ находившуюся въ часовнѣ палку и оною ударилъ брата по лбу, отъ каковаго удара Михаилъ упалъ на землю, а онъ, Павелъ, ударилъ его лежащаго еще нѣсколько разъ, отъ каковыхъ побоевъ Михаилъ и умеръ, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и упалъ.—При передопросѣ 14 декабря Павелъ Ивановъ отозвался, что онъ дѣйствительно убилъ своего брата Михаила, но о томъ какъ Михаилъ къ нему подходилъ, и за что онъ его убилъ—ничего не помнитъ.

---

*) Палка осиновая, длиною 2 арш. 1 верш. и толщиною: въ тонкомъ концѣ около одного вершка, а въ толстомъ немного болѣе вершка въ діаметрѣ.

Въ составленномъ 14-го же декабря протоколѣ, судебный слѣдователь записалъ, что во время допроса Павелъ Ивановъ мгновенно ослабѣлъ и упалъ на полъ; полежавши нѣсколько, онъ всталъ и продолжалъ далѣе отвѣчать на предлагаемые ему вопросы; въ отвѣтахъ его вообще замѣчаются какое то тупоуміе и болѣзненное разстройство.

Сынъ Михаила Иванова, *Дмитрій*, показалъ, что между отцомъ своимъ и дядею Павломъ Ивановымъ онъ неудовольствій не замѣчалъ; у Павла безумства замѣтно не было, но онъ одержимъ припадочною болѣзнію.

Проживающіе въ ливенской богадѣльнѣ: вольноотпущенный *Кудрявцевъ* и мѣщанинъ *Федоровъ* отозвались, что Павелъ Ивановъ каждый день собиралъ деньги около часовни, а ночевалъ въ богадѣльнѣ, куда приходилъ и обѣдать; человѣкъ онъ малоумный и одержимый припадками; но буйства никогда не производилъ. На повальномъ обыскѣ живущіе въ городѣ Ливнѣ 12 человѣкъ показали, что Павелъ Ивановъ поведенія хорошаго, но разсудка малаго, одержимъ былъ припадочною болѣзнію и послѣ того гоняется за людми и швыряетъ за ними каменья.

18 декабря 1864 г. Павелъ Ивановъ былъ освидѣтельствованъ ливенскимъ городовымъ врачемъ Рубинштейномъ, причемъ (какъ видно изъ акта сего освидѣтельствованія), умственное состояніе Иванова не представляло никакихъ отступленій отъ нормы; но такъ какъ Ивановъ объявилъ, что съ нимъ бываютъ припадки, заключающіеся въ потерѣ сознанія своихъ дѣйствій, то врачъ Рубинштейнъ нашелъ, что Ивановъ долженъ быть подвергнутъ болѣе или менѣе продолжительному наблюденію, и потому его слѣдуетъ отправить въ орловское богоугодное заведеніе. — Вслѣдствіе сего Павелъ Ивановъ былъ отправленъ въ г. Орелъ для освидѣтельствованія его въ присутствіи мѣстнаго губернскаго правленія.

Означенное правленіе 25 мая 1865 г. дало знать судебному слѣдователю, что Павелъ Ивановъ былъ освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи правленія 13 января 1865 г., причемъ оказалось, что Ивановъ по наружному виду лѣтъ 40 отъ роду, выраженіе лица его угрюмое и глуповатое; на всѣ почти словесные вопросы онъ отвѣчалъ правильно, исключая того, что на вопросъ жалѣетъ ли, что убилъ брата своего, отвѣтилъ,—имѣя безсмы-

сленное и совершенно равнодушное выраженіе лица,—что жалѣть брата не для чего: онъ пилъ много водки и сестрѣ не помогалъ; при письменномъ испытаніи Павелъ Ивановъ отвѣчалъ большею частію правильно, но на два изъ этихъ вопросовъ далъ отвѣты, указывающіе на ослабленіе памяти; контора заведеній орловскаго приказа общественнаго призрѣнія, гдѣ Ивановъ находился до освидѣтельствованія его 13 января, сообщила врачебной управѣ, что во время пребыванія въ больницѣ замѣченъ одинъ разъ припадокъ падучей болѣзни, умственныя способности его ослаблены, на обыкновенные вопросы онъ большею частію отвѣчаетъ правильно, но понимаетъ ихъ частію тупо, память его ослаблена, онъ молчаливъ, аппетитъ и сонъ у него хороши.— На основаніи сего общее присутствіе признало необходимымъ подвергнуть Иванова испытанію въ состояніи умственныхъ способностей въ больницѣ приказа общественнаго призрѣнія въ теченіи трехъ мѣсяцевъ.—Во время таковаго испытанія, какъ удостовѣрила контора заведеній помянутаго приказа, за Ивановымъ замѣчена падучая болѣзнь; хотя умственныя способности его и ослаблены, но предъ пароксизмами и послѣ оныхъ особенной раздражительности не замѣчено.

5-го мая 1865 г., Павелъ Ивановъ былъ вторично освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи сего правленія, причемъ, какъ видно изъ акта, Ивановъ на нижеслѣдующіе предложенные ему вопросы отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ твое имя, отчество и фамилія? *Отв.* Павелъ Ивановъ Прокофьевъ. *В.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *О.* Годовъ тридцать. *В.* Какого ты вѣроисповѣданія? *О.* Вѣрую Николаю. *В.* Знаешь ли ты грамотѣ? *О.* Не знаю ничего, меня батюшка не училъ. *В.* Изъ какого ты званія, то есть купецъ или мѣщанинъ? *О.* Мѣщанинъ. *В.* Есть ли у тебя имущество, гдѣ оно находится, и кто имъ распоряжается? *О.* Нѣтъ ничего, домъ продалъ. *В.* Въ какомъ городѣ ты имѣлъ жительство, и чѣмъ занимался, т. е. торговлею или другимъ какимъ ремесломъ? *О.* Въ Ливнѣ жилъ, за скотиною ходилъ Николая Ивановича Гусарева. *В.* Есть ли у тебя родные, какъ ихъ звать, и гдѣ они живутъ? *О.* Есть Татьяна Прокофьевна, у ней дѣти есть (но какая родня эта женщина ему, объяснить не умѣлъ.) *В.* По какому случаю ты собиралъ деньги въ колокольчикъ подлѣ часовни на берегу рѣки Сосны, т. е. кто тебѣ это поручилъ? *О.*

Приказалъ священникъ, а усадилъ туда меня Петръ Васильевичъ Коломенскій, что калачи пекъ, онъ маленичко водочку запиваетъ. *В.* Куда ты употреблялъ собранныя деньги? *О.* Къ отцу Ивану носилъ, соборному священнику. *В.* Далеко ли находится питейный домъ отъ часовни? *О.* Какъ бы сказать, не солгать, (указывая на неопредѣленное мѣсто) вонъ такъ будетъ. *В.* Знаешь ли ты находящагося въ томъ домѣ подносчика Никиту Андронникова Романчина? *О.* Не знаю, а брѣхать не хочу; въ кабакъ я не хожу, водки не пью. *В.* Правда ли что ты 13 декабря 1864 г. въ воскресенье во время поздней обѣдни гонялся за людьми, проходящими мимо часовни, тормошилъ какую то женщину и отнялъ у ней платокъ,— если правда, то для чего это ты дѣлалъ? *О.* Не помню, за матерью можетъ быть. *В.* Что ты сказалъ брату Михайлѣ, когда онъ пришелъ къ тебѣ и сталъ уговаривать, чтобы ты не обижалъ людей и правда ли, что ты въ то время ѣлъ калачъ? *О.* Я ему сказалъ, что ты мечешь сестру, а онъ на меня, гай, гай; ѣлъ ли я тогда что—не помню. *В.* Справедливо ли, что ты на увѣщаніе брата, ничего не отвѣчалъ, а вскочилъ въ часовню, ухватилъ палку и ударилъ оною брата Михаила по затылку, а когда Михайло отъ сего повалился, то ты еще нѣсколько разъ ударилъ его лежачаго тою же палкою по лицу, а потомъ кинулъ палку и побѣжалъ за народомъ? *О.* Ничего я не отвѣчалъ, взялъ палку, ударилъ брата—виноватъ, куда затѣмъ дѣлъ я палку, не помню. *В.* Знаешь ли ты находящагося въ богадѣльнѣ вольноотпущеннаго Дмитрія Ефимова Кудрявцева? *О.* Въ богадѣльнѣ такого нѣтъ—не знаю. *В.* Почему ты постоянно ночевалъ въ богадѣльнѣ и обѣдалъ? *О.* По случаю припадка жилъ тамъ. *В.* Не жалѣешь ли ты, что безвинно убилъ брата своего? *О.* Жалко, да чтожъ дѣлать, Богъ съ нимъ. *В.* Не чувствуешь ли ты какой болѣзни? *О.* Ничего не болитъ, благодарю Бога.

Засимъ въ актѣ изложено, что при освидѣтельствованіи 5-го мая выраженіе лица Иванова было такое же, какъ и при освидѣтельствованіи 13 января, именно: угрюмое и глуповатое, на одни вопросы онъ отвѣчалъ правильно, но отвѣты его на вопросы: 2, 13 и 16 указывали на ослабленіе памяти, а отвѣты на 3, 8, 11 и 20 вопросы доказываютъ недостатокъ понятливости. —Принявъ во вниманіе все вышеизложенное, общее присутствіе, согласно съ мнѣніемъ членовъ врачебной управы, при-

знало мѣщанина Павла Иванова одержимымъ тупоуміемъ (fatuitas), вслѣдствіе припадковъ падучей болѣзни.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что по имѣющимся въ семъ дѣлѣ свѣдѣніямъ о состояніи здоровья Иванова должно полагать, что онъ страдаетъ такъ называемымъ въ психіатріи «параличемъ помѣшанныхъ,» а какъ у такого рода больныхъ иногда внезапно появляются взрывы неистовства, то слѣдуетъ допустить, что убійство брата могло быть совершено Ивановымъ безсознательно, въ одномъ изъ припадковъ означеннаго состоянія. Къ сему совѣтъ счелъ нужнымъ добавить, что Ивановъ, какъ опасный для общества человѣкъ, долженъ находиться подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ.

О пономарскомъ сынѣ Иванѣ Чуевѣ, отрубившемъ голову своему брату.

(Мрачное помѣшательство).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1864 г. бобровское полицейское управленіе, представивъ въ губернское правленіе пономарскаго сына Ивана Чуева, донесло,—что Чуевъ 10 марта 1864 г. при рубкѣ дровъ, отрубилъ своему родному брату Павлу голову, и что какъ при арестованіи его и при допросахъ онъ выказалъ умственное разстройство, то былъ помѣщенъ въ бобровскую больницу на испытаніе; присемъ, какъ видно изъ составленнаго о семъ бобровскимъ уѣзднымъ врачемъ акта, оказалось, что Чуевъ мужчина не болѣе 24 лѣтъ, крѣпкаго отъ природы тѣлосложенія, съ 20 марта по 18 іюня, (т. е. по день выписки изъ бобровской больницы въ больницу воронежскаго приказа общественнаго призрѣнія), обнаруживалъ физіономію вообще человѣка съ страшнымъ выраженіемъ на лицѣ, особенно отпечатанную въ глазахъ его, всегда отвѣчалъ онъ на вопросы неохотно, большею частію безъ всякого смысла; на четвертый день по поступленіи въ больницу ничего не говорилъ, только безсмысленно смѣялся, пищи употреблялъ мало и мало спалъ; на 9 день, на предложенные вопросы о поступкѣ, имъ совершенномъ, выразилъ раскаяніе; 2 апрѣля врачъ встрѣтилъ Чуева въ слезахъ съ раскаяніемъ и словами что «жалко родныхъ». Съ мая мѣсяца Чуевъ

пришелъ въ совершенное безуміе, пищу мѣшалъ съ испражненіями, пѣлъ иногда гимны, насчитывалъ серафимовъ до 108 въ царствѣ небесномъ, дрался съ окружающими больными арестантами, по нѣскольку дней не принималъ пищи, засыпалъ только послѣ сильныхъ, холодныхъ струевыхъ обливаній на голову. Послѣднія три недѣли ожесточеніе припадковъ умопомѣшательства достигло высшей степени развитія: онъ рвалъ на себѣ все платье, дрался, маралъ себя и все окружающее испражненіями; мало ѣлъ, пѣлъ разные религіозные гимны и постоянно говорилъ. Употребленіе холодной воды по десятку ведеръ струею на голову, производило только сардоническій смѣхъ, иногда возбужденіе дѣтороднаго члена и значительное успокоеніе—нѣсколько часовъ сна и покоя больнымъ его сосѣдямъ. Въ состояніи религіознаго бреда Чуевъ встрѣченъ былъ въ больницѣ и начальникомъ губерніи. Разсматривая организмъ Чуева, его сужденія и поступки, врачъ заключилъ: что Чуевъ человѣкъ представляющій признаки общаго умопомѣшательства, въ которомъ преобладающею идеею—религіозныя сужденія, слѣдствіе его образованія въ семинаріи; какъ вредный обществу, Чуевъ долженъ постоянно находиться въ домѣ умалишенныхъ.

30 іюня 1864 года Чуевъ былъ освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, причемъ оказалось: что онъ имѣетъ около 25 лѣтъ, росту средняго, лице блѣдное, худощавое; вошелъ въ присутствіе съ блуждающимъ взглядомъ. На предложенные ему словесные вопросы отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ ваше имя и какое ваше званіе? *О.* Я васъ знать не хочу, что вамъ, какое дѣло, какъ вы смѣете. Отвѣтъ этотъ сопровождался неприличными бранными выраженіями, произнесенными съ гнѣвомъ и запальчивостью. Когда депутатъ съ духовной стороны замѣтилъ ему о неприличіи сказанныхъ выраженій, Чуевъ, какъ бы нѣсколько спокойнымъ тономъ, отвѣчалъ: «вотъ вы, батюшка, дѣло другое; вы можете меня спрашивать, а не они». *В.* Откуда вы родомъ? *О.* Я старый антихристъ, я Каинъ (при этомъ моталъ головою). *В.* Гдѣ ты учился? *О.* Нигдѣ. (Когда депутатъ съ духовной стороны замѣтилъ ему, что онъ говоритъ неправду, потому что въ семинаріи былъ его учителемъ, то Чуевъ молчалъ). *В.* Чѣмъ вы занимались дома? *О.* Дрова рубилъ, носилъ. *В.* За что вы огорчили вашего родителя? *О.* Я за отца моего мо-

гу вступиться. *В.* За что убилъ брата? *О.* За хворостину. *В.* Чѣмъ убилъ? *О.* Топоромъ. *В.* Любили ли своего брата? *О.* Любилъ... да онъ былъ херувимъ, я и самъ херувимъ.—На замѣчаніе депутата съ духовной стороны, что херувимы бываютъ добрые, а не злые, Чуевъ холоднымъ тономъ и безъ всякого, по видимому, въ душѣ сожалѣнія и раскаянія, разсказалъ такъ: «я рубилъ дрова и братъ рубилъ дрова; у него въ рукахъ была хворостина, которою онъ баловался, а я, я его за это останавливалъ топоромъ, но онъ не бросалъ хворостины, а я его ударилъ по головѣ топоромъ.—Общее присутствіе, для болѣе точнаго убѣжденія въ состояніи умственныхъ способностей Чуева, заключило: помѣстить его въ больницу приказа общественнаго призрѣнія, для испытанія, срокомъ на два мѣсяца.—При испытаніи этомъ оказалось: Чуевъ 24 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія посредственнаго, болѣе даже слабаго и золотушнаго; форма головы продолговатая, голова въ вискахъ сжатая, лобные бугорки плоски, лобъ узкій; лице блѣдное и по большей части веселое, улыбающееся, спокойное, но по временамъ грустное; глаза небольшіе, бѣлки глазъ наполнены кровью, взглядъ разсѣянный; на всемъ лицѣ Чуева видна невнимательность и непринужденное спокойствіе; никакія впечатлѣнія на него рѣзко не дѣйствуютъ: онъ смѣется и плачетъ безъ причины; всѣ дѣйствія его несообразны съ здравымъ разсудкомъ; гримасничаетъ, стоитъ часто на колѣняхъ подъ видомъ мнимаго наказанія за незнаніе урока или какой нибудь другой воображаемой шалости; иногда поетъ; съ больными обращается дружески, заботится объ нихъ, гдѣ это не нужно, и во многихъ видитъ прокурора, отца, учителя, дядю и вообще лицъ, на самомъ дѣлѣ не присутствующихъ; видно, что дѣтство и ранняя юность запечатлѣлись въ его памяти; характеръ Чуева добрый по природѣ; онъ послушенъ, буйныхъ поступковъ, какъ у другихъ испытуемыхъ, замѣчено не было; физическое здоровье Чуева таково, что онъ ни на что не жаловался; апетитъ, сонъ, пищевареніе были какъ слѣдуетъ; на вопросы отвѣчалъ очень скоро, всегда почти улыбаясь или смѣясь, больше неудовлетворительно; но въ нѣкоторыхъ его отвѣтахъ видна и мысль; память имѣетъ хорошую, воображеніе извращенное, соображенія нѣтъ, разсудокъ разбитъ; умопомѣшательство выдается рѣзко, если взять во вниманіе его отвѣты и разсказы

на самые обыденные вопросы. (Засимъ приведенъ рядъ предлагавшихся Чуеву вопросовъ и данныхъ имъ отвѣтовъ). Контора больницы заключила, что Чуевъ одержимъ общимъ умопомѣшательствомъ, причину котораго должно предполагать въ большомъ головномъ мозгу, при врожденной наклонности, что и подтверждается нѣкоторыми краніологическими признаками формы очертанія и строенія головы. Къ сему контора присовокупила, что непритворное спокойствіе при разговорѣ о смерти брата, постоянно веселое выраженіе лица, безпричинный смѣхъ и безсвязная болтливость указываютъ на непритворное умопомѣшательство Чуева.

При освидѣтельствованіи 15 сентября, Чуевъ, войдя въ присутствіе, помолился на иконы; лице его было печальное; при вопросахъ отвѣты его были робки, прерывисты, но въ нихъ видимо проявлялось сознаніе того, о чемъ его спрашивали, хотя въ началѣ на вопросъ инспектора: гдѣ ты меня видѣлъ?—отвѣтилъ дома. Слѣдующіе затѣмъ отвѣты даны были въ слѣдующемъ порядкѣ: ты брата убилъ? — Убилъ. Когда? — О рождествѣ, на дворѣ дрова рубилъ. Разскажи, какъ ты его убилъ? (Приглашеніе къ разсказу было повторено нѣсколько разъ, но Чуевъ молчалъ, порывался говорить и, замѣтно было, что его тяготятъ эти споминанія, на глазахъ видны были слезы). При настояніяхъ, наконецъ Чуевъ заговорилъ прерывающимся голосомъ: «на дворѣ дрова рубилъ, братъ послѣ подошелъ и тотъ дрова рубилъ, потомъ баловаться сталъ.... хворостиной бросилъ въ меня, по рукѣ попалъ»... Чуевъ замолчалъ. Что же, онъ зашибъ тебя?—«Зашибъ». Нерасположеніе Чуева къ отвѣтамъ вынуждало повторять вопросъ за вопросомъ и, такъ сказать, наводить его на разсказъ. Ты не любилъ брата?—«Нѣтъ любилъ». За что же ты убилъ его?—«Кто знаетъ». У тебя еще есть братъ? «Есть, Андрей». Гдѣ онъ?—«Въ алексѣевомъ монастырѣ послушникомъ». За что же ты того брата убилъ, вѣрно разсердился? «Разсердился». Что же ты сожалѣешь, что убилъ его? — «Сожалѣю». Чуевъ находился какъ бы въ забытіи, видно было, что его умственныя способности были сильно подавлены, что памятью онъ плохо владѣетъ и только при понужденіяхъ онъ, такъ сказать, усиливался собрать свои воспоминанія. Положеніе это, если его сравнивать, было далеко лучше того, въ которомъ его за-

стало общее присутствіе при свидѣтельствѣ 30 іюня, когда Чуевъ обнаруживалъ рѣзкіе признаки умопомѣшательства. Его спросили: ты знаешь прокурора? Онъ отвѣчалъ: «вотъ отецъ прокурóръ», указавъ на врача-наблюдателя г. Кирсанова. А депутатъ здѣсь кто, гдѣ депутатъ? Чуевъ указалъ и сказалъ: «отецъ Михаилъ». Затѣмъ какъ въ видахъ возстановленія умственныхъ способностей Чуева, врачъ-наблюдатель Кирсановъ, соображаясь съ наклонностями Чуева во время пребыванія его въ больницѣ, занималъ чтеніемъ катихизиса по урокамъ, то и былъ предложенъ Чуеву вопросъ: ты хочешь здѣсь продолжать учиться? Онъ отвѣчалъ утвердительно. Кирсановъ предложилъ Чуеву прочитать 3 членъ символа вѣры, и Чуевъ прочиталъ: «насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія сшедшаго съ небесъ и воплотившагося отъ Духа свята и Маріи дѣвы вочеловѣчшагося, распятаго же за ны при понтійстемъ пилатѣ, и страдавша и погребенна и воскресшаго въ третій день по писаніемъ». Общее присутствіе, заключая изъ сего, что умственное состояніе Чуева улучшилось и что пребываніе его въ больницѣ приноситъ видимую пользу опредѣлило: «продолжать надъ нимъ наблюденіе и леченіе еще въ продолженіи шести недѣль».

Изъ акта наблюденія видно: у Чуева выраженіе лица приняло и принимаетъ другой видъ, лице уже болѣе не блѣдное и въ выраженіи вмѣсто веселой, спокойной и улыбающейся физіономіи, появилось болѣе грустное, печальное выраженіе и какая то особенная застѣнчивость; хотя Чуевъ по прежнему къ окружающему мало внимателенъ, однако онъ болѣе началъ сохранять приличіе: безъ причины не смѣется и велъ себя особенно хорошо, то есть, былъ послушенъ, тихъ и непозволительныхъ поступковъ не дѣлалъ; физическія силы его поправились, на блѣдномъ лицѣ его появилась жизненность, онъ хорошо ѣлъ и спалъ; съ нравственной стороны замѣчалось постоянное нерасположеніе духа, онъ любилъ уединеніе, постоянно скучалъ; относительно же умственныхъ способностей, время отъ времени наблюдавшій ординаторъ находилъ Чуева сравнительно въ лучшемъ состояніи: умопомѣшательство замѣнялось какимъ то тупоуміемъ, какъ было видно изъ его отвѣтовъ и разсказовъ; иногда онъ говорилъ самъ съ собою, иногда тосковалъ, плакалъ и молился очень усердно; при вопросахъ о братѣ Чуевѣ, хотя не-

много, потревожился, конфузился и на глазахъ бывали слезы, казалось вопросъ этотъ нѣсколько смущалъ его, причемъ лице краснѣло и принимало самый жалкій видъ; тогда какъ тотъ же вопросъ во второй срокъ наблюденія не имѣлъ вліянія: онъ въ это время смѣялся и былъ вполнѣ веселъ; лице и глаза нисколько не измѣнялись, (фактъ по мнѣнію конторы больницы очень знаменательный съ психіатрической точки зрѣнія, указывавшій на дѣйствительное умопомѣшательство въ то время). Затѣмъ въ актѣ помѣщены отвѣты, которые Чуевъ давалъ въ больницѣ на предлагавшіеся ему вопросы.—Изъ наблюденія за Чуевымъ, контора больницы заключила, что признаковъ умопомѣшательства въ этотъ срокъ онъ выказалъ далеко менѣе, но простоватость или, лучше сказать, слабоуміе есть его врожденный недостатокъ, (судя по недоразвитости черепа вообще), а можетъ быть и патологическое состояніе головнаго мозга; въ настоящее время Чуева можно признать болѣе слабоумнымъ, нежели умопомѣшаннымъ и за дальнѣйшее состояніе умственныхъ способностей не только нельзя ручаться, но надобно ожидать горькихъ послѣдствій, не смотря на значительное улучшеніе въ настоящее время.

При освидѣтельствованіи 8 декабря 1864 года, въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, Чуевъ вошелъ въ присутствіе робко. На сдѣланный вопросъ: за что брату отрубилъ голову?—смотрѣлъ молча по сторонамъ. Послѣ повторенія вопроса сказалъ робко и запинаясь: «я дрова рубилъ». Когда его приглашали разсказать, какъ это случилось, онъ молчалъ и что то шепталъ, и только послѣ нѣсколькихъ повтореній едва внятно произнесъ: «дрова рубилъ, онъ со мною вмѣстѣ былъ». За что же ты его убилъ?—«Не знаю, онъ въ меня хворостиной бросилъ» Ну что же?—«По рукѣ ударилъ, а я разсердился». Гдѣ ты находишься?—«Въ заведеніи». Гдѣ твои родные?—«Въ Аннѣ селѣ». Какого уѣзда?—«Бобровскаго уѣзда». Вообще вопросы нужно было повторять по нѣскольку разъ, чтобы заставить его сказать слово. Произношеніе его тупо, медленно, на глазахъ слезы. Домой хочешь?—«Хочу домой, надо дѣло дѣлать». Ты здоровъ?—«Здоровъ, слава Богу». Жаль тебѣ брата?—«Жаль». По соображеніи сего, общее присутствіе нашло, что пономарскій сынъ Иванъ Чуевъ въ настоящее время умственно сталъ поправляться, хотя память

его и всѣ умственныя способности еще очень подавлены и нѣсколько не похожи на нормальное состояніе. Что касается прошедшаго, то принимая во вниманіе, что во все время нахожденія на испытаніи, у Чуева замѣчено было постоянно грустное, молчаливое, равнодушное, ко всему и всѣмъ окружающимъ настроеніе духа, общее присутствіе заключило: что Чуевъ подверженъ мрачному умопомѣшательству и потому совершенное имъ убійство брата могло случиться въ моментъ такого припадка. Къ сему общее присутствіе добавило, что такъ какъ сказанное ненормальное душевное состояніе Чуева стало уменьшаться, то конторѣ воронежской больницы слѣдуетъ предписать производить леченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наблюденіе за Чуевымъ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ и объ оказавшемся представить во врачебную управу точный актъ.

Медицинскій совѣтъ нашелъ правильнымъ заключеніе общаго присутствія о томъ, что Чуевъ подверженъ мрачному упопомѣшательству, въ припадкѣ котораго могъ безсознательно совершить убійство своего брата, и что онъ до излеченія долженъ находиться въ домѣ умалишенныхъ, подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ.

О купеческомъ сынѣ Иванѣ Кубаревѣ, убившемъ свою племянницу.

(Припадокъ умоизступленія отъ опьяненія).

3 февраля 1862 г. въ 10-мъ часу ночи, калужскій купеческій сынъ Акимъ Кубаревъ, явясь въ 1 часть г. Калуги, объявилъ, что родной братъ его Иванъ Кубаревъ зарѣзалъ дочь его, Акима, Александру, имѣющую отъ роду $3^{1}/_{2}$ мѣсяца.

По произведенному 3-го же февраля приставомъ первой части осмотру оказалось, что Иванъ Кубаревъ одѣтъ въ суконномъ пальто, на бѣличьемъ мѣху, ситцевой рубашкѣ, тиковыхъ подштанникахъ, обутъ въ старыхъ калошахъ; воротникъ рубашки былъ растегнутъ; на лицѣ, рубашкѣ и подштанникахъ Кубарева имѣлись кровавыя пятна, руки его были въ крови; на 4 пальцѣ правой руки была порѣзанная рана, длиною $1^{1}/_{2}$ дюйма, а на

ладони—двѣ незначительныя царапины. По лицу Кубарева замѣтно было, что онъ, какъ будто, пьянъ или въ разстроенномъ состояніи. Посему частный приставъ тотчасъ же пригласилъ калужскаго городоваго врача Бабушкина и уѣзднаго стряпчаго, для освидѣтельствованія Кубарева и осмотра зарѣзаннаго младенца; а между тѣмъ допросилъ Кубарева о сдѣланномъ преступленіи.— Присемъ Кубаревъ показалъ, что въ 10 часовъ утра 3 февраля онъ вышелъ изъ дома родителя своего, Павла Кубарева, находился въ разныхъ мѣстахъ города и ходилъ въ питейную контору получить заложенный имъ гидрометръ; затѣмъ въ 9 часовъ вечера онъ возвратился въ домъ отца своего, гдѣ надѣялся захватить моленницу Аксинью Андреевну, проживающую близь мясныхъ рядовъ, которую онъ намѣревался лишить жизни за то, что она имѣетъ прелюбодѣяніе съ его отцемъ, и разстроила все ихъ семейство, о чемъ могутъ подтвердить всѣ ихъ сосѣди; для исполненія своего намѣренія онъ имѣлъ въ карманѣ ножикъ, но къ сожалѣнію, въ домѣ отца не засталъ Аксинью. Въ жестокомъ своемъ намѣреніи онъ зарѣзалъ имѣвшимся уже у него ножомъ малолѣтнюю племянницу Александру, спавшую въ качкѣ. При этомъ случаѣ никого изъ семейныхъ не было; они находились въ другой комнатѣ. Зарѣзавши Александру, онъ закричалъ отцу и семейнымъ, что зарѣзалъ ее. Семейные закричали караулъ, и на крикъ сбѣжался народъ. Къ сему Иванъ Кубаревъ добавилъ, что 3 числа онъ пилъ водку, но вынилъ оной не болѣе $^1/_{100}$ въ то время, когда шелъ домой съ намѣреніемъ зарѣзать моленницу Аксинью Андреeву, и что о причинахъ, побудившихъ его къ совершенію преступленія, онъ объяснитъ на другой день; теперь же, т. е. 3 февраля, кромѣ уже сказаннаго, ничего объяснить не можетъ.

По произведенному 3 февраля калужскимъ городовымъ врачемъ осмотру оказалось, что тѣло племянницы Ивана Кубарева лежало въ задней комнатѣ дома купца Павла Кубарева, на столѣ на лѣвомъ боку, обвернуто ситцевымъ свивальникомъ,—въ бѣлой холщевой пеленкѣ, значительно окровавленной; глаза младенца были закрыты; ротъ открытъ; окого губъ, на подбородкѣ, запекшаяся кровь; вся лѣвая сторона головы окровавлена; на нижней части шеи находилась порѣзанная рана, кольцеобразная, шириною въ $2^1/_2$ дюйма, глубина раны простиралась до задней стѣнки пищевода;

изъ раны истекала въ значительномъ количествѣ кровь, вслѣдствіе того, что были перерѣзаны всѣ шейныя артеріи и вены, а также и самое дыхательное горло; на тѣлѣ была миткалевая сорочка, тоже окровавленная; кромѣ описаннаго, знаковъ на тѣлѣ никакихъ не было; отъ роду зарѣзанному младенцу, по видимому, не болѣе $3^1/_2$ мѣсяцевъ. По осмотру качки, въ которой былъ зарѣзанъ младенецъ, оказалось, что она виситъ въ залѣ; въ качкѣ сверхъ подушки и перинки, лежало ситцевое одѣяло, на немъ найденъ ножикъ весьма острый, величиною съ черенкомъ 5 вершковъ, лезвее ножа $2^1/_2$ вершка, окровавленное; на одѣялѣ—значительное пятно крови, которое проникало даже на подушку; подъ качкою, на разостланномъ холщевомъ половикѣ и отъ половика по полу до выходной двери, оказались капли крови.

Въ $10^1/_2$ часовъ вечера 3 февраля (чрезъ $1^1/_2$ часа по совершеніи смертоубійства), Иванъ Кубаревъ былъ освидѣтельствованъ въ состояніи здоровья калужскимъ городовымъ врачемъ Бабушкинымъ, причемъ оказалось, что Кубаревъ имѣетъ тѣлосложеніе крѣпкое, лѣтъ ему повидимому около 26, лице блѣдное, непокойное, выражающее испугъ, глаза блестящіе и какъ бы неподвижные; голосъ нѣсколько дрожащій; изо рта его слышенъ легкій запахъ вина, кожа горяча и нѣсколько влажна; въ конечностяхъ замѣчается трясеніе. На сорочкѣ его и на подштанникахъ имѣлось нѣсколько кровяныхъ пятенъ; руки въ крови; на безъимянномъ пальцѣ лѣвой руки былъ порѣзъ, длиною въ полтора дюйма, и двѣ незначительныя царапины на ладони той же руки. Кубаревъ, какъ заявили его родственники, за нѣсколько дней до совершенія преступленія пьянствовалъ; а въ день преступленія, какъ заявилъ самъ, опять употреблялъ спиртные напитки. На сдѣланные вопросы Кубаревъ отвѣчалъ здраво и безостановочно, такъ что судя по отвѣтамъ его, трудно допустить въ немъ поврежденіе разсудка. Къ сему врачъ Бабушкинъ въ составленномъ имъ актѣ освидѣтельствованія добавилъ, что показаніе родственниковъ Кубарева, что онъ долгое время пьянствовалъ, вслѣдствіе чего весьма нерѣдко происходитъ бѣлая горячка (delirium tremens), затѣмъ измѣненіе во всемъ организмѣ его, найденное при освидѣтельствованіи,—отнимаютъ у него, Бабушкина, возможность сдѣлать точное заключеніе на счетъ умственныхъ способностей Кубарева, и что потому онъ долженъ быть

отправленъ, куда слѣдуетъ, для болѣе точнаго и положительнаго опредѣленія состоянія умственныхъ его способностей.

4 февраля Иванъ Кубаревъ объявилъ частному приставу, что наканунѣ онъ былъ въ трактирномъ заведеніи Василья Тихонова и пилъ тамъ пиво, а какъ у него не достало денегъ заплатить за пиво, то онъ оставилъ въ заведеніи жилетъ и брюки, а домой пришелъ въ тепломъ пальто, сюртукѣ и теплыхъ сапогахъ. (По требованію полиціи жилетъ и брюки Кубарева были представлены трактирщикомъ Васильемъ Тихоновымъ).

5 февраля 1862 г. *Иванъ Кубаревъ*, на спросъ калужскаго губернскаго уголовныхъ дѣлъ стряпчаго, далъ слѣдующее показаніе: «звать меня Иванъ Павловъ, по фамиліи Кубаревъ, 26 лѣтъ, вѣры православной, у исповѣди и у св. причастія бываю ежегодно, грамотенъ; калужскій купеческій сынъ; родители мои 3 гильдіи купецъ Павелъ Алексѣевъ Кубаревъ, и Анна Потапьева; рожденъ въ г. Калугѣ въ приходѣ Успенія Божіей Матери, гдѣ и былъ крещенъ; вдовъ; дѣтей не имѣю. Въ Калугѣ нахожусь только съ новаго 1862 года; до этого же времени жилъ на черноморьѣ, въ г. Екатеринодарѣ, гдѣ служилъ конторщикомъ у купца Посполитаки, имѣющаго тамъ рыбные промыслы, почтовыя станціи и торговлю разнымъ товаромъ. У Посполитаки я находился на службѣ только шесть мѣсяцевъ, потому что у меня мой видъ былъ просроченъ, и я оттуда былъ присланъ въ Калугу по этапу. Женился я 20 лѣтъ и прожилъ съ женою только одинъ годъ; она умерла. Похоронивши жену, я тотчасъ уѣхалъ изъ Калуги, потому что не хотѣлъ уже болѣе здѣсь жить; до смерти же моей покойной жены я постоянно и безвыѣздно жилъ въ г. Калугѣ, и даже свою торговлю имѣлъ. Первый мой отъѣздъ отъ Калуги былъ въ черниговскую губернію въ посадъ Клинцы суражскаго уѣзда, гдѣ дяди мои Кубаревы имѣли суконную фабрику, и гдѣ я прожилъ годъ конторщикомъ; послѣ того жилъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ; а оттуда уже, дорогою въ Харьковъ для пріисканія себѣ мѣста, я въ Курскѣ опредѣлился къ купцу Посполитаки, которымъ и былъ отправленъ въ черноморье. Въ теченіи этого времени я бывалъ раза три въ Калугѣ, но всѣ разы на очень короткое время. До 18 января 1862 г., по прибытіи сюда я былъ безъ мѣста; 18 же числа поступилъ повѣреннымъ въ здѣшнюю питейную контору, и былъ посланъ въ

уѣздъ, откуда прибылъ 26 числа, а 28 числа я былъ уволенъ конторою, какъ полагаю за то, что не выставилъ въ журналъ доброты вина; впрочемъ подлинная причина моего увольненія мнѣ неизвѣстна, но я полагаю, что именно та. Во время службы моей въ конторѣ я пилъ водку, но очень умѣренно и то только тогда, когда ѣздилъ въ уѣздъ. По увольненіи моемъ, я трое сутокъ пилъ и весьма мало спалъ; послѣ того я трое сутокъ лежалъ, — нѣтъ позвольте вспомнить! понедѣльникъ, вторникъ и среду я все пилъ, и въ среду ночью я пришелъ домой и легъ спать, и пролежалъ четвергъ и пятницу дома, ничего не пивши и не ѣвши. Въ субботу утромъ я всталъ. Пока лежалъ, я чувствовалъ ужасную дурноту въ головѣ, и часто приходилъ въ забывчивость и вскрикивалъ, что вѣроятно слышали мои домашніе. Въ субботу, поутру, я всталъ, потому что пришелъ повѣренный конторы за гидрометромъ, бывшимъ у меня. Тутъ же утромъ я пошелъ въ бѣлую харчевню, что противъ рядовъ, не доходя общественнаго трактира, и тамъ выпилъ стаканъ горькой водки; немного погодя пришелъ туда столяръ Пугачевъ, и онъ поподчивалъ меня, и я выпилъ съ нимъ еще 2 стакана водки,—и закусивши поросенкомъ, отправились съ нимъ въ трубаевскій трактиръ, куда пришли—начинало уже смеркаться. Тамъ выпили мы пива, не упомню сколько именно, но помню, что онъ мало пилъ, потому что уже былъ выпивши, и мы бутылокъ около 6 пива выпили. Изъ трубаевскаго трактира поѣхалъ я на извощикѣ одинъ въ бѣлую харчевню Василія Тиханова, близъ Широкой улицы, въ какомъ то переулкѣ, имени коего не знаю, напротивъ болдасовскаго кабака; пріѣхавши туда, я хозяина не засталъ, а только одного служителя, имени коего не знаю; тамъ опять пилъ пиво, но не упомню сколько именно, потому что былъ сильно пьянъ, но на ногахъ стоялъ. Оттуда я отправился домой и дорогою выпилъ еще стаканъ горькой водки. Пилъ я такъ, самъ не знаю отчего, не имѣя рѣшительно никакого намѣренія. Пріѣхавши домой, мнѣ мелькнула мысль что нибудь сдѣлать съ Аксиньею Андреевою, моленницею, потому что не только что я одинъ, но и все семейство наше на нее имѣетъ зло, предполагая, что она живетъ съ отцемъ нашимъ. Доказать это трудно, но мы думаемъ такъ потому, что онъ къ ней постоянно ходитъ, и она приходитъ къ нему въ домъ, ког-

да матери моей нѣтъ дома. Но я ея въ домѣ не засталъ, и потомъ въ такомъ жестокомъ азартѣ, я зарѣзалъ малютку. Ножъ, которымъ я зарѣзалъ малютку, я вѣроятно дорогою изъ трактира домой, уже пьяный, захватилъ въ домѣ брата моего, Василія Кубарева. Не упомню хорошо, но кажется этотъ ножъ я самъ взялъ. Назадъ тому года два я у этой моленницы, также съ досады, перебилъ всѣ окна, и тогда отецъ мой жаловался въ полицію, и я содержался при части, но тогда дѣло это кончилось ничѣмъ, по случаю мировой. Съ этой моленницею отецъ уже лѣтъ около 12 живетъ, и съ того времени какъ онъ сталъ съ нею жить, у насъ пошли страшныя непріятности въ семействѣ, и онъ все дѣлалъ для нея, а никогда ничего не хотѣлъ сдѣлать для насъ сыновей, а все тащилъ ей изъ дому. Будучи на нее всегда золъ, я никогда не думалъ совершить надъ нею преступленіе, а просто хотѣлъ ее хорошенько избить; объ этомъ намѣреніи моемъ и желаніи знали и домашніе мои и прислуга наша, кухарка. Зарѣзавши малютку, я опомнился, бросился на колѣни передъ образами и закричалъ: «Господи, что я сдѣлалъ», и заплакалъ. На крикъ мой прибѣжали родные мои, и я сказалъ имъ, что зарѣзалъ малютку. Кто тутъ входилъ, я уже не помню; тутъ меня взяли въ часть. Какъ я уже говорилъ, намѣренія сдѣлать это я никогда не имѣлъ; мысль же зарѣзать моленницу пришла мнѣ уже вечеромъ, совершенно пьяному. Теперь я чувствую только весьма сильное круженіе въ головѣ, и сильное сердцебіеніе. Болѣе объяснить ничего не могу. Все, показанное мною съ истиннымъ раскаяніемъ, показалъ по истинной правдѣ и справедливости.

Братъ Ивана Кубарева, *Акимъ Кубаревъ* (22 лѣтъ, старообрядецъ *) показалъ, что подъ новый 1862 годъ, Иванъ присланъ былъ откуда то въ Калугу по этапу, и спустя недѣлю послѣ новаго года поступилъ на службу въ питейную контору. Во время службы его въ конторѣ, онъ почти ежедневно возвращался домой хмѣльной, но ни шума, ни грубостей никому не дѣлалъ, и никогда отъ него никакого буянства не видали. Получивъ въ конторѣ расчетъ, Иванъ въ продолженіи двухъ дней не былъ до-

*) Изъ дѣла видно, что отецъ и все семейство Ивана Кубарева старообрядцы, самъ же онъ православный.

ма; возвратившись же затѣмъ домой поздно ночью, онъ легъ спать и весь другой день пролежалъ, вѣроятно съ перепоя. На третій день ему стало лучше и онъ сталъ вставать, прохаживался и пилъ квасъ. Тутъ они узнали отъ него, что онъ оставилъ свою шубу въ закладѣ; въ этотъ же день мать выкупила ее изъ заклада. 3-го февраля, утромъ часовъ въ 10, Иванъ пошелъ, и гдѣ онъ былъ весь день, ему, Акиму—неизвѣстно. Вечеромъ часовъ въ 8 онъ пришелъ домой. Жена его, Акима, находившаяся съ нимъ въ спальнѣ, узнавъ походку брата, сказала: «братъ Иванъ Павловичъ пришелъ»; на это онъ, Акимъ, отвѣтилъ: «ну чтожъ». Въ это время дочь его, Акима, лежала въ залѣ, гдѣ горѣло 2 лампады, дверь же изъ залы въ спальню была притворена. Услышавъ храпъ ребенка, они хотѣли пойдти въ залу, но въ это время Иванъ отворилъ дверь и сталъ передъ нимъ, Акимомъ, на колѣни, заплакалъ, говоря, что онъ погубилъ. Какая причина побудила Ивана къ этому преступленію, онъ, Акимъ, совершенно не знаетъ, но приписываетъ ничему другому какъ пьянству; впрочемъ, въ испугѣ онъ не разглядѣлъ, былъ ли Иванъ пьянъ или нѣтъ. Самъ онъ и жена его всегда жили съ Иваномъ ладно, и никогда даже и ссоры съ нимъ не имѣли, такъ что ему никакого не могло быть повода сдѣлать преступленіе съ какого нибудь на нихъ зла, или что нибудь подобнаго; но вѣроятно онъ сдѣлалъ это съ перепоя. Что же касается того, чтобы отецъ ихъ жилъ съ моленницею, то онъ, Акимъ, утвердить этого не можетъ, ибо самъ ничего не замѣчалъ, но слышалъ объ этомъ по народной молвѣ; отецъ никакихъ изъ за нея непріятностей не дѣлалъ. Былъ ли же Иванъ на моленницу сердитъ, о томъ онъ, Акимъ, не зналъ.

Жена Акима Кубарева, *Вѣра*, (18-ти лѣтъ) показавъ согласно съ мужемъ своимъ, добавила, что Ивана Кубарева до прибытія его въ Калугу по этапу она вовсе не знала, и замужъ выходила въ его отсутствіе; когда онъ былъ присланъ по этапу то ни она, ни мужъ ея его не гнушались и не попрекали его тѣмъ. До поступленія на службу въ питейную контору, Иванъ былъ грустенъ, и когда она, Вѣра, спрашивала его, гдѣ онъ думаетъ пріискать себѣ мѣсто, то онъ говорилъ: «гдѣ я могу себѣ мѣсто найдти, послѣ того какъ меня прислали по этапу; я теперь человѣкъ потерянный, осрамленный, кто меня будетъ дер-

жать.»—Во все время знакомства своего съ Иваномъ, она и мужъ ея жили съ Иваномъ въ ладу и не только что не ссорились, но даже никогда другъ другу не сказали худаго слова. Иванъ за нею никогда не ухаживалъ, и не отъ него, да и ни отъ кого другаго она не слышала, чтобы ему нравилась, а потому и полагаетъ, что Ивану не было никакого повода сердиться на нее.

Отецъ Ивана, Павелъ Кубаревъ (65 лѣтъ), показалъ согласно съ сыномъ своимъ Акимомъ, добавивъ, что Иванъ всегда былъ поведенія слабаго и пьянаго, почему не могъ ни на одномъ мѣстѣ удержаться, какъ равно и на послѣднемъ мѣстѣ въ питейной конторѣ; онъ былъ разочтенъ за нетрезвое поведеніе. Года два тому назадъ Иванъ въ пьяномъ видѣ иногда буянилъ, но по приходѣ въ Калугу по этапу, за нимъ этого замѣтно не было. Что касается жизни показателя съ моленницею, то это вздоръ, этого никогда не было, а приходятъ иногда къ нему, Павлу, моленницы для службы. Дѣйствительно разъ было, что Иванъ выбилъ окна у моленницы Аксиньи Андреевой, но на это она сама, а не онъ, Павелъ, приносилъ жалобу. Во все время послѣдняго пребыванія Ивана въ Калугѣ, онъ, Павелъ, съ нимъ не ссорился ни разу, а только побранилъ его, когда онъ былъ присланъ по этапу въ арестантскомъ платьѣ, и сдѣлалъ ему все нужное платье. Прежде случалось, что Иванъ былъ къ нему непочтителенъ и бранилъ его, когда бывалъ пьянъ, но въ послѣднее пребываніе онъ отъ него не слышалъ худаго слова. Преступленіе Ивана онъ приписываетъ перепою, ибо иной причины и придумать не можетъ.

6-го февраля 1862 г. Иванъ Кубаревъ былъ *освидѣтельствованъ* въ общемъ присутствіи калужскаго губернскаго правленія чрезъ членовъ мѣстной врачебной управы, причемъ, (какъ видно изъ имѣющагося въ дѣлѣ указа губернскаго правленія губернскому стряпчему), оказалось, что Кубаревъ тѣлосложенія посредственнаго, лѣтъ отъ роду по наружному виду 26, пульсъ нормальный, глаза покойные, нѣсколько дикіе. На предложенные при освидѣтельствованіи вопросы Кубаревъ отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ тебя зовутъ? *Отв.* Иваномъ. *Вопр.* По отцу? *Отв.* Павловъ. *Вопр.* Прозвище какое? *Отв.* Кубаревъ. *Вопр.* Какого званія? *Отв.* Купеческій сынъ. *Вопр.* Чѣмъ занимаешься? *Отв.* По торговой части. *Вопр.* Женатъ? *Отв.* Вдовъ.

Вопр. Есть дѣти? *Отв*. Была малютка,—похоронилъ. *Вопр*. Когда умерла малютка? *Отв*. Послѣ жены, тому назадъ пять лѣтъ. *Вопр*. У кого жилъ теперь? *Отв*. Въ домѣ родителя моего. *Вопр*. А давно ли ты въ Калугѣ? *Отв*. Передъ новымъ годомъ, 29 или 30 декабря пріѣхалъ. *Вопр*. Откуда пріѣхалъ въ Калугу? *Отв*. Я присланъ по этапу. *Вопр*. Откуда присланъ? *Отв*. Изъ черноморіи, изъ города Екатеринодара. *Вопр*. За что былъ посланъ по этапу? *Отв*. За просрочку паспорта. *Вопр*. Зачѣмъ же просрочилъ паспортъ. *Отв*. Это зависѣло совершенно не отъ меня. *Вопр*. А отъ кого же зависѣла эта просрочка? *Отв*. Паспорта?—Отъ конторы полковника Посполитаки. *Вопр*. Кто такой полковникъ Посполитаки. *Отв*. Имѣетъ коммерціи, торговли въ разныхъ городахъ и въ черноморіи, почтовыя станціи и рыболовные промыслы. *Вопр*. Какой націи этотъ полковникъ? *Отв*. Навѣрное не знаю. *Вопр*. Здоровъ ли ты теперь? *Отв*. Не вполнѣ: имѣю сильное круженіе въ головѣ и біеніе въ сердцѣ. *Вопр*. За что ты попался подъ слѣдствіе? *Отв*. Въ послѣднихъ числахъ декабря мѣсяца я былъ отправляемъ въ станицу Гривинную на должность конторщика изъ г. Екатеринодара, и при отправкѣ я говорилъ г. Посполитаки, что у меня истекаетъ срокъ моего паспорта, было приказано написать на мѣсто жительства письмо, для перемѣны новаго паспорта и оставить въ конторѣ, что мною и было исполнено, и по приказанію конторы г. Посполитаки я отправился въ станицу Гривинную, потомъ въ Очуевъ, гдѣ прожилъ до іюня 1-го числа; по случаю моей болѣзни я болѣе продолжать моей службы не могъ и объяснилъ объ этомъ управляющему, завѣдующему очуевскими рыболовными заводами; на мое объясненіе управляющій сказалъ, «что ты нанятъ не мною, а присланъ изъ г. Екатеринодара, поэтому долженъ отправиться въ городъ, гдѣ можешь получить изъ конторы паспортъ», и я отправился пѣшкомъ до станицы—пріискать попутчика на подводу; не упомню въ какой станицѣ, я былъ арестованъ за неимѣніе письменнаго вида, который находился въ г. Екатеринодарѣ въ конторѣ Посполитаки, и начальствомъ станицы я былъ представленъ въ г. Екатеринодаръ въ начальство, гдѣ я объяснилъ тоже самое—что мой паспортъ въ Екатеринодарѣ въ конторѣ Посполитаки; изъ начальства меня отправили въ острогъ до вытребованія изъ конторы моего паспорта; по истеченіи

трехъ мѣсяцевъ содержанія въ замкѣ, я былъ вызванъ въ начальство, гдѣ мнѣ объяснили, что мой паспортъ просроченъ, по случаю тому, что контора Посполитаки упустила изъ виду или не сочла нужнымъ послать мое письмо, которое написано было мною въ декабрѣ мѣсяцѣ 1860 г. по приказанію Посполитаки для перемѣны паспорта; не взирали на мое оправданіе, что я въ просрочкѣ моего паспорта невиновенъ, потому что я совершенно не имѣлъ надобности жить безъ письменнаго вида, а о томъ, что мой старый паспортъ и письмо не было послано въ Калугу я не зналъ до того времени, когда мнѣ объяснило екатеринодарское начальство, почему меня такъ долго держало начальство въ острогѣ, я не знаю; даже имѣлъ жалобу въ острогѣ г. прокурору, что меня такъ долго безъ причины держатъ въ острогѣ и безвинновно; я былъ отправленъ на мѣсто жительства въ г. Калугу, и когда я содержался въ острогѣ, въ то время г. Посполитаки въ Екатеринодарѣ не было. *Вопр.* А въ настоящее время, за что ты подъ слѣдствіемъ? *Отв.* Будто бы зарѣзанъ мною младенецъ, но какъ это мною было сдѣлано, я ничего не помню, только помню, что я стоялъ на колѣняхъ, плакалъ и кричалъ: «что я сдѣлалъ».—Общее присутствіе заключило, что всѣ вышеприведенные отвѣты, данные на предложенные вопросы, равно самимъ Кубаревымъ писанное объясненіе и продолжительный разговоръ, веденный съ нимъ, ясно доказываютъ, что Кубаревъ въ настоящее время въ полномъ разсудкѣ и твердой памяти.

10 февраля 1862 г. *Иванъ Кубаревъ*, объяснивъ слѣдователю, что желаетъ добавить и измѣнить прежнее показаніе свое, показалъ, что вечеромъ 8-го февраля у него былъ священникъ георгіевской церкви, и пробывъ съ нимъ болѣе часа, увѣщевалъ его и доказывалъ всю тяжесть его преступленія; сознавъ, вслѣдствіе словъ священника, всю вину свою, онъ рѣшился объяснить всю истинную правду, которую прежде не рѣшался показать, боясь строгости наказанія, но теперь, убѣжденный словами священника, онъ вполнѣ отдается подъ милосердіе Божіе. — Дѣйствительно, какъ имъ было показано, онъ хотѣлъ зарѣзать моленницу Аксинью Андрееву, которая живетъ съ его отцемъ. На эту моленницу онъ былъ сердитъ; главною причиною тому было то, что мать его, женщина скромная и добрая,

всегда этимъ очень огорчалась и почти постоянно плакала; но такъ-какъ мать его рѣдкая женщина и онъ любитъ ее много и искренно, то и не могъ видѣть равнодушно все, что она переносила, а потому и рѣшился пожертвовать собою, чтобы по крайней мѣрѣ успокоить мать. Мысль зарѣзать Аксинью Андрееву пришла ему по выходѣ изъ трубаевскаго трактира, и онъ оттуда зашелъ въ мастерскую къ брату, и какъ въ мастерской и въ кухнѣ никого не было, то онъ взялъ тамъ ножъ. Это было уже въ сумерки. Взявши ножъ, онъ вышелъ изъ дома брата и на извощикѣ поѣхалъ въ харчевню «Кишиневъ», (зная, что здѣсь ему повѣрятъ въ долгъ), чтобы выпить для храбрости. Мысль избить или даже просто убить Аксинью постоянно его занимала и преслѣдовала, и онъ только ждалъ случая это сдѣлать. Выбралъ же именно для этого субботу, потому что зналъ, что въ обѣдъ его мать должна была ѣхать и уѣхала въ Бѣлевъ къ сестрѣ его, которая больна при смерти; а всегда, когда только мать его уѣзжала куда нибудь, моленница приходила къ отцу въ домъ. Поэтому, выпивши для храбрости въ «Кишиневѣ», онъ поѣхалъ не къ моленницѣ въ домъ, а къ отцу, будучи увѣренъ, что застанетъ ее тамъ. Но войдя въ кухню, чрезъ которую ходъ въ комнату отца, и видя, что ея нѣтъ тамъ, онъ тотчасъ же воротился и пошелъ въ залу къ брату Акиму, думая не тамъ ли она; но ея и тамъ не было, и тутъ уже онъ не помнитъ, по какому побужденію зарѣзалъ несчастную малютку. Когда въ субботу утромъ онъ пошелъ по дѣлу, именно доставить гидрометръ въ контору и зашелъ къ брату, но его не засталъ дома, то ему пришла мысль выпить. Но тогда онъ вовсе не имѣлъ намѣренія именно въ этотъ день зарѣзать моленницу, хотя мысль эта пришла ему, какъ онъ уже говорилъ, по выходѣ изъ трубаевскаго трактира. Малютку онъ зарѣзалъ, какъ думаетъ, просто оттого, что былъ слишкомъ раздраженъ виномъ и желаніемъ зарѣзать моленницу. Что же касается моленницы, то если не пришлось этотъ разъ, то другой разъ бы сдѣлалъ; короче сказать, онъ такъ былъ раздраженъ ею, что эта мысль постоянно его преслѣдовала и онъ непремѣнно привелъ бы ее когда нибудь въ исполненіе, и даже трезвый. Впрочемъ утвердить не можетъ: преступленіе это слишкомъ ве-

лико и нужна большая рѣшимость для этого, а у него была только мысль сдѣлать это когда пришлось бы.

По отобраніи отъ Кубарева вышеизложеннаго показанія, калужскій губернскій уголовныхъ дѣлъ стряпчій заключилъ, что такъ-какъ сдѣланное Кубаревымъ добровольно признаніе вполнѣ уяснило какъ преступленіе, такъ и побудительныя къ нему причины, поэтому не представляется надобности продолжать изслѣдованіе о пьянствѣ Кубарева, немогущее болѣе объяснить дѣла, но должно заняться изслѣдованіемъ факта о жизни отца Кубарева съ моленницею.

Моленница Аксинья Андреева (37 лѣтъ) отозвалась, что любовной связи съ купцомъ Павломъ Кубаревымъ она не имѣла и не имѣетъ, что Павелъ Кубаревъ бывалъ иногда у нея, а также и она у него, въ особенности предъ праздниками, — почитать какому нибудъ святому. Былъ ли на нее сердитъ Иванъ Кубаревъ, она не знаетъ; года четыре тому назадъ онъ перебилъ у ней стекла и поломалъ садъ, но дѣло это кончилось мировою.—(Показаніе Аксиньи подтвердили живущія въ ея домѣ двѣ другія моленницы).

Сосѣди Павла Кубарева и Аксиньи Андреевой показали, что имѣлъ ли Кубаревъ любовную связь съ Аксиньей, они не знаютъ, но видали, что онъ во всякое время дня и ночи ходилъ къ ней; а потому въ городѣ и ходили слухи о связи его съ моленницею. Кромѣ того одинъ изъ сосѣдей Аксиньи показалъ, что Кубаревъ купилъ Аксиньѣ домъ.

Купецъ Рожновъ съ своей стороны объяснилъ, что жена Павла Кубарева просила его поговорить мужу, чтобы онъ оставилъ связь съ Аксиньей; но онъ, Рожновъ, отъ этого отказался.

На повальномъ обыскѣ четверо изъ жителей города Калуги отозвались, что Ивана Кубарева они не знаютъ, такъ какъ онъ почти не жилъ въ Калугѣ, другіе же 8-мъ человѣкъ поведеніе Ивана одобрили.

9-го марта 1862 г. Иванъ Кубаревъ подалъ калужскому губернскому стряпчему *прошеніе*, въ которомъ изъяснилъ, что по дѣлу о умерщвленіи своей племянницы онъ высказалъ причины, побудившія его къ этому преступленію; въ настоящее время онъ повторяетъ, что главною причиною преступленія, совершеннаго имъ при отсутствіи здраваго разсудка, была возмутительная

мысль и теперь его преслѣдующая — это продолжающаяся лѣтъ десять связь отца его съ мѣщанкою Аксиньею Андреевою. Выставленные имъ въ свидѣтели братья не подтвердили связи отца съ безпутной мѣщанкой Андреевой по естественному сыновнему чувству, а болѣе по зависимости своей отъ отца, также какъ и слуги его. Посему онъ, Иванъ Кубаревъ, предполагаетъ, что и мать его, изъ участія и сожалѣнія къ которой онъ приводилъ во всеобщую извѣстность слабость отца, не захочетъ чрезъ раскрытіе истины срамить его, какъ по зависимости отъ него, такъ по болѣзненному состоянію своего здоровья и преклоннымъ лѣтамъ. Но совѣсть вынуждаетъ его представить въ свидѣтели стороннихъ людей, живущихъ недалеко отъ дома этой развратницы Андреевой: присяжнаго свидѣтеля, калужскаго мѣщанина Ивана Иванова Зѣвакина и калужскаго же мѣщанина Василія Петрова Глухова. Въ заключеніе прошенія своего Иванъ Кубаревъ просилъ губернскаго стряпчаго: устранить отъ спроса мать его, Ивана, старуху, по той уважительной причинѣ, что она, и такъ уже убитая горемъ чрезъ настоящее его несчастное положеніе, — чрезъ спросъ о связи отца съ помянутой Андреевой, окончательно лишится здоровья; а допросить подъ присягою выставленныхъ имъ въ свидѣтели мѣщанъ Иванъ Иванова и Глухова; между тѣмъ не оставить распутную дѣвицу Андрееву, хотя и такимъ возмездіемъ за совращеніе отца его съ пути истины, чтобы она была освидѣтельствована врачемъ и записана въ разрядъ порочныхъ женщинъ, а для возстановленія благосостоянія семейства матери его, была бы удалена изъ Калуги; что онъ, Иванъ, будетъ считать особенною милостію правосудія при ожиданіи наказанія за свое преступленіе.

Находя обстоятельства, изложенныя въ прошеніи Ивана Кубарева, заслуживающими уваженія, губернскій стряпчій положилъ: не привлекать къ допросу мать Ивана Кубарева, а спросить за присягою мѣщанъ Зѣвакина и Глухова.

Мѣщане эти на допросъ показали, что изъ общей молвы они слышали, что купецъ Павелъ Кубаревъ имѣетъ связь съ моленницею Аксиньею, но сами того не замѣчали.

Поданнымъ 7 мая въ калужскую палату уголовнаго суда прошеніемъ Иванъ Кубаревъ просилъ: вызвать его въ палату для прочтенія составленной изъ дѣла выписки и для рукоприклад-

ства подъ оной. Вслѣдствіе таковой просьбы Кубарева, палата уголовнаго суда предписала смотрителю тюремнаго замка представить Кубарева въ палату 11 іюня. На предписаніе это смотритель калужскаго тюремнаго замка донесъ палатѣ, что Иванъ Кубаревъ, по случаю лихорадки, не можетъ явиться въ палату 11-го іюня. 13 того же іюня Кубаревъ явился въ палату уголовнаго суда, и прочтя выписку изъ дѣла, обязался учинить рукоприкладство въ узаконенный срокъ; но 18-го іюня смотритель тюремнаго замка донесъ палатѣ, что Кубаревъ 17-го іюня отправленъ въ больницу замка для излеченія.

9-го іюля 1862 г. мать Ивана Кубарева, Анна Кубарева, въ поданномъ въ палату уголовнаго суда прошеніи объяснила, что сынъ ея, Иванъ, съ малолѣтства подверженъ былъ истерическимъ припадкамъ, во время которыхъ всегда бывалъ въ безпамятствѣ и дѣйствовалъ безотчетно, такъ что иногда бывало, что онъ изобьется самъ, а иногда, находясь въ задумчивости, доходилъ до того, что лишался здраваго разсудка, обращался безсознательно какъ съ семейными, такъ и съ прислугою. Все это было временно и заставляло ее, Анну, слѣдить за дѣйствіями Ивана; болѣзнь нерѣдко случалась съ Иваномъ и у хозяевъ, гдѣ онъ находился въ услуженіи: такъ, сколько можетъ припомнить, болѣзнь постигла Ивана во время жительства у калужскаго купца Ивана Николаева Яловицына; между тѣмъ при слѣдствіи никто не былъ спрошенъ о томъ, что въ какой именно болѣзни находился Иванъ три дня предъ случившимся происшествіемъ, тогда-какъ семейнымъ и прислугѣ было извѣстно, что онъ находился въ безпамятствѣ и безсознательномъ состояніи; но по несдѣланію слѣдователемъ о семъ вопроса, болѣзнь сына осталась необслѣдованною. Однакоже врачъ, находившійся при освидѣтельствованіи тѣла младенца, а равно и самого Ивана, не рѣшился опредѣлить, что Иванъ во время совершенія преступленія находился въ здравомъ разсудкѣ, признаковъ котораго врачъ не нашелъ и говоритъ, что Иванъ былъ одержимъ припадкомъ съ отсутствіемъ разсудка. Самое дѣло убѣждаетъ, что Иванъ совершилъ преступленіе безсознательно и въ припадкѣ сумасшествія: въ двухъ своихъ показаніяхъ онъ показалъ, что зарѣзалъ 3-хъ мѣсячную дочь роднаго брата своего безъ всякой причины, по какому то побужденію, о которомъ ничего не могъ самъ и объяснить, по-

тому что съ братомъ и его женою всегда былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, что и подтверждено слѣдствіемъ; далѣе Иванъ въ тѣхъ же показаніяхъ говоритъ, что 10 февраля, въ день совершенія преступленія, вечеромъ въ 9-мъ часу, бывши въ трубаевскомъ трактирѣ, пришла ему мысль зарѣзать моленницу Аксинью Андрееву за то, что она имѣетъ съ отцомъ его любовную связь, что, будто бы, она разстроила все ихъ семейство, что она, Анна, терпитъ стѣсненія отъ мужа, и что онъ, Иванъ, имѣлъ намѣреніе успокоить ее, а потому и рѣшился пожертвовать собою. Но такая скорая рѣшимость на преступленіе и необдуманность въ дѣйствіяхъ положительно убѣждаютъ, что Иванъ находился въ умоизступленіи и совершилъ преступленіе въ безпамятствѣ; тѣмъ болѣе, что самая причина его покушенія на жизнь Андреевой неосновательна и ничѣмъ при слѣдствіи не подтверждена, потому что Андреева, хотя и хаживала къ нимъ въ домъ, но для чтенія каноновъ, равно ходила и она, Анна, къ ней съ мужемъ для слушанія таковыхъ и молиться Богу по часовенному обряду; но чтобы мужъ имѣлъ съ Андреевою когда либо любовную связь и чрезъ это тѣснилъ ее, Анну, и доводилъ семейство до разстройства, она какъ жена, прижившая съ Павломъ нѣсколько человѣкъ дѣтей и выведшая ихъ въ люди, никогда того не замѣчала, а потому все, показанное Иваномъ, совершенный вздоръ и небылица. Въ настоящее время Иванъ, содержась подъ стражею, просилъ палату допустить его къ прочтенію записки изъ дѣла и рукоприкладству подъ оною, вслѣдствіе чего хотя и былъ допущенъ, но сдѣлавшись боленъ, рукоприкладствовать не могъ, а равно и уполномочить за себя кого либо; но какою одержимъ онъ болѣзнію она, Анна, не могла ни отъ кого дознать, но полагаетъ: не припадками ли, о которыхъ она прописала въ настоящемъ прошеніи. Въ заключеніе прошенія своего Анна Кубарева ходатайствовала о слѣдующемъ: 1) чтобы было произведено дознаніе, какою болѣзнію былъ одержимъ Иванъ предъ самымъ совершеніемъ преступленія; 2) чтобы были спрошены сосѣди, изъ которыхъ нѣкоторые бывали у нихъ въ домѣ при случавшихся съ Иваномъ припадкахъ, а иные вѣроятно слышали и положительно объ этомъ знали; равно спросить купца Яловицына о случившейся съ Иваномъ болѣзни; и въ 3-хъ чтобы дознать, какою болѣзнію одержимъ Иванъ, и что ему препятствовало рукопри-

кладствовать подъ запискою въ палатѣ, или уполномочить кого либо на это, а между тѣмъ подвергнуть Ивана медицинскому наблюденію.

При произведенномъ по распоряженію палаты уголовнаго суда *доизслѣдованіи* отецъ Ивана Кубарева, Павелъ Кубаревъ, показанъ, что за сыномъ своимъ Иваномъ онъ никакихъ истерическихъ принадковъ не замѣчалъ, потому что предъ совершеніемъ преступленія Иванъ находился въ здоровомъ состояніи.

Братъ Ивана Кубарева, Акимъ, отозвался, что дѣйствительно Иванъ предъ совершеніемъ преступленія былъ нездоровъ, жаловался на головную боль и былъ въ безпамятствѣ и безсознательномъ состояніи дней за пять, и кромѣ сего недѣли четыре онъ постоянно жаловался на головную боль и въ немъ замѣтна была задумчивость.

Кухарка Кубаревыхъ, Степанида Афанасьева, показала, что она замѣчала въ Иванѣ Кубаревѣ какое то помѣшательство и болѣзненное состояніе, но особенныхъ дѣйствій за нимъ не замѣчала.

Мѣщанинъ Иванъ Савостинъ отозвался, что во все время служенія своего у Кубаревыхъ (6-ть лѣтъ) онъ у Ивана истерическихъ припадковъ не замѣчалъ, но что предъ совершеніемъ преступленія Иванъ былъ въ болѣзненномъ состояніи.

Калужскій купецъ Иванъ Яловицынъ объяснилъ, что лѣтъ восемь тому назадъ Иванъ Кубаревъ былъ у него около четырехъ лѣтъ прикащикомъ, причемъ онъ дѣйствительно былъ подверженъ истерическимъ припадкамъ такъ, что иногда отъ таковыхъ могли происходить опасности, потому что Иванъ бывалъ въ безпамятствѣ и дѣйствовалъ безсознательно.

Мѣщанка Матрена Цвѣткова показала, что Иванъ Кубаревъ дѣйствительно съ малолѣтства замѣченъ былъ ею въ безсознательныхъ дѣйствіяхъ такъ, что онъ всегда отдалялся отъ общества подобныхъ ему мальчиковъ; но впослѣдствіи, кромѣ задумчивости, она у Ивана ничего не замѣчала.

Сосѣди Кубаревыхъ (въ числѣ 5 человѣкъ) отозвались, что они истерическихъ припадковъ у Ивана не замѣчали, потому болѣе, что онъ почти постоянно находился въ отлучкѣ; двое изъ тѣхъ сосѣдей добавили, что предъ совершеніемъ преступленія Иванъ находился въ задумчивости.

Калужская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ засимъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что хотя мать подсудимаго Ивана Кубарева, а также спрошенныя, по указанію ея, лица удостовѣряютъ, что онъ по временамъ подвергался истерическимъ припадкамъ и помѣшательству, но какъ ни медицинскими свидѣтельствами, ни обстоятельствами дѣла не доказано съ точностію, чтобы Кубаревъ во время совершенія преступленія былъ въ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства, — что необходимо, по силѣ 108 ст. у.юж. для того, чтобы преступленіе могло быть не вмѣняемо въ вину подсудимому, — то посему Кубаревъ долженъ быть признанъ виновнымъ въ убійствѣ дочери брата своего, Александры. Такъ какъ Кубаревъ сознался, что пришелъ на мѣсто преступленія съ намѣреніемъ убить мѣщанку Аксинью Андрееву, для чего запасся ножемъ, то за убійство вмѣсто ея другаго лица, хотя и учиненное въ раздраженіи, Кубарева слѣдуетъ подвергнуть наказанію по 2003 ст. какъ за убійство, совершенное съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ. Но слѣдуетъ принять въ соображеніе, что это убійство выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, ибо раздраженіе, дошедшее до такой степени, что Кубаревъ вмѣсто Андреевой, признаваемой имъ виновною, могъ посягнуть на жизнь младенца, противъ котораго, какъ видно изъ дѣла, не имѣлъ ни одного непріязненнаго чувства, нельзя не признать такимъ безотчетнымъ побужденіемъ, которое заслуживаетъ особеннаго вниманія и составляетъ основательную причину для смягченія слѣдующаго Кубареву наказанія. — Вслѣдствіе сего палата опредѣлила: Ивана Кубарева признать виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ и подлежащимъ за это лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію плетьми чрезъ палача восмидесятью ударами, съ наложеніемъ клеймъ, и потомъ ссылкѣ на работы въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ; но не приводя этого заключенія въ исполненіе, представить настоящее дѣло, на основаніи означенныхъ обстоятельствъ, въ правительствующій сенатъ, для исходатайствованія Кубареву смягченія въ наказаніи.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 г. мать Ивана Кубарева обратилась въ палату уголовнаго суда съ просьбою о томъ, чтобы предварительно разрѣшенія дѣла о преступленіи сына ея Ивана, истребованы были какъ отъ конторы калужскихъ (хлюстинскихъ)

богоугодныхъ заведеній, такъ и отъ врачей, завѣдывавшихъ больницею тюремнаго замка, свѣдѣнія о томъ: какою болѣзнію былъ одержимъ Иванъ въ 1862 и 1863 годахъ, и потомъ какъ эти свѣдѣнія, такъ и самое дѣло, передать во врачебную управу для заключенія о томъ, могъ ли Иванъ въ здравомъ разсудкѣ зарѣзать трехмѣсячнаго ребенка, родителями котораго былъ всегда обласканъ и принятъ въ домъ.

Калужская палата уголовнаго суда, находя, что въ виду ея уже были обстоятельства, удостовѣряющія болѣзнь Кубарева, и что на основаніи оныхъ опредѣлено ходатайствовать о смягченіи Кубареву наказанія,—заключила: для бóльшаго подкрѣпленія сего ходатайства истребовать отъ конторы хлюстинскихъ богоугодныхъ заведеній и отъ врачей, завѣдывавшихъ тюремною больницею, показанныя въ просьбѣ Кубаревой свѣдѣнія и приложить ихъ къ дѣлу.

На данное вслѣдствіе сего калужскою палатою уголовнаго суда предписаніе, завѣдывающій калужскою тюремною больницею, городовой врачъ Бабушкинъ, рапортомъ отъ 12 марта 1863 г. донесъ сей палатѣ, что содержащійся въ калужскомъ тюремномъ замкѣ арестантъ Иванъ Кубаревъ въ 1862 году съ 20 февраля по августъ мѣсяцъ неоднократно находился въ больницѣ тюремнаго замка и во время нахожденія былъ постоянно задумчивъ и молчаливъ, а иногда у него обнаруживалось умоизступленіе, которое требовало усмирительныхъ мѣръ. Въ августѣ мѣсяцѣ Иванъ Кубаревъ завѣдывавшимъ больницею, во время отсутствія его Бабушкина, врачемъ Доброправовымъ былъ отправленъ изъ тюремной больницы для леченія въ больницу калужскихъ богоугодныхъ заведеній, въ которой и находился съ 12-го августа по 20 ноября, и хотя выписанъ здоровымъ, но въ январѣ мѣсяцѣ 1863 года у него, Ивана Кубарева, опять повторились въ тюремной больницѣ тѣже припадки болѣзненнаго умственнаго растройства.

Контора калужскихъ богоугодныхъ заведеній съ своей стороны увѣдомила палату (отношеніемъ отъ 7 марта 1863 г.), что дѣйствительно мѣщанинъ Кубаревъ, присланный изъ тюремнаго замка, находился на леченіи въ калужской больницѣ съ 12-го августа по 20 ноября 1862 г. Во время леченія, кромѣ задумчивости и молчаливости, происходившихъ отъ постоянно

преслѣдовавшей его какой то мысли, у Кубарева иногда замѣчались припадки умоизступленія, требовавшіе даже усмирительныхъ мѣръ; при продолжительномъ и постоянномъ леченіи, припадки болѣзненнаго умственнаго разстройства прошли, и 20 ноября мѣщанинъ Кубаревъ изъ больницы выписанъ здоровымъ.

Исправлявшій должность начальника калужской губерніи (г. Лерхе), представилъ настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената, съ нижеслѣдующимъ мнѣніемъ своимъ: «калужскій 3-й гильдіи купецъ Павелъ Кубаревъ, старообрядецъ, подозрѣвался въ любовной связи съ одною изъ старообрядческихъ, такъ называемыхъ, моленницъ, Аксиньей Андреевой. Связь эта хотя по слѣдствію точно не выведена, но изъ присяжныхъ показаній сосѣдей мѣщанки Андреевой явствуетъ, что старикъ Кубаревъ ходилъ къ ней во всякое время дня и ночи; его видали идущимъ къ ней поздно вечеромъ и уходящимъ отъ нея рано утромъ. Такія частыя и несвоевременныя посѣщенія Кубарева породили въ городѣ слухи о преступной его связи съ моленницей. Вслѣдствіе этихъ слуховъ, дѣти Кубарева питали непріязненныя чувства къ моленницѣ Андреевой, считая ее причиною разстройства семейнаго счастія ихъ матери, которая хотя въ поданномъ въ уголовную палату прошеніи и называетъ эти слухи о связи своего мужа вздорами, но, по присяжному показанію купца Рожнова, просила однажды его поговорить съ мужемъ о неприличномъ его поведеніи. Подсудимый Иванъ Кубаревъ, по показанію матери и нѣкоторыхъ сосѣдей, страдалъ съ малолѣтства истерическими припадками, во время которыхъ дѣйствовалъ совершенно безсознательно, что подтверждается и показаніемъ купца Яловицына, у котораго Кубаревъ жилъ 4 года прикащикомъ. Наконецъ припадки періодическаго помѣшательства и умоизступленія замѣчены у него и во время содержанія въ тюремномъ замкѣ, какъ это видно изъ рапорта завѣдывающаго калужскою тюремною больницею городоваго врача, равно и изъ отношенія конторы калужскихъ богоугодныхъ заведеній, гдѣ Кубаревъ былъ на испытаніи умственныхъ способностей въ теченіи болѣе 3-хъ мѣсяцевъ: изъ обоихъ свидѣтельствъ видно, что у Кубарева иногда замѣчались припадки умоизступленія, требовавшіе даже усмирительныхъ мѣръ. Женившись и въ скоромъ времени потерявъ жену, онъ выѣхалъ

изъ Калуги и въ теченіи 6 лѣтъ жилъ у разныхъ лицъ прикащикомъ. Въ первыхъ числахъ января 1862 г. онъ былъ присланъ изъ Черноморья въ Калугу за просрочку паспорта, происшедшую впрочемъ, какъ оказалось, не по его винѣ, а по неотсылкѣ частною конторою, въ которой онъ служилъ, заготовленнаго и оставленнаго имъ въ конторѣ письма къ роднымъ, съ просьбою о перемѣнѣ паспорта. Въ Калугѣ онъ поступилъ на службу по откупамъ, но по нетрезвому поведенію отъ мѣста ему отказано. Съ первыхъ дней недѣли, на которой совершено имъ въ субботу преступленіе, Кубаревъ пилъ до того, что сдѣлался боленъ, и два дня—четвергъ и пятницу, почти не вставалъ съ постели. Въ субботу, въ день учиненнаго имъ убійства, Кубаревъ вышелъ изъ дому часовъ въ 9 утра, чтобы розыскать спиртометръ, который оставался у него по службѣ его въ винной конторѣ и не былъ имъ сданъ при увольненіи отъ служебы по откупу. Выйдя изъ дому, онъ цѣлый день предавался своей несчастной слабости, былъ въ нѣсколькихъ харчевняхъ, гдѣ пилъ водку и пиво, и вечеромъ, въ распаленной винными парами головѣ его, явилась мысль убить мнимую любовницу отца его, причину постоянной грусти горячо имъ любимой матери, забота о спокойствіи которой не покидаетъ его даже и въ тюрьмѣ, и заставляетъ его обратиться къ слѣдователю съ просьбой пощадить его мать и не распрашивать ее о преступной связи ея мужа.—Онъ отправляется домой, беретъ въ мастерской брата ножъ, идетъ въ кухню, надѣясь застать тамъ моленницу Андрееву; но не найдя въ кухнѣ никого, идетъ въ комнаты брата, думая, что она тамъ, и встрѣтивъ въ залѣ, освѣщенной двумя горящими лампадками, висящую качку, зарѣзываетъ лежащую въ ней 3-хъ мѣсячную племянницу свою. Но едва кровь несчастной малютки брызнула на его руку, онъ, въ ужасѣ, роняетъ ножъ въ качку, бѣжитъ въ спальню брата и бросившись передъ нимъ на колѣни, плачетъ и говоритъ: что онъ погубилъ. Братъ сначала не можетъ понять въ чемъ дѣло, но отчаянный вопль матери, бросившейся къ качкѣ и увидавшей зарѣзанную дочь, открываетъ ему страшную истину. На крикъ родителей сбѣгается народъ, и даютъ знать полиціи объ ужасномъ событіи. Прибывшій чрезъ полтора часа по совершеніи убійства городовой врачъ, свидѣтельствуя убійцу, находитъ у него на безъимян-

номъ пальцѣ правой руки порѣзъ, длиною въ полтора дюйма, о которомъ тотъ не умѣетъ ничего сказать; лице его блѣдно, непокойно, выражаетъ испугъ, голосъ дрожитъ; глаза блестящи и какъ бы неподвижны; въ конечностяхъ оказывается трясеніе. Хотя на предложенные вопросы убійца отвѣчаетъ здраво и безостановочно, но врачъ не рѣшается сдѣлать точное заключеніе на счетъ умственныхъ его способностей. По изложеннымъ даннымъ, палата уголовнаго суда признала Кубарева виновнымъ въ умышленномъ убійствѣ, и приговорила его къ наказанію, назначенному 2003 ст. улож. о наказ.; но умышленное убійство совершается или изъ корысти, или изъ мщенія, или наконецъ вслѣдствіе раздраженія убійцы словомъ или дѣломъ его жертвы; тамъ же, гдѣ нѣтъ ни одной изъ этихъ побудительныхъ причинъ къ преступленію, немыслимъ и самый умыселъ. Въ настоящемъ же случаѣ рѣшительно нельзя признать, чтобы Кубаревъ, убивая свою племянницу, могъ быть подвигнутъ на преступленіе одною изъ вышеозначенныхъ причинъ. Далѣе палата разсуждаетъ такъ: Кубаревъ пришелъ съ намѣреніемъ убить изъ мести мѣщанку Андрееву, для чего и запасся ножомъ; не найдя же своей жертвы, зарѣзалъ вмѣсто ея, въ раздраженіи, свою племянницу; почему и долженъ, на основ. 2005 ст. улож., быть признанъ умышленнымъ убійцей.—2005 ст. говоритъ о нанесеніи кому либо смерти, вмѣсто одного лица другому, по ошибкѣ или иному случаю (когда напримѣръ убійца промахнулся, и вмѣсто намѣченной жертвы убилъ другое лицо, и тому подобныя случайности), но статья эта, по мнѣнію его, Лерхе, едва ли можетъ быть примѣнена къ настоящему случаю. Принимая во вниманіе, что человѣкъ можетъ быть сужденъ лишь за такіе поступки, которые совершены при полномъ сознаніи того, что онъ дѣлаетъ, — несправедливо судить Кубарева, какъ умышленнаго убійцу тѣмъ болѣе, что когда обвиненіе въ преступленіи сопровождается отягчающимъ вину обстоятельствомъ умысла, то послѣдній долженъ быть взвѣшенъ самымъ тщательнымъ образомъ. Умысломъ можетъ быть названо только возникшее при полномъ дѣйствіи умственныхъ способностей намѣреніе совершить что нибудь; когда же человѣкъ возъимѣлъ самое намѣреніе, не владѣя всѣми своими умственными способностями, и покусился на приведеніе его въ исполненіе прежде, чѣмъ умственныя его

изъ Калуги и ...
щиком...
слан...
шед...
сы...
н...
г

[illegible] *ходъ*, — то такой человѣкъ [illegible] *разсматриваемъ* какъ умышленный пре- [illegible] бы поставленъ въ необходимость [illegible]хъ. Иванъ Кубаревъ, по собствен- [illegible]енному показаніями его родственни- [illegible] [illegible]лахъ января 1862 года, пилъ до того, [illegible] аппетитъ, сдѣлался болѣнъ и два дня про- [illegible]. Въ самый день совершеннаго имъ престу- [illegible] изъ дому для возвращенія удержаннаго имъ [illegible]рометра, онъ, по собственному сознанію, цѣлый [illegible] своей пагубной слабости, и разгоряченному [illegible]раженію представляется, что мать его страдаетъ отъ [illegible] будто бы его отца, и подъ вліяніемъ этой мысли и [illegible]енныхъ винными парами умственныхъ способностей, ему [illegible], что онъ долженъ пожертвовать собою для спокойствія [illegible] и убить ту, кого онъ считаетъ причиною разстройства [illegible]наго ея счастія. Такое намѣреніе можно толко принять за [illegible] что оно есть въ самомъ дѣлѣ, т. е. за горячечный бредъ, но [illegible] за правильно и зрѣло обдуманный умыселъ на преступленіе. Въ этомъ же горячечномъ бреду совершено имъ и убійство малолѣтней племянницы, это былъ поступокъ, сдѣланный въ чистомъ помѣшательствѣ всѣхъ умственныхъ способностей.—На основаніи всего вышеизложеннаго, исправляющій должность начальника губерніи полагалъ: приписать случай преступленія Кубарева одному изъ тѣхъ припадковъ умоизступленія, которымъ онъ, по свидѣтельству матери, сосѣдей и прежняго своего хозяина, былъ подверженъ до совершенія имъ убійства и несомнѣнное существованіе которыхъ послѣ убійства подтверждается свидѣтельствомъ экспертовъ (врачей при тюремной больницѣ и при богоугодныхъ заведеніяхъ), отзывы коихъ, какъ видно изъ времени ихъ подачи, не могли быть въ разсмотрѣніи палаты при постановленіи ея рѣшительнаго опредѣленія.—Такимъ образомъ, принимая во вниманіе: 1) показаніе матери Кубарева, его брата, присяжныя показанія сосѣдей и прежняго его хозяина, купца Яловицына, что Кубаревъ страдалъ до совершенія имъ преступленія истерическими припадками, во время которыхъ лишался самосознанія; 2) удостовѣреніе врача при тюремной больницѣ и врачей при хлюстинскихъ богоугодныхъ заведеніяхъ, гдѣ

онъ находился на испытаніи, что съ нимъ случались припадки умоизступленія, требовавшіе усмирительныхъ мѣръ; 3) предшествовавшую его болѣзнь, развившуюся вслѣдствіе неумѣреннаго употребленія спиртныхъ напитковъ, долженствовавшую имѣть вліяніе на умственныя его способности; 4) отсутствіе доказательствъ, чтобы самый умыселъ на преступленіе возникъ въ немъ при полномъ дѣйствіи его умственныхъ способностей; 5) безсознательное совершеніе имъ убійства, такъ что онъ самъ ранилъ себя, не замѣчая этого; 6) отсутствіе строго доказаннаго раздраженія (противъ мнимой любовницы отца его), бывшаго будто бы поводомъ убійства несчастной жертвы его преступленія; 7) страшно разстроенное состояніе, въ которомъ находитъ Кубарева свидѣтельствовавшій его уже черезъ полтора часа по совершеніи преступленія городовой врачъ, и наконецъ, 8) отказъ этого врача сдѣлать заключеніе о состояніи умственныхъ его способностей во время осмотра, — исправляющій должность начальника губерніи полагалъ: признавъ преступленіе Кубарева совершеннымъ въ умоизступленіи и припадкѣ помѣшательства, при постановленіи объ немъ рѣшенія, принять въ руководство 108 статью улож. о преступленіяхъ и наказаніяхъ, и на основаніи этой статьи, Кубарева, какъ совершившаго убійство въ припадкѣ умоизступленія, наказанію не подвергать, а отдать его, согласно той же статьи, на попеченіе родственниковъ.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашелъ: 1) что купеческій сынъ Иванъ Кубаревъ, по показанію матери его, нѣкоторыхъ изъ родственниковъ и сосѣдей, до совершенія убійства племянницы страдалъ болѣзненными припадками, съ потерею самосознанія; 2) что предъ убійствомъ и даже въ самый день совершенія его Кубаревъ злоупотреблялъ спиртными напитками; 3) что на убійство племянницы, имѣвшей отъ роду 3½ мѣсяца, Кубаревъ, повидимому, не имѣлъ никакого повода, и 4) что по отзывамъ врачей калужской тюремной больницы и хлюстинскихъ богоугодныхъ заведеній подсудимый во время нахожденія въ этихъ больницахъ въ 1862 и 1863 гг. былъ задумчивъ, молчаливъ и нѣсколько разъ подвергался припадкамъ умоизступленія; посему медицинскій совѣтъ призналъ, что убійство малолѣтней племянницы своей, Александры, Кубаревъ могъ совершить безсознательно, въ припадкѣ времен-

наго умоизступленія. Къ сему совѣтъ счелъ нужнымъ добавить, что какъ припадки, по отзывамъ врачей тюремной больницы и хлюстинскихъ заведеній, повторялись съ Кубаревымъ довольно часто и въ такой степени, что необходимо было принимать усмирительныя мѣры, то въ видахъ предупрежденія опасныхъ для семейства и общества послѣдствій, въ случаѣ возобновленія припадковъ, нельзя признать достаточнымъ присмотръ матери, а необходимо употребить болѣе строгій надзоръ.

О нанесеніи Акимомъ Ильинымъ ударовъ топоромъ его невѣсткѣ.

(Меланхолія, соединенная съ бѣшенствомъ).

9-го октября 1863 г. солдатка Марина Спиридонова, выйдя изъ избы, встрѣтила въ сѣняхъ деверя своего Акима Ильина, который, по неизвѣстной ей причинѣ, нанесъ ей нѣсколько ударовъ топоромъ.—По свидѣтельству уѣзднаго врача оказалось, что побои, полученные Спиридоновою, могутъ имѣть опасное вліяніе на ея здоровье. — При слѣдствіи Спиридонова показала, что съ Акимомъ Ильинымъ у ней никогда никакой вражды и ссоры не было, и она съ нимъ жила всегда въ ладу; недѣли четыре до происшествія, Ильинъ былъ постоянно скученъ и ходилъ, повѣся голову, и она думаетъ, что онъ несовсѣмъ въ здравомъ умѣ.

Акимъ *Ильинъ* отозвался, что онъ не помнитъ, что было съ нимъ 9-го октября, какъ, чѣмъ и за что онъ ударилъ Марину Спиридонову; съ Мариной онъ никогда не ссорился; у него уже давно постоянно болитъ голова.—Семейные подсудимаго Акима Ильина (жена, братъ и племянникъ) показали, что у Акима съ Мариной никакой ссоры не было и они думаютъ, что онъ сошелъ съ ума, потому что другой причины къ преступленію нѣтъ. Недѣли двѣ или болѣе до происшествія, Акимъ былъ скученъ.— Однодеревенскіе съ Ильинымъ крестьяне, въ числѣ 11-ти человѣкъ, показали, что Ильинъ поведенія хорошаго; они никогда не видали его пьянымъ и не слышали, чтобы онъ ссорился съ своей невѣсткой; что съ нимъ случилось, Богъ его знаетъ, а должно быть онъ повредился въ разсудкѣ.

При поступленіи въ больницу тюремнаго замка 6 ноября 1863 г. Ильинъ, (какъ сказано въ копіи со скорбнаго листа), оказался тѣлосложенія довольно слабаго, видъ лица его былъ мрачный и задумчивый, онъ былъ тихъ, молчаливъ и вялъ въ движеніяхъ; глаза мутные съ тупымъ выраженіемъ, зрачки расширены; все окружающее его сознавалъ; дни, числа и мѣсяцы не помнилъ; на вопросы отвѣчалъ вяло и медленно, большею частію «не знаю», или же давалъ отвѣты неудовлетворительные; на вопросъ: «за что арестованъ»—отвѣчалъ: «не знаю». Ни на что болѣзненное не жаловался, общее состояніе его было удовлетворительно. Во все время пребыванія въ больницѣ, что продолжалось до 24 октября 1864 г., Ильинъ былъ постоянно тихъ, задумчивъ и молчаливъ; на вопросы отвѣчалъ неудовлетворительно и вяло. Въ продолженіи этого времени онъ нѣсколько разъ жаловался на тяжесть и круженіе головы, которыя послѣ употребленія слабительныхъ изъ настоя александрійскаго листа съ англійскою солью проходили. — 24 октября 1864 г. Ильинъ, какъ сказано въ копіи со скорбнаго листа, былъ переведенъ въ преображенскую больницу.

Въ составленномъ 30-го августа 1864 года свидѣтельствѣ ординаторъ больницы тюремнаго замка Зерцовъ изложилъ, что въ теченіи іюля и августа мѣсяцовъ 1864 г. Ильинъ былъ постоянно тихъ и молчаливъ, видъ лица его былъ задумчивый и глупый, глаза мутные, съ тупымъ выраженіемъ, зрачки расширены; онъ постоянно былъ спокоенъ и сознавалъ хорошо все его окружающее. На вопросы отвѣчалъ вяло и медленно, большею частію «не знаю» или же давалъ отвѣты очень неудовлетворительно, какъ бы плохо соображая, что у него спрашиваютъ, просилъ выписать его изъ больницы въ замокъ. Дни, числа и мѣсяцы не помнилъ; на вопросъ: за что заарестованъ, отвѣчалъ «не знаю». Особенно болѣзненнаго ничего не имѣлъ, но часто жаловался на тяжесть и круженіе головы. Предоставленный самому себѣ, онъ больше лежалъ молча на койкѣ или сидѣлъ въ задумчивости, съ окружающими почти не разговаривалъ. Даже съ посѣщающими его родными говорилъ мало. Ѣлъ и спалъ хорошо, и вообще всѣ животныя отправленія его хороши; умственныя же способности, какъ можно заключить изъ вышеописанныхъ признаковъ, развиты очень слабо.

При освидѣтельствованіи 22-го сентября 1864 г. въ общемъ присутствіи московскаго губернскаго правленія Акимъ Ильинъ на нижеслѣдующіе предложенные ему вопросы отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ твое имя, отчество и фамилія? *Отв.* Акимъ, а по отчеству не знаю—Ильинъ что ли. *Вопр.* Сколько тебѣ лѣтъ отъ роду? *Отв.* Сколько? — 58 лѣтъ (дѣйствительно ему не болѣе 27 или 28 лѣтъ). *Вопр.* Кто ты такой, и откуда ты родомъ? *Отв.* Я мужикъ — оттуда — изъ Бронницъ что ли. *Вопр.* Женатъ ли ты и имѣешь ли дѣтей? *Отв.* Женатъ и дѣти, я думаю, есть. *Вопр.* Кого ты имѣешь изъ родственниковъ? *Отв.* Братъ есть. *Вопр.* Есть ли у тебя какое либо состояніе и гдѣ оно находится? *Отв.* Какое состояніе—изба что ли?—изба есть. *Вопр.* Чѣмъ ты сдѣлался нездоровъ, и какая была тому причина? *Отв.* Былъ головой нездоровъ, ударъ сдѣлался, не помню ничего. *Вопр.* До поступленія въ больницу, гдѣ ты жилъ и чѣмъ занимался? *Отв.* А кто е—знаетъ; я думаю дома, что ли; — чѣмъ занимался? шары каталъ съ маленькими. *Вопр.* Какъ теперь твое здоровье? *Отв.* Теперь чувствую лучше, временемъ дѣлается еще дурнота. *Вопр.* За что ты билъ топоромъ свою невѣстку? *Отв.* Гдѣ жъ онъ у меня топоръ? — какъ бы я билъ, онъ бы здѣсь былъ. *Вопр.* Есть у тебя невѣстка Марина? *Отв.* Кто е—знаетъ. *Вопр.* Когда ты былъ на исповѣди и у святаго причастія? *Отв.* Не знаю когда.—Общее присутствіе, принимая во вниманіе неудовлетворительность и несообразность съ здравымъ смысломъ отвѣтовъ Акима Ильина, болѣзненный видъ его лица, дикій взоръ, глаза, налитые кровью и удостовѣреніе врача, имѣвшаго надъ нимъ наблюденіе, — нашло, что Ильина слѣдуетъ признать сумасшедшимъ.

Затѣмъ Ильинъ находился въ преображенской больницѣ съ 24 октября 1864 г. по 6 іюля 1865 г. — По осмотру въ больницѣ оказалось, что Ильинъ тѣлосложенія средняго, темперамента холерическо-нервознаго, видъ его печальный, апатичный и глуповатый. На вопросы онъ или ничего не отвѣчалъ или же отвѣчалъ отрывисто и сбивчиво, причемъ жаловался на потерю памяти. Первые три мѣсяца пребыванія въ больницѣ Ильинъ находился въ глубокой задумчивости, съ отупѣніемъ умственныхъ способностей, недостаткомъ соображенія и ослабленіемъ памяти, вслѣдствіе чего онъ, какъ и при поступленіи въ больни-

цу, предлагаемые вопросы часто оставлялъ безъ отвѣта или же отвѣчалъ отрывисто и неопредѣлительно, почти всегда отзываясь безпамятствомъ, причемъ нерѣдко хватался рукою за свой лобъ. При такомъ умственномъ состояніи Ильина, въ немъ замѣтна была тоскливость и досада (anxietas praecordiorum) съ небольшою раздражительностью; нѣсколько разъ онъ страдалъ усиленнымъ трепетаніемъ сердца; нерѣдко у него былъ жаръ во лбу и ускоренное жилобіеніе, причемъ онъ жаловался на боль и круженіе головы. Съ февраля 1865 г. умственныя способности Ильина стали проясняться, и больной сталъ отвѣчать съ большею противъ прежняго опредѣлительностью, но все еще довольно смутно. Трепетаніе же сердца и боль головы, съ жаромъ во лбу и ускореннымъ пульсомъ, не переставали возобновляться. Въ мартѣ 1865 г. у Ильина обнаружилось общее лихорадочное состояніе, съ небольшимъ гастрицизмомъ, которое вскорѣ прекратилось. Въ апрѣлѣ, съ дозволенія главнаго врача, Ильина навѣстили мать и братъ его; посѣщеніе это, по замѣчанію врачей, имѣло на Ильина благотворное вліяніе. Въ послѣдующее затѣмъ время, хотя возобновлялось трепетаніе сердца, но умственное состояніе Ильина болѣе и болѣе улучшалось, такъ что Ильинъ, оставаясь въ недоумѣніи, за что заключенъ былъ въ тюремный замокъ, вспомнилъ однакожъ, что имѣлъ съ невѣсткою своею небольшую ссору изъ за дѣтей. 3-го іюля 1865 г. Ильинъ, какъ сказано въ скорбномъ листѣ, былъ освидѣтельствованъ узаконеннымъ порядкомъ и признанъ въ здравомъ умѣ, и вслѣдствіе этого 6 іюля отправленъ изъ больницы въ тюремный замокъ. Врачи преображенской больницы*) нашли, что принимая въ соображеніе совокупность психическихъ и соматическихъ явленій и самое теченіе болѣзни Ильина, они вполнѣ убѣждены, что крестьянинъ Акимъ Ильинъ былъ одержимъ разстройствомъ умственныхъ способностей, выразившимся въ формѣ меланхолической (melancholia).

Медицинскій совѣтъ нашелъ правильнымъ изложенное въ актѣ освидѣтельствованія Ильина 22 сентября 1864 г. заключеніе общаго присутствія московскаго губернскаго правленія о томъ, что Ильинъ, какъ отозвались и наблюдавшіе его позже врачи преображенской больницы, былъ одержимъ разстройствомъ ум-

*) Ординаторы: Левенштейнъ и Красовскій и главный врачъ Саблеръ.

ственныхъ способностей, въ припадкѣ котораго и могъ, по мнѣнію совѣта, безсознательно нанести удары топоромъ крестьянкѣ Спиридоновой. Совѣтъ присовокупилъ, что Ильинъ, признанный, по послѣднему освидѣтельствованію въ настоящее время болѣе не сумасшедшимъ, долженъ, для огражденія безопасности лицъ, его окружающихъ, находиться подъ постояннымъ надзоромъ.

О дьячкѣ Константинѣ Богородскомъ, нанесшемъ ножемъ раны тещѣ своей Ольгѣ Поповой.

(Припадокъ умопомѣшательства).

17 марта 1864 года сотскій села Кихты (кадниковскаго уѣзда, вологодской губерніи) донесъ мѣстному становому приставу, что 16 марта дьячекъ означеннаго села, Константинъ Богородскій, нанесъ ножемъ раны тещѣ своей, прежде бывшей дьяконицѣ, а нынѣ крестьянкѣ, Ольгѣ Поповой.

По произведенному становымъ приставомъ освидѣтельствованію, у Ольги Поповой оказалось десять ранъ, именно: по одной—на лѣвой щекѣ, на шеѣ и подъ лѣвымъ плечемъ; по двѣ—на спинѣ и на лѣвой лопаткѣ, и три на лѣвомъ плечѣ. Всѣ эти раны, какъ видно изъ свидѣтельства, составленнаго въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1864 г. устьсысольскимъ уѣзднымъ врачемъ Муровцевымъ, были поверхностны и не оставили послѣ себя послѣдствій, которыя могли бы имѣть вредное вліяніе на состояніе здоровья Поповой и мѣшали бы ей заниматься работами.

На предложенный 17 марта вопросъ о причинахъ преступленія, Константинъ Богородскій отвѣтилъ, что «страстнотерпѣцъ Θеодоръ велѣлъ ему совсѣмъ зарѣзать тещу, принести ее въ жертву, но сбѣжались лихіе люди и помѣшали ему докончить дѣло». Отвѣтъ этотъ и наружный видъ Богородскаго, какъ заключилъ становой приставъ, подтвердили удостовѣреніе тещи Богородскаго, что онъ «очень болѣнъ душою».

2 апрѣля 1864 г. Богородскій былъ освидѣтельствованъ въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи вологодскаго губернскаго правленія. При освидѣтельствованіи этомъ члены мѣстной врачебной управы изъяснили, что Бого-

родскій средняго роста, умѣреннаго отъ природы тѣлосложенія, лѣтъ ему повидимому 30; онъ правильно развитъ какъ вообще, такъ и въ отношеніи конформаціи головы; онъ въ полномъ самосознаніи говоритъ обо всемъ, что относится до мѣста его жительства, званія и семейныхъ его отношеній; когда его спросили: почему онъ хотѣлъ зарѣзать свою тещу и точно ли онъ нанесъ ей раны ножемъ?—Богородскій отвѣчалъ: «я ничего не помню и ничего не знаю». На вопросъ: имѣетъ ли онъ основанія быть недовольнымъ своею тещею, не обижаетъ ли она его? Богородскій довольно словоохотливо распространялся о дурныхъ дѣйствіяхъ тещи своей, отъ которой, какъ онъ выразился, «имъ житья нѣтъ» и, которая, будто-бы, выгоняетъ его изъ дома. На вопросъ: былъ ли онъ здоровъ до происшествія, совершеннаго имъ, и въ настоящее время здоровъ ли онъ?—отвѣтилъ: «я ничего не помню, а теперь здоровъ».—Общее присутствіе, согласно съ мнѣніемъ членовъ врачебной управы, нашло: «что арестантъ Константинъ Богородскій въ настоящее время здоровъ какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи; поэтому онъ долженъ быть отправленъ въ больницу тюремнаго замка для наблюденія врача, завѣдывающаго оною».

Вслѣдствіе вышеизложеннаго постановленія общаго присутствія Константинъ Богородскій былъ помѣщенъ въ больницу кадниковскаго тюремнаго замка.

27 іюля 1864 г. завѣдующій означенною больницею кадниковскій уѣздный врачъ Павскій сообщилъ судебному слѣдователю, что Константинъ Богородскій можетъ безопасно отправиться къ мѣсту слѣдствія по причинѣ отсутствія болѣзни и совершенно удовлетворительнаго состоянія физическихъ силъ; что же касается его душевнаго состоянія, то хотя есть данныя, заставляющія сомнѣваться въ справедливости помѣшательства его умственныхъ способностей, но по причинѣ кратковременности наблюденій, положительное заключеніе еще не можетъ быть составлено.

29 же іюля на спросъ судебнаго слѣдователя, Константинъ *Богородскій*, сообщивъ свѣдѣнія о лѣтахъ своихъ, мѣстѣ рожденія и службы, на всѣ предложенные ему засимъ вопросы никакихъ отвѣтовъ не далъ, отзываясь тѣмъ, что по случаю бо-

лѣзненнаго состоянія, въ которомъ находится, ничего припомнить не можетъ.

Теща Константина Богородскаго, Ольга *Попова*, показала, что Богородскій женился на ея дочери въ январѣ 1863 г. и до декабря того же года жизнь велъ воздержанную; вино хотя пилъ, но умѣренно и допьяна не напивался; съ нею, Поповой, и съ женой своею никогда не ссорился. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1863 г. онъ вмѣстѣ съ женою ѣздилъ въ гости къ матери ея, Поповой, у которой и пробылъ съ недѣлю. Домой онъ возвратился больнымъ; болѣзнь его обнаруживалась тѣмъ, что онъ былъ постоянно задумчивъ, ничего не ѣлъ и не спалъ, по временамъ заговаривался, или же говорилъ съ такими лицами, которыхъ съ нимъ не было, ни на какую тѣлесную боль не жаловался. Причиной болѣзни они признавали то, что онъ въ гостяхъ у бабки много пилъ. Въ такомъ положеніи онъ былъ недѣли двѣ; *послѣ* этого онъ совершенно поправился и сдѣлался только задумчивѣе, нежели прежде; должность свою онъ исправлялъ, какъ слѣдуетъ. Около новаго года онъ сталъ вновь задумываться и заговариваться, напримѣръ когда его посылали славить, то онъ говорилъ, что не пойдетъ, потому что онъ уже не дьячекъ и отъ этой должности уволенъ; когда ей, Поповой, случилось его звать обѣдать, то онъ говорилъ, чтобы она оставила его и звала бы своего зятя Константина, между тѣмъ какъ у ней другаго зятя, кромѣ Богородскаго, не было. Характеръ его сдѣлался строптивый; онъ началъ довольно часто браниться какъ съ ней, такъ съ женою. Отчего возвратилась къ нему болѣзнь, она не знаетъ; передъ этимъ онъ вина почти не пилъ. На масляниой недѣлѣ 1864 г. Богородскому сдѣлалось хуже; онъ сталъ болѣе заговариваться, уходилъ изъ дому въ поле, какъ только за нимъ не досмотрятъ; такъ однажды ночью онъ пошелъ въ поле и, дойдя до рѣки, началъ кататься по льду; когда она, Попова, стала звать его домой, то онъ съ сердцемъ отвѣчалъ: «да чего ты будешь присматривать за мной, смотрѣла бы лучше за зятемъ». Въ скоромъ времени послѣ этого онъ, одѣвшись въ женское платье, ушелъ изъ дому въ село Кихту. На первой недѣлѣ великаго поста Богородскій надѣвалъ на себя священническое облаченіе. Въ воскресенье на 2-й недѣлѣ великаго поста, узнавши, что Богородскій находится въ кельѣ при церкви, она пошла

туда за нимъ и нашла его молящимся, а какъ домой увести его не могла, то и осталась въ кельѣ. Когда она, Попова, и бывшіе въ кельѣ крестьянинъ Анфиногенъ Васильевъ и дѣвица Виринея Иванова стали ужинать, то Богородскій сѣлъ на лавку, но ничего не ѣлъ. Когда былъ потушенъ огонь въ кельѣ и всѣ легли спать, то Богородскій опять началъ молиться. Послѣ полуночи онъ босикомъ, въ одной рубашкѣ, вышелъ изъ кельи; услышавши это, она, Попова, пошла за нимъ и нашла его на крыльцѣ въ церкви, гдѣ онъ молился. Когда она хотѣла его увести оттуда, то онъ сказалъ, чтобъ его не трогала, потому что «завтра Пасха». Когда она, при помощи крестьянина Алексѣя Попенина, привела его въ келью, то Богородскій снова началъ молиться, но въ скоромъ времени ее, Попову, повалилъ на столъ, говоря, что угодникъ Ѳеодоръ Тиронъ велѣлъ ее зарѣзать за то, что она увела его отъ церкви. Освободившись отъ Богородскаго съ помощію Анфиногена и Виринеи, она, Попова, пошла звать народъ для того, чтобы его связать. Проходя мимо оконъ кельи, она увидѣла, что Богородскій опять началъ молиться, и Виринея стала щепать лучину; она сдѣлала знакъ, чтобы Виринея спрятала ножикъ, но Богородскій, замѣтивши это, бросился къ Виринеѣ отнимать ножъ. Когда она возвращалась изъ села и подходила къ кельѣ, то встрѣтила Богородскаго, который ее и началъ колоть ножемъ въ шею и спину; кто ее освободилъ отъ Богородскаго, она не помнитъ.

Показанія Ольги Поповой, во всемъ до нихъ касающемся, вполнѣ подтвердили крестьяне: Алексѣй Попенинъ, Анфиногенъ Васильевъ дѣвица Виринея Иванова и жена Богородскаго, Екатерина; но послѣдняя еще добавила, что въ гостяхъ у бабки мужъ ея нѣсколько дней пилъ довольно много, хотя до безчувственнаго состоянія не напивался, и тамъ же почувствовалъ себя нездоровымъ; во время болѣзни, между прочими странными поступками, онъ называлъ ее Екатериною дѣвицею.

На повальномъ обыскѣ, *крестьяне* села Кихты показали, что съ зимы 1863 г. Богородскій казался помѣшаннымъ, что обнаруживалось разными странными поступками, такъ напримѣръ онъ однажды въ село пришелъ въ женскомъ платьѣ, часто заговаривался и т. п. До этого времени Богородскій велъ себя смирно, вино хотя пилъ, но до пьяна не напивался. Что было

причиною его болѣзни, они съ достовѣрностію объяснить не могутъ, но полагаютъ, что она произошла отъ семейныхъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ отъ недостатка и несогласія, бывшаго между нимъ и тещей, поведеніемъ которой былъ онъ постоянно недоволенъ. Кромѣ того нѣсколько человѣкъ села Кихты объяснили, что услышавъ набатъ (который произвелъ Анфиногенъ), они прибѣжали къ кельѣ и увидѣли, что Богородскій сидѣлъ на тещѣ и кололъ ее ножемъ; будучи приведенъ въ келью, Богородскій говорилъ, что ему приказалъ убить тещу Өеодоръ Тиронъ.

Священникъ села Кихты, Алексѣй *Крассовъ* на запросъ слѣдователя объяснилъ что Богородскій до 6-го декабря 1863 г. находился въ здравомъ разсудкѣ и былъ всегда исправенъ по своей должности. Съ 6 декабря, съѣздивши къ родственникамъ жены своей, онъ сдѣлался нездоровъ, первоначально тѣлесно вслѣдствіе чего и былъ имъ напутствованъ. Спустя нѣсколько времени онъ поправился и ходилъ къ богослуженію въ церковь, и внѣ оной исправлялъ требы исправно. Въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1864 г. у него по временамъ замѣтно было помѣшательство ума; случалось, что онъ, пріидя въ церковь, только постоитъ въ притворѣ и опять уйдетъ, чего прежде за нимъ никогда не было. На клиросѣ, вздумаетъ, такъ отправляетъ свою обязанность безъ посторонней помощи, а не вздумаетъ, такъ стоитъ какъ изумленный, «не воображая ни на кого и ни па что». По окончаніи службы, а иногда и ранѣе, онъ уходилъ домой, говоря, что ему нѣтъ надобности быть въ церкви, онъ не здѣшній дьячекъ. Однажды передъ заутреней, войдя въ алтарь, онъ, Крассовъ, увидѣлъ Богородскаго облаченнымъ въ епитрахиль и ризу и стоявшаго близь жертвенника; когда онъ спросилъ его, для чего онъ одѣлся не въ свою одежду, то Богородскій отвѣтилъ, что ему приказано одѣться мученикомъ Өеодоромъ Тирономъ; тогда, снявъ съ Богородскаго ризу и епитрахиль, онъ, Крассовъ, послалъ его на клиросъ, гдѣ Богородскій и исправилъ богослуженіе надлежащимъ порядкомъ. Причиной болѣзни Богородскаго, какъ онъ Крассовъ думаетъ, были: первоначально долги, накопившіеся на немъ въ продолженіи года, и за которые его постоянно безпокоили кредиторы; не видя средствъ вскорѣ уплатить долги, онъ, какъ человѣкъ совѣстный, много о томъ думалъ и без-

покоился; а затѣмъ семейныя обстоятельства, или короче сказать распутная жизнь его тещи.

22 сентября 1864 г. кадниковскій уѣздный врачъ Павскій увѣдомилъ мѣстнаго судебнаго слѣдователя, что содержащійся въ тюремномъ замкѣ дьячекъ Богородскій какъ по физическому, такъ и по душевному своему состоянію можетъ быть допрашиваемъ по касающемуся къ нему дѣлу; въ многократныхъ съ Богородскимъ разговорахъ онъ, Павскій, не замѣчалъ ни разу, чтобы сужденія и отвѣты Богородскаго были безразсудны и безсмысленны и доказывали поврежденіе его умственныхъ способностей, а замедленіе въ отвѣтахъ и молчаніе при распросѣ о касающемся его дѣлѣ происходятъ отъ притворства.

24 сентября 1864 г. на спросъ судебнаго слѣдователя Константинъ *Богородскій* показалъ, что о томъ, наносилъ ли онъ тещѣ своей раны, онъ ничего не помнитъ и не знаетъ, такъ какъ давно нездоровъ; съ какого именно времени нездоровъ, не знаетъ. Болѣзнь его была въ томъ, что «расходился умъ и чувствовалъ слабость»; отчего она произошла,—не знаетъ; съ тещей у него бывали небольшія непріятности, но онъ на нихъ не смотрѣлъ.

Вологодская палата уголовнаго суда, находя, что дьячекъ Константинъ Богородскій, по свидѣтельскимъ показаніямъ нѣсколькихъ лицъ, нанесъ тещѣ своей Ольгѣ Васильевой ножемъ раны въ припадкѣ умопомѣшательства, опредѣлила: не вмѣнять въ вину содѣянное имъ преступленіе и помѣстить его, на основаніи ст. 107, улож. о наказ., для содержанія въ домѣ умалишенныхъ.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла и принимая во вниманіе: отсутствіе достаточныхъ поводовъ къ совершенію дьячкомъ Богородскимъ содѣяннаго имъ преступленія, отзывы семейныхъ и постороннихъ лицъ о бывшихъ у него передъ тѣмъ припадкахъ разстройства умственныхъ способностей,—а равно всѣ обстоятельства, сопровождавшія преступленіе, полагалъ, что преступленіе совершено Богородскимъ безсознательно, въ припадкѣ умопомѣшательства. Къ сему совѣтъ счелъ нужнымъ добавить, что Богородскій, какъ опасный для общества человѣкъ, долженъ находиться подъ постояннымъ строгимъ надзоромъ.

О купеческомъ сынѣ Ипполитѣ Липуновѣ, сужденномъ за покушеніе на жизнь родныхъ своихъ.

(Идіотизмъ отъ падучей болѣзни).

9 сентября 1865 года купеческій сынъ Липуновъ, вслѣдствіе сдѣланныхъ имъ разныхъ преступленій, именно: онъ нѣсколько разъ покушался на жизнь родныхъ своихъ, хватаясь за ножи, топоръ и другія орудія, и наконецъ, большими ножницами нанесъ раны отцу своему *) и брату,—былъ освидѣтельствованъ въ состояніи умственныхъ способностей царевскими: уѣзднымъ и городовымъ врачами.—Послѣдніе въ составленномъ актѣ написали, что у Липунова выраженіе лица мрачное, задумчивое, съ проглядывающею по временамъ улыбкою, взоръ потупленъ и сосредоточенъ на одномъ предметѣ, зрачки немного расширены; пульсъ до 50 ударовъ въ минуту, температура тѣла понижена, аппетитъ потерянъ, языкъ бѣловатъ, влаженъ; жалуется: на боль въ животѣ, не усиливающуюся отъ давленія, на боль въ передней части головы и на безсонницу. На предложенные вопросы, относящіеся къ состоянію здоровья и домашней жизни, Липуновъ отвѣчалъ довольно раціонально, но отрывисто, послѣ короткаго молчанія, какъ бы подумавши, и не заканчивалъ проводимой мысли; по показанію родныхъ, Липуновъ еще въ дѣтствѣ, съ 12 лѣтъ, страдалъ какими то нервными припадками, вслѣдствіе испуга; это подтверждалъ и самъ Липуновъ; въ послѣднее время, по словамъ его родныхъ и сосѣдей, онъ сталъ обнаруживать совершенную потерю разсудка и отсутствіе разумной воли, а именно: 1) однажды онъ выпустилъ у отца четыре бочки дегтя на значительную сумму; 2) влезъ на крышу бани и хотѣлъ съ нея броситься; 3) спускался въ колодецъ, чтобы утопиться; 4) отыскивалъ ножи и топоры съ намѣреніемъ кого либо поранить и гонялся за народомъ съ палками, угрожая кому либо нанести ударъ; 5) въ декабрѣ 1864 года овечьими ножницами нанесъ нѣсколько ранъ своимъ роднымъ—отцу (покойному уже), брату и сестрѣ; 6) въ продолженіи цѣлой ночи съ

*) Черезъ три недѣли послѣ того отецъ его умеръ.

6 на 7 сентября 1865 г. не давалъ покоя проживающимъ въ швальнѣ солдатамъ царевской инвалидной команды, наконецъ уже предъ разсвѣтомъ ворвался къ нимъ въ избу, гдѣ испустилъ мочу, схватилъ со стола ножикъ и убѣжалъ. Изъ вышеизложеннаго царевскіе уѣздный и городовой врачи заключили, что Липуновъ одержимъ умопомѣшательствомъ и опасенъ для себя и для окружающихъ его.

11 декабря 1865 г. Липуновъ поступилъ въ домъ умалишенныхъ астраханскаго приказа общественнаго призрѣнія. 7 января 1866 г. контора заведенія приказа донесла губернскому правленію, что Липуновъ, поступая въ больницу, объявилъ, что онъ одержимъ припадками падучей болѣзни, являющимися у него довольно часто, особенно ночью; что припадки этой болѣзни дѣйствительно появились у него въ первую же ночь и потомъ нѣсколько разъ въ неопредѣленное время повторялись. На вопросы онъ отвѣчалъ хорошо и все время держалъ себя спокойно и прилично. Отъ леченія припадки стали слабѣть и потомъ прекратились. Въ умственныхъ способностяхъ его не замѣчено ни общаго разстройства, ни какой либо предгосподствующей идеи, а оказывалась только нѣкоторая странность въ пріемахъ, а иногда и сбивчивость въ словахъ, и что наконецъ по кратковременности пребыванія Липунова въ больницѣ, нельзя еще сдѣлать надлежащаго заключенія.

7 января Липуновъ былъ освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіе астраханскаго губернскаго правленія, причемъ оказалось: что онъ роста ниже средняго, тѣлосложенія крѣпкаго, лѣтъ 26 отъ роду, жилобіеніе было нѣсколько ускорено. Въ строеніи тѣла особенныхъ уклоненій не замѣчено, лице румяное, языкъ и губы влажны, цвѣта обыкновеннаго; зрачки не расширены, глаза чисты, выраженіе лица нѣсколько задумчивое, взглядъ сосредоточенъ. На предложенные вопросы Липуновъ отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ тебя зовутъ? *Отв.* Ипполитъ. *В.* А прозвище твое? *О.* Меня зовутъ Липуновымъ, Шишковымъ и Потемкинымъ. *В.* Здоровъ ли ты? *О.* У меня припадокъ бываетъ. *В.* Какой? *О.* Вотъ такъ придетъ и броситъ гдѣ попало; не знаю. *В.* Что же ты чувствуешъ тогда въ себѣ? *О.* Ничего не знаю, мечусь да и только. *В.* Долго ли? *О.* Говорятъ съ часъ, не помню.... не знаю. *В.* Послѣдній разъ давно ли бросало тебя? *О.*

Говорятъ, ночью въ больницѣ бросало меня. *В.* Не падалъ ли головою или не было ли ушиба въ голову когда либо? *О.* Не знаю; не помню. *В.* Не испугался ли ты чего либо? *О.* Испугъ былъ. *В.* Когда? *О.* Давно. *В.* Чего же ты испугался? *О.* Два раза въ колодецъ лѣзъ. *В.* Зачѣмъ? *О.* Отъ испуга. *В.* Какого? *О.* Отецъ на трехъ женатъ былъ, а меня ни разу женить не хотѣлъ, все обѣщаетъ, и все откладываетъ на лѣто, вижу что обманываетъ, я и ткнулъ его ножницами. *В.* И кого еще? *О.* Брата и сестру. *В.* Куда же ткнулъ ты? *О.* Куда попало; то въ бокъ, то въ брюхо. *В.* Для чего ты выпустилъ деготь? *О.* Вижу, что отецъ обманываетъ меня, не женитъ; взялъ и выпустилъ деготь. *В.* Много ли? *О.* Изъ трехъ бочекъ. *В.* Тебѣ посовѣтовалъ ли кто нибудь сдѣлать это и ткнуть ножницами, или самъ умышленно сдѣлалъ? *О.* Напоили меня водкою, я и сдѣлалъ это за то, что меня обманываютъ. *В.* Спишь хорошо? *О.* Сплю. *В.* Во снѣ не грезится ничего? *О.* Ничего не вижу во снѣ. *В.* Ѣшь хорошо? *О.* Ѣмъ. *В.* Изъ ушей у тебя не текло? *О.* Нѣтъ. *В.* Чѣмъ ты занимался дома? *О.* Отецъ торговалъ въ лавочкѣ, то сахаромъ, то другимъ чѣмъ, а я былъ ни прикащикомъ, ни работникомъ у него; не знаю, чѣмъ я занимался.— На другіе вопросы Липуновъ отвѣчалъ вообще правильно, сообразно, выражался твердо, но безъ малѣйшихъ порывовъ и изступленій.

Общее присутствіе заключило, что Липуновъ не одержимъ никакимъ умопомѣшательствомъ, но какъ онъ находился подъ наблюденіемъ въ больницѣ приказа лишь кратковременно и какъ здоровье его еще не возстановилось, а леченіе оказалось полезнымъ, то для надлежащаго опредѣленія умственныхъ его способностей и для дальнѣйшаго пользованія, оставить его въ заведеніи приказа срокомъ на три мѣсяца.

29 апрѣля 1866 года контора заведеній приказа донесла, что у Липунова припадки падучей болѣзни не обнаружились и вслѣдствіе минованія оныхъ безпокойное по временамъ его поведеніе миновало; находясь постоянно въ одинаковомъ, болѣе спокойномъ состояніи, онъ спрошенное довольно хорошо понимаетъ, отвѣчаетъ хотя не словоохотно, но правильно и къ дѣлу; больница полагала, что Липуновъ не одержимъ ни общимъ, ни частнымъ разстройствомъ умственныхъ способностей, и что у него

природная неразвитость умственныхъ способностей, доходитъ почти до степени идіотизма.

По освидѣтельствованіи въ общемъ присутствіи 29 апрѣля оказалось, что Липуновъ представляетъ лицо нѣсколько румяное, губы влажны, цвѣта обыкновеннаго; температура и жилобіеніе нормальны; выраженіе лица неопредѣленное, глаза мутны; зрачки не расширены. Взглядъ неясный, какъ бы неопредѣленный и нѣсколько сосредоточенъ. На предложенные вопросы отвѣчалъ: *В.* Какъ васъ зовутъ? *О.* Ипполитъ. *В.* А прозвище? *О.* Липуновъ. *В.* Сколько вамъ лѣтъ отъ роду? О. 26 лѣтъ. *В.* Каковъ у васъ сонъ? *О.* Сплю хорошо. *В.* А на пищу позываетъ? *О.* Ѣмъ хорошо. *В.* Здоровы ли вы теперь? *О.* Припадокъ есть, бросаетъ на землю. *В.* Часто ли бросаетъ? *О.* По восьми разъ въ годъ. *В.* Давно ли? *О.* Двѣнадцать лѣтъ бросаетъ. *В.* Что чувствуешь въ то время какъ броситъ? *О.* Не знаю. *В.* Откуда же знаешь, что бросаетъ тебя *)? *О.* Говорятъ другіе. *В.* За что ранилъ отца? *О.* Самъ трехъ перебралъ, а меня ни разу не женилъ, все обѣщалъ, да откладывалъ. *В.* Чѣмъ же ранилъ? *О.* Ножницами. *В.* Куда? *О.* Не знаю, въ бокъ никакъ. *В.* А долго жилъ отецъ послѣ того? *О.* Умеръ недѣли черезъ три. *В.* Сколько у васъ братьевъ? *О.* Четыре. *В.* А сестреръ? *О.* Три имѣю. *В.* Вы выпустили четыре бочки дегтя? *О.* Двѣ только. *В.* Для чего? *О.* Не знаю. *В.* Научилъ ли кто васъ ранить отца и брата и выпустить деготь? *О.* Напоили водкою, такъ и сдѣлалъ, что меня не женилъ. *В.* А теперь жениться хочешь? *О.* Я не прочь. *В.* Такъ почему же не женишься теперь? *О.* Меня не опредѣляютъ никуда къ мѣсту.... денегъ надо. *В.* Зачѣмъ бѣгали по крышамъ? *О.* Не знаю. *В.* А на крышу вы лазѣли? *О.* Не знаю.— На другіе вопросы Липуновъ отвѣчалъ довольно правильно, сообразно, безъ малѣйшихъ порывовъ и изступленій, но голосомъ твердымъ и кратко, нерѣдко затрудняясь въ пріискиваніи выраженій и словъ. Улыбокъ никогда не обнаруживалъ, но въ пріемахъ при отвѣтахъ выказывалъ нѣкоторую странность, свойственную людямъ ограниченныхъ умственныхъ способностей. На тѣлѣ его никакихъ знаковъ отъ паденія не замѣчено.— Изъ соображенія вышеизложеннаго общее присутствіе заключило, что Липуновъ

*) Курьезно то, что подсудимому говорятъ то вы, то ты.

въ настоящее время одержимъ только слабоуміемъ. Что же касается вопроса о томъ: давно ли и отчего произошло у него это слабоуміе и въ какомъ состояніи умственныхъ способностей онъ совершилъ вышеупомянутыя преступленія, то принявъ въ соображеніе: 1) что у Липунова, во время пребыванія его въ заведеніи приказа подъ наблюденіемъ врачей, неоднократно обнаруживались припадки падучей болѣзни (epilepsia); 2) что падучая болѣзнь чаще всего происходитъ отъ испуга; 3) что по показанію родныхъ Липунова, у него появлялись какіе то отъ испуга нервные припадки еще въ дѣтствѣ съ 12 лѣтъ; 4) что эти припадки, судя по тому, что самъ Липуновъ объявилъ, что его бросаетъ лѣтъ 12,— были ни что иное, какъ явленія той же падучей болѣзни, быть можетъ еще не вполнѣ развившейся, въ видѣ головокруженія (vertige epileptique), обыкновенно предшествующаго, иногда долго, даже нѣсколько лѣтъ, до наступленія настоящихъ полныхъ спазматическихъ приступовъ этой болѣзни (accès epileptiques progrement dits, ou grand mal); 5) что у него память довольно еще хороша и понятія довольно развиты, а только соображеніе слабо; 6) что одержимые падучею въ предвѣстникахъ къ приступу, какъ и послѣ него, находятся въ безсознательномъ состояніи, обнаруживаютъ несообразность въ дѣйствіяхъ (délire maniaque) или выказываютъ явленія сладострастія (délire érotique); 7) что нѣкоторые, подвергавшіеся приступамъ падучей, особенно въ видѣ головокруженія, иногда помнятъ о происходившемъ, или о чемъ либо, ими сдѣланномъ во время бреда, бывающаго въ предвѣстникахъ или послѣ приступа; 8) что злоупотребленіе спиртныхъ напитковъ усиливаетъ припадки падучей болѣзни; 9) что даже во время свѣтлыхъ промежутковъ, т. е. между приступами падучей, особенно если эти послѣдніе часто и давно повторяются, душевныя отправленія одержимыхъ этою болѣзнію не бываютъ вполнѣ нормальны; 10) что непоявленіе припадковъ падучей въ теченіи нѣкотораго времени, даже года не доказываютъ еще, что она излечена, такъ какъ она можетъ появляться даже въ три года одинъ разъ и считается почти неизлечимою, и въ русскихъ законахъ падучая болѣзнь причислена къ болѣзнямъ неизлечимымъ (примѣчаніе II къ ст. 99 XV т. св. угол. зак. ч. I изд. 1857),—общее присутствіе признало, что слабоуміе у Липунова не врожденное,

а пріобрѣтенное, развилось отъ неоднократно и давно являвшихся у него приступовъ падучей болѣзни, начавшейся по всей вѣроятности, съ 12 лѣтняго возраста отъ испуга; что онъ ранилъ отца и другихъ родныхъ своихъ и производилъ разныя безчинства по всей вѣроятности будучи въ душевномъ разстройствѣ или бреду, бывшемъ до приступа или послѣ него, разстройствѣ самомъ по себѣ или усиленномъ употребленіемъ водки, а слѣдовательно не имѣя надлежащаго разумѣнія о поступкахъ своихъ; что признать Липунова въ настоящее время излеченнымъ отъ падучей болѣзни и свободнымъ отъ ея послѣдствій невозможно, и что поэтому слѣдуетъ его содержать подъ наблюденіемъ по существующимъ правиламъ (приложеніе къ ст. 285 VII т. сбор. цирк. м. в. д.) впредь до востребованія, съ тѣмъ однакоже, чтобы въ случаѣ окончательнаго убѣжденія того врача, подъ наблюденіемъ котораго Липуновъ будетъ находиться, въ совершенномъ возстановленіи нормальнаго состоянія умственныхъ способностей Липунова, контора заведеній приказа немедленно донесла о томъ губернскому правленію для дальнѣйшаго распоряженія.

Медицинскій совѣтъ нашелъ правильнымъ заключеніе общаго присутствія о томъ: 1) что Липуновъ страдаетъ слабоуміемъ, развившимся у него вслѣдствіе падучей болѣзни; 2) что онъ могъ совершить преступленіе, не имѣя надлежащаго объ ономъ разумѣнія, и 3) что его нельзя признать излечившимся, а потому онъ долженъ находиться подъ постояннымъ наблюденіемъ и пользоваться врачебнымъ пособіемъ.

Отравленіе крестьянкою Афимьею Мещеряковою своего пасынка.

20 марта 1861 г. помѣщикъ сельца «Богомъ Хранимаго» (липецкаго уѣзда, тамбовской губерніи) Вельяминовъ донесъ мѣстному становому приставу, что въ имѣніи его, 19 того же марта, скоропостижно умеръ дворовый 16-лѣтній мальчикъ Акимъ Гавриловъ, и что предъ смертію у него была рвота и пѣна у рта.

Липецкій городовой врачъ Алексѣевъ, найдя при судебно-анатомическомъ осмотрѣ трупа Акима Гаврилова признаки воспаленія

желудочно кишечнаго канала, препроводилъ желудокъ и часть кишекъ Гаврилова, а равно и содержимое ихъ въ тамбовскую врачебную управу для химическаго изслѣдованія, которое, какъ видно изъ дѣла, показало въ подлежавшихъ изслѣдованію внутренностяхъ присутствіе мышьяка *).

При произведенномъ становымъ приставомъ дознаніи отецъ Акима, Гаврила Мещеряковъ, показалъ, что онъ четвертый годъ женатъ вторымъ бракомъ на крестьянкѣ Афимьѣ Максимовой Мещеряковой, и отъ перваго брака, кромѣ умершаго Акима, имѣетъ еще трехъ дѣтей; жена его Афимья никогда не ладили съ дѣтьми его отъ перваго брака; часто съ ними ссорилась и била ихъ, отчего онъ унималъ ее и словами и побоями. Назадъ тому недѣли двѣ, жена въ ссорѣ съ умершимъ Акимомъ начала его бить, а потому онъ, Гаврила, вошедши въ избу, оттолкнулъ жену и раза два ударилъ ее ладонью. Отправившись послѣ сего на барскую работу, Афимья при разговорѣ съ другими женщинами именно съ Пелагею Крыловою и Олимпіадою Пшеничниковою съ сердцемъ высказала, что всему семейству ея не дожить до воскресенья (19 марта). Въ пятницу (17-го марта) съ сыномъ его Акимомъ послѣ завтрака сдѣлалась рвота, причемъ онъ жаловался на боль въ головѣ; но это вскорѣ прошло, и онъ въ этотъ день обѣдалъ и ужиналъ, а на другой, т. е. въ субботу, ходилъ на кухню, и пришедши домой, обѣдалъ одинъ, но кто ему подавалъ пищу, онъ, Гаврила, не видалъ, потому что былъ на барской работѣ, но полагаетъ, что подавала жена. Послѣ обѣда Акимъ плелъ лапти; вечеромъ онъ ужиналъ вмѣстѣ со всѣмъ семействомъ; послѣ ужина онъ, Гаврила, подрѣзалъ Акиму волосы на головѣ и вымылъ ему голову, а затѣмъ Акимъ у сѣней на дворѣ обдался теплою водою; ночью онъ спалъ, но незадолго до разсвѣта съ нимъ открылась сильная рвота, продолжавшаяся и утромъ, когда онъ, Гаврила, пошелъ убирать господскій скотъ. Возвратившись затѣмъ домой, онъ увидѣлъ, что Акимъ былъ уже въ безпамятствѣ и безъ языка; изо рта его показалась пѣна, вскорѣ послѣ того Акимъ умеръ. Показаніе свое Гаврила Мещеряковъ заключилъ тѣмъ, что въ отравленіи сына онъ подозрѣваетъ жену свою Афимью по причинѣ вышеупома-

*) Мы опускаемъ подробности, не относящіяся къ вопросу о вмѣняемости.

нутыхъ дурныхъ отношеній ея къ дѣтямъ и угрозъ, произнесенныхъ ею при посторонних людахъ.

Крестьянки Пелагея Крылова и Олимпіада Пшеничникова отозвались, что дѣйствительно Афимья на работѣ говорила имъ, что мужу ея до воскресенья не дожить.

При слѣдствіи, произведенномъ судебнымъ слѣдователемъ липецкаго уѣзда, крестьянка Афимья Мещерякова (29 лѣтъ) 31 марта 1861 г. показала, что съ мужемъ и пасынками у нея бывали ссоры, и вслѣдствіе одной изъ нихъ мужъ за пасынка Акима побилъ ее; затѣмъ она заплаканная отправилась на барскую работу, гдѣ на спросъ женщинъ Пелагеи и Олимпіады о причинѣ слезъ она отвѣтила, что ее побилъ мужъ; на эти слова ея, Пелагея сказала, «что мужей надо поморить», въ чемъ она, Афимья, согласилась съ Пелагеей, говоря: «и то, надо поморить». 17 марта въ пятницу пришедши съ барской работы къ себѣ домой, она нашла Акима лежащимъ на печи; была ли съ нимъ рвота, не видѣла, но онъ жаловался ей на боль въ головѣ и сердцѣ; отчего съ нимъ сдѣлалась эта болѣзнь, она не знаетъ. Въ субботу послѣ обѣда, возвращаясь съ барской работы, Пелагея Крылова вынула изъ кармана какой-то ядъ, похожій на бѣлый камень, величиною въ середнюю горошину, подала ей и сказала: «помни въ рукахъ, и если не разотрется въ пальцахъ, то брось его цѣльнымъ въ воду и напой этой водой своего мужа.» Когда же она, Афимья, сказала: «зачѣмъ же мужу», то Пелагея отвѣтила «ну напой своего пасынка Акимку, и если онъ умретъ, тогда я уморю этимъ же и моего зятя, солдата.» Съ этимъ зятемъ-солдатомъ Пелагея дурно живетъ и часто бранится. Въ тотъ же день, т. е. въ субботу послѣ ужина, Акимъ попросилъ у ней пить, и она подала ему въ корцѣ воду, бросивъ въ нее данный Пелагеею ядъ. Въ полночь съ Акимомъ сдѣлалась рвота, продолжавшаяся до утра, утромъ же у него показалась изо рту пѣна, и онъ, жалуясь на жженіе внутри, умеръ. Какого свойства былъ данный Пелагеею ядъ, она не знаетъ, но Пелагея получила его отъ солдата, лечившаго ее отъ какой то болѣзни и морившаго также тараканов. Кто этотъ солдатъ и гдѣ живетъ, она не знаетъ. Ядъ она получила отъ Пелагеи наединѣ, безъ свидѣтелей.

Къ данному Мещеряковою показанію судебный слѣдователь съ своей стороны добавилъ, что Мещерякова на предлагаемые

ей вопросы обнаружила нѣсколько такихъ странностей, которыя ведутъ къ заключенію, что ея умственныя способности недостаточны, повидимому, отъ природы.

Крестьянка Пелагея Крылова, подтвердивъ показаніе свое, данное становому приставу, отозвалась, что никакого яда Мещеряковой она не давала, у солдата отъ болѣзни не лечилась, съ зятемъ своимъ живетъ она ладно, и что даже вовсе не имѣла съ Афимьей Мещеряковой сношеній, такъ какъ Афимью всѣ жители сельца считаютъ и называютъ дурою. (Показаніе это подтвердили мужъ, зять и дочь Крыловой, а также 3-е ихъ сосѣдей).

Мужъ Афимьи, Гаврила, въ дополненіе къ данному прежде показанію объяснилъ, что жена его сердита и что у ней нѣтъ сложенія въ рѣчахъ, (тоже самое показали и дѣти Мещерякова).

На повальномъ обыскѣ крестьяне сельца Богомъ Хранимаго (въ числѣ 12 человѣка) отозвались, что Афимья Мещерякова не ладила съ своимъ мужемъ и дѣтьми его отъ перваго брака, можетъ быть и оттого, что она съ простинкой, которая была причиною ея позднаго выхода въ замужство и за вдовца, имѣвшаго взрослыхъ дѣтей.

При передопросѣ 4 апрѣля 1861 г. въ присутствіи липецкаго уѣзднаго суда, Афимья Мещерякова къ прежде данному показанію добавила, что утромъ 18 марта въ субботу къ ней пришла крестьянка Пелагея Крылова въ то время, когда она несла въ корцѣ воду для пасынка Акима; въ этотъ корецъ Крылова бросила что то бѣлое, бывшее у ней въ рукахъ; когда же она, Афимья, сказала: «что ты дѣлаешь»? то Пелагея отвѣтила «не твое дѣло;» все это видѣли и слышали бывшія въ избѣ крестьянки Соломонида Федорова, Аксинья Максимова и Матрена Максимова, а также падчерица и пасынокъ ея, Афимьи; кромѣ того Пелагея сознавалась въ томъ, что дала ей бѣлый камень при садовникѣ Алексѣѣ Филиповѣ, и священникѣ отцѣ Діомидѣ.

При произведенномъ по распоряженію уѣзднаго суда дослѣдованіи — указанныя Мещеряковою лица нисколько не подтвердили данное ею въ присутствіи суда показаніе; крестьянка же Пелагея Крылова, не сознаваясь въ взводимомъ на нее участіи въ преступленіи, отозвалась, что, по ея мнѣнію, Мещерякова оговорила ее въ отмщеніе за то, что она передала сказанныя ею на работѣ слова «что мужу ея не дожить до воскресенья».

Тамбовская палата уголовнаго суда, признавая Афимью Мещерякову виновною въ отравленіи пасынка своего Акима съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, опредѣлила: Мещерякову, на основаніи ст. 77,1999, 2000 и 5 пунк. ст. 2002 кн. I т XV св. зак., лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать ста ударами плетей и затѣмъ сослать въ каторжную работу на заводахъ безъ срока.

Начальникъ тамбовской губерніи съ своей стороны нашелъ, что преступленіе Афимьи Мещеряковой не подходитъ подъ дѣйствіе 1999 и 2000 ст. кн. I т XV св. зак. во первыхъ потому, что Акимъ лишился жизни не вслѣдствіе насильственнаго дѣйствія со стороны Мещеряковой, т. е. открытаго убійства, а чрезъ отравленіе, о каковыхъ преступленіяхъ въ 5 пунктѣ 2002 ст. положительно упоминается, безъ различія степени родства, что за совершеніе ихъ виновные подлежатъ наказанію по 2001 ст.; во вторыхъ, преступленіе это Мещеряковою совершено не надъ роднымъ сыномъ, а надъ пасынкомъ, о каковой степени родства въ статьѣ 2000 положительно не указывается; въ третьихъ, по показанію 12-ти крестьянъ, Афимья Мещерякова отъ природы не пользуется вполнѣ здравымъ разсудкомъ, а считалась глуповатой до того, что это было причиною поздняго выхода ея въ замужество. Каковое обстоятельство также нельзя не принять въ соображеніе при опредѣленіи Мещеряковой за упомянутое преступленіе наказанія, ибо слабоуміе отнесено къ числу причинъ, уменьшающихъ вину и самое наказаніе. Полагая на основаніи вышеизложеныхъ соображеній своихъ: Мещерякову, лишивъ всѣхъ правъ сотоянія, наказать плетьми чрезъ палача на мѣстѣ совершенія преступленія восьмидесятью ударами и сослать въ каторжную работу на заводы на двадцать два съ половиною года,—начальникъ губерніи предстaвилъ настоящее дѣло (въ маѣ 1862 г.) на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Правительствующій сенатъ, имѣя въ виду: 1) что одножители Мещеряковой при слѣдствіи въ числѣ 12 человѣкъ подъ присягою показали, что она между ними всегда считалась тупою, и 2) что при отобраніи отъ нея показанія судебнымъ слѣдователемъ, въ отвѣтахъ своихъ она обнаружила нѣсколько такихъ странностей, которыя подали слѣдователю поводъ заключить, что умственныя ея способности недостаточны,—возвративъ дѣло къ

начальнику губерніи, указомъ отъ 6 сентября 1862 предписалъ сдѣлать распоряженіе о помѣщеніи Мещеряковой въ одно изъ больничныхъ заведеній для врачебнаго надзора въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ, и затѣмъ подвергнуть ее освидѣтельствованію въ умственныхъ способностяхъ, установленымъ въ законахъ порядкомъ.

Вслѣдствіе сего Афимья Мещерякова была препровождена изъ Липецка въ Тамбовъ и 12 ноября 1862 г. поступила въ отдѣленіе умалишенныхъ, гдѣ и находилась до 22 марта 1863 г. Изъ препровожденнаго начальникомъ губерніи скорбнаго листа видно, что при поступленіи Мещеряковой въ больницу оказалось, что она тѣлосложенія хорошаго, росту средняго, имѣетъ волосы темнорусые, глаза сѣрые; на вопросы она отвѣчала съ сознаніемъ, взглядъ имѣла суровый, мрачный, вела себя тихо. Ночь на 13 ноября она провела довольно покойно; 13 числа жаловалась на лихорадку. 14 ноября у ней пароксизма не было, но 15 былъ легкій пароксизмъ; внутрь принимала ol. terebint. phosph; съ 16 ноября лихорадочные пароксизмы прошли. — За 11-ое число февраля въ скорбномъ листѣ написано: «больная тѣлосложенія хорошаго, отъ роду имѣетъ повидимому около 40 лѣтъ глаза сѣрые, но не безъ выраженія, волосы русые, кости лица, довольно широкія, лобъ средней вышины, ротъ довольно большой, верхняя губа узкая; описанная наружность даетъ лицу выраженіе характера нѣсколько упрямаго, но вовсе не имѣетъ выраженія глупости. При распросахъ, часто повторяемыхъ, она объявила, что назадъ тому лѣтъ семь была выдана въ замужество за вдовца, имѣющаго 8 человѣкъ дѣтей; изъ нихъ въ смерти младшаго 13 лѣтняго ея пасынка обвинялась, что будто бы она отравила, но она намѣренія отравить своего пасынка не имѣла, онъ умеръ отъ чахотки, страдая издавна кашлемъ, и передъ смертію за недѣлю и кровохарканіемъ. Обвинялась же она въ отравленіи пасынка по непріятности одной крестьянки, которая при спросѣ, кѣмъ слѣдовало, сказала, что пасынокъ ея умеръ безъ св. причастія. Чтобъ это дѣло осталось безъ послѣдствій, требовались отъ нея, Мещеряковой, деньги, которыхъ она не имѣла, да и не считала нужнымъ давать оныя за смерть своего пасынка, за что она и была отправлена въ липецкій острогъ. Такъ она выразилась о смерти своего пасынка, въ которой ее об-

вииняютъ. Изъ подобнаго изложенія обстоятельствъ не видно никакихъ признаковъ слабоумія, а оно доказываетъ либо обдуманную хитрость, либо точную справедливость (?). Для вѣрнѣйшаго изъясненія этого предмета слѣдуетъ присовокупить, что будучи дворовой женщиной, она съ мужемъ своимъ занималась черною работою, и притомъ, какъ видно изъ словъ ея, была наказана за лѣность; назадъ тому года съ четыре она помѣщалась умомъ и была отправлена въ липецкую градскую больницу для пользованія отъ умопомѣшательства, гдѣ находясь мѣсяца два, была выпущена изъ оной выздоровѣвшею *). Въ настоящее время ведетъ себя тихо, не замѣчается никакой угрюмости или задумчивости, на вопросы отвѣчаетъ съ полнымъ разсудкомъ, не отклоняется въ отвѣтахъ при вопросахъ о предметѣ, который ей вмѣняется въ вину, такъ что изъ всего описаннаго слѣдуетъ, что она находится въ настоящее время въ здравомъ разсудкѣ; но нельзя опровергать возможности, что съ ней въ теченіи 4 лѣтъ послѣ бывшаго припадка сумасшествія не могли бы повториться признаки разстройства умственныхъ способностей» — Засимъ изъ скорбнаго листа видно, что въ состояніи здоровья Мещеряковой до времени выхода ея изъ больницы перемѣны не было. По окончаніи испытанія Мещеряковой контора больницы тамбовскаго приказа общественнаго призрѣнія донесла о результатахъ онаго въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какъ записано въ скорбномъ листѣ за 11 февраля 1863 г.

27 февраля 1863 г. Афимья Мещерякова была освидѣтельствована въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи тамбовскаго губернскаго правленія. На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы Мещерякова отвѣчала: *Вопр.* Какъ твое имя и фамилія? *Отв.* Афимья Третьякова. *Вопр.* Изъ какого ты званія? *Отв.* Изъ крестьянъ. *Вопр.* Сколько тебѣ лѣтъ? *Отв.* Не знаю. *Вопр.* У тебя мужъ есть? *Отв.* Есть. *Вопр.* А дѣти есть? *Отв.* Нѣтъ. *Вопр.* Правда ли говорятъ, что ты пасынка своего, Акима, отравила ядомъ? *Отв.* Не знаю. *Вопр.* За что ты его отравила? *Отв.* Не

*) Изъ отношенія начальника тамбовской губерніи въ медицинскій департаментъ отъ 16 марта 1863 г. видно, что по справкѣ оказалось, что о поступленіи Мещеряковой въ липецкую градскую больницу въ дѣлахъ конторы этой больницы съ 1857 г. по 1863 г. свѣдѣній нѣтъ.

знаю. *Вопр.* Ты не любила его что ли? *Отв.* Нѣтъ любила. *Вопр.* Кто тебя научилъ отравить его? *Отв.* Не знаю. *Вопр.* Что ты съ мужемъ своимъ хорошо жила? *Отв.* Хорошо. *Вопр.* Ты домой желаешь? *Отв.* Желаю. *Вопр.* Чѣмъ ты дома занималась? *Отв.* Черною работою.

Присутствовавшіе при освидѣтельствованіи члены мѣстной врачебной управы изъ отвѣтовъ Мещеряковой на предлагаемые вопросы замѣтили, что она пользуется здравымъ смысломъ, а потому, какъ здоровая, можетъ быть освобождена изъ дома умалишенныхъ. Общее присутствіе заключило, что Мещерякова находится въ здравомъ умѣ.

Разсмотрѣвъ результаты врачебнаго въ больницѣ испытанія, а равно и формальнаго освидѣтельствованія крестьянки Мещеряковой,—медицинскій совѣтъ нашелъ правильнымъ мнѣніе свидѣтельствовавшихъ ее членовъ тамбовской врачебной управы, а именно, что Мещерякова находится въ здравомъ умѣ.

О нанесеніи крестьянкою Натальею Пантюковою ея свекрови смертельныхъ ранъ.

(Галлюцинація отъ опьяненія).

2 апрѣля 1863 г. ирбейское волостное правленіе (канскаго округа, енисейской губерніи) донесло мѣстному засѣдателю, что 31 марта (въ первый день св. пасхи) крестьянка деревни Альгинской, Наталья Пантюкова, нанесла свекрови своей Евдокіи Пантюковой раны на шеѣ и лѣвой рукѣ, и что Наталья созналась въ томъ, что означенныя раны нанесены ею свекрови съ цѣлію лишить ее жизни.

По осмотру, произведенному засѣдателемъ 3 апрѣля 1863 г., оказалось, что Евдокія Пантюкова лежала въ принадлежащей мужу ея избѣ на лавкѣ и подставленной къ ней скамьѣ лицемъ вверхъ, шея и лѣвая рука Евдокіи были перевязаны бѣлыми тряпицами, присохшими вмѣстѣ съ кровью къ тѣлу; лицо ея было блѣдное, съ перемежающимися судорожными признаками, дыханіе тяжелое, разговоръ трудно медленный и тихій, но внятный, безъ замѣшательства; состояніе силъ слабое до того,

что Пантюкова съ трудомъ могла короткое время сидѣть, склонивши внизъ голову. На томъ мѣстѣ, гдѣ были нанесены ей раны, кровавыхъ признаковъ не оказалось, но на поларшина отъ скамьи, на поперечной лавкѣ, были слѣды крови отъ лѣвой руки, коей окравленные 4 пальца ясно отразились на лавкѣ; противъ этого мѣста стѣна была забрызгана кровью, двери избы и сѣней, и въ послѣднихъ правая колода и часть стѣны, были также забрызганы кровью. На полу въ избѣ, по чернотѣ и неопрятности его, кровавыхъ признаковъ различить было нельзя.— На спросъ засѣдателя Евдокія Пантюкова (3 апрѣля) отвѣтила, что въ первый день св. пасхи, отобѣдавъ вмѣстѣ съ мужемъ своимъ Степаномъ Пантюковымъ, матерью его Ириною и невѣсткою своею Натальею, она, Евдокія, отпустила всѣхъ ихъ гулять по деревнѣ Альгинской, а сама, страдая около трехъ недѣль безпрерывнымъ маточнымъ кровотеченіемъ, легла спать на лавкѣ противъ печки, но заснуть цѣлый день не могла. Передъ вечеромъ возвратилась домой невѣстка Наталья, которая, напоивши во дворѣ теленка, зашла въ избу и, взявъ съ печнаго бруса желѣзный ключъ отъ казенки, устроенной въ сѣняхъ, сходила въ оную и что то тамъ нѣсколько минутъ искала; между тѣмъ она, Евдокія, лежа на вышепоясненномъ мѣстѣ лицомъ вверхъ, задремала; въ это время вошла въ избу Наталья, и видя, что она, Евдокія, сомкнула передъ сномъ глаза, подошла къ ней съ лѣваго бока и дернула по горлу отъ правой стороны ножемъ; почувствовавъ боль, она, Евдокія, схватила ножъ лѣвою рукою, но Наталья, выдернувъ его и причинивъ при этомъ рану на рукѣ, намѣревалась дорѣзать ее, Евдокію; соскочивъ въ горячахъ съ постели, она Евдокія, сказала Натальѣ такъ: «за что ты, злодѣйка, меня рѣжешь.» Послѣ сихъ словъ, Наталья съ ножемъ выбѣжала на улицу, а за нею вышла и она, Евдокія, причемъ замѣтила, что Наталья бросила окровавленный ножъ въ огородъ, а сама побѣжала по направленію къ своимъ роднымъ. Сохранивъ присутствіе духа и зажавши лѣвою рукою горло, она, Евдокія, вышла на улицу, гдѣ встрѣтилась съ сестрою своею Еленою, которая, увидѣвъ ее окравленною, закричала караулъ. На крикъ выбѣжалъ родной ея отецъ, крестьянинъ Николай Чуриновъ, который свелъ ее въ домъ. Засимъ прибѣжали крестьяне два Малетины, поселенецъ Росиковъ и солдатка Василиса Ма-

летина, которая перевязала ей раны. Вскорѣ была приведена невѣстка ея Наталья, которая на спросъ старшины въ преступленіи не созналась. На другой день прибылъ кандидатъ по волостномъ головѣ Парфеновъ, который приведя къ ней, Евдокіи, Наталью, спросилъ ее: за что она нанесла раны? На этотъ спросъ Наталья сначала запиралась, а потомъ сказала: «пожалѣй и прости меня матушка», но она Евдокія отвѣтила: «ты меня не жалѣла рѣзать, такъ и я тебя простить не могу, а если Богъ проститъ, то и я прощу». Какія причины вынудили Наталью нанести ей, Евдокіи, раны, она не знаетъ.

При передопросѣ засѣдателемъ, 4 апрѣля Евдокія Пантюкова повторила показаніе свое, данное наканунѣ съ тою разницею, что на другой день послѣ нанесенія ей ранъ, придя въ память, она увидѣла въ избѣ невѣстку Наталью, которая до того ей показалась страшною, что она не могла смотрѣть на нее. Когда же Наталья начала просить у ней прощенія, тогда ей сдѣлалось нѣсколько легче, и простила ли она ее, не помнитъ, но теперь пусть Богъ ее проститъ за ея поступокъ,—ей, Евдокіи, два вѣка не жить.—Послѣ этихъ словъ, какъ сказано въ составленномъ засѣдателемъ протоколѣ, Евдокія Пантюкова, сжавъ крѣпко ротъ и рѣсницы глазъ, замолчала, и у ней на лицѣ выразились судорожные признаки, почему засѣдатель предполагалъ оставить дальнѣйшіе распросы; но когда Евдокія пришла снова въ память, открыла глаза и попросила напиться, то ей былъ предложенъ вопросъ о томъ: за что ранила ее невѣстка, и не имѣла ли она съ нею когда либо ссоры и другихъ распрей?—На это Евдокія отвѣтила, что она любила невѣстку какъ сама себя, никогда съ нею не ссорилась, и за что она зарѣзала ее, одинъ Богъ знаетъ.

Мужъ Евдокіи Пантюковой, Степанъ Пантюковъ, подтвердивъ показаніе жены своей, добавилъ, что ссоръ и распрей между его женою и невѣсткою Натальею, равно какъ Натальи съ нимъ Степаномъ, и между ею и Прокофьемъ никогда никакихъ не бывало. Съ самаго выхода замужъ Наталья вела жизнь безукоризненную, и съ ними согласную, а потому онъ Степанъ рѣшительно не постигаетъ причинъ, побудившихъ ее на такое преступленіе, но полагаетъ, что по случаю праздника, будучи выпивши, не вздумала ли Наталья отомстить его женѣ за то, что она неослабно слѣдила за ея поведеніемъ и нерѣдко выгова-

ривала ей, какъ мать за то, что она по утрамъ долго засыпается.

Мужъ Натальи Пантюковой (22 лѣтъ, ясачный инородецъ) показалъ, что онъ, находясь въ работникахъ у крестьянина деревни Альгинской Малетина, въ домѣ отца своего бывалъ рѣдко. Въ первый день пасхи послѣ обѣда онъ хотя и предполагалъ идти похристосоваться съ родителями и женою, но увидѣвъ, что жена его прошла въ домъ къ своей бабкѣ крестьянкѣ Ефросиньѣ Малетиной, зашелъ туда, и, посидѣвши у Малетиной нѣсколько времени, пошелъ съ женою въ гости къ крестной матери ея крестьянкѣ Маринѣ Чуриковой; отъ крестной матери они пошли гулять по домамъ альгинскихъ крестьянъ, у которыхъ наравнѣ съ прочими гостями угощались пивомъ и у нѣкоторыхъ виномъ, котораго жена его прежде никогда не пивала, но въ этотъ день выпила двѣ или три рюмки. Предъ ужиномъ, сдѣлавшись пьяною, жена сказала ему, что у ней болитъ голова, почему онъ отвелъ ее въ домъ крестной матери, гдѣ она легла на кровати спать; онъ же пошелъ къ своему хозяину, но лишь только вышелъ изъ избы, вдругъ жена его выбѣжала вслѣдъ за нимъ и сказала, что у нихъ во дворѣ оставленъ теленокъ, котораго она сходитъ напоить, потому что больная мать сдѣлать этого не въ силахъ. Сказавъ женѣ, чтобы она, какъ напоитъ теленка, зашла бы за нимъ, онъ пошелъ къ хозяину. Не дождавшись жены, онъ хотѣлъ идти за нею, но увидѣвъ, что отецъ его прошелъ въ домъ къ крестьянину Василью Малетину, зашелъ туда и лишь только выпилъ здѣсь одинъ стаканъ пива, услышалъ на улицѣ шумъ, что зарѣзали его мать. Показаніе свое Прокофій Пантюковъ заключилъ тѣмъ, что жена его съ матерью жила всегда согласно, ссоръ и другихъ распрей между ними никогда не случалось; вѣря словамъ матери, онъ полагаетъ однако, что жена его сдѣлала преступленіе не иначе, какъ при отсутствіи ума въ нетрезвомъ видѣ.

Крестьянка *Наталья Пантюкова* (20 лѣтъ) на спросъ слѣдователя 5 апрѣля показала, что передъ масляницей 1863 г. она, какъ круглая сирота, по добровольному согласію безъ всякого съ чьей либо стороны принужденія, вышла замужъ за ясачнаго инородца Прокофія Пантюкова, съ которымъ, равно какъ со свекромъ и свекровью никогда никакихъ ссоръ, рас-

*

прей и тому подобныхъ непріятностей не имѣла; съ мужемъ жила согласно, уважала и его родителей, которые по неимѣнію у себя хлѣбопашества и полнаго какъ у крестьянъ хозяйства, никакими тяжелыми работами и ничѣмъ другимъ ее не обременяли. Со стороны свекрови упрековъ и другихъ непріятностей чинимо ей никогда не было. Въ первый день пасхи (31 марта) утромъ, пообѣдавъ въ домѣ свекра своего и убравшись по хозяйству, она пошла погулять по деревнѣ; первоначально она зашла къ своей бабкѣ крестьянкѣ Ефросиньѣ Малетиной, куда пришелъ и мужъ ея, Прокофій, съ которымъ она ходила въ гости къ своей крестной матери Чуриковой, а потомъ съ мужемъ же отправилась гулять по разнымъ домамъ, у коихъ пила почти въ каждомъ домѣ пиво, а въ нѣкоторыхъ домахъ угощали ее и виномъ, коего она до этого праздника отъ рожденія своего нисколько не употребляла. Передъ ужиномъ у нея сдѣлалось сильное головокруженіе, почему она зашла въ домъ крестной своей матери, у которой хотѣла отдохнуть; но когда мужъ сказалъ ей, что ему нужно идти къ хозяину мѣсить кормъ скоту, то вспомнивъ, что у свекра остался во дворѣ теленокъ, которого свекровь по болѣзни напоить не въ силахъ, она пошла домой и, напоивъ теленка, зашла въ избу, гдѣ глазамъ ея представилось какое то страшное чудовище; испугавшись его, она схватила съ печнаго бруса ключъ отъ казенки, взяла тамъ изъ ноженъ ножъ и подкравшись тихонько къ представившемуся ей странному предмету, рѣзнула его по шеѣ ножемъ. Вдругъ она услышала голосъ своей свекрови, которая въ своемъ образѣ стала передъ нею и закричала: «что ты дѣлаешь злодѣйка?» Услышавъ голосъ свекрови, она выбѣжала въ туже минуту на улицу и, куда бросила ножъ, не помнитъ. Кѣмъ и гдѣ была взята после того, приводили ли ее домой, спрашивали ли о чемъ, видѣлась ли она, съ свекровью—ничего не помнитъ. На другой день въ домѣ крестьянина Абрама Малетина, проснувшись отъ сна, она чувствовала въ головѣ и груди какую то тяжесть и боль, кои клонили ее ко сну и забвенію, но вдругъ ее, не помнитъ какіе то люди, внезапно разбудили и повели домой къ свекру, гдѣ увидѣвъ раненую въ горло свекровь, лежавшую въ переднемъ углу на лавкѣ, она душевно содрогнулась и изъ состраданія залилась слезами. Вспомнивъ вчерашнее чудовище, она поняла, что свe-

кровь пострадала вмѣсто него безвинно отъ руки ея, почему подошла къ ней и умоляла ее такъ: «матушка, не погуби меня, прости»; что на это отвѣтила свекровь, она, Наталья, будучи въ обморокѣ, не расслушала. Когда же ее увели подъ караулъ, то она начала болѣе размышлять о случившемся съ нею, но не постигши причины, почему она рѣшилась поднять руку на свою единственную и добрую мать, была черезъ часъ увезена въ ирбейское волостное правленіе. Во время перевозки туда и обратно въ деревню Альгинскую, смутное броженіе изъ головы ея окончательно вышло, и она теперь, принося повинную голову на судъ правительства, къ оправданію своему предоставляетъ только то, что въ первый день пасхи, по случаю праздника гуляя по домамъ альгинскихъ жителей съ мужемъ своимъ и съ многочисленною толпою разныхъ мужчинъ и женщинъ, она не отказывалась пить наравнѣ съ другими пиво, въ которое, вѣроятно, кто либо изъ злоумышленниковъ, искавшихъ случая воспользоваться честью ея, подмѣсилъ дурмана или другаго одуряющаго вещества, чрезъ которое она и совершила безъ всякой побудительной причины такой тяжкій грѣхъ.

Бабка Натальи Ефросинья Малетина отозвалась, что въ первый день пасхи послѣ обѣда Наталья съ мужемъ своимъ была у нея въ домѣ, и посидѣвъ немного времени, пила пиво, причемъ она у Натальи никакихъ перемѣнъ и умопомѣшательства не замѣтила.

Крестная мать Натальи, Марина Чурикова, показала, что въ первый день пасхи Наталья пила у ней пиво и кромѣ того выпила одну рюмку водки, которой прежде она никогда не пила.

Десятскій деревни Альгинской Кириллъ Найденко показалъ, что кандидатъ старшины Веселковъ, прибывъ въ домъ Пантюковыхъ и узнавъ, что раны Евдокіѣ нанесены невѣсткою Натальею, послалъ его Найденко, отыскать Наталью; выбѣжавъ на улицу, онъ встрѣтилъ Наталью задумавшеюся, повидимому пьяною или какъ будто одичавшею.

Крестьянинъ Иванъ Малетинъ отозвался, что придя въ избу Пантюковыхъ и осмотрѣвъ раны Евдокіи, онъ сбѣгалъ домой за порховицей, утоляющею кровь, и посадивъ Евдокію на полъ, присыпалъ сіи раны на шеѣ и на рукѣ, которыя затѣмъ были перевязаны чистыми тряпками.

Крестьяне, бывшіе въ избѣ Пантюковыхъ при спросѣ Натальи старшиною Веселковымъ и волостнымъ головою Парфеновымъ, отозвались, что Наталья на данный въ день преступленія старшиною Веселковымъ вопросъ: не она ли причинила свекрови раны? потупивъ глаза въ землю, долго ничего не отвѣчала; послѣ же настоятельныхъ требованій отвѣтила, что она никого не рѣзала. На другой день на вопросъ волостнаго головы Парфенова о томъ, за что она ранила свою свекровь? Наталья задумавшись отвѣтила «такъ», но чрезъ нѣсколько минутъ залилась слезами и стала просить у свекрови прощеніе. Послѣ этого Парфеновъ еще два раза повторилъ прежній свой вопросъ, и каждый разъ Наталья съ своей стороны повторяла слова «такъ».

Крестьянинъ Абрамъ Малетинъ показалъ, что Наталья Пантюкова въ первый день пасхи вечеромъ была приведена къ нему въ домъ десятскимъ. Будучи повидимому выпивши, но не очень, Наталья тотчасъ по приходѣ, не говоря ни слова, легла спать и проспала до утра другаго дня. Припадковъ умопомѣшательства въ Натальѣ онъ не замѣчалъ.

Спрошенные при слѣдствіи родственники Натальи Пантюковой и посторонніе ей крестьяне деревни Альгинской отозвались что Наталья Пантюкова поведенія хорошаго; ссоръ и непріятностей между Натальей и свекровью ея они никогда не замѣчали; Пантюковы жили между собою согласно. Относительно причинъ, по которымъ Наталья рѣшилась на преступленіе, нѣкоторыя изъ спрошенныхъ лицъ отозвались незнаніемъ; другія же (большинство),—что она сдѣлала это въ пьяномъ видѣ, при отсутствіи ума.

Каинскій окружной врачъ Банцлебенъ въ свидѣтельствѣ, выданномъ 9 апрѣля 1863 года, изложилъ, что прибывъ 6 апрѣля въ 12 часовъ дня, въ деревню Альгинскую, онъ въ присутствіи засѣдателя освидѣтельствовалъ раненую въ горло ножемъ Евдокію Пантюкову, причемъ нашелъ ее лежащею въ своемъ домѣ на постелѣ, спавшею; лице у ней было блѣдное, болѣзненное, отъ роду ей повидимому около 47 лѣтъ, тѣлосложенія она слабаго, дышала тяжело съ хрипѣніемъ, на горлѣ и лѣвой рукѣ ея были повязки. Когда Пантюкова проснулась, то на распросы о состояніи ея здоровья, отвѣчала хотя громко и внятно, но задыхаясь, съ перхотою и легкимъ кашлемъ,

а при кашлѣ слышно было подъ повязкою прохожденіе изъ гортани воздуха съ шипѣніемъ. По снятіи съ шеи повязки, оказалось: 1) рана поперегъ шеи, на верхней ея части по самому гортанному хрящу (кадыку) длиною $2^1/_2$ вершка, гортанный хрящъ до половины прорѣзанъ; съ лѣвой стороны раны глубоко надрѣзана грудино-сосковая (musculi sterno-cleidomastoidei) мышица; съ правой же стороны рана болѣе поверхностна и таже самая мышица не повреждена; большіе шейные кровеносные сосуды съ обѣихъ сторонъ цѣлы и не повреждены; вся рана покрыта матеріею отъ сильнаго нагноенія, и изъ поврежденнаго гортаннаго хряща отдѣляется гной съ слизью; 2) между большимъ и указательнымъ пальцами, по самой складкѣ лѣвой руки, рана отъ разрѣза ножемъ полукруглая, неглубокая, гноящаяся; 3) общее состояніе Евдокіи Пантюковой: общая слабость; по утрамъ и вечерамъ лихорадочные припадки; 6, 7, 8 и 9 чиселъ апрѣля пульсъ былъ слабый 120 ударовъ въ минуту, сонъ тревожный, но безъ бреда. До нанесенія раны Евдокія Пантюкова (какъ сама показываетъ) страдала три недѣли сильнымъ маточнымъ кровотеченіемъ, что весьма ее изнурило, а отъ нанесенной ей раны и потери крови болѣе усилилось болѣзненное ея состояніе, и 4) пораненіе дыхательнаго горла и руки причинено повидимому острымъ орудіемъ, свойственнымъ тому ножу, который (по показанію свидѣтелей) найденъ окровавленнымъ въ огородѣ противъ дома Пантюковыхъ. Хотя большіе шейные кровеносные сосуды не повреждены, но у Пантюковой прорѣзанъ до половины гортанный хрящъ, котораго исходъ при значительномъ нагноеніи безусловно могъ быть смертельнымъ, если бы не ускорили медицинскія средства, кои при личномъ его Банцлебена четырехсуточномъ наблюденіи нѣсколько облегчили страданія раненой, но все таки пораненіе гортаннаго хряща, какъ жизненнаго органа при ея и безъ того болѣзненномъ, изнуренномъ состояніи, онъ, Банцлебенъ, съ своей стороны относитъ къ тяжкому и весьма опасному поврежденію не безусловно смертельному; пораненіе же руки, какъ легкое, безопасно.

12 апрѣля 1862 г. ирбейское волостное правленіе донесло мѣстному засѣдателю, что Евдокія Пантюкова 10 апрѣля отъ боли умерла.—Енисейскій губернскій судъ, препроводивъ настоящее дѣло въ мѣстную врачебную управу, предписалъ ей, раз-

смотрѣвъ свидѣтельство, составленное лекаремъ Банцлебеномъ, опредѣлить: были ли безусловною причиною смерти Пантюковой нанесенныя ей раны?

Енисейская врачебная управа (отъ 10 іюля 1863 г.) сообщила суду, что по разсмотрѣніи свидѣтельства врача Банцлебена о ранахъ, нанесенныхъ Евдокіѣ Пантюковой, управа соглашается съ мнѣніемъ врача, что порѣзанная рана на шеѣ Пантюковой принадлежитъ къ тяжелымъ, но не безусловно-смертельнымъ; пораненіе же руки принадлежитъ къ легкимъ и безопаснымъ.—Въ дополненіе къ сему врачебная управа 17 августа 1863 г. сообщила губернскому суду, что вышеизложенное заключеніе ея основано на ст. 1860 и 1863 пункт. 1, 3, 6, и 1864 устава судебной медиц. т. XIII св. зак., и болѣе отъ управы тѣми узаконеніями не требуется; все же прочее зависитъ отъ судебнаго разбирательства. Къ сему управа присовокупила, что какъ видно изъ свидѣтельства врача, къ условіямъ, дѣлавшимъ порѣзанную рану на шеѣ Пантюковой смертельною, слѣдуетъ въ особенности примѣнить: 1) прежнее болѣзненное ея страданіе съ сильнымъ маточнымъ кровотеченіемъ и тѣлеснымъ отъ этого изнуреніемъ; 2) большую сверхъ того потерю крови отъ нанесенной ей раны и полученіе врачебнаго пособія слишкомъ поздно, по истеченіи болѣе 6 дней, (съ 31 марта по 6 апрѣля), и наконецъ 3) къ причинамъ, сдѣлавшимъ поврежденіе смертельнымъ, также можно отнести пожилой возрастъ и слабое тѣлосложеніе Пантюковой.

Сверхъ того енисейская врачебная управа на запросъ губернскаго суда 17 сентября 1863 г., отозвалась, что въ состояніи нѣкотораго опьяненія у людей, не привыкшихъ къ оному, можно допустить возможность видѣть въ такомъ раздраженномъ состояніи ложныя явленія, скоро проходящія, при несовершенно лишенномъ сознаніи.

Енисейскій губернскій судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашелъ, что Наталья Пантюкова 31 марта 1863 г. не была пьяна до совершеннаго безпамятства, а была только въ нѣкоторомъ опьяненіи, отъ котораго было раздражено ея воображеніе. Человѣкъ при нѣкоторомъ опьяненіи не лишается совершенно сознанія, хотя вслѣдствіе раздраженнаго опьяненіемъ воображенія и представляются ему ложныя явленія. Посему нельзя дать полнаго вѣроятія показанію Натальи, что

она убила Евдокію Пантюкову подъ видомъ чудовища, а слѣдуетъ остановиться на мысли, что Наталья нанесла Евдокіи рану въ раздраженномъ отъ опьяненія состояніи, при нѣкоторомъ, сознаніи, что наноситъ рану именно Евдокіи. А такъ-какъ дѣйствіе, учиненное при неполномъ сознаніи, выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, то и настоящій поступокъ Натальи Пантюковой есть необыкновенный, и опредѣляемая за него закономъ мѣра наказанія подлежитъ смягченію. По симъ соображеніямъ губернскій судъ опредѣлилъ: Наталью Пантюкову, не лишая особенныхъ правъ состоянія, сослать на житье въ якутскую область съ воспрещеніемъ отлучаться въ теченіи одного года изъ мѣста, которое будетъ назначено для жительства. Такое мнѣніе свое, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, енисейскій губернскій судъ представилъ на основаніи 167 ст. кн. I т. XV. св. зак., на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ нашелъ: 1) что судебно-медицинскія данныя о ранахъ, нанесенныхъ Евдокіи Пантюковой, (свидѣтельство каинскаго окружнаго врача Банцлебена и отзывы енисейской врачебной управы отъ 10 іюля и 17 августа 1863 г.), составлены правильно, и 2) что изложенное въ отношеніи означенной управы отъ 17 сентября 1863 г., мнѣніе о вліяніи *опьяненія* на людей, не привыкшихъ къ употребленію спиртныхъ напитковъ, основательно. Судебно-медицинская казуистика представляетъ не мало примѣровъ безсознательныхъ убійствъ, совершенныхъ во время опьяненія (особенно въ первомъ его періодѣ: экзальтаціи). На основаніи сего можно предположить, что и Пантюкова, какъ молодая и притомъ неразвитая женщина, подвергшаяся опьяненію въ первый разъ, могла совершить преступленіе въ припадкѣ самозабвенія подъ вліяніемъ ложныхъ ощущеній тѣмъ болѣе, что слѣдствіемъ не открыто поводовъ къ ея преступленію.

Объ умственныхъ способностяхъ коллежскаго совѣтника Максимовича, окончившаго жизнь самоубійствомъ.

14 мая 1861 года частный приставъ г. Курска словесно извѣстилъ судебнаго слѣдователя Бардскаго, что живущій въ соб-

ственномъ домѣ совѣтникъ курской казенной палаты, коллежскій совѣтникъ Михаилъ Максимовичъ, въ домѣ своемъ повѣсился.

При осмотрѣ, произведенномъ 14 мая судебнымъ слѣдователемъ Бардскимъ съ городовымъ врачемъ, приставомъ 4-й части и сторонними людьми, равно какъ и при произведенномъ на другой день городовымъ врачемъ Фоновымъ судебно-медицинскомъ наружномъ осмотрѣ, оказалось: трупъ Максимовича лежитъ въ кабинетѣ на кушеткѣ навзничь, подъ головою двѣ подушки, одѣтъ въ бѣлой голландской рубашкѣ и бѣлыхъ простаго полотна подштанникахъ, на правую руку надѣтъ бѣлый халатъ, которымъ онъ не прикрытъ, ибо весь халатъ у трупа подъ спиною, животъ прикрытъ бѣлою салфеткою; лѣтъ умершему повидимому около 50, росту средняго, тѣлосложенія здороваго, волосы на головѣ темно-русые, остриженные коротко, усы и борода бритые, лицо вздутое, посинѣвшее, вѣки сомкнутыя, губы посинѣлыя, языкъ посинѣлый, прижатый къ губамъ зубы сжатые, conjunctiva налита кровью, изъ рта вытекаетъ сукровичная жидкость. На правомъ вискѣ поперечная ранка, длиною въ полвершка, сдѣланная для кровопусканія при подаваніи ему пособія. Шея умѣренной длины, толстая; по верхней части шеи находится углубленная желобоватая полоса синебагроваго цвѣта шириною въ гусиное перо, съ опухшими синеватыми краями, идущая попеременно по обѣимъ сторонамъ шеи, по верхнему краю щитовиднаго хряща, чрезъ грудино-сосковыя мышцы, спереди назадъ и снизу вверхъ чрезъ затылокъ и оканчивающаяся съ лѣвой стороны подъ бородою, гдѣ замѣтно вдавленіе узла. Полоса соотвѣтствуетъ шнурку, на которомъ онъ висѣлъ. Покровы и клѣтчатка подкожная превратились на ней въ твердое, пергаменту подобное вещество; грудь возвышенная; верхняя часть ея покрыта синебагровыми крупными пятнами, животъ немного вздутъ, конечности умѣренной длины; на локтевомъ сгибѣ лѣвой руки находится раночка, оставшаяся отъ кровопусканія при подаваніи ему пособія; дѣтородный членъ въ полунапряженномъ состояніи, на концѣ мочеиспускательнаго канала находится желтоватая слизь, подобная мужскому сѣмени; на подштанникахъ слѣдовъ сѣмени нельзя замѣтить потому, что передняя часть подштанниковъ смочена водою при по-

даванія ему пособія; мошонка содержитъ оба яички неповрежденными. Въ наружныхъ слуховыхъ проходахъ, въ полости рта и носа и въ заднемъ проходѣ ничего особеннаго не оказалось. Насильственныхъ знаковъ, исключая вышеуказаннаго на шеѣ, никакихъ нѣтъ, а въ кабинетѣ, гдѣ лежитъ мертвое тѣло, нѣтъ никакихъ признаковъ, изъ коихъ можно было бы подозрѣвать какое либо насиліе посторонняго лица; надъ диваномъ же или кушеткою, на которомъ лежитъ тѣло, имѣется въ стѣнѣ мѣдный отдушникъ, на ручкѣ коего виситъ шерстяной пополамъ съ шелкомъ, крѣпкій шнурокъ съ одною кистію, обыкновенно употребляемый вмѣсто пояса въ халатахъ, длина его три съ половиною аршина; шнурокъ этотъ при оконечностяхъ связанъ, а изъ средней части его сдѣлана петля. — Максимовичъ, проснувшись 14 мая по утру въ $6^1/_2$ часовъ, вышелъ изъ спальни въ кабинетъ и, притворя одну половину двери, находился въ ономъ безотлучно; постороннихъ посѣтителей у него въ это утро никого не было. Жена находилась въ заднихъ жилыхъ комнатахъ, прислуга комнатная занята была приготовленіемъ чаю; когда чай былъ готовъ, то комнатный семнадцатилѣтній мальчикъ Максимовича,—Василій Чумаковъ вошелъ къ нему въ кабинетъ подать умыться и позвать къ чаю, причемъ увидѣлъ его, Максимовича, висѣвшимъ надъ кушеткою на шнуркѣ, привязанномъ къ сказанному отдушнику, о чемъ означенный мальчикъ, не желая напугать жену Максимовича, тотчасъ же далъ знать прислугѣ его, находившейся въ кухнѣ, и побѣжалъ сказать объ этомъ живущему въ особомъ домѣ тестю Максимовича, г. Протопопову. Между тѣмъ жена Максимовича и сама усмотрѣла его повѣсившимся, а потому по приказанію ея онъ былъ снятъ съ петли, и призванный для медицинскаго пособія врачъ Зеленсъ отворялъ ему на лѣвой рукѣ кровь и сдѣлалъ разрѣзъ на правомъ вискѣ, но пособія эти остались тщетными, а потому слѣдователь положилъ: впредь до произведенія судебно-медицинскаго осмотра мертвому тѣлу Максимовича оставить его подъ присмотромъ пристава 4-й части, теперь же приступить къ слѣдствію, а шнурокъ, на коемъ повѣсился Максимовичъ, опечатавъ печатями своею и пристава 4-й части, присоединить къ дѣлу.

Дворовый человѣкъ помѣщика Протопопова, Василій Осиповъ Чумаковъ показалъ, что онъ находился въ прислугѣ у коллежскаго совѣтника Максимовича, и что 14-го числа утромъ онъ вставши, отправился въ кабинетъ г. Максимовича для уборки онаго, гдѣ Максимовича еще не было, но вскорѣ Максимовичъ пришелъ туда, а онъ продолжалъ убирать кабинетъ. Г. Максимовичъ въ это время перешелъ въ залу и ходилъ по оной, но не говорилъ съ нимъ ничего; по окончаніи уборки въ кабинетѣ, онъ, Чумаковъ, отправился въ переднюю, гдѣ умывшись и раздѣвшись, потомъ пошелъ за самоваромъ въ кухню; взявши таковой, онъ отнесъ его въ комнату, гдѣ обыкновенно господа его пьютъ чай, а самъ пошелъ доложить г. Максимовичу, что самоваръ готовъ; барыня же въ это время была въ спальнѣ. Войдя въ кабинетъ онъ, Чумаковъ, увидѣлъ, что Максимовичъ виситъ надъ кушеткою; испугавшись самъ, онъ побѣжалъ въ кухню и сказалъ объ этомъ бывшимъ тамъ кучеру и повару, которые сейчасъ же побѣжали въ господскія комнаты, а онъ побѣжалъ сказать объ этомъ брату и отцу барыни его, Ивану Васильевичу и Александру Ивановичу Протопоповымъ; съ ними вмѣстѣ прибѣжалъ обратно въ домъ къ барину, но до входа его въ комнаты, ему было приказано ѣхать за докторомъ Тихомировымъ, съ которымъ онъ скоро и пріѣхалъ, и войдя въ кабинетъ, онъ увидѣлъ что г. Максимовича сняли и положили на кушетку, а бывшій тамъ докторъ Зеленсъ преподавалъ разныя медицинскія пособія къ возвращенію жизни Максимовичу, но таковыя пособія остались тщетны; что было причиною самоубійства г. Максимовича, онъ не знаетъ, но послѣднихъ несколько дней г. Максимовичъ хотя и выѣзжалъ изъ дома, но былъ нездоровъ, его лечилъ докторъ Тихомировъ, и эти послѣдніе дни г. Максимовичъ какъ то былъ грустенъ, но болѣзнь ли была причиною самоубійства, или что либо другое, онъ совершенно не знаетъ.

Затѣмъ слѣдуютъ показанія дворовыхъ людей помѣщика Протопопова: Николая Шмилова, Григорія Петрикѣева, кухарки Максимовича Анны Кирпичевой и многихъ другихъ, не прибавившія ничего новаго для ясности дѣла.

Судебный слѣдователь 2-го участка курскаго уѣзда Бардскій составилъ актъ о томъ, что изъ отобранныхъ отъ домашнихъ

Максимовича показаній не видно ничего такого, изъ чего можно было бы хотя приблизительно судить о поводахъ, заставившихъ Максимовича покуситься на самоубійство, посему необходимо разсмотрѣть тщательно бумаги, находящіяся въ письменномъ столѣ и во всѣхъ мѣстахъ кабинета г. Максимовича на тотъ предметъ, что можетъ быть въ нихъ найдется письмо, записка, или что либо другое, что бы могло навести на путь къ обнаруженію поводовъ сказаннаго самоубійства; посему произведенъ осмотръ при стороннихъ людяхъ и приставѣ 4-й части таковымъ, но ничего не найдено; въ письменномъ же столѣ осмотра не произведено, потому что столъ былъ замкнутъ и ключъ отъ него у г-жи Максимовичъ, которая въ то время была въ сильно-разстроенномъ состояніи.—Между тѣмъ курскій губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій Баратынскій чрезъ нарочно посланнаго передалъ слѣдователю приказаніе начальника курской губерніи объ опечатаніи кабинета г. Максимовича, на томъ основаніи, что по производимому имъ, Баратынскимъ, особому дѣлу о курскомъ откупѣ можетъ встрѣтиться надобность въ разсмотрѣніи бумагъ Максимовича, который до дня своей смерти состоялъ совѣтникомъ питейнаго отдѣленія курской казенной палаты; слѣдователь, исполнилъ это предписаніе при стороннихъ лицахъ и приставѣ 4-й части, и о семъ увѣдомилъ г. Баратынскаго.

Судебный слѣдователь Бардскій 15 мая 1861 года составилъ журналъ о томъ: могъ ли Максимовичъ висѣть на шнуркѣ, сложенномъ вдвое, привязанномъ къ ручкѣ отдушника, и опираться колѣнками на кушетку? Вслѣдствіе сего при стороннихъ людяхъ и приставѣ 4-й части измѣривъ разстояніе, слѣдователь нашелъ: а) что длина вдвое сложеннаго шнурка съ петлею 10 вершковъ, б) длина отъ рубца шеи Максимовича до колѣна ногъ его одинъ аршинъ шесть вершковъ; и в) разстояніе отъ ручки душника до подушки кушетки, надъ которою онъ повѣсился, два аршина восемь вершковъ; изъ вышеозначеннаго измѣренія ясно видно, что Максимовичъ висѣлъ на шнуркѣ, прикрѣпленномъ къ ручкѣ отдушника; опираться колѣнами на кушетку, стоявшую подъ тѣмъ отдушникомъ, онъ не могъ, а вѣроятно повисъ на петлѣ всею тяжестію тѣла.

Коллежскій ассесоръ Александръ Протопоповъ въ сведѣніи и въ показаніи, данныхъ 14 мая 1861 года судебному слѣдователю Бардскому, объяснилъ, что зять его, повѣсившійся коллежскій совѣтникъ Михаилъ Максимовичъ, предъ смертію въ теченіи нѣсколькихъ дней былъ очень задумчивъ, и жаловался на боль головы и праваго бока; что же касается до поводовъ, заставившихъ его рѣшиться на самоубійство, то онъ относитъ сіе къ его болѣзненному состоянію.

Тесть Максимовича, коллежскій ассесоръ Иванъ Протопоповъ показалъ, что Максимовичъ нѣсколько дней передъ смертью жаловался на боль головы и праваго бока, а потому бывшая за нимъ, Максимовичемъ, замужемъ дочь его Протопопова, Наталья Иванова, посовѣтовавшись съ нимъ, Протопоповымъ, 10 числа того мая послала противъ воли г. Максимовича за своимъ домашнимъ докторомъ Тихомировымъ, который нашелъ, что въ немъ развилась болѣзнь страданія печени и подавалъ ему противъ этого пособіе. Онъ, Протопоповъ, хотя и не можетъ разгадать поводовъ, вслѣдствіе которыхъ Максимовичъ въ послѣдніе дни своей жизни подвергся совершенному нравственному разстройству, но соображаясь съ предшествовавшими обстоятельствами, имѣетъ полное основаніе утвердить, что смерть себѣ Максимовичъ причинилъ въ припадкѣ умопомѣшательства.

Живущая въ домѣ Максимовича дворянка Надежда Петрова въ свѣдѣніи судебному слѣдователю Бардскому объяснила, что Максимовичъ назадъ тому нѣсколько дней предъ смертью былъ очень задумчивъ и жаловался на боль головы и праваго бока.

Докторъ медицины Тихомировъ, въ отношеніи своемъ 14 мая 1861 г. судебному слѣдователю Бардскому, изъяснилъ, что 10 числа того мая онъ былъ приглашенъ въ домъ коллежскаго совѣтника Максимовича для поданія медицинскаго пособія отъ появившейся у Максимовича болѣзни, раздраженія печени; по оказаніи Максимовичу надлежащаго медицинскаго пособія, утромъ на другой день онъ нашелъ, что раздраженіе печени у него значительно ослабѣло, и вмѣстѣ съ этимъ замѣтилъ въ немъ сильный упадокъ духа, безотчетную тоску и необыкновенную раздражительность въ характерѣ, бывшемъ до того времени кроткимъ и тихимъ; при посѣщеніи его 13 мая онъ нашелъ его въ томъ же состояніи грустнаго настроенія духа; боль-

ной жаловался притомъ на горечь во рту и тупую головную боль и при всемъ этомъ упорно отказывался отъ предложенныхъ ему средствъ для облегченія его страданія. Приписывая все это мозговому раздраженію, обыкновенно появляющемуся у больныхъ печенью, онъ полагаетъ, что г. Максимовичъ причинилъ себѣ смерть въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія.

Коллежскій ассесоръ Викторъ Зеленсъ отношеніемъ отъ 18 мая 1861 года увѣдомилъ судебнаго слѣдователя Бардскаго, что 14 мая утромъ, часовъ около 9-ти, былъ онъ призванъ въ домъ г. Максимовича, гдѣ засталъ его лежащимъ безъ чувствъ и дыханія на диванѣ въ рубашкѣ, исподнемъ платьѣ и тепломъ халатѣ; замѣтивъ на шеѣ его рубецъ багроваго цвѣта, онъ заключилъ, что смерть произошла отъ удавленія, и тотчасъ старался употребить мѣры, могущія возстановить прекратившіяся дыханіе и кровообращеніе, какъ то: кровопусканіе изъ руки и височной артеріи, треніе всего тѣла щетками, искуственное дыханіе и вдуваніе воздуха въ ноздри, но всѣ эти мѣры оказались безъ успѣха, и больной не могъ быть возвращенъ къ жизни.

Жена Максимовича пояснила, что мужъ ея, коллежскій совѣтникъ Михаилъ Максимовичъ, недѣли за полторы до смерти сталъ необыкновенно молчаливъ, задумчивъ, разсѣянъ, раздражителенъ и даже въ выраженіи лица его она находила по временамъ рѣзкое измѣненіе и нѣсколько разъ спрашивала его, что съ нимъ? Но подобные ея вопросы онъ оставлялъ чаще всего безъ отвѣта и иной разъ ссылался на сильную головную боль и страданіе въ лѣвомъ боку; когда желала она посылать за докторомъ, то онъ, Максимовичъ, приходя въ негодованіе, воспрещалъ ей это; она имѣетъ основаніе, думать, что мужъ ея Максимовичъ смерть себѣ причинилъ въ припадкѣ умопомѣшательства.

Курскій городовой врачъ Фоновъ, свидѣтельствовавшій тѣло Максимовича, 15 мая при анатомическомъ вскрытіи *) нашелъ: что по снятіи съ головы волосъ и взрѣзѣ кожи, сосуды ея заключали большое количество темной крови; качество надчерепной кожи и степень ея соединенія съ черепомъ находились въ естественномъ состояніи; черепныя кости цѣлы и неповрежде-

*) Результаты наружнаго осмотра приведены на стр. 458.

ны; сосуды твердой мозговой оболочки наполнены темною кровью; пазухи ея заключали большое количество темной и жидкой крови; существо мозга и остальныя части, а также мозжечекъ и продолговатый мозгъ не представляли ничего особеннаго. Органы шеи не измѣнены. Легкія темнаго цвѣта, переполнены темною пѣнящеюся кровью; лѣвое отчасти приращено. Правыя полости сердца растянуты темной жидкой кровью, лѣвыя пусты. Печень увеличена, наполнена темною кровью. Селезенка уменьшена, содержитъ большое количество темной крови. Мочевой пузырь наполненъ мочей. Прочіе органы не измѣнены. А потому упомянутый врачъ заключилъ: «что смерть приключилась отъ удушенія чрезъ наложеніе петли на шею, и, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла, совершена имъ самимъ; что же принадлежитъ до причины, заставившей его рѣшиться на самоубійство, и состоянія его умственныхъ способностей, то рѣшеніе это *зависитъ* отъ полицейскаго разслѣдованія.»

Курская врачебная управа по разсмотрѣніи въ копіи свидѣтельства, выданнаго городовымъ врачемъ о причинѣ смерти коллежскаго совѣтника Максимовича, согласно съ мнѣніемъ врача заключила: что смерть Максимовичу послѣдовала отъ удавленія наложенною имъ самимъ на шею петлею—отъ самоповѣшенія; къ сему управа присовокупила, что изъ соображенія: полицейскихъ свѣдѣній, включенныхъ въ свидѣтельство, и отзывовъ домашняго врача доктора Тихомирова и супруги умершаго—съ явленіями въ тѣлѣ его, не обнаруживается никакихъ несомнѣнныхъ данныхъ въ подтвержденіе мнѣнія, что покойный посягнулъ на собственную жизнь въ припадкѣ умопомѣшательства.

Послѣ того коллежская совѣтница Наталья Ивановна Максимовичь въ поданномъ въ уѣздный судъ 5 сентября 1861 года прошеніи объяснила, что мужъ ея, коллежскій совѣтникъ Михайлъ Максимовичъ лишилъ себя жизни въ припадкѣ умопомѣшательства, случившагося ему въ болѣзненномъ состояніи и онъ лишенъ христіанскаго погребенія — въ противность 2021-й ст. XV тома I части.

Выставленныя ею въ свидѣтели лица подъ присягою единогласно показали судебному слѣдователю Бардскому, что они часто бывали въ домѣ коллежскаго совѣтника Максимовича и

всегда онъ былъ, при здоровомъ его положеніи, веселъ и ласковъ; въ послѣдніе же дни передъ смертію его,(когда онъ занемогъ неизвѣстно имъ какою то внутреннею болѣзнію отъ сильной боли случившейся съ нимъ, какъ самъ онъ имъ говорилъ, часовъ съ трехъ дня и до восьми утра)—онъ совершенно измѣнился тѣмъ, что сдѣлался внезапно раздражительнымъ, часто измѣнялся въ цвѣтѣ лица, при разговорахъ съ ними забывался и даже доходилъ до того, что отъ сильной внутренной боли былъ не въ состояніи говорить и, схватывая себя за грудь или бокъ, уходилъ отъ нихъ въ другую комнату. Судя по сильнымъ страданіямъ его, Максимовича, они по истиннѣ думаютъ, что жестокіе и постоянно усиливавшіеся припадки Максимовича привели его къ умоиступленію и даже къ умопомѣшательству; въ таковое время, при безпамятствѣ и потерѣ разсудка, онъ лишилъ себя жизни.

Курскій губернскій казенныхъ дѣлъ стряпчій Баратынскій вслѣдствіе отзыва слѣдователя увѣдомилъ его, что коллежскій совѣтникъ Максимовичъ дѣйствительно прикосновенъ къ производимому имъ дѣлу: о неправильной торговлѣ въ г. Курскѣ въ погребѣ купца Кандалинцова ромомъ здѣшняго приготовленія, подъ видомъ иностраннаго: Максимовичъ допустилъ, что разлитый въ стеклянную посуду ромъ здѣшняго приготовленія былъ печатанъ печатью казенной палаты, особо установленною для иностранныхъ крѣпкихъ напитковъ, и сверхъ того вмѣстѣ съ контролеромъ Кузнецовымъ вмѣсто дѣйствительныхъ свидѣтельствъ на вывозъ въ другіе города рому, подписывалъ бланки для произвольнаго употребленія ихъ.

Курская казенная палата предписаніемъ отъ 19 декабря 1861 г. дала знать слѣдователю Бардскому, что бывшій совѣтникъ питейнаго отдѣленія сей палаты Максимовичъ, 11 мая по болѣзни въ палатѣ не присутствовалъ; 12 и 13 чиселъ онъ находился въ палатѣ для занятій, то есть по день смерти его.

Курскій уѣздный судъ, разсматривавшій это дѣло, мнѣніемъ по оному положилъ: случай смерти коллежскаго совѣтника Михаила Максимовича на основаніи 347 ст. XV т. 2 части предать волѣ божіей; женѣ его, коллежской совѣтницѣ Наталіи Ивановой Максимовичъ, объ учиненіи христіанскаго погребенія и поминовенія тѣлу мужа ея, какъ предметъ относящемся до ду-

ховнаго начальства, предоставить просить отъ дѣла сего, гдѣ и какъ слѣдуетъ, особо.

Курская палата уголовнаго суда рѣшительнымъ опредѣленіемъ, состоявшимся 30 апрѣля 1862 г., заключила: рѣшеніе уѣзднаго суда уничтожить, а случай смерти коллежскаго совѣтника Максимовича признать самоубійствомъ; вдовѣ же Максимовича права просить о христіанскомъ погребеніи мужа не предоставлять.

Повѣренный г-жи Максимовичь, коллежскій асессоръ Александръ Протопоповъ въ данной подпискѣ изъявилъ неудовольствіе на это рѣшеніе и 24 марта 1862 года подалъ отзывъ, въ коемъ объяснилъ слѣдующее: рѣшеніе палаты несогласно съ законами, ибо палата въ ходатайствѣ довѣрительницы его о дозволеніи просить христіанскаго погребенія мужа ея отказала ей собственно потому: а) что по удостовѣренію курской врачебной управы, основанному на свидѣтельствѣ курскаго городоваго врача, анатомировавшаго тѣло мужа довѣрительницы его, — въ томъ тѣлѣ не обнаруживается никакихъ несомнѣнныхъ данныхъ, чтобы покойный посягнулъ на собственную жизнь въ припадкѣ умоизступленія; б) по увѣдомленію курской казенной палаты, мужъ довѣрительницы его менѣе чѣмъ за сутки до смерти занимался въ казенной палатѣ, гдѣ разстройство умственныхъ способностей было бы замѣчено, если бы онъ страдалъ имъ, и наконецъ, в) по увѣдомленію казенныхъ дѣлъ стряпчаго Баратынскаго, мужъ довѣрительницы его прикосновенъ къ дѣлу о неправильной торговлѣ въ погребѣ купца Кандалинцова ромомъ. Но всѣ таковыя, принятыя въ основаніе къ постановленію рѣшенія, обстоятельства опровергаются тѣмъ: 1) что ни законы, ни наука не указываютъ въ тѣлѣ умершаго признаковъ, по которымъ можно было бы судить о полномъ разумѣ или умоизступленіи покойнаго предъ смертію его, если только не было механическаго поврежденія въ мозгу; слѣдовательно врачебная управа и не могла имѣть никакихъ данныхъ къ заключенію о здравомысліи мужа довѣрительницы его въ послѣднія минуты его жизни, а особенно, когда прислуга покойнаго, многіе сторонніе люди и пользовавшій его штабъ-докторъ Тихомировъ доказывали болѣзненное его состояніе, причемъ последній заключилъ, что мужъ довѣрительницы его сдѣлалъ самоубійство въ припадкѣ болѣзненнаго умоизступленія, и это за-

ключеніе подтвердили подъ присягою видѣвшіе Максимовича въ последнее время пять человѣкъ благородныхъ свидѣтелей. Умоизступленіе могло случиться въ такое время, когда онъ не занимался въ казенной палатѣ, такъ какъ обыкновенныя занятія его въ ней были съ 10 или 11 часовъ утра до 2 часовъ по полудни, почему изъ увѣдомленія палаты о занятіяхъ его службою, никакого основательнаго вывода уголовная палата сдѣлать не могла, и 3) по дѣлу о торговлѣ купца Кандалинцова ромомъ мужъ довѣрительницы его не только никѣмъ обвиненъ не былъ, но даже и объясненіе отъ него не взято, почему неизвѣстно, зналъ ли онъ о прикосновенности своей къ тому дѣлу, слѣдовательно смущаться духомъ, а тѣмъ болѣе рѣшаться изъ какого то опасенія на самоубійство онъ не могъ, а потому г. Протопоповъ просилъ: отзывъ его и дѣло о смерти мужа довѣрительницы его представить по установленному порядку въ разсмотрѣніе правительствующаго сената.

Разсмотрѣвъ вышеизложенныя обстоятельства, медицинскій совѣтъ нашелъ, что въ дѣлѣ этомъ не имѣется данныхъ, на основаніи которыхъ можно бы было признать, что самоубійство совершено коллежскимъ совѣтникомъ Максимовичемъ безсознательно, въ припадкѣ разстройства умственныхъ способностей.

О губернскомъ секретарѣ Корниліи Даниловскомъ, сужденномъ за убійство и другія преступленія.

(Притворное помѣшательство).

Корнилій Даниловскій обвиненъ былъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ:

1. Въ фальшивомъ удостовѣреніи подписи старшины села Черевокъ (лубенскаго уѣзда, полтавской губ.) Булатецкаго на выданной отъ имени этого старшины прапорщику Бычинскому квитанціи объ удовлетвореніи жителей упомянутаго села деньгами за продовольствіе рекрутской партіи.

2. Въ убійствѣ дяди своего казака села Калайдинецъ, Алексѣя Даниленко.

3. Въ опрокинутіи на пасѣкѣ казака села Калайдинецъ Мисника нѣсколькихъ ульевъ съ пчелами.

и 4. Въ угрозахъ сыну Алексѣя Даниленко Григорію, нанести удары топоромъ.

1) Обстоятельства *перваго* изъ этихъ преступленій слѣдующія: 10 декабря 1854 г. становой приставъ лубенскаго уѣзда донесъ мѣстному земскому суду, что прапорщикъ Бычинскій не удовлетворилъ жителей селенія Черевокъ кормовыми деньгами за продовольствіе проходившей партіи рекрутъ, всего 19 р. 60 к. сер., потому что они отказались подарить Бычинскому по 1 к. съ каждой души.

Прапорщикъ Бычинскій отозвался, что онъ сполна удовлетворилъ жителей селенія Черевокъ, въ чемъ удостовѣряетъ имѣющаяся у него росписка старшины Булатецкаго и письмоводителя Ефимова, а равно и то, что ему выдана чистая квитанція.

Означенная росписка, какъ оказалось, подписана за неграмотнаго старшину Булатецкаго, казакомъ Семеномъ Макаренко, удостовѣрена приложеніемъ печати старшины и засвидѣтельствована письмоводителемъ становаго пристава Ефимовымъ. На квитанціи-же (о томъ, что жителямъ обидъ и притѣсненій дѣлаемо не было и безденежно ни у кого ничего не брано), за неграмотнаго старшину Булатецкаго подписался тотъ же Семенъ Макаренко, и подпись его засвидѣтельствована тѣмъ же письмоводителемъ Ефимовымъ.

Старшина Булатецкій отозвался, что квитанціи въ удовлетвореніи жителей за продовольствіе не было выдаваемо, и что Бычинскій выѣхалъ изъ Черевокъ, не уплативъ жителямъ за продовольствіе 19 руб. 60 к. сер. Кѣмъ выдана эта квитанція и по какому случаю она подписана за него казакомъ Семеномъ Макаренко,—не знаетъ; подложность же ея доказывается тѣмъ, что къ ней не приложена печать, которую онъ всегда прилагалъ на квитанціяхъ партіонныхъ офицеровъ; притомъ и Ефимова въ то время вовсе не было въ Черевкахъ.

Казакъ Семенъ Макаренко показалъ, что Бычинскій зазвалъ его къ себѣ на квартиру, гдѣ были губернскій секретарь Корнилій Данилевскій, старшина Булатецкій и казацкое общество, собравшееся для полученія денегъ отъ Бычинскаго за продовольствіе. Бычинскій требовалъ квитанцію, но какъ поступили жалобы отъ двухъ женщинъ за воровство индѣйки и за побои, и старшина, не выдавъ квитанціи, ушелъ, то Бычинскій приказалъ

ему, Макаренко, прописать въ квитанцію, по обыкновенной формѣ, и подписаться за старшину, что онъ и исполнилъ, а губернскій секретарь Корнилій Данилевскій подписалъ за Ефимова.

Губернскій секретарь Корнилій Данилевскій отозвался, что познакомившись въ сельской управѣ съ партіоннымъ офицеромъ Бычинскимъ, по просьбѣ его, далъ ему на бумагѣ замѣтку, какъ фамилія письмоводителя пристава, но квитанціи никакой не выдавалъ, и если Бычинскимъ сдѣлана изъ той замѣтки квитанція, то не его вина; Бычинскій же дѣйствительно не удовлетворилъ общества с. Черевокъ.

Подпоручикъ Бычинскій въ дополненіе къ прежнему отзыву своему объяснилъ, что слѣдуемыя жителямъ с. Черевокъ за продовольствіе партіи деньги 19 р. 60 коп. сер. онъ уплатилъ въ сельской управѣ старшинѣ Булатецкому, который приказалъ за себя подписаться Макаренко на квитанціи, помѣстивъ въ нее двѣ жалобы казачекъ, а бывшій въ то время въ управѣ неизвѣстный чиновникъ, называвшійся письмоводителемъ Ефимовымъ, засвидѣтельствовалъ ту квитанцію съ вѣдома и согласія Булатецкаго; но почему Булатецкій не удовлетворилъ жителей тѣми деньгами, не знаетъ. Макаренко онъ, Бычинскій, не зазывалъ и не приказывалъ ему росписаться за Булатецкаго; а съ Корниліемъ Данилевскимъ вовсе незнакомъ и не бралъ отъ него замѣтки фамиліи письмоводителя.

2) Обстоятельства дѣла объ убійствѣ казака Алексѣя Даниленко слѣдующія: 17 января 1857 г. сотскій с. Калайдинецъ донесъ мѣстному становому приставу, что вечеромъ 16 января въ с. Калайдинцахъ, близь церкви, на дорогѣ подъ плетнемъ около своего двора найденъ мертвымъ съ обагреннымъ кровью лицемъ казакъ Алексѣй Даниленко, который и былъ перенесенъ роднымъ сыномъ его, Григоріемъ, въ домъ.

По дознанію, произведенному становымъ приставомъ, оказалось, что Алексѣй Даниленко утромъ 16 января, надѣвши суконную черную свиту, сапоги, шапку и суконные портки, ушелъ изъ дому и былъ у пономаря Θеодора Петроновскаго, отъ котораго возвратившись пьянымъ пообѣдалъ, спалъ на печкѣ и по заходѣ солнца отправился въ шинокъ помѣщицы Воеводской похмѣлиться; но не прошло и трехъ часовъ, какъ сынъ сосѣда его Саввы Даниленко, постучавшись въ окно къ сыну умершаго,

Григорію, вызвалъ его во дворъ и объявилъ о лежащемъ подъ плетнемъ близь двора полунагомъ человѣкѣ. Тотчасъ оба пошли и нашли Алексѣя мертвымъ подъ плетнемъ пустопорожняго грунта дворянъ Данилевскихъ, лежавшимъ лицемъ внизъ, безъ сапогъ и портковъ; рубаха и свита были закинуты ему на голову, въ головахъ находились лѣтніе портки.

При судебно-врачебномъ осмотрѣ трупа Алексѣя Даниленко, произведенномъ лубенскимъ уѣзднымъ врачемъ Бумакомъ, между прочимъ оказалось, что воротникъ бывшей на Даниленко рубахи былъ обрызганъ кровью; лѣвая сторона лица Даниленко была окровавлена; на лбу, лѣвой щекѣ и лѣвомъ вискѣ оказались багровыя углубленія; на нижней губѣ съ лѣвой стороны и на лѣвомъ ухѣ сквозныя раны, съ разорванными и неровными краями, величиною въ полдюйма, съ изліяніемъ крови уже запекшейся; носъ искривленъ на лѣвую сторону, а изъ отверстій его истекала кровь уже запекшаяся; ротъ полуоткрытъ, полость его окровавлена; на шеѣ съ передней стороны кожа блѣдно-розоваго цвѣта. Подъ наружными головными покровами найдено было значительное скопленіе спекшейся крови, въ особенности въ передней и задней частяхъ головы, кости черепа цѣлы и не нарушены въ своей связи; по снятіи черепа и твердой мозговой оболочки, оказалось расширеніе большихъ и малыхъ сосудовъ темногустоватою кровью, во всѣхъ желудочкахъ мозга скопленіе жидкости блѣдно кровянистой; хороидальное сплетеніе безкровное; существо большихъ полушарій и мозжечка какъ бѣлое, такъ и сѣрое, размягчено; продолговатый мозгъ на всемъ протяженіи былъ нормальной консистенціи. На шеѣ по снятіи кожи, спереди, между мышцами, оказалось изліяніе запекшейся крови, въ особенности въ верхней части дыхательнаго горла, подъязычная кость сжата, а большіе рога ея сломаны; щитообразный хрящъ спереди и сзади разломанъ, края ихъ неровные и покрытые запекшеюся кровью: слизистая оболочка дыхательнаго горла покрыта кровью, а сосуды ея были расширены до мелкихъ развѣтвленій. Оба легкія—приросшія къ подреберной плевѣ со всѣхъ сторонъ; при разрѣзѣ ихъ, спереди было уплотненіе тканей, какъ видно, отъ прежде бывшихъ нарывовъ, кромѣ того переполнены значительнымъ скопленіемъ крови и воздуха. Сердце нормальнаго объема и на поверхности

своей покрыто жиромъ; въ правомъ желудочкѣ и во всѣхъ венахъ темногустоватая кровь въ большомъ количествѣ, а лѣвый былъ пустъ. Изъ вышеизложеннаго врачъ Булгакъ заключилъ: что смерть Алексѣя Даниленко послѣдовала отъ механическаго наружнаго насилія и задушенія, какъ видно изъ перелома подъязычной кости и щитообразнаго хряща дыхательнаго горла.

При слѣдствіи, произведенномъ временнымъ отдѣленіемъ лубенскаго земскаго суда въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1857 г., семейные Алексѣя Даниленко и односельскіе съ нимъ крестьяне отозвались, что виновый въ убійствѣ Даниленко имъ неизвѣстенъ, и что подозрѣнія въ этомъ они ни на кого не имѣютъ. Кромѣ того по вышеозначенному слѣдствію оказалось, что Алексѣй Даниленко, выйдя вечеромъ 16 января изъ шинка помѣщицы Воеводской и проходя мимо церкви, разговаривалъ съ церковнымъ сторожемъ, который тотчасъ по уходѣ Даниленко ударилъ въ первый разъ въ колоколъ; менѣе чѣмъ чрезъ часъ послѣ этого Даниленко найденъ былъ мертвымъ.

При произведенномъ въ сентябрѣ 1858 г. по распоряженію лубенскаго уѣзднаго суда дослѣдованіи, сынъ покойнаго Алексѣя Даниленко, Григорій, показалъ, что зимою 1857 г. не помнитъ какого мѣсяца и числа, дворяне села Калайдинецъ: Сементовскій и Ивахленко объявили ему, что бывши въ с. Холепцахъ у вдовы священника Лаптевой, они слышали отъ Лаптевой и сына ея, что у нихъ въ домѣ были двоюродные братья его, Григорія: Корнилій и Осипъ Данилевскіе, которые заспоривъ между собою, упрекали другъ друга въ убійствѣ дяди ихъ, а его, Григорія, отца, причемъ Осипъ, вставъ изъ за стола, возлѣ котораго сидѣлъ, началъ креститься, говоря, что если неправда, что Корнилій убилъ, то чтобъ онъ, Осипъ, креста не снялъ. По совѣту Сементовскаго и Ивахленко, онъ, Григорій, ходилъ къ попадьѣ Лаптевой, которая отвѣтила ему, что Данилевскіе были пьяны, можетъ что и говорили, но она ничего не скажетъ; сынъ же ея отвѣтилъ, что дѣйствительно Корнилій и Осипъ Данилевскіе упрекали одинъ другаго убійствомъ дяди. Засимъ Григорій показалъ, что лѣтомъ 1857 г., не помнитъ также какого мѣсяца и числа, проходя левадою помѣщика Сементовскаго, онъ разговорился съ портнымъ изъ села Клепачей, Григоріемъ Лапичемъ, который сказалъ ему: что—какъ думай не думай—но отецъ твой Алек-

сѣй рукъ Данилевскихъ не ушелъ, ибо въ тотъ день, когда онъ убитъ, Корнилій и Осипъ Данилевскіе, пріѣхавъ ко мнѣ въ с. Клепачи, взяли меня съ собою въ с. Калайдинцы для занятія портняжествомъ; пріѣхавъ въ Калайдинцы въ сумеркахъ, остановились возлѣ гребли; здѣсь Корнилій Данилевскій всталъ съ саней, и, съ имѣвшеюся въ рукахъ его палкою, пошелъ прямо улицею, идущею къ церкви; я же, Лапичъ, съ Осипомъ Данилевскимъ поѣхали улицей, идущею на выгонъ, и оттуда въѣхали во дворъ Данилевскихъ, гдѣ Корнилія не застали, и тутъ мы услышали звонъ въ колоколъ на калайдинской колокольнѣ. Вскорѣ послѣ того какъ мы вошли въ домъ, пришелъ тудаже Корнилій Данилевскій и ходя по комнатѣ сказалъ Осипу: «теперь что буде, то и буде, а уже дѣло кончено», и побывъ немного въ комнатѣ ушелъ и, возвратясь, завелъ ссору съ братомъ Осипомъ и мною Лапичемъ, намѣреваясь бить насъ обоихъ.»—Къ сему Григорій Даниленко добавилъ, что отецъ его жилъ съ сосѣдями миролюбиво, ни съ кѣмъ ссоръ и дракъ не заводилъ и на него никто злобы не имѣлъ, кромѣ племянниковъ его, Корнилія и Осипа Данилевскихъ, живущихъ въ Калайдинцахъ, которые питали и питаютъ ко всему его семейству вражду за то, что имъ досталось не все предковское имѣніе.

Казакъ Григорій Лапичъ показалъ, что въ день смерти Алексѣя Даниленко, онъ пришелъ въ с. Калайдинцы къ дворянамъ Корнилію и Осипу Данилевскимъ просить Корнилія о написаніи прошенія; послѣдняго засталъ онъ лежащимъ въ постелѣ и сказывавшагося больнымъ; но былъ ли Корнилій боленъ, онъ, Лапичъ, не знаетъ. Какъ онъ, показатель, не имѣлъ при себѣ бумагъ, то Корнилій и Осипъ поѣхали съ нимъ въ Клепачи, гдѣ у него на дому *Корнилій написалъ черновое прошеніе;* выпивши втроемъ съ полкварты водки, они отправились въ Калайдинцы, гдѣ при поворотѣ къ дому Данилевскихъ, Корнилій всталъ изъ саней и подошедши къ плетню, остановился, а Осипъ спросилъ его, куда онъ идетъ; лучше, не шелъ бы, потому что уже поздно; но Корнилій остался, отвѣтивъ, что сейчасъ придетъ домой; послѣ этого онъ, показатель, и Осипъ поѣхали во дворъ Данилевскихъ и услышали звонъ колокола на калайдинской колокольнѣ. Не болѣе какъ чрезъ полчаса, пришелъ Корнилій, и ходя по комнатѣ, спросилъ его Лапича: «а что, Грыцко, долго хо-

дилъ»? Ответивъ на это, что не долго, онъ спросилъ: «гдѣ вы были»? Корнилій отвѣчалъ, что обошелъ кругомъ и напился въ колодезѣ воды. Походивши еще немного, Корнилій съ Осипомъ пошли въ другую комнату; возвратясь оттуда и поговоривши немного, Корнилій завелъ ссору съ братомъ и съ матерью, ругая и его, показателя, неизвѣстно за что, а успокоившись, легъ спать. Кѣмъ совершено убійство Алексѣя Даниленко, онъ, Лапичъ, не знаетъ; о томъ, что будто Корнилій, войдя въ комнату, сказалъ брату: «що буде, то буде, а уже дѣло кончено», онъ, показатель, Григорію Даниленко не говорилъ, потому что этихъ словъ отъ Корнилія не слышалъ.

Вдова священника Акулина Лаптева и сынъ ея подтвердили показаніе Григорія Даниленко, относительно бывшей въ домѣ ихъ ссоры между братьями Данилевскими.

Губернскій секретарь Корнилій Данилевскій (42 лѣтъ) на данные ему вопросные пункты отвѣтилъ, что онъ находился на службѣ въ лубенскомъ уѣздномъ судѣ съ 1832 по 1842 годъ и уволенъ отъ службы за болѣзнію. Объ убійствѣ дяди своего, казака Алексѣя Даниленко, онъ услышалъ 17 января отъ дворянина Ивана Сементовскаго, а самъ лично не видѣлъ; 16 января онъ находился въ домѣ своемъ и былъ боленъ; предъ вечеромъ того дня онъ, по просьбѣ казака Григорія Лапича, съ братомъ своимъ Осипомъ отправился въ деревню Клепачи, и того же вечера возвратились въ Калайдинецъ; не доѣзжая ступеней шесть до воротъ, онъ, Корнилій, вышелъ изъ саней для вѣтра и потомъ обойдя свой грунтъ, вошелъ въ домъ. Къ дядѣ своему Алексѣю онъ, Корнилій, и братъ его Осипъ никогда не питали и не питаютъ вражды. Былъ ли онъ, Корнилій, съ братомъ своимъ Осипомъ у попадьи Лаптевой онъ, Корнилій, не помнитъ; словъ объ убійствѣ дяди своего они не произносили и уликъ одинъ другому въ этомъ не дѣлали; убійства дяди своего онъ не совершилъ, и кто это учинилъ, не знаетъ. Показаніе Корнилія Данилевскаго подтвердилъ братъ его, Осипъ.

На очной ставкѣ съ Лаптевыми Корнилій и Осипъ Данилевскіе не сознались въ уликахъ Лаптевыхъ, причемъ Корнилій объяснилъ, что упреки въ убійствѣ они съ братомъ дѣлали шуточно.

14 сентября 1858 г. губернскій секретарь *Корнилій* Данилев-скій на полученную отъ *становаго пристава повѣстку о явкѣ къ* [illegible], далъ [illegible]*щій отзывъ*: «имѣю честь отозваться, [illegible] *болью* головы, безчувственно и даже со [illegible] *влекущею*, гемороемъ сильно и вѣчно меня [illegible] *боле* въ грудяхъ, не отъ моей воли происшед-[illegible], *но отъ Творца* всего и отъ недоброжелающихъ мнѣ раз-[illegible] *побоями* въ голову и куда ни попало нанесенныхъ, и [illegible]—*родимою* болѣзнію, называемою родимецъ; при всѣхъ мо-[illegible] *рѣченіяхъ* о пособіи человѣчеству въ хозяйственныхъ за-[illegible]*ніяхъ*, *я былъ* всегда отягощаемъ работами и тяжестьми, не-*умѣренно* изнуряемъ съ побоями, и нынѣ силы мои и органы *тѣла* пришли въ совершенное изнеможеніе и кромѣ того, не знаю *за* что, описанъ лишеннымъ яко бы разсудка и дуракомъ на бума-гѣ и на словахъ; но при всемъ изнеможеніи и безчувствіи по сильной болѣзни по дару Божію, я являлся къ вамъ и далъ от-вѣты по дѣлу, до меня яко бы касающемуся, въ сильномъ без-чувствіи по болѣзни и изнеможеніи угрожающемъ, мало не ударомъ, но надеждою на Бога я кое-какъ уцѣлѣлъ и воротился въ домъ, тоже положась въ постель съ молитвою къ начальни-ку жизни Іисусу Христу о дарованіи мнѣ милости, а сего числа по дару Божію пришелъ кое-какъ въ квартиру; по истинѣ объ-являю вашему благородію, что въ домѣ нашемъ бывши въ одно время, чиновникъ Ларіонъ Герасименко при губернскомъ секре-тарѣ Александрѣ Свириденко говорилъ шуточно: «истинно, что вы дядю своего убили, да хотя бы и родного отца, такъ чтожъ»; изъ тѣхъ словъ могли быть произнесенными слова шуточныя въ домѣ попадьи Лантовой о дядѣ Даниленко, о чемъ прошу ва-шего благородія сей мой отзывъ пріобщить къ дѣлу для свѣдѣ-нія».

Чиновникъ Ларіонъ Герасименко отозвался, что вскорѣ послѣ убійства Алексѣя Даниленко, онъ съ Александромъ Свириден-ко былъ у Даниленскихъ и между разговорами, въ шутку, [illegible] не Корнилію, а Осипу Даниловскому слова, упоминаемыя [illegible] Корнилія, потому что еще прежде носились слухи, [illegible] Даниленскіе были причиною смерти своего дяди. Одна-[illegible] Корнилій пришелъ отъ этихъ словъ въ замѣшательство, и на лица его [illegible] перемѣна и какой то страхъ; слѣды

заявшательства и испуга Корнилія продолжались во все время бытности его, Герасименко, въ домѣ Даниловскихъ.

Показаніе это подтвердилъ чиновникъ Александръ Свириденко.

3) *Обстоятельства дѣла объ опрокинутіи Корниліемъ Даниловскимъ ульевъ въ пасѣкѣ казака Мисника* слѣдующія: 18 августа 1859 г. становой приставъ лубенскаго уѣзда донесъ мѣстному земскому суду, что проживающій въ селѣ Калайдинцахъ губернскій секретарь Корнилій Даниловскій, ведя нетрезвую жизнь, высказывается какъ будто потерявшимъ здравый разсудокъ: бродитъ какъ днемъ, такъ и ночью по селу и окрестностямъ онаго съ огромной палкой въ рукахъ, въ изодранной одеждѣ; ночью съ 5 на 6 августа казакъ Мисникъ, ночевавшій въ принадлежащей ему пасѣкѣ, находящейся недалеко отъ ихъ усадьбы, услышалъ въ глубокую полночь стукъ въ пасѣкѣ и, выйдя изъ будки, увидѣлъ: человѣка, ходящаго по пасѣкѣ, и нѣсколько ульевъ опрокинутыхъ; будучи испуганъ этимъ случаемъ, онъ едва могъ выговорить «кто тамъ» и присмотрѣвшись, увидѣлъ, что это Корнилій Даниловскій опрокидывалъ палкою улья съ пчелами. Когда онъ, Мисникъ, началъ спрашивать Даниловскаго, что онъ дѣлаетъ, то Даниловскій, приблизясь къ нему и поднявши палку, сказалъ, «ну что». Будучи въ пасѣкѣ одинъ и боясь, чтобъ Даниловскій не нанесъ ему удара, онъ, Мисникъ, побѣжалъ съ пасѣки въ домъ и объявилъ о случившемся роднымъ братьямъ своимъ, но когда они прибѣжали въ пасѣку, то тамъ Даниловскаго уже не было, а лишь оказалось 18 ульевъ переворочснныхъ. Сообщая о семъ земскому суду, становой приставъ добавилъ, что такой образъ жизни Даниловскаго навелъ страхъ на калайдинскихъ жителей, особенно послѣ убійства въ 1857 г. казака Алексѣя Даниленко, въ которомъ подозрѣвается Корнилій Даниловскій.

При произведенномъ слѣдствіи казакъ Мисникъ и семейство его подтвердили вышеизложенное донесеніе становаго пристава во всемъ, до нихъ относящемся.

Корнилій Даниловскій съ своей стороны объявилъ, что онъ ведетъ жизнь приличную званію дворянина, и если кто упроситъ его выпить водки, то онъ пьетъ, только въ маломъ количествѣ и пьянствомъ вовсе не занимается; относительно же разбитія въ пасѣкѣ казака Өеодора Мисника ульевъ съ пчелами, онъ ничего

не знаетъ и въ пасѣкѣ не былъ; Мисникъ вѣрно по болѣзни своей жаловался на него, Даниловскаго, приставу о какомъ то ему, Миснику, явленіи.

4) 5 декабря 1861 года сынъ Алексѣя Даниленко Григорій въ присутствіи лубенскаго уѣзднаго суда показалъ, что въ причиненіи смерти отцу своему Алексѣю онъ подозрѣваетъ Корнилія Даниловскаго, потому что Корнилій и умершій братъ его Осипъ имѣли съ отцомъ его по суду дѣло за имѣніе, и послѣ того питали къ нему злобу. Кромѣ сего злоба Даниловскихъ къ отцу его, Григорія, и къ нему самому доказывается слѣдующимъ происшествіемъ: въ первыхъ числахъ августа 1860 года онъ съ работникомъ своимъ Вропакомъ и сыномъ казака Бабака, Дмитріемъ, оралъ ниву, присужденную уѣзднымъ судомъ отцу его отъ Даниловскихъ, отстоящую отъ села въ двухъ верстахъ; въ это время Корнилій Даниловскій, прійдя къ казаку Дмитрію Шутю, оравшему ниву, принадлежащую ему, Даниловскому, и увидѣвши его, Григорія, побѣжалъ къ нему съ имѣвшимъ въ рукахъ топоромъ и началъ его ругать за ораніе нивы; когда Даниловскій замахнулся на него топоромъ и онъ, Григорій, началъ уходить отъ него, то Даниловскій долго гонялся за нимъ по нивѣ, но впрочемъ не ударилъ. Когда Даниловскій, оставя его, Григорія, пошелъ къ Шутю, то онъ, запрягши воловъ, поѣхалъ домой, но отъѣхавъ немного и оглянувшись, увидѣлъ, что Корнилій идетъ за нимъ; оставя воловъ, онъ отошелъ къ оравшему въ сторонѣ казаку Хоцяю, съ тѣмъ чтобы дать время Даниловскому пройдти. Когда Даниловскій прошелъ, то онъ, Григорій, сѣлъ на свой возъ и поѣхалъ домой; но Корнилій увидѣвъ его, сѣлъ около дороги; когда же онъ, Григорій, подъѣхалъ къ нему, то Корнилій началъ его ругать и намѣревался ударить, но не ударилъ.

Вышеизложенное показаніе Григорія Даниленко подтвердили казаки: Ермакъ, Бабака, Шутя и Хоцяй.

Губернскій секретарь Корнилій Даниловскій по прочтеніи показанія Григорія Даниленки далъ 18 декабря 1861 г. въ присутствіи лубенскаго уѣзднаго суда нижеслѣдующій отзывъ: «въ причинѣ смерти отца Григорія я никакъ не состою и ничѣмъ это не доказывается, ибо временное отдѣленіе суда производило слѣдствіе и никого не отыскано, кто бы былъ въ винѣ смерти отца Даниленко; что по указу Государя Императора Высочайше

утвержденному, въ оночъ судѣ имѣющемуся, гдѣ именно сказано, по сокращеннѣйшей переписнѣ дѣло предать вѣчному забвенію, пока оно само собою объяснится; напрасно и очень непростительно съ ложью подозрѣваетъ казакъ Григорій Даниленко, что будто бы я имѣлъ и отецъ мой тоже дѣло по суду съ отцомъ его за имѣніе; но я дѣла за имѣніе никогда не имѣлъ, равно и отецъ мой, а имѣла мать моя, а потому за справкою нельзя уже никакому навѣту Даниленко вѣрить, сокращая переписку излишнюю; хотя мы съ братомъ и были у Лаптевыхъ въ домѣ, но другъ друга не уличали, а по словамъ шуточнымъ Герасименко, въ дѣлѣ значащимся, спрашивали при Лаптевѣ, (который говорилъ предъ судомъ, что онъ одинъ былъ въ домѣ), одинъ другаго: не ты ли убилъ Даниленко; но этому извѣту Лаптева и Даниленко нельзя вѣрить, потому что Лаптевъ допущенъ противно законному изслѣдованію въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за мартъ мѣсяцъ 1854 г., то есть не предъявленъ мнѣ совершенно несвѣдущій человѣкъ и ложь дѣлающій, равно и мать его неграмотная, а если бы они, Лаптевы, были согласные въ показаніяхъ и ничѣмъ не устрашенные, тогда бы можно имъ вѣрить, но они въ показаніяхъ поразнорѣчили въ дополненіяхъ съ доноса губернскаго секретаря Герасименко, которыя дополненія дѣлались, когда у меня взята шуба овчинная *) безъ уѣзднаго стряпчаго, о которомъ становой приставъ 2-стана Залевскій при сотскомъ Петрѣ Иващенко и помощникѣ его говорилъ, что въ квартирѣ стряпчаго въ селѣ Калайдинцахъ, но онаго стряпчаго не было, когда я взятъ строго становымъ и напрасно, и какъ слѣдствія временнаго отдѣленія дополняются тоже при стряпчемъ, какъ сначала, то по Высочайшему указу Государя Императора, въ уѣздномъ судѣ имѣющемуся, по сокращенной переписнѣ довлѣетъ и переписка уничтоженію; злобы никакой къ Даниленко я не питалъ; бывши въ домѣ дворянина Ивана Ивахненка, когда ругалъ меня покойникъ убитый, то я говорилъ: Богъ съ вами; когда имѣніе дѣлили между имъ, покойникомъ, и отцомъ и онъ горячился, досадуя или злобствуя на меня, то я говорилъ, указывая пальцемъ правой руки на небо: онъ святой Го-

*) Шуба, бывшая на Данилевскомъ въ день смерти Даниленко, дѣйствительно была взята отъ него временнымъ отдѣленіемъ, но на ней кровяныхъ пятенъ не найдено.

оргій побѣдоносецъ, что можетъ подтвердить казакъ калайдинецъ Игнатъ Бабакъ Кривоносенко и казакъ же Федоръ Сохно; къ казаку Григорію Даниленко никогда тоже злобы не имѣлъ и никто объ этомъ не утвердитъ, какъ слѣдуетъ по точному обличенію, какъ и въ законѣ гласитъ: лучше въ неизвѣстности и не имѣя точнаго обличенія десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго осудить, а когда я былъ въ полѣ во время оранки земли отца моего казаками Дмитріемъ, Саввою и Емельяномъ Шутями, то казакъ Григорій Даниленко прихватилъ или неправильно раздѣлилъ обопольную землю, то я ему говорилъ: это не дѣлай,—шутя говорилъ: «я тебя буду дуже лаять», но впрочемъ не лаялъ и пошелъ къ орачамъ Шутевымъ, на дорогѣ же не сидѣлъ и прочаго не дѣлалъ, какъ онъ говоритъ, что могутъ подтвердить Шути, а посему и всему его показанію, а кольми паче лжи на счетъ сидѣнія на дорогѣ и прочаго не вѣрить. Временно обязаннаго крестьянина г-жи Воеводской я вовсе не видѣлъ, а если ему онъ что-либо и говорилъ пустое, невѣроятное, то вѣрно шуточно и Даниленко бывши, въ разъяренномъ духѣ, не замѣтилъ и не понялъ хорошо произнесенныхъ крестьяниномъ словъ, ибо я никогда не намѣрился сѣкирою на него, а если и была сѣкира, то по привычкѣ моей къ рубленію по хозяйству дровъ, я затыкая за поясъ оную заворачивалъ назадъ или подъ руку бралъ, что гораздо справедливѣе, чѣмъ Даниленко невѣроятно выдуманное, ибо я хотѣлъ за имѣніе, отобранное у насъ, жаловаться Государю Императору, но увидѣвши Григорія Даниленко, когда сказалъ объ этомъ, прибавя: развѣ ты попросишь меня, то Даниленко сказалъ «прошу покорно», и я уважилъ и не подалъ, бывши въ Тепловкѣ пирятинскаго уѣзда во время Высочайшаго смотра по запрошедшій годъ, что могутъ подтвердить коллежскій регистраторъ Яковъ Василенко, сосѣди въ селѣ Зыборовкѣ пирятинскаго уѣзда жительствующіе, и самъ Григорій не утаитъ разговоровъ нашихъ не злобныхъ, а примѣрно мирныхъ. Написавши все справедливо, прошу судъ переписку, на основаніи напоминаемаго Высочайшаго указа по сокращенной перепискѣ уничтожить, а меня съ подареста освободить, ибо у милостивѣйшаго нашего Императора Александра Николаевича нѣтъ безвинныхъ невольниковъ.»

На повальномъ обыскѣ крестьяне села Калайдинецъ и нѣкоторые изъ сосѣднихъ помѣщиковъ отозвались, что Корнилій Данилевскій ведетъ жизнь нетрезвую; въ пьяномъ видѣ заводитъ ссоры и драки; въ общежитіи нрава нескромнаго и буйнаго.

20 февраля 1862 г. стряпчій лубенскаго уѣзднаго суда и мѣстный уѣздный судья объявили присутствію сего суда, что при неоднократномъ посѣщеніи острога они замѣтили, что содержащійся въ оноиъ губернскій секретарь Корнилій Данилевскій страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Вслѣдствіе сего и имѣя въ виду, что Данилевскій на дѣланные ему въ судѣ вопросы отвѣчаетъ неудовлетворительно, уѣздный судъ опредѣлилъ: отправить Данилевскаго въ полтавское губернское правленіе для освидѣтельствованія въ умственныхъ способностяхъ.

11 мая 1862 г. Корнилій Данилевскій былъ освидѣтельствованъ въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи полтавскаго губернскаго правленія; на предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы Данилевскій отвѣчалъ: *Вопр.* Какъ ваше имя, отчество и фамилія? *Отв.* Корнилій Филиппов Данилевскій. *В.* Имѣете ли вы кого либо изъ родныхъ и гдѣ они находятся? *О.* Имѣлъ до поступленія напрасно подъ стражу, но теперь, гдѣ родные находятся, мнѣ неизвѣстно. *В.* Нѣтъ ли у васъ какого либо имѣнія и имущества, если есть то гдѣ находится и въ чемъ заключается? *О.* Имѣнія у меня никакого нѣтъ; равно и изъ имущества ничего не имѣю. *В.* Гдѣ въ настоящее время вы находитесь и для какой надобности призваны? *О.* Въ настоящее время нахожусь въ полтавскомъ губернскомъ острогѣ въ дворянской камерѣ въ разсужденіи имѣемаго мною чина губернскаго секретаря, по Высочайшему повелѣнію произведеннаго, и призванъ только для испытанія дара ума, относительно молитвы ко пресвятѣй Богородицѣ. *В.* Какъ ваше здоровье въ настоящее время, чѣмъ вы больны и кто васъ пользуетъ? *О.* Здоровье плохое, но волею Божіею держусь — ничѣмъ не боленъ, пользуюсь по совѣту иностранца доктора Дезаго, въ маѣ мѣсяцѣ и во весь годъ крестною водою, виномъ не упивался, кромѣ премудрости Божіей. *В.* Не знаете ли вы чего либо объ убійствѣ казака Алексѣя Даниленко? *О.* Объ

убійствѣ казака Алексѣя Даниленко вовсе ничего не знаю и сказать не могу, а разумѣть нужно, что должно полагать произведено отъ Вышняго Бога. *В*. Какъ вы проводите время и чѣмъ вы вообще занимаетесь? *О*. Время всегда провожу въ непрестанныхъ молитвахъ къ небесному Богу и вообще занимаюсь чтеніемъ и разсужденіемъ пріобрѣтенной еще въ лубенскихъ уѣздныхъ училищахъ святой библіи. *В*. Имѣли ли вы видѣнія? *О*. Имѣлъ видѣніе во первыхъ пресвятой Богородицы въ иконѣ радости всѣхъ скорбящихъ, и съ иконою Божіей матери, спасшей городъ Лубны въ 1830 г. отъ бурныхъ волненій, нанесенныхъ строенію вольной аптеки, а болѣе казенной снятіемъ совершенно кровли на землю безъ вреда,—ходилъ въ лубенскій земскій судъ для испытанія по прописанному предмету и матерь Божія спасла.—Засимъ въ актѣ освидѣтельствованія прописано, что губернскій секретарь Данилевскій около 40 лѣтъ отъ роду, по наружному виду здоровъ, выраженіе лица естественное и добродушное, въ манерахъ нѣтъ ничего страннаго. На всѣ вопросы, если они не касались точки его умопомѣшательства, онъ отвѣчалъ совершенно здраво. Изъ его жизнеописанія видно, что онъ служилъ въ лубенскомъ уѣздномъ судѣ, велъ себя вообще хорошо, но предавался изрѣдка и періодически пьянству, которое всегда оканчивалось продолжительною болѣзнію и бредомъ. По миновавіи болѣзни онъ долгое время вовсе не употреблялъ вина до новаго приступа запоя. Въ 1849 г. онъ впалъ въ продолжительную меланхолію и былъ по болѣзни уволенъ отъ службы. Въ то время онъ не выходилъ изъ дома, былъ постоянно молчаливъ и скучалъ, иногда же разговаривалъ съ самимъ собою. По прошествіи нѣкотораго времени, его здоровье до того поправилось и сужденія стали столь здравы, что онъ могъ заниматься хозяйствомъ и даже вновь принятъ на службу становымъ приставомъ, у котораго усердно занимался своей обязанностью, но потомъ предался снова пристрастію къ горячимъ напиткамъ, взялся писать разныя статьи, не относящіяся къ дѣламъ службы, сочинялъ стихи, заговаривался и сталъ вести жизнь бродячую, пропадая нерѣдко на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ это время былъ убитъ дядя его, казакъ Даниленко. Отъ меланхоліи и безпамятства Корнилія лечили еще при жизни родителей, но съ временнымъ только успѣхомъ. По наблюденію врачей, онъ ведетъ себя при-

лично и смирно, часто стоитъ на молитвѣ и читаетъ преимущественно акаеистъ Богородицѣ; онъ утверждаетъ между прочимъ, что избралъ Богородицею прославлять ее, что онѣ ему часто является въ различныхъ видахъ, и въ доказательство своего могущества снесла крыши съ домовъ вольной и казенной аптеки въ Лубнахъ и положила ихъ въ цѣлости передъ домами на улицу. Оказалось, что всякое сомнѣніе въ истинѣ этого факта его раздражаетъ. Соображаясь съ отвѣтами и вышеизложенными обстоятельствами, общее присутствіе, находя, что губернскій секретарь Корнилій Данилевскій въ настоящее время оказывается повидимому одержимымъ одностороннимъ умопомѣшательствомъ (mania religiosa), заключило: оставить его для испытанія въ умственныхъ способностяхъ подъ наблюденіемъ врача въ больницѣ тюремнаго замка на три мѣсяца.

17 сентября 1862 г. Корнилій Данилевскій былъ *вторично освидѣтельствованъ* въ общемъ присутствіи полтавскаго губернскаго правленія, причемъ на нижеслѣдующіе вопросы онъ отвѣчалъ: *В.* Какъ теперь ваше здоровье? *О.* Теперь мое здоровье довольно слабое, во первыхъ отъ сильной боли головы, въ лѣвомъ боку, затылкѣ и ухѣ ощутительный шумъ, происшедшій отъ нанесеннаго мнѣ казакомъ лубенскаго уѣзда села Калайдинецъ Григоріемъ Даниленкомъ коломъ удара сильнаго, единственно за то, что удержалъ его съ прочими отъ куренія трубокъ, дабы не произошелъ пожаръ, безъ всякого отъ меня причиненія ему и малѣйшей обиды, и немощію врача острожной больницы чувствую болѣе себя въ силѣ здравія противу прежняго, равно страдаю геморондальнымъ припадкомъ; потерпѣлъ невинно побои отъ титулярнаго совѣтника Ивана Божка, за то что захотѣвши спать, не провелъ брата жены его коллежскаго регистратора Спиридона Фесенка отъ дворянина Федора Еенмова; напоенъ былъ растворомъ шпанскихъ мухъ въ тузѣ жаркаго въ селѣ Тарадинцахъ безъ всякой вины, отчего, когда я не знавши, поѣлъ жаркое, сдѣлалась сильная и опасная рвота и немощь до той степени, что было призвали и священника напутствовать; это было при титулярномъ совѣтникѣ Иванѣ Божкѣ и казакѣ Екимѣ Голодѣ и прочихъ; а также, когда полученъ Высочайшій манифестъ о дарованіи свободы господскимъ людямъ, безъ всякой вины священническимъ сыномъ Георгіемъ Лаптевымъ въ день субботный

жестоко кулачьемъ былъ я отъ него наказанъ, отчего чувствую слабость. *В.* Пользуетесь ли вы хорошимъ сномъ? *О.* Каждую ночь пользуюсь очень пріятнымъ сномъ, безъ всякого прѣнкаго засыпанія и не чувствую никакой тягости въ сновидѣніяхъ; всегда вижу себя болѣе на свободѣ въ монастырѣ святаго Аѳанасія лубенскомъ, въ соборной богородицкой церкви въ Лубнахъ, чудовной Богоматери въ селѣ Исачкахъ; всегда снится дождь весьма тихій и маленькій, и что ко мнѣ не относится никакое на меня подозрѣніе, ни въ чемъ; видѣлъ во снѣ двухъ женщинъ, кои прямо говорили, что все относится къ казаку Григорію Давиденко, образъ Божіей Матери видѣлъ во снѣ на горѣ въ южную сторону, съ коей отъ иконы гласъ, произносящій крѣпкую, нѣжную брань къ какой то дѣвицѣ; а мнѣ гласъ, исшедшій съ горы: «иди рабъ съ Богомъ.» — *В.* Имѣли ли также на яву разныя видѣнія? *О.* Имѣлъ во время непрерывнаго содержанія меня въ острогѣ, когда съ процессіею торжественно было шествіе Божіей Матери предъ ильинскою ярмаркою, видѣлъ свѣтлый свѣтъ отъ образа Божіей Матери на подобіе молній, отчего я такъ былъ приведенъ въ неожиданную радость и благодать, что сталъ невольно на колѣни и молился Богородицѣ со слезами,— это было въ больницѣ острога. На счетъ же бурныхъ волненій, происшедшихъ въ 1830 г. въ городѣ Лубнахъ, имѣю честь объяснить: 23 іюня предъ праздникомъ рождества святаго Іоанна Предтѣчи, когда я окончивъ курсъ наукъ въ уѣздныхъ училищахъ, пришелъ на квартиру, то по заходѣ солнца сейчасъ же небо покрыто было сильными черными тучами и пошелъ дождь во всю ночь, съ сильнымъ порывистымъ вѣтромъ, съ громомъ и молніею, безпрестанно сверкающею, отчего хозяева моей квартиры, фельдшеръ Михайло и жена его Евгенія Волковы, пришли въ страхъ и ужасъ, и затѣмъ горѣла чрезъ ночь страстная свѣча, равно и прочіе жители тоже дѣлали, и тутъ мнѣ хозяйкою подаренъ образъ Божіей Матери, довольно древней живописи, но и до сихъ поръ сохранившейся въ полномъ цвѣтѣ и видѣ, и эта икона Божіей Матери меня всегда спасала отъ разныхъ нападеній безъ моего повода, съ которою и въ лубенскій земскій судъ ходилъ при вызовѣ, и теперь хранится, а строенія въ Лубнахъ остались поутру безъ кровлей, но не всѣ, а только въ казенной и вольной аптекѣ и еще въ нѣкоторыхъ, равно и экипа-

жи были вывезены со дворовъ отъ сильнаго вѣтра. *В.* Что вамъ извѣстно о смерти вашего дяди? *О.* О смерти дяди моего, Алексѣя Даниленко мнѣ ничего неизвѣстно, а какъ слышалъ и помню, что дядя во время жизни, какъ мнѣ умершая мамочка моя говорила, былъ распутнаго характера, билъ роднаго отца своего а моего дѣда Романа миской или чашкой по головѣ, отца моего, а его брата, губернскаго секретаря Филиппа Данилевскаго, душилъ два раза въ улицѣ селенія при мнѣ, при женѣ его и при дочери его, покойника, равно и изъ ружья стрѣлялъ въ отца моего, топилъ въ протокѣ человѣка Ивана Швидскаго, но объ этомъ при слѣдствіи, когда просилъ, не сдѣлано изслѣдованія и что сынъ его, Григорій Даниленко, носилъ его не знаю какъ умершаго и гдѣ взялъ, тоже я не знаю. Исправникъ Кулаба, производя слѣдствіе, не винилъ меня, ибо я и не состою и говорилъ, что меня арестовали напрасно, стряпчій уѣздный, прислалъ переписку, изъ шуточнаго слова покойнаго брата происшедшую, сказалъ въ острогѣ въ Лубнахъ мнѣ, что ко мнѣ не относится ничто, а къ спорескамъ церкви и болѣе къ покойнику брату; я же ссоры никогда не имѣлъ и вражды не питалъ. *В.* Имѣете ли вы родныхъ и какое либо состояніе? *О.* Имѣлъ: до ареста двухъ сестеръ дѣвицъ Феодосію и Арину Данилевскихъ, лубенскаго уѣзда въ селѣ Калайдинцахъ; состояніе имѣю тамъ же, послѣ родителей наслѣдство и имѣніе съ сестрами владѣю. *В.* Чѣмъ вы занимались до заключенія въ тюрьму? *О.* Занимаюсь хозяйствомъ у себя по безпомощіи родныхъ сестеръ, а до того при жизни родителей и брата Іосифа Данилевскаго занимался у титулярнаго совѣтника Ивана Божка, тоже хозяйствомъ по его желанію и просьбѣ, чтобы у него жить навсегда. — Засимъ въ актѣ освидѣтельствованія Данилевскаго изложено, что по наружному виду онъ физически здоровъ, лицо у него постоянно улыбающееся, движенія суетливы, во всемъ видна робость. На вопросы онъ отвѣчалъ не задумываясь, говорилъ очень много, довольно скоро, переходилъ отъ одного предмета къ другому безъ всякой связи и если бы его не останавливали, то онъ говорилъ бы безъ умолку. Любимымъ предметомъ его разговора составляютъ сны, и сказанія его о сновидѣніяхъ рѣшительно безконечны.—Соображаясь съ свѣдѣніями о прошедшей его жизни, указывающими на давнишнее разстройство умственныхъ отправленій и съ продолжи-

тельнымъ наблюденіемъ въ больницѣ, общее присутствіе заключило, что Корнилій Данилевскій въ настоящее время въ умопомѣшательствѣ.

При третьемъ освидѣтельствованіи въ присутствіи полтавскаго губернскаго правленія 30 октября 1862 г. Корнилій Данилевскій на нижеслѣдующіе предложенные ему вопросы отвѣчалъ: *В.* Какъ ваше имя, отчество и фамилія? *О.* Корнилій Филипповъ Данилевскій. *В.* Сколько въ настоящее время вамъ лѣтъ? *О.* 47 лѣтъ. *В.* По какому случаю вы находитесь подъ судомъ и въ острогѣ? *О.* По случаю ареста меня въ лубенскомъ уѣздномъ судѣ судьею Барвинскимъ 4 декабря 1861 г., когда призванъ я былъ въ тотъ судъ для дачи очной ставки съ сыномъ найденнаго умершимъ лубенскаго уѣзда въ селѣ Калайдинцахъ казака Алексѣя Даниленко, Григоріемъ Даниленко, коимъ онъ найденъ и внесенъ въ избу, какъ я слышалъ извѣстно жителямъ села, по случаю шуточной переписки послѣ формальнаго слѣдствія, возникшей изъ словъ губернскаго секретаря Ларіона Герасименко, бывшаго на другой день послѣ происшествія въ домѣ нашемъ, (моего и покойнаго брата Іосифа Данилевскаго) съ губернскимъ секретаремъ Александромъ Свириденко и шуточныя слова Герасименко таковы были, что Герасименко, обратясь къ покойному брату, шутя дѣйствительно сказалъ: вы, Іосифъ, убили того человѣка? но братъ сказалъ: мы вчера около ночи возвратились вмѣстѣ въ Корниліемъ больнымъ точно съ деревни Клепачей, отстоящей отъ Калайдинецъ въ 3-хъ слишкомъ верстахъ, а его нашелъ сынъ Григорій сейчасъ послѣ, какъ въ скоромъ же времени сторожъ церкви сдѣлалъ колоколомъ сигналъ; исправникъ же, производившій при временномъ отдѣленіи земскаго суда, всѣ мѣры употреблялъ къ обвиненію меня, но не нашелъ никакой причины и говорилъ, что напрасно арестованъ я; уѣздный стряпчій, прочитавъ дѣло и посѣщая острогъ, въ слухъ часовыхъ сказалъ, что отдѣлался и никакъ не принадлежу къ перепискѣ и онъ, стряпчій, вину относитъ сторожу церкви въ казаку Ивану Кайдѣ, который или братъ его, какъ было слышно въ селѣ Калайдинцахъ, шуточно застрѣлилъ изъ ружья человѣка, а теперь по слухамъ и судья отзывается, что только напрасно посаженъ по неосмотрительности и ожидаетъ моего возвращенія. Если правосудное губернское правленіе меня осчастливитъ, я же

никогда и намѣренія не имѣлъ, былъ боленъ во отлучкѣ, перепуганъ еще въ жизни покойникомъ и ударенъ сыномъ его Григоріемъ Данилевко коломъ въ голову, за то, что удержалъ отъ куренія трубки, дабы не случилось пожара безъ всякого его огорченія; при служеніи моемъ въ лубенскомъ уѣздномъ судѣ всегда аттестованъ въ отличіи, смирномъ характерѣ судьею Огроновичемъ съ 1832 по 1843 г., оттуда по болѣзни одержимый родимцемъ въ видѣ падучей болѣзни, но нынѣ сего не чувствую, а только одержимъ гемороемъ, меня обѣщалъ судья Николай Барвинскій отдать на поруки, а потомъ, когда судья посѣщалъ острогъ, то я читалъ въ каморѣ молитву Пресвятой Богородицѣ, гдѣ сказано: «отъ окаяннаго моего сердца и отъ помраченнаго ума моего», счелъ судья помраченнымъ, какъ мнѣ сказывалъ смотритель острога Иванъ Безвинскій и намѣревался отослать для освидѣтельствованія въ полтавское губернское правленіе. Переписка вышеупомянутая производилась безъ стряпчаго, какъ это мнѣ сказалъ становой 2 стана Зайцевскій, котораго при явкѣ моей не оказалось, пропущены обстоятельства; что покойникъ отца своего мискою черепяною ударилъ по головѣ съ окровавленіемъ; брата своего Филиппа Данилевскаго душилъ въ проулкѣ въ селѣ Калайдинцахъ, стрѣлялъ изъ ружья въ него, и первое я самъ видѣлъ, равно и крестьянина Ивана Швидскаго топилъ въ ручьѣ воды, въ селѣ протекающемъ; предъ тѣмъ происшествіемъ поссорился съ женою, которая послѣ говорила, «какъ воевалъ, такъ и погибъ»; ссорился съ солдатомъ въ домѣ казеннаго крестьянина Ефима Гупистаго, но объ этомъ не разслѣдовано нигдѣ, когда я писалъ въ отвѣтахъ мнѣ данныхъ безъ всякого моего прикосновѣнія и подозрѣнія, а потомъ становой приставъ все прочее мною сказанное объ объстоятельствах весьма нужныхъ къ обвиненію или оправданію уничтожилъ, на мѣсто небывалыхъ и выдуманныхъ обстоятельствъ допустилъ враждующихъ на меня лицъ, безъ, всякой причины и совершенно ложно и разнорѣчиво показывающихъ, словомъ сказать, когда меня при производствѣ сначала вовсе не требовали, и не увѣрившись потомъ, что я бѣгалъ и въ отлучкѣ находился, производятъ напрасно переписку, которую по Высочайшему указу на счетъ сокращенія переписокъ слѣдуетъ вовсе уничтожить, а меня, какъ страдающаго десять мѣсяцевъ въ острогѣ, ни къ чему негоднаго по бо-

тюзии освободить, или для переизслѣдованія другому чиновнику или временному отдѣленію отослать переписку въ лубенскій земскій судъ вмѣстѣ со мною, какъ правительству угодно будетъ, но я невинно терплю угнетеніе; надо отыскивать солдата, ссорившагося съ покойнымъ, ибо сей солдатъ ругалъ, отпихнулъ отъ себя безъ причины и солдатъ могъ за нимъ слѣдить и нанести ударъ безъ меня, равно не обслѣдовано, что ко двору казака Мисника пріѣзжали близко отъ двора Даниленко какіе то пять человѣкъ, коихъ тоже нужно разыскать, а посему покорнѣйше прошу правосуднаго правительства безъ всякого сомнѣнія освободить.—*В*. Какъ ваше здоровье въ настоящее время? *О*. Въ настоящее время я при помощи врача Педаменки чувствую себя въ состояніи возвратиться на родину и болѣе ничего не могу сказать. *В*. Имѣете ли какое либо имущество, и ежели имѣете, то въ чемъ оно заключается? *О*. Имущество у меня нужное, и скудное одѣяніе по приличію, а прочее имѣніе въ землѣ заключающееся до 53 десятинъ съ 4 душами крестьянъ еще не раздѣлено съ родными сестрами моими лубенскаго уѣзда въ селѣ Калайдинцахъ. *В*. Какого вы вѣроисповѣданія и какимъ образомъ вы намѣрены повести свой образъ жизни по освобожденіи изъ острога? *О*. Православнаго грекороссійскаго; имѣю желаніе: повести жизнь мою, если позволитъ въ томъ здоровье или по крайней мѣрѣ силы и здравый смыслъ, продолжить службу государственную въ какомъ либо присутственномъ мѣстѣ, а въ противномъ случаѣ всегда пѣлъ въ церкви святаго Андрея Первозваннаго въ селѣ Калайдинцахъ съ совершенною охотою и помогалъ по хозяйству съ охраненіемъ сестеръ моихъ меньшихъ, довольно по случаю ареста моего несчастныхъ, если милостивое правительство меня осчастливитъ свободою.— По освидѣтельствованію оказалось, что наружный видъ губернскаго секретаря Даниленскаго представляетъ совершенно здороваго человѣка: на предлагаемые вопросы отвѣчаетъ смѣло и безъ замѣшательства, ведетъ себя скромно и прилично своему званію, въ манерахъ и тѣлодвиженіяхъ не замѣчается ничего такого, что бы могло указать на разстройство умственныхъ способностей. Сообразивъ отвѣты Даниленскаго съ вышеизложенными данными, производившіе освидѣтельствованіе акушеръ и операторъ полтавской

врачебной управы заключили, что Даниловскій въ настоящее время *имѣетъ здравый умъ и твердую память.*

Инспекторъ же сей управы Берковскій остался при нижеслѣдующемъ особомъ мнѣніи, именно: «изъ дѣла объ арестантѣ Корниліѣ Даниловскомъ видно, что лубенскій уѣздный судья и уѣздный стряпчій объявили въ присутствіи уѣзднаго суда, что при неоднократномъ посѣщеніи ими острога находятъ, что содержащійся въ немъ губернскій секретарь Даниловскій замѣченъ ими не въ здравомъ умѣ, что также видно изъ отвѣтовъ его въ уѣздномъ судѣ. Вслѣдствіе этого, Даниловскій былъ доставленъ въ полтавское губернское присутствіе для освидѣтельствованія въ умственныхъ способностяхъ. Изъ историческаго описанія видно, что Корнилій Даниловскій, находясь на службѣ въ лубенскомъ уѣздномъ судѣ, заболѣлъ въ 1849 г. болѣзнію въ видѣ меланхоліи съ потерею разума. Сначала онъ сидѣлъ дома, ничѣмъ не занимался, постоянно молчалъ или разговаривалъ самъ съ собою. Потомъ онъ началъ поправляться, понемногу привыкъ заниматься хозяйствомъ и напослѣдокъ выздоровѣлъ такъ, что могъ даже поступить въ частную службу къ становому приставу, у котораго служилъ хорошо. Въ здравомъ состояніи онъ оказывалъ даже большую развитость ума, писалъ разныя статьи, даже стихи. Къ хмѣльнымъ напиткамъ онъ пристрастенъ не былъ; но при случаѣ употреблялъ очень много и подвергался всякій разъ умственному разстройству, заговаривался, бродилъ днемъ и ночью, шатаясь по разнымъ мѣстамъ. Такую бродячую жизнь онъ велъ съ 1858 г. почти постоянно. Еще при жизни родителей старались его вылѣчить кровопусканіемъ и отчитываніемъ, но безуспѣшно. Замѣчено было въ его болѣзни, что у него являлся необыкновенный аппетитъ—онъ ѣлъ за трехъ здоровыхъ. Во время болѣзни онъ былъ очень скроменъ и тихъ, если его не затрогивали; при противорѣчіи же и въ пьяномъ видѣ онъ становился дерзкимъ и лютымъ. Съ такими предварительными свѣдѣніями приступили къ освидѣтельствованію г. Даниловскаго 11 мая с. г. Онъ показался по наружному виду здоровъ, выраженіе лица естественное, въ манерахъ ничего страннаго. На нѣкоторые вопросы онъ отвѣчалъ какъ письменно, такъ и словесно довольно удовлетворительно, на другіе же пьяную безсмыслицу, какъ видно изъ самого акта отъ 11 мая. Если вопросъ касался

до сновъ и видѣній, то умопомѣшательство особенно явно обнаруживалось, именно, что онъ подверженъ галлюцинаціямъ, что также видно изъ письменныхъ его отвѣтовъ въ томъ же актѣ. Поэтому, соображаясь со всѣми обстоятельствами его прошедшей жизни и его отвѣтами, онъ былъ признанъ умопомѣшаннымъ, что всѣ три члена врачебной управы подтвердили своими подписями; но какъ арестанта, губернское присутствіе опредѣлило оставить Данилевскаго на трехмѣсячномъ испытаніи въ больницѣ полтавской тюрьмы. Здѣсь, въ тюремной больницѣ, онъ, инспекторъ, навѣщалъ Данилевскаго довольно часто; заставалъ иногда за чтеніемъ святцевъ, иногда въ молитвѣ, но чаще еще въ совершенномъ бездѣйствіи съ постоянно улыбающимся лицомъ,—кроткимъ, вѣжливымъ и всѣмъ довольнымъ, ни на что не жаловался, даже не просилъ объ освобожденіи изъ тюрьмы. На вопросы о сестрахъ, о знакомыхъ, о разныхъ семейныхъ обстоятельствахъ и о его прошедшей службѣ онъ отвѣчалъ по большей части удовлетворительно, и видно было, что сохранились еще память и сознаніе. Замѣчательно однако при этомъ было, что онъ на всѣ подобные вопросы отвѣчалъ какъ на заученный урокъ, почти всегда одними и тѣми же словами, такъ напр. въ разказахъ о перенесенныхъ имъ побояхъ онъ не измѣнялъ даже словъ. Это видно изъ письменныхъ его отвѣтовъ во всѣхъ трехъ актахъ. При вопросахъ же о предметахъ религіозныхъ, о жизни въ монастыряхъ, о видѣніяхъ, о снахъ, воображеніе его разыгрывалось, онъ одушевлялся и разсказамъ не было конца. Тоже самое утверждаетъ городовой врачъ, наблюдавшій за нимъ ежедневно въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; въ отношеніи своемъ въ полицію отъ 6-го сентября 1862 года онъ заключаетъ, что Корнилій Данилевскій подверженъ слабоумію и религіозному умопомѣшательству. — 17 октября онъ былъ вторично освидѣтельствованъ. На первый вопросъ о здоровьѣ онъ отвѣчалъ довольно длиннымъ разсказомъ о полученныхъ имъ въ разное время побояхъ. Въ описаніи этомъ есть послѣдовательность; послѣдніе три отвѣта его даже удовлетворительны, но за то отвѣты его о снахъ и видѣніяхъ заключаютъ чистую безсмыслицу, и указываютъ явно и неоспоримо на разстроенное воображеніе и умопомѣшательство. На основаніи этихъ отвѣтовъ по соображеніи съ прошедшею жизнію и на внимательномъ изученіи личности

Даниловскаго онъ, инспекторъ, признавалъ его умопомѣшаннымъ, но мнѣніе его не раздѣляли члены врачебной управы, акушеръ и операторъ, которые, принимая въ основаніе одни только отвѣты, заключили, что по отвѣтамъ — Даниловскаго слѣдуетъ признать въ здравомъ умѣ. При такомъ разногласіи во мнѣніи, Корнилій Даниловскій былъ снова освидѣтельствованъ 3 октября; причемъ онъ отвѣчалъ письменно на нѣсколько пустыхъ вопросовъ, и затѣмъ операторъ и акушеръ заключили, что соображаясь съ отвѣтами Даниловскаго и вышеизложенными данными, признаютъ его въ здравомъ умѣ и памяти, ограждая себя на всякій случай словами «въ настоящее время». Вышеизложенныя данныя состояли въ томъ только, что Даниловскій имѣетъ совершенно здоровый видъ, отвѣчалъ смѣло и безъ замѣшательства, велъ себя прилично своему званію и не обнаруживалъ умопомѣшательства въ манерахъ и въ движеніяхъ. — Онъ же, инспекторъ, полагаетъ, что на нѣсколькихъ отвѣтахъ и на такихъ данныхъ нельзя еще основать мнѣніе объ умственномъ состояніи человѣка и слѣдовало бы соображаться съ обстоятельствами прошедшей его жизни, для этого же и требуется жизнеописаніе его, — также и съ результатами испытанія, для чего онъ содержался три мѣсяца въ больницѣ. — Въ актѣ 17 сентября онъ, инспекторъ, написалъ, что Даниловскій говоритъ много, скоро, не задумываясь и переходитъ отъ одного предмета къ другому безъ всякой связи. Отвѣтъ его на третій вопросъ потверждаетъ вполнѣ истину этихъ словъ. Отвѣтъ этотъ составляетъ путаницу, состоитъ изъ разсказовъ различныхъ обстоятельствъ между собой безъ всякой связи и нисколько не соотвѣтствующихъ вопросу. При оцѣнкѣ этихъ отвѣтовъ надо еще и то имѣть въ виду, что Даниловскій долго служилъ, считался хорошимъ чиновникомъ и даже весьма развитымъ человѣкомъ. Однако этого ничего не видно въ отвѣтахъ. На вопросъ, какого онъ вѣроисповѣданія? онъ воздержался отвѣчать пространно, какъ онъ это прежде дѣлалъ, и явно потому, чтобъ не обнаружить свое настоящее и постоянное настроеніе мыслей, — онъ скрывалъ свое умопомѣшательство. Для правильнаго обсужденія умственнаго состоянія человѣка необходимо полное соображеніе со всѣми обстоятельствами его жизни и тщательное изученіе самаго характера и всѣхъ свойствъ человѣка. Отвѣты письменные и словесные должны слу-

жить только дополненіемъ, а не главнымъ доказательствомъ, на которомъ основываются мнѣніе и рѣшеніе, обусловливающія честь, свободу и гражданскія права человѣка. Опредѣлять же по нѣсколькимъ отвѣтамъ умственное состояніе человѣка, съ лазейкою «въ настоящее время» — есть служебная рутина, а не рачительное исполненіе долга въ важнѣйшемъ актѣ медицинской службы.—Цѣль свидѣтельствованія въ настоящемъ случаѣ была: вмѣняема или не вмѣняема Данилевскому вина, если бы онъ виновнымъ оказался; этотъ вопросъ освидѣтельствованіемъ 3 октября не разрѣшенъ, также остался не объясненъ вопросъ, въ какомъ состояніи находился Данилевскій когда учинены были преступленія, къ которымъ онъ прикосновенъ.—Основываясь на соображеніи доставленныхъ изъ лубенскаго уѣзднаго суда свѣдѣній съ жизнеописаніемъ, основываясь на тщательномъ изученіи самого Данилевскаго, соображаясь съ нелѣпыми его отвѣтами и тѣмъ, что онъ подверженъ галлюцинаціямъ, соображаясь также съ образомъ его жизни въ послѣдніе пять лѣтъ, онъ, инспекторъ, заключаетъ, что Корнилій Данилевскій съ давнихъ поръ въ умопомѣшательствѣ.

Присутствовавшіе при освидѣтельствованіи Данилевскаго 3-го октября вице-губернаторъ и губернскій прокуроръ нашли, что по случаю несогласія членовъ врачебной управы въ мнѣніи о состояніи умственныхъ способностей Данилевскаго и неприсутствованія губернскаго и уѣзднаго предводителей дворянства и предсѣдателя гражданской палаты, слѣдуетъ освидѣтельствовать Данилевскаго въ присутствіи начальника губерніи.

Вслѣдствіе сего Данилевскій былъ *снова* освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи полтавскаго губернскаго правленія 17 октября 1862 г. На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы Данилевскій отвѣчалъ: *В.* Какъ ваше имя, отчество и фамилія? *О.* Корнилій Филипповъ Данилевскій. *В.* Сколько вамъ отъ роду лѣтъ? *О.* 47 лѣтъ. *В.* Какого вы вѣроисповѣданія? *О.* Православнаго. *В.* Откуда вы родомъ? *О.* Полтавской губерніи, лубенскаго уѣзда, изъ селенія Калайдинецъ. *В.* Имѣете ли вы семейство и, ежели имѣете, то объясните, изъ какихъ именно лицъ оно состоитъ? *О.* Семейства у себя никакого не имѣю, кромѣ двухъ родныхъ сестеръ дѣвицъ, кои при мнѣ въ домѣ отцовскомъ проживали и нынѣ жительствовать долж-

ны. *В.* Изъ какого вы званія и не состояли-ли вы въ гражданской службѣ? *О.* Изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; состоялъ въ лубенскомъ уѣздномъ судѣ съ 1832 г. по 1843 г. и тогда по болѣзни за увольненіемъ оставилъ, два раза опредѣлялся опять въ тотъ судъ, но болѣзнь препятствовала, былъ и присяжнымъ оцѣнщикомъ съ 1849 по 1855 г. при 2 станѣ лубенскаго уѣзда во время служенія приставомъ Божко, за каковую службу послѣднюю, по представленію уѣзднаго предводителя, награжденъ Высочайше темною бронзовою медалью за 1853, 1854, 1855 и 1856 годы, которую въ полтавскомъ острогѣ съ меня сняли 11-го марта, — равно и дворянскую за 1812 г. отцовскую и понынѣ мнѣ ихъ не представляютъ, сомнѣваюсь дабы не были утеряны. *В.* Не состоите ли вы подъ судомъ или слѣдствіемъ и ежели состоите, то поясните, по какому именно дѣлу? *О.* Подъ судомъ никогда и ни за что не состоялъ и нынѣ не состою, арестованъ лубенскимъ уѣзднымъ судьею по вызовѣ меня повѣсткою въ оный судъ для дачи очныхъ ставокъ съ священническимъ сыномъ Георгіемъ Лаптевымъ по шуточной перепискѣ насчетъ найденнаго въ селѣ Калайдинцахъ убитымъ или замерзшимъ казака Алексѣя Даниленко, въ шуточныхъ произношеніяхъ словъ покойнымъ братомъ моимъ Іосифомъ Данилевскимъ въ домѣ вдовы священника Акулины Лаптевой, шуточно произнесенныхъ во домѣ отца нашего въ селѣ Калайдинцахъ губернскимъ секретаремъ Ларіономъ Герасименко на другой день послѣ происшествія, — и я до сихъ поръ не знаю настояще, за что я именно арестованъ, ибо судья мнѣ ничего не говорилъ, я просилъ судью сжалиться надо мною и отдать на поруки; судья обѣщалъ; послѣ посѣщалъ судья острогъ въ Лубнахъ и мнѣ ничего не говорилъ, а уѣздный стряпчій, посѣщая острогъ, извѣстилъ меня, что къ мнѣ никакая переписка не относится, по прочтеніи мнѣ оной, а относитъ онъ къ сторожамъ церкви села Калайдинецъ Ивану и сыну его Лукьяну Кайдамъ; да земскій исправникъ, производя слѣдствіе по той перепискѣ, призвалъ меня, увѣщевалъ и допрашивалъ и потомъ, когда меня арестовали, исправникъ отзывался, что я напрасно, то есть невинно арестованъ, что мнѣ сказалъ при всѣхъ караульныхъ солдатахъ смотритель лубенскаго тюремнаго замка Иванъ Барвинскій. *В.* Неизвѣстно ли вамъ, по какому случаю вы призваны въ настоящее время въ присутствіе губернскаго правле-

нія? *О.* Мнѣ вовсе неизвѣстно, по какому случаю я прибылъ въ полтавское губернское правленіе, а какъ я невинно и давно уже изнуряюсь подъ стражею, разумѣю, призванъ милостивымъ правительствомъ для освобожденія меня вовсе изъ подъ караула по сокращенному указу Государя Императора, въ 1854 или 1855 полученнаго, да и переписка не кончена на мѣстѣ спросомъ казака Данилы Перевозы, равно и дворянина Ивана Сементовскаго и Александра Ивахненко, и это дѣлаемо безъ стряпчаго, о которомъ мнѣ приставъ говорилъ, но его не было, пропущены обстоятельства весьма нужныя къ обвиненію, а болѣе къ оправданію, какъ во всѣхъ законоположеніяхъ объясняется, что лучше не затрудняясь освободить совершенно невиннаго, ибо враждебныя ко мнѣ лица отъ зависти одной спрошены и даже малолѣтніе и мнѣ не предъявленные, и граждаяская полиція, препровождая меня изъ Лубенъ, относила не ко мнѣ, а къ покойному *брату, ибо* я всегда былъ въ отлучкѣ, да и во время происшествія былъ въ отлучкѣ, боленъ, избитъ невинно три раза казакомъ Григоріемъ Даниленко за остановленіе угрожающаго пожара, — Божкомъ за непроводъ его жены брата Фесенка, что могъ бы сдѣлать, но спалъ, — Ефимовымъ тоже напоенъ растворомъ шпанскихъ мухъ, отъ коихъ чуть я не умеръ, что знаютъ жители села Тарандинецъ, и послѣ этакихъ наказаній, страдая геморроидальнымъ нестерпимымъ припадкомъ, не могъ сдѣлать никакого преступленія, а не обслѣдовано, что покойникъ, найденный сыномъ его, Григоріемъ Даниленко, имѣлъ предъ тѣмъ ссору съ солдатомъ, квартировавшимъ у казеннаго крестьянина Ефима Гуслистаго, бросилъ и билъ свою жену, со всѣми прощался и со всѣми ругался, роднаго отца своего билъ миской, брата Филиппа душилъ и стрѣлялъ изъ ружья въ него, а крестьянина Ивана Шкидскаго топилъ въ протокѣ въ селѣ, что пропущено обслѣдовать. *В.* Не припомните ли вы, по какой именно болезни вы вышли въ отставку въ 1843 году? *О.* Въ 1843 году вышелъ въ отставку единственно отъ усилившагося геморроидальнаго припадка, вслѣдствіе полнокровія и отъ безпрестанныхъ по службѣ занятій, что одобрялось и начальствомъ съ аттестаціею отменно смирнаго характера и прилежанія. *В.* Какъ вы чувствуете себя въ здоровьѣ въ настоящее время? *О.* Теперь чувствую себя болѣе здоровымъ, чѣмъ до сего былъ, помощію доктора Подлашенки, но пре-

будясь сегодня утромъ чувствую въ груди боль и ломоту въ лѣвой ногѣ собственно отъ гемороидальнаго дѣйствія въ закрытомъ источникѣ.

По освидѣтельствованіи оказалось, что Данилевскій, по наружному виду не болѣе 27 лѣтъ отъ роду, посредственнаго отъ природы тѣлосложенія, физически совершенно здоровъ и хотя въ послѣднемъ пунктѣ письменныхъ отвѣтовъ жалуется на временную боль въ груди и ломъ въ ногѣ, происходящихъ, по словамъ его, отъ гемороидальнаго дѣйствія въ закрытомъ источникѣ, но такія субъективныя ощущенія ускользаютъ отъ всякой повѣрки. Выражается связно, ясно и понятно. Не замѣчается въ немъ ни особенныхъ жестовъ, ни мины, ни искаженія чертъ лица и вообще не видно въ немъ никакихъ неотразимыхъ побужденій со стороны болѣзненно-функціонирующаго духа. По окончаніи письменныхъ отвѣтовъ Данилевскій упрашивалъ, съ должною почтительностію, господина начальника губерніи сдѣлать распоряженіе о прекращеніи переписки и объ освобожденіи его изъ больницы полтавскаго тюремнаго замка, выражаясь скромно, но съ достоинствомъ, приличнымъ его званію. — Разсмотрѣвъ подробно письменные отвѣты и сообразивъ ихъ съ вышеизложенными данными, общее присутствіе нашло, что Данилевскій въ настоящее время физически здоровъ, не имѣетъ ни малѣйшаго отклоненія отъ нормальнаго состоянія духа и при хорошей памяти, свободная воля его не насилуется никакими внутренними причинами, а потому и долженъ быть признанъ находящимся совершенно въ здравомъ умѣ.

Инспекторъ полтавской врачебной управы Берковскій снова заявилъ прежнее свое мнѣніе.

Членъ общаго присутствія, предсѣдатель полтавской гражданской палаты, объявилъ особое мнѣніе. — «Цѣль, съ которою происходитъ освидѣтельствованіе, бываетъ двоякая: 1) удостовѣреніе въ состояніи разсудка для опредѣленія способности свидѣтельствуемыхъ лицъ къ сознательному совершенію юридическихъ дѣйствій, касающихся собственности и къ гражданской жизни, съ цѣлію принятія мѣръ, въ случаѣ необходимости, для недопущенія сумасшедшихъ наносить обоюдный вредъ обществу и самимъ себѣ. Для этой цѣли достаточно опредѣлить состояніе умственныхъ способностей во время произведенія осви-

дѣтельствованія. 2) Освидѣтельствованіе, производящееся съ цѣлію освободить отъ наказанія за совершенныя преступленія, не вмѣняемыя безумнымъ и сумасшедшимъ въ вину; присемъ необходимо заключеніе о томъ, въ какомъ положеніи умственныхъ способностей находился подсудимый не во время свидѣтельства, но въ моментъ совершенія преступленія. — Способъ освидѣтельствованія въ первомъ случаѣ подробно изложенъ въ 1 ч. X. т. св. зак. граж. 365—382. Оно производится врачебною управою въ особомъ губернскомъ присутствіи и заключаясь въ строгомъ разсмотрѣніи отвѣтовъ на предлагаемые вопросы, до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящихся, (ст. 373), удовлетворяетъ только цѣли опредѣлить состояніе умственныхъ способностей во время свидѣтельства. — Относительно втораго случая не содержится въ законѣ положительныхъ правилъ. Объ этомъ освидѣтельствованіи говорится только въ 189 ст. XV т. св. зак. о судопроизводствѣ по дѣламъ уголовнымъ и въ 107 ст. и. III примѣчаніи къ ней тогоже тома уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Въ первой изъ этихъ статей (189) изложено: когда окажется по слѣдствію, что преступленіе учинено въ сумасшествіи, то обвиняемаго отсылать для свидѣтельства во врачебную управу. Во второй (107 ст. улож.) опредѣлено: преступленіе или проступокъ, учиненные безумнымъ отъ рожденія или сумасшедшимъ, не вмѣняется имъ въ вину, когда нѣтъ сомнѣнія, что безумный или сумасшедшій, по состоянію своему въ то время, не могъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія. Однакожъ учинившіе смертоубійство или же посягнувшіе на жизнь другаго, или свою собственную, или на зажигательство, безумные или сумасшедшіе заключаются въ домъ умалишенныхъ, даже и въ случаѣ когда бы ихъ родители или родственники пожелали взять на себя обязанность смотрѣть за ними и лечить ихъ у себя. — Порядокъ заключенія ихъ въ домъ умалишенныхъ и сроки для ихъ содержанія и освобожденія опредѣлены особыми о семъ постановленіями (смот. приложеніе III.) Наконецъ въ третьемъ приложеніи къ 107 ст. объяснено, что безумные и сумасшедшіе, о коихъ говорится въ этой статьѣ, подвергаются освидѣтельствованію во врачебныхъ управахъ на основаніи правилъ, медицинскимъ совѣтомъ составленныхъ, съ

соблюденіемъ притомъ порядка, установленнаго въ законахъ гражданскихъ. Затѣмъ постановлено, что когда по такому свидетельству они будутъ правительствующимъ сенатомъ признаны дѣйствительно безумными или сумасшедшими, то отсылаются для содержанія и леченія въ домъ умалишенныхъ съ тѣмъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ не были изъ того дома исключаемы и водворяемы въ общества безъ разрѣшенія высшаго начальства. Въ заключеніе въ этомъ приложеніи опредѣляются сроки для ихъ содержанія и освобожденія.—Изъ соображенія этихъ статей ясно, что освидѣтельствованіе подсудимыхъ должно производиться во врачебныхъ управахъ, лишь тогда когда окажется, что преступленіе учинено въ сумасшествіи. Обстоятельство это должно быть предварительно открыто и разъяснено слѣдствіемъ, къ которому могутъ, а въ нужныхъ случаяхъ и должны быть приглашаемы и врачи въ качествѣ свѣдущихъ людей, и тогда только, когда изъ всѣхъ обстоятельствъ его окажется, что подсудимый находится или находился въ сумасшествіи,—онъ отсылается для свидѣтельства во врачебную управу съ цѣлію окончательнаго опредѣленія состоянія, въ которомъ находились его умственныя способности въ минуту совершенія преступленія, необходимаго судебному мѣсту при разсмотрѣніи вопроса о вмѣняемости вины. При опредѣленіи этого врачебная управа должна принять въ основаніе не настоящее только состояніе освидѣтельствуемаго, но преимущественно всѣ обстоятельства его предшествовавшей жизни, раскрытыя слѣдствіемъ, и будетъ имѣть полную возможность выразить на основаніи требованій медицинской науки основательное заключеніе о вопросѣ, подлежащемъ ея разсмотрѣнію. Заключенію этому съ перваго взгляда противорѣчитъ приложеніе III къ ст. 107, которымъ требуется, чтобы безумные и сумасшедшіе, учинившіе смертоубійство или посягнувшіе на жизнь другаго или свою собственную, подвергались освидѣтельствованію или испытанію во врачебныхъ управахъ, съ соблюденіемъ порядка, установленнаго въ законахъ гражданскихъ, которымъ возложено освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ на особыя губернскія присутствія; но при внимательномъ обсужденіи этого постановленія и соображеніи съ самою 107 ст., открывается, что подобное освидѣтельствованіе требуется закономъ только относительно безумныхъ и сумас-

шедшихъ, учинившихъ смертоубійство или покушеніе на него, а также зажигательство, а не другія какія либо преступленія, и въ настоящемъ случаѣ только потому, что учинившіе таковыя преступленія безумные и сумасшедшіе подвергаются непремѣнному заключенію въ домъ умалишенныхъ, что не можетъ быть произведено безъ признанія ихъ лишенными разсудка по правиламъ, изложеннымъ въ законахъ гражданскихъ и окончательнаго разрѣшенія правительствующаго сената. — По всѣмъ этимъ соображеніямъ, вполнѣ соглашаясь съ членами врачебной управы, признавшими подсудимаго Корнилія Данилевскаго находящимся въ настоящее время въ здравомъ разсудкѣ, онъ, предсѣдатель, не можетъ не признать совершенно справедливымъ мнѣніе инспектора врачебной управы въ томъ отношеніи, что настоящій актъ освидѣтельствованія не заключаетъ въ себѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы судебному мѣсту *для опредѣленія* вмѣняемости или невмѣняемости вины, съ каковою только цѣлію требовалось и производилось освидѣтельствованіе подсудимаго Данилевскаго. — Такое несоотвѣтствованіе содержанія акта освидѣтельствованія съ цѣлію онаго произошло въ настоящемъ случаѣ отъ неправильнаго примѣненія законовъ объ освидѣтельствованіи безумныхъ и сумасшедшихъ, изложенныхъ въ X т. св. зак., къ освидѣтельствованію подсудимыхъ, которые, какъ онъ, предсѣдатель, полагаетъ, должны быть свидѣтельствуемы не губернскимъ присутствіемъ, а врачебною управою, причемъ сообразно съ особою цѣлію освидѣтельствованія долженъ быть иначе, на основаніи требованія уголовныхъ законовъ и медицинской науки, составленъ и самый актъ свидѣтельства.

Полтавское губернское правленіе, разсмотрѣвъ особыя мнѣнія инспектора врачебной управы и предсѣдателя гражданской палаты, и находя, что судебному мѣсту при разсмотрѣніи и опредѣленіи мѣры наказанія подсудимому Данилевскому въ сдѣланномъ имъ преступленіи необходимо имѣть въ виду свѣдѣнія о томъ, какъ слѣдуетъ считать его, Данилевскаго, во время совершенія преступленія,—опредѣлило: для полнаго рѣшенія этого вопроса подвергнуть Данилевскаго, на основаніи 189 ст. XV изд. 1857 г., освидѣтельствованію во врачебной управѣ.

Вслѣдствіе сего Данилевскій былъ освидѣтельствованъ въ присутствіи полтавской врачебной управы 26 ноября 1862 г. Въ

составленномъ о семъ актѣ врачебная управа изложила слѣдующее: «лубенскій уѣздный судъ отъ 28 февраля донесъ губернскому правленію, что уѣздный судья и стряпчій объявили въ присутствіи суда, что при неоднократномъ посѣщеніи ими острога находили, что содержащійся въ немъ губернскій секретарь Данилевскій замѣченъ ими не въ здравомъ умѣ, что также видно изъ отвѣтовъ его въ уѣздномъ судѣ. Вслѣдствіе этого донесенія Данилевскій былъ доставленъ въ полтавское губернское присутствіе для освидѣтельствованія въ умственныхъ способностяхъ. Изъ историческаго описанія видно: что Корнилій Данилевскій, находясь на службѣ въ лубенскомъ уѣздномъ судѣ, заболѣлъ въ 1840 г. болѣзнію въ видѣ меланхоліи съ потерею разума; сначала онъ сидѣлъ дома, ничѣмъ не занимался, постоянно или молчалъ или разговаривалъ самъ съ собою; потомъ онъ началъ поправляться, понемногу привыкъ заниматься хозяйствомъ и напослѣдокъ выздоровѣлъ, такъ что могъ даже поступить въ частную службу къ становому приставу, у котораго служилъ хорошо. Въ здоровомъ состояніи онъ оказывалъ большую развитость ума, писалъ разныя статьи, даже стихи; къ хмѣльнымъ напиткамъ онъ пристрастенъ не былъ, но при случаѣ пилъ очень много и подвергался всякій разъ умственному разстройству; заговаривался, бродилъ днемъ и ночью, шатаясь по разнымъ мѣстамъ. Такую бродячую жизнь онъ велъ съ 1858 г. почти постоянно. Еще при жизни родителей старались его вылѣчить кровопусканіемъ и отчитываніемъ, но безуспѣшно. Замѣчено было въ его болѣзни, что у него являлся необыкновенный аппетитъ,—онъ ѣлъ за трехъ здоровыхъ. Во время болѣзни онъ былъ очень скроменъ и тихъ, если его не затрогивали; при противорѣчіи же и въ пьяномъ видѣ онъ становился дерзкимъ и лютымъ.—Съ такими предварительными свѣдѣніями приступили къ освидѣтельствованію г. Данилевскаго 11 мая сего года. Онъ оказался по наружному виду здоровъ, выраженіе лица естественное, въ манерахъ ничего страннаго. На нѣкоторые вопросы онъ отвѣчалъ какъ письменно, такъ и словесно довольно удовлетворительно, на другіе же явную безсмыслицу.—Изъ самаго акта 11 мая видно, что если вопросъ касался до сновъ и видѣній, то умопомѣшательство особенно явно обнаруживалось, именно что онъ подверженъ галлюцинаціямъ,

что также видно изъ письменныхъ его отвѣтовъ въ томъ же актѣ.—Въ тюремной больницѣ онъ занимался чтеніемъ святцевъ и другихъ священныхъ книгъ, молился много и долго, а чаще всего находился въ совершенномъ бездѣйствіи, притомъ велъ себя скромно и вѣжливо. На всѣ вопросы, относящіеся до семейства, до сестеръ и службы, онъ отвѣчалъ здраво и показалъ, что память у него сохранилась совершенно. При вопросахъ же о предметахъ религіозныхъ и сновидѣніяхъ, соображеніе ему измѣняло, и онъ заговаривалъ всегда чрезвычайную безсмыслицу.—Тоже самое утверждаетъ городовой врачъ, наблюдавшій за нимъ три мѣсяца постоянно и ежедневно и донесшій полиціи, что Даниловскій подверженъ слабоумію и религіозному умопомѣшательству.—При второмъ освидѣтельствованіи въ губернскомъ присутствіи 17 сентября, Даниловскій отвѣчалъ на вопросы, не относящіеся до точки его умопомѣшательства, совершенно здраво, за то въ отвѣтахъ его о снахъ и видѣніяхъ заключалась совершенная безсмыслица.—При свидѣтельствованіи 3-го октября два члена врачебной управы были того мнѣнія, что Даниловскій въ настоящее время не находится въ умопомѣшательствѣ; мнѣнія этого не раздѣлялъ инспекторъ. Поэтому Даниловскій былъ въ четвертый разъ освидѣтельствованъ 17 октября, причемъ оказалось, что всѣ его отвѣты были столь здравы и воздержны, даже въ отвѣтахъ на вопросы о его ложныхъ идеяхъ онъ отвѣчалъ такъ разумно,—что общее присутствіе признало его единогласно здоровымъ и умопомѣшательству не подверженнымъ.—При освидѣтельствованіи 26 ноября въ присутствіи врачебной управы оказалось, что Даниловскому 47 лѣтъ отъ роду, физически онъ здоровъ, въ наружномъ проявленіи не было ничего неестественнаго и страннаго.—На всѣ письменные вопросы, за исключеніемъ послѣдняго, онъ отвѣчалъ удовлетворительно, только тамъ, гдѣ онъ касается религіи, оказываются понятія превратныя. Въ послѣднемъ же отвѣтѣ явно обнаруживается его умопомѣшательство, именно съ характеромъ религіознымъ, и что онъ подверженъ галлюцинаціямъ. Здѣсь онъ исчисляетъ цѣлый рядъ явленій и видѣній, которыя ему представлялись. Преимущественно являлась ему Богородица въ различныхъ видахъ, въ томъ числѣ онъ видѣлъ ее вмѣстѣ съ св. Варварою мученицею въ чистомъ полѣ; при приближеніи ея неслад-

ная удалялась въ поле, а Богородица пошла въ г. Лубны, ею особенно любимый и покровительствуемый. Разсказываетъ также что какъ-то разъ засуха угрожала разореніемъ и голодомъ цѣлому краю, что онъ тогда принялся умолять Бога, и пошелъ обильный дождь, и народъ былъ спасенъ его молитвами; хотя это было единственно вслѣдствіе его молитвъ, однако—продолжаетъ онъ—«я не долженъ зазнаться, а еще болѣе и усерднѣе прибѣгать въ смиреніи къ Богу и заступницѣ рода человѣческаго.» По окончаніи писанія отвѣта, онъ въ присутствіи при вопросахъ объявилъ также между прочимъ о различныхъ явленіяхъ преимущественно во снѣ, которыя его предостерегаютъ отъ бѣды и напастей, такъ онъ недавно видѣлъ, что члены врачебной управы питаютъ къ нему благорасположеніе и спасутъ его, прибавляя: «ей Богу правда», слова эти онъ постоянно вставляетъ въ своихъ рѣчахъ. Изъ всего вышеизложеннаго врачебная управа заключила: что губернскій секретарь Даниловскій находится въ періодическомъ умопомѣшательствѣ съ характеромъ религіознымъ и, соображаясь съ тѣмъ, что онъ, какъ видно изъ доставленныхъ свѣдѣній и прежде находился въ такомъ же положеніи,—врачебная управа признала его въ состояніи невмѣняемомъ въ отношеніи какихъ либо проступковъ, даже преступленій; а какъ по испытаніи оказалось, что онъ тихаго и кроткаго нрава, и умопомѣшательство безвредное, то онъ можетъ быть возвращенъ семейству безъ всякого опасенія вреда для семейства.

Полтавская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что на Корнилія Даниловскаго заведены слѣдующіе проступки: 1) фальшивое завѣреніе подписи старшины Булатецкаго на квитанціи прапорщику Бычинскому, за письмоводителя становаго пристава Ефимева; 2) въ убійствѣ казака Алексѣя Даниленко; 3) въ нанесеніи топоромъ угрозъ казаку Григорію Даниленко, и 4) въ переворачиваніи въ пасѣкѣ казака Мясника нѣсколькихъ ульевъ съ пчелою. По всѣмъ этимъ обвиненіямъ подсудимый Даниловскій, хотя не сознался и положительныхъ доказательствъ по дѣлу не представляется, но по первымъ тремъ проступкамъ падаетъ на него сильное подозрѣніе, именно по первому: потому что подсудимый Макаренко показалъ, что послѣ его подписи квитанціи, подписалъ Даниловскій, и что почеркъ руки Даниловскаго имѣетъ нѣкоторое

сходство съ подписью на квитанціи. По второму — въ убійствѣ Даниленко: потому что 16 января вечеромъ, возвращаясь съ братомъ своимъ Осипомъ и казакомъ Григоріемъ Лапичемъ изъ с. Клепачей, не доѣзжая двора своего, всталъ изъ саней и, неизвѣстно куда, отправился, а потомъ чрезъ нѣсколько времени возвратился въ домъ, между тѣмъ какъ по дѣлу значится въ это самое время найденъ на той же улицѣ Даниленко убитымъ; сверхъ того бывши съ упомянутымъ братомъ своимъ въ домѣ священнической вдовы Лантевой, они уличали другъ друга въ убійствѣ Даниленко, что подтвердили Лантева и ея сынъ подъ присягою, а губернскіе секретари Ларіонъ Герасименко и Александръ Свириденко удостовѣряютъ, тоже подъ присягою, что когда Герасименко обратился къ брату Корнилія и шуточно сказалъ, что они, Даниловскіе, убили Даниленко, то Корнилій пришелъ въ какое то замѣшательство, лице его измѣнилось и виденъ былъ какой то страхъ. И по третьему: потому что два свидѣтеля утверждаютъ подъ присягою, что онъ замахивался на Григорія Даниленко топоромъ. На основаніи сего палата уголовнаго суда опредѣлила: дворянина Корнилія Даниловскаго по переворачиванію въ насмѣхъ казака Мисника счелъ оставить свободнымъ, а по убійству казака Даниленко, равно по фальшивой подписи за письмоводителя пристава Ефимова и по нанесенію казаку Григорію Даниленкѣ угрозъ имѣть въ сильномъ подозрѣніи, а какъ врачебная управа удостовѣряетъ, что онъ тихаго и кроткаго нрава и умопомѣшательство его безвредное, то водворивъ его въ жительствѣ, отдать, согласно 108 ст. XV т. кн. I, на попеченіе родителямъ, родственникамъ, опекунамъ или съ согласія ихъ и постороннимъ, съ обязательствомъ имѣть за нимъ тщательное непрестанное смотрѣніе во время его болѣзни и леченія, предотвращая всякія дурныя или опасныя для другихъ или его самого послѣдствія умоисступленія.

Начальникъ полтавской губерніи, находя вышеизложенное рѣшеніе палаты уголовнаго суда правильнымъ, представилъ настоящее дѣло, на основаніи 482 ст. 2 кн. т. XV. св. зак., на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ, согласно съ особымъ мнѣніемъ, даннымъ бывшимъ инспекторомъ полтавской врачебной управы Верховскимъ, нашелъ, что губерн-

скій секретарь Корнилій Даниловскій страдаетъ помѣшательствомъ ума, которое, судя по результатамъ послѣднихъ освидѣтельствованій его въ общемъ присутствіи губернскаго правленія и во врачебной управѣ, по всему вѣроятію, перешло уже въ слабоумie. Что же касается до противоположнаго сему заключенію мнѣнія остальныхъ членовъ врачебной управы, то оно повидимому произошло отъ того, что они основывали мнѣніе это только на нѣкоторыхъ казавшихся правильными отвѣтахъ Даниловскаго, данныхъ имъ при освидѣтельствованіяхъ въ губернскомъ правленіи, и упустили изъ виду другія обстоятельства, доказывающія явное болѣзненное состояніе его.

Дѣло о буйныхъ поступкахъ поручика Зейфорта.

29 сентября 1862 г., часу въ 7-мъ, по полудни, проживающій въ домѣ, принадлежащемъ въ числѣ другихъ наслѣдниковъ,—Зейфорту, князь Витгенштейнъ, объявилъ квартальному надзирателю Черкасову, что ему нужно съ женою своею выѣхать изъ дома, но у подъѣзда его квартиры дожидается на улицѣ поручикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Владиміръ Зейфортъ, и что также передъ этимъ Зейфортъ справлялся у швейцара его квартиры, дома ли Витгенштейнъ, и получилъ отвѣтъ, что его нѣтъ дома, но что скоро будетъ.—Вслѣдствіе сего Черкасовъ отправился съ двумя городовыми къ квартирѣ князя Витгенштейна и засталъ Зейфорта прохаживающимся по тротуару у подъѣзда его квартиры.—Черкасовъ, спросивъ его, кого онъ дожидается? получилъ въ отвѣтъ, что дожидается князя Витгенштейна, съ которымъ онъ раздѣлается здѣсь или на машинѣ (кн. Витгенштейнъ собирался уѣхать съ женою въ Кіевъ, куда и отправился на слѣдующій день). Черкасовъ напомнилъ Зейфорту данную имъ передъ тѣмъ обязательную подписку, что онъ не будетъ впредь безпокоить князя Витгенштейна, (подписка была дана вслѣдствіе жалобы Витгенштейна на причиненное въ квартирѣ его, Витгенштейна, буйство Зейфортомъ), и просилъ его уйти домой. На это Зейфортъ отвѣтилъ, что онъ прогуливается здѣсь и домой не пойдетъ. На повторительныя убѣжденія со стороны

надзирателя удалиться, Зейфортъ убѣждалъ съ своей стороны Черкасова удалиться отъ подъѣзда. На слова же Черкасова, что онъ, по обязанности своей, не можетъ отойти до отъѣзда кн. Виттгенштейна, и что, если Зейфортъ не уйдетъ, то онъ принужденъ будетъ приказать городовымъ отвести его въ часть,—Зейфортъ, въ изступленіи сказавъ Черкасову: «и ты за князя Суворова, пропадай же»,—выхватилъ изъ ноженъ свою полусаблю, и направилъ ее съ намѣреніемъ ударить его, Черкасова, въ голову, причемъ Черкасовъ успѣлъ отклониться влѣво, и полусабля, скользнувъ по правой сторонѣ головы его, ударилась въ плечо. Трое городовыхъ, выхвативъ изъ рукъ его полусаблю, повели его къ оберъ-полиціймейстеру. Но такъ-какъ пройдя нѣкоторое пространство, Зейфортъ снова началъ буйствовать, вырываясь отъ городовыхъ и нанося имъ побои, то надзиратель Черкасовъ, подозвавъ четвертаго городоваго, приказалъ связать Зейфорта, который продолжалъ буйствовать и уже связанный, доставъ свои ножны, старался ими ударить Черкасова и также стараясь притомъ нанести ему ударъ ногою. На пути Зейфортъ, уже связанный, останавливалъ прохожихъ, ругаясь надъ нѣкоторыми правительственными и полицейскими властями, прося опубликовать объ этомъ въ газетахъ. — При допросахъ, Зейфортъ, объясняя свое столкновеніе съ Черкасовымъ вышеизложеннымъ образомъ, показалъ, что Черкасовъ объяснялся съ нимъ грубо, и когда надзиратель приказалъ городовымъ взять его, то онъ, будучи отъ болѣзни крайне впечатлителенъ, при такомъ насиліи и оскорбленіи со стороны надзирателя впалъ въ совершенное безпамятство, безсознательно сталъ защищаться и, какъ впослѣдствіи припомнилъ, выхватилъ свою полусаблю и кричалъ: «не смѣть трогать». Но былъ охваченъ, потащенъ къ конюшенному мосту, тамъ на мосту связанъ и отправленъ къ оберъ-полиціймейстеру, а оттуда въ часть.

При освидѣтельствованіи Зейфорта 1 октября 1862 г. врачемъ 1-й адмиралтейской части Савицкимъ, найдено: «Зейфортъ отъ роду 28 лѣтъ, умѣренно-крѣпкаго тѣлосложенія; оказался больнымъ сильными приливами крови въ головѣ, вслѣдствіе которыхъ онъ нерѣдко обнаруживаетъ припадки гнѣва, доходящіе до неистовства. Для излеченія слѣдуетъ его отправить въ арестантское отдѣленіе 2-го военно-сухопутнаго госпиталя».

Затѣмъ въ тотъ же самый день 1 октября, вслѣдствіе предписанія с.-петербургскаго оберъ-полицiймейстера такъ же врачемъ Савицкимъ составлено свидѣтельство подозрѣваемому въ умономѣшательствѣ Зейфорту, причемъ врачъ Савицкій изложилъ: «поручикъ Зейфортъ умѣреннаго тѣлосложенія, около 30-ти лѣтъ отъ роду; на предложенные ему вопросы отвѣчалъ совершенно удовлетворительно, что доказываетъ, что умственныя его способности находятся до сихъ поръ въ нормальномъ состояніи. Но при разговорѣ какъ съ нимъ, Савицкимъ, такъ равно и съ другими лицами, вчера и третьяго дня онъ обнаружилъ вспышки гнѣва, доходящія до неистовства: въ это время лицо Зейфорта дѣлалось синебагровымъ, вздутымъ, глаза наливались кровью, блестѣли сильно и состояли въ безпрестанномъ движеніи, на губахъ показывалась пѣна и самъ онъ забывался до такой степени, что безъ употребленія физической силы готовъ былъ бы покуситься на какое либо преступленіе. Описанные припадки происходятъ, какъ полагать должно, отъ сильной раздражительности нервной системы и приливовъ крови къ головѣ, отъ которыхъ слѣдуетъ его лечить безотлагательно, ибо въ противномъ случаѣ можетъ у него развиться яростное умопомѣшательство. Для сего и слѣдуетъ его отправить во второй военно-сухопутный госпиталь.

Затѣмъ 9 того же октября по предписанію с.-петербургскаго оберъ-полицiймейстера отъ 5 октября Зейфортъ, какъ подозрѣваемый въ умопомѣшательствѣ, былъ свидѣтельствованъ во 2-мъ сухопутномъ госпиталѣ главнымъ врачемъ полиціи Шабловскимъ, коимъ найдено: «Зейфорту отъ роду 31 годъ, умѣренно-крѣпкаго тѣлосложенія, желчно-сангвиническаго темперамента, лице красное съ багровымъ отливомъ, глаза блестящіе, сверкающіе, налитые кровью и пожелтѣлые. Во всей его наружности замѣтно: волненіе, тревожныя состояніе и настроеніе духа, нетерпѣніе и жажда выговориться предъ кѣмъ нибудь о случившемся съ нимъ происшествіи 1 числа октября. Происшествіе это разсказываетъ онъ съ совершенною послѣдовательностію, очень громко, съ сильными, выразительными жестами, не щадя разныхъ прикрасъ и неприличныхъ выраженій относительно лицъ, принимавшихъ дѣятельное или косвенное участіе въ этомъ происшествіи. Однакожъ всѣ факты происшествія разсказываетъ онъ съ

видимымъ желаніемъ скрыть и затмить истину разными, не относящимися къ дѣлу прибавленіями. Причемъ, когда разсказъ его доходитъ до мѣстъ и обстоятельствъ, которыя его совершенно обвиняютъ, онъ тутъ старается громче говорить, горячится, употребляетъ неумѣстныя и неприличныя образованному человѣку выраженія, выходитъ изъ себя и становится человѣкомъ, котораго не только непріятно выслушивать, но даже и не безопасно, особенно при возраженіяхъ. — Весь его разсказъ видимо основанъ на превратно истолкованныхъ, по его понятіямъ, словахъ «честь и обязанность», и что онъ оскорбляется даже тѣмъ, что и тѣни оскорбленія не имѣетъ. И на этихъ же началахъ сего года въ мартѣ мѣсяцѣ нанесъ онъ двѣ пощечины коллежскому ассесору Юр—ичу, бывшему тогда жильцу въ ихъ наслѣдственномъ домѣ, въ которомъ онъ, Владиміръ Зейфортъ, распоряжаться не имѣлъ и не имѣетъ никакого права, но вмѣшивается собственно по его строптивому, безпокойному, обидчивому и необузданному характеру. — Изъ всего вышеизложеннаго врачъ Шабловскій заключилъ: «что умственныя способности поручика Владиміра Зейфорта въ настоящее время находятся въ совершенно нормальномъ состояніи. Но если при слѣдствіи о происшествіи, бывшемъ съ нимъ 1 числа октября, совершенномъ по его же словамъ въ полномъ самосознаніи, возникнетъ хотя малѣйшее сомнѣніе о настоящемъ его, врача Шабловскаго, заключеніи, тогда представится необходимость въ формальномъ освидѣтельствованіи Зейфорта. Причемъ нужно присовокупить, что для точнѣйшаго опредѣленія состоянія умственныхъ способностей Зейфорта, надлежитъ выдержать его подъ наблюденіемъ въ госпиталѣ шесть недѣль».

Послѣ сего главный докторъ втораго военно-сухопутнаго госпиталя, статскій совѣтникъ Угебскій, 18 октября 1862 г. сообщилъ санктпетербургскому оберъ-полиціймейстеру, что у находящагося въ госпиталѣ поручика Зейфорта ниразу не былъ замѣченъ бредъ; притомъ онъ, Зейфортъ, во все время пребыванія своего въ госпиталѣ отвѣчалъ на всѣ вопросы правильно и ясно, поведенія былъ онъ скромнаго и не нарушалъ госпитальнаго порядка, хотя онъ повидимому характера желчнаго и раздражительнаго».

Такъ какъ вышеприведенныя судебно-медицинскія свидѣтельства разнорѣчили одно другому въ состояніи здоровья подсудимаго Зейфорта, то за разрѣшеніемъ вопроса: можно ли считать вышеизложенный поступокъ его съ квартальнымъ надзирателемъ Черкасовымъ совершеннымъ подъ вліяніемъ болѣзненныхъ припадковъ, приводящихъ въ умоисступленіе или совершенное безпамятство,—второй департаментъ с.-петербургской управы благочинія обратился въ департаментъ медицинскій.

Разсмотрѣвъ представленные вторымъ департаментомъ с.-петербургской управы благочинія акты, медицинскія свидѣтельства, выданныя врачами Савицкимъ и Шабловскимъ, а равно отзывъ конторы втораго военно-сухопутнаго госпиталя о состояніи умственныхъ способностей поручика Зейфорта, медицинскій департаментъ нашелъ, что такъ какъ изъ представленныхъ на разсмотрѣніе его бумагъ не видно, какой былъ собственно поводъ ссоры поручика Зейфорта съ княземъ Витгенштейномъ и съ упоминаемымъ въ свидѣтельствѣ главнаго врача полиціи Шабловскаго, коллежскимъ ассесоромъ Юр—чемъ, то и разрѣшеніе предложеннаго въ данномъ случаѣ управою благочинія вопроса не представляется возможнымъ, такъ какъ самая ничтожность поводовъ къ проявленію буйства при другихъ ненормальныхъ условіяхъ жизни, странности общественной и семейной обстановки (о чемъ тоже въ дѣлѣ ничего не говорится), составляютъ важный матеріалъ при распознаваніи умственнаго разстройства.

Таковое мнѣніе свое медицинскій департаментъ представилъ на благоусмотрѣніе медицинскаго совѣта съ препровожденіемъ подлинныхъ бумагъ.

Изъ препровожденныхъ медицинскимъ департаментомъ подлинныхъ бумагъ, кромѣ свѣдѣній, изложенныхъ въ запискѣ департамента, видно, что производившіе слѣдствіе по дѣлу о поручикѣ Зейфортѣ приставъ слѣдственныхъ дѣлъ и стряпчій полицейскихъ дѣлъ 1-й части, въ составленномъ ими 1 ноября 1862 г. актѣ, изложивъ обстоятельства означеннаго дѣла, присовокупили: 1) что, по ихъ мнѣнію, поступокъ поручика Зейфорта, впредь до полнаго разъясненія обстоятельствъ дѣла слѣдствіемъ, не можетъ быть признанъ совершеннымъ такъ, какъ изложено въ актѣ полиціи отъ 29 сентября, ибо составитель этого акта

есть тотъ самый надзиратель, объ оскорбленіи котораго составленъ этотъ актъ; 2) если же признать все изложенное въ актѣ за совершенную истину, то объясненіе степени виновности Зейфорта слѣдуетъ искать въ обстоятельствахъ дѣла, не помѣщенныхъ въ актѣ, а какъ въ настоящемъ дѣлѣ таковыхъ не представляется, то слѣдуетъ обратиться къ самой личности обвиняемаго Зейфорта. Въ этомъ отношеніи имѣются въ дѣлѣ полныя данныя въ свидѣтельствахъ врачебныхъ, ибо преступленіе, въ которомъ обвиняется Зейфортъ, по свойству своему можетъ быть совершено исключительно подъ вліяніемъ физическаго состоянія. По свидѣтельствамъ врача видно, что Зейфортъ обнаруживалъ въ день совершенія преступленія припадки гнѣва, доводящіе его до неистовства и самозабвенія, и что припадки эти происходятъ отъ болѣзненнаго состоянія столь сильнаго, что при недостаткѣ медицинскаго пособія оно можетъ перейти въ яростное умопомѣшательство. Преступленіе, совершенное въ припадкѣ болѣзни, приводящемъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, по буквальному смыслу 104 ст. п. 3 улож. о наказ. угол. и испр., не должно быть вмѣняемо въ вину; свидѣтельства же врача (удостовѣряющія нахожденіе г. Зейфорта въ изложенномъ въ приведенной статьѣ состояніи) на основ. 328 ст. XV т. св. зак. угол. ч. II пріемлются совершеннымъ доказательствомъ, а потому поручикъ Зейфортъ не можетъ подлежать наказанію за содѣянное имъ преступленіе, вслѣдствіе чего и аресту во время слѣдствія не подлежитъ.

Второй департаментъ управы благочинія, разсмотрѣвъ актъ, составленный 1 ноября 1862 г. приставомъ слѣдственныхъ и стряпчимъ полицейскихъ дѣлъ 1 части, и подлинное дѣло о поручикѣ Зейфортѣ, нашелъ, что хотя приставъ и стряпчій, основываясь на свидѣтельствѣ врача полиціи 1 октября, которымъ заключаетъ, «что Зейфортъ въ день совершенія преступленія обнаруживалъ припадки гнѣва, доходящіе до неистовства и самозабвенія, происходящіе отъ болѣзненнаго состоянія, которое при недостаткѣ медицинскаго пособія можетъ перейти въ яростное умопомѣшательство», полагаютъ, что Зейфортъ не подлежитъ аресту во время слѣдствія, но какъ: во 1) изъ отношенія конторы 2 сухопутнаго госпиталя видно, что Зейфортъ во все время (съ 5 октября) пребыванія въ госпиталѣ отвѣчалъ на всѣ вопро-

сы правильно и ясно и повидимому характера желчнаго и раздражительнаго, главный же врачъ полиціи въ свидѣтельствѣ 9 октября удостовѣряетъ, что Зейфортъ находится совершенно въ нормальномъ состояніи; во 2) что за сопротивленія дѣйствіямъ полиціи съ употребленіемъ оружія Зейфортъ можетъ быть судомъ приговоренъ къ тяжкому наказанію, и въ 3) что предписаніемъ департамента поручено было приставу актъ объ освобожденіи Зейфорта составить по обстоятельствамъ слѣдствія, котораго приставомъ еще не произведено,—то поэтому, не находя законнаго основанія согласиться съ мнѣніемъ пристава и стряпчаго, второй департаментъ возвратилъ приставу вышеозначенный актъ, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, съ тѣмъ, чтобы онъ въ точности исполнилъ вышеприведенное предписаніе департамента.

Въ составленномъ, вслѣдствіе сего, 28 ноября 1862 г. приставомъ слѣдственныхъ и стряпчимъ полицейскихъ дѣлъ 1 части актѣ изложено, что во исполненіе предписанія втораго департамента управы благочинія былъ спрошенъ надзиратель Черкасовъ и дана ему очная ставка съ г. Зейфортомъ, а также спрошены были лица, бывшія при происшествіи, именно: (безъ присяги) городовой Андреевъ, и дана ему очная ставка съ г. Зейфортомъ, и подъ присягою городовые: Суворовъ, Громовъ и Горяиновъ, а равно швейцаръ дома Зейфорта, мѣщанинъ Егоровъ. Черкасовъ подтвердилъ при слѣдствіи обвиненіе, взведенное имъ на поручика Зейфорта и изложенное въ составленномъ имъ о происшествіи актѣ; прочія же лица подтвердили, на сколько каждый изъ нихъ былъ свидѣтелемъ происшедшаго, ссылку на нихъ Черкасова, а именно: изъ показаній ихъ видно, что 29 сентября, когда надзиратель вслѣдствіе просьбы князя Витгенштейна прибылъ къ дому Зейфорта, увидѣлъ его прохаживающимся около онаго, и имѣя въ виду, что передъ прибытіемъ его г. Зейфортъ справлялся у швейцара насчетъ кн. Витгенштейна, требовалъ удаленія его отъ дома, то г. Зейфортъ этого не исполнилъ, отзываясь, что онъ прогуливается, а также, что раздѣлается съ княземъ здѣсь или на машинѣ, потомъ Зейфортъ нанесъ ударъ полусаблею надзирателю; также изъ показаній ихъ видно, что, когда послѣ этого г. Зейфорта повели городовые по приказанію надзирателя къ оберъ-полицiймейстеру, то онъ ругалъ г. Чер-

касова и пройдя нѣкоторое пространство, началъ метаться; тогда онъ былъ, по приказанію надзирателя, связанъ и послѣ того хотѣлъ ударить надзирателя; что же касается до нанесенія удара рукою одному изъ городовыхъ, то и самъ оскорбленный объявилъ, что не утверждаетъ, чтобы это сдѣлано было г. Зейфортомъ съ умысломъ, а можетъ быть нечаянно при размахиваніи имъ руками; свидѣтели подтвердили также и то, что г. Зейфортъ послѣ того, какъ былъ связанъ, и до привода въ часть произносилъ ругательства и оскорбительныя для полицейскаго начальства слова; о состояніи, въ которомъ находился Зейфортъ во время происшествія, свидѣтели показали, что сначала г. Зейфортъ объяснялся съ надзирателемъ довольно хладнокровно; при нанесеніи же удара вдругъ пришелъ въ такое состояніе, что они приняли его за сумасшедшаго по внѣшнему виду его. По соображеніи вышеизложеннаго: съ предписаніемъ департамента *о составленіи* акта о личности Зейфорта и съ законами, и по разслѣдованіи обстоятельствъ дѣла, приставъ и стряпчій находятъ: 1) что обстоятельства дѣла чрезъ спросъ свидѣтелей приведены въ ясность и полноту, требуемую департаментомъ для сужденія о виновности Зейфорта, и что въ настоящее время мнѣніе объ освобожденіи его изъ подъ стражи можетъ быть основано на самой сущности дѣла и на свойствѣ дѣянія, а именно: самъ надзиратель и свидѣтели показываютъ, что на словесное предложеніе г. Черкасова о томъ, чтобы г. Зейфортъ удалился отъ своего дома, онъ сначала объяснялся съ нимъ, и, затѣмъ, не вслѣдствіе какихъ либо дѣйствій надзирателя съ цѣлію удаленія его отъ дома нанесъ ему ударъ, а вслѣдствіе повторенія предложенія надзирателя; такимъ образомъ ударъ этотъ есть дѣйствіе не сопротивленія, а самостоятельное, какъ оскорбленіе, соединенное съ насиліемъ, ибо для неисполненія требованія надзирателя, пока оно было только словесное, не было никакой надобности прибѣгать кромѣ неповиновенія къ какому либо дѣйствительному сопротивленію; это видно еще болѣе изъ того, что умышленное сопротивленіе (если принять за таковое дѣйствіе нанесеніе удара надзирателю), не могло имѣть для г. Зейфорта результатомъ избавленія себя отъ необходимости исполнить распоряженіе надзирателя, такъ какъ послѣдній, если бы захотѣлъ во что бы ни стало настоять на исполненіи своего распоряженія,

то помощію бывшихъ при немъ трехъ городовыхъ, могъ неминуемо достигнуть цѣли; а наконецъ, нельзя видѣть въ дѣйствіи Зейфорта умышленнаго сопротивленія, потому что если признавать его дѣйствовавшимъ съ полнымъ самосознаніемъ, то нельзя допустить вмѣстѣ съ тѣмъ мысли, чтобы онъ рѣшился на тяжкое преступленіе для того только, чтобы не исполнить такого требованія надзирателя, которое не влекло за собою для него никакихъ важныхъ невыгодныхъ послѣдствій; такимъ образомъ по мнѣнію пристава и стряпчаго дѣйствіе нанесенія удара Зейфортомъ надзирателю, если признать его въ состояніи вмѣняемости, есть преступленіе, изложенное въ 324 ст. ул. о нак. объ оскорбленіи явно насильственнымъ дѣйствіемъ чиновника при исполненіи имъ обязанностей службы, а за это преступленіе, какъ не влекущее за собою лишенія всѣхъ или всѣхъ особыхъ правъ состоянія, виновный, на осн. 134 ст. XV т. св. зак. граж., содержанію подъ стражею во время слѣдствія не подлежитъ. 2) Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи показаній свидѣтелей, приставъ и стряпчій считаютъ необходимымъ снова представить на благоусмотрѣніе департамента мнѣніе свое о неподлежаніи Зейфорта никакой отвѣтственности за содѣянное имъ, на осн. 104 ст. п. 3 ул. о нак., ибо свидѣтели удостовѣряютъ нахожденіе Зейфорта въ припадкѣ умоизступленія въ моментъ нанесенія имъ удара, это видно изъ словъ ихъ, что приняли его въ то время за сумасшедшаго; свидѣтельство же врача отъ 1 октября, и удостовѣреніе конторы военно-сухопутнаго госпиталя подтверждаютъ болѣзненное состояніе обвиняемаго: первыя объясняютъ его припадки, приводящіе въ безпамятство и умоизступленіе, второе, данное на основаніи наблюденій надъ г. Зейфортомъ, начавшихся на седьмой день послѣ самаго происшествія, когда больной естественно могъ успокоиться, выражаетъ, что не смотря на тихое поведеніе Зейфорта, онъ обнаруживалъ желчность и раздражительность; что же касается до свидѣтельства главнаго врача полиціи, то оно не служитъ опроверженіемъ вышеозначенныхъ судебно-медицинскихъ данныхъ, ибо: а) выдано уже на 12 день послѣ происшествія; б) вовсе не упоминается о томъ, не есть ли причиною дѣяній Зейфорта болѣзнь его, какъ причина, признаваемая закономъ (104 ст. 3 п., еще болѣе по сличеніи 107 и 108) независимо отъ безумія и сумасшествія; слѣдовательно свидѣ-

тельство это, какъ неполное въ судебно-медицинскомъ отношеніи, а только удостовѣряющее умственное состояніе г. Зейфорта, не можетъ быть принято въ основаніе; в) свидѣтельство это также по описанію въ ономъ болѣзненныхъ явленій, замѣченныхъ въ Зейфортѣ еще на 12 день послѣ происшествія, удостовѣряетъ болѣзненное состояніе обвиняемаго, могущее побудить къ дѣянію, въ которомъ обвиняется Зейфортъ. Что касается до того, что Зейфортъ естественно могъ подвергнуться 29 сентяря припадку гнѣва, доведшему его по физическому состоянію его до безпамятства, то въ этомъ отношеніи требованіе, съ которымъ надзиратель обращался къ нему, представляется поводомъ (при раздражительности Зейфорта) достаточнымъ, ибо человѣкъ, неспособный по самому физическому состоянію своему владѣть собою и уже находящійся въ раздраженномъ состояніи, (какъ описываютъ состояніе Зейфорта при приходѣ къ дому надзирателя, сей послѣдній и свидѣтели), естественно могъ принять требованіе г. Черкасова удалиться отъ дому, т. е. изъ мѣста не воспрещеннаго, пока еще не было съ его стороны никакихъ противозаконныхъ дѣйствій,—требованіемъ для себя стѣснительнымъ и незаконнымъ; по всѣмъ этимъ соображеніямъ, приставъ и стряпчій полагаютъ, что поручикъ Зейфортъ подлежитъ освобожденію изъ подъ стражи.

По полученіи вышеизложеннаго акта, второй департаментъ управы благочинія заключилъ, что такъ какъ медицинскія свидѣтельства разнорѣчатъ о состояніи здоровья поручика Зейфорта, то для разрѣшенія вопроса, можно ли считать поступокъ Зейфорта совершеннымъ подъ вліяніемъ болѣзненныхъ припадковъ, приводящихъ въ умризступленіе или совершенное безпамятство, медицинскія свидѣтельства вмѣстѣ съ актами, составленными 1 и 28 ноября, необходимо препроводить въ медицинскій департаментъ. Сверхъ того, изъ полученной отъ конторы 2 военно-сухопутнаго госпиталя копіи съ исторіи болѣзни поручика Зейфорта видно, что Зейфортъ уже 5 лѣтъ страдаетъ вторичнымъ сифилисомъ, припадки котораго подъ вліяніемъ специфическаго леченія нѣсколько разъ проходили, но отъ употребленія сѣрныхъ ваннъ у него снова появлялась сыпь. Больной принималъ іодистый патассій, сулему, іодистую ртуть и лечился на старорус-

скихъ минеральныхъ водахъ и крымскихъ грязяхъ. При поступленіи 4 октября 1862 г. въ госпиталь, на тѣлѣ его, по преимуществу же на спинѣ, оказалась сыпь, въ родѣ acne, и кромѣ того боль въ зевѣ, безъ красноты и язвъ. 11 того же октября Зейфортъ выписался изъ госпиталя, безъ особенныхъ перемѣнъ въ его болѣзни.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что въ вышеозначенныхъ свидѣтельствахъ врачей Савицкаго и Шабловскаго описаны одни и тѣже субъективные и объективные признаки ненормальнаго весьма раздражительнаго состоянія поручика Зейфорта, и въ обоихъ состояніе его умственныхъ способностей признается нормальнымъ; вся разница между этими свидѣтельствами состоитъ лишь въ томъ, что въ свидѣтельствѣ г. Шабловскаго на сказанные признаки ненормальнаго раздраженнаго состоянія не обращено надлежащаго вниманія, а сдѣланъ выводъ о строптивомъ, безпокойномъ характерѣ г. Зейфорта и превратномъ толкованіи имъ словъ „честь и обязанность", въ подтвержденіе чего приводятся посторонніе и, въ дѣлѣ не находящіяся обстоятельства, напр. ссора съ г. Юр—чемъ, безправныя распоряженія г. Зейфорта въ наслѣдственномъ домѣ и т. п. Что же касается до вопроса о томъ: можно ли считать поступокъ Зейфорта совершеннымъ подъ вліяніемъ болѣзненныхъ припадковъ, приводящихъ въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, то хотя въ вышеупомянутыхъ медицинскихъ свидѣтельствахъ врача Савицкаго положительно удостовѣряется, что г. Зейфортъ подверженъ приливамъ крови въ головѣ и болѣзненному нервному раздраженію, вслѣдствіе которыхъ у него нерѣдко обнаруживаются припадки гнѣва, доходящіе до неистовства, (чему и свидѣтельство главнаго врача полиціи, какъ показано выше, нисколько не противорѣчитъ), и хотя при такомъ ненормальномъ состояніи, при случайномъ стеченіи внѣшнихъ обстоятельствъ и въ особенности подъ вліяніемъ сильныхъ моральныхъ возбужденій, раздраженіе легко можетъ доходить до степени совершеннаго умоизступленія и безпамятства, однако медицинскій совѣтъ, согласно съ мнѣніемъ медицинскаго департамента полагаетъ, что въ настоящемъ случаѣ положительное разрѣшеніе сказаннаго вопроса представляется невозможнымъ, по неимѣнію въ виду указанныхъ въ заключеніи медицинскаго департамента свѣдѣній, существенно

необходимыхъ при разрѣшеніи вопросовъ о состояніи умственныхъ способностей, и что сверхъ того необходимо было бы болѣе тщательное врачебное наблюденіе и изслѣдованіе замѣченной у поручика Зейфорта болѣзненной раздражительности, чрезъ специіалиста психіатра.

Объ отставномъ прапорщикѣ Юрьевѣ, сужденномъ за разные противозаконные поступки.

(Періодическое буйное помѣшательство отъ запоя и ранъ на головѣ).

Въ декабрѣ 1859 г., помѣщица сельца Темниковъ (краснинскаго уѣзда, смоленской губерніи), жена отставнаго прапорщика *Марья Юрьева* объявила мѣстному становому приставу, что 19 декабря мужъ ея Александръ Юрьевъ сдѣлалъ въ домѣ ея въ сельцѣ Темникахъ буйства, билъ и давилъ трехлѣтняго сына своего Николая, другому сыну своему Семену (2 лѣтъ) хотѣлъ открутить голову, свалилъ на полъ мать ея, Юрьевой, которая заступилась за дѣтей, потомъ, придя еще въ большій азартъ, побѣжалъ въ свою комнату за бритвами, крича, что зарѣжетъ всѣхъ и самъ себя, но былъ удержанъ отъ этого созванными въ домъ людьми. Въ это время она Юрьева, успѣла уѣхать изъ Темниковъ съ двумя дѣтьми, матерью и нянькою, безъ теплой одежды, на случившейся на дворѣ крестьянской подводѣ, возившей дрова, въ деревню брата своего отставнаго лейтенанта Ивана Ваулина, отстоящую отъ сельца Темниковъ въ восьми верстахъ.

Одновременно съ объявленіемъ Марьи Юрьевой братъ ея, *Иванъ Ваулинъ* заявилъ становому приставу, что 20 декабря онъ поѣхалъ въ сельцо Темники для того, чтобы взять ключи отъ амбаровъ и прочихъ заведеній и привести теплое платье для его сестры и ея семейства. Для предосторожности же взялъ съ собой револьверъ. Для предупрежденія того, чтобы Юрьевъ не бросился на него съ саблей, съ ножемъ или бритвой, какъ бывало прежде нѣсколько разъ, онъ Ваулинъ по въѣздѣ на дворъ дома сестры сдѣлалъ выстрѣлъ на воздухъ, чтобы дать знать, что онъ ѣдетъ вооруженный. Какъ онъ думалъ, такъ и случилось: Юрьевъ, какъ

негодяемъ низкой души и труса, храбрый только съ людьми кроткими и слабыми женщинами, услышавъ первый выстрѣлъ, скрылся изъ дому, унеся съ собою ключи отъ имѣнія жены. Войдя въ домъ, онъ, Ваулинъ, долго бродилъ по дому, но не нашелъ ни Юрьева, ни ключей. Наконецъ замѣтилъ дагерротипный портретъ Юрьева, отъ нечего дѣлать и дабы внушить Юрьеву низменность его поступка, показать чего онъ достоинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ по крайней мѣрѣ внушить къ себѣ страхъ, — взялъ портретъ, поставилъ его и, отойдя на шесть шаговъ, выстрѣлилъ и разбилъ пулею, а затѣмъ приказалъ крестьянамъ отдать портретъ Юрьеву. Такъ какъ и на вторичный его выстрѣлъ Юрьевъ не явился, то не имѣя ключей отъ гардероба, онъ принужденъ былъ разломать замокъ и, взявъ кое что изъ теплой одежды, уѣхалъ изъ Темниковъ.

23 декабря 1859 г. *Юрьевъ* прислалъ къ становому приставу письмо, отъ 22 декабря, слѣдующаго содержанія: «милостивый государь Владиміръ Петровичъ, честь имѣю покорнѣйше просить васъ посѣтить своимъ приходомъ ко мнѣ; 20 числа сего декабря братъ моей жены лейтенантъ Иванъ Ваулинъ пріѣхалъ съ 6-ствольнымъ револьверомъ и съ намѣреніемъ убить меня, почему и пули стрѣлялъ въ комнаты, и я случаемъ спасенъ, вчера же случился сильный пожаръ; чего же еще ожидать? я посылалъ сіе прошеніе къ губернатору, но оное было перехвачено Ваулинымъ, и мнѣ его обратно привезли. Бога ради спасите инвалида».

Въ присланной при вышеизложенномъ письмѣ докладной запискѣ на имя начальника смоленской губерніи, Юрьевъ писалъ: «ваше превосходительство, извините, простите, что я пишу вамъ особо не формально. Дѣло не формы требуетъ, а защиты, христіанской защиты! 20 числа сего декабря мѣсяца 1859 г., меня было убилъ изъ 6 ствольнаго револьвера братъ моей жены, родной братъ Иванъ Ваулинъ. Нужно свидѣтельство вашему превосходительству? вотъ оно: братъ моей жены глухонѣмой Алексѣй Ваулинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ братъ моего серьезнаго убійцы; и вмѣстѣ съ тѣмъ портретъ мой личный, разбитый пулею; и прямая стѣна, показывающая тоже; а также приходскій священникъ села Щелканова Василій Бѣлинъ и крестьяне, нѣкоторые, мои крѣпостные. Ваше превосходительство, дѣло само собою въ

ревъ, что онъ [illegible] она это почувствуетъ. Но вмѣсто жены пріѣхалъ Иванъ Варулинъ въ какомъ-то остервененіи, выстрѣлилъ въ окно, послѣ чего вбѣжалъ въ комнаты съ [illegible], гдѣ Юрьевъ, я убѣжала и увидѣла его, выстрѣлилъ изъ револьвера и пуля нанесла ему контузію въ лѣвую руку; но благоразумно онъ почелъ за лучшее удалиться и скрылся на скотномъ дворѣ, гдѣ болѣе двухъ часовъ стоялъ на морозѣ, и жестоко простудился. Варулинъ бѣгалъ съ пистолетомъ, ища его; наконецъ возвратился въ домъ, взялъ его портретъ и выстрѣлилъ въ него; это безчестіе и оскорбленіе окончательно разстроили слабое здоровье его, Юрьева, послѣ чего онъ подалъ жалобное прошеніе къ начальнику смоленской губерніи, прося его защиты.

Спрошенные временнымъ отдѣленіемъ дворовые люди и крестьяне сельца Теминкинъ, подтвердивъ объявленіе жены Юрьева о поступкахъ ея мужа 19 декабря, отозвались, что когда Юрьевъ не былъ допущенъ до той комнаты, гдѣ лежали бритвы, то сказалъ, что онъ успокоится и сталъ ходить по комнатѣ; въ то время онъ пьянъ не былъ, и вообще они никогда пьянымъ его не видали и худаго ничего за нимъ не замѣчали. Относительно послѣдняго обстоятельства, одна свидѣтельница показала, что Юрьевъ временно бываетъ пьянъ и тогда сердитъ; другая же свидѣтельница отозвалась, что Юрьевъ большею частію бываетъ пьянъ и въ то время [illegible]; 20 числа декабря Иванъ Варулинъ, войдя въ домъ, не засталъ тамъ Юрьева и въ него не стрѣлялъ, а только въ портретъ его.

Въ поданныхъ во время производства слѣдствія многочисленныхъ прошеніяхъ, докладныхъ запискахъ и другихъ бумагахъ на имя временнаго отдѣленія, членовъ этого отдѣленія и начальника смоленской губерніи, *жена* Юрьева между прочимъ сообщала, что мужъ ея въ предшествовавшіе годы неоднократно дѣлалъ въ домѣ ея буйство; объ этомъ въ 1857 и 1858 г.г. производились даже слѣдствія, но оканчивались миромъ; для окончанія послѣдняго дѣла Юрьевъ далъ подписку въ томъ, что онъ выѣдетъ изъ смоленской губерніи, но этого онъ не исполнилъ, снова поселился въ сельцѣ Темникахъ и сперва жилъ мирно, но потомъ опять сталъ буянить.

Упоминаемая выше подписка, данная Юрьевымъ, слѣдующаго содержанія: «1858 г. іюля 9 дня, я нижеподписавшійся отставной

1839 г., и въ 1854 г., по переводѣ въ кавказскій корпусъ, былъ уволенъ въ отставку за ранами и причисленъ къ ученому комитету медицинскаго департамента къ 1 классу раненыхъ въ состояніи подъ покровительствомъ комитета. Имѣетъ знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія за храбрость, раненъ: въ голову съ раздробленіемъ черепа, въ грудь и правый високъ и лѣвую ногу. Живетъ въ имѣніи жены своей, присматриваетъ за хозяйствомъ, находится здоровымъ и имѣетъ попеченіе о дѣтяхъ своихъ. За предосудительные поступки по службѣ былъ разжалованъ изъ подпоручиковъ въ матросы 2 статьи, но Высочайшему повелѣнію 8 сентября 1854 г. за храбрость въ сраженіи, штрафъ сей велѣно не считать препятствіемъ по службѣ къ преимуществамъ. По священной обязанности супруга и отца и по чувствамъ своимъ, онъ никогда не имѣлъ желанія, но и въ мысляхъ не имѣетъ какихъ либо враждебныхъ противу жены своей дѣйствій. 10 декабря въ 2 часа пополудни пообѣдавши, онъ легъ отдохнуть, и услышалъ въ дверяхъ спальни крикъ дѣтей его: «папа проклятъ, папа сукинъ сынъ»; вставши съ кровати, онъ вышелъ къ дѣтямъ и взялъ старшаго сына Николая за ручку и хотѣлъ наказать какъ отецъ; въ это время теща его, бросившись къ нему съ ругательствомъ и повторяя слова дѣтей, начала вырывать отъ него сына; онъ, Юрьевъ, тихо взялъ тещу за руку и отодвинулъ, сказавши «не ваше дѣло». Но она тотчасъ же ушла и начала кричать, что онъ хочетъ ее бить, тогда какъ онъ по чувствамъ своимъ никогда не дозволялъ себѣ не только быть дерзкимъ, но и невнимательнымъ. Послѣ этого теща ушла на скотный дворъ, гдѣ находилась по хозяйству его жена; жена прибѣжала и начала его ругать; онъ, не отвѣчая на ея грубыя выраженія, снова легъ въ постель, но вдругъ младшій сынъ его Семенъ, ободренный матерью, вцѣпился въ волосы его и рвалъ съ крикомъ: «папа проклятъ». Какъ ни прискорбно было, но онъ, Юрьевъ, видѣлъ, что дѣти были научены, взялъ сына Семена за ушко тихо, но жена, выхвативши его, ушла; вечеромъ уже онъ узналъ, что она съ дѣтьми и тещею уѣхала къ брату своему Ивану Ваулину. Онъ, Юрьевъ, даже удивляется лжи жены его относительно бритвъ; топтать ногами тещу онъ себѣ не позволялъ бы ни въ какомъ случаѣ, какъ христіанинъ. 20 декабря въ 10 часовъ утра онъ ожидалъ жену съ дѣтьми, ибо былъ увѣ-

*

безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, съ тѣмъ однакожъ, что если мужъ мой позволитъ себѣ нарушить въ чемъ либо настоящее положеніе дѣла, то имѣю полное право возобновить какъ это дѣло, такъ и производившееся въ прошломъ 1857 г. въ сме-денскомъ уѣздномъ судѣ, для поступленія съ нимъ какъ нарушителемъ семейнаго спокойствія по законамъ; содержаніе же и воспитаніе сыновей принимаю на свою отвѣтственность сообразно моему состоянію и требовать отъ мужа моего денегъ какъ на содержаніе себя, такъ и дѣтей, при жизни его не буду; убытки же, сдѣланные мужемъ моимъ въ домѣ моемъ, состоящемъ въ сельцѣ Темникахъ, во время пріѣзда его 25 мая сего года, какъ то: за изорванныя имъ платья, наряды, побитыя окна и прочія испорченныя вещи — прощаю, и удовлетворенія просить не буду».

Во время производства слѣдствія, жена Юрьева нѣсколько разъ обращалась къ временному отдѣленію и другимъ лицамъ съ просьбою обязать мужа выѣхать изъ принадлежащаго ей сельца Темниковъ. Въ прошеніяхъ этихъ Юрьева приводила, что мужъ ея, оставаясь въ Темникахъ, занимается пьянствомъ, распродаетъ и раздаетъ крестьянамъ хлѣбъ и разныя вещи, разъѣзжаетъ на ея лошадяхъ, нарубилъ зимній лѣсокъ, разломалъ двери, которыя были запечатаны становымъ приставомъ, унесъ шкатулку, въ которой хранились метрическія свидѣтельства на сыновей (впослѣдствіи г-жа Юрьева неоднократно просила разныхъ начальствующихъ лицъ о томъ, чтобы понудить Юрьева возвратить ей эти документы, но онъ сдѣлалъ это только въ 1863 г.), хваталъ ножи, чтобы рѣзать людей и себѣ животъ, лѣзъ въ печку, въ которой едва не завязъ и былъ вытащенъ оттуда съ ножемъ въ рукахъ. Кромѣ сего Юрьева обвиняла мужа въ томъ, что онъ поджегъ 21 декабря 1859 г. гумно, которое и сгорѣло, но обвиненіе это не подтвердилось слѣдствіемъ (убытки отъ вышеизложенныхъ поступковъ мужа г-жа Юрьева исчислила слишкомъ въ 4000 руб.). — Не смотря на просьбы жены, Юрьевъ не выѣхалъ однако изъ Темниковъ до 1 марта 1860 г. На предъявленное ему требованіе исправника о выѣздѣ изъ Темниковъ, Юрьевъ далъ становому приставу слѣдующій отзывъ: «такъ какъ я вполнѣ понимаю цѣль жены моей удалить меня отъ себя, предметъ, коей я въ свое время объясню высше-

му начальству, и такъ какъ я имѣю дѣтей, двухъ малолѣтнихъ сыновей, надъ которыми долгъ отца заставляетъ имѣть попеченіе, то не считаю себя обязаннымъ выѣхать изъ имѣнія жены моей, не чувствуя себя виновнымъ въ сожительствѣ, изведенномъ женою моею. Неизвѣстно по какимъ правиламъ господинъ исправникъ, изъ однихъ несправедливыхъ и недобросовѣстныхъ навѣтовъ жены моей, позволилъ себѣ сдѣлать распоряженіе разлучить меня отъ семейства; черезъ каковое неправильное его дѣйствіе разрушается счастіе и благосостояніе дѣтей моихъ, и отнимается у меня послѣднее состояніе, а также разрушеннаго моего здоровья, вслѣдствіе ранъ и контузій, полученныхъ въ сраженіи за Царя и отчизну, а потому покорнѣйше прошу не безпокоить меня передачею беззаконныхъ требованій г. исправника, въ противномъ случаѣ я принужденъ буду просить защиты комитета о раненыхъ, въ покровительствѣ котораго нынѣ часть состоитъ».

Юрьева, какъ видно изъ дѣла, написала приказъ старостѣ своему и крестьянамъ, чтобы они строго смотрѣли за мужемъ ея, не возили бы ему водки, не давали бы лошадей, не слушали бы противозаконныхъ приказаній его и попросили бы выѣхать изъ Темниковъ проживавшаго у Юрьева поручика Тебенькова.

Увидѣвъ такой приказъ, Юрьевъ написалъ женѣ слѣдующее письмо: «жена! объясни мнѣ, какъ ты позволила себѣ быть такъ дерзкой и глупой, писать мужикамъ отъ 23 декабря приказъ, чтобы они связали меня; ты забыла, что я далъ тебѣ имя; знай, оно было чисто, теперь же я вмѣстѣ съ своимъ и твое очерню; ты хотѣла видѣть, какъ твоего мужа погубятъ твои братья — не удастся, ты не видала, что за тобою. — 24 часа сроку, — если ты не пріѣдешь или дѣтей не пришлешь, я мужъ и какъ отецъ требую законнаго, ибо на беззаконныя требованія исправника я отвѣчалъ; изъ Темниковъ, увѣрь себя, что развѣ мертваго меня возьмутъ».

Въ одномъ изъ объявленій своихъ, поданномъ исправнику, Юрьева, между прочимъ, пишетъ: «такъ какъ я въ продолженіи пятилѣтняго моего замужества и третьяго тяжебнаго дѣла нашего вполнѣ изучила характеръ или лучше сказать свойства моего мужа, — потому что онъ характера не имѣетъ по своимъ разнообразнымъ поступкамъ въ продолженіи одного часу, то необходимо нужнымъ почитаю, по возникшему вновь дѣлу между

женой и мужемъ моимъ, объяснить начальству одно его свой-ство, дабы начальство знало, какимъ образомъ поступать въ распоряженіи своемъ касательно моего мужа. Извѣстно уже мно-гимъ, что мужъ мой съ перваго съ нимъ знакомства въ отно-шеніи къ постороннимъ людямъ всегда заслуживаетъ похвалу, многіе почитаютъ его любезнымъ, почтительнымъ, ласковымъ и скромнымъ человѣкомъ, въ чемъ я охотно ему отдаю спра-ведливость, тогда какъ въ отношеніи къ семейству и домашней прислугѣ онъ совсѣмъ другой человѣкъ, потому что онъ нисколько не остерегается и обращается съ семействомъ дурно и жестоко, позволяетъ себѣ разное буйство, всевозможныя на-рушенія и ругательства, ибо считаетъ тѣхъ и другихъ по за-кону не свидѣтелями. Многіе же почитаютъ его еще набожнымъ и умнымъ человѣкомъ. Но въ набожности его они ошибаются, потому что я знаю, что онъ ничего не имѣетъ въ этомъ отношеніи, какъ лицемѣръ, и я могу въ случаѣ надобности это доказать. А во второмъ, касательно его ума, я также не буду оспаривать. Ко-гда даны ему были свидѣтельства отъ медиковъ во Владикавка-зѣ и Екатеринодарѣ въ бѣшенствѣ до сумасшествія, но въ про-долженіи же моего замужества я замѣтила только, что первому движенію страсти или гнѣва онъ подвергается весьма часто, по-чти ежедневно и ежечасно. Но совершеннаго отсутствія разсудка я въ немъ не замѣтила, а потому, не отнимая его достоинствъ, относящихся къ его уму, подтверждаю, что онъ имѣетъ умъ гибкій и способный ко всѣмъ изворотамъ въ нуждѣ оправдаться, геній смѣлый свалить вину свою на другаго, и довольно имѣетъ разсудка, чтобъ понять свое настоящее положеніе, что поздно или рано онъ долженъ выѣхать изъ имѣнія моего, и что мнѣ жить съ нимъ невозможно. Но будучи привязанъ къ интересу, и желая во что бы то ни стало получить въ полное свое распоря-женіе мое имѣніе, съ намѣреніемъ промотать его, будучи къ то-му поддерживаемъ неблагонамѣренными или недоброжелатель-ными въ отношеніи ко мнѣ людьми, онъ непремѣнно хочетъ притѣснить меня въ жизни, настоять на томъ, чтобы я прибыла сама къ нему по неволѣ для жительства съ нимъ, тогда какъ онъ, при жестокомъ со мною обращеніи, подвергая меня еже-дневнымъ испугамъ, по бѣшенству, запальчивому и азартному характеру назначилъ мнѣ жить сроку только три дня послѣ мо-

ихъ родовъ. А также онъ требуетъ, въ извѣстной вамъ запискѣ, дѣтей моихъ, которыя конечно могутъ служить ему заложниками для завладѣнія моимъ имѣніемъ въ случаѣ моей смерти, тогда какъ онъ до прохожденія ихъ на свѣтъ во время моей беременности не разъ уже проклиналъ за то, что я отговаривалась, ссылаясь на будущихъ наслѣдниковъ, вопреки его требованію, сдѣлать на имя его крѣпость имѣнію моему, или укрѣпить оное за нимъ другимъ какимъ либо способомъ. А за таковой отказъ мой онъ нарочно распускалъ невозможные слухи, зная самъ несправедливость своихъ словъ и мое скромное поведеніе, будто дѣти мои рождены не отъ него, а отъ братьевъ моихъ, а иногда приписываетъ ихъ рожденіе моимъ лакеямъ, которые спасали меня отъ его буйства и дерзкихъ его поступковъ, не смотря на то, что онъ самъ сознался въ клеветѣ своей въ данной мнѣ подпискѣ о выѣздѣ его изъ смоленской губерніи въ 1858 году. Мужъ мой обладаетъ большимъ искусствомъ лгать, обманывать, притворяться и изворачиваться изъ собственной вины и обвинять въ своей винѣ другаго и проч. Все это я знаю и видѣла въ натурѣ, какъ онъ въ случаѣ нужды можетъ искривить глаза, закатывать ихъ подъ лобъ. А въ бѣшенствѣ своемъ, когда слюна его превращается въ пѣну, то онъ украдкой успѣваетъ раздирать себѣ десны до крови, почему слюна смѣшивается съ кровью и подаетъ поводъ заключить, что будто мужъ по причинѣ мнимаго изувѣчья страждетъ кровохарканьемъ. А при паденіи своемъ на полъ, во время особеннаго бѣшенства, послѣ высокаго скачка не касаясь пола ногами, падаетъ на спину и на локти, и отъ удара локтей объ полъ пульсы приходятъ въ неправильное движеніе; такъ что однажды я сама видѣла, какъ извѣстный своею опытностію, знакомый мнѣ покойный докторъ Земковичъ, самъ ошибся въ его искусномъ притворствѣ, когда онъ, захвативъ дыханіе, притворился при паденіи умирающимъ. Но впослѣдствіи, когда узналъ его короче, пересталъ ему вѣрить. Однажды же онъ мнѣ одной показывалъ свое искусство притворяться, когда былъ въ добромъ расположеніи духа, желая мнѣ доказать, что по да[illegible] своимъ онъ не будетъ отвѣчать и предупредилъ меня, чтобы я не пугалась. И такъ, когда я увидѣла, какъ онъ началъ закатывать свои глаза одинъ вверху, другой внизу, то я не могла выдержать сего ужаса, почитая все за дѣйствительность и

за натуру, а потому, не дождавшись конца его представленія, ушла въ другую комнату. Слѣдовательно, послѣ всѣхъ описанныхъ много искусствъ моего мужа, я ожидаю отъ него всего при распоряженіи правительства. Или какихъ нибудь драматическихъ его дѣйствій, или картины кротости и смиренія, или же образца притворства, будто бы мученическаго страданія и терпѣнія».

Производившее слѣдствіе о поступкахъ Юрьева временное отдѣленіе краснинскаго земскаго суда въ протоколѣ, составленномъ 19 марта 1860 г., изложило, что Юрьевъ, прибывъ въ 3 часа пополудни въ нетрезвомъ видѣ въ сельцо Темкино въ домъ г-жи Юрьевой (гдѣ помѣщалось отдѣленіе), началъ съ азартомъ производить шумъ и крикъ, потомъ когда члены временнаго отдѣленія открыли присутствіе, то Юрьевъ насильственно войдя въ оное, также производилъ съ азартомъ крикъ и шумъ, для прекращенія котораго исправникъ по долгу службы неоднократно напоминалъ Юрьеву о неблагопристойности сего, но Юрьевъ не только не воздержался, а напротивъ сказалъ: «я знаю, что краснинскій земскій исправникъ и поручикъ Александръ Ивановъ Ваулинъ (родной братъ и попечитель Юрьевой и семейства ея) подлецы»; кромѣ этого произносилъ на исправника и Александра Ваулина столь неблагопристойныя, оскорбительныя и площадныя слова, что ихъ присутствіе временнаго отдѣленія въ постановленіи своемъ выразить находитъ неприличнымъ и невозможнымъ. Наконецъ Юрьевъ, выйдя изъ присутствія, завелъ шумъ и сильный крикъ въ передней комнатѣ. Для возстановленія порядка исправникъ вышелъ изъ присутствія въ ту комнату, гдѣ Юрьевъ буйствовалъ, и возвратясь объявилъ, что Юрьевъ, вытолкавъ десятскаго деревни Морачева, Авдѣя Васильева, за дверь, сказалъ: «ступай за розгами, я буду пороть исправника»; потомъ взялъ полуштофъ, который привезъ съ собой, отбилъ горлышко вилкою и выпилъ три стакана водки, и вслѣдствіе новаго и сильнаго опьяненія началъ съ большимъ азартомъ шумѣть, кричать и придираться къ поручику Александру и лейтенанту Ивану Ваулинымъ. При составленіи сего постановленія поручикъ Александръ Ваулинъ, войдя въ присутствіе, объявилъ, что Юрьевъ, придя къ нему въ особую комнату, сорвалъ съ своей шеи два маленькихъ образка и сказалъ: «клянусь, что буду въ сельцѣ Сумковѣ, (въ которомъ проживаютъ жена Юрьева, мать ея и дядя ея лейтенантъ

Веулина), и убью всѣхъ и поручика Александра Веулина; потомъ пошелъ въ залу, разломалъ стулъ и рояль. Временное отдѣленіе осматривало означенные предметы и нашло стулъ и рояль разломанными. Послѣ сего Юрьевъ опять ворвался въ присутствіе, поносилъ самыми площадными ругательными словами исправника и его семейство, становаго пристава называлъ рябымъ, дуракомъ и подлецомъ; у исправника вырвалъ шпагу, бывшую при вице-мундирѣ, и бросилъ на полъ; сорвалъ съ себя орденъ св. Георгія, съ [illegible] сорвалъ орденъ военнаго достоинства за польскую войну, который и отдалъ ему; схватилъ чернильницу съ футляромъ кожаннымъ, жесть зубами согнулъ, а кусокъ кожи оторвалъ и проглотилъ, словомъ съ трехъ и до семи часовъ вечера произносилъ такія сильныя площадныя ругательства, которыхъ и описать невозможно, повторяя неоднократно, что онъ раненый перваго класса, имѣетъ 28 ранъ, серебряный черепъ и медицинское свидѣтельство, опираясь на оное. Наконецъ въ семь часовъ вечера уѣхалъ, по словамъ его, въ Смоленскъ. — Постановлено: о таковомъ происшествіи записать въ распорядительный регистръ временнаго отдѣленія, и какъ прапорщикъ Юрьевъ произвелъ новые буйственные поступки, нанося тяжкія оскорбленія и обиды земскому исправнику и становому приставу при отправленіи ими должности, то не производя изслѣдованія о прежнихъ буйственныхъ поступкахъ Юрьева, закрыть присутствіе, донести о семъ начальнику смоленской губерніи и губернскому правленію и просить командировать особаго чиновника для произведенія слѣдствія какъ о прежнихъ, такъ и о настоящихъ поступкахъ Юрьева и присовокупить, что при производствѣ слѣдствія для сохраненія спокойствія и порядка необходима воинская команда.

Въ дополненіе и поясненіе вышеизложеннаго составленнаго временнымъ отдѣленіемъ протокола, краснинскій исправникъ донесъ начальнику губерніи, что Юрьевъ принялъ на себя видъ помѣшательства, происходящаго, будто бы, отъ полученныхъ имъ ранъ въ сраженіи, поддерживаемаго даннымъ ему медицинскимъ свидѣтельствомъ; чѣмъ Юрьевъ при всякомъ случаѣ и пользуется, какъ ему заблагоразсудится, въ той увѣренности, какъ онъ и самъ выражается, что за всякій свой подобнаго рода поступокъ онъ не отвѣчаетъ ничѣмъ, кромѣ поступленія на казенный счетъ въ больницу, откуда отъ его воли зависитъ скоро быть выпущен-

нымъ. Но, по мнѣнію его, исправника, всѣ поступки Юрьева, изложенные кратко въ постановленіи временнаго отдѣленія, происходили отъ чрезмѣрно излишняго употребленія горячихъ напитковъ, коими онъ напитанъ былъ до пріѣзда его на мѣсто слѣдствія, гдѣ при глазахъ его, исправника, выпилъ три стакана привезенной съ собою водки, отчего и пришелъ при пылкомъ своемъ характерѣ въ такое изступленіе и такой азартъ, что ни кротость увѣщеванія, ни полицейскія мѣры нисколько не могли подѣйствовать, потому болѣе, что въ то время Юрьевъ былъ въ совершенности изступленія. Принимая всевозможныя осторожности противу всѣхъ поступковъ, сдѣланныхъ Юрьевымъ, и внимательно наблюдая за ними, онъ, исправникъ, съ достовѣрностію заключаетъ, что все это дѣлалось Юрьевымъ съ обдуманнымъ расчетомъ, дабы черезъ то никто не усумнился, что раны, а не добрая воля, приводятъ его до помѣшательства, потому что онъ въ это же время ставилъ смѣнившихся съ очереди сотскихъ и десятскихъ на колѣни и самъ становился въ такое же положеніе предъ ними, пѣлъ священную пѣснь: «кресту твоему поклоняюсь». Изъ всего этого видно: есть ли возможность полиціи принять мѣры къ обузданію всѣхъ дѣйствій Юрьева, принявъ во вниманіе то, что за всякую рѣшительную мѣру онъ готовъ сдѣлать язву на своемъ тѣлѣ и обратить это на жестокое съ нимъ обращеніе, а потому кто бы ни былъ слѣдователемъ дѣлъ Юрьева, необходимо должна быть военная команда, которая подобно сотскимъ и десятскимъ не оробѣетъ предъ нимъ и не будетъ по его приказанію становиться предъ нимъ на колѣни и съ нимъ обнимаясь, цѣловать одинъ другому руки, подобно какъ это было 19 марта.

2 августа 1860 г. частный приставъ 2 части г. Смоленска Гольковскій донесъ городской полиціи, что въ 7 часовъ пополудни означеннаго числа ему было объявлено, что прапорщикъ Юрьевъ, квартирующій въ домѣ чиновника Брейера, дѣлаетъ буйства, и, при этомъ имѣя въ рукахъ кинжалъ, гоняется за людьми съ намѣреніемъ убить кого-нибудь. Вслѣдствіе сего, онъ, Гольковскій, тотчасъ же съ квартальными надзирателями прибылъ въ квартиру Юрьева и нашелъ его на дворѣ въ [illegible] видѣ, удерживаемаго полицейскими служителями отъ буйства. Видя высшую степень азартности и неистовства Юрьева, и опасаясь, если оставить его въ квартирѣ, худыхъ послѣдствій и можетъ быть смер-

тоубійства; онъ приказалъ полицейскимъ служителямъ отвезти Юрьева, на его, Гольцовскаго, лошади въ полицію. Во время пути продерзившій Юрьевъ, не говоря уже о томъ, что ругалъ его, Гольцовскаго, [illegible] самыми неприличными словами; но даже неоднократно увѣрялъ, что скоро отъ руки его будетъ плавать въ крови, какъ только будетъ свободенъ. Юрьевъ хотя и былъ въ нетрезвомъ видѣ, но находился при твердой памяти и здравомъ разсудкѣ, доказательствомъ сему, по мнѣнію Гольцовскаго, можетъ служить то, что при первомъ входѣ его на дворъ Брейера, Юрьевъ тотчасъ узналъ его и спросилъ, зачѣмъ онъ не доставилъ ему въ назначенный срокъ книги, взятыя для чтенія?

Чиновникъ Брейеръ съ своей стороны пояснилъ, что Юрьевъ, выйдя изъ границъ благопристойности, разбилъ въ коридорѣ квартиры своей всѣ рамы и стекла; бросился съ обнаженнымъ кинжаломъ сначала на людей его, Брейера, а потомъ на него самого, его жену и дитя и при этомъ устрашалъ выстрѣломъ изъ пистолета.

2-го августа Юрьевъ былъ отправленъ въ смоленскій военный госпиталь. 9 августа въ рапортѣ на имя смоленскаго коменданта онъ написалъ: «что вслѣдствіе полученныхъ имъ въ сраженіи ранъ въ голову съ раздробленіемъ черепа, контузіи въ правый бокъ и другихъ ранъ, у него временно бываютъ болѣзненные припадки, при которыхъ всякое сознаніе теряется, о чемъ извѣстно ученому комитету медицинскаго департамента, который и выдалъ ему свидѣтельство на законномъ основаніи. 2-го августа болѣзненный припадокъ вновь овладѣлъ имъ, при которомъ и дѣйствіе разсудка ослабло; припадокъ этотъ случился въ квартирѣ его въ домѣ чиновника Брейера, который, видя его болѣзненное состояніе, но будучи предупрежденъ, послалъ за частнымъ приставомъ 2 части Гольцовскимъ; тотъ прибылъ въ его квартиру, вытащилъ его силою на дворъ, гдѣ вмѣстѣ съ Брейеромъ и людьми его начали его вязать и безчеловѣчно бить, тогда какъ священная обязанность была послать за медикомъ и подать ему помощь. Онъ же*) наругавшись, протащилъ его какъ бродягу по улицамъ связаннаго; его привели въ полицію, бросили на пожарномъ дворѣ и отдали во власть безчувственнымъ полицейскимъ сол-

*) Частный приставъ.

дагамъ, которые были его даже ногами, вмѣсто чего благороднѣйший начальникъ смоленской губерніи приказалъ отвезти его въ военный госпиталь, гдѣ его связали по тѣлу. Это ли благородное участіе къ ветерану, пролившему кровь за честь Царя и отечества? Во время препровожденія у него изорвали все платье и, воспользовавшись его безпамятствомъ, вытащили изъ кармана портъ-моне, въ которомъ находилось 570 руб.*). По прибытіи въ госпиталь медики и госпитальное начальство съ горячимъ участіемъ, приличнымъ русскимъ патріотамъ, оказали всевозможную помощь, причемъ оказалось, что все тѣло его избито и сдѣлалось въ синихъ пятнахъ отъ варварскихъ побоевъ. Такъ ли, (восклицаетъ Юрьевъ), должно обращаться съ больнымъ раненымъ офицеромъ; это ли человѣколюбіе и любовь къ отечеству?

24-го августа 1860 г. смоленскій комендантъ, увѣдомляя начальника губерніи, что Юрьевъ находится въ совершенно удовлетворительномъ состояніи здоровья и желаетъ выписаться изъ госпиталя, препроводилъ рапортъ главнаго лекаря смоленскаго военнаго госпиталя о томъ, что Юрьевъ при пріемѣ въ госпиталь обнаруживалъ припадки буйного бреда, которые на другой день послѣ поступленія въ госпиталь, при употребленіи приличныхъ средствъ, значительно уменьшились и уже 5-го августа больной находился въ такомъ положеніи, что могъ быть выписанъ изъ госпиталя. Принимая во вниманіе свойство и степень припадковъ, замѣченныхъ во все время нахожденія Юрьева въ госпиталѣ, главный лекарь заключилъ, что при врожденномъ сангвиническомъ темпераментѣ и сильной раздражительности характера, условливаемой отчасти недостаткомъ твердаго и правильнаго воспитанія, отчасти вліяніемъ раны въ голову на всю нервную систему, всѣ припадки буйнаго бреда Юрьева были вызваны приливомъ крови къ головѣ, который могъ быть слѣдствіемъ или душевнаго или тѣлеснаго раздраженія; которое же изъ этихъ двухъ условій болѣе вліяло на образъ дѣйствія Юрьева, обвиняемаго въ буйственныхъ поступкахъ, по неимѣнію въ виду подробныхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ отправленію

*) Показаніе Юрьева о пропажѣ у него 570 руб. не подтвердилось и впослѣдствіи онъ самъ объявилъ, что при немъ даже и не было столько денегъ. Засимъ дѣло о происшествіи въ домѣ Брейера окончилось мировою.

Юрьева въ госпиталь, определить нельзя. — Смоленское губернское правленіе, признавая необходимымъ привести въ извѣстность, не были ли буйный бредъ и буйственные поступки Юрьева слѣдствіемъ раны въ голову, сдѣлало распоряженіе объ оставленіи Юрьева въ госпиталѣ для дальнѣйшаго испытанія: отчего именно происходятъ буйный характеръ и буйственные поступки прапорщика Юрьева и не повторятся ли съ нимъ таковые припадки во время испытанія, а равно можетъ ли затѣмъ Юрьевъ быть выписанъ изъ госпиталя, съ предоставленіемъ ему полной свободы. О послѣдствіяхъ же испытанія заключено: составить вмѣстѣ съ членами врачебной управы формальный актъ.

Въ *актѣ*, составленномъ 26 ноября 1860 г. членами конторы смоленскаго военнаго госпиталя и врачебной управы, изложено, что отставной прапорщикъ Александръ Юрьевъ 36 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія посредственнаго, темперамента сангвиническаго, раздражительнаго, имѣетъ: а) вслѣдствіе полученной раны въ голову, продолговатый бѣлый, блестящій, довольно подвижной рубецъ длиною около 6-ти поперечныхъ пальцевъ, а шириною отъ 1 до 1½ линіи, на верхней части головы съ лѣвой стороны, идущій въ косвенномъ направленіи отъ вѣнечнаго шва снаружи и назадъ, а потомъ заворачивающій подъ прямымъ угломъ внутрь къ стрѣлообразному шву. Подъ переднею вѣтвію этого рубца замѣтно незначительное, но явственное углубленіе въ веществѣ лѣвой темянной кости въ видѣ продолговатаго желобка. Рубецъ не обнаруживаетъ особенной чувствительности, такъ что при изслѣдованіи его пальцами, больной жалуется не столько на боль, сколько на зудъ или щекотаніе, переходящее потомъ, какъ онъ объясняетъ, въ непріятное чувство лома въ самомъ мозгу; б) два пятна буроватаго цвѣта, величиною около 25 коп. серебряной монеты, на лѣвой сторонѣ груди спереди противъ 4 и 5 реберъ; кромѣ того на наружной и отчасти на задней поверхности лѣвой голени, противъ лѣвой берцовой кости и въ разстояніи 8 поперечныхъ пальцевъ отъ наружной ладыжки находится еще одинъ рубецъ неправильной формы, длиною въ 5-ть, а шириною въ 2 поперечныхъ пальца, красноватаго цвѣта, углубленный, сросшійся съ подлежащими мягкими частями и оставшійся, по словамъ Юрьева, послѣ полученной имъ въ 1850 г. раны картечью, но о ранѣ этой въ формулярномъ

его присутствіемъ ничего не сказано. Изъ выданнаго же Юрьеву врачами владикавказскаго военнаго госпиталя 7 сентября 1853 г. свидѣтельства видно, что офицеръ этотъ по заживленіи раны, былъ нѣкоторое время совершенно здоровъ; въ маѣ же мѣсяцѣ 1851 года у него обнаружилась частая головная боль, шумъ въ ушахъ, продолжительная задумчивость, чувство стѣсненія въ груди съ видимымъ приливомъ крови къ головѣ. При употребленіи врачебныхъ средствъ, онъ избавлялся отъ этихъ припадковъ, но въ 1852 г. явилась постоянная головная боль съ постоянными приливами крови, весьма продолжительная (по нѣсколько дней) задумчивость (melancholia) безъ видимой причины, разрѣшавшаяся безпокойствомъ, при которомъ раздражительность доходила до бѣшенства (furor). Въ это время сознаніе совершенно терялось и даже по прошествіи безпокойства и бѣшенства оставалась задумчивость и явное безпокойство (anxietas); отъ такихъ страданій Юрьевъ, хотя и былъ пользованъ въ теченіи почти двухъ лѣтъ, но никакого облегченія не получилъ *). Въ бытность прапорщика Юрьева въ 1-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ съ 18 по 25-го декабря 1857 г. были сдѣланы слѣдующія наблюденія надъ состояніемъ его здоровья и болѣзненными припадками, развившимися вслѣдствіе полученныхъ имъ ранъ и контузій: Юрьевъ очень часто подвергался сильнымъ приливамъ крови къ головѣ; въ это время лицо его, обыкновенно блѣдное и выражающее глубокое страданіе, оживлялось, становилось краснымъ, взглядъ дѣлался безпокойнымъ, дикимъ, глаза красными, блестящими, температура головы возвышалась; между тѣмъ

*) Свидѣтельство, выданное владикавказскимъ военнымъ госпиталемъ, находится при дѣлѣ въ копіи. — Кромѣ сего въ дѣлѣ есть копія съ свидѣтельства выданнаго Юрьеву, 31 января 1851 г. екатериноградскимъ военнымъ госпиталемъ, въ которомъ сказано, что Юрьевъ поступилъ въ госпиталь 18 ноября 1856 г. съ послѣдствіями ушиба груди, и полученной въ дѣлахъ съ горцами раны пулею въ голову съ раздробленіемъ лѣвой теменной кости, всегдашними приливами крови къ головѣ и частью къ груди, головокруженіями, звономъ въ ушахъ, одышкою и часто открывающимся кровохарканіемъ (haemoptysis); а также отъ контузіи въ правый високъ образовалась боль мускуловъ, разрѣшающаяся нарывами; страданія эти временно облегчались, нѣсколько разъ неожиданно возобновлялись и не могутъ быть излечены аптечными средствами; выздоровленіе же его можетъ быть при перемѣщеніи въ родной климатъ при Черномъ морѣ.

какъ конечности, въ особенности руки, постоянно оставались очень холодными и покрытыми холоднымъ и липкимъ потомъ; головная боль занимала преимущественно лѣвую половину головы, ожесточалась къ вечеру, сверхъ сего были: постоянная безсонница, шумъ и звонъ въ ушахъ, постоянное трясеніе головы въ сильной степени и частое судорожное подергиваніе верхнихъ конечностей; больной худо слышалъ лѣвымъ ухомъ, и потому въ разговорѣ, не дослышавши чего нибудь, всегда подставлялъ правое ухо. Наружный слуховой проходъ лѣваго уха былъ несколько красенъ и вслѣдствіе опухоли уже праваго; соединительная оболочка глазъ и вѣкъ значительно гиперемирована. Память значительно ослаблена, отчего въ разговорѣ онъ нерѣдко останавливался и опустивъ верхнія вѣки, какъ будто задумывался, припоминалъ и наконецъ найдя нужное ему для выраженія своей мысли слово, снова продолжалъ разговоръ; забывалъ преимущественно имена существительныя. Былъ подверженъ задумчивости, но онъ иногда бредилъ. Разсужденія больнаго въ присутствіи другихъ лицъ вообще были довольно правильны, но иногда замѣчалась несвязность и путаница въ словахъ, особенно когда онъ оставался наединѣ и разговаривалъ самъ съ собой; часто кашлялъ, иногда съ кровью, и жаловался на боль въ груди Физическое изслѣдованіе грудныхъ органовъ показало, что въ верхней долѣ лѣваго легкаго, т. е. въ мѣстѣ, соотвѣтствующемъ контузіи, дыхательный шумъ былъ несколько жестче, чѣмъ въ правомъ, и смѣшанъ съ слизистымъ хрипомъ, а выдыханіе сконцентрировано; въ другихъ мѣстахъ груди и дыхательный шумъ былъ слабъ. Аппетитъ былъ весьма малый, но пищевареніе совершалось довольно правильно; при ожесточеніи головной боли, чувствовалъ всегда горькій вкусъ во рту, пульсъ былъ слабый, ускоренный. Моча при побужденіи къ мочеиспусканію истекала иногда непроизвольно съ чувствомъ рѣзи въ уретрѣ.—Въ смоленскій военный госпиталь Юрьевъ былъ привезенъ 2-го августа 1860 г. въ 11 часу вечера въ припадкѣ буйнаго бреда, съ побагровѣвшимъ лицемъ, красными блестящими глазами, возвышенною температурою головы и всего тѣла, ускореннымъ, раздраженнымъ мягкимъ пульсомъ, сухостью рта, жаждою, раздраженною съ заиканіемъ рѣчью, причемъ онъ то плакалъ, то буйно раздражался. На тѣлѣ его были замѣчены слѣдующіе знаки насилія:

около кадыка по обѣимъ сторонамъ синяки небольшіе; около подкрыльцовыхъ ямъ спереди, на средней и наружной поверхностяхъ плечевыхъ костей, также синяки значительной величины съ осадинами; на лѣвомъ локтѣ съ внутренней и наружной сторонъ значительной величины подтекъ, распространявшійся на внутреннюю поверхность плеча и предплечія, величиною почти въ ладонь; около ручныхъ кистей на внутреннемъ краѣ предплечія синяки съ осадинами; на передней части груди, съ правой стороны грудной кости, синякъ величиною въ куриное яйцо. Кромѣ сего, на разныхъ мѣстахъ верхнихъ конечностей и туловища осадины незначительной величины, на поясницѣ длинная царапина, на средней, наружной и внутренней поверхностяхъ обѣихъ голеней синяки числомъ восемь, величиной въ двугривенный. Одежда была разорвана, пальто въ верхней части обоихъ рукавовъ, рубашка съ сорваннымъ воротникомъ и порванными полотнищами; на заднемъ полотнищѣ, на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ поясницѣ, нѣсколько незначительныхъ кровавыхъ пятенъ. Принятыми медицинскими мѣрами больной на другой день, (3-го августа), пришелъ нѣсколько въ себя, въ послѣдующіе дни раздраженіе постепенно уменьшалось, духъ успокоивался, подтеки принимали блѣдно-желтоватый цвѣтъ, такъ что къ 5 августа больной былъ въ удовлетворительномъ состояніи и жаловался только на свои несчастныя семейныя обстоятельства, о которыхъ онъ впрочемъ не любилъ распространяться, но иногда говорилъ съ экстазами; 15-го августа получилъ сильныя боли въ поясницѣ, а на другой день приливъ крови къ груди съ сильнымъ кашлемъ, которые отъ принятыхъ средствъ скоро прошли и подтеки мѣстами стали исчезать. 28 августа больной безъ видимой причины сдѣлался безпокойнымъ, несвязно говорилъ, часто плакалъ, въ головѣ оказался жаръ, преимущественно въ шрамѣ отъ раны черепа, языкъ нечистый, пульсъ скорый, запоръ; отъ принятыхъ мѣръ на другой день онъ успокоился, но сдѣлался грустнымъ, жаловался на свою жену, а на 3-й день ничего не хотѣлъ говорить, на 4-й опять повеселѣлъ и остался такимъ до 3 сентября, въ которое время почувствовалъ сильныя боли подъ черепомъ, большую печаль, жаръ головы, слизистое дыханіе, раздраженный пульсъ и запоръ; на другой день сильныя боли въ правомъ подреберьѣ, затрудненное дыха-

ніе, скорый пульсъ, безпокойный сонъ; отъ кровесосныхъ банокъ, горчичниковъ, холодныхъ обливаній и внутреннихъ приличныхъ средствъ всѣ эти припадки скоро исчезли и больной, жалуясь только на легкую головную боль, былъ спокойнымъ до 15 сентября; тутъ головная боль и головокруженіе усилились, жаръ головы—особенно въ шрамѣ, сонъ безпокойный, зрачки расширились, онъ сдѣлался печальнымъ; на 3-й день припадки утишились и онъ былъ въ меланхолическомъ расположеніи духа и спокойнымъ до 22 сентября, когда въ немъ обнаружились: вообще безпокойство, боли подъ шрамомъ и черепомъ, покраснѣвшее лицо, блестящіе глаза, раздраженный пульсъ, усиленное біеніе сердца, безсонница, но эти припадки къ 26 совершенно утихли; больной говорилъ и отвѣчалъ правильно, былъ спокойнымъ. 3-го октября вновь имѣлъ приступъ безпокойства, былъ печаленъ, жаловался на семейныя обстоятельства, съ 5-го былъ спокоенъ и отправленія были хороши. 10-го октября сильныя боли въ позвоночномъ столбѣ, дыханіе затрудненное, безпокойство, кровохарканіе, языкъ нечистый, лице и глаза красны, біеніе сердца усиленное, пульсъ скорый. Къ ночи сильная тоска, безпокойный сонъ. На спросъ о причинѣ такого безпокойства, больной отвѣтилъ, что получилъ худыя вѣсти отъ жены своей. Такое состояніе и кровохарканіе на 4-й день прекратились и больной, покашливая съ изверженіемъ кровянистой слизистой мокроты, былъ довольно спокоенъ до 25 октября; тутъ кровохарканіе повторилось, но недолго, и больной только временно имѣлъ головныя боли, шумъ въ ушахъ, безпокойства, смѣняемыя болѣе спокойнымъ расположеніемъ духа. 14 ноября возобновилось сильное кровохарканіе и продолжалось до 16. Въ настоящее время состояніе его здоровья удовлетворительно и въ умственныхъ способностяхъ никакихъ разстройствъ не замѣчается. Вообще должно прибавить, что Юрьевъ во все время пребыванія въ госпиталѣ велъ себя тихо, благопорядочно, былъ послушенъ начальствующимъ лицамъ, повиновался всѣмъ наставленіямъ врачей и никогда не оказывалъ буйныхъ припадковъ; съ прислугою обходился смирно, но иногда подсмѣивался надъ ихъ невѣжествомъ и отъ скуки училъ ихъ маршировкѣ, стойкѣ, поворотливости и пѣнію. Съ посторонними лицами, посѣщающими его, онъ всегда былъ вѣжливъ и услужливъ. Но что его всегда раз-

дражало, это извѣстія о женѣ и семейныхъ обстоятельствахъ; тогда онъ дѣлался молчаливымъ, долго плакалъ и занимался чтеніемъ молитвенниковъ, а въ характерѣ своемъ оказывалъ болѣе трусливости, чѣмъ смѣлости. Въ рѣчахъ о непріятныхъ для него людяхъ, онъ иногда выражался о мести, но тотчасъ обдумывался, и прощалъ имъ и твердилъ какъ бы поскорѣе удалиться изъ Смоленска отъ всѣхъ семейныхъ обстоятельствъ; сдѣлать же кого либо несчастнымъ, онъ не показывалъ никакой наклонности и былъ всегда очень сострадательнымъ и чувствительнымъ. Сообразивъ все, оказавшееся во время испытанія, должно вывести слѣдующее заключеніе: 1) что по свойству и степени болѣзненныхъ припадковъ, отъ ранъ происходящихъ, Юрьевъ на основаніи 2-го пункта 1056 ст. VI т. св. военн. постановл. долженъ состоять въ первомъ классѣ раненыхъ; 2) что такъ какъ болѣзненные припадки, коимъ подверженъ *Юрьевъ*, находятся въ причинной связи съ пораненіемъ головы, слѣдовательно усиленіе и ожесточеніе оныхъ до степени буйнаго бреда и до потери сознанія о сдѣланныхъ во время ожесточенія поступкахъ, (какого бы ни были рода, впрочемъ, причины, возбудившія сіе ожесточеніе припадковъ)—зависитъ отъ болѣзненнаго состоянія главнаго нервнаго центра, какъ прямое слѣдствіе раны въ голову; 3) что главнѣйшею причиною ожесточенія припадковъ должно почитать душевныя волненія, слѣдовательно отвращеніе вліянія оныхъ, удаленіе больнаго изъ среды, въ которой онъ болѣе всего и чаще встрѣчалъ бы поводы къ таковымъ волненіямъ, и потому доставленіе ему совершеннаго тѣлеснаго и душевнаго спокойствія—составляютъ необходимое и жизненное условіе существованія больнаго, для котораго медицинскія и фармацевтическія средства составляютъ только палліативное пособіе; 4) что въ настоящемъ положеніи больнаго признается ему полезнымъ и необходимымъ немедленно отправиться на жительство въ южныя губерніи Россіи, преимущественно въ тѣ, которыя заключаютъ минеральные источники; 5) что судя по тому же положенію онъ можетъ быть выписанъ изъ госпиталя и, 6) что Юрьеву должна быть предоставлена полная свобода, но съ постояннымъ состояніемъ его подъ неослабнымъ медицинскимъ надзоромъ.

По постановленію губернскаго правленія Юрьевъ оставленъ былъ въ госпиталѣ впредь до окончанія о немъ дѣла.

8-го марта 1861 г. главный лекарь смоленскаго военнаго госпиталя донесъ начальнику губерніи, что Юрьевъ въ разное и неопредѣленное время былъ подверженъ до 20 числа прошлаго февраля припадкамъ, которыми обыкновенно характеризуются приливы крови къ головѣ, и предрасположеніе къ которымъ онъ получилъ вслѣдствіе раненія въ голову. Приливы сіи были вызываемы иногда душевнымъ волненіемъ, а иногда безъ всякой видимой причины. Степень и сила самыхъ болѣзненныхъ припадковъ были таковы, что они во все время нахожденія сего офицера въ госпиталѣ, никогда не доходили до степени буйнаго бреда и полнаго самозабвенія, однимъ словомъ до того состоянія, въ коемъ онъ былъ доставленъ въ госпиталь 2-го августа 1860 г. и повидимому можно было надѣяться, что оно не повторится, не смотря на оставшуюся у Юрьева и никогда его не покидавшую раздражительность характера, проявленіе которой, какъ опытомъ было дознано, можно было вызвать во всякое время и самымъ ничтожнымъ обстоятельствомъ. Но 2-го февраля сверхъ ожиданія возобновился у Юрьева припадокъ буйнаго бреда. По извѣщенію дежурнымъ ординаторомъ о случившейся съ этимъ офицеромъ того числа вечеромъ перемѣнѣ, а главное о буйственныхъ поступкахъ, старшій лекарь счелъ нужнымъ лично удостовѣриться о семъ и узнать причину такого состоянія, и изъ распросовъ узналъ, что Юрьевъ съ полдня сталъ раздражителенъ и безпокоенъ до того, что нужно было призвать служителей для укрощенія его и удержанія отъ поступковъ, нарушающихъ благочиніе въ госпиталѣ; при старшемъ лекарѣ онъ было нѣсколько успокоился, не переставая впрочемъ твердить, что всему причиною губернское правленіе, которое будто рѣшило выдержать его въ госпиталѣ еще 5-ть мѣсяцевъ, извѣстіе передано и о которомъ будто бы бумага въ конторѣ; когда же старшій лекарь замѣтилъ, что во первыхъ, такой бумаги вовсе не было въ конторѣ, и во вторыхъ, что если бы сказанное имъ было дѣйствительно справедливо, то покорнымъ и спокойнымъ исполненіемъ постановленія начальства онъ имѣлъ бы еще больше права на участіе въ его положеніи и домашнихъ обстоятельствахъ,—Юрьевъ, вдругъ вскочивъ съ постели и приго-

варивая слова, что еще 5-ть мѣсяцевъ будутъ держать его въ госпиталѣ, началъ бросать на полъ посуду, стоявшую на столикѣ, рвать на себѣ рубаху и, опрокинувъ столикъ, бить имъ о полъ, грызть и кусать ножки столика и дѣлать другія безчинства. Для успокоенія и усмиренія больнаго были употреблены тотчасъ извѣстныя средства, дѣйствіе коихъ было вполнѣ удовлетворительно, ибо больной тотчасъ же успокоился, пришелъ въ себя и сталъ просить извиненія у тѣхъ, кого онъ оскорбилъ. 22 числа обнаружилось у него кровохарканіе; въ послѣдующіе дни жаловался на боль въ груди. Въ настоящее время больной находится въ совершенно удовлетворительномъ положеніи. Въ заключеніе старшій лекарь представилъ начальнику губерніи: 1-е, что такъ какъ болѣзнь Юрьева неизлечима, то онъ не подлежитъ постоянному леченію въ военномъ госпиталѣ, и 2) что продолжительное пребываніе такого больнаго въ госпиталѣ и при тѣхъ средствахъ, коими госпиталь можетъ располагать, несказанно затрудняетъ сохраненіе госпитальнаго порядка и благочинія.

Въ іюлѣ 1861 г. Юрьевъ былъ выписанъ изъ смоленскаго госпиталя и отданъ на поруки.

16-го января 1862 г. *жена Юрьева* обратилась къ начальнику губерніи съ жалобами на новыя притѣсненія со стороны мужа. По словамъ ея, еще осенью 1861 г. встрѣтясь съ нею въ г. Смоленскѣ, мужъ насильно посадилъ ее въ извощичій экипажъ и привезъ въ какой то домъ; оттуда она успѣла уйти только тогда, когда мужъ заснулъ. 10 декабря того же года мужъ пришелъ въ ея квартиру въ 10 часовъ вечера, но она успѣла *спрятаться*; когда же ему сказали, что ея нѣтъ дома, то Юрьевъ, скрежеща зубами, хриплымъ и дикимъ голосомъ требовалъ отъ горничной, чтобы она показала ему ее, Юрьеву; хвалился и клялся, что пріѣдетъ въ Темники, перерѣжетъ въ ея глазахъ всѣхъ дѣтей, сожжетъ имѣніе, а потомъ будетъ конецъ и ей, Юрьевой. Послѣ этого мужъ сталъ часто посѣщать ее въ квартирѣ, но бывалъ только во время дня, а не ночью; въ этомъ онъ имѣлъ ту цѣль, чтобы въ случаѣ беременности ея, отговориться, что она забеременила не отъ него, ибо и о прежнихъ дѣтяхъ своихъ, двухъ сыновьяхъ и дочери (рожденной Юрьевою во время производства слѣдствія), онъ иногда выражался что они рождены не отъ него. Наконецъ 7-го января, когда она окончательно отказа-

ла мужу въ домогательствѣ его жить съ нимъ, и онъ узналъ, что она принимаетъ его только съ цѣлію получить отъ него метрическія свидѣтельства на сыновей, то онъ сталъ нещадно ругать и оскорблять ее, гонялся за нею по комнатамъ съ тѣмъ, чтобы насильно увести ее на свою квартиру, и укусилъ ей плечо. При разговорахъ во время посѣщенія ея, мужъ между прочимъ высказалъ ей, что медики въ смоленскомъ госпиталѣ составили о болѣзни его новый актъ; изъ акта этого онъ прочелъ ей тѣ мѣста, гдѣ сказано, что онъ раздражается отъ полученной имъ раны въ голову, при однѣхъ дурныхъ вѣстяхъ о семействѣ, которое онъ нѣжно любитъ, что онъ велъ себя въ госпиталѣ скромно, тихо, былъ боязливъ и послушенъ въ отношеніи начальства и проч.; поэтому онъ почиталъ дѣло свое совершенно выиграннымъ, а слѣдовательно можетъ поступать такъ, какъ ему заблагоразсудится, смотря по обстоятельствамъ, то есть, играть роль больнаго или здороваго.

На вопросы, предложенные 16 мая 1862 г. чиновникомъ Жигмонтомъ, *Юрьевъ*, между прочимъ, объяснилъ, что 19 марта 1860 г. онъ пріѣхалъ въ Темники по вызову временнаго отдѣленія и освѣдомясь, что оно открыло свое присутствіе въ домѣ жены его, отправился туда; войдя въ комнаты, онъ увидѣлъ, что жена его, братъ ея и исправникъ закусывали и играли въ карты; при появленіи его, жена, вбѣжавши въ другую комнату, начала ругать его; это обстоятельство, при его болѣзненномъ положеніи, жестоко поразило его; обратясь къ исправнику, онъ высказалъ ему нѣсколько словъ, но исправникъ черезчуръ хладнокровно принялъ это; въ это время братья Ваулины начали кричать, что онъ сошелъ съ ума и схвативъ его, потащили въ переднюю и наносили ему побои; при сильныхъ ударахъ въ голову онъ потерялъ всякое сознаніе и рѣшительно не упомнитъ, что съ нимъ было; вслѣдствіе этого раздраженія и болѣзненнаго припадка онъ долго не могъ придти въ нормальное состояніе, и этотъ кризисъ болѣзни и по прибытіи его въ Смоленскъ повторился въ квартирѣ его въ домѣ г. Брейера; послѣ сего онъ былъ отправленъ въ смоленскій военный госпиталь. Дѣйствительно онъ былъ 19 декабря 1861 г. въ торговой банѣ, чтобы вымыться; для этого имъ былъ занятъ отдѣльный номеръ; къ женѣ же онъ не входилъ и не зналъ, что она въ банѣ; разстав-

щаясь съ нею 19 декабря 1859 г., онъ не встрѣчался съ нею до 29 декабря 1861 г., но этого числа встрѣтился съ нею слѣдующимъ образомъ: родная ея племянница Филипова пріѣхала къ нему и убѣдительно со слезами просила ѣхать въ домъ ея, причемъ не объяснила истины, а сказала, что до него есть важное дѣло; онъ согласился; войдя въ домъ Филиповой, онъ увидѣлъ жену свою, которая бросилась въ его объятія со слезами и просила забыть все прошедшее; онъ согласился на ея просьбу и бывши добръ и снисходителенъ къ ней, рѣшился поѣхать въ ея домъ, гдѣ и былъ до вечера, а также на другой и въ слѣдующіе дни, до 3-го января, когда она отправилась въ сельцо Темники.

Затѣмъ *Александръ Ваулинъ* въ прошеніи на имя начальника смоленской губерніи изложилъ, что сестра его, пріѣхавши въ Темники изъ Смоленска, гдѣ она жила съ мужемъ, разсказала, что мужъ ея около мѣсяца постоянно требовалъ, чтобы она уѣхала въ деревню, потому что она ему наскучила; чтобы тотчасъ по пріѣздѣ домой непремѣнно прислала денегъ 160 руб.; чтобы она сама, мать ея и братья непремѣнно просили бы его униженно и подобострастно письмомъ къ себѣ въ гости; чтобы за нимъ непремѣнно послали голубую коляску, четверней съ форейторомъ, съ наборной упряжью и во всемъ парадѣ. Также строго приказывалъ, чтобы всѣ люди и крестьяне встрѣчали его въ праздничныхъ костюмахъ, чтобы столы были накрыты въ каждой комнатѣ, чтобы всякія закуски, вина разнаго сорта были поставлены на столахъ. Въ такомъ случаѣ онъ, погостивъ дня два или три, уѣдетъ. Если же не будетъ исполнено всего этого и главнаго требованія его, т. е. 160 руб., тогда онъ пріѣдетъ какъ хозяинъ и распорядится по своему, то есть, убьетъ его, Александра Ваулина, какъ главнаго зачинщика, потомъ дѣтей Юрьевой, мать ея, а потомъ сожжетъ домъ и всю деревню. Ко всему этому онъ прибавилъ: «бойся и берегись раздражить мужа»! Вслѣдствіе такихъ угрозъ Юрьева, онъ, Ваулинъ, принялъ надлежащія мѣры предосторожности. 25 мая ему доложили, что пріѣхалъ Юрьевъ; тотчасъ же онъ подбѣжалъ къ окну и увидѣлъ, что Юрьевъ быстро бѣгаетъ съ пистолетомъ въ рукахъ вокругъ дома отъ одного окна къ другому и требуетъ, чтобы его впустили; онъ, Ваулинъ, хотѣлъ объяснить чрезъ запертое окно, что этого нельзя и хотѣлъ его успокоить, но тщетно. Когда же онъ, Ваулинъ, сказалъ

Юрьеву, что онъ попечитель, то это слово его взбѣсило, онъ закричалъ: «не признаю законовъ, какъ смѣешь жить съ моею женою», и съ крикомъ ура! и ругательными словами началъ бить поланомъ рамы. Трескъ рамъ, брызгъ стеколъ произвели сильную суматоху въ домѣ, женщины попадали, иныя отъ пистолета, которымъ угрожалъ, а иныя отъ шума стеколъ. Далѣе Ваулинъ описываетъ поступки Юрьева такъ: «я ни на что не обращалъ вниманія, а наблюдалъ только, куда ворвется Юрьевъ, перебѣгавшій отъ одного фасада дома до другаго, но наконецъ замѣтилъ, что онъ намѣренъ войдти съ балконныхъ стеклянныхъ дверей со стороны сада, и въ которыхъ шесть шибокъ уже было имъ выбито. Съ пистолетомъ въ рукахъ, которымъ онъ наводилъ на меня,—а потому я изъ противоположныхъ одностворчатыхъ дверей, прикрываясь полотномъ оныхъ, высматривалъ въ скважину, охраняя себя отъ удара пули притолкой. Я очень ясно видѣлъ пыжъ въ дулѣ пистолета, потому что пистолетъ его малаго формата. Тогда Юрьевъ, не видя никого въ зальной комнатѣ, потому что я прикрывался дверью, вдругъ просунулъ ногу и голову въ разбитую имъ шибку, и такъ быстро вскочилъ въ залу, что я не успѣлъ сказать матушкѣ «лезетъ», какъ онъ вскочилъ въ залу. Другіе полагали послѣ, что онъ отперъ двери ключомъ, оставленнымъ въ дверяхъ, просунувъ руку чрезъ разбитое стекло, но мнѣ ясно показалось, что онъ пролѣзъ въ отверстіе разбитаго имъ стекла. Я въ тоже мгновеніе подскочилъ къ нему, схватилъ за обшлага его рукавовъ, на немъ было два пальто,—а матушка, опасаясь за меня и зная, что у меня по случаю давнишняго вывиха ноги, разслабился составъ и часто выскакиваетъ съ мѣста своего колѣно, даже на ровномъ полу, а потому ни на шагъ не отступала отъ меня и послѣдовала за мною; я держалъ Юрьева, а она обыскивала карманы, чтобы взять пистолетъ и не смотря на барахтанье со мною, отыскала пистолетъ, шкаликъ ратафіи и бутылку хересу, да еще двѣ небольшія золотыя ложки подъ чернью, одна другой меньше, которыя онъ взялъ съ собою въ Смоленскъ по выѣздѣ его изъ деревни. Тогда я опустилъ его руки; но я долго не допускалъ его въ другія комнаты, слѣдя за его движеніями, потому что имѣлъ цѣль спасти дѣтей; долго продолжалось время, какъ я препятствовалъ ему, ходя за нимъ вдоль по залѣ, пока матушка сказала мнѣ, что дѣ-

тей унесли; но я все еще удерживалъ его, не довѣряя ей и ожидалъ, чтобы собрались крестьяне изъ деревни; наконецъ мнѣ повторили еще два раза, что дѣти спасены, тогда только я далъ ему свободу. Онъ неистово ругалъ меня самыми площадными словами и оскорбительными для ушей, равно и матушку мою такими, какими простаго крестьянина языкъ не поворотится. Хотя было очень мнѣ прискорбно, но я не выходилъ изъ залы и его не допускалъ выдти, опасаясь за жизнь сестры, о которой не имѣлъ свѣдѣнія, гдѣ она находится. Видя мое хладнокровіе, которое его приводило въ смущеніе, онъ сдѣлалъ самый отчаянный прыжокъ почти на аршинъ отъ полу, и съ высоты скачка, не касаясь уже ногами до полу, упалъ на полъ всѣмъ корпусомъ, билъ о полъ головою, а когда собрались крестьяне, то онъ громогласно провозглашалъ вольницу, крича: «ребята теперь вы вольные, чрезъ два дня услышите это извѣстіе, что я не смѣю ихъ сдать въ рекруты, что они лишнюю землю пашутъ, что мы ихъ голодомъ моримъ, что если бы не онъ, то давно бы они умерли съ голоду, что я буду, да и всѣ дворяне будутъ въ ногахъ ихъ валяться и цѣловать то, что мнѣ назвать совѣстно». Что онъ наберетъ шайку съ полсотни молодцовъ и пойдетъ пировать, что онъ убьетъ меня и требовалъ отъ нихъ клятвы, чтобы крестьяне были тому свидѣтелями, что онъ будетъ въ крови моей матушки купаться и наговорилъ вздору, чего и упомнить невозможно. Но крестьяне были всему нѣмыми свидѣтелями. По всему видно, что они были съ нимъ однѣхъ мыслей, потому что Юрьевъ не разъ хвасталъ, что они имъ давно приготовлены, но бывъ вѣроятно предувѣдомлены моимъ указомъ, ни на что не рѣшались и ничего не предпринимали. Еще говорилъ крестьянамъ, что я живу съ его женой, что я не долженъ здѣсь жить въ сельцѣ Темникахъ, потому что это его домъ, тогда какъ смоленскій городской домъ, доставшійся мнѣ по раздѣльному акту, гдѣ онъ до сихъ поръ живетъ, не платя мнѣ денегъ ни копѣйки и занимая его въ продолженіи 4 лѣтъ, есть также его собственность. Даже знакомые его всегда отыскиваютъ домъ Юрьева въ Смоленскѣ. И родные его адресовали письма къ нему на имя его: «въ домъ Юрьева». Что признаетъ не за своего старшаго сына Николая, а будто бы онъ мой сынъ; а меньшаго сына признаетъ своимъ, возьметъ съ собою и никому не отдастъ. Тогда какъ

въ прежнемъ дѣлѣ, кончившемся мировымъ прошеніемъ, отрекался въ письмѣ своемъ отъ меньшаго, который находился еще во чревѣ. Слѣдовательно, онъ въ разное время отрекся отъ обоихъ сыновей, а приписывалъ ихъ сначала женитьбы своей: крѣпостному человѣку Ивану Захарову, а нынѣ по сердцамъ называетъ Николая будто бы моимъ сыномъ. Изъ сего видно, что это есть новое оскорбленіе жены его, тогда какъ сестра наша съ самаго дня ея замужества ни на минуту безъ спроса мужа не отлучалась. А потому я готовъ смыть давно пятно сестры нашей собственною кровью своею, если бы не запрещалъ законъ поединковъ. Но я гнушаюсь должностію палача.— Между тѣмъ онъ пробрался между крестьянъ въ домашнія комнаты, а крестьяне одинъ за однимъ перешли въ прихожую. Продолжая буйствовать и возмущать крестьянъ, онъ входитъ въ дѣтскую спальню. Я полагалъ, что дѣти уже унесены, а потому оставался покоенъ, но слѣдилъ за нимъ глазами. Онъ подходитъ къ колыбели, распахиваетъ пологъ и хватаетъ оттуда ребенка. Я такъ испугался за жизнь ребенка, и только въ это время у меня сжалось сердце. Ребенокъ былъ оставленъ, по неосторожности или глупости няньки, боявшейся его разбудить. Юрьевъ пробѣжалъ съ нимъ въ залу, потрясая имъ грозно, требовалъ, чтобы привели къ нему жену его. А если къ нему не приведутъ жену, то увидятъ трупъ его сына. Я былъ въ отчаяніи спасти ребенка, а потому приказалъ слѣдовать за нимъ и стараться, какъ можно, кротостію освободить его ребенка изъ рукъ его. Крестьяне медленно потянулись за нимъ съ балкона чрезъ садъ къ озеру. Какая была мысль его, мнѣ неизвѣстно. «Не подходите ко мнѣ» кричалъ онъ, «не то откушу ему руку», и вложилъ въ свой ротъ руку ребенка. Ребенокъ не плакалъ, но былъ въ безсмысленномъ оцѣпененіи, видя вокругъ себя множество незнакомыхъ лицъ и не понимая, что съ нимъ дѣлается. Наконецъ, видя себя преслѣдуемымъ толпою крестьянъ, Юрьевъ возвратился въ домъ, опять вошелъ въ залу и повторялъ свое требованіе, чтобы привели къ нему жену его. Тогда я сказалъ: «Александръ Семеновичъ! ей Богу я не знаю, гдѣ твоя жена, и если хочешь, чтобы я привелъ жену твою, то отдай мнѣ ребенка; кажется моей божбѣ можешь повѣрить, ты знаешь, что я никогда не лгалъ и не обманывалъ»; онъ отвѣчалъ: «вѣрю твоей клятвѣ и знаю, что ты благороденъ,

слову своему господинъ». Я принялъ на одну руку его сына, а правою рукою обнялъ его и нѣсколько разъ поцѣловавъ, благодарилъ за довѣренность, а самъ старался пробраться съ ребенкомъ въ домашнія комнаты до дѣвичьей, крѣпко опасаясь, чтобы онъ его опять отъ меня не отнялъ обратно. Тутъ уже приняла отъ меня его нянька. Тогда онъ стихъ, перемѣнилъ совсѣмъ другой тонъ, старался ласкать меня и узнать отъ меня, не подавалъ ли я куда прошеній; я отвѣчалъ, что жена его подала прошеніе въ смоленскую градскую полицію съ нашимъ объявленіемъ, а болѣе я никуда не подавалъ. Разсказалъ ему, по желанію его, содержаніе бумагъ; любопытствовалъ онъ еще узнать, какіе документы я представилъ, и крайне боялся, чтобы не представилъ послѣдняго его письма; я сказалъ, что приложилъ къ прошенію письмо, писанное имъ ко мнѣ тогда, какъ сестра наша отчаянно была больна, и успокоилъ его тѣмъ, что послѣднее письмо къ женѣ его хранится у меня. Тогда онъ продолжалъ мнѣ говорить: «зачѣмъ ты затѣваешь дѣло», старался съ большимъ усердіемъ меня увѣрить, что онъ желаетъ самъ разойтись съ женою своею и хотя любитъ ее бѣшеною, дикою и необузданною любовью, но что теперь наскучило самому, а только онъ желаетъ уѣхать тихо, безъ всякого дѣла, что онъ скоро самъ уѣдетъ, что онъ уѣдетъ въ полтавскую губернію, потому что назначенъ городничимъ, получилъ указъ; что онъ меня уважаетъ, знаетъ мою душу и характеръ, что я кротокъ, благороденъ, святой человѣкъ, что если бы жена его умерла, то самъ онъ женился бы на мнѣ, что дѣти его подъ попечительствомъ моимъ будутъ счастливы, что онъ смѣло оставитъ дѣтей на мои руки, что онъ желаетъ дать разводную женѣ съ уговоромъ, чтобы жена его носила его фамилію и не шла замужъ, а ему чтобы можно было жениться на другой, чтобы жена его непремѣнно отказалась отъ его пенсіона. Сознавался, что онъ не способенъ къ семейной жизни, а привыкъ вести жизнь разгульную, что онъ своимъ несчастнымъ и буйнымъ характеромъ погубитъ дѣтей, а потому даже радъ и самъ желаетъ поручить мнѣ дѣтей. Сознавался даже и въ томъ, что совѣсть его мучитъ, становился предо мною на колѣни. Требовалъ моей клятвы, чтобы я не открывалъ никому тайны души его, что у него есть первая жена, что онъ женатъ на солдаткѣ въ Екатеринодарѣ, что скрыть

этого никакъ нельзя, если пойдетъ дѣло, ибо онъ женился съ разрѣшенія начальства, что дѣло его погубитъ, что нужны ему деньги и деньги, и именно на взятки, что онъ давно ведетъ такого рода жизнь, что онъ ангелъ и чертъ, что онъ всегда будетъ богатъ и чрезъ черта достаетъ деньги, что онъ извѣдалъ свѣтъ и понялъ человѣческую слабость, что всѣ люди падки на деньги, а потому онъ держитъ всѣхъ тѣхъ, кои пользуются его деньгами, въ своихъ рукахъ; что тѣ, кои получали его деньги, уже давно въ его рукахъ и только стоитъ ему напомнить о 10, о 15 цѣлковыхъ, то голову опустя дѣлаютъ такъ, какъ онъ хочетъ; что въ городѣ Смоленскѣ уже многіе попались въ его руки, что нѣтъ ни одного честнаго человѣка въ Смоленскѣ и не встрѣчалъ, а всѣ плуты, что кромѣ здѣшняго губернатора и меня писателя, нѣтъ ни одного безкорыстнаго человѣка, что и начальникъ губерніи по его хитростямъ, самъ не подозрѣвая, попалъ въ его же руки. Словомъ быстро переходя отъ одного предмета къ другому, отъ смиренія въ восторгъ, отъ восторга къ угрозамъ, то понижая, то повышая голосъ, доказывалъ, что держитъ въ рукахъ цѣлый міръ. Весь этотъ разговоръ происходилъ съ прогулкой по гостиной и зальной комнатѣ. Матушка моя, прислушиваясь къ нашему разговору, сравнила его съ Наполеономъ 1-мъ: «настоящій, сказала она, ты воскресшій съ того свѣта Наполеонъ». Она сказала умышленно, потому что онъ Наполеона боготворитъ и ставитъ его наравнѣ съ Іисусомъ Христомъ. Тогда онъ пришелъ въ восторгъ и очень былъ доволенъ. А я съ своей стороны изъявилъ ему свое удивленіе: «подлинно, сказалъ я, ты рѣдкій человѣкъ, удивляюсь, какъ ты могъ постичь людей, ворочаешь цѣлымъ свѣтомъ». Надобно замѣтить, когда Юрьевъ утихъ, и когда наше обращеніе изъ враждебнаго перешло почти въ дружеское, то крестьяне одинъ за другимъ почти всѣ вышли изъ комнатъ. Осталось на господскомъ дворѣ два мужика, а прочіе пошли обѣдать». Но для чего, спросилъ я его, если ты меня такъ хорошо знаешь и съ хорошей стороны надѣешься на мою честность и благородство, а между тѣмъ публично мараешь, кричишь неприличныя слова при всемъ народѣ, разглашаешь о низкой будто бы связи съ моей сестрой, а твоей женой, и какъ тебѣ это не совѣстно». «А что же мнѣ дѣлать болѣе,—онъ отвѣчалъ,— иначе я погибну, мнѣ больше ничего не остается дѣлать, какъ

вредить и мстить всему роду человѣческому, готовъ и тебѣ отомстить и непремѣнно убью за то, что защищаешь сестру, а меня винишь, и если не примешь всего на себя, что я говорю, то....» «Но неужели ты думаешь, отвѣчалъ я, что мнѣ смерть страшна, о! повѣрь, что я не боюсь смерти и хоть сейчасъ бей, я постою за себя, какъ стоялъ за твоихъ дѣтей. А если меня убьешь, то я исполнилъ долгъ свой, защищая мое и твое семейство».—«Но мнѣ самому надоѣла жизнь семейная, возразилъ онъ, мнѣ твоя сестра надоѣла и опротивѣла, все одно и тоже, щи да щи. Я знаю самъ, что я дѣтей погублю и поручаю ихъ тебѣ, но только не учите дѣтей проклинать отца, я хочу разойтиться тихо, пусть она придетъ ко мнѣ, и я съ ней попрощаюсь и уѣду.»—«Эхъ! не вѣрю тебѣ, Александръ Семеновичъ, вѣдь ты привыкъ обманывать и вѣчно лжешь; ты хочешь поѣздить, покутить и когда истратишь деньги, то опять пріѣдешь мучить жену и дѣтей за деньги.»—«Въ такомъ случаѣ, возразилъ онъ, я готовъ непремѣнно написать контрактъ у маклера за подписомъ губернатора и предводителя, что отрекаюсь отъ правъ отца на дѣтей и жену и что поручаю на твое попечительство».—«Ну чтожъ, отвѣчалъ я, и это можно сдѣлать и вѣроятно сестра согласится. А какъ полиція, вѣроятно, ничего не предпринимала, какъ я слышалъ, то можно возвратить бумаги обратно изъ полиціи. И такъ уѣзжай поскорѣе сегодня и похлопочи самъ; дай всѣмъ успокоиться, а то ты такъ сегодня всѣхъ напугалъ, а я завтра вслѣдъ за тобой пріѣду и тамъ все уладимъ».—«Какъ же! я здѣсь буду ночевать, я здѣсь хозяинъ дома, это мой домъ», — и лице его измѣнилось, а потому я ему не противорѣчилъ и старался обратить вниманіе на другой предметъ. Весь этотъ разговоръ я старался описать изъ воспоминаній, какъ можно вѣрнѣе и ближе къ натурѣ. Каждому извѣстно, что трудно все упомнить, и почти невозможно и представить сцены, безпрестанно измѣняющіяся. Изъ сего разговора видно, что и мысли его также ежечасно измѣняются. Давно было уже за полдень, я предложилъ ему обѣдать. На столѣ кое что было поставлено человѣкомъ Иваномъ Захаровымъ, но никому на умъ ѣда не шла послѣ такого переполоха. Онъ спросилъ молока, матушка распорядилась, чтобы ему тотчасъ подали. Юрьевъ отбилъ горло бутылки хересу и въ короткое время все выпилъ одинъ и въ прибавку шкаликъ ратафіи, которые у него

нашли. Чрезъ нѣсколько времени Юрьевъ опять начиналъ понемногу волноваться, отъ напитковъ ли или отъ другой причины, и чѣмъ болѣе говорилъ, тѣмъ болѣе злился. А тѣмъ болѣе его поощряло то, что замѣтилъ онъ крестьянъ, собранныхъ въ прихожей, которымъ нѣсколько разъ съ азартомъ кричалъ: «смотрите на меня, я спаситель, я Іисусъ Христосъ, видители на мнѣ облака», подступалъ къ нимъ, заставлялъ ихъ нюхать, чѣмъ онъ пахнетъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ: «не знаю». «Я пахну святостію». Словомъ сказать онъ бѣсновался; «мщеніе, мщеніе», кричалъ онъ, «во мнѣ итальянская кровь», и столько наговорилъ, что невозможно упомнить, — сколько разъ и къ кому подходилъ и кому и что говорилъ, не только описать въ послѣдовательномъ порядкѣ. Я на все смотрѣлъ молча и равнодушно, хотя сердце моё было стѣснено отъ оскорбленія. Онъ вдругъ ко мнѣ обернулся и громовымъ отъ гнѣва голосомъ закричалъ: «чего ты смотришь на меня такъ хладнокровно»; здѣсь онъ прибавилъ такое словцо, которое я помѣщать почитаю неприличнымъ, боясь оскорбить слухъ слѣдователей. Но я былъ твердъ, какъ камень, и это выводило его изъ терпѣнія; онъ не разъ хватался за ножи и однажды сталъ предо мною съ поднятымъ кверху ножемъ въ рукѣ, такъ что мнѣ отклониться было некуда, въ самомъ сильномъ азартѣ, дрожа весь отъ злости. Но равнодушіе мое и тутъ его побѣдило, рука его опустилась и онъ бросилъ ножъ на землю. Долго я былъ невольнымъ слушателемъ оскорбленій, сидя на стулѣ; но вновь его вывело изъ терпѣнія мое равнодушіе; онъ съ визгомъ сдѣлалъ еще скачекъ почти на аршинъ отъ полу и съ высоты скачка, не касаясь до полу вторично ногами, упалъ на бокъ и началъ биться. Этотъ скачекъ и это паденіе должно быть видѣли крестьяне, которые выглядывали изъ другой комнаты съ любопытствомъ, отчего произошелъ стукъ. Выставленный мною, образъ начатый мною для церкви, стоявшій, какъ возлѣ печи Михаила Архангела съ соборомъ, на которомъ изображена вверху святая троица, онъ хотѣлъ колоть и требовалъ топоръ, чтобы расколоть, говоря: «. . . . . ». Но я упросилъ его не трогать, потому что дѣлается по заказу. Онъ еще подскакивалъ ко мнѣ на крыльцѣ, чтобы меня грызть, и раскрытая пасть его находилась только на два вершка отъ моего носа; я только

немного отклонилъ голову, чтобы оберечь себя. Но Юрьевъ, хотя съ ругательствомъ и злобою, но самъ не смѣлъ коснуться до меня и отошелъ на шагъ. Тутъ же ругалъ онъ и матушку, называя ее стервою, старымъ чертомъ и другими неприличіями за то, что старалась по своимъ силамъ защитить меня. Но какъ видно, что онъ уже самъ чувствовалъ, что достоинъ того, чтобы его связали и связаннаго представили къ начальству, потому что онъ нѣсколько разъ подскакивалъ къ крестьянамъ, къ тѣмъ самымъ, которымъ провозглашалъ вольницу, и называлъ ихъ друзьями и товарищами съ тѣмъ, чтобы его связали. «Вяжите меня, вяжите,» кричалъ онъ, но никто не шевелился; «кто смѣетъ коснуться меня, я кавалеръ святаго Георгія, инвалидъ перваго класса.» Только одинъ разъ я какъ то коснулся его руки съ намѣреніемъ успокоить, но онъ закричалъ на меня съ площадными ругательствами: «какъ смѣешь разбередить мнѣ раненую руку,» и я его оставилъ. Въ заключеніе показанія своего, Ваулинъ приводилъ слѣдующіе факты изъ жизни Юрьева въ Смоленскѣ: однажды пошелъ градъ, онъ спросилъ у няньки: «Домна, что это, градъ или дождь»? Она отвѣчала: «градъ», онъ вдругъ разсердился, «какъ смѣешь говорить градъ, ахъ ты вѣдьма! я посѣялъ лукъ, а его побьетъ градомъ, я убью тебя»; весь затрясся, вскочилъ со стула и погнался за нею съ кулаками, нянька едва ушла отъ него, не смотря на то, что у нея ребенокъ былъ на рукахъ. Однажды ему подали завтракъ, а нянька водила по полу подъ руки ребенка, а какъ ребенокъ тянулся къ столу, гдѣ онъ завтракалъ, то и она съ нимъ приблизилась; онъ вдругъ схватилъ ножикъ, покраснѣлъ отъ злости, съ словами: «какъ смѣешь водить сына, когда я завтракаю», и хотѣлъ ножемъ ударить въ спину няньку, такъ какъ нянька была въ то время въ согнутомъ положеніи, но жена удержала его руку. Тогда онъ опомнился и сказалъ: «удивляюсь самъ себѣ; ей богу, маменька, я убью кого нибудь, я самъ не радъ своему характеру и не привыкъ къ семейной жизни, меня все выводитъ изъ терпѣнія». Однажды ребенокъ его ночью проснулся и заплакалъ, не захотѣлъ лежать въ постели, быть можетъ захотѣлъ пить, а потому нянька взяла его изъ колыбели съ тѣмъ, чтобы поносить нѣсколько времени, дать напиться, или покормить его. Юрьевъ вдругъ вскочилъ съ постели, погнался за

нянькой, чтобы выхватить у нея ребенка и побить, съ крикомъ браня своего сына сими словами: «ахъ ты, Сенька, проклятый, какъ смѣешь ты кричать, не давать мнѣ спать.» Ребенку тому еще года не было, отчего нянька съ перепуга, не помня сама себя отъ страха, вскочила въ темную горницу въ прихожую, гдѣ стояли сундуки и прочее и едва не упала сама съ ребенкомъ, не находя дверей куда выдти. Ребенокъ же во всю силу кричалъ отъ страха, такъ что отъ обоюднаго шума мужа и сына проснулась и жена его, стала бранить няньку, боясь выговорить мужу, зачѣмъ она ходитъ въ темныхъ комнатахъ. Тогда онъ опомнился и сказалъ: «ухъ! какъ мою голову разбило,» и бросился въ постель. По замѣчанію няньки, онъ съ вечера и почти цѣлую ночь пилъ. Однажды нянька, бывъ въ кухнѣ, увидѣла тамъ валявшуюся самоварную трубу, а какъ въ кухнѣ никого не было, то опасаясь, чтобы не пропала труба, принесла въ горницу и положила въ передней на столъ, а сама взяла ребенка нянчить. Юрьевъ увидѣвъ трубу, схватилъ ее съ сердцемъ, такъ что сплющилъ въ рукахъ и ударилъ о полъ такъ, что ручка отскочила. А потомъ схватилъ вилки изъ столоваго ящика въ обѣ руки, бросился на няньку, которая съ ребенкомъ была въ углу около печи въ наклоненномъ положеніи, и уже успѣлъ кольнуть ее въ брюхо, такъ что на животѣ были знаки, и вѣроятно бы закололъ ее, еслибы въ это время не подскочили другая нянька, и нанятая кухарка Фіона, которыя удержали его руки. Ребенокъ, видя это, крича и плача, уцѣпился въ волоса няньки одной рукой, а другой билъ няньку по щекамъ. Тогда Юрьевъ оставилъ ихъ, пошелъ къ отчаянно больной женѣ своей и смѣясь сказалъ: «ай да молодцы будутъ мои дѣти, я на няньку, а Коля мой тотчасъ мнѣ помогать; чтожъ будетъ какъ они выростутъ, тогда только стоитъ сказать пиль, такъ тутъ же они всѣхъ братьевъ твоихъ и мать разорвутъ какъ собаки».—Что касается до нравственности Юрьева, то онъ не имѣетъ никакой. Всѣ его поступки основаны на лжи, обманѣ, злобѣ, коварствѣ, безстыдствѣ и клеветѣ. Онъ способенъ оклеветать и такого человѣка, котораго даже въ первый разъ видитъ, чему доказательствомъ были уже случаи, о которыхъ не стоитъ писать. Въ счастіи онъ гордъ, такъ что нѣтъ ему равнаго. Въ несчастіи слишкомъ низокъ до подлости, готовъ на всѣ извороты и хи-

трости, и даже, если нужно, притворяться больнымъ, умирающимъ въ судорожныхъ конвульсіяхъ и сумасшедшимъ, такъ что, по мнѣнію моему, самый искусный и опытный медикъ долженъ ошибиться. А чрезъ часъ онъ совершенно здоровъ и ходитъ по улицамъ. Въ азартѣ онъ дерзокъ и забываетъ всѣ приличія, и кажется героемъ или лучше сказать разбойникомъ. Въ нечаянности большой трусъ, до того, что онъ не въ состояніи владѣть членами. Ночью въ потьмахъ оставаться вездѣ боится. Когда ложится въ постель, всегда бываѣтъ непокоенъ, ожидаетъ воровъ и разбойниковъ и никому не даетъ покою, пока всѣ двери не будутъ заперты и всѣ люди не лягутъ спать и пока самъ не уморится. А какъ проснется, то начинаетъ злиться и придираться, пока не выпьетъ водки и не позавтракаетъ, такъ что выдержать его словъ никто не можетъ, имѣя самолюбіе, а доступно только нашему терпѣливому семейству. Всѣхъ подозрѣваетъ способными къ низкимъ поступкамъ и всѣхъ ставитъ наравнѣ съ собой. Въ немъ нѣтъ никакой амбиціи и никакого стыда. А если и говоритъ что о чести, натужа грудь и возвыся голосъ, то это только для того, чтобы дать о себѣ выгодное понятіе людямъ его не знающимъ. Но въ самомъ дѣлѣ онъ не придерживается никакой чести, никакой совѣсти, потому что ежеминутно всѣхъ обманываетъ, словомъ сказать въ немъ нѣтъ никакого характера. Дома никогда не молится, а въ церкви всегда становится впередъ, на первое мѣсто, и весьма усердно кладетъ поклоны и поетъ. Даже когда стоялъ во время свадьбы подъ вѣнцомъ, когда глаза всей публики обращены были на молодыхъ, онъ безпрестанно клалъ земные поклоны. А вышедши изъ церкви, спрашивалъ меня, что̀ говорили о немъ, хорошо ли онъ стоялъ и молился въ церкви? Слѣдовательно и самая молитва его есть обманъ, а когда разсердится, то ругаетъ святыню площадными словами. Когда же случалось по убѣжденію жены его за ругательство святыхъ и Божіей матери ему поститься, то онъ всѣмъ хвасталъ пріѣзжимъ стороннимъ людямъ, что онъ большой постникъ, не только по средамъ и пятницамъ, а даже по понедѣльникамъ постится, выставляя на видъ матушку, что она старый человѣкъ и не постится по понедѣльникамъ. Тогда какъ прислуга замѣчала, что онъ пряталъ ветчину и яйца въ карманы во время поста. Книгъ читать онъ никакихъ не лю-

бить, но говоритъ, что онъ все читалъ и всѣ книги знаетъ, а если прочитаетъ нѣсколько страницъ, то только для того, чтобы показать, что онъ умѣетъ порядочно читать. Единственное его наслажденіе много ѣсть и много пить и чтобы всего было много и изобиліе, съ отсутствіемъ даже вкуса. Науки знаетъ поверхностно, или лучше сказать названія ихъ, потому что былъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, но въ сущности и основательно ничего не знаетъ. Говоритъ иногда высокопарно, для того чтобы удивить слушателей, быстро переходя отъ предмета къ предмету, и не выскажетъ никакого смысла, кромѣ того, что выводитъ доказательства, что владѣетъ свѣтомъ и что онъ изворотливъ, отчего иные не знающіе или льстецы почитаютъ, что онъ уменъ и начитанъ, а если посмѣшитъ женщинъ, которыя его хорошо не знаютъ, то называютъ его за то любезнымъ. Словомъ сказать душа его погибшая, въ чемъ онъ и самъ не разъ сознавался. О будущемъ мірѣ онъ не думаетъ, а лишь бы здѣсь была ему роскошь, довольство и исполнялась его всякая прихоть. Любимая его поговорка: «я жить хочу.» Его сердце ожесточено, сильно развращено и испорчено въ малолѣтствѣ дурнымъ воспитаніемъ. Слѣдовательно Юрьевъ опасенъ и раззорителенъ для семейной жизни и вреденъ для общества. Если бы онъ былъ отъявленный злодѣй и если бы не былъ хотя временно сумасброднымъ и безумнымъ, то могъ ли ему придти въ голову умыселъ дѣлать возмущеніе и полагать, что ему будетъ поддержка со стороны черни, по случаю предстоящаго переворота, улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ? Могъ ли высказать впередъ, что онъ хочетъ сдѣлать такое то и такое дурное дѣло; а вѣроятно сдѣлалъ бы тихо, а онъ непремѣнно исполнитъ то, что обѣщаетъ, чему доказательствомъ служитъ послѣднее происшествіе. Если же что обѣщаетъ доброе, или скажетъ какую новость, то навѣрно обманетъ. Впрочемъ я не разъ самъ слышалъ отъ него, что онъ сумасшедшій для свѣта, а не для жены. И такъ, по нашему общему семейному мнѣнію, ему нужно вести отшельническую жизнь, снабдить его избранными духовными книгами, которыя бы смягчили его сердце, тронули бы и врачевали душу, напомнили бы ему будущую жизнь. А чрезъ посредство бесѣды умнаго священника или монаха, внушить ему, что нѣтъ такого преступника, которому Богъ не от-

*

пустилъ бы грѣховъ за чистосердечное раскаяніе, и тѣмъ спасти его душу.

Изъ представленныхъ г-жею Юрьевою нѣсколькихъ *писемъ* мужа ея, болѣе замѣчательны слѣдующія:

«Машурка! конечно я тебя отправилъ въ деревню по разсудку, но вѣрь, чувства говорятъ противное; я знаю, что и ты повторишь то же, только съ измѣненіемъ обстановки. Вѣрь, что я безъ тебя рѣшительно идіотъ; машинальное занятіе по хозяйству, какъ будто нѣсколько развлекаетъ меня, но грусть и тоска повергли меня въ отчаяніе, я сроднился съ тобою, я живу въ тебѣ, а ты во мнѣ; я стараюсь всѣмъ говорить противное моимъ чувствамъ, чувствамъ священнымъ, которыя освящаютъ наши души, но если бы ты постигла бы мою привязанность къ тебѣ, мое влеченіе къ тебѣ, о! ты бы...... но Богъ съ тобою, ты меня страшно обидѣла, первая разлука—и ты не вспомнила обо мнѣ, ты ни строчки не написала; я ждалъ, что ты въ часы раздумья удѣлишь и мнѣ, но я все таки люблю тебя. Люби брата Александра, онъ достоинъ твоей любви, но онъ мой врагъ, онъ имѣетъ верхъ предо мною у тебя; кланяйся отъ меня ему; при всемъ моемъ соревнованіи, я умоляю—утѣшай его, онъ достоинъ лучшей участи, для счастія его я готовъ пожертвовать разлукой съ тобой; ты дура, ты милашка, ты ангелъ, ты чортъ; твой до гроба». (Когда было писано Юрьевымъ это письмо—не означено, сбоку помѣчено только «2 часа ночи»).

Въ письмѣ, присланномъ къ женѣ предъ отъѣздомъ въ Петербургъ (отъ 19-го сентября, года не означено) Юрьевъ между прочимъ пишетъ: «если Богъ продлитъ мою жизнь, лѣтъ чрезъ пять непремѣнно буду милліонеромъ и тогда пріѣду въ гости къ той, которую никогда и нигдѣ ни на что и ни на кого не промѣняю. Впрочемъ и до того мнѣ позволь писать и присылать тебѣ и дѣтямъ, и надѣюсь, что и вы будете столь добры и внимательны къ больному мужу и отцу, только Бога ради въ письмахъ называй меня братомъ, а дѣтей своими дѣтьми, ибо холостой человѣкъ въ короткое время можетъ сдѣлать себѣ и состояніе и карьеру, а женатый никогда; если я откроюсь; что женатъ, то Петербургъ для меня будетъ великою тюрьмою; я бы желалъ поступить на Кавказъ, но ты знаешь мое здоровье плохое, и потому буду искать счастья въ гражданскомъ быту,

я по правдѣ самый счастливый; онъ разъ женится и баста, а я: то мужъ, то любовникъ тебѣ и женихъ снова; наконецъ, я рѣшительно возстановлю въ мысляхъ, что я тебѣ женихъ прошедшаго.»

На повальномъ обыскѣ нѣсколько спрошенныхъ при слѣдствіи жителей города Смоленска отозвались, что они знаютъ Юрьева какъ человѣка обходительнаго и что въ образѣ жизни его они ничего предосудительнаго не замѣчали.

Смоленская уголовная палата, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, опредѣлила: отставнаго прапорщика Юрьева за буйство въ семействѣ своемъ и угрозы лишить всѣхъ ихъ жизни и жжечь сельцо Темники, равно за оскорбленіе чиновъ временнаго отдѣленія краснинскаго земскаго суда, на томъ основаніи, что дѣйствія Юрьева были слѣдствіемъ болѣзненнаго состоянія его, происходящаго отъ ранъ,—къ отвѣтственности не привлекать. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣя въ виду, что по медицинскому заключенію Юрьеву должна быть предоставлена полная свобода, но съ постояннымъ состояніемъ подъ неослабнымъ медицинскимъ надзоромъ, палата положила: для сдѣланія о семъ распоряженія, по мѣсту жительства Юрьева въ городѣ Екатеринославлѣ *), представить мѣстному начальнику губерніи.

Изъ справки, забранной *въ комитетѣ о раненыхъ* о Юрьевѣ видно слѣдующее: на основаніи свидѣтельства владыкавказскаго военнаго госпиталя отъ 7 сентября 1853 г. Юрьевъ былъ признанъ подлежащимъ причисленію къ 1-му классу раненыхъ, какъ конторою владыкавказскаго госпиталя, такъ равно старшимъ докторомъ войскъ кавказской линіи и черноморіи, и кавказскимъ корпуснымъ штабъ докторомъ. 18-го іюня 1854 г. Юрьевъ былъ освидѣтельствованъ во 2-мъ военно-сухопутномъ с.-петербургскомъ госпиталѣ. Врачи изложили, что Юрьевъ отъ роду около 32 лѣтъ, не высокаго роста и довольно хорошаго тѣлосложенія, жалуется на разнаго рода страданія, происходящія отъ послѣдствій совершенно нынѣ зажившихъ ранъ, которыя онъ получилъ въ дѣлахъ съ горцами въ 1849 и 1850 гг. На лѣвой сторонѣ покрововъ головы на уровнѣ нижней трети лѣвой темянной кости, за-

*) Изъ присланнаго въ канцелярію медицинскаго совѣта дѣлопроизводства о Юрьевѣ комитета о раненыхъ видно, что въ концѣ 1865 г. онъ снова поселился въ городѣ Смоленскѣ.

мѣчается у него продольный рубецъ въ полтора дюйма, правильно образованный, и притомъ не приросшій къ кости; рубецъ остался послѣ раны, полученной въ 1849 г. вмѣстѣ съ контузіей въ правый високъ, отъ которой въ настоящее время не осталось видимыхъ слѣдовъ. Вслѣдствіе этихъ поврежденій начали появляться у него частые приливы крови къ головѣ, сопровождаемые головною болью, шумомъ въ ушахъ, головокруженіемъ и другими припадками, доходившими прежде, какъ видно изъ свидѣтельства владыкавказскаго госпиталя отъ 20 октября 1852 года до маніакальнаго состоянія. На груди у него противъ 4 и 5 лѣвыхъ реберъ замѣчается два пятна величиною въ полтинникъ, оставшіяся послѣ контузіи въ грудь, полученной имъ въ томъ же дѣлѣ; нынѣ унтеръ-офицеръ Юрьевъ часто страдаетъ приливами къ груди, приступами кровохарканія и одышки. Сверхъ того на верхней и наружной части лѣваго бедра находится у него рубецъ отъ раны картечною пулею, полученной имъ въ 1850 г. Пуля эта по сіе время остается въ мягкихъ частяхъ бедра и съ трудомъ ощущается осязаніемъ въ сѣдалищной части; отъ присутствія ея зависятъ сильныя боли по всему бедру, ожесточающіяся особенно въ дурную погоду и затрудняющія ходьбу. Принимая въ соображенія таковыя послѣдствія ранъ, полученныхъ Юрьевымъ, врачи нашли, что при всемъ желаніи своемъ, онъ фрунтовой службы продолжать не можетъ, но можетъ быть способенъ къ такого рода нестроевой службѣ, въ которой бы не было необходимости подвергаться внезапнымъ и сильнымъ атмосфернымъ перемѣнамъ. — На основаніи такого медицинскаго свидѣтельства, комитетъ о раненыхъ причислилъ Юрьева къ 2-му классу раненыхъ. Въ декабрѣ 1857 г. Юрьевъ обратился въ комитетъ съ просьбою о перечисленіи его въ 1-й классъ раненыхъ. Просьба его была уважена.

Медицинскій совѣтъ, (согласно съ заключеніемъ г. *Балинскаго*), нашелъ, что изъ имѣющагося въ производствѣ «комитета о раненыхъ» акта освидѣтельствованія Юрьева въ 2-мъ военно-сухопутномъ с.-петербургскомъ госпиталѣ 18 іюля 1854 г., и упоминаемаго въ семъ актѣ свидѣтельства владыкавказскаго военнаго госпиталя отъ 20 декабря 1852 г., а равно изъ актовъ, помѣщенныхъ въ дѣлѣ, о проступкахъ Юрьева, видно, что у него вслѣдствіе по-

лученныхъ въ голову ранъ замѣчались частые приливы крови къ головѣ, а по временамъ и признаки буйнаго помѣшательства. 2-го августа 1860 г. онъ былъ помѣщенъ въ смоленскій военный госпиталь на испытаніе умственныхъ способностей его, по причинѣ произведенныхъ имъ въ Смоленскѣ различныхъ буйныхъ дѣйствій; въ то время буйный бредъ у него скоро исчезъ, такъ что 24 августа того же года смоленскій комендантъ донесъ начальнику губерніи, что Юрьевъ здоровъ и можетъ быть выписанъ изъ госпиталя, но смоленское губернское правленіе оставило Юрьева въ госпиталѣ для дальнѣйшаго испытанія. Изъ акта объ испытаніи умственныхъ способностей Юрьева, составленнаго 26 ноября 1860 г. членами конторы смоленскаго госпиталя и мѣстной врачебной управы, равно изъ рапорта главнаго лекаря госпиталя отъ 8 марта 1861 г. г. начальнику губерніи, видно ненормальное состояніе Юрьева, но въ іюлѣ мѣсяцѣ того же 1861 г. онъ былъ выписанъ изъ госпиталя. Изъ упомянутыхъ актовъ видно также: что у Юрьева замѣчались припадки буйства, по временамъ припадки задумчивости и мрачнаго расположенія духа, что иногда въ теченіи продолжительнаго времени онъ могъ находиться въ совершенно спокойномъ состояніи и давать въ это время логическіе отвѣты на предлагаемые ему вопросы. Это послѣднее обстоятельство крайне затрудняло врачей: они не могли признать Юрьева вполнѣ здоровымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желали лишать его свободы и предложили, освободивъ его изъ госпиталя, отдать подъ строгій медицинскій надзоръ. Изъ показаній свидѣтелей, а именно, жены Юрьева и ея братьевъ Александра и Ивана Ваулиныхъ, данныхъ въ декабрѣ 1859 г., равно въ январѣ 1860 г. и въ январѣ и маѣ 1862 г., причемъ приводится рядъ буйныхъ поступковъ Юрьева и высказанныхъ имъ странныхъ мнѣній, видно, что умственныя способности его съ давняго времени находились не въ нормальномъ состояніи. Юрьевъ въ своихъ показаніяхъ навелъ подозрѣніе на жену и братьевъ въ ихъ къ нему недоброжелательствѣ; объ этомъ обстоятельствѣ было произведено формальное слѣдствіе, которое хотя и не привело къ положительному заключенію, но оставило сомнѣніе относительно правильности показаній этихъ свидѣтелей. Отзывы самого Юрьева къ становому приставу и начальнику смоленской губерніи отъ 23 и 26

декабря 1859 г., отвѣты его на вопросы временнаго отдѣленія 3-го января 1860 г., рапортъ его на имя смоленскаго коменданта во время пребыванія въ смоленскомъ военномъ госпиталѣ отъ 10-го августа 1860 г., — указываютъ, что онъ находился въ ненормальномъ состояніи. Тоже видно изъ протокола временнаго отдѣленія о поступкахъ Юрьева, и равно изъ донесеній: краснинскаго исправника начальнику губерніи и частнаго пристава Гольковскаго городской полиціи. Принимая во вниманіе все вышеизложенное, показанія самого Юрьева кажутся сомнительными; показанія же свидѣтелей о болѣзненномъ состояніи умственныхъ способностей его дозволяютъ сдѣлать заключеніе не только о болѣзненномъ состояніи умственныхъ способностей Юрьева, но и о видѣ помѣшательства, которымъ онъ одержимъ. Онъ подверженъ періодическому буйному помѣшательству, приступы котораго ожесточаются отъ неправильной его жизни и злоупотребленія спиртными напитками и ослабѣваютъ при спокойной жизни и исполненіи всѣхъ гигіеническихъ условій. Подобная болѣзнь, если она, такъ какъ у Юрьева обусловливается органическимъ страданіемъ мозга,—не излечивается; больные по временамъ становятся весьма опасными не только для общества, но и для самихъ себя; время болѣзненныхъ приступовъ, возвращающихся въ неправильные промежутки, не можетъ быть съ точностію опредѣляемо, и въ самые промежутки лучшаго состоянія, больные никогда не находятся въ совершенно нормальномъ состояніи умственныхъ способностей; посему оказывается невозможнымъ предоставлять такого рода больнымъ свободу, и ихъ необходимо содержать въ спеціально устроенныхъ заведеніяхъ.

Двукратный поджогъ крестьянкою Өедорой Кулагиной с. «Малой Грибановки», имѣвшій послѣдствіемъ сожженіе ея мужа.

29 мая 1861 г. сотскій села Малой Грибановки (борисоглѣбскаго уѣзда, тамбовской губерніи) донесъ мѣстному становому

приставу, что 28 мая, въ 12-ть часовъ утра, въ означенномъ селѣ произошелъ пожаръ, начавшійся съ плотня подлѣ амбара крестьянина Панкратія Кулагина, и что отъ этого пожара сгорѣло 79 дворовъ, и самъ крестьянинъ Кулагинъ, находившійся въ сгорѣвшемъ амбарѣ; кромѣ того во время пожара умеръ отъ испуга сосѣдъ Панкратія, крестьянинъ Карпъ Кулагинъ.

31-го мая тотъ же сотскій донесъ становому приставу, что 30 мая въ селѣ Малой Грибановкѣ вторично былъ пожаръ, начавшійся со двора крестьянина Якова Филатова и истребившій 12-ть дворовъ.

По осмотру, произведенному становымъ приставомъ, оказалось, что трупъ крестьянина Панкратія Кулагина такъ обгорѣлъ, что остались только обгорѣлыя кости и нѣкоторыя части тѣла, а головы и другихъ членовъ нельзя было опредѣлить и даже оныхъ не замѣтно.

Крестьянинъ Карпъ Кулагинъ, имѣвшій отъ роду 80 лѣтъ и страдавшій, какъ показали родственники его и сторонніе, послѣдніе два года жизни удушьемъ, (по мнѣнію свидѣтельствовавшаго трупъ Кулагина борисоглѣбскаго уѣзднаго врача), былъ издавна болѣнъ грудною водянкою, отъ которой при испугѣ и умеръ скоропостижно.

При дознаніи, произведенномъ становымъ приставомъ, крестьяне села Малой Грибановки отозвались, что пожаръ 28 мая произошелъ отъ поджога крестьянкою Ѳедорою Кулагиною амбара, принадлежащаго мужу ея; амбаръ этотъ она подожгла для того, чтобы сжечь спавшаго въ немъ мужа. Предположеніе это они основываютъ на томъ, что Ѳедора передъ пожаромъ выслала изъ дому взрослыхъ дѣтей мужа, и снаружи заперла амбаръ въ которомъ спалъ мужъ; съ послѣднимъ она жила неладно, потому что онъ былъ старъ, дуренъ и много имѣлъ дѣтей отъ первыхъ двухъ браковъ. Пожаръ 30-го мая начался со двора крестьянина Якова Филатова, у котораго поселилась Ѳедора послѣ перваго пожара; второй пожаръ, по ихъ мнѣнію, произошелъ также отъ поджога Ѳедорою, которая, вѣроятно, тѣмъ самымъ хотѣла отклонить отъ себя подозрѣніе въ первомъ поджогѣ.

Крестьянка *Ѳедора Кулагина* *) при дознаніи отозвалась, что

*) 30-ти лѣтъ, имѣетъ двоихъ дѣтей отъ перваго мужа, за которымъ была замужемъ 9 лѣтъ; за Панкратія вышла въ 1861 году зимою.

отчего произошли пожары 28 и 30 мая, она не знаетъ; амбаръ она заперла потому, что ребятишки таскали изъ него куриныя яйца; когда она запирала амбаръ, то не знала, что въ немъ спалъ мужъ.

При слѣдствіи, произведенномъ особою слѣдственною коммисіею, отставной корнетъ Ѳедоръ Кулагинъ показалъ, что 28 мая тотчасъ послѣ обѣда онъ услышалъ крикъ «горимъ», и выбѣжавъ на дворъ, увидѣлъ, что горитъ соломенная крыша на амбарѣ сосѣда его Панкратія Кулагина; вбѣжавши на дворъ Панкратія, онъ увидѣлъ, что жена его Ѳедора тащила изъ клѣти свой коробъ; на спросъ его «гдѣ мужъ», Ѳедора отвѣчала, что спитъ въ амбарѣ; поэтому онъ, Ѳедоръ Кулагинъ, и вбѣжавшій на дворъ крестьянинъ Семенъ Ерофѣевъ требовали отъ Ѳедоры топоръ или что либо другое для того, чтобы отпереть амбаръ, но она ничего имъ не подала и сама къ амбару не бросилась, а стояла, какъ бы остолбенѣлая среди двора; желая спасти Панкратія, онъ побѣжалъ къ себѣ на дворъ за топоромъ, но пока ходилъ, пламя обняло весь дворъ, и спасти Панкратія было невозможно; послѣ этого ко двору Панкратія прибѣжало много народу и въ томъ числѣ крестьянинъ Игнатій Суховерховъ, который снова спрашивалъ Ѳедору, гдѣ ея мужъ, и она сказала ему, что онъ ушелъ на низъ. Въ произведеніи пожаровъ 28 и 30 мая онъ, Ѳедоръ Кулагинъ, подозрѣваетъ Ѳедору, потому: въ 1-хъ, что пожаръ начался отъ плетня съ боку амбара, а не изнутри онаго, слѣдовательно, его нельзя отнести къ неосторожности хозяина; въ 2-хъ, что Панкратій былъ человѣкъ бѣдный и смирный, ссоры и вражды ни съ кѣмъ не имѣлъ; въ 3-хъ, что семейныхъ своихъ Ѳедора разослала въ разныя мѣста, чтобы остаться дома одной, а мужа заперла въ амбарѣ; въ 4-хъ, что второй пожаръ начался съ дома Якова Филатова, у котораго находилась Ѳедора послѣ перваго пожара; въ 5-хъ, что Ѳедора, по словамъ живущей съ нимъ, Ѳедоромъ Кулагинымъ дочери его солдатки Авдотьи Ѳедоровой, говорила, что съ мужемъ своимъ она жить не будетъ и уйдетъ отъ него; объ этомъ Авдотья разсказывала черничкѣ Меланьѣ Фоминой и другимъ женщинамъ, которыя уговаривали Ѳедору, чтобы она этого не дѣлала. Второй пожаръ произведенъ Ѳедорою для того, чтобы этимъ отвлечь отъ себя подозрѣніе по первому пожару. Амбаръ же,

въ которомъ спалъ Панкратій Яковлевъ, прежде не запирался, а равно и въ этотъ день, когда произошелъ пожаръ, Θедора не заперла его съ утра, а какъ бы нарочно дожидалась, пока мужъ ляжетъ въ немъ спать; въ праздничные же дни, по принятому сельскими жителями обычаю, всѣ обѣдаютъ въ одно время и отдыхаютъ; стало быть къ совершенію преступленія Θедора выбрала самое удобное время.

Дочь Θедора Кулагина *Авдотья* Θедорова показала, что Θедора съ самаго вступленія въ бракъ съ крестьяниномъ Панкратіемъ Кулагинымъ постоянно говаривала, что напрасно она вышла за него на такую кучу дѣтей, ибо у него дѣтей отъ прежней жены было пятеро. Впослѣдствіи времени Θедора уже совершенно бросила заниматься хозяйствомъ, и не стала топить печки, такъ что она, Авдотья, по родству и сосѣдству нерѣдко варивала ребятишкамъ Панкратія кашу; мужа своего Θедора никогда не называла по имени, а звала, какъ попало. Недѣли за три до пожара Θедора говорила, что не можетъ видѣть своего мужа и непремѣнно отъ него уйдетъ; когда же она, Авдотья, стала ее уговаривать, что этого сдѣлать нельзя, ее міромъ заставятъ жить съ мужемъ и накажутъ, то Θедора рѣшительно сказала, что «хоть скуй ее, а жить съ мужемъ не будетъ». Объ этомъ она, Авдотья, разсказала черничкѣ Меланьѣ Фоминой и крестьянкѣ Дарьѣ Сальниковой, которыя и хотѣли унять Θедору, но исполнили ли это, она не знаетъ.

Черничка Меланья Фомина и крестьянка Дарья Суховерхова подтвердили показаніе Авдотьи Θедоровой съ добавленіемъ, что онѣ Θедорѣ ничего не говорили.

Крестьяне Семенъ Ерофѣевъ и Игнатъ Суховерховъ подтвердили показаніе корнета Кулагина, съ добавленіемъ, что они слышали, будто бы Θедора предъ пожаромъ передала имущество свое родственникамъ въ село Большую Грибановку.

Замужняя дочь Панкратія Кулагина, Авдотья (22 лѣтъ) показала, что хотя она жила и отдѣльно съ отцомъ, но часто къ нему хаживала; мачиха ея Θедора съ самаго выхода въ замужество за отца ея не любила его, хозяйствомъ не занималась, печки не топила и ничего ему не стряпала, такъ что онъ нерѣдко вынужденъ былъ варить пищу своимъ дѣтямъ у сосѣдей. 28 мая мачиха послала сестру ея, Авдотьи, дѣвицу Ирину, въ деревню

Алексѣевку для полученія денегъ за проданную корову и съ нею послала 5-ти лѣтняго брата Ефима; другую сестру Авдотью 10-ти лѣтъ послала въ контору надписывать ярлыки, дома же остались только мачиха, отецъ и еще 8-ми лѣтній братъ Павелъ, котораго мачиха послѣ обѣда тоже послала на гумно посмотрѣть — нѣтъ ли тамъ чужихъ лошадей. Съ утра 28 мая мачиха все приставала къ отцу, чтобы съ нимъ развестись; въ тотъ день она даже не обѣдала съ отцемъ и, собирая обѣдъ, дѣлала все съ сердцемъ, почти кидала; послѣ обѣда отецъ пошелъ спать въ амбаръ и мачиха его тамъ заперла. Прежде этого она нерѣдко говаривала, что ей въ домѣ отца ничто не мило, что она непремѣнно что нибудь надѣлаетъ, только чтобы не жить съ нимъ. Къ чему относились эти слова она, Авдотья, въ то время не понимала, но теперь достовѣрно полагаетъ, что мачиха нарочно разослала всѣхъ семейныхъ въ разныя мѣста, а отца заперла въ амбарѣ и зажгла дворъ, чтобы сжечь его. Амбаръ этотъ прежде никогда не запирался, потому что въ немъ бывало только немного хлѣба, стало быть запирать было нечего; второй пожаръ мачиха вѣроятно произвела для того, чтобы отклонить отъ себя подозрѣніе по первому пожару.

Сестра Авдотьи Ирина, 19-ти лѣтъ, подтвердивъ показаніе сестры, добавила, что въ воскресенье 28-го числа мая рано утромъ мачиха прогвала ее на лошади, съ 5-ти лѣтнимъ братомъ Ефимомъ, въ деревню Алексѣевку съ тѣмъ, чтобы получить деньги 5 руб. сер. за проданную ею корову; на это она, Ирина, говорила ей, что теперь ѣздить не зачѣмъ, что должники денегъ не имѣютъ, а отдадутъ сами, когда сходятъ на заработки, но мачиха, ни на что не смотря, прогнала ее и отняла у ней шубу, говоря, что они можетъ быть нарочно проводятъ время, для того чтобы деньги ея пропали. Домой она, Ирина, воротилась уже къ вечеру, когда домъ ихъ уже сгорѣлъ. Показаніе свое Ирина заключила тѣмъ, что мачиха — какое у ней было имѣніе, еще до пожара передала сестрѣ своей Агафьѣ Степановой, и что отецъ ея, Ирины, въ томъ амбарѣ, въ которомъ сгорѣлъ, отдыхалъ всегда послѣ обѣда; яицъ же въ амбаръ они никогда не клали, да у нихъ и куръ было очень немного.

Дочь Панкратія, Авдотья (10 лѣтъ) и сынъ Павелъ (8 лѣтъ) показали, что мачиха ихъ бранивалась съ отцемъ; въ день по-

жара она ихъ никуда не посылала, а они сами разошлись послѣ обѣда и какъ загорѣлся дворъ, не видѣли; за обѣдомъ мачиха все сердилась и просила отъ отца разводную, потомъ спросила его, гдѣ онъ ляжетъ спать и онъ отвѣтилъ, что въ амбарѣ, а она сказала, что ляжетъ въ своей клѣти.

Крестьянинъ Филатовъ показалъ, что 30 мая въ ранній обѣдъ онъ находился на своемъ дворѣ; жившая въ то время у нихъ Өедора Кулагина, лежала въ сѣнцахъ на кровати и выходила ли на дворъ или куда либо, онъ не замѣтилъ; вдругъ бабы выдя зачѣмъ то изъ избы, закричали, что горитъ ихъ дворъ; тутъ онъ, Филатовъ, увидѣлъ, что горитъ крыша на навѣсѣ сзади гумна. Отчего произошелъ этотъ пожаръ, а равно и прежній 28 мая, онъ не знаетъ и подозрѣнія въ умышленномъ поджогѣ ни на Өедору, ни на кого другаго выказать не можетъ, ибо съ Өедорою, а равно съ кѣмъ либо другимъ они ссоры и вражды не имѣлъ. Передъ случившимся пожаромъ къ нимъ во дворъ пріѣхали братъ Өедоры Герасимъ Степановъ и сестра ея Агафья Степанова.

Сестра Өедоры, Агафья Степанова, показала, что пріѣхавъ въ домъ Филатовыхъ, она встрѣтила Өедору въ сѣнцахъ и тотчасъ послѣ этого услышала, что горитъ дворъ Филатовыхъ; при встрѣчѣ этой Өедора была равнодушна и ничего не сказала о томъ, что сгорѣлъ ея мужъ; за три недѣли до пожара Өедора прислала къ ней, Агафьѣ, чрезъ сестру ея Прасковью два суровые холста для выбѣленья, и кромѣ того дала Прасковьѣ на подержанье свой халатъ.

9 іюня 1861 г. на спросъ слѣдственной коммисіи, крестьянка *Өедора Кулагина* (30 лѣтъ) показала, что сперва она была замужемъ за крестьяниномъ Дементіемъ Наклескинымъ, съ которымъ прожила 9-ть лѣтъ и отъ котораго имѣетъ двухъ дѣтей. За Панкратія Кулагина она вышла зимою 1861 г. и жила съ нимъ согласно, дѣтей его покоила и всегда имъ варила пищу. Уйти отъ мужа она намѣренія никогда не имѣла и разводной отъ него не требовала. 28 мая она съ мужемъ своимъ не бранилась, разводной не просила и, гдѣ онъ ляжетъ спать, не спрашивала; амбаръ, въ которомъ сгорѣлъ мужъ, она заперла послѣ обѣда, ключъ отъ него былъ при ней; заперла она амбаръ потому, что ребятишки таскали оттуда куриныя яйца, но что въ

это время въ амбарѣ былъ мужъ, она не знала. Когда загорѣлся ихъ дворъ, то она не говорила корнету Өедору Кулагину, что мужъ ея спитъ въ амбарѣ. На требованіе дать ключъ или топоръ она ничего не сказала, потому что отъ испуга ничего не помнила, дѣтей же своихъ и свой коробъ она собрала. Въ день пожара она старшую падчерицу свою Ирину послала въ деревню Алексѣевку получить долгъ за проданную корову и отобрала у ней шубу потому, что деньги были за ихъ родными; другую же падчерицу Авдотью и пасынка Павла она никуда не посылала, а они разошлись сами. Двора своего не поджигала и отчего случился пожаръ, не знаетъ. Послѣ пожара въ ихъ домѣ, она перешла жить въ домъ родственника своего Филатова, двора котораго тоже не поджигала и предъ пожаромъ и пріѣздомъ брата и сестры по двору не ходила, но еще рано утромъ ходила въ землянку; халатъ свой и два холста недѣли за три до пожара она дѣйствительно отдала пріѣзжавшей къ ней сестрѣ Прасковьѣ, — халатъ на подержаніе, а холсты выбѣлить. Сосѣдкѣ своей солдаткѣ Авдотьѣ Өедоровой она дѣйствительно говорила, что уйдетъ отъ мужа и на слова ея, что заставятъ жить міромъ, сказала, что хоть скуй ее, а она все таки уйдетъ; но все это она говорила въ шутку, а на самомъ дѣлѣ этого намѣренія не имѣла.

Показаніе это Өедора Кулагина подтвердила на данныхъ ей 9 іюня очныхъ ставкахъ со своими подчерицами, корнетомъ Кулагинымъ и его дочерью.—Но будучи того же числа вторично вызвана къ допросу, послѣ увѣщанія духовнымъ отцемъ, Өедора показала, что покойный мужъ ея Панкратій съ самаго вступленія съ нею въ бракъ, былъ ей не милъ, такъ что она не могла его видѣть, и когда его не было на ея глазахъ, то ей было легче. Съ самой весны 1861 г. на нее напала ужасная тоска, такъ что она нигдѣ не находила себѣ мѣста и думала наложить на себя руки. Потомъ ей во время сна по ночамъ нѣсколько разъ представлялись какія то лица въ видѣ обыкновенныхъ мужиковъ и приставали неотступно, чтобы она сожгла свой домъ и мужа. Сначала она хотѣла преодолѣть это, но сновидѣнія повторялись и тоска усиливалась; наконецъ она, будучи уже не въ силахъ преодолѣть себя, 28 числа мая нарочно заперла мужа своего въ амбарѣ, потомъ пошла въ избу, нагребла изъ печки горячихъ углей и положила подъ амбаръ для того собственно, чтобы мужъ

ея непремѣнно сгорѣлъ. Поэтому никому и не дала ключа и сама не старалась спасать мужа. Послѣ этого пожара она перешла въ домъ къ Филатовымъ, но и у нихъ въ первую же ночь ей во снѣ показались опять такія же лица и приставали, чтобы она сожгла Филатовыхъ; когда она спросила этихъ лицъ, гдѣ же взять огня? то они сказали, что у Филатовыхъ въ подпольѣ есть спички, поищи и найдешь. Проснувшись поутру, она долго думала, какъ ей искать спички, чтобы чего нибудь на нее не подумали, а потому и сказала, что потеряла въ сѣнцахъ двугривенный, и стала искать его; съ нею искала Анна Филатова, которой и попалась одна спичка; спичку эту Анна зажгла объ полъ и тотчасъ же потушила, она же Өедора нашла три спички и спрятала ихъ, не показавши Аннѣ; 29 мая она все крѣпилась, ей было жалко поджигать Филатовыхъ; на слѣдующую же ночь вышеупомянутыя лица опять начали давить ее и приставать, чтобы она зажгла. Проснувшись утромъ, она опять все воздерживалась, думая преодолѣть тоску; тутъ пріѣхали братъ и сестра ея, съ которыми она посидѣла немного въ сѣнцахъ, но наконецъ не стало ей мочи терпѣть: она вышла на гумно, зажгла бывшими у нея спичками тряпку и положила ее подъ пелену крыши навѣса, отчего навѣсъ тотъ вскорѣ и загорѣлся.

Крестьянка Анна Филатова показала, что дѣйствительно она вмѣстѣ съ Өедорою искала двугривенный и при этомъ нашла спичку, которую зажгла и потушила; нашла ли Өедора спички, она не видала.

На повальномъ обыскѣ, крестьяне села Малой Грибановки (въ числѣ 24 человѣкъ) отозвались, что Өедора Кулагина поведенія самаго дурнаго, съ обоими мужьями она жила въ раздорѣ и замѣчаема была въ кражахъ.

6 февраля 1863 г. Өедора Кулагина была освидѣтельствована въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи тамбовскаго губернскаго правленія. На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы Кулагина отвѣчала: *Вопр.* Какъ твое имя и фамилія? *Отв.* Өедора Кулагина. *Вопр.* Изъ какого ты званія? *Отв.* Государственная крестьянка. *Вопр.* Сколько тебѣ лѣтъ? *Отв.* 26. *Вопр.* У тебя родные есть? *Отв.* Есть. *Вопр.* А мужъ есть? *Отв.* Нѣтъ. *Вопр.* За что ты содержишься въ тюремномъ замкѣ? *Отв.* За поджогъ своего дома и

другихъ жителей. *Вопр.* Для чего ты подожгла амбаръ, въ которомъ спалъ мужъ твой? *Отв.* Неправда. *Вопр.* Зачѣмъ подожгла домъ родныхъ своихъ Филатовыхъ? *Отв.* Неправда. *Вопр.* Что, предъ совершеніемъ тобою этого преступленія, не являлись ли тебѣ какіе либо призраки? *Отв.* Никакихъ не было. *Вопр.* Какъ же ты при слѣдствіи показала, что предъ совершеніемъ этого преступленія являлись тебѣ какіе то призраки, которые побуждали тебя къ совершенію этого преступленія? *Отв.* Это было сказано по болѣзненному состоянію. *Вопр.* Не научилъ ли тебя кто нибудь это сдѣлать? *Отв.* Никто не научалъ. *Вопр.* За что ты сожгла своего мужа? *Отв.* Это несправедливо.

Свидѣтельствовавшіе Кулагину члены тамбовской врачебной управы заключили, что Кулагина какъ во время наблюденія и испытанія ея, *) такъ и при освидѣтельствованіи въ присутствіи губернскаго правленія оказалась пользующеюся совершеннымъ здравомысліемъ; что же касается до преступленій ея, состоящихъ въ поджигательствѣ, (о которыхъ она выставляетъ себя не помнящею), то можно дѣйствительно сомнѣваться, чтобы она ихъ сдѣлала сознательно, ибо, какъ изъ дѣла видно, совершивши одинъ поджогъ, она на другой день повторила другой, каковое обстоятельство заставляетъ подозрѣвать въ ней бывшее временное умоизступленіе, выражавшееся влеченіемъ къ поджигательству (pyromania). Общее присутствіе нашло, что Кулагина находится въ здравомъ умѣ.

Тамбовская палата уголовнаго суда, находя, что мнѣніе членовъ тамбовской врачебной управы о временномъ умоизступленіи Ѳедоры Кулагиной основано не на доказанномъ фактѣ, а на простомъ предположеніи, опредѣлила: крестьянку Ѳедору Кулагину за двукратный поджогъ своего села и сожженіе мужа, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ безъ срока.

Начальникъ тамбовской губерніи съ своей стороны нашелъ, что обвиненіе Ѳедоры Кулагиной въ двукратномъ поджогѣ села Малой Грибановки основано единственно на сознаніи ея, сдѣланномъ 9 іюня 1861 г. Разсматривая это сознаніе, нельзя не обратить вниманіе на то, что оно дано при увѣщаніи священника,

*) Свѣдѣній о результатахъ наблюденія и испытанія Кулагиной въ дѣлѣ не имѣется.

и заключаетъ въ себѣ совершенную откровенность преступницы. И такъ если вѣрить въ ея признаніе о совершеніи преступленія, то нельзя не довѣрять и въ томъ, что оно совершено было несознательно, подъ вліяніемъ сильнаго душевнаго разстройства, выражавшагося видѣніемъ призраковъ и насильственнымъ ихъ вліяніемъ на волю подсудимой. О такомъ ненормальномъ состояніи Кулагиной во время совершенія преступленія есть подтвержденіе и въ отзывѣ свидѣтельствовавшихъ ее въ умственныхъ способностяхъ медиковъ, которые отозвались, что дѣйствительно можно сомнѣваться въ томъ, чтобы Кулагина сдѣлала поджоги сознательно, ибо она, совершивъ одинъ поджегъ, на слѣдующій день произвела другой, что и заставляетъ подозрѣвать бывшее у ней временное умопоступленіе, выражавшееся влеченіемъ къ поджигательству (pyromania). Принимая во вниманіе этотъ отзывъ медиковъ, а также что къ обвиненію Кулагиной въ поджогѣ, кромѣ ея собственнаго показанія, другихъ уликъ нѣтъ, а слѣдовательно нельзя отвергать справедливости ея объясненія о душевномъ разстройствѣ и безсознательномъ состояніи всѣхъ дѣйствій во время совершенія преступленія, начальникъ тамбовской губерніи нашелъ опаснымъ подвергнуть Кулагину опредѣленному уголовною палатою наказанію, и полагая съ своей стороны, что Кулагину слѣдуетъ, на основаніи ст. 105 кн. 1. т. XV св. зак., подвергнуть въ уваженіе изъясненныхъ соображеній одному церковному покаянію по усмотрѣнію и распоряженію мѣстнаго духовнаго начальства, и затѣмъ отдать подъ строгій надзоръ родственниковъ или общества — представилъ настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената *).

*) Крестьянка Өедора Кулагина, вслѣдствіе заключенія членовъ общаго присутствія губернскаго правленія, была помѣщена на шестинедѣльное испытаніе въ умственныхъ способностяхъ въ больницу тамбовскаго тюремнаго замка, подъ наблюденіемъ завѣдывающаго больницею городоваго врача Тулущева. По окончаніи означеннаго срока, врачъ Тулущевъ рапортомъ отъ 30 января 1863 г. донесъ губернскому правленію, что помѣщенная въ больницу замка подсудимая крестьянка Кулагина для опредѣленія ея умственныхъ способностей, на всѣ заданные ей вопросы давала удовлетворительные отвѣты; о совершенномъ ею преступленіи она отзывалась, что не помнила въ то время, когда его сдѣлала; а какъ она поступила въ больницу беременною, то 9 января родила здороваго ребенка

[illegible] дѣла, медицинскій [illegible], [illegible] (г. Валинскаго), [illegible], что [illegible] способностей Ѳедоры Ку[illegible] [illegible] поджоговъ, возникъ на основаніи [illegible] дѣлу начальника тамбовской губер[illegible] управы и врача Тулушева, под[illegible] постановленному попытанію въ тю[illegible] Но мнѣнія эти основаны не на доказанныхъ [illegible], а на однихъ лишь предположеніяхъ и противорѣчатъ [illegible] дѣла и научнымъ соображеніямъ. Начальникъ [illegible] губерніи полагаетъ, что [illegible] Кудинной дано [illegible] совершенную [illegible] въ [illegible] ея призна[illegible] увѣщаніи [illegible] и въ томъ, [illegible] это съ одной [illegible], что, совер[illegible] о [illegible] было [illegible] что она [illegible] стороны [illegible]

[illegible]

не была ли она одержима въ это время умоизступленіемъ? Но сама по себѣ неизвѣстность причины, побудившей къ преступленію, недостаточна для того, чтобы придать подобному мнѣнію какую либо степень вѣроятности. Правдоподобнѣе въ настоящемъ случаѣ мнѣніе свидѣтелей, что Кулагина совершила вторичный поджогъ съ цѣлію отклонить отъ себя подозрѣніе въ совершеніи ею перваго изъ нихъ. Наконецъ врачъ Тулушевъ, наблюдавшій за Кулагиной въ теченіи шести недѣль и нашедшій ее, равно какъ и члены тамбовской врачебной управы, вполнѣ здоровою, полагаетъ, что она могла быть одержима умоизступленіемъ во время совершенія преступленія, ибо въ психіатрическихъ сочиненіяхъ описываются случаи кратковременнаго помѣшательства. Но сравненіе не служитъ доказательствомъ, и прежде нежели сравнивать преступленіе Кулагиной съ приступами кратковременнаго помѣшательства, слѣдовало бы доказать, что оно въ какомъ либо отношеніи сходствуетъ съ ними, чего врачъ Тулушевъ не сдѣлалъ. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ настоящаго дѣла оказывается, что Ѳедора Кулагина (поведенія весьма неодобрительнаго); ни до совершенія преступленія, ни въ слѣдъ за этимъ не страдала припадками умопомѣшательства; что она вышла замужъ зимою 1861 года и съ самаго замужества не любила мужа, ненависть къ которому постепенно усиливалась; что тоска и болѣзненные обманы чувствъ, о которыхъ упоминаетъ сама Кулагина, но которыхъ за нею никто не замѣчалъ, появились лишь весною незадолго до совершенія ею поджоговъ; что изъ двухъ этихъ болѣзненныхъ припадковъ послѣдній, то есть обманы чувствъ, въ такомъ видѣ, какъ ихъ описываетъ Кулагина, у помѣшанныхъ не встрѣчаются и принадлежатъ къ разряду очевидныхъ выдумокъ; что Кулагина совершала поджоги обдуманно и хладнокровно, чего бы быть не могло, ежели бы она дѣйствительно страдала болѣзненною тоскою; что цѣль преступленія сжечь возненавидѣннаго мужа, составляетъ идею не болѣзненную, но явно преступную; что Кулагина приняла всѣ мѣры, необходимыя для достиженія этой цѣли; достигши же ея, старалась отклонить отъ себя подозрѣніе въ совершеніи преступленія и избѣжать наказанія; что при допросахъ, произведенныхъ немедленно вслѣдъ за совершеніемъ поджоговъ, Ку-

*

лагина отвечала совершенно правильно и помнила малейшія обстоятельства своего преступленія; что никто изъ врачей и слѣдователей не замѣчалъ за нею не только помѣшательства, но вообще какихъ либо болѣзненныхъ припадковъ. Поэтому нѣтъ ни малѣйшаго основанія признавать преступленія Кулагиной совершенными въ припадкѣ умопомѣшательства, напротивъ есть данныя, положительно убѣждающія въ томъ, что Кулагина ссылалась на болѣзненное состояніе единственно съ цѣлію освободить себя отъ наказанія.

Поджогъ астраханской больницы крестьяниномъ Максимомъ Москушевымъ.

18 ноября 1861 г. помощникъ смотрителя больницы астраханскаго приказа общественнаго призрѣнія Михельсонъ объявилъ приставу 4-й части города Астрахани, что 16 тогоже ноября въ больницѣ сдѣланъ былъ, одновременно въ двухъ ретирадныхъ мѣстахъ, поджогъ, вскорѣ впрочемъ прекращенный, и что разузнавая объ этомъ происшествіи, онъ узналъ, что поджогъ сдѣланъ былъ находящимся въ больницѣ на излеченіи крестьяниномъ Максимомъ Москушевымъ.

Частный приставъ, прибывъ въ больницу и пригласивъ смотрителя больницы Никитина, чиновника Черниховскаго и рядоваго Иванова, сталъ съ ними за ширмы въ комнатѣ помощника смотрителя, а сей послѣдній, призвавъ къ себѣ крестьянина Москушева, сталъ его распрашивать о поджогѣ, и Москушевъ сознавался въ этомъ преступленіи. Послѣ этого частный приставъ, выйдя вмѣстѣ съ другими лицами изъ за ширмъ, приступилъ къ снятію допроса съ Москушева, который и показалъ, что онъ временно-обязанный крестьянинъ г. Чубаровой, съ маловскаго рыболовнаго промысла астраханской губерніи, какого уѣзда не знаетъ,—находится въ больницѣ съ 8 ноября въ отдѣленіи больныхъ проказою. Дня четыре тому назадъ въ занимаемую имъ палату пришелъ больной съ рыжею бородою, называющійся Яковомъ, и сталъ говорить ему, чтобы онъ поджегъ больницу съ тѣмъ, что когда начнется пожаръ, то они убѣгутъ изъ больницы. Когда онъ, Москушевъ, спросилъ Якова, гдѣ можно поджечь, то

тотъ, отвѣтивъ, что въ отхожемъ мѣстѣ, разсказалъ, гдѣ взять огня, и какъ это сдѣлать. По поводу этого, онъ, Москушевъ, 16-го ноября вечеромъ, часу въ шестомъ или въ седьмомъ, пошелъ въ ретирадное мѣсто, туда, гдѣ грѣется вода въ чайникахъ и гдѣ горитъ огонь,—взялъ горѣвшее полѣно и бросилъ его съ огнемъ въ стоящiй тутъ же ларь, въ которомъ лежали рогожи, а самъ ушелъ въ палату дожидаться когда загорится, чтобы бѣжать, потому что Яковъ говорилъ ему, что когда разгорится шибко и сдѣлается сумятоха, то тогда надобно бѣжать. Въ тотъ же вечеръ онъ, Москушевъ, взявъ берестку и зажегши ее, бросилъ въ другой нужникъ на березовыя дрова, которыя тамъ лежали.

Засимъ частный приставъ отправился вмѣстѣ съ Москушевымъ въ отдѣленiе больныхъ проказою для указанiя Якова, который подговаривалъ его поджечь. Здѣсь Москушевъ указалъ на астраханскаго мѣщанина Якова Иванова Голубева, котораго и уличалъ въ подговорѣ, но Голубевъ въ томъ не сознался, объявивъ, что онъ видѣлъ Москушева, но съ нимъ никогда не говорилъ и поджигать его не научалъ.

При передопросѣ 18 ноября судебнымъ слѣдователемъ крестьянинъ Максимъ Москушевъ, подтвердивъ показанiе свое, данное частному приставу, добавилъ, что съ человѣкомъ, подговаривавшимъ его къ поджогу, онъ познакомился недѣли за двѣ до преступленiя и часто разговаривалъ съ нимъ въ коридорѣ около палатъ; во все это время Яковъ подговаривалъ его поджечь. Согласился онъ, Москушевъ, поджечь больницу для того, чтобы бѣжать, болѣе же никакого намѣренiя не имѣлъ; съ Яковомъ они условились бѣжать въ контору рыбныхъ промысловъ и хотѣли сказать тамъ, что въ больницѣ случился пожаръ и что они ушли оттуда. Къ сему Москушевъ добавилъ, что въ больницѣ ему худо не было, а хотѣлъ онъ бѣжать единственно потому, что Яковъ обѣщалъ его на это.

Помощникъ смотрителя Михельсонъ показалъ, что 16 ноября онъ пришелъ на мѣсто поджога уже тогда, когда было все потушено; на другой день онъ сталъ разузнавать о томъ, кто былъ виновенъ въ поджогѣ и спросилъ сторожа Врублевскаго (который былъ въ тотъ вечеръ дежурнымъ въ коридорѣ и первый увидѣлъ поджогъ) о томъ, гдѣ онъ былъ въ моментъ поджога; Врублевскiй ему сказалъ, что предъ поджогомъ онъ былъ въ ко-

ридоръ и видѣлъ, что у окна коридора сидѣлъ больной Максимъ Москушевъ; потомъ онъ, Врублевскій, пошелъ въ другіе коридоры, чтобы посмотрѣть лампы, а Москушевъ остался у окна; вернувшись, не болѣе какъ чрезъ десять минутъ, онъ увидѣлъ, что ретирады были полны дымомъ, а Москушева въ коридорѣ уже не было. Вслѣдствіе этого онъ, Михельсонъ, сталъ распрашивать Москушева и тотъ послѣ увѣщаній сознался, что поджогъ сдѣлалъ онъ, и что смутилъ его на это больной Яковъ, который ему говорилъ: «подожги, бѣжимъ.» Сдѣлавъ сознаніе, Москушевъ просилъ скрыть его преступленіе, за что предлагалъ 15 руб. сер. Къ сему Михельсонъ добавилъ, что главный докторъ больницы говорилъ ему, что Москушевъ очень просился на выписку и почти насильно принималъ лекарство; причиной просьбы Москушева, какъ онъ, Михельсонъ, полагаетъ, было то, что онъ, какъ одержимый проказою, не надѣялся скоро выдти изъ больницы.

Изъ числа больныхъ проказнаго отдѣленія астраханской больницы, только двое показали, что одинъ разъ они видѣли Москушева разговаривающимъ въ коридорѣ съ мѣщаниномъ Яковомъ Голубевымъ. Москушевъ, по показанію всѣхъ больныхъ и служителей, былъ постоянно молчаливъ и лежалъ въ особой палатѣ.

По произведенному судебнымъ слѣдователемъ осмотру ретирадъ, въ которыхъ сдѣланъ былъ поджогъ, оказалось, что ретирады эти находятся въ 3-мъ этажѣ больницы; въ томъ и другомъ изъ нихъ полъ кирпичный и стѣны каменныя; около ретирадъ находится коридоръ, полъ котораго кирпичный; въ ретирадахъ обыкновенно лежитъ небольшое количество дровъ.

Фельдшеръ астраханской больницы Зосимовъ показалъ, что Москушевъ очень настоятельно просился выпустить его изъ больницы, и совершенно не хотѣлъ принимать лекарствъ.

20 ноября 1861 года судебный слѣдователь отнесся къ главному врачу астраханской больницы Ольдекопу съ просьбою доставить свѣдѣнія по слѣдующимъ вопросамъ: 1) когда и по какому виду были приняты въ больницу крестьянинъ Максимъ Семеновъ Москушевъ и мѣщанинъ Яковъ Ивановъ Голубевъ? 2) Не просились ли они настоятельно на выписку изъ больницы и охотно ли принимали лекарство? 3) Не имѣетъ ли вліяніе проказа, которой они одержимы, на ихъ умственныя способности и не замѣтно ли въ нихъ умственнаго разстройства?

На вышеизложенные вопросы старшій врачъ больницы *Ольдекопъ*, 25 ноября 1861 г. увѣдомилъ слѣдователя: 1) что крестьянинъ Максимъ Москушевъ поступилъ въ больницу 8 ноября 1861 г., а мѣщанинъ Яковъ Голубевъ 18 октября 1860 г. 2) Какъ Москушевъ такъ и Голубевъ неоднократно просили о выпискѣ ихъ изъ больницы; на выписку Голубева онъ, Ольдекопъ, не могъ согласиться, такъ какъ хотя больной опять и значительно поправился, но все таки былъ еще нездоровъ; велъ онъ себя съ самаго поступленія въ больницу примѣрно, спокойно и усердно принималъ лекарства. Москушевъ же, уже на другой день по поступленіи въ больницу, не хотѣлъ принимать лекарства, такъ что фельдшеръ долженъ былъ ихъ давать ему самъ; кромѣ того за Москушевымъ замѣчались разныя шалости, именно, вытеръ отмѣтки на кроватной доскѣ, открылъ во время топки печныя вьюшки и напустилъ въ комнату дымъ и т. п. 3) На умственныя способности больныхъ проказа вообще не имѣетъ никакого вліянія, и оба вышеозначенные больные въ этомъ отношеніи совершенно здоровы. 4) Для оцѣнки поступка крестьянина Москушева, не излишнимъ будетъ прибавить: какъ онъ по первому взгляду не кажется страннымъ, но все это есть нормальное вліяніе его нрава. Онъ учинилъ поджогъ собственно изъ злости и этимъ хотѣлъ отомстить ему, Ольдекопу, за то, что онъ не выписывалъ его изъ больницы. Великость злости Москушева не можетъ удивить, если принять во вниманіе, что вся деревня, изъ которой онъ происходитъ, своею безнравственностію и злостію въ простомъ народѣ извѣстна такъ, что даже страшно и днемъ проѣхать мимо этой деревни. Ловкость же, съ которою Москушевъ учинилъ поджогъ, невольно наводитъ сомнѣніе, что это можетъ быть уже не первый поджогъ, который онъ учинилъ. Скорое сознаніе въ поджогѣ отнюдь нельзя приписать къ раскаянію: Москушевъ сознался только потому, что помощникъ больничнаго смотрителя Михельсонъ съумѣлъ перехитрить его, соглашаясь для виду за 15 руб. сер. замять это дѣло; имѣя все это въ виду, показанія Москушева не имѣютъ никакого вѣроятія, и указываютъ только на опаснаго и опытнаго мошенника.

3 декабря 1861 г. крестьянинъ Москушевъ, подъ священническимъ увѣщаніемъ, показалъ, что въ больницу прежде онъ пришелъ охотно и, по поступленіи, разъ просился у доктора на вы-

писку, но тотъ не пустилъ его; лекарства, которыя ему давали, онъ принималъ. 16 ноября вечеромъ онъ выходилъ изъ своей палаты въ ретирадныя мѣста до вѣтру и былъ въ коридорѣ, но поджога въ ретирадахъ не дѣлалъ; мѣщанинъ Яковъ къ поджогу его не подговаривалъ; ни смотрителю больницы, ни приставу и судебному слѣдователю въ поджогѣ онъ не сознавался; вечеромъ того дня, въ который сдѣланъ былъ поджогъ, онъ былъ въ своей палатѣ.

2-го мая 1862 г. на данный Москушеву въ присутствіи астраханскаго уѣзднаго суда вопросъ, не было ли ему дѣлаемо при производствѣ слѣдствія пристрастныхъ допросовъ, Москушевъ отозвался, что онъ не знаетъ даже, за что содержится; когда же ему было объяснено, что онъ содержится по дѣлу о поджогѣ больницы астраханскаго приказа общественнаго призрѣнія, то и засимъ Москушевъ отозвался незнаніемъ.

На повальномъ обыскѣ поведеніе Москушева однодеревенцами его одобрено.

Астраханская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что крестьянинъ Максимъ Москушевъ, по собственному признанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, оказывается виновнымъ въ умышленномъ покушеніи поджечь больницу астраханскаго приказа общественнаго призрѣнія. За это преступленіе Москушевъ подлежитъ: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказанію въ г. Астрахани публично плетьми, чрезъ палача, семидесятью ударами, съ наложеніемъ клеймъ, и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на двѣнадцать лѣтъ. Постановивъ вышеизложенное рѣшеніе, палата присовокупила, что по ея мнѣнію въ настоящемъ дѣлѣ нельзя не обратить вниманія на слѣдующія обстоятельства, именно: 1) Москушевъ какъ простолюдинъ, не получившій никакого нравственнаго образованія, не могъ вполнѣ обсудить какъ благой цѣли помѣщенія его въ больницу, такъ и важности совершеннаго имъ преступленія. 2) Угнетаемый долговременною болѣзнію, Москушевъ, какъ и всякій вообще человѣкъ, долженъ былъ сдѣлаться характера болѣе или менѣе неспокойнаго и раздражительнаго. Самая наружность его, какъ говоритъ старшій врачъ больницы, по виду кажется странною. 3) Москушевъ взятъ отъ семейства, какъ человѣкъ, одержимый опасною болѣзнію, и помѣщенъ въ больницу.

Самое это обстоятельство могло уже пагубно дѣйствовать на присутствіе духа, даже болѣе сильное, нежели какое можно предположить у него. 4) Всѣ почти простолюдины имѣютъ недовѣріе къ гражданскимъ больницамъ; такое мнѣніе и у Москушева доказывается тѣмъ, что онъ не хотѣлъ принимать лекарствъ и просилъ выпустить его изъ больницы. 5) Болѣзнь проказа съ древнихъ временъ слыветъ въ народѣ неизлечимою, чего не могъ не знать и Москушевъ, слѣдовательно и освобожденіе изъ больницы представлялось воображенію его невозможнымъ. 6) Сознаніе его въ сдѣланномъ преступленіи при первомъ допросѣ есть обстоятельство, облегчающее вину его, и не доказываетъ въ немъ закоренѣлаго преступника; хотя впослѣдствіи и даны имъ отрицательные отвѣты, но отвѣты эти доказываютъ только степень вліянія на него преступниковъ, съ которыми онъ содержался въ тюремномъ замкѣ, и которые всегда готовы дать неопытному неблагонамѣренный совѣтъ. 7) Поджогъ сдѣланъ Москушевымъ въ двухъ ретирадныхъ каменныхъ мѣстахъ, у которыхъ даже полы каменные, слѣдовательно пожаръ не могъ никакъ распространиться по всему зданію, а окончился бы непремѣнно только тѣмъ, что подожжено. Эти два послѣднія обстоятельства не только выражаютъ неопытность его въ преступленіяхъ, но ясно доказываютъ легкомысліе.—Изъ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, по мнѣнію палаты, заключить можно, что крестьянинъ Максимъ Москушевъ, угнетаемый болѣзнію, разлученный съ семействомъ, при природномъ невѣжествѣ, ложности понятій, легкомысліи, при отсутствіи нравственной опоры, впалъ въ отчаяніе, и въ такомъ состояніи рѣшился на преступленіе, какъ на послѣднюю попытку къ своему спасенію, а потому и не долженъ быть судимъ, какъ закоренѣлый преступникъ. Находя затѣмъ, что содѣянное Москушевымъ преступленіе при обстоятельствахъ, служившихъ поводомъ къ нему, выходитъ изъ среды обыкновенныхъ, т. е. совершенныхъ съ злымъ или корыстнымъ умысломъ, и принимая во вниманіе тяжкое наказаніе, которому онъ долженъ быть подвергнутъ,—палата уголовнаго суда положила: не приводя заключенія своего о слѣдующемъ виновному наказаніи въ исполненіе, приговоръ вмѣстѣ съ дѣломъ, на основаніи 167 ст. XV т. ч. I, представить начальнику губерніи, для внесенія на усмотрѣніе правительствующаго сената.

Начальникъ астраханской губерніи, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла и находя, что Москушевъ, на основаніи 419 ст. II кн. XV т. зак. угол. долженъ быть освидѣтельствованъ чрезъ врача, завѣдывающаго тюремнымъ замкомъ, предписалъ о семъ астраханскому полиціймейстеру.

Вслѣдствіе сего Москушевъ былъ *освидѣтельствованъ* 3 октября 1862 г. астраханскимъ городовымъ врачемъ Завьяловымъ въ присутствіи мѣстнаго полиціймейстера, причемъ, какъ изъ акта видно, оказалось, что Москушевъ около 40 лѣтъ отъ роду; при посредственномъ тѣлосложеніи, подверженъ неизлечимой болѣзни, извѣстной подъ названіемъ проказа (lepra) въ видѣ бугроватой сыпи, распространенной на лицѣ и рукахъ, при пораженіи воспалительнымъ процессомъ носовыхъ костей. Притомъ Москушевъ чувствуетъ тупую боль въ сторонѣ правой половины груди, гдѣ по выслушиваніи замѣченъ болѣе глухой звукъ и нѣсколько воспрепятствованное дыханіе, сопровождаемое небольшимъ лихорадочнымъ состояніемъ. Къ сему врачъ Завьяловъ, въ составленномъ имъ актѣ, добавилъ, что такъ какъ цѣль свидѣтельства заключается въ томъ, что можетъ ли Москушевъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, то по существующей въ немъ болѣзни проказы, назначаемое ему наказаніе требуетъ нѣкотораго смягченія; припадки же грудной болѣзни требуютъ врачеванія, оказываемаго въ настоящее время Москушеву, а потому впредь до излеченія (не менѣе двухъ недѣль) онъ не можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію.

Начальникъ астраханской губерніи, препроводивъ вышеизложенный составленный врачемъ Завьяловымъ актъ въ мѣстную врачебную управу, предложилъ ей освидѣтельствовать Москушева, на основаніи 420 ст. II кн. т. XV св. зак. въ присутствіи его, начальника губерніи. — Освидѣтельствованіе это произведено было 23 октября 1862 г., причемъ, какъ видно изъ составленнаго управою 29 октября акта, оказалось, что Москушевъ около 40 лѣтъ отъ роду, посредственнаго тѣлосложенія, одержимъ проказою, (lepra), выраженною въ видѣ бугроватой сыпи, буро-красноватаго цвѣта, разсыпанной по всему лицу, особенно на носу, который отъ того весьма расширенъ въ ноздряхъ; на остальной же поверхности тѣла сыпь представляется въ видѣ обширныхъ буро-красноватыхъ пятенъ, мѣстами покрытыхъ шелухою, мѣстами же, какъ на лѣвой рукѣ и правой

ногъ, изъязвленныхъ. На нёбѣ и въ гортани бугорковатые поросты съ изъязвленіемъ и отчасти разстройствомъ язычка, что распространяется на носовую полость и дыхательное горло, отчего голосъ у него сиплый. Звукъ при поступиваніи особенно въ правой половинѣ груди и дыхательный шумъ не ясны. Москушевъ страдаетъ удушьемъ и кашлемъ съ отдѣленіемъ мокроты, смѣшанной иногда съ кровохарканіемъ. На нижней части правой стороны груди видны слѣды приставленныхъ кровососныхъ баноквъ. Оказанное Москушеву врачебное пособіе осталось безуспѣшно. На основаніи вышеизложеннаго врачебная управа нашла, что арестантъ Москушевъ по неизлѣчимой его болѣзни съ удушьемъ и кровохарканіемъ, подвергнуться безъ опасности жизни тѣлесному наказанію не можетъ.

Начальникъ астраханской губерніи препроводилъ составленный врачебною управою актъ въ мѣстную палату уголовнаго суда, для постановленія новаго приговора по дѣлу о Москушевѣ.

Астраханская палата уголовнаго суда, снова разсмотрѣвъ настоящее дѣло, нашла, что крестьянинъ Максимъ Москушевъ, по собственному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, оказывается виновнымъ въ умышленномъ покушеніи поджечь больницу астраханскаго приказа общественнаго призрѣнія, за что его слѣдовало бы, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, наказать публично чрезъ палача плетьми отъ 70 до 80 ударовъ, и сослать, съ наложеніемъ клеймъ, въ каторжную работу въ рудникахъ; но какъ подсудимый, по удостовѣренію врачебной управы, одержимъ неизлечимою болѣзнію проказою, и кромѣ того, страдаетъ удушьемъ, кашлемъ съ отдѣленіемъ мокроты, смѣшанной иногда съ кровохарканіемъ, и не можетъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, безъ опасности жизни, то на основаніи 99 ст. XV т. ч. I угол. зак. и приложенія къ этой статьѣ, онъ долженъ подлежать лишенію всѣхъ правъ состоянія, безъ тѣлеснаго наказанія и наложенія клеймъ и ссылкѣ въ каторжную работу въ рудникахъ на 12 лѣтъ.

Принимая во вниманіе: невѣжество Москушева какъ простаго деревенскаго крестьянина, болѣзненное его состояніе, тоску по семейству, свойственную всякому человѣку, недовѣріе къ лечебному заведенію, въ которомъ онъ находился, что доказывается тѣмъ, что онъ не принималъ лекарствъ, ненормаль-

-ное состояніе ума вслѣдствіе горя, какъ видно изъ самаго способа сдѣланнаго имъ поджога и мѣста для того избраннаго, откуда пожаръ никакъ не могъ распространиться, наконецъ усиленное желаніе свободы, для которой онъ прибѣгнулъ и къ преступленію,—начальникъ астраханской губерніи нашелъ, что Москушева нельзя признать злоумышленнымъ преступникомъ, которыхъ преслѣдуетъ и караетъ законъ, но человѣкомъ, доведеннымъ несчастными обстоятельствами до отчаянія и потому уже посягнувшимъ на преступленіе. Имѣя затѣмъ въ виду неизлѣчимость болѣзни Москушева, угрожающей ему неизбѣжною и быть можетъ весьма скорою смертію, и полагая, что Москушевъ заслуживаетъ смягченія и даже отмѣны слѣдующаго ему по закону наказанія, — начальникъ губерніи представилъ настоящее дѣло, на основаніи ст. 411 кн. II XV т. св. зак., на благоусмотрѣніе и зависящее распоряженіе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашелъ, что хотя болѣзненное состояніе, которымъ одержимъ Москушевъ (проказа) въ различныхъ чаще встрѣчающихся формахъ и степенахъ своего развитія не имѣетъ, какъ извѣстно, прямаго непосредственнаго вліянія на отправленія мозга, какъ органа психической дѣятельности, и обыкновенно не сопровождается разстройствомъ умственныхъ способностей больнаго, какого разстройства не было замѣчено у Москушева ни во время нахожденія его въ больницѣ, ни при позднѣйшихъ его освидѣтельствованіяхъ городовымъ врачемъ Завьяловымъ и врачебною управою, — но въ настоящемъ случаѣ нельзя не допустить, что сказанное болѣзненное состояніе Москушева, при увѣренности въ неизлечимости и заразительности болѣзни и опасенія остаться поэтому на неопредѣленное время въ больницѣ вдали отъ семейства и общества,—могло, при нѣкоторой ограниченности умственнаго и нравственнаго развитія Москушева, довести его до отчаянія и въ этомъ состояніи временно лишить его свободы дѣйствій и сознанія послѣдствій совершаемыхъ имъ поступковъ. Къ сему совѣтъ счелъ нужнымъ добавить, что болѣзненное состояніе Москушева въ той степени развитія, какое найдено при его освидѣтельствованіяхъ, во всякомъ случаѣ требуетъ продолжительнаго и постояннаго госпитальнаго леченія, и по свойству бо-

лѣзни — удаленія отъ общества; поэтому онъ не можетъ до излеченія болѣзни быть подвергнутъ ссылкѣ въ каторжную работу.

О крестьянкѣ Маринѣ Хвалевковой, учинившей поджогъ.

Въ деревнѣ Антоновѣ, (брестскаго уѣзда, гродненской губерніи) 13 и 14 сентября 1862 г. ночью произошли пожары, отъ коихъ сгорѣли дома крестьянъ Марка Колишука и Кузюты, а при первомъ пожарѣ сгорѣла 8 лѣтняя дочь Колишука, Агафья.

17 сентября вечеромъ въ 10 часовъ къ становому приставу, производившему дознаніе о причинѣ помянутыхъ пожаровъ, явился крестьянинъ Селеванюкъ и объявилъ, что замѣтивъ на крышѣ своего дома огонь, онъ взлѣзъ на нее, вытащилъ изъ крыши горѣвшую тряпку и успѣлъ потушить огонь.

По осмотру, произведенному становымъ приставомъ 18 сентября, около хаты Селеванюка на пескѣ оказались слѣды босыхъ ногъ, небольшихъ, повидимому, женскихъ. По измѣреніи ногъ у женщинъ деревни Антоновки, многія оказались сходными съ слѣдами, найденными на пескѣ. Засимъ въ составленномъ актѣ сказано, что въ упомянутой деревнѣ Антоновой есть крестьянка Марина Хвалевкова, коей поведеніе опорочено, ибо, какъ слухи носятся, она занималась воровствомъ, а наканунѣ перваго пожара совершила воровство овечьей шерсти у мѣстнаго старосты, который таковую у нея отыскалъ и за сіе обѣщалъ подвергнуть ее отвѣтственности, да притомъ при измѣреніи ноги ея и при распрашиваніи всѣхъ о поджигателѣ, Марина Хвалевкова перемѣнялась въ лицѣ, то блѣднѣла то краснѣла, взглядъ ея былъ невѣрный, она старалась укрываться за другими женщинами; нѣкоторые же изъ старожилыхъ хозяевъ объявили, что за нее ручаться не могутъ; когда же Хвалевкова была отдѣлена отъ всѣхъ женщинъ на сторону, то, покраснѣвъ, осталась безмолвною, тогда какъ доказываютъ, что она чрезвычайно много любитъ говорить; потому становой приставъ отдалъ Хвалевкову подъ надзоръ мѣстнаго десятскаго, приказавъ ему имѣть за нею наблюденіе: не объявитъ ли она что либо могущее послужить къ открытію поджигательства?

20 сентября 1862 г. сообщено было становому приставу, что Хвалевкова добровольно созналась крестьянамъ деревни Антоновой въ трехъ вышеозначенныхъ поджогахъ.

20 же сентября на вопросъ становаго пристава *Хвалевкова* показала, что она замужняя и имѣетъ дочь 9 лѣтъ. Имѣя въ грудяхъ какую то необыкновенную боль и тоску—она этимъ была побуждена къ поджогу хатъ крестьянъ Калишука, Кузюты и Селеванюка. Поджоги эти она совершала ночью, посредствомъ тряпокъ съ разжаренными углями, которыя вкладывала въ крыши хатъ, послѣ сдѣланія поджоговъ ей всегда становилось легче, а горѣвшій огонь приводилъ ее въ совершенное спокойствіе; негодованія она ни къ потерпѣвшимъ отъ пожара, ни къ кому либо другому не имѣла и не имѣетъ, напротивъ ей жалко погорѣвшихъ крестьянъ, а въ особенности сгорѣвшую дѣвочку, ибо она довольно хорошо ее знала и съ родителями ея жила дружно. Желая поджечь хату крестьянина Селеванюка, она, когда еще не спали въ деревнѣ, отыскала у себя въ сѣняхъ тряпку и, вложивъ въ оную разжаренный уголь, вышла съ таковою осторожно изъ своей хаты прямо на улицу; перелѣзши заборъ неподалеку отъ хаты Селеванюка, подошла къ углу ея, а по оному войдя на чердакъ, тряпку всунула въ крышу; когда же возвратилась въ свою хату, то ей стало жалко Селеванюка, и она пошла тушить вложенную въ крышу тряпку, но встрѣтясь съ Селеванюкомъ, освѣдомилась, что тряпка уже потушена, а затѣмъ въ совершенномъ спокойствіи возвратилась домой. Кромѣ этихъ трехъ поджоговъ она никакихъ не совершала; тоскою и болью въ грудяхъ она страдаетъ года два; но никому о томъ не объявляла; покушенія на убійство кого либо не имѣетъ, но прежде, когда сія тоска въ ней объявлялась, побужденіе имѣла къ воровству и слѣдствіемъ того учинила кражи, денегъ у проживающаго вмѣстѣ въ хатѣ ея брата мужа своего Ильи 13 руб. 50 к. сер., которыя вынула изъ незапертой бодни (родъ сундука), каковыхъ денегъ было 10 руб. бумажныхъ, а прочія десятками; гдѣ дѣвались эти деньги, не знаетъ, но кажется, что потеряла ихъ; шесть лѣтъ тому назадъ у другаго брата мужа своего, Прокопа, особо жительствующаго въ деревнѣ Антоновой, когда никого не было въ его хатѣ, тоже изъ бодни незапертой украла 5 руб. серебромъ монетою, изъ числа та-

ковыхъ за 3 руб. сер. купила у лѣсника телушку, которая продана, 1 руб. уплатила какому то еврею за овцу, а пятый руб. гдѣ дѣвался, не знаетъ; наканунѣ перваго поджога, въ середу, бывъ въ хатѣ Кузьмицкаго, украла овечью шерсть, которую Кузьмицкій отъ нея отобралъ; болѣе же никакихъ кражъ никогда не совершала.

При передопросѣ 22 сентября судебнымъ слѣдователемъ *Хвалевкова* показала, что двѣнадцатый годъ какъ она вышла замужъ; въ первый годъ замужества она страдала падучею болѣзнію и въ одной недѣлѣ, упавъ два раза въ обморокъ, лежала на землѣ, что видѣлъ родной отецъ ея Иванъ Дроневичъ, а кто болѣе видѣлъ, о томъ не знаетъ; съ того же времени болѣе падучею болѣзнію она не страдала.

По отобраніи сего показанія, судебный слѣдователь въ особомъ протоколѣ изложилъ, что разговаривая съ Хвалевкою и передопрашивая ее, онъ не замѣтилъ въ ней признаковъ какой либо болѣзни или отсутствія ума, а напротивъ изъ отвѣтовъ и разговора ея слѣдуетъ полагать, что она расторопна и при совершенномъ разсудкѣ; одно только ея объясненіе о причинѣ, по которой она троекратно рѣшалась на поджогъ односельныхъ крестьянскихъ хатъ, не можетъ заслуживать вѣроятія, но обстоятельство это можетъ быть раскрыто слѣдствіемъ.

Крестьяне Калишукъ, Казюта и Селеванюкъ, у которыхъ Хвалевкова произвела поджоги, отозвались, что Хвалевкова всегда была здоровою и припадкамъ кокой либо болѣзни или помѣшательству ума не подвергалась; ссоры съ ними она не имѣла. Селеванюкъ съ своей стороны добавилъ, что онъ не только не ссорился съ Хвалевковою, а напротивъ, они жили между собою дружно и даже за нѣсколько дней передъ пожаромъ Хвалевкова крестила у его брата.

Мужъ Хвалевковой Николай показалъ, что со времени женитьбы на Маринѣ онъ не видѣлъ, чтобы она терпѣла падучую болѣзнь, и она объ этомъ ему ничего не говорила; равно дабы она была подвержена какимъ либо болѣзненнымъ припадкамъ или слабостямъ и безпамятству, заставляющимъ ее совершать преступленія, того не случалось; она была трудолюбивая хозяйка и всегда жила съ нимъ, домашними и сосѣдями въ согласіи, такъ что никто на нее не жаловался, кромѣ мало-

важныхъ кражъ, за что онъ ее упрекалъ. По какимъ причинамъ она рѣшилась на поджоги, онъ вовсе не знаетъ, и она никакого разговора о томъ съ нимъ не имѣла; жены своей онъ никогда не билъ, ибо не имѣлось въ томъ повода, а только иногда упрекалъ за пристрастіе къ воровству.

Показаніе Николая Хвалевкова подтвердили семейные его, причемъ братья его Прокопій и Илья объяснили, что дѣйствительно Мариною были украдены у нихъ деньги.

Помѣщикъ деревни Антоновой Длускій отозвался, что у крестьянки Хвалевковой признаковъ сумасшествія онъ не замѣчалъ; причина, побудившая ее къ поджогамъ—ему неизвѣстна; нрава она была невздорнаго и всякую работу исполняла охотно; была смирна и послушна; въ пьяномъ видѣ онъ, Длускій, ее не видалъ; обращалась она въ семейномъ быту смирно.

На повальномъ обыскѣ крестьяне деревни Антоновой (6 человѣкъ) показали, что въ дурномъ Хвалевкову они не замѣтили, а только слышали, что она занималась маловажными воровствами; имѣла ли она когда либо падучую болѣзнь и терпѣла ли какіе либо припадки болѣзни, заставляющіе ее къ совершенію преступленія, того не видѣли и не слышали, и о дѣйствительной причинѣ поджоговъ ея не знаютъ; равно претерпѣвала ли она какія либо обиды отъ своего мужа или кого другаго—не знаютъ.

Вслѣдствіе постановленія брестскаго уѣзднаго суда, состоявшагося 11 декабря 1862 г., Хвалевкова была подвергнута испытанію въ тюремномъ замкѣ брестскими уѣзднымъ и городовымъ врачами, которые отношеніемъ отъ 26 февраля *1863* г. сообщили суду, что Хвалевкова страдаетъ весьма часто безсонницею и головною болью, а во время полнолунія цѣлую ночь бодрствуетъ, ходитъ взадъ и впередъ по камерѣ, въ которой помѣщена, то плачетъ, то задумывается и сама не въ состояніи отдать себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Все это заставляетъ полагать разстройство въ психическихъ ея отправленіяхъ, но для положительнаго мнѣнія о ея умственныхъ способностяхъ по важности сего дѣла необходимо подвергнуть ее дальнѣйшему медицинскому наблюденію, ибо съ 17 декабря 1862 г., когда началось испытаніе, протекли лишь два полнолунія, изъ коихъ первое осталось мало замѣченнымъ, а основывать мнѣніе на второмъ они, врачи, не имѣютъ права.

Тѣ же врачи въ актѣ, составленномъ 15 апрѣля 1863 г., изложили, что Хвалевкова имѣетъ отъ роду за тридцать лѣтъ, тѣлосложенія посредственнаго, волосы на головѣ свѣтлорусые; глаза сѣрые, впалые, взоръ мрачный, лице блѣдное, скуловыя кости выдающіяся, челюсти выпуклыя, ротъ средній, температура тѣла нормальная, пульсъ слабый, языкъ влажный, бѣловатъ; изъ распроса ея оказалось, что въ дѣтскомъ возрастѣ она имѣла натуральную оспу и до 19 года жизни — не помнитъ, страдала ли какою либо болѣзнію; на 19 году своей жизни она болѣла горячкою, продолжавшеюся 7 недѣль, вслѣдствіе которой она по настоящее время страдаетъ головною болью, чувствомъ давленія подъ ложечкою, а по временамъ вздутостію живота. На 20 году своей жизни она вышла замужъ и въ первомъ году замужества страдала падучею болѣзнію, обнаруживавшеюся тѣмъ, что въ теченіи одной недѣли она впала два раза въ обморокъ и лежала на землѣ, а съ того времени уже болѣе припадкамъ означенной болѣзни не подвергалась. Въ продолженіи 12 лѣтняго своего замужества она родила 2 дѣтей, изъ коихъ въ живыхъ находится 9 лѣтняя дѣвочка. Мѣсячныя очищенія являются у нея своевременно, но въ чрезвычайно маломъ количествѣ. По ея словамъ, она издавна, мучимая по временамъ тоскою и стѣсненіемъ въ груди, какъ будто отъ остановившагося клуба, влечена была необъяснимою силою къ совершенію поджоговъ, а видъ пожара доставлялъ ей нѣкоторое удовольствіе и на время успокоивалъ упомянутую тоску. До 13 сентября 1862 г., она никакихъ поджоговъ не совершала, а для успокоенія сказанной тоски до производства перваго пожара она разновременно допустилась маловажныхъ покражъ у своихъ родственниковъ и сосѣдей. — Для дачи положительнаго мнѣнія о ея умственныхъ способностяхъ, Хвалевкова была подвергнута испытанію и наблюденію съ 17 декабря 1862 г., причемъ оказалось, что Хвалевкова весьма часто страдаетъ головною болью, безсонницею, и болѣзненные припадки эти преимущественно ожесточаются во время новаго полнолунія; въ какое время она почти цѣлыя ночи бодрствуетъ, ходитъ взадъ и впередъ по камерѣ, въ которой помѣщена, то плачетъ, то задумывается и сама не въ состояніи отдать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Во все время наблюденія она часто жаловалась на давленіе подъ ло-

жечкою и одутлость живота, что и видѣли врачи; аппетитъ ея былъ малъ, испражненія низомъ нормальныя, мочеиспусканіе частое, моча блѣдная, прозрачная, температура тѣла нормальная, жилобіеніе правильное, но слабое. Брестскіе городовой и уѣздный врачи заключили, что вышеописанную болѣзнь они считаютъ гистеріею въ высшей степени (Hysteria), а какъ въ этой болѣзни случаются кратковременныя проходящія умопомѣшательства, то съ правдоподобіемъ заключить можно, что она допустилась вышеупомянутыхъ поджоговъ въ приступахъ таковаго помѣшательства, чему кажется служить можетъ подтвержденіемъ то обстоятельство, что, какъ видно изъ судебнаго о ней дѣла, въ судѣ имъ сообщеннаго, она къ пострадавшимъ отъ пожаровъ никакой злобы не имѣла. Что же касается до совершенныхъ ею покражъ, то было ли это тогда слѣдствіемъ болѣзненнаго ея состоянія или простой корысти, о томъ положительно ничего заключить нельзя.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 г. гродненская уголовная палата обратилась въ мѣстное губернское правленіе съ просьбою: освидѣтельствовать Хвалевкову въ состояніи умственныхъ способностей. Но правленіе предварительно предписало брестскому полицейскому управленію подвергнуть Хвалевкову испытанію и наблюденію въ тюремной больницѣ чрезъ городоваго врача въ продолженіи шести недѣль съ тѣмъ, что если дѣйствительно окажется, что она претерпѣваетъ умопомѣшательство, то доставить ее въ губернское правленіе для освидѣтельствованія. — Во исполненіе сего брестское полицейское управленіе, рапортомъ отъ 2 октября 1863 г., донесло губернскому правленію, что 17 іюля сообщено было брестскому городовому врачу о подвергнутіи Хвалевковой шестинедѣльному испытанію и *врачъ* этотъ отзывомъ отъ 1 октября увѣдомилъ, что состояніе здоровья Хвалевковой значительно поправилось и приступовъ умопомѣшательства, хотя кратковременнаго, во все время наблюденія за нею не замѣчено.

По полученіи такого донесенія полицейскаго управленія, губернское правленіе, препроводивъ во врачебную управу слѣдственное дѣло о Хвалевковой, предписало указомъ отъ 30 октября 1863 г. подвергнуть подсудимую испытанію и засимъ постановить свое по дѣлу заключеніе.

Врачебная управа въ актѣ, составленномъ 28 сентября 1864 г., нашла: 1) что слѣдствіе не открыло ни одного факта, сколько нибудь оправдывающаго показанія подсудимой о ея болѣзненномъ состояніи; 2) что она созналась въ поджогѣ, находясь уже подъ арестомъ, и 3) что она при передопросѣ усилила свое болѣзненное состояніе. Въ дѣлѣ находится отношеніе и актъ брестскихъ городоваго и уѣзднаго врачей. Въ отношеніи своемъ врачи, вкратцѣ упомянувъ о болѣзненномъ состояніи Хваленковой, неопредѣлительно высказываются о разстройствѣ въ психическихъ ея отправленіяхъ, и на томъ основаніи, что не могли еще съ точностію подсмотрѣть луннаго вліянія на ея здоровье, требуютъ продленія срока наблюденія. Въ актѣ же отъ 15 апрѣля, т. е. послѣ пятимѣсячнаго наблюденія, врачи формулируютъ свое мнѣніе ясно и опредѣлительно, заключая, что Хваленкова страдаетъ истеріею въ высшей степени; прибавляя, что какъ въ этой болѣзни случаются кратковременныя преходящія умопомѣшательства, то съ правдоподобіемъ заключить можно, что она допустилась вышеупомянутыхъ поджоговъ въ приступахъ такого помѣшательства, чему кажется служить можетъ подтвержденіемъ то обстоятельство, — что она къ пострадавшимъ никакой злобы не имѣла. Такъ заключаютъ врачи, и вотъ на чемъ они основываются. По ихъ наблюденію Хваленкова весьма часто страдаетъ головною болью, безсонницею; и болѣзненные припадки эти преимущественно ожесточаются во время новаго полнолунія; въ это время она цѣлыя ночи почти бодрствуетъ, ходитъ взадъ и впередъ по камерѣ, въ которой она помѣщена, то плачетъ, то задумывается и сама не въ состояніи дать себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ; во все время наблюденія она жаловалась на давленіе подъ ложечкою и одутлость живота, что наблюдающіе врачи и видѣли. Далѣе говорятъ объ аппетитѣ, языкѣ и другихъ припадкахъ маловажныхъ, не усиливающихъ картины болѣзни, начертанной ими. Но выставленные врачами болѣзненные припадки принадлежатъ къ разряду субъективныхъ, а таковые тогда лишь возбуждаютъ довѣріе, если въ то время объективные говорятъ за ихъ вѣроятность, или если общность припадковъ группируется такъ, что въ цѣломъ выражаетъ извѣстную болѣзненную форму, и каждый изъ припадковъ, отдѣльно взятый, выступаетъ въ способѣ, свой-

ственный этой болѣзни. Не соблюдая этого правила, можно легко болѣзнь притворную принять за истинную. Сдѣлавъ эту оговорку, врачебная управа считаетъ нужнымъ разсмотрѣть отдѣльно болѣзненные припадки, на сколько они соотвѣтствуютъ названной врачами болѣзни, и затѣмъ взглянуть на общую ея картину.—Врачи пишутъ, что Хвалевкова часто страдала головною болью; это выраженіе слишкомъ общее: головная боль вызывается многочисленными болѣзнями, слѣдовало ее опредѣлить точнѣе, такъ чтобы въ этомъ описаніи можно было видѣть истерику. Истерическая головная боль часто ограничивается половиною головы, и напоминаетъ мигрень; иногда она занимаетъ очень малое пространство; эта форма извѣстна подъ именемъ clavus hystericus, и по своему пароксизматическому появленію, напоминаетъ ограниченную мигрень.—Второй болѣзненный припадокъ, выставленный врачами, есть безсонница; но неизвѣстно, въ какихъ размѣрахъ безсонница была наблюдаема у Хвалевковой. Далѣе врачи удостовѣряютъ, что эти болѣзненные припадки ожесточались во время полнолунія, въ которое время, они примѣчали особенное безпокойство въ ней. По мнѣнію врачей, луна играетъ въ наблюдаемыхъ ими страданіяхъ Хвалевковой весьма важную роль; это они высказываютъ какъ въ вышеупомянутомъ отношеніи, такъ и въ актѣ. Возражать такому ихъ воззрѣнію не стоитъ; въ этомъ пунктѣ они вполнѣ разошлись съ наукою. Далѣе они пишутъ, что все время наблюденія Хвалевкова жаловалась на давленіе подъ ложечкою и на одутлость живота. Одинъ изъ обыкновенныхъ спутниковъ истеріи есть истерическій клубъ (globus hystericus); это есть стягиваніе около пупка и подъ ложечкою, чувство посторонняго тѣла, шара или клуба, который катится вверхъ по пищепріемнику до горла, вызывая здѣсь тяжкое чувство давленія; объ этомъ ли врачи говорятъ или же они просто наблюдали давленіе подъ ложечкою, симптомъ разстроеннаго пищеваренія, и одутливость живота? что означаетъ этотъ припадокъ? опять неизвѣстно, къ какой болѣзни его отнести. У истерическихъ женщинъ иногда случается между многочисленными припадками, наблюдаемыми въ области брюха, вздутіе его (timpanitis), которое можетъ быть развито до той степени, что тѣло въ ваннѣ всплываетъ. Тѣми припадками врачи оканчиваютъ картину болѣзни. Упоминаютъ

еще о языкѣ, пульсѣ и такъ далѣе; но, какъ управа замѣтила уже, эти припадки маловажные, ничего не объясняющіе, ничему не убѣждающіе. И такъ, въ виду исчисленныхъ врачами припадковъ, не находится ни одного, который бы заставлялъ предполагать, что Хвалевкова страдаетъ истеріею. Вотъ общая настоящая картина сей болѣзни: истерія есть болѣзнь, свойственная почти исключительно женскому полу, которая безъ всякихъ матеріальныхъ измѣненій или при незначительныхъ, представляетъ чрезвычайно многообразныя болѣзненныя явленія со стороны самыхъ различныхъ органовъ, какъ то: боли, анестезіи, параличъ, приступы судорогъ и разнообразныя, но легкія формы психическаго разстройства. Въ сферѣ чувствительности встрѣчается или усиленіе оной, или уменьшеніе до совершеннаго ея уничтоженія (hyperstesia anestesia). Въ сферѣ движенія самыя разнообразныя судорожныя движенія или параличи; пищевареніе, дыханіе тоже участвуютъ въ общемъ разстройствѣ организма. Но еще характеризуетъ эту болѣзнь то, что обычные ея припадки по временамъ, ожесточаясь, при высшей степени развитія выступаютъ въ видѣ приступовъ, при которыхъ наблюдаются: потеря сознанія, конвульсивные припадки, уподобляющіеся эпилепсіи; общіе покровы нерѣдко поражаются нечувствительностію, случаются припадки каталептическіе, стѣсненіе челюстей или движенія тетаническія; выступаютъ параличи и такъ далѣе. Не вдаваясь въ болѣе подробное описаніе, и этого слишкомъ достаточно для показанія, что описанная врачами болѣзнь не уподобляется истеріи, и нельзя не убѣдиться въ томъ, что врачи приняли болѣзнь притворную за истинную. Нѣтъ никакого труда притворяющейся сказать, что у нея болитъ голова, но очень трудно разсказать, какимъ образомъ болитъ голова. Сказаннаго достаточно, оно ведетъ къ положительному заключенію, что врачи не имѣли основанія допускать у Хвалевковой истерію въ высшей степени ея развитія. — Въ продолженіи нѣсколькомѣсячнаго наблюденія въ гродненскомъ тюремномъ замкѣ за состояніемъ здоровья подсудимой Хвалевковой, члены врачебной управы не замѣтили въ ней ничего болѣзненнаго ни въ физическомъ, ни въ психическомъ отношеніи. Лице ея постоянно здоровое, тѣло полное, бодрое, аппетитъ хорошъ, сонъ продолжительный, даже спитъ днемъ, испражненія низомъ и мѣсячныя очищенія въ на-

длежащемъ порядкѣ. А если она и жаловалась по временамъ на боль головную, грудь, или въ надбрюшной сторонѣ, то тщательное изслѣдованіе всегда убѣждало, что показанія ея были ложны, и отвѣты по самымъ различнымъ вопросамъ были всегда ясны и логичны; въ ея поступкахъ ничего страннаго не замѣчено.

Соображая: 1) результаты, полученные при разсмотрѣніи фактовъ, доставленныхъ слѣдствіемъ, клонящихся къ разъясненію здоровья Хвалевковой; 2) заключеніе, къ которому управа пришла при разборѣ вышеупомянутаго отношенія, и медицинскаго акта, составленныхъ брестскими городовымъ и уѣзднымъ врачами; 3) наконецъ, наблюденія членовъ управы въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ надъ подсудимой, — врачебная управа пришла къ тому убѣжденію и заключенію, что Хвалевкова въ физическомъ и психическомъ отношеніи совершенно здорова, и что совершенныя ею преступленія не зависѣли отъ болѣзни.

Гродненская уголовная палата, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашла, что хотя Хвалевкова, сознаваясь въ преступленіяхъ, объяснила, что побудительною къ тому причиною была болѣзнь ея, и первоначально свидѣтельствовавшіе и наблюдавшіе Хвалевкову брестскіе уѣздный и городовой врачи отнесли поступокъ ея къ болѣзни, а чтобы она къ потерпѣвшимъ отъ пожара или къ кому другому питала негодованіе или сдѣлала поджоги въ видахъ корысти, по слѣдствію не обнаружено; — но по заключенію врачебной управы, наблюдавшей Хвалевкову, она въ физическомъ и психическомъ отношеніи оказалась совершенно здоровою; и сдѣланныя ею преступленія не зависѣли отъ болѣзни. А потому палата опредѣлила: 1) Хвалевкову, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжныя работы на заводахъ на десять лѣтъ и по прекращеніи сихъ работъ, за истеченіемъ срока или по другимъ причинамъ, поселить въ Сибири навсегда. 2) Такъ какъ заключенія медиковъ, свидѣтельствовавшихъ и испытывавшихъ Хвалевкову, представляютъ разительную между собою разницу, а между тѣмъ заключенія эти даны въ продолжительныхъ промежуткахъ времени, то обстоятельство это, влекущее за собою для Хвалевковой тяжкое наказаніе, по чрезвычайности своей заслуживаетъ особеннаго вниманія, и по силѣ 167 ст. уголов. улож. подлежитъ разрѣшенію правительствующаго сената. . . . .

Принимая во вниманіе: 1) что Хвалевкова, добровольно сознавшаяся въ трехъ поджогахъ, произведенныхъ ею безъ всякой цѣли и негодованія къ пострадавшимъ крестьянамъ, приводитъ къ тому заключенію, что она дѣйствительно могла сдѣлать это только въ припадкѣ болѣзни; 2) что наблюденія и освидѣтельствованія врачей въ г. Брестѣ и гродненской врачебной управы совершенно разнорѣчивы и какъ сдѣланныя по истеченіи продолжительнаго промежутка времени послѣ произведенія Хвалевковой поджоговъ, не исключаютъ возможности недоумѣвать о томъ: не болѣзнь ли Хвалевковой была побудительною причиною къ поджогамъ, и 3) что Хвалевкова съ 22 сентября 1862 г. содержится подъ арестомъ,—начальникъ гродненской губерніи съ своей стороны полагалъ, что Хвалевкова заслуживаетъ особеннаго вниманія, и присужденное ей наказаніе должно быть смягчено по усмотрѣнію высшаго начальства.

Медицинскій совѣтъ (согласно съ заключеніемъ г. Балинскаго) нашелъ, что мнѣніе брестскихъ уѣзднаго и городоваго врачей о томъ, что Хвалевкова одержима истеріею въ высшей степени ея развитія, основано на фактахъ не многочисленныхъ и притомъ описанныхъ довольно поверхностно. Врачебная управа справедливо не согласилась съ этимъ мнѣніемъ, но съ своей стороны пришла также къ заключенію, не основанному на достаточныхъ данныхъ, именно будто бы Хвалевкова вовсе не была больна, а только притворялась больною. Брестскіе врачи, не представивъ полной картины истеріи, не должны бы были утверждать, что болѣзнь Хвалевковой достигла высшей степени своего развитія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы у ней вовсе не было болѣзни тѣмъ болѣе, что извѣстны формы истеріи, въ которыхъ преимущественно замѣчаютъ рядъ чисто субъективныхъ и психическихъ припадковъ. Также и описываемое врачами ожесточеніе истерическихъ припадковъ Хвалевковой во время полнолунія, не представляетъ ничего неправдоподобнаго, и хотя конечно припадки эти ожесточались не подъ вліяніемъ полнолунія, но свойственное истеріи періодическое ихъ ожесточеніе могло съ нимъ совпадать. Что касается до наблюденія, произведеннаго надъ Хвалевковою врачебною управою, то оно произведено было уже въ то время, когда подсудимая по-

правилась отъ болѣзни, и потому не можетъ служить основаніемъ къ заключенію о томъ, будто бы бресткіе врачи приняли болѣзнь притворную за дѣйствительную и будто бы подсудимая положительно притворилась. Напротивъ, должно допустить, что Хвалевкова дѣйствительно была одержима легкими истерическими припадками, преимущественно психическаго свойства. Относительно-же вопроса: вѣроятно ли, чтобы въ настоящемъ случаѣ преступленіе совершено было подъ вліяніемъ подобныхъ болѣзненныхъ припадковъ, положительнаго заключенія сдѣлать нельзя, такъ какъ въ дѣлѣ не имѣется достаточныхъ данныхъ для предположенія, что преступленіе совершено Хвалевковою въ болѣзненномъ состояніи.

Поджогъ, учиненный крестьянкой Прасковьею Шершебневою.

1 сентября 1861 г. волостной старшина альиновской волости, (калужскаго уѣзда), донесъ мѣстному становому приставу, что въ первомъ часу ночи, съ 31 августа на 1 сентября, въ сельцѣ Дубровкѣ отъ неизвѣстной причины произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣло 14 крестьянскихъ избъ. Въ дополненіе къ сему тотъ же старшина 5 сентября донесъ становому приставу, что по произведенному имъ дознанію оказалось, что крестьянинъ сельца Дубровки, Михаилъ Егоровъ, подъѣзжая ночью подъ 1-е сентября къ своему сельцу, увидѣлъ пожаръ; при этомъ онъ встрѣтилъ крестьянку, которая рысью бѣжала около дороги, ведущей въ деревню Асоргину; когда же онъ сталъ спрашивать ее, гдѣ это горитъ, и куда она поспѣшно бѣжитъ? то она на это ничего не отвѣтила, а продолжала бѣжать далѣе. Къ сему старшина добавилъ, что крестьянинъ Егоровъ полагаетъ, что бѣжавшая крестьянка была Прасковья Шершебнева, потому что она въ Дубровкѣ въ это время не жила. А какъ это по дознанію подтвердилось, то въ произведеніи пожара надаетъ сильное подозрѣніе на крестьянку Шершебневу.

Крестьянинъ Михаилъ *Егоровъ* при слѣдствіи показалъ, что подъѣзжая ночью подъ 1-е сентября къ сельцу своему, онъ увидѣлъ свѣтъ, который сперва счелъ за свѣтъ въ господскомъ

домѣ, но потомъ, не доѣхавъ до сельца сажень на сто, разсмотрѣлъ, что это загорѣлась Дубровка; въ это время онъ увидѣлъ, что на встрѣчу къ нему, возлѣ дороги, бѣжитъ какая то женщина; когда же она поровнялась съ нимъ, то онъ спросилъ у ней: «тетка, гдѣ горитъ»? но она, ничего не отвѣтивъ и загородивъ рукою обращенную къ нему сторону лица, бѣжала дальше по направленію къ деревнѣ Асоргиной; разсмотрѣть лице этой женщины онъ не могъ, потому что было темновато. На другой день, когда по сельцу пошли разговоры, отчего бы это сдѣлался пожаръ, онъ разсказалъ старостѣ о встрѣченной женщинѣ, а какъ крестьянка Прасковья Шершебнева въ эту ночь не ночевала дома, то и взялись за нее. Призналась ли она въ поджогѣ, онъ не знаетъ.

Крестьянка *Прасковья Шершебнева* (24 лѣтъ) на спросъ становаго пристава (5 сентября) и судебнаго слѣдователя (8 сентября) показала, что въ праздникъ покрова 1861 года будетъ два года, какъ она вышла замужъ за крестьянина сельца Дубровки Василія Шершебнева; до выхода въ замужество она была здорова и ничѣмъ не жаловалась; но въ первую послѣ того зиму у ней стали ломить ноги, а во вторую зиму она стала совсѣмъ безъ ногъ,—все лежала и ничего ими не чувствовала, въ особенности правою ногою, которая была у ней какъ деревяшка; лѣтомъ 1861 года на ногахъ ея стали показываться болячки въ родѣ вередовъ, но, не смотря на это, она исправляла всѣ деревенскія работы; по причинѣ боли ногъ, она скучала и работа ея шла не такъ спѣшно, какъ у ея домашнихъ, которые за это журили ее со св. недѣли во все лѣто; отъ нобранокъ этихъ ей сдѣлалось еще скучнѣе тѣмъ болѣе, что нездоровье продолжалось. Недѣли за двѣ до пожара ею овладѣла дюжая скука и пришло такъ, что она готова была сама себя погубить; отъ этой скуки и отъ болѣзни ногъ, за недѣлю до пожара она ушла къ родной своей матери, крестьянкѣ деревни Асоргиной, Акулинѣ Павловой, за тѣмъ, что не полѣчатъ ли ей тамъ ноги; у матери она пролежала цѣлую недѣлю и ее ничѣмъ не лѣчили; послѣ того мать стала посылать ее домой. 31 августа послѣ обѣда, захвативъ съ собой штукъ семь или восемь зажигательныхъ спичекъ, она пошла изъ деревни Асоргиной, отстоящей отъ сельца Дубровки верстахъ въ трехъ съ половиною, къ мужу;

дорогою въ с. Дубровку она зашла въ вершину, называемую поповскою, и тамъ осталась до ночи; когда же стало темно, снова пошла въ Дубровку, но не по прямой дорогѣ, а черезъ мельницу, сдѣлавъ крюку съ версту; подойдя къ своему сельцу и увидя, что по домамъ еще свѣтятся огни, она остановилась въ березникѣ и сидѣла тамъ до тѣхъ поръ, пока огни въ сельцѣ погасли; заключивъ изъ этого, что всѣ легли спать, она пошла изъ березника, подошла къ своему дому съ проулка и подожгла соломенную повѣть сбоку двора своего; поджогъ она сдѣлала спичкою, взятою изъ дома матери; спичку зажгла о кирпичикъ, найденный на дорогѣ возлѣ господскихъ кирпичныхъ сараевъ; увидѣвъ, что соломенная крыша загорѣлась, она побѣжала къ матери въ деревню Асоргину; дорогой, почти подъ самымъ сельцомъ, съ нею встрѣтился дубровскій крестьянинъ Михаилъ Егоровъ и спросилъ у ней: «тетка, что это горитъ»? но она ничего не отвѣтивъ, побѣжала далѣе, а потомъ пошла тихо; придя къ матери, она легла въ избѣ на печку, но когда... (послѣ этихъ словъ Прасковья Григорьева при спросѣ судебнымъ слѣдователемъ сказала, что она вспомнила, что дѣло было не такъ, а вотъ какъ): когда она пришла въ деревню Асоргину, то зашла въ матерниный задворокъ и легла около саней, въ которыхъ спалъ двоюродный братъ ея Аверьянъ съ своею женою; вскорѣ послѣ этого закричали сосѣди, что пожаръ въ Дубровкѣ; Аверьянъ съ женою проснулся; встала и она, Прасковья; послѣ этого Аверьянъ спросилъ ее: «ай, ты тутъ? ай, домой не ходила?» на что она отвѣчала, что не ходила; затѣмъ Аверьянъ побѣжалъ на пожаръ, а она пошла въ избу и легла на печь, въ избѣ никого не было; когда разсвѣло, то мать, придя въ избу и увидѣвъ ее, сказала: «ты тутъ, не пошла домой, ступай, деревня сгорѣла»; придя послѣ того въ Дубровку, она, Прасковья, увидѣла, что сгорѣло четырнадцать дворовъ, въ томъ числѣ дворъ мужа; съ домашними своими она ни о чемъ не говорила, и они у нея ничего не спрашивали; потомъ она пошла къ крестьянину Ивану Рекину и находилась у него въ домѣ до другаго дня; въ этотъ день пришелъ къ ней мужъ и послалъ ее къ матери; дорогою въ деревню Асоргину догналъ ее сельскій староста и вернулъ въ Дубровку къ старшинѣ, который сказалъ ей, что ночью, когда былъ пожаръ, ее видѣлъ крестьянинъ Михаилъ; на это

она отвѣчала, что точно Михаилъ встрѣтился съ нею, и затѣмъ откровенно призналась старшинѣ въ поджогѣ. На поджогъ ее никто не подучалъ; сдѣлать это она вздумала въ одинъ день, а прежде того думала загубить свою душу отъ болѣзни, скуки и побранокъ домашнихъ; теперь же скучаетъ о томъ, что подожгла и попала въ такое несчастье; на первомъ году замужества своего лѣтомъ она кричала, какъ обыкновенно кричатъ такъ называемыя «кликуши». Будучи замужемъ, она родила одного ребенка, который, проживъ три мѣсяца, умеръ. Къ сему Прасковья Шершебнева, при опросѣ судебнымъ слѣдователемъ, добавила, что поджогъ своего дома она сдѣлала собственно для того, чтобы во время поджога сгорѣло добро домашнихъ ея бабъ, которыя хвалились передъ нею своимъ добромъ и нарядами, и упрекали ее въ бѣдности, тогда какъ недостатокъ у ней добра и нарядовъ происходилъ отъ болѣзни, находясь въ которой она не могла запастись добромъ; притомъ же она недавно находится въ замужествѣ и слѣдовательно, какъ младшая въ семействѣ, болѣе употреблялась на посылки и на исполненіе по хозяйству приказаній старшихъ.

Мать Прасковьи Шершебневой, крестьянка Акулина Орлова показала, что Прасковья съ недѣлю предъ пожаромъ жила у ней, жалуясь на боль въ ногахъ. На обиды отъ семейныхъ мужа Прасковья ей не жаловалась. Во время пожара въ сельцѣ Дубровкѣ она, Акулина, видѣла Прасковью лежащею въ избѣ на печкѣ.

Мужъ Прасковьи Шершебневой, Василій Шершебневъ, показалъ, что жена его, Прасковья, дѣйствительно жаловалась ему на боль въ ногахъ, которыя болѣли у ней всю прошлую зиму и лѣто. Со времени выхода за него замужъ, Прасковья работала какъ слѣдуетъ; большой работы отъ нея не требовали. Хотя Прасковья и была невеселою, но чтобы она сильно скучала, этого не было видно, и она ему объ этомъ не говорила; жилъ онъ съ нею согласно и былъ ею всегда доволенъ; домашніе обращались съ Прасковьей какъ слѣдуетъ, и она ему ни разу не жаловалась на обиды отъ нихъ. Нарядовъ для себя Прасковья никогда у него не просила; упрековъ со стороны семейныхъ касательно недостатка у нея добра онъ не слыхалъ. Почему жена сдѣлала поджогъ, ему неизвѣстно.—Показаніе Василія Шер-

шебнева подтвердили дяди его: Степанъ и Петръ Шершебневы.

Три тетки Василія Шершебнева, живущія съ нимъ въ одномъ домѣ, отозвались, что Прасковья Шершебнева въ семьѣ жила смирно и согласно. Такъ какъ она уже давно жалуется на нездоровье и боль въ ногахъ, то онѣ назначали ей работы по силамъ. У кого было болѣе добра, у Прасковьи или у нихъ, онѣ не знаютъ, но Прасковья ходила не хуже ихъ. Особенной въ ней скуки онѣ не замѣчали, но вообще Прасковья была неразговорчива и отъ природы болѣзненна; прошедшимъ лѣтомъ, послѣ св. недѣли, она кричала, какъ онѣ, Шершебневы, полагаютъ отъ порчи.

Крестьяне сельца Дубровки показали, что изъ-за чего Прасковья Шершебнева сдѣлала поджогъ, они не знаютъ; женщина она угрюмая и неразговорчивая. Хотя и было слышно, что Прасковья жалуется на боль въ ногахъ, но она ходила и исправляла деревенскія работы. Какъ она жила въ своемъ семействѣ, не знаютъ; ссорилась ли она съ семейными и дѣлались ли ей какіе нападки, объ этомъ они не слыхали; съ мужемъ она жила согласно; слуховъ, чтобы семейныя обижали Прасковью, до нихъ не доходило; родственницы Шершебневой—бабы смирныя и худыхъ слуховъ объ нихъ не было.

На повальномъ обыскѣ о поведеніи крестьянки Прасковьи Шершебневой, обыскные люди отозвались, что за Прасковьей Шершебневой они ничего худаго не замѣчали; скучною они ее не видали; о жизни ея въ семействѣ они ничего худаго не слышали.

Калужская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ произведенное о преступленіи Шершебневой слѣдствіе, нашла невозможнымъ опредѣлить: какія именно причины могли побудить Шершебневу къ поджогу; желаніе ея истребить добро семейныхъ лицъ — оказывается страннымъ, потому что вмѣстѣ съ этимъ сгорѣло и имущество, собственно ей принадлежащее. Принимая въ соображеніе, что Шершебнева прежде болѣзни ногъ подвержена была другимъ болѣзненнымъ припадкамъ, палата признала нужнымъ прежде окончательнаго рѣшенія дѣла подвергнуть Шершебневу медицинскому освидѣтельствованію, для опредѣленія: какое вліяніе имѣло болѣзненное состояніе Шершебневой на

умственныя способности ея, и не могла ли она произвесть преступленіе въ такомъ состояніи превратныхъ силъ, которое можетъ служить ей какимъ-либо оправданіемъ. Вышеизложенное мнѣніе свое, калужская палата уголовнаго суда сообщила мѣстному губернскому правленію для зависящаго распоряженія.

Вслѣдствіе сего Шершебнева была *освидѣтельствована* въ состояніи умственныхъ способностей 19 декабря 1861 г. чрезъ членовъ калужской врачебной управы въ присутствіи установленныхъ лицъ,—причемъ, (какъ видно изъ имѣющагося въ дѣлѣ отношенія калужскаго губернскаго правленія въ мѣстную палату уголовнаго суда отъ 29 января 1862 г.) оказалось, что Шершебнева, при хорошемъ тѣлосложеніи, имѣетъ по наружному виду 22 года отъ роду, пульсъ и глаза ея спокойные; на предложенные при освидѣтельствованіи вопросы она отвѣчала: *В.* Сколько тебѣ лѣтъ? *О.* 22. *В.* Давно ли ты замужемъ? *О.* Два года. *В.* Любишь ли ты мужа? *О.* Любила и никогда не ссорилась съ нимъ. *В.* Есть ли у тебя дѣти? *О.* Былъ мальчикъ, да умеръ. *В.* Много ли у тебя родни въ семьѣ? *О.* Двое дядей, три бабы, да ребятишки. *В.* Живешь ли ты въ мирѣ съ ними? *О.* Нѣтъ; между нами ссора. *В.* Знаешь ли ты читать? *О.* Не училась. *В.* Давно ли ты содержишься подъ арестомъ? *О.* До покрова еще взяли подъ стражу. — Свидѣтельствовавшія Шершебневу лица нашли, что, судя по наружному виду, въ ней нельзя предполагать какой физической болѣзни, которая была бы въ состояніи разстроить умственное ея здоровье; отвѣты, данные ею на вопросы, были совершенно положительны и правильны; они не изобличаютъ никакой умственной безсвязности, а потому и слѣдуетъ признать Шершебневу здоровою.

Калужская палата уголовнаго суда, находя, что хотя по освидѣтельствованію 19 декабря 1861 года Шершебнева и оказалась совершенно здоровою, но какъ настоящее состояніе ея здоровья не исключаетъ возможности сомнѣваться въ томъ, что во время совершенія преступленія она дѣйствовала въ такомъ же состояніи, — препроводила подлинное о Шершебневой дѣло въ калужскую врачебную управу для заключенія о томъ: не имѣли ли обнаруженныя слѣдствіемъ обстоятельства на кого либо вліянія на умственныя способности Шершебневой, и не могла ли она произвесть преступленіе вслѣдствіе болѣз-

общаго разстройства нравственныхъ силъ, которое можетъ служить какимъ-либо оправданіемъ совершеннаго ею преступленія?

На такое требованіе палаты калужская врачебная управа 21 марта 1862 года донесла палатѣ, что Прасковья Шерихобнева, какъ подтверждаютъ ея мать и родные, была предъ сдѣланіемъ преступленія больна и въ особенности страдала болью въ ногахъ, вѣроятно, ломотнаго свойства. Управа хотя не отрицаетъ, что болѣзнь Шерихобневой могла имѣть болѣе или менѣе вліянія на умственныя ея способности и на безотчетливое побужденіе къ совершенію преступленія, но точно ли Шерихобнева находилась въ то время въ болѣзненномъ состояніи ума, того по неимѣнію въ дѣлѣ никакихъ данныхъ утвердить нельзя, тѣмъ болѣе что при освидѣтельствованіи въ присутствіи губернскаго правленія, умственныя способности Шерихобневой найдены здоровыми.

20 апрѣля 1862 г. *Прасковья Шерихобнева* въ присутствіи калужской палаты уголовнаго суда объяснила, что хотя на допросахъ она и созналась, что подожгла домъ мужа своего, но сознаніе ея несправедливо; она сдѣлала его по слѣдующимъ обстоятельствамъ: прежде замужества своего, она въ теченіи 4-хъ лѣтъ жила въ работницахъ у крестьянина деревни Дергачевки Захара Филиппова, и въ это время у ней съ хозяиномъ началась любовная связь; когда же она вышла замужъ, то связь эта прекратилась по случаю ея нездоровья. Когда вечеромъ 31 августа она шла изъ деревни Дергачевой въ сельцо Дубровку, то встрѣтила Захара Филиппова, который былъ уже старшиною; онъ шелъ изъ конторы въ сельцо и, увидѣвши ее, сказалъ, чтобы она не ходила къ мужу, а подождала его, Филиппова, въ проулкѣ за домомъ мужа, и что онъ придетъ къ ней. По прежней связи съ Филипповымъ она согласилась подождать его, и сидѣла въ коноплякахъ; когда уже стемнѣло, то она пришла въ проулокъ, куда потомъ пришелъ и Филипповъ; въ то время было уже довольно поздно; въ селеніи почти всѣ спали; спустя нѣсколько времени Филипповъ закурилъ трубку, погода была вѣтреная, изъ трубки Филиппова вылетѣла искра; но они увидѣли это тогда, когда уже вспыхнула соломенная крыша на пунѣ; увидѣвъ это, Филипповъ сказалъ ей: «бѣги къ матери и не говори, что была здѣсь, а скажи, что ночевала у ней, я же побѣгу въ сельцо и закричу: по-

жаръ; послѣ этихъ словъ она побѣжала въ деревню Аворгину, а Филиповъ въ сельцо. На другой день Филиповъ, призвавъ ее на задворокъ къ крестьянину Лукину, началъ говорить, что видѣли, какъ она шла ночью изъ Дубровки, а потому, когда начнутъ ее спрашивать о пожарѣ, то чтобы говорила на себя; когда же она на слова Филипова не соглашалась и сказала, что разскажетъ какъ было дѣло, то онъ началъ ее уговаривать, обѣщая выручить, такъ какъ все въ его власти; если же она скажетъ на него, то будетъ хуже, ибо онъ мужчина и притомъ старшина, и съ него больше спросится; она же, женщина, и ей ничего не будетъ. Полагаясь на обѣщаніе Филипова, она при спросѣ въ конторѣ приняла на себя преступленіе. Послѣ этого ее посадили подъ арестъ въ столярную избу, куда нѣсколько разъ приходилъ Филиповъ и уговаривалъ ее не плакать, говоря, что ей ничего не будетъ. Когда пріѣхали становой и слѣдователь, то Филиповъ опять говорилъ ей: «показывай какъ прежде и не бойся ничего; тебя возьмутъ въ Калугу недѣли на двѣ, но ты женщина и больная, а потому тебя отпустятъ». Когда Филиповъ былъ у ней въ столярной избѣ, то его видѣли караулившіе ее крестьяне, но кто именно, она не упомнитъ. Въ то время, когда она была въ тюремномъ замкѣ, Филиповъ, во вторникъ на четвертой недѣлѣ великаго поста былъ у ней съ крестьяниномъ Василіемъ Васильевымъ, и когда она начала говорить Филипову, что онъ ее обманываетъ, то онъ сказалъ ей, что у нихъ есть слухъ о томъ, что ее скоро выпустятъ на волю. Но какъ всѣ слова Филипова не исполнились, то она и рѣшилась показать о всемъ по самой сущей правдѣ.

Противъ вышеизложеннаго показанія Прасковьи Шершебневой старшина *Захаръ Филиповъ* показалъ, что Шершебнева дѣйствительно жила у него въ работницахъ, но онъ любовной связи съ нею никогда не имѣлъ. Въ день пожара онъ занимался перемѣркою хлѣба въ сельскомъ магазинѣ; потомъ, напившись чаю у двороваго человѣка Никифорова, отправился ночевать, съ писаремъ Кудрявцевымъ, къ дядѣ своему, Федору Алексѣеву; ночью кучеръ разбудилъ его, говоря, что въ деревнѣ пожаръ; надѣвъ черную поддевку, въ которой былъ весь тотъ день, онъ Филиповъ пошелъ на пожаръ. На другой день, узнавъ, что Шершебневу видѣли въ ночь пожара, онъ дѣйствительно уговаривалъ

ее сознаться на задворкѣ у крестьянина Лукина, и говорилъ, что ей ничего не будетъ, если она покажетъ правду. По просьбѣ Шершебневой онъ былъ у нея въ острогѣ и изъ человѣколюбія принесъ ей двѣ булки и утѣшалъ ее, говоря, что ее вѣроятно скоро выпустятъ. Къ сему старшина добавилъ, что трубки онъ никогда не курилъ.

Крестьяне сельца Дубровки, подтвердивъ показаніе Филипова, добавили, что въ день пожара онъ былъ въ черной поддевкѣ, и что трубки онъ никогда не курилъ и даже не любилъ табачный запахъ.

Мужъ Шершебневой, Василій, отозвался, что Прасковья взята имъ въ замужество невинною.

Тетки Василія Шершебнева, подтвердивъ показанія Василія, прибавили, что доказательство невинности Прасковьи они видѣли на ея рубашкѣ на другой день свадьбы.

На повальномъ обыскѣ поведеніе старшины Захара Филипова одобрено, причемъ обысканые люди подтвердили, что трубки онъ никогда не курилъ.

Калужская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашла, что крестьянка Прасковья Шершебнева по собственному сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, виновна въ умышленномъ поджогѣ ночью обитаемаго строенія, отчего сгорѣло 14 дворовъ. За преступленіе это она подлежитъ: лишенію всѣхъ правъ состоянія, наказанію плетьми чрезъ палачей отъ 60 до 70 ударовъ, и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на 15 лѣтъ. Принимая же во вниманіе: чистосердечное раскаяніе Шершебневой, и побудившія ее къ преступленію причины, доказывающія, что она была въ ненормальномъ состояніи, — палата, признавая, что обстоятельства эти по чрезвычайности своей, заслуживаютъ особаго вниманія, опредѣлила: не приводя заключенія своего о слѣдующемъ Шершебневой наказаніи въ исполненіе, представить настоящее дѣло чрезъ начальника калужской губерніи въ правительствующій сенатъ для исходатайствованія крестьянкѣ Шершебневой смягченія слѣдующаго ей наказанія.

Начальникъ калужской губерніи, представляя дѣло это на благоусмотрѣніе правительствующаго сената, изъяснилъ, что съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ уголовной палаты онъ не можетъ

согласиться, ибо палата, признавая Шершебневу виновною въ умышленномъ поджогѣ, упустила изъ виду, что по ст. 316, 2 кн. т. XV св. зак. собственное признаніе подсудимаго почитается совершеннымъ доказательствомъ тогда, когда оно, между прочимъ, учинено добровольно, совершенно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ, и когда притомъ открыты такія обстоятельства, по которымъ въ достовѣрности и истинѣ показаній сомнѣваться невозможно. Въ данномъ же случаѣ сознаніе Шершебневой, что она подожгла домъ мужа, подтверждается лишь совершившимся фактомъ, и затѣмъ остается голословнымъ по всѣмъ возможнымъ обстоятельствамъ или признакамъ этого событія. Такъ, самое главное въ ея показаніи и одно изъ первыхъ необходимыхъ условій для признанія ея сознанія за несомнѣнную истину—причины, побудившія ее къ такому тяжкому преступленію, оказались недѣйствительными: онѣ не только не подкрѣплены слѣдствіемъ, но даже положительно опровергнуты удостовѣреніемъ родственниковъ ея и стороннихъ лицъ; нѣсколько согласно съ Шершебневою послѣдніе говорятъ только въ отношеніи ея болѣзни. За отмѣною же засимъ этого сознанія, (какъ вынужденнаго отчасти вліяніемъ любовника), самою Шершебневою и дачею ею въ присутствіи палаты другаго показанія, по которому она дѣлается виновною только въ сокрытіи истинной причины пожара,—неосторожнаго обращенія крестьянина Филипова съ огнемъ, уже и вовсе не представляется основанія считать сознаніе чисто добровольнымъ и придавать ему какое-либо юридическое значеніе. Одно только, что могло бы, въ нѣкоторой степени, служить обстоятельствомъ, подтверждающимъ сознаніе Шершебневой, это извѣстная встрѣча ея въ ночь пожара съ крестьяниномъ Егоровымъ, но случай этотъ, не противорѣча и второму показанію ея, нисколько не разъясняетъ дѣла. Между тѣмъ палата, говоря въ разсужденіи своемъ объ означенномъ неподтвержденіи показанія Шершебневой относительно побудительныхъ ея причинъ къ совершенію поджога и оставляя безъ вниманія вторыя показанія подсудимой, и даже не упоминая о нихъ въ приговорѣ своемъ и наконецъ забывая, что Шершебневу не обвиняютъ и родные ея,—признала ее виновною въ поджогѣ по первому собственному ея сознанію, согласному, будто бы, съ обстоятельствами дѣла; тогда какъ второе ея показаніе несравненно правдоподобнѣе

перваго: оно такъ послѣдовательно, подробно, просто и естественно, что заслуживаетъ сравнительно бо́льшаго довѣрія, тѣмъ болѣе что показанія Шершебневой о своей невинности въ постигшемъ семейство ея несчастіи, заявленныя ею въ разное время, (въ присутствіи палаты, въ составѣ слѣдственной коммисіи и въ поданномъ 30 іюня 1862 года исправляющему должность начальнику губерніи прошеніи) — совершенно и вполнѣ сходны между собою; между ними не видно ни въ чемъ ни малѣйшаго противорѣчія. Какъ бы то ни было, однако и эти показанія, также какъ и первое, ничѣмъ по дѣлу не подтверждаются кромѣ случившагося событія, а по всему этому и не могутъ считаться доказательствомъ къ обвиненію подсудимой въ чемъ либо. На основаніи вышеизложенныхъ соображеній своихъ и имѣя въ виду важность взводимаго на Шершебневу преступленія и тяжесть наказанія за оное, а также и общее узаконеніе, что лучше освободить 10 виновныхъ, нежели приговорить невиннаго,—начальникъ калужской губерніи съ своей стороны полагалъ: признать Шершебневу по этому дѣлу — не уличенною, а Захара Филипова—отъ суда и слѣдствія свободнымъ.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла (согласно съ мнѣніемъ калужской врачебной управы, изложеннымъ въ рапортѣ ея въ мѣстную палату уголовнаго суда, отъ 21 марта 1862 г.) нашелъ: 1) что хотя и нельзя отрицать, что болѣзненное состояніе, называемое гистеріею (однимъ изъ видовъ котораго представляются, между прочимъ, и нѣкоторые случаи такъ называемаго кликушества), при сильной степени своего развитія можетъ имѣть вліяніе на умственныя способности и волю больной, но точно ли Шершебнева находилась въ такомъ болѣзненномъ состояніи ума, по неимѣнію въ дѣлѣ достаточныхъ данныхъ утверждать нельзя, и 2) что невозможно постановить по этому вопросу болѣе опредѣлительное заключеніе.

О крестьянкѣ Ульянѣ Ивановой, судимой за поджогъ.

9-го сентября 1861 г., сельскій староста села «Черемшанской Крѣпости» (бугульминскаго уѣзда, самарской губерніи) донесъ мѣстному волостному правленію, что 7-го сентября въ означенномъ селѣ произошелъ пожаръ, начавшійся съ крыши сарая крестьянина Василія Филипова и истребившій 34 двора и 6-ть гуменъ. Пожаръ произошелъ отъ поджога, въ которомъ подозрѣвается крестьянская дѣвица Ульяна Иванова, потому что незадолго до пожара она предупредила подругу свою Марью Егорову, чтобы та не ложилась спать, такъ какъ скоро будетъ пожаръ.

На допросв въ волостномъ правленіи Ульяна Иванова сперва не сознавалась въ поджогѣ, но потомъ, будучи уличаема дѣвочкою Марьею Егоровою, созналась, причемъ показала, что она сдѣлала поджогъ, желая видѣть дѣйствіе огня.

При произведенномъ временнымъ отдѣленіемъ бугульминскаго земскаго суда слѣдствіи, отецъ дѣвочки Марьи Егоровой, крестьянинъ Егоръ Кузьминъ показалъ, что въ день пожара (7 сентября) онъ съ семьей своей, за исключеніемъ дочери Марьи, былъ въ полѣ и пріѣхалъ домой уже тогда, когда дворъ и все имущество сгорѣли. Когда онъ возвратился домой, то дочь его Марья объявила ему, что за нѣсколько минутъ до пожара къ ней приходила дѣвочка Ульяна Иванова и говорила, чтобы она не ложилась спать, а то сгоритъ, такъ какъ сейчасъ будетъ пожаръ; на вопросъ Марьи: почему она знаетъ, что будетъ пожаръ? Ульяна отвѣчала, что это предчувствуетъ ея сердце. Какая причина побудила Ульяну къ такому поступку, онъ, Егоръ, не знаетъ. Предположеніе, что Ульяна сдѣлала это изъ корыстныхъ видовъ, опровергается тѣмъ, что у ней по обыску жителей не найдено имущества, ей не принадлежащаго; скорѣе можно думать, что поступокъ Ульяны былъ слѣдствіемъ глупости и несознаванія важности послѣдствій поступка. Хотя Ульяну и нельзя назвать совершенно глупою, но она далеко не имѣетъ умственныхъ способностей сверстницъ ея. Подозрѣвать, чтобы Ульяну научили къ поджогу посторонніе люди, онъ, Егоръ, не имѣетъ ни малѣйшаго осно-

ванія, а равно и не подозрѣваетъ въ этомъ родную сестру Ульяны, солдатку Аграфену Иванову, тѣмъ болѣе что имущество ея какъ въ послѣдній, такъ и въ предъидущій пожаръ подвергнулось уничтоженію.

Показаніе Егора Кузьмина подтвердили дочь его Марья Егорова, а равно крестьяне и крестьянки села Черемшанской Крѣпости (въ числѣ 40 человѣкъ).

Сестра Ульяны Ивановой — вдова, солдатка Аграфена Иванова (33 лѣтъ) показала, что до бывшаго въ селѣ Черемшанскомъ въ августѣ 1861 г. пожара, она жила въ этомъ селѣ въ собственномъ домѣ, а потомъ нанимала квартиру у крестьянина того же села Василія Филимонова. Вмѣстѣ съ нею около 6 лѣтъ жила сестра Ульяна *). Въ день пожара (7 сентября) она, Аграфена, находилась въ полѣ, а сестра ея Ульяна оставалась въ квартирѣ. По возвращеніи изъ поля, она услышала, что сестра ея созналась въ поджогѣ дома Филимонова. Сколько она, Аграфена, не добивалась узнать отъ Ульяны причину, побудившую ее къ такому поступку, но ничего не могла узнать; отвѣтъ Ульяны былъ одинъ: «такъ по глупости, послѣ сама испугалась, у меня болѣла тогда грудь». Въ продолженіи шести лѣтъ она, Аграфена, замѣтила только, что умственныя способности Ульяны тупо развивались; она была лѣнива къ занятіямъ, непослушна и почти всегда неточно выполняла данное ей порученіе, а иногда оставляла дѣло и скрывалась неизвѣстно куда, но послѣ являлась и говорила, что ночевала или въ банѣ, или на чужомъ дворѣ. За такіе поступки она бранила Ульяну и нерѣдко била ее, но не жестоко. Во время бывшаго въ селѣ ихъ, въ августѣ, пожара, у ней сгорѣлъ домъ и все имущество; въ то время она также была въ полѣ, а Ульяна оставалась дома. Пожаръ этотъ начался между ея и сосѣднею усадьбами, съ задняго двора. О пожарѣ этомъ она спрашивала сестру свою—не она ли подожгла, но получила отрицательный отвѣтъ; съ своей стороны она, Аграфена, не можетъ ни опровергнуть, ни утвердить—не было ли это дѣломъ рукъ сестры. Къ сему Аграфена Иванова добавила, что въ іюлѣ мѣсяцѣ 1861 г.

*) Ульяна Иванова проживала сперва въ лаишевскомъ уѣздѣ, послѣ же смерти матери поселилась въ Черемшанской крѣпости у сестры своей Аграфены.

Ульяна, будучи въ лѣсу, подвергалась болѣзни въ родѣ падучей, и была привезена домой безъ чувствъ; съ тѣхъ поръ она нерѣдко жаловалась на боль въ груди, объясняя, что ее душитъ нечистый духъ и разсказывая притомъ, что когда въ лѣсу былъ съ нею припадокъ, то она видѣла людей, умершихъ назадъ тому болѣе года или двухъ, (удавленниковъ, утопленниковъ и умершихъ отъ вина), что отъ этого испугалась и что будто бы призраки эти являются у ней и нынѣ.

24 сентября 1861 г. временное отдѣленіе богульминскаго земскаго суда предложило Ульянѣ Ивановой (15 лѣтъ *) вопросы **), на которые Ульяна Иванова, какъ написано въ составленномъ протоколѣ, отвѣчала такъ: «Сколько лѣтъ—не знаю; откуда жительствомъ — не знаю, только издалека, около Чистополя; мать умерла; отецъ живъ, живетъ дома, я живу у сестры Аграфены Ивановой. На квартирѣ съ сестрой стояли у Василья Филимонова. Сарай у Филимонова подожгла я спичкой, которую взяла у хозяевъ изъ коробочки; пошла съ нею въ сарай, гдѣ потёрла ее *объ* столбъ, она загорѣлась, я ее бросила въ солому, а сама убѣжала въ избу; зачѣмъ я это сдѣлала—не знаю, по глупости; я сама послѣ больно испугалась, всё плакала, и тогда у меня болѣла грудь. Въ бывшіе первые два пожара я не поджигала. (Далѣе о причинѣ болѣзни показала весьма неопредѣленно; между прочимъ сказала ясно, что въ лѣсу она видѣла мертвецовъ; изъ нихъ одинъ сѣлъ ей на грудь, черный, мохнатый, отчего она испугалась и лишилась чувствъ). Дѣвочкѣ Марьѣ я говорила, чтобъ она не ложилась спать, будетъ пожаръ, и на вопросъ ея, почему я знаю, отвѣтила, что чуетъ мое сердце. Въ это время у меня было намѣреніе поджечь; я говорила ей потому, что я боялась, какъ бы не сгорѣла она,—мнѣ ее было жалко.»

Въ составленномъ 24 сентября 1861 г. актѣ члены временнаго отдѣленія написали, что разсматривая дѣвочку Ульяну Иванову, наблюдая притомъ за ея дѣйствіями и движеніями, они, члены, замѣтили, что она нѣсколько разъ принималась плакать, вспоминая поступокъ свой, а между этимъ, устремляя глаза въ

---

*) Родилась 1-го іюля 1846 г.

**) Какіе именно вопросы предложены были Ульянѣ Ивановой—изъ дѣла не видно.

окошко на улицу, при появленіи играющихъ дѣтей около окна, смѣялась, забывая совершенно свое горе, и ясно обнаруживала желаніе участвовать въ забавахъ дѣтей; слезы и радость смѣняли другъ друга нѣсколько разъ.

На повальномъ обыскѣ крестьяне села Черемшанскаго (въ числѣ 24 человѣкъ) отозвались, что подозрѣвать Ульяну въ томъ, чтобы она была побуждаема къ поджогу склонностію къ пріобрѣтенію чужой собственности, невозможно: во первыхъ потому, что у ней по обыску не найдено чужаго имущества, а во вторыхъ потому, что она не заботилась о пріобрѣтеніи имущества (у ней нѣтъ никакой собственности) и не побуждалась желаніемъ имѣть его. О жизни Ульяны имъ извѣстно только, что она за смертію матери, проживала у сестры своей Аграфены Ивановой, женщины нестрогой нравственности, которая била ее нерѣдко за поступки, недостойные наказанія; вслѣдствіе сего дѣвочка Ульяна отлучалась изъ дому и ночевала по двѣ и по три ночи неизвѣстно гдѣ; вообще Ульяна вслѣдствіе ли дурнаго съ нею обращенія или по другимъ причинамъ въ сравненіи съ своими сверстницами весьма тупоумна; кромѣ этого былъ слухъ, что она подвергалась какимъ то болѣзненнымъ припадкамъ. На основаніи вышеизложеннаго они, показатели, должны сказать, что поступокъ Ульяны былъ сдѣланъ скорѣе безъ сознанія важности послѣдствій его, нежели со злымъ умысломъ; подозрѣвать кого либо изъ постороннихъ въ подстрекательствѣ Ульяны на поджигательство они причинъ не имѣютъ и не думаютъ, чтобы въ обществѣ могъ оказаться такой человѣкъ; въ этомъ они не подозрѣваютъ также и сестру Ульяны Аграфену, въ особенности потому что она отъ пожара лишилась бóльшей части своего имущества. Отъ какихъ причинъ въ селѣ ихъ были еще прежде два пожара, они до сихъ поръ не знаютъ, только убѣждены, что пожары эти были отъ поджога и, какъ они полагаютъ, отъ поджога дѣвочки Ульяны, впрочемъ доказательствъ на это не имѣютъ.

26-го октября 1861 г. Ульяна Иванова была освидѣтельствована въ состояніи умственныхъ способностей въ особомъ присутствіи самарскаго губернскаго правленія. На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы Ульяна Иванова отвѣчала: *В.* Какъ тебя завутъ? *О.* Ульяна Иванова. *В.*

Сколько тебѣ лѣтъ? *О.* 15. *В.* Гдѣ ты живешь? *О.* Въ Черемшанѣ, у сестры Аграфены Ивановой. *В.* Кто твоя сестра? *О.* Солдатка; мужъ умеръ, живетъ одна; теперь сгорѣла, такъ у деверя живетъ. *В.* Кто же деверь? *О.* Василій Гавриловъ, онъ писарь мірской, родной братъ мужа сестры. *В.* Что ты дѣлала у сестры? *О.* Работала, жала, сѣно убирала, у насъ лошадь есть, корова есть. *В.* Кто же пашетъ у васъ? *О.* Нанимаемъ мужика. *В.* Кто твой отецъ? *О.* Онъ умеръ, былъ мужикъ, его величали Иванъ Ефимычъ.

Особое присутствіе нашло, что для точнаго опредѣленія умственныхъ способностей Ульяны Ивановой нужно помѣстить ее въ тюремную больницу подъ наблюденіе врача на шестинедѣльное испытаніе.

25-го января 1862 г. Ульяна Иванова была снова освидѣтельствована въ особомъ присутствіи самарскаго губернскаго правленія. На предложенные при этомъ нижеслѣдующіе вопросы Ульяна Иванова отвѣчала: *В.* Какъ тебя зовутъ? *О.* Ульяна Иванова. *В.* Сколько тебѣ лѣтъ? *О.* 15. *В.* Гдѣ живешь ты? *О.* Въ Черемшанахъ у сестры. *В.* Что ты дѣлала сестрѣ? *О.* Работала, сѣно убирала, жала; зимой пряла, за коровой ходила. *В.* Какъ ты подожгла сарай? *О.* Спичкой—сунула ее въ солому. *В.* Зачѣмъ же ты это сдѣлала? *О.* Такъ, баба научила. *В.* Ты знала, что изба сгоритъ? *О.* Знамо что знала, какъ не знать. *В.* Развѣ тебѣ не жалко было сестриной избы? *О.* Коли не жалко. *В.* Зачѣмъ же ты сдѣлала? *О.* Такъ, (послѣ долгаго молчанія) вѣрно такая судьба мнѣ. *В.* Что же ты сдѣлала послѣ того, какъ зажгла? *О.* Побѣжала домой, стала одежду таскать, свое все вытащила, а потомъ и сестрино стала вытаскивать.

При освидѣтельствованіи оказалось, что Ульяна Иванова имѣетъ повидимому около 14 лѣтъ; тѣлосложеніе ея среднее; отвѣты ея показываютъ и память, и должное соображеніе, и нормальное сужденіе, сообразное съ ея лѣтами; при вопросахъ о пожарѣ она потупляла глаза, отвѣты ея были тихи и голосъ нѣсколько дрожалъ, тогда какъ на другіе вопросы она отвѣчала свободно. Состоя въ больницѣ въ продолженіи 4-хъ недѣль на испытаніи, Ульяна Иванова, по удостовѣренію врача *), не оказала ника-

*) Отзыва врача о результатахъ врачебнаго надъ Ульяною Ивановою наблюденія въ дѣлѣ не имѣется.

кихъ признаковъ умственнаго разстройства. На основаніи вышеизложеннаго особое присутствіе опредѣлило: признать Иванову умственно здоровою.

Самарская палата уголовнаго суда, усматривая изъ акта освидѣтельствованія Ульяны Ивановой 25-го января 1862 г., что на предложенные вопросы она между прочимъ сказала, что она была научена сдѣлать поджогъ какою то бабою,—предписала бугульминскому городническому правленію: отобрать отъ Ульяны Ивановой подробное показаніе обо всѣхъ обстоятельствахъ дѣла, а равно о томъ, какая баба научила ее на поджогъ, и распросить Ульяну Иванову такъ, чтобы отвѣты ея были не уклончивы, а справедливы, такъ-какъ будучи признанной губернскимъ правленіемъ умственно здравою, она должна о поступкѣ своемъ отвѣчать здраво и основательно, а не такъ, какъ говорила до освидѣтельствованія.

Вслѣдствіе сего Ульяна Иванова 31-го августа 1862 г. была вытребована въ присутствіе бугульминскаго городническаго правленія, гдѣ и показала, что дѣйствительно 7-го сентября 1862 г., она подожгла домъ крестьянина Филимонова, въ которомъ проживала вмѣстѣ съ сестрой своей Аграфеной Ивановой. Сдѣлать поджогъ научила ее проживающая въ Крѣпости Черемшанской солдатка Анна Алпатова въ отмщеніе жителямъ этой слободы за мужа своего, солдата Василія Алпатова, котораго они заподозрѣвали въ прежде бывшемъ поджогѣ; по этому случаю Алпатовъ содержался въ тюремномъ замкѣ; солдатка Алпатова обѣщала ей, Ульянѣ, за сдѣланіе поджога купить платокъ, но сего не исполнила. Не сознавая по глупости своей важности настоящаго поступка и прельстясь обѣщаннымъ платкомъ, она Ульяна рѣшилась поджечь. Солдатка Алпатова въ этотъ день приходила къ ней два раза, а въ послѣдній сама дала ей спичку, сказавъ, что уже вечеръ,—пора; взявъ спичку она, Ульяна, пошла подъ сарай, шаркнула спичкой объ столбъ и бросила ее въ солому, а сама побѣжала вытаскивать имущество. Когда она пошла поджигать сарай, то Алпатова ушла домой; видѣлъ ли кто Алпатову въ то время, когда она приходила къ ней, Ульянѣ, она не знаетъ. Къ дѣвочкѣ Марьѣ она, Ульяна, дѣйствительно приходила минуты за три до поджога и говорила ей, чтобы она не разувалась и не ложилась спать, дабы она въ расплохъ съ маленькимъ бывшимъ

при ней ребенкомъ не сгорѣла; это она сдѣлала изъ сострадания; когда же Марья спросила, почему она знаетъ, что сегодня будетъ пожаръ, то она, Ульяна, не желая открыть своего намѣренія, отвѣтила, что предчувствуетъ сердце. Во время производства слѣдствія она не сказала о наущеніи ея Алпатовою, потому что та предупредила ее въ этомъ, сказавъ, что если она откроетъ, то онѣ обѣ будутъ сидѣть въ острогѣ, и что ей, Ульянѣ, неизбѣжно должно быть въ острогѣ, за что она и не оставитъ ее. Во время поджога, въ домѣ у нихъ никого не было—всѣ были на работѣ въ полѣ; прежде сего намѣренія поджигать она не имѣла.

Солдатка Алпатова, на допросѣ и на очной ставкѣ съ Ульяною Ивановою, ни въ чемъ взводимомъ на нее Ивановою не созналась, оправдываясь тѣмъ, что 6-го сентября она уѣзжала изъ села Черемшанской Крѣпости въ г. Бугульму для свиданія съ своимъ мужемъ, содержавшимся въ острогѣ по подозрѣнію въ поджогѣ.

Показаніе Алпатовой о поѣздкѣ ея въ г. Бугульму подтвердили всѣ лица, у которыхъ она останавливалась ночевать и кормить лошадь; лица эти впрочемъ не означили времени, въ какое именно останавливалась у нихъ Алпатова, отзываясь запамятованіемъ.

Жители села Черемшанскаго (въ числѣ 50 человѣкъ) показали, что во время пожара они Анны Алпатовой въ селѣ не видали.

На повальномъ обыскѣ Алпатова въ поведеніи одобрена.

Самарская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что хотя жители села Черемшанской Крѣпости и высказали убѣжденіе, что поджогъ въ ихъ селѣ произведенъ дѣвочкою Ульяною Ивановою по глупости, и хотя сестра Ивановой заявила предположеніе о болѣзненномъ ея состояніи, но какъ по свидѣтельству, произведенному въ губернскомъ правленіи, Ульяна Иванова оказалась умственно здоровою, то ее и должно признать виновною въ умышленномъ поджогѣ сарая, отъ котораго сгорѣло 34 двора и шесть гуменъ съ хлѣбомъ. А потому палата уголовнаго суда опредѣлила: Ульяну Иванову, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ мѣста отдаленныя Сибири; солдатку же Анну Алпатову, какъ не уличенную въ подстрекательствѣ къ поджогу, отъ суда освободить.

Начальникъ самарской губерніи съ своей стороны нашелъ рѣшеніе уголовной палаты неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ: фактъ поджога Ивановою доказанъ какъ собственнымъ сознаніемъ подсудимой, такъ и обстоятельствами дѣла. Что же касается до побудительныхъ причинъ, заставившихъ Иванову сдѣлать поджогъ, то при этомъ нужно взять въ соображеніе тѣ обстоятельства, при которыхъ обыкновенно совершается преступленіе поджога. Преступникъ дѣлаетъ поджогъ изъ видовъ корыстныхъ, чтобы во время общей суматохи при пожарѣ удобнѣе сдѣлать похищеніе. Поджогъ дѣлается изъ мести, съ цѣлію лишить имущества своего врага, или по другимъ какимъ нибудь соображеніямъ, имѣющимъ въ виду сдѣлать зло ненавистному человѣку. Поджогъ дѣлается, по наущенію, человѣкомъ неразвитымъ, несознающимъ своихъ дѣйствій: обыкновенно такіе поджоги совершаются дѣтьми за пустыя приманки. Поджоги дѣлаются по подкупу человѣкомъ, торгующимъ преступленіемъ. Наконецъ, поджогъ служитъ средствомъ къ волненію народа, чтобы возбудить недовольство существующимъ порядкомъ вещей въ общественной жизни. Во всѣхъ этихъ видахъ поджога высказывается злая воля преступника, которая и должна быть наказана. Что же побудило Иванову къ поджогу? Въ дѣлѣ есть положительныя доказательства, что Ивановою не руководилъ ни одинъ изъ двигателей, характеризующихъ преступленіе поджога. Всѣ домохозяева, пострадавшіе отъ пожара, и обыкные люди высказали убѣжденіе, что поджогъ сдѣланъ Ивановою по глупости, прямо отвергая предположеніе о злоумышленности съ ея стороны въ этомъ дѣлѣ. Сестра Ивановой говоритъ, что Ульяна дѣвочка болѣзненная, и разъ подвергалась припадку, похожему на падучую болѣзнь. Сама обвиняемая Иванова первоначально въ волостномъ правленіи показала, что поджогъ она сдѣлала изъ любопытства, какъ будетъ горѣть. При слѣдствіи же разсказывала, что поджогъ ею сдѣланъ по глупости, что она потомъ и сама испугалась, долго плакала и у ней въ то время болѣла грудь. О происхожденіи грудныхъ болѣй обвиняемая приводитъ фантастическій разсказъ о видѣніяхъ въ лѣсу. Тоже самое объ этомъ говоритъ и ея сестра. Въ губернскомъ правленіи при свидѣтельствѣ умственныхъ способностей Иванова на вопросы: зачѣмъ она подожгла, знала ли, что дѣлала и неуже-

ли ей было нежалко сестры, у которой сгорѣло все имущество?—отвѣчала, что она знала о послѣдствіяхъ своего поступка и жалко ей было сестры, но что видно ужъ судьба ея такая. Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, по мнѣнію начальника губерніи, видно, что обвиняемая 15-ти лѣтняя дѣвочка не имѣетъ повидимому никакой причины поджигать, чтобы сдѣлать кому нибудь зло, знаетъ о послѣдствіяхъ своихъ дѣйствій, ей жалко своей подруги, если она сгоритъ, а потому предупреждаетъ ее о пожарѣ, и наконецъ таки поджигаетъ, а потомъ бросается спасать свое и сестрино имущество отъ пожара. Такія дѣйствія обвиняемой чисто безсознательныя: хотя она и понимаетъ, что дѣлаетъ, но не въ силахъ управлять своей волей, потому что воля ея находится въ болѣзненномъ состояніи. Можно ли послѣ этого, дѣйствія Ивановой признать вмѣняемыми, т. е. подлежащими наказанію? Всякое преступленіе обусловливается злымъ направленіемъ воли нарушить права другаго лица; дѣйствія же Ивановой не имѣютъ такого характера и потому не должны считаться вмѣняемыми. Отзывъ обыскныхъ людей, что Иванова менѣе развита своихъ сверстницъ, журналъ временнаго отдѣленія о поведеніи ея во время допросовъ, болѣзненное состояніе ея здоровья,— все это указываетъ на ненормальное положеніе обвиняемой при совершеніи поджога. Иванова оговорила солдатку Анну Алпатову въ подстрекательствѣ къ преступленію, но оговоръ ея ничѣмъ не подтвердился, и оговоръ этотъ Иванова сдѣлала, просидѣвши уже нѣсколько времени въ острогѣ, что даетъ поводъ думать, что она была подучена къ этому въ острогѣ. Что же касается до четырехнедѣльнаго испытанія Ивановой въ тюремной больницѣ и освидѣтельствованія ея умственныхъ способностей въ губернскомъ правленіи, которымъ она признана умственно здоровой, то вопросы губернскимъ правленіемъ давались изъ обыденной жизни обвиняемой, слѣдовательно по ея, хотя и правильнымъ, отвѣтамъ нельзя еще положительно признать Иванову умственно здоровою, такъ какъ отвѣты ея требовали только немного памяти, а не соображенія. По испытанію Ивановой въ тюремной больницѣ также трудно судить объ умственныхъ ея способностяхъ, принявъ во вниманіе несовсѣмъ удовлетворительное положеніе мѣстъ заключенія въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Вообще, изслѣдованіе умственныхъ способностей

Ивановой не даетъ прямаго отвѣта о ея нравственномъ состояніи, теперь же, чрезъ два года, трудно дополнить этотъ недостатокъ; но по всѣмъ даннымъ, какія имѣются въ дѣлѣ, Иванова заслуживаетъ больше состраданія, а не уголовнаго наказанія. Полагая, на основаніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ болѣе справедливымъ Ульяну Иванову, примѣняясь къ 108 ст. XV т. I кн., не подвергать наказанію, а отдать подъ надзоръ родственниковъ,—начальникъ самарской губерніи представилъ *настоящее* дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ судебно-медицинскія данныя, относящіяся къ вопросу о вмѣняемости несовершеннолѣтней крестьянской дочери Ульянѣ Ивановой совершеннаго ею поджога,—нашелъ: 1) что слѣдствіемъ не открыто какой либо изъ болѣе обыкновенныхъ побудительныхъ причинъ къ совершенію Ивановою подобнаго рода преступленія, а общее мнѣніе *было*, что она сдѣлала это по глупости; 2) что Ульяна Иванова, имѣя 15 лѣтъ, оказалась въ тѣлесномъ отношеніи, равно какъ и въ умственномъ менѣе развитою, чѣмъ ея сверстницы; 3) что кромѣ того за два мѣсяца передъ сдѣланнымъ ею поджогомъ она имѣла припадокъ съ потерею сознанія, и этому припадку предшествовали видѣнія и мнимо-ощущенія; 4) что послѣ сказаннаго припадка у ней нерѣдко повторялись большія стѣсненія въ груди, а частію и видѣнія призраковъ; 5) что и въ день совершенія поджога, она, какъ показываетъ, чувствовала боль въ груди и тоску; 6) что при освидѣтельствованіи ея въ присутствіи временнаго отдѣленія земскаго суда замѣчено, что она *быстро* и нѣсколько разъ переходила отъ непритворнаго горя о содѣянномъ къ невольному веселому расположенію духа, видя случайно въ окно играющихъ дѣтей, обнаруживая явно желаніе принять участіе въ забавахъ играющихъ; 7) что затѣмъ однако при двукратномъ освидѣтельствованіи Ульяны Ивановой въ самарскомъ губернскомъ правленіи и во время врачебнаго въ продолженіи 4-хъ недѣль наблюденія надъ нею въ больницѣ, признаковъ умственнаго разстройства въ ней не замѣчено.—Медицинскій совѣтъ не нашелъ также основанія признать ее умственно разстроенною, но полагаетъ, что при ея неразвитости и нѣкоторомъ болѣзненномъ расположеніи, у ней могло временно поя-

виться болѣзненное настроеніе, подъ вліяніемъ котораго она могла, въ состояніи не въ полнѣ свободной воли, учинить поджогъ.

О поджогахъ, учиненныхъ крестьянскимъ мальчикомъ Иваномъ Зубковымъ.

Въ селѣ Сурскомъ-Майданѣ (алатырскаго уѣзда, симбирской губерніи) съ 11 августа по 12 октября 1861 г. произошло семь пожаровъ.

Первый изъ этихъ пожаровъ былъ днемъ 11 августа; онъ начался съ конюшни крестьянина Емельяна Малафѣева. Лишь только показалось пламя, жена Малафѣева Авдотья была повѣщена объ этомъ крестьянскимъ мальчикомъ Иваномъ Зубковымъ; вслѣдствіе сего Авдотья и успѣла тотчасъ же залить огонь. Второй пожаръ былъ днемъ 12 августа; онъ начался съ овинницы того же крестьянина, причемъ сгорѣлъ домъ Малафѣева съ надворнымъ строеніемъ. Третій пожаръ былъ въ полдень 19 августа и начался съ задовъ двора крестьянина Гаврилы Дудина; подоспѣвшимъ народомъ огонь былъ потушенъ. Четвертый пожаръ былъ 22 августа также днемъ у крестьянина Кондратья Левенкова; загорѣлась соломенная крыша на сараѣ; на пожаръ этотъ прежде всѣхъ явился крестьянскій мальчикъ Иванъ Зубковъ. Огонь вскорѣ былъ потушенъ.

При *слѣдствіи* были заявлены подозрѣнія въ поджигательствѣ по первымъ двумъ поджогамъ на семилѣтняго крестьянскаго мальчика Михаила Никитина (котораго въ день пожара у Малафѣева видѣли бѣжавшимъ по улицѣ со спичками), и по остальнымъ поджогамъ на квартировавшаго въ селѣ Сурскомъ-Майданѣ рядоваго углицкаго полка Пастушкова, (который имѣлъ ссору съ семейными хозяина своего Гаврилы Дудина, а въ день поджога, будто бы, проходилъ по задамъ двора Дудина).—Какъ то, такъ и другое подозрѣніе при слѣдствіи не подтвердились.

Между прочими лицами при слѣдствіи былъ спрошенъ мальчикъ *Иванъ Зубковъ*, который и показалъ, что 11 августа, играя у себя на дворѣ съ меньшимъ братомъ Афанасіемъ, онъ замѣтилъ дымъ у угла конюшни крестьянина Емельяна Малафѣева; подбѣжавъ къ тому мѣсту и увидѣвъ, что загорѣлась кострика,

и огонь началъ подниматься на уголъ конюшни по мху, онъ тотчасъ же сказалъ объ этомъ бывшей на дворѣ женѣ Малафѣева, Авдотьѣ, которая и залила огонь водою изъ ведра; въ то время, какъ онъ усмотрѣлъ дымъ у угла конюшни и подбѣжалъ туда, то въ проулкѣ никого не видалъ, и отчего загорѣлось—не знаетъ. 22 августа онъ также игралъ на дворѣ своемъ съ братомъ и тоже около полдня увидѣлъ въ проулкѣ, раздѣляющемъ дворъ его отца отъ двора сосѣда ихъ Кондратья Левенкова, огонь на крышѣ сарая этого крестьянина; увидѣвъ это, онъ Зубковъ закричалъ и первый прибѣжалъ на пожаръ; за нимъ пришелъ крестьянинъ Емельянъ Малафѣевъ, а послѣ и другіе; пожаръ былъ потушенъ; въ этотъ разъ, какъ и въ первый, онъ Зубковъ въ проулкѣ никого не видалъ и, отчего случился пожаръ, не знаетъ. Когда сгорѣлъ домъ крестьянина Емельяна Малафѣева (12 августа) и послѣ недѣлю спустя, (19 августа), загорѣлась крыша во дворѣ крестьянина Гаврилы Дудина, онъ Зубковъ также былъ дома, но какъ и гдѣ загорѣлось—не видалъ; отчего случились эти пожары, онъ не знаетъ и въ этомъ самъ виновнымъ не состоитъ.

Пятый пожаръ въ селѣ Сурскомъ-Майданѣ былъ предъ крестьянскимъ обѣдомъ 9-го сентября; онъ начался съ крыши избы крестьянина Ивана Никитина Парфенова и истребилъ какъ избу, такъ и всѣ надворныя строенія Парфенова. При началѣ пожара въ избѣ были только малолѣтнія дѣти. Такъ какъ крестьянинъ Парфеновъ при слѣдствіи объявилъ, что въ избѣ не была долго чищена труба, то пожаръ былъ приписанъ выкинутію изъ трубы. При слѣдствіи въ числѣ другихъ лицъ былъ спрошенъ Иванъ Зубковъ и показалъ, что оставаясь дома съ маленькимъ братомъ и сестрой, онъ услышалъ крикъ ребятишекъ и женщинъ; выбѣжавъ изъ избы на дворъ, онъ увидѣлъ, что у сосѣда ихъ Парфенова горитъ крыша около трубы; послѣ этого онъ воротился въ свою избу и сталъ таскать имущество.

Шестой пожаръ былъ въ полдень 20 сентября; загорѣлась сѣнница на задахъ двора крестьянина Кондратія Левенкова; сгорѣли сѣнница, конюшня и три сарая Левенкова.

12 октября 1861 г. крестьянскій мальчикъ Зубковъ пойманъ былъ крестьянкою Акулиною Мелентьевою Левенковою на седьмомъ *поджогѣ* сарая крестьянина Григорія Никитина, и на спросъ выборнаго и сотскаго сознался какъ въ этомъ поджогѣ,

такъ и въ прежнихъ шести, бывшихъ въ селѣ Сурскомъ—Майданѣ.

При слѣдствіи крестьянка Акулина *Левенкова* показала, что въ обѣдъ 12 октября, находясь въ домѣ одна, она увидѣла въ боковое окно избы, что изъ сосѣдняго дома крестьянина Фрола Зубкова вышелъ сынъ его Иванъ, который, держа въ карманѣ полушубка руку, оглядывался кругомъ; заподозрѣвъ Зубкова, она стала за нимъ слѣдить и увидѣла, что осмотрѣвшись еще, Иванъ пошелъ проулкомъ на зады; она же, Акулина, пошла за нимъ такъ, что онъ ея не замѣтилъ. Пройдя зады ихъ двора, Зубковъ подошелъ сзади къ сараю сосѣда ихъ, крестьянина Григорія Никитина, и протянувши руку въ соломенную крышу сарая, что то, (какъ ей, Акулинѣ, показалось) въ оную сунулъ; поэтому она закричала на Зубкова, что онъ тутъ дѣлаетъ, и тотъ, какъ было замѣтно, испугался, но сказавши, что сгонялъ свиней, ушелъ; посмотрѣвши не очень близко на крышу сарая, но по болѣзни своихъ глазъ ничего не замѣтивъ, она тотчасъ же пошла къ крестьянину Григорію Никитину и разсказала о видѣнномъ его семейнымъ. Вскорѣ послѣ этого къ ней, Акулинѣ, пришла жена Никитина, Матрена и объявила, что услышавъ послѣ ея, Акулины, объявленія запахъ дыма и осмотрѣвъ мѣсто, къ которому подходилъ Иванъ Зубковъ, она усмотрѣла поджогъ.

Крестьянка Матрена Никитина показала, что послѣ объявленія крестьянкою Акулиною Левенковою о поступкѣ Зубкова, она осматривала крышу но ничего не нашла. Вскорѣ засимъ, боясь, чтобы чего не случилось, она опять пришла къ тому же мѣсту и нашла тутъ выпавшій изъ крыши сарая обгорѣлый лубокъ, а на томъ мѣстѣ, откуда онъ выпалъ, замѣтила обгорѣлую солому; посему она тотчасъ же объявила объ этомъ выборному ихъ села.

Крестьянскій мальчикъ *Иванъ Зубковъ* (14 лѣтъ *) 17 октября 1861 г. показалъ, что 12 октября отецъ и мать его работали на гумнѣ, а онъ, оставаясь дома съ братомъ и сестрою, вознамѣрился сдѣлать поджогъ сарая крестьянина Григорія Никитина, стоящаго на задахъ ихъ, Зубковыхъ, двора; для сего, вынувъ изъ горнушки горящій уголь и взявъ его голою рукою за ту сторону, на

*) Родился 7 сентября 1847 г.

которой не было огня, онъ спряталъ эту руку подъ полу полушубка и проулкомъ пошелъ на зады дворовъ; пройдя дворъ Кондратья Левенкова, онъ подошелъ къ сараю крестьянина Григорія Никитина и сунулъ уголь подъ крышу сарая въ солому; въ это время вскричала на него жена Кондратья, Акулина Левенкова: «что тутъ ты дѣлаешь»? Испу́гавшись, онъ сказалъ, что сгонялъ свиней, и затѣмъ ушелъ къ себѣ въ избу; вскорѣ послѣ этого пришли къ нимъ въ домъ сотникъ и выборный, которымъ онъ чистосердечно сознался какъ въ этомъ, такъ и въ прежнихъ бывшихъ въ ихъ селѣ поджогахъ. Во всемъ этомъ онъ сознается и теперь.—Относительно перваго поджога (11 августа), Иванъ Зубковъ показалъ, что не знаетъ какого мѣсяца и дня, онъ игралъ на своемъ дворѣ съ меньшимъ братомъ Афанасіемъ и сестрою Агафьею, отца же ихъ Фрола и матери Дарьи дома не было. Войдя къ себѣ въ избу и взявъ изъ горнушки уголь съ огнемъ голыми руками, онъ понесъ его подъ полою кафтана; подойдя къ углу конюшни крестьянина Степана Малафѣева, живущаго чрезъ одинъ домъ отъ нихъ, онъ положилъ тотъ уголь въ бывшую у угла конюшни кострицу, а самъ отошелъ; вдругъ вспыхнуло пламя, и онъ закричалъ бывшей на дворѣ женѣ Малафѣева, Авдотьѣ, которая тутъ же залила огонь водою изъ ведра.—На другой день 12 августа около полудня онъ оставшись въ домѣ съ братомъ Афанасіемъ и сестрою Агафьею, вновь вынулъ изъ горнушки горящій уголь и, спрятавъ его подъ полу, пошелъ на зады крестьянина Емельяна Малафѣева и бросилъ тотъ уголь въ мякину, которая была навалена на задахъ двора возлѣ плетневой свинницы, отчего и сгорѣлъ домъ Малафѣева. — Въ третій разъ, недѣлю спустя, 19 августа, также въ полдень, оставшись дома съ братомъ и сестрою, онъ вздумалъ сдѣлать поджогъ, для чего взявши изъ горнушки уголь съ огнемъ, онъ пошелъ и сунулъ его подъ крышу сарая крестьянина Гаврила Дудина, живущаго чрезъ два двора отъ нихъ, а самъ убѣжалъ домой; какъ потушили пожаръ, онъ уже не видалъ.—Въ четвертый разъ 22 августа (также въ полдень), въ то время, когда отца и матери дома не было, онъ взялъ уголь съ огнемъ изъ горнушки, чрезъ проулокъ подошелъ къ сараю крестьянина Кондратья Левенкова, съиспода сунулъ уголь подъ крышу сарая, а самъ отошелъ; когда пламя вспыхнуло, и прибѣжалъ крестьянинъ Емельянъ Малафѣевъ, то онъ,

Зубковъ, закричалъ «горимъ». Затѣмъ собрался народъ, и пожаръ потушили.—Въ пятый разъ (9 сентября), также около полудня когда отца и матери дома не было, онъ взялъ изъ горнушки съ огнемъ уголь и пошелъ къ дому сосѣда Ивана Парфенова; вошедши въ сѣни, онъ положилъ уголь подъ крышу къ соломѣ, а самъ убѣжалъ; въ это время въ избѣ Парфенова были маленькія дѣти; когда пламя вспыхнуло поверху крыши, то онъ закричалъ: «горимъ» и дѣти изъ избы выбѣжали.—Въ шестой разъ (20 сентября), онъ вновь оставшись дома съ сестрою и братомъ, взялъ уголь съ огнемъ изъ горнушки, также около полудня пошелъ на зады дворовъ и, подойдя къ сѣнницѣ крестьянина Кондратья Левенкова, сунулъ уголь подъ крышу въ солому. Когда во всѣ вышеозначенные дни онъ бралъ изъ горнушки уголья, то хотя братъ его Афанасій и сестра Агафья и были дома, но они этого не видали, и онъ всегда дѣлалъ это отъ нихъ потихоньку; отецъ же и мать его въ это время дома не бывали. О сдѣланныхъ имъ поджогахъ онъ никому не сказывалъ, подучаемъ къ тому никѣмъ не былъ и съ нимъ никто въ этомъ не участвовалъ. Когда онъ сталъ поджигать, то какъ въ первый разъ, такъ и послѣ, ничего не думалъ, *а только хотѣлось ему посмотрѣть, какъ горитъ, какъ народъ бѣгаетъ и звонятъ въ колокола*, но что за это будутъ его наказывать, онъ также не думалъ и не зналъ. Къ сему Иванъ Зубковъ добавилъ, что когда былъ на допросахъ о поджогахъ у крестьянъ: Емельяна Степанова, Гаврила Иванова и Кондратья Михайлова, то не разсказалъ объ этомъ, потому что не былъ пойманъ, какъ въ послѣдній разъ.

Отецъ и мать Ивана Зубкова показали, что во всѣ пожары, бывшіе въ ихъ селѣ, они постоянно дома не были; Иванъ оставался всегда дома; какъ дѣлалъ Иванъ поджоги, они совершенно не знаютъ.

На повальномъ обыскѣ крестьяне села Сурскаго-Майдана (12 человѣкъ) отозвались, что Иванъ Зубковъ, а равно отецъ и мать его поведенія хорошаго.

Симбирская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, опредѣлила (въ январѣ 1862 г.): удѣльнаго крестьянина села Сурскаго-Майдана Ивана Зубкова (14 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ) за произведеніе имъ поджоговъ въ селѣ Сурскомъ-Майданѣ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, наказать при полиціи

розгами чрезъ ея нижнихъ служителей шестидесятью ударами безъ наложенія клеймъ и потомъ сослать въ работу въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ.—Но принимая во вниманіе: а) что переходъ подсудимаго Зубкова отъ малолѣтства къ несовершеннолѣтію такъ коротокъ, что онъ не могъ въ это время развиться морально на столько, чтобы составить болѣе ясное и опредѣленное понятіе о своихъ обязанностяхъ, какъ члена общества, а понятія этого онъ, какъ видно изъ его показанія, вовсе не имѣлъ, потому что не зналъ даже, что за поджоги онъ долженъ подвергнуться наказанію; б) что Зубковъ, при совершеніи поджоговъ не имѣлъ никакого злаго умысла сдѣлать одножителямъ своимъ вредъ и, какъ видно, не имѣлъ даже понятія о томъ, что онъ этими поджогами можетъ причинить вредъ не только сосѣдямъ, но и своимъ родителямъ, такъ какъ и ихъ домъ легко могъ сгорѣть, потому что онъ, Зубковъ, *поджигалъ* сосѣдніе дома, и в) что злобы и мести онъ ни къ кому изъ одножителей не имѣлъ, да и поводовъ къ тому изъ слѣдствія не видно, а главною побудительною причиною произведенія поджоговъ было, какъ чистосердечно показалъ Зубковъ, какое то непонятное внутреннее, можетъ быть даже болѣзненное настроеніе души, потому что ему нравилось и то, какъ горѣли зданія, и суетливость народа во время пожаровъ и звонъ колоколовъ. Принимая все это во вниманіе, палата, не смотря на те, что Зубковъ производилъ поджоги тайно, и никому объ нихъ не говорилъ, что нѣкоторымъ образомъ обличаетъ въ немъ разумѣніе, пришла къ убѣжденію, что подсудимый Зубковъ и *по достиженіи* 14 лѣтняго возраста не имѣлъ еще полнаго разумѣнія, какъ о самомъ себѣ и своихъ обязанностяхъ, такъ и объ отношеніяхъ своихъ къ остальнымъ членамъ общества, окружающимъ его. Убѣжденіе это, по мнѣнію палаты, тѣмъ болѣе принимаетъ характеръ правдоподобія, что и наука и опытъ подтверждаютъ, что не всѣ люди развиваются морально въ равной степени какъ по природѣ своей, такъ и по окружающимъ ихъ обстоятельствамъ: одинъ и въ 15 лѣтъ совершенно дитя, а другой и въ 12 лѣтъ разсудителенъ какъ взрослый. А потому палата нашла справедливымъ, на основаніи 167 ст. улож., ходатайствовать у высшаго начальства о смягченіи наказанія подсудимому Зубкову за учиненныя имъ преступленія; причемъ палата полагала

достаточнымъ назначить Зубкову наказаніе по 1 пунк. 150 ст. уложен., т. е. сослать его въ Сибирь на поселеніе безъ тѣлеснаго наказанія, такъ-какъ оставленіе его въ жительствѣ, по упомянутому настроенію его души было бы опасно для его одножителей *).

Начальникъ симбирской губерніи нашелъ, что крестьянскій мальчикъ Зубковъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ сдѣлалъ 7 поджоговъ, имѣя во время совершенія первыхъ менѣе 14 лѣтъ отъ роду, и безъ всякой причины, которою можно бы было объяснить это преступленіе: ни вражда, ни корыстные виды не побуждали его къ этому, напротивъ, по объясненію его, при совершеніи поджоговъ онъ ничего не думалъ, а только хотѣлось посмотрѣть, какъ горитъ, какъ народъ бѣгаетъ и звонятъ въ колокола, и что за это накажутъ его, онъ также не думалъ и не зналъ. Но при соображеніи предосторожностей, которыя онъ употреблялъ при поджогахъ, выбирая время, когда не было дома старшихъ, чтобы взять уголь и нести его подъ полою къ мѣсту поджога, нельзя полагать, чтобы онъ совершенно не сознавалъ непозволительности своихъ дѣйствій, а также и вреда, который онъ могъ причинить не только сосѣдямъ, строенія которыхъ онъ поджигалъ, но и своимъ семейнымъ. При недостаточно развитомъ въ Зубковѣ сознаніи своихъ дѣйствій, заслуживаетъ вниманія предположеніе палаты о болѣзненномъ настроеніи души подсудимаго, побуждавшемъ его къ совершенію поджоговъ и до того овладѣвшемъ имъ, что онъ не въ силахъ былъ преодолѣть своего къ тому влеченія. По симъ соображеніямъ, и дабы не подвергнуть взысканію подсудимаго, которому преступное его дѣяніе не должно быть вмѣнено въ вину по вѣроятному разстройству умственныхъ его способностей, начальникъ губерніи съ своей стороны нашелъ, что предварительно опредѣленія Зубкову мѣры наказанія, слѣдуетъ подвергнуть его медицинскому наблюденію и освидѣтельствованію установленнымъ порядкомъ въ состояніи умственныхъ способностей.— Такое мнѣніе свое, вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, начальникъ

*) Мы не можемъ не замѣтить, что это настроеніе Зубкова было бы и въ Сибири опасно для его одножителей, слѣдовательно это соображеніе не выдерживаетъ критики. *Пр. изд.*

губерніи представилъ (въ мартѣ 1862) на благоусмотрѣніе правительствующаго сената —По распоряженію сената.

Иванъ Зубковъ 26 января 1863 г. былъ помѣщенъ въ симбирскую александровскую больницу.—26 апрѣля того же года старшій врачъ больницы Глассонъ донесъ начальнику губерніи, что въ теченіи 3-хъ мѣсячнаго срока наблюденія надъ Зубковымъ, у послѣдняго не замѣчено никакихъ признаковъ разстройства умственныхъ способностей или какого нибудь болѣзненнаго состоянія. Онъ во все это время велъ себя въ больницѣ тихо, спокойно и былъ послушенъ; на всѣ предложенные ему вопросы, касающіеся его быта и посторонныхъ предметовъ, отвѣчаетъ бойко и совершенно удовлетворительно, такъ что при разговорѣ съ нимъ можно убѣдиться, что развитіе его умственныхъ способностей совершенно нормально и даже больше, нежели бы можно ожидать отъ мальчика его лѣтъ и его состоянія. *Только* при разговорахъ о поджогахъ, которые онъ совершилъ, онъ упорно отвѣчаетъ, что ничего не дѣлалъ или что ничего не помнитъ, что дѣлалъ. Въ письмѣ, которое онъ просилъ написать въ больницѣ къ своему отцу, онъ сообщалъ ему, что его водили для освидѣтельствованія въ губернское правленіе, гдѣ онъ тоже объявилъ, что не дѣлалъ никакихъ поджоговъ. Когда мальчикъ Зубковъ, вслѣдствіе словеснаго приказанія начальника губерніи, былъ переведенъ изъ арестантскаго отдѣленія въ общее, то сначала не былъ доволенъ этимъ переводомъ и на вопросъ, развѣ ему тутъ не лучше? отвѣчалъ, что ему и въ арестантскомъ отдѣленіи было хорошо, что онъ тамъ былъ вмѣстѣ съ *своими* хорошими людьми. Изъ всего 3-хъ мѣсячнаго наблюденія надъ Зубковымъ онъ старшій врачъ выводитъ заключеніе, что развитіе умственныхъ способностей Зубкова совершенно нормально, что онъ не одержимъ никакимъ болѣзненнымъ состояніемъ и что теперешнее упорное отрекательство въ произведенныхъ имъ поджогахъ—притворное.

28 іюня 1863 г. Иванъ Зубковъ былъ *освидѣтельствованъ* въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи симбирскаго губернскаго правленія. На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы Зубковъ отвѣчалъ: *Вопр.* Кто ты такой, сколько тебѣ лѣтъ, есть ли у тебя родные, и кто именно? *Отв.* Иванъ Фроловъ Зубковъ, 14 лѣтъ;

есть родные отецъ, мать, тетка,—братья и сестры есть. *Вопр.* Гдѣ ты живешь и чѣмъ ты занимался дома? *Отв.* Въ Сурскомъ-Майданѣ; въ лѣсъ ѣздилъ съ отцемъ. *Вопр.* Здоровъ ли ты и не былъ ли прежде боленъ? *Отв.* Здоровъ и ничего не было со мной. *Вопр.* Зачѣмъ ты дѣлалъ поджогъ? *Отв.* Я ничего не дѣлалъ, все напрасно вовсе. *Вопр.* Сколько лѣтъ ты сидишь въ тюремномъ замкѣ? *Отв.* Третій годъ. *Вопр.* Кто же на тебя напрасно сказалъ? *Отв.* Женщина наша Шаберка. *Вопр.* Ты самъ прежде сознавался въ поджогахъ? *Отв.* Нѣтъ, я ничего не сознавался. *Вопр.* Ты откуда теперь пришелъ? *Отв.* Изъ александровской больницы.

Засимъ въ актѣ освидѣтельствованія Зубкова 28 іюня изложено, что на предложенные вопросы Зубковъ отвѣчалъ вполнѣ удовлетворительно, обнаруживая память и сознаніе о предметахъ; посему общее присутствіе, основываясь на найденномъ при свидѣтельствѣ и наблюденіи въ больницѣ, находя, что у Ивана Зубкова умственныя способности развиты сообразно его возрасту, находятся въ нормальномъ состояніи и онъ не одержимъ никакими нервными болѣзнями (снохожденіемъ, падучей болѣзнью и т. п.) заключило: освободить Зубкова изъ больницы и препроводить его въ тюремный замокъ.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашелъ, что хотя отсутствіе поводовъ къ совершенію Зубковымъ поджоговъ, собственное сознаніе его, что онъ дѣлалъ ихъ для того только, чтобы посмотрѣть, какъ будетъ горѣть, какъ станетъ бѣгать народъ и зазвонятъ въ колокола, и наконецъ, возрастъ подсудимаго, наиболѣе какъ извѣстно предрасполагающій къ развитію болѣзненнаго вліянія къ поджогамъ, называемаго пироманіей,—и даютъ нѣкоторое основаніе къ предположенію, что поджоги совершены Зубковымъ подъ вліяніемъ болѣзненнаго настроенія въ состояніи не вполнѣ свободной воли; но какъ результаты слѣдствія, а равно врачебнаго наблюденія и освидѣтельствованія, не представляютъ данныхъ о ненормальномъ состояніи организма Зубкова во время поджоговъ, то и невозможно утверждать вышеизложенное предположеніе. Слѣдуетъ однако замѣтить, что если организмъ Зубкова во время совершенія поджоговъ и былъ въ болѣзненномъ состояніи, то признаки онаго легко могли исчезнуть въ продолженіи одного

года и трехъ мѣсяцевъ, прошедшихъ со времени поджоговъ до врачебнаго надъ Зубковымъ наблюденія.

О поджогахъ, учиненныхъ крестьянкою Меланьею Гладуновою.

Въ селеніи Татариновкѣ (житомірскаго уѣзда) съ ноября мѣсяца 1863 г. по 16 августа 1864 г. произошло 12-ть пожаровъ. Всѣ эти пожары начинались ночью, съ холодныхъ строеній, вскорѣ бывали прекращаемы, и причиняли лишь незначительные убытки. Самый большой убытокъ, нанесенный пожаромъ, начавшимся съ помѣщичьей кладовой, простирался до 30 руб. 11-й и 12-й пожары произошли ночью на 16 августа 1864 г. причемъ была задержана по подозрѣнію въ поджогѣ крестьянка Меланья Гладунова, которая сперва запиралась въ поджогахъ, но на другой день на спросъ старосты и мѣстнаго священника сознаúлась, что пожары, за исключеніемъ бывшаго въ помѣщичьей кладовой, произошли отъ сдѣланныхъ ею поджоговъ.

Вечеромъ 25 сентября 1864 г. въ селѣ Татариновкѣ произошелъ пожаръ въ домѣ крестьянина Венгера, отъ коего сгорѣлъ означенный домъ съ надворнымъ строеніемъ. — Крестьянинъ Венгеръ и понятые отозвались, что хотя Гладунова въ ночь послѣдняго поджога и содержалась подъ арестомъ, а потому и не могла сдѣлать его, но по ихъ мнѣнію она должна знать о поджигателѣ.

На спросъ становаго пристава (26 сенября) и судебнаго слѣдователя (7 октября 1864 г.) Меланья *Гладунова* (33 лѣтъ) показала, что года четыре тому назадъ у ней съ мужемъ сгорѣла хата, послѣ чего она какъ то нравственно занемогла: болѣзнь ея заключалась въ желаніи что нибудь подпалить; такъ, когда она ляжетъ спать, то ночью чувствуетъ потребность сдѣлать это преступленіе, и она обыкновенно вставала, брала огонь и шла куда нибудь сдѣлать поджогъ; но какъ она все таки чувствовала, что идетъ на преступленіе, то и старалась зажечь что нибудь мало или ничего не стоющее, потому что все это она дѣлала по какому то внутреннему побужденію, а отнюдь не по

желанію сдѣлать кому либо вредъ или убытокъ. Такимъ образомъ она учинила слѣдующіе поджоги: 1) въ началѣ филипова поста 1863 г., ночью пробудившись отъ сна, она взяла изъ печки огонь и, не бывши никѣмъ замѣчена, подошла къ строенію Юрчика и подложила огонь, отчего и сгорѣлъ маленькій сарайчикъ; 2) послѣ рождества Христова 1864 г. она, подобно первому поджогу, подожгла гумно крестьянки Марины Головачевой; въ 3-й разъ она вложила огонь въ сарай крестьянина Сальчика; 4) въ великій постъ она подложила огонь въ крышу скотнаго сарая двоюроднаго брата ея крестьянина Тодуна; 5) въ великій же постъ ночью, она вложила огонь въ кучу соломы вблизи гумна старосты Безема; этотъ пожаръ не принесъ вреда, такъ какъ сгорѣла одна только солома; 6-й пожаръ тоже въ великій постъ: она вложила огонь въ кучу травы, находившуюся около тогоже гумна, но вреда отъ этого пожара никакого не было, и она сама же его тушила вмѣстѣ съ сбѣжавшимся народомъ; 7-й послѣ свѣтлаго воскресенья: она, придя на гумно крестьянина Ивана Юрчика, взяла пять споповъ соломы, которые и вынесла подъ стѣны гумна, а потомъ зажгла ихъ; 8-й пожаръ въ день праздника св. Петра: ночью она вложила огонь въ крышу сарайчика, построеннаго надъ погребомъ, принадлежащимъ крестьянину Николаю Журбѣ; 9-й: она встала поздно ночью 9-го августа, взяла огонь и отправилась на гумно старосты Безема и, вытащивъ изъ крыши сарая солому, подожгла ее и положила недалеко отъ сараевъ, но отъ этого пожара вреда никакого не произошло; 10 и 11-й пожары произведены ею ночью съ 15-го на 16 августа сего года; она подошла къ сараю старосты Безема и, вытащивъ изъ крыши нѣсколько соломы, положила ее шагахъ въ пяти отъ строенія и затѣмъ зажгла; послѣ сего подойдя къ строеніямъ вдовы Варвары Меркуловой, она сдѣлала тоже самое; затѣмъ она пошла было домой, но воротилась, чтобы посмотрѣть, какъ горитъ солома; когда же она подошла ближе, то, вѣроятно, разбудила спавшихъ тутъ двухъ караульныхъ, которые проснувшись догнали ее; но въ то время она ни въ чемъ не созналась и лишь на другой день передъ священникомъ Майборода повинилась въ своихъ преступленіяхъ. Помѣщичью кладовую она не поджигала; во время пожара въ домѣ Венгера она содержалась въ становой квартирѣ. О томъ, что она дѣлала поджоги, никто изъ

постороннихъ, а также и мужъ ея, не знали, такъ какъ она отъ всѣхъ это скрывала.

Мужъ Меланьи, Сидоръ Гладуновъ показалъ, что Меланья всегда казалась ему здоровою; почти всѣ поджоги были сдѣланы ею въ то время, когда его не было дома, а потому онъ ничего объ этомъ и не знаетъ. Показаніе свое Сидоръ Гладуновъ заключилъ тѣмъ, что жена его арестована за такое ужасное преступленіе, что «онъ отворачивается отъ нея» и не находитъ возможнымъ содержать ее у себя въ домѣ изъ боязни, чтобы она не сдѣлала въ другой разъ такого же преступленія.

Священникъ селенія Татариновки, Майборода, отозвался, что Меланья Гладунова, сознаваясь ему въ поджогахъ, разсказала, что съ тѣхъ поръ какъ у нея сгорѣла собственная хата, она «терпитъ» шумъ въ головѣ, слабость и вялость во всемъ тѣлѣ до того, что иногда, не смотря на хозяйственные труды, должна лечь; иногда она говорила объ этомъ мужу, но болѣе умалчивала, чтобы не казаться предъ нимъ лѣнивою хозяйкою. Со временемъ при этой слабости на нее напала какая-то невыносимая тоска, которую она ничѣмъ не могла прогнать; въ эти то минуты приходило ей на мысль, что если она подпалитъ что нибудь, то отъ этого ей станетъ легче. Она такъ и дѣлала. Но послѣ поджога ее начинала мучить совѣсть, и она сама носила воду на пожаръ и сильно раскаявалась, но сознаться въ поджогѣ боялась, зная, что это большое преступленіе. Поджигала она не изъ зависти или гнѣва, но и не безъ сознанія, какъ будто-бы какая-то сила тащила ее съ полу и говорила: «иди, подожги и тѣмъ будетъ легче». Къ сему священникъ добавилъ, что какъ духовникъ Гладуновой, онъ видѣлъ чистосердечное ея раскаяніе, и что все вышеизложенное онъ написалъ съ ея словъ.

На повальномъ обыскѣ крестьяне села Татариновки отозвались, что поведеніе Меланьи Гладуновой до учиненныхъ ею поджоговъ было порядочное, мужъ ея человѣкъ очень хорошій. Показаніе свое обыскные люди заключили тѣмъ, что они не желаютъ, чтобы Меланья находилась въ ихъ селѣ, ибо они и такъ изъ за нея цѣлый годъ были въ тревожномъ состояніи.

7-го октября 1864 г. Меланья Гладунова по требованію судебнаго слѣдователя была *освидѣтельствована* членами врачебнаго отдѣленія волынскаго губернскаго управленія, причемъ,

какъ видно изъ акта, оказалось: Гладунова около 32 лѣтъ, тѣлосложеніе ея крѣпкое; по разсказу ея, она родила четверыхъ дѣтей, роды были правильные; послѣднее мѣсячное очищеніе было въ исходѣ іюня 1864 г. При освидѣтельствованіи найдено, что Гладунова *беременна* три мѣсяца. Члены временнаго отдѣленія, имѣя въ виду, что лица, сдѣлавшія въ умопомѣшательствѣ поджогъ, должны быть прежде освидѣтельствованія испытаны въ умственныхъ способностяхъ, нашли невозможнымъ впредь до такого испытанія сдѣлать положительное заключеніе объ умственномъ состояніи Гладуновой.

11-го января 1865 г. Меланья Гладунова была снова освидѣтельствована въ общемъ присутствіи волынскаго губернскаго правленія, причемъ оказалось: ростъ ея болѣе нежели средній, тѣлосложеніе крѣпкое. На предложенные нижеслѣдующіе вопросы она отвѣчала: *Вопр.* Какъ твое имя, отчество и фамилія? *Отв.* Меланья Иванова Гладунова. *Вопр.* Сколько тѣбѣ отъ роду лѣтъ? *Отв.* 33-й. *Вопр.* Какой ты губерніи и уѣзда? *Отв.* Я не знаю какой губерніи, не знаю какого уѣзда; кодненскаго стану, изъ деревни Татаровки. *Вопр.* Есть ли у тебя семейство? *Отв.* Двое дѣтей, да мужъ. Ни отца ни матери нѣтъ. *Вопр.* Имѣешь какое либо состояніе? *Отв.* Имѣемъ хату, землю и немного скота — все это моего мужа. *Вопр.* Долго ли ты жила въ деревнѣ Татаровкѣ? *Отв.* Съ дѣтства и по сіе время. *Вопр* Давно ты прибыла въ Житоміръ? *Отв.* 3-й мѣсяцъ послѣ покрова. *Вопр.* Зачѣмъ тебя сюда привезли? *Отв.* Загорѣлась солома на улицѣ. Послѣ того я шла за мужемъ, который былъ на крестинахъ; меня тогда поймали на улицѣ, говоря, что это я солому подожгла, и какъ въ прежнее время загорѣлись было погребчики и хлѣвокъ, то они сказали, что и прежде я подожгла; я сказала, что не я поджигала, а они сказали — признайся, то мы тебя пустимъ; мнѣ жаль было оставлять дѣтей и чтобы только отъ нихъ отвязаться, я сказала — пусть будетъ такъ, что это я сдѣлала, только чтобы остаться при дѣтяхъ. Между тѣмъ меня взяли въ станъ въ Кодню, что 8 верстъ отъ Татаровки, и сижу тамъ въ стану и плачу, а вышелъ одинъ мужикъ на дворъ и говоритъ: въ Татаровкѣ пожаръ; хорошо, что я была въ стану, а то сказали бы, что я это сдѣлала; потомъ говорили, что это мой мужъ, — а хата моего мужа отъ мѣста пожара отстоитъ

добрыхъ 2 версты. *Вопр.* Здорова ли ты? *Отв.* Я была всегда здорова, только послѣ родовъ немного переболѣла.

Засимъ въ актѣ освидѣтельствованія изложено, что изъ отвѣтовъ Гладуновой и изъ продолжительнаго съ нею разговора не замѣтно, чтобы она страдала разстройствомъ умственныхъ способностей; къ тому же и врачъ, наблюдавшій ее два мѣсяца въ житомірской тюремной больницѣ, доноситъ губернскому управленію, что онъ въ духовной сферѣ Гладуновой не замѣтилъ отступленія отъ нормы. Крестьянка Гладунова находится во второй половинѣ беременности. Посему члены врачебнаго отдѣленія, сообразивъ вышесказанное, признали Гладунову въ настоящее время умственно и физически здоровою. Что же касается того обстоятельства, имѣетъ ли вліяніе беременность на духовную сторону женщинъ, то въ наукѣ извѣстны случаи, что у забеременѣвшихъ женщинъ являются разныя странныя *прихоти*, пожеланія и даже самыя дѣйствія ихъ не всегда бываютъ сообразны съ здравымъ разсудкомъ. Общее присутствіе опредѣлило: сообщить такое заключеніе членовъ врачебнаго отдѣленія житомірскому уѣздному суду.

Волынская палата уголовнаго суда, признавая Гладунову виновною въ неоднократномъ умышленномъ поджогѣ села Татариновки, нашла, что подсудимую слѣдуетъ: по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ отдаленныя мѣста Сибири. — Но засимъ принявъ во вниманіе, что Гладунова сдѣлала означенные поджоги по внутреннему какому то побужденію, въ болѣзненномъ состояніи, о чемъ чистосердечно созналась предъ духовникомъ своимъ, палата уголовнаго суда положила: не приводя вышеизложеннаго опредѣленія своего въ исполненіе, представить настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что хотя нѣкоторыя данныя этого дѣла, именно: многочисленность произведенныхъ Меланьей Гладуновой поджоговъ, отсутствіе поводовъ къ совершенію Гладуновою этихъ преступленій и избраніе ею для поджоговъ строеній малоцѣнныхъ, а также показаніе Гладуновой, что у ней, вслѣдствіе бывшаго года за 4 пожара, стали появляться шумъ въ головѣ, слабость въ тѣлѣ, тоска и притомъ (преимущественно въ ночное время) непреодолимое побужденіе къ

поджогамъ, — и допускаютъ возможность предполагать, что поджоги были сдѣланы Гладуновою въ припадкахъ ненормальнаго, болѣзненнаго душевнаго состоянія, но ни эти данныя, ни имѣющіяся въ дѣлѣ свѣдѣнія о результатахъ врачебныхъ освидѣтельствованій и больничнаго испытанія Гладуновой недостаточны для положительнаго заключенія по вопросу о состояніи умственныхъ способностей подсудимой во время поджоговъ. Что же касается до состоянія беременности, которое оказалось при освидѣтельствованіи Гладуновой 7 октября 1864 г., то признавая основательнымъ мнѣніе членовъ врачебнаго отдѣленія волынскаго губернскаго правленія, что у беременныхъ женщинъ являются разныя странныя прихоти, пожеланія и несообразныя съ здравымъ разсудкомъ дѣйствія, медицинскій совѣтъ счелъ нужнымъ замѣтить, что въ настоящемъ случаѣ беременное состояніе Гладуновой совпадаетъ только съ послѣдними четырьмя поджогами (съ іюня мѣсяца), а не съ предыдущими. Вообще для болѣе положительнаго разрѣшенія вопроса о состояніи умственныхъ способностей Гладуновой во время поджоговъ, по мнѣнію совѣта, слѣдовало бы: во 1-хъ, собрать подробныя и точныя свѣдѣнія о характерѣ, наклонностяхъ и вообще о жизни Гладуновой задолго до совершенія ею преступленій, преимущественно же въ періодѣ половаго развитія, т. е. около времени появленія первыхъ мѣсячныхъ очищеній, а также въ беременномъ и послѣродовомъ состояніи; во 2-хъ, отобрать отъ лицъ, знавшихъ ее, показанія о томъ, не замѣтили ли они въ ней какихъ либо особенныхъ перемѣнъ въ то время, когда она производила поджоги, т. е. съ ноября 1863 г. до половины августа 1864 г., и въ 3-хъ, подвергнуть Гладунову болѣе продолжительному, тщательному испытанію въ больницѣ, подъ наблюденіемъ спеціально занимавшагося психіатріею врача, избраніе котораго предоставить мѣстной врачебной управѣ.

О поджогѣ крестьянкою Настасьею Самсоновою дома ея мужа.

31 мая 1864 г., въ деревнѣ Конюшевской (сольвычегодскаго уѣзда, вологодской губерніи) въ домѣ крестьянина Егора Самсо-

нова произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣли какъ этотъ домъ, такъ и сосѣдній съ нимъ—крестьянина Клочихина.

При полицейскомъ дознаніи Егоръ Самсоновъ изъявилъ подозрѣніе, что пожаръ произошелъ отъ поджога женою его, Настасьей Самсоновой. Но послѣдняя, не сознаваясь въ этомъ, утверждала напротивъ, что пожаръ произошелъ оттого, что мужъ ея заронилъ огонь изъ трубки, которую курилъ въ устроенной на повѣти соломенной конурѣ.

На спросъ судебнаго слѣдователя *Егоръ Самсоновъ* (24 лѣтъ) показалъ, что на Настасьѣ онъ женился въ февралѣ 1864 г. Еще до замужества Настасья принесла ребенка, но онъ, Егоръ, все таки женился на ней въ надеждѣ, что она оставитъ дурачество. Во все время сожитія съ Настасьей, онъ, Егоръ, никогда не сказалъ ей дурнаго слова, и она ему никакой непріятности не показывала, а между тѣмъ его не любила, что видно было изъ слѣдующихъ ея поступковъ: въ среду или четвергъ на пасхѣ, послѣ того какъ онъ поѣлъ каши изъ ячной муки съ молокомъ, у него сдѣлались рвота и поносъ, и онъ полагаетъ, что это произошло оттого, что жена его что нибудь положила въ кашу. Въ воскресенье или понедѣльникъ на ѳоминой недѣлѣ послѣ обѣда онъ легъ отдохнуть на постели, подъ которою находилась солома, и эту солому подожгла подъ нимъ жена его, причемъ онъ немного обжогъ бокъ; Настасья говорила однако тогда, что она не съ намѣреніемъ подожгла, а нечаянно. Послѣ ѳоминой, Настасья ушла изъ дому къ отцу своему въ деревню Новоселову и, переночевавъ у него, ушла неизвѣстно куда, а черезъ нѣсколько дней была прислана изъ г. Сольвычегодска чрезъ полицію. Чрезъ недѣлю послѣ того (28 мая), она опять ушла изъ дому въ лѣсъ, но была имъ настигнута, причемъ онъ не бранилъ и не билъ ея. Въ воскресенье (31 мая), пообѣдавши, онъ легъ спать въ конурѣ, устроенной на повѣтѣ хлѣва изъ досокъ и соломы; жена его, Настасья, оставалась въ избѣ, прочихъ же семейныхъ никого дома не было. Долго ли онъ спалъ—не знаетъ, но вдругъ почувствовалъ, что его что-то обожгло; выскочивъ изъ конуры, онъ увидѣлъ, что жена его бѣжитъ съ хлѣва внизъ; поймавъ жену за дворомъ, онъ спрашивалъ ее, зачѣмъ она подож-

гла, но Настасья ничего ему не отвѣтила. Показаніе свое Егоръ Самсоновъ заключилъ тѣмъ, что Настасья выходила за него замужъ по своей волѣ, и онъ не слышалъ, чтобы ее кто либо къ тому принуждалъ; съ своей стороны онъ ей никогда не сказалъ грубаго слова и не знаетъ, отчего она говорила волостному головѣ, что онъ, Егоръ, противенъ ей хуже лютаго звѣря. Что касается до обвиненія жены въ томъ, что онъ заронилъ огонь изъ трубки, то Егоръ отозвался, что онъ съ тѣхъ поръ какъ женился, пересталъ курить и трубки у себя не держитъ.

На допросѣ 6 іюля 1864 г. *Настасья Самсонова* (18½ лѣтъ) показала, что въ одно время за нее сватались три жениха; за одного изъ нихъ она хотѣла выдти, но родство тому попрепятствовало; за Егора Самсонова ей не хотѣлось идти; она знала, что онъ бѣденъ, и что у него бываетъ недостатокъ въ хлѣбѣ, но отецъ силой отдалъ ее, сказавъ, что если она отъ вѣнца уйдетъ, то чтобы и домой не показывалась; сперва она жила съ мужемъ хорошо, хотя было черезъ-чуръ мало соли, на пасху же не стало и хлѣба; у отца своего она жила хорошо; а вышедши замужъ, стала терпѣть недостатокъ въ хлѣбѣ и соли, такъ что если хлѣба немного и было, то оный пекся безъ соли; станешь ѣсть—въ горло не идетъ; изъ горячаго ничего не приходилось варить; вслѣдствіе этого ее взяла страшная тоска; опротивѣли ей домъ, въ которомъ она жила—и вся деревня; было страшно тоскливо, а потому о пасхѣ она стала почаще ходить къ отцу, отчасти чтобъ повидаться и чтобъ рыбы половить. Въ одно воскресенье послѣ ѳоминой недѣли она отправилась къ отцу, ночевала тамъ и на другой день послѣ обѣда отправилась къ себѣ домой, но вмѣсто того, чтобъ придти къ мужу, она пришла въ деревню Княжицу, гдѣ и ночевала у одного крестьянина и сказывала, что шедши домой, сбилась съ дороги. Утромъ она пошла изъ деревни Княжицы домой, но не знаетъ, какъ опять ошиблась и обратилась назадъ (къ городу); съ версту отъ деревни Княжицы, на берегу, два молодыхъ парня, стоявшіе въ лодкѣ у берега, спросили ее: куда она идетъ? Она имъ отвѣтила, что заблудилась и что ей нужно вверхъ по рѣкѣ; они разсмѣялись и сказали ей, что свезутъ ее, но когда она сѣла въ лодку, то они поѣхали внизъ по рѣкѣ; дѣлать было нечего—не выскакивать же изъ лодки въ воду; высадили они ее на берегъ подъ городомъ Сольвычегодскомъ,

откуда она и была переслана къ мужу. 28 мая она пошла изъ дому посмотрѣть полянки мужа и когда подошла къ лѣсу, то откуда не взялся мужъ, поймалъ ее и побилъ, прежде же этого онъ никогда ее не билъ.—О происшедшемъ 31 мая пожарѣ Настасья Самсонова какъ и при прежнихъ допросахъ отозвалась, что онъ вѣроятно произошелъ отъ зароненія огня мужемъ. При передопросѣ 8 іюля, Настасья Самсонова созналась въ поджогѣ дома мужа, причемъ объявила, что ей была въ тягость жизнь у мужа; минутами она становилась безъ разума, находила тоска; думала какъ жить станетъ: хлѣба нѣтъ, соли нѣтъ, ничего нѣтъ; мужъ ей былъ противенъ, но не знаетъ изъ за чего, можетъ изъ за того, что хлѣба у него не было; впрочемъ въ головѣ у ней не было, чтобы себя или мужа истребить. Въ воскресенье (31 мая) пообѣдавъ съ мужемъ, она ушла на повѣть хлѣва въ конуру и легла спать; вскорѣ пришелъ мужъ; уснувъ немного, *она проснулась*, на нее опять нашла тоска; какъ безумная, она вспомнила, что въ троеклинкѣ у ей есть спички, купленныя ею еще на второй недѣлѣ великаго поста, для того чтобъ огонь добывать, когда понадобится; троеклинка лежала у ней подъ головами; доставъ спички, шаркнула ими объ стѣну; когда онѣ загорѣлись, бросила ихъ на солому и, выбѣжавъ на улицу, вскричала, что горитъ, а сама безъ ума осталась; тутъ мужъ за ней выбѣжалъ, схватилъ и спросилъ, что она сдѣлала? На это она сказала ему: «пойдемъ, что нибудь вытащимъ, а то все сгоритъ». Мужа своего она ничѣмъ никогда не отравляла, въ кашу яду не клала; солома, бывшая подъ постелью мужа въ избѣ, подожжена была ею не *намѣренно*, а нечаянно.

Отецъ Настасьи, Порфирій Ватлинъ, отставной унтеръ-офицеръ, показалъ, что Настасья съ перваго раза не хотѣла идти за Егора Самсонова, потому что онъ бѣдно жилъ; большаго принужденія дочери съ его стороны не было, но онъ говорилъ ей, что онъ человѣкъ старый, скоро помретъ; матери, братьевъ и сестеръ у ней нѣтъ, такъ пусть лучше выходитъ за Егора Самсонова. Вслѣдствіе этого она и вышла за Егора. На мужа Настасья никогда не жаловалась, но ему извѣстно было, что иногда они по полсутокъ сидятъ, не ѣвши.

На повальномъ обыскѣ крестьяне деревень Конюшевской и Новоселой отозвались, что за Настасьей до замужества ея ничего

худаго, кромѣ того что она незаконно прижила ребенка, замѣчено не было; мужъ Настасьи, Егоръ Самсоновъ, очень бѣденъ; отецъ же ея живетъ хорошо.

Проживающая близь города Сольвычегодска солдатка Авдотья Субботина показала, что Настасья Самсонова, послѣ того какъ была высажена на берегъ изъ лодки, зашла къ ней, Субботиной, въ домъ, причемъ не сказавъ ни слова, сѣла на лавку и показалась ей какою-то дикою; на вопросъ, что ей нужно, Настасья ничего не сказала, встала и ушла.

Затѣмъ Настасья Самсонова была *освидѣтельствована* въ особомъ присутствіи вологодскаго губернскаго правленія 9 декабря 1864 г. Въ составленномъ о семъ актѣ изложено, что члены врачебной управы въ данномъ ими мнѣніи изъяснили, что Самсонова вошла въ присутствіе очень спокойно, въ ней не было замѣтно ни смущенія, ни замѣшательства; она малаго роста, 18 лѣтъ отъ роду, средняго тѣлосложенія, лице свѣжее, розовое, доказывающее совершенно удовлетворительное состояніе физическаго здоровья, устройство головы и форма черепа правильны; на предложенные ей вопросы она отвѣчала совершенно удовлетворительно; разсказала, что замужемъ 5-ть мѣсяцевъ, мужа своего очень любитъ, никогда въ семействѣ ихъ брани, ссоръ и непріятностей не было; замужъ вышла по своему желанію, зная своего мужа прежде, и съ его родными живетъ въ согласіи; въ настоящее время не беременна, совершенно здорова и никогда больна не бывала; на вопросъ: отчего же она подожгла домъ своего мужа, въ которомъ и сама жила? отвѣчала: «не знаю, не помню». На вопросъ: развѣ тебѣ не жалко своего, что сгорѣло? она отвѣтила: «очень жалко, тутъ сгорѣло все мое приданое, двадцать рублей денегъ и всѣ мои вещи». Когда ее спросили: зачѣмъ же она поджигала? повторила: «ничего не знаю, не помню»; при этомъ лице ея приняло плаксивое выраженіе и глаза то поднимались вверхъ, то устремлялись вдаль, какъ будто она хотѣла что-то вспомнить, сообразить; вообще взглядъ у нея странный, неестественный; а потому члены врачебной управы полагаютъ, что Настасью Самсонову нельзя судить какъ преступницу, умышленную поджигательницу; она, какъ видно изъ дѣла, проснувшись, въ своей соломой обложенной конурѣ, гдѣ она спала съ своимъ мужемъ, вынула сейчасъ изъ своего кармана спичку, шаркнула

объ стѣну и бросила ее въ солому,—что она могла сдѣлать въ просонкахъ, не опомнившись еще совершенно отъ сна, безсознательно,—какъ нерѣдко случается, что нѣкоторые люди, проснувшись послѣ тяжкаго сна, не сейчасъ умно соображаютъ окружающія ихъ обстоятельства и поступаютъ несообразно съ здравымъ смысломъ, пока не освѣжится и не прояснится совершенно ихъ пониманіе и соображеніе; это очень легко могло случиться и съ Самсоновой, 18-тилѣтней женщиной; далѣе изъ дѣла видно, что съ нею бывали случаи неправильнаго отправленія умственныхъ способностей и потому, быть можетъ, она подвержена періодическому умопомѣшательству (mania transitoria); во всякомъ случаѣ, тутъ нельзя предполагать умышленнаго преступленія, ибо если бы допустить, что Самсонова подожгла свой домъ нарочно, то зная теперь, какому наказанію подвергается за умышленный поджогъ, она въ настоящее время при освидѣтельствованіи старалась бы изъ чувства самосохраненія прикидываться сумасшедшею, расчитывая, что гораздо для нея лучше считаться больною, чѣмъ преступницею; между тѣмъ нисколько не притворяясь умопомѣшанною, чтобы этимъ избѣгнуть наказанія, она отвѣчала на всѣ вопросы очень правильно, только на вопросъ о поджогѣ повторила: «не знаю, не помню».—Соглашаясь съ изложеннымъ мнѣніемъ членовъ врачебной управы, особое присутствіе опредѣлило: предоставить губернскому правленію сдѣлать, согласно оказавшемуся по свидѣтельству, распоряженіе.

Вологодская палата уголовнаго суда, принимая во вниманіе: а) что преступленіе Настасьи Самсоновой, по мнѣнію членовъ врачебной управы, могло быть сдѣлано безсознательно, съ просонковъ, когда она не могла еще сообразить окружающихъ ее обстоятельствъ и что она можетъ быть подвержена періодическому умопомѣшательству, и б) что показаніе Самсоновой о томъ, что она по временамъ дѣлалась безъ разума, нѣкоторымъ образомъ по дѣлу подтверждается, опредѣлила: не вмѣняя Самсоновой въ вину содѣяннаго ею преступленія, заключить ее въ домъ умалишенныхъ съ тѣмъ, чтобы она не была освобождаема оттуда безъ разрѣшенія высшаго начальства; если же черезъ два года она будетъ признана здоровою и въ теченіи сего времени за нею не будетъ замѣчено припадковъ, тогда освободить ее отъ содержанія.

Разсмотрѣвъ вышеизложенныя обстоятельства, медицинскій совѣтъ нашелъ, что хотя въ дѣлѣ этомъ и есть нѣкоторыя данныя, по которымъ можно подозрѣвать, что во время совершенія преступленія Настасья Самсонова была не въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей; но для болѣе положительнаго по сему предмету заключенія данныя эти недостаточны, а для сего необходимо подвергнуть подсудимую обстоятельному врачебному испытанію въ больницѣ.

О казачкѣ Аннѣ Тренихиной, судимой за кражу и поджигательство.

3 іюля 1864 г., въ два часа по полудни, въ городѣ Оренбургѣ за деревянною лавочкою соляного ряда, принадлежащей крестьянкѣ Марьѣ Бабковой, по указанію неизвѣстнаго прохожаго была схвачена казачка, вдова Анна Тренихина, въ тотъ моментъ, когда она, сидя у сложенныхъ ею сухихъ листьевъ и пряди пеньковой кудели, зажигала фосфорную спичку.

По представленіи въ городскую часть, Тренихина объявила, что спичку она зажигала *для* того, чтобы закурить папиросу. Между тѣмъ папиросъ ни при самой Тренихиной, ни на томъ мѣстѣ, гдѣ она была схвачена, не оказалось.

При слѣдствіи *Тренихина* (32 лѣтъ) показала, что она въ Оренбургѣ не имѣла своей квартиры, а проживала кое у кого. Въ послѣднихъ числахъ іюня 1864 г. она стала пить вино больше чѣмъ прежде и не могла безъ него обойтись; до этого она могла работать и этимъ кормить себя, послѣ же этого дней съ десять ничего не дѣлала, ходила по кабакамъ, пила на деньги, которыя ей давали за услуги или же какъ милостыню. 1 іюля во время пожара, бывшаго въ г. Оренбургѣ въ старой слободкѣ, она была въ чернорѣченскомъ питейномъ домѣ, гдѣ сидѣла вмѣстѣ съ матерью цѣловальника и никуда не выходила; она была сильно выпивши и уснула за кабакомъ. На другой день утромъ она выпила шкаликъ, ничего не ѣвши и сейчасъ охмѣлѣла. Весь день она оставалась въ чернорѣченскомъ кабакѣ; ее посылали только разъ въ трактиръ за горячей водой; въ кабакъ входили многія лица и нѣкоторыя изъ нихъ, по обыкновенію, видя, что она тря-

сется всемъ тѣломъ отъ перепоя, подавала ей вина; ночевала она опять за кабакомъ. Оба эти дни она ходила въ рощу съ сол-датами, гуляла съ ними и къ 3 іюля накопила 30 коп. сер.—3 іюля она проснулась къ заутрени, еще не отрезвившеюся вошла въ чернорѣченскій кабакъ, выпила шкаликъ, и потомъ еще такой же подалъ ей хозяинъ, видя, что она вся трясется, потомъ еще вы-пила на 3 коп. сер.; съ утра, еще въ кабакѣ, пришло ей, пьяной, въ голову, чтобы поджечь гдѣ нибудь; не знаетъ почему такъ задумала, но ей казалось, что будетъ *веселѣе*, станутъ послѣ по-жара пить вино больше, чѣмъ прежде.—Засимъ Тренихина пока-зала совершенно другое, именно, что не 3 іюля, а послѣ пожара въ ночь на второе число, когда она пьяная проснулась и стала думать, отчего случился пожаръ, не подожгли *ли*, пришло ей въ голову поджечь мѣсто на задахъ соляныхъ лавочекъ, гдѣ она ночевала до пожара двѣ ночи. Ей пришло въ голову: давай по-дожгу; съ горя народъ кутить станетъ, и ей будутъ подавать вина, а если придется, то она подниметъ, что попадетъ подъ руку. 2 іюля весь день она крѣпилась, утромъ ходила въ лавоч-ку, хотѣла купить спичекъ, но не нашла; подъ вечеръ пришелъ въ кабакъ татарченокъ, и она купила у него спичекъ на одну копѣйку. Въ этотъ день въ кабакѣ народу было много и нѣко-торые гуляли съ горя. 3 іюля часу во второмъ она, пьяная, пошла прямо къ тому мѣсту, гдѣ послѣ была схвачена, и по дорогѣ подняла кусокъ кудели, полагая, что скорѣе загорится. Придя къ мучному амбару, она поскорѣе собрала березовыхъ листьевъ въ кучу, въ середину положила кудель и только стала зажигать спичку, какъ ее поймали и представили въ часть. При поджогѣ она торопилась потому, что хотя и трудно было увидать ее, такъ какъ мѣсто закрытое, но она боялась и къ тому же была вы-пивши.

Мѣщанинъ Алексѣй *Колесниковъ* показалъ, что когда была поймана Тренихина, то онъ помогалъ двумъ женщинамъ, подни-мавшимъ ее съ мѣста, и затѣмъ отводилъ Тренихину въ часть; чтобы она была пьяною, того сказать нельзя; говорила она и шла въ часть какъ слѣдуетъ. (Послѣднее обстоятельство подтвердилъ отводившій съ Колесниковымъ Тренихину въ часть мѣщанинъ Смолягинъ).

Содержатель черноръченскаго питейнаго дома и мать его отозвались, что Тренихина бывало въ ихъ питейномъ домѣ, какъ и нѣкоторыя другія развратныя женщины, которыя даже нерѣдко спали за кабакомъ на лугу, но Тренихина никогда въ кабакѣ не прислуживала, и вина ей не давали.

На повальномъ обыскѣ шесть казаковъ, знающихъ Тренихину, отозвались, что она поведенія развратнаго и постоянно пьянствуетъ.

Кромѣ сего изъ дѣла видно, что въ 1861 г. Тренихина была подъ слѣдствіемъ за кражу у казачки Прiѣзжевой вещей на 112 руб. 85 коп. и деньгами 4 руб. сер. По слѣдствію этому оказалось, что Тренихина, какъ сама показала, сперва пропила украденныя деньги, а затѣмъ стала закладывать украденныя вещи для покупки вина.

Оренбургская палата уголовнаго суда, признавая Тренихину виновною въ кражѣ у Прiѣзжевой вещей и денегъ и въ покушеніи на поджогъ, опредѣлила: Тренихину сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ.

Оренбургскій губернскій прокуроръ, не согласившись съ вышеизложеннымъ рѣшеніемъ палаты, подалъ протестъ, въ которомъ изъяснилъ, что въ настоящемъ дѣлѣ юридическихъ доказательствъ виновности Тренихиной было бы слишкомъ достаточно, чтобы присудить ей наказаніе въ той степени и мѣрѣ, какъ опредѣлила палата уголовнаго суда, если бы въ дѣло не вошли нѣкоторыя особыя обстоятельства, дающія поводъ сомнѣваться въ томъ, что во время совершенія преступленія Тренихина была въ нормальномъ состояніи вполнѣ здороваго человѣка и пользовалась всѣми способностями своего ума и свободной воли. Изъ показаній преступницы видно, что она до іюня мѣсяца 1864 г., хотя и пила вино, но довольно умѣренно; съ послѣднихъ же чиселъ іюня, по день совершенія ею преступленія, предалась запою въ такой степени, что дней 10 ничего не дѣлала, какъ только ходила по кабакамъ, покупая и выпрашивая водки, потому что безъ нея обойтись не могла; изрѣдка приходя въ сознаніе на нѣсколько мгновеній, она тряслась всѣмъ тѣломъ, такъ что своимъ болѣзненнымъ видомъ внушала постороннимъ сожалѣніе и, получивъ незначительную порцію вина, чтобы опохмѣлиться, вновь впадала въ состояніе полнаго охмѣлѣнія. Это показаніе не подтвер-

ждено слѣдствіемъ; напротивъ того, два свидѣтеля, отводившіе ее въ часть, говорятъ, что во время самаго поджога она была хотя и выпивши, но ходила твердо и говорила безъ затрудненія. Далѣе подсудимая говоритъ, что оба дня, предшествовавшіе поджогу, она гуляла въ рощѣ съ солдатами и, накопивши 80 к. с., пропила ихъ въ кабакѣ; какимъ ремесломъ она могла скопить эти деньги почти несомнѣнно, но ясно и опредѣлительно слѣдствіемъ не раскрыто. Есть только указанія на ея распутство въ показаніи купца, содержащаго питейный домъ, гдѣ она часто бывала и позади котораго ночевала на улицѣ. Изъ словъ этого купца видно, что многія распутныя женщины, посѣщавшія кабакъ, хотя и были выгоняемы какъ изъ кабака, такъ и ночью съ улицы, гдѣ онѣ за стѣною кабака располагались, какъ для ночлега, такъ часто и для распутства съ солдатами, но о томъ была ли замѣчена между ними подсудимая—неизвѣстно. Относительно причины, побудившей сдѣлать поджогъ, Тренихина высказала, что надѣялась быть угощаема виномъ, потому что послѣ поджога народъ болѣе пьетъ съ горя, и сверхъ того во время поджога расчитывала что либо украсть. Принимая во вниманіе: 1) что вслѣдствіе продолжительнаго, упорнаго пьянства, почти безъ перемежки, человѣкъ можетъ прійти въ состояніе чисто болѣзненное, во время котораго не обладаетъ ни ясными умственными способностями, ни полною свободою воли, губернскій прокуроръ считаетъ необходимымъ предложить врачебной управѣ вопросъ: была ли Тренихина во время совершенія ею преступленія вполнѣ здорова, разумѣется нравственно, дабы судить, могло ли быть ея преступленіе несомнѣнно вмѣнено ей въ вину. Если по обстоятельствамъ дѣла, уже раскрытымъ слѣдствіемъ, управа сочтетъ невозможнымъ дать положительный отвѣтъ, то не потребуется ли, по мнѣнію медиковъ, дополнить слѣдствіе опросомъ тѣхъ лицъ, которыя видѣли Тренихину во время запоя, въ моментъ совершенія преступленія и въ послѣдующее затѣмъ время, или не признаютъ ли медики необходимымъ освидѣтельствовать подсудимую, дабы ясно судить, въ какомъ положеніи она находится и не можетъ ли это освидѣтельствованіе послужить основаніемъ или пособіемъ къ выводу категорическаго и прямаго заключенія о состояніи ея душевныхъ способностей въ моментъ совершенія преступленія? 2) По правиламъ судебной

медицины, а также на основаніи примѣровъ юридической практики, нерѣдко между поджигателями встрѣчались лица женскаго пола, покушавшіяся на преступленія во время беременности, вслѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ, заключающихся въ непреодолимомъ желаніи сдѣлать поджогъ безъ особенной какой либо цѣли; лицамъ этимъ, съ весьма малыми исключеніями, преступленія ихъ не вмѣнялись въ вину. Такъ какъ съ одной стороны, есть въ дѣлѣ указаніе на распутную и развратную жизнь подсудимой, съ другой одна изъ причинъ, заставившихъ ее покуситься на поджогъ, кажется слишкомъ незначительною и темною, ибо трудно вѣрить, чтобы нравственно здоровый человѣкъ рѣшился сдѣлать поджогъ среди бѣлаго дня, подвергая себя опасности быть пойманнымъ и жестоко наказаннымъ,—потому только, что надѣется выпить даромъ нѣсколько шкаликовъ водки, или украсть, что попадется, конечно съ цѣлію пропить. Если даже и вѣрить этому показанію, то все таки оно скорѣе можетъ служить доказательствомъ послѣдней степени нравственнаго паденія человѣка, вслѣдствіе запоя, а можетъ быть и беременности, для чего также необходимо освидѣтельствовать подсудимую, чтобы убѣдиться, не была ли она беременна во время совершенія ею преступленія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, губернскій прокуроръ предлагалъ палатѣ: передать настоящее дѣло на предварительное заключеніе врачебной управы, послѣ чего, по его мнѣнію, палата вѣроятно нашла бы необходимымъ провѣрить показанія подсудимой и дополнить дѣло спросомъ ея въ присутствіи самой палаты.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что хотя въ дѣлѣ и нѣтъ данныхъ для заключенія, что Тренихина была одержима бѣлою горячкою (delirium tremens), но для удостовѣренія въ томъ, можно ли, основываясь на настоящемъ состояніи умственныхъ способностей ея, допустить, чтобы она во время попытки къ совершенію преступленія была въ безсознательномъ состояніи,—не излишне будетъ подвергнуть ее, согласно мнѣнію оренбургскаго губернскаго прокурора, освидѣтельствованію, а если представится надобность, то и больничному наблюденію въ отношеніи состоянія здоровья ея вообще и умственныхъ способностей въ особенности. Если же изъ этихъ данныхъ не окажется возможнымъ вывести точнаго заключенія о состояніи умственныхъ

способностей. Тревожной во время попытки къ совершенію преступленія, то къ разъясненію этого произвести болѣе подробное изслѣдованіе на мѣстѣ.

Поджогъ солдаткою Акулиною Дмитріевою дома дяди своего.

(Припадокъ умопомѣшательства).

21-го декабря 1864 г. сотскій деревни «Верхней Слободки» (елецкаго уѣзда, орловской губерніи) донесъ мѣстному становому приставу, что ночью съ 16 на 17-е декабря проживающая въ означенной деревнѣ солдатка Акулина Дмитріева подожгла домъ дяди своего Василія Варѳоломѣева и, собравши свое имущество въ узелъ, скрылась, но огонь вскорѣ былъ замѣченъ и потушенъ.

21-го декабря на спросъ становаго пристава Акулина Дмитріева показала, что на прошедшей недѣлѣ въ среду подъ четвергъ она легла спать въ избѣ дяди мужа своего на полу, и когда всѣ бывшіе въ той избѣ семейные поснули, то вставши съ своей постели, она завѣсила суконною попоною въ печи устье, наклала въ черепокъ горячаго пепла и вынесла изъ избы въ сѣни, а изъ оныхъ вошла въ клѣть; тамъ связавши все свое имущество въ узелъ, вышла въ сѣни и поставила на солому черепокъ съ пепломъ, подсыпавъ прежде оную подъ уголъ избы съ наружной стороны; засимъ она ушла, оставивши узелъ съ имуществомъ на завалинѣ сосѣдскаго дома, къ родному дядѣ ея, караульщику церкви села Плосскаго Егору Иванову и ничего не сказавши ему о вышеобъясненномъ, провела у него остатокъ ночи, а поутру перешла ко вдовѣ, крестьянкѣ Аннѣ Рудаковой, и пробыла у ней одинъ день и ночь, а потомъ была взята полицейскимъ десятскимъ. Избу она подожгла отъ дѣлаемыхъ ей всѣмъ семействомъ ея нестерпимыхъ притѣсненій и нападокъ.

Мужъ Акулины Дмитріевой, отставной рядовой Ѳедоръ Дмитріевъ, показалъ, что жена его сперва была совершенно здорова и уже послѣ поступленія его на службу помѣшалась въ разсудкѣ отъ неизвѣстной ему причины; въ этомъ состояніи она нанесла себѣ чѣмъ-то острымъ по горлу рану, почему и была от-

правлена въ домъ умалишенныхъ, въ коемъ находилась болѣе полугода; потомъ она была возвращена на мѣсто жительства, гдѣ какъ въ бытность его въ безсрочномъ отпуску, такъ и по выходѣ въ отставку, обращалась какъ съ нимъ, такъ и съ семейными его недобропорядочно, заводила всегда ссору, угрожая притомъ зарѣзать и сжечь, почему онъ и имѣлъ за нею надзоръ. 16-го числа, будучи тоже въ азартности, Акулина легла въ избѣ на полу спать одна, а онъ легъ на коникѣ; проснувшись въ самую полночь, онъ увидѣлъ чрезъ непритворенную дверь въ сѣняхъ огонь, посему выбѣжалъ въ оныя вмѣстѣ съ семейными; они увидѣли горящую въ сѣняхъ противъ дверей и подъ угломъ избы съ наружной стороны солому, которая тотчасъ же и была затушена; засимъ они увидѣли, что устье печи было завѣшено суконною попоною; стоявшая въ избѣ съ водою ивзара вынесена на дворъ и вода вылита, а бывшее въ клѣти имущество Акулины выбрано; узелъ съ имуществомъ ея оказался послѣ на завалинѣ сосѣдняго дома.

Семейные Акулины Дмитріевой, подтвердивъ показаніе мужа ея, добавили, что по ихъ мнѣнію Акулина сдѣлала поджогъ въ безпамятствѣ, потому что она выпущена изъ дома умалишенныхъ не въ здравомъ разсудкѣ; притѣсненій и нападокъ они Акулинѣ никогда не дѣлали.

Сторожъ церкви села Плосскаго показалъ, что Акулина приходила къ нему и просилась ночевать, но онъ ея не пустилъ, потому что побоялся, не сдѣлала бы она чего дурнаго по ея безумію.

Крестьянка села Плосскаго Рудакова отозвалась, что Акулина пришла къ ней 17-го декабря рано утромъ и просила пустить ее погрѣться, прибавивъ, что домашніе бранятся на нее; засимъ Акулина легла на печь и проспала цѣлый день и цѣлую ночь.

5-го января 1865 г. Акулина Дмитріева была *освидѣтельствована* въ присутствіи елецкаго полицейскаго управленія мѣстнымъ уѣзднымъ врачемъ Знаменскимъ, причемъ оказалось: Дмитріева около 40 лѣтъ отъ роду, посредственнаго тѣлосложенія, имѣетъ ненормальное выраженіе глазъ, на предлагаемые вопросы отвѣчала сбивчиво, свои собственныя сужденія выражала вопреки здравому смыслу и логической связи. Врачъ заклю-

чилъ, что, судя по этимъ даннымъ, должно съ нѣкоторою вѣроятностію полагать, что Дмитріева страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей и потому должна быть отправлена въ орловскую больницу на испытаніе.

По *справкѣ* въ дѣлахъ орловскаго губернскаго правленія оказалось, что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ Дмитріева, (не бывъ прикосновенна ни къ какому уголовному дѣлу), была подвергнута освидѣтельствованію въ умственныхъ способностяхъ въ присутствіи губернскаго правленія 26 февраля 1851 г. и признана одержимою разстройствомъ ума. Заключеніе это правительствующій сенатъ призналъ правильнымъ, а потому Дмитріева была помѣщена для излеченія въ больницу приказа общественнаго призрѣнія. Затѣмъ отъ конторы больницы получено было удостовѣреніе, что Дмитріева послѣ дѣятельныхъ средствъ врачеванія получила выздоровленіе отъ умственнаго *разстройства*. Вслѣдствіе сего Дмитріева была освидѣтельствована 31 іюля 1851 г., причемъ оказалось, что отъ роду ей по наружному виду 25 лѣтъ, тѣлосложенія она довольно крѣпкаго, видъ имѣла здоровый, лице ея не выражало болѣзни души, отвѣчала она на всѣ вопросы здраво, не обнаруживая ни малѣйшаго помѣшательства ума. Принявъ въ соображеніе все это и удостовѣреніе конторы заведеній, общее присутствіе заключило, что Дмитріева умопомѣшательства уже не имѣетъ. По утвержденіи такого заключенія правительствующимъ сенатомъ, Дмитріева была водворена въ мѣстѣ ея жительства.

29 января 1865 г. Дмитріева, согласно мнѣнію елецкаго уѣзднаго врача Знаменскаго, помѣщена была для испытанія въ больницу орловскаго приказа общественнаго призрѣнія. О результатахъ сего испытанія контора больницы донесла врачебной управѣ, что Дмитріева во все время пребыванія своего въ домѣ умалишенныхъ вела себя спокойно, отвѣчала на вопросы правильно, всѣ органическія отправленія ея были нормальны; при распросѣ о совершенномъ ею преступленіи отвѣчала правильно, что она подожгла домъ изъ досады на родственниковъ, но не хотѣла сказать, чѣмъ именно. Въ характерѣ Дмитріевой замѣтна нѣкотораго рода злость: она подговариваетъ больныхъ воспользоваться открытой дверью и бѣжать, равно какъ дѣлать вредъ прислугѣ и тому подобное.

18 февраля 1865 г. Акулина Дмитріева была освидѣтельствована въ общемъ присутствіи орловскаго губернскаго правленія, причемъ на нижеслѣдующіе вопросы отвѣчала: *Вопр.* Какъ твое имя, отчество и фамилія? *Отв.* Акулина Дмитріева. *Вопр.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *Отв.* Сороковой годъ съ петровокъ. *Вопр.* Какого ты вѣроисповѣданія? *Отв.* Вѣрую въ Бога, и молитвы знаю. *Вопр.* Есть ли у тебя родные, какъ ихъ звать и гдѣ они живутъ? *Отв.* У меня родныхъ много, я имъ благодарна; какъ звать ихъ всѣхъ, не помню; живутъ по своимъ жительствамъ. *Вопр.* Есть ли у тебя имущество, гдѣ оно находится и кто имъ распоряжается? *Отв.* Мое доброе въ селѣ Плосскомъ, а кто распоряжается—Господь знаетъ. *Вопр.* Изъ какого ты званія? *Отв.* По мужу солдатка, изъ однодворцевъ. *Вопр.* Какою работою ты занималась дома? *Отв.* Только всего что пряла, рубаху добуду и только всего. *Вопр.* Давно ли ты находишься въ заведеніи? *Отв.* Позабыла, только и помню, что нынѣ 4-й день поста. *Вопр.* По своему ли желанію ты находишься въ заведеніи или кто тебя туда отправилъ? *От.* Меня общество туда представило. *Вопр.* Съ кѣмъ ты прибыла изъ Ельца въ Орелъ? *Отв.* Все позабыла, съ двумя арестантами и при одной женщинѣ. *Вопр.* Не притѣсняли ли тебя чѣмъ твои семейные и кто именно? *Отв.* Не давали мнѣ одной минуты жить; когда я имъ сказала словечко, что они матушку убили, били меня всѣмъ семействомъ, кромѣ маленькихъ ребятъ. *Вопр.* Чѣмъ ты хотѣла отомстить за дѣлаемыя тебѣ обиды? *Отв.* Не приставайте ко мнѣ пожалуста, я ни предъ кѣмъ невиновата, я отъ роду смирна. *Вопр.* На что ты подожгла домъ дяди мужа твоего? *Отв.* Еще переболакивать сталъ, все въ Ельцѣ переболакали, нечего разсказывать, въ Ельцѣ допрашивали. *Вопр.* Гдѣ ты взяла огонь, которымъ подожгла тотъ домъ? *Отв.* Да развѣ вы не знаете, гдѣ огонь берутъ—въ печкѣ. *Вопр.* Куда ты пошла, когда сдѣлала поджогъ? *Отв.* По загуменью къ дядюшкѣ, а оттуда къ милой подружкѣ. *Вопр.* Хорошо ли тебѣ въ заведеніи? *Отв.* Чего желала, то Богъ далъ,—хорошо *). *Вопр.* Зачѣмъ ты хотѣла зарѣзаться лѣтъ 14 тому назадъ? *Отв.* Докторъ напугалъ; смерть не хочется мнѣ съ вами толковать. *Вопр.* От-

---

*) Не для того ли Акулина учинила поджогъ, чтобы быть помѣщенною въ больницу, гдѣ она уже была прежде? Объ этомъ слѣдовало допросить ее. *Прим. изд.*

чего ты плохо спала по ночамъ дома? *Отв.* Оттого, что мужъ на дворѣ, а сухомятка на столѣ. *В.* Знаешь ли ты, какое тебѣ будетъ наказаніе за сдѣланный поджогъ? *От.* Никакого, они меня били, а я буду отвѣчать? — По освидѣтельствованію оказалось, что Дмитріевой по наружному виду около 40 лѣтъ отъ роду, выраженіе лица ея сердитое, угрюмое; на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ рукояткѣ грудной кости, замѣчается бѣлый поперечный рубецъ въ кожѣ длиною въ дюймъ вслѣдствіе бывшей раны; на нѣкоторые словесные и письменные вопросы она отвѣчала правильно, но изъ ея отвѣтовъ на вопросы, касающіеся совершеннаго ею поджога и наказанія, которому она должна бы за это подвергаться, видно, что она не сознаетъ — за преступленіе сдѣланный ею поджогъ и того что ее слѣдуетъ бы за это подвергнуть наказанію. При этихъ отвѣтахъ она пришла въ сильно-разсерженное состояніе, не хотѣла болѣе отвѣчать на вновь предлагаемые вопросы, и только усиленныя увѣщеванія членовъ присутствія могли склонить ее къ отвѣтамъ. На вопросъ словесный и письменный о томъ: отчего она плохо спала дома по ночамъ? отвѣтила несообразно съ здравымъ смысломъ: «оттого, что вражество не давало спать, травами окормлена, отъ нихъ въ сердцѣ чувствовала боль и оттого, что мужъ на дворѣ, а сухомятка на столѣ». На 17-й письменный вопросъ: зачѣмъ хотѣла зарѣзаться, лѣтъ 14 тому назадъ? также не здраво отвѣтила: «докторъ напугалъ». Общее присутствіе, принявъ во вниманіе вышеизложенное и соглашаясь съ мнѣніемъ членовъ врачебной управы, признало Акулину Дмитріеву въ разстройствѣ ума.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашелъ: 1) что подсудимая солдатка Акулина Дмитріева была одержима разстройствомъ умственныхъ способностей еще за 13 лѣтъ до совершеннаго ею поджога дома своего дяди, и по заключенію свидѣтельствовавшаго ее общаго присутствія орловскаго губернскаго правленія была помѣщена на излеченіе въ домъ умалишенныхъ, но впослѣдствіи выздоровѣла; 2) что при освидѣтельствованіи, произведенномъ елецкимъ уѣзднымъ врачемъ 5 января 1865 г. (т. е. черезъ двѣ недѣли послѣ сдѣланнаго Дмитріевою поджога) у ней оказались признаки разстройства умственныхъ способностей; 3) что такіе же признаки найдены были у Дмитріевой при освидѣтельствованіи ея 18 февраля

въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, и на основаніи ихъ присутствіе признало ее находящеюся въ разстройствѣ ума; и 4) что вообще лица, страдавшія уже психическою болѣзнію, весьма часто подвергаются ей вновь; посему медицинскій совѣтъ призналъ, что поджегъ дома дяди своего Дмитріева совершила безсознательно, въ припадкѣ вновь появившагося у ней умопомѣшательства. Къ сему совѣтъ счелъ нужнымъ добавить, что Дмитріева, во причинѣ могущаго произойти отъ нея вреда какъ для нея самой, такъ и для окружающихъ должна находиться подъ постояннымъ надзоромъ.

О поджогѣ, учиненномъ дворяниномъ Коста Гасвіани.

(Помѣшательство).

10-го ноября 1861 г. старшина селенія Махажи (лечхумскаго уѣзда, кутаиской губ.), донесъ мѣстному окружному начальнику, что житель означеннаго селенія дворянинъ Коста Гасвіани въ ночь съ 8 на 9 ноября поджегъ принадлежащія его крестьянину Глахуа Рачвели маранъ, амбаръ и мякинницу, а вечеромъ на другой день поджегъ свой домъ и прочія строенія и самъ скрылся. 11-го ноября Коста Гасвіани былъ пойманъ и заключенъ подъ стражу.

12-го ноября лечхумскій окружной начальникъ увѣдомилъ младшаго медика при совѣтѣ управленія Мингреліею, что по сдѣланному осмотру, Гасвіани найденъ далеко не въ нормальномъ состояніи; несвязныя слова, неестественное движеніе нѣкоторыхъ органовъ тѣла и лица и другіе болѣе разкіе признаки, приводятъ къ заключенію объ умопомѣшательствѣ Гасвіани. Вслѣдствіе сего окружной начальникъ просилъ медика прибыть какъ можно поспѣшнѣе въ окружное управленіе въ м. Муры для освидѣтельствованія помянутаго Гасвіани, присовокупляя, что настоящее положеніе угрожаетъ Гасвіани смертію и что онъ по болѣзненному состоянію своему не можетъ держаться на лошади, а отправленіе его на носилкахъ, по гористой дорогѣ, встрѣчаетъ непреодолимыя затрудненія.

При произведенномъ слѣдствіи крестьянинъ *Рачвели* показалъ, что помѣщикъ его Коста Гасвіани ночью съ 8 на 9 ноября, когда всѣ спали, поджегъ принадлежащую ему мякинницу, въ которой были сложены сѣно и разные продукты, вечеромъ на

другой день поджегъ свой домъ и прочія строенія, а самъ скрылся. Къ сему Рачвели добавилъ, что причины такого поступка помѣщика своего онъ объяснить не можетъ, и что между нимъ и помѣщикомъ неудовольствія и вражды не было.

29 ноября 1861 г. дворянинъ *Коста Гасвіани* (25 лѣтъ) на спросъ слѣдователя показалъ, что онъ находился въ ссорѣ съ женою своею Марѳою Ахвледіановою, и что поэтому родственники жены увезли ее къ себѣ, забравъ все ея приданое. Затѣмъ дворяне Датика Микаутадзе и Гиго Гасвіани прибыли къ нему подъ видомъ примиренія его съ женою; въ тоже время пріѣхала и жена съ братьями. Микаутадзе и Гиго Гасвіани, по внушенію мачехи показателя, Еки, уговаривали его уйти куда нибудь изъ дому, стращая, что въ противномъ случаѣ Ахвледіановы нападутъ на него и побьютъ, а дворянинъ Михаилъ Гасвіани сказалъ ему, что если онъ пойдетъ къ окружному начальнику *съ жалобою, то* или Ахвледіановы нападутъ на него дорогой и нанесутъ ему побои, или окружной начальникъ заарестуетъ его. Кромѣ того крестьянинъ его, Рачвели, упрекалъ его въ томъ, что у него отняли жену, и что мачиха его Ека и братъ Парназъ отобрали у него прислугу. Всѣ эти обстоятельства свели его съ ума, онъ потерялся совершенно и будучи въ отчаяніи, поджегъ строенія крестьянина своего Рачвели, а потомъ и свои собственныя, но что было въ этихъ строеніяхъ, не знаетъ.

Дворяне Датика Микаутадзе, Гиго, Михаилъ и Ека Гасвіани, а равно крестьянинъ Рачвели не подтвердили жалобы на нихъ Коста Гасвіани, и на очной ставкѣ съ Костою остались *при своихъ* показаніяхъ; первые двое сознались только въ томъ, что они были въ домѣ Коста для примиренія его съ женою, и когда пришли Ахвледіановы для взятія жены его, то чтобы не произошло между ними и Костою какой либо непріятности, уговорили его уйти куда нибудь на время изъ дому.

Жена Коста Гасвіани, Марѳа Ахвледіанова показала, что въ продолженіи семи лѣтъ замужества своего она претерпѣвала отъ мужа жестокія притѣсненія; онъ билъ ее почти каждый день, сама не знаетъ за что; она всегда подозрѣвала, что онъ не въ полномъ умѣ, а потому и терпѣла; но наконецъ вышла изъ терпѣнія и о жестокомъ обращеніи мужа принесла жалобу окружному начальнику, который поручилъ дворянину Датику Микау-

тадзе или помирить ее съ мужемъ, или же представить ихъ обоихъ въ окружное управленіе. Микаутадзе отправился въ домъ мужа ея, куда вслѣдъ за нимъ прибыла и она вмѣстѣ съ братьями своими. Мужа они не застали дома; Микаутадзе сказалъ ей, что онъ обяжетъ мужа подпискою не притѣснять ее и наконецъ, что мужъ даже вовсе удалится изъ дому, если она подозрѣваетъ его въ слабости ума; но какъ она достовѣрно знала, что мужъ не отстанетъ отъ нея и не перестанетъ притѣснять ее, ибо до того онъ очень несправедливо притѣснялъ ее и обращался съ нею жестоко, и потому она подозрѣвала его въ слабости ума, — то дѣйствительно, взявши все свое приданое, она отправилась въ домъ отца своего.

Вышеизложенное показаніе Марфы Гасвіани подтвердили братья ея и другіе родственники.

Сосѣди Коста Гасвіани (12 человѣкъ), показали, что причины, побудившія Гасвіани сдѣлать поджегъ, имъ неизвѣстны; съ крестьяниномъ Рачвели онъ никакой вражды и неудовольствія не имѣлъ; поджогъ сдѣланъ имъ тогда, когда отъ него ушла жена и взяла все свое приданое, а потому и поговариваютъ, что причиною такого поступка Гасвіани было отсутствіе отъ него семейства тѣмъ болѣе, что за нимъ еще съ малолѣтства замѣчалось помѣшательство ума, хотя и въ весьма малой степени; ничего дурнаго онъ никому не дѣлалъ; помѣшательство же ума выражалось у него тѣмъ, что онъ иногда выговаривалъ неумѣстныя слова, послѣ же сдѣланія поджога онъ совершенно помѣшался.

На повальномъ обыскѣ поведеніе Коста Гасвіани одобрено.

Младшій медикъ совѣта управленія Мингреліею Булатовъ въ свидѣтельствѣ, выданномъ имъ 5-го декабря 1861 г., изложилъ, что онъ въ присутствіи лечхумскаго окружнаго начальника свидѣтельствовалъ состояніе умственныхъ способностей дворянина Коста Гасвіани *). Прибывъ въ селеніе Муры, онъ, Булатовъ, узналъ, что Коста Гасвіани всегда отличался слабостію умственныхъ способностей. Въ настоящее время душевное разстройство его выражается тусклымъ, блуждающимъ взглядомъ; глаза его постоянно блуждаютъ съ одного предмета на другой безъ всякой

*) Какого именно числа произведено было освидѣтельствованіе, изъ дѣла не видно.

щали; лице свое, выражающее сильную грусть и угнетеніе, онъ поворачиваетъ часто въ сторону въ то время, когда ему говорятъ, и повидимому не слушаетъ того, о чемъ ему говорятъ; руки свои постоянно перемимаетъ какъ бы отъ нетерпѣнія; иногда онъ упорно молчитъ, иногда говоритъ и притомъ съ послѣдовательностію и со смысломъ; сумасшедшимъ, какъ увѣряютъ его окружающіе, онъ себя не признаетъ и утверждаетъ, что поджигательство онъ совершилъ вслѣдствіе досады и гнѣва, потому что родственники отняли у него жену и онъ боялся, что у него отнимутъ единственнаго крестьянина. Теперь за совершенный преступокъ онъ боится смертной казни, а потому нѣсколько разъ пытался бѣжать. Изъ вышеизложеннаго онъ, Булатовъ, заключаетъ, что Коста Гасвіани дѣйствительно страдаетъ душевнымъ разстройствомъ—мрачнымъ помѣшательствомъ (melancholia), которое, по всей вѣроятности, со временемъ должно *усилиться*.

Кутаисскій губернскій судъ, находя, что причиною совершеннаго Костою Гасвіани поджога было умопомѣшательство, которое за нимъ замѣчалось съ малолѣтства, и что по свидѣтельству медика Булатова, онъ страдаетъ мрачнымъ помѣшательствомъ, обратился къ управляющему Мингреліею съ просьбою: отправить Гасвіани, согласно 189 ст. кн. 2 Т. XV св. зак., во врачебную управу для надлежащаго освидѣтельствованія.

Управляющій Мингреліею, имѣя въ виду, что въ Мингреліи и даже въ Кутаисѣ врачебной управы нѣтъ, а между тѣмъ Гасвіани по болѣзни находится въ кутаисскомъ госпиталѣ и не только не можетъ быть отправленъ въ Тифлисъ, но и требовать его въ Мингрелію невозможно, отнесся въ кутаисское губернское правленіе о томъ, не признаетъ ли оно возможнымъ освидѣтельствовать Гасвіани въ своемъ присутствіи посредствомъ кутаисскихъ медиковъ?

Контора кутаисскаго госпиталя на требованіе губернскаго правленія 9-го октября 1861 г. отозвалась, что Коста Гасвіани во все время нахожденія въ госпиталѣ (съ 11 марта по 20 сентября 1862 г) не представлялъ никакихъ явленій соматическаго разстройства, но сіе разстройство, сколько показали постоянныя наблюденія надъ нимъ, заключалось въ неправильной дѣятельности моральныхъ отправленій; больной спокоенъ, тихъ, но равнодушіе его ко всему окружающему превышаетъ естественныя гра-

вины: такъ напр. холодъ, жаръ, голодъ, жажда и т. п. физическія требованія не выражаются въ немъ никакимъ знакомъ, тѣмъ менѣе словомъ; онъ остается упорно молчаливымъ и не отвѣчаетъ ни на какіе вопросы; въ движеніяхъ, которыя дѣлаетъ часто, замѣчается непослѣдовательность. Съ недавняго времени онъ сталъ отвѣчать на дѣлаемые вопросы, но въ отвѣтахъ, на сколько сохраняется присутствіе здраваго смысла и мышленія, медики рѣшить этого не могутъ по причинѣ незнанія языка и неимѣнія переводчика.

По *освидѣтельствованію* Коста Гасвіани, произведенному 9-го ноября 1862 г. въ кутаисскомъ губернскомъ правленіи, въ присутствіи кутаисских губернскаго и уѣзднаго врачей, оказалось, что Гасвіани росту средняго, тѣлосложенія здороваго; отъ роду ему, повидимому, около 25 лѣтъ; лице и глаза не показываютъ признаковъ болѣзненности; на предложенные чрезъ переводчика вопросы Гасвіани отвѣчалъ слѣдующее: *Вопр.* Какого мѣста ты житель? *Отв.* Я житель лечхумскій. *Вопр.* Зачѣмъ ты здѣсь? *Отв.* Не знаю. *Вопр.* Давно ли ты здѣсь? *Отв.* Болѣе года я здѣсь, и по болѣзни находился въ госпиталѣ. *Вопр.* Чѣмъ ты былъ боленъ? *Отв.* Отъ горячки ничего не слышалъ и не въ состояніи былъ говорить; въ настоящее время болятъ у меня колѣни. *Вопр.* Давали ли тебѣ въ госпиталѣ лекарство и пищу? *Отв.* Хотя и давали лекарство, но оно мало помогло, а вотъ я не могъ. *Вопр.* Гдѣ ты живешь въ настоящее время? *Отв.* Я живу вмѣстѣ съ арестантами.—Присутствовавшіе при освидѣтельствованіи, основываясь на отвѣтахъ Гасвіани, сдѣланныхъ имъ съ полнымъ сознаніемъ смысла вопросовъ, не нашли основанія признать его, Гасвіани, ни сумасшедшимъ, ни безумнымъ, добавивъ въ актѣ, что если Гасвіани и подвергался когда нибудь неестественному моральному состоянію, то это вѣроятно случалось съ нимъ періодически.

26 ноября 1862 г. при *передопросѣ* въ присутствіи кутаисскаго губернскаго суда, *Коста Гасвіани* показалъ, что онъ не знаетъ, въ какое именно время, т. е. днемъ или ночью, поджегъ строенія свои и крестьянина Рачвели, потому что будучи огорченъ взятіемъ жены и всего имущества родственниками ея, онъ отлучился изъ дому и, находясь въ лѣсу около 15-ти дней, помѣшался и въ то самое время, какъ послѣ сказывали ему сосѣ-

ди, поджегъ означенныя строенія, но какимъ образомъ—не помнитъ. О совершеніи этого преступленія онъ никогда не думалъ и никакихъ поджигательныхъ веществъ у себя не имѣлъ. Съ крестьяниномъ своимъ Рачвели никакого неудовольствія и вражды не имѣлъ.

Кутаисскій губернскій судъ, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла и находя, что Коста Гасвіани за сдѣланный имъ поджогъ подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу на заводахъ на четыре года, обратилъ вниманіе на нижеслѣдующія причины, по которымъ Гасвіани заслуживаетъ снисхожденія, именно: 1) что Гасвіани вслѣдствіе огорченія, нанесеннаго отнятіемъ жены, страдалъ во время совершенія преступленія душевнымъ разстройствомъ и помѣшательствомъ, какъ это видно изъ свидѣтельскихъ показаній и изъ медицинскаго освидѣтельствованія; 2) что Гасвіани, по грубости понятій, не могъ знать о той строгой отвѣтственности, которую влекло за собою совершенное имъ преступленіе; 3) что нельзя допустить, чтобы Гасвіани, не имѣвшій къ крестьянину Рачвели вражды и неудовольствія, рѣшился по злобѣ и съ умысломъ поджечь его постройки, а въ особенности истребить свой собственный домъ во вредъ и раззореніе себѣ, и 4) что Гасвіани съ перваго же вопроса сдѣлалъ въ преступленіи чистосердечное и съ полнымъ раскаяніемъ сознаніе. На основаніи сего губернскій судъ полагалъ: Коста Гасвіани, вмѣсто наказанія слѣдующаго ему по закону, выдержать въ тюрьмѣ одинъ годъ и взыскать съ него на удовлетвореніе крестьянина Рачвели 92 руб. 15 коп. Причемъ внушить ему, чтобы онъ избѣгалъ на будущее время повторенія преступленія, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія по законамъ.

Его Императорское Высочество Намѣстникъ Кавказскій препроводилъ настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената съ нижеслѣдующимъ мнѣніемъ: «принимая во вниманіе, что Гасвіани сдѣлалъ преступленіе подъ вліяніемъ душевныхъ потрясеній и не въ здравомъ умѣ, что доказывается поджогомъ собственнаго своего дома, Его Императорское Высочество полагалъ бы: не подвергая Гасвіани опредѣленному губернскимъ судомъ аресту, вмѣнить ему въ наказаніе содержаніе его съ 29 ноября 1861 г. подъ стражею».

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, нашелъ: 1) что у Коста Гасвіани, какъ показали сосѣди его, уже съ малолѣтства замѣчалось помѣшательство ума; 2) что совершенію поджога предшествовали моральныя потрясенія, которыя при нѣкоторомъ болѣзненномъ расположеніи легко могутъ доводить до помраченія ума; 3) что по отзыву лечхумскаго окружнаго начальника (отъ 12 ноября 1861 г.) Гасвіани, при арестованіи его на другой день по совершеніи поджога, обнаруживалъ рѣзкіе признаки умопомѣшательства; 4) что младшій медикъ управленія Мингреліею Булатовъ въ выданномъ имъ 5 декабря 1861 г. свидѣтельствѣ удостовѣряетъ, что Гасвіани оказался одержимымъ мрачнымъ помѣшательствомъ ума (melancholia), и 5) что при врачебномъ наблюденіи, произведенномъ въ кутаисскомъ военномъ госпиталѣ съ 11 марта по 20 сентября 1862 г., у Гасвіани были замѣчаемы неправильности въ моральныхъ его отправленіяхъ. Посему медицинскій совѣтъ призналъ, что на основаніи вышеизложенныхъ данныхъ можно предполагать, что поджогъ строеній крестьянина Рачвели и своихъ собственныхъ Гасвіани совершилъ не въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей. Что же касается до мнѣнія врачей, свидѣтельствовавшихъ Гасвіани въ кутаисскомъ губернскомъ правленіи 9-го ноября 1862 года, и не признающихъ его ни сумасшедшимъ, ни безумнымъ,—то мнѣніе это, какъ относящееся къ состоянію умственныхъ способностей Гасвіани по прошествіи года со времени совершенія поджога, не можетъ служить опроверженіемъ вышеприведенному предположенію медицинскаго совѣта тѣмъ болѣе, что и эти врачи, не найдя въ то время у Гасвіани признаковъ умопомѣшательства, не отвергаютъ возможности существованія у него періодическаго помѣшательства ума.

О крестьянинѣ Алексѣѣ Кириловѣ, сужденномъ за поджогъ.

(Безсознательное состояніе).

13-го іюля 1861 года въ 4 часа по полудни, въ сельцѣ Колюбакинѣ (ржевскаго уѣзда, тверской губерніи) загорѣлись хлѣбные сараи. — Мѣстный становой приставъ, увидѣвъ пожаръ изъ окна

становой квартиры, тотчасъ же отправился на мѣсто, и здѣсь священникъ погоста Кокоши, Николай Лавровъ, объявилъ ему, что при началѣ пожара онъ встрѣтилъ около погоста крестьянина деревни Филькина, Алексѣя Кирилова, который на вопросъ «куда идетъ?» сказалъ, что онъ зажегъ сараи.—Вслѣдствіе такого заявленія священника Алексѣй Кириловъ былъ заарестованъ, причемъ, (какъ сказано въ рапортѣ становаго пристава въ земскій судъ), было замѣтно, что Кириловъ не въ полномъ умѣ.

На спросъ становаго пристава (14-го іюля) Алексѣй *Кириловъ* (21 года)*) показалъ, что 13-го іюля оставаясь дома одинъ, онъ разломалъ принадлежащій матери коробъ и, вынувъ оттуда кошелекъ, въ которомъ находилось денегъ 8 р. 24 к., и двѣ коробки спичекъ, отправился въ кустарникъ близь сельца Колюбакина. Потомъ ходя по полямъ близь погоста Кокоши, вторично взошелъ въ кустарникъ, наклалъ двѣ охапки дровъ, и зажегши ихъ, испекъ два яйца; когда онъ съѣлъ яйца, то такъ какъ прежде сего говорилъ Богъ, чтобы ему сжечь лѣсъ и колюбакинское имѣніе, то взойдя въ два смежные сарая, гдѣ складывались *хлѣбъ* и солома, онъ зажегъ оные, а самъ пошелъ на погостъ Кокоши. Когда загорѣлись сараи, то шедшій на пожаръ священникъ погоста Кокоши спросилъ его: куда онъ идетъ? на это онъ сказалъ: «посмотрите какъ ясно горятъ сараи, это я зажегъ», на спросъ же священника, зачѣмъ такъ сдѣлалъ, отвѣтилъ ему: «Богъ мнѣ велѣлъ», причемъ онъ, Кириловъ, отдалъ священнику находившійся у него кошелекъ съ деньгами. Съ погоста его взялъ сотскій и представилъ къ становому приставу. Къ сему *Кириловъ* добавилъ, что и прежде того, такъ какъ одновотчинные съ нимъ крестьяне имѣли между собою ссору, онъ имъ сказывалъ, что Богъ велѣлъ ему сжечь ихъ; впрочемъ онъ сдѣлать этого не успѣлъ **).

При передопросѣ 1-го августа судебнымъ слѣдователемъ, Алексѣй *Кирилѣевъ* показалъ, что въ какой день не помнитъ, а время кажется было передъ вечеромъ, когда всѣ мужики были на покосѣ, онъ взялъ деньги изъ короба; ихъ было матка заперла, а онъ вытащилъ пробой, да и досталъ ихъ, чтобы въ церковь от-

*) Родился 1-го марта 1840 года.

**) 15-го іюля, по распоряженію ржевскаго земскаго суда, Алексѣй Кириловъ былъ отправленъ въ ржевскую городскую больницу.

несть; онъ отцу не нужны, и онъ ихъ взялъ потому, что все равно, что его, что отцовскія деньги. Потомъ онъ пошелъ въ кусты, развелъ огонь и испекъ три яйца. Потомъ подошелъ къ амбару, подложилъ къ углу соломки, чиркнулъ спичку и зажегъ, а самъ побѣжалъ на погостъ, гдѣ встрѣтилъ священника и отдалъ ему оставшіяся спички и деньги; когда священникъ спросилъ, зачѣмъ зажегъ? то онъ сказалъ: «чтобъ бабенокъ погрѣть»; а потому онъ ихъ хотѣлъ погрѣть, что онѣ все стужи просятъ, вишь зимой — то имъ работы меньше. Отдавши священнику деньги, онъ побѣжалъ опять на пожаръ, чтобы погрѣться. Велѣлъ ли ему Богъ зажечь, онъ не знаетъ; можетъ и велѣлъ, кабы не велѣлъ, то не зажегъ бы; да и самъ Богъ зажегъ у нихъ въ деревнѣ дворъ, почему же и ему не зажечь? Потомъ его взяли сотскіе на пожарѣ и привели въ станъ; тутъ онъ переночевалъ и потомъ матка привезла его въ больницу, а зачѣмъ, не знаетъ; онъ ничѣмъ не боленъ. Къ сему онъ имѣетъ дополнить, что когда онъ пекъ яйца, то разложилъ охапокъ пять дровъ, сестра прибѣжала и закричала «что то это дѣлаешь?», онъ два то яйца скорѣе взялъ и съѣлъ, а третье укатилось.

Мать Алексѣя Кирилова, Агафья Андреева, на спросъ слѣдователя объяснила, что Алексѣй всю зиму былъ боленъ и животомъ хворалъ; она ходила съ нимъ на богомолье и въ самое вознесеніе пришли домой, и Алексѣй было легъ. Вдругъ ударилъ громъ и молніей зажгло у нихъ въ деревнѣ дворъ. Алексѣй вскочилъ и закричалъ «мамъ, мамъ»; она, Агафья, говорила Алексѣю, что ты Алексѣюшка, а онъ говорилъ «не ходите въ грозу по двору». — Съ этого то дня, какъ Алексѣй испугался, стала она, Агафья, замѣчать, что онъ не въ своемъ умѣ, пересталъ работать, ѣлъ очень мало, по ночамъ сталъ говорить и что то все нескладное. Въ троицинъ день у заутрени все стоялъ и смѣялся, а послѣ сталъ служить молебенъ, не имѣвши денегъ, бѣгалъ по улицѣ нагой и все то ходилъ и пѣлъ всю церковную службу: и что дьяконъ говоритъ, и что на клиросѣ поютъ. Нрава Алексѣй былъ всегда тихаго, смирнаго, ни съ кѣмъ не ссорился, а сдѣлалъ поджогъ только потому, что былъ не въ своемъ умѣ.

Отецъ Алексѣя, Кириллъ Феоновъ показалъ, что сынъ его Алексѣй, бывши долго боленъ, сильно испугался, когда въ самое вознесенье у нихъ въ деревнѣ зажгло дворъ. Съ тѣхъ поръ онъ,

Алексѣй, сталъ заговариваться; но все еще ходилъ и работалъ, а не чудилъ. Въ духовъ день съ нимъ приключился припадокъ въ самой церкви и насилу его дотащили до дому; дорогой онъ говорилъ все нескладно и бестолково, что его будто испортили. И съ самыхъ тѣхъ поръ онъ пересталъ работать и сталъ чудить, все ходилъ по деревнѣ и пѣлъ церковныя службы; кромѣ того вынулъ изъ образницы образа и говорилъ, что они писаны евреями, бѣгалъ нагой, зажегъ было валежникъ и вообще дѣлалъ такое, что показывало, что онъ не въ своемъ умѣ. Зачѣмъ Алексѣй зажегъ сараи, онъ, Кириллъ, не знаетъ, но вѣстимо оттого, что не въ своемъ умѣ, а когда онъ былъ здоровъ, то былъ смиренъ и никогда ни съ кѣмъ не ссорился.

Священникъ Николай Лавровъ показалъ, что Алексѣя Кирилова, начиная съ вознесенія 1861 года, онъ замѣчалъ самъ, а также и слышалъ, что онъ не въ своемъ умѣ; но *уже очень* плохъ Алексѣй сталъ съ духова дня, когда съ нимъ сдѣлался припадокъ въ церкви. 13-го іюля, усмотрѣвши пожаръ въ Калюбакинѣ, онъ, Лавровъ, сейчасъ же туда отправился и на дорогѣ встрѣтилъ идущаго на погостъ Алексѣя Кирилова, державшаго въ одной рукѣ деньги, а въ другой спички. На вопросъ, откуда онъ идетъ? Алексѣй сказалъ «а вотъ изъ Калюбакина, зажегъ сейчасъ». Когда онъ, Лавровъ, сказалъ: не грѣхъ-ли это тебѣ, для чего ты это сдѣлалъ? то Алексѣй отвѣтилъ: «какой же грѣхъ, мнѣ Богъ велѣлъ и вотъ посмотрите, какъ побѣгутъ бабенки».—Видя у Алексѣя деньги и спички, онъ, Лавровъ, опросилъ, откуда онѣ? Алексѣй отвѣтилъ: «у матки разломалъ коробъ и досталъ, а такъ еще спички остались», и прибавилъ: «какъ бы поджечь деревню». Прежде болѣзни, онъ, Лавровъ, никогда не замѣчалъ Алексѣя въ буйствахъ и безпорядкахъ, напротивъ того онъ былъ нрава тихаго, смирнаго, богобоязненнаго.

Ржевскій городовой врачъ, Бронюшецъ-Рѣцкій, въ выданномъ 9-го августа 1861 года свидѣтельствѣ изложилъ, что вслѣдствіе отношенія судебнаго слѣдователя, онъ свидѣтельствовалъ въ состояніи здоровья крестьянскаго сына Алексѣя Кирилова, причемъ оказалось, что Алексѣй Кириловъ росту средняго, тѣлосложенія посредственнаго, отъ роду ему 21 годъ; лице его блѣдное, на немъ часто видна безсмысленная улыбка; глаза не представляютъ ничего особеннаго; температура тѣла почти нормаль-

ная; пульсъ немного ускоренъ. Со стороны грудной и брюшной полостей не открыто ничего болѣзненнаго. Въ отношеніи умственныхъ способностей замѣтна нѣкоторая тупость, хотя на вопросъ онъ отвѣчаетъ довольно удовлетворительно. Сознается въ поджигательствѣ хлѣбныхъ амбаровъ и совершенно покоенъ въ виновности своего поступка. Сонъ у него довольно хорошій, аппетитъ умѣренный. По словамъ родственниковъ, Кирилову означенное состояніе приключилось послѣ удара громомъ, причинившаго пожаръ въ ихъ деревнѣ. — Имѣя въ виду вышеизложенные признаки болѣзненнаго состоянія Алексѣя Кирилова, врачъ Бронюшецъ-Рѣцкій заключилъ, что вслѣдствіе внезапнаго и сильнаго потрясенія церебральной нервной системы Кирилова путемъ слышательныхъ нервовъ, произведеннаго разряженіемъ электричества, — могло произойти: раздраженіе центральной мозговой массы, а вслѣдъ затѣмъ и нарушеніе правильной дѣятельности мозга, подъ вліяніемъ котораго, при оставшейся еще у него впечатлительности, случившійся въ тоже время пожаръ вѣроятно послужилъ поводомъ къ совершенію имъ изложеннаго преступленія.

Тверская врачебная управа, разсмотрѣвъ выданное врачемъ Бронюшецъ-Рѣцкимъ свидѣтельство, увѣдомила ржевскій уѣздный судъ (отношеніемъ отъ 11-го декабря 1861 года), что о состояніи умственныхъ способностей Алексѣя Кирилова управа никакого заключенія сдѣлать не можетъ, по тому поводу, что таковыя лица должны быть свидѣтельствованы членами управы въ присутствіи губернскаго правленія.

Вслѣдствіе сего Алексѣй Кириловъ 14-го мая 1862 года былъ подвергнутъ *освидѣтельствованію* въ общемъ присутствіи тверскаго губернскаго правленія. На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы Кириловъ отвѣчалъ: *В.* Какъ тебя зовутъ? *О.* Алексѣй Кириловъ. *В.* Какого вѣроисповѣданія? *О.* Православной христіанской. *В.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *О.* Не знаю объ годахъ. *В.* Есть ли у тебя родители и какъ звать? *О.* Есть. Отца зовутъ Кириллъ, а мать Агафья; братьевъ нѣтъ; есть три сестры, а четвертая замужемъ. *В.* Умѣешь-ли ты читать и писать? *О.* Нѣтъ не умѣю. *В.* Какъ называется деревня, въ которой ты живешь? *О.* Филькина, ржевскаго уѣзда. *В.* Не былъ-ли ты боленъ? *О.* Боленъ былъ, всѣмъ

чала съ нимъ припадковъ, (въ теченіи каковаго времени онъ былъ въ больницѣ и имѣлъ время и возможность къ выздоровленію), не можетъ служить противорѣчіемъ произведенному изслѣдованію по своей отдаленности отъ времени совершенія преступленія и потому, что помѣшательство было въ видѣ припадковъ, которымъ онъ подвергался, когда уклонялся отъ надзора. Имѣя засимъ въ виду, что 30 присяжными показаніями засвидѣтельствовано, что поджогъ совершенъ Кириловымъ въ припадкѣ умопомѣшательства, и что такого рода преступленія, на основаніи 108 ст. улож. о наказаніяхъ, не вмѣняются въ вину, — палата уголовнаго суда опредѣлила: крестьянскаго сына Алексѣя Кирилова отъ суда освободить. Такое опредѣленіе свое палата уголовнаго суда представила вмѣстѣ съ подлиннымъ дѣломъ, на основаніи III прил. къ 107 ст. т. XV св. зак., въ правительствующій сенатъ на ревизію.

Медицинскій совѣтъ (согласно съ мнѣніемъ члена своего, г. Балинскаго) нашелъ: что дѣйствительность болѣзненнаго состоянія умственныхъ способностей Кирилова, какъ до совершенія имъ преступленія, такъ и вслѣдъ затѣмъ, засвидѣтельствована мѣстнымъ священникомъ, полицейскою властью и значительнымъ числомъ свидѣтелей изъ крестьянъ, принадлежащихъ къ различнымъ деревнямъ; — что разсказы свидѣтелей о причинѣ, вызвавшей болѣзнь Кирилова, и о свойственныхъ этой болѣзни припадкахъ, вполнѣ согласны между собою, и съ врачебной точки зрѣнія весьма вѣроятны, — что Кириловъ былъ въ поведеніи весьма одобренъ, и къ совершенію преступленія не имѣлъ никакихъ побудительныхъ причинъ; — что отвѣты Кирилова на сдѣланные ему вопросы обличаютъ явный бредъ и присутствіе галлюцинацій; — что болѣзненное состояніе умственныхъ способностей Кирилова засвидѣтельствовано врачемъ, наблюдавшимъ его въ больницѣ въ теченіи трехъ недѣль; — что противоположное заключеніе тверской врачебной управы основано главнѣйше на отвѣтахъ Кирилова на предложенные ему весьма немногочисленные и недостаточно разнообразные вопросы, — и что Кириловъ былъ свидѣтельствованъ во врачебной управѣ ровно черезъ 10-ть мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ совершилъ поджогъ, т. е., какъ справедливо замѣтила уголовная палата, въ то время, когда онъ могъ уже находиться въ періодѣ выздоровленія отъ болѣзни

или же и совершенно отъ ней оправился. Посему медицинскій совѣтъ призналъ возможнымъ допустить, что Кириловъ совершилъ преступленіе безсознательно, въ состояніи несвободной воли.

О поджогѣ, учиненномъ Марьею Евграфовою.

(Временное умоизступленіе).

Около полуночи съ 28 на 29 іюня 1862 г. на тумбинскомъ лѣсномъ дворѣ (варнавинскаго уѣзда, костромской губерніи) произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣлъ весь означенный дворъ. Причина этого пожара оставалась неизвѣстною въ продолженіи недѣли, по прошествіи которой проживавшая на томъ же лѣсномъ дворѣ жена помощника стрѣлка, Марья Евграфова, созналась въ поджогѣ двора, сначала одной женщинѣ, а затѣмъ всѣмъ живущимъ на дворѣ и мѣстному лѣсничему, на спросъ котораго показала, что мысль зажечь лѣсной дворъ пришла къ ней ночью съ 28 на 29 іюня; не отступая отъ этой мысли, она, когда всѣ заснули, зажгла спичкою солому на черномъ дворѣ, отчего вскорѣ вспыхнуло все строеніе.

Будучи спрошена 23 іюля становымъ приставомъ, Марья Евграфова отказалась отъ вышеизложеннаго сознанія своего; но при передопросѣ судебнымъ слѣдователемъ 26 іюля и особой слѣдственной коммиссіею (4 сентября) подтвердила оное, дополнивъ, что поджогъ она сдѣлала въ досаду свекрови своей, которая почти постоянно безъ всякой причины бранила и била ее.

Мужъ Марьи Евграфовой отозвался, что вечеромъ 28 іюня передъ тѣмъ какъ ложиться спать, онъ посылалъ жену запереть амбаръ, причемъ она сказала ему, что ей больно не здоровится. Какая причина заставила жену его сдѣлать поджогъ, онъ не знаетъ. Ссоръ и вражды какъ съ нимъ, такъ и съ семейными его, Марья не имѣла, жилъ онъ съ нею въ любви и согласіи, и она была къ нему расположена. Кромѣ сего мужъ Марьи Евграфовой, а равно и семейные его показали, что Марья до совершенія преступленія часто была въ задумчивости и тоскѣ, часто дѣлала не то,

что бы слѣдовало, высказывая притомъ, что у нея невыносимая тоска.

Свекровь Марьи Евграфовой съ своей стороны отозвалась, что она Марьѣ никакихъ притѣсненій не дѣлала.

На очныхъ ставкахъ съ свекровью, Марья Евграфова въ отмѣну прежняго показанія своего отозвалась, что свекровь ее не била, а только бранила за то, что она дѣлала не такъ, какъ слѣдовало исполнять домашнія дѣла. Поджогъ она сдѣлала не въ *досаду* свекрови, а потому что была въ болѣзни и невыносимой тоскѣ.

Мать подсудимой, Ульяна Филипова, показала, что Марья часто ходила въ гости къ ней, Филиповой, причемъ высказывала, что свекровь иногда ее побранивала, и что у ней невыносимая тоска и сама не знаетъ отчего. Кромѣ того Марья часто погружалась въ задумчивость и въ это время ничего ни съ кѣмъ *не говорила*. Тоска стала замѣтна у Марьи съ праздника вознесенія Господня 1861 года, а до того времени у Марьи тоски замѣтно не было.

На повальномъ обыскѣ обыскные люди отозвались, что ссоръ и вражды у Марьи Евграфовой съ семейными они не замѣчали; поведенія она хорошаго и честнаго.

Кромѣ вышеизложенныхъ обстоятельствъ, изъ дѣла видно, что Марья Евграфова вышла замужъ въ 1862 г., что во время совершенія преступленія была она въ беременномъ состояніи, отъ котораго разрѣшилась 1 января 1863 года въ варнавинскомъ тюремномъ замкѣ. О лѣтахъ подсудимой въ дѣлѣ вѣрныхъ свѣдѣній не имѣется; въ метрическихъ книгахъ она записанною не оказалась; по собственному ея показанію ей въ 1858 году было 17 лѣтъ, между тѣмъ въ ревизскихъ сказкахъ 1858 года она записана 16 лѣтъ.

19 октября 1862 г. Марья Евграфова была переспрошена въ присутствіи уѣзднаго суда, причемъ (какъ сказано въ протоколѣ) говорила съ застѣнчивостью, не положительно, находясь въ задумчивости, постоянно переговаривая: «я больная женщина, ничего не знаю и не помню, двора не поджигала». По прочтеніи показаній, данныхъ ею варнавинскому лѣсничему 6 іюля, судебному слѣдователю 16 числа того же мѣсяца и слѣдственной коммиссіи 4 сентября, которыми она сознавалась въ совершеніи этого

преступленія, а равно показанія становому приставу 19 іюля 1862 г., которымъ отказывалась отъ этого преступленія, Марья Евграфова утвердила всѣ эти показанія безъ всякой отмѣны. Вслѣдствіе сего уѣздный судъ, видя разнорѣчивыя показанія Евграфовой, данныя въ одно и тоже время, ея задумчивость и неположительные отвѣты, призналъ въ ней, Евграфовой, малоуміе или въ родѣ особенной разсѣянности въ ея размышленіяхъ. На основаніи сего уѣздный судъ вошелъ съ представленіемъ въ костромское губернское правленіе—объ освидѣтельствованіи Евграфовой въ умственныхъ способностяхъ.

Вслѣдствіе сего Марья Евграфова была *освидѣтельствована* 13 марта 1863 г. въ общемъ присутствіи костромскаго губернскаго правленія, причемъ на нижеслѣдующіе предложенные ей вопросы отвѣчала: *Вопр.* Какъ тебя зовутъ? *Отв.* Марья Евграфова. *Вопр.* Откуда ты? *Отв.* Я-то, изъ Варнавина. *Вопр.* Изъ самаго Варнавина или изъ уѣзда? *Отв.* Изъ деревни Хомулина. *Вопр.* Сколько тебѣ лѣтъ? *Отв.* 17 лѣтъ. *Вопр.* Давно ли замужемъ? *Отв.* Одинъ годъ. *Вопр.* Беременна ты? *Отв.* Нѣтъ, батюшка, ужъ принесла. *Вопр.* Здорова ли ты? *Отв.* Нѣтъ, батюшко, головушка все болитъ. *Вопр.* Зачѣмъ ты сожгла дворъ? *Отв.* Нѣтъ, батюшка, не помню. *Вопр.* Чѣмъ ты зажигала? *Отв.* Не помню. *Вопр.* Есть ли у тебя мужъ и родные? *Отв.* Есть Зиновій; родные—маменька, батюшка, три сестры. *Вопр.* Давно ли ты нездорова? *Отв.* Я сдѣлалась нездоровой, какъ обеременѣла. *Вопр.* Чѣмъ ты занималась дома? *Отв.* Я-то, не помню, что дѣлала. *Вопр.* Умѣешь ли ты прясть, шить и жать? *Отв.* Все дѣлала помаленьку, когда была здорова. *Вопр.* Любишь ли ты мужа? *Отв.* Люблю, батюшка. *Вопр.* Съ кѣмъ ты жила дома? *Отв.* Свекоръ и свекровь.—Общее присутствіе заключило, что Марья Евграфова по виду здерова, на вопросы отвѣчаетъ довольно удовлетворительно; но какъ ена подозрѣвается судомъ въ сумасшествіи, то рѣшительнаго заключенія сдѣлать нельзя безъ надлежащаго медицинскаго испытанія ея въ больницѣ въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ.

На основаніи вышеизложеннаго заключенія общаго присутствія Марья Евграфова была подвергнута врачебному наблюденію въ больницѣ костромскаго тюремнаго замка съ 13 апрѣля по 18 іюня 1863 г.

Завѣдующій означенною больницею, врачъ Подлипецкій въ составленномъ имъ актѣ, приведя нѣсколько вопросовъ, которые были предлагаемы Марьѣ Евграфовой, и отвѣты, данные ею на эти вопросы, добавилъ, что во все время испытанія Евграфова на всѣ различные ей предложенные вопросы отвѣчала весьма удовлетворительно и вела себя какъ должно, а потому онъ находитъ, что Евграфова не одержима никакимъ умопомѣшательствомъ.

При освидѣтельствованіи въ общемъ присутствіи костромскаго губернскаго правленія 9 августа 1863 г. Марья Евграфова на нижеслѣдующіе предложенные ей вопросы отвѣчала: *Вопр.* Какъ тебя зовутъ? *Отв.* Марья Евграфова. *Вопр.* Сколько тебѣ лѣтъ? *Отв.* 17 лѣтъ. *Вопр.* Здорова ли ты? *Отв.* Слава Богу, исправилась. *Вопр.* А прежде, чѣмъ же ты была нездорова? *Отв.* А и сама не знаю, что со мной было. *Вопр.* Зачѣмъ ты дворъ подожгла? *Отв.* Нѣтъ, сударь, я не помню. *Вопр.* Есть ли у тебя родные? *Отв.* Есть отецъ и мать. *Вопр.* Еще нѣтъ ли кого? *Отв.* Мужъ есть. *Вопр.* Кто твой мужъ? *Отв.* Зиновій Прокофьевъ, колясовщикъ. *Вопр.* Хорошо ли ты съ нимъ жила? *Отв.* Хорошо. *Вопр.* Есть ли у васъ домъ? *Отв.* У роднаго отца есть и у мужа есть съ его отцомъ. *Вопр.* Съ кѣмъ же ты жила? *Отв.* Съ мужемъ въ его домѣ. *Вопр.* Съ какого времени ты сдѣлалась больной? *Отв.* Послѣ святой въ прошломъ году.—Общее присутствіе заключило, что Евграфова по виду здорова, на предлагаемые вопросы отвѣчаетъ удовлетворительно и сообразно съ здравымъ разсудкомъ, а потому не признается сумасшедшею.

На предложенный варнавинскимъ уѣзднымъ судомъ вопросъ о томъ: «можетъ ли дѣйствовать какое либо вліяніе на умственныя способности женщины, находящейся въ беременности», костромская врачебная управа (отношеніемъ отъ 15 октября 1863 года) отозвалась, что при беременности женщинъ замѣчаются иногда столь сильныя душевныя возмущенія, зависящія собственно отъ беременности, что бываютъ причиною разстройства умственныхъ способностей.

Костромская уголовная палата, имѣя въ виду, что Евграфова во время совершенія преступленія находилась въ беременности, а по отзыву врачебной управы, при беременности женщинъ, замѣчаются иногда столь сильныя душевныя возмущенія, зависящія собственно отъ беременности, что бываютъ причиною раз-

стройства умственныхъ способностей, вошла съ ходатайствомъ въ правительствующій сенатъ о смягченіи слѣдующаго Евграфовой по закону наказанія.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла и признавая, что беременность можетъ имѣть вліяніе на измѣненіе душевнаго настроенія женщинъ и иногда произвесть у нихъ даже временное разстройство умственныхъ способностей, медицинскій совѣтъ, принимая въ соображеніе, что Марья Евграфова, находясь до совершенія поджога въ беременномъ состояніи, была задумчива и страдала сильною тоскою, заключилъ, что Евграфова могла совершить поджогъ безсознательно, подъ вліяніемъ временнаго умоизступленія.

О крестьянкѣ Настасіѣ Буровой, судимой за поджогъ.

(Болѣзненное состояніе).

Въ ночь съ 5 на 6 мая 1865 г., въ часъ по полуночи, одоевскаго уѣзда (тульской губерніи), въ сельцѣ Анненковѣ, принадлежащемъ мировому посреднику Мочалкину, — произошелъ пожаръ, начавшійся со двора крестьянъ Анисима и Ивана Буровыхъ и истребившій 6 дворовъ. Въ поджогѣ заподозрѣна была жена Ивана Бурова, Настасья, которая вслѣдствіе сего и была отправлена въ мѣстное волостное правленіе; здѣсь на спросъ посредника, Настасья въ преступленіи не созналась, но въ три часа того же дня объявила о желаніи своемъ говорить съ посредникомъ, и когда онъ пришелъ, то тотчасъ же чистосердечно созналась въ преступленіи и объяснила, что она сдѣлала поджогъ изъ желанія сжечь домъ своего мужа Ивана и деверя Анисима Буровыхъ, изъ ненависти къ мужу и семейству его.

Крестьянинъ Анисимъ Буровъ, на спросъ становаго пристава, показалъ, что когда въ домѣ ихъ произошелъ пожаръ, то они всѣ спали; его, Анисима, разбудила невѣстка его Настасья; онъ едва успѣлъ только спасти дѣтей. Пожаръ произошелъ отъ поджога Настасьей, которая по неизвѣстной причинѣ была сильно нерасположена какъ къ мужу своему, такъ и ко всему ихъ се-

мейству, не желала жить вмѣстѣ съ ними и нѣсколько разъ тайно уходила къ отцу своему въ сельцо Додукино.

На допросѣ 6 мая становымъ приставомъ *Настасья Бурова* (17 лѣтъ) показала, что вечеромъ въ среду (5 мая) послѣ ужина, когда совершенно смерклось, мужъ ея пошелъ спать на задворокъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ и постороннимъ крестьяниномъ; деверь же ея, Анисимъ, легъ на печкѣ въ жилой избѣ, жена его съ дѣтьми близь печки на примостѣ, а она, Настасья, въ той же избѣ на лавкѣ; но она не засыпала, задумавши зажечь домъ; дождавшись когда въ избѣ всѣ заснули, она встала, тихонько вышла въ сѣни, взяла въ чуланѣ заранѣе приготовленныя ею и вложенныя въ стѣну въ щель двѣ фосфорныя спички, съ которыми подошла къ задворку и, зажегши одну спичку, подожгла ею съ наружной стороны конецъ соломенной крыши; потомъ подошла ко двору и зажгла другою спичкою суволоку, *которою* былъ защищенъ бокъ двора съ наружной стороны; когда суволока совсѣмъ загорѣлась, она вошла въ избу и легла на тоже мѣсто, на которомъ лежала прежде; вскорѣ послѣ этого проснулся деверь и сталъ слѣзать съ печки, которому она закричала, что они горятъ, и сейчасъ же съ нимъ вмѣстѣ выбѣжала на дворъ; бокъ двора былъ уже весь въ огнѣ, чему она очень радовалась; но когда загорѣлись сосѣдніе дома, то ей было ихъ жалко. Сдѣлала она поджогъ собственно изъ за того, что ей противно было жить въ домѣ и видѣть его, сама не знаетъ *почему*. Вышла она въ замужество и поступила на жительство въ домъ мужа и деверя только передъ масляною 1865 г. *Мужа* своего она любила не болѣе шести недѣль, но потомъ возненавидѣла его безъ всякой причины; онъ же и вся семья любили ее, и она ими обижена никогда ни за что не была; задумала она сжечь и совершенно истребить домъ съ половины прошедшаго великаго поста, но никакъ не выбрала до настоящаго времени удобнаго случая; поджогъ сдѣлала собственно изъ за того, чтобы не жить съ мужемъ и семействомъ его вмѣстѣ.

При передопросѣ 8 мая судебнымъ слѣдователемъ, Настасья *Бурова*, подтвердивъ вышеизложенное показаніе свое, добавила, что никакихъ нападковъ отъ семейства, а также и отъ мужа она не имѣла, и сама не знаетъ отчего возненавидѣла мужа съ половины прошедшаго великаго поста, чрезъ что и самое житель-

ство въ домѣ его сдѣлалось ей постыло и она старалась удаляться. Намѣреніе поджечь домъ мужа она имѣла уже съ самыхъ тѣхъ поръ, для чего и прежде нѣсколько ночей не спала, чтобы исполнить свое предпріятіе; но этому препятствовали или ходившіе по деревнѣ караульщики или сильные вѣтры, причемъ она опасалась, чтобы отъ поджога дома мужа не сгорѣли другіе дома, чего она вовсе не желала. Двѣ фосфорныя спички она взяла заблаговременно изъ спичекъ, лежавшихъ въ избѣ на загнеткѣ и употреблявшихся для затопа печи.

Мужъ Настасьи, Иванъ Буровъ, показалъ, что съ женою онъ жилъ мирно, ссоры съ нею никогда никакой не имѣлъ, побоевъ ей никогда не наносилъ; въ послѣднее время, именно съ половины великаго поста, она нѣсколько разъ отлучалась въ сельцо Докукино къ своимъ родителямъ, но какая была цѣль ея отлучки, онъ не знаетъ; всѣ семейные его никогда никакого неудовольствія Настасьѣ не причиняли, и что ее заставило учинить поджогъ, онъ не знаетъ; но съ мѣсяцъ или болѣе онъ замѣчалъ, что жена сдѣлалась къ нему хладнокровною, причина же сего ему неизвѣстна и понять ея онъ не можетъ.

На повальномъ обыскѣ крестьяне сельца Анненкова отозвались, что Настасья Бурова ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ замѣчаема не была; было слышно только, что она живетъ не въ ладу съ семейными.

19 іюля 1865 г. Настасья Бурова, будучи вызвана въ присутствіе тульской уголовной палаты, объявила, что во время производства слѣдствія о сгорѣвшихъ въ сельцѣ Анненковѣ дворахъ, она находилась въ безсознательномъ состояніи разсудка.

4 августа 1865 г., тульскій губернскій прокуроръ сообщилъ уголовной палатѣ, что 31 іюля онъ просилъ городоваго врача, завѣдующаго больницею тюремнаго замка, увѣдомить его: не находится ли Настасья Бурова въ состояніи беременности; на это врачъ отвѣтилъ, что Бурова хотя и не беременна, но страдаетъ отсутствіемъ мѣсячнаго очищенія, вслѣдствіе чего у нея бываютъ головокруженія, сосаніе подъ ложечкою, обмороки и не рѣдко безпамятство; случаи обмороковъ были замѣчены съ ней и въ больницѣ, куда она поступила 1 августа.

Засимъ дѣло о Настасьѣ Буровой поступило на разсмотрѣніе врачебнаго отдѣленія тульскаго губернскаго правленія, и соглас-

ию съ заключеніемъ онаго, передано было слѣдователю для собранія свѣдѣній о причинахъ ненависти Буровой къ мужу и отлучекъ ея въ домъ родителей.

При произведенномъ о семъ дослѣдованіи, *мужъ* Настасьи, Иванъ Буровъ, показалъ, что въ бракъ съ Настасьей онъ вступилъ съ общаго согласія и по взаимной любви; первый мѣсяцъ супружества они прожили во взаимной любви, но съ первой недѣли великаго поста она безъ всякой причины начала о чемъ то скучать, плакать, стала неприлежна къ работѣ, дѣлала все напротивъ, что бы ее не заставляли дѣлать; ничего ни съ кѣмъ и ни о чемъ не говорила, а бо́льшею частію молчала; когда же онъ бывало станетъ распрашивать, о чемъ она скучаетъ, то ничего не говорила, а уйдетъ на улицу и кто ей не попадется, начинала его и все ихъ семейство безъ всякой причины ругать, говоря, что она всѣхъ ихъ ненавидитъ, но за что и какія къ тому причины, не объясняла, и онъ не зналъ этого и до сего времени не знаетъ. Наконецъ съ 1 недѣли великаго поста она начала дѣлать самовольныя отлучки къ своимъ родителямъ, у коихъ пробывала по нѣскольку дней, и когда возвращалась отъ нихъ или ее кто либо изъ ихъ семейства приводилъ, то о причинѣ отлучки, сколько онъ ни старался узнать, ничего не узналъ, она всегда отдѣлывалась или слезами, или молчаніемъ; только разъ какъ то, не упомнитъ времени, на его усиленные вопросы она объяснила, что у ней болитъ животъ, болѣе сего никогда ни на какую болѣзнь она не жаловалась и онъ въ ней таковой болѣзни не замѣчалъ; съ половины поста она окончательно перестала даже *спать съ* нимъ; самовольно ушла къ своимъ родителямъ и пробыла тамъ до пятницы святой недѣли; по возвращеніи была здорова и ходила даже гулять на улицу, но съ нимъ была молчалива; на ѳоминой недѣлѣ она вновь ушла къ родителямъ, чѣмъ самымъ заставила ихъ просить посредника истребовать ее и водворить у нихъ. Вслѣдствіе этого отецъ привезъ Настасью и при этомъ объяснилъ, что она будто бы больна; для узнанія истины братъ его Ивана, Анисимъ, возилъ Настасью въ г. Одоевъ къ доктору, который при осмотрѣ объяснилъ, что у ней закрыты женскія кровоочищенія; послѣ того она ни на какую болѣзнь не жаловалась и въ ней таковой не замѣчалось, почему все имъ показанное онъ относитъ къ равнодушію ея къ нему, т. е. что она перестала

его любить. Хотя отлучекъ ея къ родителямъ онъ не относитъ ни къ какимъ предосудительнымъ поступкамъ, которыхъ онъ ни въ чемъ самъ не замѣчалъ и ни отъ кого о нихъ не слыхалъ, но за что она его и все ихъ семейство возненавидѣла и даже посягнула на поджегъ ихъ дома, положительно не знаетъ и никакихъ предположеній изъяснить не можетъ.—Согласно съ показаніемъ Ивана Бурова отозвался братъ его Анисимъ.

Отецъ Настасьи Буровой, Матвѣй Давыдовъ, показалъ, что въ дѣвицахъ Настасья ни на какую болѣзнь не жаловалась и только одинъ разъ предъ отдачею замужъ на праздникъ введенія во храмъ 1864 г. съ ней что то такое сдѣлалось непонятное: выйдя во дворъ, она упала и сдѣлалась безъ памяти; по перенесеніи въ избу, ее всячески ломало, т. е. по простонародному былъ съ нею какъ бы припадокъ, и въ этой болѣзни она пробыла съ вечера до утра. Описанный припадокъ видѣли у Настасьи: сосѣдъ ихъ крестьянинъ Алексѣевъ и старшина Иванъ Григорьевъ. Замужъ за Бурова Настасья вышла по общему согласію, и первый мѣсяцъ жили они въ любви и согласіи; съ первыхъ же дней великаго поста она стала ходить къ нимъ чаще, подъ видомъ, что въ гости, и ничего имъ не объясняла; никакихъ болѣзней у ней замѣтно не было, а только она была скучна; среди поста онъ, Давыдовъ, услышалъ, что съ дочерью его что то сдѣлалось: она стала избѣгать дома мужа, такъ что ночевала однажды въ лѣсу, а наконецъ, на второй половинѣ поста, пришедши къ нимъ, слегла въ постель и сдѣлалась больной; она была постоянно задумчива и молчалива, въ продолженіи девяти дней почти не принимала никакой пищи; какъ онъ, Давыдовъ, такъ и жена его, нѣсколько разъ спрашивали Настасью, что у ней болитъ, но она не говорила, и даже причины,—отчего стала бѣгать отъ мужа, не открывала. Сумасшествія у дочери онъ не замѣчалъ, но только, когда она находилась больной 9 дней, то она была въ какомъ то безпамятствѣ, и все намѣреніе у ней было куда то бѣжать, такъ что онъ долженъ былъ держать ее на запорѣ. О ненависти же своей къ мужу она ничего особеннаго не говорила, но всегда объясняла одно, что сама не знаетъ, почему она его возненавидѣла, а чрезъ него и все семейство; нѣсколько разъ онъ пытался уговаривать ее, чтобы любила своего мужа, но она всегда отмалчивалась молчаніемъ и была всегда скучна; когда же

онъ выговаривалъ, зачѣмъ часто приходитъ къ нимъ и оставляетъ мужа, то Настасья всегда говорила одно, что это отъ скуки и что ей тошно.

Согласно съ Матвѣемъ Давыдовымъ показала жена его Татьяна, съ тѣмъ дополненіемъ, что уже послѣ взятія дочери изъ сельца Анненкова, она узнала, что у ней не было должнаго мѣсячнаго очищенія; но прежде объ этомъ она не слышала.

Показаніе Матвѣя Давыдова о бывшемъ съ Настасьей припадкѣ подтвердили: крестьянинъ Алексѣевъ, голова Григорьевъ и священникъ Василій Рудневъ, который съ своей стороны пояснилъ, что онъ былъ призванъ исповѣдывать Настасью, но не могъ этого сдѣлать по случаю сильнаго ея припадка и совершеннаго отсутствія сознанія; болѣзни, которой подвержена была Настасья, онъ, Рудневъ, опредѣлить съ точностію не можетъ, но судя по лицу ея, всегда наполненному кровію и покрытому угрями *или* прыщами, онъ заключаетъ, что она подвержена была приливамъ крови къ головѣ и припадкамъ.

Крестьяне сельца Анненкова отозвались, что до самаго произведенія въ сельцѣ Анненковѣ пожара Настасья Бурова ни въ какихъ болѣзняхъ не замѣчалась; была въ полномъ умѣ и твердой памяти и не выказывала ничего такого, отчего бы можно было подумать о ней, что она сумасшедшая.

Врачебное отдѣленіе тульскаго губернскаго правленія, на разсмотрѣніе котораго передано было уголовною палатою произведенное дослѣдованіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписано освидѣтельствовать Бурову, (предоставленіемъ отъ 9 марта 1866 г.) донесло палатѣ, что Бурова поступила 4 августа въ больницу. Изъ скорбнаго листа объ ея болѣзни видно, что она страдала отсутствіемъ менструаціи (amenorrhoea) безъ всякихъ органическихъ разстройствъ со стороны полового аппарата; жаловалась на боль и сосаніе подъ ложкой, частую дурноту, обмороки и слабость зрѣнія. На четвертый день, ночью, съ ней сдѣлался эпилептическій приступъ съ потерею сознанія и судорогами, продолжавшійся полчаса и повторившійся на слѣдующее утро. Затѣмъ приступы повторялись чрезъ каждые почти десять дней съ различною жестокостію и продолжительностію. Въ промежуткахъ между ними Бурова жаловалась на сильную головную боль, боль въ поясницѣ, по временамъ на совершенную глухоту и ослабле-

ніе зрѣнія. Явленій разстройства въ психической сферѣ во все время не замѣчено. Послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ больницѣ, появились регулы, установившіеся надлежащимъ образомъ; эпилептическіе приступы прекратились, и только одинъ разъ, спустя три мѣсяца послѣ перваго появленія регулъ, у Буровой былъ еще одинъ эпилептическій приступъ въ видѣ дурноты и скоро прошедшаго обморочнаго состоянія. Послѣ этого она совсѣмъ оправилась и была (1 февраля) выписана изъ больницы.—При освидѣтельствованіи оказалось: Бурова блондинка, съ карими глазами и блѣднымъ лицемъ; выраженіе лица ея совершенно осмысленное; рѣчь правильна и внятна; въ тѣлодвиженіяхъ нѣтъ ничего рѣзкаго, ненормальнаго. На предложенные вопросы она отвѣчала правильно и совершенно удовлетворительно. Относительно состоянія здоровья заявила, что припадковъ съ ней больше не было; на вопросы же о различныхъ обстоятельствахъ совершеннаго ею преступленія, отвѣчала, что она ничего не помнитъ, потому что въ то время была въ какомъ то безсознательномъ состояніи. По мнѣнію врачебнаго отдѣленія, Бурова еще до замужества была одержима падучею болѣзнію (epilepsia), обусловленною отсутствіемъ менструацій (amenorrhoea). Ни одна изъ нервныхъ болѣзней,—продолжаетъ врачебное отдѣленіе,—не оказываетъ такого вліянія на душевную дѣятельность больнаго, какъ падучая болѣзнь; вліяніе это состоитъ въ уменьшеніи способности ума вполнѣ обнимать представленія, вникать въ ихъ сущность, при одновременномъ разгарѣ страстей. Иногда же она обусловливаетъ собою совершенное умопомѣшательство. Слѣды такого вліянія болѣзни на Настасью Бурову замѣчены еще до совершенія ею преступленія. Они заключались во внезапной рѣзкой перемѣнѣ ея характера и привязанностей, безъ всякой причины: вмѣсто прежней любви къ мужу, у ней развивается ненависть къ нему, являются постоянная задумчивость, молчаливость и, наконецъ, раздражительность, вслѣдствіе которыхъ она всѣмъ и каждому бранитъ мужа. Подобныя внезапныя, ничѣмъ не мотивированныя перемѣны въ чувствахъ, служатъ важнымъ указаніемъ разстройства въ психической сферѣ. Мотивомъ преступленія со стороны Буровой было желаніе во что бы то ни стало избавиться отъ мужа и родныхъ. Но мотивъ этотъ очевидно основывался на болѣзненно ненормальной концепціи, потому что внѣшнихъ, разум-

ныхъ или по крайней мѣрѣ достаточныхъ причинъ къ его развитію не было никакихъ. Мужъ и родные ее любили, и дурнаго обращенія она съ ихъ стороны не видѣла. Видно, что болѣзненно-развившееся чувство ненависти подавило разумъ и уничтожило возможность противодѣйствія. Далѣе въ самомъ процессѣ совершенія преступленія есть нѣкоторыя черты, указывающія на разстройство «психическаго механизма» Буровой, напримѣръ: ее удерживаетъ отъ поджога вѣтеръ и боязнь, чтобы не пострадали отъ того сосѣди, и когда наконецъ пламя переносится на сосѣдніе дворы, Бурова плачетъ, ей жаль пострадавшихъ. Между тѣмъ самое простое соображеніе, при нормальномъ состояніи душевной дѣятельности, должно было подсказать и приготовить ее къ подобному весьма возможному послѣдствію ея дѣянія и при нормальномъ мышленіи: или удержать отъ самаго дѣянія, или же удержать отъ слезъ и сожалѣнія при его послѣдствіяхъ. Такимъ образомъ на основаніи всего вышеизложеннаго слѣдуетъ заключить, что поджогъ совершенъ Буровою подъ вліяніемъ психическаго разстройства (умопомѣшательства). Отсутствіе признаковъ его при испытаніи ея въ больницѣ и при освидѣтельствованіи, такому заключенію противорѣчить не можетъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ нашелъ, что принимая во вниманіе данныя, описанныя въ отношеніи врачебнаго отдѣленія тульскаго губернскаго правленія въ мѣстную уголовную палату отъ 9 марта 1866 г. нельзя отвергать, что Бурова могла совершить поджогъ подъ вліяніемъ психическаго разстройства.

О поджогахъ, учиненныхъ крестьянкою Евгеніею Константиновою.

(Припадокъ помѣшательства).

Въ селѣ Пятницкомъ (алексинскаго уѣзда, тульской губерніи) въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ 1863 года было 5 пожаровъ, изъ коихъ 1-й произошелъ 25 мая въ 6 часовъ по полудни, 2-й былъ того же числа въ 11 часу по полудни; 3-й въ 11 часовъ ночи на 9 іюня; 4-й 9 іюня въ 6 часовъ по полудни, и 5-й 11-го іюня около

полудня. Отъ всѣхъ этихъ пожаровъ сгорѣло 18 дворовъ. При дознаніи о причинѣ пожаровъ, крестьяне села Пятницкаго отозвались незнаніемъ и подозрѣнія въ умышленномъ поджогѣ ни на кого не изъявили.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1863 г., въ сосѣдственномъ съ селомъ Пятницкимъ селѣ Луковицахъ произошло также пять пожаровъ, изъ коихъ 1-й былъ 19 сентября, въ 9 часовъ, 2-й, 3-й, и 4-й пожары были одинъ за другимъ 22 сентября и 5-й пожаръ 23 сентября. Кромѣ сего былъ подожженъ еще плетень у крестьянина Матвѣя Иванова, но вскорѣ потушенъ; на мѣстѣ послѣдняго пожара крестьянскій мальчикъ Лука Васильевъ усмотрѣлъ дѣвочку села Луковицъ, Евгенію Константинову, на которую, по народной молвѣ, и пало подозрѣніе въ произведеніи означенныхъ поджоговъ.

На спросѣ мѣстнаго земскаго исправника 25 сентабря 1863 г. *Евгенія Константинова* (15 лѣтъ) созналась въ поджогахъ не только въ селѣ Луковицахъ, но и въ селѣ Пятницкомъ, гдѣ она жила въ работницахъ у крестьянина Пармена Иванова *).

Подтвердивъ сознаніе свое при спросѣ слѣдственной коммиссіей, Евгенія Константинова объяснила, что живя въ работницахъ у Пармена Иванова, она не имѣла никакого зла, но ей пришло на мысль поджигать село; посему для перваго поджога она взяла въ печуркѣ у хозяина своего спички и зажгла уголъ двора сосѣда ея хозяина, Дементія Семенова; для 2-го поджога она взяла горѣвшую чурку съ 1 поджога и обвернула ее въ суволочную защиту двора Афанасья Яковлева; затѣмъ, когда она съ хозяиномъ своимъ перешла жить къ старостѣ Феоктисту Егорову, то для третьяго поджога взяла съ окна у Егорова три спички, изъ коихъ одною подожгла стѣну клѣтушки крестьянина Парфенія Евдокимова; 4-й и 5-й поджоги она, Константинова, сдѣлала также спичками. Относительно поджоговъ въ с. Луковицахъ, Константинова показала, что 19 сентября, взявъ у себя дома зажигательную спичку, она подожгла задворокъ Емельяна Алексѣева.

---

*) Изъ дѣла видно, что Константинова, проживая у Иванова, нянчила его дѣтей. Когда отъ поджоговъ сгорѣлъ домъ Иванова, то Константинова была отправлена къ родителямъ въ село Луковицы, гдѣ и продолжала дѣлать поджоги, отъ которыхъ между прочимъ сгорѣлъ домъ ея родителей.

Потомъ дня черезъ два она спичкою-же подожгла крышу дома крестьянина Егора Петрова, а по окончаніи этого пожара подожгла, спичкою же, дверь крестьянина Николая Никандрова и на тотъ же день, взявши изъ печки во время топки оной чурку съ огнемъ, бросила въ закуту крестьянина Спиридона Алексѣева; когда загорѣлся домъ этого крестьянина, то она задумала поджечь домъ крестьянина Матвѣя Иванова, для чего взявши чурку изъ пожара, бросила ее близь его сарая, но въ это самое время крестьянскій мальчикъ Лука Васильевъ увидѣлъ ее, и началъ звать крестьянъ.—23 сентября утромъ, бывши у пономаря Матвѣя Иванова, она задумала сжечь домъ его, для чего зайдя сзади, зажгла спичкою вблизи сложенное жнивье, отчего и сгорѣлъ домъ пономаря. Кромѣ сего она имѣла намѣреніе поджечь домъ прикащика Степана Ефимова, но исполнить сего не могла, потому что крыша была высока. На *спросъ о причинахъ*, побудившихъ ее къ преступленію и о томъ не была ли она кѣмъ научаема, Константинова сначала отвѣтила, что дѣлать поджоги ей приказалъ неизвѣстный сѣдой старикъ, который угрожалъ ей, что если она не исполнитъ его приказаній, то онъ наведетъ на нее тоску, отъ которой она удавится или утопится; но потомъ объяснила, что поджогъ дома крестьянина Емельяна Алексѣева сдѣланъ ею по наущенію ратничихи Ирины Семеновой, а поджечь домъ крестьянина Егора Петрова научалъ ее крестьянинъ Ананій Петровъ. Ирина Семенова и Ананій Петровъ во взгодимомъ на нихъ Евгеніей Константиновой не сознались и ничѣмъ не уличены.

При передопросѣ въ присутствіи алексинскаго уѣзднаго суда Константинова, сознаваясь въ поджогахъ, присовокупила, что къ произведенію оныхъ она научаема никѣмъ не была; причинъ, побудившихъ ея къ тому, не объяснила.

На повальномъ обыскѣ поведеніе Константиновой одобрено.

Константинова была свидѣтельствована врачебною управою (25 іюня 1864 года, т. е. 13 мѣсяцевъ послѣ первыхъ поджоговъ въ с. Пятницкомъ и 9 мѣсяцевъ послѣ поджоговъ въ с. Луковицахъ) въ состояніи умственныхъ способностей ея, причемъ оказалось: лѣтъ ей около 16, тѣлосложенія она посредственнаго, никакихъ физическихъ разстройствъ не имѣетъ; очищеніе имѣетъ уже другой годъ; въ выраженіи лица замѣчается нѣкоторая суровость;

изъ отвѣтовъ на предложенные ей вопросы видно полное присутствіе смысла и сознательности.—Для дальнѣйшаго и болѣе положительнаго дознанія умственныхъ способностей Константиновой, она была отправлена на испытаніе въ больницу тюремнаго замка, гдѣ во время пребыванія своего, какъ донесъ управъ завѣдующій больницею врачъ, была довольно весела, отвѣчала на вопросы со смысломъ и охотно, особенныхъ какихъ либо наклонностей и вообще никакого разстройства въ умственныхъ способностяхъ замѣтно не было; мѣсячныя очищенія совершались правильно и въ достаточномъ количествѣ, отправленіе прочихъ органовъ ничего особеннаго не представляло. Посему управа заключила, что Константинова въ настоящее время вполнѣ владѣетъ умственными способностями; что же касается до того: въ какомъ состояніи умственныхъ способностей Константинова находилась во время содѣянныхъ ею преступленій, т. е. были ли тѣ преступленія проявленіемъ свободной и разумной воли, или они совершены въ припадкахъ умоизступленія,—то этотъ вопросъ, по неимѣнію на то положительныхъ данныхъ, рѣшить нельзя, не отвергая впрочемъ возможности отсутствія у Константиновой свободной и разумной воли или присутствія припадка умоизступленія въ то время, когда совершены были ею преступленія одно за другимъ, въ значительномъ количествѣ и въ продолженіи короткаго времени. Допустить это, по мнѣнію управы, возможно, потому что: во 1-хъ, частное умопомѣшательство, выражающееся превратностью понятія объ одномъ только какомъ-либо предметѣ или преобладающимъ развитіемъ страсти къ чему либо, напримѣръ къ огню (pyromania) наукою допускается; во 2-хъ, нѣкоторые изъ психіатровъ предполагаютъ, что содѣйствующею причиною развитія страсти къ огню, къ поджигательству, словомъ къ развитію пиромании, служитъ болѣе тотъ возрастъ, въ которомъ совершается окончательное развитіе дѣтородныхъ органовъ, такъ у дѣвицъ первое появленіе мѣсячныхъ очищеній, а Константинова именно и совершила преступленія въ первый годъ появленія у ней мѣсячныхъ очищеній *), и наконецъ въ 3-хъ, поджоги, произведенные Константиновою въ такомъ количествѣ и

*) По показанію матери, мѣсячныя очищенія открылись у Константиновой въ январѣ 1863 г.

въ непродолжительномъ времени безъ всякой побудительной причины, указываютъ нѣкоторымъ образомъ на дѣйствіе, не обусловливаемое свободною и разумною волею и сознательностію о свойствѣ преступленія.

Палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ это дѣло, постановленіемъ 24 октября 1864 г. заключила: не подвергая Константинову наказанію, на основаніи примѣчанія къ 62 ст. и ст. 107 и 108, 1 кн. XV тома, внушить ей при родителяхъ ея, чтобы она отъ *подобныхъ* поступковъ воздержалась подъ страхомъ строгаго по законамъ наказанія, а потомъ отдать Константинову родителямъ на попеченіе, съ обязательствомъ имѣть за нею тщательное, непрестанное смотрѣніе.

Начальникъ тульской губерніи, представляя настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената, между прочимъ донесъ, что когда Евгенія Константинова, при *дознаніи о причинѣ* пожаровъ, была доведена уликами до сознанія, то крестьяне, присутствовавшіе при слѣдствіи, вошли въ столь сильное раздраженіе и въ особенности отецъ подсудимой, что распоряженіемъ лишь исправника былъ предупрежденъ произвольный судъ надъ Константиновою; ожесточеніе крестьянъ противъ Константиновой столь велико, что они и на распросы исправника отвѣчаютъ: «что принять Евгенію въ общество невозможно, этому не бывать, имъ она не нужна»; такого рода отзывы они сопровождаютъ проклятіями. Родители Константиновой говорятъ, что отъ *ненависти* крестьянъ они боятся ходить по улицамъ селенія, ибо нѣтъ имъ прохода отъ упрековъ и оскорбленій за проступки дочери. *По* соображеніи обстоятельствъ дѣла, начальникъ губерніи находилъ: 1) опредѣленіе палаты уголовнаго суда, послѣдовавшее 13 мая 1864 года, правильно и согласно съ законами, такъ какъ Евгенія Константинова созналась въ поджогахъ и сознаніе ея подтверждается обстоятельствами дѣла *). 2) Врачебная управа при освидѣтельствованіи Евгеніи Константиновой нашла ее здоровою и не могла замѣтить въ ней ни малѣйшихъ признаковъ умственнаго разстройства. Во время испытанія въ больницѣ она была даже весела. 3) Предположеніе врачебной управы относительно

*) Это постановленіе палаты осталось безъ исполненія, вслѣдствіе подверженія Константиновой освидѣтельствованію въ умственныхъ способностяхъ.

Прим. изд.

того, что Евгенія Константинова могла совершить поджоги, будучи одержима пироманіею, совершенно гадательно. Управа не утверждаетъ и не отрицаетъ, она говоритъ, что пироманія могла быть, могла и не быть. 4) Существованіе пироманіи у Евгеніи Константиновой не подтверждается ни однимъ фактомъ, ни однимъ наблюденіемъ медиковъ. 5) Если допустить существованіе пироманіи вообще, то нельзя отрицать, что этого рода болѣзненное состояніе должно быть отнесено къ разряду умопомѣшательства. Но если бы Евгенія Константинова находилась подъ вліяніемъ онаго, то безъ сомнѣнія не могла бы скрыть такого состоянія своего во время самыхъ поджоговъ. Она бы дѣлала ихъ открыто, а не тайно, и ненормальное состояніе ея разсудка въ то время, было бы безъ сомнѣнія замѣчено ея односельцами. Между тѣмъ она такъ хорошо владѣла собою, что послѣ многократныхъ поджоговъ, никто даже подозрѣнія на нее не имѣлъ. 6) Второе рѣшеніе уголовной палаты, состоявшееся 24 октября 1864 г., оправдывающее дѣвицу Евгенію Константинову потому только, что она могла быть одержима пироманіею, противно существу дѣла и уложенію о наказаніяхъ,—въ коемъ ничего о подобномъ обстоятельствѣ, могущемъ облегчить участь поджигателя, не сказано. Если допустить оправданіе поджигателя потому только, что онъ могъ дѣйствовать подъ вліяніемъ пироманіи и тогда, какъ никакія данныя этого не подтверждаютъ, то почему не допустить оправданія убійцы на томъ основаніи, что онъ могъ дѣйствовать подъ вліяніемъ маніи къ убійству. На основаніи вышеизложеннаго начальникъ губерніи съ своей стороны полагалъ: Константинову, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на шесть лѣтъ и восемь мѣсяцевъ, а затѣмъ поселить въ Сибири навсегда. Если же правительствующій сенатъ признаетъ законнымъ облегчить участь подсудимой, то во всякомъ случаѣ будетъ необходимо переселить Евгенію Константинову на житье въ отдаленныя губерніи, хотя бы порядкомъ административнымъ. Водвореніе ея на родинѣ произвело бы самое неблагопріятное нравственное вліяніе на мѣстное сельское населеніе. Крестьяне увидѣли бы на дѣлѣ безнаказанность одного изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, а объяснить себѣ поджигательства совершенными подъ вліяніемъ пироманіи, они едва ли могутъ.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ нашелъ, что обыкновенныхъ поводовъ къ произведенію поджоговъ со стороны Евгеніи Константиновой не видно; она дѣлала поджоги въ двухъ деревняхъ, и при этомъ не щадила дома своихъ родныхъ; поведеніе ея было одобрено сосѣдями. Далѣе Константинова отъ своего преступленія не имѣла никакихъ выгодъ, и скрывать его она не думала, какъ доказываетъ самый способъ совершенія преступленія; мнѣніе же начальника губерніи, что Константинова при поджогахъ дѣйствовала сознательно, не основано на положительныхъ данныхъ. Наконецъ,—что въ настоящемъ случаѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія,—поджоги были произведены Константиновою вскорѣ послѣ перваго появленія мѣсячныхъ очищеній. А извѣстно, что у молодыхъ субъектовъ въ эпоху половаго развитія нерѣдко появляются, какъ проходящія временныя ненормальныя настроенія нервной системы, различныя психопатическія состоянія, а между прочимъ, и непреодолимыя влеченія къ поджигательству, что и послужило поводомъ къ принятію пироманіи, какъ отдѣльной болѣзненной формы, которая однако, въ сказанномъ смыслѣ въ настоящее время наукою не допускается. Если же при испытаніи Константиновой въ больницѣ и при освидѣтельствованіи ея, признаковъ помѣшательства замѣчено не было, то это обстоятельство еще ничего не доказываетъ, такъ какъ она была свидѣтельствована спустя 13 мѣсяцевъ послѣ первыхъ поджоговъ (въ маѣ) и чрезъ 9 мѣсяцевъ послѣ послѣднихъ (въ сентябрѣ 1863 г.), а подобныя психопатическія состоянія въ эпоху половаго развитія, какъ объяснено уже выше, появляются временно, и обыкновенно исчезаютъ съ полнымъ развитіемъ половой системы, и впослѣдствіи, какъ показали наблюденія, большею частію уже вновь не возвращаются. Во всякомъ случаѣ ненормальный, по всему вѣроятію, поводъ къ преступленію, отсутствіе всякихъ расчетовъ при поджогахъ и совершеніе ихъ въ періодѣ половаго развитія, составляютъ обстоятельства, *во первыхъ*, позволяющія съ вѣроятностію допустить, что Константинова совершала поджоги въ болѣзненномъ состояніи несвободной воли, а *во вторыхъ*, указывающія, что она должна быть отдана подъ надзоръ.

О крестьянкѣ Екатеринѣ Веретенниковой, учинившей поджогъ.

(Сообщеніе).

22 сентября 1862 г. сосновское волостное правленіе (бугурусланскаго уѣзда, самарской губерніи) донесло мѣстному становому приставу, что ночью съ 30 на 31 августа того года въ слободѣ Аманакской въ домѣ крестьянина Дениса Андреянова произошелъ пожаръ, коимъ истреблено: все строеніе, принадлежащее означенному крестьянину, а также у сосѣда его Кузьмы Орлова все строеніе кромѣ избы.—Вслѣдствіе сего засѣдателемъ волостнаго правленія было произведено дознаніе, по коему оказалось, что пожаръ произошелъ съ крыши сарая, примыкающего къ дому вдовы крестьянина Ивана Вдовкина, Агафьи Феоктистовой; что въ поджогѣ этого сарая подозрѣвается живущая у Вдовкиной на квартирѣ дѣвица Екатерина Веретенникова, потому что часа за два съ половиною до пожара, она вышла на дворъ, гдѣ пробыла примѣрно часовъ до 2-хъ; часа черезъ полтора послѣ ея выхода, Феоктистова съ дочерью Дарьей выходила на дворъ и кричала, но Веретенникова голосу не подала; затѣмъ Феоктистова съ дочерью вошли въ избу и за ними чрезъ полчаса вошла Веретенникова и сѣла подъ окномъ; послѣ этого чрезъ полчаса произошелъ пожаръ; при обыскѣ же у Веретенниковой найдено въ карманѣ нѣсколько зажигательныхъ спичекъ.—По вышеизложенному рапорту волостнаго правленія, никакого изслѣдованія произведено не было.

17 мая 1863 г. при производствѣ въ слободѣ Аманакской слѣдствія о покушеніи крестьянки той слободы, Антоновой, отравить своего мужа,—къ судебному слѣдователю Гаврилову добровольно явилась крестьянская дѣвица Екатерина Веретенникова и объявила, что она пришла сознаться въ своемъ преступленіи, а именно въ поджогѣ въ августѣ мѣсяцѣ 1862 г. дома государственнаго крестьянина Аманакской слободы, Дениса Андреянова. Судебный слѣдователь задалъ вопросъ, не научилъ ли ее, Веретенникову, кто нибудь сдѣлать ложный выводъ на себя въ этомъ преступленіи, (судебный слѣдователь, какъ видно изъ со-

ставленнаго имъ протокола, полагалъ, что Екатерину Веретенникову могъ научить или упросить принять на себя это преступленіе крестьянинъ Денисъ Андреяновъ, который не получилъ страховыхъ премій, потому что пожаръ тогда начался съ его дома и произошелъ отъ неизвѣстной причины; Андреяновъ могъ уговорить Веретенникову взвести на себя поджогъ, увѣривъ ее, что ей ничего за это не будетъ, потому что она убогая. Екатерина Веретенникова ходитъ съ костылемъ, и одною рукою дурно владѣетъ). Но Веретенникова отвѣчала, что ее никто этому не училъ, а что она сама, мучимая совѣстью, рѣшилась во всемъ сознаться, и проситъ записать ея показанія.

Въ данномъ вслѣдъ засимъ показаніи *Екатерина Веретенникова* (32 лѣтъ) объяснила, что она проживаетъ въ Аманакской слободѣ по квартирамъ; живетъ подаяніемъ, потому что по своей болѣзненности не можетъ работать. Въ августѣ мѣсяцѣ *1862* года она жила на квартирѣ въ домѣ крестьянки Агафьи Вдовкиной. Не помнитъ какого именно числа того августа, но помнитъ, что это было въ четвергъ вечеромъ, она, взявъ вѣтошку, зажгла ее имѣвшимися у нея спичками, и перебросила ее со двора крестьянки Вдовкиной на крышу сарая сосѣда ея, крестьянина Дениса Андреянова. Сдѣлала она это не изъ злобы и не по наущенію кого либо, а такъ ей хотѣлось пошутить, посмотрѣть, какъ будетъ горѣть. Часа черезъ два послѣ того, находясь уже въ избѣ, она услышала крики: «пожаръ, загорѣлся дворъ крестьянина Дениса Андреянова»; тогда же ее подозрѣвали въ поджогѣ, и при обыскѣ нашли у ней въ карманѣ спички, но она не созналась. Послѣ этого, мѣсяца три ее мучила совѣсть, и она рѣшилась сознаться въ своемъ преступленіи; къ сознанію ее никто не принуждалъ.

Крестьянка Агафья *Вдовкина* показала, что въ 1862 г. она взяла къ себѣ жить крестьянскую дѣвицу Екатерину Веретенникову, которая и жила у ней съ пасхи до 1 сентября 1862 г. Вечеромъ 30 августа Веретенникова противъ обыкновенія хотѣла уйдти куда то ночевать, но куда именно—не говорила. Когда Веретенникова вышла изъ избы, то она, Вдовкина, сказала ей въ окошко, что если она будетъ уходить ночевать въ люди, то она вовсе не станетъ держать ее у себя; Веретенникова вернулась и, посидѣвъ нѣсколько минутъ въ избѣ, сказала, что у нея забо-

лѣла животъ, и подъ этимъ предлогомъ вышла на дворъ. Прошло болѣе часу, а Веретенникова не возвращалась; безпокоясь о томъ, что не случилось ли чего съ нею, она, Вдовкина вышла на дворъ, и окликнула Екатерину; но та голоса не подала. Искать Веретенникову по двору она, Вдовкина, не пошла, потому что и днемъ ничего не видитъ, а тогда было уже темно. Поэтому, возвратясь въ избу, она сказала дочери своей Дарьѣ, что вѣроятно Екатерина ушла таки куда нибудь ночевать. Дарья тотчасъ же вышла на дворъ и стала звать Веретенникову. На голосъ Дарьи Веретенникова откликнулась, она была тогда у забора сосѣда ихъ Андреянова. По зову Дарьи, Веретенникова пришла въ избу, сѣла у окошка вязать чулокъ и запѣла пѣсню. Въ это время она, Вдовкина, съ дочерью легли спать. Не прошло и получаса съ того времени, какъ Екатерина возвратилась со двора въ избу, начался пожаръ у Андреяновыхъ. Екатерина первая увидѣла огонь, такъ какъ она сидѣла у окна, выходящаго на заборъ Андреянова и спокойно объявила имъ, что сосѣдъ ихъ горитъ. Когда она, Вдовкина, выбѣжала на дворъ, то на пожаръ уже начали сбѣгаться крестьяне. Екатерина также была на пожарѣ, и ее тогда же почему то заподозрѣли въ поджогѣ. Послѣ пожара и она высказывала подозрѣніе на Веретенникову, потому именно, что она передъ пожаромъ была долго на дворѣ и такъ спокойно объявила о пожарѣ. Во все время проживанія у нея, Вдовкиной, Веретенникова вела себя хорошо, и она за ней ничего подозрительнаго не замѣчала; съ крестьяниномъ Андреяновымъ Веретенникова при ней, Вдовкиной, никогда не ссорилась.—Показаніе Аграфены Вдовкиной подтвердила дочь ея Дарья.

Крестьянинъ Денисъ Андреяновъ и жена его Татьяна показали, что Екатерина Веретенникова никакой злобы на нихъ не имѣла и они съ нею никогда не ссорились. Татьяна Андреянова кромѣ того добавила, что подозрѣніе въ поджогѣ пало на Екатерину Веретенникову потому, что за ней тогда гонялось пламя пожара.

– Полицейскій десятникъ слободы Аманакской, крестьянинъ Осипъ Аверинъ показалъ, что на разсвѣтѣ 31 августа 1862 г., кто то изъ народа, бывшаго на пожарищѣ, указалъ на крестьянскую дѣвицу Екатерину Веретенникову, сидѣвшую спокойно противъ пожарища и сказалъ: „вотъ кто поджогъ!“ Видя, что Верет-

тенникова дѣйствительно сидитъ и смотритъ съ любопытствомъ на пожаръ, онъ подошелъ къ ней и спросилъ, что она тутъ дѣлаетъ? Веретенникова смѣшалась; это ему показалось подозрительнымъ, и онъ обыскалъ ее, причемъ нашелъ у ней спички. На вопросъ «зачѣмъ у нее спички»? она сказала, что не знаетъ, откуда онѣ у нея, и потомъ сказала, что онѣ ей нужны. Видя, что она путается и несвязно отвѣчаетъ, онъ отвелъ ее къ сельскому старостѣ Бѣлоскову, который и отправилъ ее въ волостное правленіе.

Сельскій староста Бѣлосковъ отозвался, что когда Веретенникова была приведена къ нему десятскимъ Авеpинымъ, то на спросъ его, не она ли подожгла, Веретенникова отвѣчала, что нѣтъ, и на вопросъ, зачѣмъ у нее спички въ карманѣ, отвѣчала, что спички ей всегда нужны.

Крестьяне слободы Аманакской (въ числѣ 24 человѣкъ) отозвались, что Екатерина Веретенникова сирота, ближнихъ родныхъ у нея нѣтъ и она убогая, не въ состояніи заниматься работою, живетъ Христа ради у кого нибудь на квартирѣ и собираетъ милостыню. До поджога она ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ замѣчаема не была и вела себя хорошо.

Самарская палата уголовнаго суда, по разсмотрѣніи дѣла, нашла, что Веретенникова, при совершеннолѣтіи, сдѣлала поджогъ, по ея сознанію изъ шутки и изъ желанія посмотрѣть, какъ будетъ горѣть. Совершеніе такого поступка по такимъ побужденіямъ несовмѣстно съ здравымъ состояніемъ совершеннолѣтняго. Вслѣдствіе того, и имѣя въ виду недостаточно ясный отзывъ обывателей о убожествѣ Веретенниковой и неспособности ея къ работѣ, и высказываемое спокойствіе ея при видѣ пожара, уголовная палата нашла нужнымъ вызвать Веретенникову въ свое присутствіе для подробнаго распроса о взводимомъ ею на себя тяжкомъ преступленіи.

На произведенномъ вслѣдствіе сего въ присутствіи уголовной палаты 13 сентября 1863 г. допросѣ, *Екатерина Веретенникова* показала, что домъ Андреянова подожгла она изъ шалости: пошутить хотѣла, и потому только, что при разговорахъ она слышала, что за поджигателемъ всегда идетъ огонь; и когда она подожгла домъ, то дѣйствительно огонь пошелъ за нею такъ: она пошла къ берегу, то галки (искры) полетѣли за нею, почему она,

пожалѣвъ брата, ушла за рѣку Морову, гдѣ выбросила коробочку спичекъ на навозныя кучи, а сама отъ испуга возвратилась въ село и сѣла на улицѣ, на вынесенномъ сундукѣ хозяйки ея, крестьянки Вдовкиной. Дочь хозяйки Дарья, зная, что у ней были спички, сказала десятнику Осипу Аверину, который подошедши къ ней, сорвалъ съ нея привязанный на поясѣ карманъ, и началъ его обыскивать, гдѣ и нашелъ оставшіяся отъ вынутой коробки только три спички. Поэтому ее тогда же заподозрѣли въ поджогѣ, взяли ее на почтовую, а оттуда отвезли въ контору (волостное правленіе) въ село Сосновку, гдѣ ее продержали съ недѣлю, допрашивали два раза, но она тогда ни въ чемъ не повинилась, думая, что пройдетъ такъ. Но недѣли черезъ три послѣ этого, она разболталась о своей винѣ, въ шабрахъ у Андреянова, крестьянину Митрофану Мохову, который разсказалъ Андреяновымъ. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить ея словамъ, потомъ, когда кавалеръ (солдатъ) Леонтій сказалъ Андреяновымъ, что она доподлинно подожгла и чтобы къ ней приставали, то Андреяновы стали ее просить, чтобы она созналась по всей правдѣ и даже обѣщались дать ей денегъ; жалѣючи ихъ, она наконецъ имъ всѣмъ созналась, а потомъ, когда въ ихъ слободу пріѣхалъ слѣдователь, то точно также повинилась и ему. До поджога дома Андреянова, она съ нимъ никакихъ ссоръ не имѣла, прежде жила у Андреянова съ годъ въ скотной избѣ, и онъ кормилъ ее, чтобы не ходила просить милостыни, такъ какъ она нищая; когда она жила у Андреянова, то онъ ее ничѣмъ и никогда не обижалъ, а напротивъ во всемъ благодѣтельствовалъ.

— Самарская палата уголовнаго суда нашла необходимымъ, предварительно сужденія Веретенниковой за произведенный поджогъ, освидѣтельствовать ее въ отношеніи умственнаго ея состоянія въ присутствіи губернскаго правленія.

Вслѣдствіе сего Екатерина Веретенникова была *освидѣтельствована* въ состояніи умственныхъ способностей, въ особомъ присутствіи самарскаго губернскаго правленія 17 октября 1863 г. На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе вопросы Веретенникова отвѣчала: *В.* Какъ тебя зовутъ и сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *О.* Катерина — 37 годъ. *В.* Знаешь ли ты грамату: читать и писать? *О.* Нѣтъ не умѣю. *В.* Гдѣ ты родилась и постоянно ли тутъ жила, или въ другомъ мѣстѣ?

О. Въ деревнѣ Монежа, жила и тутъ и на сторонѣ въ селѣ Савухѣ, жила и въ своемъ домѣ и на квартирѣ. *В.* Что тебя побудило поджечь домъ крестьянина Дениса Андреянова? *О.* Ни за что; у меня были спички въ карманѣ, зажгла ихъ и бросила въ солому. *В.* Была ли ты замужемъ и имѣешь ли дѣтей и какихъ именно? *О.* Нѣтъ, я дѣвушка. *В.* Ты постоянно была здорова или страдала какими нибудь болѣзнями? *О.* Нѣтъ, нездорова лѣтъ одиннадцать, рука правая отнялась, и ноги обѣ не владѣютъ. *В.* Кто тебѣ сказалъ, что огонь будетъ бѣгать за тобою, если ты зажжешь домъ чей нибудь? *О.* Женки сидѣли на улицѣ и калякали объ этомъ; я и хотѣла испытать, правда ли это. *В.* Дѣйствительно ли бѣжалъ за тобою огонь, когда домъ загорѣлся? *О.* Правда, бѣжалъ за мной огонь.—Особое присутствіе заключило, что хотя Веретенникова на предложенные ей вопросы и отвѣчала довольно правильно, но для большаго удостовѣренія, находится ли она въ совершенно здравомъ умѣ, необходимо отправить ее въ больницу на испытаніе на шесть недѣль.

Самарская врачебная управа, рапортомъ отъ 13 января 1864 г. донесла мѣстному губернскому правленію, что вслѣдствіе указа сего правленія отъ 15 ноября 1863 года, Екатерина Веретенникова была подвергнута испытанію въ состояніи умственныхъ способностей въ больницѣ самарскаго тюремнаго замка, и что о результатахъ сего испытанія врачъ больницы тюремнаго замка донесъ управѣ, что Екатерина Веретенникова лѣтъ 37 отъ роду, одержима съ малолѣтства золотухою и вслѣдствіе этой болѣзни имѣетъ сведенную правую руку, и ниже колѣнъ безобразно опухшія ноги съ широкими золотушными язвами. Такое болѣзненное состояніе не позволяетъ ей производить большую часть домашнихъ женскихъ работъ, но прясть она можетъ; это же состояніе было причиною, почему она была уже 17 сентября 1863 г. принята въ больницу, и такъ какъ врачу напередъ извѣстно было, что она будетъ подвергнута испытанію въ умственныхъ способностяхъ, то онъ тотчасъ началъ обращать свое вниманіе на ея душевное состояніе. Наблюдая такимъ образомъ за Веретенниковой болѣе трехъ мѣсяцевъ, онъ не могъ однако открыть въ ней никакого слѣда душевной болѣзни: она вела себя всегда ровно, не любила затворническую жизнь и поэтому часто ходила изъ камеры въ камеру и на дворъ замка; во всѣхъ разговорахъ гово-

рила, какъ слѣдуетъ крестьянской женщинѣ, и даже не обнаружила низшей степени ума. Что касается до ея замѣчательнаго отвѣта, побудившаго уголовную палату подвергнуть ее освидѣтельствованію въ умственномъ состояніи, именно: «что она поджиганіемъ хотѣла попугать, и болѣе вслѣдствіе слуховъ, что за поджигателями вслѣдъ идетъ огонь», то нужно замѣтить слѣдующее: при домашнемъ разговорѣ, объ этомъ предметѣ, она отвѣчала точно такъ, какъ въ уголовной палатѣ, что когда она подожгла домъ, дѣйствительно огонь шелъ за нею; случайность, что пожаръ распространился въ ту сторону, куда она сочла нужнымъ удалиться, подтвердила это такъ сильно, что она въ нее теперь вѣритъ, и эта вѣра составляетъ только малую часть тѣхъ суевѣрій, которыми лишенная умственнаго образованія крестьянская жизнь такъ богата. Конечно этого рода суевѣріе не уясняетъ настоящія побудительныя причины поджога, тѣмъ не менѣе высказанное суевѣріе не выказало никакой связи съ другими подобными странностями, и не открыто никакого душевнаго разстройства въ ней, а потому слѣдуетъ предположить, что выдавая суевѣрный слухъ за побудительную причину поджога, она съумѣла скрыть настоящія побужденія.

30 января 1864 г. Екатерина Веретенникова была снова освидѣтельствована въ особомъ присутствіи самарскаго губернскаго правленія. На предложенные при освидѣтельствованіи этомъ нижеслѣдующіе вопросы она отвѣчала: *В*. Какъ теперь твое здоровье? *О*. Все тоже: руки и ноги ломятъ и раны не заживаютъ. *В*. Гдѣ ты это время находилась и лечили ли тебя? *О*. Въ больницѣ; въ замкѣ все время была и тамъ меня лечили. *В*. Жалѣешь ли ты о томъ, что зажгла домъ? *О*. Какъ не жалѣть, жалко мнѣ, сестра двоюродная моя. *В*. Понимаешь ли ты, что сдѣлала худо, зажигая домъ своего ближняго? *О*. Какъ не понимать, очень понимаю, что сдѣлала скверно. *В*. Хочешь ли ты остаться въ больницѣ? *О*. Желаю до рѣшенія дѣла. *В*. А когда рѣшится твое дѣло, то есть ли родственники, которые бы взяли тебя къ себѣ? *О*. Братъ есть родной, онъ мнѣ наказывалъ, что возьметъ къ себѣ, когда дѣло мое рѣшится, домъ мнѣ хочетъ выстроить. — Особое присутствіе заключило, что какъ по донесенію врача тюремнаго замка, такъ и по правильнымъ отвѣтамъ Ве-
[illegible]

ретенниковой на предложенные ей въ присутствіи губернскаго правленія вопросы, оказалось, что она душевно здорова.

Самарская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ сіи обстоятельства нашла, что Екатерина Веретенникова, по ея сознанію, согласному съ обстоятельствами дѣла, виновна въ поджогѣ, и что за это преступленіе ее слѣдуетъ подвергнуть, на основаніи 2188 ст., наказанію по 7 степени 21 ст. улож. въ низшей оной мѣрѣ, потому: во 1-хъ, что она сама объявила начальству о сдѣланномъ ею преступленіи, безъ всякого отъ кого либо принужденія, и во 2-хъ, по ея легкомыслію, доказывающемуся сознаніемъ, что она сдѣлала поджогъ изъ-за того, чтобы видать, какъ идетъ за поджигателемъ огонь. На основаніи сего палата опредѣлила: лишивъ Веретенникову всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на четыре года и кромѣ того взыскать съ имѣнія ея, буде таковое окажется, въ пользу погорѣвшихъ отъ пожара стоимость погорѣвшаго имущества.

Начальникъ самарской губерніи нашелъ вышеизложенное рѣшеніе уголовной палаты неправильнымъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: фактъ поджога, совершеннаго Веретенниковою, доказанъ какъ собственнымъ сознаніемъ подсудимой, такъ и обстоятельствами дѣла. Что же касается до побудительныхъ причинъ, заставившихъ Веретенникову совершить преступленіе, то при этомъ нужно принять въ соображеніе тѣ обстоятельства, которыя обыкновенно сопровождаютъ преступленіе умышленнаго поджога. Преступленіе сіе возбуждается, какъ извѣстно, либо послѣдствіями сильно возбужденныхъ страстей, какъ то мщенія, корыстолюбія, либо чрезъ разстройство умственныхъ способностей. Въ настоящемъ дѣлѣ слѣдуетъ посему прежде всего обсудить, какое обстоятельство могло побудить Веретенникову къ учиненію поджога. Въ дѣлѣ есть положительныя доказательства, что Веретенниковою не руководилъ ни одинъ изъ двигателей, характеризующихъ преступленіе съ разумнымъ сознаніемъ сдѣланнаго поджога. Крестьянинъ Андреяновъ, у котораго былъ подожженъ сарай, утверждаетъ, что Веретенникова злобы на него никакой не имѣла, и онъ съ нею никогда не ссорился, а потому и не предполагаетъ, чтобы она [illegible] поджечь его домъ. Сама Веретенникова показала, что она сдѣлала поджогъ не изъ злобы и не по наущенію кого либо, а такъ ей хотѣлось

пошутить, посмотрѣть, какъ будетъ горѣть; болѣе же сдѣлала это вслѣдствіе слуховъ, что за поджигателемъ идетъ огонь и что, когда подожгла, то дѣйствительно за нею шелъ огонь. Прежде сего она жила у Андреянова съ годъ, и онъ кормилъ ее и во всемъ ей благодѣтельствовалъ. Засимъ видно, что она, сдѣлавъ поджогъ, запѣла пѣсню, а потомъ, когда распространился огонь, то съ такимъ любопытствомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ спокойно смотрѣла на пожаръ, что обратила на себя вниманіе другихъ. Обыскные люди вполнѣ одобрили поведеніе Веретенниковой и вмѣстѣ съ тѣмъ показали, что она убогая, не въ состояніи вовсе заниматься работою, живетъ Христа ради и проживаетъ милостынею. Всѣ эти обстоятельства ведутъ къ тому заключенію, что при освидѣтельствованіи въ губернскомъ правленіи, Веретенникова хотя оказалась душевно здоровою, но въ самый моментъ совершенія поджога находилась не въ нормальномъ и здравомъ состояніи разсудка. Можно легко допустить, что она при убогости своей одержима была особымъ разстройствомъ въ организмѣ, побуждающимъ иногда къ поджогамъ, именно женщинъ при ненормальномъ состояніи половыхъ органовъ. Подтвердить это предположеніе въ настоящее время чрезъ медицинское освидѣтельствованіе уже поздно. Убѣжденіе въ разстройствѣ умственныхъ способностей Веретенниковой во время поджога подтверждается еще и тѣмъ, что когда она впослѣдствіи разумно оцѣнила свой поступокъ, то въ ней тотчасъ возникло раскаяніе, и она добровольно явилась къ слѣдователю съ сознаніемъ въ преступленіи. Изъ всего вышеизложеннаго явствуетъ, что обстоятельства дѣла ясно показываютъ то ненормальное состояніе умственныхъ способностей крестьянки Веретенниковой, въ которомъ она находилась во время совершенія ею преступленія, и что слѣдовательно нѣтъ данныхъ для того, чтобы признать ее учинившею поджогъ въ состояніи свободной воли. По симъ соображеніямъ начальникъ губерніи, полагая болѣе справедливымъ Екатерину Веретенникову, примѣняясь къ 108 ст. I кн. XV т. св. зак., не подвергая наказанію, отдать подъ надзоръ родственниковъ съ тѣмъ, чтобы они имѣли за нею тщательный присмотръ, предотвращая всякія дурныя или опасныя для другихъ или для нея самой послѣдствія ея дѣйствій, —

представилъ настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, медицинскій совѣтъ нашелъ, что имѣющіяся въ дѣлѣ данныя не представляютъ основаній, по которымъ можно бы было признать умственныя способности крестьянки Екатерины Верещенниковой находящимися въ болѣзненномъ разстройствѣ, но изъ сказанныхъ данныхъ усматривается, что означенныя способности у Верещенниковой до такой степени ограничены, что она едва ли можетъ имѣть надлежащее понятіе о послѣдствіяхъ ея поступковъ.

Поджогъ крестьянкою Прасковьею Межевитиной дома своего мужа.

(Слабоуміе).

9-го февраля 1865 г., сотскій села Коровина (грайворонскаго уѣзда, курской губерніи) Рагожниковъ донесъ мѣстному становому приставу, что 26-го января въ домѣ крестьянина означеннаго села Григорія Межевитина произошелъ пожаръ, отъ коего сгорѣли верхъ избы, сѣни и чуланъ, и что 9-го февраля на спросъ его, Рагожникова, о пожарѣ, жена Григорія, Прасковья, на сътзжемъ дворѣ при многихъ бывшихъ тамъ крестьянахъ отозвалась такъ: «что вамъ за дѣло, я свое прядево подпалила сѣрникомъ».

При дознаніи, произведенномъ становымъ приставомъ, мужъ Прасковьи Межевитиной и спрошенные крестьяне села Коровина, подтвердивъ донесеніе сотскаго, добавили, что Прасковья уже три года повреждена въ умѣ.—Прасковья въ поджогѣ не сознавалась и на вопросы пристава положительныхъ отвѣтовъ не дала, а говорила вовсе о другихъ предметахъ, изъ чего, какъ заключилъ приставъ, надо полагать должно, что она повреждена въ умственныхъ способностяхъ.

22-го февраля *Прасковья Межевитина* была представлена къ судебному слѣдователю, и на вопросъ его о сдѣланномъ ею поджогѣ отвѣчала, что зажгла домъ «и тѣломъ и душею, такъ какъ общество казало», и, засимъ, обращаясь къ предстоявшему ей сотскому, говорила: «да ты жъ казалъ, такъ какъ ты казалъ»;

болѣе же отъ нея при внимательномъ распросѣ ничего узнать было невозможно. Вслѣдствіе сего судебный слѣдователь отправилъ Межевитину въ грайворонское полицейское управленіе, съ просьбою сдѣлать распоряженіе объ освидѣтельствованіи ея въ состояніи умственныхъ способностей.

При слѣдствіи *мужъ* Прасковьи, Григорій Межевитинъ, показалъ, что онъ лѣтъ 9-ть женатъ на Прасковьѣ, которая была здорова и исполняла по хозяйству всѣ работы; отъ Прасковьи у него было трое дѣтей, два сына и дочь, но всѣ они померли, послѣдній сынъ Филиппъ умеръ $2^1/_2$ года назадъ въ прошедшій рождественскій мясоѣдъ. Года три тому назадъ, Прасковья отъ неизвѣстной причины сдѣлалась больна; помѣшалась въ умѣ; перестала заниматься работою и на распросы отвѣчала не то, о чемъ спрашивали, отлучалась изъ дому, неизвѣстно куда, а дня черезъ два—три сама возвращалась домой; припадки болѣзни случались на молодомъ мѣсяцѣ и исходѣ; въ помѣшательствѣ своемъ она была смирна и кромѣ самовольныхъ отлучекъ изъ дома, что иногда бывало въ ночное время, никакихъ сумасбродствъ не дѣлала. Когда проходили припадки болѣзни она казалась здоровою, но работою занималась неохотно; для присмотра за хозяйствомъ онъ, Межевитинъ, принужденъ былъ по смерти матери его взять къ себѣ въ домъ двоюродную сестру, ратничиху Макарову; о случившейся съ женою его болѣзни онъ доводилъ до свѣдѣнія бывшаго сельскаго старосты Алексѣя Бѣликова, которымъ она представлялась въ бутовское волостное правленіе, но какъ помѣшательство Прасковьи было смирное, то она и была отпущена изъ волостнаго правленія домой. На всеѣдной недѣлѣ въ среду (25 января), жена его отлучилась изъ дому и возвратилась на другой день; на спросъ его—гдѣ была? она отвѣчала «у дяди Бѣликова». Ссоры у него съ женою не было. 26 января онъ пошелъ на съѣзжую; въ избѣ оставались Прасковья и 6-ти лѣтній сынъ Макаровой. Вскорѣ послѣ его ухода, произошелъ пожаръ въ его домѣ.

Бывшій сельскій староста Алексѣй *Бѣликовъ* показалъ, что Прасковья Межевитина жаловалась ему на жестокое обращеніе съ нею мужа ея Григорія, но при разбирательствѣ Григорій объяснялъ, что жена его помѣшалась въ умѣ, дѣлаетъ разныя неприличности, и онъ вынужденъ былъ связывать ее веревкою. Убѣж-

даясь показаніями Григорія Межевитина, онъ, Бѣликовъ, представлялъ Прасковью къ бывшему въ селѣ Коровинѣ лекарю Козлову, который по осмотру нашелъ Прасковью здоровою, и она на всѣ вопросы отвѣчала правильно.

Двое родственниковъ Прасковьи отозвались, что назадъ тому года три съ половиною Прасковья отъ неизвѣстной причины помѣшалась въ умѣ и во время припадковъ болѣзни иногда отвѣчала не то, о чемъ ее спрашивали, но была смирна и въ сумасбродствѣ и бѣшенствѣ они ее никогда не видѣли; въ продолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ Прасковья жаловалась, что ей дурная жизнь, что мужъ бьетъ ее, не даетъ хлѣба и выгоняетъ изъ дома даже и въ ночное время; это же случилось и въ ночь предъ пожаромъ.

Сотскій Рагожниковъ и нѣсколько крестьянъ села Коровина на спросъ слѣдователя относительно признанія Прасковьи Межевитиной въ поджогѣ на съѣзжемъ дворѣ, пояснили, что Рагожниковъ, уговаривая Прасковью сказать правду, прибавилъ, что за то онъ возьметъ ее замужъ; тогда Прасковья сознылась, что она запалила свое прядево.

Грайворонскій городской врачъ Корсакъ въ актѣ, составленномъ 25 февраля 1865 г., изложилъ, что вслѣдствіе отношенія грайворонскаго полицейскаго управленія отъ 24 февраля онъ въ присутствіи сего управленія свидѣтельствовалъ крестьянку Прасковью Межевитину и нашелъ, что она имѣетъ *около* 35 лѣтъ отъ роду, тѣлосложенія довольно крѣпкаго; на предлагаемые вопросы отвѣчала иногда довольно правильно, а иногда не впопадъ; вообще можно сказать, что отъ природы она придурковата, но не замѣтно въ ней ни общаго, ни одноопредметнаго умопомѣшательства; чтобы дѣйствительно опредѣлить умственное состояніе Межевитиной, необходимо подвергнуть ее испытанію.

26-го февраля на спросъ судебнаго слѣдователя Прасковья Межевитина показала, что въ замужествѣ за Григоріемъ Межевитинымъ она находится 12-ть лѣтъ; отъ Григорія она имѣла 3-хъ дѣтей—двухъ дѣвочекъ и сына, которыя всѣ померли; послѣдній сынъ Филиппъ умеръ предъ пожаромъ и по немъ она сильно грустила, не помнитъ, что дѣлала; бывши одна дома, она съ грусти по сыну зажгла въ сѣняхъ прядево, а отъ него за-

горѣлась крыша избы. Мужъ ея обходился съ нею дурно, особенно съ тѣхъ поръ какъ перешла къ нимъ жить ратничиха. Года три назадъ съ нею, Прасковьей, съ сонной сдѣлалась болѣзнь и она сходила съ ума, всѣ люди называли ее сумасшедшею; что она въ то время дѣлала, не помнитъ; когда же проходила болѣзнь—то была здорова, занималась работою; но ее часто мужъ и ратничиха выгоняли изъ дому, не давали ѣсть, запирали одну въ избѣ; теперь она здорова и прошедшее вспоминаетъ такъ, какъ будто все это дѣлалось во снѣ; поджогъ дома сдѣланъ ею безъ умысла, въ болѣзненномъ состояніи, совершенно безсознательно, то есть она не понимала, что дѣлала; теперь въ поступкѣ томъ раскаевается чистосердечно. Болѣзнь случалась часто на молодомъ мѣсяцѣ и исходѣ, а дня черезъ три—четыре проходила.

На повальномъ обыскѣ крестьяне села Коровина (10 челов.) отозвались, что года три назадъ Прасковья, неизвѣстно отъ какой болѣзни, находилась какъ бы помѣшанною въ умѣ, и въ то время нѣкоторые изъ нихъ, показателей, по распоряженію сельскаго начальства назначались въ караулъ къ Прасковьѣ какъ для обереженія ея, такъ и для предупрежденія могущихъ произойти худыхъ послѣдствій. Когда болѣзнь эта прошла, то Прасковья сдѣлалась какъ бы малоумною или помѣшанною; при разсказахъ о чемъ случалось заговаривалась совсѣмъ о другомъ, но иногда говорила здраво; ни съ кѣмъ никогда не ссорилась, и о семейныхъ разладахъ они, показатели, ничего не слышали; о мужѣ ея они ничего дурнаго также не слышали.

По распоряженію грайворонскаго уѣзднаго суда Прасковья Межевитина была отправлена въ курскую врачебную управу для освидѣтельствованія въ состояніи умственныхъ способностей. Въ актѣ, составленномъ 19-го іюня 1865 г., врачебная управа изложила, что по освидѣтельствованію Межевитиной въ присутствіи управы при бытности членовъ общаго губернскаго присутствія, оказалось, что Межевитина росту средняго, тѣлосложенія посредственнаго, повидимому 35-ти лѣтъ, имѣетъ лице обрюзглое, взглядъ тупой, слезящійся; на предлагаемые ей вопросы изъ обыкновенныхъ обстоятельствъ жизни отвѣчала охотно, но изъ содержанія ея отвѣтовъ заключить можно, что она недостаточно умственно развита. Изъ донесенія конторы богоугодныхъ

заведеній отъ 12 іюня, видно, что во время трехмѣсячнаго испытанія въ больницѣ она отвѣчала на предлагаемые ей вопросы не скоро, иногда правильно, иногда нѣтъ, а иногда вовсе не отвѣчала; вела себя тихо, послушно; сонъ и аппетитъ у ней были нормальны. Изъ сего врачи больницы заключили, что Межевитина не одержима никакимъ особымъ умопомѣшательствомъ, а только дураковатостію (fatuitas). — Соглашаясь съ такимъ мнѣніемъ врачей больницы, члены врачебной управы и присутствовавшіе при освидѣтельствованіи члены общаго губернскаго присутствія заключили, что Межевитина не страдаетъ никакимъ разстройствомъ умственныхъ способностей, кромѣ врожденнаго тупоумія.

Курская палата уголовнаго суда по разсмотрѣніи дѣла нашла, что Прасковья Межевитина при слѣдствіи въ поджогѣ созналась, объяснивъ, что учинила это съ грусти по умершему сыну. Родственники, сосѣди ея и стороннія люди утверждаютъ, что она года три страдаетъ припадками болѣзни, во время которыхъ бываетъ какъ бы помѣшанною, ибо говоритъ не о томъ, о чемъ ее спрашиваютъ; свидѣтельствовавшіе же ее члены врачебной управы и общаго губернскаго присутствія заключили, что она не страдаетъ никакимъ разстройствомъ умственныхъ способностей, кромѣ врожденнаго тупоумія. Имѣя засимъ въ виду съ одной стороны отзывъ лицъ, свидѣтельствовавшихъ Межевитину въ умственныхъ способностяхъ, которые въ ней кромѣ врожденнаго тупоумія ничего болѣзненнаго не нашли, съ другой отзывъ родственниковъ Межевитиной и стороннихъ людей, что она бываетъ въ припадкахъ и во время таковыхъ бываетъ какъ бы помѣшанною, и съ третьей, что въ дѣйствующихъ законахъ не предусмотрѣно того, что если кто впадетъ въ преступленіе при врожденномъ тупоуміи, то слѣдуетъ ли его подвергать наказанію, или не слѣдуетъ, палата заключила: Межевитину, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу на заводахъ на восемь лѣтъ; но не приводя сего въ исполненіе, представить дѣло на усмотрѣніе правительствующаго сената.

Затѣмъ произведено было освидѣтельствованіе Межевитиной 10-го мая 1866 г. въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, причемъ Межевитина на нижеслѣдующіе вопросы отвѣчала:

Вопр. Какъ тебя звать? *Отв.* Прасковья, кажись, была [illegible]. *Вопр.* Откуда ты родомъ? *Отв.* Да въ Курска, грайворонскаго уѣзда, деревенская. *Вопр.* Сколько тебѣ лѣтъ? *Отв.* Да вы сами видите. *Вопр.* У тебя есть мужъ, — дѣти? *Отв.* Есть Григорій Ильичъ; дѣтей двое: дѣвка да мальчикъ. — Хвилиппъ и Ульяшка. *Вопр.* Какихъ лѣтъ твои дѣти? *Отв.* Годовъ семь есть дѣвкѣ, мальчику годовъ пять. *Вопр.* Для чего привезли тебя въ больницу? *Отв.* Кто ж знаетъ зачѣмъ, Господь ихъ знаетъ. *Вопр.* Правда ли, что ты подожгла домъ своего мужа? *Отв.* Нѣтъ, мы не поджигали, это время я все больна была и голова болѣла, тошнить бывало, да и подожжено серничкомъ. *Вопр.* Въ согласіи вы жили съ мужемъ? *Отв.* Въ согласіи, — того не сыщешь, что билъ. *Вопр.* Часто тебя билъ мужъ? *Отв.* Часто; осердится какъ, такъ и бьетъ чѣмъ попало. *Вопр.* Послѣ побоевъ всегда ты бывала здорова? *Отв.* Здорова? гдѣ тамъ здорова, больна бывала. *Вопр.* Передъ случившимся у васъ пожаромъ, не была ты бита мужемъ? *Отв.* Билъ: крѣпко за сестру двоюродную: она пошла по воду, да это онъ меня и билъ. *Вопр.* За это ты на него сердилась? *Отв.* Да, тожъ не осердится! подсунула серничекъ подъ верхъ; и обгорѣлъ онъ одинъ. *Вопр.* Развѣ не жаль тебѣ было жечь свой домъ? *Отв.* А драться ему не жаль было? *Вопр.* Такъ значитъ, ты подожгла домъ, разсердившись на мужа? *Отв.* На мужа. *Вопр.* А дѣти твои въ это время гдѣ были? *Отв.* Я взяла подхватила Хвилиппу, да и вынесла изъ дому на дворъ; я забыла ужъ, когда умеръ Филипка. *Вопр.* Желаешь теперь возвратиться домой? *Отв.* Желаю: отъ мужа видно никуда не уйдешь. *Вопр.* Можетъ быть желаешь оставаться здѣсь въ больницѣ? *Отв.* Пожалуй, здѣсь въ Курскѣ и лучше. *Вопр.* Такъ ты не желаешь отправиться домой? *Отв.* Я одна боюсь идти, съ фельдшеромъ пожалуй, онъ малый хорошъ. *Вопр.* Какъ звать фельдшера, съ которымъ ты хочешь отправиться? *Отв.* Да такъ и звать фельдшеромъ. — Свидѣтельствовавшіе Межевитину члены врачебнаго отдѣленія и общаго присутствія, принимая во вниманіе неудовлетворительность отвѣтовъ Межевитиной на предложенные вопросы, относящіеся до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни, и отзывъ конторы больницы курскихъ богоугодныхъ заведеній отъ 6 мая 1866 г., заключили, что Межевитина кромѣ врожденнаго тупоумія не одержима никакимъ умственнымъ

разстройствомъ, и что поджогъ дома своего мужа совершенъ ею безъ полнаго сознанія важности сдѣланнаго преступленія.

Въ вышеупомянутомъ отзывѣ конторы курскихъ богоугодныхъ заведеній отъ 6 мая 1866 г., между прочимъ, изложено, что при дальнѣйшемъ и болѣе подробномъ испытаніи Межевитина показала нѣсколько признаковъ умопомѣшательства; она отвѣчаетъ часто несообразно, смѣется почти при каждомъ отвѣтѣ, большею частію неумѣстно, и на ея глуповатомъ лицѣ почти всегда находится безсмысленная улыбка; во всемъ ея поведеніи показывается большое равнодушіе къ своей судьбѣ; вела она себя все время тихо, спитъ хорошо и вообще въ отправленіяхъ тѣла здорова; сдѣланный ею поджогъ постоянно отвергаетъ, хотя ей даютъ знать, что знаютъ уже всѣ подробности. По приведеніи засимъ обстоятельствъ совершеннаго Межевитиною преступленія, контора больницы въ отзывѣ своемъ продолжаетъ, что въ данномъ случаѣ дурное обхожденіе мужа составило бы достаточный поводъ для преступленія Межевитиной, но съ другой стороны припадки умопомѣшательства, въ которыхъ Межевитина отвѣчала не на то, о чемъ ее спрашиваютъ, существовали уже три года тому назадъ и подтверждаются даже показаніемъ самого мужа. Описаніе же этихъ припадковъ, которое она дала слѣдователю, совершенно сходно съ дѣйствительностію, ибо грусть, тоска и внутреннее безпокойство, возбуждающее больныхъ бѣгать безъ цѣли, находятся у всѣхъ подобныхъ больныхъ; все это существовало въ то время, когда еще не было никакого повода къ притворству. Кромѣ этого Межевитина, какъ можно замѣтить при первыхъ ея словахъ, по ея улыбкѣ, по ея поведенію въ больницѣ,—очень глупа, и едва ли даже теперь понимаетъ все свое положеніе. Принимая во вниманіе, что Межевитина женщина не молодая, и по всѣмъ показаніямъ была прежде здорова, могла работать; далѣе, что къ этому еще присоединяются другіе болѣзненные припадки, слѣдуетъ заключить, что и эта глупость болѣзненна, можетъ быть вслѣдствіе бывшаго воспаленія мозга (meningitis), и что Межевитина страдаетъ слабоуміемъ съ меланхолическими припадками. Притомъ легко возможно, что месть за дурное обращеніе съ нею играла нѣкоторую роль въ ея преступленіи но не иначе какъ у нераз-

витаго ребенка. По мнѣнію врачей больницы она при своемъ преступленіи дѣйствовала не въ здравомъ умѣ.

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, по вопросу о томъ: *«была ли подсудимая Межевитина, поджигая домъ мужа своего, въ здравомъ умѣ или совершила преступленіе, находясь въ припадкѣ умоизступленія»*, — призналъ, согласно съ мнѣніемъ членовъ курскаго врачебнаго отдѣленія и конторы курскихъ богоугодныхъ заведеній, что крестьянка Прасковья Межевитина страдаетъ слабоуміемъ, и что поджогъ дома мужа своего она совершила безъ сознанія важности сего преступленія.

По поводу дѣлъ о поджогахъ министерствомъ юстиціи (въ 1861 г.) былъ возбужденъ общій вопросъ *о пиромании*. Поводомъ къ сему послужило слѣдующее: въ министерство юстиціи поступило дѣло о 15 лѣтней крестьянской дѣвочкѣ Акулинѣ Шкваруновой, судимой за поджогъ овина съ хлѣбомъ, принадлежащаго ея хозяину. Шкварунова въ произведеніи поджога созналась, объясняя, что совершила оный по наущенію нечистаго духа. Въ подговорѣ ея ни на кого подозрѣнія не падало. Далѣе изъ дѣла видно, что Шкварунова характера тихаго, благонравнаго, постоянно жила съ хозяевами въ согласіи, отъ нихъ ничего кромѣ хорошаго обращенія и ласки не знала, и, какъ сама объясняетъ, чувствовала къ нимъ расположеніе; дурныхъ наклонностей за нею не замѣчено; предъ совершеніемъ преступленія не произошло ничего такого, что могло бы раздражить или озлобить ее противъ хозяевъ; наконецъ, она сама объясняетъ свой поступокъ какимъ то тайнымъ влеченіемъ или навожденіемъ нечистаго духа. Родители подсудимой показали, что она иногда подвергалась припадкамъ слабоумія. Такимъ образомъ со стороны Шкваруновой не обнаружено ни малѣйшаго повода къ преступленію, не смотря на то, что по сему именно предмету, по указу правительствующаго сената, было произведено дополнительное изслѣдованіе. Между тѣмъ, по мнѣнію министерства юстиціи, нельзя предположить, чтобы преступленіе Шкваруновой было совершено безъ всякой побудительной причины, изъ одной только нравственной испорченности или любви ко злу, несовмѣстной ни съ возрастомъ Шкваруновой, ни съ отзывомъ о ея характерѣ и поведеніи. Все

это вмѣстѣ взятое заставляетъ искать причину поступка Шкваруновой въ другихъ обстоятельствахъ, не бывшихъ въ виду судебныхъ мѣстъ. Помѣшательство, какъ въ настоящее время признано наукою, не всегда предполагаетъ совершенное разстройство ума; напротивъ того оно весьма часто поражаетъ только одну сторону духовной природы человѣка. Притомъ такъ называемое «временное помѣшательство» наступаетъ иногда безъ всякаго приготовленія, безъ всякаго предшествующаго разстройства тѣла или духа, и по окончаніи припадка, оставляетъ человѣка въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей. Самый припадокъ временнаго помѣшательства можетъ быть послѣдствіемъ простаго физическаго разстройства, вмѣстѣ съ которымъ проходитъ и помѣшательство. Такого рода физическое разстройство, сопровождающееся временнымъ помраченіемъ умственныхъ способностей, часто замѣчается при приближеніи отрочества, особенно у женщинъ прежде появленія мѣсячныхъ очищеній или при неправильномъ ходѣ ихъ. Развитіе половыхъ органовъ сильно дѣйствуетъ на нервную систему; причемъ появляются ненормальныя желанія, побужденія и даже видѣнія. Это болѣзненное состояніе, по замѣчанію медиковъ, весьма часто выражается въ непреодолимомъ влеченіи къ огню, влеченіи, которое доводитъ до самозабвенія, до временнаго помѣшательства и для удовлетворенія котораго больной иногда производитъ поджоги. Существованіе такого болѣзненнаго влеченія къ огню, извѣстнаго подъ именемъ пироманіи, въ западной Европѣ положительно признано медициною, и главными отличительными признаками его считаются слѣдующіе: 1) возрастъ отъ 10 до 20 лѣтъ; 2) различныя ненормальныя явленія, какъ то внезапный ростъ, частая усталость, тяжесть въ членахъ и т. д.; 3) у женщинъ неправильность мѣсячнаго очищенія, и особенно слишкомъ раннее или позднее появленіе онаго; 4) отсутствіе повода, побудительной причины къ поджогу; 5) припадокъ появляется внезапно, сопровождается непреодолимою тоскою и прекращается, лишь только влеченіе къ поджогу удовлетворено, причемъ нерѣдко больные приходятъ въ себя и изъявляютъ раскаяніе и сожалѣніе о содѣянномъ; 6) болѣзненное расположеніе къ огню совершенно исчезаетъ, лишь только половые органы достигаютъ полнаго развитія, (у женщинъ лишь только появляется мѣсячное очище-

ніе). Нерѣдко случается, что постороннія обстоятельства (какъ напр. тоска по родинѣ, неудовольствіе судьбою и т. п.), первоначально раздражая больного, могутъ ускорить развитіе пиромании. — При обозрѣніи производившихся въ министерствѣ юстиціи въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣлъ о поджогахъ, нельзя не убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи пиромании. Въ послѣдніе 7 лѣтъ въ министерствѣ юстиціи производилось 146 дѣлъ о несовершеннолѣтнихъ, учинившихъ поджоги. Изъ нихъ 26 произвели преступленіе по незначительнымъ поводамъ, (какъ напр. изъ мести за наказаніе, по злобѣ за то, что родители не пускали играть и т. д.); 15 вслѣдствіе тоски по родинѣ, и наконецъ 19 безъ всякого видимаго побужденія. Сіи послѣдніе подсудимые объясняли свои дѣйствія какимъ то непонятнымъ влеченіемъ и непреодолимою тоскою, и показывали, что мысли о поджогѣ у нихъ являлись внезапно. Крестьянка Лаптева, вышедшая замужъ чрезвычайно рано, до совершенія поджога была подвержена какимъ то болѣзненнымъ припадкамъ, при которыхъ она болѣе часу находилась въ изступленіи и рвала на себѣ волосы. Іюлія Калла, какъ видно изъ дѣла, 5 мѣсяцевъ до преступленія не имѣла мѣсячнаго очищенія. Нѣкоторые изъ преступниковъ объясняли, что они не понимали, что дѣлаютъ и приходили въ себя, когда уже начинался пожаръ. Пелагея Макаренкова показала, что любитъ пожары; Екатерина Игнатова, что произведя два пожара изъ мести, стала чувствовать при нихъ нѣкотораго рода удовольствіе и вслѣдствіе того учинила еще 4 поджога. Архипъ Ивановъ произвелъ одинъ пожаръ по неосторожности, и затѣмъ ему вдругъ захотѣлось учинить еще поджогъ. Подобныхъ указаній, при всей неполнотѣ свѣдѣній, имѣющихся въ дѣлахъ министерства юстиціи, можно привести множество. Конечно не во всѣхъ этихъ преступникахъ можно съ достовѣрностію предполагать существованіе пиромании; многіе изъ поджоговъ, по всей вѣроятности, произведены были по свойственному дѣтямъ легкомыслію и невѣжеству; но тѣмъ не менѣе нельзя не обратить вниманіе на тождество показаній столь многихъ поджигателей, совершившихъ преступленіе безъ всякой видимой причины и объясняющихъ его какимъ то непреодолимымъ стремленіемъ и безотчетною тоскою. Объясненіе это представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что добровольное, нерѣдко прежде начала слѣдствія, сознаніе

большей части несовершеннолѣтнихъ преступниковъ и чистосердечное раскаяніе ихъ—устраняютъ возможность предполагать съ ихъ стороны желаніе скрыть побудительныя причины преступленія и тѣмъ уменьшить вину свою. Къ тому же нельзя не замѣтить, что въ дѣлахъ о поджогахъ въ настоящее время, указаніе о присутствіи пиромании можно почерпнуть почти исключительно изъ объясненій самихъ обвиняемыхъ, такъ какъ слѣдователи, не имѣя въ виду этой болѣзни, естественно оставляли безъ вниманія многія обстоятельства, которыя бы могли служить къ точнѣйшему опредѣленію ея. При всей неполнотѣ слѣдствій, нѣкоторыя дѣла о поджогахъ содержатъ въ себѣ однако драгоцѣнныя свѣдѣнія о состояніи здоровья подсудимыхъ прежде совершенія ими поджога. Такъ напр. въ дѣлѣ Іуліи Калны, какъ уже выше сказано, обнаружена предшествовавшая преступленію неправильность мѣсячныхъ очищеній,—одинъ изъ главныхъ признаковъ пиромании. Пиромания, какъ обстоятельство, уничтожающее вмѣненіе, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія обратила на себя вниманіе медиковъ и юристовъ западной Европы. Статистическія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ оффиціальныхъ источниковъ, равно какъ и медицинскія изслѣдованія окончательно доказали существованіе этой болѣзни и зависящихъ отъ нея ненормальныхъ явленій. Въ настоящее время во Франціи и Англіи при сужденіи дѣлъ о поджогахъ доказанная пиромания постоянно принимается какъ обстоятельство, уничтожающее вмѣненіе. Въ Пруссіи, въ 1824 г., министерство юстиціи требовало по сему предмету заключенія ученой медицинской коммиссіи, которая объяснила, что поджоги, совершаемые несовершеннолѣтними, нерѣдко бываютъ слѣдствіемъ неправильныхъ отправленій организма, особенно во время переходнаго возраста, и что по всѣмъ дѣламъ такого рода необходимо до назначенія уголовнаго слѣдствія требовать заключеніе врачей о состояніи здоровья поджигателя. Рескриптомъ отъ 6-го сентября 1824 г. заключеніе коммиссіи сообщено всѣмъ судебнымъ мѣстамъ королевства, и повелѣно руководствоваться онымъ при примѣненіи статей уголовнаго кодекса о поджигательствѣ. Рескриптъ этотъ нѣсколько измѣненъ указомъ 30 ноября 1851 г., вслѣдствіе того, что медики иногда давали пиромании слишкомъ широкое примѣненіе, но тѣмъ не менѣе предписано не требовать заключенія врачей до дѣ-

ламъ о поджогахъ каждый разъ, когда слѣдователь или судья признаютъ это нужнымъ. Принимая въ соображеніе доказанную и наукою и практикою возможность произведенія поджоговъ вслѣдствіе болѣзни, и примѣняясь къ общему правилу, принятому въ нашемъ уголовномъ законодательствѣ, что лучше освободить 10 преступниковъ, чѣмъ обвинить одного невиннаго, нельзя не убѣдиться въ настоятельной необходимости возбужденія въ Россіи вопроса о пироманіи. Находя засимъ необходимымъ имѣть въ виду заключеніе медицинскаго совѣта по вопросу о пироманіи, г. министръ юстиціи сообщилъ о вышеизложенномъ г. министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою: увѣдомить его объ отзывѣ медицинскаго совѣта, какъ о существованіи самой болѣзни, извѣстной подъ именемъ *пироманіи*, такъ и о вліяніи, которое она можетъ имѣть при разрѣшеніи дѣлъ о поджогахъ.

Медицинскій совѣтъ, (согласно съ мнѣніемъ члена своего г. Балинскаго), нашелъ: «что вопросъ о томъ, существуетъ ли или нѣтъ особенный видъ помѣшательства, котораго бы главный характеръ состоялъ въ непреодолимомъ болѣзненномъ влеченіи къ поджигательству (т. е. такъ называемая пироманія), и если существуетъ, то какими признаками и при какихъ условіяхъ онъ обнаруживается — возникъ почти въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Вопросъ этотъ поднятъ былъ самими юристами; онъ подалъ поводъ къ многочисленнымъ спорамъ между ними и врачами и къ различнымъ психіатрическимъ теоріямъ; отъ рѣшенія вопроса зависѣло не только утвержденіе новаго патологическаго факта, но и освобожденіе отъ наказанія многихъ преступниковъ. Въ настоящее время споръ этотъ слѣдуетъ считать оконченнымъ и, говоря со всевозможною осторожностью, можно сказать положительно, что до сихъ поръ нѣтъ данныхъ, которыя бы заставляли допустить существованіе столь загадочной болѣзни *). Разсматривая многочисленные случаи поджигательства, судьи не могли упустить изъ виду того обстоятельства, что если въ нѣкоторыхъ изъ нихъ преступленіе объяснялось вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ и совершалось подъ вліяніемъ нормальныхъ или же явно-болѣзненныхъ идей, то въ другихъ случаяхъ, напротивъ, характеръ преступленія оставался загадочнымъ по

*) Т. е. пироманіи, какъ особеннаго *вида помѣшательства*.

недостатку поводовъ, побудившихъ къ нему, по неожиданному сознанію преступника, на котораго вовсе не падало подозрѣніе, также потому, что онъ жаловался нерѣдко на различныя страданія, не исключая несомнѣнно дурнаго вліянія на умственныя его способности, и т. д. Судьи раньше врачей стали предполагать въ подобныхъ случаяхъ существованіе особеннаго скрытнаго болѣзненнаго состоянія и требовать участія врачей въ изслѣдованіи преступника и опредѣленіи характера преступленія. Большинство случаевъ загадочнаго поджигательства, которые представлялись первоначально на разсмотрѣніе врачей, совершаемы были въ извѣстномъ лишь періодѣ человѣческой жизни, а именно около эпохи возмужалости. Обстоятельство это показалось врачамъ особенно важнымъ, и главнымъ образомъ обратило на себя ихъ вниманіе. Обсуждая случаи поджигательства, описанные Э. Платнеромъ и собранные въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ юридическихъ *журналахъ* и тѣ, которые представлялись собственному его наблюденію, *Henke* пришелъ къ заключенію, что *болѣзненную страсть къ огню* допустить слѣдуетъ, и что она появляется преимущественно въ эпоху возмужалости, во время которой замѣчаются различныя страданія въ кровеносной и нервной системѣ, а иногда и явныя психическія разстройства. Это мнѣніе *Henke* составляетъ краеугольный камень всего ученія о пироманіи; оно имѣло многихъ приверженцевъ, допускавшихъ его безусловно или съ нѣкоторыми ограниченіями, и многихъ противниковъ. *Meckel* пытался *придать* теоріи *Henke* еще болѣе исключительный характеръ, *допуская* существованіе не только болѣзненной страсти къ огню, но и *непреодолимаго влеченія къ поджигательству*. *Flemming*, а вслѣдъ за нимъ *Richter*, *Casper* и проч. старались опровергнуть вышеозначенныя теоріи, считая ихъ противорѣчащими какъ прямымъ наблюденіямъ, такъ и теоретическимъ началамъ. Тѣмъ не менѣе огромное большинство врачей, преимущественно занимавшихся судебной медициной, не вникая ближе, какимъ образомъ *Henke* пришелъ къ столь смѣлому заключенію, вполнѣ раздѣляли его взглядъ на вышеозначенный вопросъ. Основываясь на мнѣніи врачей, прусское министерство юстиціи придало мнимой патологической теоріи *Henke* значеніе окончательно утвержденнаго научнаго факта, почему и повелѣно было во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ поджигательства требовать мнѣнія врачей спе-

ціалистовъ для опредѣленія: совершены ли они людьми здоровыми или же пироманами. Шаткость понятій о патогномоническихъ припадкахъ такъ называемой пироманіи, давала врачамъ полную возможность опредѣлять положительно характеръ преступленія въ тѣхъ случаяхъ поджигательства, которые иначе остались бы загадочными не только для юристовъ, но и для нихъ самихъ; они ссылались тогда на пироманію. Поэтому число пироманов увеличивалось безконечнымъ образомъ, и юристы, подавшіе первый поводъ къ теоріи *Henke* и *Meckel*, сами же начали сильно возставать противъ нея. Между тѣмъ во Франціи шаткое ученіе Эскироля объ однопредметномъ помѣшательствѣ примѣнено было *Georget* къ ученію о пироманіи; болѣзнь эта, по его понятіямъ, была не какая либо amentia occulta, какъ ее нѣкогда называлъ Платнеръ, *но принадлежала къ разряду очевидныхъ инстинктивныхъ мономаній. Marc* поддержалъ мнѣніе Georget и старался слить нѣмецкія и французскія понятія о пироманіи въ одно цѣлое, чѣмъ еще больше утвердилъ ученіе объ этой болѣзни. При такомъ положеніи дѣла, для составленія себѣ какого либо понятія о болѣзни, всѣми почти допускаемой, но никѣмъ ясно не описанной, необходимо было обратиться къ источникамъ, на основаніи которыхъ возникло ученіе о пироманіи и подвергнуть критическому анализу какъ наблюденія врачей, такъ и теоретическіе ихъ выводы. Трудъ этотъ взялъ на себя въ послѣднее время молодой психіатръ *Willers Iessen*, и, какъ легко убѣдиться въ этомъ каждому, кто пожелалъ бы познакомиться съ его сочиненіемъ (Die Brandstiftungen in Affecten und Geistesstörungen. Kiel. 1860 г.), выполнилъ его самымъ блистательнымъ образомъ. Iessen доказалъ, что изъ значительнаго числа наблюденій, приводимыхъ различными авторами въ подтвержденіе существованія пироманіи, одно лишь могло бы подать поводъ къ подобному заключенію, ежели бы изслѣдованіе въ этомъ случаѣ было сдѣлано менѣе поверхностно. Всѣ же теоретическіе выводы врачей, защищавшихъ существованіе этой болѣзни, чрезвычайно шатки и вовсе не научны. Поджигательство наравнѣ съ другими преступленіями, можетъ быть совершено при нормальномъ и болѣзненномъ состояніи умственныхъ способностей вообще; въ послѣднемъ случаѣ болѣзнь должна быть доказана положительнымъ образомъ, и она не состоитъ въ какомъ либо скрытномъ

влеченіи, но обнаруживается явными физическими и психическими болѣзненными припадками. Здоровые люди совершаютъ поджигательство подъ вліяніемъ различныхъ страстей и при весьма различныхъ условіяхъ, которыя должны имѣть громадное вліяніе на оцѣнку степени и характера преступленія, на смягченіе или усиленіе слѣдующаго за нимъ наказанія. Поджигательство, совершаемое въ болѣзненномъ состояніи, равнымъ образомъ зависитъ отъ весьма различныхъ болѣзненныхъ причинъ; поэтому у больныхъ поджигателей обнаруживаются весьма различные виды помѣшательства, а не одинъ какой либо исключительный видъ его. Существованіе же особенныхъ болѣзней, состоящихъ лишь въ непреодолимомъ влеченіи къ поджигательству, воровству, убійству и т. д., съ теоретической точки зрѣнія невѣроятно и не только не подтверждается тщательными наблюденіями, но явно имъ противорѣчитъ. Случаи поджигательства, равно какъ и другія преступленія, должны быть изслѣдуемы весьма тщательно, и коль скоро является сомнѣніе, необходимо врачебное изслѣдованіе преступника и мнѣніе спеціалиста о состояніи его здоровья не для опредѣленія, подверженъ ли онъ или нѣтъ пироманіи, но для опредѣленія, не страдаетъ ли онъ явнымъ постояннымъ или временнымъ помѣшательствомъ, не находится ли подъ вліяніемъ условій, явно способствующихъ потемнѣнію сознанія. Тогда легко предвидѣть, что количество сомнительныхъ случаевъ вообще значительно ограничится, но за всѣмъ тѣмъ, еще останется немало такихъ, въ которыхъ не только суды, но и врачи не будутъ въ состояніи высказаться положительно, ибо условія, имѣющія вліяніе на потемнѣніе нашего сознанія, окончательно не изслѣдованы, и наука болѣзненныхъ душевныхъ состояній далеко не окончена.»

О маіорѣ Самойловичѣ, судимомъ за кражу у г. Муравьева золотыхъ часовъ.

22-го марта 1862 г. проживающій въ г. Воронежѣ маіоръ Самойловичъ, придя въ домъ коллежскаго совѣтника Муравьева, просилъ у жены его пособія для проѣзда на Кавказъ. По уходѣ Самойловича, у г. Муравьева не оказалось золотыхъ часовъ. По-

слѣ сего Самойловичъ былъ приглашенъ въ квартиру полиціймейстера, которому онъ сознался въ кражѣ и возвратилъ украденные часы.—При произведенномъ слѣдствіи, Самойловичъ между прочимъ объяснилъ, что будучи въ хмѣльномъ видѣ, онъ пришелъ въ домъ Муравьева, чтобы попросить пособія, какъ для содержанія своего семейства, такъ и на проѣздъ въ городъ Тверь для пріисканія тамъ какой либо службы; вошедши въ переднюю, онъ увидѣлъ въ кабинетѣ на стѣнѣ часы, которые и снялъ съ намѣреніемъ заложить ихъ кому либо за небольшую цѣну съ тѣмъ, чтобы по полученіи 1 апрѣля пенсіи выкупить ихъ и потомъ отнесть къ г. Муравьеву и просить у него извиненія въ томъ, что отъ нужды онъ рѣшился на столь постыдный поступокъ.

Изъ производившейся въ воронежскомъ губернскомъ правленіи въ 1857 г. переписки, оказалось, что Самойловичъ, состоя на службѣ въ городѣ Бобровѣ городничимъ, дѣйствіями своими обнаружилъ признаки умственнаго разстройства и вслѣдствіе сего, по распоряженію начальника губерніи, помѣщенъ былъ въ заведеніе воронежскаго приказа общественнаго призрѣнія, и по надлежащемъ испытаніи въ семъ заведеніи былъ освидѣтельствованъ 13 іюня 1857 г. въ губернскомъ правленіи въ умственныхъ способностяхъ, причемъ признанъ былъ здоровымъ умственно и физически. Затѣмъ Самойловичъ переведенъ былъ городничимъ въ городъ Нижнедѣвицкъ, а какъ онъ и тамъ обнаружилъ разстройство ума, то снова помѣщенъ былъ въ заведеніе приказа, и по испытаніи въ семъ заведеніи, освидѣтельствованъ былъ 27 февраля 1858 года, причемъ снова былъ признанъ находящимся въ здоровомъ разсудкѣ.

Воронежскій уѣздный судъ, имѣя въ виду: 1) что г. Самойловичъ находился въ помѣшательствѣ ума въ 1857 г., и 2) что сдѣланный имъ поступокъ представляетъ, по мнѣнію суда, отсутствіе здраваго ума, ибо сдѣланная имъ кража часовъ (на сумму 30 руб. сереб.) не могла обезпечить его семейство, а напротивъ должна была лишить оное послѣдняго средства въ жизни,— призналъ нужнымъ подвергнуть Самойловича освидѣтельствованію въ состояніи умственныхъ способностей, на законномъ основаніи.

*

Вслѣдствіе сего Самойловичъ былъ освидѣтельствованъ 10 іюля 1862 года въ особомъ присутствіи воронежскаго губернскаго правленія, причемъ оказалось, что Самойловичъ небольшаго роста, 60 лѣтъ отъ роду, видъ лица его болѣзненный, изнуренный, тѣло въ высшей степени исхудалое, вялое, въ рукахъ дрожаніе; походка его до того слабая, что онъ въ присутствіи не могъ отвѣчать стоя, но тотчасъ сѣлъ, выпилъ воды, которою мочилъ и голову, и только освѣжившись такимъ образомъ, въ состояніи былъ объяснить, что онъ уже третью недѣлю, не смотря на принимаемыя лекарства, страдаетъ лихорадкой и въ настоящее время находится въ пароксизмѣ ея; при разговорѣ объ обстоятельствахъ, касающихся его семейства, прежней службы и того обстоятельства, за которое онъ состоитъ подъ судомъ, въ отвѣтахъ Самойловича проявлялись ослабленіе памяти, сбивчивость и равнодушіе. На предложенные при освидѣтельствованіи письменные вопросы Самойловичъ собственноручно написалъ отвѣты сообразно вопросамъ, но отвѣтъ на первый вопросъ началъ такъ: «Пресвятая Богородица, помилуй насъ, яко согрѣшихомъ предъ тобою окаянный рабъ твой Николай»; въ заключеніе данныхъ отвѣтовъ Самойловичъ написалъ: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази».—Особое присутствіе, принимая въ соображеніе: 1) что Самойловичъ, съ давняго времени предаваясь излишнему употребленію горячихъ напитковъ, страдалъ неоднократно припадками бѣлой горячки (delirium tremens potatorum), въ припадкѣ которой доходилъ до полнаго сумасшествія, что и давало поводъ къ его двукратному освидѣтельствованію въ умственныхъ способностяхъ въ присутствіи губернскаго правленія, которое находило его вполнѣ здоровымъ потому только, что освидѣтельствованіе его было произведено по прошествіи припадковъ сумасшествія, вслѣдствіе больничнаго леченія и прекращенія употребленія спиртныхъ напитковъ, и 2) настоящее состояніе здоровья Самойловича въ физическомъ и моральномъ отношеніи, а именно: вялость и сильное истощеніе всего тѣла, припадки изнурительной лихорадки, слабость движенія, дрожаніе рукъ, шаткую походку, невозможность стоянія на ногахъ, ослабленіе памяти, сбивчивость и равнодушіе въ отвѣтахъ,—заключило, что въ Самойловичѣ можно подозрѣвать начало всеобщаго паралича (paralysis universalis), а потому и при-

знало нужнымъ подвергнуть его шестинедѣльному наблюденію и леченію въ больницѣ тюремнаго замка.

По прошествіи вышеозначеннаго срока, врачъ, производившій надъ Самойловичемъ испытаніе, донесъ, что Самойловичъ росту небольшаго, тѣлосложенія слабаго, 52 лѣтъ отъ роду; онъ никогда не пользовался надлежащимъ здоровьемъ; года три тому назадъ сталъ злоупотреблять спиртными напитками, вслѣдствіе чего подвергался припадкамъ бѣлой горячки (delirium tremens), появлявшейся у него не менѣе десяти разъ. Со времени появленія припадковъ и въ особенности послѣ каждаго изъ нихъ, онъ началъ ощущать трясеніе въ рукахъ и ногахъ, чувствовалъ слабость нижнихъ конечностей, мало по малу увеличивавшуюся до того, что ему трудно было ходить и стоять; современно съ этимъ возрастало и чувство общей слабости, стали показываться ненормальности въ психической сферѣ, ослабленіе памяти, равнодушіе къ жизни, ослабленіе чувствъ, зрѣнія и осязательной способности. Во время пребыванія въ больницѣ у Самойловича развилась перемежающаяся лихорадка, которая еще значительнѣе ослабила и такъ плохое питаніе. По произведенному изслѣдованію оказалось, что Самойловичъ имѣетъ блѣдное, исхудалое лице, мышцы его на всемъ тѣлѣ предоставляются уменьшенными въ объемѣ; когда больной начиналъ производить движенія, то замѣчалось «уменьшеніе двигательной силы мускуловъ», обнаруживавшееся по преимуществу въ нижнихъ конечностяхъ; при этомъ Самойловичъ жаловался на скорую усталость, на притупленіе чувства осязанія и мышечнаго ощущенія; походка его невѣрная, замѣчается дрожаніе всего тѣла; рѣчь иногда затруднялась. Кромѣ того Самойловичъ жаловался на чувство ползанія мурашекъ въ нижнихъ конечностяхъ и иногда на онѣмѣніе въ нихъ. Въ грудныхъ и брюшныхъ органахъ его, ненормальностей найдено не было. По временамъ у больнаго былъ плохой аппетитъ, запоры и боль въ спинѣ и головѣ; наружный видъ больнаго показываетъ, что у него страдаетъ питаніе. Что касается до психической сферы, то у Самойловича замѣчается слабость памяти, и по временамъ появляется малодушіе, больной плачетъ и тоскуетъ. Изъ всего вышеизложеннаго врачъ, производившій надъ Самойловичемъ наблюденіе, заключилъ, что Самойловичъ, страдаетъ начинающимся общимъ прогрессивнымъ параличомъ.

Засимъ Самойловичъ былъ освидѣтельствованъ въ особомъ присутствіи губернскаго правленія 25 сентября 1862 г., причемъ оказалось, что онъ роста небольшаго, 60 лѣтъ отъ роду, имѣетъ болѣзненное изнуренное лице и въ высшей степени исхудалое и вялое тѣло; въ рукахъ замѣчалось дрожаніе, а въ ногахъ такая слабость, что онъ ходилъ съ большимъ трудомъ. При разговорѣ, въ отвѣтахъ Самойловича проявлялись ослабленіе памяти, сбивчивость и равнодушіе. На письменные вопросы онъ написалъ собственноручно удовлетворительные отвѣты, кромѣ отвѣта на вопросъ о его имени, отчествѣ и фамиліи, на который Самойловичъ отвѣтилъ: «мать назвала меня Васильемъ, отецъ Николаемъ, а мнѣ лучше, когда меня зовутъ Константиномъ; такъ звали моего брата, который уже въ вѣчности». На вопросъ: что побудило его взять часы, Самойловичъ отвѣчалъ: «я хотѣлъ посмотрѣть, который часъ, а тутъ кто то говоритъ: *возьми, возьми и зарой ихъ въ землю, тебѣ за это дадутъ деньги, тебѣ деньги нужны поѣхать на родину;* я полагалъ, что это бездѣлица; меня кто-то часто какъ будто звалъ, я слышу, и не знаю откуда». На вопросъ: что онъ дѣлаетъ въ замкѣ? Самойловичъ отвѣчалъ, что читалъ священныя книги о св. Тихонѣ; но когда его спросили: гдѣ жилъ св. Тихонъ и гдѣ онъ теперь? Самойловичъ отвѣчалъ: «что жилъ онъ въ Харьковѣ, Орлѣ и Курскѣ, теперь тамъ же находится; больше ничего не знаю, потому что забылъ, а житіе помню».—Особое присутствіе нашло нужнымъ для болѣе точнаго убѣжденія въ состояніи умственныхъ способностей, продолжить надъ Самойловичемъ испытаніе въ больницѣ тюремнаго замка въ теченіи 6-ти недѣль, съ тѣмъ чтобы о послѣдствіяхъ испытанія былъ составленъ и представленъ въ губернское правленіе обстоятельный актъ.

Въ представленномъ вслѣдствіе сего донесеніи о результатахъ испытанія Самойловича, кромѣ явленій, описанныхъ въ прежнемъ по тому же предмету донесеніи, врачъ, производившій надъ Самойловичемъ наблюденіе, изложилъ, что усталость при движеніяхъ, притупленіе чувства осязанія и мышечнаго ощущенія у Самойловича еще болѣе развились; онъ говоритъ, что его безпокоитъ чувство ползанія мурашекъ въ нижнихъ конечностяхъ, холодъ, а иногда онѣмѣніе въ нихъ. Что касается до психической сферы, то у больнаго замѣчается слабость памяти

въ болѣе сильной степени. Иногда онъ забывалъ отвѣчать на предлагаемые вопросы, и если отвѣчалъ, то слишкомъ медленно, спустя нѣсколько минутъ, слѣдовательно впечатлѣнія дѣйствуютъ на него вяло, соображеніе не скоро. Въ отвѣтахъ его о прошломъ видна сбивчивость вспоминаній: «географическое положеніе имѣетъ хронологическій порядокъ»; событія онъ мѣшаетъ самымъ нелогическимъ образомъ, чувствительность у него подавлена, замѣтна потеря воли и характера; больной постоянно грустилъ, былъ задумчивъ, отчаяніе и страхъ постоянно волнуютъ его; на всей его личности лежитъ отпечатокъ растерявшагося человѣка. Изъ всего вышеизложеннаго врачъ заключилъ, что у Самойловича довольно ясно обнаружилось развитіе начинающагося общаго прогрессивнаго паралича.

При произведенномъ 4 декабря 1862 г. въ особомъ присутствіи губернскаго правленія освидѣтельствованіи Самойловича, оказалось, что онъ имѣетъ шаткую походку, ноги его дрожатъ; вошедши въ присутствіе, онъ отъ общаго истощенія и слабости ни одной минуты не могъ стоять на ногахъ, и сейчасъ же сѣлъ; сидя, онъ постоянно вздрагивалъ всѣмъ тѣломъ, жался и потиралъ рука объ руку; лице его блѣдное, исхудалое; на немъ видѣнъ отпечатокъ физическаго страданія и вмѣстѣ душевной скорби; въ отвѣтахъ его, какъ и при первыхъ освидѣтельствованіяхъ, и даже сильнѣе, проявляются: ослабленіе памяти, сбивчивость и равнодушіе. На данные при освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе словесные вопросы Самойловичъ отвѣчалъ: *Вопр.* Состояніе вашего здоровья лучше-ли прежняго? *Отв.* Холодно очень, голова у меня кружится. *В.* Лихорадка прошла у васъ? *О.* Кажется прошла. *В.* Давно ли была у васъ лихорадка? *О.* Не помню. *В.* Какъ давно вы оставили службу? *О.* Не помню, я былъ въ Петербургѣ, на Кавказѣ былъ. *В.* Сколько лѣтъ вашему старшему сыну? *О.* Не знаю, онъ большой такой, — высокій. *В.* Когда вы получили первый чинъ? *О.* Не помню,—только помню, что былъ на ординарцахъ у Великаго Князя, и онъ меня поздравилъ; я былъ въ горномъ корпусѣ, тамъ былъ начальникъ высокаго роста, онъ у меня сына крестилъ; (кто этотъ начальникъ,—Самойловичъ объяснить не могъ). *В.* Когда взяли часы у г. Муравьева, были ли вы въ полномъ сознаніи? *О.* Не помню; я только помню, что хотѣлъ посмотрѣть какой часъ, а тутъ мнѣ

визгливый голосъ какой-то говоритъ: «возьми, возьми, тебѣ деньги будутъ нужны, когда отправишься на родину». *В.* Какое теперь время года? *О.* Должно быть зима, холодно. Давъ этотъ отвѣтъ, Самойловичъ подозвалъ къ себѣ одного изъ присутствовавшихъ и сказалъ: я видѣлъ во снѣ монаха, онъ сказалъ мнѣ: «приготовляйся постомъ и молитвой, ты долженъ отправиться на тотъ свѣтъ». Засимъ, помолчавъ нѣкоторое время, Самойловичъ вдругъ спросилъ: не знаете ли вы, когда будетъ весна? и потомъ на вопросъ, зачѣмъ вамъ нужна весна? сказалъ: мнѣ монахъ говорилъ, что весной мнѣ нужно на тотъ свѣтъ отправиться.—На вопросъ: помнитъ ли онъ преступленіе, за которое содержится въ тюремномъ замкѣ? Самойловичъ сталъ плакать, обратился къ образамъ и, не поднявшись со стула, сказалъ: «не знаю, за что меня держатъ».—На предложенные при этомъ освидѣтельствованіи нижеслѣдующіе письменные вопросы, Самойловичъ собственноручно написалъ слѣдующее: *В.* Какъ ваше имя, отчество и фамилія? *О.* Помилуй мя Боже, очисти беззаконіе мое по велицей милости твоей и прости мои грѣхи. А зовутъ меня фонъ, фонъ, фонъ, аксандъ дупиревъ, фонъ, кавалеръ Nicolas et Konst. Samoilovitchz. *В.* Имѣете ли вы семейство, т. е. жену, дѣтей и гдѣ они теперь находятся? *О.* Есть жена и четверо дѣтей, находятся въ г. Воронежѣ. *В.* Есть ли у васъ имѣніе и въ чемъ оно заключается? *О.* Ничего у меня нѣтъ, только, только 2 образа Спасителя 100 лѣтъ и Николай чудотворецъ 60 лѣтъ. *В.* На службѣ ли вы находитесь или въ отставкѣ и какъ давно? *О.* Когда-то, помню, служилъ, а теперь давно не служу. *В.* Съ котораго времени вы оставили службу военную, и сколько времени находились на гражданской службѣ и какія должности занимали? *О.* Я не помню, когда перестал служить, потому все боленъ, я служилъ и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. *В.* Гдѣ вы проживали съ семействомъ вашимъ по выходѣ въ отставку? *О.* Проживалъ и въ Петербургѣ, и Москвѣ, и въ Воронежѣ. *В.* Что васъ побудило оставить службу? *О.* Головокруженіе. *В.* Какія должности вы проходили по военному вѣдомству и въ какихъ полкахъ состояли? *О.* Не упомню, гдѣ я служилъ, только служилъ. *В.* Есть ли у васъ родители и близкіе родные и гдѣ они теперь находятся? *О.* Есть мать, братья и проч. *В.* Здоровы ли вы или не чувствуете ли въ себѣ какой болѣзни и съ котораго времени?

О. Я весь боленъ, надо умирать. *В.* За что вы въ настоящее время состоите подъ судомъ и содержитесь при тюремномъ замкѣ? *О.* Не помню, за что меня посадили; а говорите важно. *В.* Что заставило васъ рѣшиться на кражу въ домѣ г. Муравьева золотыхъ часовъ и не сознавали ли это для себя униженіемъ? *О.* Мнѣ не нужно часовъ, у меня есть, мнѣ прислала жена принимать лекарство горькое,—только безъ боя. *В.* Дѣйствительно ли вы сдѣлали еще кражу въ лавкѣ купца Петрова и въ чемъ она заключается? *О.* Ничего я не бралъ въ лавкахъ безъ денегъ.

Особое присутствіе губернскаго правленія заключило, что Самойловичъ одержимъ слабостью памяти и вообще ослабленіемъ умственныхъ способностей вслѣдствіе прогрессивнаго паралича (paralysis progressiva).

Воронежское губернское правленіе предоставило настоящее дѣло на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что освидѣтельствованіе состоянія умственныхъ способностей маіора Самойловича въ особомъ присутствіи воронежскаго губернскаго правленія, съ подвергнутіемъ его врачебному въ больницѣ наблюденію, произведено правильно, и что упомянутое въ актѣ освидѣтельствованія Самойловича 4 декабря 1862 г. заключеніе особаго присутствія, что Самойловичъ одержимъ слабостію памяти и вообще ослабленіемъ умственныхъ способностей вслѣдствіе прогрессивнаго паралича,—выведено основательно.

О кражахъ, учиненныхъ дочерью тит. сов. Анною Семеновою.

Въ 1850 году Семенова была подъ слѣдствіемъ за кражу у г. Кожина, но дѣло это прекращено по предписанію московскаго военнаго генералъ-губернатора.

Въ 1854 году Семенова подверглась обвиненію въ кражѣ у дѣйствительной статской совѣтницы Киселевой серебряныхъ сахарницы и ситечка изъ буфетной комнаты. Изъ докладной записки пристава пречистенской части оберъ-полицiймейстеру отъ 16-го февраля 1854 г. и прочихъ показаній видно, что дѣвица

Семенова, не будучи никѣмъ замѣченною, похитивъ означенныя вещи, намѣревалась съ оными скрыться, но у воротъ дома догнана была находящимся у г-жи Киселевой въ услуженіи дворовымъ человѣкомъ Василіемъ Булгаковымъ, которымъ тѣ вещи отъ Семеновой и отобраны. Въ объявленіи о семъ квартальному надзирателю г-жа Киселева объяснила, что какъ дѣвица Семенова въ поступкѣ своемъ испросила у нея прощеніе, то она ее прощаетъ и дѣла о семъ никакого производить не желаетъ. При распрашиваніи въ полиціи, Семенова въ уносѣ у г-жи Киселевой означенныхъ вещей сдѣлала сознаніе. При допросѣ же 4-го марта 1854 года, въ прѣсненскомъ частномъ домѣ, слѣдственному приставу Федотову показала, что она у г-жи Киселевой означенныхъ вещей не похищала, и какимъ образомъ оныя у ней оказались, не знаетъ и не помнитъ, ибо была въ это время въ безпамятствѣ, что до того времени она чувствовала перемѣну *состоянія* *ея* здоровья, и впала въ тоску, и очень разстроена здоровьемъ отъ потери родителей, отъ каковой болѣзни и прежде была пользуема докторомъ Бѣлявскимъ.—Изъ составленнаго бывшимъ штатнымъ врачемъ московскаго елизаветинскаго училища Бѣлявскимъ 10-го марта 1854 г. свидѣтельства видно только, что Семенова въ бытность ея въ упомянутомъ заведеніи постоянно была меланхолическаго желчнаго темперамента, задумчива, слаба и вяла, притомъ одержима и другими болѣзнями (fluores albi), которыя нерѣдко приводятъ ее въ *от*чаяніе.—Изъ произведеннаго же Семеновой частнымъ врачемъ пречистенской части, Смирновскимъ, 3-го мая того же 1854 г. осмотра оказалось, что Семенова въ то время никакого болѣзненнаго состоянія не имѣла.—Означенные свидѣтельство и осмотръ доставлены были въ медицинскую контору отъ слѣдственнаго пристава Федотова для заключенія: могла ли Семенова, бывъ одержима значущеюся въ свидѣтельствѣ врача Бѣлявскаго болѣзнію, приходить въ такую степень разстройства, чтобы могла безсознательно учинить кражу?—На сей вопросъ медицинская контора, отъ 15 іюня 1854 г. увѣдомила г. Федотова, что сильныя изнуряющія бѣли у дѣвицъ, при слабости тѣла и меланхолическо-желчномъ темпераментѣ, могутъ быть причиною нарушенія свободнаго самосознанія, особенно если при этомъ еще дѣйствовали какія либо угнетающія душевныя влінія, нисколько впрочемъ не

утверждая тѣмъ, чтобы это было и въ данномъ случаѣ съ госпожею Семеновой.—По описаннымъ обстоятельствамъ московскаго надворнаго суда 1-й департаментъ (въ которомъ производилось сказанное дѣло) опредѣлилъ: учиненную Семеновою у г-жи Киселевой въ припадкахъ болѣзни кражу не вмѣнять въ вину, а отдать Семенову родственникамъ, для бдительнаго надъ ней присмотра.

Въ 1855 году Семенова учинила кражу у тайной совѣтницы Синявиной изъ кабинета разныхъ серебрянныхъ вещей. Изъ разныхъ показаній видно, что 14 марта во 2-мъ часу по полудни въ то время, когда всѣ люди обѣдали, одна изъ горничныхъ, возвратившись въ покои госпожи, увидала неизвѣстную женщину, идущую по залу отъ дверей кабинета, которая на вопросъ «что ей надо», отвѣчала что ей надо г. Кожина, и когда горничная сказала, что онъ не живетъ тутъ, то эта женщина пошла вонъ. Горничная же, замѣтивъ, что въ кабинетѣ нѣтъ вещей, бросилась за нею и, нагнавъ на дворѣ, остановила; но вещи уже были брошены ею (по показанію одного проѣзжаго) на снѣгъ, гдѣ дѣйствительно и найдены.—24 марта Семенова при допросѣ, помня почти всѣ обстоятельства, согласно съ показаніями горничной и другихъ, помня даже банку варенья, бывшую при ней и сколько у ней было денегъ въ портъ-моне,—отъ кражи отперлась положительно и на болѣзнь не ссылалась.

Въ 1857 году 4-го сентября въ 11 часовъ утра, Семенова, пробравшись въ отсутствіе господъ и прислуги въ комнаты, занимаемыя адъютантами 3-й гренадерской дивизіи фонъ-Фитингофомъ и Туркевичемъ, похитила три перстня и серебрянный портъ-сигаръ. На спросъ деньщика, заставшаго ее въ комнатахъ, она отвѣчала, что пришла къ генералу, и когда деньщикъ сказалъ ей, что генералъ тутъ не живетъ, то она пошла вонъ. Спохватившійся же деньщикъ бросился за нею и воротилъ ее, и она созналась въ похищеніи, показавъ, что, замѣтивъ преслѣдованіе, бросила портъ-сигаръ въ сторону, а три перстня сунула въ песокъ. Портъ-сигаръ принесъ видѣвшій, какъ она бросила его, человѣкъ, а перстни найдены по ея указанію.—Засимъ сентября 10, по письменнымъ ея отвѣтамъ, отрицаясь отъ перваго показанія, она объяснила, что приходила, думая, что тутъ живетъ генералъ Корфъ, къ гувернанткѣ его, и что человѣкъ, принесшій портъ-сигаръ, какъ подложный, скрытъ, и что все это штуки

людей. Сентября 12-го деньщикъ показалъ, что онъ знаетъ личность принесшаго портъ-сигаръ, и Семенова снова созналась въ кражѣ, прибавляя, что запиралась отъ стыда, и ссылалась на болѣзнь и безсознательность. По свидѣтельству же 21-го сентября врачъ Тихомировъ не нашелъ въ ней, въ это время, никакихъ тѣлесныхъ страданій.

Въ 1858 году дворянинъ *Леонардъ* Домбровскій объявилъ, что изъ его квартиры украдено госпожею Семеновой 288 р. Госпожа же Семенова показала, что это клевета; что напротивъ, познакомившись съ нимъ во время содержанія ея въ пречистенскомъ частномъ домѣ, гдѣ онъ былъ тогда писаремъ, она часто давала ему свои деньги, чтобъ онъ не разсказывалъ ея знакомымъ, за что она содержалась.—Что онъ дѣйствительно бралъ у ней деньги, это видно изъ письма его къ ней. — Сентября 5 дня 1859 года Домбровскій и Семенова подали слѣдственному приставу *Любвину* объявленіе, въ которомъ объясняютъ: первый—что пропавшія деньги отыскались у него въ бумагахъ, а вторая — что по прежнему хорошему знакомству прощаетъ его, и потому *оба желаютъ* прекратить это дѣло совершенно съ тѣмъ, чтобъ никогда не возобновлять его.—А 4-го ноября того же года Семенова въ прошеніи къ губернскому прокурору, опровергая свои собственныя показанія относительно кражи у адъютантовъ тѣмъ, что давала ихъ въ томъ же болѣзненномъ состояніи, въ которомъ совершила и самую кражу, прибавляла, что и помирилась съ Домбровскимъ только по просьбѣ слѣдственнаго пристава Любвина и его обѣщанію освободить ее.

Въ 1859 году 27-го января въ 3 часу по полудни Семенова похитила изъ квартиры подполковника князя Оболенскаго золотые часы съ ключикомъ и цѣпочкою. По прибытіи полиціи въ квартиру Семеновой, она спряталась въ холодныя сѣни сосѣдней квартиры, и тутъ же сознавшись въ кражѣ сихъ вещей, показала: что наканунѣ похищенія оныхъ, она почувствовала скуку и стѣсненіе въ груди, а въ день произведенной ею кражи, отправилась безъ цѣли, куда не знаетъ, взяла у Оболенскаго часы и продала ихъ въ серебрянномъ ряду купцу Горожанкину за 30 руб. *сер.*, причемъ Семенова дополнила, что она подвержена припадочной болѣзни, отъ которой въ 1858 году находилась на излѣченіи въ екатерининской больницѣ. Часы съ принадлежностію у Горожанкина

найдены и, онъ показалъ, что Семенова, продавая ему оныя за свои собственныя, была въ здравомъ умѣ.—Контора же екатериненской больницы, отъ 20 августа 1859 г. увѣдомила слѣдственнаго пристава Любвина, что Семенова дѣйствительно находилась на излѣченіи въ той больницѣ съ 26 января по 9 апрѣля 1858 г. отъ воспаленія брюшины (peritonitis), съ скопленіемъ эксудата въ брюшной полости, кромѣ того у ней подозрѣвалось начало развитія бугорчатки; признаковъ же умопомѣшательства никакихъ не было замѣчено.

Въ томъ же 1859 году 16 февраля въ 6 часу вечера, въ отсутствіе господъ, Семенова похитила у отставнаго штабъ-капитана Казнакова золотые дамскіе часы на золотой цѣпочкѣ съ ключикомъ и пять золотыхъ колецъ съ бриллiантами. Встрѣченная въ сѣняхъ и спрошенная возвратившимся человѣкомъ, Семенова сказала, что ищетъ какую то гувернантку. По обыскѣ въ ея квартирѣ, у ней найдены два кольца. 28 февраля она показала, что дѣйствительно похитила означенныя вещи, изъ которыхъ три кольца и часы продала купцамъ Кулмыкову и Митюшину, какъ свои собственныя; какъ же украла и для чего, не помнитъ, потому что одержима болѣзнію; усмотрѣвъ же у себя эти вещи, не знала, куда ихъ доставить, такъ какъ не помнила, гдѣ ихъ взяла, а потому рѣшилась ихъ продать, и продала. Означенные купцы въ покупкѣ у Семеновой упомянутыхъ вещей также сознались и оныя возвратили, съ показаніемъ, что Семенова продавала имъ оныя за свои, будто бы по крайней нуждѣ въ деньгахъ, и при продажѣ была въ здравомъ разсудкѣ. Въ ночь на 3-е число іюня Семенова скрылась изъ части, и была взята на ново-слободской улицѣ 5 того же мѣсяца. Она показала, что бѣжала отъ боязни отвѣтственности за производимое о ней дѣло; что во все время побѣга ѣздила по Москвѣ и за Москвой безъ всякой цѣли, и останавливаясь только на неизвѣстныхъ постоялыхъ дворахъ, разъѣзжала на неизвѣстныхъ извощикахъ, и по Новой Слободѣ ѣхала также безъ цѣли—просто гуляла. 17-го іюня перехвачено письмо ея къ Александру Григорьевичу Звѣреву на его квартиру, въ которомъ она требуетъ отъ него денегъ за взятые у ней въ февралѣ для продажи мужскіе часы и за два кольца; пишетъ, что она въ замкѣ (подчеркивая послѣднее слово), и что если онъ по чести не отдастъ, то она разскажетъ графу, что онъ, Звѣревъ,

покупалъ у нея вещи, и что графъ и словесный судъ затаскаютъ его; упоминаетъ еще въ немъ о Емельянѣ Гурьевичѣ (Горожанкинѣ) и Николинькѣ, сидящемъ постоянно въ лавкѣ. Зверевъ, торгующій въ серебрянномъ ряду и Николинька (пасынокъ его) отозвались, что Семеновой не знаютъ и никакихъ вещей отъ нея не принимали. Декабря же 17 въ присутствіи 1-го департамента надворнаго суда Семенова отперлась отъ своего, подписаннаго ею 28 февраля, признанія, говоря, что была тогда въ разстроенномъ и болѣзненномъ состояніи, въ которомъ могла подписывать всякія бумаги не читая ихъ, и что вещей у Казнакова не крала и никому не продавала. Точно также отвергла она и показанія о побѣгѣ, данныя 17-го іюня, ссылаясь также на болѣзнь *).

Изъ исторій болѣзни подсудимой Семеновой и изъ свѣдѣній, сообщенныхъ медицинской конторѣ старшимъ врачемъ тюремныхъ больницъ, видно: 1) что во время содержанія ея въ *московскомъ* тюремномъ замкѣ она находилась въ больницѣ того замка шесть разъ, а именно: первый—1859 г. съ 5 по 16 іюня; второй—1859 г. съ 13 по 14 августа; третій—1859 г. со 2 по 21 октября; четвертый—1860 г. съ 5 по 6 ноября; пятый—съ 5 августа 1861 г. по 19 марта 1862 г., и шестой съ 19 марта 1862 г. (утромъ этого дня она была выписана, а послѣ обѣда снова вступила) по 30 іюня 1862 г.—2) Что она страдала преимущественно разстройствомъ мѣсячнаго очищенія, бѣлями, маточнымъ кровотеченіемъ, геморроидальными припадками и припадками желчнаго разстройства и чаще всего головными болями.—3) Что характеръ ея былъ всегда въ высшей степени раздражительный; умственныя же способности постоянно въ надлежащемъ порядкѣ, исключая одного промежутка времени, продолжавшагося впрочемъ нѣсколько только дней, въ теченіи коихъ обнаруживались приступы остраго бреда, который, какъ полагаетъ старшій врачъ тюремныхъ больницъ, основываясь на ея собственныхъ словахъ, могъ быть вызванъ между прочимъ и тѣмъ, что 30-го октября она внезапно узнала о дурномъ для нея оборотѣ ея дѣла. 4) Что острый бредъ этотъ проявляется слѣдующимъ образомъ: по возобновленіи 29 октября 1861 г. головной боли, утромъ слѣдующаго дня Семенова

*) Анна Семенова подвергнута была медицинскому наблюденію и освидѣтельствованію.

начала кричать и прятаться; при визитаціи, врачъ нашелъ ее сидѣвшею на постели и плачущею; на вопросы она отвѣчала неохотно и жаловалась на боль въ темени. Нѣсколько времени спустя, она снова начала кричать, упала на полъ, а когда ее положили на кровать, то она, соскочивши съ нея, спряталась между кроватью и стѣною. 31-го октября, 1-го и 2-го ноября приступы бреда продолжались, въ промежуткахъ же оныхъ она отвѣчала на вопросы безсвязно, жалуясь по временамъ на головную боль; выраженіе лица было тупое, глаза мутные, голова горячая. 3-го ноября больная была раздражительна, ежеминутно плакала отъ причинъ ничтожныхъ; ночью сонъ безпокойный. 4 ноября больная на вопросы хотя отвѣчала неохотно, но довольно правильно; жаловалась на сердцебіеніе и боль головы. 5-го числа больная провела ночь безпокойно, ходила по палатѣ, собирала свое платье и по временамъ пряталась подъ кровать. 6-го числа сердцебіеніе у ней усилилось, голова была горячая, пульсъ малый и частый; ночью безсонница и появилось мѣсячное очищеніе. 7-го больная до 2-хъ часовъ дня была покойна, хотя на вопросы отвѣчала очень неохотно, постоянно жалуясь на головную боль, но въ 2 часа вскочила съ постели, взяла стоявшее ведро съ водою и вылила на себя для того, какъ говорила потомъ сама, что ей было жарко. Засимъ никакихъ уже бредовыхъ явленій не показывалось, и она жаловалась только на головную боль, тошноту и горькій вкусъ во рту.

22-го іюня 1862 г. Семенова была освидѣтельствована въ присутствіи медицинской конторы, причемъ какъ видно изъ вышеозначеннаго представленія конторы Семенова, хотя и жаловалась на головную боль, но никакого болѣзненнаго разстройства въ тѣлѣ ея не было замѣчено, кромѣ только незначительной ногтоѣды на среднемъ пальцѣ правой руки, вслѣдствіе чего она и отказалась писать отвѣты. На предложенные при освидѣтельствованіи вопросы Семенова отвѣчала слѣдующее: *Вопр.* Какъ ваше имя, отчество и фамилія? *Отв.* Анна Александрова Семенова. *В.* Сколько вамъ лѣтъ отъ роду? *О.* Много, не знаю, 38 лѣтъ. *В.* Гдѣ вы родились и воспитывались? *О.* Полагаю, что родилась я въ Москвѣ, воспитывалась въ институтѣ елизаветинскомъ; вышла оттуда давно. *В.* Живы ли ваши родители или умерли и когда? *О.* Умерли, когда не помню: я маленькая была.

В. Дѣвица вы, или замужняя? *О*. Дѣвица. *В*. Бываете ли вы и давно ли были на исповѣди и у святаго причастія. *О*. Была я въ прошедшемъ году. *В*. Имѣете ли вы какое состояніе и въ чемъ оно заключается? *О*. У меня есть деньги; сколько—я теперь точно не знаю, потому что ихъ тратила. У меня все нужное есть и земля есть въ тульской губерніи, веневскаго уѣзда, послѣ моей матери—Дуровой (урожденной). *В*. По какому поводу вы содержитесь въ московскомъ тюремномъ замкѣ и съ котораго времени? *О*. (Плачетъ). Я не знаю, должно быть за проступки. Какъ трудно высказать. Меня обвиняютъ въ кражѣ, въ послѣдней у Казнакова. *В*. Вы эти кражи сознаете, или нѣтъ? *О*. Нѣтъ, потому что я находилась тогда въ болѣзненномъ состояніи. Я ихъ сознала и сознаю, только я въ совершенно разстроенномъ разсудкѣ была тогда. *В*. Съ какихъ лѣтъ у васъ развилось это болѣзненное состояніе? *О*. Съ потери матери, которая умерла въ *1848* году. *В*. Какими припадками это разстройство у васъ начиналось и проявлялось? *О*. У меня дѣлалась тоска, удареніе въ голову, и я уходила изъ дома и затѣмъ ничего не помнила. *В*. Какъ часто у васъ обнаруживалось это болѣзненное состояніе? *О*. Не могу опредѣлить, у меня дѣлалась тоска, ударяло въ голову; появлялись бѣли и я ничего не помнила. *В*. Чѣмъ вы занимались до помѣщенія васъ въ тюремный замокъ? *О*. Я была гувернанткой у разныхъ лицъ; потомъ за болѣзнію я перестала быть гувернанткой и жила у г-на Деньшиль. *В*. Есть ли у васъ въ Москвѣ родственники? *О*. Тетушка Аграфена Яковлевна Ѳедорова. *В*. Какъ ваше здоровье въ настоящее время? *О*. Голова очень болитъ у меня, въ ней жаръ сильный. Уйду или спрячусь въ холодное мѣсто, мнѣ тогда лучше.

Медицинская контора приняла во вниманіе: а) обдуманность всѣхъ дѣйствій Семеновой при произведеніи ею кражъ, что вполнѣ очевидно изъ того, что всякій разъ она входила въ дома и пробиралась въ комнаты, гдѣ находились вещи, именно въ то время, когда тамъ никого не было; что въ случаяхъ, когда ее заставали въ покояхъ, на спросы «что ей надо?» она всегда давала отвѣты, вполнѣ удовлетворительные, нисколько не означающіе безсознательное состояніе; что когда, хватившись пропавшихъ вещей, ее догоняли, она, желая скрыть свое преступленіе, бросала украденное въ разныя мѣста. b) Постоянное продаваніе по-

хищенныхъ ею вещей. c) Перехваченное письмо ея (изъ тюремнаго замка) отъ 17-го іюня къ Александру Григорьевичу Звѣреву на его квартиру. d) То, что Семенова, при обвиненіяхъ ея въ покражѣ вещей, ссылалась на свою болѣзнь и безсознательность въ тѣхъ только случаяхъ, когда были явныя улики и прямыя доказательства, (какъ напр. при похищеніи вещей у г-жи Киселевой и князя Оболенскаго); при отсутствіи же или недостаточности ихъ, — ограничивалась отпирательствомъ (какъ напр. при кражѣ у тайной совѣтницы Синявиной); въ другихъ же случаяхъ, сознавшись сначала въ сдѣланномъ ею похищеніи, потомъ отпиралась, и затѣмъ, если видѣла, что можетъ быть уличена, снова сознавалась, но уже ссылаясь на болѣзнь и безсознательность (какъ напр. при кражѣ вещей у адъютантовъ 3-й гренадерской дивизіи гг. фонъ-Фитингофа и Туркевича). e) То, что объясняя причину продажи вещей, украденныхъ у Казнакова, она показываетъ, что одержима болѣзнію, вслѣдствіе которой, какъ и для чего украла, не помнитъ и что усмотрѣвъ у себя эти вещи, рѣшилась ихъ продать, потому что не знала, куда ихъ доставить, потому что не помнила, гдѣ ихъ взяла; тогда какъ при всѣхъ другихъ кражахъ, сдѣланныхъ будто бы также по болѣзни,—она помнитъ не только у кого онѣ сдѣланы, но даже и многія изъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ кражу. f) То, что умственнаго разстройства въ г-жѣ Семеновой никогда и нигдѣ не замѣчалось: ни частными лицами, ни врачемъ елизаветинскаго училища Бѣлявскимъ, ни свидѣтельствовавшими ее врачами Смирновскимъ и Тихомировымъ, ни врачами екатерининской больницы, гдѣ она находилась довольно долго, ни даже врачами больницы тюремнаго замка, въ которой она была шесть разъ и доселѣ находится; потому что острый бредъ, которымъ она нѣсколько дней страдала въ сей послѣдней, могъ у ней произойти и отъ случайно образовавшагося прилива крови къ головѣ, особенно при раздражительномъ, нервно-холерическомъ ея темпераментѣ и приближеніи времени мѣсячнаго очищенія, которое дѣйствительно вскорѣ и открылось (6-го ноября), и котораго періоды вообще были у ней неправильны. И наконецъ g) то, что во время освидѣтельствованія Семеновой въ медицинской конторѣ, хотя она и жаловалась на боль головы, никакихъ однако признаковъ какого либо болѣзненнаго разстройства въ ея тѣлѣ

не замѣчено, и на всѣ предложенные ей вопросы она отвѣчала удовлетворительно и согласно съ здравымъ разсудкомъ. Посему медицинская контора нашла, что умственныя способности у Семеновой находятся въ здравомъ состояніи.

Медицинскій совѣтъ, принимая въ соображеніе результаты освидѣтельствованія г-жи Семеновой чрезъ членовъ московской медицинской конторы и наблюденій надъ нею врачей во время нахожденія ея въ разное время въ больницахъ, не отрицая, что разстройства въ половыхъ отправленіяхъ отражаются нерѣдко и въ значительной степени на психическую сферу и производятъ временное или постоянное разстройство умственныхъ способностей,—въ настоящемъ случаѣ однако не нашелъ достаточныхъ данныхъ для признанія произведенныхъ Семеновою похищеній разныхъ вещей послѣдствіемъ болѣзненнаго безсознательнаго ея состоянія, и съ своей стороны призналъ мнѣніе по этому предмету московской конторы основательнымъ.

О кражѣ образовъ, совершенной мѣщанкой Еленою Журавлевою.

(Сумасшествіе).

21 сентября 1863 г. содержатель питейнаго дома, серпуховскій мѣщанинъ Трофимъ Крыловъ, на спросъ полицейскаго пристава объяснилъ, что въ 9 часовъ означеннаго числа въ питейный домъ его пришла серпуховская мѣщанка Елена Журавлева, принеся съ собою четырнадцать образовъ, въ числѣ коихъ маленькихъ мѣдныхъ двѣнадцать и два на деревянныхъ досках; кинувъ образа на стойку, она просила купить ихъ, и спросила, сколько онъ ей за оные дастъ? Онъ, Крыловъ, назначилъ за образа 35 к. сер., на что Журавлева согласилась; отдавъ Журавлевой деньги, онъ взялъ образа къ себѣ. При этомъ Журавлева объявила ему, что образа эти ея собственные, но онъ, имѣя сомнѣніе въ принадлежности Журевлевой образовъ, представилъ ихъ приставу.

На спросъ того же пристава Елена Журавлева 22 сентября показала, что дня четыре тому назадъ она была въ домѣ мѣ-

щанина Ильи Никитина Зотцева въ гостяхъ у квартирующей въ ономъ крестьянки Ольги Ивановой Хохловой, гдѣ были серпуховскій мѣщанинъ Семенъ Ивановъ, мѣщанинъ Василій, отечество и фамилію котораго не знаетъ,—пила вино, и они всѣ сдѣлались пьяны; въ это время Ольга Хохлова, мѣщанинъ Семенъ и еще какіе то тутъ же бывшіе, ей неизвѣстные, молодые люди, Константинъ и Егоръ, сняли со стѣны у квартирующей въ томъ же домѣ дворянки Аграфены Тулушевой образа въ количествѣ двадцати и отдали ей; взявши образа, она пошла въ питейное заведеніе, содержимое мѣщаниномъ Трофимомъ Крыловымъ, которому и продала за собственные свои за 40 к. сер. Крыловъ образа эти взялъ къ себѣ и тутъ же послалъ за хожалымъ, коимъ она вмѣстѣ съ образами и была отправлена подъ арестъ полиціи.—Дворянка Аграфена Тулушева объяснила, что въ небытность ея 21 сентября дома, у ней пропало не 14, но двадцать образовъ, въ числѣ которыхъ 11 мѣдныхъ, 8 деревянныхъ и 1 маленькій финифтовый.

24 сентября въ дополненіе къ прежнему показанію своему, Елена Журавлева объяснила, что изъ числа взятыхъ у дворянки Тулушевой двадцати образовъ три деревянные образа находятся у сидѣлицы питейнаго заведенія Авдотьи Ивановой, а остальные въ трактирномъ заведеніи мѣщанина Василія Крылова.

По полученіи вышеизложеннаго дознанія, произведеннаго полицейскимъ приставомъ, судебный слѣдователь серпуховскаго уѣзда, 28 сентября просилъ смотрителя серпуховскаго тюремнаго замка выслать къ нему Елену Журавлеву для допроса, но смотритель замка 29 сентября увѣдомилъ его, что Журавлева не можетъ быть къ нему выслана по случаю помѣшательства ума.

10 октября 1863 г. Елена Журавлева поступила въ больницу московскаго тюремнаго замка.

Въ составленномъ 11 октября ординаторомъ этой больницы г. Ламартиновымъ актѣ осмотра Журавлевой изложено, что она поступила въ больницу около 10 часовъ утра 10-го октября въ слѣдующемъ состояніи: больная найдена была сидящею въ пріемномъ покоѣ со всклокоченными волосами, повязанными небрежно разорваннымъ платкомъ; на видъ она крѣпкаго сложенія, около 30 лѣтъ. При подробномъ осмотрѣ оказалось, что кисть

правой руки представляетъ опухоль съ бѣгучею воспалительною краснотою; на ягодицахъ и промежности замѣчаются поверхностныя ссадины на кожѣ, покрытой незначительною краснотою. Сказанная опухоль кисти и ссадины на ягодицахъ произошли, какъ полагать должно, отъ усилій больной сбросить съ себя перевязки, которыми она была укрощаема во время пути изъ Серпухова въ Москву. При помѣщеніи въ отдѣльную камеру женскаго отдѣленія больницы губернскаго замка, *безпокойство* больной начало усиливаться и перешло въ сильный припадокъ бѣшенства; потребовалось наложеніе горячечной рубашки. Бѣшенство продолжалось во всю ночь, до 8 часовъ утра 11 октября: она неистово кричала, рвалась, произносила *несвязныя* рѣчи, призывая съ необыкновенною скоростію имена какихъ то ей извѣстныхъ лицъ; то бранилась, то смѣялась, и съ величайшимъ трудомъ была удерживаема въ постелѣ. *До наложенія* горячечной рубашки рвала зубами простыню и наволочку тюфяка и подушекъ. 11 октября г. Ламартиновъ нашелъ больную уже развязанною, лежащею на постелѣ подъ простынею съ подведенными къ животу ногами и засунутыми за воротъ рубашки руками. Она дрожала какъ въ лихорадкѣ отъ холоду, тогда какъ термометръ Р. показывалъ 16°. На предложенные г. Ламартиновымъ вопросы Журавлева отвѣчала скоро, но безсмысленно, полагая, что она гдѣ-то у себя, что около нея разсыпано золото, присутствующихъ смѣшивала съ своими знакомыми и *родными*, называла ихъ разными ей извѣстными именами. На вопросъ: сколько ей лѣтъ? отвѣчала, что 63 года, что она родилась *до* француза. Имѣетъ ли мужа? отвѣчала: «имѣю, сидитъ въ полиціи, носитъ сахарный песокъ». Жаловалась, что ее избилъ мужъ. Когда были регулы?—отвѣчала, что льютъ и до сего времени съ мая мѣсяца, тогда какъ при осмотрѣ ихъ не оказалось. Жаловалась на боль въ деснахъ и языкѣ, происшедшихъ вѣроятно отъ усилій ея разорвать простыню.

Въ имѣющемся въ дѣлѣ актѣ, составленномъ ординаторомъ Ламартиновымъ 27 января 1864 г., изложено, что въ теченіи мѣсяца послѣ послѣдняго освидѣтельствованія губернскимъ присутствіемъ *) Елена Журавлева была весьма безпокойна, горя-

*) Когда было произведено это освидѣтельствованіе, и какія при этомъ получены результаты—изъ дѣла не видно. *Прим. изд.*

чечная рубашка почти съ нея не снималась; больная разбила нѣсколько стеколъ, сломала доски отъ кровати, дралась, бранилась безпрестанно, говорила почти не умолкая, безъ всякой связи; бредъ былъ по преимуществу эротическій; буйные припадки замѣчались чаще всего по ночамъ, которыя она проводила безъ сна или если и спала, то не болѣе 1 — 2 часовъ во всю ночь. 14 декабря появились у больной лихорадочное состояніе и значительная общая слабость, продолжавшаяся дня 4. Все это время больная была тиха, не вставала съ постели, говорила неохотно, бредъ перестаіъ быть эротическимъ. Съ этого времени характеръ умственнаго разстройства измѣнился. За исключеніемъ 1-й или 2-хъ ночей, въ которыя больная кричала, требуя, чтобы ее пустили домой, она была постоянно тиха, угрюма, дичилась окружающихъ, на вопросы отвѣчала неохотно; оставленная одна въ комнатѣ, постоянно молчала, спала по ночамъ мало, аппетитъ между тѣмъ постепенно возрасталъ, такъ что скоро дошелъ до прожорливости. Такое состояніе у Журавлевой продолжается, за исключеніемъ того, что въ послѣдніе дни сознаніе ея сдѣлалось немного яснѣе, такъ что бываютъ минуты, въ которыя она сознаетъ, гдѣ она, помнитъ откуда ее привезли, но такіе свѣтлые промежутки бываютъ почти мгновенны.

14 февраля 1864 г. Елена Журавлева была освидѣтельствована въ общемъ присутствіи московскаго губернскаго правленія, причемъ на нижеслѣдующіе вопросы она отвѣчала: *В.* Какъ тебя зовутъ? *О.* Елена Семенова Журавлева. *В.* Сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? *О.* 30 лѣтъ. *В.* Кто ты такая и откуда ты родомъ? *О.* Дѣвка серпуховская (вздыхаетъ). *В.* Замужемъ ли ты и имѣешь ли дѣтей? *О.* Замужемъ была, были у меня и дѣти, но остались тамъ, въ Серпуховѣ. Мужъ умеръ (отвѣчаетъ въ задумчивости, глаза мутные). *В.* Кого ты имѣешь изъ родственниковъ? *О.* Никого нѣтъ. *В.* Есть ли у тебя какое либо состояніе и гдѣ оно находится? *О.* Нѣтъ (взоры блуждаютъ по сторонамъ). *В.* Чѣмъ ты сдѣлалась нездорова и какая была тому причина?, *О.* Я здорова, кто ее знаетъ. *В.* До поступленія въ больницу гдѣ ты жила и чѣмъ занималась? *О.* Я не знаю, работала на фабрикѣ у Коншина. Въ больницѣ я не была. (Замѣтно, что она не имѣетъ памяти). *В.* Какъ теперь твое здоровье? *О.* Здорова (лице болѣзненное, блѣдно-желтое). *В.* Когда ты была на исповѣди и

у святаго причастія? *О.* Всегда хожу (задумчиво). Вообще Журавлева отвѣчала неохотно и съ принужденіемъ. На вопросъ, за что попала въ тюрьму отвѣчала, что не знаетъ, и что въ тюрьмѣ не была.—Принимая во вниманіе нѣкоторые неудовлетворительные отвѣты Елены Журавлевой на предложенные ей вопросы, болѣзненный видъ ея лица, мутность въ глазахъ и удостовѣреніе врача, имѣвшаго надъ ней наблюденіе, общее присутствіе нашло, что Журавлеву слѣдуетъ признать въ настоящее время *сумасшедшею.*

Разсмотрѣвъ актъ освидѣтельствованія мѣщанки Елены Журавлевой 14 февраля сего года въ общемъ присутствіи московскаго губернскаго правленія, и другія, заключающіяся въ дѣлѣ свѣдѣнія о ея умственныхъ способностяхъ, медицинскій совѣтъ нашелъ правильнымъ изложенное въ означенномъ актѣ заключеніе общаго присутствія о томъ, что Елена Журавлева *одержима* сумасшествіемъ.

О крестьянинѣ Осипѣ Галушкинѣ, принявшемъ завѣдомо краденый ячмень.

12 декабря 1862 г. константиновское волостное правленіе (богучарскаго уѣзда, воронежской губерніи) донесло мѣстному *становому* приставу, что 10 тогоже декабря у крестьянина слободы Константиновки, Никиты Чайкина, ночью изъ амбара посредствомъ провернутія пола украдено неизвѣстное количество ячменя, что этотъ ячмень, въ количествѣ четырехъ мѣръ, найденъ у крестьянина Осипа Галушкина въ кадкѣ, которая сверхъ ячменя была засыпана пшеницею, и что въ кражѣ ячменя сознались крестьяне Никифоръ Харченко и Пахомъ Сеникъ.

При дознаніи, произведенномъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1863 г. становымъ приставомъ, крестьянинъ Осипъ Галушкинъ показалъ, что ячмень, найденный у него въ кадкѣ и присыпанный сверху пшеницею, онъ купилъ у крестьянъ Харченко и Сеника за одинъ руб. сер., зная, что ячмень этотъ былъ украденъ у крестьянина Чайкина; но самъ въ кражѣ не участвовалъ.

Крестьянинъ Харченко сознался, что онъ вмѣстѣ съ Сеникомъ укралъ ячмень изъ амбара Чайкина, посредствомъ провернутія пола, и что ячмень этотъ они отнесли къ Галушкину по его просьбѣ и получили за это 1 руб. сер. *).

При слѣдствіи, произведенномъ въ маѣ 1863 г., крестьянинъ Никифоръ Харченко показалъ, что Осипъ Галушкинъ подговаривалъ его и крестьянина Сеника украсть гдѣ либо ячмень и принести къ нему, за что обѣщался дать 1 руб. сер.; засимъ Галушкинъ, по ихъ требованію, далъ мѣшокъ, мѣры въ двѣ; вечеромъ 8 декабря къ нему, Харченко, пришелъ Сеникъ и принесъ съ собою еще одинъ мѣшокъ и буравль; подлезши подъ амбаръ Чайкина, они провертѣли полъ буравлемъ и насыпали два мѣшка ячменю, и въ туже ночь оба мѣшка снесли къ Галушкину, который съ женою своею принялъ отъ нихъ тѣ мѣшки; присемъ онъ, Харченко, сказалъ одному Галушкину, что ячмень украденъ изъ амбара Чайкина; на это Галушкинъ сказалъ: «у меня не найдутъ». Деньги 1 руб. сер. Галушкинъ отдалъ имъ на другой день на базарѣ.

Жена Осипа Галушкина, Прасковья, 29 мая 1863 г. показала что мужъ ея мѣсяца съ два сошелъ съ ума и совершенно сдѣлался безумнымъ, такъ что иногда его даже привязываютъ на веревку. 8 декабря 1862 г. крестьяне Харченко и Сеникъ дѣйствительно принесли къ нему два мѣшка ячменю, за что мужъ далъ имъ 1 руб. сер., но она не слыхала, чтобы принесшіе говорили, что ячмень былъ краденый. Ячмень этотъ она съ мужемъ осыпали въ кадушку, въ которую высыпали также имѣвшуюся у нихъ пшеницу; давалъ ли мужъ ея вышеупомянутымъ крестьянамъ мѣшокъ и подговаривалъ ли ихъ воровать ячмень, она не знаетъ.

Въ составленномъ 25 іюля 1863 г. актѣ, судебный слѣдователь богучарскаго уѣзда Денисовъ записалъ, что означеннаго числа онъ, при волостномъ головѣ и четырехъ свидѣтеляхъ, распрашивалъ приведеннаго больнаго крестьянина Осипа Галушкина, который на предлагаемые вопросы отвѣчалъ мало и дурно, а больше молчалъ, озираясь на стороны, напримѣръ, на вопросы: какъ тебя звать? отвѣчалъ Осипъ. По отцу? Забылъ. Какъ же можно

*) Крестьянинъ Сеникъ не былъ спрошенъ за смертію.

забыть имя отца? Я забылъ и Богу молиться. Отчего же? Забылъ. Перекрестись? (перекрестился, не слагая пальцевъ). Есть у тебя жена? У меня жены нима. Какъ вы воровали ячмень изъ амбара у крестьянина Чайкина? Не помню. Знаешь ли ты крестьянъ Сеника и Харченко? Не помню. На дальнѣйшіе вопросы Галушкинъ или молчалъ, разинувъ ротъ и уставя глаза въ одну сторону, причемъ на глазахъ его навертывались слезы, или безсмысленно водилъ глазами по сторонамъ. На вопросъ, чѣмъ онъ боленъ? сказалъ только, переминаясь ногами, что ему и нынѣ связывали ноги веревкой. (Бывшіе при распросѣ Галушкина мать и жена его объяснили, что онъ утромъ буянилъ безсознательно, а потому онѣ и связали ему ноги веревкой, боясь, чтобы онъ не ушелъ куда).

На повальномъ обыскѣ *) крестьяне слободы Константиновской (въ числѣ 18 человѣкъ) показали, что Осипъ Галушкинъ человѣкъ молодой **), жизни трезвой, въ воровствѣ никогда замѣченъ не былъ, прежде занимался хлѣбопашествомъ, но лѣтъ съ пять или болѣе тому назадъ сдѣлался боленъ припадкомъ, а въ 1863 году уже мѣсяца съ три, а можетъ и больше, вовсе сдѣлался безумнымъ и ничѣмъ не занимается: то плачетъ, то ругается, а иногда смотритъ въ сторону и ничего не говоритъ. Отчего ему приключилась болѣзнь, они, показатели, не знаютъ.

2 августа 1863 г. въ присутствіи богучарскаго уѣзднаго суда крестьянинъ Осипъ Галушкинъ показалъ, что зимою 1863 *года*, какого именно мѣсяца и числа не упомнитъ, ночью, почти предъ самымъ разсвѣтомъ, его разбудили крестьяне Харченко и Сеникъ; на вопросъ его, что имъ нужно, они объяснили, что принесли два мѣшка ячменя, который набрали у себя въ домахъ безъ вѣдома отцовъ, и затѣмъ предложили ему этотъ ячмень купить за одинъ руб. сер.; имѣя надобность въ ячменѣ, онъ купилъ его, и отдалъ рубль; купленный ячмень они вмѣстѣ пересыпали въ его, Галушкина, мѣшки; съ разсвѣтомъ онъ, Галушкинъ, при помощи жены высыпалъ ячмень въ кадушку, а сверху ячменя насыпалъ имѣвшуюся у нихъ пшеницу безъ всякой цѣли скрыть тотъ ячмень, потому что при продажѣ его Сеникъ и Харченко

*) Произведенномъ 25 іюня 1863 г.

**) 24 лѣтъ

не говорили, что онъ украденъ у крестьянина Чайкина или у кого другаго; къ кражѣ онъ ихъ не подговаривалъ и съ ними не участвовалъ; узналъ же онъ о кражѣ у Чайкина ячменя тогда только, когда пришли къ нему съ обыскомъ. Къ сему Галушкинъ добавилъ, что онъ находится въ болѣзненномъ состояніи, но какая именно у него болѣзнь, онъ не постигаетъ; по временамъ онъ дѣлается совершенно безумнымъ, такъ что иногда привязываютъ его на веревку, о чемъ ему передаютъ родные, когда онъ придетъ въ себя; самъ же онъ о томъ ничего не помнитъ.

2 августа 1863 г. Осипъ Галушкинъ былъ освидѣтельствованъ въ состояніи умственныхъ способностей въ присутствіи богучарскаго уѣзднаго суда мѣстнымъ городовымъ врачемъ Бунинымъ. Въ составленномъ о семъ актѣ врачъ Бунинъ изложилъ, что при освидѣтельствованіи онъ нашелъ, что крестьянинъ Осипъ Галушкинъ подверженъ слабоумію (stupiditas), которое происходитъ отъ періодически появляющихся припадковъ падучей болѣзни (epilepsia).

Воронежская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, нашла, что крестьянинъ Осипъ Галушкинъ хотя и не сознался въ покупкѣ у крестьянина Харченко ячменя, завѣдомо похищеннаго у крестьянина Чайкина, но какъ онъ въ въ своемъ показаніи говоритъ, что Сеникъ и Харченко при продажѣ говорили ему, что они набрали ячмень у себя дома безъ вѣдома отцовъ своихъ, и потомъ на другой день, всыпавъ купленный ячмень въ кадушку, засыпали сверхъ онаго пшеницею, то посему его, Галушкина, слѣдуетъ признать виновнымъ въ укрывательствѣ похищеннаго на сумму ниже 40 руб. На основаніи сего палата уголовнаго суда опредѣлила: крестьянина Галушкина, лишивъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить въ рабочій домъ на полтора мѣсяца, а въ случаѣ недостаточнаго помѣщенія въ рабочемъ домѣ, согласно 86 ст. 1 кн. XV т. св. зак., заключить на тотъ же срокъ въ особо устроенное для сего отдѣленіе городской тюрьмы, съ употребленіемъ, на самыя тяжкія изъ установленныхъ въ семъ мѣстѣ заключенія работы, а по окончаніи срока заключенія, поступить съ нимъ по точному смыслу 52 ст. 1 кн. XV т. св. зак.—Начальникъ воронежской губерніи, находя вышеизложенное рѣшеніе палаты уголовнаго суда пра-

вальныхъ, представилъ настоящее дѣло, на основаніи 5 пункта 438 ст. 2 кн. т. XV св. зак. на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

Медицинскій совѣтъ нашелъ: 1) что Осипъ Галушкинъ, одобренный на повальномъ обыскѣ въ поведеніи, по показанію спрошенныхъ при сказанномъ повальномъ обыскѣ 18 крестьянъ одной съ нимъ слободы, лѣтъ за пять до случившейся въ декабрѣ 1862 г. кражи ячменя, заболѣлъ припадками (падучею болѣзнію), а впослѣдствіи въ 1863 году, мѣсяца за три до производства повальнаго обыска (25 іюня 1863 г.), сдѣлался безумнымъ и вовсе перестали заниматься хозяйствомъ; 2) что по показанію жены Галушкина, отобранному 29 мая 1863 г., происшедшее съ нимъ мѣсяца за два до того умственное разстройство сопровождалось иногда буйствомъ, по причинѣ котораго его должно было привязывать на веревку; 3) что 25 *іюля при допросѣ* слѣдователемъ, при свидѣтеляхъ, замѣчены были въ немъ признаки умственнаго разстройства, объясненные въ составленномъ того числа актѣ, и что того же дня утромъ предъ допросомъ Галушкинъ, по показанію его матери и жены, буянилъ безсознательно, а потому ему были связаны веревкою ноги; 4) что по произведенному 2 августа 1863 г. городовымъ врачемъ въ присутствіи богучарскаго уѣзднаго суда освидѣтельствованію, Галушкинъ оказался, по удостовѣренію врача, подверженнымъ слабоумію, которое происходитъ отъ періодически появляющихся припадковъ падучей болѣзни и 5) что у субъектовъ, страдающихъ падучею болѣзнію, припадкамъ этой болѣзни весьма нерѣдко предшествуютъ или за ними слѣдуютъ припадки разстройства душевныхъ способностей, а рано или поздно развивается слабоуміе. Посему медицинскій совѣтъ призналъ, что если Осипъ Галушкинъ дѣйствительно одержимъ падучею болѣзнію, то можно допустить, что душевныя способности его во время случившейся кражи ячменя могли находиться не въ нормальномъ состояніи, но что болѣе положительнаго заключенія о состояніи умственныхъ его способностей изъ имѣющихся въ дѣлѣ данныхъ сдѣлать нельзя, такъ какъ изъ дѣла не видно, былъ ли Галушкинъ подвергнутъ надлежащему и довольно продолжительному (не менѣе 3 мѣсяцевъ) врачебному наблюденію для удостовѣренія въ существованіи у него припадковъ падучей болѣз-

ія, а равно и для опредѣленія характера и силы припадковъ и вліянія ихъ на состояніе умственныхъ способностей Галушкина около времени самыхъ припадкокъ.

О крестьянинѣ Иванѣ Кипотѣ, сужденномъ за сборъ безъ разрѣшенія начальства подаяній на церковь и за нанесеніе удара волостному головѣ.

(Слабоуміе).

5-го февраля 1862 года священникъ села Гавриловки (александровскаго уѣзда, екатеринославской губерніи), объявивъ мѣстному волостному правленію, что къ нему въ домъ явились какіе-то два человѣка съ просьбою дозволить имъ ходить по селенію для испрашиванія пожертвованій на святогорскую кустынскую церковь, просилъ узнать, кто именно эти люди.

Вслѣдствіе сего явившіеся къ священнику два человѣка были потребованы въ волостное правленіе, гдѣ они и объявили, что одинъ изъ нихъ крестьянинъ александровскаго уѣзда Иванъ Кипотъ, а другой крестьянинъ павлоградскаго уѣзда Трофимъ Корхъ; какъ Кипотъ, такъ и Корхъ предотавили паспорты, выданные имъ изъ волостныхъ правленій.—По произведенному волостнымъ правленіемъ осмотру въ повозкѣ, въ которой Кипотъ и Коркъ пріѣхали въ село Гавриловку, оказалось нѣсколько небольшихъ мѣшечковъ съ рожью, пшеномъ и мукою; кромѣ того у Кипота найдено было слишкомъ 80 руб. денегъ. Донося о вышеизложенномъ судебному слѣдователю, гавриловское волостное правленіе добавило, что при допросѣ и обыскѣ Кипотъ представлялся сумасшедшимъ, причемъ ударилъ кулакомъ въ лѣвое ухо волостнаго голову.

При допросѣ 16 февраля Иванъ Кипотъ (30 лѣтъ) показалъ, что онъ грамотенъ, но очень мало—можетъ только читать печатанное, а писать не умѣетъ; женатъ, имѣетъ одно дитя; подъ судомъ не былъ, но одинъ разъ былъ арестованъ за просрочку паспорта, когда тоже ѣздилъ по городамъ и селамъ для испра-

шивания водянія и прислань былъ на мѣсто жительства для водворенія; проживаетъ въ селѣ Никольскомъ съ братомъ своимъ Степаномъ въ домѣ отчима ихъ, Якова Мироненко; такъ какъ у нихъ часто происходятъ ссоры и драки и за это ихъ часто наказываютъ въ волостномъ правленіи, то испросивши себѣ съ помощію отчима паспортъ, онъ отправился по городамъ и селамъ съ иконкою св. Николая чудотворца, испрашивать пожертвованій у народа съ тѣмъ, чтобы часть изъ нихъ употребить въ свою пользу, а часть отдать куда-нибудь въ монастырь; изъ напрошенныхъ денегъ онъ купилъ себѣ лошадь и повозку, на коей и пріѣхалъ въ мѣстечко Петропавловку павлоградскаго уѣзда; здѣсь онъ остановился на квартирѣ у крестьянина Трофима Корха и, узнавъ, что онъ хочетъ наняться въ какую-нибудь работу, договорилъ его, чтобы съ нимъ ѣздилъ, смотрѣлъ за лошадью и просилъ бы пожертвованій, гдѣ и когда онъ ему укажетъ; но какъ у Корха не было денегъ и билета, который ему не выдавали до уплаты податей, то онъ занялъ Корху, или, лучше сказать, далъ ему изъ напрошенныхъ денегъ 18 руб. сер., изъ коихъ 12 р. Корхъ употребилъ на уплату податей и на билетъ, а 6 р. сер. оставилъ на харчи дома женѣ своей; еще Корхъ взялъ у него штаны въ цѣнѣ за 75 к. сер. и рубаху 25 к., всего Корху дано 19 р. сер. Съ Корхомъ онъ поѣхалъ просить пожертвованій, причемъ принялъ на себя всю отвѣтственность, а Корхъ былъ у него какъ работникъ, но иногда, чтобы скорѣе и больше напросить, онъ посылалъ Корха просить пожертвованій, что происходило такимъ образомъ: въѣхавши въ село, онъ, Кинотъ, идетъ по хатамъ одной стороны улицы, а Корхъ другой, и просятъ; люди даютъ: кто хлѣбомъ, кто полотномъ, а кто деньгами. Что напроситъ Корхъ, онъ, Кинотъ, отъ него отбиралъ, потомъ лишній хлѣбъ, полотно и прочее продавалъ и обращалъ въ деньги, на которыя думалъ со временемъ устроить свое хозяйство и часть при смерти отдать на церковь. Въ селѣ Гавриловкѣ они были арестованы и представлены въ волостное правленіе, гдѣ онъ ударилъ волостнаго голову въ то время, когда тотъ началъ обыскивать его и отбирать деньги.

Крестьянинъ Трофимъ Корхъ, подтвердивъ во всемъ до него относящемся показаніе Кинота, добавилъ, что имѣлъ ли Кинотъ

право просить пожертвованій или нѣтъ, онъ не зналъ; но Кипотъ увѣрялъ его, что за это онъ отвѣчать не будетъ, что деньги, хлѣбъ и полотно онъ проситъ на монастырь въ Кіевѣ. Кипотъ былъ въ здравомъ умѣ и сумасшедшимъ началъ притворяться уже послѣ того, какъ ударилъ волостнаго голову и когда его связали.

На данной 16 февраля очной ставкѣ Трофимъ Корхъ уличалъ Кипота въ томъ, что во время пріѣзда къ нему, Корху, въ домъ и поѣздокъ по селамъ Кипотъ полуумнымъ не былъ и сумасшедшимъ не прикидывался.—На улику эту Кипотъ сначала ничего не отвѣчалъ, потомъ сказалъ, что онъ не сумасшедшій и не полуумный, а ему Богъ такъ далъ.

Отчимъ Кипота, Яковъ Мироненко, отозвался, что изъ числа трехъ пасынковъ его старшій Пантелеймонъ живетъ отъ него отдѣльно, занимается хозяйствомъ, въ семействѣ своемъ живетъ скромно и никакихъ признаковъ сумасшествія не обнаруживаетъ, пасынки же Иванъ и Степанъ также женаты, живутъ въ одномъ съ нимъ домѣ и всегда являютъ признаки сумасшествія; впрочемъ Иванъ иногда, хотя и очень рѣдко, приходитъ въ спокойное состояніе и бываетъ какъ будто въ здравомъ умѣ. Ссоры и брани у нихъ бывали; иногда Иванъ станетъ что-нибудь портить, рѣзать нужную вещь; если станутъ отнимать, онъ начинаетъ бить отнимающаго, что доставалось и ему, Якову. Въ 1862 г. Ивана и Степана наказали въ волостномъ правленіи за буйство ихъ въ припадкѣ сумасшествія; но такой случай былъ только одинъ разъ. Что понудило Ивана испрашивать подаяніе, онъ, Яковъ, не знаетъ; Иванъ наскучалъ ему взять для него билетъ, и онъ, Яковъ, выхлопоталъ ему полугодовой билетъ, съ которымъ Иванъ и отправился, какъ онъ говорилъ, въ Кіевъ, а оттуда къ почаевской Божіей матери. Иванъ, когда онъ жилъ дома, ничѣмъ не занимался, а жилъ праздно, шатался неизвѣстно гдѣ, а когда приходилъ домой, то приносилъ деньги, но ихъ никому, и даже женѣ своей, не давалъ. Однажды попыталась было отобрать у Ивана деньги мать его, Ирина, но тотъ сталъ крѣпко вымогать, говоря, что ей на свѣтѣ не жить, если не отдастъ, чѣмъ и заставилъ возвратить ему деньги; пьянствомъ и воровствомъ Иванъ не занимался; хозяйства никакого не имѣлъ; онъ, Яковъ, далъ было ему пять овецъ и свинью, но Иванъ порѣзалъ

ихъ и, сложивъ въ бочку, самъ куда-то скрылся и явился уже недѣль черезъ восемь, причемъ принесъ съ собой напрошенныя имъ деньги.—Показаніе Якова Мироненко подтвердила жена его Ирина.

По отобраніи показанія отъ Ирины Мироненко, судебный слѣдователь допрашивалъ брата Ивана Кипоты, Степана. Въ составленномъ о семъ протоколѣ слѣдователь записалъ, что Степанъ, «на предложенные ему вопросы отвѣчалъ не совсѣмъ правильно, а если гдѣ и отвѣтилъ правильно, то съ прибавленіями, не относящимися къ предмету мыслей и словъ, не составляющими смысла; говорилъ изрѣдка выраженіями славянскими; на вопросъ слѣдователя прочиталъ псаломъ, нѣкоторыя пѣсни изъ канона и молитву, и потомъ, выслушавъ со вниманіемъ наставленіе о молитвѣ, занесъ свою ахинею».

Жена Ивана Кипота, Ульяна, показала, что въ замужствѣ за Иваномъ она 8-й годъ; первые четыре года они прожили хорошо; Иванъ былъ въ здравомъ умѣ, занимался рачительно хозяйствомъ и въ семействѣ былъ спокоенъ; на пятомъ же году, не знаетъ отъ какихъ причинъ, Иванъ впалъ въ припадки сумасшествія, перестала заниматься хозяйствомъ и сдѣлался безпокойнымъ; сталъ портить вещи, а если кто отнимаетъ, то вступаетъ съ нимъ въ ссору и драку. Въ 1862 г. Ивана наказали въ волостномъ правленіи за то, что онъ тамъ учинилъ драку, а въ селѣ Никольскомъ ударилъ бывшаго голову. Она, Ульяна, почитаетъ мужа впавшимъ въ сумасшествіе; когда онъ приходилъ въ здравое положеніе, что случалось рѣдко, то разсказывалъ, что у него бываетъ головокруженіе и онъ дѣлается какъ будто пьянымъ, и въ такомъ состояніи начинаетъ говорить, что только вздумается—безтолковщину.

Двое сосѣдей Кипота (Елисей Бережный и Иванъ Олиференко) показали, что у Кипота въ теченіи трехъ лѣтъ, т. е. съ того времени, какъ онъ потерялся въ умѣ, бывали съ отчимомъ ссоры и брань; въ волостномъ правленіи Ивана Кипота и брата его, Степана, наказывали въ 1862 г. розгами, по просьбѣ родной матери и отчима, которые полагали чрезъ это исправить ихъ буйство, но это не помогло. Дѣйствительно ли Иванъ Кипотъ сумасшедшій, они, показатели, утвердить не могутъ; пьянствомъ и воровствомъ онъ не занимался; хозяйствомъ года три

не занимается, а побирается. Хозяйства онъ не имѣетъ никакого. Данныя ему отчимомъ 4 или 5 овецъ порѣзалъ, посолилъ, и самъ ушелъ, а возвратившись нескоро, взыскивалъ съ жены за употребленную въ пищу солонину.

Сосѣдъ Ивана Кипота, Алексѣй Золотуха, отозвался, что Иванъ какъ куда пойдетъ, то и умень, а какъ придетъ домой, такъ и сумасшедшій. Показаніе свое Золотуха заключилъ тѣмъ, что далѣе онъ подтверждаетъ показаніе Бережнаго.

Крестьяне села Гавриловки (10 человѣкъ), находившіеся въ волостномъ правленіи при арестованіи Кипоты, показали, что въ правленіи Кипотъ притворялся сумасшедшимъ и все молился Богу, но когда волостной голова велѣлъ обыскать его, и приказалъ Кипоту снять съ себя верхнюю одежду, то тотъ началъ шумѣть, кричать, не позволялъ себя обыскивать и при этомъ, подойдя къ головѣ, ударилъ его кулакомъ въ ухо такъ сильно, что у того опухло ухо и щека; послѣ этого Кипота связали; увидѣвъ себя связаннымъ, онъ опять началъ притворяться сумасшедшимъ.

Кипотъ былъ освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи екатеринославскаго губернскаго правленія 8 октября 1863 года. Въ актѣ о семъ сказано, что Кипотъ имѣетъ отъ роду 35 лѣтъ, онъ крѣпкаго тѣлосложенія, росту средняго, съ длинными волосами и бородою и по наружному виду похожъ на церковнослужителя; на предлагаемые многосторонніе словесные вопросы отвѣчалъ удовлетворительно и послѣдовательно, какъ здравомыслящій, объяснивъ притомъ, что онъ государственный крестьянинъ, александровскаго уѣзда, селенія Никольскаго, женатъ и имѣетъ дѣтей, взятъ подъ арестъ за то, что ходилъ съ иконою и собиралъ подаяніе на монастырь безъ всякого на то права, и притомъ еще нанялъ работника, который также ходилъ съ иконою; отправляясь по разнымъ мѣстамъ и по ярмаркамъ вмѣстѣ съ работникомъ, собралъ денегъ, по его словамъ, безъ полтины тысячу рублей ассигнаціями, увѣряя людей, что онъ изъ кіевскаго монастыря; собиралъ онъ не только деньгами, но бралъ все, что могъ гдѣ выпросить; выпрошенное продавалъ и переводилъ на деньги; деньги при арестованіи у него отобрали; читать немного знаетъ, а писать не умѣетъ. Изъ свѣдѣній, доставленныхъ врачемъ, завѣдующимъ тюремною больницею, видно,

что арестантъ Кипотъ во все время пребыванія его въ острогѣ въ тюремной больницѣ не былъ, и въ настоящее время здоровъ. Что же касается его умственныхъ способностей, то по своему состоянію, онъ судитъ довольно основательно: отвѣты на вопросы послѣдовательны, а дѣйствія его во время нахожденія въ острогѣ всегда были сообразны здравому смыслу.—Изъ всего вышеописаннаго члены общаго присутствія заключали, что Кипотъ въ настоящее время какъ умственно, такъ и физически здоровъ.

Екатеринославская уголовная палата, по разсмотрѣніи вышеизложеннаго акта, нашла, что Кипотъ не былъ на испытаніи въ умственныхъ способностяхъ, и заключеніе общаго присутствія основано, во-первыхъ, на отзывѣ врача тюремной больницы, что Кипотъ былъ здоровъ и въ больницу не поступалъ, и во-вторыхъ, на правильныхъ его отвѣтахъ на предлагаемые вопросы, но таковой актъ губернскаго правленія не можетъ служить положительнымъ доказательствомъ того, что Кипотъ не былъ одержимъ припадками сумасшествія и прежде, напримѣръ во время совершенія преступленія. Показанія многихъ лицъ, въ кругу которыхъ онъ жилъ, свидѣтельствующихъ подъ присягою о томъ, что Кипотъ всегда являлъ признаки сумасшествія, даютъ справедливый поводъ думать, что если разсудокъ Кипота дѣйствительно находится въ нормальномъ состояніи, то прежде онъ могъ страдать припадками сумасшествія. Для разъясненія всѣхъ этихъ обстоятельствъ, уголовная палата нашла необходимымъ: 1) спросить крестьянъ села Никольскаго о томъ, изъ чего они заключаютъ, что Кипотъ сумасшедшій, т. е. потребовать отъ нихъ подробнаго объясненія всѣхъ дѣйствій Кипота, внушившихъ имъ убѣжденіе о разстройствѣ его разсудка; 2) подвергнуть Кипота шестимѣсячному испытанію въ губернской больницѣ; 3) освидѣтельствовать его въ умственныхъ способностяхъ въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, и 4) потребовать отъ врачебной управы заключенія о томъ, не былъ ли Кипотъ разстроенъ въ умственныхъ способностяхъ во время совершенія преступленія?

При доизслѣдованіи, произведенномъ согласно опредѣленію уголовной палаты, отчимъ Ивана Кипота показалъ, что въ существованіи у Кипота сумасшествія онъ убѣдился изъ слѣдующихъ случаевъ: 1) когда по жалобѣ его, Якова, и жены его, Ирины,

наказали Ивана въ волостномъ правленіи за непокорность къ нимъ и буйство и приказали, чтобы онъ уважалъ ихъ до такой степени, чтобы даже и слѣдъ имъ приметалъ, то на слѣдующій день, при возвращеніи изъ церкви, онъ, Яковъ, и жена его увидѣли Ивана дворовъ за пять отъ ихъ двора прометающимъ дорогу. Подошедши ближе къ прометенной дорожкѣ, они съ женою хотѣли обойти стороною, но Иванъ, бросивши метлу, подбѣжалъ къ нимъ и, взявши ихъ за руки, поворотилъ на прометенную дорожку, объясняя, что въ волостномъ правленіи велѣно ему прометать имъ дорогу. 2) Однажды какъ-то жена Ивана, Ульяна, упрекнула его, будто онъ носитъ рубаху ея трудовъ; Иванъ, сбросивши рубаху и штаны, вбѣжалъ въ половину его, Якова (Иванъ жилъ въ другой половинѣ избы), совершенно нагимъ, объясняя, что не хочетъ носить рубахи отъ жены своей, и просилъ рубахи у матери; рубаху и штаны ему дали и онъ пошелъ въ свою половину; впрочемъ жену свою, Ульяну, не билъ и даже не бранилъ. 3) Однажды Иванъ купилъ себѣ на рубаху тонкаго холста; оставшійся отъ этого холста небольшой кусокъ жена его хотѣла употребить на воротникъ для ихъ же дитяти; узнавши тотъ кусочекъ, Иванъ придрался къ женѣ, будто она украла у него тотъ кусочекъ. Опоясавши жену веревкою и заткнувши ей за шею помянутый кусочекъ холста, онъ вывелъ ее на улицу и повелъ, крича: «смотрите, вотъ жена моя украла у меня холстъ». Сельскій староста, встрѣтивъ Ивана, сталъ грозить, что свяжетъ его, и Иванъ, бросивъ жену на улицѣ, побѣжалъ домой. 4) Однажды случилось матери Ивана получить, вмѣсто его, принадлежащія ему деньги. Изъ нихъ она истратила одинъ рубль сер. Иванъ не далъ ей покоя, онъ ходилъ за ней и твердилъ: «отдай деньги», а потомъ сталъ даже угрожать, говоря: «я тебя перерву»; мать принуждена была занять у сосѣда 1 руб. и отдать его Ивану.

Мать Ивана Кинота, Ирина Миронешкова, на вопросъ слѣдователя привела съ своей стороны слѣдующіе случаи: 1) послѣ того, какъ Ивану приказали въ волостномъ правленіи слушать ее, Ирину, и ея мужа, Иванъ, когда она бывало послѣ обѣда или ужина станетъ мыть ложки, тоже берется мыть, говоря: что ему приказали слушать ее. Пойдетъ она доить овецъ и онъ идетъ съ ней, и что она надоитъ въ подойникъ, Иванъ, отнявъ его, поставитъ къ себѣ на голову, побѣжитъ въ избу и ра-

надоетъ молоко; она стала уговаривать Ивана, чтобы онъ пособлялъ ей, а не разорялъ. Взявъ жену и бывшихъ тогда двоихъ дѣтей своихъ, Иванъ повелъ ихъ насильно къ своему дядѣ жить подъ солому и взялъ туда же свои подушки; это было днемъ; вечеромъ того же дня онъ пришелъ къ ней, требуя вечерять и объяснилъ, что жену и дѣтей онъ оставилъ подъ соломой и что они не смѣютъ придти къ ней вечерять, потому что онъ старшій. Взявши вечерю, онъ понесъ ее къ женѣ и дѣтямъ подъ солому. Когда же жена его сказала ему, что она старше его, то Иванъ, отвѣтивъ, что «если ты старше, то я буду слушать тебя», снялъ съ нея исподницу, платокъ и очипокъ, надѣлъ на себя и сказалъ: «ну теперь я буду твоя жена, а ты мужъ»; и спрашивалъ ее, что она прикажетъ ему дѣлать; потомъ сталъ собирать въ рѣшето кизячки. 2) Въ одинъ изъ прошедшихъ годовъ Иванъ былъ заарестованъ гдѣ-то за испрашиваніе подаянія. Его препроводили въ мѣстное волостное правленіе, вмѣстѣ съ нимъ прислали и напрошенныя имъ деньги. Становой приставъ для полученія денегъ вызвалъ Ивана и Ирину. У станового она, Ирина, дала мальчику изъ полученныхъ денегъ 10 коп. за то, что тотъ расписался за Ивана. Когда она вышла отъ пристава, то Иванъ, потребовавши отъ нея деньги, сосчиталъ ихъ и, слышавши въ домѣ пристава, сколько она получила ихъ, не досчитался 10 коп., узнавши же, что она израсходовала ихъ въ домѣ пристава, онъ приступилъ къ приставу, требуя неотступно, чтобы онъ отдалъ ему 10 коп.; приставъ пошелъ на базаръ, Иванъ послѣдовалъ за нимъ и, ходя за нимъ, кричалъ: «отдай деньги», и приставъ принужденъ былъ дать ему 10 коп. 3) Разъ Иванъ захотѣлъ имѣть у себя собственность, и сталъ требовать отъ отчима, чтобы тотъ далъ ему лошадь, говоря, что онъ не хочетъ жить въ ихъ селеніи, а поѣдетъ куда-нибудь приписаться. Отчимъ отказалъ Ивану, но тотъ требовалъ настойчиво; куда не пойдетъ отчимъ, Иванъ слѣдуетъ за нимъ и требуетъ лошади. Дошло наконецъ до того, что отчимъ, чтобы избавиться отъ несносной докуки, далъ Ивану лошадь съ повозкою. Забравши жену и двоихъ дѣтей, Иванъ сталъ выѣзжать. Видя, что онъ не шутя ѣдетъ съ семействомъ, она, Ирина, и мужъ ея дали ему муки и разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Не смотря на то, что жена его Ульяна не хотѣла ѣхать и плакала, Иванъ, схва-

тивъ ее, втащилъ на повозку; не могши никакъ его урезонить, жена принуждена была ѣхать. Проѣздивши мѣсяцъ, Иванъ возвратился, промѣнявъ данную ему лошадь на другую, гораздо худшую. Жена его разсказывала, что они были въ г. Ростовѣ. Во время проѣздовъ Иванъ пытался въ нѣкоторыхъ селеніяхъ приписаться, но ему отказывали. Дѣтей своихъ онъ не всегда одинаково жалѣлъ; иногда бывало говорилъ ей, Иринѣ, чтобы она бросила дитя въ печь; это онъ говаривалъ не въ досадѣ какой, а въ спокойномъ духѣ; бывали иногда минуты, что Иванъ приходилъ въ себя. Когда она, Ирина, говорила ему, для чего онъ такъ дѣлаетъ, то Иванъ объяснялъ, что онъ бросается иногда къ ней для того, чтобы пріобрѣсть ей царствіе небесное, и прибавлялъ: «я введу васъ въ царство небесное, а васъ кончу, а самъ пойду куда меня пошлютъ». 4) Однажды Иванъ спуталъ свои ноги конскими путами. На вопросъ, для чего это сдѣлалъ, Иванъ ничего не отвѣчалъ. Она, Ирина, уѣхала въ степь; по пріѣздѣ оттуда, мужъ ея распуталъ Ивана; она опять стала его спрашивать о причинѣ того, тогда Иванъ отвѣтилъ, что онъ спуталъ себя для того, что почувствовалъ тяжелыя, находящія на него минуты, и прибавилъ: «увидѣли бъ вы, что бы вамъ было, если бы я себя не спуталъ». 5) Въ зимнее время Иванъ сталъ выгонять ее, Ирину, и мужа ея изъ дому, говоря, что онъ будетъ жить въ одной половинѣ, а братъ его, Степанъ, въ другой. Такъ какъ Иванъ сталъ сильно безпокоить ихъ, то мужъ ея принужденъ былъ обратиться въ волостное правленіе и просить защиты. Начальство пріѣхало къ нимъ и, разобравши дѣло, рѣшило тѣмъ, чтобы Иванъ заработывалъ хлѣбъ для себя и семейства своего самъ. Иванъ кланялся начальству и просилъ также ихъ, чтобы они его не оставили; ей, Иринѣ, стало жаль Ивана, и она отдѣлила ему и брату его, Степану, одну половину дома. Она дала ему также муки, чтобы жена его въ той половинѣ готовила ему пищу. Иванъ потомъ сталъ съ братомъ своимъ, Степаномъ, дѣлить ту половину между собою на двѣ части. Провелъ палкою въ сѣнцахъ черту, назвавъ ее межею, и когда жена Степана перешла эту межу, то Иванъ поднялъ драку. При отводѣ Ивану половины дома, когда давали ему горшки, чашки и другія хозяйственныя вещи, не было упомянуто о столѣ, который остался въ его половинѣ; схвативъ этотъ столъ, Иванъ

сталъ вытаскивать его въ другую половину, говоря, что при дѣлежѣ ему не давали стола и потому онъ ему не принадлежитъ. Потомъ сталъ забирать изъ ихъ половины въ свою иконы, хотя таковыя и тамъ были, говоря, что иконы давно уже у нихъ стоятъ и что нужно имъ стоять еще и въ его половинѣ. Иногда схватывалъ онъ лавку, чтобы сорвать ее и внесть въ ихъ половину, говоря, что она ему не принадлежитъ, не дана ему при дѣлежѣ, и что онъ самъ здоровъ и можетъ заработать. Иногда бросался ломать въ своей половинѣ перегородку между комнатами. Такъ Иванъ поступалъ всякій день. Такое безпокойное положеніе заставило ихъ наконецъ оставить дворъ и домъ, купить себѣ особый дворъ и жить отдѣльно. 6) Иванъ ходилъ одинъ разъ въ Кіевъ на богомолье, а также и въ святыя горы на Донцѣ и въ другія подобныя мѣста. По приходѣ изъ этихъ мѣстъ онъ разсказывалъ, что скучалъ въ тѣхъ мѣстахъ за домомъ и будто ему жаль ее, Ирину, а какъ придетъ домой, то начнетъ говорить, что хоть бы домы ихъ попалили; ему ихъ не жаль. Задумавъ выѣхать изъ дому въ послѣдній разъ, Иванъ сталъ говорить, что онъ хочетъ пойти въ Кіевъ и въ Почаевъ молиться Богу и что дорогой будетъ испрашивать у людей подаяніе. Когда ему выхлопотали билетъ, то Иванъ сталъ скакать, потому ли, что былъ радъ, или то были припадки сумасшествія. Разъ какъ то, укрывая хлѣвъ, Иванъ позвалъ ее и сказалъ, что ему «не даетъ докрыть хлѣва», но кто не даетъ, не объяснялъ. О болѣзни своей онъ всегда такъ неопредѣленно выражался. Бросивъ крыть хлѣвъ и ходя по двору, онъ началъ рубить и портить, что только попадалось подъ руки.

Нижеслѣдующіе сосѣди Ивана Кипоты показали:

1) Кондратій Бережный,—что въ 1863 г., будучи сельскимъ старостою, онъ былъ приглашенъ Яковомъ Мироненкомъ усмирить дравшагося съ нимъ Кипота. Придя въ ихъ домъ, онъ, Бережный, увидѣлъ, что Кипотъ, наложивши въ курительную трубку ладону, курилъ имъ предъ образами, которые обратилъ лицемъ къ стѣнѣ. На вопросъ, для чего онъ обратилъ изображеніе иконъ къ стѣнѣ, Иванъ отвѣчалъ, что образамъ не слѣдуетъ смотрѣть на него. Больше случаевъ, выражавшихъ сумасшествіе Кипота, ему, Бережному, видѣть не случалось; впрочемъ изъ этого случая онъ не можетъ полагать, чтобы Кипотъ былъ сумасшед-

шій, потому что другіе поступки его говорятъ противное; такъ напримѣръ, если онъ гдѣ достанетъ что, то приноситъ домой и не тратитъ.

2) Иванъ Олиференко,—что Кипота онъ почитаетъ малоумнымъ, потому что поступки его кажутся странными, напримѣръ: онъ какъ то накупилъ на напрошенныя деньги самовары, числомъ два, серебрянныя ложки и еще кое-что, и купленныя вещи привезъ на себѣ въ санкахъ. Когда отобраны были отъ него волостнымъ правленіемъ самовары, то онъ настоялъ, чтобы ему ихъ отдали. Самовары эти потомъ онъ продалъ; продалъ также нѣкоторыя купленныя вещи, а другія отдалъ кой-кому. Иногда онъ бывало разговариваетъ какъ слѣдуетъ, иногда нанимали его въ работы, но съ окончаніемъ дня онъ требуетъ непремѣнно расчетъ, обѣщаясь на другой день работать опять, но уплаты денегъ не оставлялъ до другаго дня. Такъ какъ онъ дѣлалъ не такъ, какъ у нихъ обыкновенно водится, что одинъ за другимъ ожидаютъ денегъ, если таковыхъ не случится, и не настаиваютъ такъ неотступно, какъ Кипотъ, — то онъ и кажется имъ дураковатымъ, и они признали его таковымъ.

3-й) Алексѣй Золотуха,—что онъ почитаетъ Кипота сумасшедшимъ: ему раза три случалось видѣть, какъ Кипотъ во время божественной службы ходилъ по улицѣ кружкомъ до тѣхъ поръ, пока оканчивалась служба.

4) Крестьянинъ села Никольскаго Савелій Бондаренко показалъ, что четыре года тому назадъ *), Кипотъ служилъ у него 5 дней; въ то время была молва, будто Кипотъ сумасшедшій, но во время работы у него, (работа состояла въ томъ, что Кипотъ косилъ хлѣбъ), онъ, Бондаренко, не только не замѣтилъ у Кипота признаковъ разстройства ума, но даже удивлялся, что его считали сумасшедшимъ; въ работѣ онъ былъ довольно усерденъ и даже понукалъ его, Бондаренко, къ работѣ. Разговоры его были правильны и резонны.

Крестьянинъ Василій Халявка отозвался, что четыре года тому назадъ Кипотъ служилъ у него въ лѣтнее время въ работникахъ; въ то время извѣстно было, что Кипотъ показывалъ себя сумасшедшимъ. Прослужилъ онъ у него, Халявки, 14 дней; работа со-

*) Показаніе дано Бондаренкомъ въ маѣ 1864 г.

стояла въ томъ, что Кипотъ съ сыномъ его Халявки, Андреемъ, на трехъ парахъ воловъ возилъ изъ степи домой сѣно и снопы хлѣба. Во все помянутое время, онъ, Халявка, не замѣтилъ ни въ поступкахъ, ни въ рѣчахъ Кипота такихъ дѣйствій, которыя обнаруживали бы разстройство его ума. Вставалъ онъ на работу, какъ слѣдовало, рано, исполнялъ, что приказывали, какъ должно, былъ довольно разговорчивъ и говорилъ въ порядкѣ; бывалъ веселъ и шутливъ, выжилъ свой срокъ и, получая расчетъ, *ссоры* не повелъ, а, получивъ заслуженное и поблагодаривъ, отошелъ.

Сынъ Василія Халявки, отставной солдатъ Андрей Халявка, подтвердивъ показаніе отца, добавилъ, что во время возки сѣна, когда бывало онъ, Андрей, пригрозитъ Кипоту, то тотъ, вѣроятно сердясь, начинаетъ по нѣскольку разъ дѣлать все одно и тоже, такъ напримѣръ: огребаетъ по нѣскольку разъ сѣно на возу, хотя бы это можно было сдѣлать въ одинъ разъ. *Въ дорогѣ* Кипотъ иногда просилъ его, Андрея, учить его солдатскимъ пѣснямъ или маршировать. Кипотъ уходилъ ночевать домой къ женѣ, а поутру являлся на работу рано, вѣроятно, помня, что состоитъ въ наймѣ.

На повальномъ обыскѣ поведеніе Ивана Кипота одобрено.

Согласно постановленію екатеринославской уголовной палаты, Иванъ Кипотъ былъ подвергнутъ шестимѣсячному испытанію въ больницѣ екатеринославскаго приказа общественнаго призрѣнія, и затѣмъ 26 января 1865 г. освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи екатеринославскаго губернскаго правленія. Въ имѣющемся въ дѣлѣ актѣ сего освидѣтельствованія изложено, что Кипоту по наружному виду лѣтъ 36, тѣлосложенія онъ посредственнаго, росту средняго, лице его блѣдное, смуглое, волосы на головѣ и бородѣ черные, взглядъ живой. Разсказавъ при освидѣтельствованіи, что онъ женатъ, имѣетъ двухъ дѣтей, живетъ вмѣстѣ съ братьями и отчимомъ и что у нихъ по 9 десятинъ земли, Кипотъ продолжалъ такъ: «отчимъ сказалъ мнѣ: иди и живи самъ соби, я тебѣ ничего не дамъ; чрезъ отчима я началъ просить на монастырь, у меня работники были и тѣ просили для монастырей, я бравъ все, що очима ни бачу и переводилъ на деньги; денегъ було до 800 руб.; была лошадь съ повозкою, я былъ у святыхъ горахъ въ харьковской губерніи, въ монастырѣ Куряжѣ, у Хорошевѣ, былъ у Кіевѣ; грамотѣ учился, а писать не

знаю».—Засим въ актѣ изложено, что изъ свѣдѣній, доставленныхъ старшимъ врачемъ, видно, что Иванъ Кипотъ во время пребыванія въ больницѣ приказа въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ былъ постоянно здоровъ, только иногда жаловался на головную боль, которая безпокоила его недолго и по большей части проходила безъ всякихъ пособій; любитъ читать церковныя книги, скучаетъ отъ праздности, проситъ всегда какой нибудь работы; охотно убираетъ комнаты, чиститъ посуду для себя и другихъ, носитъ дрова, со всѣми живетъ въ мирѣ; часто разсказываетъ о томъ, какъ онъ сбиралъ деньги, прося на церковь и при этомъ приходилъ въ восторгъ оттого, что собиралъ всегда болѣе другихъ и что это лучше его никто сдѣлать не могъ. Онъ изъ харьковской губерніи, зміевскаго уѣзда въ 1842 г. переселился въ семействомъ своимъ въ екатеринославскую губернію въ александровскій уѣздъ въ селеніе Никольское. Во всю жизнь никогда не былъ тяжело боленъ, трудился и работалъ съ двумя братьями всегда усердно. Въ 1858 г. одинъ изъ сыновей отчима былъ взятъ, по подозрѣнію въ умерщвленіи своей жены, въ острогъ. Вслѣдствіе этого несчастія отчимъ сталъ раздражителенъ и часто грубо обращался съ нимъ. Они старались уйти отъ отчима и онъ, Иванъ, пошелъ въ Кіевъ на богомолье. Здѣсь монашеская жизнь ему такъ понравилась, что онъ хотѣлъ остаться въ послушникахъ, но одинъ изъ монаховъ узнавши, что онъ женатъ, посовѣтовалъ ему возвратиться домой. Прибывши въ селеніе Никольское, онъ увидѣлъ прежній разладъ въ семействѣ и захотѣлъ потрудиться для церкви; взялъ отпускной листъ, просилъ милостыню и, собравши столько денегъ, что могъ купить лошадь и телѣгу, сталъ ѣздить по селамъ и собирать подаяніе на церковь. Когда было у него 800 руб. онъ возвращался домой, но въ селеніи Гавриловкѣ былъ взятъ волостнымъ начальствомъ за собираніе подаянія на церковь безъ законнаго на то разрѣшенія, и отправленъ къ становому приставу, потомъ въ александровскій земскій судъ, а оттуда въ острогъ.—Принимая въ соображеніе вышеизложенное, общее присутствіе заключило, что Иванъ Кипотъ физически и въ отношеніи умственныхъ способностей здоровъ.

Врачебное отдѣленіе екатеринославскаго губернскаго правленія, по разсмотрѣніи дѣла объ Иванѣ Кипотѣ, увѣдомило александровскій уѣздный судъ (отношеніемъ отъ 18 ноября 1865 г.),

что взявъ во вниманіе показанія односельцевъ Кипота, отдѣленіе находитъ, что поступки Кипота дѣйствительно не были сообразны съ здравымъ смысломъ. Но такъ какъ Кипотъ 26 января 1865 г. былъ подвергнутъ освидѣтельствованію въ общемъ присутствіи губернскаго правленія, причемъ оказался физически и въ отношеніи умственныхъ способностей здоровымъ, — то «съ какого повода онъ совершилъ преступленіе въ 1863 г., т. е. за два года до освидѣтельствованія, и былъ ли онъ въ то время умственно здоровъ, врачебное отдѣленіе достовѣрно заключить не можетъ».

21-го февраля 1866 г. старшій директоръ александровскаго уѣзднаго отдѣленія общества попечительнаго о тюрьмахъ сообщилъ екатеринославской уголовной палатѣ, что каждому, посѣщающему александровскій тюремный замокъ, невольно бросается въ глаза подсудимый Иванъ Кипотъ чрезъ свои *эксцентрическія* выходки и разговоры, дающіе поводъ предполагать въ немъ умственное разстройство. Такое же впечатлѣніе произвелъ Кипотъ и на посѣщавшихъ разновременно тюремный замокъ: екатеринославскаго губернскаго прокурора, исправляющаго должность инспектора врачебной управы и начальника екатеринославской губерніи. — Засимъ, изложивъ вкратцѣ обстоятельства настоящаго дѣла, директоръ попечительнаго общества о тюрьмахъ продолжаетъ, что въ дѣлахъ подобнаго рода, основаніемъ къ опредѣленію того: вмѣняемо или нѣтъ преступленіе подсудимому, болѣе всего можетъ служить мнѣніе спеціалистовъ; но изъ двухъ мнѣній, имѣющихся въ дѣлѣ, одно (т. е. актъ освидѣтельствованія Кипота въ губернскомъ правленіи) при рѣшеніи дѣла мало можетъ имѣть вліянія, какъ свидѣтельствующее о состояніи способностей подсудимаго за время, далеко послѣ совершенія преступленія; второе же (мнѣніе врачебнаго отдѣленія) на столько неточно, что положительно ничего не разъясняетъ. При такихъ обстоятельствахъ остается обратиться къ другимъ даннымъ, т. е. къ свидѣтельству лицъ, болѣе всего знакомыхъ съ подсудимымъ. Данныя этими лицами показанія почти убѣждаютъ въ неестественномъ состояніи разсудка Кипота, и если не составляютъ полнаго доказательства, то по крайней мѣрѣ невольно заставляютъ сомнѣваться въ здоровомъ состояніи способностей Кипота, а сомнѣніе это, по общему духу законополо-

женій, всегда должно быть истолковываемо въ пользу подсудимаго. Вслѣдствіе сего директоръ просилъ уголовную палату о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣла о Кипотѣ и объ освобожденіи его, впредь до рѣшенія дѣла, изъ подъ стражи, съ принятіемъ относительно его болѣе легкой мѣры для предупрежденія уклоненія отъ слѣдствія и суда.

Екатеринославская уголовная палата, признавая Кипота виновнымъ въ испрашиваніи безъ разрѣшенія начальства пожертвованій подъ предлогомъ на церковь, заключающихся въ деньгахъ и вещахъ, и употребленіи ихъ въ свою пользу, и въ нанесеніи волостному головѣ удара при исполненіи имъ обязанности по службѣ, опредѣлила: лишивъ Кипота всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ ему правъ и преимуществъ, заключить его въ тюрьму на три мѣсяца, а если представится явная невозможность исполнить надъ нимъ сіе наказаніе, то наказать его розгами сорока пятью ударами и затѣмъ, въ обоихъ случаяхъ отдать его подъ надзоръ полиціи на два года.

Исправляющій должность екатеринославскаго губернскаго прокурора съ своей стороны нашелъ, что степень виновности Кипота уменьшаютъ слѣдующія два обстоятельства, именно: 1-е) добровольное на первомъ же допросѣ сознаніе Кипота въ своей винѣ, отчего онъ не отрекся и послѣ долговременнаго содержанія въ тюрьмѣ, и 2-е) свидѣтельство родственниковъ и односельцевъ Кипота о томъ, что многіе поступки его были несообразны съ здравымъ смысломъ. На основаніи сего исправляющій должность губернскаго прокурора полагалъ, что наказаніе Кипоту слѣдуетъ назначить въ нисшей мѣрѣ, приговоривъ его къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ состоянія и къ заключенію въ тюрьмѣ на полтора мѣсяца; а если встрѣтится явная невозможность выдержать его въ тюрьмѣ, то наказать при полиціи розгами сорока ударами и затѣмъ отдать подъ надзоръ общества, къ которому онъ принадлежитъ, на два года.

Медицинскій совѣтъ, (согласно съ мнѣніемъ члена своего г. Балинскаго), нашелъ, что спрошенные при слѣдствіи свидѣтели (родственники и сосѣди), отъ которыхъ заимствованы, хотя и отрывочныя, предварительныя свѣдѣнія о подсудимомъ Кипотѣ, утверждаютъ, что онъ находится не въ полномъ разумѣ. Въ до-

казательство этого приведено множество случаевъ его странностей въ словахъ и дѣйствіяхъ. По словамъ жены, Кипотъ три года тому назадъ совершенно измѣнился и, неизвѣстно отчего, разомъ сталъ такимъ страннымъ. Освидѣтельствованіе Кипота 26-го января 1865 г. не могло привести къ правильному сужденію, такъ какъ при этомъ еще не были въ виду вышеупомянутыя предварительныя свѣдѣнія; и заключеніе о томъ что подсудимый здоровъ, было основано лишь на его отвѣтахъ на вопросы, ему предложенные. Результаты испытанія въ теченіи 6-ти мѣсяцовъ въ больницѣ изложены врачемъ лишь въ общихъ чертахъ, и очевидно, что полнаго изслѣдованія умственныхъ способностей произведено не было; причемъ однакоже упоминается о томъ, что Кипотъ иногда страдалъ головною болью, что онъ каждый разъ приходилъ въ восторгъ, когда ему приходилось разсказывать о своихъ успѣхахъ по *собиранію подаяній*. Наконецъ при содержаніи въ тюрьмѣ, своими эксцентрическими выходками и странными разговорами, Кипотъ невольно обращалъ на себя вниманіе губернскаго прокурора, инспектора врачебной управы и начальника губерніи, о чемъ заявлено директоромъ общества попечительнаго о тюрьмахъ. Изъ всего этого, по мнѣнію совѣта, съ большою вѣроятностію можно предположить, что умственныя способности подсудимаго Кипота находятся не въ нормальномъ состояніи; по описанію страданіе его имѣетъ видъ слабоумія съ появляющимися время отъ времени приступами безпокойства.

О надворномъ совѣтникѣ Романовѣ, сужденномъ за растрату казеннаго провіанта.

Слѣдственная коммисія, учрежденная по распоряженію провіантскаго департамента военнаго министерства: «объ изслѣдованіи оказавшагося недостатка провіанта и овса въ измайловскомъ провіантскомъ магазинѣ въ вѣдѣніи бывшаго смотрителя, надворнаго совѣтника Романова», 7 августа 1863 г., просила с.-петербургское правленіе: сдѣлать распоряженіе объ освидѣтельствова-

нiи Романова, действительно ли онъ находится въ разстройствѣ умственныхъ способностей?—Вслѣдствiе сего освидѣтельствованiе надворнаго совѣтника Романова, (за недоставленiемъ его въ присутствiе губернскаго правленiя по случаю тѣлесной болѣзни), произведено было 27 сентября 1863 г. на мѣстѣ его нахожденiя, для пользованiя во врачебномъ прiютѣ доктора Гейкинга, причемъ присутствующiе заключили, что у Романова явнаго разстройства умственныхъ способностей не замѣчено, но что для болѣе положительнаго удостовѣренiя его душевнаго состоянiя необходимо отправить его на довольно продолжительное время для испытанiя въ больницу. О послѣдствiяхъ сего освидѣтельствованiя 19 октября того же 1863 г. было сообщено слѣдственной коммисiи.

Затѣмъ коммисiя военнаго суда, учрежденная при с.-петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ, 6 февраля 1864 года увѣдомляя правленiе, что она встрѣчаетъ необходимость въ положительномъ опредѣленiи, въ какомъ состоянiи находятся умственныя способности Романова, помѣщеннаго для испытанiя во 2-й военно-сухопутный госпиталь, просила распоряженiя объ освидѣтельствованiи Романова вновь.—Посему произведено было ему переосвидѣтельствованiе въ присутствiи губернскаго правленiя 14 февраля, причемъ присутствующiе, по личному соглашенiю, заключили: подвергнуть Романова еще 6-и недѣльному испытанiю. Но, такъ какъ протоколъ о переосвидѣтельствованiи Романова 14 февраля, за недоставленiемъ 2-мъ военно-сухопутнымъ госпиталемъ требуемыхъ штадтъ-физикомъ Гаугеромъ свѣдѣнiй о клиническихъ наблюденiяхъ за ходомъ болѣзни Романова, составленъ не былъ, то исправляющiй должность начальника губернiи словесно предложилъ губернскому правленiю: подвергнуть Романова переосвидѣтельствованiю.

Переосвидѣтельствованiе Романова произведено 3 апрѣля, причемъ исправляющимъ должность начальника губернiи, во избѣжанiе могущаго быть разногласiя о состоянiи умственныхъ способностей Романова, были спрошены присутствовавшiе при освидѣтельствованiи и члены физиката, которые единогласно объявили, что Романовъ разстройствомъ умственныхъ способностей не страдаетъ.

Такъ-какъ при переосвидѣтельствованіи умственныхъ способностей надворнаго совѣтника Романова, присутствующіе заключили, что онъ не страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей; штадтъ физикъ же докторъ Гаугеръ признавалъ Романова страдающимъ симъ разстройствомъ, а съ мнѣніемъ его согласились члены физиката, доктора медицины: Бертенсонъ и Пекарскій, то губернское правленіе, представляя въ правительствующій сенатъ подлинный актъ о переосвидѣтельствованіи Романова 3 апрѣля 1864 г. и мнѣніе штадтъ-физика Гаугера, испрашивало въ разрѣшеніе указа.

Въ актѣ освидѣтельствованія надворнаго совѣтника Романова въ общемъ присутствіи с.-петербургскаго губернскаго правленія *) изложено, что при освидѣтельствованіи этомъ оказалось: Романовъ, имѣющій повидимому около 50 лѣтъ, росту высокаго, тѣлосложенія крѣпкаго, на предложенные вопросы отвѣчалъ: какъ нынѣ ваше здоровье? Слава Богу, я почти здоровъ, ноги очень слабы.—Вы кажется похудѣли? Я мало ѣмъ, а потому и похудѣлъ все лежу на койкѣ; вотъ и дѣятельности нѣтъ никакой.—А какъ ваше семейство? Семейство, слава Богу, здоровы всѣ, жена и дѣти здоровы; одна дочь живетъ у родственниковъ, а другая съ женой; Катенькѣ уже 19 лѣтъ, а Сонечкѣ 7.—Кажется на оборотъ? Я вообще года смѣшиваю; виноватъ, это недостатокъ моей памяти.—Что у васъ родители живы? Мать только жива.—Давно ли вы съ нею видѣлись? Давно я ея не видалъ.—Гдѣ она живетъ? Она жила въ С.-Петербургѣ по дѣлу, а постоянно живетъ въ Москвѣ.—Что у васъ дѣти были больны? Дочь меньшая была нездорова.—У васъ есть родственники? Три сестры: одна за Казначеевымъ замужемъ, а другая кажется дѣвица.—Что, у васъ есть процессъ о наслѣдствѣ? Кажется; у маменьки было наслѣдство.—Гдѣ? Послѣ ея остался домъ въ Москвѣ.—А вы не знаете, сдѣлала она духовное завѣщаніе? Не могу вамъ сказать.—Вы помните Крутышева? Помню, онъ намъ хлѣбъ поставлялъ, это было давно; я съ женою былъ у него и онъ былъ у насъ. «Романовъ былъ блѣденъ, съ трудомъ ходилъ отъ паралачнаго состоянія нижнихъ конечностей и потому, во все время разговора съ нимъ, сидѣлъ на креслѣ. Принимая во вниманіе удовлетворительные

*) 3 апрѣля 1864 года.

отвѣты надворнаго совѣтника Романова какъ письменные, такъ и словесные на предложенные ему вопросы, сообразные съ здравымъ разсудкомъ, присутствующіе заключили, что Романовъ разстройствомъ умственныхъ способностей не страдаетъ.

Вышеизложенный актъ подписали: исправляющимъ должность губернатора, губернскимъ предводителемъ дворянства, исправляющимъ должность вице-губернатора, исправляющимъ должность предсѣдателя гражданской палаты, исправляющимъ должность губернскаго прокурора, штадтъ-физикомъ докторомъ Гаугеромъ и членами физиката Бергенсономъ и Пекарскимъ; послѣдніе трое къ подписямъ своимъ добавили, что они остаются при особомъ мнѣніи, «при семъ представляемомъ.»

Особое мнѣніе штадтъ-физика и вышеупомянутыхъ членовъ физиката слѣдующаго содержанія: хотя изъ отвѣтовъ на сдѣланные надворному совѣтнику Романову вопросы не замѣчено явнаго разстройства ума, но изъ послѣдне-доставленныхъ клиническихъ наблюденій, сдѣланныхъ во второмъ сухопутномъ госпиталѣ надъ болѣзненнымъ состояніемъ его, (куда онъ былъ отправленъ изъ лечебницы доктора Гейкинга 2 октября 1863 г. для испытанія) оказывается слѣдующее: больной по временамъ упоминаетъ о различныхъ видѣніяхъ, разсказываетъ, что видѣлъ нѣкоторыхъ знакомыхъ ему лицъ, которыя приходили къ нему и разговаривали съ нимъ; увѣряетъ, что видѣлъ недавно на стѣнѣ своей комнаты изображенія многихъ генераловъ; о самомъ себѣ имѣетъ высокое понятіе, увѣряя, что вся служба его была истинно полезная отечеству, что онъ пользуется общимъ уваженіемъ, обладаетъ большимъ состояніемъ, награжденъ чинами и орденами, — изъ послѣднихъ одних георгіевскихъ крестовъ семь; разсказываетъ иногда обстоятельства какого нибудь давно бывшаго съ нимъ происшествія за случившіяся недавно; говоритъ о дѣйствующихъ лицахъ, давно уже умершихъ, увѣряя, что они живутъ до сихъ поръ, и что онъ видѣлъ ихъ недавно; считаетъ давно умершаго своего сына живымъ, дочь свою, которая посѣщала его нѣсколько разъ въ клиникѣ, считаетъ путешествующею заграницею и т. п. Иногда подъ вліяніемъ грустной идеи, онъ начинаетъ горько плакать и въ приступѣ отчаянія бить себя руками по головѣ и груди. Изъ предварительныхъ свѣдѣній о г. Романовѣ извѣстно, что дядя его былъ помѣшанъ. Изъ наблю-

больнаго находятся въ паретическомъ состояніи (paresis), движенія ихъ ограничиваются переложеніемъ съ одного мѣста на другое, неполными сгибаніемъ и разгибаніемъ въ бедренныхъ, колѣнныхъ и ступневыхъ сочлененіяхъ, но поддерживать тѣла при стояніи и хожденіи онѣ не въ состояніи; обѣ онѣ тонки, мышцы значительно атрофированы, морщинистая кожа обвисла; время отъ времени въ нихъ появляются; отекъ, эксцентрическія боли и необыкновенная чувствительность при передвиженіи и даже самомъ легкомъ прикосновеніи. Изслѣдованіе позвоночника на всемъ его протяженіи не открываетъ измѣненія ни въ его формѣ, ни въ степени чувствительности при подавливаніи на его остистые отростки. Аппетитъ бóльшею частію бываетъ хорошій, иногда больной жалуется на стягиваніе живота, боль подъ ложечкою, страдаетъ образованіемъ газовъ въ кишечномъ каналѣ и трудно разрѣшимыми запорами на низъ; спитъ *обыкновенно* хорошо. Расположеніе духа больнаго бóльшею частію хорошее, но оно легко мѣняется, подъ вліяніемъ самыхъ незначительныхъ обстоятельствъ: какое нибудь сказанное ему слово, иначе имъ понимаемое, дѣйствіе, объясненное имъ по своему, приводятъ его изъ спокойнаго и хорошаго расположенія духа въ приступъ безпокойства и отчаянія. По временамъ больной упоминаетъ о различныхъ видѣніяхъ; онъ разсказываетъ, что рано поутру видѣлъ нѣкоторыхъ знакомыхъ ему лицъ, они приходили къ нему, разговаривали съ нимъ; увѣряетъ, что видѣлъ недавно на стѣнѣ своей комнаты изображенія многихъ генераловъ; понятіе о самомъ себѣ онъ имѣетъ высокое: утверждаетъ, что въ молодости получилъ энциклопедическое образованіе, что вся служба его была истинно-полезная отечеству и что она оцѣнена по справедливости, такъ-какъ онъ пользуется общимъ уваженіемъ, обладаетъ большимъ состояніемъ, награжденъ чинами и орденами изъ послѣднихъ у него однихъ георгіевскихъ крестовъ семь. Разсказываетъ иногда обстоятельства какого нибудь давно бывшаго съ нимъ происшествія за случившееся недавно; вводитъ въ число дѣйствующихъ лицъ умершихъ, увѣряя, что они живутъ до сихъ поръ, и что онъ видѣлъ ихъ недавно. Считаетъ давно умершаго своего сына живымъ и ожидаетъ его пріѣзда; дочь, которая посѣщала его нѣсколько разъ въ клиникѣ, считаетъ путешествующею заграницею. Иногда же наоборотъ онъ разсказы-

ваетъ изъ отдаленнаго прошлаго обстоятельства своей службы и различныя происшествія совершенно правильно, а забываетъ постоянно обстоятельства и происшествія вчерашняго дня. Въ теченіи одного часа онъ разсказываетъ одно и тоже по нѣскольку разъ и каждый разъ говоритъ объ одномъ и томъ же, какъ будто новомъ; постоянно забываетъ лицъ, посѣщающихъ его каждый день, и часто обращается къ нимъ съ вопросомъ: «съ кѣмъ имѣю честь говорить»? Въ дѣйствіяхъ больнаго, кромѣ говорливости, не выражается ничего особеннаго, они большею частію правильны; иногда подъ вліяніемъ какой нибудь грустной идеи онъ начинаетъ горько плакать и въ приступѣ отчаянія бить себя руками по головѣ и груди; къ занятіямъ не расположенъ и книгу, которую ему дали, читаетъ изрѣдка и за одинъ разъ не болѣе полустраницы.—Изъ предварительныхъ свѣдѣній о г. Романовѣ извѣстно, что дядя его былъ помѣшанъ и умеръ въ этой болѣзни, что самъ больной въ дѣтствѣ и молодости не страдалъ никакими тяжелыми болѣзнями. Въ 1830 году за предосудительное поведеніе на службѣ онъ былъ сосланъ въ Архангельскъ; въ 1847 г. перенесъ тифозную горячку; въ 1855 г. при поѣздкѣ курьеромъ на Кавказъ упалъ съ телѣги и ушибъ себѣ грудь и бокъ; въ 1860 же году страдалъ рожею лица. Жизнь велъ правильную; спиртные напитки употреблялъ *). Изъ писемъ нѣкоторыхъ знавшихъ больнаго передъ развитіемъ настоящей болѣзни врачей и частныхъ лицъ, видно, что съ 1860 г. у него стали замѣчаться различныя странности, приступы необыкновенной раздражительности и говорливости, признаки разстройства умственныхъ способностей, въ 1861 г. явные слѣды обмановъ чувствъ (hallucinationes). Настоящая болѣзнь рѣзко выразилась въ іюлѣ прошлаго 1863 года, когда онъ и былъ помѣщенъ въ частную лечебницу доктора Гейнига, а 2-го октября переведенъ въ клинику. Въ теченіи пятимѣсячнаго пребыванія г. Романова въ клиникѣ, физическое состояніе здоровья его улучшилось; онъ нѣсколько пополнѣлъ, силы увеличились, а аппетитъ и отправленія желудочно-кишечнаго канала стали правильнѣе; движенія же нижнихъ конечностей остаются на прежней степени ослабленія, но мучившія его прежде эксцентрическія боли въ нихъ прошли,

*) Умѣренно, какъ видно изъ ниже приведенныхъ свѣдѣній.

также какъ и появлявшійся прежде довольно часто отецъ. Потеря памяти, относительно самыхъ общеизвѣстныхъ обстоятельствъ настоящаго, была всегда источникомъ массы болѣзненныхъ идей: онъ часто разсказывалъ о своихъ личныхъ отношеніяхъ къ покойному Императору Николаю и очень удивлялся, когда ему говорили, что онъ умеръ; приходилъ въ сильнѣйшій приступъ отчаянія, доводившій его до обморока, когда ему говорили, что сынъ его, котораго онъ повидимому ожидалъ къ себѣ съ нетерпѣніемъ, давно умеръ. Впослѣдствіи однако же онъ самъ пришелъ къ тому же заключенію и молился за упокой души его. Во всѣхъ этихъ случаяхъ въ больномъ замѣчается наклонность къ драматичности, къ аффектаціи, — разговаривая, онъ декламируетъ. Въ послѣднее время больной сталъ чаще приходить въ себя и разговаривать правильнѣе; каждый разъ въ такомъ случаѣ онъ говорилъ о томъ, что вслѣдствіе *болѣзни* у него ослабла память и потерялась легкость соображенія, такъ что не на всѣ вопросы онъ можетъ отвѣчать скоро и правильно. Такія минуты длятся однако же недолго, и во время ихъ всегда бываетъ легко опредѣлить въ немъ и возвышенное о себѣ понятіе и такую же какъ прежде степень потери памяти и массу нелѣпыхъ идей».

По разсмотрѣніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ, медицинскій совѣтъ поручилъ члену своему профессору Балинскому, (завѣдующему клиникою душевныхъ болѣзней при второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ), доставить совѣту: 1) всѣ извѣстныя ему предварительныя о Романовѣ свѣдѣнія; 2) скорбный *листъ* за время нахожденія Романова въ клиникѣ, и 3) собственное его, г. Балинскаго, мнѣніе о болѣзненномъ состояніи Романова.

Во исполненіе сего г. Балинскій при рапортѣ отъ 10 ноября представилъ совѣту: 1) предварительныя о Романовѣ свѣдѣнія, доставленныя въ клинику провіантскимъ департаментомъ; 2) свѣдѣнія о болѣзненномъ состояніи Романова, доставленныя изъ частной больницы для умалишенныхъ доктора Гейкинга; 3) подлинныя письма о болѣзненномъ состояніи Романова, полученныя женою его отъ члена медицинскаго совѣта Николая Илларіоновича Козлова, доктора Коллана, генералъ-маіора Меллера-Закомѣльскаго и генералъ-лейтенантовъ: Бельгардта, Козловскаго и Вольфа; 4) скорбный листъ за время нахожденія Романова въ

клиникѣ душевныхъ болѣзней и 5) протоколъ испытанія въ этой клиникѣ умственныхъ способностей Романова.

Изъ представленныхъ г. Балинскимъ бумагъ, кромѣ обстоятельствъ, нами изложенныхъ, видно слѣдующее:

Поводомъ къ подозрѣнію у г. Романова разстройства умственныхъ способностей была необыкновенная раздражительность его, сопровождаемая трясеніемъ всего тѣла, обнаружившаяся при дѣланныхъ ему слѣдственною коммисіею допросахъ. Допросы эти были ему предложены по причинѣ: обнаружившейся въ мартѣ мѣсяцѣ 1863 г. растраты матеріаловъ измайловскаго провіантскаго магазина, въ которомъ онъ былъ смотрителемъ. Г. Романовъ подлежалъ затѣмъ аресту, съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. Слѣдственная коммисія, замѣчая вышеупомянутую раздражительность, не рѣшилась арестовать его тогда же, боясь этимъ болѣе разстроить и безъ того уже явно болѣзненное его состояніе. Она нашла необходимымъ, для рѣшенія вопроса о возможности безвреднаго для здоровья и жизни г. Романова арестованія его, пригласить пользовавшаго его постоянно врача и врачей полиціи. При освидѣтельствованіи, произведенномъ 10 іюля 1863 г. врачами Шабловскимъ, Кураткинымъ и Колланомъ, оказалось, что г. Романовъ на предложенные ему вопросы отвѣчалъ правильно, но иногда обнаруживалъ порывистость и душевную тревогу; въ раздраженномъ состояніи онъ выражался, что подъ арестъ его живымъ не возьмутъ. Въ соматическомъ отношеніи онъ жаловался на безсонницу, потерю аппетита, слабость силъ и трясенія тѣла, въ особенности рукъ, біеніе сердца, страданіе печени. При изслѣдованіи найдено: біеніе сердца правильнымъ, хотя ускореннымъ, пульсъ ему соотвѣтствующій, въ легкихъ слѣды катарра, печень при глубокомъ подавливаніи чувствительною, языкъ мягокъ и чистъ, температура тѣла нормальная.—Врачи заключили, что отъ душевныхъ волненій послѣдовало раздраженіе печени, и рѣшили, что состояніе это не можетъ служить препятствіемъ къ аресту. Они совѣтовали однако же арестующимъ соблюсти при этомъ крайнюю осмотрительность и осторожность, припоминая сказанныя имъ слова: «живымъ меня не возьмутъ.» Не смотря на это, слѣдственная коммисія, вслѣдствіе словеснаго объясненія врачемъ Кураткинымъ опасности отъ нравственнаго вліянія ареста, грозящей и здоровью и жизни арестуемаго, пріостановилась

арестованіемъ. Для предупрежденія же его внезапнаго выѣзда изъ столицы, онъ былъ отданъ подъ надзоръ полиціи. — При вновь встрѣтившейся надобности въ допросахъ, коммисія, вслѣдствіе объясненія жены его о трудномъ болѣзненномъ состояніи мужа, назначила врача нарвской части Шрейбера освидѣтельствовать г. Романова. 14-го іюля произведено было это освидѣтельствованіе; больной принялъ врача за поставщика крупъ, говорилъ, что у него сегодня обѣдали 12 генераловъ; помолчавъ продолжалъ, что у него изволила завтракать Императрица, затѣмъ разсказывалъ разный вздоръ; со стороны физической болѣзненныхъ припадковъ не найдено. Врачъ заключилъ, что Романовъ находится въ припадкѣ бѣлой горячки.—На бывшей вслѣдъ затѣмъ (въ концѣ іюля) консультаціи съ профессоромъ *Балинскимъ* было рѣшено помѣстить Романова въ частную лечебницу доктора Гейкинга, куда онъ и былъ отправленъ *31 іюля.* Въ лечебницѣ этой Романовъ находился съ 31 іюля по 20 октября 1863 г.—Въ доставленныхъ лечебницею свѣдѣніяхъ теченіе болѣзни Романова за это время описано такъ: «худоба и слабость тѣла значительны, глаза свѣтлы, зрачки нормальны; органы груди по изслѣдованію здоровы, аппетитъ потерянъ; постоянные продолжительные запоры на низъ, и при позывѣ къ испражненію выходитъ твердый, пепельнобураго цвѣта калъ, послѣ продолжительныхъ усилій со стороны больнаго. Отправленіе почекъ правильно. Испражненія мочи и кала не происходятъ безсознательно. Печень увеличена въ объемѣ. При худобѣ и *слабости* всего тѣла, особенно бросаются въ глаза: низкая температура, худоба и почти полный параличъ нижнихъ конечностей; больной едва ими шевелитъ, но стоять и ходить не можетъ; накожная испарина увеличена. Выраженіе лица безпокойно и болѣзненно. На вопросы больной охотно даетъ отвѣты, хотя бòльшею частію не въ попадъ, ловко присоединяя къ нимъ что либо изъ своего прошедшаго. Вообще онъ очень разговорчивъ, даже и тогда, когда онъ кажется занятымъ какою либо важною идеею. На сдѣланный въ это время вопросъ отвѣчаетъ обыкновенно чѣмъ либо неестественнымъ. Въ каждомъ незнакомомъ лицѣ онъ видитъ своего знакомаго или пріятеля, знакомыхъ же не узнаетъ, и называетъ по имени не впопадъ. По его разсказамъ, онъ часто бываетъ на Кавказѣ по казенной надобности, путеше-

ствуетъ обыкновенно ночью, что его очень утомляетъ. Лице въ это время выражаетъ усталость. Со всѣми любезенъ, вѣжливъ, часто безъ границъ веселъ, всѣхъ угощаетъ и всѣмъ дѣлаетъ дорогіе подарки. Сонъ его тревоженъ и коротокъ, сопровождается стонами и внутренними мученіями, просыпается въ испугѣ каждые $^1/_4$ или $^1/_2$ часа, боится темноты. Часто жалуется на ознобъ и боли въ разныхъ частяхъ тѣла. Всякому врачебному пособію подчиняется охотно и все въ мірѣ находитъ восхитительно хорошимъ. Вкусъ во рту извращенъ, порошокъ хины и ревеня ему кажется превосходнымъ лакомствомъ и вызываетъ удовольствіе на лицѣ. Паровыя ванны приводятъ его каждый разъ въ восторгъ. Въ теченіе пребыванія г. Романова въ лечебницѣ состояніе его улучшилось въ слѣдующемъ: силы физическія замѣтно прибавились, больной пополнѣлъ; аппетитъ хорошъ и испражненія низомъ не такъ задержаны; движенія нижнихъ конечностей обширнѣе и тверже. Сонъ продолжительнѣе и спокойнѣе. Просыпается 2—3 раза въ ночь, черты лица болѣе правильны, менѣе болтаетъ и при разговорѣ способенъ долѣе останавливать свое вниманіе на предметѣ, о которомъ говоритъ.»

27 сентября 1863 г. вслѣдствіе отношенія слѣдственной коммисіи Романовъ былъ освидѣтельствованъ въ лечебницѣ доктора Гейкинга чрезъ членовъ с.-петербургскаго губернскаго правленія. Найдя данные Романовымъ при этомъ освидѣтельствованіи отвѣты довольно основательными, за исключеніемъ странныхъ мыслей его о князѣ Воронцовѣ, что онъ будто бы былъ у него домашнимъ человѣкомъ, и что онъ, Романовъ, находитъ для себя полезнымъ ѣздить по ночамъ верхомъ по городу, члены особаго присутствія, заключивъ, что у Романова явнаго разстройства умственныхъ способностей не замѣчено, опредѣлили: помѣстить Романова для испытанія на довольно продолжительное время въ больницу. Вслѣдствіе этого опредѣленія, Романовъ 2-го октября 1863 г. былъ переведенъ изъ лечебницы доктора Гейкинга въ клиническое отдѣленіе душевныхъ болѣзней при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ при помѣщеніи Романова въ клиническомъ отдѣленіи провіантскимъ департаментомъ, между прочимъ видно, что Романовъ 53-хъ лѣтъ отъ роду, православнаго вѣроисповѣданія, изъ дворянъ, служитъ завѣдующимъ из-

майловскимъ провіантскимъ магазиномъ въ Петербургѣ; онъ женатъ, имѣетъ одну дочь. Изъ семейства Романова, дядя его (Колычевъ) страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей и умеръ въ этомъ состояніи. Въ дѣтствѣ Романовъ былъ здоровымъ, воспитывался сначала заграницею (въ Парижѣ), а впослѣдствіи въ артиллерійскомъ училищѣ (въ Петербургѣ). Характеръ имѣетъ вспыльчивый, энергическій, былъ хорошимъ мужемъ и отцомъ; за любимое свое занятіе считалъ постоянное и серьёзное чтеніе. Въ 1830 г. (около 20 лѣтъ отъ роду), какъ видно изъ послужнаго его списка, за предосудительное поведеніе и неприличный поступокъ (какой—не обозначено) былъ исключенъ изъ вѣдомства департамента иностранныхъ исповѣданій и отправленъ въ Архангельскъ на службу подъ непосредственное наблюденіе губернатора. Черезъ два года однако же былъ освобожденъ отъ надзора и получилъ право избрать себѣ родъ службы. Нѣсколько лѣтъ впослѣдствіи служилъ на Кавказѣ и въ 1847 г. страдалъ тамъ желчно-тифозною горячкою, угрожавшей опасностію его жизни; страдалъ также постоянно обильнымъ накопленіемъ желчи, облегчаемымъ рвотою, случавшеюся у него почти ежедневно; она усиливалась обыкновенно послѣ какой либо непріятности; спиртные напитки употреблялъ ежедневно, но никогда не напивался до безчувственнаго состоянія. Въ 1855 г., при поѣздкѣ курьеромъ въ Тифлисъ, упалъ съ телѣги и получилъ сильный ушибъ въ лѣвый бокъ; нѣкоторое время оставался безъ чувствъ. Въ 1860 г. страдалъ рожею лица (erysipelus faciei). Съ *1861 г.* докторъ Колланъ находилъ въ немъ припадки бѣлой горячки, которымъ Романовъ подвергался періодически; отъ болѣзни этой онъ не лечился; силы натуры помогали ему.

Вмѣстѣ съ вышеозначенными предварительными свѣдѣніями, провіантскій департаментъ препроводилъ въ клиническое отдѣленіе нижеслѣдующія письма, полученныя женою Романова, именно:

1) Члена медицинскаго совѣта Н. И. Козлова отъ 19 сентября 1863 г., въ которомъ изложено, что Романовъ, навѣщенный имъ, Козловымъ, въ пріютѣ доктора Гейкинга, найденъ страшно измѣнившимся въ сравненія съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ онъ его видѣлъ прежде, — полгода передъ тѣмъ. Параличъ ногъ достигъ полнаго развитія; настроеніе умственныхъ способностей

перешло въ помѣшательство; при разговорѣ съ больнымъ у него замѣчены мнимоощущенія и идеи величія. Козловъ называетъ болѣзнь Романова monomanie des grandeurs и утверждаетъ полную ея неизлечимость.

2) Докторъ Колланъ въ письмѣ своемъ (отъ 30 октября 1863 г.) утверждаетъ, что больному угрожаетъ размягченіе спиннаго и черепнаго мозга, за которымъ послѣдуетъ общій параличъ (paralysie générale).

3) Генералъ Бельгардтъ, въ письмѣ своемъ (отъ 14 сентября 1863 г.) свидѣтельствуетъ, что съ 1861 г. при неоднократныхъ встрѣчахъ съ Романовымъ онъ сталъ замѣчать въ немъ лихорадочность, восторженность, выражавшуюся то глубокимъ огорченіемъ, то необыкновенными вспышками гнѣва, несвязными рѣчами, особенною раздражительностію и вообще поступками, вовсе не свойственными тому Романову, какимъ зналъ онъ его прежде. Въ 1862 г. припадки эти усилились и перешли въ явное умопомѣшательство. Въ 1863 г. онъ встрѣчалъ его рѣдко и всегда видѣлъ одержимымъ разными недугами, въ разстроенномъ болѣзненномъ видѣ.

4) Генералъ-маіоръ Меллеръ-Закомѣльскій въ письмѣ отъ 13 октября 1863 г. излагаетъ, что встрѣтившись съ Романовымъ въ 1860 г., онъ нашелъ въ немъ разительную перемѣну. Зная прежде за скромнаго и тихаго собесѣдника, онъ замѣтилъ въ немъ безграничную восторженность, судя по которой, уже тогда можно было предвидѣть его настоящее положеніе. Нервное раздраженіе, по его мнѣнію, имѣло послѣдствіемъ своимъ припадки сумасшествія.

5) Генералъ-лейтенантъ Козловскій въ письмѣ отъ 15 того-же октября свидѣтельствуетъ, что при посѣщеніяхъ его Романовымъ, онъ сталъ замѣчать въ немъ необыкновенную раздражительность, сильный гнѣвъ при малѣйшемъ противорѣчіи, иногда несвязныя рѣчи, дерзкія, неумѣстныя выраженія. Все это заставляло его тогда же считать Романова не въ своемъ умѣ, за близкаго къ помѣшательству.

6) Генералъ-лейтенантъ Вольфъ въ письмѣ отъ 11 сентября 1863 г. излагаетъ, что онъ еще въ 1860 г. замѣчалъ, что у Романова находили минуты экзальтаціи, обнаруживаемой несвязными рѣчами, несбыточными проектами, неправдоподобными

разсказами, обвиненіями людей, прежде имъ уважаемыхъ, ссорами съ самыми близкими къ нему лицами безъ всякой причины. Періодъ такой восторженности смѣнялся иногда другимъ, въ которомъ ясно было ослабленіе физическихъ и нравственныхъ силъ; онъ тогда раскаявался, плакалъ, призывалъ смерть. Въ 1861 г. припадки эти усилились, періоды восторженности сдѣлались продолжительнѣе и сильнѣе, повторялись чаще. Разстройство умственныхъ способностей сдѣлалось для Вольфа яснымъ, и онъ тогда же убѣждалъ жену Романова склонить мужа къ сдачѣ дѣлъ и магазина. Въ 1862 г. къ прежнимъ припадкамъ присоединилась потеря памяти, непослѣдовательность въ поступкахъ и словахъ, порывы гнѣва при противорѣчіяхъ; въ физическомъ отношеніи замѣчалось разслабленіе, при которомъ онъ послѣ самой небольшой прогулки уставалъ, тогда какъ прежде ходилъ много безъ утомленія. Болѣзнь явно усиливалась съ каждымъ годомъ, и 21 апрѣля Вольфъ, какъ свидѣтельствуетъ въ письмѣ своемъ, присутствовалъ при сценѣ полнаго умономѣшательства Романова, опасной для всѣхъ окружавшихъ его въ то время.

Изъ представленнаго г. Балинскимъ скорбнаго листа видно, что съ 3 апрѣля 1864 г.*) Романовъ большею частію находился въ хорошемъ расположеніи духа вслѣдствіе сознанія своихъ высокихъ достоинствъ; расположеніе это однако же часто быстро мѣнялось на противоположное подъ вліяніемъ различныхъ случайныхъ обстоятельствъ,—неисполненія какого нибудь его желанія, спора съ кѣмъ нибудь изъ больныхъ, замедленія въ подачѣ ему обѣда или ужина и т. п.; онъ становится при этомъ очень раздражительнымъ, приходитъ скоро въ состояніе сильнаго душевнаго волненія, дрожащимъ голосомъ громко начинаетъ кричать, горячится, говоритъ, что его напрасно такъ долго держатъ въ госпиталѣ, и что онъ на столько оправился уже отъ болѣзни, что можетъ продолжать леченіе у себя на дому, въ кругу своего семейства; на столько богатъ, что можетъ сдѣлать это; столько уважаемъ за свои заслуги, что объ немъ будутъ всѣ заботиться;

---

*) Свѣдѣнія о ходѣ болѣзни Романова до этого числа изложены нами въ протоколѣ, составленномъ ординаторомъ Чеховымъ и профессоромъ Балинскимъ.

зачѣмъ же продолжать это несносное заточеніе въ мѣстѣ, въ которомъ его притѣсняютъ, не обращаютъ вниманія на его нужды, тиранятъ! Кто далъ на это право? Кто смѣетъ обращаться съ Романовымъ такимъ образомъ?—Волненіе доходитъ до высокой степени, больной бьетъ себя по груди, по лбу и падаетъ въ изнеможеніи на подушки своей постели. Тяжело дыша, съ закрытыми глазами, онъ лежитъ нѣкоторое время неподвижно; затѣмъ слегка приподымается, проситъ выпить холодной воды и продолжаетъ лежать молча. Успокоившись, начинаетъ разговаривать по прежнему, иногда извиняется въ томъ, что позволилъ себѣ такъ горячиться, иногда же при напоминаніи о причинѣ, вызвавшей такое волненіе, снова приходитъ въ него. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ, вмѣстѣ съ другими, началъ бывать въ саду (больнаго выносили на рукахъ); это его значительно оживляло, онъ становился веселѣе, спокойнѣе. Въ саду около него обыкновенно собиралось нѣсколько другихъ больныхъ и въ кружкѣ ихъ всегда шла довольно живая бесѣда, одушевляемая главнымъ образомъ Романовымъ. Здѣсь онъ передавалъ своимъ собесѣдникамъ цѣлыя повѣствованія о заграничной жизни, Кавказѣ, Петербургѣ и его дѣятеляхъ на служебномъ поприщѣ. Въ разсказахъ этихъ онъ по прежнему часто сбивался въ годахъ, перемѣшивалъ мѣста и лица, не упускалъ случая выказать свое достоинство, прихвастнуть своими отличіями; довольнаго, его обыкновенно приносили изъ саду въ комнату; онъ ѣлъ послѣ этого еще лучше прежняго, отправленія желудочно-кишечнаго канала были правильны, сонъ спокойный; больной, хотя и ненадолго, начиналъ спать иногда днемъ послѣ обѣда. Въ теченіи двухъ лучшихъ мѣсяцевъ лѣта, онъ почти каждый день былъ на открытомъ свободномъ воздухѣ, замѣтно сталъ полнѣть и крѣпнуть; въ ногахъ давно уже исчезли и чрезвычайныя ихъ чувствительность и боли, паретическое состояніе ихъ уступило мѣсто образовавшимся въ колѣнныхъ сочлененіяхъ обѣихъ нижнихъ конечностей контрактурамъ, препятствующимъ больному не только ходить, но становиться на ноги и держаться на нихъ. Лежа въ постелѣ, больной однако же въ состояніи производить ими довольно сильныя и разнообразныя движенія; обыкновенно онъ, сгибая туловище, спускался съ подушекъ и затѣмъ, упираясь ногами въ спинку кровати, довольно скоро и сильно выпрямлялся, до-

жась въ прежнее вытянутое положеніе. Эту гимнастику дѣлаетъ, по совѣту врачей, аккуратно и съ охотою каждое утро. Въ послѣднее время больной началъ скучать своимъ продолжительнымъ пребываніемъ въ клиникѣ и чаще сталъ просить о выпискѣ изъ заведенія; онъ утверждаетъ при этомъ, что отъ своей болѣзни излечился совершенно, что остается одно только разстройство въ ногахъ, которое онъ надѣется излечить уже по выходѣ изъ госпиталя; говоритъ, что выписки его требуютъ его домашнія обстоятельства; отъ промедленія онъ теряетъ большой капиталъ, ввѣренный имъ передъ заболѣваніемъ своему дядѣ; дядя этотъ очень старъ въ настоящее время, какъ его извѣстили, очень слабъ и можетъ умереть совершенно неожиданно (дядя умеръ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ); тогда капиталъ погибнетъ, такъ какъ на полученіе его обратно нѣтъ никакихъ законныхъ документовъ. Больной много *распространяется* при этомъ о томъ, какъ самъ онъ велъ дѣла по службѣ, какъ не терпѣлъ никакихъ замедленій, постепенно начинаетъ приходить въ болѣе сильное волненіе, горячиться, бранить всѣхъ и настоятельно требовать, чтобы его освободили. Обыкновенно онъ въ послѣднее время находится въ дурномъ расположеніи духа, но бываетъ по временамъ и совершенно спокоенъ; признаковъ обмановъ чувствъ не замѣчается, въ идеяхъ выражается по прежнему высокое о себѣ понятіе, идеи величія въ особенности рѣзки бываютъ, когда больной находится въ взволнованномъ состояніи; память его ослаблена нѣсколько менѣе прежняго, онъ не такъ скоро забываетъ обстоятельства настоящаго, *хотя* въ прошломъ по прежнему смѣшиваетъ и годы и лица; часто разговариваетъ при этомъ совершенно правильно, иногда цѣлый день занимается чтеніемъ. Аппетитъ у него хорошій, отправленія желудочно-кишечнаго канала правильны, сонъ спокойный.»

Медицинскій совѣтъ, разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, а равно истребованныя въ дополненіе къ онымъ: 1) свѣдѣнія о Романовѣ, доставленныя провіантскимъ департаментомъ въ клинику душевныхъ болѣзней при 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ; 2) отзывъ о болѣзненномъ состояніи Романова частной больницы для умалишенныхъ доктора Гейкинга; 3) подлинныя письма о болѣзненномъ состояніи Романова, полученныя отъ разныхъ лицъ женою его; 4) скорбный листъ за время нахожденія

Романова въ вышеозначенной клиникѣ, и 5) протоколъ испытанія въ этой клиникѣ его умственныхъ способностей, — нашелъ, что изъ врачебнаго наблюденія надъ подсудимымъ Романовымъ съ іюля 1863 г. до настоящаго времени обнаруживаются въ умственныхъ способностяхъ его слѣдующія главнѣйшія явленія: настроенія духа, по бо́льшей части съ характеромъ возбужденія, развиваются у него вслѣдствіе болѣзненнаго психическаго состоянія, безъ достаточныхъ внѣшнихъ поводовъ и правильнаго отношенія къ окружающему, а если случайный поводъ къ тому и бываетъ, то больной поражается имъ въ чрезмѣрно сильной степени и на слишкомъ продолжительное время. Помраченное самосознаніе не только не въ состояніи обуздывать этихъ болѣзненныхъ настроеній духа, но еще болѣе помрачается ими. Возникая въ больномъ органѣ мышденія, идеи болѣе или менѣе ложныя не уступаютъ правильному самосознанію, но, укрѣпляясь болѣе и болѣе, дѣлаются постоянными и слагаются въ ложныя представленія и сужденія, имѣющія почти исключительнымъ предметомъ собственную личность больнаго. Способность памяти характеристически ослаблена въ отношеніи обстоятельствъ недавняго времени, но больной довольно хорошо помнитъ и разсказываетъ событія прежней своей жизни. Разстройство способностей ощущенія у него обнаруживается какъ обманами чувствъ, — галлюцинаціями, такъ и тѣмъ, что онъ не чувствуетъ себя больнымъ, но, считая себя совершенно излечившимся, настоятельно требуетъ освобожденія изъ госпиталя, побуждаясь къ тому притомъ ложными о положеніи своемъ представленіями. Изъ этихъ данныхъ, подтвержденныхъ $1\frac{1}{2}$ годовымъ клиническимъ наблюденіемъ, очевидно, что подсудимый Романовъ страдаетъ вполнѣ развившимся разстройствомъ умственныхъ способностей; что касается до формы его, то принимая во вниманіе почти постоянно надменное настроеніе духа больнаго съ характеромъ возбужденія, его возвышенное о себѣ самомъ убѣжденіе и содержаніе ложныхъ идей, относящихся почти исключительно къ его собственной личности, должно признать, что Романовъ одержимъ высокомѣрнымъ помѣшательствомъ ума (monomania ambitiosa, amenomania), находящимся въ непосредственной связи съ органическимъ разстройствомъ мозга, отъ котораго вмѣстѣ съ тѣмъ

послѣдовало у больнаго паралитическое состояніе нижнихъ конечностей со сведеніемъ ихъ.

О дворянинѣ Афанасіѣ Козельскомъ, выдавшемъ фальшивый билетъ.

(Періодическое помѣшательство).

21 апрѣля 1862 г. мировой посредникъ верхнеднѣпровскаго уѣзда екатеринославской губерніи сообщилъ мѣстному становому приставу, что 16 апрѣля дворянинъ Афанасій Добровольскій (онъ же Козельскій) пришелъ къ крестьянину слободы Софіевки, Прокофію Соколенку, и предложилъ ему вмѣстѣ идти въ Кіевъ, сказавъ, что паспортъ напишетъ самъ, или найдетъ *того, кто* его напишетъ; потомъ они отправились въ софіевскую волостную расправу, купили тамъ гербовую бумагу, причемъ Козельскій убѣждалъ тамошняго писаря написать паспортъ, но тотъ отказался; послѣ этого Козельскій и Соколенко отправились въ марьяновское волостное правленіе, гдѣ не застали никого кромѣ сторожей.—Оставивъ Соколенко въ волости, Козельскій пошелъ на деревню и чрезъ нѣсколько времени воротился въ волостное правленіе съ временнообязаннымъ крестьяниномъ, состоящимъ въ должности судьи, Петромъ Шереметьевымъ и хозяйкою избы, занятой подъ волостной домъ, крестьянкою Бондаренковою, у которой хранились ключи отъ сундука, гдѣ были спрятаны печати волостнаго правленія и волостнаго старшины.—Хотя Бондаренкова и говорила, что строго приказано никому не выдавать печатей, но Козельскій и Шереметьевъ убѣдили ее вынуть печати тѣмъ, что они принимаютъ всю отвѣтственность на себя; Козельскій подписался за волостнаго старшину и писаря, приложилъ печати и отдалъ паспортъ Соколенкѣ. Въ это время въ расправу явился мѣстный сельскій старшина, и Козельскій немедленно ушелъ, но Соколенко былъ арестованъ, а выданный ему паспортъ отобранъ. На другой день Козельскій явился въ марьяновское волостное правленіе съ двумя софіевскими крестьянами, и не знавши объ отобраніи у Соколенки паспорта, потребовалъ его, увѣряя, что паспортъ этотъ

будетъ въ законной формѣ, если на немъ подпишутся приглашенные имъ поручители, у которыхъ онъ тамъ же отобралъ руки для подписи. Узнавши объ арестѣ Соколенки, Козельскій съ поручителями ушелъ.

При произведенномъ слѣдствіи оказалось, (какъ сказано въ рапортѣ губернскаго правленія), что преступленіе сдѣлано Козельскимъ въ припадкѣ сумасшествія, такъ какъ онъ часто подвергается подобнымъ припадкамъ, что подтвердило волостное правленіе и сосѣди Козельскаго, показавшіе подъ присягою, что крестьянинъ Соколенко увлеченъ въ преступленіе не по злоумышленности, а по простотѣ своей; Шереметьевъ же и Бондаренкова склонились на просьбу Козельскаго и дали ему печати, не понимая какія могутъ быть отъ этого послѣдствія, и по неграматности своей, можетъ быть, и не подозрѣвали для чего Козельскому нужны печати и что за бумагу онъ печатаетъ. На основаніи сего судебный слѣдователь, между прочимъ, постановилъ: дворянина Козельскаго препроводить въ екатеринославскую врачебную управу для освидѣтельствованія въ умственныхъ способностяхъ.

Вслѣдствіе сего дворянинъ Козельскій былъ освидѣтельствованъ 11-го сентября 1862 г. въ состояніи умственныхъ способностей въ общемъ присутствіи екатеринославскаго губернскаго правленія, причемъ было положено: отправить Козельскаго для испытанія въ умственныхъ способностяхъ въ больницу екатеринославскаго приказа общественнаго призрѣнія.

29 февраля 1863 г., екатеринославскій приказъ общественнаго призрѣнія увѣдомилъ губернское правленіе, что дворянинъ Козельскій былъ подвергнутъ въ домѣ умалишенныхъ наблюденію и испытанію въ состояніи умственныхъ способностей въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, причемъ оказалось, что онъ тѣлосложенія крѣпкаго, физически здоровъ, въ отношеніи состоянія умственныхъ его способностей ничего ненормальнаго не замѣчено; говоритъ онъ здраво, на всѣ вопросы отвѣчаетъ разсудительно, ведетъ себя прилично здравомыслящему человѣку.

8 марта 1863 года Козельскій снова былъ освидѣтельствованъ въ общемъ присутствіи екатеринославскаго губернскаго правленія, причемъ, какъ видно изъ акта сего освидѣтельствованія, оказалось, что отъ роду Козельскому 40 лѣтъ, тѣлосло-

женія отъ посредственнаго; на предлагаемые многосторонніе словесные вопросы онъ отвѣчалъ удовлетворительно и послѣдовательно—какъ здравомыслящій, расказавъ притомъ, что онъ въ коронной службѣ никогда не служилъ по своей болѣзни (помраченіе ума), которою онъ страдалъ нѣсколько разъ въ жизни, что онъ учился столярному мастерству и живетъ: то этимъ мастерствомъ, то лѣтомъ зарабатываетъ хлѣбъ,—жнетъ съ третьяго снопа; первая жена его умерла и онъ теперь женатъ во второй разъ, имѣетъ дѣтей; жена и дѣти живутъ въ селеніи Софіевкѣ, а мать его уже умерла. Когда Козельскому предложенъ былъ вопросъ: зачѣмъ онъ хотѣлъ выдать фальшивый билетъ крестьянину Соколенкѣ, то Козельскій отвѣчалъ, что онъ не помнитъ и не знаетъ, какъ это было; но что когда онъ возвратился домой изъ Кіева, куда ходилъ на поклоненіе угодникамъ Божіимъ, то судебный слѣдователь повѣсткою вызвалъ его и объявилъ ему, что онъ написалъ билетъ Соколенкѣ, и посадилъ его въ острогъ; но когда онъ писалъ билетъ, не помнитъ и не знаетъ.—На предложенные засимъ нижеслѣдующіе письменные вопросы, Козельскій написалъ: *В.* Какъ ваше имя, отчество и фамилія? *О.* Имя мое Афанасій, Николаевъ сынъ, Козельскій. *В.* Гдѣ служилъ вашъ отецъ, гдѣ вы учились, гдѣ проживаете и чѣмъ занимаетесь? *О.* Отецъ мой нигдѣ не служилъ; граматѣ учился въ софіевскомъ училищѣ въ селеніи Софіевкѣ, верхнеднѣпровскаго уѣзда; столярною работою. *В.* Бывали ли вы въ Кіевѣ, когда именно, сколько разъ и зачѣмъ? *О.* Былъ 4 раза по своей болѣзни въ 1847, 1856, 1859 и 1862 годахъ, ходилъ по своей болѣзни. *В.* Кому вы писали билетъ на гербовой бумагѣ, для какой надобности и гдѣ брали печать? *О.* «Я хотя и писавъ, но тогда былъ нездоровъ; Соколенко узавъ у софѣевской у волосному правленія; Соколенко узавъ для сведѣтельства, Соколенко далъ староста узавше у той женщины». *В.* Жива ли ваша мать и гдѣ она проживаетъ? *О.* Умерла. *В.* Были ли вы больны когда либо и находились ли въ богоугодномъ заведеніи? *О.* Былъ боленъ 1853 г., находился въ здѣшней больницѣ. *В.* Имѣете ли вы жену и дѣтей, кого именно и гдѣ они находятся? *О.* Имѣю жену и двое дѣтей, живетъ втораго брака въ селеніи Софіевкѣ.

Засимъ въ актѣ освидѣтельствованія Козельскаго изложено, что изъ дѣлъ конторы губернской больницы видно, что Афанасій Козельскій съ 4-го декабря 1853 г. по 29 апрѣля 1854 г. находился въ домѣ умалишенныхъ, и что въ продолженіи этого времени у него замѣчены были два приступа общаго помѣшательства ума: одинъ въ декабрѣ 1853 г., а другой въ февралѣ 1854 г. Козельскій бредилъ, шумѣлъ, кричалъ и ссорился, слова и дѣйствія его были несообразны съ здравымъ смысломъ; потомъ Козельскій выздоровѣлъ и, по распоряженію приказа общественнаго призрѣнія, былъ выписанъ изъ заведенія и отданъ родной его матери за роспискою.—Изъ слѣдственнаго дѣла о намѣреніи Козельскаго выдать фальшивый билетъ, оказывается, что свидѣтели, знавшіе Козельскаго, показали, что по временамъ онъ страдаетъ помраченіемъ ума.

Общее присутствіе, имѣя въ виду, что хотя Козельскій при освидѣтельствованіи словесно и письменно отвѣчалъ удовлетворительно, какъ бы здравомыслящій, но какъ онъ, страдая умопомѣшательствомъ, пользованъ былъ въ домѣ умалишенныхъ въ 1853 г. и какъ, по заключенію врачей, онъ одержимъ періодическимъ умопомѣшательствомъ, что подтвердили спрошенные по дѣлу свидѣтели, то общее присутствіе со всею вѣроятностію заключаетъ, что Козельскій, страдая періодическимъ умопомѣшательствомъ (mania periodica), въ припадкѣ умопомѣшательства покушался выдать фальшивый билетъ крестьянину Соколенкѣ тѣмъ болѣе, что билетъ, написанный имъ, не есть поддѣлка какой либо формы билета, а есть безсмыслица, написанная на гербовой бумагѣ.

Медицинскій совѣтъ, принимая въ соображеніе: 1) что дворянинъ Афанасій Козельскій еще въ 1853 году страдалъ умопомѣшательствомъ и находился въ то время въ домѣ умалишенныхъ для пользованія, и кромѣ того по показанію свидѣтелей неоднократно въ разное время обнаруживалъ припадки помраченія ума, почему и былъ по заявленію врачей признанъ страдающимъ періодическимъ умопомѣшательствомъ; 2) что написанный имъ для крестьянина Соколенки билетъ, какъ упоминается въ рапортѣ въ правительствующій сенатъ екатеринославскаго губернскаго правленія, не представляетъ собственно фальшивой поддѣлки какой либо формы вида, а явную безсмыслицу, написан-

ную на гербовой бумагѣ—призналъ основательнымъ заключеніе свидѣтельствовавшихъ Козельскаго лицъ, что онъ, страдая періодическимъ умопомѣшательствомъ, могъ совершить проступокъ—написаніе вида крестьянину Соколенкѣ—въ припадкѣ умственнаго разстройства.

Объ умственныхъ способностяхъ врача Ивана Гонценбаха, судимаго за фальшивую подпись на документѣ.

17 августа 1860 года, отъ имени несовершеннолѣтнихъ дѣтей генералъ-маіора Траскина: коллежскаго регистратора Михаила и неслужащаго дворянина Александра Траскиныхъ, съ согласія ихъ матери Елисаветы Давыдовой, назначенной *попечительницею* ихъ, указомъ дворянской опеки отъ 6 мая 1860 года № 2961, была совершена въ 2 департаментѣ с.-петербургской гражданской палаты закладная на принадлежащій имъ, Траскинымъ, домъ, въ обезпеченіе занятыхъ ими у коллежскаго совѣтника Максимовича денегъ 15000 руб. сер., которыя и были выданы Елисавѣтѣ Траскиной, а также неустоечная запись въ 5000 руб.—Но въ ноябрѣ того же года Максимовичъ объявилъ с.-петербургскому оберъ-полицiймейстеру, что закладная была совершена Траскиною безъ согласія дѣтей ея, что въ гражданскую палату были представлены ею фальшивые указъ дворянской опеки за № 2961, и свидѣтельство о смерти дочери *ея* Маріи, и что за дѣтей ея подписались на закладной: за старшаго сына Михаила вольнопрактикующій врачъ Иванъ Гонценбахъ, а за младшаго Александра отставной канцелярскій служитель Иванъ Воробьевъ.

Вслѣдствіе сего, по приказанію оберъ-полиціймейстера, 5 ноября 1860 г. въ квартиру врача Гонценбаха отправился, (вмѣстѣ съ Максимовичемъ и посторонними свидѣтелями), квартальный надзиратель Клевенскій. Лица эти, какъ видно изъ имѣющагося въ дѣлѣ акта, застали въ квартирѣ Гонценбаха генеральшу Траскину, причемъ Гонценбахъ объявилъ, что Траскина находится въ его пользованіи; увидѣвъ Гонценбаха, Максимовичъ съ своей стороны объявилъ, что Гонценбахъ былъ у

него въ квартирѣ вмѣстѣ съ Траскиною и называлъ себя ея сыномъ Михаиломъ.

Того же числа ноября Гонценбахъ былъ подвергнутъ аресту при 2 адмиралтейской части, гдѣ и содержался въ секретномъ номерѣ.

9 того же ноября приставъ 2 части донесъ оберъ-полиціймейстеру, что вечеромъ 8 ноября Гонценбахъ разбилъ въ арестантской комнатѣ стекла и неистово кричалъ: «караулъ».

Вслѣдствіе сего Гонценбахъ былъ освидѣтельствованъ въ состояніи здоровья 9 ноября врачемъ 2 части, причемъ, какъ видно изъ акта, оказалось, что Гонценбахъ 25 лѣтъ отъ роду, посредственнаго тѣлосложенія и одержимъ бѣлою горячкою (delirium tremens).

На основаніи вышеизложенныхъ результатовъ освидѣтельствованія, Гонценбахъ 9 ноября былъ помѣщенъ въ больницу с.-петербургскаго тюремнаго замка, гдѣ и находился до 18 числа ноября.

Вызванный сего числа въ слѣдственное отдѣленіе 2 части, *Гонценбахъ* (28 лѣтъ) на предложенные ему вопросные пункты отвѣтилъ, что онъ проживалъ въ С.-Петербургѣ по указу объ отставкѣ, выданному ему изъ военно-медицинскаго департамента, и занимался медицинскою практикою. Постоянно пользовалъ два года генеральшу Траскину, за что получилъ 200 руб. сер. и у портнаго мастера Карлстрема, гдѣ взаимно за леченіе ему шили платье, а отъ другихъ больныхъ получалъ плату повизитно. Находился подъ слѣдствіемъ во 2 части: за неправильно будто выданное имъ свидѣтельство мастеровому *) и за нане-

*) Изъ дѣла о фальшивой закладной на домъ Траскиныхъ видно, что въ с.-петербургской палатѣ уголовнаго суда производилось дѣло по обвиненію врача Ивана Гонценбаха въ выдачѣ башмачному ученику Степану Иванову ложнаго свидѣтельства о болѣзни. По дѣлу этому оказалось, что 20 іюня 1859 г. Ивановъ, представивъ въ управу благочинія адресный билетъ свой, просроченный со 2 іюня, и выданное врачемъ Гонценбахомъ свидѣтельство о болѣзни его, Иванова, объявилъ, что онъ боленъ не былъ и врача Гонценбаха не знаетъ, а свидѣтельство получилъ отъ дочери чиновника Селиверстовой.—Селиверстова съ своей стороны объяснила, что свидѣтельство было ей отдано врачемъ Гонценбахомъ, во время отсутствія хозяина Иванова—Гаврилова, у котораго она проживаетъ. Гонценбахъ, признавъ означенное свидѣтельство за выданное имъ, показалъ, что оно дано имъ Иванову по

сенные будто бы имъ побои г-жѣ Вухерпфенигъ *). У генеральши Траскиной онъ бывалъ довольно часто, чаще же всего въ теченіи лѣтняго сезона 1859 г.; въ послѣдній разъ онъ былъ у нея около мѣсяца тому назадъ, дня за три или за четыре передъ переѣздомъ ея къ нему на квартиру для пользованія. Въ послѣднее время онъ прописывалъ ей микстуру бѣлаго цвѣта и миндальное молоко отъ кашля и лихорадочнаго состоянія. Изъ какой аптеки г-жа Траскина брала лекарство, онъ не знаетъ, но дѣйствительно ей прописывалъ лекарство и пользовалъ ее отъ кровотеченія изъ матки, кашля и біенія сердца; порученій генеральша Траскина ему никакихъ не давала. Въ послѣднее полугодіе онъ чаще всего встрѣчалъ у Траскиной: Татьяну Воробьеву, которая жила у Траскиной, г-на Ерлыкова, сына Траскиной Михаила, какого-то еврея, фамилію котораго не помнитъ, но кажется назывался онъ Мозеръ, и кромѣ того родственника Воробьевой, который пріѣзжалъ изъ Новгорода для отысканія себѣ мѣста. Сколько онъ могъ замѣтить, Траскина находилась въ крайности, и 200 руб. онъ получилъ отъ нея въ то время, когда она получила деньги изъ гражданской палаты; послѣднее онъ знаетъ навѣрное потому, что въ одно утро она объявила ему, что ей нужно ѣхать въ одно присутственное мѣсто, и когда онъ ей отсовѣтовалъ ѣхать, представляя, что она еще слишкомъ слаба, то она объявила, что она въ этотъ день приглашена быть

просьбѣ какого то господина, потому что онъ, Гонценбахъ, дѣйствительно пользовалъ Иванова отъ болѣзни. По дѣлу этому Гонценбахъ рѣшеніемъ палаты оставленъ въ подозрѣніи, которое, какъ видно изъ дѣла, палата между прочимъ основала на томъ, что Гонценбахъ былъ уже подъ судомъ по обвиненію въ выдачѣ тремъ лицамъ такихъ же свидѣтельствъ.

*) Въ с.-петербургскомъ уѣздномъ судѣ производилось дѣло о женѣ музыканта Императорскихъ театровъ Луизѣ Вухерпфенигъ и вольнопрактикующемъ врачѣ Иванѣ Гонценбахѣ, обвинявшихъ другъ друга въ нанесеніи личнаго оскорбленія дѣйствіемъ. По дѣлу этому уѣздный судъ, рѣшеніемъ, состоявшимся 24 февраля 1861 года, опредѣлилъ: жалобу жены музыканта Луизы Вухорпфенигъ на причиненіе ей личнаго оскорбленія вольнопрактикующимъ врачемъ Иваномъ Гонценбахомъ, признавъ недоказанною, на основаніи 304 ст. XV т. св. зак., оставить безъ послѣдствій; въ сужденіе же о взаимныхъ обвиненіяхъ врача Ивана Гонценбаха и жены его, за подачею ими мироваго прошенія, согласно 2 п. 169 ст. улож., не входить.

непремѣнно въ гражданской палатѣ, за полученіемъ 15000 руб. Когда она отдавала ему 200 руб., то объявила, что эти деньги изъ полученныхъ въ гражданской палатѣ; когда это было, онъ не помнитъ, но уже послѣ бытья ея въ гражданской палатѣ у нея на квартирѣ, гдѣ она объявила ему, что отдала одному жиду размѣнять какой то билетъ въ 5000 руб. на деньги, и которыя никакимъ образомъ получить не могла. Траскина какъ-то ему говорила, что получаетъ 15000 подъ залогъ своего дома, но отъ кого именно, того онъ, Гонценбахъ, не знаетъ. Максимовича онъ можетъ быть видѣлъ, но фамиліи такой не слыхалъ. О томъ, что Траскина была въ гражданской палатѣ, онъ знаетъ потому, что когда она въ тотъ день говорила, что приглашена быть непремѣнно въ гражданской палатѣ, то онъ сдѣлалъ ей предложеніе проводить ее въ каретѣ на всякій случай, чтобы не случилось съ ней чего нибудь на дорогѣ, такъ какъ она была еще очень слаба, и онъ могъ подать ей сейчасъ же помощь; на это Траскина согласилась. Въ каретѣ ѣхали Траскина, Воробьева и родственникъ послѣдней. Въ гражданскую палату онъ съ Траскиной не входилъ, а все время ожидалъ ее на улицѣ въ каретѣ, а также, то прогуливался на улицѣ около дома губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, то заходилъ въ гостинницу Лондонъ, что напротивъ. Съ Траскиной заходили въ гражданскую палату Воробьева и, кажется, какіе то жиды. Эти жиды постоянно вертѣлись около Траскиной. Родственникъ Воробьевой, сколько онъ Гонценбахъ можетъ припомнить, выразилъ желаніе ѣхать вмѣстѣ, потому что онъ въ первый разъ въ Петербургѣ и желалъ осмотрѣть столицу. Входилъ ли онъ, Гонценбахъ, въ гражданскую палату, ясно и въ точности припомнить не можетъ, потому что былъ въ нетрезвомъ видѣ, но сколько припомнитъ, то видя, что множество публики, такъ какъ и чиновники, выходили изъ подъѣзда, и соскучившись ждать, онъ, какъ полагаетъ, отправился наверхъ въ гражданскую палату, чтобы узнать, скоро ли выйдетъ г-жа Траскина, которая вслѣдъ за этимъ и вышла. Въ какой комнатѣ палаты онъ былъ, рѣшительно не помнитъ, ибо былъ въ нетрезвомъ видѣ. Тамъ онъ видѣлъ г-жу Траскину съ какимъ то чиновникомъ; но самъ въ палатѣ ничего не дѣлалъ, потому что никакихъ дѣлъ тамъ не имѣлъ; пробылъ онъ въ палатѣ, сколько можетъ припомнить, минуты двѣ или три. Впро-

чемъ все это ему припоминается какъ въ туманѣ. Во первыхъ потому, что онъ былъ въ нетрезвомъ видѣ, во вторыхъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ провожалъ г-жу Траскину, прошло порядочное время; съ какого собственно момента онъ перестаясно помнить бывшее съ нимъ, не знаетъ. Въ тотъ день онъ пилъ во первыхъ на петербургской въ трактирѣ, а потомъ постоянно заходилъ въ гостинницу Лондонъ, которая находится напротивъ дома губернскаго правленія. Въ эту гостинницу онъ заходилъ очень часто для принятія крѣпкихъ напитковъ, вслѣдствіе чего и отуманился. Въ Лондонъ съ нимъ заходилъ родственникъ Воробьевой, но пилъ ли Воробьевъ онъ, Гонценбахъ, не знаетъ. Самъ же онъ помнитъ, что съ утра пилъ коньякъ, а послѣ уже не помнитъ что́ именно; кажется различную смѣсь. Отъ опьяненія онъ былъ въ отсутствіи разума; разумъ, какъ и память, у него были потрясены отъ слишкомъ часто повторяющихся припадковъ бѣлой горячки, отъ которой онъ былъ неоднократно пользованъ докторомъ Фалѣевымъ; потому и не можетъ положительно ни утверждать, что онъ дѣлалъ, ни отвергать, что совершилъ какое нибудь дѣяніе, въ которомъ въ настоящее время не можетъ дать отчета. Изъ гражданской палаты, сколько можетъ припомнить, онъ вышелъ одинъ; былъ ли еще кто нибудь при этомъ, онъ не знаетъ. Съ кѣмъ и какимъ образомъ онъ отправился изъ гражданской палаты, не знаетъ; но помнитъ только, что очутился въ гостинницѣ Лондонъ, гдѣ были: г-жа Траскина, Воробьева и еще какія то лица, которыхъ не помнитъ, ибо онъ былъ въ отуманенномъ видѣ. Сколько времени онъ оставался въ Лондонѣ не помнитъ, что дѣлали въ гостинницѣ сказанныя лица и о чемъ были разговоры, не знаетъ, потому что находился въ нетрезвомъ видѣ. Подписи, сдѣланныя на закладной и неустоечной записи отъ имени Михаила Траскина, онъ, Гонценбахъ за свои не признаетъ, и подобное дѣяніе положительно отвергаетъ за то время, когда былъ въ своемъ видѣ; а что онъ дѣлалъ въ нетрезвомъ видѣ, о томъ никакого отчета дать не можетъ. Г-жа Траскина не просила его подписываться и выдавать себя за сына ея. Поступки его въ секретномъ номерѣ 2 части ему неизвѣстны, такъ какъ онъ въ то время былъ одержимъ бѣлою горячкою, которой бывалъ одержимъ и прежде довольно часто. Знаетъ только то, что очутился въ больни-

цѣ тюремнаго замка. Показаніе свое Гонценбахъ заключилъ тѣмъ, что взводимыя на него обвиненія не иначе могли коснуться его личности, какъ въ отсутствіи разума отъ употребленія излишне крѣпкихъ напитковъ и отъ приключившейся бѣлой горячки.

Канцелярскій служитель новгородскаго губернскаго правленія *Иванъ Воробьевъ* (17 лѣтъ) показалъ, что въ августѣ мѣсяцѣ 1860 г. въ Новгородъ пріѣхала изъ С.-Петербурга невѣстка его Татьяна Воробьева и объяснила ему, что она живетъ у генеральши Траскиной, которая имѣетъ большія протекціи и можетъ опредѣлить его на службу въ С.-Петербургѣ; желая имѣть порядочное мѣсто, онъ поѣхалъ съ нею въ С.-Петербургъ. По прибытіи къ генеральшѣ Траскиной, онъ былъ принятъ ею какъ родственникъ и обласканъ; потомъ она, Траскина, обѣщала выхлопотать ему мѣсто и дѣлала разные мелочные подарки; видя такое расположеніе и покровительство генеральши, онъ, Воробьевъ, старался заслужить ея вниманіе. Послѣ того пріѣхалъ къ ней молодой человѣкъ, котораго Траскина рекомендовала ему старшимъ сыномъ своимъ, и съ которымъ онъ, Воробьевъ ходилъ прогуливаться; во время прогулки этотъ молодой человѣкъ говорилъ ему, что у него скоро будетъ свадьба, но такъ какъ на свадьбу требуются большія издержки, то мамаша его хочетъ заложить домъ, но младшій братъ его находится въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, а потому мамаша его, Траскина, хочетъ просить его, Воробьева, подписаться на бумагахъ, на которыхъ будетъ слѣдовать. По возвращеніи домой, генеральша Траскина стала просить его росписаться за младшаго сына ея, который въ настоящее время боленъ и находится въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, убѣждая тѣмъ, что домъ ихъ собственный и что она за все отвѣчаемъ сама, какъ попечительница надъ дѣтьми; вслѣдствіе сего онъ, Воробьевъ, по убѣжденію ея и старшаго ея сына, и желая заслужить вниманіе, причемъ также не предвидѣлъ никакихъ послѣдствій по неопытности (находясь на службѣ одинъ мѣсяцъ) и молодости своей, подписался за младшаго ея сына Александра на закладной и неустоечной записяхъ. Въ то время, какъ они въ гражданской палатѣ подписывались на закладной, генеральша Траскина была тамъ же и сама подписывалась. По подписаніи въ палатѣ закладной и неустоечной записи, они сѣли въ карету съ Гонценбахомъ, который роспи-

сался за старшаго сына Траскиной Михаила. Въ тотъ день, когда они ѣздили въ гражданскую палату, Гонценбахъ былъ пьянъ.

Жена генералъ-маіора Траскина, между прочимъ, показала, что закладную и неустоечную, она подписала, не читая ихъ, и кто еще подписалъ подъ ниди, не знаетъ, потому что все это дѣло предоставила своимъ повѣреннымъ. Гонценбахъ провожалъ ее въ палату потому, что она была нездорова, но въ палатѣ она его не видѣла. Гонценбахъ ходилъ въ гостинницу Лондонъ закусывать. О томъ, былъ ли Гонценбахъ пьянъ, Траскина въ показаніи своемъ не упоминаетъ.—Въ дополненіе къ сему генеральша Траскина на слѣдующемъ допросѣ объяснила, что о займѣ у Максимовича денегъ Гонценбахъ не зналъ. Когда она ѣздила въ палату, то Гонценбахъ былъ въ нетрезвомъ видѣ; по прибытіи ея въ палату, Гонценбахъ пошелъ въ гостинницу Лондонъ, но онъ былъ не очень выпивши, такъ что даже незамѣтно; былъ ли Гонценбахъ въ палатѣ, ей Траскиной неизвѣстно.

Канцелярскій чиновникъ гражданской палаты Ивановъ, по предъявленіи ему шести лицъ и въ томъ числѣ Гонценбаха, указалъ на послѣдняго, называя его сыномъ Траскиной, причемъ Ивановъ уличалъ Гонценбаха въ томъ, что онъ дома у Траскиной называлъ ее мамашей, а Воробьева—Сашей, и говорилъ, что послѣдній привыкъ въ корпусѣ спать; кромѣ сего Ивановъ уличалъ Гонценбаха въ томъ, что онъ расписывался въ палатѣ, какъ сынъ Траскиной, что по совершеніи закладной былъ у Максимовича, и что когда онъ, Ивановъ, диктовалъ ему, говоря: «пишите имя, отчество и фамилію», то онъ подписался сыномъ Траскиной, и что при этомъ случаѣ Гонценбахъ пьянъ не былъ. На всѣ эти улики Гонценбахъ не сознался, подтвердивъ прежнее свое показаніе.

Показаніе Иванова относительно подписи Гонценбахомъ записей, подтвердили чиновники гражданской палаты Будкинъ и Вейштордтъ.

Коллежскій ассесоръ Асафьевъ отозвался, что когда онъ 5 ноября 1860 г., вмѣстѣ съ Максимовичемъ и квартальнымъ надзирателемъ Клевецкимъ, прибылъ въ квартиру Гонценбаха, и когда Максимовичъ уличалъ Гонценбаха, что онъ выдавалъ себя за Михаила Траскина, то Гонценбахъ отвѣтилъ, что онъ

подписался подъ закладной не какъ сынъ Траскиной, а какъ свидѣтель *).

Причастныя къ дѣлу о составленіи фальшивой закладной пять лицъ отозвались, что «о подложности дѣтей Траскиной» они не знали; о томъ же, находился ли Гонценбахъ въ палатѣ, и былъ ли онъ пьянъ, въ показаніяхъ означенныхъ лицъ не упоминается.

Врачъ при с.-петербургской духовной семинаріи Фалѣевъ на предложенные 10 мая 1861 г. вопросные пункты подъ присягою показалъ, что дѣйствительно въ августѣ мѣсяцѣ 1860 г. онъ пользовалъ врача Ивана Гонценбаха отъ бѣлой горячки (delirium tremens). О состояніи здоровья Гонценбаха именно 17 августа (день составленія закладной) онъ въ точности не помнитъ, потому что журнала о семъ не велъ, но полагаетъ, что оно было точно такое же, какъ въ предшествовавшія числа, въ которыя Гонценбахъ сильно страдалъ бѣлою горячкою. Болѣзнь Гонценбаха непремѣнно имѣла сильное вліяніе на его умственныя способности, ибо постоянное употребленіе огромнаго количества водки поддерживало постоянное раздраженіе мозга, чему совершенно соотвѣтствовали почти всѣ его дѣйствія. Поступки Гонценбаха были въ то время таковы, что въ нихъ невозможно рѣшительно допустить участіе здраваго разсудка и свободной разумной воли человѣка. Къ сему врачъ Фалѣевъ добавилъ, что жившіе въ одномъ съ Гонценбахомъ домѣ жильцы считали его постоянно человѣкомъ испившимся и рѣшительно не имѣли къ нему никакого довѣрія.

Врачъ Гонценбахъ на требованіе слѣдователя—указать аптеку, изъ которой въ августѣ 1860 г. онъ бралъ лекарство во время болѣзни своей, отозвался, что онъ этого не помнитъ и не знаетъ.

Врачъ же Фалѣевъ съ своей стороны объяснилъ, что Гонценбахъ получалъ лекарства изъ аптеки Андерса, находящейся въ Большой Морской.

С.-петербургскій физикатъ, отношеніемъ отъ 9 января 1862 года увѣдомилъ слѣдователя, что бѣлая горячка въ сильной степени дѣйствительно повергаетъ человѣка въ безпамят-

*) Максимовичъ не былъ спрошенъ при слѣдствіи за смертію.

ство и лишаетъ его самосознанія, но что человѣкъ въ припадкѣ бѣлой горячки съ безпамятствомъ обыкновенно имѣетъ сильное трясеніе рукъ, а потому видъ подписи можетъ служить нѣкоторымъ образомъ къ открытію въ настоящемъ случаѣ истины. Присемъ физикатъ присовокупилъ, что онъ требовалъ изъ аптеки Андерса подлинные рецепты на имя Гонценбаха, но Андерсъ отозвался, что таковыхъ на имя его въ августѣ мѣсяцѣ 1860 г. въ аптеку не поступало.

По сличеніи секретарями уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ почерка руки врача Гонценбаха съ подписью подъ закладною и неустоечною записью, оказалось, что почеркъ Гонценбаха въ общемъ характерѣ представляетъ совершенное сходство съ почеркомъ руки Михаила Траскина на закладной и неустоечной записи.

Прошеніемъ, поданнымъ въ маѣ мѣсяцѣ 1862 г. въ *с.-петербургскій* уголовный надворный судъ, врачъ Гонценбахъ между прочимъ изъяснилъ, что бытность его въ гражданской палатѣ и возможность съ его стороны какого нибудь безсознательнаго поступка не можетъ быть вмѣнена ему въ обвиненіе, по силѣ 104 ст. п. 3. 1 ч. XV. т., потому что онъ былъ въ то время одержимъ бѣлою горячкою, а слѣдовательно въ безсознательномъ состояніи, что подтверждается присяжнымъ свидѣтельствомъ доктора Фалѣева, который весь августъ мѣсяцъ 1860 г. и именно въ то время, какъ былъ совершенъ Траскиною подлогъ, пользовалъ его, Гонценбаха, отъ означенной болѣзни, — и повтореніемъ этой же болѣзни во время его ареста въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1860 г. при 2-й части, вслѣдствіе чего, какъ онъ, Гонценбахъ, освѣдомился впослѣдствіи, по освидѣтельствованіи его частнымъ докторомъ 2 части, отправленъ былъ для излеченія въ больницу тюремнаго замка. На основаніи вышеизложеннаго Гонценбахъ просилъ судъ: обратить вниманіе на то, что если онъ и впалъ въ преступленіе, то единственно отъ безсознательнаго состоянія разсудка отъ болѣзни, что даже видно и по существу самаго дѣла, что онъ былъ употребленъ слѣпымъ орудіемъ людьми, воспользовавшимися болѣзненнымъ его состояніемъ и что кромѣ вышеозначеннаго обвиненія прикосновенными же къ дѣлу лицами, онъ ни въ чемъ болѣе не обвиняется, и участіе его въ преступленіи нигдѣ и ни въ чемъ болѣе по дѣлу не об-

наруживается, что можетъ служить фактическимъ подкрѣпленіемъ къ объясненію его невинности.

С.-петербургская палата уголовнаго суда, разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, между прочимъ нашла, что врачъ Гонценбахъ, подписавшійся подъ составленною въ гражданской палатѣ закладною, хотя и не сознался въ этомъ преступленіи, но вполнѣ изобличается слѣдующими уликами, именно: 1) собственнымъ показаніемъ, что въ то время какъ Траскина поѣхала въ гражданскую палату, онъ отправился вмѣстѣ съ нею будто бы только для того, чтобы по случаю ея болѣзни оказать ей, если бы встрѣтилась въ томъ надобность, пособіе, а между тѣмъ самъ же говоритъ, что по прибытіи къ палатѣ, онъ вышелъ изъ кареты, оставивъ тамъ Траскину одну, и пробылъ все время, пока совершалась закладная, въ гостинницѣ Лондонъ; 2) признаніемъ его Максимовичемъ за то лицо, которое выдавало себя предъ нимъ за сына Траскиной, Михаила; 3) присяжнымъ показаніемъ коллежскаго ассесора Асафьева, который свидѣтельствуетъ, что когда Максимовичъ, прибывъ вмѣстѣ съ полиціею въ квартиру Гонценбаха, уличалъ его въ томъ, что онъ назывался сыномъ Траскиной, то онъ, Гонценбахъ, говорилъ, что подписался на закладной въ качествѣ свидѣтеля, а не сына Траскиной (тогда какъ подписи его на закладной какъ свидѣтеля вовсе не имѣется); 4) безприсяжными показаніями Воробьева, чиновниковъ гражданской палаты Иванова и Будкина и присяжнымъ показаніемъ коллежскаго секретаря Вейштордта, изъ коихъ видно, что Гонценбахъ при нихъ подписался на закладной за сына Траскиной, Михаила, и что Траскина также находилась при подписи означеннаго документа Гонценбахомъ и Воробьевымъ за сыновей ея.—Затѣмъ хотя Гонценбахъ и утверждаетъ, что поступокъ этотъ, если и былъ имъ сдѣланъ, то не иначе какъ въ отсутствіи сознанія вслѣдствіе припадковъ бѣлой горячки, которою онъ въ то время страдалъ отъ неумѣреннаго употребленія горячихъ напитковъ, въ доказательство чего ссылается на медицинскія свидѣтельства врачей Фалѣева и частнаго, а равно и на отзывъ физиката,—но оправданіе это не можетъ быть принято въ уваженіе, ибо: во 1-хъ, преступленіе, совершенное въ припадкѣ умоизступленія, на основаніи 108 ст. ул., не вмѣняется въ вину въ такомъ только случаѣ, когда болѣзненное

состояніе виновнаго во время совершенія преступленія точно доказано, а изъ дѣла видно, что припадки бѣлой горячки обнаружились въ немъ, Гонценбахѣ, уже по взятіи его подъ стражу и во время его заключенія; доказательствъ же на то, чтобы онъ былъ подверженъ этимъ припадкамъ и во время подписанія подложныхъ документовъ, въ дѣлѣ не имѣется; во 2-хъ изъ показанія канцелярскаго служителя Воробьева видно, что онъ и прежде того склонялъ его, Воробьева, къ подписи подложныхъ документовъ за другаго сына Траскиной; въ 3-хъ, самый поступокъ, въ которомъ Гонценбахъ обвиняется, не принадлежитъ къ числу такихъ, кои могли бы быть совершены безсознательно, ибо подписи его на означенныхъ документахъ должны были предшествовать и другія дѣйствія (какъ напримѣръ согласіе его на убѣжденія Траскиной или другихъ лицъ сдѣлать эту подпись и переговоры съ другими участниками въ подлогѣ), которыя не могли быть совершены въ припадкахъ умоизступленія; въ 4-хъ, физикатъ увѣдомилъ, что бѣлая горячка дѣйствительно повергаетъ человѣка въ безпамятство и лишаетъ сознанія, но въ то же время присовокупилъ, что въ аптекѣ Андерса, откуда будто бы выписывались лекарства для Гонценбаха, рецептовъ на его имя не оказалось; въ 5-хъ врачъ Фалѣевъ отозвался, что онъ не помнитъ, страдалъ ли Гонценбахъ 17 августа припадками бѣлой горячки, и наконецъ, въ 6-хъ, по удостовѣренію физиката, лица, страдающія бѣлою горячкою съ безпамятствомъ, обыкновенно имѣютъ сильное трясеніе рукъ, а по подписи Гонценбаха на фальшивой закладной, не замѣтно, чтобы руки его въ то время дрожали, а напротивъ того оказывается, что подпись эта сдѣлана твердымъ почеркомъ. На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, палата уголовнаго суда опредѣлила: вольнопрактикующаго врача Ивана Гонценбаха, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь на поселеніе въ мѣста не столь отдаленныя, а имущество его, какое окажется, обратить, согласно 63 ст. улож., на удовлетвореніе наслѣдниковъ Максимовича.

Начальникъ с.-петербургской губерніи, находя вышеизложенное опредѣленіе палаты уголовнаго суда правильнымъ, представилъ настоящее дѣло, на основаніи 431 ст. кн. 2 т. XV св. зак., на благоусмотрѣніе правительствующаго сената.

10 октября 1863 г. врачъ Гонценбахъ подалъ въ 5 департаментъ правительствующаго сената прошенія слѣдующаго содержанія: «въ опроверженіе взводимаго на меня обвиненія, я въ оправданіе свое считаю необходимымъ пояснить слѣдующее: подлогъ, совершенный Траскиною, мнѣ рѣшительно не былъ извѣстенъ, а также и то, подписывался ли я за Михаила Траскина, что и показано мною при слѣдствіи. Въ этомъ показаніи я пояснилъ, что отъ опьяненія я находился въ отсутствіи разума; а разумъ какъ и память, потрясенные припадками бѣлой горячки, отъ которой я былъ пользованъ, естественно даютъ мнѣ полное право въ мое оправданіе сказать, что я и въ настоящее время не могу дать себѣ отчета: что я дѣлалъ и что совершилъ, когда былъ сдѣланъ Траскиною подлогъ. Что я дѣйствительно страдалъ бѣлою горячкою въ сильной степени, подтвердилъ при слѣдствіи подъ присягою пользовавшій меня докторъ Фалѣевъ. Находясь же въ такомъ болѣзненномъ состояніи, я неспособенъ былъ склонять канцелярскаго служителя Воробьева къ подпискѣ подложныхъ документовъ, да и съ моей стороны не было къ тому никакой побудительной надобности, тѣмъ болѣе, какъ это видно изъ дѣла, что не для моего интереса совершенъ былъ Траскиною подлогъ, а собственно для ея пользы; что полученную ею по сему подлогу отъ Максимовича сумму, какъ подтвердила при слѣдствіи и сама Траскина, она истратила въ собственную свою пользу, и потому показаніе Воробьева, какъ голословное и неподтвержденное лицами, на коихъ онъ при слѣдствіи ссылался, не имѣетъ законной силы и есть ничто иное, какъ ложный извѣтъ или оговоръ, подлежащій касательно его особому судебному разсмотрѣнію. Въ рукоприкладствѣ, сдѣланномъ въ палатѣ уголовнаго суда, я сказалъ, а также и теперь повторяю, что участіе мое въ этомъ дѣлѣ, если дѣйствительно таковое было, можетъ быть допущено не иначе, какъ при положительномъ знаніи лицами, участвовавшими въ подлогѣ, о моемъ болѣзненномъ состояніи, каковое они, стараясь постоянно поддерживать спиртными напитками, въ излишествѣ мнѣ даваемыми, что ясно подтверждается словами доктора Фалѣева, употребили меня, какъ слѣпое, безсознательное орудіе при исполненіи, безъ сомнѣнія, уже заранѣе обдуманнаго ими плана. Соображая всѣ эти обстоятельства, очевидно, что я, ежели только и подписывался вмѣсто сына Траски-

ной,—чего рѣшительно не знаю, то какъ дѣйствующій безсознательно, не могъ замѣтить того, кто употребилъ уловку на убѣжденіе меня къ противозаконной подписи, Траскина ли сама, или кто либо другой изъ ея сообщниковъ; таковое отсутствіе вниманія и памяти всего меня окружавшаго и происходившаго со мною несомнѣнно доказываютъ безразсудность, безсознательность всѣхъ моихъ дѣйствій, въ которыхъ при такихъ условіяхъ не могла обнаружиться свободная разумная законная воля.—Физикатъ увѣдомилъ, что бѣлая горячка дѣйствительно повергаетъ человѣка въ безпамятство и лишаетъ его сознанія, но въ то же время присовокупилъ, что въ аптекѣ Андерса, откуда по указанію доктора Фалѣева выписывались для меня лекарства, рецептовъ на мое имя не оказалось. Это обстоятельство объясняется слѣдующимъ: съ 1857 г. до арестованія моего, лекарство изъ означенной аптеки, по знакомству моему съ аптекаремъ Андерсомъ, было мнѣ отпускаемо безплатно, и рецепты на *оное не* вносились въ рецептурную книгу; вслѣдствіе чего на требованіе физиката о доставленіи рецептовъ, прописанныхъ мнѣ докторомъ Фалѣевымъ, помянутый аптекарь Андерсъ отозвался, что таковыхъ рецептовъ въ аптекѣ его не имѣется. Притомъ докторъ Фалѣевъ положительно указываетъ на аптеку Андерса, изъ которой по его рецептамъ отпускались мнѣ лекарства, а что таковыя для меня отпускались безплатно и не записывались въ рецептурную книгу, то это обстоятельство можетъ быть обнаружено надлежащимъ дознаніемъ или даже формальнымъ *слѣдствіемъ*. Физикатъ также удостовѣрилъ, что лица, страдающія *бѣлою* горячкою съ безпамятствомъ, обыкновенно имѣютъ сильное трясеніе рукъ, а потому видъ подписи можетъ служить нѣкоторымъ образомъ къ открытію истины. Если разсматривать подпись на закладной, то не только что нельзя не замѣтить, что почеркъ ея очевидно обнаруживаетъ трясеніе рукъ, судя по линіямъ, идущимъ отъ нѣкоторыхъ словъ перпендикулярно и косвенно, ибо рука, вмѣсто того, чтобы идти по естественному горизонтальному направленію, двигалась, по случаю ея нетвердости и неспособности, по другимъ направленіямъ,—но даже, что сама подпись совершена безсознательно; въ этомъ положительно убѣждаетъ искаженіе смысла самыхъ обыкновенныхъ словъ, такъ напримѣръ: «родительтельницѣ», какъ слѣдовало бы родительницѣ,

«общесъ» вмѣсто общее и пятьтьдцать тысячь, какъ нужно пятнадцать тысячъ; причемъ замѣтна совершенная неясность почерка нѣкоторыхъ словъ. Всѣ столь очевидные недостатки приведенной подписи, равно какъ и отсутствіе всякой связи ея съ какими нибудь личными моими интересами и выгодами неоспоримо указываютъ на мою истинную невинность въ этомъ дѣлѣ подлога. Наконецъ при всѣхъ приводимыхъ доводахъ, самымъ лучшимъ доказательствомъ моей невинности служитъ фактъ, не опровержимый никакими сомнѣніями, не отрицаемый ни однимъ законодательствомъ Европы, напротивъ того въ числѣ другихъ доказательствъ играющій первостепенную роль. Это докторское свидѣтельвтво, или, что важнѣе его, присяжное показаніе. Докторъ же Фалѣевъ, пользовавшій меня отъ болѣзни бѣлой горячки, по выполненіи имъ присяги показалъ: «въ августѣ мѣсяцѣ 1860 г. я дѣйствительно лечилъ Гонценбаха отъ бѣлой горячки, о состояніи же его здоровья именно въ 17 день августа въ точности не помню, потому что журнала не велъ, а полагаю, что оно было точно такое же, какъ въ предшествовавшія и послѣдующія числа, въ которыя онъ сильно страдалъ бѣлою горячкою. Болѣзнь Гонценбаха непремѣнно имѣла сильное вліяніе на его умственныя способности, ибо постоянное употребленіе огромнаго количества водки поддерживало постояннное раздраженіе мозга, чему совершенно способствовали всѣ почти его дѣйствія. Поступки же Гонценбаха были въ то время таковы, что въ нихъ невозможно рѣшительно допустить участіе здраваго разсудка и свободной разумной воли человѣка». Слѣдовательно при такомъ сильномъ разстройствѣ моихъ умственныхъ способностей не только медикъ, но и каждый безпристрастный, здравомыслящій человѣкъ, не допуститъ себѣ той мысли, чтобы на одинъ день, и именно на 17 августа, на день совершенія подлога, разсудокъ мой могъ бы придти въ нормальное состояніе и дѣйствовать сознательно. Притомъ считаю необходимостью присовокупить, что несчастная и злополучная брачная жизнь съ моею женою, о разводѣ съ которою въ настоящее время въ евангелическо-лютеранской консисторіи производится дѣло, была причиною того, что я предался потребленію вина, послѣдствіемъ чего—этою несчастною болѣзнію, бѣлою горячкою, такъ кстати воспользовались злонамѣренные люди, употребивъ меня безсознательнымъ орудіемъ для испол-

ненія своихъ преступныхъ замысловъ, чѣмъ повергли меня въ новое несчастіе, вслѣдствіе котораго я безвинно три года страдаю тюремнымъ заключеніемъ; поэтому дѣло суда необходимо возстановить правду, на сколько это людямъ возможно, и возвратить мнѣ свободу и мои права. А потому всѣ приведенныя мною обстоятельства повергая на правосудное разсмотрѣніе правительствующаго сената, всеподданнѣйше прошу, дабы повелѣно было: сіе мое прошеніе принять, обратить вниманіе на приведенныя обстоятельства при рѣшеніи сего дѣла въ правительствующемъ сенатѣ, и взять въ особое замѣчаніе и соображеніе слѣдующіе въ защиту мою положительные факты: 1) медицинское присяжное показаніе пользовавшаго меня доктора Фалѣева, каковое присяжное показаніе и удостовѣреніе, по силѣ 328 ст. 2 кн. XV т. св. зак. улож., пріемлется совершеннымъ доказательствомъ; 2) освидѣтельствованіе меня, по распоряженію *полиціи, полицейскимъ* врачемъ 2 части во время арестованія моего въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1860 г., по каковому освидѣтельствованію я также оказался одержимымъ бѣлою горячкою (т. I л. 3, 12); 3) пользованіе меня отъ этой же болѣзни въ больницѣ тюремнаго замка того же мѣсяца и года, имѣвшее связь съ періодомъ болѣзненнаго моего состоянія, уже очень сильнаго въ августѣ мѣсяцѣ; 4) заключеніе физиката, что бѣлая горячка дѣйствительно повергаетъ человѣка въ безпамятство и лишаетъ его сознанія; 5) неправильность почерка и искаженія словъ въ подписи на закладной; 6) принять въ соображеніе 3 пунктъ рукоприкладства, сдѣланнаго въ палатѣ уголовнаго суда, и 7) если правительствующій сенатъ найдетъ нужнымъ, представить въ медицинскій совѣтъ подлинную подпись на закладной для соображенія и заключенія о томъ, сдѣлана ли она твердою рукою съ здоровою волею и съ сознаніемъ содѣяннаго».

Въ 3 пунктѣ рукоприкладства, сдѣланнаго въ с.-петербургской палатѣ уголовнаго суда, Гоппенбахъ изложилъ: «всѣ обвиненія, взводимыя на меня показаніями вышеупомянутыхъ лицъ, положительно разрушаются при разсмотрѣніи положенія моего здоровья, въ которомъ я находился въ то время, когда былъ совершенъ подлогъ Траскиною; изъ показанія врача Фалѣева видно, что я все то время сильно страдалъ бѣлою горячкою и что въ дѣйствіяхъ моихъ невозможно рѣшительно допустить участія

здраваго разсудки и свободной разумной воли человѣка. Это показаніе врача утверждено заключеніемъ физиката, гдѣ объяснено, что бѣлая горячка въ сильной степени дѣйствительно повергаетъ человѣка въ безпамятство и лишаетъ его самобознанія; болѣзненное состояніе продолжалось до самаго моего арестованія, что доказывается отношеніемъ врача 2 части, при которомъ я отправленъ былъ въ больницу тюремнаго замка для излеченія, гдѣ и пробылъ до 18 ноября 1860 г., что видно изъ отношенія смотрителя тюремнаго замка, при которомъ я препровожденъ къ слѣдственному приставу, и въ этотъ день приставъ вынудилъ меня давать ему показаніе, но показаніе это, какъ данное при разстройствѣ моего здоровья, еще подъ вліяніемъ остатковъ тяжкой, изнурительной и продолжительной болѣзни, по сущности своей и совершенно невѣроятнымъ объясненіямъ обстоятельствъ дѣла, ни по закону, ни по совѣсти не должно быть принято во вниманіе, ибо показаніе то основано не на собственномъ убѣжденіи и знаніи обстоятельствъ дѣла, но составилось изъ словъ и разговоровъ объ этомъ дѣлѣ Траскиной, (какъ это видно изъ нѣкоторыхъ показаній, данныхъ мною по сему дѣлу, въ которыхъ ясно высказано, что бо́льшая часть обстоятельствъ дѣла сего мнѣ извѣстна изъ словъ Траскиной) и другихъ лицъ, приближенныхъ къ ней и участвующихъ въ семъ дѣлѣ, которыя, можетъ быть и умышленно, во время проживанія въ моей квартирѣ Траскиной, возобновляли часто разговоръ о дѣлѣ, съ цѣлію подготовить меня къ дачѣ показанія, и такимъ образомъ у меня въ памяти составилось темное понятіе объ этомъ дѣлѣ, о которомъ я при сильномъ развитіи болѣзни положительно и въ точности самъ не могъ помнить, но нѣкоторыя только обстоятельства, именно тѣ, которыя произвели на меня болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе, могли болѣе или менѣе остаться въ моей памяти, и въ показаніи моемъ ясно высказано, что я отчета по дѣлу сему дать никакого не могу, такъ какъ разсудокъ мой находился въ то время въ ненормальномъ положеніи; впрочемъ всякое разсужденіе о состояніи моего здоровья и положеніи, за силою показанія врача и заключенія физиката, совершенно излишне, и затѣмъ вопросъ—можетъ ли поступокъ мой, если только дѣйствительно онъ мною совершенъ, быть вмѣненъ мнѣ въ вину,—положительно разрѣшается п. 3, ст. 104, т. XV ул. о нак., въ коемъ зна-

чается, что безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, суть причины, по коимъ содѣянное не должно быть вмѣняемо въ вину; самая подпись, имѣющаяся на закладной, по неправильностямъ въ особенности при означеніи суммы и самому почерку, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ положенія, въ которомъ находился подписавшійся въ то время, и допустить, что эта подпись сдѣлана въ нормальномъ положеніи, человѣкомъ, знающимъ хорошо русскій языкъ и окончившимъ курсъ образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи, было бы ни съ чѣмъ несообразно *).

Медицинскій совѣтъ нашелъ, что подъ словомъ бѣлая горячка (delirium tremens) разумѣется болѣзненное состояніе, въ которомъ, вслѣдствіе злоупотребленія спиртныхъ напитковъ, появляются бредъ и дрожаніе членовъ, продолжающіеся и безъ новыхъ побудительныхъ причинъ извѣстное время, и оканчивающіеся большею частію выздоровленіемъ. Но совмѣстное появленіе обоихъ вышеприведенныхъ припадковъ замѣчается относительно рѣдко; каждый изъ нихъ, даже въ сильной степени своего развитія, можетъ существовать отдѣльно. Поэтому слово *бѣлая горячка* не имѣетъ опредѣленнáго научнаго значенія, и употребляется нерѣдко практическими врачами для обозначенія множества весьма разнообразныхъ болѣзненныхъ припадковъ, замѣчаемыхъ при остромъ и хроническомъ отравленіи спиртомъ. Повидимому въ такомъ обширномъ смыслѣ употребилъ это выраженіе и докторъ Фалѣевъ, разумѣя подъ нимъ рядъ *болѣзненныхъ* явленій, зависящихъ отъ злоупотребленія *алкоголя*. Дѣйствительно, обстоятельства дѣла доказываютъ, что врачъ Гонценбахъ подвергался таковому злоупотребленію и страдалъ нѣкоторыми его послѣдствіями, именно: дрожаніемъ членовъ во время

*) Послѣ того старшій врачъ больницы тюремнаго замка Дель, отзывомъ отъ 25 февраля 1864 г. сообщилъ конторѣ с.-петербургскаго тюремнаго замка, что вольнопрактикующій врачъ Иванъ Гонценбахъ, содержащійся въ тюремномъ замкѣ, дѣйствительно поступилъ изъ 2 адмиралтейской части 9 ноября 1860 г. въ секретный номеръ, какъ больной; болѣзнь его была бѣлая горячка вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ; онъ находился въ больницѣ по 17 ноября; послѣ того, сколько ему, Делю, извѣстно, наслаждался хорошимъ здоровьемъ, а потому и не прибѣгалъ къ медицинскимъ совѣтамъ.

совершенія подписи подъ закладной, и временнымъ безпокойствомъ въ тюремной больницѣ. Но въ дѣлѣ не имѣется доказательствъ, чтобы г. Гонценбахъ страдалъ когда либо острымъ или хроническимъ бредомъ, потому что въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы оставаться на свободѣ и заниматься практикою, не могъ бы помнить въ точности различныхъ обстоятельствъ дѣла за исключеніемъ именно только тѣхъ, которыя вмѣняются ему въ вину; равнымъ образомъ онъ не могъ бы совершить подписи подъ закладной, по крайней мѣрѣ безъ явнаго участія лицъ, окружавшихъ его въ это время. Тѣмъ не менѣе невозможно отвергать и того, что умственныя способности привычныхъ пьяницъ чрезвычайно рѣдко остаются въ нормальномъ состояніи; только степень ихъ пораженія бываетъ чрезвычайно различна; обстоятельства-же настоящаго дѣла указываютъ, что врачъ Гонценбахъ до совершенія преступленія и во время его находился не въ болѣзненномъ, но въ нетрезвомъ состояніи, причемъ сознаніе и сила воли хотя и не исчезаютъ вполнѣ, но значительно ослабѣваютъ."

О коллежскомъ ассесорѣ Евгеніѣ Казанцевѣ, сужденномъ за поддогъ.

14 апрѣля 1864 г. бывшій оренбургскій и самарскій генералъ-губернаторъ, пригласивъ къ себѣ управляющаго областью оренбургскихъ киргизовъ съ членами правленія сею областью и секретаремъ Казанцевымъ, предъявилъ полученныя имъ восемь представленій правленія по разнымъ уголовнымъ дѣламъ, — отъ 4 и 9 (11) апрѣля, и при этомъ выразилъ сомнѣніе въ подлинности подписей на сихъ бумагахъ.—По разсмотрѣніи предъявленныхъ представленій, управляющій и члены отозвались, что бумагъ этихъ они не подписывали, и что сдѣланные на нихъ подписи управляющаго, помощника и четырехъ совѣтниковъ правленія поддѣльныя, скрѣпа же секретаря Казанцева дѣйствительная. — На вопросъ генералъ-губернатора о семъ случаѣ *Казанцевъ* отвѣтилъ, что скрѣпа на всѣхъ представленіяхъ дѣйствительно его, прочія подписи сдѣланы имъ же, безъ чьего либо

участія и засимъ онъ же отдалъ бумаги регистратору для отправки. На вопросъ о побудительныхъ къ тому причинахъ, Казанцевъ отозвался, что на это онъ рѣшился безъ всякого дурнаго умысла изъ одной глупости и особенно изъ страха ответственности и стыда передъ начальствомъ, вслѣдствіе назначенной въ недавнее время по областному правленію внутренней ревизіи дѣлопроизводства, такъ такъ большая часть представленій выпущены по бумагамъ, замедлившимся въ исполненіи за множествомъ другихъ дѣлъ, къ нему, Казанцеву, поступившихъ. Управляющій областью и члены правленія заявили, что Казанцевъ постоянно отличался особеннымъ трудолюбіемъ, былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ и не подавалъ до сихъ поръ повода ни къ какому на себя нареканію относительно служебныхъ обязанностей; поэтому, равно и потому, что всѣ восемь представленій выпущены или вслѣдствіе журнальныхъ постановленій правленія или по обыкновенному порядку теченія дѣлъ, соотвѣтствующему самому ходу ихъ, и что въ представленіяхъ этихъ не видно наклонности ни къ намѣренному искаженію фактовъ, ни къ злоупотребленію ими, они полагаютъ, что Казанцевъ дозволилъ себѣ вышеприведенный поступокъ по поводу разстройства въ умственныхъ способностяхъ тѣмъ болѣе, что еще и до свѣтлаго праздника (8 апрѣля) онъ нѣсколько дней сряду былъ въ весьма тревожномъ и неестественномъ положеніи.

По произведенному осмотру въ квартирѣ Казанцева и въ правленіи въ томъ столѣ, за которымъ онъ занимался, найдено было нѣсколько уголовныхъ дѣлъ и бумагъ, въ которыхъ по повѣркѣ оказались ложныя отмѣтки относительно постановленій правленія и исполненія по онымъ. Болѣе важныя невѣрности и подлоги оказались въ дѣлѣ о купцѣ Дербисалинѣ, судившемся за кражу: правленіемъ въ іюнѣ 1859 г. постановлено было отправить Дербисалина, какъ оказавшагося полоумнымъ, въ домъ умалишенныхъ; въ дѣлѣ отмѣчено, что постановленіе это исполнено 9-го августа за № 7369, между тѣмъ за этимъ номеромъ была отправлена совсѣмъ другая бумага; засимъ въ дѣлѣ найдено донесеніе управляющаго Илецкою станицею отъ 9 октября 1859 г., что Дербисалинъ умеръ, и потому написано черновое постановленіе, чтобы о смерти Дербисалина донести генералъ-губернатору, а дѣло о немъ зачислить конченнымъ и сдать въ архивъ. Но

донесеніе управляющаго Илецкою станціею оказалось фальшивымъ: Дербисалинъ не умиралъ. Далѣе въ дѣлѣ находятся нѣсколько напоминаній по сему предмету прокурора. На одно изъ такихъ напоминаній былъ посланъ отвѣтъ, за фальшивою подписью совѣтника Масленникова и скрѣпою секретаря Казанцева о томъ, что дѣло о Дербисалинѣ рѣшено правленіемъ, и рѣшеніе вскорѣ представлено будетъ на утвержденіе генералъ-губернатора. Во входящихъ журналахъ 1859 и 1860 г. г., тѣ листы, на которыхъ были записаны поступившія бумаги по дѣлу Дербисалина, оказались вырванными. — Подобные же подлоги оказались и въ другихъ дѣлахъ, но они не имѣли столь важныхъ послѣдствій, какъ по дѣлу Дербисалина (Дербисалинъ сидѣлъ въ тюрьмѣ все время до открытія подлога по его дѣлу, — почти три года).

Въ числѣ другихъ бумагъ въ квартирѣ Казанцева найдены писанныя его рукою: письмо къ брату и прошеніе на имя управляющаго областью оренбургскихъ киргизовъ.

Означенное письмо слѣдующаго содержанія: «въ Южную Каролину, 13 апрѣля 1862 г. Оренбургъ. Любезный братъ Иванъ Самсоновичъ! Давно, давно я съ тобой не видался. Какъ-то ты поживаешь. Недѣлю я видѣлъ три недѣли назадъ, а милая Соня въ институтѣ. Вчера я получилъ письмо отъ Балкашина. Ты, я думаю, помнишь его, — онъ вѣдь поручился за тебя и твою семейственность. Вѣдь ты, добрый мой Иванъ, по милости его получилъ наслѣдство Шуйна, милліонъ рублей серебромъ. Жалко, что ты, кажется, уже умеръ. Я, братъ, говорятъ, преступникъ. Вѣрь этому, я злѣйшій преступникъ, добрые люди зря не скажутъ; ты я думаю, грозишь пальцемъ мнѣ съ того свѣта. Не щади меня и не карай жестоко. У Бога я вымолю прощеніе, а люди, не знаю, простятъ ли. Николай Васильевичъ Балкашинъ вчера говорилъ мнѣ, что я доброе, но глупое и безхарактерное созданіе; я его видѣлъ во снѣ, онъ мнѣ строго и строго писалъ; онъ назначаетъ меня сенаторомъ, я отказался; меня назначаютъ архіереемъ.... За кражу предмета цѣною выше 30 рублей, но ниже 300 руб., виновный подвергается, на основаніи 2238 ст. 2 пун. XV т. св. зак. уголов., лишенію всѣхъ особенныхъ, по состоянію, личныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ, на основаніи 5 степени 35 ст., въ томскую или тобольскую губернію, а потому правленіе полагаетъ.... Архіерей вчера не велѣлъ исповѣдовать. Благо-

дитель мой Иванъ Дмитріевичъ Талызинъ говоритъ, это что не хорошо; а знаешь ли, Яковъ Владиміровичъ съ ума сошелъ; онъ меня много заставлялъ работать; вѣдь я управляю канцеляріею присутствія, ревизіоннымъ и газетнымъ столами. Да ты гдѣ живешь? не тамъ ли, гдѣ алмазна сыплется гора, съ высотъ четырьмя скалами, гдѣ жемчугу бездна и сребра; — кипитъ внизу, вверхъ бьетъ буграми, отъ брызговъ синій холмъ стоитъ; далече ревъ въ лѣсу гудитъ. Не тамъ ли, гдѣ время быстро льется, кипитъ стремленье страстей; честь рыщетъ, и не блещетъ, а слава раздается и исчезаетъ, счастье нашихъ дней. — Скоро, скоро я къ тебѣ отправлюсь Г..! — слабохарактерный, мягкосердечный, неисполнительный, пьяница. Вотъ даетъ намъ секретаря пьяницу. Отче нашъ».

Въ прошеніи на имя управляющаго областью, отъ 15 апрѣля, Казанцевъ написалъ: «получилъ я свѣдѣніе, что здѣшній епархіальный архіерей за недозволеніе священникамъ исполнять требы въ отношеніи прихожанъ, куда-то увольняется. Желая быть епископомъ и представляя присемъ данные мнѣ на духовный санъ дипломы, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство о переименованіи меня соотвѣтственно чину въ санъ іеромонаха; къ сему прошенію руку приложилъ міранинъ Евгеній Казанцевъ.»

18 апрѣля Казанцевъ по болѣзни былъ отправленъ въ оренбургскій военный госпиталь, но 22-го числа того-же мѣсяца изъ госпиталя выписанъ.

Въ маѣ 1862 г. Казанцевъ былъ *освидѣтельствованъ* оренбургскою войсковою врачебною управою. Въ составленномъ о семъ, 16 мая, актѣ управа изложила, что контора оренбургскаго военнаго госпиталя, отношеніемъ отъ 27 апрѣля уведомила управу, что Казанцевъ 18 апрѣля поступилъ въ госпиталь съ припадками сильныхъ приливовъ крови къ головѣ и потерею самосознанія, но при медицинскихъ пособіяхъ очень скоро поправился въ состояніи здоровья, и 21-го числа того же мѣсяца выписанъ изъ госпиталя совершенно здоровымъ.

Областное правленіе оренбургскими киргизами, отношеніемъ отъ 3 мая, уведомило управу, что бумаги, подписанныя секретаремъ Казанцевымъ за членовъ присутствія, нисколько не касались до его личности, а относились до службы, и не заключали

въ себѣ никакой особенной важности; при подписаніи ихъ онъ не могъ быть водимъ ни корыстолюбіемъ, ни другими преступными видами; такъ что поводомъ къ подлогу служило съ его стороны, по общему понятію, единственно преувеличенный воображеніемъ страхъ взысканія за некоторую медленность въ изготовленіи означенныхъ бумагъ*). Казанцовъ до настоящаго случая въ помѣшательствѣ ума замѣчаемъ не былъ; но какъ теперь открывается, настоящій случай не есть единственный съ его стороны; онъ прибѣгалъ и къ другимъ подлогамъ въ делопроизводствѣ; но также какъ и въ настоящемъ случаѣ нѣтъ никакого повода подозрѣвать, чтобы это было сдѣлано имъ изъ лихоимства или другихъ противозаконныхъ побужденій, и въ этихъ фальшахъ является онъ, по убѣжденію правленія, виновнымъ лишь вслѣдствіе нѣкоторой неаккуратности въ отправленіи своихъ обязанностей и затѣмъ возникавшаго страха отвѣтственности за эту неаккуратность; этотъ страхъ, какъ видно, простирался до того, что затемнялъ его разсудокъ, ибо побуждалъ его для избѣжанія отвѣтственности за неважныя упущенія прибѣгать къ подлогамъ, за которые по закону полагается лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылка въ Сибирь. Въ заключеніе областное правленіе, восхваляя большое трудолюбіе и усидчивость Казанцева въ работѣ, добавило, что онъ иногда, не часто, дозволялъ себѣ несовсѣмъ умѣренное употребленіе крѣпкихъ напитковъ, а это, по мнѣнію правленія, при естественной наклонности его къ страху и могло развивать послѣдній до затмѣнія разсудка. — Оренбургскій городовой врачъ Кладкевичъ (который, какъ видно изъ дѣла, приглашенъ былъ для подачи Казанцеву пособія предъ отправленіемъ его въ госпиталь) донесъ управѣ (6 мая), что у Казанцева онъ замѣтилъ: дикость во взглядѣ, красноту глазъ, жаръ во всей головѣ, пульсъ учащенный, перемежающійся, упадокъ силъ; жаловался на головную боль, тоску и безсонницу; въ сферѣ умственныхъ его способностей замѣчена [illegible] и превратность понятій. Изъ распросовъ прислуги онъ, Кладкевичъ, узналъ, что съ Казанцевымъ очень нерѣдко случались странности въ поведеніи и характерѣ, а потому на-

*) Приведенное здѣсь объясненіе побудительныхъ причинъ къ преступленію Казанцева, члены правленія подтвердили при слѣдствіи.

задъ эти странности доходили до бѣшенства. Совершенный отказъ отъ принятія медицинскихъ пособій былъ причиною отправленія Казанцева въ госпиталь.

При освидѣтельствованіи въ войсковой управѣ Казанцевъ, хотя и объявилъ, что противъ безпорядочнаго состоянія болѣзненнаго оставленнаго не чувствуетъ и можетъ отвѣчать на вопросы, но выраженіе его лица и дикость взгляда глазъ, наполненныхъ кровью, высказывали что-то оскорбленное и раздраженное, и за всѣмъ этимъ вполнѣ здравый разсудокъ его выражался весьма скорыми и основательными сужденіями о многихъ предметахъ, что подтверждали препровожденные имъ въ управу рапортъ, отъ 6 мая, и приложенная къ нему записка о прохожденіи его службы.—Врачебная управа заключила, что совершенный поступокъ учиненъ Казанцевымъ не въ здравомъ умѣ, потому что всякій изъ людей при здравомъ разсудкѣ по естественному закону природы стремится для себя къ лучшему; за маловажный поступокъ безъ всякого даже сомнѣнія скорѣе согласится на оштрафованіе, чѣмъ для избѣжанія этой легкой отвѣтственности сдѣлать ложныя подписи за другихъ на бумагахъ, и за это быть сосланнымъ въ Сибирь съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія. Къ сему управа добавила, что если бы она имѣла данныя для убѣжденія въ непріятномъ и оскорбительномъ положеніи, объясненномъ Казанцевымъ въ его запискѣ, или въ раздражительности его характера, упоминаемой врачемъ Кладкевичемъ, то съ полною увѣренностію выразила бы, что Казанцевъ прежде сего страдалъ и въ настоящее время можетъ быть страдаетъ меланхоліею; одержимые которою, при изложенныхъ въ запискѣ Казанцева обстоятельствахъ, приходятъ въ положеніе подобное же Казанцеву, наносятъ безъ всякого сознанія и пониманія себѣ вредъ, чаще, чѣмъ другимъ.

Предоставленная Казанцевымъ 8 мая 1862 г. въ войсковую врачебную управу, записка слѣдующаго содержанія: оставшись послѣ смерти отца 5-ти лѣтнимъ сиротою, безъ средствъ и воспитанія, на 14-ти лѣтнемъ возрастѣ я поступилъ на службу въ Уфѣ въ штатъ канцеляріи гражданскаго губернатора, и чрезъ два съ небольшимъ года получилъ мѣсто старшаго помощника правителя и въ завѣдываніе свое 1 столъ канцеляріи. Семилѣтнее управленіе имъ едва не довело было меня до могилы и мо-

жетъ быть одна молодость спасла меня отъ этого и отъ физическаго разрушенія. Съ какою же пользою управлялъ я дѣлами стола, имѣется въ канцеляріи генералъ-губернатора представленіе начальника губерніи отъ 1-го декабря 1847 года. (Казанцевъ привелъ выписку изъ этого представленія о томъ, что по ревизіи, въ столѣ оказалось все въ отличномъ порядкѣ). Въ 1848 году служба моя имѣла большое значеніе. Я назначенъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій къ губернатору, а послѣ затѣмъ командированъ къ исправленію должности члена оренбургской губернской строительной коммисіи. На обязанности этой лежало все дѣлопроизводство коммисіи и за успѣшное исполненіе ея я получилъ отъ начальника губерніи признательность, выраженную въ предписаніи ко мнѣ его превосходительства отъ 15 іюня 1849 года (слѣдуетъ выписка изъ предписанія). Въ 1848 году, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, были командированы по губерніямъ чиновники изъ министерства для подробнаго обозрѣнія городовъ, съ правомъ передавать это порученіе, по соглашенію съ губернаторами, губернскимъ чиновникамъ. По волѣ начальника губерніи, согласовавшаго распоряженіе свое съ мнѣніемъ чиновника министерства, Стобеуса, я былъ назначенъ для обозрѣнія г. Оренбурга. Въ составъ этого обозрѣнія входили: 1) ревизія городскихъ хозяйственныхъ управленій; 2) подробное описаніе имуществъ города; 3) опредѣленіе правъ неприкосновенности на спорныя между городомъ и казачествомъ поземельныя имущества въ количествѣ 9 т. десятинной пропорціи; 4) изслѣдованіе источниковъ городскаго хозяйства; и 5) представленіе соображеній къ увеличенію городскихъ доходовъ. Признаюсь, что я страшился этого порученія, и потому съ стѣсненнымъ сердцемъ, безъ средствъ и значенія, необходимыхъ въ подобныхъ дѣлахъ, въ 1849 году отправился въ Оренбургъ и съ помощію одного Бога исполнилъ порученіе. Представленные мною инвентари городскимъ имуществамъ и предположенія утверждены министерствомъ и переданы въ подлинникахъ къ исполненію и руководству въ оренбургскую градскую думу. Впослѣдствіи они принимались къ соображенію чиновникомъ генералъ-губернатора Северцевымъ при ревизіи городскихъ управленій. Это я считалъ тогда самою высокою для себя наградою, потому что столь сложное дѣло считалъ не-

доступнымъ уму и способностямъ 22-хъ лѣтняго тогда юноши и притомъ воспитанника уѣзднаго училища. Послѣ сего довѣріе ко мнѣ начальника губерніи увеличилось тѣмъ, что въ 1850 году, по особому предписанію его, я произвелъ именемъ его превосходительства ревизію всѣхъ уже оренбургскихъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ; повѣрилъ въ городѣ и уѣздѣ ревизскія сказки купцовъ, мѣщанъ, государственныхъ крестьянъ и башкирцевъ, открывъ при этомъ болѣе 70-ти человѣкъ пропущенныхъ по 9-й народной переписи; произвелъ нѣсколько слѣдствій въ Оренбургѣ, въ числѣ коихъ было одно, по важности своей обратившее на себя вниманіе министерствъ: внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Будучи потомъ вызванъ въ городъ Уфу вновь вступившимъ губернаторомъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ханыковымъ, я по порученію его, изслѣдовалъ ремесленныя учрежденія въ Уфѣ, представилъ проектъ и соображенія къ улучшенію ремеслъ, и послѣ сего по особой благонадежности (какъ выражено было въ постановленіи правленія собственноручно его превосходительствомъ), командированъ былъ для произведенія слѣдствія о нападеніи вооруженною рукою башкирцевъ трехъ деревень Кайпановской Тюбы, бирскаго уѣзда, на крестьянскую деревню Бѣляшки и сожженіи ея съ убійствомъ. Дѣло это, произведенное въ мѣсячный срокъ, разсмотрѣно и обсуждено уже генералъ-аудиторіатомъ. Это было послѣднее слѣдствіе, мною произведенное, и засимъ въ 1852 году я получилъ назначеніе въ должность старшаго секретаря губернскаго правленія и въ завѣдываніе свое канцелярію присутствія, ревизіонный и секретный столы, и корректурную оффиціальную часть губернской газеты; въ это же время, по приказанію начальства, составилъ новое распредѣленіе предметовъ дѣлъ по столамъ правленія. Но послѣ трехлѣтней службы въ этой должности, по волѣ покойнаго графа Перовскаго, основанной на желаніи генералъ-лейтенанта Балкашина, я былъ призванъ для управленія канцеляріею командующаго башкирскимъ войскомъ. — Съ этого уже времени начался переворотъ въ служебной моей обстановкѣ. Не знаю, высока ли была на самомъ дѣлѣ для меня эта должность, или быть можетъ я невольно перешелъ кому дорогу, только вскорѣ по вступленіи въ должность, я почувствовалъ всю тяжесть принятой обязанности, почувствовалъ нить интриги противъ себя, слѣ-

ствіемъ коей было разглашеніе нелѣпыхъ обо мнѣ толковъ; нерѣдко встрѣчалъ рукожатіе ложныхъ пріятелей, безжалостно потомъ бросавшихъ въ меня изъ-за угла камнемъ. Я поспѣшилъ открыть свое положеніе начальнику и въ оффиціальной къ нему запискѣ отъ 15 января 1856 года выразилъ желаніе перемѣнить родъ службы по другому вѣдомству, что вскорѣ же и исполнилъ, хотя его превосходительство, въ чувствахъ расположенія ко мнѣ, и предлагалъ мнѣ соотвѣтственную должность въ войскѣ. Имѣющіяся у меня записки этого добраго человѣка, свидѣтельствующія объ участіи его во мнѣ, я не оставлю въ свое время представить по принадлежности. Но не смотря на все это, какая то тяжесть, какъ камень, упала мнѣ на сердце. Я чувствовалъ уже тогда зародышъ упадка силъ своихъ. Зародышъ этотъ тѣмъ болѣе получалъ развитіе, что нѣкоторые люди, не зная ни отношеній моихъ къ покойному Балкашину, ни причинъ, побудившихъ меня оставить службу по войску, постарались, — вѣроятно на пользу человѣчества, — причислить меня къ лику ослабленныхъ. Начались ложныя сожалѣнія, судыпересуды обо мнѣ, въ коихъ я видѣлъ только язвительныя насмѣшки и печать общественнаго отверженія. Это отразилось и на первоначальной потомъ службѣ моей въ областномъ правленіи. Тутъ приходило мнѣ на мысль, что и здѣсь какая то тайная враждебная рука тяготѣла надо мною, сознательно разрушая все лучшее во мнѣ. Изъ самолюбія ли и гордости, или отъ непривычки унижаться и просить о чемъ бы то ни было, я терпѣлъ и молчалъ, не рѣшаясь высказать тягостное положеніе своему начальнику, начальнику благороднѣйшему, но не знавшему еще меня тогда. Между тѣмъ бодрость духа моего постепенно упадала. Я дѣлался раздражительнымъ, время отъ времени пренебрежительнымъ ко всему, терялъ вѣру въ людей, и назадъ тому около уже 5 лѣтъ — подвергся жестокимъ болѣзненнымъ припадкамъ. Сначала внезапно обуевала мною какая то безотчетная грусть, и я дѣлался въ тягость себѣ; грусть эта, удаляя меня отъ общительности съ людьми и постепенно переходя въ безсознаніе, приводила меня въ безуміе и бѣшенство. Въ этомъ положеніи, сколько теперь привожу себѣ на память, стали представляться воображенію моему идеи беззаконія, и въ этомъ положеніи я, уже не помнилъ, что тво-

рилъ. Говорю это не мораль, а совершенную дѣйствительность, потому что нѣсколько разъ спасаемъ былъ отъ зла добрыми людьми. Но въ последнее время несчастной моей жизни, идея безумства погубила меня безвозвратно и я, будучи приведенъ въ мыслящее сознаніе пособіями доктора Кладкевича и госпитальнаго медицинскаго начальства, теперь только сообразилъ о глубинѣ бездны, въ которую упалъ. Говорятъ, по закону естества, человѣкъ стремится къ общежитію по двумъ мірамъ: физическому—видимому, и нравственному—невидимому, соединяя въ себѣ способность обладанія тѣмъ и другимъ. Знаю, что это зовется силами мыслящими, но опредѣлить разность ихъ между собою по ничтожности образованія не могу, будучи впрочемъ убѣжденъ, что въ жизни человѣка онѣ имѣютъ два преобладающіе исхода: добра и зла; разрѣшеніе же задачи, отъ какихъ началъ происходитъ то и другое, недоступно моимъ понятіямъ, и потому если въ настоящее положеніе приведенъ я собственно своимъ разстроеннымъ воображеніемъ, то да проститъ меня одинъ только Господь Богъ; если же до нравственнаго упадка я доведенъ людьми, прощаю имъ отъ всей души и какъ христіанинъ, буду съ терпѣніемъ и безъ ропота ожидать своей участи».

При произведенномъ слѣдствіи Казанцевъ въ сдѣланіи подлоговъ, найденныхъ въ дѣлахъ, не сознался. Въ имѣющихся въ дѣлѣ объясненіяхъ своихъ Казанцевъ приводитъ однако, что нѣкоторыя изъ упущеній могли быть сдѣланы имъ во время болѣзни. Относительно болѣзненнаго состоянія своего, Казанцевъ въ показаніяхъ своихъ повторяетъ тоже, что изложено въ запискѣ, представленной имъ въ войсковую управу. Но въ одномъ изъ нихъ онъ между прочимъ приводитъ слѣдующее.

«Въ минуту разстроеннаго воображенія, мнѣ приходило на мысль, что мною тяготятся на службѣ и что кто-то вредитъ служебной моей обстановкѣ. Будучи доведенъ этою мыслію до безсознательнаго состоянія, я представилъ себѣ врагомъ въ этомъ отношеніи квартировавшаго въ отдѣльномъ флигелѣ оберъ-аудитора Логунова (съ которымъ на дѣлѣ не имѣлъ никакихъ непріятныхъ отношеній), и разъ великимъ постомъ 1859 или 1860 года, хорошенько не припомню, въ минуту безумія, надѣлалъ ему кучу непріятностей, въ чемъ однако же онъ послѣ извинилъ меня, сознавши болѣзненное мое состояніе. Точно такой же слу-

чай повторился чрезъ нѣсколько времени съ сосѣдомъ моимъ по квартирѣ, аудиторомъ Ивановымъ, котораго я, также не знаю почему, счелъ начальствующимъ надъ собою лицомъ, вредившимъ мнѣ; и его я оскорбилъ безсознательно. Третій случай истинно безумный; это было кажется лѣтомъ 1860 года и 1861 года. Услыхавъ, что неподалеку отъ Бердинской станицы лежало мертвое тѣло, и что оному предположено было сдѣлать медицинское свидѣтельство, я изъ любопытства желалъ посмотрѣть на процессъ вскрытія трупа и отправился на мѣсто. Вскрытіе трупа производилъ докторъ Студзинскій, бывшій моимъ сосѣдомъ по занимаемой мною квартирѣ. Посмотрѣвъ на операцію, я возвратился домой уже къ вечеру. Какое то непріятное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ случай, бывшій первымъ въ моей жизни, и я впалъ въ какую то безотчетную задумчивость, но чрезъ нѣсколько времени легъ спать. Вдругъ вскочилъ со сна, началъ что-то искать, воображая себя медикомъ. Воображенію моему представилось, что я самъ медикъ, производившій свидѣтельство найденному мертвому тѣлу, и вскрывалъ его; искавъ какой то актъ, я представилъ себѣ, что докторъ Студзинскій похитилъ его у меня, и потому бросился въ его квартиру, встрѣтилъ на пути хозяина своего, вышедшаго на крикъ, и, принявъ его за г. Студзинскаго, схватилъ за воротъ и что-то требовалъ отъ него. Въ это время Студзинскій, знавшій болѣзненное состояніе мое и подававшій иногда пособія, пошелъ ко мнѣ и, не знаю уже какъ, успокоилъ меня; послѣ сего я дня два или три былъ боленъ.

Хозяинъ дома, въ которомъ квартировалъ Казанцевъ, показалъ, что дѣйствительно Казанцевъ имѣлъ ссоры съ аудиторомъ и докторомъ Студзинскимъ, и что послѣ этой ссоры онъ отказалъ Казанцеву отъ квартиры.

Упомянутые въ показаніи Казанцевымъ аудиторы отозвались, что въ Казанцевѣ они болѣзненныхъ припадковъ не замѣчали, но онъ сильно самолюбивъ, чрезвычайно обидчивъ, и въ это время почти безъ причины дѣлаетъ разныя оскорбленія людямъ.

Кухарка Казанцева, Ульяна Григорьева, показала, что въ мѣсяцъ разъ, а иногда и чаще, на него какъ будто что-то находило. Вдругъ сдѣлается задумчивымъ, ходитъ по комнатѣ, ничего не говоритъ, не накормишь — такъ и не требуетъ, и все какъ будто

о чемъ то печалится. Потомъ опять придетъ въ себя и кажется совершенно здоровымъ. Особенно часто начали дѣлаться съ нимъ эти припадки съ послѣдняго великаго поста и передъ св. пасхой. Не помнитъ когда именно; только знаетъ, что въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда уже лечилъ его докторъ Кладкевичъ, войдя въ комнату къ барину, она увидѣла, что онъ надѣлъ нагольный полушубокъ, сверхъ котораго подвязалъ шпагу и надѣлъ на голову треугольную шляпу. Когда она спросила, куда онъ собирается, то онъ отвѣчалъ, что ему нужно на почту, ѣхать куда-то вмѣстѣ съ почтой, что его требуютъ въ какой-то городъ. Потомъ, онъ иногда говорилъ такія вещи, что и понять нельзя было. Но во все это время онъ былъ очень смиренъ. Эта болѣзнь началась съ нимъ за недолго до отправки его въ госпиталь. Иногда онъ приходилъ въ себя, когда хорошо выспится, и въ это время говорилъ, что онъ ничего не помнитъ, что дѣлалъ и что съ нимъ было.

Солдатка Василиса Четырская, жившая у Казанцева кухаркою въ 1860 и въ 1861 годахъ, показала, что иногда онъ дѣлается задумчивымъ, часто забываетъ обѣдать и ужинать, и въ это время отвѣчалъ даже не о томъ, о чемъ его бывало спрашиваешь; потомъ послѣ сна все это съ нимъ проходило. Припадки эти случались съ нимъ въ особенности послѣ долгихъ занятій, за которыми онъ иногда просиживалъ ночи.

Оренбургская уголовная палата, по разсмотрѣніи дѣла нашла, что нѣтъ юридическаго основанія признать Казанцева по сумасшествію его невиннымъ въ сдѣланныхъ имъ по службѣ подлогахъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е) при открытіи фальшивыхъ подписей на рапортахъ генералъ-губернатору и совѣтниковъ областнаго правленія, онъ признался генералъ-губернатору, что сдѣлалъ ихъ самъ изъ боязни предстоящей ревизіи, слѣдовательно и причина и фактъ преступленія, подтвержденные самимъ преступникомъ и согласные съ обстоятельствами дѣла, составляютъ совершенное доказательство его виновности. 2-е) Хотя члены областнаго правленія заявили, что они считаютъ Казанцева не въ здравомъ умѣ, такъ какъ онъ за нѣсколько дней до открытія его преступленія находился въ раздражительномъ и неестественномъ состояніи, но это показаніе нисколько не служитъ доказательствомъ умопомѣшательства Казанцева, ибо раз-

дражение и спокойное состояние духа вѣрнѣе происходило въ подсудимомъ отъ страха отвѣтственности за сдѣланный имъ за нѣсколько дней предъ тѣмъ подлогъ, да и кромѣ того неестественность въ его характерѣ замѣчена была за два или за три дня до обнаруженія преступленія, рядъ же подлоговъ и другихъ злоупотребленій Казанцева по службѣ восходитъ до 1859 г., и во все это время никакихъ странностей въ немъ не замѣчалось, а потому невозможно предполагать, чтобы сумасшедшій человѣкъ въ продолженіи болѣе двухъ лѣтъ могъ скрывать эту болѣзнь и быть терпимъ на службѣ наравнѣ съ чиновниками, нелишенными разсудка, не навлекая на себя подозрѣнія въ умопомѣшательствѣ со стороны лицъ, имѣющихъ съ нимъ ежедневныя и постоянныя столкновенія по службѣ. 3) Врачебная управа вовсе не заключила положительно, что фальшивыя подписи сдѣланы не въ здравомъ умѣ; она заявила только, что если бы имѣла несомнѣнное удостовѣреніе въ дѣйствительности разныхъ непріятностей въ жизни Казанцева, раздражающихъ его характеръ, то признала бы его меланхоликомъ, способнымъ сдѣлать себѣ безсознательно вредъ. Подъ словомъ «вредъ» скорѣе надо разумѣть какое либо энергическое и моментальное наружное насиліе надъ собою или другими, нежели рядъ подлоговъ, хотя и могущихъ имѣть вредное вліяніе на будущность больнаго, но столь обдуманныхъ по содержанію и логической связи между собою, что надо почти съ достовѣрностію предположить въ Казанцевѣ не только полное присутствіе умственныхъ способностей при совершеніи подлоговъ, но и изворотливость, проистекающую сознательно изъ опытности чиновника—плута, замазывающаго грѣхи свои съ полной надеждой и даже убѣжденіемъ оправдаться, когда дѣло дойдетъ до суда; это не дѣйствіе безумнаго, направленное лишь съ цѣлію принести себѣ вредъ; отъ тоски вслѣдствіе меланхоліи гораздо естественнѣе было бы, еслибъ онъ пырнулъ себя ножемъ въ бокъ, или повѣсился на своемъ галстукѣ, или даже запилъ мертвую съ тоски и горя, чѣмъ писалъ ложь и фальшь по дѣламъ, ни мало его не интересующимъ, съ мыслію, что вотъ-де я погибну, и прекрасно, по крайней мѣрѣ развяжусь съ моей горькою жизнію. 4) Если предположить, что подлоги по службѣ были исключительнымъ пунктомъ помѣшательства Казанцева, то онъ дѣлалъ бы ихъ безъ различія во

всѣхъ дѣлахъ, какъ бы изъ любви къ этому искуству; но слѣдствіемъ доказано, что онъ покушался на подлоги и злоупотребленія единственно въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ ему необходимо было скрыть предъ начальствомъ свою медленность и нерадѣніе, и притомъ, съ здраво обдуманной и разумной послѣдовательностію, какъ напримѣръ это ясно видно изъ дѣла Дербисалина, по которому Казанцевъ, составивъ первоначально подложный рапортъ отъ управляющаго Илецкою станицей отъ 9-го октября 1859 г. о мнимой смерти Дербисалина,—рапорта султана, правителя западной части области, объ отсылкѣ Дербисалина въ уральскую войсковую канцелярію, опровергающаго ложное донесеніе отъ управляющаго Илецкой станицей, вовсе не доложилъ присутствію и, потомъ, на требованіе прокурора уральской войсковой канцеляріи свѣдѣній о положеніи дѣла Дербисалина, послалъ ему фальшивое сообщеніе о представленіи, будто бы, онаго, на утвержденіе генералъ-губернатору; наконецъ послѣдующія требованія прокурора по сему предмету удерживалъ у себя безгласными, а для сокрытія поступка своего вырвалъ изъ входящихъ книгъ листы, на которыхъ были записаны, упомянутыя здѣсь бумаги по дѣлу Дербисалина, самого же его вовсе исключилъ изъ арестантскихъ вѣдомостей какъ умершаго, вслѣдствіе чего этотъ подсудимый просидѣлъ въ тюрьмѣ безъ всякой причины почти три года. Рядъ дѣйствій Казанцева по дѣлу Дербисалина дѣлится видимо на два категоріи: подлоги и мертвое молчаніе съ сокрытіемъ документовъ, могущихъ компрометировать Казанцева какъ чиновника. Если взглянуть на подлоги Казанцева, какъ на дѣйствія сумасшедшаго, неимѣющаго силы воли остановить себя въ дѣлѣ вырабатыванія различныхъ подлоговъ по службѣ, то видимо невозможно отнести 2-й категоріи его преступленій, т. е. уничтоженіе и скрытіе бумагъ, къ фабрикаціи подлоговъ, къ которымъ онъ былъ склоненъ, какъ мономанъ. Если же, разумѣть его помѣшавшимся на всѣхъ пунктахъ, то видимо, что его преступныя дѣйствія не могли бы имѣть той логической связи между собою, которая выше доказана. Наконецъ 5-е) нельзя признать доказательствомъ ненормальнаго положенія умственныхъ способностей Казанцева присяжное показаніе двухъ женщинъ, служащихъ у него въ кухаркахъ, о томъ, что Казанцевъ былъ по временамъ раздражителенъ, задумчивъ и грустенъ; Это по-

казаніе обрисовываетъ только характеръ подсудимаго, не давая повода къ положительному заключенію о помраченіи его разсудка. По всѣмъ симъ соображеніямъ палата уголовнаго суда, признавая Казанцева виновнымъ въ подложныхъ дѣйствіяхъ по службѣ, для сокрытія собственной его медленности и бездѣйствія по дѣламъ, что имѣло послѣдствіемъ серьёзный вредъ лицамъ, кои содержались по нѣскольку лишнихъ лѣтъ подъ стражею, не за преступленія свои, а единственно вслѣдствіе ложныхъ показаній о нихъ Казанцева, опредѣлила: устраненнаго отъ должности на время производства сего дѣла секретаря Казанцева, лишивъ чиновъ, бронзовой медали, ордена св. Станислава 3-й степени и всѣхъ правъ состоянія, сослать въ тобольскую губернію на поселеніе; но рѣшеніе это внести въ правительствующій сенатъ.

Правительствующій сенатъ, возвративъ дѣло о Казанцевѣ въ уголовную палату, указомъ отъ 9-го октября 1864 г. предписалъ палатѣ: подвергнуть Казанцева испытанію въ больницѣ подъ наблюденіемъ особенно опытнаго по части психіатріи врача въ продолженіи шести мѣсяцевъ, и засимъ снова освидѣтельствовать его въ умственныхъ способностяхъ.

Вслѣдствіе такого указа Казанцевъ находился на испытаніи въ уфимской губернской больницѣ и засимъ 16 февраля 1866 г. былъ освидѣтельствованъ въ особомъ присутствіи уфимскаго губернскаго правленія чрезъ членовъ врачебнаго отдѣленія. При освидѣтельствованіи оказалось: Казанцевъ росту средняго, тѣлосложенія крѣпкаго, лѣтъ около 39, имѣетъ расположеніе частей тѣла правильное, походку и рѣчь медленныя, выраженіе лица покойное, не обличающее умственнаго разстройства. На предложенные ему вопросы онъ отвѣчалъ: *В.* По какому дѣлу вы присланы сюда изъ Оренбурга? *О.* По распоряженію правительствующаго сената на испытаніе въ губернской больницѣ въ умственныхъ способностяхъ. Поводомъ къ этому было дѣло, возникшее въ 1862 г. по выводамъ, что я, служа секретаремъ въ областномъ правленіи оренбургскими киргизами, будто бы дѣлалъ фальшивыя подписи за членовъ на нѣкоторыхъ представленіяхъ генералъ-губернатору. *В.* Были ли вы въ свое время подвергнуты въ разстройствѣ умственныхъ способностей испытанію и свидѣтельству въ Оренбургѣ? *О.* Разстройство во мнѣ умственныхъ способностей замѣчено было самими гг. членами об-

ластнаго правленія и объ этомъ составленъ былъ ими актъ 14 апрѣля 1862 г. въ присутствіи г. исправляющаго должность генералъ-губернатора. По распоряженію областнаго начальства командированъ былъ для пользованія меня въ квартирѣ городовой врачъ при членѣ правленія. Но лица эти, по мѣстнымъ удобствамъ квартиры и средствамъ моимъ, признали нужнымъ отправить меня въ госпиталь, куда я былъ отвезенъ ими съ разрѣшенія того же начальства, будучи тогда въ безсознательномъ положеніи, что удостовѣрено и госпитальнымъ начальствомъ. По выпискѣ изъ госпиталя лѣченіе мое производилось врачами Кладковичемъ, Иванчинымъ и Студзинскимъ; потомъ спустя около мѣсяца я былъ свидѣтельствованъ въ оренбургской войсковой врачебной управѣ, и признанъ ею подверженнымъ меланхолическимъ припадкамъ вслѣдствіе потрясенія душевныхъ способностей; медицинскаго же испытанія въ продолженіи $3\frac{1}{2}$ лѣтъ до іюля мѣсяца 1865 г., т. е. до перевода меня въ г. Уфу, мнѣ дѣлаемо не было. — *В.* Не подвергались ли во время служенія въ Оренбургѣ другимъ какимъ-либо болѣзнямъ и кѣмъ отъ нихъ пользовались? *О.* Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1855 года, т. е. въ первый годъ моей службы я подвергался эпидемической болѣзни холерѣ, отъ которой былъ пользуемъ врачемъ военнаго госпиталя Ростовцевымъ; послѣ того въ продолженіи послѣднихъ восьми лѣтъ я былъ боленъ въ разное время лихорадкою, горячкою и болью внутреннею, мнѣ неизвѣстною; отъ этого пользовали меня, тоже въ разное время, докторъ госпиталя Иванчинъ, докторъ казачьяго войска Студзинскій, докторъ военнаго училища Чистяковъ и докторъ Кладковичъ. *В.* Случившееся съ вами умственное разстройство въ первый ли разъ развилось въ Оренбургѣ или случилось прежде того и сколько разъ возобновлялось, какая, по вашему мнѣнію, была тому причина? *О.* Разстройство умственныхъ способностей проявилось во мнѣ въ первый разъ въ Оренбургѣ; до того же, служа въ Уфѣ, я этой болѣзни не подвергался. Причиною ему отношу то: во-первыхъ, что служа по области оренбургскихъ киргизовъ секретаремъ по уголовному и судному отдѣленіямъ и временному столу по управленію внутреннею Букеевскою ордою, я выше мѣры былъ обремененъ служебною обязанностію, такъ что включительно до 16-ти часовъ въ сутки долженъ былъ работать безъ отдыха и это, при напряженіи ум-

зическихъ и умственныхъ силъ быть можетъ и было причиною помраченія разсудка и частовременныхъ приливовъ крови къ головѣ, такъ что я постоянно почти чувствовалъ головокруженіе; во-вторыхъ, непріятности по службѣ, вынесенныя мною отъ нѣкоторыхъ изъ членовъ правленія, вопреки желанію которыхъ я опредѣленъ былъ секретаремъ по непосредственному назначенію г. управляющаго областью дѣйствительнаго статскаго совѣтника Григорьева. Это обстоятельство имѣется и въ слѣдственномъ дѣлѣ, но оно, вопреки заключенію оренбургской войсковой врачебной управы, вовсе оставлено безъ изслѣдованія, хотя по предмету дѣла и требовало безусловнаго разслѣдованія; въ третьихъ, болѣзнь умопомѣшательства знаменовалась и въ другихъ лицахъ изъ нашего рода: дѣдъ мой, по женской линіи, сержантъ гвардіи Михайло Федоровъ Вавиловъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ подвергся сумасшествію и въ ономъ умеръ; мать моя, губернская секретарьша Авдотья Казанцева, тоже подвержена была временно этой болѣзни, но умерла въ нормальномъ состояніи умственныхъ способностей; родной племянникъ мой отъ сестры, губернскій секретарь Василій Ахмашетевъ, подверженъ былъ падучей болѣзни и померъ назадъ тому около двухъ лѣтъ, и наконецъ родная сестра моя, Анна Степановна, жена коллежскаго ассесора Иванова, болѣе двухъ лѣтъ какъ подвержена сумасшествію и хотя была пользуема продолжительное время докторомъ Ососкинымъ, но безуспѣшно; въ настоящее время она находится на попеченіи у родныхъ. Всѣ эти явленія для меня непонятны и необъяснимы, какъ равно явленіе и въ отношеніи меня.—*В*. Какъ ваше здоровье находится въ настоящее время? *О*. Въ физическомъ отношеніи я чувствую себя здоровымъ, кромѣ временнаго страданія отъ геморроя; но я потерялъ память, какую имѣлъ въ былое время и быстроту соображеній, какою обладалъ прежде; теперь, напримѣръ, чтобы понять прямой смыслъ какой-либо бумаги, мнѣ нужно прочитать ее нѣсколько разъ, а чтобы запомнить какой нужный предметъ, нужно, такъ сказать, вытвердить его. Въ умственныхъ способностяхъ я развился не по лѣтамъ рано, подъ исключительнымъ направленіемъ бывшаго учителя здѣшняго училища Петра Селиверстовича Сунгурова; въ нравственномъ же отношеніи я находился подъ си-

ротскимъ покровомъ матери. Поступивъ на службу несовершеннолѣтнимъ, 16-ти лѣтъ отъ роду, я завѣдывалъ 1-мъ столомъ губернаторской канцеляріи въ г. Уфѣ, считаясь старшимъ помощникомъ ея правителя, и хотя въ столъ этотъ поступало на разсмотрѣніе ежегодно болѣе 1000 уголовныхъ дѣлъ и до 6000 бумагъ, требовавшихъ исполненія, и кромѣ того я занимался еще кабинетными дѣлами двухъ бывшихъ въ Уфѣ губернаторовъ, Тальцина и Балкашина, но обязанность эта тогда не была для меня тягостна. Лучшимъ свидѣтельствомъ въ этомъ случаѣ обо мнѣ можетъ служить пріобщенная къ слѣдственному дѣлу выписка изъ представленія обо мнѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, впослѣдствіи генералъ-лейтенанта, Балкашина къ оренбургскому военному губернатору отъ 1 декабря 1847 г. Съ переѣздомъ моимъ въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ г. Уфу, я почувствовалъ себя какъ бы въ новой эрѣ моей жизни. Не знаю, къ чему это отнести? Къ тому ли, что Уфа моя родина и по климатическому свойству имѣетъ благодѣтельное вліяніе на меня, или же къ тому, что здѣсь я вижу болѣе справедливости и безпристрастія къ моему положенію, чѣмъ встрѣчалъ это въ Оренбургѣ. Но меня безпокоитъ одно обстоятельство: иногда внезапно, и повидимому безъ причины, находятъ на меня какія-то необъяснимо грустныя мысли, безотчетно влекущія меня къ уединенію, и въ этомъ положеніи при всѣхъ противоположныхъ усиліяхъ моихъ, всякое общество дѣлается для меня нестерпимо тягостнымъ; впрочемъ, какъ только помню себя, я никогда почти не любилъ общество, отдавая преимущество въ свободное отъ служебныхъ обязанностей время—чтенію книгъ, какія по средствамъ моимъ могъ доставать. Я забылъ еще упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ въ моей жизни, о которомъ считаю не лишнимъ объяснить: еще до отъѣзда на службу въ Оренбургъ, служа чиновникомъ особыхъ порученій при оренбургскомъ гражданскомъ губернаторѣ, я былъ въ продолжительной командировкѣ въ г. Оренбургѣ. Тамъ я постоянно почти чувствовалъ себя нездоровымъ и наконецъ заболѣлъ серьёзно неизвѣстною мнѣ болѣзнію и, возвратившись въ Уфу, пролежалъ около семи мѣсяцевъ. Отъ болѣзни этой пользовалъ меня г. штабъ-лекарь Голоктіоновъ.

Принимая въ разсужденіе наружный видъ Казанцева и данные имъ отвѣты на предложенные вопросы, члены врачебнаго отдѣленія заключили, что онъ въ настоящее время пользуется полнымъ разсудкомъ. Особое присутствіе, раздѣляя мнѣніе членовъ врачебнаго отдѣленія, опредѣлило: признать Казанцева здоровымъ въ отношеніи умственныхъ его способностей.

Отношеніемъ отъ 22 апрѣля 1866 г. врачебное отдѣленіе уфимскаго губернскаго правленія увѣдомило уголовную палату, что наблюдавшій за состояніемъ болѣзни Казанцева завѣдующій уфимскою губернскою больницею врачъ Беневоленскій, рапортомъ отъ 1 января донесъ губернскому правленію, что у Казанцева никакихъ признаковъ разстройства умственныхъ способностей не замѣчалось, кромѣ являвшейся по временамъ задумчивости.

Разсмотрѣвъ обстоятельства этого дѣла, *медицинскій совѣтъ* нашелъ, что къ разъясненію вопроса о состояніи умственныхъ способностей коллежскаго асессора Казанцева во время совершенія имъ подлоговъ по должности, служатъ нижеслѣдующія имѣющіяся въ дѣлѣ данныя, именно: 1) найденныя въ бумагахъ Казанцева: письмо его къ умершему брату въ Южную Каролину, и прошеніе на имя управляющаго областью оренбургскихъ киргизовъ объ опредѣленіи его епархіальнымъ архіереемъ, изъ которыхъ видно разстройство его идей; 2) приведенныя въ свидѣтельствѣ, выданномъ оренбургскою войсковою управою 16-го мая 1862 г., удостовѣренія: конторы оренбургскаго военнаго госпиталя о бывшихъ у Казанцева приливахъ крови къ головѣ и потери самосознанія,—и оренбургскаго городоваго врача о такихъ же приливахъ крови, и кромѣ того тоскѣ, безсонницѣ и ложности и превратности понятій Казанцева; 3) изложенное въ томъ же свидѣтельствѣ предположеніе членовъ врачебной управы о разстройствѣ умственныхъ способностей Казанцева; 4) отзывъ членовъ областнаго правленія оренбургскими киргизами о замѣченномъ ими тревожномъ и неестественномъ состояніи Казанцева; 5) показанія самого подсудимаго о поступкахъ его съ аудиторомъ и врачемъ Студзинскимъ (подтвердившихся слѣдствіемъ), о наслѣдственности умопомѣшательства въ его семействѣ и о мнимыхъ преслѣдованіяхъ его врагами, и 6) со-

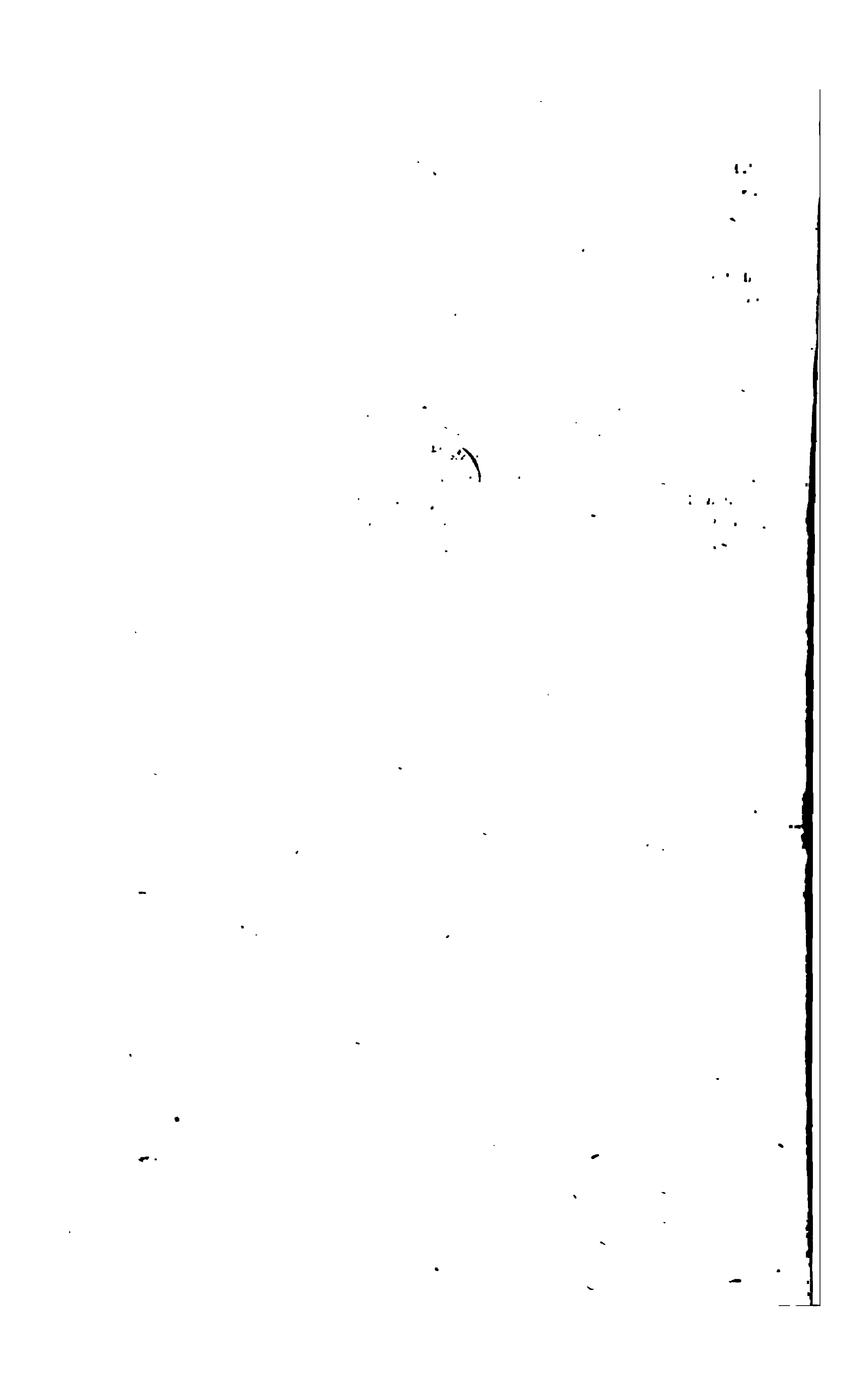
гласныя между собою показанія двухъ жившихъ у Казанцева въ разное время кухарокъ о задумчивости и поступкахъ его, несообразныхъ съ здравымъ смысломъ (явленія эти замѣчались у Казанцева въ то именно время, когда, какъ видно изъ дѣла, онъ совершалъ подлоги).

Совокупность вышеприведенныхъ данныхъ, по мнѣнію совѣта, несомнѣнно указываетъ, что Казанцевъ страдалъ разстройствомъ умственныхъ способностей въ формѣ мрачнаго умопомѣшательства, съ тѣмъ лишь уклоненіемъ отъ сей формы, (припадки болѣзни по временамъ у него утихали, но затѣмъ снова усиливались), которое могло быть слѣдствіемъ особаго наслѣдственнаго расположенія къ умопомѣшательству. Что касается до мнѣнія оренбургской уголовной палаты, противнаго вышеизложенному заключенію совѣта, то доводы, приведенные палатою въ подтвержденіе сего мнѣнія, нельзя признать основательными. Палата находитъ, что ненормальное состояніе замѣчено было у Казанцева только за два или за три дня до обнаруженія его преступленія; между тѣмъ по дѣлу видно, что такое состояніе замѣчено было у Казанцева еще задолго до того двумя кухарками его и хозяиномъ квартиры. По мнѣнію палаты невозможно, чтобы сумасшедшій человѣкъ въ продолженіи болѣе двухъ лѣтъ могъ быть терпимъ на службѣ наравнѣ съ чиновниками, нелишенными разсудка, не навлекая на себя подозрѣнія въ умопомѣшательствѣ со стороны лицъ, имѣющихъ съ нимъ ежедневныя и постоянныя столкновенія по службѣ. Между тѣмъ извѣстно, что страдающіе умопомѣшательствомъ весьма часто продолжаютъ совершенно правильно заниматься тѣми дѣлами, къ которымъ они привыкли въ здоровомъ состояніи; слѣдовательно и Казанцевъ, находясь въ умопомѣшательствѣ, особенно при развивающейся только болѣзни, могъ продолжать отправленіе своихъ обязанностей по давно привычной ему должности секретаря, и потому былъ терпимъ на службѣ и не навлекалъ на себя подозрѣнія въ умопомѣшательствѣ. Далѣе палата замѣчаетъ, что врачебная управа въ свидѣтельствѣ своемъ не утверждаетъ положительно разстройство умственныхъ способностей Казанцева. Но она иначе и не могла поступить, такъ какъ въ виду ея не были въ то время данныя, обнаруженныя слѣд-

ствіемъ. Наконецъ палата полагаетъ, что Казанцеву, вслѣдствіе меланхоліи, гораздо естественнѣе бы было пырнуть себя ножемъ въ бокъ, или повѣситься на своемъ галстукѣ или даже запить съ тоски и горя; но извѣстно, что умопомѣшанные не всегда имѣютъ наклонности къ поступкамъ, приведеннымъ палатою *).

---

*) Въ предъидущихъ томахъ *«русскихъ уголовныхъ процессовъ»*, вопросъ о нормальномъ или ненормальномъ состояніи психической дѣятельности подсудимыхъ возникаетъ по нижеслѣдующимъ дѣламъ: *Томъ I* — о убійствѣ корнетомъ Отраховичемъ жены, о убійствѣ Иваномъ Кобзаревымъ брата, о убійствѣ Безперга Мауромъ, о убійствѣ штабсъ-капитаномъ Муркинымъ священника Тихомірова, и по дѣлу о кликушахъ; *Томъ II* — о выстрѣлѣ Карпомъ Орловымъ изъ ружья въ церкви, о убійствѣ подполковникомъ Коптевымъ своей беременной жены и о убійствѣ жены штабсъ-капитана Крылова.

РУССКІЕ

УГОЛОВНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

[illegible]

(Казуистика душевныхъ болѣзней)

Изд. Александра Любавскаго.

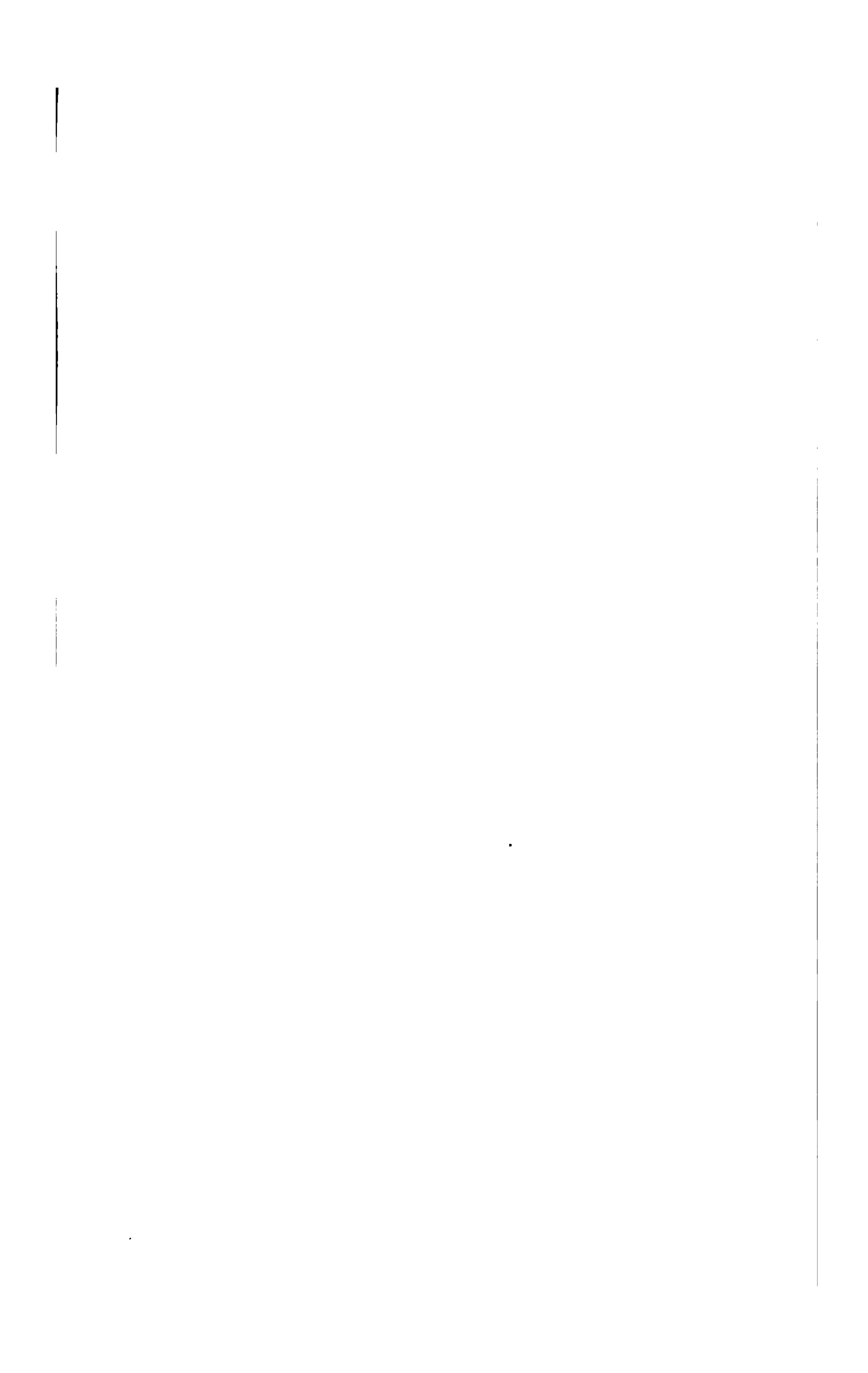
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

[illegible]

1867.

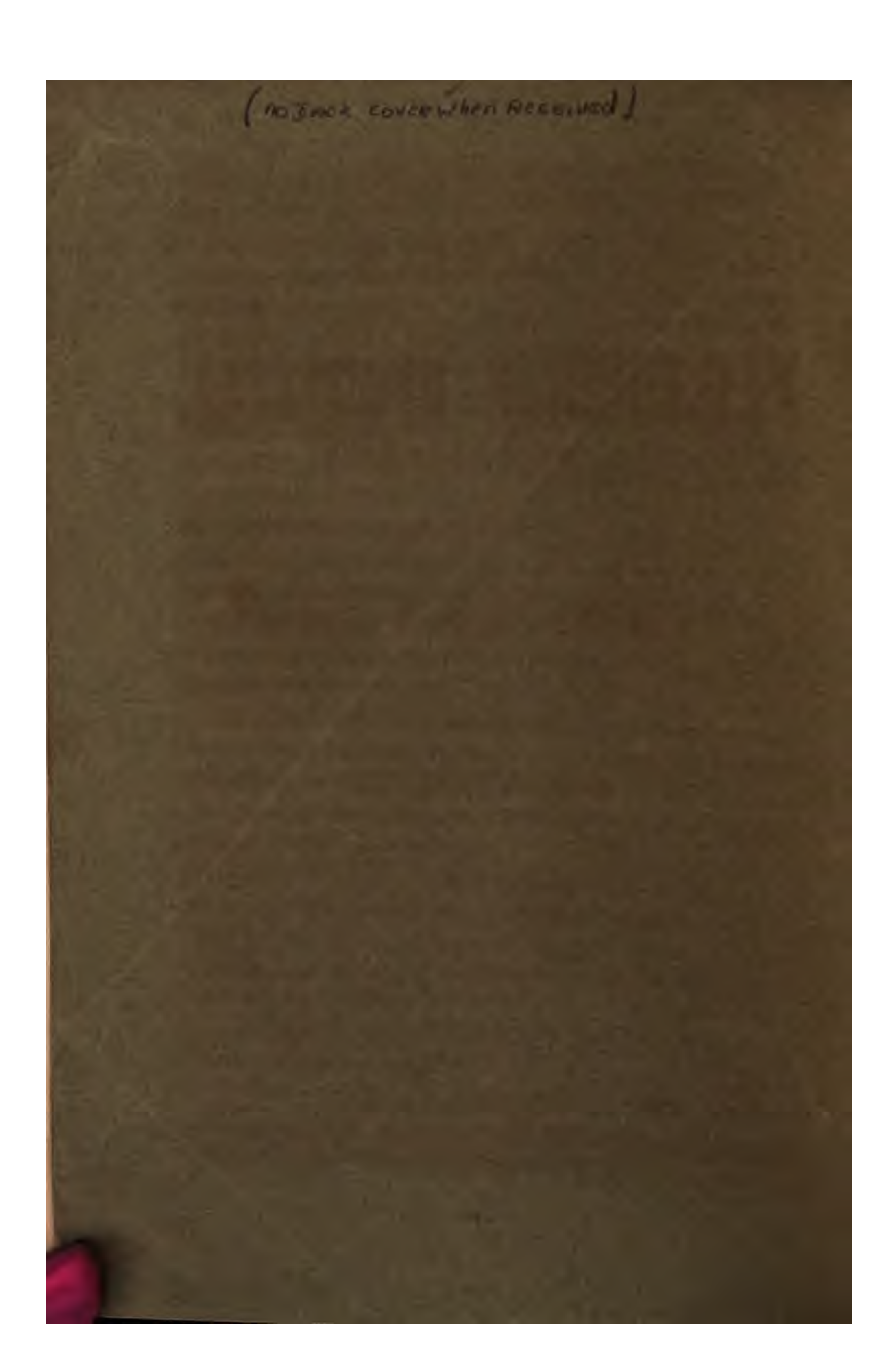

(no back cover when received)